Виктор Острецов

МАСОНСТВО, КУЛЬТУРА И РУССКАЯ ИСТОРИЯ

(историко-критические очерки)

МОСКВА
1998

Острецов В. М.

Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. — М.: Издательское общество ООО «Штрихтон», 1998. — 696 с., ил.

ISBN 5-7872-0079-9

Книга посвящена теме влияния масонства (ордена вольных каменщиков) на формирование современной культуры и историческую судьбу русского народа. В ряде очерков автор рассматривает эту тему в самых различных аспектах: затрагивается вопрос воздействия идеологии масонства, его доктрины на те или иные научные и философские теории, на формирование различных литературных школ XVIII — XIX веков.

Масонство представлено автором в первую очередь как организация, имеющая свою идеологию культурного и политического строительства человеческого общества. Книга показывает тесную взаимосвязь оккультно-теософских доктрин и социальных процессов. Масонство и его проявления в общественной и культурной жизни русского общества на протяжении двух с половиной веков рассматриваются автором с духовно-религиозной точки зрения, с позиций признания как высшей ценности — Православия. Все эти темы представлены на широком историческом фоне, с использованием обширного круга литературных, исторических, мемуарных источников с привлечением архивных материалов, многие из которых публикуются впервые.

В книге много иллюстраций, способствующих раскрытию рассматриваемых автором вопросов.

ISBN 5-7872-0079-9

© В. Острецов, 1998 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора. ПАМЯТЬ МОЕГО СЕРДЦА 3
ПРЕДИСЛОВИЕ 10
ВСТУПЛЕНИЕ «МОНИЗМ» И ДЕМОКРАТИЯ 12
Часть первая
РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ 16
Глава первая. НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И МАРТИНИЗМ 16
Глава вторая. ОБРАЗОВАНИЕ И МОРАЛЬ 26
Глава третья. ОБРАЗЫ СВЯТОЙ РУСИ И ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ 34
Глава четвертая. СРЕДОТОЧИЕ ВСЯКОГО ЕДИНСТВА 44
Глава пятая ЦАРСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ НА ЗЕМЛЕ 59
ДВЕ ЦЕРКВИ И КРИЗИС ВЛАСТИ 70
РУССКАЯ ПРАВДА И ЕРЕСЬ УТОПИЗМА 79

От автора

ПАМЯТЬ МОЕГО СЕРДЦА

Одни любят собирать марки, другие — исторические факты, кто-то любит искать грибы, а кто-то страстно ищет новые идеи, способные объяснить эти факты и связать их в одно целое. У каждого свой интерес. И сам по себе этот интерес совершенно бескорыстен. Смущенная каким-то вопросом мысль просто не может молчать и хочет знать зачастую то, над чем она не властна, пытается найти то, чего она не теряла, стремится прочесть то, чего не изучила и проникнуть туда, где не была. Это внутреннее состояние мысли, властно требующей ответа на бередящий вопрос, знакомо многим. В этих поисках новых идей, которые возникают зачастую после нахождения каких-то новых фактов, есть что-то детективное. По существу, это один и тот же процесс отыскивания, обнаружения причин, которые привели к каким-то известным событиям.

Что касается истории, нет ничего более увлекательного. В ней соединилось все: и множество фактов, и множество загадок, и удивительные судьбы людей. Да, история — вещь замечательная. Но в нашей истории, то есть в истории нашей страны, написанной советскими историками, постоянно ощущалась мною, который любил ее с детства, какая-то недоговоренность, какая-то жуткая ложь. Сквозь шаблонные фразы о «мелкобуржуазном» и «феодально-сословном» угадывалось страстное желание что-то скрыть, о чем-то умолчать. И меня, еще подростка, уже это ощущение раздражало: раз скрывают, значит, есть, что скрывать. К тому же семейные предания и воспоминания старших совершенно не вязались с тем, что сообщали историки, когда речь шла о дореволюционной жизни, то есть жизни, живые свидетели которой еще были живы.

В истории все было для меня интересно, и все раздражало, потому что из этой истории понять, отчего и что случилось, что с нами произошло, было просто невозможно. Историки словно задались желанием нас, простых и сирых, дурачить. И надо признать, это чувство не покидало меня долгие годы. Не покидает и сейчас. Каким образом, думалось мне, можно забыть о том, что десятки поколений людей, создававших это государство, верили во Христа, и эта вера заставляла их воздвигать монастыри и возводить соборы, украшать их, отрывая от своих материальных потребностей последнюю копейку. И все это, созданное тяжким трудом, затем назвать «поповщиной» и целые тома посвящать «борьбе русского народа с церковью»... И при этом жить в доме, построенном благодаря существованию не марксизма и ленинизма, а именно этой «поповщине».

Мои молодые годы пришлись на время бесконечных разоблачений: то разоблачали «культ личности», то какую-нибудь «антипартийную группу», то разоблачали вчерашних разоблачителей. Страна бурлила. Сыпались в печати какие-то факты, и много, которые при логическом образе мысли должны были бы опрокинуть режим. Но режим стоял крепко, и казалось, не столько сам себя дискредитировал, сколько издевался над нами и дискредитировал нас самих. Когда в наши дни слышишь от какого-нибудь коммуниста или просто «советского» сакраментальное: «мы тогда верили», — то только улыбаешься. Смею сказать, никто и ни во что не верил, но психологически приспосабливался. Важно было одно: казаться «своим».

Режим ведь не скрывал свою ложь. И оттого все население страны проходило обряд самоосквернения. Отсюда и такое море разливанное всевозможных анекдотов в те времена, от этой великой «веры». Второе, что было видно всем: «там» живут лучше, «там» чище и сытнее. И это ощущение на фоне пустых прилавков, и необходимость публично демонстрировать свою лояльность режиму, повторяя заведомо идиотские лозунги и цитаты из партийных постановлений, — особенно развращало людей той поры. А где-то рядом чувствовалось наличие другой России. Но дойти до нее было сложно, чисто технически сложно. Были рядом крупные библиотеки, которыми я как студент (с 1959 г.) мог пользоваться, но где и что искать, в какие картотеки смотреть?.. Признаюсь: и безо всяких теорий, чисто эмоционально, советская действительность мне не нравилась. Не нравились нищие крестьянские избы, непролазная грязь, возмущали заброшенные и загаженные церкви.

Поскольку я был активным антисоветчиком и далеко не всегда выдержан на язык, то дома с отцом, убежденным коммунистом, как это вообще в истории «отцов и детей» водится, происходили регулярные «объяснения». И именно эти самые «объяснения» заставили меня пойти не на исторический факультет, а в медицинский институт. Та мысль, что при моих убеждениях мне не удастся закончить даже первый курс, была для меня совершенно очевидной. И потом, эта гнусность — повторять идиотские цитаты из «классиков» и необходимость лгать на собственную историю, следуя указаниям «партии и правительства», — эта перспектива казалась мне хуже любой каторги. И я пошел «на медицину», о чем нисколько не жалею. Тем более, что перед глазами у меня был пример более своеобразной внутренней жизни, в отличие от отца, Митрофана Федоровича, уроженца воронежских земель, старого партийца, вынужденного читать передовицы газет, чтобы не впасть в «уклон». Это моя собственная мать,

Ольга Александровна, уроженка Севастополя. Она была детским врачом, и ее жизнерадостность, доброта, уважение к ней соседей и даже совсем незнакомых мне людей, — все это как-то выгодно отличало и ее специальность. По крайней мере, говорил отец, врачом ты всегда заработаешь на кусок хлеба, а твоими взглядами, если о них не будешь громко кричать, никто не станет интересоваться. Скорее всего, впрочем, эти слова говорил не отец, а я сам себе.

Среди всех разговоров, которые велись у нас в семье и, вероятно, как-то отражались и на моих взглядах, вспоминается один эпизод. Тогда я еще учился в старших классах средней школы. Вероятно, это был 1958 год. Надо ли говорить, что вся историческая и публицистическая литература, что была у нас дома, не миновала моего интереса. И надо ли говорить, что литература эта была в духе своего времени. Это были сочинения Сталина. История КПСС, была, правда, и «История» Соловьева. Но самое пристальное мое внимание привлек двухтомник Ф. Энгельса «Военные произведения». Какие только мысли не пробуждали строки «классика». Первое, что обнаруживалось, так это отсутствие у «классика» классового подхода. В большинстве случаев Энгельс говорил совершенно «ненаучным» языком. Как простой обыватель, на глазок оценивающий события. И это меня как-то по-хорошему взбодрило. В СССР за такие сочинения, изгоняли из партии. Во-вторых, главными категориями в этих его произведениях были категории национальности. Я выяснил для себя, что Энгельс, например, был самого невысокого мнения о русских, но о царизме отзывался одобрительно, сравнивая его с австро-венгерским Двором не в пользу последнего. Не имея под рукой этот двухтомник, передаю свои впечатления тех лет. Энгельс превозносил гений Наполеона. Кто только не носился с этим гением! В пику, что называется, окружающей обстановке, и я приобрел портрет этого романтического героя «пушкинской эпохи», а в классе стал громко цитировать Энгельса. Между тем, как раз в коммунистической идеологии тех лет места Наполеону не было. Отец морщился и говорил, что, во-первых, Наполеон был завоевателем и потому его портрету не место у нас в доме. Во-вторых же, что я неправильно понял Энгельса.

Но если справляться с культом Наполеона было относительно несложно, то справляться с другими уклонами товарища Энгельса было сложнее. Например, с его оценкой царизма. Энгельс писал, что русские еще слишком варвары, и мало интересуются образованием. И поэтому, если кто-нибудь из простонародья проявит к этому какие-то способности, то русский царизм вытаскивает такую персону из толпы, одевает-обувает, учит, дает чины и потом вертит перед всей Европой, чтобы доказать, что и в России образование прививается народу. И как пример следовал Ломоносов.

Однажды, когда у нас гостил мой дядя, как и отец, военный, живший на Украине, я стал им задавать, как обычно, каверзные вопросы, а затем с наивным видом просил объяснить мне то-то и то-то. И я стал читать из Энгельса: мнение его о русских, поляках и славянах в целом. Причем, меня самого поразило одно место у Энгельса, где он пишет о том, что не пройдет и сорока лет, как немцы вторгнутся в Россию и отомстят за унижения, претерпеваемые ими от русской политики. Далее шло о необходимости растоптать немецким сапогом «нежные цветы славянской независимости». Энгельс чеканным слогом немецкого милитариста в одной из своих поздних статей отвергал все глупые басни о «дружбе народов» и утверждал, что будущее Германии и Европы должно решиться не на страницах журналов и газет, а на полях кровавых сражений немцев со славянами.

И чем больше я читал, тем задумчивее становились мои слушатели. Когда я кончил, они долго молчали. Оба. А ведь надо понять, какая гамма чувств могла их одолевать. Энгельс!.. Сам, можно сказать, верховный бог! Если бы у нас в госучреждениях не висели портреты всех «классиков», то многие в нашей стране вообще считали бы, что Маркс и Энгельс — одно лицо; вроде как одно — имя, а другое — фамилия. Замечу, шли 50-е годы. И тогда оба военных, дядя и отец, как-то в один голос тихо спросили меня: «А не кажется ли тебе, Виктор, что в данном случае Энгельс — просто шовинист? — Русофоб?».. «Да, немецкий шовинист». Надо признать, что это был один из тех случаев, когда я вполне оценил смелость и откровенность собеседников.

В 60-е годы учащаяся молодежь кипела и бурлила. Все делились на группы и группки. Наш курс в институте не был исключением. С одной стороны — молодые карьеристы, скалозубы, бегающие с доносами в деканат и в партком. С другой — мы, неоперившаяся молодежь, смотревшая на запад, как на земной рай. Надо ли говорить, что тон всему в этой среде задавали евреи, которых у нас на «потоке» было большинство абсолютное. По крайней мере, в нашей группе, совершенно типичной в этом отношении, евреев было из 12 человек семь, а из русских две девушки были замужем за евреями. В то время мы бегали смотреть импрессионистов, слушали «голоса» и рассказывали анекдоты о тупости советских чиновников. Надо признать, что и скалозубы не давали повод восторгаться своими моральными и идейными качествами. Здесь царил цинизм и карьеризм нескрываемый. Никто ни во что не верил.

Впрочем, и в нашей среде, диссидентско-студенческой, принципами не пахло. Мой однокашник С., еврей, с которым я затем работал и на Севере, после анекдотов и возмущений по поводу советской тупости, мог тут же переключиться на рассуждения о том, как бы ему попасть в комитет комсомола, чтобы получить теплое местечко по окончании института. Еврейская среда достаточно своеобразна в этом отношении. Уживаются вещи, «в одном флаконе» не совместимые, и безо всякого внутреннего конфликта. Веши, которые в русском ужиться рядом никак не могли бы, не вызвав душевной драмы.

Одновременно я ходил в Историческую библиотеку и «ленинку». Однажды, уже на пятом курсе, я познакомился в «историчке» со странным «черным» человеком. Он был похож на цыгана, с черной, как смоль, бородой. Живой как ртуть, постоянно возбужденный, он сыпал какими-то фактами, как горохом. Его собеседники в курилке библиотеки, будущие историки, делали слабые попытки возражать. Он же нес самую откровенную антисоветчину и говорил о жидах и масонах. Осмыслить, что он говорил, я не мог. Я просто ничего не знал из того, о чем он говорил. Мой ум плавал в каких-то расплывчатых идеях, не опираясь ни на какие точно подобранные и систематизированные факты. В то время я не мог бы, вероятно, сказать, кто такие были кадеты или октябристы. И у меня не было никакого представления о февральской революции или о масонах. Я знал, что где-то и что-то «такое» было. Вот и все. В лице же моего нового знакомого, Александра Филипповича, я увидел просто представителя другой цивилизации, внеземной. И от этого инопланетянина я впервые услышал слово «монархист», сказанное им о самом себе. Меня это не шокировало, потому что я просто не знал, что это такое — в наше время быть монархистом. Мои однокашники, по преимуществу евреи, просто мечтали о сытой и богатой жизни. О возможности посидеть в кафе, вырулить на «бродвей» на своей машине и иметь возможность открыть свое дело. Вот, пожалуй, и все их идеалы. Те из них, кто мог осуществить их при «советах», с радостью это делали. Все их недовольство сводилось к разговору о деньгах, барахле и антисемитизме. Доказательства наличия последнего они видели в том, что кого-то из близких или знакомых не взяли в какой-то институт, обычно мифический, или не дали визу, и «он теперь страдает от этой ихней тупости». Но поскольку не брали на работу как раз русских, если начальство было сплошь еврейским, то поверить в этот антисемитизм было трудно. Это была, впрочем, единственная тема, которая разделяла меня и моих однокашников-евреев. Что касается эмоционального неприятия советского режима, то здесь моя душа открывалась в разговоре с ними. Тем более, что и народ этот был живой, подвижный, сообразительный, и в житейской отношении с ними в то время было легко. Они «все понимали».

На этом фоне совершенной беспринципности и, в сущности, невежества, Александр Филиппович выглядел действительно пришельцем из других эпох. У него и манера держаться была какая-то старорежимная. Но самое удивительное, что и тогда дойти до интереса к монархизму я так и не смог. Надо заметить, что постепенно у нас в «историчке» сложился некий кружок молодежи. Нас интересовала именно русская история и русская судьба. Мы хотели понять, отчего все сложилось так, а не иначе. Откуда взялись большевики, что было бы, если б в 17-м году не произошло революции. Тут же и еврейский вопрос, и роль этого «вопроса» в событиях тех лет. Шел 1965 год. Не раз и не два Александр Филиппович, «борода», объяснял нам и втолковывал, кто такие были кадеты и кто такие масоны, и называл большевиков бесами и жидохвостами. В первое время мы вежливо улыбались: слишком резко и не научно. О Ленине он мог рассказывать часами. О пломбированных вагонах, о связях с германским генштабом и проч., и проч.

Однажды осенью я пришел в библиотеку и взял журнал «Русская мысль» за какой-то предреволюционный год. В то время этот кадетский орган печати мне казался «самым-самым». По крайней мере, в нем не было цитат из Ленина и Маркса. И был хороший русский язык, на котором в наше время уже никто не пишет научных сочинений, даже исторических. И вдруг мой взор попал на название очерка в двух номерах: «Ошибки и преступления большевиков в революции 1905 года». Это был один из тех моментов, которые не забываются никогда. В то время я еще не знал, что совсем скоро мне воочию придется увидеть и ошибки эти и преступления. Увидеть и тех, кто их совершал, и тех, кто от них пострадал. Очерк этот содержал исключительно одни факты, одни признания участников тех событий, почти современных для очерка. И эти факты и имена, и высказывания Ленина и его соратников, и отзывы зарубежной прессы, и самих революционеров, — все это слилось в моем сознании в один поток. Я не мог оторваться. Голова у меня в конце концов стала какой-то ватной. Я сидел в царстве большевизма и читал то, за что полагался бы тюремный срок. Но не это меня волновало. Было жуткое, ощутимое чувство лжи; вроде как перед декорацией с ненастоящими горами, лесами и дворцами вас уверяют, что все это — «всамделишное». Именно с таким ощущением я вышел на улицу. И мне показалось, что и улица-то какая-то нарисованная, ненастоящая. И стены домов картонные, а прохожие — просто тени умерших. Это ощущение всеобщей лжи трудно передать словами. Но оно было всеохватывающим: все вокруг — дома, улицы, люди, слова — не настоящие.

Правда о 1905 годе, о сотрудничестве большевиков с охранкой, уже в то время не бывшее никаким секретом для их революционных соратников, близкие отношения с Германией, провокации и умышленное стравливание народа с войсками, чтобы вызвать кровопролитие, циничные заявления лидеров большевизма и сотни других фактов, обрушились на мою голову , совершенно не готовую все это воспринять. Важно было, что весь этот материал был горячим, в сущности — репортажем с места событий.

Шли 60-е годы, голодные и тревожные. Но в целом это было прекрасное время. Потому прекрасное, что была молодость и были надежды. И, главное, были такие же молодые люди, сверстники, тоже возбужденные общими политическими вопросами, неизбежно соприкасающимися с интересом к истории. Разговоры, споры, свидания с девушками, находки в библиотеке, вроде названной... Александр Филиппович жил в Измайлове, напротив леса, а я жил на другой стороне того же леса, на шоссе Энтузиастов. Мы часто шли через лес от Семеновского метро. В лесу же, на Пасеке, жил мой хороший товарищ, потом крестник, Ю.В. 0-ко. В конце концов, общим местом встречи и стала эта

Пасека, дом гостеприимного моего товарища. Ю.В. был рабочим завода, книгочеем и книголюбом. На этом интересе мы и сошлись в свое время. Кроме того, когда-то мы ухаживали за одной девушкой, жившей в то время тоже на Пасеке.

Другая сюжетная линия, разворачивавшаяся одновременно с этой, касалась моего однокурсника татарина Ш-ва. Это была очень колоритная фигура. Человек прямолинейный, цельный, он был, увы, членом партии. «Увы» для него самого. Мы близко познакомились с ним уже на пятом курсе, на военных сборах. Он знал массу фактов из истории большевизма, прогрыз до дыр «классиков», сравнил все это со своей тяжелой жизнью в подвале на гроши, в голоде и холоде, и... возмутился.

В отличии от моих еврейских друзей, ругавших большевиков и их «антисемитизм», но при этом соблюдавших благоразумие, Ш. решил довести дело до конца. Как только мы вернулись с военных сборов, он написал заявление о выходе из партии. И отнес это заявление в партком.

Сначала с ним тихо беседовали. Тихо, чтобы замять дело, и не сделать его предметом огласки. Его уговаривали подождать по крайней мере до окончания института. Ш. заявил, что не желает пребывать в этой карьеристской организации, затравившей народ и погрузившей страну в море лжи, ни на одну секунду. Весь наш курс наблюдал за событиями, затаив дыхание. Последний эпизод этой истории был самым драматичным. Когда в парткоме поняли, что замять дела не удастся, то решили поставить на заседании парткома вопрос об исключении Ш. из института. А ведь дело происходило за несколько месяцев до его окончания. До получения диплома оставались считанные недели. На парткоме нашего, 1-го Медицинского, первым выступал громогласный Владимир Исакович М., заведующий кафедрой Истории КПСС. Двухметрового роста, он гремел, как иерихонская труба. Он требовал исключения недостойного и из партии, и из института. Когда он говорил, камни рыдали от его красноречия.

После всех прочих речей в том же духе слово дали Ш-ву. Его речь не отличалась, конечно, риторическими красотами. И она была короткой. Для того, чтобы понять ее смысл, надо знать, что десятки преподавателей в нашем институте шли по «делу врачей» (1953 г.). Многие стали инвалидами в застенках Лубянки. У академика В.Х. Василенко был перебит нос, у проф. Виноградова отбили селезенку... И многие из них теперь находились в этом зале. И Ш. сказал примерно так: вот только что вы прослушали выступление Владимира Исаковича М. Вы слышали его требования расправиться со мной. А теперь вспомните, как этот же человек совсем недавно, в сущности, выступал здесь же, и требовал расправы над вами, «врагами народа». Это ведь он писал на вас донос, и громко кричал о необходимости очищения рядов от «сорняка». Это ведь все те же слова и тот же человек.

Наступила гробовая тишина. И, как рассказывали очевидцы, все молча поднялись и молча вышли. Больше не было сказано ни одного слова.

Что касается дальнейшей судьбы Ш., то она сложилась, насколько мне известно, благополучно. Он выбыл из рядов КПСС, окончил институт и стал психиатром.

Что касается Александра Филипповича и нашей «исторической» группы, то здесь события шли к трагическому для многих концу. Весной 1966 года я заканчивал институт, впереди «светило» госраспределение, и куда зашлют, в какие веси — было решительно неизвестно. Всем, понятно, хотелось остаться в Москве или попасть на Север, что давало право на бронь и гарантировало возвращение в Москву. Поэтому я как-то отошел от кружка в это время. Надо сказать, что при всех собраниях в курилках библиотек, исторички ли, или «ленинки», обязательно присутствовали сексоты. Обычно это были студенты юрфака МГУ. Их знали, и в разговоре между собой этот факт учитывался. По правде сказать, распознать такого стукача не было никаких проблем. Пока все шло на уровне разговоров, не было проблем с Лубянкой. Разговоры учитывались, но за них не преследовали. Но вот весной того же 1966 года Александр Филиппович предложил создать организацию. Собрались на Пасеке у Ю.В. всего где-то около 30 человек. Не было всего-навсего четырех-пяти. За отсутствием телефонов предупреждать друг друга было сложно. Я же к тому времени был, как сказал, занят выпускными экзаменами и находился в крайне расстроенных чувствах. Меня распределили на работу в Тюменскую область. На этом роковом собрании не был, так как долго не бывал и в «историчке». И это меня спасло.

В конце мая — начале июня узнаю, что все, кто был на собрании, арестованы. Я встретил Александра Филипповича года через два после своего возвращения с Севера, где пробыл три года безвыездно, как молодой специалист, врач, отрабатывая свой трехгодичный срок. Он же как раз вышел из психбольницы и шел устраиваться на работу. Дворником. Забыл сказать, что до этих событий он работал переводчиком с итальянского на телевидении.

Надо признать, что он был все такой же неунывающий и неугомонный, как и прежде. Его арестовали в ту весну 1966 года на 5-й Парковой, когда его знакомый, оказавшийся стукачом, возвращал ему взятые книги, в том числе и работу В. Чернова «Марксизм и славянский вопрос». Его отправили в психбольницу в Ленинград, где он и провел большую часть срока, пока «не понял, что евреи не виноваты в преступлениях большевизма» и то, что «евреи вовсе не монополизировали все области культуры в нашей стране». В конце пятого года заключения он все это «понял» и был отпущен на свободу, имея на руках какую-то серую карточку с фотографией, удостоверяющей, что он где-то

все это время «лечился».

С мая же месяца до самого отъезда в Тюмень за мной болтался «хвост». Иногда он ждал меня у подъезда, в кромешной тьме делая вид, что читает газету.

Я же осенью 1966 года прибыл на берег Оби. Здесь советскую историю я увидел, минуя все книжки и комментарии. Таежный поселок Октябрьский (б. Кондинский) среди своих пяти тысяч жителей имел в себе: русских крестьян из Тамбовской области, Воронежской, Архангельской и, конечно, с южных районов Тюменской области и из-под Тобольска. Это были остатки оставшихся в живых «раскулаченных» русских мужиков, кого под конвоем сгоняли на пустынные берега северной Оби. Одна часть поселка называлась «половинкой» и там жили сектанты, согнанные из Тамбовской губернии. Надо признать, это были самые хозяйственные мужики, сохранившие свой патриархальный уклад. Они не вели со мной религиозных разговоров, но общаться с ними было легко и приятно. Грамотные и подтянутые, совершенно не скрывающие своей неприязни к бесовской власти. Их привезли сюда уже после войны. Погибло их тьма. Всех умерших зарывали в ров. И этих рвов по всей средней Оби от Ханты-Мансийска до Салехарда, вероятно, тысячи. Это все могильники русского крестьянства. Здесь был зарыт цвет русской нации. Ее главная надежа и источник всех ее сил и свершений на историческом поприще. С историями о том, как все это происходило, я сталкивался каждый день, заполняя «историю болезни», и в том числе такой раздел ее, как «анамнез виге» — историю жизни.

Основная масса попала сюда в 30-е. Их гнали до Оби или везли в теплушках до Тюмени. Затем загоняли на пароход, окруженный конвоем с натасканными на людей собаками. Среди этого лая, плача детей, криков несчастных женщин, мата-перемата конвоиров, их грузили на пароход. Затем везли и высаживали на совершенно пустом берегу Оби. Без пиши, без теплой одежды, обдуваемые всеми ветрами, они поголовно умирали, но успевали поставить первые избы. Затем, на следующий год, шла новая партия с русскими крестьянами, с детьми и женщинами. И эта партия погибала поголовно, но успевала подвести избы под крышу. И только на третий или четвертый год уже следующая партия могла обосновываться в избах. Но оставались конвоиры, голод и расстрелы. Напротив нашего поселка, вдалеке в хорошую погоду можно было видеть избы заброшенной деревни. Там были арестованы и расстреляны все жители. Кажется, только последняя оставшаяся женщина бежала оттуда в поселок и потому осталась жива.

Кроме этих «раскулаченных», основной массы населения поселка, были и две улицы, заселенные то ли немцами, то ли австрийцами. Говорили, что это те, у кого дети служили в «СС». С немцами ладить было легко. Во-первых, они вполне обрусели, хотя и не забывали немецкий. Местное радио два часа в день вело на немецком передачи и транслировало какие-то немецкие бодрые марши.

Третья группа населения — бывшие бендеровцы. Их было много. И народ это был мрачный и неприветливый.

Ну и, конечно, местные жители — ханты и манси. Эти почти поголовно пили, почти поголовно болели туберкулезом, самой распространенной в этих местах болезнью, не щадившей и русских. Ханты и манси просто бедствовали. Они не могли приспособиться к новым условиям жизни. И вымирали.

Жить было тяжело. Во-первых, как сказали бы сейчас, из-за разницы менталитета москвича и провинциала. Во-вторых, здесь и сами отношения между людьми были далеки от сияния добра и милосердия. Раскулаченный в глазах райкома партии оставался потенциальным врагом. Рядом жили те, кто в 30-40-е был здесь же надзирателем. Тут же и бывшие бендеровцы. И сектанты. И над всем этим висел советский террор, моральный: «не наш». «антисоветчик», «контра». Вскоре приехал, впрочем, мой однокашник — еврей С. Приехал по расчету: заработать. Мы не ссорились, были близки и по настроению, и по воспитанию, и как однокашники. Но настоящей близости не было. С. был всецело погружен в житейские расчеты. Но однажды приехал новый врач, Щербаков Александр Александрович, и жизнь моя сразу стала веселее и краше. Щербаков, наш новый детский врач, с бородой Бармалея и насупленными бровями, так пугал детей, что не только лечить их ему почти не удавалось, но их, этих детей, надо было вытаскивать из-под койки, куда они забивались от страха перед страшным дядей. Человек он был хоть и своеобразный, молчаливый, но по-настоящему русским, провинциалом, по-своему человеком замечательным. Мы просто поняли друг друга, что называется, с полуслова. Около двух лет мы прожили с ним на хуторе, одни, и эти годы были, вероятно, лучшими из всех.

Отсюда, с этого хутора, принадлежавшего больнице, мы ходили через кладбище на работу, отсюда отправлялись на вертолете или на катере в командировку по району и сюда возвращались, рассказывали друг другу долгими вечерами, что видели и слышали. Здесь обсуждали долгими полярными ночами и «дней минувших договоры», и как жить дальше, и надо ли торопиться с женитьбой, и проч., и проч. За бутылкой вина, при свечах, когда трещат дрова в печке, а вокруг тайга и темень черная... Да, это было прекрасное время. И неповторимое. Вспоминаешь и щемит сердце...

Но на этом пасторальном фоне происходили и события вполне драматические. Я не буду их описывать — это заняло бы много места. Но надо сказать, что по иронии судьбы не я, грамотный диссидент со стажем, а совершенно аполитичный Сан Саныч попал в глазах райкома партии во враги советской власти. В анкете у него уже значилось исключение из комсомола со старших курсов за игнорирование воли партии. А, может, и саботаж. Это было

странно. Сан Саныч до нашей встречи ничем, кроме спорта, в институте не интересовался. Это его и подвело. Плюс, понятно, разгильдяйство. Вместо того, чтобы поехать на Целину вместе со всеми, он поехал на какие-то спортивные сборы. В результате — исключение из института с пятого курса и год работы лаборантом и «запачканная» анкета.

Кроме такой анкеты, он отличался еще, по несчастью, и очень независимым характером. А в этом райкому виделся «протест», почти бунт. Там затаили злобу и стали выжидать. Случай представился с неожиданной стороны. К делу подключили прокуратуру, поручив ей найти и юридически оформить компромат. По близости отношений в поселке и по положению доверенного врача районного начальства, я все это видел и слышал, убеждал и разубеждал. С большим трудом, не без помощи нашего же товарища, адвоката М. [1], удалось дорогому моему другу остаться на свободе. А это «дело» тянулось едва ли не год.

И все это находилось в резком контрасте с отношением того же райкома к Павлу Феликсовичу С. Он работал в качестве женского врача. Приехал, как я говорил, чтобы заработать деньжат. Он быстро наладил поток денежных средств к себе в карман через производство абортов. Здесь возможности были немалые. Но ведь в поселке ничего нельзя скрыть. Все было бы хорошо, но едва ли не с первого дня он вступил в конфликт с главным врачом по вопросам оплаты ночных дежурств. Да, платить за ночную работу «забывали» всему персоналу. В этом деле мы с С. выступили вместе и добились своего. Сумма, на которую нас обкрадывали, была немалая — больше месячной зарплаты в средней полосе России. В результате я получал регулярные выговоры, раз-два в неделю, за то или сё. Но за С. началась слежка, и он попался с поличным. Надо сказать, на него был обозлен изрядно и прокурор. Невзлюбил, увидев в нем не врача, а дельца.

Тут же было заведено уголовное дело. Бледный и трясущийся С. бросился в райком. Объяснил все начистоту и услышал в ответ слова, слаще меда: «А кто не берет, если деньги сами идут в руки!» В результате дело было приказано закрыть, прокурору за игнорирование мнения райкома — выговор. И С. стал брать еще больше и веселее. В этой истории не было бы ничего особенного, если б не одно обстоятельство. Дело в том, что и я, и С. бывали гостями на застольях с членами райкома. И С., не стесняясь в выражениях, что называется, нес марксизм, Ленина и весь коммунизм, рассказывал самые что ни на есть антисоветские анекдоты. В ответ раздавался дружный смех членов райкома партии. Правда, за столом никого постороннего, кроме нас и хозяина дома, тоже врача, не было [2]. Но смех и одобрительные восклицания партийного начальства были в изобилии, как и закуски с выпивкой. Примерно через гол после нашего приезда С. начал вести войну с исполкомом по «квартирному вопросу». И здесь райком стал на его сторону. С. был своим. Важны были не его взгляды, а признание власти партийного начальства. И поскольку его антисоветчина совершенно не трогала райкомовцев, а даже их веселила, можно было сделать вывод, что сам по себе марксизм-ленинизм не был предметом нежного обожания в среде партийной номенклатуры. Не был в таковом качестве и сам Ленин с его «бессмертным» учением. Уж над ним-то, «бессмертным», С. изгалялся с особенной язвительностью. То, что вокруг — грязь и разруха, низкое качество советских изделий и еще более низкая производительность труда, членам райкома партии было видно и самим. Следовательно, внутри партийной номенклатуры действовали другие убеждения, другие верования, и они знали что-то такое, чего мы, простые обыватели, не ведали. Это было видно и по другим признакам. Отсюда можно было сделать вывод, что этот марксизм-ленинизм существовал для низов, для дисциплины народных масс, для разрушения национального сознания, как в давнее время вольтерьянство разрушало сознание религиозное, после чего на эти руины салился у кого мистицизм масонства, у кого — примитивный идеал социализма, а у кого — и то, и другое сразу.

Как видно по теперешнему дню, обстоятельства дела именно таковы. В то время такое безразличное отношение райкомовцев к своему учению заставило меня сильно задуматься.

Что же касается моего Сан Саныча, то именно потому, что он никогда не обращался в райком партии, он и воспринимался как бунтовщик. К тому же он был человеком молчаливым и замкнутым — в этом тоже виделся вызов власти райкома... Для людей, которые хотят осмыслить советское прошлое, описанные здесь наблюдения, как кажется, могут дать пишу для раздумья.

В 1969 году я вернулся в Москву. Опять разговоры, опять кухонные конференции. И уже в 80-е годы я вышел, что называется, с великим трудом, на новую тему. Я нашел ее, потому что искал недостающее звено в Русской истории. В ней был монарх, были всякого рода враги монархии, но почему-то вовсе не было монархистов. Это было как-то нелогично. Но прорваться к этому материалу оказалось крайне сложным делом. В каталогах вы не найдете ничего вообще. Если вы заранее не знаете исходных данных того, что вам нужно, то эта тема останется для вас пустым звуком. Но как можно узнать исходные данные, если у вас нет в руках никакого ключа к теме? Вы можете веками ходить по коридорам библиотек, заглядывать в каталоги, и ничего не найти. Самое поразительное, что газеты и журналы правого направления никогда не были

[1] Ю. Малетинский. Райком не простил ему ни этого дела, ни многих других, т.к. везде он выступал, выигрывал один процесс за другим и не советовался с райкомом. Он был арестован, судим, и получил 2 года условно с исключением из адвокатуры.

[2] В первое время я жил на квартире рядом с райкомом.

закрыты от читателя. О них просто никто не знал и никто ими не интересовался. И когда я стал их читать, то обнаружил, что многие из них даже не разрезаны! Думаю, главным побуждением заняться темой черносотенцев и стало желание иметь хоть какую-то логически завершенную картину русской истории до сих пор населенной исключительно бунтарями, разбойниками всех мастей, аферистами, шулерами от политики, демагогами, циниками и живоглотами. Все эти «преобразователи», «революционеры», «прогрессивные деятели», разные либералы и «демократы» только и делали, что ломали. крушили, грабили и что-то обещали при этом. Но ведь, думалось мне, нельзя ломать то, чего нет. Ведь кто-то должен был и строить, причем так. чтобы потом можно было целому поколению все это ломать, грабить, да еще и потомкам оставить что-то для дальнейшего грабежа.

И вопрос — так кто же строил? Кто все это охранял? Кто защищал? -как-то повисал в воздухе. Даже если вы возьмете, к примеру, ныне прославленных эмигрантов, вроде Солоневича или Ильина, то и у них вы не найдете ответа на этот простейший вопрос. Вы обнаружите, что И. Ильин ненавидел монархистов-черносотенцев и написал о них целую серию пасквилей. Но он и вообще избегал ответа на вопрос об охранителях и созидателях Самодержавного государства. Кто читал Солоневича, тот помнит, что в работе «Великая ложь февраля» самым правым у него оказывается почему-то Гучков, что совсем нелепо.

Короче говоря, увидев, что к 1990 году библиография этого вопроса в исторической науке практически отсутствует, я почувствовал себя оскорбленным просто как русский человек. Что же, все эти академики, профессора, доктора наук только тем и занимаются, думалось мне, что льют помои на историческую Россию, плодами трудов которой, плодами духовными, они и сами живут? Неужели так и не найдется ни денег, ни издательства, ни людей, чтобы заняться серьезно и доброжелательно этим вопросом? И когда стало ясно, что нет, не найдется, тогда только, осознавая свою неподготовленность, но думая, что лучше что-нибудь, чем ничего, я и занялся всерьез этой темой. К тому же, в этом вопросе нужно иметь созвучие и мыслей, и чувств с теми, кто был назван черносотенцами и кто мученически погиб за Русскую землю, за нас, ныне живущих, кто именно потому стал черносотенцем, будучи рабочим, врачом, инженером, крестьянином, министром или губернатором, что прекрасно предвидел наш сегодняшний день, в котором мы прозябаем. Эти люди знали, что дело их проиграно, что «демократ» торжествует, но жить под властью этого торжествующего хама тем людям было невмоготу. Это — одно соображение. Другое: эти люди отличались умом, талантом, и их творчество — это наше наследие. Не то, которое издается в Англии, а что лежит, как святыня, под спудом.

Эти мысли и заставили меня заняться историей черносотенцев. Что такое память сердца? Это и личные воспоминания, но это и память истории своего народа. Так психологически соединились личные переживания с нашей скорбной и величественной историей. Возможно, материал о черносотенцах войдет в следующий том.

Что касается темы масонства и его влияния на нашу жизнь, чему посвящается эта книга, то она находится в исторической связи с темой черносотенства, то есть последовательного проведения в жизнь людей начал православия и утверждения исторических и самобытных основ общественной и государственной жизни.

Враг этих начал — масонство с его пантеизмом, оккультизмом, каббалой. Два полюса. Что касается эмоциональной стороны, всегда важной в осмыслении истории своей страны, то о ней я поведал выше.

Прекрасно осознавая имеющиеся недостатки в компановке материала и его оформлении, я, тем не менее надеюсь, что достоинства этого издания в своей содержательной части превышают его недостатки. Поскольку очерки выходили в разных изданиях и затрагивают зачастую сходные темы, то встречающиеся иногда повторения сюжетов неизбежны. Более того, эти повторения помогают осветить ту или иную тему с разных сторон. Сочувственное отношение к моим работам читателей и знакомых послужило непосредственным поводом к публикации этой книги. Конечно, без материальной и моральной поддержки близких лиц она не могла бы увидеть свет, и я выражаю им свою благодарность.

23 февраля 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как ни покажется странным, но в нашей литературе вовсе не существует работ, посвященных рассмотрению вопроса о влиянии такого огромного в политическом, религиозном и культурном смысле явления как масонство на формирование всей современной культуры, или хотя бы на какие-то отдельные ее стороны. В сущности, нет даже постановки и самой проблематики. Это загадочная фигура умолчания, касающаяся быть может самого главного и существенного для нашего сознания вопроса, сама по себе очень показательна и красноречива. В современной идеологии, или, лучше сказать, в идеологии современности, идеологии нового времени, слово «культура» занимает главенствующее положение. В это понятие включают все — и науку, и литературу, и традиции, и все религии и прочее и прочее. Выше культуры нет ничего в современном мире. Таким образом. культура стала всеобщей, высшей и единой религией, о которой некогда мечтали поколения утопистов, талмудистов, «просветителей» всех мастей и оттенков.

Отсутствие работ по теме «масонство и культура» в общем-то свидетельствует о желании скрыть корни нашей нынешней, мирской культуры и желании выдать ее за нечто «объективное», то есть как бы упавшее к нам с неба, как результат «объективного» хода истории. Надо заметить, что в собственно масонской литературе, то есть литературе, которая издается в больших количествах масонскими объединениями в Западной Европе для своих членов, эти вопросы влияния масонства на самые различные стороны культуры постоянно разрабатываются и являются ее постоянной темой. Но на страницы обшей, внемасонской литературы те же самые вопросы почему-то не выносятся, или выносятся крайне редко. То где-то на Западе появится работа, посвященная влиянию розенкрейцерской каббалистики на научные открытия, то работа, посвященная влиянию масонства с его оккультизмом на романтизм, то влиянию масонской идеологии на парковую архитектуру, или на творчество Моцарта или Вагнера. Но все это, опять же, не на русском языке. И все это делается не нашими отечественными исследователями.

Нельзя сказать, чтобы факт влияния масонства на отдельные стороны культурного процесса не был бы вовсе отмечен нашими отечественными исследователями. Если мы, обладая хоть какими бы то ни было логическими способностями, захотим сделать в поставленной проблеме общий вывод, то он будет нами сделан безошибочно, исходя как раз из отдельных исследований по истории нашей литературы и всего нашего «просветительства». Если мы, например, встречаем авторитетные утверждения, что «доктрина масонства оказала самое существенное влияние на всю просветительскую деятельность Новикова и его соратников», а, с другой стороны, мы видим, что эта «просветительская» деятельность легла в основу всей нашей нынешней идеологии культуры, то нам уже не надо ломать себе сильно голову, чтобы понять общие связи культуры, в которой мы живем и масонства как такового с его идеологией, с его доктриной, о которой мы пока еще, «почему-то», в сущности, ничего не знаем.

Когда-то Екатерина II определила книгу Радищева, как выражение масонства, мартинизма. Между тем, книгу Радищева проходят уже не одно поколение юношей в наших школах, понятно, не случайно. Действительно, если развернуть идеи этой книги, выразить их в ясных формулах мысли, то не трудно увидеть, что и вся наша нынешняя культура, ее идеология, есть выражение тех же идей. Понятно, не случайно и то, что и Новикову и Радищеву до сей поры посвящается такое огромное количество работ. В них видят родоначальников «просветительства», легшего в основу идеологии нашей современной культуры. И, конечно, в этом вопросе исследователи не ошибаются. Но в свою очередь мы знаем, что оба деятеля нашей культуры выражали идеи масонства. Оба не были оригинальными мыслителями, а скорее медиумами западноевропейских идей «просветительства», вышедших из недр масонских лож.

Таким образом, логически, несложно любому из нас, чисто логическим путем вывести для себя заключение о решающем влиянии масонства на идеологию нашей нынешней культуры. Конечно, затруднение встречается в попытках увидеть суть доктрины и масонства и нашей культуры во всей исторической конкретности. Логическая догадка поэтому остается лишь логической догадкой. Но тогда кажется странным факт того, что исследователи, историки и литературоведы, имя коим легион, тратя столько сил на разработку частных вопросов, оставляют в стороне главный вопрос о сути нашей культуры, об историческом пути ее создания определенными силами и с определенной целью, во имя осуществления определенной идеологам.

Когда мы говорим слово «культура», то мы чаще всего упускаем из виду, что в основе этого понятия лежит представление о выражении некоего культа, поклонения чему-то или кому-то внешнему. Говоря о культуре сегодня, нет необходимости добавлять определение ее, как культуры светской, мирской, поскольку только эта культура и царствует сегодня в мире. Между тем, понятно, что существует и христианская культура, некогда во многих странах всеобъемлющая, в которой все силы, мысли и желания отданы учению Христову и высшим выражением которой является Церковь в ее внешних формах бытия.

Что касается нынешней культуры, мирской, «просветительской», то и она

есть выражение некоего культа. И вопрос лишь о том, какой именно культ выражает она своими высшими ценностями. Нетрудно догадаться, что в ее основе лежит языческий пантеизм. Наша нынешняя культура, «просветительская», есть как было сказано выше, выражение некоего культа. Его назвали «гуманизмом». Несомненно, что у нашей, мирской культуры, есть все признаки определенной религии. И у этой религии есть свои храмы, свои ритуалы и обряды, спрятанные от улицы, как святилища древнеегипетских жрецов, и своя метафизика, названная Екатериной II мартинистской метафизикой. Религиозное начало нашей культуры скрыто в глубине масонских ложи с их каббалистикой, ритуалами, иерархией, с их алтарями и культом «чисто человеческого». Нельзя не обратить самого пристального внимания на то, что десятки тысяч ученых, писателей, музыкантов, политиков, художников, всевозможных мыслителей и в прошлые времена и в наше время состоят в масонских ложах Было бы странным предположить, чтобы идеология ордена вольных каменщиков не оказывала бы на их мировоззрение самого серьезного влияния. Было бы странно думать, что именно идеология масонства никак не стимулирует их творчество. И если иметь возможность внимательно присмотреться к этой теме, то легко увидеть, что именно в недрах масонских лож и вызрела современная литература и современная наука, не говоря о философии, само понятие о которой, как науке о поисках мудрости, поисках истины есть синоним определения масона, как человека, ищущего мудрости, истины, как «жениха Софии». Строго говоря, именно теософия определила само появление современной науки и это очевидный факт.

Вопрос, в конечном счете, идет об определении ценности самой нынешней культуры, как выражении некоей сверхрелигии, некоей мировой религии, способной поглотить все остальные. В психологии людей, поклоняющихся этой «культуре» и сама наша святая Православная Церковь есть лишь один из моментов ее, а все святые, мученики и исповедники христовой веры есть лишь феномен все той же «культуры». Деятелями культуры становятся, таким образом, и преп. Сергей Радонежский, и Лев Толстой, и Шопегауэр, и преп. Серафим Саровский и сонм писателей, ученых и философов. Все в один ряд. Всеядная «культура» готова поглотить все живое, яркое и своеобразное. Но при этом она в своей сути отрицает начисто христианство и Церковь Христову. И этот момент носители «культурных ценностей» в наше время пытаются всячески затушевать. Им обидно думать, что преп. Серафим своим служением Христу отрицал эту гуманистическую культуру.

Автору этой книги не раз приходилось слышать упрек в том, что он «все» отрицает и нигде у него не найдешь положительного образа. Такая реакция «культурника» понятна, ибо вся его религия есть человекобожеская кумирня. И если бы мне пришлось отвечать на эти упреки вновь и вновь, то я бы сказал, что примеры для подражания, примеры святости подлинной надо искать не среди «житий» писателей или ученых, или полководцев, а в житиях святых. И помня при том, что святые наши есть вечно живые и предстоятели у престола Всевышнего, наши деятельные заступники, а не просто литературные или исторические кумиры, «великие» и «значительные», и чей вклад во «всемирную культуру неоспорим».

В нашей исторической литературе масонство обычно преподносится как секта темных заговорщиков, каких-то «рыцарей плаща и кинжала». Громко декларируется при этом приверженность авторов отеческим традициям ... «культуры и этики», то есть как раз тем самым началам, что составляют краеугольный камень самого масонства. Громко объявляется о том, что масонство «враг русского народа», но при этом удивительным образом проводятся идеи «гуманизма» и мирской культуры. Легкий декоративный флер из фраз о ценности православия призван только затушевать скрытый в самой концепции этих работ совершенно мирской их пафос. Масонство становится в таких работах просто выражением политических устремлений каких-то гнусных и морально неустойчивых элементов. Действительное понимание масонства лежит, однако, гораздо глубже и в совершенно иной плоскости. Не случайно, большинство работ по масонству наполнены несовместимыми идеологемами, которые при попытке их понять, расщепляют весь текст на совершенно несовместимые по смыслу понятия.

В тексте книги слово «культура» будет иметь значение именно мирской, «просветительской» культуры, поскольку христианская культура в настоящее время ограничена представлением о собственно церковном, имеющем отношение непосредственно к самой Церкви.

Другим вопросом, рассматриваемым в книге, является воздействие идеологии масонства на весь ход русской истории. Это вопрос о национальной традиции и мартинизме, как было принято называть некогда масонство в нашей стране. Просветительская идеология своей внешней стороной нашла отражение в исторических концепциях нового времени, а внутренней стороной обращена непосредственно в сторону герметической философии, то есть в сторону оккультную и теософскую. Недаром, наши первые историки нового времени, то есть с XVIII века, были членами масонских лож. По крайней мере, имена некоторых из них значатся в масонских ложах. В конце девятнадцатого века мы видим в ложе и Ключевского и Пыпина и некоторых других. Но дело не в самом членстве в ложе, а в идеологии исторических школ. Конечно, при большом желании можно видеть в истории выражение роковой закономерности, как это и делается обычно, но надо отдавать себе отчет, что такой взгляд есть уже предвзятость, когда факты подбираются задним числом под определенную концепцию. Недавно властвовавший в нашей стране «исторический материализм» с наглядностью показал, что все «закономерности» создаются политиками под решение определенных задач. В свою очередь вполне

очевидно, что если миром владеют люди, охваченные желанием воплотить определенную доктрину в историческую жизнь народов, то мы увидим не закономерность, а реальные усилия этой группы людей, которые, вполне возможно, сами видят в себе апостолов «объективной закономерности».

Когда такая идеология захватывает власть имущий класс и последний и сам формируется на основе преданности таким идеям, то надо ли говорить, что и судьба страны будет предрешена. Не трудности житейские, не какой-то «деспотизм» в таком случае порождает все революционное движение, а желание построить жизнь согласно новой доктрине, хотя бы в ней не было бы места большинству населения страны и оно было бы обречено на уничтожение. Демагогические лозунги относительно всяких «свобод» не должны никого обманывать.

Нет смысла далее развивать здесь все эти темы, поскольку они развиваются на страницах этой книги.

Что касается собственно самого содержания книги, то она создавалась долгие годы. Примерно половина ее объема была написана уже в последние год-два. Между тем. хронологический принцип выдержан. как в холе работы над данной темой, так и в самой книге. Она начинается с первых шагов российского «просветительства», положившего начало нашей современной культуре. Некоторые эпизоды в этой части книги иногда повторяются в разных очерках. Это неизбежное следствие того. что работы появлялись в различных изданиях, а также и потому, что так или иначе в них развиваются одни и те же идеи. Автор не нашел возможным и необходимым заново все переделывать в этих работах. Так или иначе, но в каждом очерке проблема рассматривается с новой стороны и вносится нечто такое, чего не было в других очерках. Но вместе с тем. и здесь, при подготовке издания этой книги, очерки были заново отредактированы автором и внесены были необходимые добавления и разъяснения.

Остается сказать, почему книга начинается с непривычного для нашего уха слова «монизм» и отсюда уже получает направление и вся идеология книги. Речь идет о самом существенном направлении всей культуры и ее движущей силы в конечном счете все привести к одному знаменателю, все унифицировать, все свести, говоря языком масонов, к Единице. Именно к такому всеединству и должен нас привести весь культурный процесс, вся культура с ее культом безличного, бескачественного, в своей сути — пошлого. За этим стремлением к единству. монизму лежит оккультная и талмудическая идея о Всеединстве, как конечной цели всего исторического развития. И ради этого утопического желания политики организуют союзы, ведут войны, уничтожают непохожих, организуют революции и обрекают на голодную смерть миллионы людей.

1998 г.

ВСТУПЛЕНИЕ
«МОНИЗМ» И ДЕМОКРАТИЯ

В старое время, дореволюционное, было большинство, жившее обычаями и традициями, преданиями старины из семейной хроники, святцами и псалтырью. И было меньшинство, кончавшее курс в гимназиях или семинариях, приобщенное к книжной мысли и пораженное насмерть желанием переделать мир, следуя мыслям и советам всевозможных мыслителей и философов, у которых, в свою очередь, каждая мысль и каждая идея были заимствованы из других книг и книжечек или уловлены на лету в каком-нибудь великосветском салоне в промежутке между картами, любовницей и вечерним приемом. Приобщенные к книжной премудрости. следующие старой оккультной идее времен «Поэмандра» Гермеса Трисмегиста, в долгих поисках самоназвания, — эти социальные прожектеры наконец обрели свое имя, обнаружив, что они есть часть Универсального Ума, интеллигенции. Они вдруг обнаружили, что рождены не матерью и отцом по естественному ходу человеческих дел, а этим Умом. Поэмандром Гермеса, в отличие от прочей твари, копошащейся в темноте и грязи привычек и традиций, этого наносного ила «веков невежества», рожденных по всем примитивным законам естества. Быстро начитавшись и чего-то нахватавшись от этого «ума», запечатленного во множестве всевозможных книг и журнальных статей, чувствуя себя маленькими прорицателями всемирной эволюции, медиумами прогресса, они и стали его проповедывать. Результаты у всех налицо и более или менее известны каждому из нас не по книгам, но из печального опыта — как личного, так и из семейных преданий и воспоминаний.

Но, взяв власть, они поставили дело создания из нации носителей универсального ума на поток. И сегодня большинство стало тем, чем сто лет назад было меньшинство — интеллигенцией. Продуктами этого дракона оккультизма — Поэмандра, универсального ума, философического и научного, для которого, по самому его принципу, — что китаец, что малаец, что татарин, что француз — все едино. Еврей, как главный двигатель прогресса — не в счет, он над всеми. И у всех один путь движения во времени — путь прогресса, демократии, парламентов, политического шулерства, банков и спекуляций. Все остальное, вне «капитализма» и «социализма» — отсталость и черносотенство. И потому обречено.

И эта идеология, утверждающая, что все люди — лицо в лицо и у всех один

путь: к насыщению любой ценой — эта уверенность в том, что вне «измов» нет жизни, а без парламентов, запросов и выборов жить нельзя, нас и сгубили.

И теперь уже большинство, надо признать, и мыслью, и опытом, и творчеством мертво, книжно и невежественно. Нас убили не лагеря и ссылки, не поиски агентов всяческих разведок и даже не собственные демократы. Напрасно ищут виновников в среде большевистских вождей. И не имеет никакого значения, плох или хорош был Сталин или кто другой на том же посту. И все равно, какие решения «там» принимались, и все равно, как они выполнялись. И совершенно безразлично, какие еще преступления отыщут за большевиками, а теперь и за «демократами». Нас убило убожество самой навязанной нам в семнадцатом году идеологии. Идеологии, от которой при ближайшем рассмотрении ничего не остается в человеке, даже малюсеньких убеждений и твердых навыков в оценках и прогнозах, кроме десятка анекдотов и иронических замечаний о «классовой борьбе» и «абсолютном обнищании». Не осталось даже и перехода «количества в качество», и «единства противоположностей». Не осталось в голове и в сердце вообще ничего. Щемящая пустота и желание спрятаться в щель и пересидеть время. С детских лет нас как будто бы приучали к какой-то философии, к каким-то интеллигибельным представлениям, и можно было бы ожидать, что в нашей голове останется какой-то вкус к философии и мы будем знать хотя бы одну-две крохотные философские идеи, не говорю систем. Поразительно, но факт: ничего, — ни мысли, ни идеи. ни простейшего знания «трех составных частей» марксизма, как и самого марксизма. А ведь с детских лет, в школе, институте, на работе — везде, в каждой книге — цитаты, ссылки, обсуждения и осуждения гегелей и шеллингов за их недо...зрелость, недо...мыслие и прочее «недо». И вот кончилась эра диамата и в голове у нас, людей, собаку, кажется, съевших на всех этих философских категориях, сдававших поголовно экзамены по философии, — ровным счетом ничего. В один миг всё забыли, словно ничего такого и не было. Насколько же все это. следовательно, было чуждым нашему уму и сердцу, и здравой потребности понимать и видеть.

Более того, в результате всех этих философских изучении диаматов и истматов поголовно все потеряли всякий вкус к познанию религиозных идей и вообще мыслителей. Потеряли вкус к самой мысли. Более того, потеряли всякое желание самим думать и анализировать. Все — напрокат, штампованное и заезженное.

Да, нас убило убожество навязанной нам идеологии, оставившей нас пустыми, нелюбознательными и безо всякого положительного знания в сфере человеческого духа и мысли. Более того. Мы попали в полосу перманентной революции, поверив одной несложной и ложной мысли, доступной даже таракану: все народы созданы по одному шаблону и должны следовать одной дорогой. Забыв Христа, отвергнув Церковь, поверили, что главное для жизни общества — найти правильные экономические отношения. И если какой народ не смог выбраться в систему банков, компьютеров и знамени цивилизации — бизнеса, то только вследствие своей исконной неполноценности. *Эта* книжная идея «монизма» доказывается наглядным образом на примере различных стран мира, идущих по этому пути. Представляется, что все это идет стихийно, по законам исторической эволюции, которая из какого-то центра, то ли с планеты Сириус, то ли из Вашингтона, невидимым образом посылает какие-то лучи в пространство, заставляющие все народы следовать по заданному там каким-нибудь Поэмандром пути. Главное, что мы усвоили с детства, — то, что якобы существуют на самом деле «законы исторического развития». И. как «выяснилось», в этом вопросе западные политики и идеологи совершенно согласны с Марксом и Лениным.

Но мысль о том, что заданное движение народов осуществляется столь однообразно только потому, что люди, руководящие народами, имеют один план и одно представление о будущем человечества — кажется почти кощунственной, ибо она сразу заставляет человека думать и сомневаться. И нет ничего опаснее для процесса и монизма, лежащего в его основе, как человек мыслящий, сомневающийся и скептически настроенный к «законам прогресса» и даже к «всемирной культуре».

Нормальный человек должен быть твердо уверен, что есть закон эволюции человеческого общества, то есть прогресс, что эта эволюция творит чудеса, превращая людей из отсталых в передовых и культурных. Что законы прогресса для всех одни и те же. Что на знамени его написаны священные слова, выражающие смысл всего прогресса: бизнес и культура. И что эти святыни сделают человечество когда-нибудь счастливым и святым. С таким идейным багажом, из которого чего не бери — в голове и в душе ничего не прибавится, вот уже более двухсот лет идеологи масонства пытаются вывести новую породу людей. А ее все нет. Но в неимоверных усилиях эту идею регулярно снабжают примерами ее осуществимости. Точь-в-точь, как недавно партийные наши бонзы создавали нам «маяки» социалистического производства и всякого рода стахановцев.

Для доказательства успешности в деле превращения человека отсталого в человека передового, представителя «новой породы», на балаганные подмостки всевозможных шоу выставляются «замечательные» и «божественные», «неповторимые» и «просто гениальные» писатели и артисты, поэты и музыканты, «борцы за мир» и «правозащитники», значительная часть которых по своему умственному и нравственному уровню не дотягивает даже до среднего обывательского, и которые, как правило, готовы и радостно поддерживают любую гнусность правительства, любые его преступления, в расчете на дальнейшее признание и житейские блага.

Сколько же вреда принес этот «монизм», эта уверенность в одинаковости всех народов, сказать трудно. Но все революции и все преступления мирового масштаба последних двух веков исходят именно из этой примитивной идеи, ниоткуда не следующей и ничем решительно не обоснованной. Кроме, понятно, доктрины иудаизма. Это ведь именно в недрах синагоги вызрели «научные» мысли о прогрессе и земном рае.

Сегодня все те же рутинеры и догматики уже новой генерации от лица фантастической «демократии» точно с таким же фанатизмом, что и прежние от лица мирового пролетариата, толкают страну по тому же трагическому пути единообразия и единого шаблона для всех народов. И цена этого фанатизма и рутинерства — миллионы погибающих и вымирающих, гибель громадной цивилизации и целого духовного космоса — России. И во имя чего? «Бизнеса» и «всемирной культуры», все допустившей во имя свободы и прав личности, кроме права на духовное здоровье и бессмертие души. права быть собой и жить по-своему. Умом Церкви и ее Духом, а не иудейскими выкладками апостолов прогресса.

Как бы ни были серьезны люди, ведущие проповедь исторического монизма, как бы ни были глубоки их каббалистические выкладки, как бы ни были они обеспечены всякими математическими расчетами и философскими трактатами людей, убеленных сединами и обремененных всевозможными знаниями, но и при всем этом надо признать, что и сама идея исторического монизма и ее проповедь — дело крайне легкомысленное и бездумное. На утверждение этой идеи работали и работают целые поколения издателей, философов, романистов, публицистов, поэтов и композиторов, сценаристов и драматургов, и при всем том старании и таланте, с каким эта идея разрабатывалась, надо признать, что работали они все хоть и хорошо, с огоньком и азартом, но над идеей пустой, вредной, кровавой и вырожденческой. Они работали над идеей перманентной революции, единственным следствием которой может быть только вырождение, болезни и войны. Общее понижение умственных качеств и эстетических вкусов. Совершенное безволие и рабство народов, попавших в руки профессиональных дельцов от политики, организованных в масонские ложи и в армию карьеристов и доктринеров прогресса.

Отсюда ведется эта борьба с русским народом и всеми другими, в его лоне пребывающими народами. Идеологи прогресса, монизма, веры в единый путь для всех народов исповедуют идеи затхлые и никем и никогда не доказанные. И потому приходится им все время для доказательства верности этих выкладок ломать, воевать, устраивать бойни, организовывать голод в массовых масштабах, и все для одной цели — привести все народы, оставшиеся после этой всемирной переделки, с помощью ли большевизма или «демократии», в состояние неразличимой серой и безвольной массы, где каждый будет получать свою пайку киловатт энергии, жвачку, компьютер для воплощения фантазий на экране и маленького удовольствия от этой операции, «авто» и, вероятно, еще чего-нибудь в этом роде... Много удовольствий, много вкусного, веселого и кудрявого, и мало забот. Но это мечта рабов.

Для того, чтобы совершать все эти политические катаклизмы в мире. ради этой примитивной и удивительно бредовой идеи, надо быть уверенным, что человек — нуль, не более чем карта в колоде, и можно с ловкостью шулера сделать с этими картами свою игру. Но если за карточным столом говорят «ваша карта бита», то здесь, в этой игре, когда карта бита — раздаются выстрелы. Начинаются кровавые бойни, идут потоком гробы, устраиваются правительственные программы, после которых пустеют деревни и матери напрасно ждут сыновей, а вдовы тяжко воют, не понимая ни что такое монизм, ни что такое всемирная перестройка. Им просто больно и не хочется верить, что их Вани больше нет только потому, что где-то сидят рутинеры прогресса и планируют войны во имя создания новой породы людей. Что их единственного сына бросили сознательно под пули и гранатометы, что где-то запланировали, сколько таких Бань, восемнадцатилетних, должно валяться обугленными, изувеченными на улицах чужих городов, чтобы демократам легче дышалось, а монизм, напившийся крови, чувствовал, что он все еще нужен. Его-то и питают своей кровью и своими жизнями тысячи и миллионы русских людей... во имя процветания «бизнеса», «рынка» и «демократии». Как вчера «коммунизма».

Слушая наших политологов, наших политиков и телекомментаторов, выступления тех, что наверху и что рядом, как-то невольно приходишь к мысли, что перед нами клиническая картина помешательства, обеспеченная в реальной жизни корыстью карьеристов и доходами от разыгрывания из себя одержимых реформаторов, т.е. очередных революционеров. Внимательно просматривая личности политиков, видя их в разных ипостасях. приходишь к убеждению, что вся эта вакханалия с прогрессом, с прыжками в Европу и во всякие международные сообщества, вызвана мыслью о своем личном ничтожестве, сознанием, что ты — нуль, которого презирают даже жена и сын. И которым нужен не ты, а твои деньги. Почти сто лет обучения монизму при большевиках разрушили всю сословную структуру общества, разрушили все самые даже бытовые сообщества, какие всегда возникали в прежние времена во дворах домов или каковы были даже улицы, на которых проживали знавшие друг друга люди. Общество перестало быть обществом лет сорок назад и стало арифметическим множеством. Но изолированная личность, обособленная, не знает, что делать и куда идти. Ей некого спросить, и вместо общества, хранившего опыт поколений, человек спрашивает теперь какого-нибудь политкомиссара, от «демократии» или «социализма», депутата или телеведущего. И вместо опыта поколения получает словесно и научно оформленный бред социальных прожектеров, да к тому же и пребывающих на содержании, и потому не имеющих права иметь свое мнение. Обособленная

личность готова любую прихотливую блажь «сверху» или из телевидения принять за указание самого неба, лишь бы только она звучала «научно» и «обоснованно» и вешалась уважаемыми в «обществе» людьми. То есть с телеэкрана или со страниц газет и журналов. Главное ведь — поверить: «назад дороги нет», что «с прогрессом нельзя спорить» и что «альтернативы реформам нет».

Но, с другой стороны, обособленная личность гражданского общества не знает и личной ответственности. Какая может быть ответственность перед лицом указаний прогресса, всемирной эволюции и исторических законов? И если завтра последуют со стороны этих законов указания. что у каждого человека должны вырасти хобот и рыбий хвост, то можно не сомневаться — наладится целая индустрия по выращиванию этих отростков, лишь бы эти указания были выполнены. Может быть, придется много резать, может быть, даже большинство не выдержит такой операции, но нет такой силы. чтобы не последовать указанию «прогресса» и «демократии» касательно выращивания хоботов и рыбьих хвостов. Но если затем, после очередных семидесяти лет кто-то заявит, что произошла ошибка в толковании знаков исторических законов, то и здесь ничего особенного не произойдет, потому что, как известно, в «истории ничего случайного не бывает». И потому любое преступление властей всегда заранее оправдано.

Спросите любой передовой ум, полный надежд на быстрое осуществление «прав человека» и «правового государства», чего он хочет в конце концов, и вы услышите такой примитивный лепет о всеобщей сытости и довольстве, о покорении сил природы и завоевании космоса — чтобы было куда мусор с Земли сбрасывать, — что уши завянут и подумаешь: неужели все великие жертвы, приносимые этими фанатиками «рынков», «капитализмов», «социализмов» и «всемирной новой породы людей» только для того и приносились, чтобы в конце концов устроить на планете царство сытых безмозглых дурачков. Да, это воистину идеал рабов, обкормленных словоблудием политиков. Обидно и как-то совсем несопоставимо — с одной стороны, думаешь, не в силах обозреть великие дела и страдания людей, а с другой стороны... Для чего? И вся история в таком случае напоминает какой-то страшный бред. Есть академики, есть величайшие научные умы. Написаны умнейшие книга по всяким отраслям знаний...

Сколько книг по философии, сколько всяких там исследований и изысканий, сколько романов и повестей, драм и кинофильмов, трудно себе представить! И все это ради какой-то ничтожной идейки создать какой-то вымирающий примитив!? Странно все это, как ни посмотри. Но совершеннейший факт. Засомневаешься на секунду — включи телевизор. И услышишь бредовые слова о том. что «назад дороги нет», что «реформы надо довести до конца» (какого и чьего? Подумаешь — а не черный ли в этих словах юмор), что вне рынка нет будущего (опять подумаешь — для кого?) и что мы должны быть, как все в Европе. И тут подумаешь, а можно ли при наличии Сибири, тайги, кочевых северных народов, кавказских горцев с их обычаями, далеко не всегда европейскими, при наличии более сотни национальностей даже в управленческом аппарате, как и во всей стране, стать Люксембургом, Швейцарией или Францией? И опять захочется повертеть указательным пальцем у виска, слушая все эти призывы людей, вроде умных и обремененных научными степенями, «быть как все, т.е. европейцами».

И как же тут не увериться, что нами управляют доктринеры и рутинеры, фанатики-идеологи, пытающиеся свою узенькую идею одеть в одежды рационализма и позитивизма, то есть привлечь для ее осуществления законы логики и выдать ее якобы за результат трезвого анализа и детального расчета. Впрочем, что же тут удивляться, ведь марксизм тоже был «наукой» и в его достоверности нас уверяли тысячи докторов наук, профессоров и членов АН, написавших на эту тему громадное количество книг с самым что ни на есть научным аппаратом, с расчетами и всяческими табличками, диаграммами, схемами и непонятными словами.

Наука ошиблась. Это доказано. Марксизм — побоку. Теперь новая наука — «рынок», «цивилизация» и «реформы». У нас новый бред в моде...

Что мы имеем сегодня? Вывихнутое сознание, лишенное главного — своего исторического места. Отсюда этот ликующий танец пустоты и безбытности, все эти «американизмы» в системе нашей пропаганды. У нас демократия, как власть нищих духом. Но это не та нищета, за которую обещано блаженство. Нам просто нечего сказать о себе и о своем. Это романтическая пустота, забитая до отказа словоблудием о «культуре» и о «прогрессе».

Сознание люмпенов, каковым является по воле политического руководства страны (с 1917 г.) большинство из нас, не знает опоры в живых традициях за отсутствием таковых. И именно поэтому оно ищет опору для себя в сильной власти и бюрократических структурах, которые ложно отождествляет с сильным государством. Таким образом, наше сознание люмпенов творит лже-традиции и лже-ритуалы, пытаясь ими заменить историческую традицию и истинную религию Христа. Отсюда эта любовь нашей пропаганды к фашизму и сталинизму, характерная именно для безбытности и потерянности, как духовных качеств люмпенов. Политическое руководство страны творит народ по своим меркам, не имея с русским народом никакого сродства, никакой с ним духовной общности. Идет духовная агрессия меньшинства, чьи симпатии обращены к Израилю и Америке, против русского большинства, чье сознание пытается вернуться на свое историческое место. И в этом факте, думается, и есть главный смысл происходящего сегодня в нашей Отчизне.

Часть первая

РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

«Масон проходит путь своей жизни по тропинке, усыпанной цветами, стремясь к удовольствиям, избегая страданий, во всем руководствуясь благими законами учения Эпикура».

Азар. Европейская мысль. Цит. по кн.: Оссовская. Рыцарь и буржуа. М.. 1987. с. 421.

«Наиболее же могущественной и наиболее знаменитой была секта, известная под названием энциклопедистов. ...Эта секта в политических вопросах никогда не ставила высоко права народа... ей в значительной степени обязан тот род практической философии, который ввел эгоизм в систему, рассматривал человеческое общество как войну хитрости... честность — как дело вкуса или благопристойности, мир — как владение ловких мошенников».

Робеспьер М. Избр. произв. М.. 1965. т. 3. с. 133.

Глава первая
НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И МАРТИНИЗМ

В тяжелых жертвенных испытаниях русский народ доказывал свое право на существование. Киевский период Руси — наиболее светлый и радостный, легендарный и былинный, вызывает в памяти богатырскую заставу с ее тремя могучими всадниками, загородившими родную Русь от грозного неведомого врага. На формах и типах этого периода истории не раз останавливался с любовью глаз русского художника и писателя, воспитанного на эстетических принципах и типах западной жизни. Радужные весенние краски озаряют становление русской государственности. Поразительна та мысленная ширь и духовная красота, которую донесла до нас «Повесть временных лет». Преподобному летописцу святому Нестору ведомы и Памфилия и Писидия, Ливия и Нумидия, Аравия Сильная и Финикия, Пафлагония, Аркадия, и Эпир, Британия и Адриатическое море, Персия, Бактрия и Индия. Именно с той поры и пошло это знаменитое выражение: «...да не посрамим земле Руские, но ляжем костьми, мертвый бо срама не имам. Аще ли побегаем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко». И стали действительно крепко. Маленькое племя, не имея никаких природных преимуществ перед другими народами, создало мировую державу. И это факт в первую очередь не военной истории русского народа, вынужденного вести бесконечные войны со степными хищниками его восточных рубежей и с закованными в броню западными любителями просвещать мечом и освещать огнем горящих сел и деревень. В первую голову это факт духовной мощи народа, нашедшего абсолютно правильный тон своего выражения во всех сферах своего земного бытия — государственного, семейного и личного, и интеллектуального, духовного и материального своих начал. Берегши душу, жертвовали живот свой за веру и свое христианское отечество. Высшую правду выразили для русского народа первые его святые, страстотерпцы Борис и Глеб. Ведя бесконечные войны, люди не ожесточились. Тихой любовью и умилением веет от этих русских князей, отроков, не пожелавших пролития братской крови и отдавших жизнь временную ради вечной и нетленной. Не пустые разговоры и необязательные рассуждения искушенных в словесной эквилибристике философов о братстве и совести, а любовь, деятельная и молчаливая, жертвенная и созидательная, нисходит на нас от образов этих юных князей.

Но пришла беда, пришел Батый, и кровавые мрачные краски легли на Русь.

Смирение — величайшая добродетель, свойственная русскому народу по преимуществу, «преданность бо есть она воле Божией», проявилась в эту страшную годину во всей своей силе, и мудрые летописцы заключают обыкновенно свои скорбные писания такими словами: «ее же бысть за грехи наша... Господь силу у нас отья, а недоумение, и страх, и трепет вложи в нас за грехи наша». По слову историка, «могла угаснуть и последняя искра жизни; к счастию, не угасла: имя, бытие сохранилось; открылся только новый порядок вещей, горестный для человечества, особенно при первом взоре...». Два века суровой борьбы за выживание и духовного и физического. Будучи порабощен военной силой, русский человек ни на минуту не сомневался в своем превосходстве в области духовной над завоевателем. За его спиной уже была святая София киевская, а победа врага мыслилась как попущение Божие за маловерие и отступление от заповедей Христа Спасителя. Мощный голос духовных наставников народа, его пастырей, таких, как Серапион, епископ владимирский, в самую тяжкую годину испытаний призвал народ к духовной чистоте; «Большую печаль в сердце своем ношу из-за вас, дети мои, — пишет преподобный святитель Серапион своей пастве, — потому что нисколько, вижу, не отвратились вы от дел непотребных. (...) Если кто из вас разбойник — разбоя не бросит, если крадет — воровства не оставит, если другого кого ненавидит — враждует без устали...» И для чего эта неправда творится, ведь «несчастный и

не думает, что как родится нагим — так и отходит, ничего не имея, кроме проклятия вечного...». И вот результат: «Страшно, дети, подпасть под божий гнев. Почему не думаем, что постигнет нас, в такой жизни пребывающих? Чего не навлекли на себя? Какой казни от Бога не восприняли? Не пленена ли земля наша? Не покорены ли города наши? Давно ли пали отцы и братья наши трупьем на землю? (...) Вот уже к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш. Кто же нас до этого довел? Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша!» Не к оружию и отмщению призывает владыка, что, кажется, было бы естественно, но на самом деле гибельно и для души, оскверненной грехом, и для тела, ставшего бы в таком случае владычицей омертвевшей души.

«Вспомните достойно написанное в божественных книгах, что и Владыки нашего самая важная заповедь — любите друг друга, милость имейте ко всякому человеку, любите ближнего своего как самого себя, тело свое сохраняйте чистым, не оскверняя его, а коль осквернили, то очистите его покаянием; не возгордитесь, не воздайте злом за зло. Весьма ненавидит Господь Бог наш злопамятного человека». Следует оставить «безумье и неправду».

И призыв пастырей был услышан; медленно собиралась Русь под знамя московского князя, и наступил момент, когда «рассыпались поганые в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои...», а в «Русской земле разнеслось веселье и ликованье. Преодолела слава русская хулу поганых»,

Долгие думы были пережиты и выстраданы в эти годы сурового и беспощадного иноземного гнета. Не одно поколение русских людей размышляло о смысле исторического процесса и о смысле жизни, и в конце концов навсегда утвердилось в мысли, что Бог не в силе, а в правде. Были обдуманы и решены все вопросы внутренней и внешней политики на много столетий вперед. Идеалы свободы русского человека утвердились прочно. В те суровые века только свободно делающий свое дело народ мог отстоять свое право на существование. Из-под палки такого дела не сделаешь. «Ляжем костьми, мертвые бо срама не имут». Но надо было не только лечь костьми, но научиться жить, выработать такие идеалы, в которых дело земли и твое дело будут неразделимы. Горели села и города, никто не знал, где застанет его завтра, женщины не успевали рожать детей, и на громадных пространствах среднерусской долины белели лишь кости и летали вороны. В таких условиях каждый человек должен был знать свое место в общем деле. А дело было действительно общим. Считается, что только в результате походов Батыя русских осталось не более одной четверти, из десяти минимум погибло семь человек. А с запада двигалось крестоносное воинство.

И когда по слову Сергия Радонежского и под стягом Дмитрия Донского силы врага были надломлены, вся программа дальнейшей народной жизни была полностью и на долгие века готова. Каждый русский человек — крестьянин и боярин, дружинник и великий князь — точно знал, что хорошо и что плохо, чему поклоняться и чего беречься. Все говорили одним языком и всем сердцем поклонялись одному Богу. К этому времени уже существовали прочные традиции народной жизни. Предстояло воплотить свои идеалы в законченную организацию государственной жизни.

Всем было дело, и все были нужны. Рук не хватало. Только с величайшим напряжением всех сил можно было рассчитывать на успех. Ведь последний набег крымских татар приходится на время правления императрицы Елизаветы, и сам Суворов мог бы вполне угодить в рабство и быть проданным где-нибудь на невольничьем рынке Кафы или Стамбула. Такая же судьба могла бы постигнуть и Ломоносова, и профессора Шлецера, любившего порассуждать о том, что первично — норманны или славяне.

Православие, которое в киевский период едва прикрывало языческое суеверие, стало народной святыней, и для всех русских людей стала очевидной промыслительная воля, приготовившая им за два с половиной века до нашествия басурман крещение. В годы духовного забвения и непреодолимой любви ко всему английскому и французскому, немецкому и голландскому стало модным говорить о дионисических культах, их невероятной прелести, о силе и красоте язычества, говорить притом из любви к русскому народу, не понимая того предмета, о котором говорят. Нисколько не вдаваясь в полемику, следует указать только на абсолютную неисторичность таких рассуждений. Выбор был сделан. Два. века, когда язычество еще оставалось в народе, у наших матерей и отцов было время решить, во что верить. Этот уникальный опыт двухвековых раздумий сделал народ специалистом по части понимания смысла жизни. Не обладая никакими нравственными основами, общеобязательными и очистительными для человеческой души, язычество могло стать религией в наши дни только для любителей легких шалостей и поисков истины в горах Тибета или в школах «просвещенных братьев». В годы тяжелых испытаний и созидательного труда язычество годилось только в качестве пугала, как изобретение явно бесовское и губительное для души.

В дни угнетения только неугасимая лампада пред ликом Спасителя была маяком и надеждой. Именно в православной вере народ видел воплощение своей души и своей правды.

На долю каждого в отдельности из европейских народов никогда не выпадало столько тягот и лишений, как на долю русского народа; внешняя борьба им не грозила полной гибелью, и они вполне могли позволить себе содержать племя людей, свою интеллигенцию, исповедующую двуличие как

достижение философской мысли. Философы-гуманисты как раз в то время, когда русская земля стонала от кровожадных грабителей, способных грабить и не способных созидать, писали друг другу шутливые послания, полные презрения к «толпе», не знающей тонкостей неоплатонизма и пифагорейства. Отчаянно издеваясь над католическим христианством, они не хотели попасть в «лгуны», и им больше импонировала интеллектуальная доктрина «двойной истины», в соответствии с которой есть две правды: одна для избранных интеллектуалов и другая для невежественной толпы. Для первых гностико-каббалистическая философия, для других — христианская религия. Для интеллектуалов две правды, для народа одна. Русское государство могло стоять только на одной правде, почему в глазах последующих, уже собственных просветителей-интеллигентов XVIII — XIX веков и попало в разряд диких и невежественных. Немало воды должно было утечь, немало труда и пота должно было быть вложено русским народом в его многострадальную землю, прежде чем на ней появятся любители «циркуля и наугольника» масонских лож, со сладострастным вниманием впитывающих в себя, скажем, такие строки любимого писателя:

«Русские никогда не станут истинно цивилизованными, — писал Руссо, — так как они подверглись цивилизации чересчур рано». То есть рано им вообще еще даже и думать о цивилизации, ибо они — ничто, скорее даже величина отрицательная. «Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого». В своей оценке русского народа Руссо был не одинок. Интересно было бы поручить цивилизованному Руссо построить нечто на уровне храма Василия Блаженного или Покрова на Нерли. Для того, чтобы эти публицистические перлы просвещенного невежества и истинного варварства могли получить себе место под русским солнцем, нужно было как минимум покончить с набегами степняков, достигнуть немалых успехов в земледелии и ремеслах и дать такой государственный доход, чтобы на него можно было содержать и армию, и чиновников, и писателей, и журналистов, и преобразователей, и просветителей, и скульпторов, и архитекторов, дабы те воздвигали свои европейские Парадизы.

В отношении Петра I высказывались идеи более трезвые и менее романтичные, чем пушкинские строки из «Полтавы». Петр не только не прорубил окно в Европу, а скорее закрыл его, и, как показала историческая практика, закрыл надолго. Надев мундиры, капитально разорив страну — так, что по ряду губерний недосчитывалось до 40 процентов населения, — создав громоздкую чиновничью машину, он пошел по тому же пути закабаления всего населения, что и Иван IV, то есть применил далеко не европейские методы хозяйствования. И, как ни покажется это парадоксальным, именно поэтому, возможно, и вызвал, столь длительные и устойчивые симпатии многих историков прошлого и настоящего. По крайней мере, по ходу изложения материала эта мысль, возможно, станет менее неожиданной, чем теперь.

Так или иначе, но именно с его преобразований начинается новая веха в жизни страны.

Общий подъем, хозяйственный и культурный, наметился уже с тридцатых годов XVII столетия. Распавшаяся и прекратившая свое существование как государственный организм, Россия вышла с честью из тяжкого испытания Смутного времени. Опираясь исключительно на свои силы, при еще слабом, совсем молоденьком царе, еще разоренная и голодная, полная разбойничьих шаек, с пустой казной, Россия не только отстраивается, но и вынужденно ведет оборонительные войны на юге и западе. «Кто сомневается в разуме Русского народа за время до воцарения Петра I, — пишет в своем донесении королю прусский дипломат Фокеред в сентябре 1737 года, донесении, не предназначавшемся для публикации, — тому следует только бросить взгляд назад на Русскую историю и взвесить все то, что совершилось в предыдущем столетии, когда русские после того, как государство раздробилось... на бесчисленное множество партий и внутренними и внешними врагами приведено было на край погибели (...), когда русские, говорю я, после стольких бедствий, собственными силами и твердым образом действий, без всякой чужеземной помощи, без малейшего содействия со стороны какого-либо иностранного министра или полководца, с помощью того же военного искусства, которое сохранилось у них исстари, не только восстановили свою монархию, очистили отечество от столь могущественных врагов « менее чем в 50 лет вернули все те области, которые были ими поневоле уступлены до Ингрии и части Карелии, но сверх того отторгли от Поляков, кроме Смоленска, еще Киев, Чернигов и Северскую область. Они даже вынудили Оттоманскую Порту, находившуюся в то время на высоте могущества и величия, уступить им Казаков вместе со всею Украиною. И все это совершилось в царствование государей, которые не отличались ни особенным мужеством, ни превосходством разума и к тому же исходили от такого нового рода, что их первому царю Михаилу едва ли удалось бы доказать правоспособность свою, если бы он принадлежал к одной из Германских династий».

Нам известен облик русского крестьянина, из года в год беднеющего на протяжении веков. Эмоциональным дополнением, подкреплением, так сказать, этой концепции стали радищевские описания забитого и бессловесного, как скотина, замотанного в тряпье, дурно пахнущего мужика или бабы. Впрочем, начало этому гротескному описанию крестьянина, долженствующему вызвать к нему жалость и брезгливость, а помещиков представить звероподобными,

положили, как известно, петербургские, а затем московские мартинисты. Именно в 70-е годы XVIII столетия в просветительской литературе появляются бесчисленные «путешествия», не утруждаемые даже выходом «за сбором материала» за пределы кабинета. Написанные с заранее заданной целью, они и не нуждались в какой-либо правдивости. Таков, например, «Отрывок путешествия в...*** И...*** Т***», появившийся в новиковском журнале «Живописец» (выходил в Петербурге в 1772-1773 годах) и ставший образцом для всех последующих «путешествий» просветительской литературы. Посмотрим, как современный литературовед анализирует это произведение. «Вначале здесь заявляется тезис, определяющий задание — доказать виновность помещиков в нищете крестьян. ...Отрицательное чувство по отношению к виновнику нищеты крестьян все более и более обостряется, но вместе с тем усиливается и впечатление какой-то рассудочности и искусственной патетичности обличения. Впечатление это возникает от того, что писатель не столько размышляет по поводу виденного, сколько стремится убедить читателя в истинности того, что он видел».

Мрачная картина несуществующей деревни в духе жалостливого сентиментализма и желания вызвать во что бы то ни стало слезу усиливается наслоением деталей. «Искусственность такого приема разоблачения нельзя не заметить», — замечает исследователь и здесь ошибается.

Десятки поколений гимназистов и школьников принимали и принимают за чистую монету эти описания путешествий, которых никогда не было. Им и невдомек, что они имеют дело со «свободой вымысла», которая есть «свобода» присочинения ситуаций одного и того же смыслового ряда. В качестве приема использовалось знание деталей. «Именно знание деталей должно было убедить читателя в том, что автор — очевидец описываемого», — пишет современный исследователь. Уже в то время, как мы видим, журналисты не зря ели свой хлеб и хорошо знали психологию читателя. И в последующие годы никакой другой информации, более достоверной и меньше связанной с пропагандистскими целями просветителей-мартинистов, школьникам не предоставлялось и не представляется до сих пор.

Именно поэтому разоблачители русской деревни имели возможность «последовательно подстраивать все новые и новые факты, ситуации». Перед нами предстает убогий крестьянин, не способный постоять за себя, человек без мысли и идеалов. Он думает только о еде, его речи — это сплошные жалобы на притеснения, его жизнь — это сплошная мука, лишенная всяких человеческих представлений о достоинстве, любви и счастье. Напротив него стоит жалостливый барин, снисходительный и образованный. Мы, правда, нигде при этом не видим, чтобы этот самый барин с чувствительным сердцем бросался на помощь страдающему и обремененному русскому крестьянину. Мучитель всегда отсутствует, и роль просветителя сводится к сочувственным вздохам и патетическим восклицаниям. Любопытно, что примерно в то же самое время, когда Новиков опубликовал свое «Путешествие в...» и Радищев свое «Путешествие из...», англичанин-путешественник, вполне реальный, оставил свои путевые наблюдения.

Он описывает Москву, повальную любовь москвичей к игре в шашки, отмечает богатые рынки, на которых продаются ананасы, выращенные в самой столице; особенно его поразило, что торгуют разборными домами на любой вкус, так что покупатель только заявляет, сколько ему нужно комнат, и либо перевозит дом сам, либо покупает его с условием, что ему его привезут на место и приспособят сразу для жилья. Причем англичанин с удивлением отмечает, что дома эти и обширные, и с красивыми фасадами («Русская старина», 1873, № 2).

По пути из Москвы в Петербург он остановился в доме священника, «который ничем не отличался от прочих изб» и был чистый и уютный. Священник был одет в крестьянскую рубаху и отличался от крестьян только своими длинными волосами. Вместе с матушкой и всей своей семьей он занимался «приготовлением икры из рыбы, которая ловится в большом количестве во Мете».

По дороге путешественники видели в большом количестве быков, которых гнали из Украины в Петербург.

Деревни, попадавшиеся ему на дороге, имеют одну улицу с избами и «хорошо приспособлены для здешнего сурового климата».

«В обращении друг с другом крестьяне в этой местности очень вежливы, при встрече снимают шапки и кланяются». Далее он отмечает: «Крестьяне тут хорошо одеты и хорошо питаются: обычную их пищу составляет ржаной хлеб, изредка белый, овощи, грибы; разного рода пироги, свинина, соленая рыба, похлебка, сильно приправленная луком и чесноком». Грибов великое множество и всех разновидностей. Следует любопытное наблюдение, характеризующее быт русского простонародья.

«Во время моего путешествия я был поражен удивительной любовью русского народа к пению — крестьяне, исполнявшие обязанности ямщиков, взобравшись на козла, тотчас начинали напевать и пели не переставая несколько часов: ямщики поют от начала станции до конца; солдаты поют во время похода; крестьяне поют во время работы; не раз среди вечерней тишины я слышал, как неслись песни из окрестных деревень».

Между тем песня, которую поет Радищев о горестной судьбе русского крестьянина, взята им не из русских деревень. В ней отчетливо звучит мартинистская тема, заимствованная из масонских лож храма Соломона. Она исполняется защитником «вольности и прав» Радищевым в классическом ключе вольных каменщиков. В главе «Бронницы» автор обращается почему-то к «Строителю и Содержателю природы» и восклицает: «...почитание его однакож

стремится к Тебе Предвечному, и он трепещет пред Твоим могуществом. Егова, Юпитер, Брама, Бог Авраама, Бог Моисея, Бог Конфуция, Бог Зороастра, Бог Сократа, Бог Марка Аврелия, Бог Христиан, о Бог мой! Ты един повсюду». Для того чтобы сравнять Егову с Христом Спасителем, немало должно было пройти времени, и без петровской реформы едва ли это было бы осуществимо. Пути русской православной церкви продолжали оставаться путями святой Руси, по которой шла Россия мужичья, трудовая, мещанская и купеческая. Россия чиновничья, мундирная и салонная перед грудой костей и черепом клялась в вечной верности и послушании невидимым заморским начальникам и «вечному, всемогущему Иегове духом и истиною» (Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины П. Пг., 1917, с. 70) [3].

Известно, что все интеллигенты немецкой слободы стали для Петра профессорами первого для него «западного университета». Вместо истины богооткровения он свято уверился в истинах «естественного права». Возможно, что наиболее импонирующим в этом древнем учении о «естественном разуме», «естественном праве» и «естественной религии» [4] было признание любого человеческого поступка, как естественного и в некотором смысле даже неизбежного... любого. Со стеснительной дисциплиной религии Спасителя и Его богооткровенного сосуда — церковью — было покончено.

А вместе с тем и со всем ее духовным опытом, и с культурным наследием Московской Руси. Московские бояре уже давно тяготились своей нравственной зависимостью от церкви, и по мере того, как улучшалась жизнь и все меньше врагов возникало на границах страны, им больше хотелось радоваться земным утехам, не испытывая угрызений совести, которые иной раз могут испортить любое удовольствие. Русский простолюдин тоже хотел и умел радоваться, но эти радости он получал в первую очередь от сознания верности заветам предков и церковным правилам. Его совестливость не давала ему заснуть и умереть духовной смертью. И он ведь не был глуп или забит. Могли ли забитые и глупые справиться с теми задачами, которые стояли перед ними задолго до внедрения в жизнь русских людей идей гедонизма, проповедуемых «естественными религиями» с их неестественными пороками, с их досужими размышлениями о добродетелях, измеряемых «циркулем разума и отвесом равенства». Уже цитированный нами прусский посланник Фокеред пишет: «Даже если не брать на себя труд в том (то есть что не могли бы «глупые и пустые» люди достигнуть того, о чем уже говорилось выше, то есть восстановить государство и раздвинуть границы после Смутного времени. В.О.), то стоит лишь остановиться на простом русском гражданине или крестьянине, на которого не распространялись (! — В.О.) образовательные стремления Петра I, и вникнуть, насколько в нем заметно проявление ума и душевных сил. При подобном наблюдении немедленно окажется, что русский вообще всюду, где он не связан предрассудками своего отечества и своей веры, одарен здравым природным умом и ясным суждением; что при этом он обладает необыкновенной способностью понимания, большою находчивостью в изобретении средств к достижению своей цели и умением обращать в свою пользу малейшее благоприятное обстоятельство». Фокеред также отмечает, что «большинство русских людей одарено достаточным природным красноречием при предъявлении своих нужд и разумной разборчивостью между тем, что может быть полезным или вредным». Не имея никакой нужды проводить какую-либо предвзятую линию суждений, так как записка не предназначалась, как уже было сказано, к публикации и имела исключительно служебный характер, Фокеред далее заключает свое рассуждение о характерах русских людей так: «И при этом все это (т.е. сообразительность и рассудительность. — В.О.) проявляется у них в несравненно больших размерах, чем мы привыкли встречать среди простонародья в Германии или где бы то ни было».

Не подлежит сомнению, что личные наклонности Петра и его окружения сыграли не последнюю роль в характере его преобразований. Садизм Петра, его крайняя развращенность, противоестественные наклонности вполне сочетались с кощунственными обрядами его всепьяного «.собора», где «птенцы Петра» предавались самым грязным порокам в духе своего властелина. Царь-палач, наслаждавшийся предсмертными судорогами своих истерзанных жертв, которым он сам ломал руки и ноги, душил и жег, и в этом, как и во многом другом похожий на Ивана IV Грозного, у москвичей не вызывал ничего, кроме отвращения. Его память чтилась только гвардейцами, «которые не могут забыть значения и отличия, принадлежавшего им в его царствование» (Фокеред. Указ соч., с. 1415). Правда, культ Петра, разу после его смерти приобрел официальное значение. Но поддержки не находил, наоборот, «...большинство... не только возводит на него обвинение в отвратительнейшем разврате, которого без особенного стыда не может коснуться никакое перо, но и в самых ужасных жестокостях». Преобразования Петра, вызывавшие столько восторгов среди рожденных этими же преобразованиями чиновников и литераторов, не вызывали радости со стороны современников Петра [5], как, впрочем, и в последующем со стороны крестьян, то есть едва ли не 85 процентов населения страны.

[3] Подробную библиографию см. в конце книги.

[4] По воззрению масонов, суть «естественного» заключена в еврейском учении — Торс, точнее, каббале, которая заключает в себя «план мироздания» по мнению иудаистов. (Здесь и далее прим. автора).

[5] См. Фокеред. Указ. Статья: «Но всего менее могут русские вообще преодолеть отвращение к тем порядкам, которые введены Петром I в управлении государством и подавить в себе пламенное стремление избавится от школьной указки иностранцев и восстановить образ правления на старых основаниях» (см. Библиографию).

«На эту часть нации правительство, что случается при победивших революциях, смотрело как на сборище недовольных, почти как на бунтовщиков», — писал Герцен. Для большинства же населения реформы Петра представлялись «не только покушением на их обычаи и образ жизни, но вмешательством государства в их дела, бюрократическими придирками, каким-то неясным и неопределенным отягощением их рабства» (А.И. Герцен). И это при том, что создание «табели о рангах» открывало путь в дворянство представителям всех сословий, включая и крестьян. «Сын крестьянина, освобожденный общиной или помещиком, после окончания гимназии делается дворянином. Лицо, получившее орден, живописец, принятый в академию, становится дворянином» (Герцен). Любопытны те доводы, который приводили русские против реформ Петра: «Петербург и морское ведомство представляется их глазам каким-то чудовищем», — пишет Фокеред. По чести сказать, и по прошествии почти трех столетий этот град Петров вполне выглядит и сейчас как искусственное построение. Особенно если знать, что его строительство представляло, по существу, первый концентрационный лагерь на территории страны. Не только русские, но и иноземцы не могли понять смысла строительства этого города, находящегося рядом с враждебным государством, удаленного от всех жизненно важных центров страны. Конечно, перенесение столицы — это нечто большее, чем экономические интересы. С Московской Русью новая англо-немецко-франкоязычная чиновная администрация не хотела иметь ничего общего. Да она и не смогла бы существовать в Москве. В момент проведения реформ государству, как известно, не угрожал никакой враг. И поэтому большинство населения неодобрительно отнеслось к военным «развлечениям» Петра, положившего в землю едва ли не миллион своих подданных и наполнившего дороги страны увечными ветеранами. Россия и до Петра успешно вела свои войны, в государстве производились необходимые преобразования, существовали и полки иноземного образца. Речь поэтому не идет о технических новшествах в государстве, которое всегда стояло на уровне своего века и без чего защита границ от сильных и опасных врагов была бы немыслима. «Вот если бы наше отечество подверглось нападению неприятеля или нашему благосостоянию угрожала бы опасность, то мы сочли бы себя обязанными соединиться все воедино и, отложив в сторону всякие неудобства, содействовать нашему государю в защите своих границ. И это мы всегда, без всякой чужой помощи и указания исполняли честно и с таким успехом, что после усмирения тех смут, которые иностранцы вызвали у нас сто лет назад, никакой неприятель не приобрел ни пяди нашей земли, и, напротив того, нам удалось вернуть все области, отвергнутые у нас нашими соседями во время этих смут, даже бесплодную Ингерманландию. Все это мы выполнили охотно и с радостью, потому что были убеждены, что мы боролись за свое собственное благо и что после испытанных опасностей мы пожнем в нашем отечестве, под сенью мира, плоды наших усилий»; сейчас, «ни один сосед не расположен оскорблять нас. (...) Тем не менее не успеваем мы заключить мира, как уже задумывают новую войну, не имеющую по большей части иного основания, как честолюбие государя или даже его министров. Им в угоду не только изнуряют наших крестьян до последней кровинки, но мы вынуждены нести службу лично и покидать наши дома и семейства на долгие годы», и «когда нам наконец посчастливится быть уволенными от службы по старости или по болезни, то мы до конца нашей жизни не можем восстановить нашего благосостояния», — передает мнение русских тот же Фокеред.

В последующей интеллигентной обработке этой же, петровской, темы явно зазвучала ницшеанская тема героя-одиночки, просвещенном в некоем святилище светом истинного знания и борющегося с собственным народом во имя блага государства. В этом образе Петра I угадывается Хирам, строитель храма Соломона из масонской легенды, Прометей, Данко...

Государство стало мыслиться в соответствии с идеями утойистов и просветителей как некий «Левиафан» Гоббса, как нечто обладающее исключительно самостоятельной ценностью и, в сущности, вполне могущее существовать и без населяющих его жителей. Перед нами законченный образец тоталитарной идеологии, рожденной в просветительскую эпоху «культа разума». Счастье человека заменяется счастьем государства. Эта идея нашла себе законченное выражение у Кампанеллы, Томаса Мора, Морелли в его «Кодексе природы», этом вдохновляющем образце для французской революции и бабувистов, а также в ряде произведений масонских Утопий, о чем речь пойдет дальше. Петр, сей один против своего отсталого, дикого и погрязшего в невежестве народа, проводит свои спасительные реформы. Идея героя-одиночки и темной невежественной толпы, идея масонско-иудейской догматики, вошедшая в наши учебники. Современный историк вполне в духе вышеописанной схемы, являющейся метафизической догмой, провозглашенной впервые еще 260 лет назад понятливым Феофаном Прокоповичем, пишет: «Собственно, в прежнем своем состоянии исконного боярского бездействия (? — В. О.), невежества и самодовольной спеси Россия не только никогда (почему «никогда»? — В.О.) не пробилась бы к Балтике, она обрекла бы себя на утрату независимости». В этой цитате слышишь голоса создателей мифа о «темной и невежественной России», осчастливленной лишь гением Петра. Предположим, что и «осчастливленной», но вот историческая справка относительно боярского исконного бездействия вообще, и «спесивой России» в частности.

Итак, «представление о боярстве как постоянной аристократической оппозиции во многом возникло под влиянием знакомства с историей Западной Европы», — пишет историк Кобрин. Заметим, возникло в наших представлениях. движимых желанием подвести русскую историю под средний европейский стандарт чтобы все было «как у людей». «Но сопоставление это

грешит неточностью. Прежде всего, на Руси не было боярских замков. (...) Когда подходил неприятель... боярин никогда не принимался за укрепление и оборону своей собственной усадьбы. Летописи при описании военных действий обычно говорят о сожжении сел, то есть усадеб, и осаде городов. Русские бояре защищали (ср. — «состояние исконного боярского бездействия») не каждый свое село, а все вместе — княжеский (позднее — великокняжеский) град и все княжество».

«С молодых лет они участвуют в многочисленных войнах, которые вело Русское государство. Сабельный бой конных отрядов в ...битве, где не было ни отдаленных командных пунктов, ни дальнобойной артиллерии, уравнивал перед лицом опасности воеводу и его подчиненных. Пожалуй, для воеводы риск порой был даже большим: в решающие мгновения он должен был оказаться впереди — во главе, в буквальном смысле этого слова, своего полка. (...) Именно на воеводу старался направить свои удары неприятель: его убить и выгоднее для победы, и престижнее. В родословиях боярских родов при многих именах стоят пометы о гибели в той или иной битве. Видимо, воинская доблесть входила в систему ценностей бояр.

До нас не дошло даже сообщений о том, что, мол, такой-то боярин струсил в сражении». Талантливые полководцы, организаторы охраны рубежей от набегов крымских ханов и западного порубежья, они несли свою нелегкую службу, не подозревая, что когда-нибудь их назовут бездельниками, спесивыми и невежественными. Их, чьи тела были покрыты шрамами, кто не сходил сутками с коней, тех, кто, как Скопин-Шуйский, в 23 года командовал войсками и громил интервентов, кто, как Михаиле Васильевич Воротынский, разгромил войска крымского хана в 1572 году и спас и Москву, и всю страну от страшного опустошения и кто был убит царем, еще недавно числившимся у наших историков в штате записных благодетелей русского народа, Иваном Грозным.

Когда Юрий Иванович Шемякин-Пронский первым ворвался во главе своего семитысячного полка в Казань при штурме и обеспечил полную победу русскому воинству, ему было чуть больше 20 лет. Верные сыны своего отечества. Их тела были покрыты шрамами, как и тело России.

Боярское бездействие — откуда взялось это государство? Кто его строил? Чьим духом и Разумом? Невежество, говаривал Пушкин, не знать свою историю. Это есть варварство. И наконец, «самодовольная спесь России».

Оставим на совести автора само выражение, но заметим: да, спесивые в ней были, и мы их увидим, но были ли они Русью? Читатели сами увидят, чьими сынами они были, эти спесивые.

Теперь о независимости. Этот обычный аргумент, обладающий доказательностью предыдущих утверждений автора и, надо признать, весьма распространенный среди историков прошлого и настоящего, звучит несколько странно, если имеешь желание познакомиться с политической картой Европы того времени, когда Петр начинал свою реформу.

Трудно сказать, чего больше в доказательствах величия Петра у наших историков — нелюбви к России или любви к Петру? Как раз к концу XVII века Россия покончила с опасностью утраты своей независимости и сама перешла в наступление как на своих южных соседей, так и на западных, осуществив воссоединение с Малороссией и вернув Смоленск. Перед угрозой утраты независимости оказалась скорее Польша, вступившая в полосу внутренних неурядиц.

Шведы... Но как будто никто не подозревает шведов в желании и возможности захвата ими России. Совершить поход грабительский могли, но вот захватить — сомнительно, мягко выражаясь.

Но существует другой факт, касающийся утраты независимости (цит. по: Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984, с.118): Петр I заимствовал на Западе у Гуго Греция и Пуфендорфа модную теорию о превалировании государственного над частным, личным, во имя идеи «сумма бонум», всеобщего блага. Государство, как чиновническо-бюрократический идеал какого-то отвлеченного метафизического начала, должно было полностью подчинить себе духовные начала народа, в первую очередь — церковь. Бюрократическая власть, существующая, поелику возможно, сама для себя, приобретает сакральный характер, со своими пророками и жрецами, становится самодовлеющей, лишенной положительного духовного содержания, властью, где само представление о некоем благе народном является более чем условным. Все во имя народа и все против народа — таков девиз новой власти и именно так и охарактеризовал, как мы видели, Герцен подобную ситуацию в стране, образовавшуюся в результате Петровских реформ. «Невежественный класс не будет отныне оказывать влияния ни на законодательство, ни на правительство; все делается... во имя народа, ничто не делается его собственными руками и под его неразумную (! — В.О.) диктовку». Так сказал на этот счет Кабанис, «брат» Вольтера, Франклина, Дантона, Парни и многих других достойных людей западного просвещения по масонской ложе «9-ти сестер». «Если чернь примется рассуждать — все погибло», — любил говаривать Вольтер. Эта монументальная мысль принадлежит всему Просвещению, которое принес Петр в Россию вместе со своими фрегатами, департаментами, морями и «окнами». Это олигархическая идея «демократического централизма».

Отныне власть и народ будут сотрудничать только в минуты роковые для России, и тут же расходиться. Не удивительно, что для осуществления подобной реформы потребовалось призвать на помощь иностранный легион, начавший колонизацию России. Ее верхи полностью утратили всякие признаки духовной независимости и, обуреваемые комплексом неполноценности, с

подобострастием взирали то на немцев, то на французов, то на англичан, решительно не ведая, в какой стране они живут и для чего живут, чей хлеб едят.

С момента гибели Константинополя Московское государство приняло на себя высокую миссию «Третьего Рима» и стало духовным наследником Византии. Генуэзские и венецианские купцы, западные гуманисты-туркофилы видели в османах в XVI и XVII веках некий идеал справедливости. По крайней мере, что касается купцов, то для них справедливость воплощалась в больших барышах, а для гуманистов, ненавидевших католическую церковь, в османах рисовались радужные мечты о некоей антихристианской социальной справедливости. Московское государство отныне воплотило в себе мировое православие и стало объектом бесконечной ненависти как «латинян-католиков», так и всякого рода сектантов, внутренних и внешних. Под влиянием православия и идеи «Святой Руси» выковывается могучий культурно-исторический тип русского народа, который и начал создавать Великую Империю. Однако этому миросозерцанию приходится выдержать нелегкую борьбу как с ересью жидовствующих, соблазнившую в XV веке и некоторых представителей великокняжеской семьи, и немало простых мирян, так и тяжелые испытания Смутного времени. Однако в период Петровских реформ наступает враг более мощный и коварный. Боярская прозападническая верхушка нашла в Петре выразителя своих интересов. Так казалось многим боярам: отнять власть у Церкви — и можно жить спокойно и в свое удовольствие. Эти тенденции вмешательства государственного, светского начала в дело церкви обнаружились уже в Уложении 1649 года, но наиболее ярко и драматически они проявились в судьбе патриарха Никона.

Со смертью патриарха Адриана (1700) кончается патриарший период и начинается синодальный, канонически дефектный в управлении православной церковью. Особенно тяжелые потери понесло русское монашество. Известно, что Петр живо интересовался устройством религиозной жизни в протестантских государствах, во время своих путешествий по Европе он посещал их соборы и встречался как с пасторами, так и раввинами (см.: Богословский М. М., Петр I. Материалы для биографии. Т. 2., с. 161, 323, 367. Л. 1940). Он был бы не против вообще ликвидировать православие, как ему неоднократно советовали пасторы и раввины. Однако Петр, выслушивая эти советы, только улыбался. Вы не знаете, что вы говорите, отвечал он. Пойти на такую меру он не мог, боялся. После смерти патриарха прошло 20 лет, а он все думал, на что решиться. И именно те из бояр, кто так активно нападал на Никона, посоветовали ему не назначать больше патриарха. Среди русского духовенства у Петра I не было сторонников в проведении церковной реформы по протестантским образцам, и он обращается за помощью к духовенству малороссийскому, получавшему образование в Киево-Могадянской академии, где богословие было построено по католическому образцу, преимущественно иезуитскому. Феофан Прокопович стал подлинной находкой для Петра. Он полностью отверг ценность монашества, краеугольный камень русской православной аскезы, духовного опыта христианина. Особенно любопытно изданное в 1724 году «Объявление о звании монашеском», написанное Феофаном по заказу властей и содержащее резкие нападки на монашество. Во 2-й части «Духовного Регламента», составленного им же, читаем: «Не принимать в монахи ниже тридесятого году возраста. Женщин моложе 50-ти не постригать. Скитков пустынных строити не попускати. Монахам никаких писем, как и выписок из книги, не писать, чернил и бумаги не держать». Церковь отстранялась от народного образования, от школы.

Запретив монаху держать у себя в келье перо и чернила и даже делать выписки из книг, новая немецкоязычная власть обнаружила свою враждебность духовным началам русского народа, враждебность, которая не может окупиться никакими представлениями ни о какой «сумма бонум». Что за ценность — эта «европейская цивилизация», ради которой можно прикончить и человеческую душу? В 1723 году последовал еще один указ: «Во всех монастырях учинить ведомость, колико в них монахов и монахинь обретается, и впредь отнюдь никого не постригать, а на убылые места определять отставных солдат». В результате последующих правительственных реформ наследников Петра монастыри обезлюдели, богатые обители обеднели до .крайности и, прежде небогатые, закрылись, а церкви в монастырях нередко стояли без глав и крестов, их крыши прорастали мхом, а «кельи, покосившись в сторону, стояли на подпорах, ограды были полуразрушенными». Не хватало иеромонахов, в монастырях доживали свой век престарелые и больные. Случалось, и нередко, что все разбредались и монастырь закрывался. А ведь именно монастырские школы были главными очагами народного образования и грамотности. В результате реформ Петра общая грамотность народа резко упала и во времена Александра I была ниже, чем при царе Алексее Михайловиче, о чем, кстати, писал и Пушкин.

Одновременно, а правильнее сказать, благодаря реформам, появляется новый тип русского человека — чиновник, и возникает потребность в новой идеологии. В идеологах нуждался уже Петр. Однако его «птенцы» умели присваивать в обширных размерах народные деньги, не очень хорошо воевать, но идеологами быть они и вовсе не умели. Земское, общее государево дело, бывшее делом всей земли, сменяется теперь делом «государственным», отчужденным от народа и олицетворенным в чиновнике. И теперь, когда цели и деяния созданного на европейский лад правительства с полным отстранением народа от участия в жизни своего же государства стали неясны и туманны, потребовались комментаторы «государственного интереса». Последующие историки, с тяжелым вздохом пропускающие весь период Московской Руси, прокатным штампом пройдясь по «бездельникам боярам» и «дикарям

крестьянам», которых только из интеллигентного камуфляжа под выразителя «интересов народа» не называют именно таким словом — «дикари», с радостным облегчением, как на некоем оазисе, или, вернее, на долгожданном веке Астреи, останавливают свой влюбленный взор на Петре и последующем петербургском периоде российской истории. Здесь не колет глаза ничья излишняя правдивость и жертвенность. В обилии появляются бунтари, а куртуазные нравы дворянства становятся идеалом тогда же и появившейся интеллигенции. Теперь — все как там. у них. в Европе: и классовые бои, и бунтари, и парадизы, и масонские ложи. одним словом, все как у людей. Петровские преобразования открыли без всяких выстрелов на границе русские просторы для двунадесяти языков западных искателей «счастья и чинов». Не только две столицы наполняются этими языками. Уже ко времени императрицы Елизаветы воспитание молодого поколения дворян переходит в руки немцев, англичан и французов. А нередко в качестве гувернеров выступали и евреи, выдающие себя за французов или немцев, как о том пишет Вигель: «При сестрах моих являлись по временам какие-то мамзели, немки или француженки, а может быть, крещеные жидовки, которые за таковых себя выдавали, но доказанное невежество или безнравственность скоро заставляли отсылать их» (Воспоминания. М., 1866, т. 1, ч. 1, с. 69).

Книжная продукция на протяжении едва ли не всего XVIII столетия составлялась исключительно из сочинений западных литератур, переводов или подражаний им.

Своей подобной пока нет. Это станет делом братьев Соломоновых наук, рыцарей Орла и Пеликана, наследников «некоей философской секты» в Иудее, как любил называть профессор Московского университета Шварц просветителей-интеллигентов, членов масонских лож.

Можно наугад открыть биографию любого деятеля культуры и политики XVIII или XIX столетий и посмотреть, кто их воспитывал. «В высшем кругу московского общества обучение и образование юношества исключительно поручалось иностранным домашним наставникам, которых преимущественно выписывали из Женевы, Монбельяра и Страсбурга», — пишет о периоде правления Екатерины II Д. П. Рунич. Болотов оставил схожую картину своего воспитания, протекавшего под руководством немца, нещадно бившего мальчика. Впоследствии Болотов сам постигал премудрости западной мысли по рационалистической философии Вольфа и немецким романам.

...Никита Муравьев родился 19 августа 1795 года, когда уже не надо было посылать молодых дворян в Европу, как в первые годы правления великого реформатора, а сама Европа покатила в Россию осваивать «Дикий край» Бармы и Постника, преподобных Сергия и Иосифа Волоцкого, Епифания Премудрого и прочих «дикарей», вполне способных пропитать многочисленную орду цивилизаторов. И, как следует по логике вещей, пропитать лучше, чем они, цивилизаторы, питались у себя, в своих цивилизованных странах. Воздействие «цивилизаторов» на русское общество можно увидеть на примере семьи Муравьевых, давшей двух декабристов.

Отец Никиты построил воспитание своих сыновей на идеях отнюдь не вышеназванных «дикарей», то есть не на идеях русской традиции. В его библиотеке имелись пособия Амоса Коменского, известного идеолога реформированного английского масонства, основателя многих тайных обществ. Известно, что составитель Устава Вольных Каменщиков, пастор и богослов Андерсен, за основу своего Устава взял именно сочинения Амоса Коменского, члена общины моравских братьев, этого порождения секты вальденсов и альбигойцев, исповедовавших гностико-каббалистическое учение манихеев. (см.: Геккерторн. Тайные общества. СПб., 1876, ч. 1.) В библиотеке отца будущего декабриста Никиты имелись и произведения Фенелона, учителя Михаила Андрэ Рамзая, основателя высоких степеней Ордена вольных каменщиков, крупного мистика. Книга Руссо «Эмиль, или О воспитаниии» пользовалась особым уважением отца декабриста, и, по чести говоря, на ней, этой книге, следовало бы остановиться подробнее. Заложенные в ней идеи ограниченных потребностей и уравнительного «братства» послужили исходным идейным материалом для многих утопий тоталитарных государств. Утопий, которым нашлось место и на земле и осуществление которых дорого обошлось человечеству и русскому народу особенно. После смерти отца за воспитание будущего декабриста Никиты Муравьева, взращенного «в идеях (в конце концов! — В.О.) национализма и вдохновленного образцами античной доблести» (Н. М. Дружинин), взялись двое гувернеров: один из Парижа — Мейер, а другой из Швейцарии. Об одном из них, Мейере, Ф. Ф. Вигель сообщает, «...он был совершенно каторжный. Я слыхал и читывал о санкюлотизме, бывшем в ужаснейшие и отвратительнейшие дни французской революции, а не имел об нем настоящего понятия; он мне предстал в лице г. Магиера (т.е. Мейера. — В.О.). Наглость и дерзость, безнравственность и неверие перешли в нем за границы возможного. Не понимаю, как пустили его в Россию, а еще менее, как одна нежная и попечительная мать могла поручить ему воспитание любимейшего сына. Мальчик... от пагубных правил, почти в младенчестве внушенных ему сим отравителем, сделался почти преступным и кончил несчастную жизнь, едва перешел за обыкновенную половину пути ее». В стране, где господствующей религией была христианская православная, будущего исповедника национальной идеи «идеям религиозным» учил аббат Шокель. Надо ли говорить, что и преподавание всех учебных предметов велось на французском языке, «не исключая и родного русского языка» (!). Муравьев хорошо изучил латинский и греческий и мог самостоятельно переводить Тацита, постигая всем сердцем республиканские доблести и ненависть к

тиранам. То ли эта ненависть к тиранам, то ли уроки аббата, то ли просто природные способности и наклонности, но составитель первой русской конституции прекрасно овладел искусством добывания денег. искусством делать гешефт, следуя в этом по стопам таких духовных наставников, как Вольтер, Бенжамен Констан, Руссо и прочие защитники «вольности и прав». Будучи владельцем 3,5 тысячи душ и 57 тысяч десятин земли, в то самое время, когда одна его, декабриста, часть занимается составлением конституции, другая его часть думает о наращивании капитала. Он налагает оброк с переселенцев на свои новые земли по 10 рублей с ревизской души или по 1 рублю с пашенной десятины, получая оброк и с других своих имений в размерах весьма значительных, ведь только само его нижегородское имение давало ему ежегодно 30 тысяч рублей, а оценивалось оно не менее чем в 1 млн. рублей; он вкладывает деньги в ростовщические операции. А крестьяне? Их он не забывает ни в теории, ни в практике. Будучи миллионером, он лично едет в имение для взыскания с каждого должника-крестьянина недоимки.

«Каждый день я даю аудиенцию, передо мной прошло уже более 300 отцов семейств, — пишет декабрист Никита Муравьев своей матери. — Я начал актами милости и приказал выпустить 5 крестьян, посаженных в исправительный дом за непослушание и неплатеж оброка. Остальное время ушло на проверку счетов и на усилия вытребовать крестьянские деньги — от их должников... ты смеялась бы до слез, присутствуя при моих проповедях к крестьянам. Иногда я громлю их, иногда забавляю их шуткою и заставляю их смеяться, минуту спустя я действую на их чувствительность... плачут старики, тогда как молодежь остается твердокаменной». Наступает кульминация: «Через каждые четверть часа какой-нибудь крестьянин отделяется от всей группы и подходит положить на стол некоторую сумму денег, соглашаясь со справедливостью высказанных мною суждений». Академик Дружинин по этому поводу замечает: « ..Н. Муравьев подходит с точки зрения ожидаемого дохода... в его рассуждениях проскальзывает иногда моральная точка зрения (жаль, что академик не уточняет — моральная или аморальная. — В.О.), но не ей принадлежит последнее, решающее слово». Видимо, все-таки «моральная» навевает академику мысли о чем-то не очень моральном. Впрочем, лексика в смысле сокрытия морально-аморального поистине обладает волшебными качествами делать невидимками подобного рода проблемы. Дело в том, что «идеология Н. Муравьева складывалась под влиянием новых, капиталистических отношений». Вопрос о моральности снят. Заметим попутно, что образование свое Никита Михайлович Муравьев получал не только от домашних гувернеров, но и в масонской ложе «Трех добродетелей», где он быстро, в течение одного года, достиг звания мастера и стал официалом ложи, произнося поучительные для братьев «циркуля и наугольника» речи.

Русский интеллигент, заметил кто-то, как бы все время пытается что-то вспомнить. Это мучительное состояние что-то вспомнить, эта попытка совместить многопопечительную Марфу с Марией, которой «единое есть на потребу», рождают страдальческие вздохи и равны попытке решить квадратуру круга. Приняв как безусловную истину учение о всякого рода неизбежных закономерностях, он никак не может понять, что же делать ему самому, что же зависит от него-то, бедолаги. «Закономерности» кончаются уже в течение жизни одного поколения, и о их существовании интеллигент узнавал из французских или немецких брошюр. Их, эти «закономерности» общественного развития, браво отменяют те, кто их же и организует, но в следующее поколение уже рождается следующая мифическая «закономерность», единственное предназначение которой — снять ответственность за свои поступки с вершителей судеб человеческих. Приученный жить по указке со стороны, петь по чужой погудке, верить в газетные ценности и обсуждать только то, что в них обсуждается, интеллигент — вольтерьянец еще на заре своего младенчества, при самом первом своем появлении на сцене русской жизни, уже утратил всякую способность мыслить критически и стоять твердо на позициях трезвого разума, утратил именно в той мере, в какой приобрел лоск вольтерьянского скептицизма. Среди разного рода ходячих мнений о психологии русского народа имеются и как бы ставшие общим местом рассуждения о его рабских чертах, вызванных будто бы деспотической формой правления времен Московской Руси и далее от Петра к нашему времени [6].

Это мнение родилось не сегодня, и его поддерживали либеральные историки, такие, как Милюков. Факты не подтверждают ни наличия деспотического правления в прошлом, в том числе в Московской Руси, равно как и во времена российских самодержцев, поставленных охранять «устои благочестия», как о том говорится в основных законах Российской империи. «Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов веры и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния», — гласил Свод законов Российской империи (СПб., 1832, т. 1, ч. 1, ст. 42, 40). Правления Петра, бироновщины было достаточно, чтобы разрушить прежнюю систему правления страной и создать зачатки нового, чиновничьего сословия, но было недостаточно, чтобы навязать стране какую-либо административную диктатуру. А тем более какую-либо идеологию, единую для всей страны. Скорее наоборот, открылось новое поприще для вольнодумцев, не желающих ни во что верить, кроме карьеры и наград, этих

[6] Удивительный парадокс, никогда никем не рассматривавшийся: по-настоящему деспотической формой правления являлась система управления еврейских общин кагалом, власть которого над жизнью еврея безгранична, но почему-то эта кагальная форма правления воспитывала «освободителей», «преобразователей», «реформаторов» и «истинных интеллигентов». Не в этой ли кагальной форме правления надо искать секрет нынешних демократий и культуры.

путеводных звезд чиновничества. Нетрудно понять, что из-под палки государство, ведущее в тяжелейших условиях бесконечные войны с крайним напряжением всех своих сил — и военных, и духовных, и трудовых, — не способно было простоять и одного дня. Только осознанием каждым русским дела государева как своего, а государем дела земли как близкое и родное, только когда каждый знает свое место и свое дело, только при наличии общей всему населению религии, духовной культуры русская нация могла осуществить себя в истории. Так становилась на ноги и крепла Московская Русь. Деспотизм слишком дорого стоит, и трудного дела с ним не сделаешь, государства на нем крепкого не построишь. Царствование Ивана Грозного тому пример. Пока царь делал общее всей земле дело, народ шел за ним и следовали победа за победой, нужные и полезные стране. Но как только начался дикий произвол и последовала опричнина — победы прекратились. Страна потеряла завоеванные земли, и впереди замаячило Смутное время.

Земля по призыву патриарха Гермогена собралась, когда уже не только палки, но и никакой власти не было, и, не имея никакого правительства, выгнала интервентов и восстановила свою государственность, восстановила Земским собором царскую власть и начала шествие на Восток, осваивая Сибирь, и на Запад, освобождая православное население от гнета католической Польши и евреев-арендаторов (см.: Грец. История евреев. Одесса, 1906).

С Петра начинается подлинный плюрализм верований и мнений, чаще всего враждебный и православной церкви, и самой царской власти: идет проповедь всякого рода деизма-пантеизма, то есть каббалистических доктрин, и обсуждение форм политической власти в духе убогого рационализма «общественного договора» и «естественной религии» — этого обветшалого достояния античной языческой мудрости, подновленной современным французским языком язвительных острот и метафорических софизмов.

«Зарево всякого рода антирелигиозных идей и увлечений слишком ярко горело на умственном горизонте того времени, чтобы не бросить зловещих лучей на тех, кто слишком близко подходил к этому горизонту», — пишет о времени Екатерины II исследователь того времени. (Маккавеев И. Екатерина II и церковь. — «Странник». 1904, с. 787).

Это зарево, однако, загорелось намного раньше, едва ли не с первых шагов юного Петра. В дальнейшем это зарево разгоралось все ярче и ярче, пока не привело к гибели миллионов людей только за свою принадлежность к церкви и русскому народу. Пред тем были бомбы, подложенные под чудотворные иконы, глумление над крестными ходами, попрание креста и икон в 1904-1905 годах, когда попытки защитить религию от поругания стали называться черносотенством и шовинизмом. Зарево неверия и зловерия в царство Князя Мира сего особенно ярко разгорелось после 1917 года. В качестве примера: 6 января 1919 года архиепископ Тихон (Никаноров) Воронежский повешен на царских вратах в церкви монастыря святого Митрофана; вместе с ним было замучено еще 160 иереев. 19 января 1919 года были замучены пресвитер Андрей Зимин, его мать Доминика, жена Лидия, дочери Мария и еще две — 13 и 17 лет, села Чернигова Никольско-Уссурийского края, при этом матушку и детей истязали и затем пристрелили, а самого батюшку раздавили положив дверь на грудь и живот... Архиепископ Петр (Зверев) Воронежский заморожен и скончался, таким образом приняв мученический венец, на Соловках 15 января 1928 года, в самом начале 18-го года епископ Дионий (Сосновский) Измаильский был изрублен шашками на станции Вятка. В начале 1920 года протоиерей Владимир Цидринский, благочинный г. Липсинска Семиреченской области был привязан к хвосту необъезженной лошади и пущен в поле. От него остались одни кости. Митрополит Одесский и Херсонский Анатолий (Грисюк) подвергся длительному издевательству в заключении, где и погиб. Зимой 1918 года убит на мельнице протоиерей отец Павел (г. Елабуга), а до этого были расстреляны трое его сыновей. Погибли многие и многие тысячи. Называют цифру — 320 тысяч замученных, проколотых штыками, замороженных, раздавленных, расстрелянных, изрубленных шашками уже к 1919 году. Это еще до Соловков. Вот зрелый плод петровских реформ, екатерининского «просвещения» и заигрывания верховной власти с масонством и его позднего детища — кадетами... Верховная власть в России совершала грех апостасии все 200 лет — от Петра I до последнего самодержца и вела Россию к революции.

Глава вторая
ОБРАЗОВАНИЕ И МОРАЛЬ

Со времени императрицы Елизаветы воспитание благородного дворянского юношества неуклонно переходит в руки французских гувернеров. Конечно, семьи недостаточные не могли еще позволить себе содержать гувернеров из Парижа, и воспитание проводится еще в традиционном духе. Обучение грамоте вдет по Часослову и Псалтыри. Язык невероятно богатый и красочный вливается в душу ребенка, определяя и на последующие века все изобразительное богатство русской литературы. «Светоприемную свешу, сушим во тьме явльщуюся, зрим Святую Деву невещественную бо вжигаюши огнь, наставляет к разуму Божественному вся. зарею ум просвещающая, званием же почитаемая сими: Радуйся, яко многосветлое возсияваеши прмвещение; радуйся, яко многотекущую источаеши реку. Радуйся, купели живописующая образ; радуйся, греховную отьемлющая скверну. Радуйся, бане, омывающая совесть: радуйся, чаше, черплющая радость. Радуйся, обоняние Христова благоухания: радуйся, животе тайного веселия. Радуйся, Невеста Неневестная», — читал юноша Акафист Пресвятой Богородице и радовался.

Как и мы радуемся, «труждающиеся и обремененные», читая эти строки, читая с вниманием и трепетом душевным.

Наступил 1789 год. В стране давно уже господствовала мода на господина Вольтера. Как пишет один современник, многие, еще нетвердые в правилах грамматики российской, прямо с Часослова переходили к переводу Вольтера. «Более полувека Петр и преемники его, до Екатерины, постоянно изменяли и нравы, и обычаи русские...», однако в народном быту обычаи иностранные не только не принимались, напротив, возбуждали отвращение, которое народ имел к иностранцам.

Либерализм появился как антитеза верованиям и дисциплинирующему воздействию христианской церкви и в условиях России означал «медленную революцию», имея название «прогресса». По существу, целый ряд идеологических мифологем стал принадлежностью мыслительного горизонта европейской культуры, самому названию которой, то есть «европейский», придавался высокий престиж, покоящийся исключительно на эмоциональной основе. Куплеты из французских шансонье или зубоскальство Вольтера не были никаким достижением никакой мысли. Сама, заимствованная у античных сатириков, легковесная, как одесский анекдот, она и не могла сравниться с высотами духовной культуры ни православного Востока и его наследника — православной Руси, ни католического Запада. А она, эта мысль сатирическая и насмешливая, и не претендовала ни на какие высоты. Она только разрушала, оставляя после себя пепел прежних верований и безысходную тоску. Этот феномен описан в громадном количестве мемуаров, и мы его коснемся несколько позже, так как для основной темы данного сочинения этот разрушительный феномен вольтерьянства имеет фундаментальное значение. Многие историки масонства именно с него начинают подлинную историю Ордена на просторах Среднерусской равнины.

Дворяне образовывали, как уже было сказано о том. своих детей дома. Они относились неуважительно к русскому ученому сословию, которого, впрочем, было весьма мало, и приглашали воспитателей из Парижа, Женевы и Лондона. Но вот наступили смутные времена во Франции, достижение европейской цивилизаторской мысли — гильотина рубила головы людей, как на скотобойне, ради великих достижений прогресса, которым эти головы мешали, и толпы эмигрантов устремились в Россию. С этого времени образование русского благородного юношества целиком попадает в руки иностранцев.

Гувернеры, воспитатели благородного русского дворянства, учили разным европейским наукам, и «галантная скабрезность» не была на последнем месте. Французские романы, где основным содержанием были любовные похождения, стали главным чтением молодых людей. Эти романы продавались во всех книжных лавках Москвы, Петербурга и уездных городов, книгопродавцы и издатели наживали на них капиталы. Их читали не только дворяне, но и купцы и мещане, все, кто знал грамоту. Это были романы Поль-де-Кока и других французских авторов; по этим романам учились «семейному разврату и обману», и не случайно, что большинство слепо подражало французским обычаям и французской моде. Это подражание существовало не только в Москве. но и в самых отдаленных уголках России.

Но вместе с легким отношением к своим христианским обязанностям передавались нечувствительным образом и знания другого рода. Алексей Михайлович Кутузов по этому поводу вспоминал, уже достигнув высот масонской мудрости и вполне постигнув «иероглифы таинственной существенности», как любили выражаться Великие Мастера Соломоновой премудрости, в университетах этой премудрости — ложах: «Мое воспитание не отличалось ничем от прочего нашего дворянства воспитания: научили меня болтать по-французски и немецки, на сих двух языках имел я счастие читать множество романов. (...) Наставники мои были чужестранцы, некоторые из них на себе носили знаки отличия, но по особенной скромности носили оные под одеждами на теле. Сии знаки суть не маловажны — иероглифы, изображающие некоторое растение, упоминаемое в Священном писании, и которое в своей красоте превосходит великолепие Соломона.

От сих учителей познал я истинное состояние моего отечества, между прочим, и то, что моим соотчичам недостает еще просвещения, что предубеждение их простирается так далеко, что некоторые из них верят слепо всему, что сказано в Священном писании».

В оценке моральных качеств и культурного уровня этих новоявленных цивилизаторов, Мальбруков всеевропейской культуры, согласны решительно все мемуаристы и исследователи.

«К сожалению, революция выгнала из Франции подонки общества, тысячи невежд, которые разнесли по всей Европе гордость, пустое тщеславие...». Они — «истощенные развратом и бежавшие в Россию» (Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. — «Русская старина». 1899, № 3). Эти эмигранты водворили у нас тысячи пороков, о которых в довольтеровские времена и не слышали. Это была Франция, уже давно исповедовавшая идеи Просвещения и задолго до власти якобинцев наслаждавшаяся остротой ума Монтескье, Вольтера и Руссо, идеалами Брута и доблестями Плутарховых героев. Но так как сами идеалы античных героев не чужды были самых грязных пороков, а педерастия входила и в официальный перечень античных «моральных» доблестей. так как едва ли можно прочесть хоть одну страницу Платона, чтобы не наткнуться на упоминание о ней, а то и просто на апологетику этого извращения, то и приверженцы античной культуры в просвещенной Европе не могли не привести к нам и этих «достижений» в области «освобождения от

предрассудков».

Предшествующие реформы гения Петра, в том числе и запрещение держать в монастырях чернила и бумагу, подготовили русскую почву, и беглецов принимали с распростертыми объятиями. Часослов и Псалтырь постепенно уходили в сторону вместе с их неуклонными и бескомпромиссными требованиями чистоты духа и тела, с их требованиями абсолютной непримиримости ко злу как явлению душепагубному. В России, где всегда был высок престиж царской власти, нравы двора и высшей сословной знати не могли не стать примером для многих молодых людей. Новые поколения не хотели выглядеть «отсталыми» и приобщались к «культуре» способами весьма быстрыми и незатруднительными.

В дворянских семьях явились заморские образователи ума и сердца не только детей, но и самих хозяев усадеб, приютивших беглецов. Они усилили жертвоприношения богине любви и устроили тайные развратные общества: в Москве — клуб адамистов, а в Петербурге — «общество свиней». Это «общество свиней» включало в себя ученых, врачей иностранных, преимущественно французов. В обществе был лишь один русский. Несмотря на то, что этим обществом во времена Александра I, когда генерал-губернатором петербургским был граф Милорадович, занималась полиция, его действия и цели остались неизвестными. Приводится лишь глухое известие, что его члены «скверною плотью себя мазали». Хотя общество и отличалось крайней распущенностью, это не мешало быть многим из них воспитателями детей в богатых дворянских семьях.

Подражание французскому при императрице Елизавете и далее, при Екатерине II, как моровое поветрие поразило обе столицы и дворянские усадьбы, самые отдаленнейшие. Заучивали наизусть и напевали французские песенки весьма легкомысленного свойства, нередко с указанием прелестей дев весьма откровенного характера. Заучивали каламбуры и циничные анекдоты. Известие о том, что Россия — край обетованный для. всякого сброда, разнеслось по свету. Корабли, нагруженные мусьями и мадамами, выгружались в Кронштадте, и вся эта толпа расползалась по дворянским усадьбам необъятного государства Российского. Без какого-либо экзамена для оценки знаний они становились учителями. Горек был хлеб такого просвещения для России.

Ф. Ф. Вигель вспоминал о своем воспитании: «В доме Голицыных, где хозяйка была племянницей князя Потемкина, урожденная Энгельгардт... в первый раз познакомился я с идеями порока и разврата». Гувернером Вигеля стал некий шевалье де-Ролан де-Вельвиль, французский подполковник, человек лет сорока, бежавший из Франции от ужасов революционного террора. Умный и осторожный, со всеми любезный, он умел нравиться. Забавляя ребенка остроумной болтовней, он вздыхает о «бедной» Франции и «более чем с презрением (говорит) о нашем варварстве. Мало-помалу приучил он меня видеть во Франции прекраснейшую из земель, вечно озаренную блеском солнца и ума, а в ее жителях избранный народ, над всеми поставленный; революционеры, новые Титаны, по словам его, только временно овладели сим Олимпом... При слове «религия» он с улыбкой потуплял глаза, не позволяя себе, однако же, ничего против нее говорить». Посреди разговоров о Расине, Мольере, Буало «вдруг начал заводить со мною нескромные речи и рассказывать самые непристойные, даже отвратительные анекдоты: я не знал, что мне делать: я так уже привык в него (т.е. шевалье. — В.О.) веровать, что стыдился своего стыда». Злодей наслаждался смятением отрока, и в юноше исчезала робость и возрастало бесстыдство. И Вигель заключает: «И вот в каких руках находилась тогда, конечно, половина благородного русского юношества!»

В последующем сверстники Вигеля, юные Голицыны, уже прошедшие под руководством шевалье первоначальный курс европейского просвещения, отправились в Петербург для продолжения образования в дорогостоящем пансионе иезуита Николя. В этом пансионе сошелся весь цвет отпрысков русских аристократических фамилий. Здесь решающему воздействию просветительской идеологии подвергались Гагарины, Шуваловы, Строгановы, Вяземские. Здесь подружились между собой Михаил Орлов, Василий Давыдов — будущие декабристы, Александр Бенкендорф — будущий начальник тайной полиции России, шеф корпуса жандармов, Дмитриев-Мамонов, Александр Сергеевич Меньшиков, князь, будущий главнокомандующий во время Крымской кампании, которого солдаты называли «изменьшиковым». Все они во дни своей молодости создали первую в России революционную масонскую организацию — Орден Русских Рыцарей [7]. Орден был создан по уставу баварских иллюминатов. Среди революционных идей проповедовалось создание в будущем государстве замкнутой правящей элиты, независимой от народа. Проповедовались и идеи панславизма, и создание всеславянской республики, управляемой кастой сверхчеловеков.

На улицах и площадях русских городов уже в 60-е годы XVIII века никто не стеснялся проповедовать враждебные церкви и самой монархии идеи Вольтера, Дидро, Монтескье, и это было только началом. И в то самое время, когда шаловливые картинки из «Метаморфоз» Овидия с его страдающими по кровосмесительной связи нимфами забавляли салонных европейцев наших, а чтение Тацита и общение с гувернерами описанного типа вселяло желание в молодые дворянские сердца что-то перевернуть, кого-то пустить под гильотину и вырезать как минимум 100 тысяч своих же братьев-дворян, так как без этого прогрессу ведь не обойтись, в это же самое время начинается процесс

[7] Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909.

возрождения русской духовной традиции.

Этот процесс возрождения связан с двумя замечательными личностями: святым Паисием Величковским (1722-1794) — недавно канонизированном русской православной церковью, — возобновившим учение о духовной молитве, и Преосвященным Гавриилом, митрополитом петербургским. Св. Паисий перевел, а митрополит издал «Добротолюбие», принесшее духовную пользу не только для монашества, но и для укрепления всей Православной Церкви.

Преподобный Паисий родился в семье священника в 1722 году, когда петровские реформы достигли апогея. В 1721 году патриаршество было упразднено и руководство делами церкви перешло в руки кавалерийского офицера, ставшего обер-прокурором Святейшего Синода, организованного по протестантскому типу. В это время Лейбниц горит желанием превратить Россию в экспериментальное поле для деятелей оккультных и герметических обществ, известных под названиями «академий». По проекту немецкого ученого, напоминающего «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона, Россией должно было управлять сообщество ученых — «Орден Соломонова Храма» или «Дом Соломона». В одной из своих записок Лейбниц, сам член тайного союза розенкрейцеров-алхимиков, исповедовавших герметическую философию каббалы и с этих позиций рассматривавший явления природы и отсюда выводивший свое учение, в том числе учение о «Монадах», неделимых духовных сущностях, продуктах эманации Эн-софа, предлагал Петру I отдать власть в России этому обществу «Дома Соломона», подчинив ему всю общественную деятельность, образование, медицину, промыслы, мануфактуры, сельское хозяйство, торговлю.

В этой «ученой республике» вся жизнь была бы подчинена исключительно Гнозису, знанию. Все должно существовать ради постижения тайн природы, а те, в свою очередь, должны дать власть избранной касте «Дома Соломона» над силами природы и над народом. Дать власть, хорошо. Но кому? Обществу, отвечает Лейбниц, «Дома Соломона». «Натуральная магия» — центр «практической философии». Сам Лейбниц таким образом определял свои идейные истоки, что нетрудно увидеть в его учении проявление идеологии философских школ XVIII века — известных под общим названием Ордена вольных каменщиков: «скептицизм в смысле признания несубстанциональности чувственных вещей, пифагореизм и платонизм с их сведением всех вещей к гармониям или числам, представлениям и идеям; Парменид и Плотин с их единым...: стоическая связь вещей в согласии со спонтанностью; жизненная философия каббалистов и герметиков...» (История философии, М., 1941, т. 1).

Хотя эта система руководства страной не была полностью принята Петром, несомненно влияние идей Лейбница на формирование идейных ценностей Петра, которым довольно рано овладели философские доктрины Запада в виде «естественной религии» и «естественного закона». Эти идеалы отразились наглядным образом в самом архитектурном облике Петербурга. «Естественный же закон» и «естественная религия» — это, как было выше сказано, есть Тора и ее душа — каббала (см. прим. к с. 37).

Как уже отмечалось, отсутствие среди великорусского духовенства сговорчивых пастырей заставило Петра обратиться за помощью к малороссийскому духовенству, прошедшему выучку в киево-могилянской академии. Обучение в этой академии было построено по образцу католических учебных заведений иезуитского Ордена. Сильно была развита схоластика. Изощряя ум, она столь же блестяще губительно действовала на живое религиозное чувство. Религия, ставшая философией, перестает быть религией, и путь от религии до универсальных философских построений — это как раз путь схоластики. Постоянно нуждаясь во все новых и новых рассудочных средствах доказательств, она вынуждена идти туда, куда влекут ее полемисты из противного лагеря. В схоластике широко используются идеи Платона, которые в их иудаистском оформлении привели к появлению восточного варианта греческой философии — неоплатонизма, ставшего одной из составных частей каббалы; также широко использовались и идеи Аристотеля.

Учение Аристотеля также вошло в схоластику через усвоение его идей средневековой еврейской философией (Маймонид). В конечном счете, именно синтез иудаизма с идеями античной философии создал средневековую европейскую схоластику: так же, впрочем, как и все мистические учения Европы, опирающиеся на идеи каббалы. «Очень большое значение для развития схоластики имела арабско-еврейская философия. Она проникла в Западную Европу различными путями. (...) Евреи, эмигрировавшие из Испании... способствовали знакомству с восточной философией» (История философии. М., 1940, т. 1, с. 459).

Либеральный историк прошлого Пекарский пишет: «...Не должно упускать из вида, что малороссийская ученость имела хорошую сторону, именно с помощью ее в Киеве исчезла тупая ненависть ко всему иностранному, которую старались систематически поддерживать в Москве». Постепенно киевские ученые заполонили Москву. Полагая, что это было для дела просвещения весьма кстати, Пекарский в качестве примера господствовавшего там, в Москве, невежества сообщает, что в Москве «не могли напечатать, не наделав тьму ошибок, не повредив самого простого смысла текста, а в заключение не попросив смиренно отпущения ошибок». Сам факт обращения в Москве книг и наличия книгопечатного дела остается в стороне от внимания Пекарского. Как смотрело православное духовенство на западнический альянс киево-могилянской академии, показывает следующий эпизод. В 1686 году иерусалимский патриарх Досифей, узнав, что в Малороссии некоторые из

священников ездят учиться в западные страны, пишет царю: «Ныне в той стране. глаголемая казацкая земля, суть неции, иже в Риме и Польше от латинов научени, и бяху архимандриты, игумены, и прочитают неподобные мудрования в монастыре... довольно бо есть православная вера к спасению, и не подобает верным прельщатися чрез философию и суетную прелесть... исповедуем быти казаков православных, обаче многие растленные имеют нравы, их же не подобает учитися тамошним православным».

То, что в иноземцах видели врагов веры, тому виной было не невежество великороссов, а варварство самих иноземцев. Имея некоторый перевес в тех технических познаниях, в которых русские не чувствовали до того нужды и были поэтому несведущи, как, например, в кораблестроении, они, эти выброшенные из своей родины искатели длинного рубля, постоянно оскорбляли религиозное чувство русских. Из завещания царям Иоанну и Петру узнаем на сей счет следующее: «...Православные христиане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу, а они (то есть иноземцы — В.О.) спят, еретики, и свои мерзкие дела исполняют, и христианского моления гнушаются. Христиане, пречистую Деву Богородицу Марию чествующе, всячески о помощи просят и всех святых; еретики же, будучи начальниками в полках, ругаются тому и по прелести их хулы износят... христиане постятся, еретики же никогда — их, по гласу апостольскому, Бог — чрево...» Далее советуется платья немецкого не носить, держаться веры православной, и тогда, во славу Бога, государство Русское, как и прежде, одолеет всех своих врагов и «во удобствии имать пространятися».

Одно из заблуждений, которое не кажется странным, учитывая явный интерес, в нем имеющийся, для богоборческого просветительства, заключается в том, что исповедание веры православной будто бы мешало техническому и научному движению в стране. Это лукавая мысль, не существует большего заблуждения. Это во многом сознательное «заблуждение», долженствующее оправдать вольтеровское «Давите гадину!» и последующие издевательства над верой и духом русского народа, имеющее в своей основе не атеизм, а антитеизм, борьбу с Богом, с самим Спасителем — Иисусом Христом, принявшим крестную муку за нас. В этом богоборчестве секрет такого страстного призыва к уничтожению церквей, монастырей, священников и верующих. В этом — личный интерес/пафос «просвещения». Само учение о дарах божиих — дар слова, дар врачевания, дар разумения и прочее, и известная притча о талантах, кои греховно зарывать в землю, не употреблять с пользой и любовью для блага ближних, высокий авторитет разума, провозглашаемый самим Спасителем, а равно тому исторические факты свидетельствуют не в пользу такого полемического «заблуждения». Никто никогда не спорил о пользе наук, спорили и спорят с атеистическим наукообразием. И будь Россия стоящей на темноте и невежестве, то каким бы образом она стала бы носительницей единственной и неповторимой культуры, не европейской, нет. Совсем другой. Речь идет о той культуре, которая весьма теперь ценится за рубежом, куда и ушди после 1917 года в немалом числе творения «дикой и невежественной» Московской Руси. И ведь вполне очевидно, что то, что составляет нерв русской литературы XIX века, это все та же допетровская Русь с ее недостижимым и вечным маяком небесной гармонии — «Святой Троицей» Андрея Рублева. А ведь он, кажись, тоже не на пустом месте начинал и творил. Но вот он, лозунг Вольтера в отношении церкви: «Дави ее, гадину!» А вот и его поклонница Екатерина II, жадно впитывающая откровения фернейского мудреца с его культом Верховного существа, Великого мастера и Архитектора Вселенной масонских лож. Здесь и разговоры о равенстве, и обличение неправд церкви, и презрение к крестьянам. Ведь «главная беда крестьян состоит в их глупости», как писал Вольтер в своем письме близкому другу, и крестьяне только для того и годятся, чтобы продавать свой труд, и притом «мне представляется важным, — продолжал Вольтер, — чтобы существовали невежественные бедняки». Но об этом только близким друзьям и то весьма редко, чаще о лицемерии священников. Да, мораль: о ней много разговоров, но именно потому, что она не более как предмет для осуждения близких. Невольно вспоминаются слова Б. Рассела о том, что евреи и до христиан знали о существовании греха, но в отличие от них никогда не относили его к себе. «Евреи, подобно христианам, много размышляли о грехе, но лишь немногие из них думали о самих себе как грешниках. Это... было нововведением христианства... Христиане пытались претворить в жизнь христианское смирение; евреи в общем и целом ему не следовали». (Указ. соч., с. 334). Чувство своей избранности, безгреховности, роднит иудаизм и просветительство, и указывает на истоки последнего.

Столкнулись совершенно разные силы и миры. Человек — как «животное социальное», атеист, в котором все, что в нем есть, — естественно, и все, что происходит в мире, тоже все естественно; в христианском же учении Человек есть создание, образ и сын Творца «небу и земли». Сын родной, близкий, которого Отец любит, и ждет, и страдает, видя, как он губит себя, поддаваясь соблазну мира сего. Это христианское учение о мире, где не все естественно, но есть и противоестественное, извращение, и еще есть сверхъестественное.

Учение гностиков и стоиков есть ключ к пониманию многих социальных и политических учений Нового времени, и оно стало составной частью современного миросозерцания. Это учение стоиков, ставшее идейным знаменем европейского Просвещения и его философией и нашедшее себе законченное выражение в центрах обучения целых поколений интеллигенции XVIII и XIX веков, масонских ложах, в значительной степени может послужить объяснением теории «государственного блага». Вселенная порождена Разумом, и все, что есть в ней, вся природа пронизаны Разумом. разумны. Цель человеческой жизни состоит в приобщении к этому Вселенскому Разуму. Этот Разум порождает

законы природы, и в них он выражает себя. Это «естественный закон». На этом разуме следует построить религию — разумную религию, естественную. На этом же основании и свою мораль — «естественную мораль», «разумную».

Предания стоической философии и античные образчики, заключенные в блещущие остроумием и эротической чувствительностью повести и романы, куплеты и песенки, стихи и поэмы французского гения разрушали в сердце русского искателя заморского просвещения храм Христа Спасителя и образовывали в душе его зияющую пустоту. Наполнить ее созданием новых религий и новых Добродетелей стало ближайшей задачей. Однако любая религия нуждается в своей организации со своей дисциплиной, ритуалом, своей иерархией и учением. Организация должна была быть замкнутой по причине абсолютной враждебности своей христианскому миру и его представлениям. Толанд, один из основоположников нового масонства, провозгласил «разумную религию», но не забывал отметить, что эта религия и этот разум для немногих. Огласки боялся и учитель, и идейный вождь русских вольнодумцев Вольтер, который любил повторять: «Когда чернь примется рассуждать — все погибло». Не следует забывать, что учение гностиков и стоиков есть орудие каббалистов. Иудаизм явился в облике Просвещения.

Новая религия по воспитанию новых Добродетелей, согласных с просветительским Разумом, уже ждала вольнодумцев и открывала все новые и новые свои храмы для ищущих. Эти ищущие, по мнению Толанда, составят цепь всемирного братства исповедующих «естественную религию», религию Божества, образующего путем излучения силы из себя мир духов, демонов, ангелов и самую видимую часть природы. В этом учении пантеистов-каббалистов, из которых и должна была состоять эта цепь, не существовало никакой основы для религиозно-нравственного представления и человеческой морали. Были правила поведения. Это — да. Добродетель в ее языческом понимании есть то, что приносит пользу своему обладателю, выражая его существенные свойства. Быстрый бег лошади есть добродетель лошади, крепкие мышцы есть добродетель мышц и т. д. Что полезно масонской ложе, то и есть добродетель масонской ложи, и причастные этой добродетели — добродетельны. Лгущий во имя цивилизации и прогресса добродетелен вдвойне, просто герой.

Исключительно велика роль Рассудка и рассудочной деятельности. Познание ради познания дает удовольствие, а познание ради увеличения своего могущества есть цель жизни подлинных «философов». В силе власть, а Власть и Познание дают полноту удовольствия.

«Все, что разум человеческий благого постигнуть может, подлежит твоей деятельности», — говорилось в шведском Уставе масонов 1777 года.

«Люди одарены разумом, который поучает, что делать и как поступать нам, а потому и имеем общий естества закон», — поучал новопринятых Великий Мастер Елагиной ложи в Петербурге в то же время.

Профессор Московского университета, глава русских масонов Иоганн Георг Шварц читал лекции «О трех познаниях» в 1781 — 1783 годах: — любопытном, приятном и полезном, соответствующих рассудочному, чувствительному и мистическому.

Желание узнать должно сопровождаться чувством и приводить к мистическому откровению. Первой ступени соответствуют общие науки, и Шварц поощрительно отзывается о них, полагая, что они есть приготовление человека к следующей, более высокой стадии познания. В откровении же сливаются все познания, и знание является из своего первого источника — Всеобщего Разума, мира астрального, запредельного, мира духов.

Плотские желания есть порождения естества, и потому они вполне законны, чего никак не скажешь о моральных ценностях, утверждаемых в Церкви, поскольку они есть средство к спасению, отвергаемому «естественным разумом» масонов, сосредоточенном в еврейской Торе.

Чувствительность, сентиментальность утверждают всеобщего «природного» человека, его реальность; переживания «бедной Лизы» — по природе «такой же», а по социальному положению не «такой же», невольно или вольно утверждали мысль о несправедливости всех социальных и сословных делений в обществе. Национальные и религиозные особенности стираются в чувствительном, сентиментальном мире и приобретают характер неких «предрассудков», которые губят благородных и «добродетельных» героев, и их гибель вызывает протест у читающего вне всяких его сознательных убеждений. Носителями сословных предрассудков у просветителей-идеологов выступают священники, монахи, дворяне, как у Вольтера, так и у русских сентименталистов — масонов. К 1780 годам сентиментализм постепенно овладел душою русского масона и Руссо становится кумиром наравне с Вольтером. Вольтер для начинающих, сентиментализм для более «развитых и гуманных» сердец, масонская ложа — для «ищущих истины».

Карамзин, следуя западным литературным и философским образцам, что стало привычным делом русского «культурного» общества, забывшего о своем собственном национальном содержимом, стал кумиром, как русский суррогат Руссо. «Приверженцы Карамзина составили особое закрытое общество Арзамаса, в которое принимали людей, поклявшихся в обожании Карамзина и в ненависти к Шишкову. Каждый при вступлении должен был произнести похвальное слово, сатиру или что-нибудь подобное в восхваление идола и в унижение противника». Даже через много лет один из адептов Карамзина

говорил: «У меня два врага: Шишков и турки» [8]. (Греч. Н. И. Записки о моей жизни. Спб. 1886, с. 414. Речь идет о Дашкове).

Впереди, перед утомленным взором русского вольнодумца, виднелись ядовитые испарения каббалистического мистицизма. В ложах следовали начертанному пути профессора Шварца, сподвижника Н. И. Новикова, и от рассудочного «символического» масонства шли прямым путем через экзальтацию чувств и образования в душе опустошенности к тайным упражнениям в общении с потусторонними духами и получению в алхимическом атаноре из капель человеческой крови гомункулуса. Этот гомункулус и должен был сказать всю правду о Вселенной.

Таким образом, выстраивалась масонская логика, и путь от Вольтера через чувствительность, «сентиментализм» в литературе и подражание ему в жизни вел к «символическому» масонству и далее к высотам оккультизма.

Социальным порождением каббалистического учения, явившегося средоточием учения о Вселенной, порожденной Эн-софом, Единым Сущим, безвидным и несказанным, стали утопии — проекты зловещего казарменного государства Мора, Кампанеллы, Морелли и многих других. Классическим образцом «естественной религии» пантеизма стала в своем существовании сама масонская ложа как воплощение идей просветительства. Но что такое масонская ложа, как не синагога...

Так же, как и «естественный» человек масонов и просветителей предполагал враждебность к нациям, сословиям, государствам и в конечном счете к реальному человеку со всем его духовным содержимым, так и «естественная религия» несла в себе чисто отрицательный заряд для христианской религии, для всех человеческих установлении: брака, семьи, собственности, моральных и духовных ценностей.

Берлинский начальник русских Розенкрейцеров, один из европейских столпов этого высокого Ордена, выражал свои мысли в тайном Уставе Магов: «Мы обладаем двумя главными свойствами Иеговы: брожением и разрушением всех естественных вещей. Мы можем, как Моисей, превращать воду в кровь; мы можем, как Иисус Навин, обращать в прах целые города...» «Наша магия есть истинно божественная магия, в силу которой мы, как Моисей... лично беседуем с Богом». (Финдель. История Франкмасонства. Т. 1, с. 239). С Богом ли? Никоим образом.

Пантеизм, наиболее полно выраженный каббалой и являющийся вероисповедной основой магии, таким образом, не есть просто философское учение, но стиль и образ жизни, и требует от человека для своего осуществления новых душевных свойств. Этическое учение стоиков и было практической стороной пантеизма. С воспитания в себе новых душевных качеств и начиналась жизнь масона в ложе. Главным в этой доктрине было сохранение бесстрастия в любых ситуациях. Следование же «естественным наклонностям» скорее поощрялось. Вы можете быть с женщиной, вы можете говорить ей о любви, вы можете делать что угодно, и это будет правильно, потому что «разумно». Падение ваше совершится только в тот момент, когда вы почувствуете к ней привязанность. Филантропия есть закон естества в этом учении, и напрасно видят некоторые в этом некое партийное мероприятие, устраиваемое масонами только в пропагандистских целях. Хотя и пропагандистские интересы Ордена не стояли на последнем месте. Но они подкреплялись и воспитывались совершенно определенной системой полезного и необходимого. Подать нищему — ваш долг. Основать приют, помочь погорельцу... Известно, что первые страховые компании были основаны масонами. Милосердие полезно, но ни в коем случае не сострадание. Любые движения души изгоняются из сердца. Рассудочный долг в рассуждении полезного — альфа и омега поведения масона и просветителя. В «Разговоре для масонов» Лессинга (1777 год), программном пропагандистском документе Ордена вольных каменщиков, Эрнст перечисляет известные всей Европе благотворительные дела Ордена: здесь и воспитательные дома для бедных, и предоставление бедным девушкам работы, обучение «бедных способных мальчиков рисованию», и лечебницы.

На это масон Фальк с пренебрежением замечает «...суть все те добрые дела... суть их дала ад экстра. ...Дела, которые бросаются в глаза народу, — только дела, которые они совершают единственно ради того, чтобы они бросались в глаза народу». Как бы то ни было, социализм берет свое начало отсюда.

«Предания» стоической философии были «разумной моралью» русских вольтерьянцев. Учение древних стоиков усиленно привлекало к себе внимание образованных дворянских кругов. Епиктет, Сенека, Цицерон, Марк Аврелий, Плутарх входят в русскую жизнь, входят, понятно, не сами, а с помощью издателей, переводчиков, денежных средств и всех тех, кто был заинтересован в пропаганде «естественной религии» и «разумной философии», в разрушении русской православной церкви и русской духовной культуры. Вспомним — рядом с просветительским язычеством, бок о бок, другая жизнь.

...Не то, совсем не то благоуханная теплота Умной молитвы Паисия Величковского и иже с ним. Метафизические глубины тайн мироздания не

[8] А.С.Шишков — поборник русской национальной традиции преимущественно в се этнографическом варианте; один из основоположников славянофильства, «патриотического» направления в русском либерализме, направления, ратующего за русскую православную церковь, будучи вне самой церкви, вне ее духовного авторитета, вне церковной ограды. Впрочем, в то время Екатерины II и Александра I и многие из духовенства увлекались масонским мистицизмом. (См. ниже. Часть вторая, гл. Позднее масонство).

даются в плотском мудровании, но открываются подвижникам и не помышляющим о тайнах этих, но лишь желающим понять всю глубину своего недостоинства перед Спасителем и путем умного трезвения очиститься от скверны. Глубины же тайн мироздания открываются такому сердцу в той мере, в какой оно может их вместить и в какой это будет соответствовать Промыслу Божию. Но вернемся к тому потоку «просветительства», что захлестнул Россию и расколол ее сознание на две части: христианскую и языческую.

Борьба с западным «гнозисом» велась Москвой неусыпно и веками. Эти проблемы идейной борьбы крайне сложны для нашего теперешнего понимания, хотя проблематика, связанная со спасением в Знании, верой в безусловную ценность любого знания, независимо от его моральной оценки, остается в силе. Какую цену готово было бы заплатить сегодня человечество, чтобы открытия, приведшие к созданию ядерного оружия, никогда бы не осуществлялись? Как уже было сказано, Петр I нашел себе верного помощника в человеке, до того уже предавшем веру православную и принявшем «на время униатство» в желании путем такого отступничества получить мудрость иезуитской схоластики. Феофан Прокопович учился сначала в Киевской академии, потом последовательно в иезуитских коллегиях во Львове, Люблине, Вильне и Познани. Его не раз обвиняли в безбожии, ереси, но ему покровительствуют сначала Петр I, затем Екатерина I. наконец, Бирон. Обвинения были вполне основательны. Он проповедует как раз идеи «естественного разума» и в «Правде воли монаршей» знакомит читателей с разными формами правления, разъясняя, что такое демократия, что такое аристократия и монархия. Он сообщает читателю, *что* монархия бывает наследственная и избирательная. Следуют доводы за и против того или другого вида монархии. Здесь же он знакомит русского читателя с учениями «изряднейших законоучителей» Гуго Греция, Гоббса и Пуфендорфа, излагающих теорию происхождения государства из первоначального договора граждан между собой основать такую власть, которая будет всем полезна. Эти мифические, невежественные и неумные представления о происхождении государства должны были подорвать представления о священном характере происхождения царской власти. В стране, где царь был главой государства православного и был носитель священной власти, помазанник Божий, и согласно с законами Империи был охранителем устоев веры и «всякого в церкви святой благочиния», отказ царя Петра от веры православной означал, что власть впала в состояние тяжелого кризиса.

Начиная с Петра правительственный аппарат, по существу, исповедует деизм и пантеизм, то есть безбожие, неверие в личного Бога, и поклоняется Верховному Существу и Великому Мастеру. Литературе, пришедшей с Запада, поскольку своей, подобной, проповедующей моральное разложение, — гедонизм, еще не было, открыта была зеленая улица. В то же время на издание церковных и вероучительных книг, по существу, накладывается запрет-, и церковный причт испытывает недостаток даже в самой необходимой богослужебной литературе. Сам факт принятия царем Петром титула императора означал принятие языческого догмата о святости государственной власти.

Это языческое обожествление особы императора имело, по существу, антицерковный характер. Из охранителя чистоты и незыблемости православной веры Петр превращался в некое олицетворение самого государства. Вся последующая атрибутика его власти была заимствована из императорского языческого Рима, и печальная судьба этого государства осталась непонятой Петром I и европейскими цивилизаторами. Все, что обнаружило в свое время полную нежизнеспособность в античном мире, теперь реанимировалось и призывалось на бой с христианской церковью.

В обилии, хотя и не сразу, появляются изображения Петра и создается немыслимый в христианском государстве культ этого царя. В идеологии новой власти, идеологии языческой, пантеистический Петр I занимает то самое место некоего эталона, какое когда-то занимал Октавиан Август, основоположник Римской империи. Свою «святость» Август, правда, делил с Цезарем — Петр ни с кем. Лучи его славы, усиленно создаваемой учеными и литераторами при поддержке двора, освещают чиновничий период, петербургский, в истории России. Известно, что критика Петра в дореволюционной России была фактически запрещена. Каждый новый царь начинал с заверения верности заветам своего великого предка и обещал следовать его мудрым начинаниям. Масоны пели в ложах гимны Петру I.

Отказ от горних идеалов церкви и от тех времен созидания России, когда в первую голову в политике утверждалась святость веры отчей и политические акты обосновывались необходимостью защиты этой веры, привел с неистребимой железной логикой к языческому поклонению Вождю, великому централизатору и реформатору. Герцен называет Петра якобинцем на престоле, и от этой мысли недалек и сам Пушкин, наименовавший всех Романовых якобинцами. Герцен утверждал, что правительство до Николая I высоко несло знамя либерализма (см.: «О развитии революционных идей в России»). Действительно, Петр проводил огосударствление экономики, и во многом его политика была близка идеалам социалистов — Томаса Мора, Кампанеллы, Бабефа и Морелли с их системой беспощадного угнетения человека, практикой безраздельной власти отчужденной от интересов народа кучки чиновничьей братии, полного бесправия личности перед лицом властей. Она, эта политика Петра I, стала созвучной нашему времени. Не европейские его преобразования вызвали такой восторг со стороны чиновников и представителей свободных профессий, а именно этот аспект его политики. Политика Петра I экономически отбрасывала страну совсем в другую от экономического и культурного

прогресса сторону. Его политика была антиисторична. Давно замечено, что централизация столь же хороша в теории, как плоха на практике. Не случайно в тяжелые для России времена борьбы за свое существование чиновничий аппарат не складывается. Правительственная власть Московской Руси опирается прежде всего на самоуправление, основанное не на пользовании землей, а на праве собственности крестьян на землю, осуществляемом через общину и в ее пределах и получающем свой смысл в Церкви. И в такой гармонии находился залог здорового развития Русского государства.

Глава третья
ОБРАЗЫ СВЯТОЙ РУСИ И ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

«В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России; в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути. Верим, что каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями. Здесь путь для всех, отмеченный вехами героического подвижничества немногих. Их идеал веками питал народную, жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки. Если мы не обманываемся в убеждении, что вся культура народа в последнем счете определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях и современной, секуляризированной русской культуры», — пишет историк Г. П. Федотов в своей известной книге «Святые Древней Руси» (Париж, 1985).

Наиболее ярким представителем русского монашества, оказавшего существенное влияние на становление идеи русского самодержавия и выразившего саму суть московской религиозности, был преподобный Иосиф Волоцкий.

Свет, загоревшийся в Троице-Сергиевой лавре, осветил русскую землю, и повсюду учениками преподобного Сергия основываются монастыри и скиты, загораются яркие главки церквей и разносится благовест по всей земле.

Для того чтобы представить себе наглядно, как осуществлялись на практике духовные идеалы народа и как они были тесно связаны и с его хозяйственной деятельностью, как одно вызывало к жизни неизбежно другое, как осуществление христианских идеалов вызывало и осуществление идеалов государственных и влекло за собой появление очагов хозяйственной деятельности, преобразовывало русскую землю и делало ее богаче и крепче, мы возьмем для примера жизнь преподобного Иосифа Волоцкого.

Вспомним слова летописца: «И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христианских, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими».

Близ города Волоколамска, в селении Язвише, в 1439 году родился от благочестивых родителей Иоанна и Марины мальчик, названный ими Иваном. Его детство было вполне обычным для детей его возраста. В 7 лет его отдают на обучение грамоте в Волоколамскую обитель Воздвижения Честного Креста Господня иноку Арсению. В первый год он «изучи псалмы Давыдовы», а в следующий год он читает и постигает написанное в Божественном писании, принимает участие в церковной службе. Читая Священное писание, он все чаше задумывается над смыслом жизни, постигая суету мира сего. В тишине, уединении и безмолвии вызревает его мысль. Из Священного писания он видит, что слава мира сего прелагается в уголь и пепел и «тако ветр развеет и место не обряшется». Одни называют наше суетное житие — дым, другие его нарекают сном, иные же тенью. «Человек — это прах, взвихренный на дороге». И тогда Ивану пришел помысел бежать мира сего и «в святый иноческый облепокя образ». Окружающие же не могли надивиться, а родители нарадоваться богобоязненности юноши, «живуща в заповедях Господних». Он узнает о монастырях и старцах с тем, чтобы выбрать себе обитель и наставника. Он уходит тайно из дома и идет в Саввин монастырь, что в 20 верстах от Твери. В это время ему уже 20 лет.

В этой обители, однако, Иоанн не задерживается и по совету бывшего там благочестивого старца Варсонофия, к которому он и обратился, следует в Боровский монастырь к старцу Пафнутию (ум. 1477 г.). Преподобного он застает среди трудов: вместе с другими иноками старец рубит и носит дрова. Только вечером, когда препал к его ногам и стал умолять принять в число братии. Старец любовно приветил Иоанна и благословил. 13 февраля 1460 года (по ст. ст.) он был пострижен и облечен в иноческий образ и «нарече ему имя Иосиф». Новопостриженного инока определяют для работы в поварню и для научения его в монашеской жизни отдают под начало опытного в духовном делании старца. Иосиф должен безропотно повиноваться старцу, предварять всякую работу молитвою и постигать образ иноческого жития. Работа в поварне тяжелая, и Иосиф трудится без отдыха. Когда святой Пафнутий увидел успехи Иосифа и что он достаточно окреп, он переводит его в хлебопекарню, где работа была еще тяжелее. Хлеб требовался не только для братии, но и для странников и нищих, которых не только кормят в обители, но и снабжают в дорогу.

Вскоре на него налагается и еще более тяжелое послушание — ухаживание за больными. Каждый монастырь имел свой больничный корпус, имел и огород для выращивания лекарственных трав, и своего врача-монаха, у коего имелся дар врачебный. Каждый монах нес в монастыре свое послушание.

Ухаживать за больными смиренно, без ропота, без брезгливости, находя нужное слово, — большое испытание для молодого монаха. Служа больным, он знает, что служит самому Иисусу Христу.

Прошло три года, и, причисленный св. Пафнутием к церковному клиру, Иосиф просит у старца, настоятеля, совета, как быть с родителями, которые остались дома немощными. Хотя и не в правилах монашеских, но св. Пафнутий разрешил Иосифу взять отца в монастырь. Матери же он написал письмо, советуя ей тоже постричься и принять иноческий образ. Прочтя письмо, мать со слезами отвечает: «Чадо мое возлюбленное, сотворю поведенное тобою». Через много лет она, в монашестве Мария, захочет увидеть хотя бы издалека своего сына и получит от него суровую отповедь. Встретиться они могут только на небесах, о чем и следует молить Бога.

15 лет инок Иосиф, кроме других послушаний, ухаживает за отцом. «Отец же, видя своего сына, тако о нем боляща и труждаяся, слезами себе облияше и глаголаше: «Что ти воздам, чадо, Бог тебе воздаст мзду, ради трудов твоих; не аз тебе отец, но мне отец ты еси и в телесных и в духовных». Итого пробыл в послушании Иосиф 18 лет, и умер отец, отошед с миром ко Господу, и вот уже сам старец св. Пафнутий почувствовал, что дни его на земле сочтены. Как ни отказывался Иосиф, а пришлось ему принять на себя по смерти святого игуменство. Великий князь Иван III хорошо знал святого Пафнутия и весьма скорбил, узнав о смерти этого замечательного подвижника церкви.

Князь утвердил назначение, по завещанию старца, игуменом Иосифа, который своей благочестивою жизнью и душевными качествами был известен ему лично. Иосиф отправился в Москву «к державному и приа его державный с любовию». Отправился, между прочим, пешком в лаптях.

Преосвященный Геронтий, митрополит всея Руси, благословил его на игуменство.

По возвращении Иосиф задумывает ввести более строгий устав — общежительный, еще не обычный для страны, но встречает непонимание большинства братии. Чтобы избежать ненужных смятений, он, посоветовавшись со старцами обители, тайно покидает монастырь, беря себе наставником старца Герасима. Вместе с ним он странствует по монастырям, выдавая себя за простеца и исполняя тяжелую работу в хлебопекарне или в поварне. Дольше всего он задерживается в Кирилловом монастыре на Белом озере. Он полюбил общежительное житие этой обители, изучил ее строгий устав и обычай. Теперь он чувствует себя готовым к исполнению задуманного. Он еще на короткое время возвращается в Боровский монастырь, но вскоре мы видим его недалеко от его родных мест. Недалеко от Волоцка в глухом лесу он решает основать свой монастырь с суровым общежительным уставом. В этом начинании он находит полное понимание у волоцкого князя Бориса Васильевича, брата Ивана III, великого князя Московского. Некоторые из жителей Волоцка говорили, что незадолго до основания монастыря они слышали отчетливо колокольный звон к утрене и вечерне, доносившийся как раз из тех мест, где потом и стал монастырь.

«И посла Иосиф, тако ж и князь ко святителю о благословении церкви и об антимисе, и егда благослови святитель и присла антимис».

К месту закладки храма Успения Пресвятой Богородицы приехал и сам князь и его бояре и знатные отроки. Прежде всех князь и преподобный Иосиф взяли на свои плечи бревна и положили основание церкви, а за ними все бояре и «отроци вси от велика и до мала» стали носить бревна и трудиться во славу Божию. Трудились они «яко земледелии».

Церковь была построена быстро. Затем строили кельи. В густом лесу, спиливая деревья, корчуя пни, рыли ямы для фундамента, терпели мошкару, спали и Питались как придется и дружно, с молитвою, не празднословя, молча возводили корпуса построек, расчищали место под огород, сад, прокладывали дорогу, в бдении, ношении, молитве и неусыпных трудах они строили «Русь святую». Количество братии множилось. «И мнози князи и боляре приходяще к игумену Иосифу на покаяние, инии же постригахуся и недошедше возраста в младых телесах и без рассуждения на послушание и повиновение полное себя вдающе и на труды и воздержание».

«Они же воздержанием ради Бога утверждшеся и питаяся хлебом и подобный Пафнутий пошел простым зелием».

Ночь они стояли на молитве, днем таскали тяжелые бревна с молитвою и без празднословия — обычные правила монастырской жизни. Никто никого не заставляя, наоборот, уговаривая не брать таких тяжестей и сами же беря еще больше.

Все они, и из крестьян, и из бояр, и из князей, носили лычную обувь и заплатанную одежду; так же ходил и сам настоятель монастыря — Иосиф, ничем не выделяясь среди прочих. И в такой одежде ходили до самой смерти. Смирение и покаяние они обнаруживали всем своим видом.

Следует, вообще говоря, различать роскошные одежды и золото утвари в Церкви как выражение славы Божией, к чему должно стремиться иереям, ревнующим о вере, и личный быт иереев, крайне бедный, аскетический, к чему и призывает монашеская жизнь.

Так личные, религиозные, подвижнические мотивы, заставлявшие людей из всех сословий уходить из мира в иночество, двигали в то время экономику по пути улучшения хозяйства, освоения новых земель и выковывали мощный характер подвижников русской земли. Размышляя над Святым писанием, видя вокруг себя примеры благочестия, но и многие нестроения, православный горит ревностью изменить себя по слову, усвоенному им в Церкви. Абсолютная искренность, чистота помысла, бессребреничество, целомудрие и боязнь впасть в осуждение ближнего, в ячество — все это заставляет человека, и князя, и

крестьянина, вступать на путь делания себя, а заодно, и неизбежно, следовало и делание русской земли. Это делание происходит прежде всего в душе христианина. Игумен следит за тем, чтобы никто *не* отклонялся от монастырской дисциплины, чтобы не было «бесчинно глаголющих», или смеющихся, или праздно проводящих время. Поздно вечером игумен обходил кельи и, если где еще слышал беседующую братию, тихонько стучал в окно, давая знать о себе, и уходил. За некоторые нарушения накладывались дополнительные послушания. Храм не отапливался. И в самую суровую зиму, даже когда птицы падали на морозе, молитва шла своим чередом, долгая, многочасовая. Некоторые не выдерживали такую суровую жизнь и уходили в другие монастыри.

Когда в крае случился страшный голод, монастырь открыл свои житницы голодающим, а когда кончился и там хлеб, стали закупать где могли. Кончились деньги, и стали занимать у соседей. Был поначалу и ропот среди братии, но игумен напомнил им, для чего они ушли в свое время из мира и какой обет они дали, приняв иноческое звание, и братия поддержала своего главу.

Много претерпел преподобный Иосиф скорбей; он участвовал в обличении ереси жидовствующих, когда жидовин Схария возмутил новгородских христиан и ересь пошла в Москву.

Своей праведной жизнью святые подвижники осуществляли господствующий среди русских идеал земной жизни. В заплатанной одежонке, не имея на каждый день иной раз и куска хлеба, с молитвой на устах, они корчуют лес, врачуют немощных, дают советы, как вести себя, укоряют власть имущих, не дают спуска лентяям и пьяницам, выкорчевывая и из своей среды таковых, буде заведется овца паршивая: они стоят насмерть, защищая святые обители от врагов. Кому не известен подвиг защитников Троице-Сергиевой лавры от поляков! Митрополит Филипп, печалуясь о страдавших от кровожадности Ивана IV. при большом стечении народа, в церкви, обличает самого царя, идя на верную смерть. Патриарх московский и всея Руси Гермоген, находясь в плену у поляков, захвативших Москву, шлет свои грамоты по всем городам российским, поднимает народ и принимает мученическую смерть от врагов.

Митрофан Воронежский управлял своей епархией как раз в то время, когда Петр решил сделать среди бескрайних просторов южной России судоверфь и начал строить суда для военных действий против турок. Он решил захватить Азов. Согнав массу народа на берега реки, он начал свою преобразовательную деятельность. Голод и болезни косили несчастных жертв великого преобразователя, а на берегу, ничем не покрытые, лежали еще живые, стонущие и умирающие. Из уже приводимых записок Фокереда выясняется, что эти люди так никогда и не могли понять, для чего нужны были издевательства над народом царя Петра.. Защитник «государственных интересов» и «славы России» и враг традиций русского народа, Петр I разорял страну не только экономически, накладывая тяжелое налоговое бремя, не только сгнаивал людей на своих бессмысленных -стройках, отрывал мужиков от хозяйства, отчего в запустение приходили целые области. Он крушил ее духовное начало, разорял и моральные ее основы, как любой деспот. Его отношения с иностранцами, более чем близкие во многих смыслах, пьянства и кутежи там же, в маленьком Воронеже, среди забот великих государственных, презрение ко всему русскому вызывали крайнее недовольство людей. В этих условиях святой Митрофан Воронежский ни на миг не покидает своего пастырского служения. Питаясь очень скудно, он все деньги отдает на милостыню, в том числе и нуждающимся иноземцам, кормит голодных и пытается разрядить обстановку, чтобы не дать вспыхнуть бунту. На деньги своей епархиальной казны он строит корабли, ссужает казну Петра и постоянно предупреждает свою паству не забывать чистоты веры и не входить в близкие отношения с иноземцами.

В один свой приезд в Воронеж Петр I пожелал видеть у себя святого Митрофана и велел ему явиться во дворец. Святитель отправился и уже подошел ко дворцу, но, увидев статуи греческих богов и богинь, поставленных там в качестве украшения, повернулся и ушел. Царь вторично послал за ним, но святитель заявил: «Пока государь не прикажет снять идолов, соблазняющих народ, я не могу войти в его дворец». Кстати же, по этой же причине и митрополит Филарет московский, человек европейски образованный, категорически отказался освящать Триумфальную арку в Москве во времена Николая I. Петр, узнав причину ослушания, пригрозил смертью. Святитель ответил, что неприлично христианскому государю ставить языческих идолов. Под вечер царь услышал колокольный звон, хотя не было никакого праздника, и послал узнать, что это значит. «Понеже мне, — ответил святой Митрофан, — от его величества сказана смерть, того ради я, как человек грешный, должен пред смертью своею принесть Господу Богу покаяние и испросить грехов своих прощение соборным молением, и для сего я назначил быть всенощному бдению».

Царь засмеялся, приказал убрать статуи и послал сказать, что он прощает святителя за прослушание царской воли. До самой своей смерти святитель стоял на страже вверенных ему душ, оберегая их от соблазна и особенно от. вредного влиянии иноземцев. При этом он не был против самих знаний технических и научных, был близок с боярином Хитрово, сторонником близких отношений с Западом, оказывал помощь нуждающимся иноземцам, но сам их чуждался. Он считал, что иноземцы вносят в нравы русских непотребные обычаи. Когда святитель умер, то, несмотря на то, что доходы епархии были большими, владыку не на что было похоронить. Он совсем не имел собственных келейных денег. Деньги, собираемые по епархии, он никогда не считал своими. Не имея

ни злата, ни серебра, святитель как о милости молит, чтобы за поминовение его души после смерти выдавалось из домовой архиерейской казны.

В XVIII веке мы знаем и еще одного крупного церковного деятеля — Тихона Задонского. Уже упоминалось о святом Паисии Величковском и целой плеяде его учеников, положивших начало обновлению церковной жизни. Началось среди русских людей всех сословий движение в сторону «умного делания». Среди русских святых нет более почитаемых, чем преподобный Сергий Радонежский, живший в XIV веке, и преподобный Серафим Саровский, живший уже совсем недавно — в XIX веке (умер в 1833 г.). Нет ни одной церкви, где не было бы иконы этого святого, в державе Российской просиявшего. Со времен Петра начинается история притеснения властями православной церкви. В то время как во всех крупных городах уже в середине XVIII столетия открываются масонские ложи и постижения еврейской гностики становятся явлением общим в среде чиновников и дворян, то есть тех же чиновников, но только в отставке, в то же самое время нападки на церковь приобретают все более озлобленный и откровенный характер. Вернулись как бы первые века христианства. Снова, как и прежде, его стали преследовать те же силы: язычество и иудаизм. Оба эти явления сошлись в одной точке — каббале, и ненависть, которую испытывал языческий мир к христианам, можно легко себе представить, если читать литературу, выпускаемую масонами-просветителями. Они издают и чисто языческую литературу, и чисто каббалистическую: Яков Бёме входит в моду вместе с клятвой верности Иегове — Верховному правителю Вселенной.

Особенно выделяется по части издевательства над священниками правительство Бирона: их подвергают битью кнутами, многих казнят. Их утесняют административными воздействиями, порожденными изуверской мыслью европейского просвещения. Более 6000 священников отдано было в солдаты. Обнищание церковного причта было всеобщим, во многих и многих церквах некому было служить. Правительство реформаторов смотрело на духовенство как на своих врагов.

В качестве примера преследования церкви либералами-масонами и просветителями можно привести и дело епископа Иннокентия по поводу книги Станевича «Беседы на гробе младенца о бессмертии души» (см. ниже).

Это только в качестве примера. и таких примеров не счесть. Митрополит московский Филарет говорил, что Петр только ударил церковь, а Екатерина нанесла ей тяжелую рану. Было бы грешно не упомянуть и еще об одном человеке, о котором помнят только историки Церкви Русской, а между тем...

Митрополит ростовский Арсений Мациевич защищал права Церкви еще при императрице Елизавете, но когда Екатерина II отобрала в казну, то есть на откуп чиновникам, все имущество Русской Церкви, следуя указаниям своих идейных учителей — Вольтера и Дидро, то Мациевич вступился за неприкосновенность монастырских вотчин, утверждая, что если это решение о конфискации не будет отменено, то «государство со всеми своими академиями и чинами обратится в государство безпоповское, протестантское или даже атеистическое».

Его лишили сана и сослали в Карельский монастырь. Но он не делал никаких «оглядок на человеческие страхи», считал свое осуждение незаконным делом гонителей церкви — «всех немецких чинов, которые в комиссии сидели». Он продолжал борьбу, и в конце концов его расстригли и отправили в Ревельскую крепость. Здесь, в заключении, в одиночной камере он и умер, защитник Церкви, кого москвичи почитали за святого.

Екатерина писала коменданту крепости, чтобы он неослабно стерег заключенного, так как «народ его очень почитает исстари и привык считать святым, а он больше ничего, как превеликий плут и лицемер».

«Благо, яко смирил мя сей», — написал углем на стене своей одиночной камеры Арсений перед своею смертью. Арсений Мациевич и Радищев...

Два мира. Одного почитает народ, а другой — за кого народ почитает? За невежественных оборванцев, не знающих истинного Бога-Иегову, как пишет сам Радищев?

Арсений Мациевич не искал своей выгоды и жил бы, будь лицемером, в роскоши и богатстве. Он умер в каземате как государственный преступник как раз в те годы, когда знамя веротерпимости по-бироновски и вольтерьянски высоко развевалось на горизонте России, уже освещенном первыми лучами либерализма, лучами, идущими от алтаря храма Соломона. Этот тамплиерский либерализм за веселыми водевилями и «грациозной скабрезностью» таил в себе все, что можно было увидеть на примере Арсения Мациевича и в судьбах тысяч священников, избиваемых плетьми и ввергнутых в нищету. «Двойной истины» западных гуманистов и наших лукавых интеллигентов не искали защитники права человека на исповедание своей родной веры, такие, как Арсений Мациевич.

Начало XIX века ознаменовалось бурным ростом всевозможных мистических учений от чисто масонских и исповедуемых только в ложах до тех же учений под видом духоборских сект разных наименований. У власти стояли и пользовались покровительством Александра I крупнейшие масоны-розенкрейцеры и масоны тоже крупнейшие, но других направлений.

Александр Федорович Лабзин, племянник Н. И. Новикова, вкупе с Александром Голицыным, масоном Родионом Кошелевым, другом Сен-Мартена, стояли у кормила цензуры во времена Александра I, определяя номенклатуру издаваемых книг. Как и в прошлом веке — XVIII, неизменной симпатией в начале XIX пользовался Вольтер. Широкое распространение

получили книги чисто каббалистического содержания и сочинения мистиков масонов, абсолютно враждебные христианству; это сочинения Штиллинга, где в «Победной повести» единственно истинной «церковью» провозглашалась ересь альбигойцев, исповедовавшая дуалистическую доктрину каббалистов-манихеев, сочинения Лабзина в его же «Сионском вестнике», являвшемся проводником идей западных начальников — идеологов русских масонов.

По преимуществу руководство шло из Берлина, куда в обратном направлении шли как членские взносы (см. материалы допроса Новикова), так и обычные для масонства подробные отчеты о разных сторонах жизни государства: сообщалось о настроениях двора, дипломатические известия, экономические и прочие. С Запада по масонской линии шли произведения по практике государственного переворота, как, скажем, роман Силвена Марешаля «Путешествие Пифагора», являвшийся пропагандой идей Ордена иллюминатов, «Начертания истинныя теологии» (1784 г.) и другие. К началу XIX в. масонство захватило высшие сферы государства.

В этих условиях некто Евстафий Станевич, то ли директор, то ли просто учитель гимназии, решительно ничем не приметный, не выдержал и написал книгу [9] в защиту православия и с обличением мистических учений. Книга не успела разойтись, как уже на следующий день масонские бюрократические круги были взволнованы и возмущены книгой Станевича. Министр просвещения и духовных дел, а также главный цензор страны А. Н. Голицын не находил себе места от гнева. Духовного цензора архимандрита Иннокентия грозно спросили, как он мог пропустить книгу, нарочно ли он это сделал или по недогляду. Отрекаться от сделанного Иннокентий не стал. Он заявил архимандриту, своему прямому начальнику, что готов претерпеть за веру.

Станевич был выслан полицией из столицы, книга же, как антигосударственная и очень опасная для основ общественного порядка, спешно изымалась не только из книжных лавок, но и из частных домов и уничтожалась, сжигалась непосредственно под личным присмотром Александра Ивановича Тургенева, сына известного масона, розенкрейцера, «теоретического философа Соломоновых наук каббалистического Ордена Креста и Розы» Ивана Петровича Тургенева, мецената в литературе и просвещении, долгое время формировавшего вместе со своим соратником по Ордену М. М. Херасковым кадры русской интеллигенции, — оба возглавляли Московский университет. Надо признать, что дети И. П. Тургенева, будучи от рождения уже луфтонами, как называют детей масонов, имели мало шансов остаться вне влияния Ордена. Александр Иванович Тургенев с 1817 года занимал место директора департамента духовных дел и был лично известен императору. Один из почитателей А. И. Тургенева характеризовал его «как человека легкомысленного, с некоторой долей шарлатанства, враждебного к православной церкви». Александр Иванович был либералом и мистиком. Его брат Н. И. Тургенев был известным декабристом.

Либеральный террор действовал настолько успешно, что когда через шесть лет Станевич был приглашен к государю, вознагражден, принят снова на службу, а книгу было приказано издать, то в целом городе не могли найти ни одного экземпляра. Один экземпляр все-таки был отыскан. Отпечатали. Написанная несколько архаичным языком, она содержит исключительно разбор некоторых мистических учений адептов «внутренней церкви» и излагает учение церкви православной. В этом и была ее главная опасность для властей, преданных Ордену вольных каменщиков.

Иннокентий же по личному настоянию Голицына был выслан из Петербурга. С большим трудом удалось заменить его ходатаям Оренбург на Пензенскую епархию. Не доезжая Москвы, посвященный в епископы перед отъездом, Иннокентий тяжело заболел; 21 июня 1819 года приехал в Пензу. Но земной путь его уже подошел к концу, и 10 октября он отошел ко Господу. Ему было от роду 35 лет. А через четыре года начинается возрождение Оптиной пустыни.

Это удивительный, не знающий себе равных источник чистоты и самой высокой духовности. Никакие испытания не смогли сокрушить Святой Руси, и ее традиции, и ее духовная сила живы и поныне. Святая Русь на небесах и на земле несокрушима. Исчезнет серое племя без имени и отчества ее врагов, а она будет сиять во веки веков.

История Ордена вольных каменщиков в России — это история борьбы просветительства, ставшего идеологией беспочвенного чиновничества и офранцуженной интеллигенции с Русской Православной церковью и со всем русским народом, со всем его историческим бытием. Эта борьба гностико-каббалистического учения с верой и надеждой русского человека. Эта борьба есть фундаментальный факт духовной жизни русского человека. В ней, в этой борьбе, сплелись в единое целое вопросы цели бытия, справедливости, оправдания самодостаточности государства, проблемы человеческой свободы и проблемы смерти и спасения человеческой души. Масонство впитало в себя всю языческую мудрость древнего мира, его философию, мораль, мистику и метафизику. У масонства, как и у философии плотского человека, есть свои пророки, свои алтари и свои герои, по большей части совпадающие с героями

[9] *Станевич Е.* «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», Спб., 1818 г. 1-е изд. Следующее издание, 2-е, — 1825 г. На титульном листе означено: «Второе издание по Высочайшему повелению. Санкт-Петербург. Печатано в тип. Императорской Российской Академии». — Масоны и сектанты любят цитировать Священное Писание, и Станевич пишет: «Нет ничего грешнее пред Богом, как своевольное приложение изречений божественных к частным видам человеческим, как будто за сие страшное злоупотребление не воздадут страшного на страшном суде ответа», (ук. соч., с.39) .

гуманистической «всеобщей» культуры, языческой по существу. Масонство несло в себе осуществление идеалов «всечеловека», без лица национального, исторического, сословного и религиозного. В XVIII веке оно объявило своими «уставами» и прочими программными документами о «всеобщей религии» и «естественной морали», за которой стоит Тора, иудаизм — основа масонства.

Пантеизм лег в основу всего антихристианского движения XVIII-XIX веков. Он стал идейным обоснованием Просвещения, масонства, либерализма. Интеллигенция в нем нашла первые зачатки своей философии, и перевод учения масонов с языка символов, легенд, мифов на язык понятий философских произведений европейского гуманизма и просвещения стал ее вероисповедным знаменем.

Литература и изобразительное искусство получают первый толчок к своему существованию именно в ложах, наследницах философских союзов античности, вернее, религиозно-философских союзов. Мода на античность стала тем идейным достижением, которое гуманизм выдвинул в качестве заменителя христианской веры. Живопись, архитектура и скульптура несут начала, изначально противные духу христианства, плотские и чувственные. Эротика не только не скрывается в тайниках греховной природы человека, но привлекает взор интеллигента-вольнодумца. Людоедский индивидуализм Вольтера и Руссо, фашистская теория [10] Мабли и Морелли, их утопии — проекты будущего устройства общества — имеют все жуткие черты концентрационные лагерей. За колючую проволоку в казармы предполагалось загнать весь род людской. В качестве теоретического обоснования таких казарменных государств принимается теория «естественного человека» и идея Природы как порождение эманации Единого безличного существа, Эн-софа каббалы и масонская лож.

Пришедшие с Запада идеи деизма и пантеизма, с их абсолютным безразличием к моральным ценностям, стали идейным содержанием нарождавшегося чиновничества и интеллигенции. Престиж «знания» неуклонно растет в течение десятилетий и постепенно расширяет круг интеллигенции. «Знания» определенных предметов обеспечивают продвижение по службе. Прежде всего это знание иностранных языков и некоторых азов западной философии, в форме публицистической, но в первую очередь это знание иероглифического языка масонских лож. В этом языке скрыт весь идейный багаж богоборческого просвещения, безликости массовой культуры и морального разложения общества. В нем, в этом языке, смертный приговор народу, устроившемуся у себя дома и по-своему, по-христиански, в нем — классовая борьба и уничтожение крестьянства, в нем — расстрелы тысяч неповинных людей, в нем — катальный «интернационализм», принесший неисчислимые бедствия всем коренным нациям и всем народам и больше всего — русскому.

Дело колонизации страны западными мальбруками, несмотря на обилие иностранцев в опричном корпусе чиновничества и возможности распространения литературы любого идейного толка, шло крайне медленно. Страна упорно держалась во всех слоях церковных обрядов — своего священного завета, и теплый свет лампады пред ликом Спаса продолжал согревать сердце русского человека. Тихие, умиротворенные образы страстотерпцев Бориса и Глеба продолжали останавливать на себе просветленные взоры и крестьян, и мещан. Прослойка чиновников росла медленно.

В те самые времена, когда будущие деятели московского мартинизма были еще детьми, образование продолжало оставаться по преимуществу таким же, каким оно было и до Петровских реформ: грамоте учили по Часослову и Псалтыри. Воспитание также осуществлялось отнюдь не по Локку, столь излюбленному просветителями-масонами, и не по принципам идейного основоположника реформированного английского масонства, «моравского брата», высоких степеней посвящения Амоса Коменского. Неуклонное требование моральной чистоты, уважение родителей и вообще старших, уважительное отношение друг к другу, святость брака и прочие требования нравственного характера, как известно, дольше всего удержались в русском народе, вплоть до нашего времени, пока катаклизмы экономических реформ 50-х и 60-х годов текущего столетия не разрушили окончательно русскую деревню... Как главного врага «прогресса» и «всемирной культуры».

На знамени европейского просвещения яркими буквами загорелись два слова, ставшие драгоценным клейнодом Нового времени: атеизм и гедонизм. Бога нет, наслаждайся, делай карьеру, все равно сдохнешь и ничего от тебя, милый друг, не останется. Наслаждайся как можешь и всеми доступными средствами. Теперь, с XVIII века, Гораций и Тибулл перепеваются на всех европейских языках и служат образцом для деятелей освобождения человечества от религиозных «предрассудков». Гений Эпикура воскрешается в многочисленных «поэзах», и во Франции возникает культ светского «приличного» разврата. Через несколько десятков лет в стране начнется кровавый террор и Франция погрузится в хаос революционной анархии.

Приличный разврат всегда заканчивается именно таким образом, ибо знаменует собой разложение человеческого общества и власть тьмы, князя Мира его. По своим врожденным свойствам русский человек обладает особой совестливостью, даже если забывает дорогу в церковь. В то же время сыны «интернациональной нации», эти вечные учителя человечества, легко плавают

[10] То есть «социалистическая» и «демократическая», имеющая в основе оккультно-каббалистическую идею Всеединства, к которому движется все человечество. И этот процесс «спасения» составляет суть понятия «прогресс».

по поверхности всех моральных традиций и культур, все знают по форме, ни во что не верят по существу, обо всем судят с необыкновенной ученостью, и их совесть, как правило, не обременена никакими «предрассудками» ни по части семейной верности, ни по части бескорыстия и любви к ближнему. Надо ли говорить, что в политике последнее качество имеет огромные преимущества.

Выросший в обстановке эпикуреизма, Вольтер проповедовал только наслаждение во всех его видах. Наслаждение властью — тоже наслаждение, и еще большее, чем остальные. В борьбу с христианством во времена средневековых гуманистов вступила утилитарная этика Возрождения. Так ласково называется проповедь гедонизма [11].

Впрочем, существовала и другая система взглядов, не противоположная, как может показаться, но другая — стоицизм. Именно это учение вошло со всеми деталями, целиком в доктрину Ордена вольных каменщиков, о чем речь пойдет дальше. Это учение безразлично к морали, в общепринятом, то есть христианском, ее понимании. Система гностиков с их учением о спасении души через приобщение к некоему «знанию», как высшей цели так же, как и система их идейных наследников — масонов, по наследственному пути от манихеев, альбигойцев, вальденсов, катаров, европейских гуманистов, интеллектуализировавших все эти ереси и создавших «республику ученых» — гностиков-каббалистов — имела учение о поведении, это да, но не о морали. Грех — вражда к Богу, личному и любящему, есть падение в грязь, разлом в цельности, погружение в смрад, абсолютно реальное и существующее только в христианстве: грех — понятие не моральное, а религиозное, но на признании греха стоит мораль; в системе религии сама мораль есть только средство. Самодовление морали, то есть отрицание религиозных истин, есть самый большой грех. Именно он присущ масонскому гуманизму.

Система народного образования была разрушена Петром. Екатерина, воспитанная в безверной, атеистической среде, именуемой по весьма формальному признаку как протестантская, смотрела на свою подлинную духовную родину — просветительскую, воинствующе-антихристианскую Европу, ни в каком случае не католическую, с обожанием. Надо попутно заметить, что и Петр не «видел» католической Европы, тоже. кстати, Европы. И тоже достаточно грамотной и поболее грамотной, чем обожаемая им протестантская, то есть, по существу, не христианская. Протестантство со времени своего возникновения стало удобным прикрытием для решительного атеизма, так как не требовало исполнения каких-либо обрядов на территории России.

С этого времени Вольтер, глядя на Россию, мог вздохнуть свободно, чувствуя, что дело просвещения в надежных руках. «Она (т.е. Екатерина II) почтила меня извещением, — писал он, — что ею были собраны в большом зале Кремлевского дворца самые настоящие язычники, ученые, греки, латиняне — от роду заклятые враги греков, лютеране, кальвинисты — враги латинян, добрые мусульмане, одни держащие сторону Ади, другие Омара; что все они сообща пообедали, что является единственным путем к взаимопониманию, и что она заставила их согласиться принять законы, по которым они должны жить в добром мире. До того времени православный выбрасывал тарелку, из которой ел католик, если не мог выбросить самого католика».

В этом отрывке — все Просвещение со своим удивительным лицемерием и расчетом на невежество адресата. Может показаться, что все эти вероисповедания находились в бесконечной вооруженной борьбе, проливая кровь только потому, что кто-то не так крестится. Скучно говорить прописные истины, но следует все-таки уточнить: Россия всегда была страной с самыми различными вероисповеданиями. В самой Москве жили и мусульмане, и католики. Протестанты же вообще были со времен Петра в исключительном положении. Это банальный факт истории. Россия не знала религиозных войн [12]. Хлысты и прочие духоборы в обилии населяли столицы России: Петербург и Москву. Не выбрасывали ни тарелок, ни католиков, ни мусульман, ни протестантов. Зато сказано по-вольтеровски хлестко.

Через 5 лет после своего прихода к власти, в 1767 году, по инициативе императрицы создается «Ученое предприятие в Москве» для перевода статей из «Энциклопедии» французских просветителей. Сами ученые нуждались в каком-либо объединении, и общее дело было найдено. Враждебная каким-либо христианским идеям «Энциклопедия» должна была стать первой школой создания интеллигенции в России. Движение к «умовому» началось с Петра, но теперь оно приобретает ускорение. Делавшее при Петре свои первые шаги, чиновничество при Екатерине II становится мощной силой. «Темной стороной этого прекрасного начинания было появившееся именно около этого времени крайнее увлечение учениями энциклопедистов. (...) Французы давали модный тон... и русские впадали в крайность, подражая им до нелепости, что началось отчасти во времена Елизаветы, когда окончательно изменялись древние нравы общества, сокрушенные Петром, но еще не вполне искорененные его рукою и усилиями немцев» (Лонгинов).

На внутренний книжный рынок выбрасываются переведенные на русский

[11] Каббалистический аспект гедонизма очевиден: согласно иудаизму, все создано Творцом ради получения наслаждения: «что создано в мирах, является лишь видоизменяющимся желанием насладиться» (Лайтман М. «Кабала», Новосибирск, 1991 г., стр. 22)

[12] Ср. М. Вильмот: «В России нет религиозной вражды и дух терпимости таков, что даже неграмотные крестьяне... понимают, что у людей других национальностей имеются свои, несхожие с их собственными, религиозные обычаи» (1804 г.) (Записки. М., 1988).

язык античные авторы — Платон, Аристотель, Плутарх, Ксенофонт, Вергилий, Гораций, Овидий, Цицерон, Тацит, Гомер, Салюстий и др. — весь обычный идейный арсенал борцов с церковью.

В этих произведениях ум читателя изощрялся в метафизических построениях, находил себе удовлетворение в мифических образах шаловливых фей, удовлетворял свою эстетическую потребность, как бы подсказывая ненавязчиво читателю XVIII столетия, что спасительная миссия Христа была не такой уж спасительной, поскольку и до того жили люди, и весьма добродетельные. Здесь же читатель черпал и свои политические идеалы борьбы с «тиранией».

Усилиями Екатерины II шла интеллектуализация русской жизни. Появляется племя философов, и главный центр их подготовки — масонские ложи — начинает открыто процветать в правительственных департаментах. Здесь в ложах заставляют напрягать мозги в изучении каббалистической символики. Из дворянства здесь готовят новую породу людей — интеллигенцию.

В 1766 году издается манифест о созыве со всей России депутатов для сочинения проекта нового Уложения. Новые слова будоражат кровь и вселяют неясные надежды. Учреждаются новые учебные заведения и воспитательные дома.

Власть поощряет всячески литераторов, она нуждается в притоке новых сил, интеллектуальных и творческих. Устанавливаются премии, поощрительные подарки и предоставляются хорошие места по службе для литераторов, художников, скульпторов, ученых, архитекторов. Сочинительство становится доходным делом и тешит тщеславие.

Моралистика и нравоучительность первых русских журналов постепенно смешают акценты в сторону «естественного». Как-то незаметно происходит сближение привычных светских представлений с первыми тремя градусами Соломоновых наук — иоанновским масонством.

Первые шаги Ордена были робкими, незаметными. Как отмечают исследователи прошлого, не было главного — русской интеллигенции. Трудно переоценить влияния вольтерьянства на распространение масонства в России. Одно прокладывало другому дорогу.

Что должен был испытать человек, воспитанный в традиционном духе веры отцов и вдруг переживший потрясение от чтения Вольтера; «галантная скабрезность» и изящный слог вселяли червь сомнения в душу отечественного недоросля, и тем сильнее, чем больше он видел, что Вольтер в моде. Душевная раздвоенность, страдание от утраты чистых образов веры, сомнения и душевные муки входили в его жизнь. Испытавший скепсис французского просветителя, он уже не мог вернуться к прежней цельности. Насмешка над святыми предметами, часто повторяемая, доходила до самых интимных глубин человеческой души. Даже Леонтьев, уже живя в Оптиной, отмечал, что его все еще продолжает нет-нет да тянуть к Вольтеру, его язвительной прозе. Такое воздействие разрушало, но не давало ответа на главные вопросы человеческой жизни.

Все легенды и оккультные истины, излагаемые Пикоделла Мирандола, каббалистом, в XV веке, стали «исторической» догмой просветительства и метафизикой масонства. Их, эти легенды и оккультные истины, излагал Шварц Иоганн Георг (1751-1784), русский просветитель, родом из Трансильвании (Германия); движимый благородной страстью образовать русское юношество на основах человеколюбия и добродетельной чувствительности, он по заданию масонского Ордена приехал в Россию. Движимый заботой об истинном просвещении юношества и пропаганде идей Ордена, он развил изумительную и разностороннюю деятельность по заграничным сношениям масонским, внутренней организации Ордена, основанию розенкрейцерства, устройству «Дружеского общества», учреждению «Переводческой Семинарии», «Педагогической», чтению разом трех курсов и разным ученым трудам по университету и гимназии.

С первого дня его появления в Москве в 1779 году он озабочен одной идеей — созданием различных обществ по распространению понимаемого им в духе Пикоделла Мирандолы, в духе эзотерического предания-каббалы, просвещения. Но и для достижения этой великой цели нужно было участие большого числа людей образованных, влиятельных и имеющих капиталы для финансирования задуманного предприятия.

В лице Новикова он нашел себе деятельного помощника на этом поприще. При Московском университете образуется усилиями влиятельных и знатных вельмож сплоченная масонская организация. Первое лицо в университете — куратор Херасков, покровитель юных дарований, член Ордена.

Типография университета отдается Ордену в лице Н. И. Новикова, и тот деятельно, вместе со Шварцем, ставит дело пропаганды идей Ордена на высокий уровень. Уже через несколько месяцев после приезда в Москву Шварц получает должность профессора немецкого языка в университете по протекции Хераскова и входит в руководство Ордена, имея к тому времени степень шотландского мастера. В ритуале степени — «стоять под знаменем багровым» (Т. Соколовская, «История русского масонства»).

В университете и разворачиваются его блестящие педагогические способности. Уже в конце того же года, 1779-го, он вместе с «братьями» основал общество по подготовке отечественных учителей — «Педагогическую семинарию», взяв несколько бедных студентов на содержание масонского общества. В 1781 году по его инициативе и в самом тесном содружестве с Новиковым было «образование ума и вкуса членов, собиравшихся для чтения и обсуждения своих литературных опытов, нравственное их усовершенствование,

упражнение в человеколюбивых подвигах, в пользу которых предложено было составлять периодические издания из трудов членов». Так было сказано в официальном объявлении по поводу учреждения общества. И студенческая молодежь приняла самое деятельное участие в этом литературном предприятии. Студенты становятся переводчиками, журналистами, комментаторами и пробуют свои силы на писательском поприще. Усилиями студентов, при направляющем руководстве Новикова и Шварца, осуществляется целый ряд изданий масонских журналов и книг, большей частью переводных или компиляций из заграничных изданий. Сама атмосфера будоражила молодые умы, возбуждала дух литературного соревнования, подогреваемого хорошими гонорарами, выдаваемыми Новиковым в целях поощрения юных дарований.

«Шварц... направил свое влияние на ту молодежь, которая могла составить ядро будущего русского интеллигентного общества» (Лонгинов).

Все свое время и средства Шварц отдает любимому делу. он подарил свою личную библиотеку университету и отдал на дело просвещения и содержание бедных студентов 5000 рублей.

В ордене московских масонов уже существовала с 1780 года тайная ложа для избранных ученых мужей, которая так и называлась — «Тайная и Сиентифическая», она же именовалась и ложей «Гармония». Именно в это время масон и интеллигент сливаются в одно представление для образованных по-европейски дворян. В сознании же большинства людей масоны, как и прежде, это проклятое Богом сборище, где «творят почти явно демонские законы» и «православных христиан мнят всех прельстити».

Размежевание в обществе продолжалось. В 1781 году Шварц уезжает по заданию ордена в Германию и получает звание верховного предстоятеля Теоретической степени Соломоновых наук — первая ступень в освоении розенкрейцерства — науку из наук в масонстве. По возвращении он готовит братьев к занятиям новыми дисциплинами и читает соответствующие лекции. Его заместителем, главным предстоятелем ордена Берлин назначает Н.И. Новикова (Г.В. Вернадский, «Русское масонство», Пг., 1917 г.).

В 1782 году Орден Креста и Розы начинает свой долгий путь на русской земле. Он благополучно прошел через многие катаклизмы в общественной и политической жизни страны, объединил видных деятелей культуры и просвещения XVIII—XIX веков. В том же году общество «теоретических философов» Соломоновых наук открывает еще одну легальную свою организацию — «Дружеское ученое общество» для ревнования по делам просвещения. Оно все целиком состоит из братьев-розенкрейцеров, видных, за редким исключением, представителей сановной и дворянской знати.

Еще в Берлине, во время своей поездки по делам Ордена в 1781-1782 годах, Шварц завязал самые тесные контакты с учеными и литераторами Европы, выполняя свои масонские «должности» по распространению масонских идей просвещения. Нужны были книги и для этого. Нужны были переводчики. В 1782 году создается для студентов университета все теми же московскими розенкрейцерами еще одна организация — «Переводческая семинария».

Здесь проходят курс масонских наук несколько десятков молодых людей. Живут они в специальном общежитии Ордена [13].

Для них читаются отдельно от других студентов лекции, и мемуаристы через много лет будут отмечать, что «такой-то» — воспитанник «Дружеского общества». Их узнавали среди многих.

Шварц трудится неутомимо, он помогает в издательских делах Новикову, указывает ему книги, нужные для издания, исправляет переводы и дает ценные советы по части теории в литературе, по вопросам чисто теософского характера — журналы «Дружеского общества» прямо пропагандируют враждебные христианскому учению идеи оккультизма и гностики. «Вечерняя заря», «Московское ежемесячное издание» становятся хорошей учебной школой для питомцев названного общества. Участников этих изданий насчитывается не один десяток. Все они становятся членами масонских лож, и из них в следующем веке, XIX, будет состоять в значительной степени профессорско-преподавательский состав университета. Или из них, или из их питомцев. Одни станут сами издавать журналы для пропаганды масонских идей, как Лабзин «Сионский вестник» и Невзоров «Друг юношества», другие займут видные места в чиновничьей иерархии или будут руководить сановниками в системе отношений масонского Ордена, как, например, тот же Поздеев руководил министром просвещения гр. А. К. Разумовским, М. Ю. Виельгорским и С. С. Ланским — всем найдется место под солнцем России. Кстати, С. Ланской при Александре II — министр внутренних дел.

Шварц читает 3 курса лекций: студентам университета, семинаристам «Дружеского (масонского) общества» и у себя на дому для еще более избранных. Мистический характер лежит на этих лекциях Шварца, в них он являлся горячим поклонником каббалиста XVII века Якова Бёме. Он заставлял своих слушателей, юных отроков, «понимать тонкости и прелесть искусства и литературы; порядок Геометрии и Астрономии, Магии и Каббалы», а также прелесть и тонкость алхимии и вызывания, при помощи некоторых секретов, демонов.

На этих лекциях он деятельно толковал «Теоретический градус Соломоновых наук», свод учения Ордена розенкрейцеров, изучавшийся в степени «теоретического брата», и, таким образом, он вербовал себе

[13] Здание сохранилось: Армянский пер.. Институт Востоковедения им. Лазарева. В то время оно принадлежало видному масону, сподвижнику Новикова, И.В. Лопухину.

единомышленников на своих публичных и частных чтениях, где, излагая то же розенкрейцерское учение в популярной форме, делал слушателям весьма ясные намеки на то, что великие тайны находятся в руках так называемых Розенкрейцеров. Отдельно Шварц читал лекции для семинаристов — будущих священников.

В курсе лекций «О трех познаниях» он объяснял: «Некоторая секта иудейская сохранила оное предание (данное Богом Адаму познание), и... оно перешло к так называемым Р... К...», далее он давал «познание о так называемой Розен (Крейцеровской) Каббале». Вообще говоря, на лекциях профессора Шварца русские студенты могли узнать много нового для себя из старого багажа иудейской каббалы, выдаваемой за свет истинного в отличие от православия знания.

Бог передал совершенные знания Адаму, беседовавшему с ним непосредственно. От него Адам получал сведения о мире видимом и невидимом. Падение духа в материю раскололо двуполое существо совершенного Адама на две половины — мужскую и женскую, и с этого времени знания в их совершенной полноте были утрачены, так как не стало полного и постоянного общения с миром чистых духов. Свои знания, оставшиеся после падения, Адам сообщил своим детям, но так как люди употребили это знание во зло, то уже Ной передал его только одному своему сыну. Моисей на горе Синай получил знания для всех и знания сокровенные в виде иероглифов для избранных. Во времена Соломона, рассказывал студентам университета Шварц, в Иудее было много философов, и они объединились и «представили философическое дело под видом сооружения Храма Соломонова: сия связь дошла до нас под именем Свободного каменщичества...». Наследниками этой секты иудейской и предлагалось стать русскому юношеству, отказавшись от простонародной религии отцов своих и прадедов и предаться новому передовому учению Шварца, русского просветителя из Германии, «теоретического философа Соломоновых наук». И, надо признать, сегодня эта «наука» определяет дух современности.

Подлинная и глубинная, «настоящая» наука находится у невидимых начальников «собратства», которые живут где-то, «в некоторой части сего видимого мира, яко в наружном раю», где, владея всеми тайнами природы, сохраняют их «для великого дела», до того момента, когда «воздвигнется род, рожденный для части более возвышенной...».

Легенда о некоем сокровенном месте для неких мудрецов, возможно, заимствована из Талмуда: «С талмудических времен циркулируют слухи о праведной стране, в которой, на берегах реки Самбатион, в независимости и древней чистоте веры и обычая живут потомки «колен Израилевых». Еще в XVI столетии в Палестине обосновался кружок каббалистов, избравший этот уголок земли как место, откуда будто бы легче воздействовать на «высшие сферы и таким образом влиять на приближение мессианского времени», оказывать воздействие на политические события в мире.

«Герметическая философия, — говорил Шварц, — есть матерь: она основывается на знании натуры... От нея произошли: 1. Философия магов... халдейская; 2. Иудейская от Моисея...; 3. Пифагорейская...; 4. Сократическая, платоническая, аристотельская в Греции, и, наконец, 5. Каббалистическая, раввинская, представляющая собой смесь всех».

Желательным для студентов считалось для лучшего овладения глубинами просветительской философией знать еврейские имена из «родословия Адама»: «Адам-Сиф-Енос. Каинин-Малелеил-Иаред», и алхимические символы: условия соединения Меркурия и соли и взаимоотношения Шамаим (огненная вода) и Ареца (мрачности), а также и то, что «маг — это тот есть искатель истины, с которым натура говорит во всех тварях через своего духа и показывает свою сигнатуру». Шварц, собственно, излагал учение каббалиста XVII века Я. Бёме, праотца Гегеля и Маркса.

В этом кругу и на этих идеях воспитаны были целые поколения русских интеллигентов и чиновников, что, впрочем, одно и то же. Среди членов и учеников «Дружеского общества» мы видим и Карамзина, мировоззрение которого сложилось под влиянием братьев Розового Креста, профессоров, чиновников, творческую интеллигенцию...

Шварц претерпел и некоторые неприятности от начальства, так как в публике говорили, что профессор проповедует масонство. Шварц отрекался и уверял, что это невозможно. «Должно, однако, заметить, — говорит Лонгинов, — что лекции Шварца, несмотря на такую отговорку, служили истинной школой масонства».

17 февраля 1784 года тот, кто «твердо вел юных питомцев на путь добра внушением им нравственных правил, основанных на религиозных началах», умер.

Умер канцлер VIII провинции масонского всемирного государства, член директории VIII провинции, главный надзиратель по теоретическому градусу шотландских мастеров, верховный предстоятель Ордена Креста и Розы, рыцарь Орла и Пеликана, доверенное лицо берлинских начальников Ордена, основатель Педагогической семинарии (1779); «Собрания университетских питомцев» (1781); «Дружеского ученого общества» (1782); «Переводческой семинарии» (1782), инициатор многих литературных начинаний в России.

Глава четвертая
СРЕДОТОЧИЕ ВСЯКОГО ЕДИНСТВА

Вместе с реформами Петра в Россию проникает новая философия, по которой человечество не призвано ни к чему небесному и его удел — наслаждаться суммой благ здесь, на земле. Эти блага заложены в комфорте, который доставляет «чувственности нежной» великое удовольствие. Идеи всеобщности и универсальности культуры внедряются как непоколебимая догма в мышление «нового» европейца. В их основе лежат глубокий символизм понятий и абстрактная метафизика мышления, склонная все бесконечное своеобразие жизненных форм сводить к однородности символических рядов и классификации понятий. Другой основой идеи всеобщего, приведшей к появлению на горизонте европейской мысли «просто» человека, человека без имени, человека «естественного» стал примат чувственного. Эта «чувствительность нежного сердца» уже в середине XVIII столетия станет основной темой русских периодических изданий и затем разовьется в сентиментализм в масонской литературе и инспирированной ею художественной. Это — логика поисков «всеобщего», в чем «согласны все люди». Это и есть, собственно говоря, «гуманизм».

Утилитарная этика, если вообще применимо это слово к этике, исходила из соображений полезности в смысле, высказанном когда-то отцом философов нового времени стоиком Хрисиппом. Что такое свинья, рассуждал этот ученый муж, как не съестное блюдо, которому и душа-то нужна только для того, чтобы заменить соль, дабы она, свинья, не провоняла и не сгнила заживо. Не удивительно, что такой взгляд на человека, усвоенный Петром I, не мог вызвать у него ничего, кроме глубокого ощущения враждебности к народу, не желавшему следовать логике Петра и его последователям — «философам». Взнуздать, повесить, казнить, выдрать бороду, высечь, сгноить — далеко не весь перечень отношений новой, петербургской власти к народу. Правда, довольно быстро обнаруживается неприятный для преобразователей факт зависимости от народа. В результате Петровских реформ платить подати стало некому, народонаселение убыло по ряду губерний на 25 процентов, а то и на 40 процентов. В армию тоже некого стало набирать, и дальнейшее продолжение блестяще начатого преобразования грозило превратить страну в пустыню. Одни сгнивали заживо, возводя град Петров, другие уходили в скиты, третьи из-за зверского преследования сжигали себя; масса народа умирала бесплодно от эпидемий в местах «великих строек» — каких-нибудь каналов или кораблей, которые сгнивали еще быстрее, чем их строили, а главным образом масса русского народа гибла из-за то ли умышленного, то ли неумышленного хаоса во всех хозяйственных деяниях великого реформатора.

Такие деяния Петра I и его хищных «птенцов» были порождены обращением к чужому опыту осмысления действительности, к совершенно определенной системе мировоззрения.

В этой новой системе мировоззрения появляется абстрактный, отвлеченный человек, лишенный всякой конкретной содержательности, некая «отрицательность всякого содержания», это и «иероглифы» масонских сочинений, и некий «человеческий фактор». Формируется геометрическое и символическое мышление (Парацельс, Спиноза, Беме. Шеллинг...)

Социальной основой такой идеологии стало чиновничество, в то время как чувственную сторону метафизики приняла интеллигенция, то есть те, кто усвоил каббало-масонскую идеологию.

Жизнь чиновника имеет тоже традиции, но это свои традиции. Они касаются положения на службе, расписания штатов, командировок, жалованья, премий и продвижения по служебной лестнице. Должностные инструкции и неписаные инструкции ведомства составляют предмет подлинного искусства метафизиков канцелярии. Сам бюрократизм — начало безусловно метафизическое, а чиновник — монист по убеждению. Карьера — звезда, руль и единственный рычаг всех усилий в морях министерств и департаментов. Все уравнять, сравнять и привести к единому «гиероглифу» египетской тьмы — цель бюрократических усилий.

Единообразие дорого стоит. Оно неэкономно и только тормозит дело. Закабаление народа, всего, всех сословий на основах полицейской «опеки», с дикими понуканиями, требовало и создания корпуса безразличных к нуждам народа чиновников. Западного в таком закабалении ничего не было. Государственные заводы Урала, о чем уже писалось в нашей литературе, с самого начала были убыточны и не выдерживали конкуренции с частными. Историки вообще замечают меланхолически на этот счет, что из всех промышленных предприятий после смерти Петра остались функционировать только те, которые существовали и до него.

Но если при Петре канцелярское семя только-только давало ядовитые всходы, то подлинное засилье канцелярской власти наступило при Екатерине II, умевшей кое-как говорить по-русски, хорошо писать по-французски и прекрасно думать по-немецки. «Нигде, я думаю, нет столько чиновников, столько коллегий, столько советников, столько советов, сколько в России, — сообщает сардинский посланник при дворе Екатерины II в 80-х годах, — достаточно бросить взгляд на придворный альманах этой страны и потом обозреть новые уставы о губерниях, чтобы убедиться, что за исключением обеих столиц и какого-нибудь многолюдного города во всех прочих областях этой империи число должностных лиц составляет около десятой части населения».

Если в 1777 году всех чиновников первых восьми классов было около шести

тысяч, то через десять лет — двенадцать. Следует назвать еще два важных источника формирования «метафизических всечеловеков»; это гомункулусы просветительской педагогики, выращиваемые по рецептам Локка и Монтескье, Гоббса и Гассенди и прочих великих импортированных мыслителей; «новая порода» людей, должны были созревать в атаноре закрытых учебных заведений. Главными принципами этих просветителей была идея о человеке как чистом листе бумаги, куда только среда вписывает свои письмена. Эта идея, взятая явно не из наблюдений живых и непосредственных, а выращенная как раз в тех болотах метафизики, где вызревало немало и других жутких Пифонов каббалистики, с наглядностью могла продемонстрировать всю «научную» ценность просветительских идей. Идея самоценности человека и всякой былинки, отстаиваемая всей системой ценностей христианской церкви, провозглашалась новыми пророками «передовых» идей отсталостью, а на смену ей пришли идеи о бесконечной метаморфозе всего живущего, получившие законченное оформление в идеях эволюции всего и вся.

На идее человека, как чистом листе бумаги, базировалась идея абсолютного равенства людей в смысле их одинаковости [14].

Идея, необходимая из соображений отнюдь не научных, получила практическое осуществление в деятельности Екатерины II и Бецкого с их планом создания «новой породы» людей. Ученый муж и оракул последнего слова европейской мысли Монтескье задолго до всем еще памятного Лысенко в своей работе «Дух Закона», этом «молитвеннике императрицы» Екатерины II, именно и проводил мысль об абсолютной зависимости как существующих учреждений от окружающей среды, так и человека в его культурных и нравственных навыках. Русская патриархальная среда должна была быть изъята из процесса формирования «нового» человека, «добродетельного и чувствительного» в рассуждении его человечности. Фенелон, Руссо, Базедов и прочие рыцари Востока и Пеликана, а также создатели каббалистической литературы нигде так ясно не выявили все убожество своей примитивной философии. А ведь им говорили, а ведь им указывали, да куда там... Нужна была генетика, чтобы доказать, что церковь в своих воззрениях на человека права, а идеи просветителей — предрассудок догматизированной идеологии масонов-каббалистов. Между тем этими идеями вдохновляются и по сию пору педагогические наши Платоны и Невтоны, создав в тоталитарном государстве поточно-заводскую систему обучения — отучения думать и задавать вопросы. Не избавление человечества от греха и пороков, а их регламентация, стали называться «культурой» и «цивилизацией».

Создание искусственных питомников стояло в плане просветителей и их поклонницы Екатерины II, и эти инкубаторы должны были покрыть всю Россию густой сетью. Такого плана выращивания «просто» человека не знала Европа. И как и раньше, при Петре, потребовалась помощь со стороны. В полном объеме план не удался, но немало и было сделано. По первоначалу призывались иностранцы. По общей логике подобного рода предприятий этот период именовался заимствованием. После формирования первой плеяды выпускников — своих российских мудрецов, скроенных по меркам космополитического инкубатора, новый период получал наименование национально-русской педагогической мысли. Были открыты воспитательное общество благородных девиц при Смольном монастыре, воспитательное отделение при Академии наук, создается сухопутный шляхетский корпус, Московский воспитательный дом. К делу привлекаются в качестве «проектистов» сенатор Теплов, историк Миллер, профессор Дильтей, капеллан английской фактории в Петербурге Дюмареск и фон Клингштет, вице-президент юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, которые уже в 1766 году составляют план гимназий, тех искусственных питомников, в которых должны были произрастать лишенные отечественных, религиозных и сословных «предрассудков» молодые люди без роду и племени, но весьма добродетельные.

«Надобно побывать самому в таком корпусе, чтобы иметь понятие о нем. Несколько сот молодых людей всех возрастов, от 7 до 20 лет, заперты в одно строение, в котором некоторые из них проводят более десяти лет... Нет разврата чувственности, изобретенного сластолюбием Катона и утонченного греками, подробно поименованного в «Кормчей книге», которого не случалось бы там, и нет казармы, где бы более встречалось грубости, невежества и буйства, как в таком училище русского дворянства. Всем порокам открыт вход сюда, тогда когда не принято ни одной меры для истребления оных. (...) Сюда принимаются юноши, набравшиеся пороков, в праздности вскормленных в кругу своих дворовых людей, у коих они уже успели все перенять и передают их своим товарищам». Из образовательных предметов предпочтение отдавалось математике в то время, как «на исторические, географические науки, столь необходимые, обращают мало внимания, даже и на знание отечественного языка», — вспоминал воспитанник такого учреждения А. Н. Вульф, друг А. С. Пушкина.

Как видим, здесь тоже была метода, и знали, что преподавать и чего не преподавать. Великий символизатор — математика, особенно геометрия, как известно, стояла в ряду обязательных предметов для изучения в масонских ложах. Ее роль трудно переоценить в деде формирования ищущего «света реинтеграции», и осваивающего имена сефиротов и имена Иеговы, и пытающихся постичь тайну квадратуры круга — последней познавательной

[14] Вывод из этой идеи прост: если человек есть исключительно продукт внешних влияний, то Церковь не нужна. Государство само, создавая влияния, способно совершенствовать род людской, и вести его к земному раю. Отсюда: иудаизм, коммунизм, прогресс.

цели «новой породы» людей. Вот догматические основы психологии всех «преобразователей», «реформаторов», «демократов» и коммунистов.

Поиски образцов для подражания обращали взоры российской монархии в привычную сторону, подальше от российской патриархальности. Приглашают ученого серба Янковича де-Мирриево. Дело шло ни шатко ни валко, пока за дело не взялись братья вольные каменщики. Особенно большую ревность в этом деле обнаружили братья Розового Креста, «теоретические философы» Соломоновых наук, преуспевшие не только в сферах «выхождения в астральный план» и восстановления утраченного единства с Эн-софом каббалы, но и в делах распространения каббалистческих наук среди молодежи. Успехи были настолько велики, что было чем хвастаться братьям за границей. В ответ на сообщение об открытии Дружеского общества в Москве в 1782 году и уже достигнутых успехах в деле воспитания новой поросли интеллигенции в ранее открытой Педагогической семинарии (учр. в 1779 г.) при Московском университете, издатель «Масонской библиотеки» в Дессау (Германия) все издание ее посвятил П. А. Татищеву, одному из начальников Ордена Теоретического градуса и «высокому шотландцу», члену капитула Ордена, префекту ложи «Трех знамен», главному меценату Ордена.

Вообще говоря, эти идеи воспитания в отрыве от семьи были восприняты нашей русской аристократией как священный завет самого неба. В этой среде оказались самые доверчивые скептики. Насмехаясь над учением церкви, они свято верили всем западным оракулам и отдавали детей в пансионы иезуитов. Со стороны крестьян, духовенства, мещан, то есть всей основной массы народа, кормившей и одевавшей Екатерину II и ее фаворитов и всю когорту чиновников и литераторов, занимавшихся русификацией французских и немецких образчиков изящной словесности, образовательные устремления безбожной немки не встречали сочувствия. И как и до Петра I, в последние годы XVIII столетия не только в Москве, но и повсеместно, лучшими учителями грамоты русской были приходские священники и дьяконы, обучавшиеся в семинариях и академиях духовных.

Сверх главного народного училища в Москве находились при многих городских церквах приходские училища, в которых первоначальные предметы преподавались духовными лицами. Духовные академии и семинарии сохранили для России древние классические языки.

Источником для «метафизического человека» послужило само вольное дворянство, лишенное Петром III и Екатериной II необходимости нести государственное тягло.

Немалым резервуаром к той же науке служило и люмпен — крестьянство, дворовые люди, обреченные на безделье и развращавшееся возле бездельных же и космополитизованных своих бар.

Свет масонства озарил русскую землю вместе с прибытием Петра из его заграничного вуайяжа. Предположительно, он вступил в Орден во время своего первого заграничного путешествия. Историки полагают, что сам Петр был в ложе надзирателем, а Лефорт мастером стула. Отныне идеи Раймувда Луллия, Мирандоллы, Василия Валентина, Якова Беме и других каббалистов станут окармлять интеллектуалов, ищущих света премудрости в изучении иероглифического языка еврейской книги Предания (Каббалы).

«Гностика, каббала, восточная философия... использованы нами на все лады», — заявил со знанием дела один розенкрейцер. Еврейская каббала входит в жизнь русского просветителя, гонителя религиозных «предрассудков» и национальной «ограниченности». Его мудрость питается из единого всем просветителям источника.

Удивительное дело. По мере того как с великим усердием гасили свет религии, водворяя мрак религиозного невежества, из этого мрака стали появляться темные, неведомые силы, существование которых, по формальной логике, но не исторической, рационализм должен был бы отвергнуть. Из всех щелей помпезного фасада европейского Просвещения полезли инфернальные силы, обнаружив невероятную живучесть и привлекательность для вчерашних вольтерьянцев. Впрочем, и сам фернейский мудрец Вольтер играл в ту же игру и был вольным каменщиком не малого градуса. От этого градуса он черпал всю свою неистощимую ненависть к Христовой Церкви.

Для того чтобы хоть в малой степени понять, что такое масонство, следовало бы указать на его идейные составные части. Это уже упомянутая каббала. В иудейской диаспоре эллинического периода и в первые века Римской империи из соединения учения Платона, Пифагора, учения орфиков и иудаизма возникло учение символического толкования Священного писания. «Для осуществления диалога, — пишет И. С. Свенцицкая, — между иудаизмом и эллинистической культурой произведения первого должны были быть не только переведены на греческий язык, но и приближены к системе эллинистических образов». Как сообщает Моммзен, иудеи играли ведущую роль в деле эллинизации Востока и после римлян и греков составляли третью по значению народность. «В том обширном возникновении греческих городов, которое продолжалось при многих поколениях и получило такие громадные размеры, каких никогда не имело ни прежде того, ни после, иудеи принимали выдающееся участие... именно они были призваны помогать эллинизированию Востока», — пишет Моммзен.

Подлинной Меккой античных интеллигентов была Александрия, где проживала самая большая еврейская диаспора. В первые времена Римской империи на 8 миллионов египтян приходилось 1 миллион евреев.

Не только здесь, но и во всех других еврейских диаспорах, разбросанных по

всему Средиземноморью, использовался преимущественно греческий язык. Литература иудеев в годы Римской империи написана на греческом языке. В отличие от других народов, проживающих с ними бок о бок, иудейская диаспора пользовалась большими привилегиями: она имела свое внутреннее управление, юрисдикцию, была освобождена от многих городских повинностей и в том числе от необходимости служить в армии. Такие привилегии зачастую создавали напряженность в отношениях с коренным населением, в том числе с греками.

Известный либеральный историк Моммзен полагал на основе большого исторического материала, что «еврейство являлось в древнем мире деятельным зародышем космополитизма и национального разложения», и замечает, что существование многочисленных привилегий еврейских диаспор, «этих привилегированных и автономных восточных общин посреди общин эллинских неизбежно должно было распространять в воздухе такую же заразу, какую распространяют болота».

Вооруженные столкновения происходили Нередко. Одно из наиболее крупных произошло в самый разгар войны римлян с парфянами, когда войска, возглавляемые престарелым императором Траяном, находились на театре военных действий на Евфрате.

«Не прошло и 50 лет после разрушения Иерусалима, как иудейство восстало в 116 г. ...на восточных берегах Средиземного моря, оно (восстание диаспоры) было чисто национального характера, имело своими центрами Кирену, Кипр и Египет, стремилось к изгнанию как римлян, так и эллинов, и, как кажется, имело в виду основание особого иудейского государства. Оно... охватило Месопотамию и Палестину. Там, где мятежники одерживали верх, они вели войну с таким же ожесточением, как иерусалимские наемные убийцы; они нередко убивали пленников, предварительно подвергши их самым мучительным страданиям... в Кирене (они)... перебили 220.000 человек, а на Кипре даже 240.000» (Моммзен Т. Римская история, т. 5, 533).

И хотя восстание помешало римлянам одержать победу над парфянами и привело к массовой гибели греков и римлян, в положении иудейской диаспоры существенных изменений не произошло и главным местопребыванием иудеев по-прежнему оставались греческие провинции, а в самой столице империи «многочисленные иудеи имели целый ряд синагог; они входили в состав греческого населения Рима. Их надгробные памятники в Риме носили исключительно греческие надписи... все сочинения писались в течение первых трех столетий исключительно по-гречески», а на Запад «иудейство проникало посредством эллинизма и вместе с ним», (Моммзен).

Центральную роль в жизни общины играет синагога, управляемая избираемым советом. Здесь читаются и толкуются священные тексты, способные к тому комментируют их, и это несомненно способствовало развитию философии. Правитель синагоги предлагал какому-нибудь члену общины прокомментировать текст из закона или пророков. Для бедных устраивались сборы пожертвований, а для молодежи занятия. При этом иудеи играли своеобразную роль среди других народов. Историк-марксист Робертсон пишет: «Евреи были не просто палестинским народом, они представляли собой пропагандистскую секту, проникавшую во все уголки греко-римского мира». Во всех городах Средиземноморья жили иудеи — мелкие и крупные торговцы, ремесленники, вольноотпущенники, организованные вокруг синагог и неуклонно распространявшие идеи социальной справедливости. «Образцом такой пропаганды стали пророчества под именем Сивиллы», которые «правящий класс презирал, как безответственную демагогию». Влияние на философию сказалось прежде всего в развитии идей стоиков, в создании учений которых принимали участие, как правило, не греки. Бертран Рассел по этому поводу заметил, что «стоицизм менее «греческая» из всех философских школ... Ранние стоики были в большинстве сирийцами, а позднейшие — в большинстве римлянами». Социальные идеи стоиков были близки чаяниям многих групп интеллигентов античного мира, и стоицизм сделался самым популярным учением чиновников, адвокатов, учителей и знати римского мира. Стоики впервые проповедуют космополитизм, называют себя гражданами мира, мечтают о мировом государстве, проповедуют принцип «жить согласно с природой», ставший альфой и омегой всей либеральной и гностико-каббалистической философии на все последующие века. Эта идея «природы» стала краеугольным камнем всей антихристианской пропаганды. На этой же идее «соответствия природе» были построены и идеи вольных каменщиков. Эта «природа» философов, как было сказано выше, нашла свое выражение в Торе [15] и к природе не имеет никакого отношения.

Их, стоиков, популярность среди простого народа утверждали киники, выступая перед толпой на площадях, в тавернах, на улицах и на рынках.

Соединение этических идей с учением Гераклита и Платона придало учению законченный и цельный характер, как практический, так и умозрительный. Под воздействием философии религия теряла реальные черты, становилась все более символичной и удобной для ее интеллектуального осмысления. На соединение с такой философией и устремилось умозрение интеллектуалов иудейской диаспоры. Недаром греки в Александрии называли евреев «философским племенем» (Хосроев А., с. 68).

В то время как среди простого народа наблюдалось неприязненное отношение к иудеям, которые платили им той же монетой, среди интеллигентов

[15] Торой называется не только Пятикнижие, но и все еврейское учение в целом — иудаизм.

происходит появление интереса и уважения к умозрениям иудейской религии, которой, в свою очередь, придаются все черты философии. Схоластические толкования текстов Священного писания и привлечение для этой цели логических построений Платона, использование идеи чисел Пифагора, немалые заимствования из учений восточных, особенно по части демонологии, и приводят к созданию каббалы. Ее называют эзотерической Библией, так как она открывает знатокам тайный смысл Писания, коих смыслов каббалисты насчитывают не менее трех. Особенно прославился по этой части Филон Иудейский, александрийский богач и философ. Его племянник занимал высокий пост в римской администрации во времена Нерона и при Тите, будучи начальником главного штаба в армии Корбулона, а затем он был прокуратором в Иудее. Кстати, ему было посвящено философское произведение, написанное, как предполагает Моммзен, анонимным александрийским иудеем и представлявшее попытку слить воедино философию Аристотеля с учением стоиков. Вообще говоря, эллинистический период, последовавший затем период Империи с ее космополитическими идеями уравнительного гражданства и сосредоточением идеи государства на личности императора, стали периодами философской и литературной эклектики. По мере того как языческое государство с обещанием «золотого "века», долженствующего наступить с приходом нового императора, постепенно изживало себя и наступало общее утомление, усиливалась роль идеологии и роль самих философов — стоиков. Неоплатонизм, стоицизм, мистика восточных культов воплощали мысль умирающей языческой империи. Начиная с Адриана, преемника Траяна, на престоле появляются философы. Марк Аврелий привел с собой к власти друзей — стоиков, «блестящее» правление которых вызвало в конце концов народное возмущение. Марк Аврелий умудрился всю свою жизнь провести в борьбе как со страстями — врагами личными, так и с внешними врагами империи, и так измучил себя, что смерть воспринял с облегчением.

Деятельность Филона падает на более раннее время, на I век. Здесь, в александрийской школе, пришли в столкновение и соединение учения самые разнообразные. Евреи Аристовул и Филон учились вместе с гимнософистами Индии и степенными философами Портика; в частных взаимных прениях они имели возможность лучше узнать мнения друг друга. Между тем, как Иосиф и Филон ревностно занимались изучением философии и хитросплетенной системы Пифагора, Цельс и Порфирий с не меньшим усердием занимались изучением священных книг евреев. Благодаря такому взаимодействию появляется неоплатонизм, ставший основой космогонии каббалы. Симпатии шггеллигентов обращаются все более и более к религии иудеев. Некоторые из неоплатоников полагали, что само учение Пифагора заимствовано у евреев. (Речь идет о неоплатонике Гермиппе. — В.О.)

Теперь, когда у философов в руках появляется такое универсальное средство — с помощью символа и аллегории все превращать в безжизненную схему, где все реалии мира воспринимаются сквозь волшебные очки метафизики как некие символы, главным в таком процессе становится радость узнавания, которая тем сильнее, что есть радость узнавания собственных логических изысков. Теперь легко воспринимаются все учения всех религий. Все существующие религии, по мнению философов, имели в основании своем одну общую идею, которая изменялась только в своем внешнем, символическом выражении. Они полагали, что одно и то же божество проявлялось миру под именем Бахуса, Орфея, Диониса, Озириса и Митры и что все народы равно поклоняются ему: что их религиозные обряды и празднества установлены в воспоминание великих переворотов в природе и полезных открытий, научили человека земледелию и прочим искусствам. Эти идеи исповедовал и Радищев-мартинист в своем «Путешествии» и исповедуют современные экуменисты и масоны.

Появление на исторической арене христиан и начавшаяся борьба против них со стороны иудеев и язычников еще больше объединили философов в их яростной борьбе с христианством [16].

Эта маленькая христианская община, по видимости, не имела никаких шансов выжить, так как была, по существу, беззащитной против всей финансовой, административной власти империи, ее идеологии. враждебности иудейской могущественной диаспоры. Тем более что эта маленькая кучка людей никогда не придерживалась учения лжи, скрытности, «двойной истины» философов — гуманистов, людей себе на уме, а наоборот, когда власти требовали только одного — отречься от имени Христа, эти простецы, «нищие духом» евангельски смиренно, с радостью принимали мученический венец, и случалось не раз, что палачи не выдерживали и сами тут же начинали исповедовать веру Христа, следуя по стопам своих жертв. Их честность была безупречна, их личная жизнь становилась примером, и не духом «времени» вдохновлялись они, и не сознание «исторической закономерности» двигало ими, а они сами создавали и дух времени, и закономерности побед воинства Христова над темными силами.

Отказавшись принести жертву богам и гению императора, погибли воины Первого вспомогательного легиона, стоявшего на Дунае. И вот до наших дней дошла черепица конца III века со штампом легиона, и на ней слова: «В этот день

[16] См. Капефиг, «Философическая история иудеев», ч.1, СПБ., 1837 г. Он пишет вполне объективно и, в частности, замечает: «Ко всем этим причинам, объясняющим неожиданную приязнь язычества к Моисееву закону и учению синагоги, нужно еще присовокупить союз, образовавшийся между всеми современными религиозными системами против христианской веры, быстрые успехи которой приводили всех в недоумение и беспокойство.» (с. 183) Он же отмечает союз римской администрации с иудейством в их «кровавых гонениях на христиан».

счастливые братья, души которых остались непобежденными, умерли мученической смертью, и они навечно возрадуются в Боге».

И именно в это время формируется синтез древней мудрости языческой, ее, так сказать, венец, энциклопедия демонологии, магии, прорицаний, гаданий и великий источник и вдохновитель многих философских учений последующих времен вплоть до наших дней.

Имея несколько составных начал, каббала выступает в качестве эзотерического учения и экзотерического. В последнем случае ее, как правило, выдают под названием неоплатонизма, учения, ставшего философской частью каббалы. Европейская философия развивает ее идеи.

В основе ее лежит идея о неизреченном, безвидном Едином, источнике всего сущего — Боге, называемом Эн-соф. Это всеобщее бытие, не имеющее определения. Вечное Единое и все в себе содержащее. Все, вплоть до движения каждой былинки, волосинки и теперь и в будущем. Это — абсолютная полнота и причина всего. Вследствие своего невыразимого совершенства Эн-соф не мог создать наш чувственный и конечный мир. Его благость непоколебима, и на масонских виньетках об этом Эн-софе может свидетельствовать некий идущий откуда-то свет. Его первым порождением является сефира Кетер (Венец), за которой идут еще девять сефир — три по три тернеры, и последняя сефира — Царство, замыкает эти десять главных сефирот. Сефира — сущность, потенция. Они делятся на мужские и женские — сексуальная тема пронизывает все Предание. Кроме десяти сефир, исчислений, мир создается Богом при помощи 22 букв еврейского алфавита. По определению Якова Беме, главного вдохновителя московских «теоретических философов», каббала есть род Магии, она проявляется шестой формой движения — звуком (Папюс. «Каббала»). Словом создан Мир. Каждая вещь в нем имеет имя. Слово состоит из букв, и значение предается не только звуку, выражаемому буквой, но и ее начертанию, вплоть до толщины линии буквы. Каждый звук — есть идея, которая творит вещь. Начертание буквы — это иероглиф. Знать имя вещи — это владеть вещью. Но буква имеет и численное выражение. Если два слова имеют одинаковое численное значение, значит, одно открывает смысл другого. Существуют правила перестановки букв, подстановки по порядковому принципу, и эта ифа может увлекать и увлекает не одно поколение каббалистов. Смысловые ряды, открывая новое, влекут и далее открывать и открывать, выстраивая смысловые ряды, не имеющие конца. Первостепенное значение среди всех сефирот имеют первые три: разум, мудрость и венец, осуществляющие первое истечение из Эн-софа. Эта троица есть Разум в его целом виде. (Единое как целое у гностика Прокла.)

Эта троица Каббалы творит все сефироты и сам мир. В самом удалении находится мир чувственный, поглотивший свет Эн-софа; мир множественный, в котором все причинно обусловлено взаимодействием множественности и в плену у которого находятся «блески» духа. Для спасения мира от плена телесности человеку надлежит освободить эти «блески», находящиеся в грубой шелухе материи — клипоте. К слову сказать, неевреев, гоев, каббала называет «клипот» , то есть шелухой (Лайтман, I, 83).

Первые десять сефирот составляют идеального человека — Адама-Кадмона. Из него истекают следующие десять сефирот, составляющие мир астральный. Он кончается на букве Аин — это 16-я буква. Затем начинается мир стихийный. Мир населен ангелами, коих насчитывается 72, и они делят на «зоны» влияния 24 часа суток и выполняют определенные функции. Хочешь к кому-нибудь обратиться — выбирай время. Именно так и делали братья масонского Ордена. Хотели ли они избавиться от врага или от разорения, они выбирали и время суток для обращения к тому или иному демону. Туган-Барановский в своей книге «Наполеон и республиканцы» описывает странный обычай братьев иллюминатов-филалетов в Париже, кои всегда творили молитву перед заходом солнца. Это время соответствует 51-му или 52-му гению. К последнему обращаются, чтобы расстроить могущество врагов. Его имя Имамиах.

Между сефиротами имеются каналы, по которым непосредственно текут духовные милости от Эн-софа к людям. Сефироты представляют дерево, корни которого на небесах и ветви на земле. Таким образом, их можно представить как цепь между небом и человеком. То, что происходит на небе, отражается на земле. Классическое положение герметических наук. Отсюда возможность влияния человека на мир духов и самого Бога магическими средствами. Каббала утверждает, что души всех людей находятся на седьмом небе и отсюда они падают и воплощаются в тела. Когда последняя душа осуществит свое воплощение, придет Мессия Талмуда и Каббалы. Душа, воплощенная в теле, загрязняется пороками, утяжеляется и после смерти должна вновь осуществить воплощение, пока не очистится. Процессу очищения способствуют страдания человека, а также приобретение знания, «гнозиса», способного собрать дух в единое целое и уже при жизни отделить его от влияния тела. Центральный пункт всей практической каббалы — есть реинтеграции.

Реинтеграция — пункт соединения мистики и демонологии. На него направлен главный интерес масона. Сюда направлял свои усилия духовный отец русских просветителей — «шотландцев» — ученик Мартинеца де Паскуалиса, португальского еврея, Клод Сен-Мартен. Его учение, мартинизм, выразило эзотерическую сторону современных политических учений.

Очищенный телесно через специальные воздержания в еде, подготовленный специальными упражнениями внутренней сосредоточенности, сосредоточив свое внимание на каких-нибудь мантрах, заклинаниях и прекрасно зная все имена каббалистических духов, их иерархию, масон приступал под

руководством старшего в Ордене к этой самой реинтеграции. Эта реинтегоация есть восстановление единства души с Богом. Разработкой этого вопроса в России занимался Лабзин в своем «Сионском вестнике», выходившем в Петербурге в 1806-1807 годах и затем в 1817-1818 годах, Лабзин проводил обычную точку зрения каббалистов на этот вопрос. Он утверждал, что все учения церкви и все догматы ее и обряды — ничто. Они суть наружные обряды и ничего не дают. Главное — это иметь «Христа» в сердце, осуществить реинтеграцию. Лабзин — это пример. Но были и многие другие, занявшие весь XIX и нач. XX века.

Следует сразу заметить важную деталь, регулярно вводящую в заблуждение исследователей масонства. Имя Иисуса Христа очень широко употреблялось в масонской литературе, а до того у гностиков 1-111 веков. Это имя одного из эонов, аналогии сефиров, у гностиков, манихеев и каббалистов, не имеющее никакого отношения к историческому, евангельскому Христу. Тексты и все содержание Евангелия и гностики и каббалисты понимали исключительно в аллегорическом смысле. «Иисус Христос» в этой трактовке есть продукт эманации Эн-софа среди других эонов. Кроме того, он служил заменой имени Иеговы. Предлогом для такой подмены служил символ креста, равнозначный числу 4 — по количеству букв в имени ИХВХ. Это символ духовного. Символ лучей Единого и всех духовных сфер, порождающих вещественный мир и т. д. Это великий порождающий принцип, Тетраграматон: 3, производящее следующую единицу, служащую началом нового ряда тернеров. У гностика Валентина, от которого каббала немало заимствовала, это некий зон, спасающий несчастное дитя Ахамот, плод запретной страсти Софии к отцу. Зон «Христос» помог ей обрести свой образ. Несомненно, имя использовалось для конспиративных целей и пользовалось в этом смысле большой популярностью. В письмах И. А. Поздеева (находящихся в ОР РГБ) постоянно происходит перемежающееся употребление имени Иеговы и имени «иисуса Христа» как равнозаменяемых.

В записных книжках С. С. Ланского определяется гностический смысл понятия «троицы».

Классическим пониманием масонами христианства, того смысла, который они не всегда торопились разъяснить окружающим, является следующее место из «Сионского вестника» за 1817 год: «Беспредельна убо Церковь Иисуса Христа, заключающая в себе род человеческий. Ибо все смертные имеют в сердце своем Христа обитающа; и чрез него в какой бы грубости и неведении Христианского закона ни обретались, могут бьпъ в сей и будущей жизни премудрыми и блаженными, жидами, магометанами или язычниками, если только препровождают жизнь добродетельную и воздержанную» и «Христос во всех смертных человеках обретается от чрева матери». Здесь суть иудаизма: этика важнее отношения к Богу, главное — быть добродетельным.

Можно понять Е. Станевича (см. выше), замечающего на этот счет, «что они (т.е. «лжемистики» — В.О.) не исповедуют Христа собственно, но святотатственно употребляют оне имя для прикрытия до времени своей прелести... Остается с ужасом вопросить, где мы? Ах! До каких горестных времен дожили, что немолчащим антихристовым устам молчат уста православия. Что! Или Христос есть некое метафизическое порождение, о котором можно позволить спорить и говорить, что на ум взбредет?»

В документе, принадлежавшем розенкрейцерам, приведенном Т.О. Соколовской, говорится: «В § 2 теоретической степени сказано, что каждый брат одной какой-нибудь известной христианской религии принадлежать должен, исполняя в точности закон оной, имеет, впрочем, свободу соглашаться на те мнения, кои могут наиближайше руководствовать его к спасению... Что... есть вера? Вера есть Ум Христов, а из сего и следует, что где дух или Ум Христов, там и свобода; нет разницы между иудеями и греками, обрезанными и необрезанными, свободным и рабом, ибо Христос есть во всём».

Эта страничка, которая затерялась среди других бумаг тайной ложи и которую удалось найти Соколовской, есть та страничка, которую до сих пор не могут найти многие авторы, использующие вводящее в заблуждение представление о масонах как о христианах. Ни с какой стороны они таковыми не были. Понятие никогда не может вмениться в сущность. Показательно, что в своих документах нынешнее летоисчисление от Рождества Христова у масонов называется «простонародной эрой».

Общение и связь сердца с «иисусом Христом», вот так, один на один, — есть цель и содержание религии сердца. Вера «христова» во всех, без различия, вероисповеданиях. Мистики-масоны проводили настойчиво и ту мысль, что добродетельные философы-язычники были настоящими «христианами». У них «Христос» был в сердце. Мысль о таком единстве всех «во Христе», как некоем символе «внутренней церкви», неисповедной, масонской, которую они созидают на земле и которая когда-нибудь станет наружной, поддерживалась во времена описываемые, то есть в начале XIX века. В «Священном союзе», созданном как раз под влиянием таких идей на самого императора Александра I, эта идея вылилась в политический акт.

Хотя мы несколько уклонились от темы реинтеграции и каббалы, но следует сразу покончить с начатой темой.

Мысль о всеобъемлющем «христианстве», некоем символе чего-то туманного, неопределенного, неисповедного делала ненужной никакую религию и утверждала в обществе безразличие к религии не менее вольтерьянства. Это требование «внутренней религии» казалось многим очень соблазнительным, поскольку не накладывало на них никаких обременительных для утешительных наслаждений оков совести и покаяния.

В этом смысле брат Коловион, он же и рыцарь Орла и Пеликана, и «теоретический философ Соломоновых наук», и «великий просветитель» И. И. Новиков (и все это вместе абсолютная правда. — В.О.), весьма способствовал такой тенденции в русском обществе своими журналами. Я просмотрел весь изрядный по объему том избранных сочинений Новикова и не обнаружил ни одного упоминания даже о каких-либо реалиях христианской веры. Ни одного имени. Словно и не существует и никогда не существовала православная вера. Зато постоянно ссылки на Эпиктета, Цицерона, Плутарха, Эпикура, Зенона и новых теоретиков «естественной религии», то есть того самого пантеизма, источник идей которого мы начали разбирать, пока не уплыли в сторону мистики. Вот одно только место из «Утреннего света», на котором уже начали полировать свои «дикие камни» студенты Московского университета:

«Нравоучение св. Моисея, оного древнего еврейского законодателя, изъявляет своим совершенством и изящностию божественное свое происхождение. Ведя человека к почитанию единого и истинного Бога, показывает, что любовь к ближнему есть главнейшее правило всех должностей к одному и что управлением своих страстей и желаний отдаляет все ведущее к пороку и беззаконию. Блаженны были бы иудеи, если бы могли возвысить души свои и не оставались при одних наружных обрядах». Последовали греки, «из оных Сократ во нравоучении превосходил всех язычников. Ему следовали Платон, Эпикур, Зенон и многие другие. Потом варварство и происхождение от оного предрассуждения истребляли время от времени сие божественное учение и одержали верх. Наконец Бэкон и Граций (тот самый, которого сочинения Петр I советовал читать царевичу Алексею, рассчитывая из него вырастить Фому, не помнящего родства. — В.О.) *возобновили путь, по которому следовали Волфий, Николе, Паскаль, для которых последнего особенно мы благодарить обязаны».*

Налицо все апостолы «братьев» в их привязанностях к философам, творцам «природных» добродетелей. Единственно, кто здесь ни при чем. так это св. Моисей. Но с ним, его именем проделана обычная операция ассимиляции имен и образов и создание своей мифологической истории: сообщение Ордену таинства прямо с неба св. Моисеем, который передал тайну верным братьям в символах, чтобы скрыть ее от профанов. Папюс («Каббала»): «По сообщению некоторых известных раввинов, Моисей предвидел участь своей книги и ложные толкования, которые должны были со временем появиться, и прибег к устной передаче через людей испытанной верности, которым поручил передать тайну святилищ из рода в род. Этот устный закон, который составляет гордость современных евреев, называется каббалой, от еврейского слова, означающего то, что «получено и передано из рук в руки». Что имеем? Сначала гордость языческой философии — Сократ объявляется образцом Добродетели. Не философской мудрости, а начала нравственного. Что же это за нравственность? Шаловливые проказы по части педерастии, решительно не покидающие греческих мудрецов даже на их симпозиумах и составляющие не лучшую часть в наследии греков человечеству. Затем безбожник Эпикур, Зенон, который тешит нас стойкостью нравов хотя бы уже потому, что «с мальчиками он имел дело редко, а с девками — раз или два, только чтобы не прослыть женоненавистником» (Диоген Лаэртский. VII. 13). Далее, следуя цитированному тексту, наступает провал в человеческой культуре. Варварство христианства. Оно истребило добродетель, и нечего о нем толковать. Свет, озаривший юную поросль неоперившихся студентов, работавших над составлением масонской «Вечерней зари» [17] Новикова, горел каким-то странным светом.

Наконец после всех мытарств масонской «добродетели», успевшей кое-как спастись от стеснительных правил церкви, вновь подул свежий ветерок родного пантеизма, повеяло идеей «просто человека» с его «естественной» религией и разумной моралью «здорового эгоизма». Теперь все стало на свои места. Реинтеграция древнего, античного, и нового, просвещенческого естества, языческой философии и просветительской в XVIII веке закончилась. Место встречи — масонская ложа, храм Соломона, почва соединения — иудейское Предание — каббала. По заданию Екатерины II архиепископ Платон испытывал в декабре 1784 года Новикова в вере. Одно только остается неясным. В какой вере испытывал архиепископ Платон великого просветителя Новикова и Великого достопочтенного мастера директории VIII провинции Ордена вольных каменщиков? Как вообще себе представляла многомудрая Екатерина II «испытание в вере»? Как экзамен по иностранному языку? Темна вода в облацех. Особенно когда видишь перед собой новиковские журналы с их проповедью теософской мудрости и идей западных рационалистов-безбожников. В качестве безбожника особенно прославился именно Грот, любимый философ Петра I. Его основное произведение было запрещено к продаже Ватиканом, но разрешено в православной Руси.

Новиков и Лабзин, Сперанский и Елагин, и прочие и прочие мистики-масоны видели в «христианстве» религию, равняющуюся «миру своею древностью», то есть существовавшую еще до евангельских событий («Христианское чтение», 1821, с. 3). Мистические идеи черпались ими как у разных толкователей каббалы, так и в произведениях гностиков и составляющих круг чтения масонов. Проблема мистического «христианства»

[17] Масонский журнал «Вечерняя заря» выходил ежемесячно в течение 1782 г. «Вечерняя заря» служила продолжением «Утреннего света». Руководителем журнала был И.Г. Шварц. В издании участвовали студенты Московского университета, вовлеченные в масонскую организацию. (См. «Н.И. Новиков и его современники». Избр. соч., АН СССР, 1961 г., сс. 501-502).

зарделась на «Востоке» Петербурга особенно ярко в царствование Александра I, то есть в недрах масонских лож. Высшие чиновники государства только успевали бегать с одного камлания на другое. Кн. А. Н. Голицын (1773-1844), обер-прокурор Святейшего Синода, вместе со своими помощниками посещал, кроме лож, собрания хлыстов, «корабль» Татариновой. как и Александр I.

Согласно каббале и гностикам грехопадения, в смысле христианского понимания, не было. То, что называется грехопадением, говорилось в каббале, есть акт падения духа в материю и пленение его телесной тьмой. Существовало представление, развиваемое в соответствии с каббалой Сен-Мартеном, о некогда совершенном человеке, человеке двуполом, в тонкой телесной оболочке, легко принимавшей необходимые формы по желанию человека. Никакого зла перед лицом Бога нет. Зло есть порождение несовершенного знания человека. Оно есть необходимая часть диалектического развития мира. Плюс-минус. Причем то, что кажется человеку по его ограниченности злом, есть только его «идея зла». Все относительно в этом несовершенном мире, но это несовершенство кажущееся ограниченному человеческому уму. Примеры брались из природы и в ней усматривали всякое отсутствие какой-либо морали. Это вдохновляло. Когда паук ест муху, то мухе плохо. Но пауку-то хорошо. Сильный волк поедает зайца, тигр кабана, удав кролика — это наводит на определенные размышления практического характера. У Единого и Всеблагого, создавшего мир весь целиком и постоянно его творящего своей эманацией, коя проникает во все клеточки Вселенной, не может быть никакого зла. Это рассуждение, эта концепция естества стоиков и просветителей, взятая в ее метафизическом начале. Эту тему развивали решительно все, без исключения, философы-идеалисты и материалисты, иррационалисты и рационалисты, и только христианство говорит — нет, зло не выдумка, а реальность и человек — арена борьбы зла и добра. Более того, зло персонифицированно в злых духах и их главе.

В результате падения духа в материю произошло разделение его существа на мужское начало и женское, согласна эзотеризму каббалы. У человека прекратилось общением с миром духов. Но это необходимое падение.

Человек есть лучшее из сотворенного. Он создан для того, чтобы через него Всеблагой познавал себя. Бог создал мир от преизбытка потенции или для того, чтобы созерцать себя. В этом смысле наш мир — это творение Ума и в то же время это — майя, иллюзия, порожденная Брахманом. Этот Брахман видит самого себя и тихо блаженствует в собственном свете. излучаемом им же самим. Десять первых сефирот составили совершенного человека Адама-Кадмона, который и есть отражение Эн-софа. Эн-соф становится как бы идеальным человеком и в нем видит себя как не себя. Следующий за Адамом-Кадмоном мир тоже совершенен и, создан из огня. Это мир планет. Во всей своей полноте созданный от Бога, он не может быть ничем, кроме деяния чистой любви. Ни над чем нет проклятия и нет зла, и все совершенно. Самым же совершенным из земных созданий является человек. Между Единым, Эн-софом, и человеком громадная иерархия духовных существ: ангелов, добрых и злых, разделенных на легионы; мир стихий имеет стихийных духов, и записная книжка будущего министра внутренних дел, почетного академика Академии наук С. С. Ланского содержит за 1817 год лекции об ундинах и сильфидах, гномах и наядах. Человек, микрокосмос, полное подобие Вселенной, макрокосмоса, настолько совершенен, что должен беспрерывно этим гордиться, как к тому призывал Новиков, за что сам сподобился беспрерывных похвал от литературоведов, критиков и прочих идеологов нашего времени. Честно говоря, можно подумать, что достоинство их страдает от нападок каких-нибудь вурдалаков или марсиан, а Новиков со своим оккультным учением каббалы — бесстрашный витязь, защищающий человеческий род от поношений этих вурдалаков. В духе человекобожия написана статья в «Утреннем свете» «О достоинстве человека» (1777 г.).

Понятно, что такая концепция безгрешности человека могла вести его только к осознанию своей избранности и служила питательной средой для любого Мальбрука, желающего осчастливить человечество помимо его воли. Масонское учение говорило о «возрождении», реинтеграции. Его суть состоит в следующем.

Для того чтобы не впадать в бесконечные перерождения и оставить место для еще не рожденной души, ждущей своего воплощения, следует осуществить акт возрождения. Оно невозможно ни без знания каббалы теоретической, ни без знания практической каббалы, ни без определенных душевных и волевых качеств. Возрождение может произойти только через посредство общения человека с миром духов. Сначала низшего класса, затем все более совершенных. Эти сеансы «сверхнатурального» состояния могут проходить только под руководством опытного наставника. Вызов духов может осуществляться либо с помощью дополнительных средств, либо днем. без всяких вспомогательных орудий. Это удел немногих братьев. Сен-Мартен не удовлетворился на этом и стал общаться непосредственно с потусторонним миром. Эн-софом. Собственно, все остальные общения есть только подготовительные стадии, но не многие идут дальше их (сведения по Сен-Мартену привожу по кн.: Леман. Сен-Мартен. М., 1917). Масоны идут по тройственному пути, указанному мистиком XII-XIII веков Экхартом. Сначала раскаивание в своих грехах. Сосредоточенность на неправедных своих поступках и горькие вздохи. Предварительно уединение и пост. У Калиостро существовала весьма суровая система очищения организма в течение сорока дней.

Наиболее существенным моментом реинтеграции, «возрождения», знаменитого у масонов рождения «в духе и истине», занимала стадия, называемая ими «умиранием», это стадия само — опустошения,

самоуничтожения. Все, что было в человеке, должно исчезнуть из сознания. Он должен потерять представление о себе, забыть и утратить себя, совершить «умертвить». Этот момент в мистике имеет принципиальное значение. Умереть для прежней жизни. Без этого «нова тварь» не родится. А надо сказать, что эта «нова тварь» претендовала не только на общение с астральным миром. Ей нужен был этот мир, и к Власти в нем «братья» шли, имея прекрасно организованную систему подготовки своих «возрожденных» кавалеров, рыцарей «без страха и упрека». Постоянно подчеркивалось во всех поучениях значение использования в обрядах ритуала смерти. «Аще не умрешь, не родишися для новой жизни». Символ умирания и гниения — это встречается уже в обьяснениях смысла иоанновских степеней, низших в масонстве. Умирающее зерно гниет в товарищеской степени и прорастает в мастерской. Черный цвет есть символ перехода из одной степени Ордена в другую. Умирание и возрождение. Любовь к смерти есть 7-я добродетель всех масонских обрядников. Братья испытывали в конце концов какое-то сладостное чувство от обряда умирания в ложе.

Стадия разрушения была аналогична культивировавшемуся начиная с красного, андреевского, шотландского масонства мотиву мщения и убийства. Ложа 4-й степени посвящена траурному культу Адонирама, легендарного строителя Соломонова храма, убитого «алчными и завистливыми рабочими». После ряда испытаний вновь посвящаемый должен был при виде обнаженных клинков, направленных на него, не растеряться и обнаружить смелость, находчивость и скрытность. С этого момента он становился «избранником Соломона» и получал одежду, напоминающую ему о необходимости мстить врагам Ордена.

Повышение в звание шотландского мастера связывалось с посвящением на борьбу и страдание во имя восстановления разрушенного храма. Именно этот разрушительный момент мистики позволил в свое время сказать М. Нордау, что мистика увлекает за собою в могилу какие-то некогда цветущие жизненные силы. «Для Бога, то есть для абсолютного Я, — писал Шеллинг, — не существует никакого объекта, ибо тогда оно перестало бы быть абсолютным; следовательно, нет никакого личного Бога, и нашим высшим стремлением является разрушение нашей личности, переход в абсолютную сферу бытия». Вся суть проблемы в этом: «нет никакого личного Бога».

Братья описывали то состояние, которое они переживали после совершенного ими обряда умирания. Когда вставали из гроба, они чувствовали себя совершение беззащитными, пустыми и просветленными. В этот момент они становились очень внушаемыми. То, что в них появлялось, те мысли и образы, которые возникали вслед за таким опустошением, воспринималось ими, как пришедшими «оттуда», как божественное откровение. И это было на всю жизнь. Чувство своей избранности культивировалось в ложах начальниками в их речах и посланиях. Это чувство отъединяло масона от привычных семейных и дружеских связей и способствовало созданию в нем комплекса сверхценности и себя, и масонских идей. В сущности, масонство и «избранность» еврейского народа согласно Торе есть опричнина всемирного масштаба. И говорит она языком идеологии и философии, как и политики.

...Абсолютно верно заметил современный автор по поводу происхождения всей новой европейской философии: «Культура языка и изложения у новых философов лишь в малой мере может затушевал» то обстоятельство, что сами исходные пункты у них никак не унаследованы от традиционной формы образованности, что в данном отношении традиция прервана, что их философия отправляется не от широты и изобилия идей, оставленных прежней мудростью, а от чего-то очень скудного. простого и обыденного, лишенного пока что интеллектуальной насыщенности, и тем более пестрого эмпирического многообразия, чувственной расцвеченности». (В. В. Лазарев; собственно, в данной работе и рассказывается о влиянии идей каббалистов, особенно Бема, на формирование философии Нового времени. — В.О.) [18]

Не может быть случайным и факт того, что все ведущие и неведущие мыслители, философы и публицисты XVIII века и начала следующего были членами масонских лож, представляющих собой центры обучения каббалистическим наукам как через усвоение отвлеченных понятий, так и через образы, символы (идеи), и легенды, и исполнение обрядов.

Иногда, под напором фактов, свидетельствующих о широком распространении масонства, пытаются «отвязаться» от неприятных выводов, углядывая в рядах Ордена любимых писателей, ученых, философов, полагая, что, во-первых, «кто тогда не был масоном», а во-вторых, «это ничего не значит». Между тем. Орден воздействовал так глубоко на все структуры личности адепта, что это влияние сказывалось в нем в тысячах мелочей; по мере пребывания в масонской ложе происходило формирование определенных мировоззренческих установок. Масонская идеология активизирует в человеке архетипы коллективного бессознательного через мифологизацию мышления, внедрение в бессознательное символов и эмблем, которым придается псевдорациональное, организующее значение в создании объяснительного образа мира и общества, и своего места в нем. Все явления природы, общественной жизни, истории человеческого общества выступают как аллегорические фигуры Великого Изъяснения. В образ мира и человека заключен определенный изъяснительный код, иррациональный, но имеющий псевдонаучную оболочку для придания масонской идеологии силы

[18] Европейская философия есть экзотерическая сторона эзотерического масонско-каббалистического учения. Есть, в сущности, непрекращающийся комментарий к каббале; эта философия может также пониматься как богословие пантеизма.

самоочевидности и самоочевидной доказательности. Лингвистические особенности масонства, как и любой другой идеологии, созданы таким образом, чтобы подчинить себе личность путем формирования в ней того бессознательного ядра, которое вне контроля сознания человека сформирует в нем типологию восприятия и поведения, соответствующую масонской идеологии, и даст такой словесный материал для мышления, который будет не соответствовать реальному миру. В результате формирования в адепте искусственного языка он попадает в абсолютную зависимость от учения Ордена; язык перестает быть инструментом познания, в нем нет более слов, которыми можно было бы описать реальные отношения.

К этому следует добавить, что вступающий в Орден совершал акт отступничества от церкви Христовой и это порождало в человеке чувство вины и опустошенности. Все усилия теперь он тратил на то, чтобы доказать, что настоящая церковь — это орден, а Церковь Православная — есть только убежище отсталых, невежественных людишек. Однако не всякая совесть могла примириться с этим недобрым и уж слишком тенденциозным софизмом. Он пытался доказать себе. что никакого противоречия в его поведении нет и что храм Соломона не враждебен «истинному» христианству. Здесь мы видим употребление масонской лексики: «истинный», «настоящий». Эти слова как бы сразу создают определенный ореол и даже как бы непосредственное свечение «истины», делающее более ненужным какой-либо логический анализ или доказательство своей правоты, ибо эти слова исключают подобное, они не нуждаются в доказательствах: «истинное» масонство в отличие от «неистинного», в которое сводится все, что может не устраивать в масонстве или его истории адепта (объяснение: извращение «истинного» учения Ордена лживыми людьми, «ненастоящими» масонами), «истинная» религия, «истинная» добродетель (соответствие правила поведения интересам Ордена), «истинный» патриот, то есть республиканец, революционер, враг Православной Церкви или католической.

В соответствии с последним определением «истинному патриоту» противостоит глубоко верующий христианин, который заочно определяется то как «фанатик», если следует учению церкви последовательно во всех пунктах, то как шовинист, если выступает против оскорбления своей веры лицами другой национальности, то как черносотенец, если употребил силу для зашиты интересов своей нации или готов ее употребить, как это было в 1905 г.

Дискредитация противников использовалась в масонстве очень широко, но главным было внедрение своей, подобно указанной выше, лексики, а также различные синтаксические приемы, тропы, эвфемизмы и пр.

В качестве примера глубокого воздействия на человека масонской идеологии, изменяющей человека незаметно для него самого, обратимся к примеру. Гекерторн пишет по этому поводу, имея в виду предшественников масонов, манихеев-альбигойцев: «...Вступивший в секту увлекался за пределы и постепенно отчуждался от папской церкви. Таинства (секты. — В.О.) имели в виду две главные цели — руководить неофитом, сначала нечувствительно изменяя его прежние мнения и наклонности, а потом постепенно научая его условному языку, который, будучи сложен и разнообразен, требовал большого изучения и много времени». И далее автор замечает, что даже те, кто оказался непригоден для посвящения в высшие степени и выбывал из секты, зачастую даже и не зная. что он там был, начинали видеть недостатки в устройстве церкви, начинали гореть ревностью по ее очищению от пороков и всяких неустройств и зачастую шли на костер, полагая себя искренними христианами и не догадываясь о причинах своей странно направленной ревности, не задаваясь вопросом, почему в них вместо любви и смирения горит огонь недовольства и раздражения. Качества явно не христианские. Он вдохновлен великой ревностью из любви ко всему человеческому роду, не меньше, желанием все сделать лучше, лучше в своем понимании. Работа манихеев не пропадала даром,

Каббала написана так же сухо. как и все наши схоластические экзерциции по части отвлеченных истин, от усвоения которых еще никто не становился ни умнее, ни прозорливее. Скорее наоборот. Поразительна близорукость многих интеллектуалов прошлого. Знатоки многих языков, свободно оперирующие самыми отвлеченными философскими понятиями, гордость каких-нибудь наук, они даже накануне грозных событий как слепые котята звали сами же бурю, пели о «буревестнике» и потом, когда их сначала «уплотняли», а потом ставили к «стенке», искренне удивлялись, как могло «такое» случиться. Самое поразительное, что и потом, если оставались живы, обнаруживали тот же «высокий» ум в философии и никакого ума в понимании событий. Они полагали свое понимание либо в поисках каких-нибудь случайностей, каких-то дядь с плохим характером, которые прятали свое гнусное нутро, а потом вот, поди ж ты... либо еще что-то в этом роде. Но видеть свою собственную порчу философам такого типа было не дано, ибо нельзя поймать то, чем ловишь, нельзя левой рукой взять левую руку, познать то, чем познаешь. Но стоит только посмотреть, о чем писали русские правые газеты, и обнаружишь удивительное явление. Какой-нибудь неграмотный дьячок уже за сто лет говорил слово в слово, что именно произойдет, если «философы», как называли интеллигентов в XVIII веке, будут и далее так же философствовать в духе безбожия, зловерия и ниспровержения трона и алтарей. И точно предугадывал будущее. Увы, все предсказания черносотенцев сбылись.

Достигнув самоопустошения в масонских работах, адепт получал «новое» рождение. В нем рождалось Слово, сам Бог. Аллегорически и только аллегорически, понимая текст Евангелия, этот момент рождения соотносился с рождением «Христа» в человеке, в «ищущем». Воссоединение человека с Богом

произошло. Отрицательная работа скептиков-философов, усвоение символов лож масонских, изучение специального масонского катехизиса, сборника поучений для каждой степени, поучительные слова риторов лож, разъясняющих те или иные правила Ордена и темные места рекомендуемой литературы, — все сошлось в моменте «возрождения», переживаемого зачастую в состоянии экстаза. В нем, адепте, на последней ступени лестницы, ведущей от земли в сад Эдемский, воплотилось Слово. «Христос жизнь созидает в обновленном сердце возрожденного, храм Духу Святому». Внутри человека возникла- «церковь», в которой человек находится с Богом в постоянном общении. Только в таком «внутреннем» христианстве — весь смысл самого христианства, по мнению вольных каменщиков. Церковь же православная есть только наружная, формальная. Община истинно верующих, где подается истинное учение, ведущее к такому благодатному состоянию, есть «святой наш Орден, коего нам век не переменить» (письма И. А. Поздеева, ОР ГБЛ, Ф. 14 №320), тот Орден, в котором «каждый знак или Иероглиф, каждое слово, каждая вещь в Ордене есть для меня теперь священна, ибо ведет меня к цели моей, к свершению креста». (Там же, см. также Папюс. «Каббала»). Крест есть знак возрождения духовного начала на языке масонов, он же и кватернер, число 4-е, символ ИХВХ, Иеговы, тетраграмматон, табуированное имя Всевышнего. Крест в Розе есть пленение духа материей и ее начавшееся преображение. «Это дух, — писал С. С. Ланской, — который множится к священному, таинственному и для естественного человека неизглаголанному единению с высочайшим нашим Мастером». Даже ритор в ложе и тот выполняет важную роль, он «первый, начинающий содействие к таинственному духовному возрождению». Почему и пишет И.А. Поздеев своим подопечным: «Будьте верны, мой люб. друг, Ордену и обетам, кои суть таковы, что и вечность нам их не переменить, а разве паки подтвердить, а именно поклоняться Вечному, Всемогущему, вечно Милосердому Иегове в духе и истине».

В результате такого «возрождения» наступает состояние, которое тот, же Поздеев называл как состояние инфалиблимости, то есть непогрешимости, в цитированных письмах, обращенных к своим подопечным. М. Ю. Виельгорскому, С. С. Ланскому, Римскому-Корсакову и другим. Теперь уже не сам человек действует, а живущий в нем Бог, Слово, воплотившееся в нем и всего его изнутри освятившее. Теперь в нем, реинтегрированном — царство Божие. Утверждалось при этом, что возрождение не может смениться вырождением, потерей Бога. Масон — «священник храма обновления» (Лопухин).

В книге Штиллинга, ставшей весьма популярной в чиновничьих кругах («Победная повесть или торжество веры христианской», изд. 1815 г., перевод А.Ф. Лабзина, будущего вице-президента Академии художеств, племянника Н.И. Новикова и его сотрудника по редакционным делам в 80-90-е годы в Москве, издателя «Сионского вестника», главного органа пропаганды идей каббалы в ее мистическом и теософском применении), говорилось, что благодать взята от церкви Христовой, «видимой», и находится в сердцах истинно верующих. Собрание истинно верующих — это «духовный Израиль». В прошлом духовным Израилем, утверждал он, были павликиане (VII в.), затем вальденсы и альбигойцы. Он утверждал, что «все истинно верующие соберутся в один союз и образуют церковь братской любви — Филадельфийскую и установят на земле священническую власть, теократическую, царесвященство». Таким духовным Израилем, «союзом братской любви» и был Орден В. К., т.е. вольных каменщиков.

Выводы, которые делались из достижения «возрождения», могут показаться несколько странными. Крупнейший мистик, живший в Испании в XVII веке, Молинос, имя которого было популярно среди мистиков XVIII века и XIX, утверждал: «Так как воля предана Богу вместе с попечением о душе, то не должно беспокоиться об искушениях и заботиться о положительном сопротивлении оным». Далее он утверждал, что вследствие такого союза человека с Богом нечего беспокоиться за свои действия, как бы они ни были постыдны. Тело может быть захвачено дьяволом, но душа, уже соединенная с Богом, ни за что не отвечает. Теперь человек может предаваться любым порокам, наблюдая за своим «внешним», телесным как бы со стороны и сохраняя полную невозмутимость, душа от пороков тела не загрязнится.

Такое же взаимоотношение между состоянием «просветленности», данным навечно, и характером поступков, снятие всяких моральных оценок было как раз у манихеской секты катаров и характерно для всех вообще гностических сект. Гностическое же учение лежало и в основе главной доктрины масонов, составляло ее идейное кредо. Уже говорилось и о том, что процесс реинтеграции, восстановления, должен был протекать постепенно и имел ступени восхождения. На нижних ступенях находились всякого рода религиозные сектанты, духоборы. Масоны смотрели на них вполне сочувственно, особенно на сектантские «корабли», в которых участвовали представители знати, высшего чиновничества, интеллигенция. Многие и сами ходили на такие камлания. Особой популярностью пользовалась секта Татариновой Екатерины Филипповны, урожденной фон Буксгевден (ее мать — баронесса Мальтиц), в хлыстовском корабле которой любили «поплавать» и видные политические деятели — масоны. Но все-таки истинная «нова тварь» здесь, в самом своем совершенстве, не могла родиться.

Для нашей страны первенствующее значение приобрел Сен-Мартен, его работа «О заблуждениях и истине» стала настольной книгой на долгие годы для русских каменщиков, получивших с тех пор даже кличку мартинистов.

Клод Сен-Мартен родился почти в одно время с Н.И Новиковым. Только

один в селе Авдотьине Бронницкого уезда, от Москвы в сорока с небольшим верстах, а другой во Франции, в городе Амбуазе. Трудно сказать, как бы шла жизнь у Клода Сен-Мартена, если бы он не встретился с Учителем. Учитель! Здесь все смолкает и благоговейно молчит: дон Марганец де Паскуалис — португальский еврей. Он принадлежал к той отрасли масонства, о которой один исследователь прошлого сказал, что она была главным и центральным хранилищем догматического эзогеризма в Европе. Члены этого братства владели тайнами в области каббалы, усердно занимались как спекулятивной, так и практической разработкой этих тайн, вместе с тем они не были чужды желания увеличить свою власть и могущество во всех планах Вселенной за счет приобретенных ими познаний. Этот Орден стремился «создать среду, развитую в моральном и духовном отношении. с тем. чтобы пользоваться ею как резервуаром...». В лице Паскуалиса и в характере его деятельности нераздельно слились вызывание духов, шествие по ступеням «возрождения» и политическая теория и практика.

Он был создателем системы «Избранных Когенов» [19], что в переводе с еврейского означает избранных священнослужителей. Он был учеником Сведенборга Эммануила, знаменитого шведского математика, астронома, масона и не менее того — «духовидца», который «непосредственно общался с потусторонним миром» и немало способствовал той популярности каббалы, которая охватила интеллектуалов Европы всех сословий в XVIII веке. Изучается каббала, изощряется аллегорическое толкование символов. Хотели переделывать людей... Он, Паскуалис. утверждал незаконность нынешней власти, поскольку она погрязла в телесном рабстве и не освящена лучами того каббалистического Ацилута, который эманирует Орден «Избранных Когенов». Он утверждал престиж мистической власти, основанной на беспрерывных общениях с высшими невидимыми сущностями высших же планов Вселенной, священножреческую власть, сосредоточенную в главе государства, опиравшегося на «избранный народ» священнослужителей Ордена храма Соломона. Как мы помним, ту же мысль проводил и Штиллинг. Ее же будет развивать и ученик Паскуалиса Сен-Мартен, и другие его последователи во всех градах и весях Европы. Чтобы понять, что это совсем не смешно, надо вспомнить, что верхушка гитлеровской Германии, как и в большевистской России принадлежала к масонским ложам и общалась с «магами». Так же как и бывший сначала главным редактором «Аванти», газеты Социалистической партии Италии, Муссолини, глава итальянских фашистов. Точно так же все признаки масонства мы видим и у большевиков, и в западных демократиях современности. Потусторонний источник власти очевиден.

В магических операциях, во время применения «ритуала Высшей Магии происходило преображение всей сущности его (Паскуалиса) учеников» (Леман. «Сен-Мартен»). Только при соответствующих способностях вызывания духов, требовавшего немалых волевых качеств, хорошей памяти и способности к умозрениям, которая всегда требуется при занятиях каббалой, ученик мог быть повышен в следующую степень Ордена, иерархия которого была установлена Сведенборгом. Для магических действий требовалось уметь подчинить себе, своей воле все свои «астральные и физические» способности, и это достигалось обращением к символам, изучению которых уделялось много внимания, специальным упражнениям, использованием мантр и проч. Некоторое представление об этом может дать следующее обращение к примерам из жизни и творений каббалистов, предтечам современного масонства и его ритуалов и «работ».

В XIII веке в городе Сарагосе жил некий каббалист — Авраам Абулафия, который «мечтал об изменении мирового порядка при посредстве каббалистического приема». Этот Абулафия одолел низшие тайны каббалы и вошел в высшие, имея теперь полную возможность общаться с мировым духом и заглядывать в будущее. Наподобие пасьянса он разлагал священный текст на буквы, вновь их составлял, и голова его преисполнялась великих знаний. Но этого мало. Он прибегал к молитве, для чего «следовало носить молитвенное облачение, произносить буквы имени Божьего в больших или меньших паузах с модуляциями голоса... производить напряженные движения, кривляния и поклоны, пока не закружится голова и воспламенится сердце... в этом состоянии... божественная благодать переливается в человеческую душу, объединяется с нею в «одном поцелуе», и естественным следствием является пророческое откровение... Свою каббалу он считал пророческим вдохновением, при помощи которого он один лишь может проникнуть в тайны Торы»; (Грец Г. История евреев. Одесса. 1906 г., т. 6.) при этом он полагал, как в последующем и русские масоны-просветители, такие, как Новиков, Лабзин, Сперанский, Елагин и все вообще масоны, «что простое, буквальное значение слов и простое использование религиозных предписаний нужны лишь незрелым, как молоко, детям, зрелые же находят высшую мудрость в числовых значениях букв и в различных сочетаниях слов». Абулафия пытался на практике осуществить свои знания по части власти над миром и бросил свой взор на главу всех европейских государств — папу Мартина Четвертого, с тем чтобы его обратить в иудейство. Не знаем, удалось ли ему слиться с папой «в одном поцелуе», но с идеями либеральной Европы, как мы видим, удалось. Здесь и критика церкви, и религиозная практика всякого рода хлыстов-духоборов, но главным хранителем мудрости этого многомудрого Абулафии стали ложи вольных каменщиков. И именно здесь формировалась идеология правящего класса России. *В свою*

[19] Каббалистическая секта, «Орден иудейских священников». По свидетельству Г. Мартэна, секта эта была самая развращенная отрасль масонства. См. Финдель И.Г. «История франк-масонства», тт. 1-2, Спб., 1872 г.

очередь, и идеология формировала правящий класс, о чем нельзя забывать.

Паскуалис, учитель Сен-Мартена, имел много школ своей системы обучения в разных городах Франции. В ложах имелось 9 степеней посвящения: ученик, подмастерье, мастер... ученик Когена, подмастерье Когена, мастер Коген, Великий Архитектор и, наконец, наверху восседал Рыцарь златорозового креста. Вот восходя по этим всем ступеням, адепт и достигал реинтеграции, он восстанавливал утраченное единство с богом Каббалы, с богом Талмуда. Паскуалис написал «Трактат о Реинтеграции существ в их первоначальных свойствах, качествах и силах, духовных и божественных». В этом трактате Паскуалис выступает от лица самого Моисея (см.: Леман. «Сен-Мартен»), рисуя феерическую картину, весьма отдаленно напоминающую ветхозаветную историю израильского народа. В ней звучит «сознание неизреченной гармонии мира верховных духов и страстное стремление к освобождению от иллюзорности временного, подпавшего отлучению материального бытия». По адресу Мартинеца де Паскуалиса были высказаны мысли его современников, что в его «трактате» имеется кощунственное умаление факта спасения человечества Иисусом Христом и что он, несмотря на христианскую фразеологию, «проводит идеи, присущие иудаизму». Идеи Паскуалиса до нас дошли в их переработке его учениками, из которых самыми значительными были Виллермоз, торговец, фабрикант, состоятельный человек, и Сен-Мартен. Оба они в той или иной степени имели большое значение для судеб России.

Виллермоз неоднократно принимал участие в различных конвентах и конгрессах. Он в 1765 году стал во главе масонских лож «Избранных Когенов». Считалось, что в истинах высшей мудрости этих «когенов» наставляют сами духовные сущности потустороннего мира. голоса которых слышали члены ложи во время спиритических сеансов. Они записывали то, что те им вещали, и через некоторое время Сен-Мартен обобщил эти записи в своем сочинении, которое его прославило и которое называлось: «О Заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу Знания. Сочинение, в котором открывается применителям сомнительность изысканий их и непрестанная их погрешность, и вместе указывается путь, по которому должно бы им шествовать к приобретению физической очевидности, о происхождении Добра и Зла, о Человеке, о Натуре невещественной и о Натуре священной, об основании политических Правлений, о власти Государей, о правосудии Гражданском и Уголовном, о Науках, Языках и Художествах».

В Москве оно было издано на русском языке в новиковской типографии Ордена Креста и Розы в 1785 году. Во Франции «Неизвестные философы» стали степенью посвящения в Ордене, объединившей масонов очень высоких степеней посвящения под именем филалетов, Искателей Правды, которые объединились в «Божественный Орден», который взял на себя руководство радикальной в политическом отношении парижской ложей «Соединенных друзей». Именно из недр этой ложи в 1789 году выделился созданный двумя иллюминатами, Фоше и Бонневилем, «Социальный кружок» с его печатным органом «Железные уста», проповедовавший идеи коммунизма и деятельность которого была высоко оценена К. Марксом. Он определил кружок как первую революционную организацию, созданную для осуществления коммунистических идеалов. По мнению Маркса, в этом кружке произошло соединение коммунистической идеи с практикой революционной борьбы. Сама же политическая доктрина «Социального кружка» полностью воспроизводилась в трудах Руссо и Мабли и проповедовалась несколько позже Бабефом и его соратниками, в первую очередь Филиппом Буанаротти, крупнейшим деятелем революционного движения в Европе, одним из руководителей разветвленной системы иллюминатских лож «Высокодостойных мастеров». В «Железных устах» беспощадно разоблачались всевозможные социальные недостатки, шли резкие нападки на духовенство, и газету читали по всей Европе, в том числе читалась она и русскими розенкрейцерами. Упоминания об этой газете находятся в письмах А. М. Кутузова, представителя московской Дирекции ордена «Теоретических братьев Соломоновых наук» в Берлине.

Сен-Мартен вступил в Орден Паскуалиса в Бордо в 1766 году, где находилась одна из школ «Избранных Когенов». Он оказался очень способным учеником и полностью подпал под влияние идей Якова Беме. которые и развил в своем сочинении. Он активно занимался вызыванием духов, осуществлял непосредственную связь с самим Эн-софом. В весьма скором времени он создает сам — в 70-х годах — свою систему масонских лож с десятью степенями посвящения. Его заслугой по части организационной стало введение системы «свободного» посвящения отдельных лиц. Этот метод посвящения был удобен в странах обширных и с редким населением, а также в тех случаях, когда еще не существовало благоприятного отношения к масонам со стороны властей и населения. То есть во всех случаях, затруднявших создание лож и с их «правильным» течением обрядов и церемониалов и учебного процесса в ложах. Антошевский пишет, что метод «свободного посвящения» был удобен в странах не просто обширных, а в «обширных странах с редким культурным населением, а равно и в центрах, где таковое заключает в себе людей слишком разнообразных классов, профессий и тенденций». («Изида». Орган ордена мартинистов, 1912 г., № 4).

Эта система была так же удобна во всех случаях, когда необходимо было скрыть членство какого-либо адепта даже от братьев, навеки похоронив присутствие его в масонстве. Во всех этих случаях деятельность «свободных посвятителей» имела огромное значение для пропаганды Иллюминизма». (Антошевский, там же).

Сен-Мартен с 80-х годов постоянно окружен своими «русскими друзьями», среди которых Голицын, Зиновьев, двоюродный брат графов Орловых, кн. Н.В.

Репнин и многие другие.

Его основной труд вышел из печати в 1778 году и был привезен в Москву вскорости вслед за этим. В этом труде Сен-Мартен «дает нам ясное указание на свое большое знакомство с эзотеризмом Библии — с каббалой» (Леман. ук. соч.). Он развивает учение каббалы о «блесках», заключенных в грубой коре материи — клипотах, о духовных сущностях, управляющих физическим миром, имеющим лишь иллюзорную действительность как бесконечный поток метаморфоз; в этом произведении «мы находим сильное влияние Захара» (части каббалы. — В.О.) и его учения о том, что дух попал в плен этой материальной оболочки. Это учение об иллюзорности физического мира имело важные основания для не менее важных выводов в социальных построениях масонов.

Для объяснения сущности устройства мира во всех его частях, начиная с мира Эн-софа, ангельского, астрального, стихийного и вещественного. Сен-Мартен прибегает к сложной системе чисел и геометрических фигур. а также к законам музыкальной гармонии. Одним из центральных пунктов в этой символике является излюбленный у каббалистов символ круга с точкой посредине, изображающий Вселенную, всю ее полноту. Это фигура числа «десять», разъяснения которой заняло бы слишком много места. Для примера скажем, что десять — это 1 + 0, а единица есть сам Вечный, источник постоянно истекающей и поддерживающей наш мир энергии, потенции, это сама полнота бытия, а ноль — «не-бытие»; что в совокупности, то есть 1 + 0, и дает решительно все мыслимое — и жизнь и смерть. Если из круга изъять точку, то получим девять — число вещественного мира. Из полноты бытия «десять» изымем Дух и получаем — материю «девять», не-бытие, нечто косное, иллюзорное. Дуализм, враждебность духа и материи налицо. Дух не преобразует материю, а отрекается от нее. Это манихейство, вошедшее в каббалу.

Кроме того, в книге содержалась история падения человека двуполого, совершенного в мир вещественный, и разделения его на мужчину и женщину. Содержалось и политическое учение об идеальном государстве и системе правления. Церковь, религии подверглись Сен-Мартеном критике: они есть плод невежества, истинна лишь «естественная религия».

Россия и мартинизм... Материя есть плен и рабство. Душа, попадая в тело, должна осознать себя, узнать о своей божественной сущности и свободной от всякой зависимости от грубой материи, уйти очищенной в сферы ангельские или для более примитивных душ, пневмагиков, в астральные сферы. Следующие души, еще не осуществившие себя через падение в тело, совершают инкарнацию, то есть воплощаются в тело. Для пуши такое падение необходимо именно для осознания себя. Только в теле, через страдание и плен в мире, где все причинно обусловлено, душа может получить оформление, она оплодотворяется и становится оформленной, сознающей себя. Знание себя — это приобщение к самому Богу. Пока все души не получат возможности пройти через тело, Мессия не придет. Чтобы приблизить Его приход, следует вести жизнь мудреца. Ведь душа, не получившая осознания себя, загрязненная страстями тела, снова должна воплотиться в какое-нибудь тело, и тем самым она не дает другим, еще не осуществившим себя душам, места.

Страсти — вот враг, с которыми следует бороться в первую очередь. Вся эта доктрина взята из учения стоиков и разукрашена в каббале чувственными картинами, весьма натуралистического свойства. К примеру, подробно описываются ощущения умирающего человека. Каббала насчитывает их более 900 видов, от легких до тяжелых. Читать их еще тяжелее, и. видимо, смерть от такого чтения должна была бы стать первой по степени мучений.

Сен-Мартен подверг критике все теории просветителей, основанных на детских наивных рассказах о некоем Общественном договоре: все люди собрались и договорились организовать государство. С такого договора, «общественного», по мнению просветителей, началось государство. Этот мифический рассказ, ничем не отличающийся от мифологии допотопных времен, стал, как известно, краеугольным камнем всей просветительской философии и лег в основу ее взглядов на суть происхождения государства. Ниспровергая все и всяческие религии и народные верования, просветители создали столько всевозможных предрассудков, что освободиться от них стало еще тяжелее, чем от веры в вурдалаков, тем более что большинство этих скептиков весьма верило как раз в этих вурдалаков и, как было сказано, активно занималось демонологическими изысканиями и вызовом духов умерших. Как известно, церковь выступает против таких душепагубных занятий, которыми увлекали вольнодумцев-просветителей строители храма Соломона на земле — масоны, боровшиеся с церковью и тайно исповедовавшие Иегову и демонские силы.

Что есть наша телесная жизнь, как не «цепь непрерывных зависимостей», пишет Сен-Мартен. Само вступление его в телесную жизнь есть уже знак его подчинения и рабства материи. Дитятей он получает помощь взрослых, которые больше его знают и ведут его за руку по колдобинам бытия. Они его просвещают и поддерживают. «Их долг есть делать над разумным существом его то, что делали они над телом его, когда ощущал он болезни, не будучи в силах ни сносить, ниже избавить себя от них». И не разумно ли, чтобы и дальше те, кто избежал загрязнения своего идеального начала от падений и заблуждений в сем мире порока, вел тех, кто попустил себя в порабощение и падает «при бесчисленных камнях преткновения, которыми усеяна сия тина стихийная», которую «другие мужественно и щастливо избегают».

И вот центральный пункт, где мистика становится политикой: «Тот, кто

предохранил себя и от затемнения, и от развратности, становится владыкою не только по самому делу и необходимости, но и по долгу. Он должен овладеть павшим человеком (заметим сразу, что такому овладеванию и учат в ложах и сему способствует и изучение символики, и знание иероглифов, и вся мистика, о которой уже говорилось, и алхимия, наука герметики, главным Великим деланием которой есть очищение, восстановление первозданного образа в «натуре» — В.О.) и не давать ему ни малой свободы в его деяниях как для удовлетворения законам начала его, так и для безопасности и примера общества; он должен употреблять над ними все права рабства и подданничества; права, столь же праведные и существенные в сем случае, сколько непонятные и ничтожные во всяком ином обстоятельстве». Такое угнетение не есть угнетение, и его нельзя считать «притеснением естественного общества, но должно почитать его твердейшею онаго подпорою и самым несомнительньм средством к подкреплению его как противу злодейств членов своих, так и противу нападений всех его врагов». (Сен-Мартен,275)

Человек — дите малое и подвержен страстям, кои есть его и всего человечества первый враг. Он не понимает своей пользы и не знает, что подлинная свобода есть свобода от страстей. Но, к счастью, есть люди, «друзья человечества», которые «готовы за честь его принять оковы», и, слава Всевышнему, «их бессмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь нас озарит и мир блаженством одарит». Во главе правильно организованного государства должен быть царь-священник, озаренный знанием высшей премудрости. Великий Мастер и Демиург. Реинтегрированный в самых высоких степенях и получающий бесконечный приток откровений из высшего мира. Он будет опираться в своих благих деяниях на озаренных «друзей человечества». Главная задача — это борьба со страстями, невежеством и народной толпой.

Эта же тема устройства государства по масонским образцам занимала и умы его русских последователей и проповедовалась ими в речах, а также в сочинениях переводных, из коих наибольшим уважением пользовались «Пастырское послание» Гаугвица, «Истина Религии» и «Новое начертание». («Новое начертание Истинной Теологии» в двух частях, пер. с нем. Трубецкого Н. Н, изд. ч 1784 г. «Типографической компанией» Новикова в типографии Лопухина.)

Глава пятая
ЦАРСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ НА ЗЕМЛЕ

«Количественно чрезвычайно тесный круг братьев Злато-Розового Креста, приобретал при помощи законченного механизма своей строгой организации огромное влияние на весь ход духовного развития русского общества». (Г.В. Вернадский). *Он дал направление просвещению России на века вперед.*

Орден есть внутренняя церковь. Преображенный масон есть священник. «Вы же род избран, царское священие, язык свят, люди обновления». Коль скоро в душе у «новой твари» живет сам Бог, то внутри у нее есть дом Божий, а они суть «священники и цари». Эти мысли развивал З.Я. Карнеев в своих речах к братьям основанной им ложи в Орле в системе московских розенкрейцеров. Если царь, господствует над своей натурой, то не должен ли он господствовать и над другой натурой? Человек есть средоточие всех стихий, он есть малый космос, он магически может властвовать над стихиями. Они подвластны ему. Верным орудием такой власти является алхимия. «Алхимия, — пишет Вернадский, — открывавшая путь к совершенству человеческого рода, тесно связана была с совершенной системой правления». Алхимия дает власть над миром и обществом, и алхимики готовились ее взять. Именно поэтому они активно разрабатывали идеи лучшего устройства государства.

Главным в соответствии с их учением о рабстве плоти, подчинившей себе дух, было исправление нравов. Первым предполагалось приступить к упразднению всяких предметов роскоши. Следовало ввести поголовное ношение для всех полов и возрастов мундиров. Эта тема обсуждалась в излюбленной книжке новиковского кружка «Истина Религии». Во-вторых, по упразднении всей промышленности, работающей на удовлетворение всяких украшений, следовало приступить к организации для неимущих слоев специальных магазинов, то есть складов, продовольственных и для дров. Следовало организовать больницы и училища для бедных. Сразу к этому не приступишь, и в «Новом Начертании» предлагалось всем государям прибегнуть к помощи «истинно верующих», из которых будут созданы специальные департаменты для контроля за всеми сторонами государственной жизни. Это «общество Народа Божия» приготовит государству совершенных граждан и чиновников. Предполагалось создать «Патриотическое общество». Все государи должны будут соединиться и составить священный союз без всяких вероисповедных признаков. Условием достижения счастия должна была стать как суровая регламентация всех сторон жизни человека, так и ограничение потребностей. Счастье в земной жизни есть удовлетворение своих потребностей. Но эти последние имеют несчастье расти. Многие к тому же из этих потребностей относятся к ложным, как, скажем, стремление к украшениям и роскоши. На эту сторону особенно обращали свои критические взоры масоны-просветители.

Роскошь есть бич человеческого общества. Одни разоряются, а другие, неизвестно для чего, гоняются за золотом и жемчугом. Разнообразия в одежде также недопустимы, ибо неизбежно порождают рост потребностей. Человек должен быть просто человеком. Его суть от природы, и природа — его учитель. Поел-попил, почитал об истинах Верховного Существа, поработал под надзором старшего, и хватит. Утеснение плоти и самости. На последнюю

обращали внимание уже риторы в ученических ложах. Отрешиться от себя следовало в течение приготовления к мастерской степени.

Ложи, их устройство, устройство всего Ордена — прообраз будущего государства. Идеал такого государства нарисовал князь М. М. Щербатов, представив эталон масонского государства в его утопических надеждах. «Путешествие в страну Офирскую» вышло в свет в 1784 году. Вся жизнь в государстве контролируется полицейскими-священниками, служителями Верховного Существа и Строителя.

Нравственность личности находится под бдительной охраной. В жизни офирян «все так рассчитано, что каждому положены правила, как ему жить, какое носить платье, сколько иметь пространный дом, какие напитки, даже содержание скота, дров и освещения положено в цену, дается посуда из казны по чинам. Оплата работников строго определена. Если, к примеру, надо починить печку, то сам гражданин не имеет права этого сделать. Он должен обратиться в пожарную часть, которая ему пришлет печника, и этот печник не имеет права брать денег под «опасением вечной работы». Если что-нибудь с этой печью случится и она подаст повод «к запалению, то сей печник за сие наказуется определением в вечную тягостную работу».

Здесь же, в этом «Путешествии», предлагается создать военные поселения, где совсем не будет «частности», а будут созданы специальные склады, нормировано все потребление, а равно и количество труда, место его приложения; личное время по сигналу: отдых, сон, подъем. Поощряются ремесла и военная подготовка.

Умеренная нищета, серые краски одежды и жилищ, однообразные дома по типу бараков, как у Мора и Морелли; поощряются занятия всякими науками, кроме гуманитарных, обеды за общим столом и суровые наказания — все это должно было освободить человечество от бремени страстей и обеспечить его очищенной душе выход в свободное царство астральных духов.

А как же все-таки быть с моралью? Ведь существует мнение, что масоны вели развратный образ жизни, и в этом их обвиняла народная масса. Уже первые уличные песни, приведенные у Ешевского, содержат на этот счет недвусмысленные выражения. С другой стороны — требование Добродетелей от масона в ложах. Понимание Добродетели зависит от того, как понимать добро. У масонов добро есть соответствие качеств члена Ордена его масонским обязанностям и идеологическим установкам Ордена. В принципе, вопрос об этике в системе масонства решался так же, как и у стоиков. Следование природе допускало обширные толкования на этот счет [20]. Морали в христианском и общеупотребимом смысле ни стоики, ни масоны не знали. На вершине Добродетели виднелось бесстрастие. Но удовлетворение сих телесных нужд не воспрещалось никоим образом и даже, наоборот, поощрялось. Самосохранение — кредо морали стоиков и масонов. Но существуют предписания следования «природе» и достижения совершенства. Развитие волевых качеств и бесстрастие в конечном счете должны определять поведение человека. Достигший совершенства, то есть отсутствия в себе земных привязанностей, мог позволить себе, правда, под неусыпным бдительным контролем своего наставника по Ордену, любую шалость. Но массы профанов нуждались только в утеснениях, ибо слишком были привязаны к земному. У «возрожденного» же масона могла грешить плоть, душа же пребывала с «богом».

«Освобождение от рабства» — излюбленная фразеология и лозунг масонского просветительства в борьбе за власть мыслилась масонами в эзотерической части их идеологии крайне своеобразно — в духе гностицизма и дуалистического манихейства: как утеснение личной свободы, поскольку плоть враждебна духу и желания человека, как выражения его плотскости, следует всячески подавлять сильной властью чиновников-жрецов, являющихся выразителями мистической «всеобщей народной воли» и «всеобщей религии», построенной на науке и законах природы. Именно эти жрецы-бюрократы, отцы народа, должны вести неразумную в своих плотских желаниях толпу к «истинному» счастью. Такую схему построения государства на началах освобождения от плотского рабства мы видим равно и в творениях Томазо Кампанеллы, и в теориях Руссо, и наиболее ясно она выражена в сочинении одного из главных идеологов масонства конца XVIII века — Сен-Мартена в его уже упоминаемом сочинении, воплотившем в себе достижения популярной просветительской философии и приоткрывшем связь ее с эзотеризмом каббалы, связь иррационального ядра просветительской идеологии с рациональной наукообразной философией, рассчитанной на овладение сознанием масс народа и приоткрывшей завесу над подлинным содержанием провозглашаемых просветительством лозунгов.

Граф М.Ю. Виельгорский, музыкант, меценат и просвещенный человек, наместный Мастер «Великой провинциальной ложи», стоящей во главе целого ряда лож, почетный член ложи «Соединенных друзей». Эта ложа, основанная в 1802 году в Петербурге, обычная в ряду других, объединяла представителей чиновной аристократии, художников, ученых и артистов. Среди ее членов мы видим министра полиции Балашова в степени рыцаря Востока, Александра Христофоровича Бенкендорфа, будущего шефа жандармов и одного из

[20] В целом масонство характеризуется чувственностью и спиритуализмом. Шкала колебаний от грубого гедонизма до тонкой духовной прелести мистического «улавливания св. Духа», Наиболее концентрированное выражение его в искусстве — маньеризм (XVI в.), в XVIII веке — сентиментализм и романтизм в литературе, классицизм в архитектуре; в целом же — декаданс культуры.

создателей первого в России революционного союза — Ордена Русских рыцарей, иллюмината и наставника многих видных политических деятелей страны Фесслера, учредившего для этой цели свою ложу «Полярная звезда», где состояли членами М. М. Сперанский, и многие другие, впоследствии видные деятели, такие, как. герцог Александр Виртембергский, граф Костка-Потоцкий, Василий Львович Пушкин, сочинявший песни для ложи, граф Дм. Зубов, а также и П.И. Пестель, П.Я. Чаадаев — в степени мастера, А.С. Грибоедов, Мих. Митьков, кн. Шаховской и другие.

В ложе провозглашался лозунг «В единении — сила», проповедовалась «естественная религия», а предметом занятий объявлялось: «Стереть между человеками отличия рас, сословий, верований, воззрений, истребить фанатизм суеверий, уничтожить национальную ненависть (путем уничтожения национальностей. — В.О.), объединить все человечество узами любви и знания». Деятельность ложи проходила на французском языке.

Ложа покровительствовала искусству и наукам, в чем и была ее «специальность». Она имела свой оркестр, составленный из масонов-музыкантов — «братьев гармонии», издавала сборники песен, музыку к которым сочиняли Боэлдье и Кавос; слова же многих песен, особенно популярных в среде братьев, принадлежали Василию Львовичу Пушкину. В песнях прославлялась дружба и «премудрость, сила, красота (...) любовь, невинность, простота».

М.Ю. Виельгорский руководил и ложей «Палестина», он учреждал ложу «Трех Добродетелей», специально выделившуюся из ложи «Соединенных друзей» ввиду политических целей некоторых ее членов. «По существу, эта ложа являлась неофициальным филиалом революционного общества», — пишет Б.С. Штейнпресс («Страницы, из жизни Алябьева». М., 1956, с. 90). Он принимает в должность наместного мастера С. П. Трубецкого, будущего диктатора декабристов, предавшего в ответственную минуту из трусости своих соратников, сочиняет вместе с Алябьевым и Верстовским музыку к водевилям, проводит у себя дома прекрасные концерты, покровительствует молодым талантам; он друг Жуковского и В.А. Перовского, дяди А.К. Толстого, он ученик «самого» И.А. Поздеева, высказывания и поучения которого он записывает в особую книжку, судя по записям в которой «учитель» плотно опекал ученика, и наконец Михаил Юрьевич принадлежал к самым высшим градусам Ордена вольных строителей храма Соломона.

По вопросу об «освобождении» М. Ю. Виельгорский говорил так: «Простолюдимы (так писали это слово), в особенности дворовые люди, не имея никакого понятия о существе нашего ордена, весьма его любят, предполагая по названию свободных каменщиков, что наше братство старается их сделать вольными, в чем они весьма ошибаются, ибо мы стараемся свергнуть с себя оковы не мнимые, но истинно тяжкие: а именно оковы греха, смерти и ада. Сие исходит одно из другого. Человек, освобожденный от сих оков, везде велик, везде равнодушен, везде одинаков, одним словом, везде счастлив, даже под самым деспотичным правлением. Но сие благо будет постепенно и на них разливаться».

Примерно такого же типа речь держал Великий Мастер к вступающим в Орден: «мрачная храмина» телесного и преходящего, о чем напоминают атрибуты ложи — гроб, мертвая голова, скелет и слабый свет, озаряющий эту невеселую картину, как знак пламенной «искры божией». Ученику объясняли, что не для того существуют ложи, чтоб совершенствовать в себе моральные качества. Для этого, говорил Наместный Мастер Елагин, не надо быть в ложе. Масонство существует для передачи своим адептам «тайны», которая высвободит пленный дух из тленной оболочки плоти, и тогда наступит вечное блаженство. Повязка с глаз принимаемого в масонство, «ищущего», срывалась, раздавались звуки музыки в приподнятых тонах, и яркий свет озарял ложу.

Змея гностиков свивалась в кольцо и шипела слова мудрости брату «философу». Еще об одном из таких «философов» надо сказать два слова. Германия... Адам Вейсгаупт (1748-1830) был сыном профессора-юриста, рано лишился отца, учился в иезуитской гимназии до 15 лет, затем в университете, который успешно закончил и вскоре, при помощи своего крестного отца, преподавателя в ингольштадтском университете, получил звание и место профессора, докторский диплом. Его специальность — каноническое право и естественное. Он изучает проблемы нравственности и приходит к мнению о вреде всякой нравственности, признавая вслед за Спинозой и другими философами пользу ее и религии только как средство держать темную толпу невежественных ремесленников и пахарей в повиновении. Отношение к ним самое презрительное, свойственное всем иудействующим просветителям, и эта интеллектуалистская позиция «философов» берет начало от софистов и от Платона, непосредственно от Талмуда и вполне вытекает из признания высшей ценностью рассудочное знание метафизированного ума.

Вейсгаупт вступил в ложу «Святого Теодора» в Мюнхене, где довольно скоро достиг высоких степеней. В начале 70-х годов он встречается с неким армянином или евреем Кольмером, который долгое время изучал в Египте оккультные науки и в Европу возвратился в 1771. году. В Европе к тому времени ухе вполне создалась «развитая морально и умственная среда» усилиями многочисленных организаций; большинство, если не все, князья и князьки Германии состояли в масонских ложах, а увлечение каббалой среди «образованных» классов было повальным. В системе масонства господствовала система «строгого наблюдения», то есть самой суровой дисциплины.

Русские «братья» не отставали и шли путем Вейсгаупта и других

иллюминатов. Сохранились письма Новикова, брата Коловиона, своему начальнику по партии — немецкому барону Шредеру, в которых великий русский просветитель сообщает о своих делах и настроениях «с истинною покорностию моею». В одном из своих отчетов, именуемом «уведомлением» на языке масонов, он извещает о выполнении указаний барона по составлению описи, *«в* каком положении дела типографии находятся, со всеми подробностями», сообщает, что он передал по указанию барона «весь магазин книжный, контору, лавку и все счеты» брату Шварцу. Новиков также сообщает о всех своих душевных трепетаниях и сомнениях, распинается в своем ничтожестве, малоумии, виною в неисполнении некоторых заповедей ордена видит свое невежество и лень и просит простить его, обещая впредь быть более деятельным и разумным. Он пишет «о распространении любви в сердце моем к искоренению грубости и ласковой приемности ко всякому человеку».

«Буди вечно хвалим, превозносим, милосердый Спаситель грешников, св. ордена Его и наши мудрые и милосердые отцы и высокославные начальники».

Коловион-Новиков кается перед «высокодостойным начальником» в письмах — «в. д. Н.», что не всегда держит слово, но обещает: «Я смею уведомить вас, в. д. Н., что я все дарованные мне от Бога силы начинаю употреблять к тому, чтобы сие предписание ваше мог всегда исполнять в точности»; «в. д. Н.» — это высокодостойный Начальник.

В этом же уведомлении содержится и просьба разрешить ему самому определять цену книгам и «о расположении и заведении особой типографии (тайной от правительства для выпуска нелегальной литературы. — В.О.) в институтском доме для печатания таких книг для братьев», самим принимать решения, «бо нам весьма часто будут нужны скорые решения, то и невозможно, кажется мне, обо всем оном делать письменных донесений». Свои отчеты-уведомления Новиков заканчивает такими словами: «...последний пункт отпуска вашего («сверху получаемое писание называется отпуск, а снизу вверх — уведомление». — Ешевский. Собр. соч., т. II, с. 552), в. д. Н., приемлю я спасительным для меня наставлением, как в рассуждении себя самого, так и бр. (т.е. братьев. — В.О.), вверенных мне, и исповедаю искренно, что пролил он свет на многие мои недоумения и сомнения». И завершают уведомление следующие слова:

«...с истинной покорностию и преданностью остаюсь верна послушнейший ордена сродственник яко истинный Брат Розы и Золотого Креста

Коловион».

Эти «уведомления» снизу вверх, «отпуска» сверху вниз делали систему «строгого наблюдения» сплоченной организацией, где каждый член просматривался насквозь со всеми своими душевными изгибами и настроениями, своими способностями и талантами и был руководим тонко и неукоснительно начальником-наставником во всех пунктах своего жизненного пути.

В этом же уведомлении Новиков обещал начальнику своему по Ордену: «Повеления ваши и волю высших наших высокославных начальников с истинною покорностию исполнять во всю жизнь мою буду» (Пыпин).

Опека была очень плотной, и сам Новиков неумолимо требовал самых подробных отчетов от своих подопечных. Каждый квартал, а то и каждый месяц масон обязан был сообщать о себе, своих делах и сомнениях своему начальнику письменно. Именно поэтому таким начальником, наставником и мог быть человек, пользующийся уважением своих подопечных как по личным качествам, так и по учености и образованию, общему и гностико-каббалистическому, т.е. масонскому. Одним из таких наставников, оракулом масонства и был уже известный нам И. А. Поздеев. Его учениками были крупнейшие деятели русской культуры, политические деятели, как С. С. Ланской, М. Ю. Виельгорский, гр. А. К. Разумовский, министр просвещения, И. П. Голенищев-Кутузов, а среди масонских его писем-наставлений в ОР РГБ имеется и письмо Г. Р. Державину, и митрополиту Михаилу Десницкому (ОР РГБ ф. 14, № 320). Вейгаупт, Новиков, Шварц... — это лица одного ряда. Но вернемся к первому, А. Вейсгаупту.

Вейсгаупт совместно с другими крупными масонами-просветителями, как издатели Николаи, Боде, писатель Книгге, Цвак и прочие, формирует на базе масонства «строгого наблюдения», в систему которого входили и русские масоны, новую организацию, названную Орденом иллюминатов. Умершие «предварительно для предрассудков, обскурантизма, всяких предков и социальных ошибок» повышались в степенях. Поскольку «всякий ритуал соответствует всегда либо политической, либо философской необходимости» (Папюс), то и создание нового формирования в недрах масонства высоких степеней посвящения отвечало такой необходимости. И как появление реформированного в начале XVIII века масонства произошло как бы внезапно, а распространение по всем странам шло быстро, так и распространение новой системы по градам и весям Европы говорит, что ее готовили долго и тщательно, сообразуясь с обшей обстановкой в Европе и настроением умов. И, действительно. Орден возникает на почве розенкрейцерства и шотландского рыцарства, то есть в тех системах высокого масонства, где изучение каббалистических наук происходило наиболее глубоко и где «ввиду важности цели (они) оправдывали все средства для ее достижения» (Т. О. Соколовская). Появление реформированного масонства совпадает с утверждением на политической и культурной арене Европы властного голоса чиновников и представителей третьего сословия — интеллигенции, преимущественно нотариусов, адвокатов, учителей и врачей. Появление же баварского Ордена знаменовало новые тенденции в жизни перечисленных социальных групп, в их

установочном мышлении. В 80-х годах того же века, XVIII, то есть примерно тогда, когда шло утверждение Ордена иллюминатов, в Москве единомышленники Новикова доходят до «некоторого социализма» в своих то ли утопиях, то ли проектах, и тогда же пред ними открываются возможности основать «идеальное царство Платона» не только в Москве. Впереди виднелась целая империя Российская. Звание провинциального великого мастера VIII провинции всемирного масонского государства в 1783 году предназначалось для наследника престола, будущего Павла Первого, и невозможно было не задуматься в связи с такой радужной перспективой, что такое идеальное государство. Впрочем, этот вопрос был решен в принципе еще в «Государстве» Платона, а впоследствии неоднократно уточнялся. Идеалы московских просветителей и иллюминатов совпадали, так как имели один источник.

Осуществить эти утопии-проекты и был призван Орден иллюминатов. А тем более что и глава европейских масонов Фердинанд Брауншвейгский, и глава берлинских розенкрейцеров, «рыцарей Соломоновых наук», Вельнер имели к организации иллюминатов прямое отношение, как и к московским мартинистам, будучи их прямыми начальниками. Вообще говоря, не удается обнаружить в иллюминатстве чего-то такого, чего бы не было в любой другой системе масонства.

Социальным идеалом Вейсгаупта стали теории Руссо — уравнительное распределение продуктов, уничтожение частной собственности, регламентация и казарменная дисциплина, все то, что так ярко изобразил Морелли в своем «Кодексе природы» и что хотел осуществить Бабеф, организуя «заговор равных». Дети подлежали обобществлению, брак уничтожался, и оставалось только сожительство в целях улучшения человеческой породы по примеру племенной селекции в ветеринарии. Известно, что Платон полагал, что в такой ситуации, когда семья прекратит свое существование, необходимо будет привлечь женщин наравне с мужчинами к физическому труду и даже военной службе. Понятно, что такое уравнение проводилось не в интересах женщин, а в интересах «государства», которое, как воплощенное Единое, и должно было стать целью каждого человека. Счастье человека переносилось на все государство. Это неизбежно вытекало из отмены частной собственности, и впоследствии утописты и просветители уточнили только вопрос, как отличить личную собственность от частной и должна ли быть личная собственность, можно ли допустить наличие равных земельных участков или не должно быть никаких земельных участков. Вся жизнь людей в таком государстве должна была проводиться по бригадному способу существования, строем и в отрядах. Вся структура такого «солнечного» государства полностью заимствована из практики орденов системы «строгого наблюдения». Орден же иллюминатов давал, можно сказать, завершенную систему обезличивания человека и жизни на виду и в страхе быть замеченным и наказанным.

Мечта о свободе в таком муравейнике могла быть осуществленной только в чувственной сфере, там, где ее и нашел Вольтер.

В ордене иллюминатов существовали все общемасонские ступени масонской лестницы к совершенству и умерщвлению в себе привязанностей к дому, семье, близким, к теплым заветам своего отечества. Предусматривались все обязательные в масонстве степени прохождения «Соломоновых» наук: иоанновские и шотландские. На степени уже мастеров-шотландцев, не говоря уже о Рыцарях Солнца Иерусалима, которую, кстати же, имел министр полиции в правительстве Александра Первого Балашов, задачи как политические, так и «философские», а также объем овладения оккультными науками мало чем отличались от собственно иллюминатских, и потому всякое деление на иллюминатов и не иллюминатов условно.

Это как армейский чин и род войск, как звание в научном мире или должность в партии. Социальные идеалы иллюминатов совпадают с теми, что выразил Фальк в «Разговоре для масонов» (Лессинг, изд. 1778 г.). В первую очередь это идеал муравейника и единого шаблона. Фальк просвещает нас: государство можно считать некоторым благом для людей, так как это какое-никакое, а объединение. Точно так же, как и Петр Первый, Фальк устанавливает, что «сумма отдельных благоденствии всех членов и будет благоденствием государства». Было бы, однако, ошибочно, зная уже взгляды масонов и утопистов, о которых уже говорилось, утверждать, что эта формула имеет обратный ход: благоденствие государства есть благоденствие каждого. Как мы помним, Спиноза переносил все «естественное право» на государство как единственный юридический субъект. «Левиафан» Гоббса утверждал те же идеи абсолютного всевластия чиновничьего аппарата, несущего одновременно и функции духовно-религиозного наставничества и руководства страной, и это было, по существу, общим местом для всех концепций философов-пантеистов, учение которых в полной мере было производным каббалы, изучением которой успешно занимались в масонских дожах. Умерщвление чувств и культивирование чувственности, гедонизм становятся мощным оружием в борьбе за безликость; чувственное имеет лишь видимость разнообразия и прячется за сюжетными поворотами романов и приключениями авантюристов. Но, присмотревшись ко всем этим Печориным и Фаустам, Грандисонам, Сен-жерменам, легко обнаружить, что перед нами заводные куклы или орудия самой пошлой чувственности.

Фальк всю свою надежду полагает именно на «свободных от предрассудков». «Интеллигентные люди независимого ума с благородными сердцами» — вот на них спрос.

Если собрать их всех вместе, то будет «невидимая церковь» — сладостная мечта, но уже осуществленная, как говорит Фальк своему недалекому

собеседнику Эрнсту.

Все, что есть сложного и умного в ордене, — это его средства по разрушению. За этим отрицательным направлением, со всею его математикой, геометрией, психологией, алхимией, искусством стоит удивительно примитивное здание казарменного государства, знакомого людям нашего века не по одним утопиям. Пора назвать вещи своими именами.

Все эти утопии — идеалы гуманистов и просветителей, к осуществлению которых и призван Орден во всех его названиях и обозначениях, со всеми его мощными орудиями познания Натуры и себя, со всеми его искусствами, есть не что иное, как проекты концлагерей. Герберт Уэллс в своей книге «Явный заговор» (1928 г.), не издававшейся у нас, пишет о скором создании Мировой Республики, власть в которой будет принадлежать «сознательному меньшинству», лишенному национальных привязанностей и враждебно настроенному к христианской религии. Церковь, государственные границы, знамена, национальные гимны будут уничтожены.

Опорой «Явного заговора» в России является большевистское правительство: «...оно есть сообщество пропаганды и предшественников, превращенное в республику, оно является вдохновителем и предшественником «Явного заговора» (с. 103). Россию «эксплуатируют и более или менее порабощают» (с. 99). «Россия есть страна, где десятки миллионов крестьян подчинены авторитету малой группы интеллигенции... Только этим одним доступны идеи всемирной перестройки, всемирной конспирации... можно рассчитывать только на это малое меньшинство»... (с. 124, пагинация французского издания. Изд. «Монтэнь»).

Лессинг радуется возможности уничтожить нации, государства, лишить людей имени и лиц. Гете и Гердер радуются таким же планам и мечтают об их осуществлении, будучи иллюминатами, и все они попадают в пантеон современной культуры, как апостолы счастья и человеколюбия.

А бараки, а рабство, предусмотренное еще у Мора и у Кампанеллы, а пожизненные заключения, а дети, отобранные у родителей в пять лет, а запрещение думать, и общие обеды, и жизнь строем? А ведь это вес идеалы просвещения. Это Руссо, это Вольтер, это Бабеф и Буанаротти и многие другие, включая и отечественных буанаротти, борцов с русским народом и его духовной опорой и источником его сил — Православной Церковью. Это идеалы тех безродных интернационалистов, что возненавидели русский народ за то, что он у себя дома и устроился по-своему. Царская власть их не устраивала только потому, что это была не их власть.

Все высшие степени во всех системах масонства имели сходное мистическое содержание, и равным образом оно склонялось к постижению одних и тех же предметов. В системе мистерий вызревал тип будущего сверхчеловека. Степень углубления в мистические «работы» прямо соответствовала степени «работника». В соответствии с гностической терминологией он становился все более и более «сознательным рабочим». Ведь «для понимания масонской науки вам надо сознательно углубиться в эти древние обряды, — пишет глава Ордена мартинистов начала нашего века, уже не раз цитированный нами Папюс, — которые дошли до нас через трубадуров, членов тайных судилищ, алхимиков, тамплиеров, иллюминатов и через новые масонские ритуалы». Тогда *«образуется цепь интеллигентов всех наций, и усилиями рабочих всех классов будет воздвигнут храм Соломона»,* храм Единственному Богу, в соответствии с традициями гностиков, и будет существовать единственная религия и один народ: внизу — рабочие лошади, и один народ, «избранный», вверху, из храма Соломона. Замрут все распри, и Солнце мудрости никогда не исчезнет с горизонта осчастливленного человечества, понявшего все счастье такого единения без национальности, без религии, без сословия, без забот о завтрашнем дне, поскольку необходимое тебе будет выдаваться добрыми и все понимающими начальниками-жрецами.

Осуществление между тем такого счастливого «солнечного» государства планировалось достигнуть именно путем страшных социальных катаклизмов, всеобщего развращения, распада всех человеческих связей, путем массовых убийств. Но ведь для массовых убийств нужны палачи, и в большом количестве. А где их взять? Именно в преддверии осуществления этих планов и должна была осуществляться длительная дискредитация христианской церкви и всех богооткровенных и данных Спасителем истин. Именно таким путем боевой отдел Ордена вольных каменщиков — иллюминаты — рассчитывал захватить власть в странах Европы. Параллельно этому шла и чисто либеральная война на идеологическом фронте с постепенным вытеснением христианских ценностей и заменой их на языческие и иудейские с их культом земного, чувственного, утилитарного: «многоплодие и долголетие», много денег и много удовольствий, много власти и много музыки... В политическом мире России и Европы все связано, масонство же — едино.

...В Италии были особенно распространены иллюминатские ложи, давшие позднее жизнь карбонарским сектам. Ложи были распространены во множестве, и полиция указывала, что «иллюминаты в точности похожи на тех, кого называют во Франции бешеными якобинцами». (См. Туган-Барановский Д.М. «Наполеон и республиканцы», 1980 г.)

Иллюминатские ложи во Франции к началу XIX века были известны под именем «филадельфов», а в 1809-1811 годах организацию возглавляет бывший участник «заговора равных» Ф. Буанаротти и создается система «высокодостойных мастеров», распространившаяся по всей Европе, не исключая и России. Готовится и осуществляется в начале 20-х годов XIX века ряд революций в Италии, Испании и Португалии. Организация

«высокодостойных мастеров» установила тесные контакты с карбонариями в Италии, масонскими ложами иллюминатского союза, но имевшими свой, «национально-освободительный» колорит, с организацией «Тугендбунда» в Германии и «гетериями» в Греции, а также польскими студенческими организациями филоматов. По всей Европе шла подготовка опорных пунктов восстания, заготавливалось оружие, шла подготовка общественного мнения, преимущественно в смысле критики монархий и церкви как носителей «феодальных предрассудков». Повсюду умы были возбуждены слухами о карбонариях и их заговорами против алтарей и тронов, и эта волна не прошла мимо России.

В связях с итальянскими карбонариями был обвинен видный масонский лидер кн. Баратаев, член многих лож, ненавистник Магницкого, бывшего в 1817 году губернатором Симбирска, где проходила деятельность Баратаева, и не дававшего ему разрешения на открытие ложи, гонитель Мотовилова, который был духовным чадом самого преподобного Серафима Саровского.

В секретном донесении из Неаполя от 19 марта 1826 года в министерство иностранных дел России сообщалось о том горячем интересе, который проявили члены одной карбонарской организации к восстанию декабристов в Петербурге, и при' этом члены этой организации выражали удивление, «что великая революция, которая должна была последовать через два месяца после первой попытки возмущения, еще не разразилась в России». Обстановка была грозовой.

Звание человека-короля имел знаменитый Лагарп, воспитатель Александра I и великого князя Константина Павловича. После отъезда из России он возглавил Директорию Гельветической республики (1798-1800). Еще живя в России, он был известен своими якобинскими взглядами, как и своей просвещенностью и литературными талантами. В 20-х годах XIX века он возглавил ряд карбонарских вент, находясь в руководстве-кантона Ваадт (Швейцария). Эти масонские ложи, как было сказано,' имели «национально-освободительную» направленность. Руководителем «Центральной венты» был Филипп Буанаротти. Поскольку общественное мнение было уже подготовлено для борьбы за национальную независимость и к свержению монархии, то масонские «работы» уходили в тень, а ритуалы упрощались, а большинство же вообще не знало, что ими руководят ложи вольных каменщиков. В таких случаях, как и в самой масонской организации, руководство скрывалось под другими именами. Скажем, все высшие чины в русском масонстве относились в 80-х годах XVIII века к Ордену Розового Креста, но поскольку о существовании этих степеней знать младшим братьям не полагалось, то и весь Орден братьев Розового Креста был «утоплен» в Директории Ордена.

Лагарп, занимаясь литературными трудами и благотворительностью, имел звание Человека-Короля, что, как пишет Семевский, указывает на «тесную связь между этим обществом и итальянским карбонаризмом». Хорошо осведомленный в делах карбонарских лож некий д'Оррер доносил в Петербург, что Лагарп пользуется «громадным влиянием по своему высокому положению в франкмасонстве и карбонаризме». Речь вдет о событиях 20-х годов XIX века. В одном из заседаний венты, возглавляемой Лагарпом. его заместитель Мюрэ сказал: «...благо отечества требует, чтобы все аристократы погибли: мужчины, женщины и дети; всякое различие будет уничтожено, и свободные люди, пользуясь равенством и правами человека, будут жить мирно и передадут это драгоценное наследство своим детям». Лагарп руководит и согласовывает действия «межцу карбонариями, иллюминатами и франкмасонами», то есть между различными направлениями Ордена, отчего и организации получали различные наименования, создавая впечатление, что речь идет как бы о разных организациях.

В обстановке усиливающегося брожения в Европе, призывов сбросить «иго деспотизма священников и князей», масонские организации вызывали волну «национально-патриотических» выступлений, рассчитывая таким образом достичь своих политических целей. Одновременно шла и подготовка к восстанию в Петербурге. Семена, посеянные во времена Елизаветы и Екатерины, деятельность новиковского кружка, деятельность многочисленных масонских лох во времена самого Александра I дали всходы. «Искаженная вера, мартинизм, вольнолюбие восседали у колыбели» (Греч Н.И.) дворянской молодежи, вышедшей в 1825 году на Сенатскую площадь.

Иллюминатские ложи, венты, выпускали прокламации. Вот текст одной из них, созданной в венте, руководимой Лагарпом:

«Везде немедленная смерть. Последний довод свободных людей пример королям-тиранам. Свободные люди Гельвеции, всем, обыкновенно называемым благородными, самым низким рабам королей, епископам и другим лицам римско-католического духовенства, врагам отечества и свободы — привет. Постановлено нашим верховным трибуналом, что вы умрете в оковах, утратите ваши имущества: ваши дома, постыдные для свободных людей, будут преданы пламени ради спасительного примера потомкам. Скреплено и подписано кровью свободных людей. Брут, Зандт, Лувель, Равальяк, Катилина».

На прокламации внизу под текстом изображение кинжала, замаранного кровью.

Листовка относится к 1823 году. В это время предполагалось поднять восстание, устроить Сицилийскую вечерню, в Швейцарии, Германии, Италии, Польше. Сам Человек-Король Лагарп, продолжавший переписываться с вел. кн. Константином Павловичем, в своей речи перед «братьями» в собрании венты в

Лозанне заявил, что по первому сигналу парижского комитета поднимутся «свободные люди» и они «пронесут победоносное знамя до конца мира. Великий удар будет нанесен... Горе врагам нашей свободы, горе священникам и католикам, не сочувствующим нашим намерениям: они погибнут, их дома будут сожжены; этот момент будет ужасен, но необходим. Только решительный удар может нас спасти; теперь нужно выбирать между рабством и смертью». Пройдет еще немного времени, и появится «Коммунистический манифест» с его угрозами перевернуть весь мир до основания, а затем... Нам, живущим в нынешней России, где трудовой народ стал ничем, а русские обречены на вымирание, если не встряхнутся и не возьмутся за ум, а русская деревня уже вымерла и населяется с благословения наследников Буанаротти кавказскими выходцами, нам лучше, чем Лагарпу и иным, известно, что стало затем.

Во Франции среди офицеров действовало масонское общество «Рыцарей свободы». Оно объединяло от 30.000 до 40.000 военных. Через семь лет произошла во Франции июльская революция (1830 г.), и одновременно произошло восстание в Польше, которое должно было отвлечь силы русских от французских событий.

Распространению масонства вообще и карбонаризма в частности способствовало распространение среди «передовой» интеллигенции высокого престижа масонства. Карбонаризм связывался в сознании людей того времени с отрицанием христианских ценностей и всех национальных традиций (вспомним «Евгения Онегина»), для тех же, кто уже был лишен и веры христианской, и самих традиций и жил только «стальной романтикой» освобождения «от тирании» вообще, музыкой борьбы и жаждой острых приключений, карбонаризм представлялся чем-то крайне притягательным, заманчивым и благородным делом. Клише масонской идеологии в среде безверной интеллигенции срабатывало безотказно, принималась форма «национально-патриотического» — лексическая форма масонской идеологии, для которой национальное было только формой космополитического учения.

... В 1820 году в Варшаве был допрошен кандидат медицины Вержбовский по обвинению в принадлежности к карбонарским вентам. Задержанный заявил, что «каждый человек должен стремиться к возможно полному совершенству», а оно может быть достигнуто лишь в обществе угольщиков (карбонариев), которые в этом отношении имеют преимущества перед обществом вольных каменщиков» (Семевский). Для установления всемирной гармонии предполагалось установить во всех городах и городишках гильотины. Это все предтечи масонской диктатуры в России.

Уже в 1828 году ложи, подобные карбонарским вентам, имелись во многих государствах Германии, и все они находились под руководством парижского комитета. С Лагарпом поддерживали связь многие русские. Некоторые на них специально приезжали для встречи с человеком-королем. «Ваше Высочество найдете в моих заметках, что пятеро русских ожидается на собрании в Бадене», — сообщал д'Оррер Николаю I. Известно, что Лагарп направлял в Россию своих эмиссаров, в частности, некую красивую не первой молодости француженку в Петербург. Она была избрана «вследствие своих способностей к интриге». В эти годы «Петербург был полон людей, нелегально проповедующих правила, которые прямо вели к истреблению монархической власти». (Семевский В.И.)

Моральное совершенствование и достижение подлинного знания через созерцание символов, иероглифов, употребление имени Иеговы, на благоговейном отношении к которому особенно настаивал розенкрейцер и иллюминат Иосиф Бальзамо, «граф» Калиостро, приводили к тем шотландским степеням, в которых главным было употребление «крика мщения», борьба на уничтожение с врагами Ордена и взбунтовавшимися братьями. Примером такого завершения первоначального, «символического» масонства служит следующий документ, обнаруженный среди бумаг великого князя Константина Павловича (см. Семевский В.И., ук. соч.), отмеченный 27 октября 1811 года и имеющий заглавие «Исповедание веры франкмасонов»:

«Поэтому великим предприятием, приятным Богу и достойным людей, одаренным храбростью и чувством чести, является то, чтобы восстановить этот храм, столь давно разрушенный... выйдя наконец из того глубокого мрака невежества, среди которого в течение стольких веков жили наши предки, чтобы вооружиться и восстать против недостойных узурпаторов, а если понадобится, то и умертвить их. Необходимо поступать с ними как с настоящими тиранами, которые захватили силу, принадлежащую одному Богу, и злоупотребляют властью, дарованною одинаково всем людям. Все приглашаются содействовать этому благородному предприятию, в котором заинтересованы все люди и в котором одинаково могут принимать участие язычник, еврей, турок, протестант, католик и даже деист и атеист, так как все эти различные верования не что иное, как суеверные вымыслы тех, которые захотели отнять у человека его свободу, а у Бога — его власть. Отсюда следует, что, если различие религий произвело столько смут, это объединение для нас, франкмасонов, будет содействовать укреплению всех уз, установит прочный мир и совершенные законы. Опыт показал, что тот, кто вступает в это общество, не вызывает и не испытывает неприятностей из-за своей религии... он даже так привязывается и проникается сочувствием к нашим франкмасонским мнениям, что становится равнодушным к своим взглядам и в короткое время совершенно забывает и оставляет их».

Самое трудное, говорилось в документе, это «сражаться с самодержавием и жречеством... разрушить тиранию, тяготеющую над свободою человека... Для этого нужно избрать в обществе людей, отличающихся твердостью духа, и ученых и, кроме того, следует искать покровительства могущественных людей из наиболее уважаемых классов (...) франкмасоны должны усиливаться и

умножаться в тени тайны», а для этого предлагалось: «в обществе же следует выставлять правило, что они (т.е. масоны, — В.О.) не совершают ничего противного закону религии и нравам. И эта тайна величайшей важности должна храниться лишь в ложе 5-й степени, составленной из одних архитекторов, предназначенных для управления и восстановления постройки храма Соломона. Всем же остальным скажут только, что в нашем обществе особенно советуют оказывать помощь и милосердие друг другу».

Эта инструкция для масонов шотландских степеней. В. И. Семевский, упоминая о политической программе «Союза спасения» и самого Пестеля, говорит по поводу «исповеди франкмасона», что теперь «очевидно, какого рода масонство было симпатично для наиболее выдающихся декабристов-масонов». Нельзя не вспомнить еще раз, что «повышение в звание шотландского мастера связывалось с посвящением на борьбу во имя восстановления разрушенного храма». Кровавая месть в обрядах, готовившая «брата» к борьбе за власть, нарастала и достигала своего апогея в степени «Кадош» (евр. — святой). И, судя по всякого рода Крата Репоа, сочинения, изданного в новиковской типографии, где под видом древних таинств излагались обряды посвящения — «убийство» муляжей, отсечения головы искусно сделанным куклам, иногда наполненным красной жидкостью, приучали шотландских рыцарей без содрогания идти на самые радикальные средства, не исключая и вышеописанных. Недаром в пламенеющей звезде, шестиугольной, так называемой звезде Давида, была начертана символизировавшая высший идеал шотландского мастера буква «Г» еврейского алфавита, которая могла означать и, в числе прочих смыслов, Голгофу. Шотландские мастера, как и вообще шотландские степени, находились в системе «строгого наблюдения». Каждый брат был обязан один раз в три месяца приносить Великому мастеру все письма, ему пришедшие и имеющие хоть какое-нибудь отношение к Ордену. Одни письма уничтожались при всех, другие могли храниться в архиве ложи. Также раз в три месяца брат сообщал своему наставнику все важное, касающееся себя и сохранившиеся отчеты брата Коловиона, то есть Н. И. Новикова, своему начальнику, барону Шредеру, раскрывают «все трепетания души Новикова». Опека была плотной и дисциплина суровой. Разрешения требовались даже на знакомства. «Вы советуетесь со мною о знакомстве, на что вы имеете развязку давно», — пишет Поздеев одному своему подопечному, но тут же не советует заводить новые, не расширять знакомства.

Иногда пишут об иллюминатах, что в этом Ордене были заведены «иезуитские правила» взаимного шпионства. Но такие правила были общими всем системам, и без них масонство, как тайная, сплоченная накрепко организация, было бы немыслимо. Все тот же Поздеев пишет (Москва. 1784 г.): *«Но на вас я с помощью Спасителя возлагаю особенную должность; а именно вас самих, которого вышние брр.* (т.е. братья. — В.О.) *расположены готовить в Орден внутренний. О всем, что у вас в вашей ложе происходить будет, меня уведомляйте. Расположенных и желающих брр. тихонько и скромно наставляйте в наших практических работах, и если кто себя зачал корпорально и морально очищать, меня, не объявляя никому, уведомляйте а описывайте прямо, кто и кого зачал еще себя обрабатывать... Сей вашей со мною переписки никто знать не должен»* (ОР РГБ ф. 14 № 320).

В следующем письме читаем: *«Скажите брату Н., что ежели чувствует он, что зачал быть лучше, и отстал от тех пороков, кои мешали ему работать* (имеются в виду учебные работы в ложе по претворению себя в «Нову тварь». — В.О.)*, то чтобы принес вам на письме искреннее раскаяние о всех в жизни его соделанных пороках, и если он еще в Мастера не введен, то нынешней зимой можете приехать с ним, дабы здесь его ввести. А если в Мастера уже введен, то возьмите письменное его признание с собою мне показать, дабы я видел, искренно ли оно и како его, если Бог велит, вести далее»* (там же, письма И. А. Поздеева).

А вот брат проговорился, и кто-то, на ком лежит обязанность, как только что *мы* видели, доносить, «настучал». Возможно, на предыдущего «брата», так как слежка шла перекрестие. Попутно в следующем письме решаются и другие дела дисциплинарного характера:

«Слышу я, что вы собираетесь идти в отставку, а ложу на кого вы покинете? Я советую стараться наперед на свое место заготовить человек двух. Сверх того советую вам справиться с вашей совестию, не выболтали ли вы чего из вашей Т. С. (то есть тайны, относящейся к степени теоретического градуса Соломоновых наук. — В.О.)*, и вспоминая это, вообразя живо ваше преступление, просить Бога о прощении. Я считаю, что когда вы, разговаривая с брр., вошли в огонь, то в то время и не помнили, что вы тайны предаете; Л(юбезный) Б(рат), не затворяйте в Орден дверей себе и другим и помните, что хладнокровие есть истинное положение каменщика, где рассудок его здравый присутствен.*

Молю Спасителя, да даст вам живо представить, сколь много вы преступили, впрочем, как вы работаете со мною, то я вам советую спросить в СПб-ге у книгопродавца немецкую книгу... читайте ее со вниманием» (там же).

Из этой книги брат должен был извлечь себе полезный на будущее урок. Сообщалось, что хотя книга выпущена в печати, но «о ней никто не должен услышать от вас и ее увидеть у вас».

Согласно общим правилам масоны многие свои мысли должны были распространять так, чтобы никто не догадался, что они выражают взгляды Ордена. И это правило и ныне прекрасно действует.

Брату не воспрещались искания истины, сомнения и желание «разобраться» во всем. Масонское учение по самому принципу своему содержит начатки

философских систем направлений самых различных. Это учение излагается в мифологических, аллегорических обрядах, дается в символах и при переводе этого языка на понятийный уровень при желании логически понять масонское учение дает философские системы точно так, как это имело место исторически при зарождении философии из мифов, давшем начало натурфилософии греков.

Известный исследователь начала века А. В. Семека писал по поводу теоретической степени Соломоновых наук, что *«это была первая философская система* (курсив мой — *В.О.}* в России, которая сыграла просветительскую роль в XVIII веке». Речь идет о розенкрейцерстве, вершине масонской науки. Оно *«воспитывало, дисциплинировало русские умы, давало им впервые серьезную умственную пищу... с помощью мистической теософии и масонской натурфилософии.* (...) *Много розенкрейцерская наука внесла в работу русской мысли неведомых ей до тех пор отвлеченных понятий, для которых русский язык не имел даже соответствующих слов и выражений»;* в результате же переводов мистической литературы студентами и профессорами Московского университета была внесена своя доля «в дело обогащения русского литературного языка: кто знает, сколько приобрел здесь в этом отношении будущий создатель этого языка — Карамзин, воспитанник «Дружеского ученого общества»... сам масон, принадлежавший к московскому кружку?».

Капитул степени Королевской Арки английской системы в своем послании так определил цель масонства. Цель умозрительного масонства — работать над всеми науками и искусствами... И, как много раз уже говорилось, разноцветная ткань масонского учения «ткалась многоцветными нитями теософии, магии, каббалы, мистики по старой основе мудрости великих философов древности, и формулы заклинаний, клятв верности и откровений древних мистерий», и все это слилось *«с* политикой расчета новейших времен».

Этой политикой новейших времен был порожден и печатный орган иллюминатов, созданный в годы французской революции Бонневилем и аббатом Фоше, — «Железные уста», известная газета и «официальный орган революционеров-мистиков «Социального кружка», того самого, созданного Виллермозом и Сен-Мартеном, учениками португальского еврея, каббалиста и проповедника идей Сведенборга Мартинеца де Пас-куалиса. Эта газета служила выражением мистицизма, «смешанного с революционными идеями и с масонской философией. Как и обычно в таких органах печати, здесь призывалось к погрому и уничтожению духовенства, конфискации всех имуществ церкви. В России эта операция была проведена без всяких революций — еще в 1764 году, когда Екатерина II отобрала в казну даже все личные вклады, сделанные людьми из своих религиозных потребностей, и даже вклады на помин души усопших.

Не среди трудового люда, не среди крестьян, мещан и ремесленников, не в кузнях и мастерских черных сотен Москвы, где ковалась слава русского оружия и создавалась красота земная городов и сел, не там, где оружейники этих сотен делали мечи и броню, ворота и замки, уздечки и косы, загорались первые лучи голубого масонства, быстро приобретавшие красный оттенок будущих потрясений и кровавых событий.

Не хоругвеносцы «Союза русского народа» опустошат русскую землю. Не члены союза «Архангела Михаила» создадут систему массовых концлагерей и превратят всю великую страну в большой концентрационный лагерь. Это сделают другие люди, которые будут пугать всякими идеологическими страхолюдинами великовозрастных детей, чтобы те забыли, кто обрек на вымирание великий талантливый народ. Черносотенцы же, предвидя последствия, призывали власть вспомнить свой долг и не заигрывать с еврействующими либералами.

Среди всеобщего брожения, недовольства существующими порядками в России первенствующее значение играли потомки Рюрика, Гедимина и Чингисхана. Обилие аристократических фамилий среди участников либеральных и декабристских организаций общеизвестно. И это говорит лишь о том, что революция всегда идет сверху. Снизу может быть только бунт.

Аристократы играли не последнюю роль и в событиях во Франции, как и вообще все высшее общество. Все фрондировали, и это было модою, за которой стоял стиль, образ жизни жуиров и бонвиванов. Эта и была та, «развитая в моральном и умственном отношении среда», на которой пышным цветом расцветало масонство со своими семью добродетелями.

Удивительно то, что на самой заре «освобождения» догматики и рутинеры Запада обнаружили столько деспотизма и тирании, что сразу же побили рекорд всех тиранов со времен Хаммурапи. Запад передал свое роковое наследство русским либералам, и выросла та «молодая» Россия, которая младенчески доверчиво и наивно поверила, что все люди лицо в лицо и шаблон в шаблон. Эта нелепая теория о стихийной общественной эволюции, которая творилась учителями либералов весьма сознательно и на осознание которой тратились деньги, дабы через воспитание новое поколение поверило в эту «стихийность», привела нашу интеллигенцию с «направлением» к соблазнительному выводу, что никакой религии не нужно, что культура дана одна на всех и что крестьянин в своем реальном православном и бородатом виде есть исторический пережиток, подлежащий, как закоренелый еретик, уничтожению.

Они не знали ни прошедшего, ни настоящего, но точно знали, что будущее будет веком «освобожденного» человека, и в этом было все их убеждение. Жалкие вольтерьянские софизмы и нищенская философия, убогая, как и сама погоня за парижскими наслаждениями, — это все, что было у них за душой. А учение тех, кто вел за собой эту молодежь, было еще страшнее. Когда

первобытная одичалость якобинских кровопролитий явила миру жуткое апокалипсическое видение «зверя» наяву, многие вздрогнули, и можно было ожидать, что проснется разум и люди спросят своих вожаков, в какое болото, грязное и кровавое, их завели. Между тем не спросили. Все «образованные» и «передовые» сами считали себя вожаками и пророками «золотого века». Их чувства питались не мыслями трудового люда, а мнимой легкостью достижения «счастья» через кровавую бойню.

Знакомясь со следственным делом декабристов, видишь перед собой носителей тощей книжной мудрости, почерпнутой из французских романов и сочинений французских «проектистов». Новую породу людей, освобожденных от предрассудков, этих пророков передовых учений возвели на пьедестал, прикрывая их нравственную неполноценность пафосом борьбы за светлое будущее.

Что было бы, если бы Буанаротти и Лагарп смогли осуществить свою мечту? Об этом они сказали сами в своих прокламациях: гильотины и пирамиды голов. И что же, с кого, же мы сегодня начинаем историю деспотизма? *С* тех, кто защищал народы от кровавой бойни. *С* тех, кто давал возможность существовать легальной оппозиции, с тех, кто нес слово любви народу: с носителей и идеологов царской власти, с правых деятелей, с черносотенцев.

Кровожадные же звери, мечтающие о массовом убиении, остаются в оценках историков борцами против тирании «князей и священников». Терминология знакомая. Десятилетиями журналы и книги проповедовали ненависть к нравственной чистоте и правде и готовили кровавые события. Русский народ никогда не жил и жить, по-другому не пробовал, как только по-своему, церковной лампадой освещая свой путь, и в таком виде он и подвергся массовому истреблению. Ни на секунду не возникало диалога убеждений и культур. Безграмотность, по выражению Достоевского, «дешевка», — вот весь идейный багаж и наших отечественных преобразователей. Это багаж, доставшийся и нам со страхом, созданным идеологами и практиками террора, перед «черносотенцами», и любовью ко всему, что не наше, не русское, последнее дыхание деградированного сознания оболваненного тоталитарной идеологией русского человека, не любящего своих соплеменников и больше всегобоящегося, как бы не прослыть шовинистом, когда с тебя сдирают последнюю рубашку. Да что с тебя... с твоего ребенка, и отбирают у него кусок хлеба, и посылают этот самый хлеб туда, где он будет гнить и пропадать. Смерть и вырождение своих близких, родных по вине тех, кто усвоил прекрасно «интернациональную фразеологию», чтобы легче было проводить политику шовинизма как раз в отношении русских, обрекая их на вымирание, оказывается, еще не аргумент к тому, чтобы объединить усилия и создать чисто русское национальное объединение по защите прав и достоинства русского народа, прав на землю, свою землю, отобранную в свое время всякого рода интернационалистами, устроившими геноцид кровавый и экономический русского народа.

«Отечественные записки» в XIX веке проповедуют коммунистические идеи. Романы того же профиля с Запада переводятся и издаются. Чернышевский откровенно в подцензурной печати излагает свои взгляды, читатели удивляются и, подчеркивая явно антигосударственные выражения, шлют их в третье отделение. В третьем отделении сидят тоже не дураки и, как выясняется, имеют на этот счет вполне точную информацию. А дело продолжает идти неуклонно к бомбам и револьверным выстрелам в беззащитных людей. Вот яркий пример «царского деспотизма», без которого дело революции не могло бы процветать в самодержавной России.

В точности повторится картина, связанная с французской революцией столетней давности. Те, кто останется в живых и сможет унести ноги подальше, будут искать виновных в «заговоре», следуя роковой традиции безответственности и желанию все списать на случайности. И когда вызванная ими же «закономерность» свершит свой приговор, они так ничего и не поймут и не протрезвеют. Они вслед за Белинским будут думать, что «высшая жизнь народа преимущественно выражается в его высших слоях» и что физиономия русского народа еще только должна появиться, когда эти «высшие слои» приложат к тому свое старание. Но почему-то высшие слои говорили на чужих языках.

Все, что было до них, — туман и тьма. С них начинается история, потому что единственный народ — это они. А те, другие, — это только темное, копошащееся в земле племя. И все, что создало это племя, может принести пользу лишь для досужих рассуждений о деградации народа или величии созданной им культуры — по обстоятельствам. При этом, как мы видели на примере Петровских реформ, сами преобразователи были именно первыми же палачами, разорявшими душу народа. Миролюбивые за столом и в салонах, они обнаруживали такую кровожадность в идеях и такие требования к истреблению во имя счастья, которые никак нельзя было бы заподозрить в них, когда читаешь в их письмах жалобы на здоровье.

Русская жизнь каббалистической доктриной масонства была приговорена к смерти, а русскому человеку предлагалось стать «естественным человеком», как будто русские матери только для того рожали детей, а крестьяне пахали землю и боролись с врагами, а князья только для того проводили свою жизнь в ратных подвигах, а священники учили и духовно окормляли народ, чтобы их потомки могли читать похождения какого-нибудь Грандисона или клеветать на своих ближних, полагая, что в канкане и интеллектуальной игре проявляется любовь к родной земле. Но это не любовь к земле.

Со времен Петра революция уже жила в идейном мозговом тумане наших

отечественных доктринеров и мечтателей, привыкших петь по погудке своих еврейских в западной упаковке учителей. Патриоты по имени, они страстно уверились, что все люди и все народы созданы по одному шаблону и рождены для фраков и концертов. Пришло время, наступили 60-е годы прошлого века, и волна террора покатилась по русской земле, затем наступили события 1905 года. Настоящий террор проливал живую человеческую кровь, меньшинство путем кровавой бойни пыталось навязать свою волю большинству. Но это меньшинство изначально своей мыслью, опытом и творчеством было мертво, книжно, удивительно невежественно.

Невежество делало его фанатичным, но мысль его была убита в самом зародыше убожеством его идеологии. Книжная и отвлеченная, она не знала главной реальности бытия — человека, зато хорошо знала, что хорошо для «масс» и для «истории». Педанты и рутинеры «прогресса», они уверовали, что неумолимая общественная эволюция сделает людей некоей новой породой, ради которой не грех уложить в землю целые народы. Легкомысленные проповеди сопровождались револьверными выстрелами, и уже видны были колючие изгороди лагерей и слышны злобные визги и лай собак, натасканных на людей. Университеты и школы, гимназии и всякого рода закрытые привилегированные училища действительно создавали при царизме непрерывно новую породу людей, но эта порода была оторвана от всяких народных традиций, скудна на веру в Спасителя и выращена на каких-то отвлеченных образцах языческой премудрости и ненавязчивой эротике Эллады. Как гунны, они готовились ворваться в древние земли Московии, чтобы учинить здесь погром варваров, уверенных, что все, что есть тут своего и не укладывающегося в их понятия, должно быть снесено до основания.

В конечном счете, наша либеральная «идейная» интеллигенция с пеленок воспитывалась в погоне за благом всего человечества и имела более чем смутные представления о своей стране. Жалея всех, она считала недостойным для себя пожалеть русского мужика и обрекла его в сердце своем на погибель, а заодно и себя.

Вечный покой вам, все страдальцы, положившие душу свою за нашу родную землю. Вам, замученным в неволе, убитым и искалеченным, но оставшимся верными святым заветам отеческого предания, русским черносотенцам.

1990 год.

ДВЕ ЦЕРКВИ И КРИЗИС ВЛАСТИ

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Прежде чем начать этот очерк, автор чувствует желание объясниться с читателем, как говорили в старину.

Название «Две церкви» не представляется, быть может, удачным, ибо Церковь у нас, православных, одна. Но если иметь в виду, что слово «церковь», согласно богословскому словарю, означает совокупность религиозного учения, священства, иерархии и наличие обрядов, то наименование масонства «церковью» представляется все-таки оправданным. По крайней мере, исторически. Дело в том, что масонство и заявило себя выразителем определенной религии, известной в разных ипостасях — иудаизм, «гуманизма, пантеизм и именует своих членов священниками, которые распределены по иерархической лестнице. Масонство, вторая «церковь», имеет сложную обрядовую систему, призванную приближать адепта к познанию духовных истин. Сама цель масонства — спасти человечество, исправляя и совершенствуя мир на основе «Труда», «Этики» и коллективизма, лишь подчеркивает религиозный характер этой второй «церкви». Масонство заявило себя именно как «истинная церковь», как сила, конкурирующая с истинной Церковью Христовой. Вступающий в нее изначально совершает грех отступничества и принимает новую для себя религию, вступает в новую, «внутреннюю», церковь. Теперь обратимся к истории, уточняя и применяя к ней сказанное.

По существу, единственным положительным началом русской истории, по смыслу основного догмата большинства наших исследователей, является интеллигенция. В тысячах томов разбираются деяния одних и тех же лиц, умевших ловко обмануть царя и цензоров, которые вместе с царем ничего не видят и лишь иногда, прозрев только для того, чтобы заслужить славу деспотов и душителей свободы, вдруг что-то запрещают и что-то вычеркивают, а иной раз и ссылают в Сибирь.

Русь же народная, мужичья — эта Русь осталась за бортом забот и тревог большинства историков, и никто не кается в том, что в течение десятилетий лгал и лгал на эту трудовую и православную Русь.

Она, эта Русь, заслужила реквием. Тем более что не раз и не два предавали и продолжают предавать ее же собственные сыны и дочери, больше всего боящиеся не угодить начальству.

На сегодняшний день наша отечественная история осталась, в сущности, без идеала. С кого делать жизнь — остается без ответа. С Петра I и вслед за ним ломать непокорным кости? Вслед за ним организовать очередную великую стройку города на болоте или проводить ненужные каналы или нужные, но построенные на костях, а не на более стоиком и подходящем материале? Не от этих ли великих строек Петра, не от этой ли дыбы такая любовь у некоторых наших «идеологов» к реформатору и ломателю.

Новая наша история начинается с Петра I и его реформ. Отсюда начинается громадный Раскол всей России. Вся русская литература прошлого века в своих лучших образцах содержит какую-то мучительную попытку вспомнить забытое, восстановить что-то утраченное и родное. Гоголь так и погиб, не смогши осуществить такое восстановление в самом себе. Вкусивши яблоко «гнозиса», русская интеллигенция, воспитанная на франко-немецко-английской литературе, напрочь отвергла русскую национальную традицию, и с Петра I начинается история двух России.

Первым зловещим порождением такой реформы стало духовное подчинение правящего класса России западному влиянию — к тому же не лучших его образцов. Между троном любимого народом царя и народом, в первую очередь крестьянством и мещанством, отныне «стоял чиновный сброд из личных дворян — продажный и лишенный всякого человеческого достоинства класс. Воры, мучители, доносчики, пьяницы и картежники» (Герцен).

Начинается канонически дефективный период правления русской православной церкви. Не скрывая ни на минуту своей неприязни к ней, этому духовному источнику народной жизни, Петр в первую очередь обнаруживает свой реформаторский пыл именно в этой области. Унижение народа он проводил с изощренностью садиста. Мемуары, донесения иностранных дипломатов, проведших в России много лет, документы и письма не оставляют никаких сомнений на этот счет. «Духовный регламент», написанный ловким Феофаном Прокоповичем, запретил держать в монастырях чернила и бумагу. Но чтобы понять все значение только одного этого акта, нужно хотя бы бегло очертить значение русской православной церкви в истории страны.

Учение грамоте во все века и в простом народе до двадцатого века, а для дворян до царствования Екатерины II, осуществлялось через чтение Псалтыря и Часослова, а образование шло через приобщение к обрядам церковным. Язык духовной литературы не знает себе равных, и никакой светский писатель не может сравниться с этим языком по красочности, сочности, глубине и точности выражений, не говоря уже о высоте духовной, которой язык вполне соответствует. В монастырских школах и при церквах дети начинали свое образование в истинах любви и чистоты, борьбы с дурными помыслами, гневливостью, праздноязычием, сластолюбием, корыстолюбием. Следование заповедям церкви было обязательной стезей верующего человека.

Современной интеллигенции хочется иной раз обрести себе интеллектуальное пристанище, некий философский декорум своей пустой и бессодержательной жизни, и она хочет найти его на путях некоей «борьбы за Россию», как себе ее представляет, обращает свой мутящийся взор в сторону куполов с крестами, но, как правило, не входит туда и. просто сказать, боится Церкви, чувствует себя там неудобно, неловко и быстренько садится за книги — главным образом о «масонах» и «сионистских происках».

Горько и обидно видеть, как загораются у хороших и искренних молодых людей глаза на разного рода литературу по этой теме и как тускнеет взгляд их при первом знакомстве с теми же «Житиями святых, в державе Российской просиявших».

В тяжелую годину нашествия монголов церковь стала единственным источником и политической, и духовной жизни страны. Слова Серапиона Владимирского, обращенные к христианам-соотечественникам, и по сию пору могут и должны служить образцом подлинной любви к своей земле. Московская Русь не знала политиканства, у церкви не было своих особенных интересов, интересы были общие для всей земли.

Русские святители создают русскую государственность своим нравственным авторитетом. Кругозор церковных владык шире кругозора князей, и сквозь единство церкви святители видят и единство Руси. Духовенство никогда не было замкнутым сословием, в массе своей оно состояло из детей хлебопашцев. Но не в этом даже дело. В конце концов и дворянство в России не было в массе своей родовым и имело немало выходцев из крестьян же. Все Петровы. Яковлевы, Матвеевы были именно из разбогатевших крестьян, ставших купцами, выучивших своих детей, отдавших их в службу.

Сама жизнь церкви не могла знать сословий. Бывший князь или боярский сын, с топором в руках или с бороной, месящий раствор или кладущий стену монастыря. — фигура довольно типичная.

Русь собиралась и крепла в самых тяжелых испытаниях, и только нравственная сила, направляющая народ, помогла ему не исчезнуть, не поработиться духовно, а выжить и задолго до политического освобождения своего привлечь на свою сторону самих поработителей. Татары уходили из Орды на покоренную Русь, принимали крещение и становились ее сынами. Никто в то время не призывал к дружбе народов и тем более к смешению народов. Татары оставались татарами, черемисы — черемисами, мордва — мордвой, и все просились под высокую руку Москвы.

Сила церкви была так велика, что русские, платя дань, чувствовали свое превосходство над язычниками-захватчиками. Попытка Орды вовлечь русских в свою политику захватов кончилась неудачей. Основанная в самом Сарае —

столице Золотой Орды — православная митрополия со своим епископом выкупала пленников и нравственно воздействовала на самих ордынцев.

Как и все в государстве, церковь, имея силу и авторитет, не имела прав. а имела только обязанности, которые она сама вменила себе во исполнение своего высокого долга. Одной из таких обязанностей, например, было печалование за обиженных властью. Говорить правду князьям и царям монахи, блаженные, митрополиты, а потом и патриархи считали своей прямой обязанностью. Если же не желали этого, назывались потаковниками. Власть светская в лице церкви имела сильного ограничителя своего произвола, и именно наличие двух властей делало Московскую Русь невероятно крепким государственным и духовным организмом. Царь не мог безбоязненно переступать определенную черту, за которой народ, находившийся всегда рядом, воспринимал бы его как безбожного деспота. Именно таким нарушителем оказался Лжедмитрий I, и его конец известен всем. Это он поразил москвичей тем, что не соблюдал постов и даже свадьбу решил устроить в постный день.

Митрополит Филипп, презрев всякий страх, при всех в соборе сказал царю Ивану IV правду о нем и поплатился своей жизнью. Пример не единичный! По мысли русских людей, «земля правится не судьями и воеводами, а Божьим милосердием, всех святых молитвами, родителей наших благословением, а напоследок и нами...»

Вдохновленные благим помыслом принять монашество, юные отроки из крестьян и боярские дети уходили в монастыри, в аскетических подвигах осуществляли идеал Христовых заповедей. Днем — труд, ночью — молитва. сон не более трех часов, скудная пища, холод и голод — в таких условиях выковался руководящий костяк русской православной церкви.

Вся русская жизнь сверху донизу была проникнута одним началом — жить по-Божьи, по Божьей правде, по совести, жить всем вместе и дружно делать одно дело. И по ею пору люди говорят у нас: «не по-Божески это» или «вот это по-Божески».

Живое чувство не поддавалось правовым нормам, на что теперь так часто указывают люди, далекие от духовного понимания жизни русского человека и его государственного идеала, который он осуществлял. Этим идеалом и была высшая правда. Хорош ли был идеал?

Маленькое племя, не имея никаких природных защитных образований, имея у себя под боком воинственные кочевые племена, пережившее батыево нашествие, унесшее, как считают историки, не менее 75% всего населения, имея на западе соседей-крестоносцев, не просто выжило, но создало громадное государство, дошло до Гималаев, до Аляски и Сан-Франциско, основывая везде свои поселения и неся с собой духовный завет отцов своих.

Этот факт во всей своей совокупности не получает осмысления, а именно в нем между тем находится большая тайна.

Обычно в среде интеллигентов начинают размышления с момента основания Петербурга и рассуждений о темноте и невежестве русских. Мало того, что такой взгляд усвоен некритически от недоброжелателей русского народа, но такой взгляд не историчен по самой своей сути. Начинать надо не с середины, а с начала.

Ведя непрерывные боевые действия на южных и западных границах, уносившие тысячи человеческих жизней. постоянно отвлекавшие силы страны от созидательного труда, мог бы «отсталый» народ, с «ленивыми» боярами, то есть офицерами армии, осуществить то, что он осуществил, пережить Смутное время, быстро восстановить разрушенную структуру общества, всей землей установить новую династию царей, восстановить границы государства, присоединить Малороссию, вернуть Смоленск, восстановить и продвинуть южную засечную линию, колонизуя степь и не защищенные от крымских татар земли, построить десятки городов и продолжить освоение Сибири?

Какой народ совершил подобное? Восторженные поклонники мушкетеров и куртуазных обычаев трубадуров и миннезингеров, под песни которых шла жизнь европейских народов, страшатся смотреть на грандиозные деяния русских людей.

Интересно сопоставить два взгляда на роль русского боярства в осуществлении его политики и государственной жизни.

«Собственно, в прежнем своем состоянии исконного боярского бездействия, невежества и самодовольной спеси Россия никогда не пробилась бы к Балтике, она обрекла бы себя на утрату независимости» (Н. Молчанов. «Дипломатия Петра I». М.. 1984).

А вот что пишет другой автор: «Итак, бояре в XV-XVI веках... Государевы служилые люди, хотя и высокого ранга. С молодых лет они участвуют в многочисленных войнах, которые вело Русское государство. Сабельный бой конных отрядов в средневековой битве, где не было ни отдаленных командных пунктов, ни дальнобойной артиллерии, уравнивал перед лицом опасности воеводу и его подчиненных. Пожалуй, для воеводы риск порой был даже большим: в решающие мгновения он должен был оказаться впереди — во главе своего полка. Именно на воеводу старался направить свои удары неприятель: его убить и выгоднее для победы, и престижнее. В родословиях боярских родов при многих именах стоят пометы о гибели в той или иной битве. Потому, верно, трудно было сыскать боярина без шрамов от боевых ран. Видимо, воинская доблесть входила важнейшим компонентом в систему ценностей бояр. До нас не дошло даже сообщений о том, что, мол, такой-то боярин струсил в сражении.

Среди воевод было немало талантливых военачальников. Князь Ми-хайло

Иванович Воротынский создал первый в России устав пограничной службы, организовал охрану рубежей от набегов крымских ханов».

Этот Воротынский блестяще разгромил войска хана Девлет-Гирея и спас столицу. Боярину князю Юрию Ивановичу Шемякину-Пронскому было всего около 20 лет, когда, командуя семитысячным отрядом, он первым ворвался в Казань и обеспечил победу русских войск при взятии этого города войсками Ивана IV. Блестящему полководцу Скопину-Шуйскому, одержавшему прославившие его победы над интервентами, было всего 23 года.

Святители русского народа митрополиты Петр и Алексей стали его вечными заступниками. Митрополит Алексей был духовником преподобного Сергия Радонежского, а сколько учеников имел преподобный, трудно и перечислить. Во все уголки русской земли шли они, основывая монастыри и служа делу духовного строительства государства.

Наступление светской власти на духовные основы началось еще до Петра. Оно выразилось уже в принятии Уложения 1649 года, которое установило в землях монастырских общегосударственную юрисдикцию. Между тем, лишаясь высших целей, государство лишается и нравственного оправдания своего существования. Петр терпеливо ждал смерти патриарха Адриана, последовавшей в 1700 году. Москвичи, глядя на деяния Великого, полагали, что он не сын царя и царицы, а взят ею взамен дочери, которая у нее родилась, у какой-то немецкой семьи. Ненависть Петра к исконным русским обычаям, была очевидной, и Петр не упускал случая ее продемонстрировать.

Что-то невероятно болезненное, глумливое слышится и видится во всех действиях царя. Кощунственные обряды «Всешутейшего собора» с его дикими оргиями, без которых Петр не мыслил себе жизнь, издевательство над своими приближенными... Петру доставляло какую-то радость видеть людей в скотском пьяном состоянии, и он спаивает даже стариков, кого-то раздевает догола, кому-то плюет в лицо, кого-то избивает палкой, издеваясь даже над царским титулом и над собой. Все его правление — это какой-то маскарад цинизма, извращений, издевательств над людьми. Даже протокольная запись в хронографах придворных, приведенная академиком М.М. Богословским, приводит читателя в недоумение. Он любит мать, у них, по-видимому, хорошие отношения, но он приезжает на полчаса к ней, умирающей, и, хотя ясно, что ей остается жить минуты, уезжает на какую-то пьянку к какому-то «немцу». Он не пришел на похороны своего сына-первенца, а отправился опять-таки куда-то в Немецкую слободу — и это при том, что он очень любил бывать на похоронах! Издевательства над собственным сыном Алексеем вполне согласуются с издевательством над народом.

«Он много сделал для России!» Может быть. Но не для русских. Культ Петра I созревал так же, как культ Сталина или Цезаря, как любой культ, в котором кто-то заинтересован. Маленькая прослойка чиновников уже после его смерти, но по приказу наследников Петра, начинает курить ему фимиам. Первой реакцией, однако, «птенцов» Петра, разграбивших напрочь Россию (один только светлейший украл у русского народа 5 миллионов рублей, которые он положил в заграничный банк, а эта сумма была равна годовому доходу государства!), были просьбы ослабить налоговый гнет, причиной которого служили преобразования их благодетеля — страна обезлюдела, население Центральной России сократилось на 25-40 процентов.

Сохранились бесчисленные докладные записки о бедственном состоянии государства, невероятных тяготах налоговых, вымирании населения до такой степени, что не из кого было набирать рекрутов, развале экономики. Тяготы усиливались умышленно. Разорение монастырей привело к уменьшению доходности с их земель и соответственно к увеличению налогов на крестьян. Монастыри издавна служили богодельнями для увечных, одиноких, старых и немощных, бедных вдов с детьми. для сирот. Теперь их содержать было некому, и дороги Руси были забиты несчастными, просящими подаяние. Их преследовали, вылавливали и в конце концов сгнаивали бездарно и жестоко на какой-нибудь великой стройке в болотах или степях.

В России до Петра каждый человек был дорог и нужен. Отстаивали честь православных россиян все. и каждый знал свое место. Иначе не выстояли бы. Теперь, когда соседи были потеснены. Польша находилась в периоде смуты и грозить самостоятельности России было некому. Петр решил сыграть роль агрессора. Герцен охарактеризовал Петра как якобинца и писал, что в одном его лице был представлен весь якобинский конвент, а Маркс писал, что Петр Великий «сочетал политическое искусство монгольского раба с гордым стремлением монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира».

Надо отдать должное многим нашим историкам, которые парят мыслью в метафизических абстракциях, с высот которых кажутся несущественными нравственные аспекты, а виден один только безудержный прогресс. Им виден сплошной мрак невежества Московской, допетровской Руси, выпячиваемый ими для удобства их теоретических конструкций — и такой взгляд на русскую историю характерен уже для первых шагов русской интеллигенции в лице первых наших просветителей.

Начало положил Феофан Прокопович. который упрямо доказывал. что до Петра на Руси не умели ни читать, ни писать. Были попытки, и не раз. обличить во лжи Феофана, но и Петр. а потом и Бирон стояли за своего любимца насмерть.

Одна из наиболее трагичных страниц русской истории — раскол. Это были страшные годы — 1666 и 1667. Нераскаянные противники церковных

преобразований и новопечатных книг были преданы анафеме и сосланы в дальние ссылки. В 12-ти статьях указа 1685 года раскол был совершенно запрещен в государстве — раскольников же было ведено ловить и жечь, хотя бы они и покаялись, за пристанодержательство раскольников виновных бить кнутом.

Бояре, давно мечтающие вырваться из-под стеснительной нравственной опеки церкви и получить возможность жить по «полной своей воле». а потому смотрящие умильным взором на шляхетскую Польшу, начали систематические происки против патриарха Никона. Мирское начало повело наступление на начало духовное, на «царство не от мира сего». Не случайно боярин Стрешнев, один из главных зачинщиков «дела» против Никона, был одним из главных инициаторов ликвидации патриаршества вообще и, выражая мнение большинства из окружения царя. подал соответствующую мысль Петру, который долго не решался на такой шаг. Со смерти последнего патриарха Адриана (ум. в 1700 г.) прошло 20 лет — и был образован Синод... Делами церкви должен был распоряжаться кавалерийский офицер, обер-прокурор Синода.

С Петра начинается эпоха терпимости и даже привилегированности протестанства. страшных гонений на раскольников и систематического унижения русской православной церкви. Народ был оскорблен в самих своих истоках, а Петр заклеймен как вероотступник и просто антихрист.

Известно, что среди великорусских иереев не нашлось ни одного, кто согласился бы играть роль гонителя православия, и Петр обратился за помощью к малороссам, получавшим духовное образование по образцу иезуитских школ. Многие из них, в том числе Феофан Прокопович, и просто учились в этих школах, предварительно отрекаясь от православия. К концу XVIII века «критические элементы» официально торжествовали победу.

Любая борьба с церковью опирается на определенное вероучение. Новый ковчег завета был обнаружен «критическими элементами» боярского вольномыслия в Немецкой слободе. «Это была передовая колония, — говорит исследователь, — которую Запад выдвинул в самое средоточие русской жизни и с помощью которой знакомил Россию с увлекательными диковинками своей цивилизации, мастерствами и различными нужными для жизни знаниями».

Иностранец — фигура и до Петра отнюдь не редкая на улицах российских городов. Много немцев и итальянцев было занято на строительстве церквей, служило в армии, торговало. Кроме того, аптекари, цирюльники, хирурги, часовщики, ювелиры, стеклодувы, рисовальщики — были по преимуществу иностранцами. Каждый жил своим обычаем и исповедовал ту религию, которую хотел. Они имели полную свободу вероисповедания. У лютеран в конце XVII века было две церкви, одна из них в городе, но поскольку женщины там часто дрались за лучшие места, что приводило к безобразным сценам, она была закрыта. У кальвинистов тоже была церковь. Относительно нравов самой Немецкой слободы есть свидетельство посетившего Москву в 1684 году Шлейсинга. Он пишет, что среди немцев, натурализовавшихся в России, много «беспутных птичек», которые ведут «дурную, порочную жизнь».

Русское общество и государство не стояли на месте и не могли стоять. Россия развивалась, необходимое перенимала, в чем-то отставала от европейских стран, в чем-то их опережала,

Началось «западное поветрие», свидетельствуют русские историки. Но это было не поветрие, это был разрушительный ураган, подготовленный не во имя интересов народной жизни, а во имя боярской верхушки, на совести которой — смутное время. Это они спровоцировали в свое время польскую интервенцию, вызвали к жизни Гришку Отрепьева. настоятельно рекомендовали польским магнатам поддержать беглеца и выдать его за царевича Дмитрия, они ввели польскую шляхту в Кремль. Но тогда они поторопились. Тогда для них еще не настало время. Программа шляхтичей-бояр была осуществлена только при Петре. Тогда на их пути встали патриархи Иов, Гермоген. все русское духовенство и весь русский народ. Митрополит казанский Ефрем, тверской архиепископ Феоктист, суздальский епископ Галактион, новгородский Исидор, коломенский Иосиф — потаковниками не оказались. «Благословляю всех, — говорил патриарх Гермоген полякам, у которых находился в плену, и боярской знати, — довести начатое дело до конца, ибо вижу попрание веры от еретиков и от вас, изменников, и разорение святых Божиих церквей, и не могу слышать пения латинского в Москве».

В своей грамоте, посланной по всем городам из Москвы, патриарх Гермоген писал: «Здесь образ Божией Матери, который святой Лука написал. Здесь великие светильники и хранители — Петр, Алексей и Иона чудотворцы. Или вам, православным христианам, все это нипочем?»

Нравственный и духовный вред наносит непоправимый ущерб народу — и в том числе экономический. Нравственное разложение ведет к экономическому упадку. Человек может и будет работать только в условиях честности, правды, достойного вознаграждения и нравственного оправдания своей и государственной цели. Вне этих условий никакая предпринимательская деятельность невозможна. В отдельных исследованиях уже говорилось, что Петр не европеизировал страну, если не считать таковым замену одежды и языка правящих сословий с русского на немецкий. а отбросил ее экономическое развитие назад на много-много лет. В то время как все страны шли по пути освобождения крестьян и образования промышленного и торгового сословия, по пути замены физического принуждения на экономическое, реформы Петра пошли в прямо противоположном направлении и закабалили все сословия.

Купечество при нем исчезло вовсе. Таким образом, Петр следовал по пути установления административного террора, сдерживания производительных сил страны. Этот административный террор был возможен только через устранение сдерживающей беззакония чиновничьей братии духовной силы в лице русской православной церкви — выразительницы всех сокровенных чаяний русского трудового люда. мещан и купцов, крестьян и стрельцов.

Ведь по-нормальному, по-человеческому, а не по-скотскому человек живет не для того, чтобы набить брюхо или потирать и почесывать часть тела, успокаивая зуд, как полагал Т. Мор. И не для того. чтобы с радостью созерцать все увеличивающееся количество пушек и кораблей. Ведь любые технические достижения нужны для чего-то, а не сами по себе. Иначе следует согласиться и с «великим мудрецом» недалекого прошлого, что человек — это есть приставка к машине, «колесико и винтик». Но приставка к машине машину делать не будет.

Это духовное и нравственное начало и подверглось разгрому — и отнюдь не в интересах экономического прогресса. Уже в наши дни хорошие исследователи, имея в руках громадный исторический, купленный ценой крови миллионов загубленных жертв всякого рода петровских и а-ля петровских преобразований материал, доказали с цифрами в руках, что все промышленные предприятия, отданные Петром в руки казенного сектора, были крайне непроизводительными, продукция их была низкого качества, а себестоимость высока. Уральские металлургические заводы в частных руках давали прибыль, а управляемые чиновниками — приносили одни убытки. Да иначе и быть не может. Чтобы сбросить ярмо петровских реформ и развязать руки экономике, понадобилось со смерти Петра 136 лет. На самом же деле это ярмо стало вечным проклятием русской жизни, ибо закабалило умы русской интеллигенции, оторвав ее от живительного родника национальной Традиции.

25 августа 1698 г., за пять дней до Нового года, в котором должен был обнаружиться антихрист, вернулся из заграничного путешествия Петр. Стрельцы хотели загородить ему дорогу и истребить и немцев, и самого Петра. Не удалось. Петр, приехав в Москву, в Кремль не поехал, Иверской и московским чудотворцам не поклонился, а сразу поехал к любовным утехам Анны Монс. Затем пировал у Лефорта, затем в казарме в Преображенском — и совершенно напрасно историки приписывают Петру, что он денно и нощно пекся о благе государства. Пьянки, пиры самые непотребные занимали немало времени и отнимали все больше здоровья. По мнению москвичей и петербуржцев, царь и умер-то оттого, что перед своей болезнью много пил. А пил он, видимо, действительно много. Были и другие излишества, и, возможно, напрасно приписывают его смерть неким происка м «петровских птенцов».

На следующий день Петр начал стричь бороды. Над оправданием этого издевательства над человеческим достоинством много поработала мысль «прогрессивных» историков и художников! Через несколько дней началась расправа над несчастными стрельцами. Царь лично ломал ребра, выкручивал руки, рвал зубы и ноздри, жег живое тело несчастных и, весь в крови, выходил из приказа, требуя от своих «птенцов», чтобы они непременно приняли личное участие в пытках. Затем ехали пировать. Гуляли всю ночь.

То, что царя подменили немцы — мнение было всеобщее. Он не скрывал своей неприязни к греческой церкви, которую «советники» уговаривали просто ликвидировать и заменить на лютеранскую. В 1690 году умер патриарх Иоаким. В своем завещании он умолял правительство не допускать до поругания православной веры, говоря, что в ней и только в ней сила страны. С ней она стала великой державой, победила врагов и теперь должна укреплять христианство по всей земле своей.

В 1703 году умер Митрофан, епископ Воронежский, немало помогший Петру в строительстве флота на реке Воронеж для войны с турками. Он помогал несчастным, согнанным сюда мужикам, голодным и больным, давал деньги нуждающимся православным и иноверцам, но постоянно подчеркивал опасность дружбы с теми, кто попирает святыни.

В 1721 г. 14 февраля состоялось открытие духовной коллегии, получившей громкое наименование правительствующего Синода (в составе президента, двух вице-президентов, четырех советников и четырех асессоров). К Синоду приставлен был обер-прокурор, которому были подчинены прокуроры духовных приказов и духовные фискалы или инквизиторы, рассылавшиеся для надзора за духовным управлением по городам и монастыря.

На кого мог Петр опереться в своей церковной реформе? Самозванец оперся на грека Игнатия. Петр же не нашел ни одного иерарха среди великорусского духовенства, который согласился бы стать марионеткой в его руках!

Еще в 1690 году большая часть книг, изданных или написанных в Малороссии. подвергалась опале в Москве, а ученик Полоцкого Медведев — образчик киевской учености — оказался замешан в смуте, и перед смертной казнью ему не преминули напомнить, что он прельщался «киевскими повотворными книгами».

Священники Малороссии обучались по западному образцу. а иногда и прямо в западных, преимущественно иезуитских, учебных заведениях Польши, а то и Италии. Среди них Петр и нашел людей, которые не надоедали ему печалованиями за обиженных и опальных. как делали это Иоаким и святой Митрофан Воронежский и как это было в обычае у иерархов церкви. Среди малороссийских иерархов было много людей покладистых и готовых услужить. Петр и воспользовался ими. С этого времени все руководящие места в церковной иерархии занимали только малороссы — вплоть до второй половины

царствования Екатерины II.

Начался погром русской церкви. В изданном в 1724 г. «Объявлении и звании монашеском», написанном учеником иезуитских коллегий Феофаном Прокоповичем, содержалась резкая критика монашества. В постановлении о монашестве, содержащемся во второй части прибавления к «Духовному Регламенту», значилось, например, такое постановление: «Не принимать в монахи ниже тридесятого году возраста. Женщин моложе 50-ти не постригать. Скитов пустынных строити не допускати. Монахам никаких писем, как и выписок из книг, не писать, чернил и бумаг не держать». Совершенно очевидно, что уже этим постановлением новая власть обнаруживала не столько стремление к какому-то просвещению, сколько к просвещению антихристианскому. Отныне большая часть народа обрекалась на самую элементарную безграмотность (известно, что грамотность среди народа после петровских реформ резко упала, даже и через сто лет не достигнув уровня допетровских времен).

«Таким образом, при Петре русское образование слагалось из двух стихий — киевской учености, перенесенной из Польши, и европейского просвещения, заимствованного из Голландии, Германии, отчасти Англии. Франции и даже Италии» (П. Пекарский. «Введение в историю просвещения в России XVIII столетия»).

Монашество — это цвет русского православия, его, так сказать, нерв. Это высшее осуществление идеалов христианства. И это прекрасно сознавали как Петр, так и его недобрые помощники. Отсюда столь тщательно продуманные меры по разорению монастырей — единственных духовных источников русской ряды становились лучшие из лучших сынов и дочерей русского народа. Последовательными указами Петра I и его преемников монастыри были приведены в крайне запущенное состояние. «Монастыри обезлюдели с отнятием земель и вотчин. Богатые обители обеднели до крайности, а средние закрылись. Во многих монастырях церкви стояли без глав и крестов, крыши их прорастали мхом, кельи, подкосившись в сторону, стояли на подпорах, ограды были полуразрушенными» («Чтения Общества любителей духовного просвещения», 1883). В монастырях доживали престарелые и больные, а теперь все разбрелись и монастырь закрывался.

Нравственность народа понизилась, увеличилось число всевозможных сект. Монашество было обескровлено, оно лишилось своего нравственного авторитета, и. обездоленное, являло собой картину распада. Появилось массовое бродяжничество и пьянство. Новые пастыри весьма способствовали этому развалу.

Уже при Екатерине II келейник митрополита Гавриила — одной из центральных фигур возрождения русской национальной духовной традиции — архимандрит Феофан писан по поводу возобновления Тихвинского монастыря: «Малороссы меня не любили и вот за что: прежде монастыри вверялись им — всех малороссиян определяли в архимандриты — и все монастыри опустели. Преосвященный тужил о сем и пекся о их исправлении, спрашивал меня о духовных старцах, нет ли мне известных, годных для сего. а я говорил ему о всех своих знакомых, с которыми вместе жил у старцев в послушании, перетаскивал их в Петербург. Например вот отца Назария. отца Игнатия, отца Иону и прочих». Благодаря митрополиту Гавриилу и его келейнику были восстановлены монастыри: Тихвин, Валаамов. Симонов в Москве, в котором до того размешались казармы, Песношский, Клопский, Новоезерский и основан петербургский Новодевичий (Концевич И. М., 57).

Может показаться удивительным, но грамотные выученики иезуитов способствовали разорению обителей, а неграмотные, вернее, неученые выходцы из самых что ни на есть глубин русского народа чернецы — восстановили обители. «Ученые» не имели, как правило, иноческого воспитания, не были аскетами и поэтому не имели никакого авторитета среди монахов и народа.

Понятно, что уже при Петре в народе было распространено мнение, что католики сделались членами Синода и теснят русских, себя обогащают, а с народа взыскивают последние копейки.

С Петра начинается кризис власти. Правящая верхушка усваивает безбожие и веру в земные награды как единственную цель человека. Для осуществления реформы и ее дальнейшего продвижения во все уголки русской жизни требовались люди, чуждые национальным интересам страны. Петр призывает и образует иностранный легион, по существу, колонизаторский. Он зазывает всякого рода проходимцев, платит им заработанные русским православным людом деньги, на эти деньги он содержит громадный клан всякого рода авантюристов и насильно внедряет аморальный образ жизни.

В то же время царь мог считаться царем только в том случае, если он признавался защитником православного учения и христианского благочестия. Собственно в этом и была его царская функция, и это утверждали законы Российской империи. Народ оставался православным и никаким другим. Царь был «помазанником Божьим» — и это его отличало от деспота, тирана и просто монарха. Слово «монарх» не покрывает понятие царя, ибо означает всего лишь «власть одного». Царь же считается прежде всего верным сыном церкви и ее охранителем. В соответствии со Сводом законов Российской империи (т.1, ч.1, ст. 42): «Император, яко христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов веры и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния».

В другом варианте власть русским народом не мыслилась. Историк пишет, что «народ не уважает аристократию и любит только царя». Перед царем

русский человек благоговел — а все генералы, министры, князья и помещики получали в глазах народа свое значение только как царевы слуги.

Полностью искоренить влияние церкви светская власть в то время не могла. В то же время, более чем наполовину высшие посты в государстве были заняты «фонами» и «сирами» — и эта ситуация практически не менялась столетиями. Характерным эпизодом, задавшим тон на последующие годы, стало запрещение к печатанию «Камня веры» Стефана Яворского, так как в ней содержалась защита вероучительных основ православия и обличение протестантского учения.

Петр свято уверовал не просто в немцев, а в некий «естественный закон» и «естественную религию». Он приказал перевести на русский' язык сочинения творцов этих новых догматов Просвещения (Гуго Греция и Пуфендорфа). Безличный Бог монотеистов, он же Великий Архитектор, Великий Мастер деистов и масонов, стал предметом исповедания западных интеллигентов-просветителей. Природа есть продукт, изделие этого Мастера. Деизм сомкнулся с пантеизмом. Бог деистов не мог воплотиться в человека, к нему бесплодно обращаться в молитве, ибо он далеко и он — ничто, так как не имеет ни лица, ни воли, ни сознания. Природа создана им и, познавая его законы, мы познаем это Ничто, создавшее законы, которые правят миром и изменить которые не в силах был бы и сам Творец. Это умозрение начисто отрицает церковь.

Историки масонства именно с Петра начинают историю Ордена Вольных Каменщиков в России. В пантеизме, новом вероучении, принятом европейской интеллигенцией и нарождающимся русским чиновничеством с легкой руки Петра, природа — это океан, клокочущий, огнедышащий, бурлящий, пронизанный космическими вихрями куда-то летящих духов — страшных и властных, обладающих громадными стихийными силами и глубокими тайнами мироздания. Рядом с нами — и духи умерших, переселение душ и их воплощение вновь и вновь в новые тела до тех пор, пока эти души не станут настолько «сознательными». что приобретут независимость от тела. Все это стало краеугольным камнем тайной стороны учения пантеизма и, соответственно, масонства.

Дыханием этой природы охвачен маленький островок человеческой культуры с ее надуманными «предрассудками» — в таковые попали национальные разделения, народные обычаи и традиции, сами национальные государства, сословия и, конечно же, религия Христа.

Только магия, оккультные науки с их знанием знаков и символов могут открыть подлинный смысл этой вечной природы и дать достойному возможность войти уже при жизни в мир духовных сущностей, узнать тайны природы (в том числе и человеческой) и получить власть над ней, а значит — над человеческим обществом. Герметические науки становятся главным предметом забот вольных каменщиков.

При Анне Иоанновне веротерпимость сделала еще шаг: всякая полемика против протестантства, обвинения в ереси рассматривались правительством как государственное преступление. Было запрещено появляться на улице с образами и святой водой, запрещены крестные ходы, закрывались часовни. За рассказы о чудесах и видениях назначалось телесное наказание, вырывание ноздрей и ссылка на галеры... Петр начал создавать новую породу людей — ни на кого не похожую. Именно в это же время был напечатан в Англии и первый масонский катехизис (1723), провозглашавший культ «просто человека», всечеловека — без имени и национальности, государственной принадлежности и исповедывающего «естественную религию».

Но до «всечеловека» еще далеко, а церковь рядом. Борьба ведется на всех направлениях — то усиливаясь, то несколько ослабевая. Попытки обличить Феофана Прокоповича, отрицающего церковные таинства, успехом не увенчались. Возникло дело Радошевского, написавшего «Житие еретика Феофана Прокоповича». Услуги Феофана оплачивались правительством хорошо. Он имел при Бироне 16.000 крестьян. 4 дома в столице, получал громадные доходы со своих имений и жил в роскоши вельможи, в то время как подавляющая масса священников и монахов питалась впроголодь, была разорена тяжелыми налогами, подвергалась гонениям со стороны правительства. Только при Бироне 6.557 священников было подвергнуто битью кнутом и отдано в солдаты.

При Екатерине II преподавание Закона Божьего в школах было значительно затруднено, поскольку по либеральному воззрению правительства, клявшегося в верности Великому Архитектору Вселенной, греко-православное учение есть суеверие, полезное только для сдерживания темных крестьян и мещан в рамках подчинения мудрым либералам. Издание наиболее почитаемой русским народом житийной литературы было практически запрещено до конца правления Екатерины II. Зато только с 1780 до 1801 года произведения одного Вольтера выходили 69 раз, а Руссо, а Дидро...

Начиная с Петра нарождалась своя, доморощенная интеллигенция, обучавшаяся каббале, алхимии и вызыванию духов умерших, она постигала сложнейшую символику и выходила на арену культуртрегерства с уверенностью в своем призвании учить невежественный народ уму-разуму.

Кажется удивительным следующий психологический феномен. Многие из представителей интеллигенции жили весьма недурно, печатали противоправительственные сочинения и бесконечно жаловались на тиранию царизма, на деспотию власти. Сами же при этом со спокойной совестью планировали зарезать в случае прихода к власти кто 100 000 человек, кто больше. Князь Щербатов рисовал в своем государстве будущего («Путешествие

в страну Офирскую») такую идиллию, которая очень напоминает нашу страну в 30-е годы. Даже Белинский бредил гильотиной и горой отрубленных голов. Молодой Пушкин полагал необходимым зарезать как раз 100.000 человек ради светлого будущего, и никто их не сажал в тюрьму, никого из них не казнили, они получали немалые доходы — кто от сочинительства, кто от имений — и все дружно жаловались на деспотию. Так в чем же дело?

Вернадский подсчитал, что только по сохранившимся спискам масонов времен Екатерины II не менее трети всех чиновников состояли в ложах. Во времена Александра I только в списках одного объединения — «Астрея» — и только в Петербурге, числилось 1500 человек. В ложах обучались наукам, искусствам, создавали устойчивую традицию отношения к тем или иным веяниям моды.

В ложах читали лекции, держали экзамены по самым различным дисциплинам — оккультным наукам, философии, занятия которой поощрялись. Человек, произнося клятву верности ордену, тем самым отлучал себя от православной церкви, полностью порывал с национальными традициями и становился членом другой церкви с поклонением другому богу — Великому Архитектору, Иегове.

Этот неизбежный инфернальный аспект масонства как-то проходит мимо исследователей его истории. Масонство изначально претендует на власть — и политическую, и духовную, и учит своих адептов рассматривать все земные, наследственные, национальные власти как временные, узурпировавшие власть, которая непременно будет отнята у них Орденом, ибо только он является законным претендентом на обладание миром. Отсюда эта устойчивая раздраженность интеллигенции по поводу царского престола и по поводу православной церкви.

С Петра и во все последующие годы церковь остается на положении то явно гонимой, то едва терпимой. Духовное образование было поставлено после Петра таким образом, чтобы воспитать скептиков, маловеров и просто невежд. Духовные училища, семинарии были только по названию духовными. В семинарии только на последнем курсе преподавалось Богословие, но до этого курса доходили немногие, ведь уже после окончания философского класса (1 год) можно было поступать в университет. В результате, как пишет в своих воспоминаниях Н.Гиляров-Платонов, многие учащиеся и училищ, и семинарий не знали ни Катехизиса, ни Закона Божьего, ни Литургии, и духовно-нравственный смысл христианства оставался для многих из них закрытым навсегда. Зато практиковалось насмешливое отношение к священническому сану. Параллельно этому шло пьянство и прочие непотребности.

Однако в то время, как интеллигенция все больше и больше разрывала со свои народом и упивалась идеями всеобщего и насильственного обобществления всего и вся, русский человек шел в церковную ограду. Больно и радостно читать о тех русских людях, кто в самые тяжелые годины испытаний в 1918-1919 гг., когда повсеместно зверски убивали священников и членов их семей, принимали посвящение в сан и становились мучениками.

Незадолго до событий 1905 года либеральный журнал «Новый путь» сделал такое признание: «Русская церковь народна. Она не покидала народа среди всех его унижений и в трудные времена крепостного права была с ним. Она дала его гражданскому терпению религиозный смысл особого жертвенного делания. Она спасла его с одной стороны от бунта, с другой — от отчаяния. Его душевный вопль обратила в молитву... Жажду освобождения вправила в надежду на Бога. Церковь, а не что-либо иное, была главной причиной того, что освобождение от крепостного права было принято народом честно и с достоинством. Ни правительство, ни войско, ни земство, ни наука — просвещение, ни литература — ничто в России так не народно, как церковь. Интеллигенция не видит, не понимает этого. Несмотря на все желания и положительные усилия войти в народ и повести его за собой, она все-таки чужда ему. Рознь между ними не житейская и бытовая, а духовная. Интеллигенция до тех пор не найдет доступа к сердцу народа, пока не уверует в его Христа и не приобщится к жизни церкви».

***1990* год.**

РУССКАЯ ПРАВДА И ЕРЕСЬ УТОПИЗМА

Посвящая все свои силы бесконечной, никогда не завершаемой задаче обуздания, подавления, разрушения исконных основ мирового бытия, спасители мира становятся его заклятыми врагами и постепенно подпадают под власть своего естественного водителя на этом пути — духа зла, ненависти, презрения к человеку. Богоборческая антропократия роковым образом вырождается в демонократию, которая ведёт не к спасению мира, а к его гибели.

С. Л. Франк.

ВВЕДЕНИЕ

Данный очерк посвящен вопросу формирования идей утопизма в русском обществе под влиянием гностико-каббалистических доктрин, исповедуемых в «первых объединениях» русской интеллигенции — масонских ложах, развернувших в полную меру свою деятельность в конце XVIII в. и сделавших своим центром Москву, по преимуществу — ее университет.

Занятия в ложах включали не только теоретическое усвоение тех или иных сторон каббалы, но и ее практическое усвоение, а также давали в легендах и обрядах, в которых участвовали все ее члены, постижение истин эзотеризма, характерное для мифологии древнего язычества.

Мифологизация мышления глубоко укоренялась в глубинах личности и формировала ту первичную матрицу восприятия и мышления, самую общую систему ориентиров и ценностей, которая неуловимо определяет все направление сознания и деятельности человека, а в конечном счете и самого общества, подвергавшегося такому воздействию.

Эзотеризм масонских лож не мог не сказаться самым решительным образом на всех сторонах культурной жизни русского общества: в искусстве, политике, социальной сфере, религиозной и даже на уровне семьи, личных взаимоотношений в обществе. Деятельность масонов ставила своей целью «создание среды, развитой в моральном и духовном отношении», что привело на практике к созданию общества, целиком враждебного, во-первых. Церкви и самому ее Божественному Основателю Иисусу Христу. И этот аспект есть не культурный, не умозрительный, а самый важный, сущностный, мистический и онтологический. Можно сказать смело, что тот «культурник», который мыслит лишь категориями умозрительными, мыслит, но не живет, ибо не переживает сущности; тот, кто рассуждает, но не погружается в море религиозных истин, никогда не поймет, что жизнь есть не культура, а то, что создает и культуру и саму Вселенную.

Во-вторых, деятельность масонских лож с самого начала была враждебна всему, что имеет характер личного, индивидуального, неповторимого, традиционного.

В конечном счете деятельность лож должна была привести к созданию царства князя мира сего, основанного не на высотах горних идеалов, а на началах чувственности, эгоизма и духовной прелести.

Для создания такого общества на земле требовалось внедриться в имеющуюся структуру власти, воспроизвести форму традиционных обществ, но подменить всю его сущность: поставить на место Церкви Государство, обратить любовь к Богу на привязанность к Родине, но уже без Бога, без Церкви, оттеснив ее на второй план и придав ей характер второстепенный, сделав ее «фактом культуры» или «носителем морали»; то есть из живого, непосредственно от самого Бога идущего источника благодатных сил превратить ее в деяние рук человеческих и психологический фактор утилитарного назначения. С этого шага начиналась «ересь Утопизма». И эта «ересь» была усвоена правящим слоем царской России.

Прелести безблагодатного «патриотизма», «социальной справедливости», порождающей войну всех против всех, идеалов иудейских — «многочадия и многоздравия» (Гегель), как цель всей жизни человека на земле внедрились в сознание с той поры, когда деятельность московских розенкрейцеров в конце XVIII в. привела к созданию обширной литературы антихристианской направленности, к формированию будущей поросли русской либеральной интеллигенции. И вся эта деятельность направлялась и поощрялась верховной властью России.

Среди всех идей оккультизма, основанных на каббале, вобравшей в себя всю мудрость языческого мира. с его двумя родными братьями — Диоскурами пресного либерализма — материализмом и чувственным мистицизмом, наибольшее внимание привлекает создание в среде масонских лож Утопии — проекта будущего государства.

К идее построения будущего государства, основанного на принципах абсолютного безбожия, тесно примыкает и «мистика власти». Духовный прародитель московских розенкрейцеров, учитель Сен-Мартена, португальский еврей Марганец де Паскуалис «утверждал тот престиж мистической власти, выражавшийся особенно резко при магических операциях сношения с невидимыми сущностями высших планов, который его учеником (Сен-Мартеном) будет перенесен на политический аппарат власти, особенно на главу государства в его знаменитой книге *«О заблуждениях и истине»* (Антошевский.

Орден Мартинистов, «Изида», 1912 г. № 9-10, с. 39). Но вопрос о влиянии масонства на русскую жизнь поднимает вопрос об историческом выражении русского государственного идеала.

...За все время существования нынешнего государства нашего, как кажется, ни разу не было нам сообщено историками, что есть идеал русской жизни в ее историческом и государственном выражении, что есть формула русской жизни, с чем, собственно, вели борьбу наши интеллигенты-либералы. Против чего боролись силой, ложью, обманом «братья» розового креста в Москве. Я думаю, что назрела самая крайняя потребность дать ясную и четкую формулу Русской Правды в ее общественном и историческом выражении.

Эта формула изначально присуща русской душе, она не имеет временного характера, и только в ней русский человек может либо обрести историческое бытие, либо погибнуть в песках космополитической пустыни, утратив представление о своем назначении.

Нелишне будет заметить для ясности понимания смысла и самого очерка и некоторых терминологических неясностей сегодняшнего дня, что именно тот, кто приобщался к идеям гностико-каббалистическим, с их культом интеллегио-ума, который судит всех и о всем самоуверенно и полагает главным смыслом своей сознательной деятельности все объяснять и, объясняя все, чувствовать себя этаким божком, который, раз все объясняет, то и все может, именно такой человек и приобретал право в XVIII в. именоваться «философом», а в следующие времена интеллигентом. В отличие от тех, кто понимает, что мыслить фетишами, тобой же созданными, значит впадать, по терминологии психиатров, в объяснительный бред, а это скучно, интеллигент ни во что не верит, но обо всем судит, мыслит понятиями, не постигая сущности вещей и все время пребывая в мире грез и миражей. В этом-то мире и вызрели страшные зраки казарменных государств с самой беспощадной тиранией над человеком. И где же? В голове какого-нибудь русского знатного дворянина.

Творения князя Щербатова «Путешествие в страну Офирскую» (1774 г.). как и манифест угнетения и оправдания всяческого насилия над личностью — «О заблуждении и истине» Сен-Мартена (1775 г.), до сих пор остаются - памятниками самой мрачной деспотии, любовно оберегаемыми нашими историками от всякой критики. Удивительный и печальный факт нашей культурной направленности. Разрушительные и разлагающие начала в русской истории оцениваются до сих пор как единственно достойные для изучения и восхваления, а основы созидательные идут под знаком «реакционности», «отсталости» и, как нас убеждают, просто недостойны для серьезного изучения. Всем понятно, что большевизм, как и плод его — «демократия» есть лишь логически последняя точка разрушения и погрома русской исторической жизни, самых основных начал русской души и созданной ею культуры на началах Православия и Самодержавия. Не октябрь, а февраль разрушил Русское национальное государство. Оно рухнуло 27 февраля 1917 года. Упала корона, и закатилась звезда святой Руси. Упала потому, что уже давно тяготила наших Самодержцев, интеллигентов на престоле.

Истоки большевизма видны уже в идейных утопиях «просветителей» века екатерининского. Переходя к нему, нельзя не отметить еще раз весь жуткий парадокс идейной направленности ценностных ориентиров наших последних десятилетий. Трехцветный флаг, государственный, в начале века по улицам носили толпы народа, названные их противниками «черносотенцами», а красный — цвет крови человеческой — «культурные прогрессисты».

Время меняется, и то, что вчера, в отрицание очевидного, доказывалось нашими идеологами, сегодня не решится защищать даже застарелый «партиец» от журналистики. Между тем созданный в целях политической борьбы газетный образ защитника вековых устоев, культурных и религиозных, русского народа как «реакционера» и «погромщика» с топором в руке и бутылкой водки в кармане до сих пор стоит прочно именно в таком карикатурном виде в нашем сознании. Теоретики же и практики государственного погрома, то есть тотального разгрома Русского национального государства «до основания», продолжают пользоваться привилегией «неприкосновенных» божков, с которых полагается «делать жизнь». Между тем люди, сами участвовавшие в разрушении России исторической и национальной, осмысливая пережитое ими, начинали большевизм кто с Пестеля (В.И. Вернадский), кто с материалистического социализма как такового (А.С. Изгоев-Ланде: «Большевистская практика дает нам возможность судить о ценности тех идей, которые почти 60 лет провозглашает русская социалистическая интеллигенция», и перед этим: «Большевики лишь осуществили то, о чем говорили другие» — статья «О заслугах большевиков» в «Русской Мысли» за февраль 1918 г.). Итак, к истокам разрушительных утопий... Московские просветители из кружка Новикова, Шварца, Хераскова, Тургенева, Страхова, Поздеева и ряда других деятелей русской культуры были строителями храма Соломона, который шаг за шагом поднимался, как символическое «восходящее дневное светило» масонов над русской землей и освещал будущее ее в мрачных красках всеобщего разрушения и гибели цветущей культуры и талантливого народа. Храм был воплощением мечты масонов построить общество-муравейник. Это государство со всеми его чертами масонской мечты мы видим на примере жизни офирян, о нем говорит нам Г. Уэллс в «Явном Заговоре» (1928 г.), о нем писали Т. Мор, маги и каббалисты Кампанелла, Ф. Бэкон и прочие гуманисты и либералы.

Теоретическую базу под эту мечту подвел иудаизм, а оформил Сен-Мартен, оракул московских масонов-просветителей XVIII в. Проводится идея абсолютизма государства.

В заключение, предваряя вопрос, почему московские розенкрейцеры, «братья» теоретического градуса Соломоновых наук, члены всемирной организации строителей храма Соломона названы мной кружком либералов, следует обратиться к первичному значению слова «либерал». Оно появилось в употреблении в русском обществе во времена Александра I и означало человека, «свободного» от религии и всего круга налагаемых ею обязанностей, включая, понятно, и таинство брака, и шестую заповедь «Не убий», и седьмую — «Не прелюбы сотвори», и восьмую — «Не укради», и десятую — «Не пожелай жены искренняго твоего...», и другие. «Свободного» от всех народных традиций, которые для него теперь, как «передового», просто «предрассудки», не признающего в царе помазанника Божия, «свободного» от всех условий общественного и культурного бытия, которые выходят за рамки его понимания и становятся в его глазах «условностями». Характерен в видах сопоставления с заповедями Божиими масонско-либеральных лозунгов и такой подход: вместо любви к ближнему — любовь к человечеству. Причем «человечество» понимается и как живущая в каждом некая неопределенная душевность, и как собрание всех живущих на земле людей. Отсюда такое стремление к «Бесчеловечности», к «всемирной культуре», к «общечеловеческому», «мировому», «космическому», «интернациональному» и проч., и проч. Отсюда, из этого же устремления, и воспитываемая масонством в светском обществе посредством «прекрасной литературы» — беллетристики — сентиментальность, последовательно сочетаемая с жестокостью. Ведь искусство, в том числе беллетристика, и стоит на идее «просто человеческого», вне отношения человека к Богу. Отношение человека к человеку важнее отношения человека к Богу — учит иудаизм.

Короче, определение «либерал» означало человека с «нравом и обычаем эпикурейским». Но именно на формирование такого типа личности и была направлена вся публицистическая, литературная, издательская и педагогическая деятельность братьев Розового посвящения, известных еще как братья Орла и Пеликана, алхимиков-каббалистов, расцветших на скудной северной почве Москвы под лучами благодетельного правления ученицы Локка, Гольбаха и Вольтера Екатерины II в конце XVIII века.

Фасады московских домов тех времен еще хранят все символы всемирного братства вольных каменщиков. Особенно такой символики много на дворянских особняках нашей аристократии. Всевозможные циркули, молоточки, розанчики, львы, лиры Давида, даже рыцарские доспехи, колонны Боаз и Иоаким, маски бесполого существа, или вернее двуполого — Хирама, правнука Люцифера-Сатаны обильно украшают эти бывшие гнезда дворянской жизни. Понимали ли их обитатели, о которых так ярко нам поведал в своих воспоминаниях С. Т. Аксаков в очерке «Встреча с мартинистами», куда ведут их же самих все эти молоточки, клятвы перед грудой костей, черепами и талмудической символикой, сказать трудно. Вернее всего — нет. Те, кто понимали, попадали в разряд «реакционеров», «отсталых», а потом появилось и определение еще отрицательнее: шовинист, черносотенец, на худой конец — националист.

Перед этими жупелами либерального идейного террора падали и падают лучшие силы, наиболее честные и прямые, из среды русского народа. Безверный ум, предавший себя на растерзание пустой эклектике бесконечного атеизма, избравший себе в качестве кумиров тех же божков, что и враги его народа; не может справиться с одолевающими его врагами и начинает жалко лепетать, что он «не такой», что он тоже либерал и интеллигент. Как жалкий паяц, сам избравший свою участь, сам привязавший себя ниточками к рукам своих мучителей, он дергается, кривляется и не может обрести покоя своей душе и ясности в своих мыслях.

Достаточно, однако, было бы выйти ему, сохранившему в душе своей мелодии и мотивы своей родины и своего народа, из лучей «сияющей звезды» масонских лож, и он обрел бы и покой в душе, и ясность в мыслях, и вечное спасение. Но чтобы выйти из луча «звезды» пантакля каббалы, надо войти в свет евангельской истины, озаряющей православный храм. Третьего не дано.

СЛОВО О РУССКОЙ ПРАВДЕ

Осмысливая исторические события, мы не можем не прийти к выводу, что каждый народ находится под воздействием своей особой идеи, которая одна может объяснить направление его деятельности и его судьбы. Точно так же, как и отдельное лицо, народ имеет свои убеждения, свои воззрения, свой характер, который выявляет себя во все времена, при всех событиях и есть один и тот же, хотя и в разных оттенках и различных проявлениях.

Характер народа формируется в том конкретном исповедании Правды, которое он осуществляет всей своей историей во всех сферах своей жизнедеятельности. Вера и нравственность открывают ему все новые стороны в этом исповедании и составляют путеводные звезды в его убеждениях. Они питаются мистическими токами религиозных откровений.

Обрести свое лицо, найти свои правильный тон в истории — это дано не каждому народу, но когда такое обретение состоялось, народу не страшны никакие враги — ни внешние, ни внутренние.

За долгие века своей истории русский народ имел возможность найти свой смысл в жизни и обрести свой путь в истории. Вера открыла ему то высокое призвание, которое и в быту, и в труде самом тяжком, и в воинских делах и подвигах озаряло его путь от святого Владимира до праведного Иоанна Кронштадтского и свт. патриарха Тихона Исповедника и сонма новомученников.

Народ, как и отдельный человек, может утратить свое лицо, отречься от

Правды, которая питала его веками и вела от победы к победе, принять чужеземных идолов и потерять всякую возможность к творчеству, которое когда-то выделяло его из среды других народов. Для того, чтобы вновь обрести свое лицо, вновь найти свой смысл жизни, следует обратиться к тем периодам своей истории, когда сама борьба с внешними врагами делала его еще крепче и здоровее, когда духовные озарения освещали его землю неповторимыми явлениями его творческого гения.

В жизни русского народа такой руководящей идеей, как известно, была Церковь и общинность, способность держаться общинного управления, устройства, решая все сообща — землей, миром — на основе христианского миропонимания, религии любви и Правды Божией. При этом важно понять главное: общинность русская — это не общность, не коллективизм, а Церковный приход. В общине, не надо забывать, хозяйство было единоличным.

Каждая деревня, сельцо и село, улица в городе тянули к своему приходу, своей церкви, отсюда получая освящение каждому своему делу — семейному или общинному. Приходской священник — центральная фигура русской жизни. Он — подлинное воплощение ее духа и тела в их гармоническом единстве. Это он один стоит между престолом Царя и последним крестьянином в любой глуши нашей русской земли. Он доводит смысл манифестов Царя до народа, он объясняет правительственные акты, он стоит на страже народной нравственности, неся евангельские истины в повседневность каждого прихожанина. Он объясняет, он увещевает, он освящает от рождения до смерти жизнь каждого человека. В борьбе с пьянством, развратом, смутой анархических учений правительство опирается исключительно на приходского священника. Ему и дьякону поручается учение грамоте прихожан, учение, которое ставится в прямую зависимость от утверждения в народе благочестия и вероисповедных истин.

Итак, все решать общиной, миром, не расходясь с евангельской правдой — вот повседневная задача русского народа. Решать землей, миром... Но что есть этот мир? Посмотрим на него не глазами апатичного наукообразия чужеземных заблуждений, а глазами самого этого мира. Что сказал бы об этом мире сам русский прихожанин, общинник, поселянин или горожанин? Если мы поймем, что это за мир, то мы восстановим его и в себе, и на своей земле. И надо понять — решать миром, это не значит решать коллективом, как думают социалисты.

Припомним, что Спаситель мира. Сын Божий, посылая Апостолов, возвестил миру мир, принесенный Им с неба, и приблизившееся царство благодати, между прочим заповедал им те дома, в кои они будут входить, приветствовать миром: «Входяще же в дом, приветствуйте его, глаголяще: «мир дому сему» (Мф. 10, 12). Святые Апостолы, свято исполняя заповедь своего Божественного Наставника, так и делали. Куда бы они ни приходили с радостной вестью о спасении грешников, они прежде всего изрекали мир.

Благовестники мира и примирения, чем лучше они могли бы и начать свое дело, как не словом мира?

РУССКИЙ МИР

Но что это за мир, ставший знамением апостольских приветствий? Не тот ли это мир, который и в мире, и во всем свете считается основным условием семейного и общественного благоденствия? Не есть ли это тот самый мир, принимаемый в смысле взаимного согласия людей, живущих вместе? Действительно, такой мир есть великое благо. «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе», — восклицает псалмопевец (Пс. 132, 1).

Такой мир согласия нельзя исключить из понятия о мире Христовом. Но еще и нельзя сказать, что именно это одно и есть мир, заповеданный Христом. Каждый из нас знает, что такой мир может утверждаться в видах своекорыстия, поддерживаться расчетами житейскими, исходить из интересов мудрости века сего и быть поэтому только кажущимся, без участия сердца. Нередко ведь под покровом такого мира таится вражда и созревают замыслы самые злобные и разрушительные. Может ли быть такой мир Христовым?

Такой мир русская совесть отвергала изначально. В любом случае мир как согласие с другими не может быть совершенен. Он объемлет лишь одну сторону, внешнюю, человеческой жизни и не может удовлетворить всем потребностям нашего существа, не может успокоить наш дух. Мало ли есть людей, которые хранят глубокий мир со всеми, а между тем ощущают в себе самих страшную тревогу и беспокойство, страшную борьбу со своей совестью? И сама Церковь наша Православная называется воинствующей вовсе недаром.

И это еще притом, если не замутнен сам источник совести — духовное око наше. Иначе — просто гнетущее ощущение пустоты и бессмысленности всей жизни нашей.

Отчего же это? Оттого, что этот мир, и, в лучшем случае, понимаемый, есть только внешний, земной, человеческий, тогда как мир Христов есть внутренний, духовный, Божий, навсегда приобщающий человека к Тому, у Кого «несть пременение или преложения осенение». Это мир с Богом и жизнь в церкви, а не «компромисс» во имя корыстных расчетов.

Мир Христов, которого искал русский человек в исполнении заповедей Божиих, есть спокойствие духа нашего, приобретаемое действием Духа благодати и не возмущаемое никакими превратностями мира. Состоя в невыразимо сладостном ощущении внутреннего покоя, этот мир утверждает и мир согласия между людьми, освещает его сообразно тем началам, на которых покоится и сам. Это не мир с Миром, а мир с Христом.

Неточное начало мира духовного и Христова заключается, с одной стороны,

в непрерывном самоотвержении и умерщвлении плотских страстей и похотей, не тела, но именно страстей, воюющих в нас на дух наш, а с другой — в неослабном стремлении к точнейшему согласованию всех наших мыслей, желаний, намерений и дел с волею Божией. Более того, это жизнь, крепкая своею верою в Господа Иисуса Христа и побеждающая сею верою все прилоги и искушения ума кичливого и маловерного, это жизнь, сопровождаемая непрерывной борьбой с грехом и со всеми его «временными сладостями» и обольщениями, жизнь, преуспевающая в подвигах и доблестях евангельских и ищущая во всем «не своих Си, а я же суть Божия» (Флп. , 2, 21; Мф. 16, 23), ищущая не удовольствия и наслаждений, не почестей и отличий, а единого на потребу, т.е. «Царства Божия и правды Его» (Мф. 6, 33). Словом, это жизнь святая и непорочная, хотя бы она текла среди скорбей, лишений, озлоблении, страхов и смертей, — такая именно жизнь есть источник единственный и самый чистый мира духовного. Такой мир «сладостен паче меда и сота».

И это, в собственном смысле, мир Божий, это есть благодатный плод того вожделенного примирения нас Богови, которое составляет главную цель пришествия на землю Божественного примирителя, единородного Сына Божия.

В душе русского человека такой мир всегда жил, был путеводным маяком всех его дел и стремлений. И всегда в каждой деревне, в каждой местности, в каждом сословии находились те стократ блаженные, которые благодати Божией стяжали этот мир и несли его внутри себя как неизгладимое свидетельство Духа о их избрании в сосуды славы. Такие люди зримо осуществляли среди русского народа его идеалы. Они свидетельствовали ему о том, что Царствие Божие достижимо и состоит, по слову Апостола, в правде, мире и радости о Духе святом (Рим. 14, 17). Это, таким образом, не тот мир, под покровом которого расцветает зло.

Правда — это подвиг святой любви их к Богу и ближнему, сеяние дел благочестия со слезами, благодушное терпение под тяжестию креста — делание в вертограде, среди зноя и жара полуденного, хождение пред Богом во святыни Духа, а мир — следствие правды — радостное собирание созревших колосьев вечной жизни — награда и венец за претерпеваемые страдания, — мзда многа за труд любви и непорочного хождения пред Богом.

И чем более в русском народе расширялся круг делания правды, тем более умножался и зримо и материально сам мир Русской Правды, те пределы земли, на которую распространялись ее законы и обычаи.

Забвение этой правды, оскудение живой веры в мир Христов всегда приводили нашу землю к состоянию катастрофы, и поиски замены философией живого источника Истины окончательно набрасывали траурный полог на все перспективы русской жизни.

РУССКАЯ ОБЩИНА [21]

Только при таком понимании христианского мира можно понять и смысл устройства русской общины как идеального воплощения Духа Христова на земле среди русского народа, как воплощение заповеди любви к Богу и ближнему. Русская община — это христианская община. Это община верующих, объединенных вокруг церкви своего прихода.

На плодоносной духовной ниве оцерковления всех сторон человеческой жизни, частной и общественной, и развивалась русская жизнь, крайне чувствительная к вопросам правды и совести. Не надо идеализировать реальную жизнь — в ней было всё, но надо выделить её идеалы.

Если не понять факта общинной цельности русской истории, то нельзя в ней ничего понять. Община, основанная на таких прочных христианских, приходских основах, не нуждающаяся во вмешательстве власти государственной, до конца XIX века, до самой даже революции, до самого уничтожения большевиками, такая община была твердым основанием и самой власти государственной. На такую общину власть могла опереться безбоязненно и не держать громадный штат чиновников, отчужденных от общества [22].

Как был организован труд в общине, как обстояло дело с личной инициативой и помощью друг другу, говорит сам факт освоения громадных пространств земли русскими людьми в условиях самых неблагоприятных для земледелия. Ни климат, ни беспрерывные войны, которые вела Московская Русь, а затем и Российское государство, на всех рубежах своих открытое и с севера, и с юга, и с запада, и с востока, не могли способствовать процветанию земледелия. А между тем видим, как шаг за шагом, неуклонно русские люди, сначала служилые, по заданию Царя, а затем и крестьяне идут на новые земли и осваивают их, продвигаясь в XVI-XVII веках к югу от Оки и тесня дикую степь с ее хищными племенами, а другой поток медленно и неуклонно идет за Урал и там среди тайги, болот и страшного холода основывает остроги, монастыри, и под их прикрытием начинают русские деревни свою хозяйственную деятельность. Корчуют леса, осушают болота, удобряют скудные почвы,

[21] Сами крестьяне пользовались не словом «община», но «мир» (ср. «делать миром»).

[22] Ср.: «Нище прекрасные свойства нашего простонародья не выступают так рельефно,... как при переходе крестьянина от сохи в ряды войска. Апатичный, сонный, грубый и скрытный мужик обращается почти мгновенно в ловкого, веселого, сметливого, бойкого, способного, трудолюбивого и истинно-набожного солдата. Он не тяготится строгими требованиями службы и дисциплины, сознавая своим здравым умом, что всё это необходимо и полезно. Весело и бодро смотрит он вперед, потому что он сознаёт цель жизни и своё призвание... он идет по призыву Царя на защиту Отечества...» (Ж. «Странник», 1898 г., т.1, с. 674-675).

выводят новые сорта зерновых, занимаются звероводством, огородничеством и идут все дальше и дальше на север и даже за 60-й параллелью сеют и убирают хлеб. И это великое дело вершится поколениями русских людей, столетие за столетием.

Повсюду возникают русские деревни, займища, починки, сельца и села, погосты и торги, рядки, остроги и города. И на всем пространстве русской земли слышен благовест. Православный народ призывается в церковь воздать хвалу Спасителю и Приснодеве Марии, принести покаяние и принять святые Тайны тела и крови Христовой. В надежде на вечное спасение жили и в страхе Божием творили дела ратные, трудовые и семейные.

В духе Христовом люди знают друг друга как братие и сестры и потому только в этом духе пребывающие исполнены друг к другу любви и милосердия. Именно поэтому-то христианская община исключала из своего понимания жизненных целей эгоизм, стяжательство и борьбу за существование. Конечно, все эти устремления были и в ней, как они есть изначально и в каждом человеке, но, пока община была общиной христиан, эти элементы в ней регулярно подавлялись, и на первое место выходила помощь ближним своим, нуждающимся и обремененным.

В то же время община ни в какой мере не подавляла личности человеческой, но исходила из представления о личных дарах и ответственности каждого перед Богом. Община поощряла личную инициативу, и чем богаче становился тот или иной общинник, тем легче жилось общине. Когда бедность была обусловлена не ленью хозяина, а случайным стечением обстоятельств — пожаром ли, или смертью, или болезнью кормильца, община перекладывала подушный оклад на более зажиточных. Подобного рода вопросы всегда решались на общем сходе общинников. Было и другое, но главное — именно это.

В то же время лень, пьянство и прочие пороки ложились тяжелым бременем на все общество, и борьба с ними проводилась в равной степени и священником, и «излюбленными» выборными общины. Община же — это общество при Церкви, а не «трудовой коллектив».

Бывало ли когда, чтобы община раскалывалась на враждебные группировки, не могла бы прийти к общему согласию и прекращала существовать или же взывала к властям навести в ней порядок, произвести разбор? Никогда. На всем протяжении существования русского государства от запада и до востока и от севера до юга, на всем протяжении тысячи лет.

И это при условии, что каждые три года общинники в деревнях и селах производили новый раздел земли между семьями, доверенный землемер из своих же отмеривал участки земли разнородной, в разных концах, что каждый год производился новый расклад налогов и других повинностей по дворам, накладывался штраф на тех или иных виновных за какие-либо провинности. «Излюбленные» выборные сами производили судебные следствия и наказывали в пределах обычного права своих односельчан.

КРЕСТЬЯНЕ

В Московской Руси крестьяне были таким же служебным классом, как и любой другой, и его отношения с землевладельцами, вотчинниками, государством определялись законами и обычным правом. Государству были известны по имени и отчеству не только бояре и думные дьяки, но и крестьяне. В царских грамотах мы встречаем их имена и прозвища, узнаем об их бедах и слышим голос Царя, озабоченного судьбой обиженных.

О близких отношениях с Царем говорит и старинное право каждого православного жаловаться непосредственно самому Царю, минуя все начальство. Этот обычай был отменен лишь первой интеллигенткой на престоле — Екатериной II.

Крестьяне во весь период Московской Руси, будучи лично свободными людьми, обладали правом перехода не только из одной общины в другую, но и из сословия в сословие, из крестьян в посадские и торговые люди. По личной склонности крестьяне и в боярской вотчине занимаются ремеслами, торговлей и откупами. Все большее распространение в XVI-XVII вв. получают отхожие промыслы. Крестьяне, удачно ведущие свои дела, сами становятся владельцами и вотчинниками. Тенденции свободного перемещения крестьян из сословия в сословие не прервались и в самый разгар крепостничества. Беднейшее крестьянство работает по найму, богатое и зажиточное приобретает земли и становится свободным. В XVIII в. резко усиливается поток крестьян в Сибирь при поддержке правительства, (см. А. Н. Сахаров. О диалектике исторического развития русского крестьянства. — «Вопросы истории» 1970, № 1).

В общине сельской иди городской формируется русский человек, здесь он приучается к управлению своей землей, ответственности перед ближними своими, общинниками. Государство никогда не встречалось с отдельной личностью, но всегда с членом общины. Вся жизнь русской земли управлялась выборными «излюбленными» людьми — старостами, сотскими, десятниками, целовальниками, которые и отвечали перед государем за исправность выполнения общиной, городской или деревенской, повинностей в пользу общегосударственных требований. Исполнение же должностей в общине производилось по очереди всеми: чаша была слишком тяжела, за должности не платили, зато взыскать могли.

Труд человека был по преимуществу свободным, уважен законом, почтен обществом и потому мог породить необозримое число промыслов и саму промышленность, развитию которой всячески содействовало и правительство Московской Руси.

Все условия сельской жизни, природные богатства, система прав приобретения земли, вознаграждения за труд, всегда готовые прийти на помощь односельчане — все способствовало тому, чтобы человек мог стать зажиточным хозяином. Общинник и будучи помещичьим крестьянином мог стать не только состоятельным, но и очень богатым человеком. «Родился я в 1802 году — вспоминал бывший крепостной крестьянин Николай Шипов, — в свободе Выездной близ города Арзамаса, Нижегородской губернии. Отец мой был помещичий крестьянин, имел хорошее состояние, занимался торговлей скотом... Он был человек грамотный, начитанный и уважаемый». Оборотный капитал семьи Шилова составлял около 100 тысяч рублей. При этом семья Шиповых не были самой богатой в селе. Для того, чтобы представить себе ценность денег того времени: свечной завод стоил 1200 рублей, килограмм осетрины — 30 коп., баран — 3-5 рублей, общий оброк с села, в котором жил Шипов, колебался от 61 тысячи до 105.000 рублей. «Один крестьянин нашей свободы» предлагал помещику за то, чтобы тот отпустил его с семейством на волю, 160.000 рублей. Крестьянин подмосковной деревни Прохоров выкупил себе волю у того же помещика Салтыкова, выстроил в Москве большой каменный дом двухэтажный, «отделал его богато и тут же построил обширную фабрику» (см. Николай Шипов. История моей жизни. Рассказ бывшего крепостного крестьянина. 1802-1862 гг. М.-Л. Академия, 1933). Возможности приложить свои силы, ум, смекалку там, где хочется, к чему лежит душа, и породила быстрое развитие русской государственности, ее производительных сил и дали возможность выстоять в самых трудных условиях борьбы с внешними врагами, освоить необозримые пространства земли своим трудом, терпением и умом.

Нерусский взгляд на русскую историю, который видит в ней только эскалацию «несвободы», не дает возможности понять ее. Ведь само развитие производительных сил, которое обеспечило становление и рост Русского государства, уже означает наличие хозяйственной инициативы, возможной только в условиях личной свободы. А что такое производительная сила? Пара рук и к ней умная голова, которая изобретает, думает, как сделать лучше, пробует, выводит новые сорта семян, улучшает породу скота, все лучше и лучше обрабатывает землю и получает все больший и больший урожай и, значит, доход. Это и дает право автору упомянутой статьи (Сахарову) сказать, что слова принятой в нашей стране формулы «До предела выжимать соки... не находят отражения в экономических показателях и остаются лишь эмоциями». С позиций Вольтера, Руссо и К°, Маркса и прочих иноземных мудрецов русской жизни и истории не поймешь.

ДЕЛО ГОСУДАРЕВО — ДЕЛО ЗЕМСКОЕ

В тяжелых условиях бесконечной борьбы с внешними врагами от каждого русского человека требовалось понимание и поддержка делу земли, как делу государеву. Каждый, рожденный от русского отца и матери, был гож и пригож, каждому было дело, и дело это было общим всей русской земли. И земля была принадлежностью всего русского народа.

Уже Русская Правда Ярослава Мудрого усвояет этот взгляд на русскую землю, отличая ее от чужой. Забота об этой земле, государственный интерес были усвоены каждым русским человеком, и этот интерес ограничивал произвол одних и давал свободу другим. Общинное право на землю, высокий престиж труда — пашенного, ратного, кузнечного и проч. — и христианский взгляд на достоинства человека, общее дело государево делало мертвой буквой любую герольдию и выдвигало на первый план личную заслугу, личный вклад в общее дело.

На всем протяжении русской истории государство страдает от недостатка людей. Их всегда было мало для дела государева. Потому и был надобен каждый русский человек. Денег было мало, средств материальных вечно не хватало, и только на самоуправлении, на доверии власти и народа друг к другу и могла стоять русская земля.

Особенно примечательно влияние земщины в делах финансового управления страны. Вплоть до конца XVII в. действует форма государственного бюджета, проникнутая участием земщины. Сметы сборов и податей с разных городов и уездов устанавливались «по Указу Царя, по приговору бояр, при содействии гостей, за их руками, и с пометою Думного Дьяка» (Лешков. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858, с. 259 и далее). Эти сметы рассылались по городам и уездам, чтобы «в сроках были все обнадежены» и чтобы «положить тот оклад на дворы, смотря по тяглам и промыслам, и сбирать те деньги посадским и уездным людям самим, земским старостам и выборным лучшим людям, за верою и за выбором всех людей, чтобы полные люди перед бедными во льготе, а бедные перед богатыми в тягости не были, и никто б в избыли не был». Если бы даже ничего, кроме этих строк, из Указа не осталось от Московской Руси, то и тогда можно было бы сказать, что Русь явила всему миру подлинное откровение безграничного доверия власти и народа друг к другу и такого уважения и заботы о нуждах людей, до какого далеко и западным демократиям и социалистическим деспотиям. Один эпизод русской истории высвечивает нам самое характерное и типичное в этих отношениях Царя и народа. В 1585 г. погиб Ермак, но Сибирь была уже открыта для России, для ее народа. Дело было за дорогой, по которой могли бы русские крестьяне на своих подводах ехать в суровые необжитые места и здесь строить Русь — деревни, села и города, пахать и разводить скот, возводить на новом месте русскую государственность. Царь Федор Иоаннович не стал создавать коллегий и комиссий, а своим царским Указом обратился к «охочим людям», приказал просто сыскать охотников. Дорога эта была нужна русскому народу, и народ и должен был ее построить. Петр I по западным образцам угробил бы на этом

деле несколько десятков тысяч крестьян, большевики несколько сотен тысяч сгноили бы запросто, и строили бы лет двадцать, плохо, на один день, а потом бы кричали о своих «успехах» денно и нощно. Тогда же власть была народной, и именно поэтому поразительной верой в неисчерпаемые силы народа веет от царских указов. Как и здравым смыслом.

Соликамский крестьянин Артемий Сафронович Бабинов был землепашцем, ловил зверя в отрогах Уральского хребта, он и стал тем «охочим человеком». Указ Царя Федора от 1595 г. был выполнен за три (!) года. Была проложена дорога в триста километров через исхоженную тайгу, болота, буераки, каменные завалы. Одних мостов, если их составить вместе, было построено девять километров (см. Николай Коняев. Рассказы о землепроходцах. Л., 1987). 11 января 1598 г. дорога была готова, и по ней пошли подводы из России в Сибирь. За один 1599 год прошло по бабиновской дороге более тысячи крестьянских семей. Дешевизна строительства дороги изумила и современников Бабинова. За двадцать лет были возведены десятки городов в Сибири: Верхотурье (1598), Туринск (1600), Томск (1604), Туруханск (1607). Смутное лихолетье не остановило строительства городов, и в это время поднялись Кузнецк, Енисейск, Ачинск, Ишимск, Якутск, Красноярск...

Дело заселения Сибири было продумано царским правительством до мельчайших деталей. Без всякого насилия, с заботой о крестьянине.

Каждая семья получала подъемных пять рублей при сборе в дорогу, а остальные 15 рублей по прибытии в Соликамск. Здесь местные воеводы расходовали часть «подможных» денег на то, чтобы обеспечить каждого переселенца тягловым и продуктовым скотом [23].

За каждую купленную скотину отчитывались. Чтобы не было злоупотреблений, в деле этом участвовали местные посадские, пользовавшиеся уважением среди своих односельчан. Поселенцам выделялся семенной фонд — рожь, овес, ячмень, на пропитание — мука, толокно, крупа, «смотря по людям и по семьям, как кому можно до нови прокормиться». И Царь указывает: «А на себя велели им хлеб всякий пахать, чем им сытыми быть или бы как нам прибыльнее, а им бы, пашенным людям, потому ж в пашне тягости не было». Переселенцы и строители городов, стрельцы и землепашцы шли по дороге, проложенной Артемием Бабиновым, землепашцем и охотником, от Соликамска до Тобольска. Бабинов не был забыт Царем и властями. Он был освобожден от оброка, ему была дана земля, участок для охоты, и немалый. Он построил еще село, нашел удобную землю для другого села. занимался улучшением дороги. Обычное дело для Руси Московской... «Охочие люди» ее и создавали.

Влияние лучших торговых людей на финансовую политику правительства можно видеть по следующему случаю. В январе 1681 г. им был дан Указ Царя с боярским приговором выбрать по разным городам России голов к таможенным и кружечным дворам и делам. Гости, все взвесив, ответили, что это дело невозможное: «Они не знают лучших людей, которые одни могут быть выбираемы; да и потому, что посадские люди, обыкновенно, кончают свои выборы к 1 сентябрю, к Семену дню, и, выбрав, разъезжаются по России, для торговых промыслов, так что, если бы даже гости знали всех лучших людей городов, и тогда бы их выборы были несостоятельны, по возможному отсутствию избранных.

Сверх того, выбранные самими посадскими уже сделали запасы, которых новые головы не примут по настоящей цене» и т. д.

Правительство вполне согласилось с доводами гостей, лучших торговых людей.

Правительство постоянно обращается за помощью к опыту торговых людей в делах финансовых и получает помощь. Скажем. Данила Строганов с гостиной и других сотен торговыми людьми предлагает заменить множество мелких поборов одной рублевою пошлиной, издать для того указ и положить его во всех таможенных избах «бескровно», то есть открыто для каждого. Государь повелел исполнить это предложение [24].

Акты смет и окладов, устанавливаемых правительством относились сразу к большим местностям, к уездам и городам. Любопытно, однако, как производилась раскладка податей в подробностях Живого дела.

Где бы ни происходила такая раскладка — в городской слободе или в деревне. — она включала одни и те же элементы. В правительственных актах устанавливалось, чтобы мирские розрубы «совершались уездными людьми самими». В общине, получив общую смету, избирали окладчиков в равном числе от каждой статьи населения: по двое из лучших, средних, молодших людей и из казаков, то есть работников, во исполнение общего правила, чтобы «богатым во льготе, а беднейшим в тягости не быть». Вот эти восемь избранных человек — окладчиков — и должны были разверстать подати подворно по количеству засеваемой земли (обеж) или по промыслам и торговым успехам, но во всяком случае «в Божию правду, другу не дружа и посулов не принимая». В

[23] Сравним организацию освоения новых земель в Московской, боярской Руси, с «великими», но бездарными даже с организационной стороны, стройками Петра, большевистским освоением казахской целины или строительством каналов. Или с «заботой» о русском крестьянине нынешнего, еврейского, правительства.

[24] Сегодня эту же проблему, налоговую, и именно в том же смысле, не могут решить парламент и правительство (все как в Европе) уже шесть лет. Промышленность разорена. Но в то время страной управляли «непросвещённые» русские люди, а сегодня представители «избранного» всемирного и самого талантливого племени. Плоды можно сравнить — они наглядны.

городах и посадах было принято, что те, кто не торгуют и производят продукты только для себя, освобождались полностью от податей. Заметим, денег в казне лишних не было, но рвачеством не занимались.

Жители, обложенные таким образом, из своей среды выбранными, уже не могли уклониться от платежа.

Земское начало было обязательным и в судебных делах, вплоть до конца XVIII — первой половины XIX веков, даже в делах уголовных. Обязанность присутствия земщины на суде узаконивалась и Первым Судебником: «Без дворского, без старост и лучших людей, целовальников, суда наместникам и волостелям не судити». По другому указу XVI века «сельским прикащикам творить суд над крестьянами (следует) в присутствии священника и выборных от крестьян 5 или 6 человек». Вот как управлялось государство русской властью под русским началом.

Когда однажды помещик жаловался на скудость поместья и невозможность нести назначенную службу, то правительство указало произвести расследование крестьянам, которые должны были установить, действительно ли причина оскудения не зависит от помещика или она от его небрежности (Соловьев, т. VII). И всё это — исторические факты.

Положение личности в его отношении к государству утверждалось в древнем домовом праве, освященном Уложением 1649 г. (гл. IX, ст. 138-139). По этому домовому праву ответчик, требуемый к суду, мог «почитать свой дом своим царством», куда пристав не имел права проникать и должен был для исполнения своей должности поджидать ответчика на улице. Если ответчик отбился от пристава, то к нему снаряжался пристав вместе с подьячим, и, не доходя до дома ответчика, они должны были взять с собой понятых, и только тогда уже они могли войти, но только во двор, не далее, и отсюда объявить ответчику, что он «не гораздо сделал отбившись силою» и т.д.

В. Лешков делает такой вывод: «Невероятно, чтобы произвол и случайность могли породить столько добра и выказать столько ясного понимания дела».

Известно, что деспотизм очень дорого стоит и всегда означает войну власти с собственным народом. А народ русский воевал едва ли не беспрестанно на внешних рубежах. Историки подсчитали, что в среднем с XI по XVII вв. каждые два года на третий шла война [25], горели села и города, десятки и сотни тысяч были уводимы в полон. Одна засечная линия с юга, от татарских хищников, отвлекала сотни тысяч крестьян и воинов: рыли рвы, устраивали завалы, строили остроги, держали сторожевую службу. Тяжелые условия войн, да еще к тому же каждые семь лет засухи с голодом, моровые поветрия, — тут не до деспотизма. Государево дело было делом земским, и не случайно русские законы красноречиво молчат о преступлениях политических до самого Уложения 1649 г. Никто не думал и о привилегиях, не до них было. Были в каждом посаде, в каждом городе люди лучшие, богатые, средние и молодшие, и все тянули лямку государева тягла. Из лучших выбирался староста, выбирался всеми. Староста — фигура центральная в русской общине.

Работа старосты отнимала у него все время, и он не имел уже возможности вести свои дела по торговле или ремеслу. «Такая работа была особенно тяжела, потому что староста за свою работу не получал ни государева жалованья, ни подмоги со стороны мира», и нередко оскудевал вконец (Богоявленский С. К. Научное наследие М., Наука, 1980, с. 93), так как «рисковал своим имуществом, которое нередко приходилось обращать на покрытие слободских расходов» (с. 100). Таким образом, имущественное положение не создавало привилегированного сословия, но вкладом в общее дело определялось положение человека в обществе: тот был в большем почете, кто нес большее тягло.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ

Только Петр I по смыслу Ревизии 1718-1723 гг. разделил русский народ на тех, кто нес личную службу, и тех, кто должен был лишь содержать несших личную службу, но отстранялся от участия в делах государственных. Но это стало возможным только благодаря тому, что на протяжении всей предшествующей истории вся русская народность от Царя до самого последнего крестьянина работала вместе и сообща. Эта работа и создала Россию, создала такие материальные средства, которые позволили содержать армию чиновников, канцеляристов, либералов-космополитов, гуманистов-вольтерьянцев, не знающих ни слова по-русски, западников всех толков и направлений, бомбометателей и террористов, народников-просветителей XIX века с брошюрами Энгельса и Прудона, пошедшими в «народ» и обнаружившими, что в них там не нуждаются, на что они жутко обиделись. Они им — «Бога нет. Царя не надо», «наука доказала», а мужики их по шее и в полицию. Как не обидиться!

Нерусский взгляд на русскую историю закрыл от либералов смысл сословного строя русского государства, его гармоничность и духовность. По этому взгляду все непонятно в русской истории: людей прикрепляли к земле, а они все не убежали; было непонятно, как это Русь осталась на месте, да еще расширилась во все концы, да еще изукрасила свою землю теремами, избами, храмами, монастырями. Удивительно, но сам ландшафт русской земли есть плод труда русского народа.

[25] Подсчитаны, следуя истории С. Соловьева, следующие цифры: с 800 по 1237 гг. каждые 4 года происходило военное нападение на Русь, в период с 1240 г. по 1462 г. было 200 нашествий. От 1368 г. до 1893 г., т.е. в течение 525 лет, было 329 лет войны, т.е. два года войны и один год мира..

Было бы понятнее, если бы он разбежался, как в силу своих принципов разбежалась бы при таких условиях либеральная интеллигенция, усиленно пробивающая сегодня в наши умы мысль о законности ехать туда, где лучше, оттуда, где хуже — меньше платят и хуже кормят. Для «творческой интеллигенции» это законно, но для русского человека — позорно. И это факт истории.

Отсюда-то и эти идеалы: кто бежал — герой, кто оставался — пребывал в невежестве и косности, раб по натуре, который не бунтовал в силу отсталости. Строили из-под палки, по этим воззрениям, трусливые и невежественные, а ломали предтечи будущего, храбрые и благородные. Строили плохо, ломали хорошо. Но при всей виртуозности разрушения постройка шла своим ходом и своей чередой, население Руси в условиях свободы труда росло быстро (каждые 100 лет — в три раза) и заселяло землю к великому конфузу певцов эскалации «несвободы» в русском обществе. В XX веке литераторы и публицисты создали для будущего разрушения страны образцы новой титулованной знати — борцов за «светлое будущее». Пугачев, Разин и Булавин, да еще Болотников, были увенчаны короной мучеников за свободу человечества. Сколько человек было замучено ими — историки еще не подсчитали. Из них, к слову сказать, два последних были пособниками врагов внешних: первый — шведов, второй ослабил Русь во время нашествия поляков в Смутное время. Бунт хорош только для историков и романистов.

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

Среди различных причин, называемых для объяснения быстрого роста русского государства и численности русского народа называют то одну, то другую, но. бесспорно, самая главная из них — это введение христианства, утверждение Церкви, которая сплотила русский народ в единую нацию, единое целое. Крестьянин и князь имели одну веру, одно представление о смысле жизни, о том, что такое хорошо и что такое плохо. Крестьянин требовал от князя и царя исполнения церковных обрядов и заповедей Божиих, а князь и Царь требовали того же от крестьян, мещан, ремесленников и купцов, и все носили высокое имя православных. Это имя не было пустым звуком, оно накладывало твердые требования к личности. Единая духовная основа в обществе была установлена именно церковью. Она гарантировала высокую ценность человеческой жизни вне зависимости от сословной принадлежности. Она учила, что ни земное богатство, ни бедность не есть самое важное в жизни нашей и что высшее требование к человеку может быть осуществлено им на любом месте и в любом звании. Сами по себе ни богатство — не порок, ни бедность — не наказание.

Создание крепкой семьи — заслуга только Церкви. Семья под ее крылом превращается в союз любви, помощи и согласия. С утверждением Церкви в русском обществе начинается рост народонаселения. Прекращается практика убийства детей, которая была обычным делом в любом языческом обществе. Высоко поднимается в русском обществе значение женщины, определенное уже самим таинством брака. Штраф за нанесенное бесчестье женщине предусматривается уже Русской Правдой. В дальнейшем он возрастает вчетверо против штрафа за оскорбление мужчин. Женщина — будущая мать, жена, сестра вызывает уважение в обществе, ее честь защищается законом. При таком положении русской женщины влияние матери на воспитание детей было обеспечено, а при сильном влиянии Церкви и веры на самую женщину результат домашнего воспитания в народе не мог быть сомнителен. Тем более, что это домашнее воспитание было поддержано общиной и в быту простого народа, и восходило до бояр и Престола царского.

Христианство внесло новое начало в дело помощи немощным, сиротам, увечным, больным и старым. Известно слишком хорошо, что язычество не знало милосердия, жалости, желания помочь бедным и убогим. Слабые должны умереть, по этому воззрению, которое несла и античная культура со своими Платонами, Сократами и Аристотелями. Так поступали и в языческом быту славян: во время голода убивали стариков и немощных женщин. Язычество смотрело на этот вопрос по-животному просто.

Теперь же помощь ближнему вменяется в обязанность христианина. Это его долг на земле. О нем неустанно твердит ему с амвона каждой церкви священник, столетие за столетием, в каждом приходе.

С установлением христианства помощь убогим, пострадавшим от огня, болезней, пожара, а также увечным, сиротам, бедным вдовам, нищим берет на себя Церковь. Эти нуждающиеся в помощи представляются попечению духовенства и монастырей. Общины с принятием христианства становятся приходами [26].

Христианство вызывает к жизни вдохновенные токи творчества. Каждая община возводит храм и стремится к тому, чтобы он был благолепным. Она приглашает художников-иконописцев, она заказывает для литья колокола, приглашает священников, содержит причт, обеспечивает все материальные

[26] Интересно, что крещение в Веру православную иноземцев рассматривалось как принятие присяги государству. Быть православным — значило быть русским, значило быть человеком православной Общины — Русского государства. Так православие и русская государственность сливались в одно нерасторжимое целое в сознании русских людей до позднейших времен — XIX века, когда народилась из школ и университетов интеллигенция, исповедывающая практический иудаизм. Не говорю об интеллигентах по рождению — евреях, влившихся в русское общество как раз в XIX веке и имевших своих сторонников в русском правительстве со времён Александра I (см. «записки» Г.Р. Державина).

средства к богослужению, включая красивую одежду священника, ризы, всю утварь церковную, приобретает потребные книги. При каждой церкви имеется просфирня, и несколько убогих живут при ней. «Нищие на Руси питаются о Церкви и о приходе», как говорят наши древние акты. Церковь и монастырь — тот камень, на котором созижделась вся Россия, и который отвергли «строители» — франкмасоны.

ЦЕРКОВЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

С введением же христианства появляется забота и о религиозном просвещении народа, о введении образования, вкоренении через это духовное образование нравственности и умственного развития. Появляются с первых же шагов введения христианства, со св. Владимира и кн. Ярослава Мудрого, духовные училища и школы. Образование народа было предоставлено священникам и дьяконам и распространялось по общинам. Это образование могло дать летопись преп. Нестора, «Слово о Благодати» первого русского митрополита Илариона, житие преп. Феодосия Печерского.

Монастыри становятся крупнейшими духовными общинами, центрами просвещения, образования и ремесел. Здесь свои строители, художники, металлурги, врачи, агрономы, кузнецы, ювелиры, архитекторы, плотники и столяры.

Сколь верна мысль, что образование играет важную роль в истории народов, столь же верно и то, что образование само творит историю, давая направление ее развитию. Для русского народа образование было делом важным, тем более что сам строй жизни предоставлял мало возможности для бесплодных спекуляций мысли. Русское православие дает ответы на вопросы об истине, добре и зле, смысле жизни в форме, вполне конкретной и переживаемой всем человеческим существом. Следует вполне согласиться с философом Н. О. Лосским, что «конкретное вхождение в царство истины, даваемое христианскою религиею, особенно православным культом, содержит в себе более полный ответ на вопрос, что есть истина, чем философия» (Характер русского народа. Изд. «Посев», 1956, с. 33). Формулы даже западного богословия никогда не имели живого значения для Руси. Именно поэтому, беря проблему и с внешней, и с мистическо-религиозной стороны, русское православие неуязвимо ни для католицизма, ни для философской догматики и критики иудо-протестантизма.

Учение сосредотачивается в руках духовенства. В различного рода «Изборниках» того времени, то есть XI-XVIII вв., мы находим сведения по риторике, диалектике, философии, психологии, географии, истории различных народов, богословию. Обязательным по строю русской жизни было и знание арифметики. Все данные говорят за то, что грамотность была почти всеобщей, и даже в послепетровской России грамотных крестьян было намного больше, чем неграмотных. Обучение грамоте и счету было доступно решительно всем и вменялось в обязанность священникам и дьяконам по всем приходам. Письма крестьян конца XVIII столетия друг другу, жене, детям, из деревни в деревню, приводимые А.Миненко (Живая старина. Новосибирск, Наука, 1989), свидетельствуют, что грамотность была делом обыденным и в самый расцвет «крепостничества и абсолютизма».

Сошное письмо и разнообразные книги, определяющие права и обязанности крестьян — писцовые книги, окладные, рядные записи, всевозможные выписки из нормативных актов, требуемые старостами, крестьянами для повседневной практики общественных дел, торгов, податей, при спорах, — ведение протоколов мирских сходов и поголовное участие крестьян в делах общины и управления делали грамотность необходимой.

В решении Стоглавого собора книжное просвещение соединялось с православием и верою, и собор принял постановление (1556 г.) о необходимости всеобщего образования. В 1682 г. был подписан проект указа об образовании в Москве Славяно-греко-латинской академии. Академия была открыта для всех лиц, без различия звания, состояния, сана, возраста. Ученики подлежали суду только блюстителя Академии. Академии передавалась царская библиотека, и на ее содержание определялся Царем и Патриархом доход с 7 монастырей и нескольких царских волостей. Разрешались дарения, в том числе вотчинами, что во всех других случаях было запрещено. Академия стала первым высшим учебным заведением в России. Через 72 года здесь же, в Москве, был открыт и первый в России Университет. Его быстрый рост был обеспечен именно благодаря существованию в Москве Славяно-греко-латинской академии, дававшей стране подготовленные кадры для Церкви и государственной службы.

Митрополит Иов позднее пригласил братьев Лихудов в Новгород и открыл там греко-славянские училища. Недостаток в образовании всегда живо чувствовался в русском обществе, и, когда наступали мирные времена, правительство и духовенство обращали на него свое внимание, стремясь повысить образовательный уровень общества. Начального образования хватало, но не хватало высшего. На эту сторону и обратило внимание правительство в конце XVII в., открыв Академию. Известный враг патриарха Никона Лигарид имел, между тем, все основания сказать Царю Алексею: «Если бы меня спросили, какие столпы Церкви и государства, то я отвечал бы: во-первых, училища, во-вторых, училища, и в-третьих училища». (См. «Древняя и Новая Россия», 1875г., № IX, с. 15).

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ЦЕРКВИ

Для того, чтобы представить себе направление деятельности Церкви в образовании народа, надо указать содержание учения, которое распространяла

Церковь в своих посланиях, наказах, поучениях, а также и на способ усвоения этого учения семьей, общиной и государством в целом. Так, в посланиях митрополита Фотия 1416 г. ставятся и решаются вопросы о: 1) самоубийстве как преступлении против православного общества, преступлении, не согласном с учением Церкви. Запрещается хоронить самоубийц на общем кладбище; 2) лихоимстве, которое рассматривается как преступление против любви христианской, недостаток которой среди духовенства не соответствует духовному сану и должен вести к извержению из духовного сословия; 3-м пунктом обсуждается вопрос, можно ли есть пищу, что привозится из-за границы и рассматривалась в народе как нечистая. Митрополит Фотий рассеивает этот предрассудок.

В поучении, данном священникам в 1499 г., им предписывалось «не принимать в дар церкви ни свечи, ни просфоры от неверных, еретиков, блудников, татей, разбойников, резоимцев, клеветников, волхвов, четвероженцев; далее от тех, кто челядь или прислугу свою морят голодом, наготою и ранами безвинно; равно как от волостелей немилосердных» (Лешков. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858, с. 437).

В послании Фотия от 1426 г. митрополит требует от посадников суда правого, «от нарочитых людей — правды в торговле» и от всех милосердия к нищим (там же, с. 437).

В окружных посланиях епископов, в посланиях митрополитов и патриархов постоянно обращается внимание, чтобы по воскресеньям никто бы не работал, запрещается ввоз вина в общину. Для правительственных лиц направлены особые акты Церкви, как, например, известный под названием «Мерила праведного», в котором освещались понятия христианские о суде и правлении (ук. соч., с. 438).

Эти обращения, послания, устные проповеди, наставления, акты укореняли в представлениях народа понятия евангельские, церковные и отвечали на все запросы человеческого духа в их применении к частным случаям жизни в семье, общине, государстве; они были обращены ко всем мельчайшим движениям человеческой души.

Правительство, в свою очередь, стояло на страже веры. В наказе Сибирскому воеводе на Верхотурье от 1649 года предписывалось наблюдать за тем, чтобы все ходили в церковь и чтобы не было в народе пьянства, азартных игр и чародейства (ук. соч. с. 442). В 1669 г. в Москве стольника князя Оболенского посылают в тюрьму за то, что у него в воскресенье на дворе работали его слуги и сам он сквернословил. Царское правительство требовало от народа в той же мере соблюдения христианских обязанностей, в какой сам народ требовал от правительства стоять на страже «древнего благочестия». Религиозность и нравственность были делом совести и чувства всего народа, все боялись прогневить Бога! Воистину, по слову св. Иоанна Златоуста, «корень благих — страх Божий».

В тяжелые дни для всего народа, когда от голода или от мора гибли тысячи людей, тревожный колокольный звон плыл над Русской землей: Церковь объявляла всенародный молебен, покаяние, исповедь и причащение Св. Тайн, крестные ходы.

Высшим выразителем национальной идеи, венцом русского народа в его сознании патриотического долга, подлинным оплотом русской национальности во все года существования Руси был священник, сельский батюшка. Он, как и все селяне, пахал и сеял, но он служил службу и наставлял народ в истинах веры. Он, как никто другой, выражал интересы и саму душу русского народа. Это они, приходские батюшки, проводили в жизнь спасительные идеи мира и добра в русском обществе. Это они стояли на пути разного рода анархических учений. Словом и делом священники поддерживали верность Царю и России среди поселян во всех уголках страны. Это они выступили на борьбу с польским влиянием в западных областях наших, поспешили открыть школы при церквах на свои малые средства. Они же и первые страдали от врагов, они первые легли мученической смертью в первые же годы власти большевиков. «Упокой, Господи, души усопших раб твоих!»

УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ В ОТНОШЕНИИ К БЕДНОСТИ, БОГАТСТВУ И СОСЛОВИЮ, ТРУДУ И СЕМЬЕ

И здесь следует сказать о принципиальной разнице в учении революционеров, демагогов, социалистов разного рода от учения Церкви. В учении Церкви никогда не присутствовало представление о равенстве имуществ или состояний и сословий. Церковь всегда признавала неравенство в этой области как естественное следствие неравенства способностей, сил и дарований, данных Богом. Различие и неравенство дано изначально. Как в теле человеческом, так и в теле гражданском существует различие. Богатство и бедность одинаково возводятся в средство душевного спасения (см. «Московский церковный вестник», 1989, №8-10). Дело не в богатстве и бедности, а в отношении к ним. Порок в корысти, а не в сумме денег.

Цель христианского вероучения состоит в том, чтобы научить человека довольствоваться своим положением в настоящей жизни, быть полезным в обществе, честно исполняя свой долг, и стремиться достигнуть своего блаженного предназначения в вечности. Для этого христианин и должен усвоить себе великое благодеяние, излиянное на род человеческий через Иисуса Христа и через утверждение Им для нашего спасения Церкви. Христианское вероучение внушает нам, что Бог есть любовь, что Отец небесный не пощадил и единородного своего Сына, но предал по любви к людям Его на крестную смерть, чтобы всякий верующий в Него не погиб навеки, но спасся. Для

руководства же к блаженной вечности Спаситель и учредил свою Церковь, ниспослав на нее Дух Святой.

Что пользы человеку, если он поработится позорным страстям, хоть и приобретет при этом все золото мира? Не обуздывая своей чувственности, разжигая в себе пламень ненависти к неким врагам, борясь как бы за счастье человечества, готовя ему бомбы, лагеря, смерть и разрушение, куда заведет человечество такой пророк? Но не безразличие к порокам внушается христианину, а борьба с ними. Ревность по Боге — это долг любящего сердца защищать свое православное отечество и чистоту веры, не отдавать святынь на поругание, но положить жизнь свою за них и тем обрести вечную славу на Небесах.

Не будем забывать, что именно христианство провозгласило устами самого Спасителя необходимость труда. Из проклятия в языческом мире, а именно в таковом качестве труд выступает и у Платона, и у Сократа, и у стоиков, и у гностиков, и у манихеев, этих предтеч масонства, труд превратился в необходимость и обязанность каждого христианина. Неважно, кем ты трудишься, важно, что ты трудишься добросовестно. Мытарь или плотник, рыбак или врач, всяк, по слову Апостола, оставайся там и трудись честно.

Религиозно-нравственные начала от семьи, личности восходили до государственного управления и оттуда входили в наказы, грамоты и законы. Твердые правила христианской нравственности утверждали семью, способствовали увеличению численности народа, вносили ясные правила в управление страной. Царь православный — батюшка, патриарх-владыко, священник-пастырь, крестьянин-христианин, и все при одном деле.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Историки, воспитанные на западных образцах социальной мысли — Милюков, Чичерин, Пыпин и другие, отмечали с грустью, что Московская Русь не знала административной централизации. Милюков писал, что общество было отдано себе же на поруки, и что между обществом и правительством никакого аппарата управления не было (Очерки русской культуры, тт. 1, 2). Чичерин же, автор «Областных учреждений в России XVII в.» также отмечал, что и поддержание дорог, и устройство почты, и сельское хозяйство, и городское, и торговля, и судопроизводство — все находилось в руках общин, так же как и образование, и промышленность, и дело призрения, и ратное дело.

При таком доверии между обществом и правительством не было и нужды в аппарате чиновников. Чичерин пишет: «Все шло в Руси не по теоретическим началам, а по практическим потребностям; не было одной общей административной системы; напротив, предписывалось воеводам: «Что в прежних наказах добро и прибыльно, того и теперь держаться, а что в прежних или настоящих, вновь, на их имя данных статьях найдут они на месте не пристойным, то делать, смотря по тамошнему делу или, как их Бог вразумит» (Областные учреждения в России XVII в. М., 1856, с. 88).

Удивительным благоразумием, доверием к своим воеводам дышат эти слова Царя. Обратим внимание и на то, что в подмогу воеводам в управлении жителями выбирались подьячие «из лиц, кто всему городу был люб» (с. 591). Чичерину не нравилось, как и другим западникам, «бессилие» центральной власти, отсутствие классовой борьбы и борьбы боярства за привилегии. Чего не было, того не было в Русской истории. Сила же центральной царской власти покоилась не на противостоянии с народом, а на общем понимании с народом своих задач. Дело государево и дело государственное сливались в одно дело всей Руси, всех сословий. Только XVIII век пролил целительный бальзам на мятущуюся и принципиально подражательную душу русского либерала. Появились привилегии и борьба за власть, интриги и перевороты — все, как «там». Появились и сами либералы, и их комфортные кабинеты, и движение по службе от удачного переписывания бумаг и составления квартальных отчетов и годовых. Путеводная звезда чиновника — карьера — стала подменять живое дело государево. В канцелярском дожде входящих и исходящих бумаг стали теряться перспективы русской народной жизни.

По правде сказать, административное начало и после Петра не было всеобъемлющим. Чиновник бессильно останавливался у границ крестьянской общины. В управлении же областном основное значение имели не чиновники, а дворянство до самой реформы 1861 г. На губернию приходилось не более одного — двух жандармских офицеров и в середине XIX в. В сельской местности полиции почти вовсе не было до самого конца империи. К чести русского правительства, и в период крепостничества, то есть в XVIII в. и первой половине XIX, ни Сенат, ни Царь никогда не настаивали на проведении в жизнь тех своих распоряжений, которые крестьяне отказывались признавать и исполнять. Примеры тому можно найти в упомянутой книге А. Миненко.

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ СО СТОРОНЫ

Если в прошлом веке и начале нынешнего западники полагали наличие цивилизации в прямом отношении к количеству тюрем и полиции и, не находя их в достаточном количестве на Руси, искренне огорчались, что все у нас «не так», то теперь опять не так, но Руси приписывается избыток тюрем и полиции. Теперь у публицистов Русь стала страной деспотической. Опять не то, что надо. И то, что и полиции не было, и то, что и преступлений политических законодательство Руси не знало до самого Уложения 1649 г., и то, что и при «самом» Николае I жандармов на всю Россию было в разные периоды от 20 до 40 человек, а политических ссыльных на 1856 г. около 115 чел., и то, что цензура на научную литературу вообще отсутствовала и Московский

университет получал любую печатную продукцию свободно, и то, что в стране не было никакой общеобязательной идеологии и само процветание русской литературы — все это не помеха для желающих найти в русской истории то, чего никогда не было — деспотизма. Лосский замечает: «В числе парадоксов русской жизни один из самых замечательных тот, что политически Россия была абсолютной монархией, а в общественной жизни в ней была бытовая демократия, более свободная, чем в Западной Европе» (ук. соч. с. 54). А ведь Лосский знал, что говорил: он прожил при «гнете самодержавия» 47 лет, а после еще почти 40 лет в Западной Европе.

Именно зная историю и будучи вполне русским человеком, он пишет: «Великая Российская империя с абсолютной монархической властью создавалась не только благодаря усилиям правителей (как будто это вообще возможно. — В.О.), но и благодаря поддержке со стороны народа против анархии». (Лосский Н. О. Характер русского народа. Посев, 1957, с. 52) Лосский делает вывод: «Не будь войны 1914 г. и большевистской революции, Россия, благодаря сочетанию бытовой демократии с политической, выработала бы режим правового государства с большею свободой, чем в Западной Европе». Сошлемся еще раз на этого автора: «Не надо, однако, преувеличивать недостатков самодержавной власти. Люди, не знающие русской культуры, обыкновенно воображают, будто русское самодержавие было деспотизмом и государственная жизнь России была варварская. Это грубое заблуждение». Это живое свидетельство, отнюдь не единичное, человека европейски образованного, на своей собственной судьбе, не теоретически узнавшего жизнь Запада и способного сравнить его с царской Россией. Уточним сказанное: пока смысл русского дела был ясен всем — Россия стояла твердо.

Не менее интересно свидетельство и другого лица — графа И.И. Толстого (1858-1916), либерала, отчаянного юдофила, кадета по убеждениям и политической деятельности, заговорщика в пользу государственного переворота во время Мировой Войны, а, следовательно, и масона, на квартире которого последние и собирались для обсуждения своих планов, то есть человека во всех отношениях прогрессивного и благородного. Граф И.И. Толстой короткое время успел даже побывать министром народного просвещения в правительстве другого графа — С.Ю. Витте, тоже либерала, юдофила, демократа и кадета по убеждениям, и, вероятно, и масона. Граф И.И. Толстой ежегодно проводил пару месяцев, как это вообще водится у культурных либералов, юдофилов и демократов, где-нибудь во Франции или Италии с заездом в Швейцарию и проездом через Германию, с посещением интересных уголков последней. Так вот, граф И.И. Толстой записал в своем дневнике за 17 октября 1906 года свои впечатления от цивилизованной Франции, сравнивая ее порядки с русскими: «Целый день бегали по Парижу, благо погода была отличная. Но Боже! Все же какой Содом! И какие контрасты бедности и безумной роскоши! И это в республике, да еще при существовании у власти социалистического министерства и радикал-президента! Вот где наши теоретики революции могли (бы) воочию убедиться, что не в форме правления и не в личности правителей дело, а только в самом человеке. А у нас в России ожидают на сегодняшний день беспорядков, может быть кровопролития, только на том основании, что ровно год тому назад правительство наше обещало предпринять демократические и либеральные реформы и что по мнению одних, оно обещало слишком мало, по мнению других — слишком много, по мнению третьих — недостаточно быстро и откровенно исполняет обещания; из-за этого находят нужным одни убивать бомбами и револьверами, другие — вешать и расстреливать ... Каждый раз, как бываю в Париже, у меня с первого дня появляется сознание, что из демократической монархии (т.е. России — В.О.) я попал в плутократическую республику, из страны фактического равенства и бедности, где, однако, нет юридического равенства, в страну чудовищного фактического неравенства при существовании равенства юридического ... для меня, русского, есть — что-то в высокой степени противное в бесстыжей роскоши, которую замечаешь здесь на каждом шагу и о которой у нас не имеют понятия.» (Толстой И.И. Дневник 1906-1916 г., М. 1997 г., с.42).

Богатство, роскошь — это, конечно, прекрасно, а бедность противна и унизительна, нищета же и вовсе вещь безобразная и мучительная. Но надо помнить, что в России продукты питания были почти самыми дешевыми в Европе и самой бедной семье не составляло труда прокормить шесть — восемь детей, даже если глава семьи работал мелким конторщиком на железной дороге или на заводе. Поэтому, несмотря на бедность основной массы народа в России, численность русского населения за сто лет утроилась! Сличая с нынешним пониманием бедности мы можем сказать — бедность бедности рознь. К тому же общее благосостояние народа с конца XIX века постоянно росло, а народное хозяйство шло в гору. Этот пример показывает просто, каких результатов могла достичь Россия и в самых трудных политических условиях при наличии войн, забастовок, революционного террора и даже при не очень высокой организации производства, при определенном разгильдяйстве и не высоком образовательном уровне работников, когда у власти находилось русское правительство, хотя бы и с немецким колоритом, которое сумело создать вышколенный чиновничий аппарат и которое не ставит себе целью угробить собственное население и задавить русскую деревню и всю промышленность ценообразованием, отсутствием кредитов и налогами. Когда правительство думает действительно о своем народе, а не о том, как его ограбить во имя то «революции», то «реформ» — смотря по вкусу правителей, творящих тикун (евр.), то есть «исправление» страны и народа, по своим планам.

Не надо также забывать, что достоинств без недостатков в нашей жизни не бывает, и что мало привлекательные некоторые черты русского национального

характера, вроде упомянутого разгильдяйства, делать многое на «авось» есть просто продолжение его таких положительных качеств, как терпение, неприхотливость и талантливость, которые помогли ему стать на уровень мировой нации. С немецкой пунктуальностью, жесткостью или с еврейской изворотливостью и расчетливостью на российских просторах, среди лесов, болот, снегов и пустынных просторов. среди сотен народностей и в трудных климатических условиях государства не создашь. В тем более такого огромного и миролюбивого при этом, какой выросла из небытия некогда Русь, а потом и Российская Империя. Да еще при таких малых материальных силах, малой численности населения сравнительно с территорией. Но это — лишь отступление от темы, что-то вроде дивертисмента. Более интересно замечание графа И.И. Толстого о наличии фактического равенства в Российской Империи. Заметим, что запись в дневнике сделана в год 1906, когда, согласно учебникам по истории в России продолжалась еще первая революция, что еще вовсю гремели выстрелы из-за угла, шли чередом теракты, периодически грабили инкассаторов, заводские кассы и магазины «во имя революции». Революция же шла, то есть гремели выстрели и шли грабежи, во имя равенства и свободы. Что имелось в виду под словом «свобода», стало ясно сразу после октябрьской революции.

Толстой приводит в своем дневнике рядом с предыдущей записью и мнение знаменитого Дягилева по той же теме: «Дягилев, будучи убежденным врагом старого режима, испытавши на себе французские «республиканские» порядки, ругал их ругательски, причем выражает мнение, что если в России с переменой режима предстоят те же прелести лжи, интриганства и искательства, то, пожалуй, лучше остаться при старом.» (там же, с.44).

Русская жизнь дореволюционной поры была полна тех патриархальных прелестей, которые ругают, когда они есть, и о которых рыдают, когда их больше нет. К России не прививался аристократизм и представления о ценности породы. Не прививался просто потому, что этих представлений нет в христианстве и они глубоко чужды православному вероучению. Это ведь только в язычестве и языческой культуре есть деление людей и народов по сортам. И в этом смысле в России, среди русского народа царствовал демократизм в исконном значении этого слова.

Есть что-то глубоко парадоксальное в оценке Самодержавной России большинством историков как наших, так и зарубежных. Пока в России господствовал идеологический плюрализм, пока в ней каждый человек мог придерживаться любой мировоззренческой философии, пока была, по существу, свобода печати — по крайней мере с 1905 года, и пока в ней была — с того же года многопартийная система — был «деспотизм», а Россия была «тюрьмой народов», в которой почему-то народонаселение, не только русское, быстро росло в числе, поскольку «почему-то» и женщинам хотелось рожать детей, и семьи были крепкими и надежными. Пока в стране был суд присяжных — с 1864 года, и судьи были независимы — в России был «деспотизм» и «правовой беспредел». Пока Россия быстро шла в хозяйственном отношении в гору и переживала с 80-х годов XIX века промышленный бум — Россия была «страной отсталой» и чуть ли не «колонией Запада». Пока в России было местное самоуправление — земство до уездного уровня, а затем и Государственная Дума с мощной оппозицией, воистину непримиримой — «в России не было демократии». Пока жители России не знали самого значения слов «очередь», «талоны на продукты» и «достать» и всё могли купить в. магазине — «в России была нищета». И так далее. Как только была введена единая кучая, чисто иудейская и обязательная для всех идеология, и началось тотальное уничтожение русского провинциального мира, крестьян и тех, кто был рядом, — «началась эра свободы и процветания». Как только миллионы людей были обречены кремлевской новой властью бронштейнов и апфельбаумов из еврейских местечек на голод и вымирание — «началась эра свободы и счастья».

Как только исчезло всякое понятие о свободных выборах в местные органы власти — появилась «демократия». Причина такого отношения к царской России и, в сущности, к истории русского народа, а, следовательно, и к нему самому кажется очевидной. Русская история пишется не с позиций интересов русского народа и не глазами русского человека видится. И не понятиями живой реальности она, эта история, описывается. Ее задача, по самой ее методике — «классовой» и «объективной» во-первых, доказать и проиллюстрировать догмат «прогресса» и превосходство «всемирной культуры» и единой цивилизации над любой самобытностью, как разрушающей концепцию иудаизма о движении мира и Вселенной к Всеединству. А во-вторых, доказать, «интеллигентно» и часто по-хамски, что русский народ сам ничего толкового и умного создать не мог. Заметим сразу, что при этом всячески обходится вопрос о богатстве и неповторимости русского языка, который никакой «прогрессивный народ» и никакая «Всемирная культура» породить из себя не могли. Нужно было доказать, что без талантливого еврейского народа ничего хорошего в России произойти не может, ибо он есть локомотив «прогресса». Для конца XIX века и начала XX эта идея стала актуальной, а для «страны победившего пролетариата» только такая концепция истории, в которой оплевывается — «культурно», конечно, словами наукообразными — все исторически русское: от бояр, царей и князей до самой нашей святой Православной Церкви и ее святых — все это стало просто главным содержанием нового, иудейского по сущности, вероучения. Методом идейного террора.

Любопытно в этом смысле прочитать страницы дневника знаменитого русского историка Ивана Забелина, человека, вообще говоря, либеральных взглядов, но который, глядя на «революционные» еврейские безобразия 1905 г.,

вдруг как-то поправел. В июне 1905 года он записывает в своем дневнике: «Июнь 1905 года. Россия на смертном одре! В каждом номере газет всяких направлений, особенно в газетах жидовского направления, в одних читают уже отходную, а, других поспешно служат панихиды по умершей, и читатель, перевертывая страницы с множеством подтасованных телеграмм о забастовках, убийствах, пожарах и т.д. с приложением животрепещущих повестушек и подходящих анекдотов о жизненных безобразиях умирающей, о карикатурном ничтожестве ее существования, читатель, повторяю, терпеливо просматривая эти ужасы и всякого рода издевательства над умирающей (Россией — В.О.), невольно приходит в полнейшее отчаяние, как это засвидетельствовал читатель «Русских Ведомостей»...

Так создавалась обстановка морального террора в отношении чувства русского национального достоинства. Не без самого активного участия русских обормотов и духовных пролетариев, у которых нет даже собственной головы. Это не какой-то надуманный и для определенных целей созданный «антисемитизм», то есть для целей торжества самого семитизма. Культурно-идеологическое пленение давно в нашем мире предшествует пленению политическому и хозяйственному. И с Россией именно так и произошло.

И И.Е. Забелин продолжает записывать в своем дневнике: «Россия на смертном одре! Громко раздается во всем газетном мире за долами и горами, за морями и океанами, во всех больших и малых городах.

Не надо обладать собачьим чутьем, чтобы достоверно узнать, почувствовать, увидеть, что весь этот всемирный гвалт воспроизведен и ежеминутно воспроизводится жидовским всемирным кагалом, всемирным жидовским заговором против России, в котором усердствуют и русские пошляки всякого рода ....настанет суд истории, которая прямо скажет свое правдивое слово. *Вечный жид* (курсив Забелина) будет обличен в своих бесчеловечных интригах.

Русская история помнит не одно нашествие на Русскую землю иноплеменных .... теперь революционное видим нашествие евреев, хотящих подобно татарам поработить себе всю землю, владычествовать над нею из конца в конец, с какою целью они и выставляют русский народ как самый негодный из негодных, представляют Европе и всему миру во всех видах эту негодность, а себя выдвигают как единственное культурное племя, способное осчастливить землю своею интеллигентною силою.

Уже теперь Святая Русь уподобилась больному Льву из Крыловской басни, которого без боязни ругают все и всякие Ослы ... Каждый номер жидовских и жидовствуюших газет с горячим старанием сочиняет картинки народного быта, унижающие русского человека, представляемого в скотообразном виде. Или под именем бюрократии чернят всякими черными красками существующую жизнь.

Идет несчастливая тягостная война (русско-японская 1904-1905 — В.О.), и ниоткуда в газетах ни слова одобрения, помощи. Напротив. все в запуски трактуют общие беспорядки в армии, во флоте и повсюду наводят уныние, страх и отчаяние, в соответствии и сравнении излагают торжество Японии во всех подробностях.» (Забелин И.Е. Заботами царской семьи. (Дневник)) — «Слово», 1997 г., № 7-8, ст. 28-29).

Собственно говоря, историк Забелин — человек безусловно добрый и огорченный очевидным попранием принципа «интернационализма» говорит нам о том, как делалась революция: методом морального террора и умственного подлога, как внушалась и зачем мысль о неспособности русских самим решать свои национальные и исторические задачи без. помочей гениальных еврейских политиков, идеологов и финансистов. И вот почему, строго говоря, сегодня нам приходится объяснять друг другу, что та Россия прекрасно обходилась русскими средствами, без «прогресса», без «марксизма» и без «демократии» и что жизнь в той России была тихая, привольная и добродушная. Понятно, были и пьянство, и обманы, и бунты. Рая не было. Но сравнительно с последующим кремлевско-еврейским периодом нашей истории — там была едва ли не райская жизнь. Да и потом, — Россия ведь не с неба упала. еще ведь надо было создать то, что потом, при большевиках и демократах, будет разрушаться и разворовываться на глазах у цивилизованного мира и к его великой радости как раз «избранным племенем».

Мы много забыли, а что помним, боимся иной раз трогать в печати по понятным причинам. Но в добавление к сказанному Забелиным и, чтобы пояснить тему, отчего нам вообще приходится доказывать, что днем светлее, чем ночью, если, конечно, не горят очень ярко фонари, и вы не находитесь в подвале, надо вспомнить, как уже в семидесятых — начале восьмидесятых годов, т.е. каких-то 10-15 лет назад, вдруг в воздухе что называется зашелестело от знакомых и незнакомых евреев, что русские по тупости своей испортили такую замечательную идею, как коммунизм. И все беды от того, что евреев нет в руководстве страны. Конечно, это чистой воды сказка — о руководстве-то, но дело не в этом. Вдруг заговорили, что если бы такое талантливое и даже гениальное племя стало бы у руководства страны, то жизнь бы стала едва ли не райской. И только и слышалось, что о тупых русских и о сверхгениальных евреях. Свято уверовавшие в дружбу народов мы как-то сами записали себя в младшие братья. И вот уже от своего знакомого русского слышишь: «старик, ну чего там говорить, люди — то они, не чета нам, с большим умом.» И с этим можно искренно согласиться — не чета. Таких доверчивых и добродушных, как русские, можно найти только разве еще среди хантов, манси и чукчей. Но в нашем мире эти качества ценятся только в том же смысле, как ценятся шкурки соболей и морских котиков: от них польза окружающим. Сегодня стихли эти разговоры на улицах и в частных беседах. Отчего бы? Причина проста:

невыгодно демонстрировать гениальность на примере разворовываемой и нищающей страны. Еврейские лидеры, политики и финансисты, сегодня у власти, причем в самом чистом демонстративном виде. По плоду познается дерево, гениальность и талантливость тоже. Никто не оспаривает талантливость еврейского народа, но хотелось бы получить от неё пользу. Однако больших хозяйственных успехов почему-то нет. Культурных успехов тоже. И мы снова возвращаемся к строкам из дневника историка Забелина и видим, что перед нами все та же политическая парадигма, как принято нынче говорить, та же метода морального и идейного террора. Мы даже можем узнать, читая об отношении газет того времени к русской армии во время русско-японской войны, отношение телевидения и газет «демократического направления» к русской же армии во время нынешней войны в Чечне.

Между тем, реальность такова, что приходится снова возвращаться к страницам русской истории и приводить свидетельства современников о жизни в Самодержавной России и разбирать по строкам то, что было о ней написано и почему именно так, а не иначе.

У нелюбимого дитя, по народной пословице, всякая строка — в лыко. Историки «победившего пролетариата» не любят России национальной и самобытной. Самодержавной и Православной. Она их раздражает и злит. В течение десятков лет. в окружении концлагерей, они сообщали нам о расцвете свободы и благоденствия, принесенного «Великим Октябрем». Среди уничтоженных русских деревень, доведенных большевистскими оккупантами до полного вымирания, среди грязи и нищеты коммуналок они годами рыдали о тяжелой судьбе русского крестьянина и страшной доле рабочего человека при «царизме». При свете костров от сжигаемых книг они стонали, описывая злоключения единственной книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Обливая грязью русскую историю, они твердят нам о каком-то научном подходе, об интернационализме, не забывая выпачкать грязью русских Вождей, иерархов Русской Церкви, аскетов и святых, верных слуг Отечества и Престола. Что же здесь удивительного, если учесть, что все профессиональные историки нашей страны вскормлены на основах, враждебных русскому национальному началу, русской истории и истории вообще. Марксизм столь же противоречит самому понятию истории, как «учение» Лысенко основам биологии. История человеческого духа, борьбы добра и зла, явленная в делах человеческих, заменена на бухгалтерские счета и жаргонный талмудизм. Бандиты, уголовники, параноики превращены в героев человечества. Глубокая ненависть к русской истории и православной церкви «советских историков» заставляет их применять готовые клише, растаскивая по разным углам деяния русских людей. Им как бы неведомо, что именно при Царях Россия только и была государством национальным, что именно Цари пеклись о процветании искусств. что благодаря Императору Николаю I мы имели «золотой век» русской литературы. Что он материально поддерживал всех русских литераторов, давал им пенсии (Гоголю, Крылову и другим), платил долги Пушкина и проч., и проч. Зачем же бесконечно лгать на тех, кому мировая культура обязана поставить памятники в крупных городах: от Екатерины II до Императора Николая II. Тем более, что в России, как они утверждают. все делалось по произволу царей. Следовательно, расцвет литературы и прочих искусств — тоже.

Живые свидетельства очевидцев той поры доносят до нас образ совсем другой России — благодушной, пронизанной тонким чувством красоты и одухотворенности музыкального народа, гордого и трудолюбивого. Желание спроецировать туда свойственное большевизму человеконенавистническое чувство злобы, зависти, презрения к честному труженику, крестьянину и помещику. Царю и священнику, купцу и извозчику, казаку и стрельцу, городовому и генералу сталь же понятно, сколь и противно любому человеческому чувству, и прежде всего исторической достоверности.

Приведем свидетельства англичанки Марты Вильмот, написанные ею в 1804 г., о России и русских: «В России нет религиозной вражды и дух терпимости таков, что даже неграмотные крестьяне как бы по наитию понимают, что у людей других национальностей имеются свои, не схожие с их собственными религиозные обычаи» (Письма сестер М. И. Вильмот из России. М., 1987, с. 253). И о самих русских крестьянах периода расцвета крепостничества, пика эскалации «несвободы», «выжимания последних соков» из крестьян: «...На небольшом лугу против моего окна около 150 мужчин и женщин косят траву. Все мужчины в белых льняных рубахах и штанах..., а рубахи подпоясаны цветным поясом и вышиты по подолу ярко-красной нитью. Вид у них очень живописный; лгут те иностранцы, кои изображают русских крестьян погруженными в праздность, живущими в нищете. Дай Бог нашим Пэдди... наполовину так хорошо одеваться и питаться круглый год, как русские крестьяне. Конечно, противоречия имеются в каждом государстве, но если, сравнивая два народа, посчитать основными вопросами те, что относятся к условиям жизни (достаточно ли еды, есть ли жилище, топливо и постель), то русские, вне всякого сомнения, окажутся впереди... в интересах самих господ хорошо обращаться со своими крепостными, которые составляют их же богатство; те помещики, которые пренебрегают благосостоянием своих подданных и притесняют их, либо становятся жертвами мести, либо разоряются» (с. 277).

М. Вильмот провела в России несколько лет и знала, что она пишет. Просветительская литература, введшая в оборот идею разделения народа на два лагеря — тиранов и народ в рабском состоянии, который должен быть освобожден «избранным» меньшинством, — заставляла видеть либералов то, чего не было. Эти образованные на нелепых книжонках и нелепых идеях

интеллигенты, «гуманисты», приученные с детства смотреть на себя, как на призванных быть орудиями самой судьбы, видели поначалу в студентах предтечу будущего, потом в крестьянах и, наконец, в рабочих.

Им нужен был забитый мужик, и они его видели. Иногда, правда, сбрасывали с себя эту сонную одурь лжи предвзятых идей, и тогда действительность являлась им так же непосредственно, как Марте Вильмот.

Вспомним любопытный эпизод, происшедший с А. С. Пушкиным. Он ехал в дилижансе из Москвы в Петербург и в беседе с англичанином «обратился к нему с вопросом, что может быть несчастнее русского крестьянина». Англичанин ответил: «Английский крестьянин». «Как! — удивился Пушкин, — свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба?.. Неужто вы русского раба почитаете свободным?» Англичанин ответил: «Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами? Есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи?»

Через некоторое время Пушкин вдруг уже от себя пишет: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его известна; проворство и ловкость удивительны» (Пушкин А. С. Мысли на дороге. Собр. соч. под ред. Морозова, 1903 г., с. 365-368).

Что же, изменилось так резко положение крестьян? Отнюдь. Изменился взгляд. Пушкин увидел действительность не глазами Радищева и «освободительной» литературы, а трезвым и непредубежденным взглядом.

Таким образом, формула Русской Правды — это христианские, самоуправляемые общины под скипетром самодержавного Царя, лично ответственного перед Богом за вверенную ему страну.

МАСОНСТВО — ПОДГОТОВКА И РИТУАЛ

Истоки либеральных идей нас сегодня особенно должны заинтересовать. Эти идеи полностью враждебны традиционным началам русской жизни. И вот интересно, не увидим ли мы в них самих себя, свои заблуждения, свое рабство, подчинение лжи. Развеять ложь — это значит увидеть, кто в ней был заинтересован, какими интересами она создавалась, кто ее вскармливал и отправлял в путь по страницам русской литературы и журналистики. Идеология — могучая и всеобъемлющая ложь, имеющая видимость правды за счет привлечения всевозможных обрывков идей философии, научных терминов, особенно же за счет своего языка, состоящего из аллегорий, иносказаний, свернутой лексики, недомолвок. В ней — все работает ради одной единственной идеи — придать вид законности незаконной власти меньшинства над большинством, власти мертвой догмы и ее жрецов, призванных разорять и убивать. Но в том-то и дело, что меньшинство служит богоборческим силам сатаны под видом гуманитарного безбожия... Поэтому такая власть неизбежно будет выступать в идеологии как «самая народная», как «исторически обусловленная», «несущая и зовущая», иногда отступающая, но неуклонно и только она ведущая...

Увы, куца ведет человека безбожие и неприятие Церкви, хорошо известно: «там будет плач и скрежет зубовный», по Слову Спасителя.

Прежде чем эта догма со своими иерофантами сформировалась в новое время, она жила в нелегальных обществах средних веков, затем ставших почти легальными, постепенно пропитывая правительственный аппарат и легализуясь в XVIII в. В борьбе с христианской культурой и с самим Словом Божиим она окончательно сформировалась, приобрела законченную структуру, лексику, понятия, отработала наиболее динамичные лозунги, выработала свой язык и формы борьбы за власть. Говоря о 30-х и 40-х годах XIX в. П. Н. Полевой пишет: «Все политические и общественные партии (имеются в виду «западники» и «славянофилы» — В.О.) воспитавшиеся в период сильнейшего развития философских систем и теорий, перенесенных с Запада на русскую почву, стремились применить их, так или иначе, к вопросам русской жизни. Но русская жизнь влеклась такою неприглядною колеёй, рамки ее были и так тесны, и узки, что всем приходилось утешать себя только мечтами о будущем и в нем строить и воздвигать свои идеалы, в нем искать осуществления своих надежд, основанных на последнем выводе западной науки и новейших философских систем. Ни одна из существующих партий не была довольна настоящим; каждая из них относилась к нему с порицанием (иногда чересчур строгим и совершенно несправедливым) и отрицала даже все то, что последующие поколения русских людей оценили по достоинству. Вообще — отрицание и сомнения носились в воздухе» (Полевой П.Н. Век нынешний и век минувший. «Исторический вестник», 1887, т. XXVIII. с. 176).

Век, прозванный философским, век XVIII перешел в XIX век, сменив кумиров, но не изменив своей сущности. По этому воззрению «философскому» все народы суть одно. Все они должны проделать один путь развития. Есть одна столбовая дорога, по которой следует идти всем. Впереди стройными колоннами идут «просвещенные» народы, за ними, нехотя и упираясь, остальные. В принципе допускаются фланговые заходы, блуждания по дебрям невежества, «национализма», но в конце концов и они будут обязаны выйти на столбовую дорогу цивилизации. Об истоках этих унифицирующих идей будет сказано ниже.

На этой столбовой дороге не будет никаких церквей и никаких наций. никаких сословий и ничего самобытного, кроме пары лаптей в музее и сарафанов для праздников. Все, кто противится вступить на эту дорогу, будут уничтожены «историей». Эта «история» властно призвала к себе жрецом

философов, воспитала их в «нужном» духе, сделала их «сознательными» и бросила на «передовые рубежи» цивилизации. Горе тем, кто не хочет последовать за жрецами. На примере такого «жреца» Ткачева (см. ниже) можно видеть воплощение этих идей в программу революционной практики.

Вспомним: поколения либеральной интеллигенции строили свои идеалы устройства человеческого общества на «последнем выводе западной науки и новейших философских идей». Они были настолько догматизированы, эти либералы, что им в голову не приходило, что: во-первых, у науки нет и не может быть последнего вывода: во-вторых, то, что они принимали за науку, было на самом деле идеологической метафизикой: подлинная наука не несет никакого мировоззрения, ни химия, ни физика, ни биология, ни математика, ни генетика, никакая. На ее основе нельзя построить никакого общества, «научно обоснованного». В-третьих, жизнь человеческого общества нельзя строить по какой бы то ни было философии, как созданию искусственному и упрошенному человеческого разума.

Эти самообольщения либеральной интеллигенции несомненно сродни алхимическим занятиям московских розенкрейцеров: создать искусственную жизнь в пробирке, стать самим Демиургом, заместить самого Бога, самим по своим талмудо-каббалистическим меркам сотворить космос человеческого общества. Отсюда эта распространенная масонская символика: пирамида (человеческое общество) со снятой вершиной — Богом. Его место занимает каббалист-алхимик или революционер-коммунист, смотря по обстоятельствам времени и страны [27].

Отсюда эта мелочная опека правительственными чиновниками решительно всех сторон жизни утопийцев, жителей обетованного рая средневековых мечтателей-проектистов и их преемников — членов масонских лож нового времени; все рассчитать, за всем надзирать и все регулировать: рождение, брак, любовь, распределение по рабочим местам, форму одежды, количество положенного на одного человека-работника белья — в год, материал посуды для еды, время обеда, завтрака и ужина, отдых. сон и пр. Все города — государства счастливого будущего строятся по каббалистическим законам: беспременно круглые, имеющие в центре правительственное здание, откуда легко обозревать весь город; число улиц, кварталов и прочие атрибуты такого города символизированы и подведены под геометрические фигуры, числа и конфигурации, имеют соотношение с астрологическими реалиями (см. «История философии». М.. 1941, т. II. с. 59: «Примесь каббалистической мистики и астролого-магической фантастики настолько велика в натурфилософских произведениях Кампанеллы...» и т. д.) Сам символ солнца, как известно из каббалистики, — глубоко символическая фигура, заменяющая собой Иегову и огонь-Люцифера, и для непосвященных обозначаемый как Митра или символ золота, число 365, круг года. Вселенная. Стать самим богами — это люциферианская блажь овладевала человеком до последних клеточек его организма. Он, едва видный на земле, страдающий от малейшего ветерка, вдруг начинал ощущать себя властелином. Ему внушалось, что мир очень прост, что он неправильно устроен и не будет ничего особенного, если навести в этом неправильном мире порядок. Все очень просто: захватить власть — для этого не надо изучать бездну наук.

Есть умные головы, они все рассчитали, и, оказалось, что идеал — это муравейник с его геометрическим порядком. Эти туда снуют, эти оттуда, и каждый приставлен к своему делу. (Ср. соответствующие слова Фалька из «Разговора для масонов» Лессинга (1778).)

Такие глобальные замыслы нуждались и будут нуждаться всегда в сакрализации. Будучи сами внушены недоброй силой, они обращаются к падшей стороне человеческой природы. Такие обращения не для всех. Одни становятся академиками, другие привратниками при академиях. Каждому своё. Осуществляется главная идея каббалы — спасение через «прогресс».

Используя теорию, следовало перейти к магии, с помощью которой можно получить власть над силами природы и воссоздать по своим меркам жизнь общества. Для этого надо подготовить кадры самих магов-просветителей. Маг — это одна из наиболее высоких степеней в Каббалистическом Ордене Розенкрейцеров, в том числе и в московском его ответвлении. В Уставе Магов имеются и такие слова: «Мы обладаем двумя главными свойствами Иеговы: брожением и разрушением всех естественных вещей. Мы можем, как Моисей, превращать воду в кровь; мы можем, как Иисус Навин, обращать в прах целые города звуком инструментов» (Финдель И. Г. История Франк-Масонства. М., 1872, т. 1, с. 239). Эта же степень имелась во вполне революционном по своим задачам Ордене Иллюминатов Вейсгаупта.

Построить жизнь целого народа по своим меркам, нимало не сомневаясь, что это кому-то нужно. Более того, такой вопрос и не вставал. Не для кого-то, а для «истории», ну, может, еще для какой-то мифической, выдуманной «Родины». Главным же образом, для идеи преобразования человечества по плану раввинистической Торы. Мы знаем, в нашей стране эта идея 70 лет была важнее экономики, политики и жизни всех населяющих страну народов. И сегодня главенствует догма и догматика, «реформаторы»!..

Идея Торы... Этот страшный истукан требовал от своих жрецов

[27] На примере московских розенкрейцеров-алхимиков мы увидим, что они проектировали захват государственной власти и создали социалистические утопии, а еврейское правительство большевиков эти утопии сделало былью, а их наследники-демократы «углубили» эту быль и привели Россию к разорению. Такова логическая цепочка; от масонского просветительства к еврейской власти в России.

безусловного подчинения. Слепое орудие в руках демона этого истукана, жрец храма Соломона осуществлял Идею. Ее излагали масону тысячи раз. Мастер Хирам, строитель храма Справедливости, храма Соломона, убитый завистливыми рабочими, невежественными и злыми, каждый раз, в каждой степени Ордена представал пред каменщиками в новом обличье. В этой легенде можно было узреть и все уравнительные теории, и все авторитарные. Больше того. Каждая степень была посвящена какому-то особенному пониманию легенды убитого Мастера, и масоны на своих заседаниях вновь повторяли все события, связанные с Мастером. Разыгрывались мистерии убийства Мастера злобными рабочими, а затем нахождение убийц и мщение... Год за годом, десятками лет каждый масон повторял эти обряды. Так и выпекались в ложах интеллигенты.

Переживание убийства, положение в гроб и вдруг ощущение, что ты жив и рядом с близкими, сумрачный свет из глазниц черепа и унылая музыка, идущая откуда-то издалека. И все это под сводчатыми потолками, с задрапированными черным стенами, кинжалы, скелеты, окровавленные одежды, мерцающая звезда Давида, еврейские письмена на стенах, плач по прекрасному Мастеру, правнуку Каина, в чьих жилах бежит кровь мудрого сатаны Люцифера, — могло ли это не формировать личность, ее мировоззрение, жизненные установки? Вот вам и готов «просветитель» очередной, светоч культуры и демократии [28], «обрезанный» по правилам иудейским.

Призывы к мщению, и так год за годом. Любовь к Хираму, за которого надлежало мстить, превращалось в чувство ненависти, могущее быть обращенным на любого, неугодного Ордену. Тысячи людей — либералов, профессоров университета, благородного пансиона и прочих заведений Москвы и других городов — проходили через эти подобия древних кровавых мистерий.

Ф. Вигель пишет «Признаюсь в невежестве своем: когда в 1844 г. воротился я из-за границы, то в Москве из уст твоих (М. Н. Загоскина. — В.О.) услышал я слово коммунизм, а он, подкравшись вслед за сен-симонизмом, фурьеризмом и всеми немецкими бессмысленными и богоотступными сектами, стоял уже выше всех этих стенобитных орудий, готовых сокрушить общественное здание».

Этот коммунизм присутствовал уже в легенде, по которой вся Вселенная должна принадлежать Ордену. С одной стороны — работники, с другой — Мастера, все знающие и призванные вести строительство вперед по намеченному плану. В России же по последнему слову западных умников будут строить «новое общество». Но чтобы в нем не было мещанства, придется все время бороться с частнособственническими инстинктами. Фурье, Сен-Симон, Морелли и прочие проектисты чиновно-бюрократического строя с XVIII-XIX вв. вошли в принципиально подражательные головы либералов всех оттенков, западников и славянофилов, и обусловили в значительной степени наш сегодняшний день.

[28] Не лишено любопытства одно свидетельство масонского ритуала из немецкого масонского архива, — из него можно сделать определенный вывод: масон в ложе проходит обряд обрезания по иудейскому обычаю: «дикий камень... должен быть буквально обрезан по восточному обряду» (ЦХИДК, Ф.1412 оп. 1, дело 815, лл. 15-37).

ГЕРМЕТИЗМ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Мысли этих французских «братьев» [29] ничем существенным не отличались от идей трехсотлетней давности, но в России они были приняты либеральной интеллигенцией за последнее слово европейской «науки». Все то же, что и у Мора, и у Кампанеллы, и десятков других проектистов: общие обеды, отсутствие семьи, свободные половые отношения, принудительный труд, скрашенный байками о потребности в труде, «сознательность», фаланстеры и проч.

Эти идеи по самой логике отрыва интеллигенции от Церкви неминуемо должны были привести к демоническим замыслам интеллигенту стать Демиургом. Первыми ницшеанцами на Руси можно смело считать московских «братьев» Розового Креста из новиковской когорты преобразователей Вселенной. В XIX веке Шеллинг и Гегель, сами из числа масонов, вполне заменили поучения московских братьев по части герметики в масонских ложах. В бурлящем котле стихий одного и в мечтательном развертывании некоего Духа у другого легко можно угадать и идеи Альберта Великого, и Флюдда, и тевтонского сапожника Бёме, главного идеолога московских розенкрейцеров. Все эти каббалисты давали ту метапарадигму, ту первичную схему мышления, которая определяла миросозерцание человека. Мир превращался в геометрическую фигуру, в которой не было места живому человеку и даже камню, все становилось символом и числом, подлежащим разгадке. Фигуры легко переставляются и легко меняют очертания под легким нажимом карандаша — мгновение, и весь мир на бумаге, мир линий, кубов, шаров, треугольников — изменяется. Власть в таком мире упоительна и вовсе не обременительна для совести. Последняя просто не нужна и легко укладывается в мусорный контейнер с этикеткой «для предрассудков». Живой мир, мир красок и запахов, чувств и теплых переживаний отрицается. Признаются только чувства, общие у человека с животными. Да и сам человек со времен просвещения по сути стал двуногим животным. С отрицанием Триединого Бога

[29] Сен-Симон был связан с бабувистами, с иллюминатами. Бабувисты после захвата власти должны были строить Францию на основе «Кодекса Природы» Морелли, на основе уничтожения семьи, частной собственности, с полным подчинением личности коллективу, руководимому несменяемым начальством из числа «сознательных» работников Храма Справедливости. Религия христианская безусловно уничтожалась. Вместо нее вводилось «морально-политическое воспитание» с 5-летнего возраста.

под «сокращение» попало и Его творение. Это творение определили в хлев, снабдив его напоследок учебником по дарвинизму в доказательство, что «братья» были научно правы и прозорливы: еще в XVIII веке они, передовые, знали, что человек — от обезьяны. Удивительное совпадение: дед Дарвина — Эразм (1731 — 1802) — еще в середине XVIII века «открыл» эволюцию животных под воздействием внешней среды. Для такой теории ему не понадобилось никуда ездить и рыться в земле в надежде найти какую-нибудь костяшку от прародителя-обезьяны. Свое гениальное открытие он передал внуку, и тот уже оформил его «открытие» «как надо», по «науке».

Влияние оккультно-каббалистических идей на современную научную теорию давно рассматривается в западной историографии науки. Здесь в идее эволюции несомненно влияние основополагающей доктрины каббалы: Вселенная состоит из четырех миров, последний из которых наш мир, материальный. Все миры созданы эманацией, истечением сил из неопределимого центра — Бога, Эн-Софа. Свет, идущий отсюда, путем постепенной деградации создал видимый мир. Но существует и обратное течение света, от простого к сложному. Каждая низшая ступень нисхождения Эн-Софа причастна породившей ее более высокой ступени. Мир самоограничен стремлением снизу вверх. Каждая тварь хочет «эволюционировать» в сторону «высшего плана», она томится, и страдает, и рвется вверх. Таким образом, происходит двойное течение силы Эн-Софа: от центра к периферии (ацилус) и от периферии к центру (зимзум). Слово «эволюция» повторялось бесконечно во всех герметических каббалистических трактатах, и задача выявить более совершенное в каждом качестве и превратить его в более высокое, освободившись от предыдущей формы бытия (евр. клипот — скорлупа), составляет кредо любой каббалистической доктрины и лежит в основе всех алхимических дерзаний и терзаний.

Таким образом, «эволюция» была задана задолго до появления естествознания. Историк науки по этому поводу пишет: «Например, какое причинное объяснение можно предложить для одного из важных эпизодов в истории биологии — перехода от теории креационизма (одномоментного творения Богом всех видов животных. — В.О.) Кювье к теории изменения видов Дарвина?

...Было бы привычным сказать, что этот переход произошел в результате открытия новых фактов. Ведь считается, что именно новые факты — решающий аргумент против старой теории. В действительности работа Дарвина никаких принципиально новых фактов не привела» (Кузнецов Н. И. Наука в ее истории. М.: Наука, 1982 г., с. 6). И далее автор пишет: «По мнению С. Р. Микулинского, важную роль в этом переходе сыграла мировоззренческая установка... «строй» мышления, который определяется в целом общей культурной обстановкой».

Идея восхождения простого к сложному, коренящаяся в каббалистической доктрине «двойного течения», представление о причастности нижней ступени к верхней (идея неоплатонизма — Прокл, Плотин и другие, — принятая каббалой) и о том, что все. что внизу, подобно тому, что вверху, в небесной сфере («Изумрудная книга» Гермеса, III в.), утверждает мысль что дух каждой вещи, «искра» Божия не связана причинно с материей, телом, формой. Последняя при восхождении эволюции уничтожается, ибо она есть скорлупа (по-еврейски — кели-пот) для «искры». Живущая в каждой веши «искра», даже в камне, булыжнике, постепенно совершенствуется и хочет перейти, в более высокий «план бытия». Результатом такого перехода может стать и рождение души человека-венца эволюции.

При социальном применении этой метапарадигмы приходят к представлению об «исторической эволюции», «о закономерности исторического процесса», который ведет к неуклонному «прогрессу». Сам прогресс мыслится по примеру процесса освобождения духа от плоти вследствие все большего осознания самого себя в недрах материи, скорлупы. Человечество по этой доктрине все больше и больше осознает себя, свои цели и задачи, становится «сознательным». Не все сразу, но через 13 своих «сознательных работников», «интеллигенцию», передовой отряд прогресса, процесс освобождения духа от рабства плоти, физического труда и других форм угнетения идет неуклонно в сторону Всеединства.

В начале исторического пути человечество уже имело «золотой век»-коммунизм, но дух был порабощен неосознанностью, был растворен в материи внешних условий. Через страдания плоти дух осознал себя, свое отличие от формы внешних условий своего пребывания на земле и теперь идет, эволюционирует к осознанному «светлому будущему», освобожденный от исторических, религиозных, национальных отличий, ибо все отличия суть лишь форма, плоть, тюрьма духа, предрассудки. В основе всего сущего лежит безвидный, лишенный всякой индивидуальности дух, громадное Ничто. К нему и направлен в конечном счете весь «прогресс» и вся «эволюция».

Иудаизм, и особенно каббала, как известно, являются краеугольным камнем масонства, и именно в этих учениях мы находим полное выражение вышеупомянутых доктрин. Учитель в иудаизме — цадик (тот, кто непосредственно общается с самим небом) — есть полная аналогия Великого Мастера масонской ложи. Если в одном из наиболее мистических течений иудаизма — хасидизме, «цадикизм доводится до настоящего культа» (Критика иудейской религии. М.: Изд.-во АН СССР, 1962 г., с.374), то точно так же и в масонстве культивируется авторитет Мастера. «Цадики желают управлять миром, — говорил один из руководителей хасидизма XVIII в. Бер, — поэтому Господь и создал мир для того, чтобы цадики имели удовольствие управления им» (Там же, с. 374).

Точно так же и масоны, как уже говорилось, мечтали о мировом господстве. И в каббале и, соответственно, всей порожденной ею мистической литературе мир есть символ, иероглиф. Масоны и занимались разгадыванием этого символа. Изучение масонской науки и есть изучение бесконечного ряда символов, уподоблений, знаков, которые в идеале должны открыть смысл главного Символа, главного Слова, которым Бог сотворил Вселенную, «если обладать познанием основного символа, который все бы раскрывал в мире и человеке — это значит получить необъятную власть над людьми и вселенной».

В теории освобождения «искры» из клипота открываются для нас удивительные выводы с далеко идущими последствиями [30].

Бог создал мир из ничего, «цадик же извлекает «искры» из грубых материальных тел и возносит их к источнику, то есть из всего делает ничто» (Гедикман Т. Б. О каббале и хасидизме в кн. «Критика иудейской религии». С. 374). Получается следующая картина: эволюция, прогресс основаны на полном неприятии самобытности и самоценности существующих форм бытия, их телесной качественности. Для дела эволюции необходимо разрушать формы и освобождать «искры» духа. Но эта «искра», будучи освобождена, не несет также самобытности, индивидуальности и должна в конце концов исчезнуть в чистом ничто Мирового духа. Бессмыслица всей «эволюции», всего «прогресса» налицо: Бог создал из ничего — все, масоны-каббалисты из всего хотят сделать ничто.

Представления о первородном грехе, о свободе воли, и, соответственно, морали улетучиваются как дым, рушится основа любого человеческого общества.

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ТЕМЫ

Дух отрицания вошел в плоть и кровь русского интеллигента-либерала, испечённого в масонской ложе и на университетской кухне. И чем быстрее шло экономическое развитие страны, чем больших успехов добивалась русская администрация в делах промышленных, чем быстрее росло благосостояние народа, тем лихорадочнее шла работа разрушения русской национальной жизни. Во всех концах Русского государства на всем протяжении XVIII столетия и XIX шла громадная работа по освоению новых земель, новых рубежей в промышленности. Текстильная промышленность одна из первых определила мировой уровень ко второй половине XIX века. По ситцу — к 20-м годам XIX века, а затем настала очередь и тяжелой промышленности. Рубль стал самой прочной денежной единицей в мире к концу XIX века. Уже по тому, какими темпами росла протяженность железных дорог в России, можно сказать, как развивалась ее экономика. А строили железных дорог даже в абсолютных цифрах больше, чем сегодня, через сто лет. Но ось русской жизни проходит не через экономику...

Суд присяжных, самый короткий рабочий день, бесплатное медицинское обеспечение рабочих и проч., и проч., не говоря уж о введении многопартийной системы с 1905 года, не могло, однако, остановить наших саврасок. Наоборот, они, как заведенные куклы, повторяли одно: «Карфаген должен быть разрушен». Россия для них с пеленок была землей чужой — Карфагеном. Не положение крестьян их волновало, не положение рабочих, нет. Для них уже готовились коммунальные общежития с общими кухнями и туалетами на несколько семей, продовольственными карточками и зверской системой эксплуатации, выжимания всех соков. Для крестьян — тотальное уничтожение. Свобода мысли должна была отойти в принадлежность враждебного «деспотического» строя. Все черты такого государства мы видим уже в проектах Кампанеллы, Морелли и Бабефа... Но эту савраску готовил университет.

Мысль подвести человечество под законы геометрии, под меру, вес и число владела Орденом и цепко держала его адептов в своих когтях- Эта мысль питалась Талмудом и его эзотерическим отделом-каббалой. А, согласно иудаизму, человечество обязано «выполнять законы Торы — для развитая в необходимом направлении личности и общества... Законы Торы суть законы управления природой непосредственно...» (Лайтман, указ. соч. ч.1, с.40).

МИР Б. СПИНОЗЫ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ТОТАЛИТАРНОМУ ГОСУДАРСТВУ

Тот, кто хотел бы узнать дух каббалы, тот должен познакомиться с Барухом Спинозой. Подводя весь мир, и всю Вселенную, и все, что есть в них, под линию, квадрат, точку и закрасив все это серой краской, Спиноза начисто убрал все из этого мира, что может напоминать о совести, морали и любви. Необходимость, вложенная в природу, с неумолимостью подчинения треугольника правилу Пифагора и равенства его углов двум прямым, заставляет слабых быть жертвой сильных, и это справедливо.

Если кто-то думает, что Бога нет и религия создана для обмана, тот пусть знает — он просто повторяет слова Баруха, опытного талмудиста. Если кто-то ищет истоки фашизма, то пусть не копает далеко: «...естественное право всей природы и, следовательно, каждого индивидуума простирается дотоле, доколе простирается их мощь, и, следовательно, что каждый человек совершает по законам своей природы, то он совершает по высшему праву природы и имеет в

[30] Автор книги «Кабала» М. Лайтман (она была издана в Иерусалиме в 1984 г., на русском языке — в Новосибирске в 1993 г.) объясняет: под словом клипот (скорлупа, шелуха) имеется в виду — грязь, пороки, невежество и проч. Согласно каббале, «евреи относятся к внутренней, а гои (т.е. неевреи — Л. О.) — к наружной частям» мира, к клипот, шелухе, скорлупе (с.83).

отношении природы столько права, какой мощью обладает». «Например, рыбы, — поясняет Спиноза, — определены природою к плаванию, большие к пожиранию меньших; стало быть, рыбы по высшему естественному праву владеют водой, и притом большие пожирают меньших» (История философии. Т. 2. М., 1941. с. 191-192). «Мы не признаем никакого различия, — говорит Спиноза, — между людьми и остальными индивидуумами природы» (с. 192). Итак, закон природы и общества: сильный пожирает слабого, и причем столько, сколько ему нужно для своего насыщения. Небезынтересно замечание известного историка философии Куно Фишера относительно философии Спинозы: «У философии Спинозы нет сердца для людей, не потому что она враждебна к людям, а потому, что она бесчувственна, что этому геометрическому уму, рассматривавшему человеческие действия как линии, поверхности и тела, любовь к единичному должна была казаться помрачением духа» (Куно Фишер, II, 344). Но в то же время, *«кабала не более как расширенный спинозизм»,* согласно Соломону Маймону (Мюре, с. 77).

Это мироощущение геометрическое, нечувствительное к единичному и самобытному, живому и неповторимому очень характерно для всей системы утопизма. Не случайно, что среди главнейших предметов масонских наук, которые преподавались в ложах, на почетном месте стояла именно геометрия. Масонские рукописи, ученические тетради полны геометрическими фигурами, теоремами и математическими знаками. Многообразие мира обесцвечивалось в треугольниках, тетра — и октаэдрах, шарах и точках. Мысль масона-строителя нового мира работала в одном направлении — все свести к математически выверенной формуле. В этом заформализованном, символизированном мире нет места человеку — этой мелкой, по выражению горьковского Луки, блошке. Здесь есть только «высшие» интересы инженеров будущего, есть «высшая» политика бесплодных утопистов. В этом мире Спинозы уже видны социализм и тоталитаризм, где каждый — ничто, а сила — все. Здесь, в этом мире геометрических фигур, шахматных комбинаций, на арене человеческой истории нет и не может быть места совести и морали. Здесь есть польза и удовольствие, удача и неудача. Вместо часто провозглашаемой морали на самом деле есть лишь правила поведения, подобно тому, как существуют правила дорожного движения.

В «естественном» праве нет частной собственности, также нет и не может быть преступления (в «естественном состоянии не существует преступления, или тот, кто совершает преступления, грешит не против другого, а против себя»). Человек у Спинозы находится в полном подчинении у верховной государственной власти, так как, по мысли Баруха, эта власть определяется также мощью, а мощь ее намного превосходит силу одного человека.

Не мешает теперь вспомнить, что Плеханов называл марксизм модифицированным спинозизмом. Но если и каббала — спинозизм, то что же тогда марксизм, как не модификация той же каббалы!

Любопытно, что идеи социализма у всех проектистов Западной Европы не предусматривали, во-первых, существования крестьян; во-вторых, свободу мысли и исповедания религии; в-третьих, свободу личности и ее неприкосновенность. И еще любопытно, что все эти проектисты преподносятся нам как гуманисты, борцы за свободу, прогрессивные деятели, страждущие за народ.

Прочно вошла в головы либералов в нашем Отечестве мысль о «неправильности» представления, будто эволюция общества приведет естественным путем к улучшению жизни народа. Только через классовую борьбу, через кровавую бойню гражданской войны. Впрочем, и в будущем улучшения жизни вообще не предусматривалось. Наоборот, предусматривалось в будущем обществе полуголодное, нищее существование. Предусматривался низкий уровень потребления и установление для всех одинаковой одежды, жилья, принудительный труд, разрушение семьи, жизни в бараках и под присмотром надзирателей. Эти идеи отчетливо сформулировал Ж.Ж. Руссо, и они стали близки в равной мере как московским розенкрейцерам, так и баварским иллюминатам. Все социалистические проекты единодушны в отношении применения самых суровых карательных мер к непослушным: вечное рабство у Т. Мора, «великого гуманиста», и вечное тюремное заключение и тоже рабство у Морелли, и смертная казнь у Бабефа за малейшую провинность, даже за ношение украшения женщиной.

СВОБОДА ОТ ЖИЗНИ

Теоретической основой применения понятия свободы к такому обществу служит гностико-каббалистическое представление о плоти, материи как тюрьме, в которую заключен порабощенный телом дух. Отсюда символика тела-цепи. Утеснение плоти, ее подавление должно освободить дух. Страдания приводят дух к осознанию себя как отличного от тела и тем освобождают дух от примеси телесного. Этому процессу соответствует символ: горящий факел на фоне разорванных цепей.

Таким образом, оккультно-каббалистические доктрины продуцировали социальные идеи, в которых смысл слов и лозунгов нарочито оставался туманным и мог быть истолкован в «нужном» для данного момента смысле.

О том, что масоны трактовали понятие свободы именно так, говорит граф Виельгорский, ученик крупного масона О. А. Поздеева: «Простолюдины, в особенности дворовые люди, не имея никакого понятия о существе нашего Ордена, весьма его любят, предполагая по названию свободных каменщиков, что наше братство старается их сделать вольными, в чем они весьма ошибаются, ибо мы стараемся свергнуть с себя оковы не мнимые, но истинно

тяжкие, а именно оковы греха, смерти и ада... Человек, освобожденный от их оков, везде велик... везде счастлив, даже под самым деспотическим правлением. Но сие благо будет постепенно и на них разливаться» (Семевский В. И. Идеи декабристов, с. 337). Это масонский стоицизм.

Для уже «сознательных», сбросивших с себя груз «предрассудков» религии, народных традиций и заветов, сводимых к представлению о телесности — тюрьме, допускалось, наоборот, не утеснение плоти, а разгул похотей и страстей.

Это второй этап социалистического рая: от лагеря пуританизма не без примеси самого гнусного разврата к откровенной порнографии, к канкану.

Главным признаком этого общественного рая, построенного на основах оккультно-каббалистических, является последовательная враждебность к Церкви Христовой на всех стадиях строительства «рая»-западного (сытого) или восточного (голодного).

ЗАГОВОР МЕНЬШИНСТВА

Общей мыслью всех проектистов, в том числе и их русских последователей, была главная догма всех кружков и академий интеллектуалов средних веков и нового времени: «Народ-дети», он нуждается в поводыре. Эту мысль проводили равно и московские, и французские масоны, и Г. Уэллс в своем не переведенном на русский язык трактате «Явный заговор» (1928 г.). Говоря о скором создании всемирной республики, Г. Уэллс писал в этом сочинении, что нации, отдельные государства должны исчезнуть. Будет установлена власть интеллектуального меньшинства. Так же, как масоны XVIII века, он рассматривает существующие правительства только как временные. «Явный заговор» не враждебен тем конституциям, правительствам, парламентам и королям, которые согласны рассматривать себя как учреждения временные, готовые в любой момент отдать власть господам Мировой республики: «Если конституция, парламенты и короли могут быть приняты — как учреждения временные, как опекуны, действующие до совершеннолетия республики, и пока эти конституции направляются в указанном мною духе, — «Явный заговор» не нападает на них». Заметим — именно благодаря таким опекунам — союзникам, Франции и Англии, на вершине власти царская [31] Россия пришла к революции.

Относительно религии идеи Г. Уэллса не расходятся с идеями его московских современников — большевиков, к которым он выражает свои симпатии: «Чем более кажутся нам прекрасными и привлекательными ложные лоялизмы, ложные идеи чести, ложные отношения, установленные религиями, тем более должны мы стремиться к освобождению от них нашего ума и ума нас окружающих и к безвозвратному их отбрасыванию». Точно так же, впрочем, считали и московские розенкрейцеры XVIII века, и народники, такие, как Ткачев, в XIX веке. А в XX веке само понятие «патриотизм» было отнесено большевиками (до 30-х годов) в представление о политическом преступлении и было приравнено к антисемитизму.

Во всемирной республике, о которой мечтали масоны с первых шагов своей легальной деятельности, то есть с начала XVIII века, видимо, должны царить равенство и братство? Ничуть не бывало.

«Индия, Китай, Россия, Африка представляют смесь прикладных социальных систем, одни из них оставлены, другие будут доведены до их крайних выводов: финансы, машинизм и политическое вторжение цивилизаций атлантических, балтийских и средиземноморских разрушают их, овладевают ими, эксплуатируют и более или менее порабощают». Но для некоторых представителей отсталых народов есть выход: *«Умам более тонким и самым энергичным среди этих народов, еще темных и более или менее далеких от превосходства в материальном прогрессе,* которому обязаны своим подъемом Европа и Америка*, «Явный заговор» может дать беспредельные обещания. Одним скачком они могут оставить гибнущий корабль их устарелой системы и через головы их теперешних завоевателей* (здесь и далее курсив мой — *Лет.) войти полным ходом в собратство господ мира».* Итак, «господа мира» существуют реально и названы завоевателями, (см. ниже «Орден Орла» в России).

И относительно СССР: *«Многие считают это правительство* (СССР) *чрезвычайно интересной новинкой. Так как оно есть сообщество пропаганды, превращенное в республику, оно является вдохновителем и предшественником «Явного заговора»*. Г. Уэллс оправдывает преступления большевиков: «Чудесно облеченное громадной властью, оно вынуждено чрезвычайно ограничивать свою интеллектуальную уступчивость — ради необходимости установления, для нужд борьбы, интеллектуального единодушия среди своих подданных — вплоть до удушения всякой критики». Ради единодушия — удушение. Впрочем, и Морелли, и Бабеф настаивали на том же. Но ведь Уэллс не экстремист, а демократ, писатель-гуманист...

И последняя цитата: *«Россия есть страна, где десятки миллионов крестьян подчинены авторитету малой группы «интеллигенции», члены которой насчитываются только десятками тысяч. Только этим одним доступны идеи всемирной перестройки;* и чтобы заставить русскую систему принять действительное участие во всемирной конспирации, *можно рассчитывать только на это малое меньшинство* и на отражение его влияния на мириады им

[31] Замечание Г. Уэллса, социалиста-масона, гуманиста и писателя, очень ценно. Оно подтверждает мнение тех, кто считал, что Романовы и их окружение и были, в сущности, опекунами революционного дела в России. Эти взгляды выражались в той или иной мере А.С. Пушкиным, М.Н. Катковым, А.А. Киреевым, А.И. Герценом и многими другими.

управляемых личностей. По мере движения на восток, начиная от европейской России, пропорция разумности, достаточно прочной и подготовленной, чтобы мы могли ее понудить понять нас и помочь нам, приводит к пугающему выводу. *Уничтожьте эту малую фракцию, и вы очутитесь перед лицом хаотического варварства, не способного к какой-либо социальной или политической организации,* превышающей уровень военного авантюриста или капитана разбойников. Сама Россия ни в какой степени не является гарантией против подобного вырождения». Далее Уэллс пишет, что и Китай не сможет спастись собственными силами «без иностранного руководства и без вмешательства силы». Спастись — в смысле выйти на дорогу к всемирной республике. Итак, большевики и интеллигенция лишь инструмент управления Россией, как колонией.

Но это уже 1928 год. Это не истоки, а расцвет идей, пришедших в Россию еще в XVIII веке и нашедших своих адептов в кружке московских «братьев» розенкрейцеров. Каким образом «наука» и «образование» стали в России ассоциироваться с безбожием и нечестием? Как случилось, что материнское молоко, вскормившее интеллигенцию, было отравлено презрением к русскому Отечеству?

Как же наступила «пора ночного колдовства», когда «скрипят гроба и дышит ад заразой»? «В такую пору, — говорит Гамлет, — я мог бы пить живую кровь, и на дела способен, от которых отпряну днем». XVII век родил Гамлета, XVIII — Фауста, XIX — Нечаева и нечаевщину, но то, что породил век XX — это живой прообраз ада на Земле.

НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Ушедший из Церкви русский дворянин погружался в житейские утехи. Он тешил самым скотским образом свою плоть и жаждал теперь насытить и свой разум. Ему, то есть разуму, отводилась роль адвоката телесных услад. Теперь в нем, вольтерьянце, проснулась «порода» — он не просто так, а «передовой», он бросил предрассудки, как старую ветошь. Теперь он — сверхчеловек. Ему все можно. Он, этот вольтерьянец, ищет себе же подобных, кто его понял бы и утешил. Первые ложи в России, как известно, были иностранные, но к 50-м годам XVIII века было достаточно уже и своих алчущих, и появилась потребность в создании литературы, которая бы принесла к нам на русскую землю свет, идущий из храма Соломона. Со времен Петра I правительственный аппарат, еще только создаваемый, уже принял в качестве своей вероисповедной формулы деизм, скрывающий полное неверие и зовущий своих адептов, еще находящихся в стихии православия, погрузиться в мистику каббалы, воплотившей все достижения антихристианской мысли. Эти достижения, как писал оракул европейского Просвещения Мозес Мендельсон (XVIII в.), выразились в формуле иудаизма — «естественный разум» и «естественная религия». Именно иудаизм, с его вниманием к чувственному, «естественному», символическому и эротическому, и лег в основу этого Просвещения.

Все, что в мире, может быть выражено в формулах формальной логики, а остальное — бред и глупость. Естественно есть бог, и бог есть естество, «Бог есть Природа», — сказал Б. Спиноза, четко сформулировав основу каббалы — деизм и пантеизм. Человек-животное и вещь среди вещей. Все, что отличает человека от человека, есть досадная случайность, акциденция. Следует отбросить все, что отличает человека от человека, и в остатке будет Всечеловек. Но за этой аллегорией стоит мистика.

Этот Всечеловек уже существует в качестве прообраза и в Талмуде носит название Адама-Кадмона. Воссоединение с ним, сначала мистическое, а затем и социальное, политическое, — вот цель истории и борьбы «просвещенных» с темной и невежественной массой людей. Разъединяют людей религии, национальность, сословия, традиции, которые покоятся на морали, а также узкий «патриотизм», получивший в отношении к русским название шовинизма, а также государства и границы между ними. Все это — акциденции, случайности. Чтобы выполнить идеи объединения всех на началах «разумной морали» и «естественной религии», чтобы придать борьбе за воплощение этих идей в жизнь характер политический, культурный и, главным образом, антихристианский, была реформирована в конце XVII столетия система тайных, идущих от средневековья, академий, обществ, кружков гуманистов. Идеи каббалы все шире овладевали интеллектуалами еще с XII века, особенно же расцвет этих идей иудаизма произошел в эпоху, названную Возрождением. Неудивительно поэтому, что в это время начинается и возрождение магии с человеческими жертвоприношениями, разврат, поклонение Сатане. Родился (XVI в.) в искусстве маньеризм — концентрированное выражение духа масонства в искусстве. Каббала, вобравшая в себя неоплатонизм, пифагорейство, снабдив их всеми атрибутами чувственности, стала тем великим искусом либеральной мысли, который невозможно было миновать любому, кто вступал на путь борьбы с Церковью и хотел попасть в число интеллектуальных вождей народа. И кто хотел сделать карьеру — тоже.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР ПРОПАГАНДЫ

К 80-м годам XVIII столетия относится расцвет деятельности кружка просветителей в Москве, выбравших в качестве своей базы Московский университет. В утверждении каббала-герметических и либеральных идей Москва явно первенствует. Этот кружок масонов высшего разряда создал Типографическую Компанию, Дружеское общество, Педагогическую семинарию. Переводческую семинарию, Собрание университетских питомцев, охватив непосредственно своей деятельностью не менее 50 студентов (см.: Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867 г.), и все это за каких-

нибудь четыре года. Одновременно Типографическая Компания печатает и распространяет по всей России сочинения западных деистов, атеистов, республиканцев всех оттенков — Вольтера, Руссо, Монтескье, Мармонтеля, Франклина и проч. Идеи Эпикура, Бентама, Гоббса, Декарта, Баруха Спинозы проповедуются журналами этого сообщества, как и идеи оккультные, чисто каббалистические. Кружок проповедует идеи «разумного» эгоизма, уравнения имуществ и права на революцию с этой целью, вселяет ненависть и, во всяком случае, неприязнь к Царю и вообще самодержавию, ставя вопрос о правомочности его как такового. И проводит мысль о необходимости справедливого правления государством людьми, для этого подготовленными, «добродетельными». Мораль должна заменить религию Откровенную, как утверждали просветители и как настаивал на этом и Устав английских масонов 1723 года, и все масонские документы: катехизисы, акты, воззвания, в частности, подготовленное кружком московских розенкрейцеров «Воззвание к владыкам» (пер. с нем. И. П. Тургенева), в котором намечался план всемирного устройства человеческого общества «просвещенными».

Конечной целью человека провозглашается счастье и блаженство на земле. Не потому следует быть добродетельным, что «Бог так сие повелел. Нет, сие представление ложно... Научайте их (детей) паче, что добродетель одна делает людей счастливыми... что Бог ничего нам не запрещает, кроме злого и вредного». В конце концов «благочестие и невинная радость не противоборствуют друг другу» («Прибавления к Московским ведомостям» 1783-1784 гг. Цит по кн.: «Новиков и его современники». М., 1961г., с. 295-296). О том, что тесен путь, ведущий в Царство небесное, и что оно трудом нудится, и что не блаженства земные нужны человеку, а о спасении души следует заботиться, всего этого кружок московских «братьев» не знал и не хотел знать. Земные радости и земные утехи (точь-в-точь как в иудаизме) — вот цель на земле, и другой нет.

В записной книжке масона С. С. Ланского записано «поучение Великого Мастера», видимо, О.А. Поздеева: «Отношение к врагам:... любовь ко врагам совсем для человека неестественна, ибо как можем любить врагов, когда мы не умеем еще любить и друзей, и как советовал (Великий Мастер) научиться сперва надо любить друзей и ненавидеть врагов...» (ОР ГБЛ, ф. 147, № 2, л. 7). Итак, око за око.

Это и была «разумная» мораль масонов и просветителей: мораль Ветхого завета «око за око». Ненавидели врагов и Новиков, и Поздеев. Весь орденский арсенал идей воспитывал ненависть к врагам. «Крик мщения» в ложах усиливался по мере движения к высшим градусам. Журналы, издававшиеся московскими розенкрейцерами, полны обличении богатых и знатных. Они утверждают идеи всемирного братства и единения всех людей. Именно для такого единения в «братский» союз и создан масонский союз. «Он есть самое широкое соединение в пределах человечества... самая высшая и самая чистая форма союзной человеческой жизни, в том смысле, что, кроме него, действительно не существует другого нравственно-религиозного соединения, которое, подобно ему, опиралось бы на чистую искренность первичного стремления и имело бы своей основой только то, что обще всем людям» [32].

Обще всем людям, как известно, наша животная сторона, естество, но в этом естестве нет индивидуальности, нет имени, фамилии, отчества, всего того, что отличает одного человека от другого. Внехристианская культура не знает сверхъестества, как не различает и противоестества; для масонства, как и иудаизма, и атеизма — все, что есть, естественно, чисто, и греха нет. Но это глубокое заблуждение. Судьба Содома и Гоморры — тому пример.

Было бы ошибкой думать, что, критикуя богатых и знатных, члены Ордена исходили из искреннего сочувствия к бедным. Орден не делил на самом деле людей на богатых и знатных, на бедных и несчастных. Книга Сен — Мартена «О заблуждениях и истине» (1775 г.), ставшая настольной книгой просветителей, издателей, зодчих новой культуры — московских розенкрейцеров, как и родственных им немецких «Азиатских братьев», уже в самом названии отвечает на вопрос этот однозначно: Орден призван взять власть в свои руки от находящихся в заблуждении «темных» людей. Пропаганда Ордена была направлена на ниспровержение природных властей и традиционного образа жизни. Орден, как и все европейское просвещение, поделил человечество на тиранов — тех, кто «узурпировал власть», по природе принадлежавшую орденским начальникам, — и на рабов, которых только Орден может опекать. как малых детей, самовластно распоряжаться их судьбой. Не только их, но каждого в отдельности.

На этом и настаивал Сен-Мартен, на этом настаивал и кружок московских мартинистов в «Воззвании к Владыкам». На этом же, как мы видели, настаивал и Г. Уэллс. Эти же идеи проводятся неуклонно и в «Разговоре для масонов» (1778 г.) Лессингом. Все обобщить, все объединить и все сделать похожим друг на друга, лишить имени и фамилии, упростить сам язык, придав ему «машинный» характер, — все эти идеи ничуть не скрывались и не скрываются ни в одном документе Ордена и в целом являются идеями вполне легальными, проповедуемыми в печатных изданиях. Идейные корни такого монизма, такой удручающей унификации были нами уже рассмотрены выше.

Отношение к народу уже потому не могло быть хорошим со стороны масонов, что не было уважительным. «Народ-дети» — общая идея «просвещения». Даже если не знать слов Вольтера о крестьянах, о том, что «их беда в том, что они «глупы», что они должны только пахать, рожать и кормить

[32] Из масонского катехизиса.

просвещенных, то и так известно: если сверху тираны, то внизу рабы. В таком виде пред нами и предстает русский крестьянин, так он выглядит во всей просветительской литературе. Таким он был нужен орденским братьям, рвущимся к власти. Они, «братья», в ложах бесконечно проигрывали мотив мести, уничтожения врага. «Масонство — это большая и непрерывная система мщения, более или менее ясно выраженная множеством степеней, ведется с незапамятных времен», — пишет известный руководитель Ордена Мартинистов начала XX века Папюс. Тема мести врагам Ордена звучала все более отчетливо по мере повышения в степень. Шотландская ложа горела красными тканями, посредине зала возвышалась черная виселица, а шотландскому Мастеру вручался кинжал. В степени «кадош» (евр. «святой») в ритуалы входило убийство короля, для чего выставлялся муляж, который протыкали кинжалами. Полную параллель этому ритуалу мщения врагам мы находим и сегодня в обрядах иудаизма («Критика иудейской религии», М.. 1962). В этом вечном источнике вечной революции (Биккерман).

В качестве образчиков дискуссии со своими идейными противниками приведем деление людей, предложенное самим Новиковым: «...чернь, подлый народ суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди, знатны ли они или нищи» (Новиков и его современники. с. 305). Подло мыслящими должны быть по этой логике те, кто признавал сословное деление, имущественное различие как данное от Бога и обращал внимание не на эти различия, но на христианский долг, зовущий следовать евангельским заветам спасения души через молитву, добросовестный труд и помощь ближнему, но никак не ненависть. Никакую — ни классовую, ни бесклассовую. Не зарься на чужое, но наживай трудом праведным свое — учила, учит и будет учить Церковь.

А журналы Новикова и его соратников по Ордену несли разрушение Русской державе, подтачивали основы ее духа. Они проповедовали «естественную религию» и «естественную мораль и право». Изучение этих «естественных наук» привело Радищева и его сотоварищей по учебе к признанию необходимости мщения за нанесенную обиду, к признанию «древнего закона око за око; закон, ощущаемый человеком всечасно...» (Радищев. «Житие Ф. В. Ушакова»).

... Когда Новиков был арестован по его связи с наследником престола Павлом Петровичем, то главой Ордена стал О.А. Поздеев. К нему, как настоящему оракулу, на поклонение ездили виднейшие масоны, даже когда он после 1812 года поселился в своем вологодском имении. Что же говорить о том времени, когда он жил под Москвой или в самой Москве? Он родился на два года раньше Новикова — в 1742 году, а умер спустя два года после смерти Новикова — в 1820 году. Он входил вместе с Новиковым и Шварцем в руководство Ордена розенкрейцеров. В 1789 году он состоял обрядоначальником Теоретического градуса Соломоновых наук, одной из степеней Ордена.

После ареста Новикова (1792) он стал высшим арбитром в Ордене; к нему обращаются начальники лож по самым различным вопросам. Его ответы вносятся в записные книжки «братьев», переписываются и заучиваются. «Московские масоны высшего круга смотрели на него как на святого. У него происходило посвящение в магистра лож» (Русский биографический словарь. Спб., 1905). Он был наставником С. С. Ланского, М. Ю. Виельгорского, мастера стула «трех добродетелей», в которой оформился революционный союз декабристов, Алексея Кирилловича Разумовского, министра просвещения в начале XIX века, и многой других, как, скажем, Г.Р. Державина, первого министра юстиции и поэта.

В рукописном отделе Российской Гос. Библиотеки сохранились его письма, около 200, лишь частично изданные в 1872 году в «Русском Архиве». «Письма эти, — пишет автор статьи о Поздееве в «Русском биографическом словаре» от 1905 года, — по рассеянным в них заметкам о русском масонстве составляют для его истории драгоценный материал». Они составляют драгоценный материал и для понимания психологического и идейного климата, в котором вызревали идеи свободы от русской национальной традиции: общинного самоуправления, основанного на христианских основах взаимной любви и помощи, милосердия к ближним своим, сохранения в чистоте веры православной, самодержавия как единственного гаранта сохранения самобытности русской жизни и крепости основ народовластия на русской земле.

Письма Поздеева открывают нам интимные глубины сознания тех либералов, которые, придерживаясь эзотерических доктрин каббалы. в своей светской повседневной деятельности выражали эти доктрины иносказательно, как это свойственно вообще идеологии, в терминах и понятиях, общепринятых для времени XVIII века. в духе просветительской философии и на языке искусства. В целом это направление культуры от духовного, горнего в сторону чувственного и ницшеанского, в сторону наслаждения и власти, в сторону разделения и ненависти, в сторону Люцифера — Прометея, революционного, все пожирающего огня. Языческий тип культуры с неизбежной для пустой души потребностью в «великих» и «гениальных», «талантливых» и «значительных» богах культуры и «спасителях» народа, нации, человечества. По тому же принципу, по которому психология античного человека творила кумиров в виде общих и местночтимых героев и богов, по тому же принципу творит и психология атеистического человека «великих» и «значительных» в культуре и политике и где угодно. Все черты этой психологии можно обнаружить и в пределах той организации, которая стала рупором антихристианских идей и представлений, взяла на себя организацию

«просветительского» процесса на идейных основах иудаизма и принялась за ломку всего государственного и религиозного строя жизни Русского государства.

Документы, касающиеся внутренней жизни масонского ордена, как, скажем, письма Поздеева, так и обрядники, речи, поучения своим подопечным масонских начальников помогают нам воссоздать ту реальную атмосферу русского общества, которая рассеивает многие заблуждения наши относительно формирования политики и культуры сегодняшнего дня и, главное, нашего собственного сознания.

Итак, в исторических книгах и рукописях есть масса материалов о том, какую роль играло масонство в жизни русского «образованного» общества конца XVIII и первой четверти XIX века, то есть того общества, которое составили интеллигенция, чиновничество, знатное барство, которое формировало управленческие кадры России и определяло черты лица городской культуры. Из этой среды через печать распространялись идеи земных ценностей и утех по всей стране. Это «образованное» общество образовывалось в круге идей либеральных, мечтательных, сентиментальных с эротическими радостями. Главным пафосом образованности стало непрерывное противостояние со всем христианским, церковным, евангельским, то есть с тем, что составляло саму душу Русского народа. Явный приоритет в деле просвещения либеральными идеями иудаизма-антропоцентризма сыграл московский кружок розенкрейцеров при университете во главе с профессором И. Г. Шварцем (1751-1784) и Н. И. Новиковым (1744-1818). Г. Вернадский замечает; «Шварц сразу широко развернул рамки просветительной деятельности кружка. К практическим опытам низшей школы он добавил идеи планомерной подготовки круга лиц, способных руководить всем просвещением страны». При этом «должно заметить, что лекции Шварца (студентам — В.О.) служили истинной школой масонства или мартинизма» (Лонгинов М. Н. «Новиков и Московские мартинисты», с. 193).

На беспрерывном отрицании всего евангельского, церковного, русского и традиционного вырастали целые поколения русской молодежи, которая затем отстаивала свои взгляды уже в чинах государственных-университетских инспекторов, попечителей учебных округов, столоначальников, жандармов, цензоров и министров.

Мощным стимулом к овладению правительственного аппарата масонами стал карьеризм. Чтобы продвинуться по службе в России того времени. необходимо было состоять в масонской ложе. Титулярный советник Н. И. Горсткин, привлеченный к следствию по делу декабристов, на допросе показывал по поводу мотивов вступления в тайное общество:

«Желание иметь связи, как тогда уверяли, что без связей ничего не добьемся по службе и что большею частию либо масонством, либо другим каким мистическим обществом; люди, помогая друг другу на пути каждого пособиями, рекомендацией и прочее, взаимно поддерживали себя и достигали известных степеней в государстве преимущественно пред прочими» («Восстание декабристов». М., 1984, т. XVIII, с. 200-201). Тут же сей масон высказывается и по поводу пропаганды идей разрушительных и предвзятости: «Я принадлежал, — продолжает Горсткин, — к отрасли Правосудия, которая предписывала мне разыскивать злоупотребления разного рода, стараясь выставлять их на вид начальства, дурных, пустых людей всячески унижать, пускать их в огласку при всяком случае, хороших же превозносить, дабы через то сколько можно способствовать к установлению общего мнения в России». «Главные надежды общества состояли в том, что со временем многие из членов оного займут известные места в государстве, народ образуется к тому времени, общее мнение родится, и тогда нечувствительно вещи примут лучший, будто, оборот». Здесь мы видим следование правилам баварских иллюминатов.

Нетрудно заметить, как далек дух и методы конспиративных действий общества, в котором состоял Горсткин, от христианского. Главное здесь — возможность управлять общественным мнением.

Все эти правила можно найти и в уставах баварских иллюминатов, революционную практику которых так хвалил Карл Маркс (см. Марк с К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 132). Вообще нельзя не отметить связь масонской магии и коммунистической идеи. По мнению основоположников «научного коммунизма», именно масонско-иллюминатский «Социальный кружок», созданный в Париже в 1790 году магом Н. Бонвилем, дал начало революционному движению в целях осуществления коммунистической идеи. «Эта идея, при последовательной ее разработке, есть идея нового мирового порядка» (К. Маркс, там же).

Так что же давал орден человеку, что обещал, что из него формировал, чего от него требовал и чему учил? Не забудем, что в ложах «работали» тысячи людей: военные, артисты, писатели, врачи, студенты, ученые, художники (к примеру, Ф. П. Толстой, Д. Г. Левицкий, архитекторы К. А. Тон, А. Л. Витберг), видные и мелкие чиновники, торговцы, банкиры, ремесленники. Только в одном союзе Великой ложи «Астрея» в 1821 году в Петербурге состояло 797 человек и примерно столько же членов в других городах. Следовательно, около 1500 человек в одном этом союзе. Сколько всего — неизвестно. Но дело не в абсолютных цифрах. Важно кто состоял.

Но то было далеко не единственное объединение. Вернадский указывал, что только по сохранившимся архивам масонских лож не менее трети всех чиновников империи значилось в масонстве уже при Екатерине II. Это только по сохранившимся материалам. Большинство же архивов погибло или

недоступно исследователям. Как мы уже видели, в Московском университете членами лож были все «сколько их там есть» и плюс студенты. В тайной ложе Нептуна в Москве, которая была скрыта за явной ложей Гарпократа, в 1803 году мы видим графа М.А. Дмитриева-Мамонова, А.И. Дмитриева-Мамонова, сенатора, куратора Московского университета, мастера стула П. И. Голенищева-Кутузова, знаменитого врача М.Я. Мудрова, профессора университета, П.А. Болотова (1771-1850), сына знаменитого автора «Записок», некоторых духовных лиц.

В ложе Феникса (в Москве) состояли: Московский почт-директор, ученик новиковского кружка мартинистов Ф. П. Ключарев, замешанный в 1812 году в распространении наполеоновских листовок в Москве, С.С. Ланской, А.О. и Н.О. Поздеевы, сыновья О.А. Поздеева, С. П. Фонвизин... (ОР РГБ, ф. 14,№ 372). Это были все лица влиятельные в обществе и обладающие значительными денежными средствами. Были и ложи для писателей, и для врачей.

При вступлении в орден какого-нибудь Горсткина, жаждущего чинов и орденов Великий мастер говорил вступающему'. «Государь мой! Ваше честное имя и добрая о вас молва, известная ваша добродетель и мужественное поведение ваше, основанные на хорошем о нас мнении, покорность ваша в том, что уже произошло и что еще происходить будет... согласны ли вы совершенно нам предаться и быть принятым в свободные каменщики по тем законам, коим мы обещаны повиноваться» (из «обрядника»).

После всех «испытаний» в ложе к вновь принятому обращался чиновник ложи — ритор: «...вы подведены к жертвеннику и должны с нами вступить в такое обязательство, коих истинный каменщик нарушить не может. А дабы мы по предписаниям высокопочтенного Ордена нашего были с вашей стороны обеспечены, то должны вы теперь торжественно дать клятву пред престолом молчаливости, пред стопами правосудия и пред Великим Строителем Вселенной ненарушимо сохранять в вашем сердце таинства Свободного Каменщичества и совершенно себя подчинить Законам нашего Ордена. Готовы ли к сему?.. повторяйте явственно клятву...»

И принятый ответствовал: «Клянусь перед Всемогущим Строителем Вселенной и пред сим высокопочтенным собранием... сохранять себя в непоколебимой верности... высокопочтеннейшему братству... Обещаюсь повиноваться начальникам моим во всем том, что мне поведено будет для блага и преуспеяния Ордена, которому я обязан во всю жизнь сохранять верность. Обещаюсь быть осторожным и скрытным, умалчивать обо всем том, что мне вверено будет, и ничего такого не делать и не предпринимать, что может открыть оное...» («Обрядник», ОР РГБ, ф. 14, №2.) Повышаемый в мастера клялся в верности Иегове.

Великий мастер грозил: *«Но* знайте притом, что если вы нарушите клятву и молчаливость, то сии шпаги (которые «братья» держали острием у груди принятого. — В.О.) извлекутся мстительною рукою. Знайте, что мы и наши по всей земле рассеянные братья ныне ваши искреннейшие друзья, будут тогда вашими жесточайшими гонителями, врагами и исполнителями ужаснейшего мщения». Это клятва повиновения Ордену 1-й, нижайшей, степени.

Теперь, какие бы тайны ни были открыты, как бы ни был адепт не согласен со взглядами Орденского начальства, он не мог отступить. Он мог быть нерадивым и, в конце концов, прекратить посещать ложу. Но карьера его в таком случае рушилась, как государственная, так и литературная. Начальники строго смотрели за тем, чтобы отбирать братьев для высокого посвящения, а от нерадивых вовремя отстраняться.

Мог ли масон выйти из Ордена? В принципе мог, вернее, мог прекратить «работы». Все зависело от степени посвящения. Так, Никита Муравьев в 1818 году, будучи оратором (витией) ложи «Трех добродетелей», приступая к непосредственной подготовке государственного переворота и являясь одним из лидеров «Союза благоденствия», извещал официалов ложи, что он «покрывает свои работы», но не отрекается от преданности Ордену: «Сердце и уши мои всегда будут внимательны к ударам нравственного молота» (Дружинин Н. М. Ук. соч., с. 76). Т. Соколовская пишет, что братья Розового посвящения были принимаемы навеки. Из этой стадии посвящения выйти можно было только на тот свет, вперед ногами. Заметим, всё это — не деспотизм, а пример реальной «свободы».

«Работа» в ложе требовала интенсивной интеллектуальной деятельности. Активно изучалась общефилософская литература, по существу, создаваемая «братьями» же. Одни философские системы приходили, а другие уходили. В. Н. Тукалевский пишет, что *«масонство было идентично тогда* (в XVIII в.) с *понятием интеллигенции в настоящее время»* и что ^*масонские искания, это те зачатки светской философии, которые проявились среди интеллигентов XVIII века».* Эти искания заключались в изучении каббалистов: Якоба Беме, Василия Валентина, Парацельса, Пордеча и др. Следует также учесть, что этих же авторов изучали и Шеллинг, и Гегель, а первая половина XIX века отмечена увлечением московской интеллигенции именно этими двумя немецкими философами, системы учений которых являются модификациями вышеназванных каббалистов — мистиков (см. хотя бы «Философский энциклопедический словарь». М., 1989).

Кружок розенкрейцеров в Москве сыграл огромную роль в жизни России и определил всю культурную направленность сознания российской интеллигенции в веке девятнадцатом. По существу, Новиков и его соратники по Ордену братьев соломоновых мудрецов создали академию языческо-иудейской премудрости, легшей в основу либерализма в России. Именно здесь кадеты и

большевики века двадцатого начали свою историю.

Если верно положение, что Орден иллюминатов Вейсгаупта был создан «для реализации возвышенных идеалов просвещения» (Ланда С.С. «Дух революционных преобразований...». М., 1975), то также верно и то, что Орден Розенкрейцеров в Москве был создан для пропаганды тех же идей, ибо «просвещение» и было «светом», источаемым алтарем масонских лож. Литература Ордена, издаваемая его детищем — Типографской Кампанией (осн. в 1784 г.), была лучами этого просвещения. Идеи Ордена с годами легализировались, входили в дома мещан и дворян, купцов и священников, помещиков и чиновников. Произведения, наполненные туманным «христианством», приучающим думать, что все религии есть одно и то же, а по существу, есть лишь обман для малолетних, входили в сознание новых поколений русских людей, вызывая холод к своей вере и своей истории. Общая картина этой истории все более и более совпадала со взглядами, проповедуемыми в ложах, — темный народ, блуждающий в потемках «предрассудков» и нуждающийся в «освобождении» под руководством просвещенных братьев. Такая «история» вызывала презрение. Ее не стоило и изучать, ее нужно было низвергнуть и начать все заново. Вскипала ненависть на тех, кто ее делал, на своих собственных родителей, мирящихся с «крепостничеством» и «самодержавием». Московский университет стал подлинной фабрикой революции. Здесь не знали ничего о евангельских истинах, но хорошо знали марсельезу и «свободную любовь».

Идеи Сен-Мартена развивались на протяжении всего XIX века. Они вошли в век XX. Вольтер дал, говоря упрощенно, нравственный эпикуреизм, Руссо — обоснование тоталитаризма, Спиноза увенчал это здание пафосом государственности и аморализма, Беме, Штиллинг, Арндт ввели интеллигенцию в гавань чувствительного и неопределенного гуманизма, пресекая изначально всякие попытки осознать себя тем, что ты есть: немцем или русским, французом или англичанином...

СООБЩЕСТВО СТРОИТЕЛЕЙ СОЦИАЛИЗМА

В XVIII веке, к концу его, был у «братьев» в моде Локк. Очень импонировало его учение, что человек не имеет никаких врожденных идей, что все люди рождаются как чистые листы бумаги, абсолютно одинаковые, неотличимые друг от друга. Только внешняя среда, воспитание делают людей отличными друг от друга. Эта теория была близка и московским масонам, и всем социалистически устремленным проектистам. Она подвела «умственную» базу под их проекты все и всех уравнять, у всех все отнять и вернуть в первобытное состояние одинаковости. Руссо, как и все другие социальные преобразователи человечества, бросился с радостью на изучение Локка, которого переводил в России князь М. М. Щербатов, известный масон и историк, написавший первый отечественный роман-утопию-проект с социалистическими мечтаниями. В этом же романе князь нарисовал радужные картинки военных поселений. Когда Александр I начал претворять эти мечты в жизнь, на него набросились все либералы, но никто из них никогда не высказывал возмущения ни идеями Щербатова, ни вообще идеями коммунистического будущего, идеями Кампанеллы, Т. Мора, Ф. Бэкона с властью «дома Соломона» в будущем раю — «Новой Атлантиде». Как до сих пор не хотят видеть схожести концлагерей, колхозов и всеобщего рабства, на котором был основан весь строй нашей жизни, с идеями гуманистов, прогрессистов, либералов всех мастей с Новиковым, Радищевым и Троцким в придачу. Зато нападок на Аракчеева — хоть пруд пруди. И это при том, что доподлинно известно — другие проектисты, конституционалисты, либералы развивали тему военных поселений еще в конце 60-х годов XVIII в. «Начиная с 1769 года между Павлом и Паниным возникла усиленная переписка, в которой обсуждаются основные очертания желательного государства, прежде всего военного строя» (Вернадский. Ук. соч., с.224).

Виднейшие руководители Ордена в России: масоны П. И. и Н. И. Панины, Н. В. Репнин, Г. П. Гагарин — обсуждают проекты военно-чиновничьего будущего России с наследником престола. «В этих проектах, бесспорно, развивались те же идеи военного социализма, которые намечены были Щербатовым в его «Путешествии», — пишет Вернадский. Хотелось бы еще напомнить, что идеи военно-чиновничьего государства с его математически выверенным устройством городов, улиц, домов, с его каббалистической символикой и мелочной опекой чиновниками жизни граждан коренится в гностико-каббалистических доктринах масонства, которые активно постигались по мере продвижения вверх по градусам Ордена. Сам Орден и есть, в сущности, военно-чиновничья теократическая организация.

О том, насколько идеи социализма [33] овладели умами интеллигенции еще во времена Екатерины II, может служить примером и проект знаменитого архитектора Баженова по сносу Кремля в Москве и строительству на его месте чудовищного монстра-дворца, который должен был встать на месте кремлевской стены и быть такой величины, что все здания в Кремле были бы включены внутрь двора этого монстра, как безделки в шкатулку. Устрашающие размеры, беспрерывный ряд колонн, совершенно однообразных по всему фасаду, должны были создавать впечатление о власти мистической, недоступной маленькому человеку. Здание представляло собой некую

[33] Любопытно, что в одном докладе в немецкой Гроссландес ложе (20-е годы XX века) говорится, что «идеалом масонов XX века является социал-коммунизм...» (ЦХИДК, ф.1412, оп. 1, дело 815, л.38). Следует заметить, что именно социализм господствует в западном мире и сегодня. Мы же имели частный случай такового.

фаланстеру будущего коммунистического общества, в котором человек — ничто, нуль, черточка в бумагах чиновника, легко стираемая едва заметным нажимом ластика на письменном столе начальника. В. И. Баженов был не последним человеком в Ордене Розенкрейцеров, одним из его руководителей, наряду с Новиковым, М. М. Херасковым, кн. Ю. Н. и Н. Н. Трубецкими. Кроме того, вероятно, Баженов находился под идейным руководством Ф. В. Каржавина. Баженов «выдвинул, — пишет исследователь жизни и творчества Каржавина, — рациональные и величественные ордерные формы архитектуры классицизма» (Рабинович В. И. «Вслед Радищеву». М., 1986, с. 155), и там же: «Русский классицизм, приняв эстафету идей французского Просвещения, хотя бы отчасти явился выразителем идей не только Дидро, но и Радищева и радищевцев». Весьма ценная мысль.

Екатерина II, объятая пламенем идей, на которых были вскормлены и Радищев, и Новиков, и Каржавин, горела тем же желанием «преобразовать» и самый вид городов русских, в чем она много преуспела, именно по ее инициативе и была создана Экспедиция Кремлевского строения. Баженов приступил к уничтожению Кремля, но в этом деле не преуспел: москвичи его избили на улице, Москва была готова к бунту. Екатерина II отступила. Народ ещё не «образовался» в нужном духе и к безликости не был готов.

Проект Дворца — это видимая цитадель невидимой власти. Невидимой потому, что она анонимна. Замысел постройки отражал представление масонов о будущем устройстве государства. Во дворце есть все, чтобы эта власть выступала от имени некоего «народа». Громадный амфитеатр должен был вместить тысячи депутатов. Масса народа — депутаты Народного собрания — должна была визировать решение невидимой власти, но не могла, понятно, реально управлять страной. Выше уже говорилось о проектах масонов организовать военно-социалистический режим с властью «сознательного» меньшинства. «Народ — дети, нуждающиеся в пастыре» — этот мотив звучит как основа для всех реформаторов, навязывающих свои представления большинству. Если сегодня продолжают объяснять те или иные факты нашей истории «не революционностью» крестьян, которые «в силу своей отсталости и патриархальности не пошли за революционерами и не понимали реакционной сущности царизма», то это значит, что вы слышите все тот же голос вольтерьянца, приглаженный под следующий хорошо оплачиваемый «изм». Практика показала, однако, что крестьяне были более дальновидны, чем это некоторым кажется. Они предвидели будущее, что их ждет, если «передовые» и «сознательные» безбожники придут к власти. Их худшие опасения, как известно, сбылись. Идеология иудаизма победила в умах русских недорослей.

В 1862 году в Берлине была напечатана карикатура на Герцена (см. «Летопись жизни Герцена 1859-1864 гг.»): на пьедестале Герцен, в одной руке у него топор, в другой дымящаяся головня. На пьедестале надпись: «Герцену от разоренного народа». Это пример точного предвидения будущего...

Рабинович пишет о проекте Баженова: «Да, это республиканская утопия, может быть... и социалистическая» (ук. соч., с. 158). В 1817 году Н. М. Карамзин, ознакомившийся с вышедшими в это время на русском языке изданиями «Утопии» Мора и хорошо знавший модель Кремлевского дворца, сделал заключение, что планы этого дворца «уподобились Республике Платоновой или Утопии Томаса Моруса» (цит. по кн. Рабиновича, с. 159). Другим проявлением в архитектуре идей того же круга могут служить дома, построенные Новиковым в своей деревне Авдотьино: каменные дома на несколько крестьянских семей. Эти прообразы коммуналок нашего времени стоят и сейчас и почему-то восхищают отечественных наших историков. Но на то они и «наши», советско-иудейские.

Повсюду, куда бы ни протянулась рука просветителя, его свет светит мрачным огнем каких-то фаланстеров, коммуналок, всесилием власти, где человеку нет места, как и в каббалистическом мире Баруха Спинозы. Повсюду двусмысленные лозунги, имеющие, как правило, два противоположных смысла: «Власть — народу», — имеется в виду «избранному», «Свобода» — от Родины, религии, «Равенство» — среди рабов, то есть равенство нищеты. И так далее...

Идеи авторитаризма, принципа иерархичности во всем, как любили подчеркивать масонские пропагандисты, есть принцип Ордена. Эти мысли выразил и Сен-Мартен. Он утверждал необходимость власти «святого» добродетельного царя, озаренного светом масонской науки. Сам Орден являл собой прообраз будущего государства и должен был весь, со всеми своими подразделениями и структурой управлять миром. Авторитет начальника, великого Мастера постоянно подчеркивался. Сам Бог, великий Демиург, именуется Великим Мастером. Постоянно отмечалось, что «невидимые наши начальники» хранят все божественные знания, данные некогда Богом Адаму, а затем и Моисею, они видят каждого масона с помощью специального раствора Урим, и они готовят «общественную эволюцию».

Во всем этом комплексе идей уже заложено уничтожение частной собственности, благодаря чему весь народ сразу оказывается в полной зависимости от «просвещенного» меньшинства. Масонские идеалы по-разному преломлялись в сознании членов и учеников Ордена. Для ясного понимания надо осознать: частной собственности давно нет и на Западе. Нельзя путать частную собственность с правом пользования.

Когда Павел I пришел к власти, то начались чудачества, о которых написана гора литературы. Но редко кто проводит логическую связь между его поступками и тем фактом, что он был воспитан масонами. Они, можно сказать, «сделали» его. С детства его матушка императрица Екатерина II отдала его в руки «братьев», в первую очередь Н. И. Панину. На цесаревиче масоны должны

были продемонстрировать свое педагогическое искусство. Никто им не мешал. Они и слепили его по своим образцам, чтобы через пять лет убить императора. Между тем, Вернадский правильно отмечает, что вся деятельность Павла I по характеру якобинца, есть прямое продолжение масонских утопий, но только без... масонов. Павел принял за чистую монету идею о добродетельном царе, который есть опекун своих подданных, отец родной. Он в соответствии с формалистикой, принятой в Ордене, с их фразеологией о рыцарской чести, принялся опекать и заботиться о подданных. Он решил одеть всех подданных, включая женщин, в мундиры. Эта мера никого не обрадовала и лишь доказывала, что с императором не все в порядке. До сих пор жива идея о ненормальности Павла, ведь привычные условия жизни были нарушены в его царствование. Это несомненно. Была формалистика, была шагистика, были мундиры и попытки ввести униформу для женщин, запрещение носить круглые шляпы, принятые к ношению в масонских ложах. Между тем, все эти идеи были усвоены Павлом из практики масонских лож с их невероятной увлеченностью обрядами, званиями, орденами, нарядами; церемониалами и прочей формалистикой: актами, инструкциями, уставами и проч.

С другой стороны, ни одно из обвинений, прикладываемых к Павлу I, не применяется по отношению к масонам, занимавшимся широко поставленным распространением идей самой безудержной тирании. И. Шнор издал радищевское «Путешествие» и благополучно пошел по стезе просвещения и далее. Наконец, он издает и ноты «Марсельезы», и «Утопию» Т. Мора — с казармой, угнетением всякой мысли, жизнью в бараках, скотским совокуплением по требованию начальства — для породы, проповедью обмана, делением людей на цивилизованных и дикарей... И что же? Издают, и читают, и восхищаются: Т. Мор — гуманист, И. Шнор — прогрессист... А Павел I — тиран!.. Как-то нелогично всё это.

Эта гуманность слишком знакома нам, людям XX века, в стране, где «Утопия» стала былью. Жаль только что осуществления этих проектов не застал ни Радищев, ни Мор, ни прочие. Жаль, что их миновала чаша жизни в коммунальных фаланстерах, по карточкам, чаша, которую они приготовили для других.

Что касается отношения Павла к одежде, то, например, излюбленная московскими розенкрейцерами книга «Истина Религии» (1784) требовала обуздать роскошь в одежде ради осуществления принципов равенства и братства. Для торжества справедливости. Не все ведь могут одеваться прилично, а тем более роскошно. Уравнять людей поможет введение мундира для всех состоянии и даже для женщин: «Должно неотменно уже в некоторых местах начатое учреждение одежды сделать таким образом, чтобы каждое обоего пола состояние имело особенный свой пристойный мундир... по примеру военных людей... и чтобы оное, несмотря на лице, строго наблюдаемо было (...). Ежели б правило сие было всеобщее, коликих бы избавилось бы тогда человечество забот, зависти и презрения... В сем христианский патриот не угодит только одному прекрасному полу». В результате введения мундиров поголовно для всех исчезнут зависть и прочие пороки. Более того, по мнению новиковского кружка, с которым был близок через Баженова великий князь Павел, из-за введения этой меры начнут процветать науки и художества, торговля и мореходство. «Паче же всего усилилось бы земледелие и скотоводство..., когда бы такое множество лишних в городах людей (так как всякого рода промышленные предприятия, работающие на роскошь, украшения разорились бы. — В.О.), не имея там пропитания, к земледелию обратилось».

Пытаясь все объять своим умом и все спланировать, всю жизнь народа, всего государства, планировали то, что хотелось, а за внешней логичностью геометрической мысли не видели возникающего по их воле абсурда, ибо сердце их, масонов, молчало. Они следовали за логикой алхимиков — построить жизнь по своим канонам, заменить Бога. В этом стремлении сошлись все проектисты, прогрессисты, революционеры и либералы. Именно такой смысл имеет знаменитый символ каббалистов — пирамида, у которой снята вершина. Вершина-Бог, его место занял каббалист, вооруженный знанием, «очищенный» науками. Его душа была убита убогостью его идеологии. Невольно вспоминаешь пословицу: кого Бог хочет наказать, у того отнимает разум.

Павел I не пришелся братьям ко двору, так как слишком уж буквально принял слова о «святом» отце отечества, не принял масонской лжи, не принял игры и не захотел жизнь делать сценой для зрителей. Царь так царь. Орден же и представлял себя таким «царем», «святым», но Павел не согласился признать лгунов и клеветников святыми. Сообщения из революционной Франции уже ясно говорили, какую судьбу готовят братья «свободы, равенства и братства» русскому народу и его Самодержцу, хоть и мальтийцу.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КРИТИКА И ЕЕ СМЫСЛ

И страстные разоблачения масонами знатности и богатства есть только первая часть фразы, как и беспрерывное обличение правительства и помещиков в деспотизме. В сущности, все нечистоплотные политики всегда так: первую часть фразы для других, и она полна обещаний, другая для себя, и если бы знать ее всем, то коликих бед могло бы избавиться человечество... Если бы знать... Но это только так говорится — знать. Не умовое знание определяет вхождение человека в суть истины.

Пораженный прелестями духовными, желая быть «как боги», которым все позволено, имея в душе каббалистическую заразу — Всечеловека, который важнее самого Бога и который сам дает жизнь созданию Его, который легко подчиняет Его себе своей магией «знания», может управлять демонами природных стихий и, тем более, человеческим обществом, такой человек идет

по дороге, «усеянной розами, стремясь к удовольствиям, избегая страданий, во всем руководствуясь благими законами учения Эпикура» (масонское «стихотворение-программа» XVIII в., цит. по кн.: Оссовская О.М. «Рыцарь и буржуа», пер. с польского. М., 1987, с". 421). Он идет по тропинке, «усеянной цветами», туда, где «плач и скрежет зубовный», ибо идет от живительной Истины, от Церкви, коя есть «Столп и утверждение Истины», коя есть вечное благоухание благодати, утешение скорбящих, обидимых пристанище, болезных исцеление...

Значительную, если не сказать решающую, роль играла психологическая установка, вырабатываемая всем учением Ордена «высокой церковью» и «высоким государством» — по терминологии масонов. Масонство изначально претендует на власть — и политическую, и духовную, и учит своих адептов рассматривать все земные, наследственные, национальные власти как временные, узурпировавшие власть, которая непременно будет отнята у них Орденом, ибо только он является законным претендентом на обладание миром. Отсюда эта устойчивая раздраженность нашей интеллигенции прошлого по поводу царского престола и Церкви, помещичьего землевладения. Результат известен: деспотизм (свободы) сменился свободой (деспотизма).

На утверждение доктрины о законности «подлинных» владельцев людского рода, «законных», способных вести к исторически закономерному «счастливому» концу всей человеческой истории, и были брошены все силы антихристианские, антинародные, космополитические. И это понятно. Индивидуальность, самобытность, неповторимость формируются только на основе Духа, открывающего человеку и человечеству мистические глубины его религиозного сознания. Подлинная самобытность каждой вещи в этом мире открывается и утверждается только в живительных токах благодатного учения Церкви. Она учит нас беречь, сохранять и улучшать все созданное Богом, но и понимать, что мы лишь приставлены к Миру Божьему, что он создан не нами и не нам распоряжаться чужими жизнями. Существенная черта: масон, иудей, демократ, коммунист «исправляют» несовершенный мир, а христианин исправляет себя с помощью Церкви, как её часть.

«Разоблачая» роскошь богатых, рыдая над бедными и угнетенными, ярко живописуя их несчастную участь, беспощадно критикуя самодержцев, помещиков и особенно монахов и священников, нападая на само учение Церкви, объявляя ее формальной, «наружной», славословя о нравственности, «добродетелях», масоны имели в виду отнюдь не улучшение жизни трудового народа — наивно было бы так думать, зная, что даже в их обрядниках помощь предназначалась только лишь «братьям», да и то только в том размере, чтобы не пострадало благосостояние помогающего «брата». Уже в Английском Уставе «Предписания для вольных каменщиков» от 1723 года читаем, что «брат» не обязан помогать другому «брату» «сверх сил» (Финдель, т. 1, Приложение).

Николай Иванович Новиков, первый среди розенкрейцеров и идейный вдохновитель просветительства, главный бич всех «пороков общества», не затруднился продать своего крепостного, пошедшего вместе с ним добровольно в крепость в заключение и отбывшего с ним там все четыре года. На удивленный вопрос соседей он отвечал: «Деньги нужны были». Уже после заключения у себя в Авдотьине он приблизил к себе другого крепостного, молодого человека, дал ему образование, и его часто видели с Новиковым за столом вместе обедающими. Он был одет по-господски и вел себя вполне свободно, как секретарь Новикова. Но однажды и он пропал. На удивленный вопрос соседей по имению Новиков ответил, что сдал его в солдаты из-за его развязности. Если даже думать, что в то время «нравы были такими», как иногда скромно замечали по этому поводу либеральные и советские историки, то ведь Новиков-то как раз и бичевал эти нравы. Но нравы здесь ни при чем. Соседи ведь с удивлением спрашивали об этих случаях, и они запечатлелись в памяти потомков. П. А. Вяземский, сообщая об этом случае со слов Д. Л. Бутурлина, бывшего соседом по имению Новикова, замечает:

«Вот вам и либерал, мартинист, передовой человек!.. Поступок Новикова покажется чудовищным... Он и в самом деле неблаговиден и бросает некоторую тень на личность Новикова» («Выдержки из старой записной книжки, начатой в 1813 г.» — «Русский Архив», 1873, кн. 2., с. 2148).

Орден прямо указывал на необходимость лжи в интересах Ордена и воспитывал в своих членах чувство ненависти. «Крик мщения» практиковался в работах всех лож вольных каменщиков, усиливаясь по мере продвижения наверх по градусам Ордена. Чего стоят только постоянно повторяемые в обрядах разыгрывания сцен убийства муляжа короля или другого какого-либо врага Ордена: отрубание головы или протыкание кинжалом, бесконечные угрозы расправы в случае измены Ордену. Эти ритуалы убийств с отрезанием головы и пролитием крови детально описаны в книге немецкого масона К. Ф. Кеппена (1734 — 1797) «Крата Репоа». Российские масоны издали ее в московской университетской типографии в 1784 году. В начале нынешнего века она была переиздана, как раз перед революцией!

Т.О. Соколовская по поводу правил московских розенкрейцеров замечает, что целью «священного ордена Златорозового Креста», так же как братьев в Иоанновских и Шотландских степенях, признавали соединение всех наций и племен в одну «великую всемирную семью», и ввиду важности цели они оправдывали все средства для ее достижения» (Соколовская Т. О. «Братья Златорозового Креста», «Русский Архив», 1906, № 9, с. 89).

Но слово «добродетели» не сходило с уст масонов. И хотя эти добродетели понимались в смысле стоиков — как определенное качество предмета, соответствующее его назначению — скажем, крепость и высота есть

добродетель забора, быстрота бега — добродетель лошади и т. д., — до сих пор исследователи, затрагивая вопрос об ордене, без тени смущения пишут, что там упражнялись в моральном совершенствовании.

Ордену нужна была власть полная и беспредельная. Как начало безусловно отрицательное, получающее свои вдохновения от Управителя храма Соломона, Люцифера-Каина-Хирама, масонство не имело никакой творческой силы и потому с полной властью справиться бы не смогло. Возможно, что в дальнейшем исторический опыт, мистический во всяком случае, доказал «братьям» это, возможно, что они и тогда уже понимали это, но такова сила обольщения, что они мечтали о всем мире сразу и без слов.

МАСОНСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ

Краеугольный камень идеологии просвещения и масонства «естественный закон» вел «философов» к построениям будущего, вполне напоминающего концлагеря с рабами, заключенными и надзирателями.

«Естественный закон», которым должны управляться люди, составляя сообщества, на самом деле имел мало естественного, зато легко смыкался с теософскими умозрениями на власть, человеческую природу и, в конце концов, имел в своей основе теократический взгляд на общество: сверху «святые цари», а внизу падшие под грузом своих страстей неразумные рабы. Как было выше сказано, «естественный закон» — это учение Торы, каббалы.

Показательны слова Виельгорского о масонских воззрениях на рабство (см. выше), как подчинение «искры» божией в человеке плоти, обуреваемой страстями, которые и следует смирять всяческими внешними утеснительными средствами, в том числе, при наличии у власти каббалистов-масонов, и средствами государственными, полицейскими. В этом вопросе доктрина каббала-гностики об «искре», плоти-тюрьме, наличии среди людей не падших, «святых» цадиков-мастеров, которые и обязаны вести людей через их угнетение к «свободе» от страстей, традиций, религии, семьи и всего, что «наружно» и «телесно», вошла в самое тесное соприкосновение с социальной жизнью народов, породив четко выраженные политические и социальные проекты преобразований всего человеческого общества, ересь страшную по своим последствиям для человечества — ересь утопизма, выражение демонизма.

Эта доктрина легла в основу деятельности Ордена вольных каменщиков; возбуждая совершенно определенную психологическую установку неприятия всего строя жизни, основанного на правилах традиционных и, кстати же, действительно естественных, а не выдуманных по указке цадиков иудаизма, «учителей» каббалы, которым подлинное естество мира и человека было закрыто напрочь самим их учением дьявольских миражей.

Наиболее полно и ощутительно учение о будущем государстве масонов нашло свое выражение в уже упоминавшемся сочинении князя Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С., швецкого дворянина», над которым он работал в то же время (1783-1784 гг.), когда писал и свое знаменитое сочинение «О повреждении нравов».

Два слова о самом М. М. Щербатове (1733-1790). Он принадлежал по рождению к старинному дворянскому княжескому роду. Родился в Москве и здесь же получил первоначальное образование. Он знал французский, немецкий, итальянский языки, имел представление о политике. экономике, философии, естествознании и даже медицине, собрал самую большую частную библиотеку в России. Как и полагается дворянину, он служил в гвардии, в Семеновском полку, куда был зачислен в 1756 году. а в 1762 году по объявлении манифеста Петра III «О вольности дворянской» в чине капитана вышел в отставку и занялся исключительно литературной и общественной деятельностью, а затем и чиновничьей.

Масонская карьера князя Михаила Михайловича Щербатова началась если не с пеленок, то. по крайней мере. с ранней молодости. Уже в 1756 году его имя называется в числе «гранметров», то есть Великих мастеров, а ему было тогда лишь 23 года. В 1768 году он входил в число руководителей системы «Строгого наблюдения» — в капитул Феникса в Петербурге. В 1770-х годах он посещает ложу «Урания», в числе членов которой были многие видные деятели литературы и театра. Эту ложу посещал и Радищев.

В 1775 году он живет в Москве, пишет свою «Российскую историю» и посещает ложу «Равенства». В конце 70-х князь участвует в работах ложи «Озириса» и «Латоны» в Москве, где, видимо, встречается и с Н. И. Новиковым.

Он прославился как лучший оратор в «Уложенной комиссии», собранной Екатериной II специальным Указом 1766 года для выработки новых узаконении на основе просветительской философии «естественного права» и всеобщего Разума, в коем, по уверению «философов» и Уставов масонов, английских и шведских, все люди согласны. Кн. Щербатов. дворянин московского уезда, стал лично известен императрице, ученице Локка и Гольбаха, и она, радея вполне искренне о литературных и прочих просветительских успехах вверенной ей державы и ориентируясь на своих западных друзей — Дидро, Вольтера, Гримма и прочих, поощряла князя на написание «Истории Российской». Но еще в 1759 году в июльском номере «Ежемесячных Сочинений» (полное название этого журнала было в то время: «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие») была напечатана его статья без подписи: «О надобности и пользе градских законов». В этой статье можно видеть весь комплекс идей о власти, который развивали масоны на протяжении всего столетия и которые были, можно сказать, вневременными по своей сути, масонской метапарадигмой, порождающей массу теорий во все эпохи и во всех странах, где они

осуществляли свою деятельность.

«Человек по собственной своей природе есть волен и подвержен единому лишь естественному закону; но страсти, — пишет Щербатов, — совлекая его с истинного пути, чинят необходимую нужду, чтобы он имел власть над собою, которая бы бдела о исполнении его самого закона (т.е. закона его естества, который нарушается действием стихии страстей. — В. О.), для отвращения им же приключаемого вреда от нехранения онаго».

То же самое писал и Сен-Мартен в 1775 году в своем сочинении: о «развратности воли», мешающей человеку исполнить закон его естества.

Щербатов был за «равенство и братство», но, поскольку существует слабость человеческой натуры, борьбу с ней, борьбу с «развращенностью нравов» — все это должна взять на себя верховная власть, правительство. Но какое, из кого оно должно состоять? Так или иначе, но уже в этой статье от 1759 года, статье, «ставшей результатом чтения тогдашней «модной» просветительной литературы» (см. «Русский биографический словарь». Спб., 1912), Щербатов вплотную подошел к своему идеалу полицейского государства.

Эта идея проводится всей масонской литературой, и ярким подтверждением тому является настольная книга московских розенкрейцеров. как, впрочем, и немецких их начальников, — «О заблуждении и истине» Сен-Мартена. Она вышла в 1775 году, в России появилась не позднее 1777 года и была переиздана масонским издательством Новикова в Москве в 1785 году в переводе П. И. Страхова, будущего профессора Московского университета.

В V главе своего труда Сен-Мартен излагает ту же теорию, что и князь Щербатов. Интересны выводы, к которым приходит Сен-Мартен на основе необходимости утеснения неразумных людей.

Человек от рождения, пишет он, попадает в зависимость от целого ряда обстоятельств. Да и сама «жизнь его не есть ли цепь непрерывных зависимостей... В младенчестве он зависит от родителей, затем от учителей, которые «вооружают его противу заблуждений и приуготовляют ко брани». Долг взрослых, разумных «есть делать над разумным существом его то, что делали они над телом его, когда ощущал он болезни, не будучи в силах ни сносить, ниже избавить себя от них».

Но человек и далее не становится в массе своей самостоятельным, он «осужден пресмыкаться... одни попускают себя в порабощение и падают при бесчисленных камнях преткновения, которыми усеяна сия тина стихийная, другие мужественно и счастливо избегают оных» (Сен-Мартен. «О заблуждениях и истине». М., 1785, с. 259 и далее).

Те, кто избежал пленения своей натуры стихией страстей неразумных, «имеет пред ними все эти преимущества, должен быть выше их и управлять ими».

«Тот, кто предохранил себя (и от затемнения, и от развратности), становится владыкою не только по самому делу и необходимости, но и по долгу. Он должен овладеть (павшим человеком) и не давать ему ни малой свободы в его деяниях как для удовлетворения закона началам его, так и для безопасности и примера общества: он должен употреблять над ним все права рабства и подданничества; права столь же праведные и существенные в сем случае, сколько непонятные и ничтожные во всяком ином обстоятельстве.

Владычество сие не токмо нельзя почитать угнетением и притеснением естественного общества, но должно почитать его твердейшею онаго подпорою, и самым несомнительным средством к подкреплению его как противу злодейств членов своих, так к противу нападений всех его врагов.

Одеянный сим достоинством, поелику не может быть блажен иначе, как придержася крепко тех качеств, которыми приобрел он владычество, старается для собственной пользы устроить блаженство подданных своих...» (ус. соч., 275...)

Правитель должен знать все «основания законов и правосудия, уставы воинского порядка, права частных людей и свои, равно как и то множество пружин, которыми движется государственное управление».

Этот правитель означен как «истинный царь», опирающийся в своей власти на таких же «истинных просвещенных»; он должен «иметь возможность и устремлять взор свой и власть свою простирать и на те части государственного управления, которые ныне во многих державах не поставляются главною целью, но которые в том правлении, о котором мы говорим, должны быть крепчайшим узлом, то есть религия и излечение от болезней... и в художествах, к увеселению ли, к пользе служащих, не может он не наставить на путь и не показать истинного вкуса».

Таким образом, перед нами классический образец самого крайнего тоталитарного государства с правом вмешательства власть имущих чиновников-жрецов во все уголки его жизни. Граждане лишаются права на частную жизнь. Искусство, литература, наука, медицина, то есть здоровье людей, — все ставится под неусыпный контроль «просвещенных» и «сознательных» начальников и их главы — «истинного царя». Этот манифест угнетения человечества никогда не вызывал гневных отповедей со стороны либералов прошлого, о нем никогда, кстати же, не упоминал борец за «свободу человечества» — Герцен. Этот манифест угнетения, принятый за вероисповедную формулу жизни русскими масонами-либералами, был принят и последующим веком. XIX, как руководство, и теоретическое и практическое, к преобразованию мира. Новиков, Шварц, профессора университета изучали книгу Сен-Мартена как своего рода «Коммунистический манифест» или «Майн

кампф». Но у Сен-Мартена политика сливается с мистикой власти.

Само свое название московские масоны-розенкрейцеры получили от имени автора «Заблуждения и истины» и стали называться мартинистами.

Но, как мы видели, все эти идеи уже имелись и в статье князя Щербатова. В счастливом государстве — земле Офирской нет никакой религии в подлинном значении этого слова. Но есть нечто, ее напоминающее. Это «естественная религия» иудаизма — поклонение живому существу Натуры. Ведь для масона видимая природа оживляется центральным огнем, мировым Разумом, двуполым по своей природе, великим Гермафродитом.

Общественная молитва офирянами производится в храме, обстановка в котором воспроизводит масонскую ложу. Сам храм построен из «дикого камня». Посредине имеется символ солнца, которому и совершается поклонение офирянами. Символ солнца — это непременный атрибут масонской символики [34]. Он знаменует собой и огонь, и разум, и Иегову, который, обернувшись, с другой стороны, оказывается и Люцифером. Каббалистическое число солнца — 666, и это с несомненностью открывает того, кто скрыт за этим символом. Число Зверя, Сатаны, одновременно указывает и на Иегову, в верности которому клялись масоны-розенкрейцеры в Теоретическом градусе Соломоновых наук «Я, Н.Н., обещаюсь свободно и по добром размышлении Вечному Всемогущему Иегове во всю жизнь в духе и истине поклоняться... Тебе, Единому, да будет честь, о Иегова! Ты начало, средина и конец, ты живой от вечности до вечности. Аминь!» (ОР РГБ, ф. 147, № 102, л. 42 об.) То, что солнце знаменует собой и Иегову, видно из следующего факта. Масон в степени мастера Шотландского Ритуала носил на груди, кроме «блистающей шестиугольной звезды», и изображение солнца, «в котором выгравирован или вычеканен четвероугольник, в оном находится слово Иегова, написанное на еврейском языке» (там же. № 69, л. 30 об.).

Масон поклонялся Единому двуполому огненному Разуму, животворящему природу. Его он звал на помощь, с ним вступал в магические отношения. Этот мировой Разум. Интеллегио, изображался масонами чаше всего в виде пентаграммы, пятиконечной звезды. Это «пламенеющая звезда» масонских лож, утренняя звезда — Денница, Люцифер. Магический свет этой звезды сообщает силу для внутреннего преобразования человека. Что это за преобразование — можно только догадываться, внимательно вглядываясь в происходящее.

Этот ряд сопоставлений и соотнесений, открывающий внутренний смысл масонской символики, открывает одновременно и инфернальный смысл социалистических устройств на демократической подкладке. Оккультная эзотерика со своим символическим фасадом хотя и вполне очевидно присутствует в нашей повседневной жизни, даже просто бросается в глаза, но по удивительной нашей способности к слепоте решительно не замечается и не осмысливается. Печать антихриста легла на наш ум и сердце.

Но продолжим наблюдения. Священник в офирском храме одет в масонский передник, запон, на котором изображено восходящее солнце. Отсюда, кстати, и названия масонских журналов Н. И. Новикова — «Утренний свет», как, впрочем, и «Вечерняя заря», — ведь опускаться солнцу или подниматься — решают начальники Ордена. Офиряне стоят в храме молча, на коленях, а «священник» про себя читает молитву. Не более двух минут продолжается эта молитва-медитация. Она, таким образом, необременительна, но смысл ее огромен. С точки зрения магии — коленопреклонение перед идолом, тем более изображением самого Сатаны означает покорность ему, принесение дани. Первые христиане шли на смерть, на мучения, чтобы только не принести даже формальную жертву идолам. Жертва, самая незначительная, есть признание идола, злой силы, и выражение покорности ему. В этом — мистический и демонический смысл, в частности, партийных взносов в СССР.

Вся эта церемония полностью воспроизводит в то же время молитву Верховному Строителю, Демиургу, Архи-Магу в ученической ложе иоанновского масонства.

По выходе из храма путешественник в землю Офирскую узнает, что священник является офицером полиции, так как эти должности имеют одну цель: исправление нравов офирян. Никаких таинств, вероисповедных истин религия офирян не знает. Все сводится к поддержанию здорового образа телесной жизни и состояния нравов. Идеологическая сфера тоталитарного государства офирян вобрала в себя жрецов идеологии, полицию и правосудие и слила их в одно целое. «Священник», полицейский и судья — эти должности исполняет у них одно лицо, как в СССР всё это сливалось в коммунисте, «исправляющем» общество.

Все процветание земли офирской основано на тщательном контроле за каждым шагом жителей. Полиция обязана знать о каждом дыхании граждан. «Каждый разврат нравов, яко явное непочтение родителям своим, сварливость, жестокие поступки с подданными своими, мотовство, излишняя роскошь» — унимается «благочинными», то есть полицейскими.

Бесконечный и беспощадный контроль за каждым жителем с точки зрения соблюдения «нужных нравов» ставился во главу угла и в других излюбленных сочинениях московских масонов, например, в переведенном с немецкого «Новом Начертании Истинныя Теологии» (1784 г.). «Земля Офирская» —

[34] Вспомним: «солнцу» поклонялись и граждане СССР — оно освещало, восходящее (или заходящее?) Земной шар на государственном гербе — точное воспроизведение масонской символики, включая «пылающую» звезду масонских лож. Не следует забывать, что СССР был теократическим государством: коммунист-жрец-воспитатель-вождь...

праобраз современных нам государств, в т.ч. США.

Масоны — это «истинно верующие», посредники между Богом и людьми, очищенные уже от страстей. Вспомним, что первые же степени масонства посвящены именно усвоению масонских добродетелей. Скорость усвоения их занимала не более года. Далее шло более глубокое усвоение мистических истин и магии. В «Новом начертании» говорилось от лица Владык всего мира: «Призываю я всех истинно верующих, дабы присоединиться к тому и быть готовыми, ибо я ясно вижу, что сие есть воля Божия и что подлежащее исправление нравов не может иначе совершиться, как через соединенных верующих всякого состояния, которые рассеянными находятся во всех церквах». Если учесть, что рассеянные в церквах — это все те же масоны, члены «вселенской высокой церкви», то смысл будет ясен.

В этой книге находилось и обращение к Владыкам мира, которое так напугало следователя по делу Новикова князя Прозоровского [35]. Он совершенно правильно уловил мысль московских масонов — основать теократическое государство. Во главе — начальник Ордена, он же и «святой царь», рядом те, «кои суть священники», как говорил, обращаясь к «братьям», З.Я. Карнеев, — «вы суть священники и цари», которые «над собою и над всею натурою владычествуют неограниченно» (Вернадский, с. 179). Так же правильно он определил и поиски кандидатуры на роль «истинного царя» — Павла Петровича, наследника престола, которого и воспитывали для этой роли те же масоны. Он был нужен и как законный наследник, ибо мистически он соединял в своем лице власть помазанника Божия и имел от Бога право быть царем, и власть по Ордену, то есть от самого верховного владыки Князя Мира сего — Люцифера. Таким образом, в его лице должна была произойти подмена престола Божия на престол Сатаны.

В программных документах масонов московского кружка, какими могут считаться «Новое Начертание» и «Истина Религии», захват власти мыслился постепенным процессом, в ходе которого Владыки мира, «истинно верующие», будут проникать во все сферы управления государством; «сии верующие соединятся для того, чтобы работать во всеобщем исправлении нравов». Это общество уже подразделено на степени: «святые — главные надзиратели, облагодетельствованные — помощники святых, кающиеся — в распоряжении тех и других».

[35] Кн. А.Прозоровский замечает по поводу захваченной при обыске Новикова книги «Новое начертание истинныя теологии»: «с тех пор как образовалась секта Розенкрейцеров, мартинисты стали мешаться в дела государственные; из книги «Новое начертание истинныя теологии» видно, что по заведении новой церкви было намерение подчинить оной и все государственные правительства и соединить все народы и законы вообще, а наконец стараться завести республику». (Барсков Я.Л., ч.2, с.257).

Одним из главных орудий преобразования общества в нужном направлении должно было стать создание в каждой стране «Патриотического Общества».

Подчеркивается, что «общество верующих»» никакой религии не имеет. Его религия есть чисто практическое «исполнение всех христианских добродетелей и должностей», то есть это «общество верующих», или еще «Народа Божия», или еще «Народа Израиля» должно исполнять требования «естественной религии», каббалы — поклонение идолу Человекобожия в теософской интерпретации, как у Сен-Мартена и князя Щербатова. Перед нами оккультный и социальный идеал Талмуда. Очевидно, что человек, как бог — это мираж, созданный для прельщения человека недоброй силой. Этой силе на самом деле он, купленный тщеславной мечтой, и будет служить.

Для большего уяснения смысла сказанного необходимо обратиться к некоторым основным положениям иудаизма. Для этого обратимся к книге известного раввина Адина Штайнзальца (см. ниже в списке литературы): «Определение иудаизмом еврейской избранности состоит в том, что Израиль был признан стать народом священнослужителей, и весь сценарий его жизни... установлен для достижения этой цели».

«...С принятием Торы в качестве плана своей жизни они взвалили себе на плечи обязанности священнослужения, не ограничиваясь определенным местом или временем, но выполняемого всегда и повсюду» (с. 127). Нелишне заметить, что человек и становится масоном, когда строит свою жизнь по законам иудаизма.

Как известно. Великий мастер масонских лож имеет чертежную доску, на которой он рисует план переустройства всего мира согласно законам Торы. Следуя этому плану, масоны всего мира, интеллигенты, производят «работы» по «совершенствованию и исправлению мироздания». Этот план может быть назван мартинизмом, или марксизмом, или просто «демократией», но в сущности своей он один и тот же:

«Пути к исправлению мира предначертаны Торой... Ибо Тора (в расширительном смысле Тора — это и Танах, и Талмуд, и каббала. — В.О.) — ...практическое руководство к действию, объясняющее человеку, как именно осуществлять задачу по исправлению мира» (Штайнзальц, с. 85). Вот перед нами классическое положение Утопизма всех наименований и времен:

«При этом Тора — более ясное и совершенное проявление Всевышнего, чем мир... Тора служит первоначальным планом мира. Тора и мир неотделимы друг от друга» (там же, с. 116). Конечная цель: гаолам габа, коммунизм.

В иудаизме приобщенный к Торе «должен продолжать работу по завершению и исправлению первоначального творения...» (там же, с. 201), он совершает тикун — «усовершенствование мироздания», он строит мир Коммунизма. В этом слове все: и «рынок», и «демократия», и «прогресс»...

Механический взгляд на человека, мир и Вселенную, отрицание личного Бога как источника нравственной правды влекут за собой и отрицание нравственных и моральных устоев личности и общества, как незыблемых начал всей нашей жизни.

ОБЛИК ЛИБЕРАЛА В РОССИИ

Наиболее ярко и ощутимо облик будущих проектистов всеобщего счастья с «разумной моралью», построенной на талмудических законах «око за око и зуб за зуб», которые проповедовал уже Радищев, наш первый социал-демократ, передают нам воспоминания Н. И. Пирогова о первых своих шагах на поприще студенчества в Московском университете. Итак, на сцене общежитие для студентов, комната № 10. Сентябрь 1824 года. Где-то Евгений Онегин посещает балы, выслушивает признание в любви Татьяны Лариной и ведет возвышенные беседы с Ленским..., правда, уже знакомым с молоточком и циркулем.

А в это время в комнате № 10 дым поднимается столбом от нещадно курящих студентов, «слышна брань неприличными словами». Один из студентов с испитым лицом вместо постижения медицины читает исключительно Овидия и Горация с их шаловливыми сценками. «Я редко видел его, — замечает Пирогов, — за медицинскими книгами». Разговор идет скачками. Александр I — ничто, а вот Наполеон — все, он гений так гений!

Двенадцать лет перед тем этот дутый гений масонской пропаганды, молот по исправлению мира в руках Великого Мастера Соломоновых наук, испоганил Москву, осквернил со своим революционным воинством Божьи храмы первопрестольной, предваряя «подвиги» последующих революционеров и демократов, бежал из нее, как мелкий уголовник, успев пограбить, бросил свою армию в снегах, как перед этим в Египте, и... стал героем мелкого пошлого мещанства либеральной и революционной интеллигенции, то есть безбытной и безликой. Но зато сокрушил феодализм, церковные устои.

Но это так, к слову о патриотизме в либеральном понимании. Согласно догмату иудаизма, гений — канал связи между высшим миром и нашим, и через него «божественная энергия» истекает на наш грешный мир, озаряя и нас. Какие тут могут быть моральные оценки? Они просто неуместны для просвещенного Торой. Гений, цадик, и есть «проекционный канал». Но вернемся в комнату № 10.

...Ода «Вольность» (1817 г.) — Пушкина ничего, но не очень: революция — так по-французски, с гильотиной. Разговор коснулся брака. Либерал образца 1824 года, будущий народник-террорист, а затем и чекист, кричит: «Да что там толковать о женитьбе! Что за брак! На что его вам? Кто вам сказал, что нельзя попросту спать с любой женщиной?.. Ведь это всё ваши проклятые предрассудки: натолковали вам с детства ваши маменьки, да бабушки, да нянюшки, а вы и верите. Стыдно, господа, право, стыдно!»

Как известно, социал-демократизм в принципе отрицает необходимость брака, семьи. Ведь это лишь «историческая форма трудового сотрудничества», не более. Маркс и Энгельс, Герцен и Огарев, Луначарский и Бухарин, Бебель, Каутский и Коллонтай в этом вопросе единодушны. «Коммунистический манифест» лишь отразил взгляд на этот вопрос масонства. Нынешняя власть, еврейско-демократическая, брак не жалует особенно.

«Оправдание плоти», экономизм и «прогресс» делают ненужным брак, как ненужным и само христианство, и- его духовные и моральные ценности. Интересы процветания Вида, Коллектива требуют слияния всех в одно тело с одним сознанием и волей. Какая тут семья и какая тут личность? Ей просто нет места в этом мире Талмуда и религии Вида во главе с Кнесет Исраель (см. Штайнзальц, с. 126).

Один из студентов комнаты № 10, «закатывая глаза, скрежеща зубами», вопит, обращаясь к Самодержцу:

Тебя, твои род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостию вижу...

В логическое довершение кто-то из студентов кричит, что он масон и что правительство — «ну его к черту»».

Николенька (Пирогов) быстро усвоил уроки практического атеизма. тем более что оно так густо было замешано на передовых идеях свободы половых отношений и на обыкновенной матерщине. Теперь он «глумился над повествованием из Четьи-Минеи», объяснял маменьке, что «религия везде, для всех народов была только уздой, а попы и жрецы помогали затягивать узду». В ответ маменька весьма проницательно спросила: «Уж не хочешь ли сделаться масоном?» Следуя этой мысли маменьки Пирогова атеизм, «просвещение» и есть масонство.

«Бога не нужно было» для этих проектистов, будущих нечаевцев и народовольцев, цареубийц и осквернителей святых истоков народной жизни. Тут одно из двух: или Церковь, или пьянство, похабщина, разврат с их ментальной завесой — «научным» атеизмом и материализмом.

Общая обстановка в это, как до сих пор утверждается, «деспотическое» время «аракчеевшины» была таковой, что «болтать, даже и в самых стенах университета, можно было вдоволь, о чем угодно и вкривь, и вкось. Шпионов и наушников не водилось: университетской полиции не существовало... это было время тайных обществ и недовольства». (Цит, по кн.: «Московский университет в воспоминаниях современников». М., 1989, с. 80-89.)

Эта когорта «недорослей реализма и классицизма да промотавшихся и

проворовавшихся червонных валетов» и стала подлинной наследницей идей пророков иудаизма Сен-Мартена и Новикова, идей практической каббалы, вошедшей своей отравой мертвого символизма и примитивной чувственности в сердца юношей еще в том возрасте, когда знаний в голове меньше, чем молекул в торичеллиевой пустоте.

Проповедь либерализма, отказа от исторических и религиозных ценностей, шедшая из-под печатных станков Типографической Компании братьев-розенкрейцеров, делала свое дело. Сочинения западных мистиков. Вольтера, Руссо, наполненные «обличением» богатых и знатных, прямыми намеками на незаконность власти Самодержца и воспоминанием прелестей «республиканских» свобод, давали обильные плоды в подрастающем поколении учащейся молодежи. Отвержение Церкви, издевательства и кощунства гарантировали будущему России страшный ад большевистского террора. Уже в 20-е годы XIX века сформировался тип нигилиста, как мы видим из описания Пироговым своих однокашников. Другой тип.» более «культурный», можно увидеть из анонимных записок — «Лицейский дух» и «Общество Арзамас», написанных в 1826 году («Русская Старина», 1877, т. 18).

В обществе «Арзамас», как известно, участвовали деятели культуры, представители бюрократии, высшего света Петербурга. Общество, как известно, было побочной управой масонского Ордена. Известный мемуарист Ф.Ф. Вигель пишет, что именно участие в «Арзамасе» привело его к мысли вступить в масоны. Общество, таким образом, было светским филиалом Ордена, его преддверием, рупором его идей в литературе и политике. Оно распространяло необходимые ему понятия и представления, создавало нужное «братьям» общественное мнение. На масонском поприще в качестве литератора прославился более всех Василий Львович Пушкин, песни которого распевались в ложах «Избранного Михаила», членом которой он был, как и общества «Арзамас». Членом «Арзамаса» был и будущий министр народного просвещения С. С. Уваров, член ложи для избранной бюрократии «Полярная Звезда», руководимой иллюминатом, евреем Фесслером, преподававшим одно время еврейский язык в Петербургской Духовной Академии.

Автор записки «Общество Арзамас» пишет, что «главная характеристичная черта членов Арзамасского общества, по которой можно их отличить между миллионами людей, есть: чрезвычайно надменный тон. резкость в суждениях, самонадеянность. Сергей Семенович Уваров и Николай Тургенев суть два прототипа духа сего общества. Все, что не ими выдумано, — дрянь; каждый человек, который не пристает безусловно к их мнению, — скотина, каждая мера правительства, в которой они не принимали участия, — мерзкая; каждый человек, осмеливавшийся спорить с ними, — дурак и смешон. Этот несносный тон заразил юношество, которое почитало себя рожденным не в свое время, выше своего века». Автор записки приходит к мнению, что «некоторые члены, отдельно, приготовляли порох, который впоследствии вспыхнул от буйного пламени тайного общества». В другой записке, под названием «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного» (ок. 1830 г.), мы видим портрет будущего либерала во всех своих характерных подробностях.

«Что значит лицейский дух? — спрашивает автор записки и отвечает: — В свете называется лицейским духом, когда молодой человек не уважает старших, обходится фамильярно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая случаев, когда для фанфаронады надобно показаться любителем равенства. Молодой вертопрах должен при сем порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском — знать все дерзкие и возмутительные места, самые сильные из революционных сочинений. Сверх того, он должен толковать о конституциях, парламентах, казаться неверующим христианским догматам и, более всего, представляться филантропом (синоним масонского общества. как «общества филантропического»; см. у Лессинга в «Разговоре для масонов». — В.О.) и русским патриотом».

Любопытен идейный багаж юных сверхчеловеков, воспитанников лицея, и их последователей, «патриотов»: «К тому принадлежит, — пишет далее автор записки, — также обязанность насмехаться над выправкой и обучением войск, и в сей цели выдумано ими слово шагистика. Пророчество перемен, хула всех мер и презрительное молчание, когда хвалят что-нибудь, — суть отличительная черта сих господ в обществах. Верноподданный — значит укоризну на их языке; европеец и либерал — почетные названия».

Власть не признается за авторитет, армия подвергается насмешкам, быть верным присяге и долгу — значит быть несовременным, идти не в ногу со временем. Автор записки задается вопросом: «Откуда и как он (дух либерализма) произошел?» И отвечает вполне логично: «Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыш в религиозном мистицизме секты мартинистов, которая в конце царствования императрицы Екатерины II существовала в Москве под начальством Новикова и даже имела свои ложи и тайные заседания». Новикову помогали, пишет автор. Тургенев, Лопухин, Муравьев («отец Никиты, осужденного») и другие: они «сильно содействовали Новикову к распространению либеральных идей посредством произвольного толкования Священного писания (по каббалистической системе восприятия Библии, как книги символической . — В.О.), масонства, мистицизма, размножения книг иностранных вредного содержания и издания книг чрезвычайно либеральных на русском языке».

Социология масонства, распространение его в обществе через захват

чиновничьего аппарата, также объяснена автором записки: «Тургенев (правая рука Новикова и Шварца, до 1784 г. возглавлявшего Орден розенкрейцеров в России. — *В. О.}* был попечителем Московского университета, находился в дружбе с Мих. Никитичем Муравьевым и рекомендовал ему многих молодых людей своего образования, которых сей последний пускал в ход по своим связям. Другие делали то же, и вскоре люди, приготовленные неприметно, большая часть сами не зная того, взяли перевес в свете, и по службе, и по отличному своему положению стоя, так сказать, на первых местах картины, сделались образцами для подражания. Новикова и мартинистов забыли, но дух их пережил и. глубоко укоренившись, производил беспрестанно горькие плоды».

Связь либерально-масонского просвещения с революцией не осталась незамеченной современниками. Автор записки пишет: «Должно заметить, что план Новиковского общества был почти тот же, как и «Союза благоденствия»...» Была связь и личная, преемственность поколений непосредственная, так как «сие (Арзамасское. — *В. О.}* общество составляли люди. из коих почти все, за исключением двух или трех, были отличного образования, или в свете по блестящему пути, и почти все были или дети членов Новиковской мартинистской секты, или воспитанники ея членов, или товарищи, друзья и родственники сих воспитанников. Дух времени истребил мистику, но либерализм цвел во всей красе».

Правительство всячески поощряло сей «дух времени». И мартинисты заполняли чиновничьи палаты, создавали общественное мнение, навязывали свое понимание событий. «Во всех учебных заведениях подражали лицею». Награды и почести, продвижение по службе зависели от потакания либеральному духу. «Свои люди» занимали высокие места в правительственном аппарате. Россия шла к падению, и влекли ее к ГУЛАГУ господа просветители, либералы и прогрессисты. Оформившись в кадетскую партию, они и произвели февральский переворот 1917 года. Одни иудействующие прокладывали дорогу другим, более последовательным и жестоким. Само собой — масонство в правительственных сферах породило юдофильство.

Любая революция начинается сверху, когда власть имущие постепенно проникаются новым видением мира, новым пониманием причин и следствий, должного и сущего. Любое устройство государства имеет сакральный характер. И вопрос только в том, на каких заветах оно построено — христианских или языческих, поклоняются ли в нем богооткровенным истинам и Святой Троице или же Натуре, ее Огненной Душе — Люциферу, великому Гермафродиту. Третьего не дано.

В конце XVIII века в масонских ложах мы видим иностранных купцов, врачей, аптекарей, и среди них в обилии представлены знатные рода русской аристократии и высшее чиновничество. Оно и прикрывает сверху, своей административной властью, и обеспечивает деньгами масонские предприятия литературно-пропагандистского характера, создавая в России «новый народ» на началах иудо-языческого миропонимания. Бескрылая житейская мудрость эпикурейства одевается в изящные одежды художественной литературы и глубокомысленных философских систем. Россия оказывается на разломе: православие низов и иудаизм верхов.

Нельзя не привести один яркий пример, показывающий, насколько масонство внедрилось в правительственные сферы России.

Г. Р. Державин в своих «Записках» [36] рассказывает об одном любопытном

---

[36] Он пишет о себе в третьем лице. Относительно масонства самого Г.Р. Державина:

1. В письмах О.А. Поздеева своим подопечным по масонской линии имеется его письмо Державину среди прочих адресатов, от 2 сент. 1802 г. (ОР РГБ, ф.14, №320, лл. 141-147).
2. Кроме того, в «тайной переписке масонов» (ОР РГБ, ф.147, №6, л.23) в письме видного деятеля в розенкрейцерстве кн. Н.Н. Трубецкого от 10 сент. 1783 г. находим: «Державин поехал в П. — он, мне кажется, готов быть в ордене. Испытай его, а ежели он таков, как я думаю, то бы я тебе советовал дать ему четыре степени рука на руку, а потом принять в Теор. Степ., впрочем, передаю его твоему благоразумию и осторожности».

Упоминаемая 4-я степень — степень шотландского ученика, а в некоторых случаях — мастера. «Теор. Степ.» — это уже первая степень высокого масонства — розенкрейцерства. Значит, к моменту написания письма Г.Р. Державин уже прошел большой путь внутреннего развития по пути каменщичества. (Ср. из соч. И.В. Лопухина: «Премудрость Божия... может и вне Ордена открывать свет, преимущественно, Храм его освещающий..: тот самым его стяжанием входит уже в существующий союз истинного Свободного Каменщичества и становится сочленом достойных братьев и сынов премудрости, составляющих истинный Орден...» — «О влиянии истинного каменщичества». Лопухин И.В. Масонские труды. М,, 1997 г., с.68).

Как видим, к 1783 г. «премудрость» уже открыла свет «храм освещающий» Державину, (см. илл. на с. 279.)

Далее — все друзья его были видными деятелями масонства, и сам Державин пользовался в их среде большим уважением. Более того, его ода «Бог» стала любимейшим произведением среди масонов: Впрочем, всё творчество Гавриилы Романовича во всём созвучно идеям масонства того времени. (Подробнее в работе Г.П. Макогоненко «Анакреонтика Державина» — Г.П. Макогоненко. Избранные работы. Л., 1987 г.).

И ещё: близкие деловые отношения Державина с Новиковым. Некоторые исследователи предполагают, что в оде «Бог» Державин переложил стихами мысли самого Новикова. (См. подробнее Иванов М.В. «Державин и Новиков», XVIII век, сб. 11. Л., 1976 г.). И именно Новикова просит Державин помочь ему в организации типографии в Тамбове.

эпизоде, случившемся в заседании Сената, где он председательствовал в качестве генерал-прокурора высшего судебного органа страны. Гаврила Романович начинает свой рассказ так: «...сзывается Сенат для выслушания некоторого государственного дела. Почему и велел Державин приготовиться канцелярии Сената с возможным уважением и припасти нужное, а между прочим и молоток деревянный Петра Великого, хранящийся в ящике на генерал-прокурорском столе». Когда начиналось слушание важных дел, то Петр I ударял по столу молотком, «давая чрез то знать, чтоб обращено было внимание к выслушанию читаемаго». Через час, даваемый на обсуждение вопроса, он снова ударял молотком по столу, «давая тем знать, чтоб перестали спорить, садились бы на места свои». Так было при Петре I.

Во время заседания под председательством Державина «сделался великий шум: сенаторы встали с своих мест и говорили, между собою с горячностию, так что едва ли друг друга понимали, и прошел час... Державин несколько раз показывал часы, просил, чтобы садились на их места и давали свои голоса, но его не внимали. Тогда, седши на свое место за генерал-прокурорский стоя, ударил по оному молотком. Сие как громом поразило сенаторов: побледнели, бросились на свои места, и сделалась чрезвычайная тишина. Не знаю, — пишет Державин, — что было этому причиною... по городу были о сем простом и ничего не значащем случае многие и различные толки...» (Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984, с. 224-225). Так ли уж «не значащем»?

Что же могло так подействовать на господ сенаторов? Они при звуке молотка побледнели, испугались, покорились удару сего предмета... Известно слишком хорошо, что сенаторы А.Н. Голицын, гр. В.П. Кочубей. гр. П.А. Строганов, гр. В.А. Зубов были масонами. Да и не только они. а по смыслу описанного эпизода и все другие.

Разгадку поведения сенаторов находим в артикуле 12 Законов Шотландской Директории для андреевских братьев, хранящихся в Отделе рукописей РГБ (ф. 147, № 69, л. 84) и относящихся примерно к этому времени. Здесь читаем: «Молоток в руках Великого Мастера есть орудие начальства, когда звук онаго слышат все братья, какого бы достоинства и звания в Ордене ни были, должны молчать. Кто, несмотря на сей знак. не повинуется и начнет говорить, накажется яко возмутитель, а особливо есть ли дерзнет возражать при втором ударе».

Понятно, что эпизод, описанный Державиным, ставит вопрос и о распространенности масонства уже во времена Петра, и о возможности того, что многие отделы государственного управления представляли собой практически масонские ложи.

Что же можно было ожидать от правительства, представлявшего секту иудействуюших в православной стране? Чего можно было ждать от людей, подчинивших себя не велениям национального долга и обязанностям христиан. а удару молотка Великого Мастера, усвоивших, что Родина — это масонская ложа величиной со Вселенную, что добро и зло есть понятия чисто человеческие и относительные, что св. Евангелие — выдумка для темных и невежественных, и что подлинная мудрость скрыта в Талмуде?

Вполне понятно, что такая власть могла плодить только революцию постоянную и неуклонную, ибо революция есть материализм в действии. Это прекрасно понимали и Ю. Самарин, и К. Леонтьев. «Одним словом. что может противопоставить революционному материализму весь этот пошлый ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ?» — проницательно спрашивал самого себя Ф. Тютчев, глядя, как механические воззрения секты социал-революционеров, отрицающих в принципе моральные устои, расползаются по России. Тютчев же ввел слово «русофобия» в обращение.

...Когда в 1831 году вспыхнуло польское восстание, Герцен и его юные друзья с радостью ждали сообщений о поражении... русских войск. Но и в 1812 году уже обнаружились первые «патриоты»-космополиты, которые ждали Наполеона с радостью в Москве. Наполеон стал для многих кумиром, апостолом просвещения и «свободы». Гиляров-Платонов пишет по этому поводу «Сличая с настоящим временем, приравниваю тогдашних поклонников Наполеона к теперешним либералам-космополитам. То были тоже либералы и тоже космополиты» («Пережитое», кн. 1, с. 83).

Университеты, школы и печать в XIX веке выпекают на свет новую породу людей — стесняющихся своей исторической родины, своего народа, своей религии и жаждущих ВСЕ разрушить и начать снова. Сочинения воспитанника Московского университета Герцена звали к бунту. причем именно тогда, когда Россия и вступила на путь радикальных реформ. Начались «хождения в народ» недоучек, желавших построить мир на основе худосочных брошюр всевозможных западных социалистов. М. Н. Катков имел все основания писать в то время («Современная летопись», 1862, № 23): «Люди, загубившие свой ум и сердце в фразе, способны на всякие эксперименты... и доказывают, что Россия есть обетованная страна коммунизма, что она стерпит все. что оказалось нестерпимым для всех человеческих цивилизаций».

Неопровержимым свидетельством членства в ордене Державина служит письмо по масонской линии О.А. Поздеева Державину. Надо заметить, что именно Поздеев возглавлял розенкрейцерство, в т.ч. Теоретический градус, упомянутый за двадцать лет до письма Поздеева Н. Трубецкому.

То, что высокопоставленный государственный чиновник Г.Р. Державин скрывал своё членство в ордене — вполне естественно. Положение обязывало. Так же делал, к примеру, знаменитый генерал А.П. Ермолов, членство которого в масонстве, как и Державина, отрицается. Но случайно обнаруженные документы свидетельствуют о том неопровержимо, (см. ниже, гл. «Позднее масонство»).

Сформированные за годы «дней александровых» кадры чиновников, севших в кресла цензоров и руководителей народным образованием и печатью, птенцы «гнезда» братьев-розенкрейцеров, выпустили на волю печатное слово, проповедовавшее разрушение. Б. Н. Чичерин назвал русскую периодическую печать «мутным потоком, куда стекаются всякие нечистоты, вместилищем непереваренных мыслей, пошлых страстей, скандалов и клеветы». «В России, — писал он, — периодическая печать в огромном большинстве своих представителей явилась элементом разлагающим; она принесла русскому обществу не свет. а тьму. Она породила Чернышевских, Добролюбовых, Писаревых и многочисленных их последователей... всякий, умеющий читать, видит сквозь либеральную маску всюду прорывающиеся социалистические стремления» (см.: «К.Л. Победоносцев и его корреспонденты, письма и записки». т. 1, полутом 1, М.-Пг., 1923. с. 107).

Религиозное образование подрастающего поколения было поставлено из рук вон плохо. Хорошо известно, с каким бешенством встречала либеральная интеллигенция проекты Александра III о расширении сети церковно-приходских школ. В школах Министерства народного просвещения преподавания религиозного практически не было. О системе высшего образования и говорить не приходится. История русская и в университете преподавалась слабо, как отмечают в один голос современники. Герцен был до конца жизни убежден и убеждал в этом других, в том числе своих западных читателей, что русские до Петра своей письменной культуры не имели, кроме разве «Слова о полку Игореве». Он писал: «До XVIII столетия никакого движения в литературе не было. Несколько летописей, поэма XII века («Поход Игоря»), довольно большое количество сказок и народных песен, по большей части устных, — вот и все, что дали десять веков в области литературы». И делал заключение: «...в рабстве или анархии русский жил всю жизнь, как бродяга, без очага и крова, или был поглощен общиной» («О развитии революционных идей в России». — В кн.: Герцен А. И. «Эстетика, критика, проблемы культуры». М., 1987, с. 215, 217).

Несмотря на свое верхоглядство, Герцен имел огромное влияние на учащуюся молодежь [37]. Июль 1862 г. А.В. Никитенко: «Не пришлось бы нам удивить мир бессмыслием наших драк, наших пожаров, нашего поклонения беглому апостолу революции Герцену, из Лондона, из безопасного приюта командующего на русских площадях бунтующими мальчиками». («Летопись жизни и творчества Герцена», М., 1983, ее. 82, 192, 329).

Но если таков был уровень у прошедших университетскую подготовку, то каков же он был у остальных, не имевших высшего образования молодых людей? Даже по приведенным строкам из Герцена уже виден исток нигилизма. Нечувствие к русской культуре, истории русского народа дало возможность возрасти плеяде революционных разрушителей. И это характерное презрение к прошлому своей страны исходит из самой доктрины «просветительства», покоящейся на идее «прогресса». Теперь историю России начинали от Петра I. До него — мрак, невежество. грязь и пьянство... По этой же логике, другие будут историю начинать с Ленина и Сталина. До этого — мрак, невежество, грязь и пьянство... В дурной голове всё повторяется. Бессмертна только дурь. неспособная видеть свою безмерную глупость.

Русский либерал, сформированный уже к середине XIX века, существенно отличался от западного. Среди наиболее характерных его качеств следует назвать следующие:

- во-первых, российский либерал был тесно связан с революционным подпольем;
- во-вторых, склонен к социалистическому идеалу. Социализм исповедовали из десяти интеллигентов все десять. Кадетская партия, идейные начала которой были положены во времена земских реформ Александра II, предлагала необходимость полного отчуждения земли от крестьянина. Не случайно это партия была голосом еврейства. «Капитализм» как таковой себе сторонников не находил нигде, кроме среды убежденных монархистов, имея в виду частную собственность при наличии Царской власти;
- в-третьих, принципиально антирусский настрой, неприятие русского, как чего-то отсталого и подлежащего уничтожению;
- в-четвертых, атеизм российского либерализма, лежащий в русле социалистической доктрины. Богоборческий пафос был едва ли не главной движущей силой отрицания всего культурно-христианского и исторического наследия русского народа, здесь видим сильное влияние еврейства;
- в-пятых, антимонархическое настроение, мечта на месте России увидеть Францию и Англию в одном лице;
- в-шестых, двойная мораль, склонность ко лжи, оценке по двойной шкале всех событий. «Революция» или «прогресс» требовали отмены всех христианских норм чести и нравственности.

Первая Дума и Вторая наглядно обнаружили все эти черты. При сообщениях об убийствах солдат, городовых, губернаторов или тех, кто был случайно рядом

[37] В донесении жандарма Коптева (1859 г., 27 ноября) говорится, что на Нижегородскую ярмарку «Колокол» «привозить могут только евреи, в значительном числе сюда приезжающие». Между 21 и 25 марта 1861 года Герцен «обещает (знакомому — В.О.) зайти вечером, т.к. спешит к Л. Ротшильду». («Летопись жизни творчества А.И. Герцена», М., 1983, сс. 82, 192).

и был разорван бомбой террористов, интеллигентная либеральная Дума буквально вопила и скандировала — «Мало, мало!» и тут же требовала амнистии убийцам. Николай Алексеевич Маклаков, министр внутренних дел (1912-1915), в своей записке Царю (1914 г.) совершенно правильно указывал, что в России может быть только социалистическая революция и никакой другой. Министр внутренних дел знал настроение интеллигенции, в том числе и самой либеральной...

Что принес нам социализм — говорить не приходится. Но он пока еще не ушел никуда. Он, этот мечтательный рай, живет в наших оценках и привязанностях, в нашем аморализме. Как результат, Россия стала, в сущности, еврейской страной.

Социализм, по определению его теоретиков, — это когда место духовной веры в личного Бога занимает «сознание бессилия отдельного человека, который для своего усовершенствования нуждается в общественной организации и в силу этого подчинен ей» (Иосиф Дицген). Это когда самым главным становится «постоянный рост чувства связи всего Вида. Чувство это вдет параллельно с чувством коллективного строительства» (А. В. Луначарский). Отрешиться от себя, конкретного, призывал Маркс, чтобы почувствовать себя человеком абстрактным, родовым, т.е. «пролетарием».

КАББАЛИСТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА РЕВОЛЮЦИИ

В основе масонства лежат легенда, ритуал и символ. Учение дается не столько словами, сколько в образах и «иероглифах». Одним из основных тезисов каббалистического оккультизма, легших в основу многих общественных и политических движений и теоретических построений, является представление о темной, пассивной массе, символизированной в ложах «диким камнем», которой противостоит Огонь, пламень мощного преобразующего Разума, символизированного солнцем, пятиконечной звездой, пентаклем Соломона.

Масон сбрасывает с себя «ветхого Адама», то есть предрассудки своей Родины, своего народа, отказывается от исторических заветов своих отцов. Прошлое для него проклято и есть мрак и невежество. Он стал тем, в ком владычествует «разум». Символически — он стал кубическим камнем, в котором загорелся свет «центрального, универсального Огня» — пятиконечная звезда. Теперь можно заняться и остальным человечеством:

«Очищая и исправляя наших членов, мы стараемся исправлять и весь человеческий род», — говорится в масонской рукописи. (ОР РГБ, ф. 147, №14, л. 5). Разум внедряется в темную стихию народных масс, чтобы освободить скрытые в ней искры духа из коры, темницы предрассудков. Луч света в темном царстве... Преобразователь, который есть «един с Иеговой», смело берется за дело, ведь «деятельный исполнитель орденского учения ходит в небе и претворяется еще в жизни сей в небесного обитателя» (там же, № 3, л. 5). Любопытно, что свое просвещение люциферианским светом Разума и очищение он получил частию от начальников, а «частию от Сатаны, коего употребляет Бог для очищения душ» (там же, №2, л. 37).

Как эта доктрина осуществлялась в учении социалистов, можно видеть из следующего отрывка, взятого из газеты «Искра» (М» 1, 1900 г.), органа российских социал-демократов: «Социал-демократия есть единение рабочего движения с социализмом, ее задача... представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели», «задача, которую призвана осуществлять русская социал-демократия: внедрить социалистические идеи и политическое самосознание (внедрить самосознание! — век думай, не додумаешься. — В.О.) в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением».

Разум формирует материю и, реализуя себя, совершенствуется. В темной массе загорается огонь самосознания. Масонская эмблема — роза на кресте выражает именно этот смысл основного догмата вольных каменщиков. Не менее интересным представляется и идейная установка программы российских социал-демократов, принятой на II съезде этой партии: «Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию (кем, интересно, на него возложенную? — *В. 0.1,* международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачая пред ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему (бессознательному несмышленышу. — А О.) его историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции».

«Внедрение самосознания» в тело, массу, плоть с тем, чтобы эту массу выстроить в ряды работников, распределенных по профессиям и способностям на строительстве храма новой общности людей. Строительство ведется по чертежу Великого Мастера Вселенной потомком Люцифера и Каина Хирамом. — Эта масонская легенда, даваемая в различных вариантах, формировала сознание не одного поколения революционеров, «сознательных интеллигентных работников» всего мира. Формирует и сегодня лагерь «демократов» [38].

Обратимся еще раз к эмблеме Креста и Розы. Крест в этой символике — это число «четыре», и означает Иегову (в написании — ИХВХ), знак реализации Единого мирового Духа в материальном мире, того самого универсального

[38] См. в конце книги, в ч. IV «Орден Орла и современная власть в России».

гермафродитического Огня, о котором уже шла речь.

Рождение масона-революционера в одной масонской рукописи описывается так: «Из образования дикого камня в кубический произойдет квинтэссенция (пятая сущность — огонь Разума, оживотворяющего природу. — В.О.)... или от проклятия освобожденная пятая стихия мудрых». (ОР РГБ, ф. 147, № 114, л. 5 об.) Нельзя не вспомнить слова песни — «вставай, проклятьем заклейменный». Это не случайное совпадение, а один строй мысли. Далее следуют рабы...

Надо ли говорить, что все основные понятия в социал-демократических документах имеют двойное толкование: «рабочий», «пролетарий», «сознательный», «освобождение», «равенство», «власть народа» и пр. Их основа в эзотерике.

Мысль о том, что российская социал-демократическая партия как-то соотносится с масонским орденом, приходила в голову не только черносотенцам. В мае 1906 г. «Насьональ ревю» писала, что в России «социал-демократы владеют сплоченною, дружно работающей организацией и подобно иезуитскому ордену и итальянским масонам образуют олигархическое учреждение, управляемое, группой немногих лиц», (см. Архив, мат., 21.)

Содержание учения социалистов-демократов, лексика, символика и весь строй мысли их доктрины позволяют думать о самой тесной связи с упомянутыми организациями. Опубликованные воспоминания и документы говорят об этом прямо и недвусмысленно, (см.: Николаевский Б. Русские масоны и революция. М., 1990).

Не следует забывать при этом, что в масонстве «всякий Ритуал соответствует всегда либо политической, либо философской необходимости» (Папюс. «Развитие масонских символов». СПб., 1911 г., с. 11). Таким «ритуалом» может быть большевизм, демократизм, плюрализм и любой другой «изм», скрывающий за подобранной на злобу дня внешней оболочкой сущность своей безбожной, антихристианской власти, власти меньшинства безродной и безбытной организации над коренными, историческими и христианскими началами. Речь вдет о власти не просто «малого» народа над «большим» и коренным, что бы ни скрывалось за этими эвфемизмами, иносказаниями, а о власти безбытности, безродности, злобности, ненависти ко всему исторически сложившемуся и самобытному.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революция в России имела три этапа от Петра I до прихода к власти большевиков. Первый этап: оттесняется и вытесняется из государственной и общественной жизни церковь. Она низводится постепенно на роль обряда государственных ритуалов и «моральной школы» для простонародья. Школьная программа строится таким образом, чтобы воспитать атеиста и материалиста, то есть — социалиста.

Второй этап: низведение дворянства с пьедестала правящего слоя и его неуклонная дискредитация органами печати. Как известно, и книгоиздательство, и периодическая печать с XVIII века находились в руках людей, объединенных в масонские ложи. С середины XIX века она переходит в руки евреев. И это было идеологическим предприятием. Дворянин становится «крепостником», «реакционером», «эксплуататором» и «кровососом» и даже «паразитическим классом», давая едва ли не половину всей сельхозпродукции в стране. Дворянство с реформами Сперанского постепенно вытесняют из сферы управления государством. Реформы 60-х годов XIX века его целенаправленно разоряют. Крестьянство, потеряв опору духовную в церкви и культурно-хозяйственную в дворянине, постепенно, но довольно быстро дичает и становится легкой добычей демагогической пропаганды социалистов всех оттенков. В деревнях к началу XX века нарастает хулиганство, уголовщина становится обыденным явлением.

Третий этап: ограничение Самодержавия сословием чиновничества. Его растворение во власти министерств, подмена Государственной Думой, созданной недоброй волей канцелярского масонства и Николаем II, и Его падение в феврале 1917 г. А вместе с ним, как и предсказывали представители правых монархических организаций, пала и сама Русская государственность и начался непрекращающийся судебный процесс над русским народом и его казнь из года в год: лагерями, пулями, голодом, а главное, развращением. С позиций иудаизма судится русское Православие и Самодержавие, то есть сама суть русской народности.

Большевики обвиняют русский народ в том, что он угнетает другие народы и должен за это ответить в будущем. (См.: Ленин В. И. ПСС, т. 23-24, в т. ч. «Критические заметки по национальному вопросу».) Нынешняя власть сменила вывески, но осталась той же по сущности.

Православие обращено к личности, ибо мир создан личным Богом, источником нравственной правды. Иудаизм и масонство не знают личности, но знают лишь клетку, часть коллектива, вида, класса. Этот взгляд на мир и на все, — что в нем, как на некий механизм — шестеренками, шкивами, «энергией» и «каналами», по которым она истекает на мир благодаря «святому народу Израиля», и стал внедряться в сознание русского общества, и небезуспешно. Исчезли морально-религиозные устои. Следствие — шкурничество, лживость и трусость стали всеобщими. Когда Луначарский писал о К. Марксе: «Он стал на сторону Сатаны. Он отверг справедливость... Он признал рост экономических сил за самое главное, всеоправдывающее, за единственный путь» («Религия и социализм». Спб., 1908, т. 1, с. 188), — то выразил саму суть и иудаизма, и социализма, и масонства.

Путь жизни — это жизнь в церковной ограде. Что такое «ересь утопизма»? Это и есть иудаизм, проводимый масонством в жизнь других народов и стран. Что такое подлинная реальность? Это благоухающее Православие, луг духовный.

1992 год.

Часть вторая
МАСОНСТВО, КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА 1
ГЛАВА ПЕРВАЯ ИСТОКИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА 2
ГЛАВА ВТОРАЯ ИДЕИ И ИДЕАЛЫ МАСОНСТВА 27
ГЛАВА ТРЕТЬЯ ПОЗДНЕЕ МАСОНСТВО 34
УНИВЕРСИТЕТ И МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ 34
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НИКОЛАЙ I И «ДОНОС НА ВСЮ РОССИЮ» 50
(НИКОЛАЙ I И МАСОНСТВО) 50
КНЯЗЬ АНДРЕИ БОРИСОВИЧ ГОЛИЦЫН И ЕГО ЗАПИСКА О МАСОНСТВЕ В РОССИИ 53
МЛ. МАГНИЦКИЙ И ЕГО ЗАПИСКА О МАСОНСТВЕ НИКОЛАЮ I 58
ГЛАВА ПЯТАЯ. МАСОНСТВО И НИКОЛАЙ II. 63
ПРИЛОЖЕНИЕ МУЧЕНИКИ ДОЛГА 98

ОТ АВТОРА

Было бы разумным, задумываясь над смыслом происходящего, видимого и слышимого, задаться вопросом, — откуда берется «дух времени», «дух эпохи» со всеми своими слагаемыми моментами. Чем предопределяется лик той или иной эпохи. Действительно ли существует такая мистика, как «дух времени», или этот «дух» рождается под воздействием определенного круга лиц, объединенных одной мыслью, одной идеологией, одной религией. Быть может, этот «дух времени» рождается примерно так же, как гомункулус в пробирке алхимика, желающего во что бы то ни стало усовершенствовать человечество и достичь золотого времени, когда не будет болезней и скорбей. Ведь недаром алхимические аллегории так часто изображают райское древо и первобытных людей Адама и Еву, до грехопадения. Быть может, бессчетное число политических актов, войны, голод, идеологический террор там или здесь на планете, вызваны именно группой алхимиков, имеющих в своих руках все нити политической власти, а значит и рычаги воздействия на формирование «культуры», предопределяя дух времени или лик той или иной эпохи...

Кроме того, мы должны задаться вопросом, почему, чтобы быть писателем, уже в XIX веке необходимо было состоять в масонской ложе. Мы видим в этих ложах весь цвет русской литературы. Случайное ли это явление или сам жанр художественной литературы отвечает основным принципам масонского «совершенствования» мира на началах «гуманизма». Логика говорит нам, что имеет место быть последнее обстоятельство. Надо знать в то же время, что основной постулат иудаизма: отношение к людям, этика, важнее отношения человека к Богу. И этот принцип осуществляет литература. Таким образом мы видим, что логика нас не подвела...

Теме масонства во всем мире посвящено громадное число трудов как в периодических изданиях, так и в виде фундаментальных исследований. Наша страна в этом плане представляет печальное исключение. Несколько публикаций в периодике и не более десятка монографий. Ни одна из них, однако, не может претендовать на звание серьезного исследования такого мощного в политическом и культурно-религиозном смысле явления, как масонство.

В период официального владычества в нашей стране марксистско-ленинской идеологии общая концепция авторов сочинений по масонству была до примитивности проста: масонство есть передовой отряд империализма и, соответственно, враг социализма и большевизма. Понятно, чтобы утвердить эту концепцию в умах читателей и придать хотя бы видимость правдоподобия, авторам этих сочинений приходилось вводить на каждый исторический случай бесконечное число поправочных коэффициентов. И это понятно. Громадное число среди революционных деятелей всех стран и народов членов масонских лож требовало какого-то объяснения и очень сильно колебало доверие к основному догмату марксизма и главной концепции авторов сочинений по истории масонства. В результате такого подхода оставалось совершенно неясным определение самого предмета исследований: что есть масонство? В чем суть его учения? Несмотря на обилие ответов на эти вопросы, содержащиеся в собственно масонских документах, идеологи марксизма-ленинизма от исторической науки делали все возможное, чтобы избежать ответа на эти основные вопросы своего исследования. Результатом такого подхода со стороны историков стало полное непонимание со стороны рядового читателя такого явления, как масонство.

Оно рассматривается к тому же исключительно с политической точки зрения. На марксистско-ленинскую точку зрения в последнее время наслоилась новая фразеология. Ключевым словом в ней стал «патриотизм». Авторы-патриоты придерживаются чисто экуменической идеологии: не важно, кто ты

по своим политическим, религиозным и общемировоззренческим установкам — коммунист, штундист, пианист, православный или обжора-атеист, важно, что ты любишь Россию. Масоны хотят погубить нашу Родину, они космополиты, враги русского народа и сделали все возможное, чтобы разрушить ее традиционно-исторический образ жизни, ее национально-русскую государственность. В связи с общими изменениями в стране в последние годы стала допустима критика как вождей большевизма, так и большевистского режима. Однако выводы из такой критики по большей части не несут принципиального характера и замыкаются на частных фактах и отдельных лицах. Господствующей стала та точка зрения, что социализм — это идеал общественного устройства, сильно подпорченный масонами и сионистами. При этом точно так же, как и в случае с масонством, историки и публицисты избегают давать определения социализма, то есть делать то, что требуется при любом процессе познания: давать сначала определение предмету исследования, а затем уже приводить данные самого исследования. Большинство читателей и самих исследователей представляют социализм как систему помощи бедным или же как систему распределения по справедливости произведенного национального продукта в полностью огосударствленной экономике. Нельзя сказать, что в таком представлении нет правды, но это только часть правды, и притом нс самая существенная. Но надо сказать, что и она, при пристальном внимании и наличии определенного багажа гуманитарных знании, могла бы привести и к более глубоким представлениям о связи социалистической доктрины с масонской и иудаистской. Вернее — показать их совершенное тождество.

Патриотический подход к масонской проблеме, таким образом, страдает теми же внутренними противоречиями, что и марксистско-ленинский. При этом авторы и читатели патриоты, провозгласившие примат любви к Родине и безразличие к идейным установкам тех, кто ее любит, не задаются, как кажется, вовсе таким простым вопросом: если нам все равно, кто и во что верит среди нас, русских людей, то значит ли это, что нашей Родине все равно, во что верят и что исповедуют ее сыны? Не существует ли таких верований и таких исповеданий, которые губительны для русской нации и всех других, живущих в лоне русского языка, русской культуры и русского народа в целом? А между тем именно эти вопросы и делают актуальным для любого из нас и само исследование такой громадной темы, как масонство.

Глава первая
ИСТОКИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

«Либерал. Откуда он произошел ? Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыш в религиозном мистицизме секты мартинистов, которая в царствование Императрицы Екатерины II существовала в Москве под начальством Новикова... и многие лица, которые здесь не упоминаются, сильно содействовали Новикову к распространению либеральных идей посредством произвольного толкования Священного писания, масонства, мистицизма, размножению книг иностранных вредного содержания и изданию книг чрезвычайно либеральных на русском языке».

(Из анонимной записки «Лицейский дух», переданной Николаю I в 1830 г. Цит. по «Русская Старина», 1877 г., т. 18. № 3, с. 657).

Либерализм как оформленное течение в общественной жизни появился в прошлом веке и означает отрешение от народно-традиционных и религиозных форм жизни во всех сферах человеческой деятельности: нравственной, политической, социальном и религиозной. Такое движение, однако, проявило себя раньше, с первых шагов Петра I, всю реформаторскую деятельность которого и следует признать началом русского либерализма.

Либеральное направление охватило постепенно высшие слои русского общества в лице аристократии и чиновничества и стало вероисповедной формулой так называемых «интеллигентных» кругов, проявило себя озлобленным врагом русской православной церкви, разлагая христианскую жизнь русского народа во всех сферах его жизнедеятельности.

Как известно, наш народ воспринял христианство с такой глубиной и искренностью, как ни один народ в мире. Самые характерные черты нашего народа — это стремление жить «по правде», «по-Божьему», имея в Церкви руководителя своей совестливости. Выражение нравственных начал проявлялось в жизни русского народа не только в церковной жизни, где более всего ценится святость, но и в художественном творчестве. которое поднимается из глубины благоговения перед этой святостью. из самого сокровенного в русской душе, и в поэзии, и в творчестве социальном. Именно этим характеризуется и наше самодержавие. Русская идея видит в царе не деспота, не диктатора, но представителя Божьей правды, господствующей в государстве над юридическим началом. Необходима необычайная вера в реальность нравственного начала для такой концепции верховной власти. Эта вера опирается на представление о незыблемости евангелистских установлении о власти, которая есть от Бога и тем самым должна следовать Слову Божьему.

Когда она не следует Слову Божьему, она не есть от Бога, но от Его супротивника. Вера русского человека в религиозно-нравственное начало государственного управления выражалась в его неприятии к юридической рассудочности, как выражению недоверия человека к человеку, как замена закона любви законом «разумного эгоизма», следующего принципу: «ты мне — я тебе», с точным подсчетом — сколько мне и сколько тебе. Такое юридическое начало всегда казалось русскому человеку мерзостью пред Богом.

Стремлением к господству нравственного начала наполнена вся русская историческая жизнь, от ее бытовых форм до государственных. Основным содержанием этой жизни в сфере общественной стало два кита: самодержавие и самоуправление. Деревня, село, погост, торг, рядок, посад и город — все управляется выборными, и вся внутренняя жизнь определяется традиционным, обычным правом. Наиболее ярко эти начала русского народа проявились в устройстве Московской Руси, но не исчезли они и в послепетровской России, несмотря на все искажения.

По своему существу господство нравственных начал во всем строе русской жизни несет с собой подлинное откровение для всего человечества. Никогда еще ни один народ не осмеливался устраивать свою жизнь, все свои жизненные отношения под верховенством религиозно-нравственных начал, для которых не страшны, а скорее предполагаются и человеческая свобода как основа любой нравственности, и свобода всего народа, имеющего свое представительство и в органах выборного самоуправления, и в лице церковной власти, стоящей на страже исполнения заповедей Христовых.

И это все не пустые слова. Церковная власть постоянно воспитывала власть имущих целым рядом своих посланий и актов, печалований и постановлений. В то же время юридическое начало не вовсе отсутствовало, но не имело самодовлеющего характера. Отношение' центральной власти к местному самоуправлению опиралось на обычай и закреплялось в специальных актах. Но сама власть самодержца не являлась властью юридической, не была следствием развития социальных сил, построенных на юридической основе. Эта власть была властью помазанника Божия, «она — святыня перед церковью, а потому и перед людьми, всеми и каждым, и прежде всех перед самим царем. Святыня же неприкосновенна, стало быть, и неделима. Неделима потому и власть царская между помазанником Божиим и кем бы то ни было... Коснуться святыни, ограничить власть свою, уничтожить самодержавие не властен, следовательно, и сам самодержец» (К.П. Победоносцев .и его корреспонденты, «Записка» Н. Голохвастова. С.13. М.-Пгр. 1923 г.). Эта истина оказалась забытой Николаем II.

Эта власть не только не ограничена, но и не ограничима, ибо источник ее не юридический, а от Бога идущий. Царь же определяется в глазах христиан как защитник православных основ государства. Не будучи защитником, он не выполняет и своих обязанностей перед Богом и людьми. Поэтому в истории мы часто сталкиваемся с такими мало для нас привычными фактами, как прямой выговор самодержцу со стороны простых горожан, когда он уклонялся, по их мнению, от своих обязанностей. Каждый царь чувствовал это давление общественного мнения, эту оценку своей деятельности. Оно являлось ему в Земском Соборе, в настроении народа на улицах Москвы, в словах юродивых, в мнении патриарха и торговых людей. Царь никогда не был отделен от своих подданных никакими наемниками, ездил и ходил по земле русской без охраны, и в Зимнем дворце вплоть до взрыва бомбы при Александре II не было никакой охраны даже у дверей собственных покоев царя.

Разрыв Петра I с Москвой и перенесение столицы ознаменовали революционный разрыв власти со всем прошлым Русского государства, с его народом. Именно православного народа стала бояться новая реформаторская власть и поспешила убраться подальше к чухонским берегам. Уже само Смутное время было возможным из-за предательства боярской верхушкой основ церковных, и для нее стеснительных. Печальный и для нее соблазнительный пример польской шляхты с ее своеволием вызвал к жизни анархические устремления боярства, полагающего возможным свое существование вне авторитета Церкви. Эти первые кадеты русской истории решили связать власть выбранного царя Василия специальной записью.

Опыт не прошел, а сам период Смуты надолго отпугнул народ от веры в царевых слуг: слуга — он ведь может быть и верным и неверным. В народное сознание вошло представление об измене царю его слуг. Не было бы измены в отношении Церкви, не изменили бы и царю. Измена же царю есть, стало быть, и измена христианским основам русской жизни. Однако опыт не научил вельмож ничему, и со Смутного времени Россия двинулась навстречу Петровским реформам. Бояре, подготовившие эти реформы, заимствующие преимущественно из умирающей Польши все самое худшее по части политической, начали еще при царе Алексее Михайловича активное наступление на авторитет Церкви. Их усилиями был дискредитирован замечательный русский человек, патриарх Никон. В Уложении 1649 года уже заметными стали стеснительные для церкви устремления светской власти. Ярким примером этому было введение на монастырских землях светской юрисдикции. В обычай московских бояр стали входить не только польские моды в одежде. Отступления от нравственных основ христианства вызывали обличения со стороны патриарха. Поссорив царя с Никоном, вменив ему все ошибки в деле исправления церковных книг, бояре устами собора 1666 года осудили патриарха и праздновали победу. Собор, осудивший Никона, признал правомочными, однако, все церковные деяния патриарха. Это было нелогично. Но о логике участники Собора не думали.

Коренным деянием Петра, на которое он решился не сразу и под влиянием наследников врагов Никона, стала отмена в 1721 году патриаршества и введение на протестантский манер коллегиального управления делами церкви — Св. Синода, в котором управлять был поставлен от царя Петра кавалерийский офицер. Не случайно Петра народ принимал за слугу антихриста, как позже — масонов. С Петра же начинается и история масонства.

Но еще ранее была ликвидирована Петром боярская дума. Бояре явно не понимали в своей борьбе с церковью и в своем шляхетском устремлении, что рубили сук, на котором сидели. Что же здесь удивительного? Ведь точно так же не понимали и целые поколения наших сытно и кудряво живущих интеллигентов из дворян, а затем и разночинцев, что, борясь с традициями и духовными основами русской самобытности, они рубят сук, на котором сидят, и сидят очень и очень красиво и вкусно. С осетриной и цыганами, с одной стороны, и прокламациями, призывающими к кровавой резне, — с другой.

Целым рядом государственных постановлений Петра и его преемников, особенно Анны Иоанновны, Екатерины II, русская церковь отстраняется от участия в делах государственных, и власть оказывается перед лицом новой и зловещей для себя и для всего народа силы: всемирной организацией вольных каменщиков, «строителями храма Соломона», средоточием «всеобщего единства». По мысли новой власти удел Церкви — простонародие.

В основу идеологии новой русской власти был принят заимствованный с Запада и враждебный любой положительной христианской религии деизм, ставший знаменем всей либеральной интеллигенции Европы. Деизм признает Бога лишь как Творца мира и его законов, без каких-либо последующих отношений Его к своему творению, то есть деизм совершенно отрицает всякий промысел Божий. Это значит, что со стороны Бога исключается всякое участие в жизни мира и человека, а со стороны человека бессмысленными становятся все молитвы, богослужение, и сама религия становится ненужной. Есть ли Бог, нет ли Его — для человека все равно. Бог деистов — это бог философов, ибо Творец есть лишь умозрительная концепция. Такого бога нельзя ни ощущать, ни мыслить в практической сфере человеческой жизнедеятельности.

Вселенная, по учению деистов, есть выражение Бога, его откровение, его «иероглиф», но сам Творец как художник, строитель не исчерпывается своим творением, а стоит вне его, хотя и выразил в нем свою сущность. Близко к этому учению стоит и пантеизм, по которому мир также есть следствие творения безличного Бога, но только мир и Бог составляют одно целое и, по существу, природа и Бог есть одно и то же. Мир в пантеизме есть следствие постоянного исхождения эманации из некоего центра — Бога безличного и неопределимого в словах и понятиях. Его сила и творит из предвечной материи наш мир вещей, природу по имеющимся в ней предвечным образцам. Поэтому природа есть творящий Разум, она есть Единица, ставшая целым, она есть некий иероглиф, который выражает саму сущность Творящего. Деизм, по существу, составил одно целое с пантеизмом в той системе, откуда он был заимствован интеллигенцией Нового времени. Любопытно, что в книге каббалиста Сен-Мартена *«О* заблуждении и истине» (1775) вместо слова «Бог» употребляется «Единица» и «Первая причина». Сокровенное учение евреев нашло здесь свое выражение.

Оба учения не случайны, и их корни совечны падшему человечеству. Эти учения представляют собой выражение той духовной пустоты, которая появляется у верующего как результат формального отношения к вере и Богу. Оставление молитвы, этого главного условия богообщения, отсутствие борьбы со страстями и похотями, произвол в мыслях и мечтательность, наступление чувственности — все это изгоняет из сердца Духа Святого. Человек остается без Бога и не «видит» Его, не переживает Его и делает уступку своему чувственному «я»: Бог создал мир и ушел, оставив человеку его «природу» с ее похотями, желаниями, страстями. Они — Его порождение, и, значит, следовать им — вполне законно.

Отныне, с торжеством деизма-пантеизма, природа становится неким нормативом для человека. Все, что естественно, — хорошо. Деизм-пантеизм не знает первородного греха, не знает противоестества, извращения природы, так же, как не знает он и сверхъестества. Все, что есть в природе, — хорошо, и греха нет. Добро и зло исчезают из морали и становятся только синонимом плюса и минуса, свойственного миру физическому. Но что есть зло и что есть добро, этого пантеист не знает. Все относительно, и символическим выражением такой относительности становится шахматный пол масонских лож, черное передается белым и одно не может существовать без другого.

В этих учениях категорически отрицается возможность воплощения Бога в человека. Вся христианская религия отрицается начисто. Все европейское просвещение пошло по стезе деизма и, по существу, было его порождением. Именно его легализация в конце XVII столетия привела к реформе древнего масонства.

Историк масонства и сам масон Финдель по этому поводу пишет: «Нельзя сомневаться, что существует связь между этим движением (то есть деизмом. — *В.О.*) и позднейшим союзом Вольных Каменщиков (...), и не подлежит сомнению, что оно существенным образом способствовало превращению его во всемирный союз символических каменщиков» (Финдель И. Г., История франк-масонства, СПб., 1872 т. 1, с. 104).

Просвещение в лице своих «философов» двинулось сокрушать христианские святыни и довольно быстро дошло до русских берегов. Само это учение не родилось на голом месте и не возникло по догадке умных

интеллигентов, само по себе. Это учение целиком входило в систему гностицизма, рожденного вследствие длительной обработки иудаизмом философии Платона и Аристотеля, но в первую очередь Платона. Не остались в стороне и чувственные сюжеты иудаизма, и в конце концов, в европейскую мысль все эти учения вошли через знакомство с еврейской каббалой. В знакомстве с этим учением и в проповеди его, выражаемой в различных философских системах, гуманисты Европы тратили свои лучшие годы и свои молодые силы; Кампанелла, Дж. Бруно, Фильчино, Пика делла Мирандолла, Р. Бэкон, Ф. Бэкон и др. Каббала, выраженная в символах, числах, имеющих чувственный характер, пронизанная эротикой, насколько вообще можно представить себе возможность сочетания эротики и геометрии, давала большой простор для спекулятивной мысли.

Если представить себе к тому же и ее демонологию, магию, то мы будем иметь весь комплекс того, что выразилось в средневековом гуманизме, а затем и в Просвещении. Именно призыв к «естественной религии», то есть к обожествлению «природы», призыв все понять рациональным умом и отвергнуть все, что ему, этому уму, непонятно, призыв обожествления человека и возведение эгоизма на пьедестал Бога — все это имелось в каббале и оттуда вошло в «просвещение», отсюда его антихристианский пафос.

Пропаганда эротики, разврата, совместно с плоской, формальной, «геометрической» рассудочностью, и высмеивание, опошление истин христианства и стало именоваться «просвещением». Беда была в том. что ни Вольтер, ни Руссо, ни Монтескье, ни сотни других писателей Просвещения не были мыслителями в высоком смысле этого слова.

«Религия деизма, — пишет Куно Фишер, — есть чистый монотеизм... **Поэтому деизм** (здесь и далее выделено в тексте. — В.О.) **имеет и чувствует гораздо большее сродство с идеальным иудейством и с идеальным магометанством, чем с христианством.** Отсюда объясняется то предпочтение, с которым немецкое просвещение относилось к иудейству...» (Куно Фишер. История новой философии, т. II, с. 398, СПб., 1863). Один из столпов европейского и европейского просвещения, Мозес Мендельсон, направив всю свою энергию на ниспровержение Христианской Церкви, обличая и критикуя христианское вероучение, настаивая на том, что только «естественная религия» и «естественный разум» имеют право на существование, писал, что только иудейское вероучение основывается не на божественном откровении, а на естественном познании и что **единственная цель иудейского откровения состоит в практических законах и житейских правилах»** (Куно Фишер. Ук. Соч., с. 477). И надо добавить, что именно каббала возводит наслаждение и сексуальность в онтологию.

Именно в каббале Бог стал безличным началом, образующим вселенную путем эманации и посредствующих персонифицированных сил-сефирот. Такому Богу нельзя поклоняться, ибо он только нечто или даже ничто. Однако такое отрицание трудно выдержать, поэтому мир населен демонами и ангелами, духами, и с ними человек вступает в связь с помощью магии. За благополучным, «интеллигентным» фасадом «просвещения» стояла людоедская демонология и самое грубое суеверие. Настаивая на «естественной религии», проповедовали атеизм, главным содержанием которого было отрицание основного вероучения догмата христианства — триединства Бога. А ведь из этого догмата непосредственно следовало и боговоплощение второго лица св. Троицы — Сына Божия, Иисуса Христа, и его спасительной миссии на Земле. Атеизм получил название «монотеизма» в иудаизме.

Из такого «монотеизма», в котором Бог — ничто, вытекало и отрицание всей культурной жизни европейских народов, построенное на христианстве, как богооткровенной религии. Пытаясь всячески отвергнуть спасительную миссию Христа, делатели «просвещения» готовы были признать в христианской религии возвышенный характер ее нравственности и изображали дело таким образом, что само христианство есть только продолжение иудаизма, внесшее в него свою мораль. «Христианство считается продолжением и дополнением иудейства, — пишет тот же Куно Фишер, характеризуя отношение «просвещения» к религии христианской, — как «гуманизированный, моральный монотеизм», а поскольку главным представляется вера в естество и вера в это естество составляет «естественную религию», то нетрудно догадаться и о взаимоотношении естественной религии и иудаизма: **«монотеизм иудейской религии образует основу и первый элемент религии естественной».** (Ук. соч., с.371.) «Естественное» философов оказывается просто выражением Торы, с ее магией, алхимией, символизмом.

Каббала вошла в европейскую мысль в различных формах и доказала, насколько хорошо уживается рационализм с иррационализмом и насколько одно не может жить без другого. Петр I унаследовал идеи «просвещения» в учениях Гуго Греция и Пуфендорфа, сочинения которых он потребовал перевести и дать читать своему сыну, зверски впоследствии им замученному и убитому, Алексею. Либерализм стал шествовать по русской земле и в облике бездуховного «патриотизма». Петр унаследовал от европейских мыслителей «просвещения» идею служения некоему Государству, Левиафану Гоббса, которое важнее всех людей, населяющих это Государство. Народ — ничто. Государство — все. Личность — нуль, она только исполнитель воли Государства. Само же государство рассматривается как коллективная личность.

Идея военно-чиновничьего государства как последней цели всех человеческих устремлений входит через «просвещение»; она овладела Петром I и стала основным догматом власти чиновников над народом. В таком

абсолютистском Государстве чиновник выполняет роль жреца, а Государство — церкви.

Первым по времени творением нового учения «молодой России», основанной на началах «естественных», а не богооткровенных, стало сочинение Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей» (1722 г.), которое разъясняло читателю, что такое демократия, аристократия и монархия наследственная и избирательная и в чем преимущества и недостатки того или иного государственного устройства. Читатель благодаря Феофану знакомился с учениями «изряднейших законоучителей» Гуго Грация, Гоббса и Пуфендорфа, творцами того учения, в котором природа заменяла Бога личного. Проводилась мысль, что власть монарха до тех пор законна, пока она соответствует интересам народа. Каждому читателю закономерно могла прийти мысль: а соответствует ли та или иная мера правительства этим интересам? Мысль политическая покатилась по руслу, указанному трудом Феофана Прокоповича. Сочинение его распространялось по губерниям России правительством Екатерины I, будучи издано в числе 20 000.

Новая поросль чиновников, рожденная регламентами и артикулами Петра I, нуждалась в своей идеологии и получила ее в виде деизма. Но рационализм никогда не идет один. Ему нужен некий «материализм», который в ближайшем рассмотрении есть совокупность мистики в виде тех или иных суеверий и самой пошлой чувственности. Мистика власти того времени, то есть начала XVIII столетия, выразилась в вере в некое Государство, которое само по себе благо, независимо от блага населяющих его подданных. Такая вера была нужна государственным предприятиям Петра, так как все они шли вразрез с интересами конкретных людей, населяющих Россию, они оскорбляли их веру и национальное достоинство. Они были бессмысленными с точки зрения и военной и экономической, не говоря уж о том, что разрывали со всем национальным прошлым России. Сам факт строительства новой столицы говорил, что с кремлевским православным кругом своих ежедневных обязанностей, в котором религиозное и правительственное сливалось в единое целое, новое, «немецкое» правительство рвет навсегда. Назвать Петербург городом Самодержцев невозможно уже по одному его облику.

Начинается кризис власти. Будучи по своим нравственным обязанностям православной, эта власть среди православного народа исповедует чуждую ему «религию естественную».

Посреди стихии религиозной человек, вкусивший прелесть неверия, искал новых форм общения и новых средств удовлетворить свое алчущее истины сердце. Надо ли говорить, что *«готовою организацией для объединения тогдашней интеллигенции являлись масонские ложи»* (Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. IV). Замечание точное. Теперь новая идеология формирует чиновничий корпус.

На внутренний книжный рынок все больше и больше находит доступ литература «просветительская» и та, что составила главный ее нерв, — сочинения языческих философов, моралистов по преимуществу, Эпиктета, Плутарха, Сенеки, Цицерона, М. Аврелия и др. С годами крепнет и своя интеллигенция и появляются журналы для пропаганды новых взглядов. Уже в 50-е годы XVIII столетия масонские ложи объединяют крупных сановников России. Одновременно издаются и журналы, объединяющие интеллектуальные силы интеллигенции, ставшей с самого начала в оппозицию как к правительству, так и к Церкви. Не вся, но голос разрушительный был звончее, и был в фаворе у власть имущих.

Хотя Москва остается городом традиционной культуры, городом церквей и монастырей, хотя в ней ритм жизни подчинен по-прежнему религиозным обычаям и привычкам, однако и она не остается в стороне от столбовых путей европейского «просвещения». Центральным пунктом, можно сказать, цитаделью «просвещения» становится Московский университет, открытый в 1755 году волей опытного масона с широкими заграничными связями И.И. Шувалова, при активном участии Ломоносова, исповедовавшего, как известно, деизм и к православной вере относившегося весьма и весьма прохладно. Университет, единственный в Европе, не имел даже кафедры богословия. Кураторами университета с самого начала становятся масоны же; Херасков, подлинный его руководитель, в течение нескольких десятилетий руководит кружком студенческой молодежи, сплоченной вокруг журнала «Полезное увеселение» (1760-1762 гг.).

Именно в этом журнале проводятся общие мысли античных стоиков о суете мирской, что «мир есть тлен и суета, нетленна лишь добродетель» и прочее в том же духе. В соответствии с масонской идеологией, самодостаточная мораль должна была «заменить» Церковь. В целом же дух журнала соответствовал «тенденциям масонства первых трех степеней» (С е м е к а А.В. Русское масонство в XVIII-м веке Масонство в его прошлом и настоящем, т.1, с. 130). Не лишено интереса и то, что именно в этом же журнале было опубликовано «Устроение жизни человеческой» Додели (1703-1764).

Книга заключала в себе излюбленные масонами нравоучения и касалась тех же вопросов, какими изъяснялись масонами в их актах и катехизисах. Она полностью вошла в состав «Карманной книжки для Вольных Каменщиков» в издании Новикова в 1783 году.

Обращение к моральной тематике долженствовало по своему содержанию внушить читателю мысль о ненужности Церкви в делах спасения и ненужности даже и самого Искупления кровью Иисуса Христа грешного человечества. «Спасение» человечества берет на себя масонство и Государство.

Бессчетные рассуждения на тему о некой добродетели с обильной цитацией языческих авторов, преимущественно стоиков, заполонили книжный прилавок москвичей. Эпиктет, Сенека, Марк Аврелий, Цицерон и другие стали близкими знакомыми русских читателей. Весь яд языческой мудрости. все, что родило язычество в лице своих декадентствующих интеллигентов на вечерней заре античного мира, все, против чего выступило христианство как душепагубного, — все это вновь вернулось и пришло на русскую землю. Теперь «взыскующие истину» либералы перед грудой костей и черепов в масонских ложах клялись в верности врагам Церкви и повиновении ордену. Здесь формируются идеалы «гуманизма» и его носители.

Западноевропейские «философы» берут отсюда же весь арсенал своих философических мыслей, выношенных в течение веков в различных европейских эзотерических обществах, разного рода академиях, с тем, чтобы уже в конце XVII века, приобретя власть государственную, можно было вылезти на свет, не боясь попасть в руки инквизиции. Теперь инквизиция организуется ею: начинается преследование христианской веры, расшатываются основы этого вероучения. Движение «гуманизма», воспитанного на каббале, дало всходы вначале в виде разного рода ересей, как анабаптизм, альбигойство и им подобные, носящих явно манихейский характер, то есть тот же каббалистический, приспособленный к европейскому типу мышления.

Все они имели коммунистическую направленность, отрицали брак, семью, Церковь, сословное деление. Проповедовали моральную распущенность, необходимость лжи; имели иерархическое устройство, степени посвящения и руководимы были «избранными». Характерно, что «учение мандеев (из среды которых вышло манихейство. — *В.О.)* возникло, в иудейской среде...» (Трофимова М.К. Историка-философские вопросы гностицизма. М., Наука, 1979, с. 20).

«Ученая республика» гуманистов средних веков вошла в Новое время со всем своим идейным багажом. Этот идейный багаж Ч.У. Гекерторн определял так: «Совершенно противоположные идеи политеизма, пантеизма, монотеизма, философские системы Платона, Пифагора, Гераклита вместе с мистицизмом и демонологией, созданной каббалистикой после плена иудеев, все способствовало к образованию гностицизма». Этот каббалистический гностицизм и вошел в сознание русской либеральной мысли в середине XVIII столетия. В последующие времена, когда в бытовом плане практическое исповедание истин христовой веры было разрушено, для разночинной интеллигенции уже не требовалось такого напряжения ума, какой был нужен, чтобы одолеть отвлеченные сложности теософии, всего круга герметической литературы, чтобы узнать высоты каббалы, достигнуть знаний в практической магии. Тогда мысль этой части интеллигенции сосредоточилась на голом и пошлом отрицании. Родился нигилизм.

Но в середине XVIII века еще слишком остро стоял вопрос о Церкви и ее спасительной роли. Новое знание поэтому давалось как «истинное» христианство. И это понятно. Еще создатель манихейства Манес «понял обширную силу христианства и решился воспользоваться ею, скрыв гностические и каббалистические идеи под христианскими названиями и обрядами. Для того чтобы придать этому учению вид христианского откровения, он назвался Параклитом, возвещанным Христом своим ученикам, приписывая себе гностическим способом большое превосходство над апостолами...» (Гекерторн Ч. У. Тайные общества всех веков и всех стран. СПб., 1876, ч. 1, с. 196).

Дуалистические воззрения каббалы, вобравшей в себя идеи гностиков-манихеев, в которых материя, вещество объявляются абсолютным злом, из которого должна была быть извлечена «искра» духа — человеческая душа посредством все возрастающего «знания», вошли в сознание интеллигенции еще того времени, когда эти воззрения зародились в Римской империи I-Ш вв. по Р.Х., определили многое в сознании и русской либеральной интеллигенции. Поскольку материя — зло, делалось два прямо противоположных практических вывода: раз материя зло изначально и изменить своей природы не может, то пей, ешь и веселись. Дух не может преобразовывать материю, и их связь временная. Тело умрет, а душа будет совершать новые переселения в другие тела — так учила каббала, и так следовало по учению масонов. В другом подходе превалировали меланхолия и мысли о суетности мира и необходимости бежать соблазнов его. Но и здесь, в меланхолии, преобладала чувственность, правда, более утонченная, более интеллигентная. И это настроение соответствовало масонству.

На практике оба подхода прекрасно сочетались, внося путаницу для исследователей масонства. Оба были равнозначны, и сам подход зависел от произвола, а возможно, и от наличия здоровья и денег. Перед нами — апология атеизма. Грех не изгонялся, а регламентировался этикой.

Вокруг Московского университета с первых годов его существования все более и более собирается «ученая республика», и ее усилиями издаются сочинения французских энциклопедистов: Монтескье, Дидро, Руссо. Когда знакомишься с содержанием издаваемых книг, когда видишь, как протесты иерархов церкви принимаются с насмешкой теми, кому поручено было стоять на страже благочестия и веры Христовой, то невольно вспоминаешь слова Герцена о том. что с Петра I правительство держало знамя просвещения в России («О развитии революционных идей в России»). И нужно было очень высоко держать это знамя, чтобы оторвать взоры либералов от родной земли и довести свои сердца до полного нигилизма, такого, когда этот либерал Герцен

скажет всей Европе: «Мы свободны от прошлого, ибо прошлое наше пусто, бедно и ограниченно», а вся история сведется к навешиванию ярких идеологических жупелов: «московский царизм» и «петербургское императорство». (Ук. соч., см. в кн.: Герцен А.И. Эстетика, критика, проблемы культуры. М., 1987, с. 271.) Для этих создателей идеологического типа мышления, взращенного в масонских ложах, вся живая и полнокровная жизнь заменялась на хлесткие ярлыки, скрывающие невежество, как основу «просвещения».

Чего стоит, например, такое определение русской письменной Культуры воспитанником Московского университета Герценом: «До XVIII столетия никакого движения в литературе не было. Несколько летописей, поэма XII века (Поход Игоря), довольно большое количество сказок и народных песен, по большей части устных, — вот все, что дали десять веков в области литературы» (там же, с. 215). И если Герцен вещал так на всю Европу и был уверен в истинности своих слов, то ведь до такого невежества еще надо было дойти и для этого еще надо было кончить университет, эту колыбель «просвещения». Здесь нет иронии. Речь идет о характерном принципиальном неприятии национального предания.

С 60-х годов XVIII столетия в жизнь русского «образованного» общества входит Мефистофель «просвещения» — Вольтер и начинает вести с ним веселую и злую игру. Отныне печать Соломона стала все чаще и чаще ложиться на левое обнаженное плечо русского масона, все больше и больше появлялось желающих получить эту печать и все больше и больше интеллигентов целовало левую ногу Великого Мастера в надежде получить насыщение глада духовного и приобрести себе покровительство власть имущих. Ибо уже тогда, в 60-е годы, еще при Елизавете в обществе было известно, что масоны помогают своим членам делать карьеру и в их рядах состоят представители чиновной знати. В отличие от христиан масоны никогда не шли ни на какое мученичество ради идеи.

Достаточно было намека власти, чтобы ложи прекращали свою явную деятельность и спешили заявить о своей полной приверженности престолу. Намека... Но вместо намека правительственные чиновники спешили сами вступить во всемирное братство. Состав масонских лож, отмечает историк масонства Г.В. Вернадский, совпадал с составом чиновничества, и процент масонов резко возрастал по мере движения снизу вверх, в правительственные департаменты. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы... И есть сильное подозрение, что это единственная дошедшая до нас традиция.

Масонство, с его преклонением пред мудростью каббалы и магии, самодовольство и невежество, самый грязный разврат, дьявольская насмешка над всем святым, над всем церковным, презрение ко всему народному и традиционному — все это закружило русское, в том числе московское, дворянство в каком-то диком сатанинском танце.

Общество предалось разгулу страстей самых низменных, самых непотребных. Вольтерьянство вошло в сознание потомков как разврат и фармазонство. Быть вольтерьянцем значило быть одновременно «передовым», значило быть масоном и было равнозначно нравственной распущенности. XVIII век — век просвещенного эротизма и веры в прогресс.

Коренная москвичка Елизавета Петровна Янькова вспоминала, говоря о своем брате: «Во дни его молодости, то есть в 1780-х годах, очень свирепствовал дух французских философов Вольтера, Дидерота и других. Брат князь Владимир очень любил читать, хорошо знал французский язык, а вдобавок у них в доме жил в дядьках какой-то аббат-расстрига. Вот он смолоду и начитался этих учений, и хотя был умный и честный человек, а имел самые скотские понятия насчет всего божественного, словом сказать, был изувер не лучше язычника. (...) Очень мне всегда грустно было видеть, что такой хороший и добрый человек, а так заблуждался, и всегда просила я Господа, чтобы он обратил его к себе ими же путями ведает, и, благодарение Господу, брат потом действительно прозрел и покаялся».

В другом месте она вновь вспоминает о брате: «Начитавшись смолоду Вольтера и Дидерота, он ни во что святое не веровал... я веровала, как учит церковь, он все отвергал, — что же тут говорить? Его не разуверишь, что он заблуждается, а слушать его было неприятно и страшно: христианин, а говорит как язычник, и лет сорок или больше не был на духу, не причащался...» (Благово Д. Рассказы бабушки. Л., Наука, 1989, с. 138, 328.) В своих воспоминаниях другой москвич, Жихарев, рассказал о жизни старика Алферова, который говорил ему о днях своей молодости, пришедшей на это же время, что не развратничать казалось в обществе чем-то несуразным. И стар и млад пускались во все тяжкие, «сильно способствовали разврату общественных нравов иллюминаты-алхимики». Этот Алферов рассказывал Жихареву, что они, эти иллюминаты-алхимики, «умели привлекать к себе молодых людей обольщением разврата, а стариков возбуждением страстей и средствами к тайному их удовлетворению. Для этих людей ничего не было невозможного, потому что не было ничего священного...» (Жихарев С.П. Записки современника. М., 1955. с. 230).

В этих воспоминаниях все интересно. Причем голос Яньковой — это голос настоящего русского человека, среди всех невзгод, среди всего вольтерьянства сохранившего чистоту своей веры и свою нравственность, свое сердце и душу. Мы слышим ее соболезнующий голос любящего человека, истинно православного, которому тяжело было наблюдать за гибелью своего брата, живущего «скотским обычаем». В рассказе старика Алферова мы прикасаемся

к деятельности иллюминатов-алхимиков, а ведь в Москве таковыми были члены Ордена Розового Креста, в который как раз в это время входил и Н.И. Новиков.

Любопытно, кстати же, и то, что родственник Жихарева М.И. Невзоров, был учеником Н.И. Новикова, на его деньги обучался в Германии, по возвращении привлекался к суду, но избежал заточения, затем издавал журнал масонского толка «Друг юношества», в котором проповедовал идеи каббалистические и, начав как мистик, закончил самым неприкрытым вольтерьянством и атеизмом, не оставляя случая критиковать православную Церковь по каждому поводу и без повода, и притом без всяких для себя неприятных последствий. Вольтер разрушал все основания нравственности, насмехался над самыми святыми для любого человека вещами и превращал все свои произведения в длинный ряд сальных сцен. Вполне можно согласиться с Незеленовым (см.: Н.И. Новиков — издатель журналов. СПб., 1875), что любой сюжет, будь то война, приключения и проч., служил Вольтеру только для изображения грязных сцен насилия над женщинами. Особенно с любовью Вольтер вводил в эти сюжеты священнослужителей и монахов. Он специально проработал всю Библию, чтобы выбрать все эротические сюжеты. Надо ли говорить, какова была цена вольтеровскому скептицизму. Разрушив веру, нравственность, поселив в сердце дьявольскую усмешку, вольтерьянство оставляло человека среди нравственной и религиозной пустоты. Немногие шли по пути покаяния и возвращались в лоно Церкви, как брат Яньковой, который в конце концов «пожелал говеть, подробно исповедал все грехи и сподобился принятия святых Христовых Тайн. С тех пор он ежегодно говел, соблюдал посты и посещал храм Божий» (Рассказы бабушки, с. 329). Но надо признать — среди духовенства выходцев из знати не было.

Намного чаще в поисках утешения вольтерьянец приходил в другой храм — храм Соломона, строить который он и должен был с вступлением в члены Ордена Вольных Каменщиков.

При императрице Елизавете масонство, можно сказать, только-только выходило на широкую дорогу участия в политической и культурной жизни страны. Но «еще не было самого важного и необходимого условия (для широкого распространения. — В.О.), — не было еще русской интеллигенции, объединенной общими духовными интересами...» (Семека А.В. «Русское масонство в XVIII веке» в кн. Масонство в его прошлом и настоящем, т. 1, с. 132). Еще только по-настоящему начался процесс разложения «безыскусственного религиозного идеализма Московской Руси». И далее Семека продолжает: «Для того, чтобы масонство получило широкое распространение, чтобы оно могло сделаться тем русским общественным движением, каким мы видим его впоследствии, прежде всего нужен был... факт образования первой русской интеллигенции», но чтобы стать интеллигентом, оказывается, недостаточно, чтобы человек занимался умственным трудом. Он должен стать человеком, сформированным определенными идеями, у него должна быть «тенденция», а для этого он должен был испытать разрушение своего религиозного чувства, утратить веру в Спасителя и благодатную роль Церкви, он должен был, по словам Семеки, «испытать ужасное состояние душевного раздвоения и страданий от утраты душевной цельности, он должен был пройти подготовительный искус», и таким «искусом» было для русского общества насаждение руками просвещенной императрицы «вольтерианства». Оно было тем гробом для христианина, откуда он восставал масоном. *В XX веке роль вольтерьянства в России сыграл марксизм.*

Вольтерьянство вводило человека в тот страшный грех, который святая Церковь считает в числе смертных, убивающих душу еще при жизни, так что человек только по видимости живой.

Адский аспект сладострастия, которым полна была литература и до Вольтера, но который сосредоточил все свое внимание именно на этом пороке, был раскрыт во всей своей многосложности и многогреховности в апокалиптическом образе вавилонской блудницы:

«И увидел я жену, сидящую на звере багряном... и держала она золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ея. И на челе ея написано: тайна, Вавилон, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых...» (Откр. Иоанна, гл. 17).

Великому апостолу и пророку удалось полностью раскрыть все сатанинские глубины блуда, наделенного всеми атрибутами земных привязанностей, внешним блеском, богатством, красотой, роскошью и мирской властью в их связи со «зверем из бездны» и «великим драконом, древним змеем-дьяволом», как главным орудием в растлении человека и в разложении его духовной цельности на бездуховные и безжизненные куски стремлений, похотей, желаний и мечтаний.

Что же удивительного, что именно вольтерьянство вело русского человека в масонскую ложу, в которой из него делали «сознательного интеллигента», «интеллигентного» работника (Папюс). Но что же именно нужно было сознавать, чтобы прослыть сознательным? Какой интеллект иметь, чтобы получить патент на интеллигентность?

Семека еще раз подчеркивает, что «путь, приведший к масонству главных представителей русской общественной жизни, был у всех совершенно одинаковым: все они прошли через вольтерьянство» (с. 134). Немало, впрочем, содействовало увеличению рядов русского масонства знакомство и с другими философами-просветителями: Гольбахом, Монтескье, Дидро и проч. Разные

авторы с разных сторон говорили, в сущности, одно и то же. Идеи анабаптистов-манихеев, альбигойцев, «жидовствующих», Нового Израиля излагались европейскими «просветителями» изящно, умно и не без помощи эротических скабрезностей. Скучные теории легко усваивались в упрощённом виде через беллетристику.

Одним из первых крупных, чисто масонских предприятий было издание при Императорском Московском Университете в 60-х годах XVIII в. «Переводов из энциклопедии» (Дидро и Ко), ч. I-Ш. Редактором издания был неутомимый М.М. Херасков, а в числе переводчиков мы видим исключительно масонов: А.И. Бибикова, гр. Шувалова, кн. Козловского, кн. Н.Н. Трубецкого и проч. Для привлечения новых адептов в ложи нужна была «новая» культурная атмосфера, которая и создавалась издательской деятельностью «братьев». Как ни крути, а именно они положили начало русской литературе. Это исторический факт. Литература же — апофеоз «гуманизма» без Бога.

Лишь только окрепнув и потеряв опасения за свою безопасность, масоны двинулись на штурм книгоиздательской деятельности. И то сказать: не было никакой литературы для русского читателя, следуя которой он бы осознал необходимость перестать быть русским, отречься от своей истории, традиций, от спасительной веры и, в конце концов. пойти в подлинный университет каббалистических наук — масонскую ложу. «Учение Св. Ордена преподается (оно) под символами и иероглифами и только Св. Орден яко верная академия дает избранным токмо братьям таинства своя, состоящие в познании света натуры», — говорил в 1789 г. Великий мастер Орловской ложи — З.Я. Карнеев, орловский вице-губернатор. Задача создания нового цельного здания просветительской культуры со своими образчиками поведения, своими героями для подражания, своими тщеславными радостями и чувственными утехами встала во весь рост как необходимая антитеза церковному христианству, с его «узким путем» в Царство Небесное.

Переводчиками творений Вольтера становятся видные масоны: А.Р. Воронцов, А.П. Сумароков, Ив. Лар. Голенишев-Кутузов (переводит любимое произведение Екатерины II «Задиг»), Ал. Спиридов и др. Проблема отношения человека к Богу заменяется в беллетристике на проблему отношения человека к обществу.

Полного расцвета эта культурная просветительская деятельность масонов достигает только в 80-х годах XVIII столетия, когда создается для этой цели в Москве Орден теоретического градуса Соломоновых наук, входящий в состав розенкрейцерства европейского, с прямым подчинением Берлинским «братьям». Берлин в то время — прообраз нынешнего Вашингтона для наших демократов.

Этот Орден был основан именно в Москве не случайно, а в связи с новыми потребностями и задачами, стоявшими перед русскими «интеллигентными работниками» — масонами: создание своей интеллигенции. Вольтерьянство делало свое дело разрушения, и пора было подумать о том, что следует строить на пустом капище русского сердца. В Москве находился единственный в России университет. Поэтому сюда и был перенесен центр просветительской деятельности Ордена, главной функцией которого и было распространение выгодных Ордену идей. Розенкрейцер именовался еще «братом-иллюминатом» (см. Папюс. Генезис и развитие масонских символов. СПб., 1911).

Для уже прошедших искус вольтерьянства следовало теперь объяснять, что материализм просветительства вреден в том смысле, что задерживаться на нем нет смысла, надо идти дальше. В Ордене занимались углубленным изучением тайн магии, в том числе и с человеческой кровью, изучались глубины каббалы, содержащей эти тайны, и, как можно судить по многочисленным свидетельствам, в Ордене служили черную мессу в церкви при запертых дверях. Церковные облачения, которые были обнаружены властями у «братьев» при следствии по делу Новикова, использовались исключительно в черной магии и черной мессе, в служении дьяволу [1]. Известно, что Новиков сам причащал «братьев» ложи. Кощунственные обряды масонства известны: причастие, покаяние и исповедь и др.

И это, естественно, вытекало из самой доктрины масонства-гностицизма в его манихейском выражении. Дьявол есть хозяин этого вещного мира, и с ним нельзя не находиться в связи. Желание масонов иметь власть над природой, в том числе и над человеком, не могло не привести «братьев» к этой связи. Масонская литература полна призываний имени Господа Иисуса Христа, но можно без труда обнаружить, что речь идет не о евангельском Иисусе Христе. В гностицизме каббалы существует бесчисленное множество духовных сущностей, которым можно придать любое имя.

Не христианским духом веет от клятв масонов на груде костей, от обещаний мстить врагам Ордена, от муляжей королей, которым верный каменщик должен проткнуть грудь или отрубить голову, от жутких сочетаний циркуля, треугольника, квадрата и от застывших рисованных небесных светил, от поцелуев ноги Великого Мастера, от всевозможных клятв в молчании и

[1] Мысль на это наводят принятые уже в шотландских степенях кощунственные обряды, пародировавшие св. причастие (в столовых ложах), использование священнических одежд, миропомазание, обязательное присутствие священника-масона при некоторых ритуалах высокого масонства. Ср., например: «Каждый невидимый капитул имеет из духовенства своего священника..., коего обязанность состоит в том, чтобы отправлять церковные обряды..., служить обедни и воспевать гимн» — Соколовская Т.О. «Русское масонство...» , с.70. Это же видно и по следственному делу Новикова. (См. «Допрос Новикова Шешковским», п.45, и ниже гл. «Позднее масонство».)

беспрекословном подчинении невидимому начальнику. Все это навевает представление о какой-то кровавой языческой секте древности.

Если верно положение исследователя С.С. Ланды, что Орден иллюминатов Вейсгаупта был создан для реализации возвышенных идеалов «просвещения» (см. Ланда С.С. Дух революционных преобразований... М., 1975), то так же верно и то, что Орден Розенкрейцеров был создан для пропаганды идей того же «просвещения». По чести сказать, невозможно отличить общественные и политические программы этих двух организаций, и, кажется. Пекарский совершенно прав был, когда считал Шварца членом Ордена иллюминатов. В деятельности, повторяю, различий нет.

В 1769 г. молодой отставной поручик Н.И. Новиков, в свое время отчисленный из Московского университета, вдруг начал издавать журналы. Сначала один, потом другой и так почти двадцать лет. Новиков привлекает молодые силы к сотрудничеству, и вокруг него формируется кружок литературной интеллигенции. На протяжении почти всей своей жизни Новиков решал национальную проблему. Она его мучила и терзала, и он ее мучил и терзал, но так и не решил. Проблема сводилась поначалу к обличению французских мод, нравов, которые повредили исконные доблести наших предков. Там, в глубине веков, эти русские добродетели крепли и расцветали: в быту царствовала простота, помещики уважали крестьян, семьи были крепкие, и жены любили мужей и мужья жен. Народ уважал умных и справедливых бояр и оказывал им знаки любви и уважения. Первый журнал — «Трутень» — с яростью обрушивается на тех, кто поддался французскому влиянию и стал мотом, забыл труд и честь. В следующих журналах тема добродетели сменяется обличением древних же наших русских порядков, зато Вольтер попадает в число учителей человечества. Уже в 1772 г. Вольтер — это «прорицалище нашего века». Теперь в испорченности своих нравов виноват сам народ, взявший от «просвещения» самое худшее, когда полагалось взять самое лучшее. Начавшаяся во Франции через 20 лет революция, с ее невероятными жестокостями. бессмысленной бойней, убийствами женщин и даже грудных детей, показала, что было в «просвещении» худого и было ли там доброе.

Из журнала в журнал, из года в год нарастала критика русских нравов. Она становилась все более целеустремленной и начинала преследовать цель чисто революционную. Но об этом ниже. В самых мрачных красках рисует автор (или авторы) «Живописца», выходившего в 1772 г., жизнь и купцов, и монахов, и простого народа, который глуп и невежествен («Живописец», 1772, с. 120), и вот появляется такой пассаж: «...может ли Русский человек, не закрасневшись, осмелиться подумать, что он может в чем-нибудь поравняться с французом?» («Живописец», 1772, л.7, с.63, цит. по кн. Незеленова).

Однако не все так просто обстояло с патриотизмом для Новикова. Он вновь и вновь возвращается к вопросу о добродетелях исконно русских и начинает издавать научные труды по русской истории при самой деятельной финансовой и моральной поддержке Екатерины II. Он издает в 1772 г. «Опыт исторического словаря о Российских писателях», в котором напрочь разводит в разные углы христианскую духовность и языческую беллетристику, затем знаменитую «Древнюю Российскую Вивлиофику», «Идрографию» и др. сочинения. Правда, в «Опыте исторического словаря» Новиков уже охотно хвалит Вольтера и ставит очень высоко тех российских писателей, кто пишет, ему подражая. Более того, он очень мягко и сочувственно отзывается о цинике и похабнике Баркове. К 1775 г. его сердце окончательно прикипело к Вольтеру и Дидро.

Его деятельность не осталась в тайне. Так же как и его мучения. Вольтер, Дидро, Монтескье — обычный путь вздохов и сожалений. Он пытался насытить себя в теме национального, но не насытил. 1775 год... в этом году Новиков сразу стал мастером стула, и началась его орденская карьера. Пройдет не более шести лет, и он станет во главе русского масонства вместе с несколькими избранными. Как мы увидим — не зря пафос «просвещения» в его журналах нарастал, а, с другой стороны, в его сатирах высмеивались и священники и монахи. Сама же роль церкви в деле духовного окормления никогда не была в поле интересов Новикова. Судя по его литературным трудам, Новиков не знал периода подлинной религиозности. Видна только его неприязнь к «наружной», т.е. православной церкви.

Хотел ли Новиков вступать в масоны, как он относился к масонству — все это риторические вопросы. Ответ на них дает его быстрая карьера в Ордене, его увлечение каббалистической стороной учения, полное забвение истин православия. Для него как бы не было 18 столетий христианской эры. Тысячи мучеников, исповедников, апологетов, иерархов, христианских философов, писателей, зодчих, — все это для Новикова одно недоразумение, не стоящее внимания.

Гельвеции, Вольтеры, Бентамы, масонская символика и иудейская магия, демонология и философия наполняют его душу. В 1777 г. Новиков во главе целого коллектива пишущей братии начинает издание первого масонского партийного журнала «Утренний свет». В «предуведомлении» он излагает некоторые сведения из натурфилософии, части масонского учения, и проводит мысль герметиков-каббалистов о «высоком достоинстве» человека. Человек, по мнению Новикова, должен проявить подобострастие к самому себе. Это обожествление человека, характерное для всех нехристианских учений, Новиков предлагает принять читателям безоговорочно, иначе они заслуживают, «чтобы мы их за диких... зверей почитали...»: «Сих нечеловеков

наказывать» будет сатира. для них она будет «бичом». Следующие статьи излагают представления Талмуда о сотворении человека Энсофом.

Лотман полагал, что краеугольным камнем всех течений «просвещения». объединяющим их с масонством, служит антропоцентризм. Поставление человека на место Бога действительно составляет краеугольный камень Талмуда, в котором раввины управляют даже самим Иеговой и в котором весь мир служит человеку вместе со звездами, планетами, духами и Землей. В соответствии с этой мыслью Новиков доносит до читателя: «Всякий человек может некоторым образом сказать себе: «весь мир мне принадлежит», «человеки могут, по благоугождению своему, всем царствовать и всем учреждать». И это естественно: ведь сам Бог не смог обойтись без человека, только через него Он может осознать свое существование. Такова основная мысль Талмуда и всей герметической литературы. Эти идеи и понес Новиков, внедряя в сознание читателей. Дворянин русский занялся пропагандой учения раввинов.

Повторим, что каждый, кто не принимает такой концепции, кто стоит на позициях православного вероучения, — тот «недочеловек», тех надо почитать за «диких зверей» («Утренний свет», 1777 г., «Предуведомление»).

В основе христианства лежит учение о первородном грехе, повредившем всю человеческую природу, и о спасительной жертве Бога-Сына, своею кровью искупившего падшее человечество и даровавшего ему Свою Церковь для благодатной помощи каждому из нас, крещенных во Имя Его. Направленность «Утреннего света» ясна и понятна. Но не нужно думать, что Новикова потащили сразу в застенок за ересь или атеизм. Ничуть не бывало. Дело его процветало на выбранном им пути разложения христианского вероучения. Журналы Новикова представляют в самом возвышенном тоне языческих писателей и философов: Платона, Фукидида. Сенеку, Вергилия и проч. и проч. Одновременно появляются и имена западных мистиков: Юнга, Бёме, Ф. Бэкона, Геснера, Паскаля, Геллера и др. идеологов масонства. Рукою Новикова, как бы к нему кто ни относился, явно водит недоброе сердце. В каждой строчке слышна его ненависть к Церкви и Спасителю. Чего стоит, например, вот такое место из «Утреннего света»: вначале были славны в добродетелях иудеи, но слишком увлеклись обрядами. Им последовали греки, из коих славнейший — Сократ. «Ему следовали Платон, Эпикур. Зенон и многие другие. Потом варварство и происходившее от оного предрассуждение истребляли время от времени сие божественное учение и одержали верх. Наконец, Бэкон и Гроций возобновили путь, по которому следовали Волфий, Николе, Паскаль... Сие столь нужное учение, от которого зависит благополучие как частного лица, так и целых фамилий и обществ, сия божественная наука должна ли быть у нас в пренебрежении?» (Заключение журнала под названием «Утреннего света».)

Итак. божественная наука — языческая философия, без которой жить невозможно по-людски, — была в гонении от «варварства», то есть от христианства, наступавшего на погрязший в разврате языческий мир со всеми его суемудриями. Но вот вновь всходит утренняя заря: Новиков перечисляет имена тех. кто вошел в анналы человеческой мысли как каббалист, мистик или деист и — в любом случае — как враг Церкви.

Темы учения стоиков, дуализм тела и души варьируются в журналах Новикова в русле всей масонской литературы и просветительства того времени.

В области социальной Новиков неустанно критиковал с позиций «естественного права» все сословные различия и, по существу, отрицал законность власти царя. О том, что царь — помазанник Божий, Новиков как бы не подозревал. Для него это пустой звук. Из года в год Новиков в духе своих орденских начальников занимался дискредитацией русской государственной жизни, построенной на основах народного обычая и царской власти, имеющей своим источником Русскую Церковь.

Как следует из всех масонских уставов, актов и других документов. Орден стремился внести полную унификацию во всю человеческую жизнь и во все ее формы: никаких наций, никаких сословий, никаких государств, одна религия без вероисповедания и на всех одно имя, на всех одно правительство. Эта программа выражена одинаково и в уставах баварских иллюминатов, и в «Разговоре для масонов» Лессинга (1774 г.), и во всех творениях и сочинениях масонов. Именно на борьбу с народами с их самобытностью, на борьбу с религиями положительными и богооткровенными, христианскими, на борьбу с наследственными формами власти и были брошены все интеллектуальные силы Ордена по всей Европе. Но что такое с этой точки зрения сам Орден и чего он хотел?

В многочисленных речах московских масонов и их подчиненных в других городах, из имеющихся писем масонов, конспектов лекций на заседаниях лож вырисовывается такая картина. Орден есть «всемирная церковь», а члены высоких градусов в Ордене — священство, призванное от века управлять **миром.** Поэтому нынешние правители все узурпаторы и должны быть выброшены из своих уютных гнездышек. Им уготована в Ордене смерть (см. «Исповедь франк-масона» у В.И. Семевского в книге «Политические и общественные идеи декабристов», СПб., 1909)[2].

Народ дик и невежествен. Люди — дети и нуждаются в опеке со стороны просвещенных братьев Ордена. Социальные мечтания масонов сосредоточивались на мысли об авторитарно-тоталитарном государстве с

[2] Приведена в последней части «России на перепутье».

социалистическим устройством. Эти идеи выражены отчетливо в любимой книге масонских розенкрейцеров — «О заблуждениях и истине» Сен-Мартена, в «Начертаниях истинныя теологии», также настольной книге московских масонов, в «Истине религии», также весьма почитаемой ими, и в других произведениях (см.: Вернадский. Русское масонство при Екатерине II). С этой точки зрения масоны и воспринимали существующий порядок как нарушение справедливости, как самозванство нынешних властей, которые должны уступить власть законным хозяевам — чиновникам Ордена, в котором чины достаются, уж конечно, по заслугам. Они «истинное священство», как говорилось в одной речи мастера стула З.Я. Карнеева, уже знакомого нам. Так или иначе, но именно таким мироощущением пронизана была русская либеральная интеллигенция, без конца утомляющая слух окружающих обвинениями в деспотии царей даже там, где никакой деспотией не пахло, в несправедливости властей и бесконечным отрицанием всех правительственных распоряжений. Масоны обвиняли в деспотии более чем либеральных правителей России, дававших им возможность безбедно жить, свободно провозглашать идеи социализма и коммунизма и объединяться в тайные общества. Между тем жалобы и обвинения в тирании были вполне искренни, так же как намечавшийся масонами военно-чиновничий строй в случае **их** прихода к власти (см.: Щербатов М.М. Путешествие в страну Офирскую, 1784)[3].

«История» масонов, то есть их изложение истории народов, преподаваемая в ложах и пропагандируемая через печать, — это история просвещенных истиной пророков, пытающихся помочь диким и невежественным народным массам создать правильные государственные и общественные отношения, просветить их по части добродетели, подарить им науку и искусства. Пророки-герои в конце концов гибнут, но дело их подхватывают их тайные последователи, которым они успевают передать свои знания. Такой подход характерен и для журналов Новикова. Эта парадигма масонства вошла также в сокровищницу либеральной мысли XVШ-XIX веков и дала начало романтизму в литературе. Из оккультизма она перекочевала в «интеллигентное» сознание. Культ героев дал литературе романтизм, а презрение к личности — социализм. Немало такому взгляду на народ способствовало и само вольтерьянство. Своей проповедью чувственных наслаждений, как последней цели всех человеческих усилий, оно поощряло стремление к роскоши, усиливало вымогательство денег у крестьянства и заставляло смотреть на него только лишь как на источник дохода. «И потому, — пишет Незеленов, — едва ли ошибется тот, кто скажет, что вольтерьянство поддерживало в нашем обществе екатерининских времен то неслыханное презрение к простому народу, какого не знали прошедшие века нашей истории» (Незеленов, Ук. соч., с. 67-68). По воспоминаниям Селивановского, не чужд такого презрения был и сам Радищев (там же, с. 76). А теперь послушаем Горького и посмотрим, не услышим ли мы тех же вольтерьянских и масонских напевов уже в XX веке: «Интеллигент всегда, без колебаний жертвовал своей жизнью во имя интересов и требований полудиких масс... русская интеллигенция в течение почти 100 лет мужественно стремилась поднять на ноги русский народ, тот народ, который до сих пор остается зверем. Очень часто этот лютый зверь охвачен безумием, которое внушает страх и ужас» (цитировано по брошюре Эрдэ «Горький и интеллигенция», изд-во «Девятое января», М., 1923 г.). Горький, плод масонско-иудейской идеологии, гуманист!

Уже Вернадский (кн. «Русское масонство при Екатерине II» Пгд, 1917) заметил, что филантропические устремления масонов должны были превратиться в случае их прихода к власти в стремления социалистические. Социализм — это каббалистическое учение о восстановлении Всеединства.

«Утренний свет» (1772 г.) решительно настаивал на том, что бедные имеют право требовать помощи у богатых лишь потому, что те богатые. Интересны доводы журнала: «Вы сыны счастья! — обращается он к богачам. — Скоро умеете расчисляти. Исчислите же, сколько тысяч тварей нашего рода должны нищенствовать для того, чтобы один из вас мог ежегодно 40 или 50 талантов проесть?» И далее следует угроза: богатые должны делать добро, «чтобы устранить от себя ненависть, вдыхаемую видом сластолюбия и расточения вашего в сограждан ваших», которым едва хватает средств, чтобы приобрести для детей своих хлеб.

Статья написана с позиций зависти и злобы, и Незеленов замечает «Статья допускает, как кажется, возможность революции бедных» (Ук. соч., с. 242).

Дискредитация власти в журналах усиливается по мере продвижения Новикова по лестнице масонских градусов. Не упускается случая высказать мысль, что звание царя — ничто, а главное — это личное достоинство («История Троглодитов» — «Утр. свет», ч. VIII), восхваляются вольные порядки Англии, где царствует Конституция. Царь только тогда царь. пока его действия идут на пользу народу, иначе он просто тиран, деспот и всякий волен не признавать власти такого государя. Эта тема назойливо повторяется Новиковым из журнала в журнал, не встречая никакого противодействия со стороны власти. Впрочем, сама Екатерина II следовала дорогой Вейсгаупта по

[3] Как это отразилось на внутренней жизни России, можно видеть из характеристики Павла I, мировоззрение которого, вкусы и привычки были выработаны совершенно в масонском, «геометрическом», духе: «Он так влюбился в порядок, методичность и регламентацию, что даже составил Инструкцию в 14 пунктов, — пишет его воспитатель Порошин, — касавшихся не только религии и нравственности, но и подробностей туалета». Павел I переписывался и с Лафайетом, и с Сен-Мареном, светилами европейского масонства (см. Валишевский. «Павел I». М,, 1990, с.50).

пути просвещения.

Не уставая просвещать русских читателей и вводя все новые имена философов и все новые произведения этих философов, Новиков и его сотрудники знакомят и читателей с эзотерическими орденскими идеями. Так, например, в 1785 г. в «Покоящемся Трудолюбце» (ч. IV) появляется статья «О науке называемой каббале». В статье говорится о каббале «позволенной», с помощью приемов которой можно открыть тайный смысл Библии и изъяснить «правильно» даже Евангелие, как это делал «славный ученый Пика», и «непозволенной». С помощью этой каббалы можно повелевать демонами и употреблять знание для околдования.

Таков основной круг идей, с которыми выступил Н. И. Новиков на арене русской общественной и просветительской деятельности. В 1778 году он, живя в Петербурге, знакомится с М.М. Херасковым, Н.Н. Трубецким и другими московскими масонами и переезжает в Москву в 1779 г. Здесь он встречается с приехавшим «немчиком» И. Г. Шварцем. Складывается тесный кружок масонов, которые проявляют ревность в делах просвещения и составляют сначала «сиянтифическую» масонскую ложу, то есть научную, а еще позже московские масоны в числе тех же лиц и еще нескольких поступают в распоряжение Берлинских начальников и входят в «Общество братьев Розового Креста». (1781 г.)

Как пишет Т. Соколовская, «это было посвящение на всю жизнь». Кровью, взятой из жилы, писали клятву верности и молчания и беспрекословного подчинения начальникам. Каждые три месяца — подробный отчет о всех своих делах и переживаниях начальнику. Кроме того, в архив Ордена поступал и портрет «брата»[4].

Каждые же три месяца братья должны были приносить начальнику всю свою корреспонденцию, и уже начальник определял, что оставить для архива ложи. а что можно сжечь. «Братья Златорозового Креста в России были избранными в среде избранных» (Соколовская Т.О. Братья Златорозового Креста. — Русский Архив, 1909, № 9, с. 89). Дерзать мечтать быть принятым в Розенкрейцеры могли лишь братья «сильной воли, светлого ума и строгой жизни». Их политические устремления: «соединение всех наций и племен в одну всемирную семью» под главенством «священников» Ордена. Ввиду огромности, «важности цели, они оправдывали все средства для ее достижения» (Соколовская Т.О. Ук. соч., с. 89). В Ордене практиковалось достижение «сверхнатурального состояния» с помощью самоуглубления, чтения определенных книг и специальных мантр (заклинаний) и механических приемов. В этот момент считалось, что душа масона бродит в потустороннем небесном мире, посещает планеты и может беседовать с великими героями. Ему открывалась книга «Судеб» человеческих, и он становился «избранным», «просветленным», кому само небо повелело вести братьев к победе, к власти.

Среди участников московских руководителей Ордена, решивших все свои силы отдать издательской и педагогической деятельности, мы видим представителей преимущественно знатного и богатого русского барства. Исключение составляли лишь сам Новиков, его друг С.И. Гамалея и И.Г. Шварц. Первая задача московских Розенкрейцеров состояла в том, чтобы создать круг чтения начинающего масона, для чего потребны были переводчики. Нельзя считать случайным, что в качестве базы Орден использовал университет. Работа с молодежью всегда была одной из главных забот масонов. В специальном журнале ордена читаем: «ни о чём толико не было прилагаемо стараний, как о воспитании юных чад ордена...» («Свободно-каменщицкий магазин», Предисловие. М., 1784).

Здесь же, в университете, была и крупнейшая типография. С помощью куратора Хераскова Новиков берет в аренду типографию сроком на десять лет, до 1 мая 1789 года, а Шварц с помощью того же Хераскова быстро зачисляется в штат профессором университета. В течение трех лет «братья» создают Педагогическую семинарию (1779), «Собрание университетских питомцев» (1781 г.) и Филологическую семинарию, или Переводческую. Все эти предприятия направлены на вовлечение студентов в Орден. Шварц в целом ряде лекций развивал темы из каббалы и в конце концов удостоился обвинения в том, что он вовлекает молодежь в масонские ложи. Шварц неуклюже оправдывался.

Каббалист Бёме стал альфой и омегой московских маронов. Его учение и излагал Шварц студентам, как и классическую легенду ордена о тайном знании, передаваемом от Адама и через Моисея.

Юная поросль российского юношества активно участвовала в литературных начинаниях, вызванных к жизни волей их масонских благодетелей. В собраниях читались переводы, оригинальные сочинения студентов, назначались премии, лучшие сочинения печатались в масонских журналах. Такие журналы, как «Московское ежемесячное издание» (1781 г.). «Вечерняя заря» (1782 г.), выпускались преимущественно силами студентов Московского университета, да и в других журналах они также принимали значительное

[4] Из дневника русского розенкрейцера из окружения Новикова, посетившего Берлин в 1784 г., узнаем: «9 ноября, утром у Вёльнера, передал прошение, присягу, писанную кровью и исповедь мою», «Вёльнср... Силуэты всех братьев я отдал ему сегодня», «в восьмой степени не запрещен брак, но лучше быть холостым». И в воспоминание о связях наших революционеров 17-года с Германским правительством: «26 ноября. Ни одна страна не получила от ордена (германского — В.О.) так много и так быстро поддержки, как Россия». — Пекарский П. «Дополнения к истории масонства». Спб, 1869, сс.83, 85, 89.

участие. Многие из юных питомцев стали известными масонами, профессорами университета, издателями, литераторами, заняли видные посты в иерархии государства.

Здесь, в этих центрах масонской науки, получил путевку в литературу Карамзин, всегда с благодарностью вспоминавший Новикова, здесь же возрос как масон и как издатель и литератор А.Ф. Лабзин, издававший в 1806 и в 1817-1818 гг. «Сионский вестник», орган пропаганды масонского мистицизма, и кому обязан своим продвижением в видные архитекторы А.Л. Витберг, друг Герцена, который, вероятно, и посвятил последнего в масонство; среди студентов же масонских семинарий мы видим и А.Ф. Малиновского, ставшего затем директором Архива Министерства иностранных дел и оказавшего большую помощь Карамзину. Участниками изданий масонских журналов был и будущий профессор университета и директор благородного пансиона, председатель Общества Любителей Российской словесности А.А. Прокопович-Антонский, и видные впоследствии журналисты П.А. Сохацкий и В.С. Подшивалов.

Бывший секретарь Хераскова П.И. Страхов, выпускник университета, стал деятельным масоном — с одной стороны, а с другой — профессором университета и в начале следующего столетия директором университета.

Таким образом, Орден «Розового Креста» осел на ниве просвещения и вырастил здесь богатый урожай либеральной мысли.

В 1782 г. братья и кавалеры «Орла и Пеликана», московские Розенкрейцеры, создали в качестве своего юридического лица «Дружеское общество» как филантропическое на ниве педагогики, а еще через два года была ими создана Типографическая Компания (1784 г.), в руководство которой полностью вошли все «братья» «Розового Креста». Дело книгопечатания было поставлено на широкую ногу. «В XVIII в., — пишет Герцен, — русская литература, по сути дела, являлась лишь благородным занятием нескольких умных людей и не оказывала никакого влияния на общество. Серьезное начало этому влиянию было положено франкмасонами, сразу придавшими другой характер литературному дилетантизму. Франкмасонство было широко распространено в России...

Глава его, Новиков, был одной из тех великих личностей в истории. которые творят чудеса на сцене, по необходимости погруженной во тьму, одним из проводников тайных идей (...) Во всех этих предприятиях Новиков пользовался огромной поддержкой франкмасонов, будучи великим мастером масонской ложи».

Это было «великим делом» «во имя нравственного интереса». (Герцен, «О развитии революционных идей в России».)

Кроме авторов-просветителей с Запада, все большее количество литературы. издаваемой Компанией, приходится на мистико-каббалистическую литературу и собственно масонскую, издаваемую в тайной типографии у Меньшиковой башни. Лонгинов пишет по этому поводу:

«Новые книги, появившиеся в Москве с 1779 по 1784 г. ...составили весьма значительный процент в общем количестве русских книжных новостей и внесли почти совершенно новый элемент в текущую литературу, оригинальную и переводную. Это новое явление было исключительно результатом деятельности так называемого мартинистского круга, особенно же Новикова. Толчок, данный ею, отозвался и в Петербурге: нетрудно проследить и там появление за это время книг, сходных по своему духу с теми произведениями, которые распространялись московскими мартинистами» (Лонгинов, 226). «Дружеское общество», будучи объявлено как филантропическое, получало щедрые пожертвования со стороны состоятельных москвичей и, конечно, самих членов Общества. Уже в 1783 г. на счет «братьев» воспитывалось в семинарии переводческой и педагогической до пятидесяти человек юношей. «Щедрые пожертвования, — пишет Лонгинов, — давали обильные средства для содержания на счет «Общества», этого рассадника деятелей на поприще мартинизма, из которого вышли известные впоследствии мистики и масоны» (203). Добавим — но и историки, писатели, поэты, ученые и даже митрополиты[5].

Напрасно поэтому профессор Шварц доказывал, что его курсы лекций не были пропагандой масонства. Напрасно он приводил такой довод, что раз масонство есть тайна, то его и невозможно проповедовать. Увы, «лекции Шварца... служили истинной школой масонства». («Русский Вестник», 1864. № 8). Надо отдать должное — Шварц тратил на дела просветительские все свои средства.

Типографическая Компания издавала самые различные книги, и в том числе такие, которые подвергала критике на заседаниях своих лож в Высших градусах, как лишенные мистического начала, механически трактующие мироустройство. Так, Шварц критиковал учение, например, Гольбаха. Критические выпады делались на заседаниях «теоретического градуса соломоновых наук», к которому относились наши Розенкрейцеры, и в сторону

[5] Михаил Десницкий, Серафим Глаголевский. Вероятно, как полагали историки прошлого, архиепископ, а потом митрополит Московский Платон Левшин, покровительствовал деятельности ордена не случайно. Членом ложи «Умирающего Сфинкса» был и Московский святитель Филарет Дроздов. В списке членов ложи его фамилия стоит под № 32. (ОР ОГБ, ф.439, карт. 24, ед. хр. 5, л. 13). Подробнее см. Сушков, «Записки о жизни Филарета», М., 1868; П.Бартенев. «Русский архив», 1906, т. 9, с.93. Масонство среди духовенства насаждал ревностно и Шварц, и особенно А.Н. Голицын и М.М. Сперанский, (см. ниже «Позднее масонство»).

Вольтера и Руссо. То, что было полезно для интересов Ордена в качестве начальных ступеней, на более высоких уже не могло принести пользы.

Наивно противопоставляя зачастую французскую философию, как рационалистическую немецкой иррационалистической философии, зачастую не понимают всей условности деления на рационалистическое содержание философии и иррационалистическое. Любая рациональная система мышления имеет иррациональные корни, а иррациональная система мышления на самом деле рациональная по принятому в ней стандарту.

Любое познание имеет и ту сторону, и другую. Немецкая же иррациональная философия вся целиком берет свое начало от средневековых каббалистических мистиков, как Раймонд, Луллий, Беме, которому особенно много обязаны Гегель и Шеллинг, Флюдд, Альберт Великий и другие. Все эти мистики составили идейное содержание масонства прошлого и настоящего. Здесь идейные корни социализма и либерализма. (См. «Краткая еврейская энциклопедия». Иерусалим, 1988, т.4, с. 5).

Тесная связь московских масонов-просветителей с Берлином выразилась и в том внимании, которое стали оказывать Новиков и Шварц публикациям немецко-еврейских писателей, как Мозес Мендельсон, Лессинг и другие. Видимо, из лож Германии пришла волна и сентиментализма в литературе. Чувствительные воздыхания стали с легкой руки масонов-литераторов признаком высокой добродетели (см. сб. «XVIII век», № 11).

В результате деятельности Типографической Компании «братьев Розового Креста» была создана громадная по числу и разнообразию литература — и художественная, и философская, и мистическая, сплошь переводная или скомпилированная самими братьями. В результате деятельности масонов-переводчиков русский язык стал менять и свою лексику, и сам синтаксис. Вводились новые слова и новые понятия, которых не было в русском языке. Столь же успешно из употребления исключались тысячи русских слов, которым не находилось места в этой мистической литературе иудаистского толка. Создавался жаргон интеллигентов Москвы конца XVIII столетия, который и лег в основу современного литературного русского языка.

В 1792 году Новиков был арестован за связь с наследником престола Павлом Петровичем. Известно, какие надежды возлагали русские масоны на цесаревича. Он был своим, полностью сформированным братьями. С конца 80-х годов ждали смерти Екатерины II, и не только в России, но и на Западе. Перед Розенкрейцерами в случае смерти Екатерины II открывался путь к власти над всей Россией (см.: Вернадский. Ук. соч., с. 230).

На допросе Новиков лгал, ссылался на забывчивость и в целом вел себя как опытный конспиратор: не знаю, не видел, забыл. Вовремя каялся, бил себя в грудь и требовал к себе строгой кары. Его ответы на вопрос об иллюминатах напоминают злое юродство над следователем. Но все-таки ответ на один вопрос можно считать правдивым, поскольку он подтверждается и другими данными.

Следователь задал вопрос об университетской ложе. На этот вопрос Новиков ответил так: «Прозвана же она (ложа) была университетской потому, что из университетских, сколько их там было, то почти все в ней были, но были и другие. Мастером же стула ложи был профессор Страхов», — пояснил Новиков.

Итак, сколько их там было — все каменщики и плюс еще студенты, вовлеченные в общество строителей храма Соломона. А ведь университет был главным поставщиком чиновничества.

В деятельности «братьев Розового Креста» в Москве все извивы масонского пифона видны, как в террариуме. Есть обширная тайная организация, руководимая из Берлина; она создает легальные просветительские организации, объединяет и воспитывает студентов, создает литературные объединения, организует семинары по философии, педагогике, литературе, формирует общественное мнение.

Как вспоминает известный русский историк Б.Н. Чичерин, «Московский университет сделался центром всего умственного движения в России. Это был яркий свет, распространявший свои лучи повсюду...». Герцен вторил ему: «... университет рос влиянием, в него, как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага... До 1848 г. устройство наших университетов было самое демократическое» («Былое и Думы», цит. по кн.: «Московский университет в воспоминаниях современников». М., 1989, с. 116). А ведь это были годы николаевского уже «деспотизма». Впрочем печать была при всех царях либеральной.

Результаты такого очищения испытал на себе и Лубяновский, который учился в университете в 90-х годах XVIII столетия: «Из семинарии я вышел с благоговением к Евангелию и учению Церкви, с покорностью начальству и не от страха, а по чувству необходимости в руководстве, с привычкою к нужде, с равною охотою к учению и к исполнению обязанностей, в чем бы они ни состояли. В университете семинарское семя не скажу чтобы совсем заглохло во мне; но по мере развития во мне круга понятий странные мечты вкрадывались в голову... забавная самонадеянность: не только я умел бы сам везде ходить без помочей, но и других водить» (Московский университет в воспоминаниях современников. М,, 1989, с. 46-47).

Известно, что эти странные мечты привели Федора Петровича Лубяновского в масонскую ложу, и через несколько лет его имя значится в ложе «К Мертвой

голове», которая «работала» в Москве в начале XIX века. В этой ложе он «работал», кстати, вместе с Н.С. Мордвиновым, которого декабристы прочили в будущее временное правительство и который очень не любил Русь и очень любил Англию и любил сочинять конституции; здесь же мы видим и министра просвещения А.К. Разумовского (1748-1822), друга каббалиста Сен-Мартена, преподавателя Московского университета А.Х. Чеботарева, руководителей московского масонства и Ордена Розенкрейцеров, соратников Новикова — князей Трубецких, А.Ф. Лабзина, О.А. Поздеева, московского почт-директора Ф.П. Ключарева, замешанного в распространении французских прокламаций в Москве в 1812 г.

В приведенной цитате из воспоминаний Лубяновского интересна вот эта деталь: у юноши еще не обсохло молоко матери на губах, но яд невежества в интеллектуальной оболочке создавал иллюзию всезнайства, хотелось поучать других. В 1861 г. Герцен в «Колоколе» призвал университетских недоучек идти в народ, учить русских крестьян правде и истине. Чему они могли научить? Бога нет, человек от обезьяны, царя не надо. Вот и вся мудрость.

Истина конкретна. Либерализм, «дух времени», «буря перемен», «ветер свободы» — это все идеологические эвфемизмы, иносказания. Историю делают люди. и поэтому она существует. Для нас должно быть интересно, кто обеспечивал организационно этот «дух просвещения», кто финансировал, кто прикрывал опасные затеи сверху — со стороны правительства, цензуры и полиции, кто составлял планы выпуска тех или иных книг, определял их тираж и цену.

«Сразу возникает вопрос, — пишет В .И. Рабинович, — как осуществлялась пропаганда в Российской империи 90-х годов XVIII в. не только материальных основ, но и вольнодумной «философии истории», а главное. обоснованных и вытекающих из этих постулатов идеалов антицаристского «бунта»? (Рабинович В.И. Вслед Радищеву. М., 1986, с. 117).

Относительно материалистической философии вопросов не может возникнуть: сама императрица Екатерина II — и на практике, и в личной жизни — услаждалась амурами, и именно ей принадлежала инициатива пропаганды разрушительных антицерковных и антимонархических идей Дидро, Вольтера, Монтескье и прочих вольнодумцев. Именно она повела решительное наступление по совету своих западных просветителей — друзей и масонов — на русскую Церковь и полностью отобрала у нее все ее имущество, даже те вклады, которые делали люди на помин души своих близких. (См. Маккавеев П. «Религиозно-церковные воззрения имп. Екатерины II. — «Странник», 1904, т II, ч. 2).

Но Рабинович приводит и интересные факты. Например, он выяснил, что главный следователь в деле Новикова Шешковский, находился в близких отношениях к семье вольнодумцев и ростовщиков из старообрядцев Каржавиных. Он обнаружил, что Шешковский получал немалые деньги от этих оборотистых дельцов, не верящих в Бога, но твердо верящих в тот постулат, которым отец Чичикова одарил своего оборотистого, хотя и неудачливого сынка: «Копейка, копейкой-то все прошибешь!»

Непосредственные выпады против царицы, богохульство в книгах, пропускаемых в печать, проповеди социалистических идей — «все это было возможно, конечно же, лишь при странном бездействии начальника тайной канцелярии Шешковского, при невежестве такого цензора, как санкт-петербургский полицмейстер Жандр, при либерализме цензоров-профессоров Московского университета Барсова и Брянцева, при содействии Новикова, при горячей поддержке друзей» (Ук. соч., с. 118). Заметим: «при странном бездействии...» Сколько будет впереди ещё «странного».

Конечно, подкуп мог иметь значение, но ведь и над Шешковским было начальство, и книги мог читать каждый. Может быть, и играло тут роль невежество того или иного чиновника, но картина распространяемого, этого подтачивающего сам строй либерализма, с годами не менялась — менялись только цензоры, но и их назначали исключительно из либералов же, зарекомендовавших себя на этой стезе. Дело тут не в тупости или невежестве. Цензоры назначались чаще всего из профессоров университетов.

Когда шел допрос декабристов и им задали вопрос, что способствовало образованию у них либерального образа мыслей, то они в один голос отвечали: само правительство. Именно правительство декларировало необходимость конституции, а со времен Феофана Прокоповича ставило вопрос о формах правления на открытое обсуждение в обществе.

Еще в 1790 г. священник Самборский, наставник вел. кн. Александра Павловича, писал гр. Н.И. Салтыкову: «Вольноглаголание о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспалившееся примером Франции, предвещает нашему любезному отечеству наиужаснейшее кровопролитие». (Семевский В.И. Идеалы и общественные взгляды декабристов. СПб., 1909, с. 21).

Ругать правительство и все его мероприятия стало модным с первых шагов масонской интеллигенции в России. Не к тому, что все интеллигенты были масоны, а к тому, что все масоны были интеллигенты. Два столетия Романовы выращивали в России социализм.

Касаясь описываемого нами периода, Тукалевский, историк масонства, пишет, что «масонство было идентично тогда с понятием интеллигенции в настоящее время» (Масонство в его прошлом и настоящем, т. 1, с. 190).

Точно так же употребляет эти два слова как синонимы и Папюс, и другие авторы масонства. Масон — это «сознательный работник». Точно такой же

термин, но уже в отношении интеллигентов применяет и народник Ткачев. Причем речь не идет о профессиональных занятиях человека. Он может быть и рабочим, и купцом. Речь идет о человеке, принявшем определенный символ веры, о человеке с выраженной «тенденцией». Какой и куда устремленной?

Этого пункта в либерально-нигилистической идеологии нельзя не коснуться. Вся русская либеральная мысль шлифовалась на отрицании. Выкиньте из Герцена его пафос отрицания, и из многотомника собраний сочинений его трудов едва ли останутся две-три неинтересные страницы. У главы Ордена иллюминатов была такая же точно отработанная система отрицания во всех сферах, куда идеология может въехать незаметно и под приятным соусом. В первую очередь — это искусство и публицистика. Но созидательного в них — кот наплакал. Посмотрим, что же должно было наступить вслед за победой Ордена, или что предлагали просветители взамен «отжившему мещанскому филистерскому обществу».

Радищев был воспитан французом-гувернером, бывшим советником руанского парламента. Он учился сначала в Пажеском корпусе, затем в Лейпциге вместе со своим другом Ушаковым. Он был хорошо знаком с идеями Мабли (1709-1785) и хорошо усвоил их. Идеи Мабли не были оригинальны, как и идеи самого Радищева. Эти идеи имели устойчивую традицию и составляли социальную доктрину тайных академий гуманистов, о которых уже шла речь. Через Радищева можно слушать самого Мабли и всю «просветительскую» Европу со времен Кампанеллы и Томаса Мора.

Чудовищное разнообразие общественных и политических форм жизни, нравов ужасает Мабли. Оно свидетельствует о том, что людьми управляют их капризные желания. Человечество разлагается вследствие неравенства имуществ и состояний. При наличии частной собственности у человека проявляется врожденная жадность, растут «бесполезные потребности», и единственный путь установить подлинное равенство, которое обеспечит счастье всем народам, — это ликвидировать собственность и сделать ее общей. В новом обществе основой равенства должны служить постоянно контролируемые правительством потребности. Они, эти потребности, должны быть снижены до самого необходимого для поддержания жизни. Кроме того, они должны быть у всех одинаковы. Все должны желать одного и того же. Человек рождается чистым листом бумаги, и все люди от рождения лицо в лицо и шаблон в шаблон (см. «О законодательстве или принципе законов» Мабли).

В этих постоянно контролируемых сниженных потребностях — основа равенства. Материальной основой является общественная собственность. Может возникнуть вопрос, отвечает своим оппонентам Мабли, что людям станут безразличны нужды отечества. Это не так. Раз каждый гражданин все необходимое будет получать от правительства, то он будет чувствовать себя обязанным... И вот здесь Мабли, как потом и наши советские идеологи, делает небольшое передергивание, еще не замечая, быть может, логической ошибки. Человек будет чувствовать себя обязанным государству. Но государство — это ничто, оно не кормит. Оно не управляет. Все дает правительство и его чиновники. Они персонифицируют государство, они — подлинные властители народа. Но Мабли, как и большинство «государственников», как и Гуго Гроций, как и Руссо, верят в самостоятельную субстанцию государства, которому служит правительство и его чиновники, и не верят, что им служит народ, как завоевателям. утвердившим свою власть меньшинства с помощью идеологии и репрессивного аппарата.

Идеалом для Мабли стала Спарта и ее законодатель — Ликург, так как он «отнял у своих граждан их право собственности на землю (...) Я не колеблюсь считать эту злосчастную собственность первопричиной неравенства имуществ и состояний, а следовательно, всех наших зол» (Мабли. Ук. соч. в кн.: «Утопический социализм». М., 1982, с. 142). В новом государстве чиновники станут «отцами отечества», у которых не будет иных функций, «кроме поддержания нравственности (в смысле определенного образа жизни, — В.О.) и распределения между семьями необходимых им вещей». При этом Мабли пишет: «Я не страшусь того, что общность имуществ сделает граждан равнодушными к судьбе государства». А кто этого боится? Коммунисты? Нет. Демократы? Тоже нет. Еврейство? Но оно всемирно.

Мабли строг и не знает жалости в вопросах счастья будущих поколений: «Если бы мне дали возможность, я бы вам дал законы, более строгие. чем платоновский». Известно, что «Республика» Платона вдохновляла целые поколения человеколюбцев утопистов-гуманистов на социалистические теории фашистско-военного образца. Известно, что Платон сам вдохновлялся примером Спарты. У него не предусматривалось семьи, дети были общие, и вся жизнь была размечена до миллиметра. Личная жизнь исключалась. Сегодня Спарта разжирела и обрюзгла, но жива в лице Америки.

Государство должно быть бедным, — настаивает Мабли, как, впрочем. и прочие творцы чиновничьего социализма, как Мор, Кампанелла, Морелли, как и московские масоны Розенкрейцеры — Новиков и другие (см.: Вернадский. Ук. соч.). Новиков предлагал, например, заменить одежду всех граждан, в том числе и женщин, на мундиры, ввести полицию из «братьев», которая будет следить за каждым жителем страны, установить склады продовольствия для бедных, контроль за промышленностью и т. д. Страной по замыслам московских масонов будут управлять, как и всем миром, «братья».

«Если мы хотим, чтобы правители были справедливыми, нужно, чтобы у государства было мало потребностей...» (Мабли, с. 147).

Поскольку жадность — врожденная черта характера, то нужен постоянный контроль за каждым гражданином. Чрезмерные потребности могут погубить республику (с. 148).

Если мы перейдем к Бабефу. то увидим точно такие же мечтания и представления. Только малые потребности и одинаковость в одежде, манерах, образе жизни в бригадах и на виду и строгость наказаний за малейшую провинность могут утвердить государство всеобщего равенства, братства и свободы. Государственная собственность и мельчайшая опека каждого со стороны чиновников — вот главный пафос будущего счастья на Земле. В сущности, эта доктрина царствует сегодня и на Западе.

Радищев унаследовал эти идеи, как, впрочем, и многие другие, ставшие «сознательными работниками» интеллигенты. Этот круг идей проповедовался вместе с безбожием-деизмом в журналах Новикова, в лекциях Шварца, в изданиях Типографической Компании.

Чтобы сразу обозначить в главных чертах тот «золотой век», который с младенчества, со студенческих лет грезился либералам, радикальным и малодушным, но все равно грезился, посмотрим еще на одного проектиста и практического бунтаря одновременно. Речь идет уже о 70-х годах XIX в. Новиков и его друзья розенкрейцеры посадили сад, и вот стали созревать плоды. Еврейская печать стала к этому времени «истинной печатью Антихриста» (М. О. Меньшиков). На сцене Ткачев. «Социализм есть социалистическая формула (!) социалистических отношений, формула, выведенная из тщательного научного изучения и критического анализа явлений общественной жизни, и эта формула настолько же всеобща и обязательна. как и любая математическая теория... На берегах Сены, как и на берегах Темзы, на берегах Невы, как и на берегах Куры и Днепра, — социализм повсюду одинаков...» (Ткачев П.Н. Соч. в двух томах. М.. 1975-1976, т. 2, с. 321.)

Итак, над нами висит рок. Хошь не хошь, а ступай, куда судьбой ведено. Собственность — главный грех. Она будет ликвидирована[6]. В условиях обобществления правительство должно «развивать в своих членах только те потребности, которые могут быть удовлетворены данною производительностью труда» (Избр. соч. в 4-х томах. М., 1932-1933, т. 2, с. 205-206). Основой политического строя будет равенство.

[6] Соратник Новикова И.В. Лопухин: «Собственность — гнездо греха... главное его орудие». (Лопухин И.В.. «Некоторые черты о внутренней церкви»). Собственно говоря, всё, что разделяет, отличает, различает и имеет особенность — грех, согласно каббале. «Прогресс» — преодоление единичности, индивидуальности, различий во имя роста Всеединства. Отсюда известный лозунг «Единение и Прогресс».

Делу выполнения этих задач перевоспитания народа способствует то обстоятельство, что периодическая печать России благодаря развитию масонства в правительственных кругах переходит в XIX веке в еврейские руки. Это дало основание Меньшикову писать: «Власть наша предоставила образованное общество и народ обработке еврейской прессе... Мы видим как бы подмену русской души» («Новое время», 1907, № 11137).

Осуществить великую задачу «перековки» по Ткачеву могут только «люди умственно и нравственно развитые, т. с. меньшинство» (цит. по кн.: Федоркин Н.С. Утопический социализм идеологов революционного народничества, М., 1984, с. 127). Очень много времени, сил уйдет на то. чтобы перевоспитать, «пересоздать» природу человека, чтобы добиться абсолютной похожести всех на каждого и каждого на всех. Главная задача — чтобы потребности человека были в гармонии с возможностями. Удовлетворение потребностей будет регулироваться «сознательным меньшинством» сверху, а через привлечение путем пропаганды своих идей народных масс и снизу. Каждый обязан будет доносительством на каждого: государство-то общенародное. Тотальная слежка всех за каждым и друг за другом — кто что сказал, кто во что одет и откуда у него и т. д. Может, по этому поводу воспитанник Московского университета цензор Никитенко писал в 1862 г.: «Мы испытали деспотизм личный, но Боже сохрани нас испытать еще деспотизм полудикой, варварской демократии». И не этот ли деспотизм процветает сегодня в США.

Ткачев верит или делает вид, что верит, что придет время, все станут одинаковыми, поймут, что они одинаковы и тогда наступит вечное счастье «сознательного человечества». Никто не будет хотеть выделиться, одеть что-нибудь яркое, выдумать что-то свое и воплотить выдуманное как свое. Любимая материалистами теория, по которой весь мир состоит из серых точек-атомов, нашла в этой социологии воплощение.

Ткачев был убежден в том, что в обществе, в котором существует «разнообразие индивидуальностей... присутствует и борьба...», а это несовместимо с эрой «вечного прогресса», в обществе будущего все будет единогласно, там не будет никакой борьбы, иначе счастье не будет прочным.

В обществе будущего земля и орудия должны быть общими. Религия должна быть уничтожена. Преобразования должны затронуть и семью: цель — «в постепенном уничтожении существующей семьи...» (Ткачев П.Н. «Набат» в кн.: «Штурманы будущей революции». М., 1987, с. 78).

Так же, как и Мабли, и Радищев, и все народовольцы, и марксисты, и бундовцы, Ткачев категорически отвергал возможность мирного развития общества. Только вооруженный переворот и физическое уничтожение старых эксплуататорских классов, разрушение всего прежнего общества до основания. Ткачев знал труды Маркса, но считал, что могильщиком капитализма будет

сознательная часть интеллигенции. Только ей доступно прозрение будущего и стремление к нему. Но нужно торопиться. Жизнь в деревне все лучше и лучше. Она вступила на путь капитализма, становится все богаче село, и через несколько лет никакими силами не поднимешь крестьян на дальний путь в социалистический рай. Нужен государственный- переворот.

В отличие от Бакунина Ткачев не относил русский народ к революционерам по природе. Только пока народ беден, его можно поднять на грабеж и насилие. Он все разрушит, поубивает господ, растащит по своим гнездышкам господское добро и... захочет жить по-старому, общинному, единолично. Снова свое поле, свадьбы, крестины, песни за околицей и наживание добра. Идеалом грядущей революции народ, особенно крестьянство, быть не может. Осуществление крестьянских идеалов «к жизни мало подвинет нас к конечной цели социальной революции — к торжеству коммунизма». Никакого социалистического идеала, считал Ткачев, народ не построит. Роль строителя должна принадлежать «исключительно революционному меньшинству». Следовало сплотить эту революционную интеллигенцию в дисциплинированную, направляемую из одного центра партию.

Это «сознательное меньшинство» должно дестабилизировать обстановку в стране, создать революционную ситуацию, вселить растерянность в правящие верхи, создать хаос. Достоевский знал, что писал, когда в «Бесах» социалисты устраивают поджоги, распространяют слухи и идут на убийство. Основная тяжесть революции ляжет на плечи «цивилизованного русского меньшинства». Другой народник, Лавров, подчеркивал, что интеллигент — это тот, кто осознал необходимость сокрушить весь быт и строй русской государственной и религиозной и бытовой жизни.

Для «рабочих» использовался термин: «интеллигентные работники физического труда». Важнейшая задача — пропаганда идей. Те из рабочих, кто их усвоил, и становились «сознательными».

Захвату власти должно предшествовать возбуждение страстей. Необходимо довести до сознания всего народа, что «вообще ни одна радикальная общественная реформа не обходилась до сих пор без насилия и кровавых междуусобиц» (Ткачев. Соч. в 2-х томах. 1975-1976). Никаким реформам правительства — не верить. Улучшение жизни народных масс только затруднит прогресс общества. Необходимо работать на развал страны, вызывать хаос, сеять слухи, убивать царевых слуг, чтобы наступила паника.

Как мы знаем, Россия быстро развивала экономику во второй половине XIX в. и до 1917 г., по всем показателям опережая другие страны Европы и Америки. И социалистов, взявших старт от «Дружеского общества» московских Розенкрейцеров, лихорадило. Им помогал реформаторский зуд верхов.

Сверху — переворот, захват власти, снизу — подготовленный бунт. Но народ, считал Ткачев, только тогда поднимется против власти, когда «его страсти будут возбуждены до предела» и чтобы он был «уверен в успехе или безнаказанности своего протеста». Страсти и чувства безнаказанности поведут грабить господ, убивать и жечь. Эту часть революции он назвал революционно-разрушительной. «Сознательное меньшинство», сплоченное в дисциплинированную партию, на первом этапе возбудит народ, вызовет в нем чувство безнаказанности. Оно, это меньшинство, захватит власть и обратится с призывом к народу покончить с проклятым прошлым, и народ «одним могучим порывом уничтожит теперешних защитников и охранителей» государства Российского.

По мысли Ткачева, правительственная власть в России не защищена массами людей и висит как бы в воздухе. Нужно арестовать правительство и сесть на его место. С этого момента и начнется революция. Захватив власть, «интеллигентное меньшинство» соберет органы народной власти. Народную Думу, чтобы все его действия были санкционированы как бы самим народом. С этого времени революционное меньшинство выступает от имени революционного государства.

После того как бунтующая народная масса «уничтожает консервативные и реакционные элементы общества», наступает второй этап революции. На фоне широкой пропаганды новых форм жизни, дискредитации прежних — семьи, церкви, чувства Родины, чувства национального, чувства собственника своей земли, как только народ «одним могучим порывом уничтожит теперешних защитников и охранителей» данного режима и «возвратит себе отнятую у него землю», приходит очередь и его самого. Ведь дальше разрушения и, как уже было сказано, грабежа народ не пойдет в силу своей консервативности. Его, считал Ткачев, инстинкт бунтаря — это инстинкт грабить и крушить то, что «не мое». Этот инстинкт надо разбудить в нем для разрушительной работы. Но потом он снова захочет жить на своей земле по-старинному. Вот тут-то и наступит второй, главный, этап революции.

«Революционное меньшинство должно реализовать свой революционный идеал идеального общественного устройства», оно должно внести свою разрушительно-революционную деятельность в недра крестьянской жизни», устранить из нее «враждебные коммунистическому прогрессу формы, заменяя их формами, наиболее приспособленными к потребностям этого прогресса».

Ткачев был большой реалист и понимал, что «революционное меньшинство не должно рассчитывать на активную поддержку народа». Возможно, что придется применить силу и именно для этого-то «сознательное меньшинство» и должно иметь в своих руках революционное государство. Это меньшинство, озаренное знанием конечных целей мирового прогресса, и «вносит новые

прогрессивно-коммунистические элементы в условия народной жизни; сдвигает эту жизнь с вековых устоев...». Революционность народа по мере углубления революции будет угасать, а революционный напор «интеллигентного меньшинства» будет нарастать. Наличие Народной Думы не может сковать инициативу правительства. Вся полнота власти будет находиться в руках революционной интеллигенции.

В отдаленном будущем Ткачев, так же как и Маркс, и Ленин, и Бакунин, видел отмирание государства, но в очень отдаленном и эфемерном. Ведь сначала нужно сделать всех безликими, с малым уровнем запросов — «самых естественных», никогда не превышая оных и только тогда-а-а... А пока, утверждал в пику Бакунину Ткачев, власть самая суровая и беспощадная, опека над каждым членом общества и всеобщее шпионство друг за другом. Достоевский ничего не выдумал в своих «Бесах». Материал-то он черпал из судебных процессов и собственного опыта.

Думая о роли пролетариата, какую ему придавали Маркс и Ленин в своих официальных теориях, вспоминаешь, что и Ленину приходилось объяснять, почему среди руководства партии пока нет рабочих. Оказывается, интеллигенция, сознательная, конечно, лучше знает потребности рабочих и поэтому может говорить от ее лица. Нравится это рабочим или нет? Нравится им, что именно говорят за них, или нет — это нс имеет никакого значения в догматике революционного нигилизма, то есть того течения в общественной мысли, которое построено на отрицании «до основания» всей русской жизни, до самой мельчайшей молекулы. Да, по правде сказать, в этой жизни все так взаимосвязано...

Вынь душу — загаси лампаду пред Ликом Спаса, и вот ты уже ничто — комок белка, серая точка — атом среди других атомов, направляемых к деятельности волей «избранного меньшинства»: неких цадиков хасидизма, иудейской секты. Весь строй мыслей Ткачёва заимствован из масонских лож.

По времени, между Радищевым и Ткачевым немногим более полстолетия. А, между тем, мысли, развиваемые Ткачевым, это есть просто практический вывод из идей, высказанных в свое время Радищевым в его «Путешествии». Вместе с тем, нетрудно увидеть, что революционные события в России, разыгрываемые еврейскими революционными организациями, от Бунда и социал-демократов до кадет, проходили как раз по сценарию, описанному именно Ткачевым.

Теперь не мешает вспомнить, что проницательная императрица Екатерина II сказала по прочтении книги Радищева: «автор едва ли не мартинист» и — «касательно же метафизики мартинист». Действительно, Радищев высказал в своей книге идеи, характерные для последователя французского каббалиста XVШ века Сен-Мартена, приверженца «естественной религии» и «естественного права», в годы французской революции присоединившегося к революционерам и приветствовавшего казнь короля.

Таким образом, сама логика заставляет нас сказать, что и Ткачев и все революционное движение в России было проявлением мартинизма, попросту, масонства, осуществлением доктрины иудаизма.

Вернемся, однако, назад. Радищев не был какой-то белой вороной на общем небосклоне просветительско-масонской мысли. Его книга не воспринималась в обществе как какое-то невиданное слово в области отрицательной мысли. По переписке московских масонов с А.М. Кутузовым. жившим по их заданию в Берлине с конца 80-х гг. XVIII в.. переписке. которая перлюстрировалась и о чем знали и сами участники переписки. они лишь «упрекали» Радищева в несвоевременности книги. Впрочем, Павел I вполне простил вольнолюбца, а Александр I поручил ему даже участвовать в составлении законов. Режим в стране не изменился, изменилось лишь отношение к критике. Да и какое искреннее возмущение могло быть по поводу книги Радищева, если в 1789-м в Петербурге знатные особы иллюминировали свои дома по поводу взятия Бастилии? Посол Франции Сегюр свидетельствовал о большом энтузиазме в Петербурге по поводу взятия Бастилии, особенно среди молодых лиц высокого общественного положения. Люди обнимались на улице и поздравляли друг друга. Настроение было приподнятым. Получив известие, что король Людовик XVI принял конституцию, многие петербуржцы плакали от радости. Москвичи не отставали. Газеты и журналы из Франции свободно лежали на столе в Кадетском корпусе в Петербурге и в Московском университете, и «Марсельезу» насвистывали молодые люди и немолодые. Болотов в глуши деревенской переводил своим соседям из газет статьи о революции и казни короля. Ткачева и большевиков начали готовить в те годы. Крупнейшие деятели — масоны из окружения Екатерины II, как Н.И. Панин, А.Р. Воронцов и другие, — были конституционалистами; масоны же принимали самое деятельное участие в работе Комиссии уложения о новых законах. В этой Комиссии были все сословия представлены, кроме... духовенства, которого Екатерина II не любила.

Организованного центра просветительства не могло не быть, и все историки прошлого — Вернадский, Пыпин, Пиксанов, Соколовская и др. — единодушно называют его. Это масонские ложи с их строгой дисциплиной и сплоченностью. Гностико-каббалистические идеи направляли общее русло просветительской мысли и деятельности. Орден же Розенкрейцеров был ядром руководства в самом масонстве. Его задача. так же как и других, сходных с ним по рангу ритуалов, состояла в первую очередь в создании благоприятной среды для деятельности «братьев», то есть в создании общественного мнения и определенной, то есть, безусловно, враждебной христианской церкви и

Спасителю, культурной среды. Земные награды и земной удел человека вместо горних высот, тесного пути в Царство небесное. Утонченная чувственность, духовная прелесть, самообольщение вместе с символическим типом мышления, гедонизм, самолюбование своими пороками, ритуалы ли смерти, которые так любили масоны, или покаяния пред «братьями», когда уничижение есть паче гордости — везде мы видим один и тот же подход — чувственный и земной. Недаром вся система масонской идеологии была соткана из Талмуда и каббалы. С первого шага адепт попадал в атмосферу иудейских символов, имен и названий.

Точно так же. как и в экзотерической философии, рассчитанной на всех, братьям объяснялось, что христианство евангельское надо понимать символически и ключ к пониманию даст каббала. «Знание каббалы, — пишет Папюс (Папюс. Каббала. СПб. 1910), — делает невозможным сомнение в религии, потому что она единственная, мирящая разум с верой», показывая, что всемирные догматы различно сформулированы, но, в сущности, всегда и везде одинаковы: поэтому, продолжает д-р Папюс, как все обряды представляют в разных видах одно и то же учение, «то интеллигентный человек, масон, может придерживаться любой религии». Основа экуменизма заложена в этих комментариях каббалы, принятой масонством в качестве главного источника мудрости. Но руководитель Ордена мартинистов начала нашего века делает оговорку: «Хотя посвященный может придерживаться со спокойной совестью той религии, в которой воспитан, потому что все обряды представляют в разных видах одно и то же учение», нельзя лишь «исповедоваться священнику». Но без исповеди священнику нет покаяния и не может быть Причастия Святых Тайн. Без этого же человек не может принимать участия в церковной жизни и сам себя отлучает от Церкви.

Нападки на священников занимали видное место в пропаганде просветителей. Не чужд этому делу был и Новиков с первого своего журнала. А ведь то большой грех - критиковать священнослужителей. Веротерпимость, о которой, не уставая, говорили масоны, ими не распространялась на русскую православную Церковь. Личные качества священнослужителей бесконечно расписывались ими в самых черных красках.

Церковь русская называлась ими «наружной» и формальной, она, по учению «братьев Иеговы», строителей храма Соломона, присвоила себе не принадлежащие ей прерогативы власти над душами людей, и она должна быть разрушена. «Вы подлинное священство, — обращался к братьям Розенкрейцерам З.Я. Карнеев в Орловской ложе «Орфе», — вам принадлежит весь мир» (см. это место у Вернадского с. 179). Точно так же трактовался вопрос о Церкви во всей мистико-каббалистической литературе на протяжении двух столетий. Ненависть вынашивалась долго, пока не прорвалась в 1917 г. и не вошла в плоть и кровь носителей антихристова начала интеллигентов прошлого и настоящего. Не зря трудился кружок каббалистов — розенкрейцеров.

Это розенкрейцерство, о чем выше упоминалось, привело к пленению русского народного ума, общественного сознания еврейской печатью уже к середине XIX в. и открыло самый широкий доступ евреям в правительственные крути. Граф Н. П. Игнатьев в 1881 г. имел все основания писать: «В Петербурге давно уже существует еврейско-инородческая группа весьма сильная, она держит в руках адвокатуру, биржу... и большую половину печати... группа эта имеет громадное влияние на служебный мир». («Источник» 1995, № 2). В этом мире и расцвело масонство.

И если на нижних ступенях только теоретически познавали прелести Талмуда, его концепцию переселения душ, их пленения телом, которое в ложах символизировалось в виде цепей, которые надлежит разорвать, чтобы освободить романтический дух, то...: «...с 1782 г.. таким образом, приняли небывалые размеры в Москве работы масонские и начались даже занятия розенкрейцерские, основанные на них, но ведущие гораздо далее к этой области теософии, где уже практически не только признаются, но изучаются в высших степенях каббала, магия и алхимия». (Лонгинов).

Заметим кстати, что магия есть составная часть каббалы. Последняя же имеет много ответвлений, в том числе и весьма мрачное — с черной магией, так называемой Лурианской. а также франкизм с эротической распущенностью и «уловлением» «святого Духа» по типу наших хлыстов.

Каббала, будучи сотканной из символов и иероглифов и будучи чувственной, со своими триадами мужских и женских сефирот и их примиряющей сефироты, создавшими весь видимый мир (тезы, антитезы и синтезы — легко переводится, как видим, на язык умозрения эта символика), и стала источником вдохновения для множества философских учений.

С таким идейным содержанием, отрицая первородный грех и свободу воли, личного Трехипостасного Бога и Спасительную жертву Иисуса Христа и соответственно личную ответственность человека за свои поступки перед Богом, просветительская когорта московских Розенкрейцеров выступила в поход против святынь русского народа, вооружённая литературой, печатным станком, дисциплиной.

Нелишне будет заметить, что московские «братья» не только получили право на жизнь в Берлине, но оттуда же они получали и инструкции, весьма мелочные, регламентирующие каждый шаг подопечных немецких «братьев» московских розенкрейцеров. Именно только по разрешению из Берлина могли в Москве принять в Орден того или иного «брата». Каждый «брат» предварительно «утверждался» в Берлине. Новиков был хорошо известен там, и он был назначен вторым лицом в руководстве Ордена Розенкрейцеров,

который сам, заметим, был скрыт от младших «братьев» и представлял Орден в Ордене. Относительно другого «брата» историк пишет: «Он (Лопухин И. В.) вступил в Орден именно в 1782 г. и быстро выдвинулся среди товарищей, был мастером стула ложи «Латона», с 1784 г. стал управлять ложей «Блистающая Звезда», в том же году по предписанию Берлинских начальников был назначен надзирателем для русских братьев» (Масонство в его прошлом и настоящем, т. II. с. 230). Речь идет об известном И.В.Лопухине.

Не надо вообще забывать, что опека наставника над своим подопечным охватывала поголовно всех «братьев» и была тем плотнее, чем выше был градус «брата». Сохранились письма Новикова своему начальнику барону Шредеру. В них Новиков сообщает о всех «трепетаниях» своей души, спрашивает разрешения на перемещения своего работника в типографии. просит разрешить самим на месте назначать цену книгам, не спрашивая Берлинских начальников, так как спрос меняется быстро и неудобно ждать долгого разрешения из Германии. Из Берлина регулярно приходят вопросы, на которые Новиков должен был подробно отвечать. Список выпускаемых книг также согласовывался с мнением берлинского начальства или планировался им непосредственно. В Берлин шли подробные отчеты о состоянии дел в России, подробно изъяснялись. в частности, относительно наследника престола Павла Петровича — его воззрения, настроения, мысли, и даже частное письмо вел. князя Новикову ушло в Берлин. Заодно туда же шли и членские взносы московских «братьев». В определенный момент оттуда же пришла команда на «силанум», то есть временное приостановление масонских работ, вызванная опасностью обнаружения связи с Берлином в момент охлаждения отношений русского и прусского дворов в конце 80-х годов XVIII столетия. В Ордене были следующие правила, типичные для всего масонства, а не только для баварских иллюминаторов: «

1. Иллюминат... должен быть совершенно свободен от всякой религии.
2. Цель оправдывает средства... все то, что предрассудки именовали преступлением.
3. ...Правители земные суть похитители власти.
4. Иллюминаты должны стараться завладеть всеми правительственными местами, помещая своих адептов.
5. Цель Ордена есть освобождение народов от государей, дворянства и духовенства.
6. Любовь к отечеству несовместима с предметами необъятной обширности, составляющими цель Ордена: должно пылать усердием к сей цели» (см.: «Записка Магницкого» в ст. «Два доноса». — «Русская старина», 1899. т. 7. с. 69-70).

Орден был слишком обширен, чтобы замыкаться на одной стране. Он и был создан как всемирный. Новиков с «братьями» призывали в «Воззвании к владыкам» к установлению всемирной федерации с учреждением в «своем любезном отечестве малом» «Патриотического Общества», которое установит единый для всех стран мира порядок с владычеством «святых чиновников» Ордена вольных каменщиков, строителей храма Соломона (Вернадский. Ук. соч.. с. 182-187).

Приведу выдержки из писем известного масона О.А. Поздеева. ставшего в начале XIX века во главе Ордена Розенкрейцеров и. видимо, не начальных степеней. Письма лишь частично были опубликованы в 1871 г. И вообще история масонского Ордена в этом плане крайне скудна на документы, а в советское время они и вовсе не публиковались, но зато обильна на желания доказывать то, что хочется доказать. Документы помогли бы поставить многих любителей всевозможных эссе на твердую почву фактов.

Письмо от 1784 г. Москва (ОР ГБЛ, ф. 14, № 320):

«Но что надлежит до вас, то помните, что вы принадлежите к ордену (в тексте круг с точкой), хотя вы, и никто из вас его не знает, следовательно, не спросясь с членами его, открытыми вам по благости Господней, не должны сделать ни шагу, ибо в ордене есть изложения, числом, мерою и весом расположенная работа, к достижению во храме, где человек сокрытая зрит не только ко взору, но и от ума обыкновенных человеке». Благодарите Всемогущего, что Он из стольких тысяч избрал вас немногих и строит к цели. еще вам самим неизвестной. Помните, что работа ваша есть повиноваться и молчать и мир сей весь считать за единое ваше проходное училище, не привязываясь ни к какому его углу, и не делать из того себе собственность и приводите себя будучи в мире, в такое равнодушное положение, чтобы вам до миру, что в нем ни производится, не было нужды...»

1784, Москва.

«Но на вас я с помощью Спасителя возлагаю особенную должность: именно вас самих, которого вышние братья расположены готовить в орден внутренний. О всем, что у вас в вашей ложе (в рукописи квадрат — знак ложи) происходить будет, меня уведомляйте. Расположенных и желающих братьев тихонько и скромно наставляйте в наших практических работах, и если кто зачал корпорально или морально очищать, меня, — не объявляя никому, уведомляйте и описывайте прямо кто и како зачал еще себя обрабатывать, а кто не зачал еще себя обрабатывать, о тех не пишите. Сей вашей со мной переписки никто знать не должен... сохраняйте все вверенное вам и берегите себя от всего, что может затворять льющиеся ток из глаз ваших».

Внутренний орден — Орден московских Розенкрейцеров, члены которого были неизвестны в таком качестве своим подчиненным. Подчиненный мог,

скажем, жаловаться «брату», полагая, что они одних степеней, на начальство, и не догадываться, что жалуется как раз самому начальнику на него же. За каждым «братом» наблюдали тщательно, равно и за знакомыми, и никто никогда сам, только по своей инициативе не становился масоном, но длительно изучали его мировоззрение, взгляды, характер и самого приглашали в Орден. Так что сказки о Новикове, которого прямо-таки затаскивали в ложу, а он не хотел, следует поставить на один уровень с аистом, который приносит детей. Эту сказку историки рассказывают со слов самого Новикова на его допросе. Удивительная доверчивость!

«Брат» следит за другим и обязан доносительством. Любой, хоть и самый великий писатель, художник, патриот, философ, который так нами уважаем, что мы, боясь посмотреть в глаза правде исторической, говорим: «Масон? Ерунда, тогда все там были». Может, и были. Но распорядок жизни был именно таков. Молчание о делах Ордена, дисциплина, занятия на лекциях, выучивание их, ответы наставнику. Приготовление самому по заданной теме к лекции для «братьев»: исполнение языческих чувственных обрядов с костями, черепами и тех страшных ритуалов магии, которые «братья» никогда не сообщали никому, даже те, кто «оставил молоток», то есть прекратил масонские работы, как бы вышел из Ордена. — все это было буднями, рутиной жизни любого масона. Пестеля ли, Новикова ли. Греча или Грибоедова, Бенкендорфа или Кюхельбекера, Гоголя или Тургенева. Пушкина или Жуковского...

Работы, о которых пишет Поздеев, как видно, серьезно изменяли личность и требовали усердия, времени и определенных способностей интеллекта. Не каждый достигал высоких степеней «философии». Большинство историков считает, что масонство стало первой школой и светской философии (см.: Тукалевский В.Н. «Новиков и Шварц». Масонство в его прошлом и настоящем, т. 1. с. 193: «...масонские искания — это те зачатки светской философии, это те поиски философского миросозерцания. которые появились среди интеллигентов XVIII века»).

Москва, 1785г.

«Слышу я, что вы собираетесь идти в отставку, а ложу на кого вы покинете? Я советую стараться наперед на свое место заготовить человек двух. Сверх того, советую вам справиться с вашею совестию, не выболтали ли вы чего из вашей Т. С. и, вспомня это, вообразя живо ваше преступление, просить Бога о прощении.

Я считаю, что когда вы, разговаривая с братьями, вошли в огонь, то в то время и не помнили, что вы тайны предаете: любезный брат, не затворяйте в Орден дверей себе и другим, и помните, что холоднокровие есть истинное положение каменщика, где рассудок его здравый присудствен...»

Т. С. — это «Теоретический Градус», программный документ для степени такого же названия в Ордене Розенкрейцеров, к которому принадлежало все руководство делом просветительства в Москве. Им же принадлежали Типографическая Компания, Дружеское общество, книжные склады, аптека. Целый сонм служащих по распространению книг просветительского толка, маго-каббалистического, учебники и пр. У организации были свои представители даже в землях Донского Войска.

Ситуация, затрагиваемая в письме такова: «брат» проговорился в беседе с младшими, и кто-то уже донес из бывших там его «братьев», и вот Поздеев недвусмысленно угрожает. Опека, как видим, плотная.

«Братья» должны отчитываться письменно о всех не только делах, но и настроении своем и о своих личных качествах, которые он должен изменить ради интересов Ордена. Первая добродетель масонская есть согласно их обрядникам и катехизисам — молчание. Следующее письмо касается этого вопроса.

Москва, 1785г.

«Вы ко мне не пишите, зачали ли вы делаться хладнокровнее, умереннее в ваших издержках, молчаливее, пишите о сем спросясь с вашей совестью.

Скажите брату Н., что ежели чувствует он, что зачал быть лучше и отстал от тех пороков, кои мешали ему работать, то чтобы принес вам на письме искреннее раскаяние о в с е х (разрядка моя. — В.О.) в жизни его соделанных пороках и если он еще в мастера не введен, то нынешней зимой можете приехать с ним, дабы его здесь ввести.

А если в мастера уже введен, то возьмите письменно его признание с собою мне показать, дабы я видел, искренно ли оно, и како его, если Бог велит, вести дальше».

Наставник всегда должен был быть намного выше в интеллектуальном плане и в смысле специальной подготовки психологической, и волевой, лучше знать специальную герметическую литературу, общефилософскую, чем его подопечные, которых он «водил». На этом был основан его авторитет. В Ордене же проповедовался культ Разума, как и во всем «просвещении». В качестве примера: в 1777 г. И.П. Елагин, меценат, собравший около себя талантливую литературную молодежь, оказывающий ей поддержку по службе и материальную помощь, был уж одним из главных руководителей русского масонства. Но и он имел наставника. В том году им был Рейхель, который следил за его культурным, интеллектуальным ростом, «корпоральным и моральным очищением».

Под его руководством Елагин изучает античную философию: Платона,

Анаксагора, Плутарха, Цицерона; знакомится с учением Пифагора, Зороастра, Гермеса Трисмегиста, Орфея и др. и «многих сим подобных влияли в душу мою новые и спасительные размышления» («Русский Архив», 1864. т. 1., с. 107). С помощью Рейхеля он ищет мистическое ядро и в творениях Отцов Церкви. Пять лет ушло у Елагина на изучение назначенных ему книг. Но это была только половина пути сенатора, директора Императорских театров и, можно сказать, основателя Русского театра, лучшего переводчика на русский язык французских романов, тайного советника Елагина Ивана Перфильевича, кому страна во многом обязана появлением на свет сочинений Фонвизина, Лукина и др. деятелей российской словесности.

Через пять лет наставником его становится доктор Эли, «в знании языка еврейского и каббалы превосходный». Совместив греческую философию с каббалой и с комментаторами каббалы из крута герметиков, впитав в себя всю эту антихристианскую премудрость, он сводит полученные знания в громадный труд: «Учение древнего любомудрия, или наука свободных каменщиков... предложенная И.Е(лагиным), великим Российская Провинциальная Ложи мастером» (Вернадский, с. 136).

Иван Перфильевич Елагин — в русской истории и особенно в истории русской культуры XVIII века — фигура знакомая. С одной стороны он многие годы был близок к Екатерине II и выполнял ее многочисленные личные поручения, с другой — покровитель театров и молодых литературных дарований. О себе же он пишет: «Я с самых юных лет моих вступил в так называемое масонское или свободных каменщиков общество — любопытство и тщеславие, да узнаю таинство, находящееся, как сказывали, между ими, тщеславие, да буду хотя на минуту в равенстве с такими людьми, кои в общежитии знамениты, и чинами и достоинствами и знаками от меня удалены суть, ибо нескромность братьев все сие мне благовестила. Вошед таким образом в братство, посещал я с удовольствием ложи, пониже работы в них почитал совершенною игрушкою, для препровождения праздного времени вымышленного.» («Русский Архив» 1864, т. 1., с. 95.)

Эта игрушка оказалась, однако, настолько увлекательною, что увлекла Елагина на всю жизнь, совершенно переменила его судьбу и его мировоззрение, дав ему возможность достигнуть высших чинов Империи. «Лестная надежда, не могу ли чрез братство достать вельможных покровителей и друзей, могущих споспешествовать счастию моему» вполне оправдалась — в 42 года он стал тайным советником, а позже обер-гофмейстером Двора. Масонская наука давалась ему с трудом, одно время он даже не хотел ходить в ложу. К этому же времени относится и его увлечение сочинениями французских деистов и атеистов, которых он и перечисляет: Буланже, Даржанс, Вольтер, Руссо, Гельвеций. Все они своими сочинениями пленили сердце Елагина. Это чтение «душу. мою развратило», горестно замечает Елагин, вспоминая о том времени. Апокалипсис, откровение Иоанна Богослова стало казаться Елагину сочинением нелепым и сумасшедшим. «Дерзнул я забыть и веру, в которой родился, и страх Божий, и учение, которое мне при воспитании в училищах преподаваемо было.» (с.595).

Елагин стал обращаться за разъяснениями к людям ученым, кто критиковал Вольтера. Удивило больше всего Елагина то, что все они — и вольтерьянцы и их критики «находились в обществе свободных каменщиков, то и учинилось мне прекословие сие неудобьразрешимою загадкою». Действительно, тут есть над чем задуматься. И. по крайней мере, историки масонства не всегда могут ее разрешить и от того в умах читателя масонство превращается в какую-то пеструю в идейном и политическом отношении аморфную смесь. Неясно, что объединяет людей совершенно различных политических и умозрительных направлении, и почему представители этих направлений сходятся все в одной точке — в масонской ложе. Елагин точно также задумывался над этим вопросом:

«Для чего, рассуждал я, толь великого разномыслия и великого однако учения люди вступили и пребывают в таком ордене, которого упражнения с ученостью их весьма несходны? И отчего сие происходит, если он посещают собрания?»

Этот вопрос столь заинтересовал Елагина, что он стал приставать с ним к каждому ученому чужестранцу, посещавшему ложу. Стал он интересоваться, почему масонским таинством занимаются и простолюдины и знатные, и ученые и невежды, и верующие и атеисты, кроткие и сварливые, добродетельные и порочные. В конце-концов, Елагин приходит в умиление: «Какое чудное смешение, но в собраниях масонских почти неприметное и общественно единому молотку покорное!» (с. 96). Именно с этих вопросов и с этого умиления и началась для Елагина серьезная работа по масонству. Началось изучение философии, теософии. оккультизма, обрядов и прочее, о чем сказано выше.

По существу, Елагин прошел тот же путь в познании и сотворении своего труда, что и иудейские мыслители Александрийской школы I-II века от Р.Х., когда приступили к сплавлению греческой философии с формирующимся в эллинистическом мире иудаизмом.

Авторитет начальника всячески поддерживался в ложах, составлявших предмет забот для наставников-мастеров. Сам Великий Строитель, Великий Демиург, правитель видимого мира именуется Мастером. Мастер все видит и все знает. Как уже было сказано, авторитет мастера подкреплялся его более высоким умственным развитием, образованием. знаниями и, нередко, общественным положением. Поздеев умер 24 апреля г., а его поучения переписывались его почитателями ещё полвека. В качестве примера — еще

одно его письмо.

Москва, 1783 г.

«Желаю сердечно успевать вам в работах в вашей собственной ложе. (...) Подкрепляйте обще с л(юбезным) б(ратом{ Егор. Егор. других братьев, поощряйте их каждого не едине не ослабевать и старайтесь давать чувствовать, что В(еликш) М(астер) Ордена с вами и что Он все ваши тайнейшие помышления видит, и, любя вас, хранит от врагов, кидающихся на нас...»

В учении Ордена важное место занимало представление о всемудрых, все знающих начальниках Ордена, живущих где-то на Востоке, обладающих нечеловеческой силой и воздействующих на ход истории в благоприятном направлении от разделенного на индивиды, страны, нации человеческого общества, имеющего еще и сословия, и традиции, и родовые представления, и свои религии, к единому сообществу с одним лицом, с одним правительством и без всякой религии, кроме «естественной», конечно.

Одно стадо и един пастух. Чиновники, просвещенные этим сообществом избранных к руководству народами, будут пасти это стадо на пажитях всемирной цивилизации.

Проф. Московского университета Шварц, начальник по Ордену Новикова, о котором уже шла речь, объяснял на лекциях студентам Московского университета, что начальники Розенкрейцеров, этой мировой организации, объемлющей весь мир, являются обладателями божественной премудрости, утерянной Адамом в результате грехопадения. Адам сохранил божественные знания, дающие власть над природой, в своей памяти и передал их своим потомкам, и они дошли через избранных до Моисея. Он получил эти сокровенные знания или через избранных, или непосредственно от самого Иеговы, сообщил полученную мудрость «семидесяти мудрецам».

Книгу Бытия поэтому надо понимать «каббалистическим» образом, путем мистических толкований. Тайна мудрости божественной перешла последовательно от «семидесяти избранных» к «философам в Иудее», которые соединились и «представили философическое дело под видом сооружения храма Соломона: сия связь дошла до нас под именем Свободного каменщичества, и они по справедливости хвалятся, что взяли свое начало от сооружения храма». От этой секты «философов в Иудее» и пошла история Ордена. Эта мудрость нашла свое выражение, объяснял Шварц, в мистериях древности, учрежденных избранными, также наследниками той же секты «философов иудейских». Начальники ордена каменщиков-розенкрейцеров являются обладателями всей полноты истинной премудрости, они держат себя в сокровенности, «в некоторой части сего видимого света, яко в наружном раю, где они творят и исполняют великие и удивительные чудеса... сип чудеса сохраняются для великого дела, которое откроется в свое время и час, что случится тогда, когда воздвигнется род, рожденный для части более очищенной или более возвышенной Божественного любомудрия» (Семека А.В. Русское масонство XVIII века. — В кн.: «Масонство в его прошлом и настоящем», 1914, т. I, с. 164).

Представление о некой группе избранных, хранящих в тайне чистоту истины и призванных, когда поле человеческой цивилизации будет вспахано и подготовлено для новых посевов, прийти к власти над миром, восходит к Талмуду: «С талмудических времен циркулируют слухи о локализуемой то там, то здесь праведной стране, в которой на берегах реки Самбатион в независимости и древней чистоте веры и обычая живут потомки «колен Израилевых» (Мифы народов мира. т.1,1980, с. 590). Отсюда эти легенды о Шамбале, стране «очищенных» мудрецов. светлых как солнце, которым открыта книга «Судеб». Вся эта пошлая оккультная экзотика идет из каббалы с ее плоской змеиной мудростью.

Для нас, живущих во времени исполнения мечтаний и проектов Мора и Морелли, Бабефа и минских основателей РСДРП, для нас. у кого ближние: братья и сестры, матери и отцы — погибли в концлагерях. замучены в застенках убойных дел мастеров, для нас, видящих бесконечное презрение еврейских и масонских правителей к русскому народу, — все эти слова об «избранных» не могут не быть исполнены глубоко-зловещим смыслом. От них веет приторным сладковатым запахом трупного разложения.

...Ткачев мог и не знать каббалы, и не проходить занятий в Теоретическом Градусе Соломоновых наук. Он мог пользоваться идеями, которые стали устойчивой политической и «культурной» традицией необходимости установить режим господства над народом «сознательного меньшинства» с превращением людей в безликое стадо рабов. В этой традиции утверждалась необходимость захвата власти во что бы то ни стало — через убийства, массовый террор, грабежи и разрушение всей культуры, созданной народом, в том числе и материальной: дворцов, храмов. монастырей, старых городов с их домами и улицами, с уничтожением и самих артельных умельцев, песенников, вышивальщиц, иконописцев, мастеровых.

Именно над созданием «культурной» традиции отрешения от всего традиционно народного и самобытно русского, и трудились братья-розенкрейцеры Теоретического Градуса Соломоновых наук, создав просветительский центр в Москве и положив начало той шоссейной дороги. которая привела страну в сегодняшний день — царство корысти и эгоизма. Законный плод незаконной жизни верхов общества.

Вспомним, что уже «повышение в звании шотландского мастера

связывалось с посвящением на борьбу и страдания во имя восстановления разрушенного храма» Соломона. Эта идеология включала в себя «постулат беспрекословного подчинения орденской власти и завет непреклонной борьбы... с врагами Ордена...». Эта традиция беспощадности к врагам вошла в плоть и кровь тех, кто стал на путь борьбы с Русской державой. По мере того. как идеи Ордена все более проникали в сознание людей и становились привычными, ритуалы лож упрощались и в конце концов оставались лишь для очень узкого круга лиц. Мотивы разрушения церквей, разрушения брака, всех заветов народных, уничтожения самодержавия, выливались на страницы журналов и газет. Одни либералы были за постепенный ход к тому, что другие готовили на завтрашний день. но все они ждали конца традиционной и самобытной Руси. устроившейся у себя дома и по-своему, по своим меркам и по своей совести, с Христом в душе и царем в голове. Этого русскому народу и не могли простить либералы-космополиты из «братства» «Розового Креста». и нигилисты «Народной воли», и анархисты РСДРП и Бунда. Исследователи пишут: «Масонство... пролагало путь доктрине либерального индивидуализма», «Масонство... подготовило почву для развития... республиканских идей». (Дружинин) И для погрома то же...

В самый разгар смуты, охватившей русское общество в 60-е годы XIX в., высокопреосвященный Филарет, архиепископ черниговский, сказал: «Грозны видимые беды. Но нет ли и более грозных? Не ново для России терпеть беды от врагов. Среди бед росла и крепла она, но от бед не слабела, а крепла. Почему? Потому что в основе ея общественной жизни было сильное начало — любовь к св. Вере.

С этим живительным и могучим началом она счастливо выдержала все политические беды и. им оживляемая, шла от победы к победе.

Что же теперь?.. Нашлись русские, которые стали проводить в русское общество посредством литературных органов и контрабандных книг те самые начала, которые уже облили потоками крови Запад... страшные опыты, ознаменованные пожарами и прокламациями подпольной литературы. До чего дошло дело?» («Странник», 1863. июнь. с. 85).

Чтобы понять всю пошлость и безнравственность либерального нигилизма, надобно знать, чувствовать и веровать в святыни христианские, постигать их в Церкви, жить с нею одной жизнью. Беспрерывное отрицание основ русской жизни нас привело в сегодняшний день. Этот путь идет от Радищева и Новикова, от «братьев» храма Соломона. Приходит в XIX век, и Герцен, наследник этих идей. зовет к крови и топору. Важно подвести итог. Масонство породило литературу, современную науку и философию. Классическая формула масонства, объясняющая его цель: «познание Бога через познание себя и натуры», будучи развернутой, объясняет вышесказанное. Познание натуры стимулировало развитие наук и развитие философии, как богословия пантеизма, познание же себя - искусств. Все это ставит вопрос о подлинном содержании того, что мы называем «культурой» и что является средством пропаганды той идеологии, что совершает «обрезание» всего самобытного, неповторимого как в человеческом мире, так и в природе, пытаясь все унифицировать, опошлить, обезличить. Нет никакого сомнения, что вся устремленность коллективной деятельности человечества под воздействием масонства, осуществляющего каббалистические идеи, имеет определенно демонический характер: своими усилиями свести принудительно благодать с неба на землю.

«Просвещение» же через литературу и философию, осуществляемое в России союзами масонского ордена, надо рассматривать, как процедуру «обрезания», проводимую не «духом времени», а плановым образом, целенаправленно, по плану Торы. В результате этой процедуры оказался разрушенным весь Русский мир со всей его бытовой и языковой культурой, совершенно не вмещавшегося в геометрические линии масонского чертежа «светлого будущего». Как кажется, в этом вся суть: заменить мир Божий на мир демонический...

Глава вторая
ИДЕИ И ИДЕАЛЫ МАСОНСТВА

Какова роль масонства в создании политической и культурной картины мира Нового времени? Для ответа на этот вопрос надо ясно представлять себе идеологию ордена в самых общих чертах. Надо попытаться понять, какое реальное значение имеет определение этой организации, как строителей «храма Соломона» или, еще и как строителей «храма Человечества» и «храма Труда». Если взять самые употребимые термины нынешнего политического лексикона и сравнить его с таковым же в массе масонских документов и масонских изданий, то легко обнаружишь, что это один и тот же лексикон, одни и те же слова. Но если теперь попытаться как-то осмыслить эти слова, то обнаружишь, что они повисают в воздухе вне определенного. эзотерического контекста.

Действительно, что значит слово «прогресс», что такое эта самая всеми обожаемая «культура», выше которой нет ничего на свете? Ты можешь быть атеистом и сионистом, культуристом и пианистом, можешь быть мусульманином или буддистом, или не быть ни тем, ни другим. но быть культурным ты обязан. То есть исповедовать ту самую религию, «в которой

согласны все люди», говоря языком масонского катехизиса 1723 г., положившего начало новой эре человечества. Когда историки и философы говорят о «строго научном подходе» к гуманитарным предметам, в частности, к истории человечества, то, вероятно, не все из них понимают, что в той «объективности», которая им так нравится, изначально заложена определенная идеология, выражающая себя уже в самих терминах и в характере отбора материала. А это уже «не объективность», а тенденция.

Совершенно очевидно, что сами употребляемые слова, несущие на себе все здание нашего мировоззрения, имеют по самой их роли религиозное значение. Смысл их большинству не ясен только потому, что корень их лежит как раз в области религиозной, чаше всего в сфере оккультно-теософской, поскольку и вся политическая сфера формируется масонством. Познать же роль масонства, когда его пытаются рассматривать вне его идеологии — вещь просто смешная и нелепая. Рассматривать же его в пределах его же идеологии — это значит по большей части опознать самих себя и свою науку, как часть масонской идеологии. Но на это нужно и известное мужество, и внутренняя свобода, и готовность к тому, что тебя больше никто никогда не напечатает. К тому же, если отказаться от принципов «современного мировоззрения», в том числе от шаблонов в роде «законов развития общества», «всеобщей эволюции природы», от «прогресса» и от «культуры» как религии культа «чисто человеческих дел», то нужно последовательно исповедовать религию Божественного Откровения, данную нам в учении Церкви Христовой. Но последовательность чужда большей части людей.

Несомненно, масонство оказало принципиальное влияние на общественное сознание и идеологию современного политического мировоззрения.

Нелепо в этом смысле выглядят попытки некоторых публицистов и историков, воспевая «прогресс», «труд», «коллективизм» и «культуру», то есть принципы масонства, в то же время обличать масонство и низводить его на роль какой-то шайки международных аферистов. Клеймить масонов и воспевать «гуманизм» в лице Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, как «наших столпов». — это значит либо не понимать главного и основного, чем жива душа человеческая, либо под видом такого обличения, открывая канал доверия у читателей патриотическим пафосом, умышленно внедрять основные принципы масонско-просветительской идеологии. В том и трудность понимания темы, что вопрос состоит в ценности и смысле основных понятий нашего времени, таких. как «культура», «прогресс» и некоторых других. Здесь надо выбирать. Надо уметь отказаться от благоговения перед «нашими столпами», как и перед вообще «великими» и «значительными». Ведь сказано, «не сотвори себе кумира».

Надо освободиться от мысли, что главная ценность заключается в концертных залах, мерседесах и атомных электростанциях. Человечество могло бы существовать и без этих приятных и опасных игрушек. Значительная часть его без них и живет. Может случиться так, как это бывает с человеком: богатый и довольный, он много ест, много веселится, мало двигается и нежится в комфорте житейском. Но когда, как результат такого образа жизни, приходят болезни, он начинает думать, как хорошо было бы, живи он с самого начала по-другому. Можно не сомневаться, что даже «прогрессивное человечество», пропитанное самыми что ни на есть демократическими мыслями, когда-нибудь начнет думать именно таким образом. И именно тогда, когда будет поздно. Ведь эта часть человечества, что занимает командные высоты во всех государствах, очень сильна задним умом.

Сначала, к примеру, у этой ученой части человечества был на первом месте технический прогресс, а потом с удивлением обнаружили наличие технических отходов и свалок, и когда все капитально загадили — заговорили об экологии. Сначала все книги, в духе каббалистики написанные, пели гимн «покорителям природы». Теперь думают, как бы сохранить хоть что-нибудь от этой изуродованной природы. И этой глобальной глупости, переходящей в глобальное преступление, не будет конца. В этом процессе тот самый «дух времени», что заложен в доктрину масонства.

Обоснование вопроса о роли масонства может состоять из нескольких предпосылок — идейных, организационных, исторических.

Если отвлечься от «подлинно научного подхода», то легко понять одну простую истину: если многие десятки поколений людей, облеченных властью и имеющих деньги и доступ к печатному станку, создающих основной поток печатной продукции, формируют свое мировоззрение на началах оккультно-каббалистических, то такие люди, сплоченные единством организации, нс могут не оказать радикального влияния на все то, что называется «культурой». Вполне понятно, что именно из этих кругов будут исходить и политические учения, и формирование корпуса ученых и писателей. Их вкусы получат свое воплощение и в архитектуре, и в поэзии, не говоря о философии. Именно они и будут создавать ту символическую матрицу восприятия и оценок, которая определит в свою очередь и действующую в обществе легенду «добра и зла», и систему «предпочтений и презрения», которая сплачивает людей в одно общество и не дает ему развалиться на отдельные группы и сословия, воюющие друг с другом до уничтожения. Масонские ложи еще с XVIII-XIX веков создали правящую сферу и сформировали весь корпус политиков и идеологов, вытеснив Церковь из общественной сферы.

Возникает вопрос, в какой степени связаны друг с другом различные философские и политические идеи, учения каббалистические и социалистические. Большинство трудов по истории масонства исключает

напрочь эти связи и скрупулезно рассматривает частности. При этом личные взгляды отдельных деятелей масонства зачастую рассматриваются как выражение взглядов самого масонства. Конечно, это неверно. Просто оккультно-каббалистическая доктрина, в своем осуществлении имеет свои особенности в зависимости от характера народа, формы государственного правления, от приверженности к той или иной религии, но она едина и последовательна. Какова же связь идей?

...Известный в свое время писатель, граф В.А.Соллогуб, в 1837 году дебютировал на страницах «Современника». Он вращался в том же кругу писателей, что Жуковский и Пушкин, будучи их младшим современником. Женат он был на дочери М.Ю.Виельгорского, одного из руководителей российского масонства. После смерти своего тестя он нашел у него в курском имении обширнейшую библиотеку герметической литературы, и вот он пишет:

«С трудом верится, чтобы целое поколение умов отборных могло углубляться не только в изучение халдейской премудрости и формул умозрительной символистики, но еще серьезно занималось алхимическими препаратами, основанными на меркурии и могущими создать золото» (Граф В.А.Соллогуб. Воспоминания. М.-Л., 1931 г., сс.160-161).

Факт остается фактом: целые поколения русских дворян и чиновников. как позднее и разночинцев наших, воспитывалось на изучении мистической каббалы с ее халдейской премудростью — алхимией, магией, астрологией. При этом они периодически посещали церковные богослужения, презирая священника и «простонародье». Приобщенные к символическому мышлению, они все понимали согласно «внутреннему смыслу», а не буквально, как «эти», «наружные христиане». Мир каббалы — это пантеизм, а в пантеизме все связано между собой самым тесным образом. Ведь это мир магии. Это мир Большого шара, внутри которого все точки связаны густой сетью линий и каналов. Здесь все обожествлено, все явления человеческого мира и мира природного связаны с миром астральным и тем, что над ним, и под нами. Здесь нет ни отдельной этики, не связанной с политикой, ни политики, не связанной с религиозным культом. Влияя на человеческий организм, можно повлиять на все мироздание. Да и само мироздание представляет из себя Большого человека, Адама Кадмона.

Алхимики занимаются лечением металлов и человека. Но может ли алхимия соотноситься с социализмом и вообще с прогрессом? Ведь наши московские розенкрейцеры, как и другие, занимались одновременно и просветительством, и алхимией.

Герметическая философия, основа масонского мировоззрения, видит мир природы и человека в единстве. И «больны» эти два мира точно так же — в единстве одного организма. Масон, иудей, революционер и социалист — все они «лечат», «исправляют» общество и природу и «зарабатывают будущий мир» блаженства во всеединстве природы, человека и Творца.

Граф Соллогуб выразил понимание связи идей коротко и ясно. Обнаружив у тестя несколько тысяч книг герметического содержания, он пишет, что среди них были и «разные каббалистические латинские рукописи и частные письма масонского содержания». И это собрание книг и рукописей. замечает мемуарист, пополняемое «сочинениями теологическими и указывает на *переход герметизма к иллюминизму, к мистицизму, к пиэтизму, а впоследствии довели к скептицизму, гегелизму, к коммунизму и к нигилизму, уже мечтающему о терроризме»* (Там же, с. 161).

Любопытно, что в сущности, вполне заурядный человек увидел эту связь идей. И встает вопрос: а видели ли ее власть предержащие. И если видели, то чего хотели, чего добивались? Известно, что видели. И сам граф был человеком, близким ко двору. Было бы трудно ожидать от современных историков и литературоведов столь же ясного понимания этой связи, и. соответственно, роли масонства в политической и культурной истории нового времени. Современники Соллогуба (Б.Н.Чичерин. например) отмечали ту же связь гегелизма с социализмом и революционной софистикой. Любой философский словарь укажет в то же время на связь философии Гегеля с учением Якова Беме. И тот же словарь укажет на то, что Беме был материалистом-мистиком и каббалистом. И каждый из нас помнит с детства слова о том, что «Гегель — это алгебра революции», алгебра, отвергающая христианство и историю, как несовершенные этапы к совершенству человечества, к торжеству всемирного разума. Краткие каббалистические формулы, на постижение которых масоны тратили десятки лет, разворачивались в философские и политические трактаты, в художественные полотна.

Именно отсюда и пришло восприятие времени как движения «вперед», к лучшему, совершенному. Причем движения фатального, неизбежного.

Соответственно, все прошлое стало восприниматься как нечто «отсталое», «вчерашний день», как пережиток, как нечто жалкое и ничтожное, подлежащее уничтожению, разрушению. Такое восприятие времени воспитано на основе каббалистической доктрины движения человечества к эпохе всесовершенства, всеединства, движения к золотому веку, царству Машиаха (евр.). Сколь ни химерична эта идея, сколь ни дает реальность прямо обратных доказательств, но поскольку это идея религиозная, притом внушаемая через самые разные средства пропаганды — в первую очередь через искусство, — то и избавиться от этого ложного восприятия времени почти невозможно.

Христианское восприятие времени и, соответственно, истории, прямо обратно вышеописанному. Прошлое — это нечто добротное, устойчивое и

благостное. Каждый день церковного календаря направляет наши мысли не на «прогресс», а на жития святых и на священные для каждого христианина события. Священная история не знает движения вперед как фатального улучшения человеческой природы. Церковный календарь соединяет христианина со святыми, праведниками, мучениками и проповедниками, и с событиями евангельскими. Здесь нет места движению истории по спирали (образ, заимствованный Энгельсом и Марксом из Торы).

Пример с восприятием времени показывает, насколько глубоко въелась в современное сознание человека каббалистическая идея «прогресса».

Если всерьез ставить вопрос о влиянии масонства на современный мир, то начинать надо именно с анализа основных постулатов общественного сознания, укорененного в психологию человека, в его оценочный аппарат.

Другой пример, показывающий степень влияния масонства на формирование политических и религиозных учений.

Известно, что с XVII века в Европе была воспринята единственная политическая доктрина: «естественное право». Из статьи в статью, из трактата в трактат стало переходить и многократно повторяться слово «естественный» в разных сочетаниях: «естественный закон», «естественное право». «естественная религия», «естественная мораль»... Можно долго ломать себе голову, размышляя, что имеется в виду под этими терминами, если только не познакомишься с простыми положениями популяризаторов каббалы:

суть «естественных законов», оказывается, выражает Тора, «поскольку законы Торы — естественные законы управления миром и обществом». (Лайтман Михаэль. Каббала. 4.1, с.39). Тора — план всего мироздания. Вот учебная аксиома, открывающая понимание того, почему именно из тайных академий средневековья, этих предтеч масонских лож, вышла политическая история, ставшая основой и современного государственного права. Там, где изучали Тору, и родилось то, что должно было родиться: иудаизм, одетый в христианские одежды, и то весьма бедные. Надо ли говорить, что когда мы читаем в цитированной книге, что «настоящий каббалист испытывает радость от будущего окончательного исправления (мира), потому что уверен в нем уже сегодня, предчувствует его уже сейчас», то ничто не мешает нам в эту фразу вставить вместо слова «каббалист» слово «коммунист» или «масон», или «демократ». Ибо эти слова, по большому счету и есть обозначения приверженцев одного вероучения. И если «каббала изучает цель и план творения», то смысл слов о «естественном законе», «естественном праве» и «естественной морали» становится ясным, и. главное, логично вписывается в историческую картину, замыкая в одно целое современные политические учения, культурные ценности и масонство. Только так и становится цельной и логичной история нового времени. Именно такой цельности и не хватает современному сознанию человека, когда историки разрывают искусственно единое полотно истории на отдельные фрагменты, по видимости ничем не связанные между собой. Мы видим сотни имен знаменитых философов и всевозможных явлений общественной жизни. Там масонство, там «культура» — «наша», а там — «ихняя». Здесь прогрессивная политика, а там — реакционная, но временами...

Что касается сотен философов, то, как уже говорилось в другом очерке, их идеи бедны и однообразны. Это один и тот же набор мыслей, по-разному освещаемых. И более ничего. И все они комментируют каббалу, ее несколько постулатов. Было бы проще изложить учебный курс европейской современной философии по основам иудаизма, чтобы мы поняли связь идей и узнали основные их принципы, не растекаясь по сотням имен и учений. Но как раз этой связи политических и философских идей с учением каббалы и пытаются избежать. Легче писать тысячи томов, излагающих эти идеи раввинистического учения под разными именами философов (иудейские принципы фатального движения к золотому веку, коммунизму, царству Астреи, идеи «разумного эгоизма», коллективного спасения «в любви» и «труде» по пути растущего одухотворения материи и человечества и проч.), — чем просто познакомить нас с основами всех этих теорий и учений, данных в каббале.

Зная основы этого учения, мы могли бы лучше понять наше время и себя. Ведь эти идеи Торы — растущего коллективизма, через сознательный труд влекущего нас по пути прогресса — могут быть изложены и в виде «чисто русской идеи труда и общины», а «спасение через коллективный труд» попадает в наше сознание, уже подготовленное предшествующей коммунистической пропагандой к такому восприятию, как «русская идея».

Если добавить, как это и делается, несколько патетических фраз о величии русского народа и его вселенской роли, если еще ругнуть масонов и евреев, то все оккультно-каббалистические идеи будут проглочены без заминки. Надо заметить, что особенно благостно влияет на нас слово «труд». Кто не помнит вчерашнее: «Слава Труду!» Мало кто задумывался, что имелось в виду под этим словом. Конечно, общественно полезный труд — дело почетное. Но труд труду рознь. Один абсолютно благословен, а другой имеет демоническое происхождение. Труд по созданию Вавилонской башни, этого прообраза того символического храма Соломона, который создают масоны — этот труд, как ни велик он, как ни блестящи умы, им занимающиеся, не может быть благословенным. И это тот же труд, что затрачивается на «исправление Творения» для приближения дней Машиаха. И эта Вавилонская башня, этот «храм Соломона» еще называется цивилизацией. И труд, затрачиваемый на возведение языческого капища — тоже труд. В одном обряднике приема в ученики мастер масонской ложи говорит: «все инструменты ложи знаменуют святость труда». Дело масона, говорится в другом масонском сочинении, это

«Страдание, Труд и работа» («Духовный рыцарь» И.В.Лопухина, 1791 г.). И это «Работа в нравственности». В руках Великого Мастера в ложе находится молоток. Масон называется «работником». Он трудится над исправлением как своей натуры, так и натуры вообще. Он готовит мир к восприятию святости. То, что именно «народ Израиля подготавливает времена к восприятию святости» (А.Штайнзальц. Роза о тринадцати лепестках. М.-Иерусалим. 1990 г., с. 105), в данном случае не важно. Хотя сама эта аксиома иудаизма, созданная отнюдь не фантазиями «гнусных черносотенцев» и не бреднями «русских фашистов», существенна. В ней основа самого принципа еврейского национализма, обоснованного религией нации.

Мастер в масонской ложе, как Адонирам, легендарный строитель храма Соломона, распределяет работы среди «рабочих», членов своей ложи. На одной масонской печати для пятой степени (то есть шотландских мастеров, которую имели у нас и Новиков, и Пестель), изображены две колонны в виде Андреевского креста, четыре короны, из которых две сбиты, а две нижние падают, и все это окружено девизом на латыни: «нужно возлагать надежду на постоянный труд» (Семевский В.И. Декабристы-масоны. Минувшие годы. 1908 г., №№5-6. с 414). В масонской литературе обыгрывается и само слово «мистерия»: в зависимости от написания его через «и» или «игрек» оно на английском языке приобретает значение или «работы», или «таинства» (см. «Масонство в его прошлом и настоящем», т.1, с.50). В современном масонском документе, относящемся уже к нашим дням, говорится, что масонство — «это символический союз труда». (Ганс Германн Хеманн. Главный мастер великой ложи А.В. и А.М.). Тема «Труда», совершенствующего мир, отчетливо выражена и на личной печати Петра I, и на барельефе Петр Великий — каменщик (см. с. 144. 146).

В одном из немецких документов слово «работа» трактуется в следующем виде:

«Ложа должна в первую очередь заниматься работами по внутреннему воспитанию своих членов, чтобы их, также как апостолов, посылать в мир, распространять франк-масонские идеи. Не каждый, конечно, может это делать в равной степени, но отдельные личности должны нести дух розенкрейцерства в общество и повсюду — в семью, в церковный приход, государство и различные религиозные союзы... Принадлежность к франк-масонскому союзу заставляет его играть эту роль... *Жизненное право франк-масонства состоит в совместной и постоянной работе — культурном строительстве»* (ЦХИДК, б. Особый Архив. ф.1412, оп. 1, д. 8674, л.534). Здесь же говорится с гордостью о том, что идеи франкмасонства уже господствуют в мире и выражаются в музыке. философии, живописи, литературе. «Эти идеалы франкмасонства господствуют в классике, — у Лессинга, Гердера, Гете и у других великих мыслителей мировой культуры». Далее автор подробно разбирает масонский смысл «Волшебной флейты» Моцарта. А в следующем докладе в той же ложе «Комениус и богемские братья» (1926 г.) говорится о великом значении для немецкого народа «великих масонов Фихте и Канта» (л.507). Масон, каменщик — работник трудового коллектива, созидающий храм единого Человечества, «храм Соломона».

И там же, в том же деле, в другом докладе, посвященном 100-летию со дня смерти королевы Прусской Луизы, говорится:

«Справедливо указывают на франк-масонство, как на важнейшее и обширнейшее требование работ по созиданию человечества, то есть сознательное содействие каждому успеху человечества».

Со всем сказанным нелишне будет сопоставить мнение Луначарского о «труде» и «работе». Масонская мифология и масонский поэтический ряд Луначарским с большим знанием дела вплетены в апологию социализма и марксизма. Но это не тот социализм, который мы знаем. Ведь то, что у нас называлось социализмом, было его лишь первой, разрушительной стадией: 75 лет в сущности разрушали царскую Россию и народное сознание, созданное царизмом. Все 75 лет иудаизм продолжал вести борьбу с Самодержавной Русью. Эта разрушительная стадия была предусмотрена и Ткачевым.

Речь пойдет о работе Луначарского «Социализм и религия» (2 тома, СПб. 1908 г.).

Уже на первых страницах он говорит «о связи научного социализма с заветными чаяниями человечества, выраженными в религиозных мифах и догмах... о центральном месте труда в новом миросозерцании» (т.1, с.7). Луначарский называет «научный социализм» «новой религией». В то же время это и «научное пролетарское миросозерцание» (с. 10). Понятно, что под словом «пролетариат» не имеется собственно рабочий у станка на заводе. Как слово «масон» не означает буквально рабочего-каменщика и имеет в виду чисто символическое значение, так и «пролетариат» в этих текстах о «научном социализме». Что это так, а не иначе, говорит и сам Ленин: у рабочего нет своей теории, кроме «экономизма», т.е. желания побольше получить и побольше положить в брюхо. Теорию рабочему классу дает, пишет Ленин, только интеллигенция. Луначарский же далее ссылается на авторитетное мнение Иосифа Дицгена и цитирует его брошюру «Религия социал-демократии» (Изд. «Работник», СПб. 1906 г., с.6):

«Дорогие сограждане! В идеях социал-демократии содержится новая религия (...). Культурное человеческое общество — вот высшее существо, в которое мы веруем, наши надежды возлагаются на социал-демократический строй. Только этот строй реализует любовь...»

Если не знать, что имеется в виду в иудаизме под этим словом «любовь», то понять этот текст просто нет возможности. Как можно нормальному человеку,

воспитанному в здравых понятиях христовой веры. догадаться, каким образом «строй» реализует «любовь»? Но именно социализм, а не человеческое сердце, и источает из себя «любовь» в виде филантропических учреждений и «социальных программ», приближая эпоху Машиаха. В философии хасидизма (хабада) говорится, что благотворительность (цедака — евр.) — это есть «общее усилие» («общее дело»), и оно способствует одухотворению природы и общества и «ускоряет наступление мессианской эры». (Ниссан Мендель. Философия хабада. Вильнюс, 1990, с. 121). В этой «любви» мы имеем еще одну форму «труда», призванного спасти человечество и ввести его в царство Астреи: распределение материальной помощи престарелым и бедным. Согласно Торе, каждое доброе дело откладывается где-то на небесах как счет в банке. По достижении нужной суммы добрых дел можно будет приобрести «золотой век», царство вечного счастья.

Надо заметить, что помощь нуждающимся всегда практиковалась христианами. При церквях, в монастырях устраивались богадельни, больницы, мастерские и школы. Но конечный смысл такой благотворительности в государствах христианских в корне отличался от социальной помощи в странах демократических, или. вернее, социал-демократических. Механическое распределение продуктов среди бедных, предпринимаемое для того, чтобы избежать социальной нестабильности, — вряд ли это можно назвать делом любви. Если привести еще один текст из сочинения Луначарского, то и вовсе невозможно будет провести грань между масонством и социализмом, как и демократией, потому что в своей существе это одно и тоже:

«Боги демократии отрицают старину, они апеллируют к чувству окрепшего человека — работника, поэтому они всегда являются шагом вперед в смысле духовной чистоты божества, свободы от обрядов и догматов, ставших бессмысленными» (т.1. с.75).

Для русского человека важно все это иметь в виду, поскольку на него вешают самых разных собак, от «русского большевизма» до «русского фашизма». А справа и слева осаждают его патриоты-коммунисты, ненавидящие сионистов, так как те, по их мнению, извратили чистое учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса. С другой стороны — загадочные и невежественные в своем фанатизме сталинисты точно так же разыгрывают из себя не менее загадочных патриотов, «борющихся» с «масонством» и мировым «жидовским заговором». Для тех и других история России началась в 1917-м. Но и для их предполагаемых противников, «сионистов», она началась тогда же. До этого был мрак невежества, царствовал кнут и звенели кандалы ссыльных борцов за свободу. И был «утренний свет» — Пушкин, и его эманации — Гоголь, Толстой и Достоевский... апологеты «гуманизма».

В то время, дореволюционное, надо заметить ради исторической правды, весь еврейский народ чувствовал себя в кандалах, так как был отрешен от возможности управлять всей Россией и устраивать в Кремле праздник хануки. И только благодатные времена Ленина, Сталина и последующих генсеков дали ему возможность почувствовать себя свободным и причастным к делу «исправления» народов России по закону Торы, то марксизмом, то американизмом[7]...

Поскольку истина конкретна, то всегда полезно обратиться к историческому материалу. Чтобы увидеть смысл происходящего и вокруг нас, и в нас самих, надо отойти вглубь времен.

Хронологически мы закончили первую часть рассмотрением деятельности кружка розенкрейцеров при Московском университете во времена Екатерины II. Сколько бы человек ни жил, хоть сто лет и больше, его организм будет следовать программе роста, зрелости и увядания, заложенной в его наследственном аппарате — хромосомах. Там вся его красота и радость, бородавки и болезни. Говоря аллегорически, хромосомы нынешней России были заложены в ее организм именно тогда.

Понятно, любая хронология в таких вопросах — вещь условная. Но в данном случае условность эта не слишком велика. Весь круг идей, литературы. учений и теорий, изменивших судьбу России, был создан как раз в замечательное по-своему двадцатилетие деятельности новиковского кружка (с 1770-х). Это круг литературы художественной, исторической, философски-мистической и политической, с идеями демократии и классовой борьбы бедных с богатыми. И этот мистицизм каббалы тесно сплелся с идеями мирового переустройства, теократии на основах «естественной религии», заимствованной по преимуществу из Якова Беме, средневекового философа-каббалиста. Проницательный сардинский посланник времен Александра I Жозеф де Местр увидел трагическую для судьбы России особенность в том, что она основывала свое образование на началах изначально гнилых, шатких и смутных. Это были как раз те самые начала «просветительские», что ввели саму Францию в революционную смуту и привели к падению национальной монархии.

И именно оттуда эта литература широким потоком, при поощрении Екатерины II, ринулась в Россию. Во Франции эта литература была вызвана к жизни широким воздействием на общественное сознание масонских лож, покрывших ее густой сетью. Плоды этого просвещения известны. Жозеф де Местр замечает, что Россия начала «просвещение» с того, чем другие страны кончали — с развращения умов и нравов.

Все это вещи достаточно известные. Здесь лишь можно подвести некоторый

[7] См в части IV «Историю Ордена Бная Брит».

итоги в связи с последующими событиями. Все три составные части марксизма: французский материализм, английский экономизм и немецкая философия. — пришли безо всяких криминалов и подпольной деятельности в Россию, и вольготно расположились в наших университетах и на книжных прилавках. Как тут было не появиться затем и самому марксизму? Он и появился, как логическое следствие просветительской и педагогической деятельности царского правительства. По совести говоря, за что тут винить молодое поколение нигилистов и интеллигентов, когда его, это поколение, создавали по учебным программам министерств и отдали в плен еврейской печати.

Нельзя не заметить в этой связи, что у нас существует какое-то странное и почему-то незамечаемое противоречие в оценке самодержавия и интеллигенции. По одному взгляду: было хорошее самодержавие и была плохая интеллигенция. По другому — наоборот. Но и то, и другое воззрение не выдерживает, как кажется, критики. Ведь именно хорошее самодержавие породило плохую интеллигенцию. Но и другой взгляд ничем не лучше: каким-то образом деспотическое самодержавие, угнетавшее свободную мысль, породило хорошую интеллигенцию в своих гимназиях и университетах

Такие внутренние противоречивые выводы присуши были уже Герцену и его сторонникам. Так эта антиномия перешла и в советскую антимонию и легла в наши головы без особой внутренней критики. Между тем, мысль о том, что каково дерево — таковы и плоды, никто не может уличить в нелогичности. Видимо, дело в том, насколько наши Самодержцы оставались верны принципам православного царства. И тогда возникает вопрос:

насколько наше Самодержавие было действительно самодержавным и православным, насколько Самодержцы отвечали своему предназначению?[8]

Во Франции просветительская литература ликвидировала патриотизм. привела к идеям космополитизма и социального переустройства мира. О ее враждебности Церкви не приходится и говорить. В России она породила те же явления: один-в-один. С конца XVIII и начала XIX века появляются целые поколения молодых людей, имеющих в карманах собственные проекты по переустройству мира. И уж, конечно, России в первую очередь. Кто-то из известных лиц того времени, едва ли не адмирал Шишков, сказал, что кончившие наши университеты юноши уверены, что, по крайней мере, две вещи они могут сделать хорошо: преобразовать государственное устройство и реформировать церковь. Конечно, юноши здесь не виноваты. Скорее наоборот — несчастны. Так их воспитали в государственных учебных заведениях немецкие и наши профессора, сами воспитанные на началах каббалистической немецкой философии, взявшей на себя груд популяризации иудейских начал и идеалов, которые все построены на страстном желании переделать, реформировать, революционизировать и на развалинах старого мира обязательно построить нечто солнечное и радостное.

Если при этом добавить сюда и проповедываемый в начале XIX века во весь глас европейского просвещения мистический романтизм с его культом героя-титана и идеалом светлого будущего, в котором будет жить совершенное, ангелоподобное человечество, то тогда и тем более придется только пожалеть это молодое поколение, воспитанное на началах раввинистической философии с ее вечным зовом в «златой век».

Отсюда и рождались преобразователи, нигилисты, революционеры и террористы, изготовляемые поточным методом в школах Императорской России. Сколько об этом писали наши лучшие публицисты тех далеких времен — не счесть. Да все без малейшего толка. Кто же правил Россией? — спросим мы еще раз.

Наши «просветители»-розенкрейцеры занимались и алхимией, и политикой, и мечтали о вечном счастье в казарменном государстве, где все будет существовать по геометрическим законам. На первый взгляд связь между алхимией и мечтами о совершенном обществе, алхимией и революцией, непонятна. Принципы алхимии делают эту связь очевидной.

Для алхимика все металлы есть несозревшее, больное золото. Все они делятся по степени их приближенности к золоту. Само многообразие металлов есть просто следствие плохих условий, при которых вызревало золото. Вылечить железо или медь, — это значит довести этап их созревания до золота. В каждом металле скрыто одно начало — совершенство, которое складывает природные стихии в золото. Алхимик лечит металл, помогая осуществиться заложенному в него началу. Для того, чтобы возродить в металле золотое начало, его надо разрушить, распустить складывающие его стихии, оживить его суть, архетип, квинтэссенцию, а затем снова оживить и дать вызреть, возродить его уже в совершенном виде. Алхимик улучшает, исправляет природу, он ее лечит. Для этого он проникает в тайны натуры, исследует ее свойства и помогает излечить природу в целом. Здесь алхимия с ее натурфилософией и теософией стимулирует развитие естественных наук.

Точно так же алхимик, становясь просветителем, осуществляет те же принципы: занимается «излечением» человеческого общества, освобождая его от порчи, от социальных болезней, мешающих обществу развиваться в сторону совершенства, света, добра и красоты. Это фундаментальный принцип иудаизма — «исправлять» вселенную. Но чтобы возродить — надо разрушить

[8] Вина за падение Русского Государства лежит на государственной власти в первую очередь. Здесь автор согласен с подобным же мнением М.В. Зызыкина (Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Варшава, 1931 г., кн. 1, с.324), как и с мнением: «Правительства, совершившие апостасию... идут к разрушению» (там же, с 326).

старое. Тогда взрастет новое. Поэтому символом «возрождения» в масонстве является гроб. Туда ложится мертвый и встает он же, но «возрожденный». В пример приводится зерно, упавшее в землю. Чтобы прорасти, ему нужно сбросить с себя старую оболочку. Та же мысль: разрушить, чтобы создать. — проводится настойчиво в каббале. Там центральное место имеет учение о клипоте, — скорлупе, шелухе, от которой возрождающемуся духу надо освободиться. Под этими понятиями имеется в виду и «обветшалость» общественных форм жизни, и «.национальные предрассудки», и религиозные устои других народов. Отсюда — «весь мир насилия мы разрушим».

Идеи алхимии были революционны в своем практическом значении. Согласно учению Торы, совершенствовать и приводить к всеединству предполагалось не только человеческое общество, но всю вселенную. Магически алхимик, оккультист, каббалист, воздействуют в этих целях на высшие миры.

Революционер, масон, иудей, интеллигент, демократ, — все они творят «тикун» (исправление — евр.), совершенствуют общество и вселенную, зарабатывают, говоря словами каббалы, будущий мир своими руками, своим умом и трудом. В результате такого тикуна исчезает все яркое и самобытное.

Лучшим выражением этих демонических претензий — свести насильно, магически, благодать Божию на землю — служат слова, приписываемые известному Мичурину: «Мы не будем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Эти слова передают самую суть иудаизма и масонства. Все изложения их основ начинаются с объяснения необходимости самим покорить природные силы, заставить их работать на себя. Будем как боги! — лозунг и иудаизма, и социал-демократии, как всемирной религии, религии ума. труда, коллектива и их плодов — культуры, то есть того проявления высшей интеллигенции, мирового разума, в котором он сам наконец-то осознает себя. из бессознательного становится сознающим. Человеческий коллектив «избранных», «малого народа», по выражению И.В.Лопухина, есть становящийся бог. Вот, собственно, в этом и заключаются религиозные основы этой культуры.

Итак, масонство способно формировать общественное сознание. И потому оно не столько вне нас, сколько внутри. Его идеология выражает себя через несколько общих понятий, смысл которых становится ясен лишь в системе определенного религиозно-оккультного учения.

В системе пантеизма, каковым является и каббала, и построенная на ней вся герметическая философия масонства, все имеет внутреннюю взаимосвязь. Сам Шеллинг назвал философов «философствующими каббалистами».

Философия европейская есть богословие пантеизма. А представление о «прогрессе», вечном улучшении общества и человека, о золотом веке и вечной Субботе (вечного отдыха) есть представление, враждебное христианству.

Все сказанное выше можно считать комментарием к следующей части очерка, посвященного позднему масонству, то есть того периода, когда оно было запрещено (с 1826 по конец XIX века).

Кроме того, поскольку мы переживаем то состояние общества, когда от опеки «партии» мы перешли к опеке масонской, то представляется небезынтересным посмотреть, как действовало масонство не только в учебной и издательской деятельности, но и в отношении Церкви, которую оно, конечно, не могло оставить без внимания. Приходится признать, что те же явления мы видим и сегодня. Фальсификация в этом случае является едва ли не главным оружием ордена, поскольку он объявляет себя «внутренней церковью» и видит свое призвание в совершенствовании мира и человечества, имея в виду идею коллективного спасения через рост культуры и приведения людей и природы к точке всеединства, когда все сольется в одно целое с Абсолютным Разумом. Против учения Христа выдвигается мирской гуманизм.

Глава третья
ПОЗДНЕЕ МАСОНСТВО

Университет и Московская Духовная академия

В России XIX в. все эти идеи продолжали блестяще осуществляться, и в авангарде шел все тот же Московский университет. Здесь еще со времен Павла I набирал силу университетский благородный пансион. Его возглавляли соратники Новикова, среди которых главную скрипку играл Иван Петрович Тургенев. Во главе же пансиона стоял ученик Дружеского ученого общества розенкрейцеров А.А.Прокопович-Антонский, человек добрый и стеснительный, и, конечно, человеколюбивый. Из этого пансиона вышла целая плеяда будущих поэтов, писателей, государственных деятелей и просто чиновников либеральных взглядов. Из наиболее видных можно назвать В.А.Жуковского, который находился под опекой самого И.П.Тургенева. Его творчество находилось под исключительным влиянием романтического мистицизма, характеризовавшего тогдашнее масонство и породившего само течение романтизма в Европе.

Московский Университетский благородный пансион был, собственно говоря, создан бывшими членами Дружеского ученого общества. московскими розенкрейцерами. Ими здесь было учреждено литературное общество, первым

председателем которого стал В.А.Жуковский, а на заседания приглашались Карамзин, Дмитриев, Нелединский-Мелецкий и др. Московский благородный пансион, творение московских розенкрейцеров, дал русской литературе Жуковского, кн. Шаховского, Жихарева, кн. Одоевского, Баратынского, Грибоедова, Воейкова, Вельтмана, Калайдовича, Шевырева и др. Многие из воспитанников пансиона достигли высокого положения, как, например, кн.Д. В.Дашков[9], А.С.Норов[10], А.И.Тургенев, генерал Инзов (покровитель Пушкина).

Иван Петрович Тургенев оказывал большую помощь и Карамзину, а позже и другим молодым литераторам. Но главное заключалось в создании атмосферы, благоприятствующей развитию литературной деятельности в первопрестольной. (см. Сушков Н.В. Московский Университетский благородный пансион» М.1858). Надо ли говорить, что созданный масонами-просветителями университетский пансион воспитывал юную дворянскую поросль по своим образцам и практически все его выпускники становились членами лож.

Ко всему сказанному выше о Московском университете можно было бы добавить еще одну существенную и характерную деталь: по всему фасаду здания университета на Моховой можно видеть многочисленные шестиугольные звезды — «звезды Давида», в виде наложенных друг на друга треугольников — классический символ каббалистики. О других масонских символах, украшающих фасад этого старинного здания можно и не говорить, так эти символы характерны для всех эпох того времени и для того архитектурного стиля, что получил название классицизма. и был полностью инициирован идеологией масонства. Ведь в основе этого архитектурного стиля лежит идея космополитизма и оккультно-языческая символика, идеология всемирной республики и всемирной религии пантеизма.

Были и другие очаги масонских идей. Например, Царскосельский лицей, созданный исключительно для луфтонов (см. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909 и его же в журнале «Минувшие годы», 1908. №№ 2, 5-6, работу «Декабристы-масоны»), то есть детей масонов не ниже градуса шотландского мастера. Они считались как бы детьми ордена. Для вступления их в масонство не требовался обряд приема в полном объеме. Сказанное относится и к А. С. Пушкину.

Царскосельский лицей и был призван сформировать, наряду с другими учебными заведениями, высшими и привилегированными, корпус чиновников высшего и среднего разрядов из числа лиц, преданных идеям масонства и идеям его «братства». Отсюда этот лицейский культ «дружбы», воспетый Пушкиным. Именно о вольных каменщиках пишет А.С.Пушкин: «людей священные друзья». Это они — та «бессмертная семья», которая *«неотразимыми лучами»* когда-нибудь нас озарит и мир блаженством одарит» (см. Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.. 1983 г., с. 184). Эта «бессмертная» семья поставила поэту надгробный памятник по всем правилам масонской символики. И есть за что...

О том внимании, которое уделяло масонство Лицею говорит тот факт, что в 1819 году ложа Астрея обратилась с циркуляром ко всем ложам ее союза с предложением учредить масонские стипендии в Царскосельском лицее. То, что предложение было принято, видно из постановления симбирской ложи от 11 ноября 1819 года. когда братья подтвердили ежегодный взнос в 100 рублей на воспитание в лицее двух луфтонов (т.е. сыновей масонов), «от имени ложи Великой Астреи туда назначаемых». (Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов, с.351).

Царскосельский лицей остался подлинным рассадником масонства и либерализма в политической сфере, до самой революции семнадцатого года. Среди выпускников Лицея кроме А.С.Пушкина и кн. Горчакова вспоминаются писатель Салтыков-Щедрин, М.В.Буташевич-Петрашевский и премьер-министр граф Коковцев, наследовавший на этом посту погибшему Столыпину.

Такое же положение занимала и Нежинская гимназия высших наук кн. Безбородко, которую закончил Н. В. Гоголь и Нестор Кукольник. Здесь в их время процветало «братство Шапалинского». Факт членства самого Гоголя в масонской ложе не вызывает сомнений. Это видно из его причастности к «братству». Сам Шапалинский был директором гимназии и организатором этого «братства». Масонская ложа была учреждена преподавателями-масонами. В нее входили Ландражин, Шапалинский, Зингер, Орлай, Белоусов. Это выяснилось во время следствия по делу о вольнодумстве, произведенному чиновниками министерства народного просвещения. Сам Гоголь находился в самых тесных отношениях с этими преподавателями. На одном письме другу, старшекурснику Высоцкому, им был использован один из масонских символов скорбного земного существования — «черная квартира». Впрочем, на всем творчестве Н.В.Гоголя лежит печать характерного для масонской идеологии морализаторства, символичности, оно пропитано идеями «возрождения» и романтическим мистицизмом (см. Машинекий С.М. Гоголь и дело о «вольнодумстве». М., 1959 г.; Павлинов С.А. Тайнопись Гоголя. М., 1996 г.).

В последующие годы такой же славой закрытого «братства» пользовалось и училище правоведения в Петербурге. Окончившие эти заведения в разные годы, не будучи даже знакомыми, поддерживали друг друга, помогали делать

[9] Дашков Дмитрий Васильевич (1788-1839) — (1832-1839), член Государственного Совета, председатель Департамента законов Государственного Совета и Главноуправляющий II отделением «Собственной Е. И. В. канцелярии».

[10] Норов Абрам Сергеевич (1795-1869) — министр народного просвещения (1854-1858), писатель. 22 Зак. 114

карьеру однокашникам.

В 1826 году все государственные служащие должны были дать вторичную подписку о том, что они не состоят в масонских ложах. Первый указ Александра I от первого августа 1822 года. оказался не эффективным. Николай I по завершении следствия над заговорщиками, снова потребовал подписку, с указанием, где в каких ложах ранее состоял подписавшийся. Высочайшим рескриптом министру внутренних дел В.С.Ланскому было повелено взять эти подписки по всему государству.

По Московскому университету такие подписки дали:

А.А.Прокопович-Антонский (ложа «Гермеса»), Христиан Ив. Лодер (ложа «К Амалии» в Веймаре и ложа «Александра Тройственного Благословения»), ст. советник М.Я.Мудров (ложа «Трех Глобусов» в Берлине в 1802 г, ложа «Кавалеров Креста» в Париже с 1805 г., ложа «Московского Востока» с 1820 г.), Матвей Гаврилов (ложа «Озирис» в 1780 г., ложа «Александра...»), Федор Рейс (ложа «Александра...»), ординарный профессор, кавалер, кол. советник Ив.Ив.Давыдов (ложа «Избранного Михаила» в СПб. с 1820 г.), Мих. Малов (ложа «Александра...»), Федор Кистер (та же ложа), адъюнкты Иван Веселовский (ложа «Ищущих Манны») и Александр Эвениус (ложа «Петра к Истине» в СПб. с 1819 г.), и так далее. Здесь, в перечне давших подписки, и работники Университетской типографии. Что касается известного врача, профессора медицинского факультета Мудрова, то он не назвал тайных лож, членом которых был. Надо заметить, что, по свидетельству графа М.В.Толстого, именно масонские связи и женитьба на дочери профессора университета Х.А.Чеботарева, розенкрейцера, открыла ему двери в лучшие московские дома. Сам Мудров пишет, что вступил в ложу в немецком университете. Внутренние браки способствовали превращению масонства в «малый народ».

Другим направлением масонского просветительства было внедрение масонов в систему воспитания духовенства и привлечение его в ложи[11].

Для высших степеней, уже со степени теоретического градуса Соломоновых наук. к которым поначалу принадлежали и наши московские розенкрейцеры, пока не поднялись до более высоких, для определенных ритуалов требовалось присутствие священника[12].

Существовали также и так называемые клерикальные степени, высокие. также требовавшие присутствие священника при некоторых обрядах. Новиков сам лично проводил обряд причащения у себя в имении. для чего также употреблял священника своей церкви в Авдотьино, который приносил ему святые Дары. Ведь многие ритуалы в масонстве кощунственно повторяют церковные обряды и правила, в том числе и покаяние публичное, благословение, проповедь, св. причастие, использование священнической одежды и т. д..

Уже Шварц, после открытия Педагогической семинарии для окончивших духовные училища и желавших обучаться в Московском университете, проводил отдельные лекции для будущих священников, в которых излагал события Священного Писания каббалистическим образом, символически, и вплетая в объяснения чисто масонские легенды, заимствованные из Талмуда и каббалы. Этот факт очень встревожил Екатерину II, опасавшуюся, что семинаристы, вступившие в масонские ложи, могут стать затем архиереями. Через кн. Прозоровского, проводившего по Ее указанию следствие в Москве, она постаралась узнать что-либо по этому вопросу. Кн. Прозоровский запросил по этому делу архиепископа Платона: не вовлекали ли семинаристов в розенкрейцерском сообществе в масонские ложи? Архиепископ Московский дал отрицательный ответ. Он сказал, что сам спрашивал учеников Педагогической семинарии. и те ответили, что их в масонство не вовлекали. В данном случае или владыка Платон был наивен, или не хотел говорить правду. Потому что по крайней мере двое учеников Дружеского Ученого Общества вступили в масонство и стали впоследствии митрополитами (Михаил Десницкий и Серафим Глаголев). Архиепископа Платона, за его благожелательное отношение к мартинистам и близкие отношения с И.В.Лопухиным подозревали в причастности к «обществу». Впрочем, уже на мистический журнал «Утренний Свет» (1778-1780) Новикова, популяризировавший идеи масонства и каббалистики, подписалось 12 архиереев. На эти новиковские журналы в общем числе подписчиков духовные лица и учреждения стояли на первом месте. Но и воспитанники духовных училищ, в свою очередь, направлялись в Педагогическую семинарию Дружеского Общества розенкрейцеров по совету и выбору архиереев епархиальных и особенно архиепископа (а потом и митрополита) Московского Платона (Мальшинский А.П. Наша печать. — «Исторический Вестник». 1887 г.. т.28).

По данному сюжету характерно свидетельство историка Москвы

[11] Тема масонства среди духовенства имеет особое значение сегодня в связи с темой обновленчества, экуменизма и внехристианского гуманизма, все более отчетливо звучащая как в околоцерковной среде, так и в среде некоторой части православного духовенства. Корни обновленчества и показывает нам эта тема в ее исторической ретроспективе. Оно, обновленчество, имеет на самом деле масонско-розенкрейцерские корни, и об этом в свое время написал граф Граббе, будущий епископ Григорий, в своей работе «Корни церковной смуты» (Белград, 1927 г., была опубликована в «Вече», №38.) В этом ракурсе имеет смысл рассматривать эту тему — масонство в среде духовенства.

[12] Характерный сюжет на эту тему содержался в допросе Новикова Шешковским. См. также Соколовская Т.О. «Русское масонство».

М.И.Пыляева: «Новиков обладал огромными талантами, образованием и благороднейшим характером; он был главою кружка московских масонов, лучшие люди его времени, как, например, граф Чернышев, Лопухин, Репнин, Тургенев, митрополит Платон, Михаил (Десницкий), и Серафим (Глаголевский) считали его своим другом». (Пыляев М.И. Старая Москва М.1990, с.76).

Действительно, преосвященный Платон всячески содействовал всем предприятиям московских розенкрейцеров на общественном поприще. Он благословил и само открытие Дружеского ученого общества, Педагогической и Переводческой семинарий. Только благодаря ему в педагогической семинарии могли обучаться у московских мартинстов, розенкрейцеров, будущие священники, выпускники духовных училищ.

В результате, в Москве ко временам царствования Николая I уже вполне вызрело «мистическое христианство», вернее мистико-каббалистическое, сосредоточенное в нескольких церковных приходах, где священники были масонами, розенкрейцерами (см. ниже).

При Александре I масонство стало почти государственной организацией. Сам Государь покровительствовал масонам и по своим взглядам был большим республиканцем, чем радикальные либералы Западной Европы. Влиятельным лицом в области религиозной масонской мистики становится А.Ф.Лабзин, ученик новиковского кружка. Он издавал «Сионский Вестник» (1806, 1817-1820 гг.) и «под видом св. Писания делал свои толкования произвольно на оное, яко же от беса способно был принимать», — пишет современник, архимандрит Фотий. В эти времена и обер-прокурором св. Синода становится масон-мистик кн. А.Н.Голицын, который окружает себя «братьями». Сам св. Синод становится всего лишь отделом министерства духовных дел и народного просвещения. Духовными делами в это время ведает Александр Иванович Тургенев, сын известного уже нам сподвижника Новикова, из всего вольнолюбия и либеральной терпимости усвоивший разве что неприязнь к Церкви.

Основанное в 1814 году Библейское общество стало первым утвержденным властью Православного Государя экуменическим обществом, где рядом с деистом, атеистом, масоном-мистиком, сидели английские квакеры и методисты, католические патеры и пасторы лютеранские, а между ними православные архиереи: митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий, архиепископ Минский и литовский Серафим (ученик московских розенкрейцеров, впоследствии митрополит Санкт-петербургский), духовник Императрицы о. Александр Криницкий, ректор Петербургской Духовной Академии Филарет, впоследствии знаменитый Митрополит Московский, ставший затем поборником Православия и сильно почитаемый москвичами, ныне канонизированный Русской Православной Церковью. В то время, впрочем, он находился под влиянием кн. А.Н.Голицына и некоторых других мистиков, в первую очередь Лабзина. в ложе которого «Умирающий Сфинкс» он тогда состоял (См. прим. на с. 282). Здесь же в Библейском обществе. видим и министра народного просвещения гр. А.К.Разумовского, министра внутренних дел Козодавлева, обер-прокурора св. Синода кн. Мещерского, будущего министра народного просвещения и члена ложи «Полярная Звезда» знаменитого С.С.Уварова, графа К.А.Ливена, упоминаемого в записках Мотовилова (см. Нилус Сергей. Великое в малом. М.. 1992 г., с.120), А.И.Тургенева, видного розенкрейцера З.А.Карнеева, А.А. Ленивцева, Р.А.Кошелева. А рядом с ними агенты Британского Библейского общества Патерсон, Пинкертон, пастор англиканской церкви Питт, пастор гернгутер Шейерль и проч., и проч. (Пыпин А.Н. Библейское общество. «Вестник Европы». 1868 г., №№ 8,9). Идея внецерковного «христианства» выражена и в идее Священного Союза — объединении «христианских наций», этого прообраза Соединенных Штатов Европы.

По свидетельству осведомленного архимандрита Фотия, «многие в Лабзине и его последователях искали обрести Бога и святость Его, как бы того не было нигде, кроме его. Сему идолу кланялось начальство Санкт-Петербургской Духовной Академии, и Синод его чтил. Некоторые в общество его вступили и принимали духа нечистого, даже духовные, а некоторые письменно себя причисляли, из каковых был сам ректор Академии Филарет». (Из записок Юрьевского архимандрита Фотия о скопцах, хлыстах и других тайных сектах в Петербурге в 1819 году. «Русский Архив», 1873 г.. кн. 2, ее. 1434...). В этом же «сонме бесовском», по выражению Фотия, был и Теофил, законоучитель Первого Кадетского Корпуса, иеромонах. Затем, по масонской линии, он был переведен кн. Голицыным в Одесский Ришельевский лицей, имел награды, сделался главным в правлении лицея, но после отставки Голицына звезда его быстро померкла.

В Морском Кадетском Корпусе был законоучителем архимандрит Иов. Он вошел в ложу Лабзина «Умирающий Сфинкс», но пробыл после этого в Корпусе недолго. Последовало умственное помешательство, — он разрезал икону Божией матери, бывшую на холсте, и натворил безобразие в алтаре. После этого пытался выброситься из окна. Был лишен монашества и священства. Этот Иов не только состоял в ложе, но и был членом «корабля» в хлыстовской секте Татариновой, располагавшейся в самом Мраморном дворце, где бывал и кн. Голицын, и Сам православный Государь Александр I, «хранитель святых догматов и всяческого в Церкви святой благочиния».

В ложе состоял и законоучитель Академии Художеств о. Сперанский, и пастор Второго Кадетского Корпуса Эвенгоф. Надо сказать, что, вице-президентом этой Академии был А.Ф.Лабзин. Следует заметить, что имена

многих архиереев в масонстве остались неизвестными, так как, по свидетельству М-Л. Магницкого, «некоторые из важных лиц здесь не именуются, потому что были в связи с Лабзиным не формально, ибо он освобождал их от приемов и посещений обрядовых собраний». («Русская Старина», 1899 г.. т.2. с.300).

Обращает на себя внимание, что в нескольких учебных заведениях законоучителя были в «братстве». Учившийся в Морском Корпусе декабрист Завалишин, свидетельствуя о причастности к масонству Иова. утверждал даже, что по тайному влиянию масонов старались в то время преподавателями закона Божия в учебные заведения назначать людей, причастных к ордену вольных каменщиков. Завалишин сообщает, что была найдена исповедь Иова, «обличавшая страшные душевные муки человека, колеблющегося между верой и сомнением, и содержащая признание в участии в масонстве». (Семевский В.И. Минувшие годы. 1908 г., № 2, с.131 и след.). Этот рассказ Завалишина подтверждается косвенно и рассказом архимандрита Фотия, который не только хорошо знал Иова, но и исповедовался у него. Приписывая сумасшествие Иова пребыванию в ложе Лабзина, он говорит, что сам Иов ему лично каялся в своем масонстве...

В 1808 году Московская Духовная Академия получила учебную программу, разработанную под руководством М.М.Сперанского. Основанием была поставлена философия, по преимуществу немецкая. Академическая библиотека получила мистическую литературу как раз розенкрейцерского круга чтения. На Канте, Гегеле, Фихте, а больше на мистиках-каббалистах вроде излюбленного масонами Я. Беме, Баадера, Штиллинга, И.Масона, И.Арндта, профессора философии и богословия Духовной Академии пытались строить свои системы богословия. Эта картина влияния масонства видна и из работы Флоровского «Пути Русского Богословия». Из Московских розенкрейцеров позднего периода, уже сороковых-шестидесятых годов, прославился о. Семен Соколов (1772-1860). Он отличался внешним благочестием и переводил мистическую масонскую литературу, вроде Фомы Кемпийского, «не возбранял читать и Эккартсгаузена» (прот. Флоровский, «Пути Русского Богословия») и любил читать «Сионский Вестник», рупор самых откровенных антихристианских идей, этот «духовник строгий и назидательный», по словам Н.В. Сушкова.

В 1818 г. «Сионский Вестник» был закрыт, потому что вызвал возмущение духовенства и рядовых православных людей. Лабзинский журнал проповедовал, что христианство было и до воплощения Христа. Поскольку прот. Флоровский достаточно легко шагает *по* именам, не пытаясь хоть как-то приоткрыть нам, читателям, суть учений этих людей. то за краткостью полезно привести хоть одну цитату из «Сионского Вестника». В двух статьях о философии (1806, январь и июль) Лабзин пишет к Эккартсгаузену: «Обратясь к чтению Цицерона и других древних авторов, я увидел, сколь древние были ближе к понятиям и истинам христианства, нежели мы, имеющие писанное Евангелие и называющие себя христианами».

Этой теме и Новиков посвящал немало статей. «Истинное христианство» мистиков-масонов находилось вне Христа евангельского. Это ведь Новиков и другие члены сообщества братьев злато-розового креста произносили в ложах: «О, Иегова, Великий Мастер!» И писали... об «истинном христианстве». Благочестивый о. Семен Соколов любил читать эту литературу и своим прихожанам ее рекомендовал. Так во времени тянулась эта цепочка розенкрейцерской науки, о которой прот. Флоровский говорит так нежно и ласково. Около о. С. Соколова собирался кружок мистиков-масонов.

Свои воспоминания об о. Семене Ивановиче Соколове оставил Н.В.Сушков и в них много удивительного и в то же время характерного для того времени. Сначала два слова о самом авторе воспоминаний. По своим родовым связям Николай Васильевич Сушков (1796-1871) принадлежал к масонскому кругу вельможной интеллигенции того времени. По матери он был племянником известного статс-секретаря Екатерины II А.В.Храповицкого, который, как и другие все ее секретари, был масоном. Он воспитывался в Московском благородном университетском пансионе, где главную роль играли московские розенкрейцеры. Директором пансиона, неустанно опекавшим воспитанников, был добрейший А.А.Прокопович-Антонский, о котором Сушков отзывается самыми горячими словами признательности и восхищения, (см. Сушков Н.В. Московский Университетский благородный пансион. М. 1858).

Необычным были сами обстоятельства встречи и знакомства Сушкова и О.Семена Ивановича Соколова. В 1828 году Сушков принял участие в дуэли, находясь на службе в Молдавии. Дуэль кончилась гибелью его соперника и Сушкова судили. Суд приговорил его к нескольким месяцам тюрьмы и эпитамии, церковному покаянию. Отсидев два месяца в Тираспольской тюрьме, Сушков для прохождения церковного покаяния выбрал Москву и осенью 1828 года, по прибытии в первопрестольную, пришел к святителю Филарету. После нескольких продолжительных бесед, из которых владыке стало ясно, что перед ним человек, совершенно незнакомый с церковным учением, Сушков был направлен митр. Филаретом для прохождения церковного покаяния в церковь Воскресения в Барашах, что на Покровке, к отцу Семену Ивановичу Соколову. И у них быстро установились доверительные отношения. И эти отношения, не только по церковной линии, но и по масонской продолжались до самой смерти о. Соколова в 1860 году.

«Семен Иванович, пишет Сушков, находился смолоду в приязненных отношениях с членами и питомцами Дружеского общества, которое имело столь важное влияние на новорожденный в России Университет.» (Сушков Н.В. Записки о жизни времени святителя Филарета, митрополита

Московского. М. 1868, с. 11).

Ко времени их встречи о. С.Соколов был достаточно хорошо известен москвичам, как и своему духовному начальству. Он уже обратил своими трудами и способностями внимание на себя сначала архиеп. Августина, затем Серафима, и. наконец, он приобрел лестное доверие прозорливого преемника его Филарета. Круг обязанностей о. С.Соколова постоянно рос: то он нес должность депутата при следственных делах, то духовника духовных лиц, то руководителя подвергшихся отлучению от церкви (эпитимии);

наконец, члена конференции Московской Духовной Академии, члена попечительства о бедных духовного звания и так далее.

Поклонник масонской мистической литературы. «Сионского Вестника», Фомы Кемпийского и других авторов этого круга, он был известен москвичам именно как мистик и масон. Сушков по этому поводу пишет так:

«В Москве он известен был как духовник строгий и назидательный, как осторожный путеводитель смущаемых сомнениями и ропотом в дни скорби и искушений, как глубокомысленный и проникнутый духовностью мистик.» (ук. соч., с. 15).

Между тем, так как далеко не у всех москвичей было восторженное мнение о масонстве вообще и о мартинизме и мистицизме о. С.Соколова в частности, то Н.В.Сушков дает характерное пояснение читателям — что такое франкмасонство. По его мнению, москвичи много в этом вопросе путают и многого не понимают. Невежественная толпа путает иллюминатство и масонство. Нет ничего дурного на самом деле ни в мартинизме, ни в масонстве вообще, потому что «масонство — секта вовсе не политическая, а прямо религиозная, члены которой усиливались постичь таинства природы и верили в общение с ними душ и ангелов. (...) Чистое франкмасонство чуждо всякой политической деятельности. Основное правило франкмасонов: соблюдать братское дружество и совершенное равенство меду собою членов масонских лож при взаимно пособии друг другу во всех случаях и обстоятельствах жизни.» (ук.соч., с. 16)

Приведя в пример «Нравственный катехизисъ истинных франкмасонов» И.Лопухина, Сушков, защищая репутацию о. Семена Соколова и прочих масонов, делает такой вывод: «Из него (т.е. этого «катехизиса» — *В.О.)* видно, что наши так называемые мистики составляли общество истинно верующих христиан, которые распространяли просвещение, утверждали добрые нравы и жертвовали своим достоянием на пользу ближнего.

В правила и убеждения их вошло все доброе, разумное и честное из учений Якова Беме, Сен-Мартена и Георга Фокса. то есть чистых масонов. мартинистов и квакеров, с тем только различием, что наши мистики, пиэтисты, восторженники, мечтатели — назовите их как угодно — не уклонялись от учения евангельского, не отвергали священных обрядов и св. таинств, не искажали философскими умозаключениями точного смысла св. Писания, уважали как Новый, так и Ветхий Завет и оставались до могилы верными сынами православной церкви.

Вот таким-то был мистиком и мартинистом Семен Иванович. Он радушно пошел мне навстречу, дружественно протянул руку и скоро сблизился со мною. Мы виделись часто.» (ук. соч., с. 17)

Как видно из этой апологетики франкмасонства, приведенной выше, беседы о. С.Соколова, розенкрейцера, с находящимся у него на покаянии в течении 2-х лет, Сушковым дали богатые плоды. При этом надо заметить, что почти на всем протяжении XIX века такая апологетика масонства была характерна для русской публицистики и исторической науки. Чем больше шло время от момента запрещения масонства (1822 и 1826 гг.). тем восторженнее были отзывы об этом братстве и о деятелях новиковского кружка розенкрейцеров. В этом вопросе, кстати, славянофилы наши ни в чем не уступали западникам-либералам.

Отец Семен Иванович Соколов сосредоточил около себя большой круг московских интеллигентов-масонов и был для времен 30-50-х годов тем же, чем был некогда О.А.Поздеев. В круге его адресатов Сергей Степанович Ланской и его супруга, Александр Иванович Муравьев, брат Муравьева-Карского и графа М.Н. Муравьева, наместника Литовского, семейство С.Н. и Н.А.Арсеньевых, в том числе баронесса Медем. Этих лиц «он назидал письмами», как это делал в свое время и Поздеев и как принято в масонстве у руководителя с подопечными.

Как образчик, Сушков приводит в пример некоторые темы бесед о. Соколова. По мнению последнего, христиане так и не уразумели «глаголы Божий», как и «Христово откровение — новые пророчества в Новом Завете». Не трудно догадаться, что если их не уразумели до сих пор христиане, а. следовательно, вера их неистинна, то уразумели другие, не-христиане. Но об этом, пишет Сушков, о. Соколов беседовал в узком кругу единомышленников. Любопытно, что в результате такого «богословствования» Сушков пришел к мысли, что для спасения рода людского нужен был предатель — Иуда. Впрочем, в этом вопросе Семен Иванович его поправил: значит воля Божия приготовила Иуду и расположила его к предательству? Но это уже хула... Были и другие темы. Например, о двух волях Бога в отношении к человеку, о воле «центральной и периферальной» — термины, характерные только для масонства.

Весь этот сюжет с Сушковым, его покаянием, назначением ему святителем Филаретом в качестве его духовника отца С.Соколова, настоятеля храма

Воскресения в Барашах, что на Покровке и характеристика Сушковым самого о. С.Соколова и попутно франкмасонства — крайне характерен для темы «масонство среди духовенства» в 30-60-е годы XIX века. Возникают и вопросы по данному сюжету. Москвичам было известно, что о. Соколов — масон, мартинист, мистик, волшебник, иллюминат. И несмотря на эту молву, о. Соколов, не просто масон, а розенкрейцер, имеет все возможности совращать беспрепятственно свою паству, вести антихристианскую агитацию и даже пользуется благоволением своего духовного начальства и московской администрации. Понятно. что этот священник был не одинок в своем масонстве. Оккультно-теософские каббалистические идеи властно вторгнулись в саму Духовную Академию, готовившую ученых священников, которые по принятии монашеского звания, затем, при определенных условиях, занимали нередко первенствующие места в церковной иерархии.

Влияние розенкрейцеров в Московской Духовной Академии, судя по всему, более не исчезало и исчезнуть уже не могло. Святоотеческая литература здесь становилась лишь источником новых мистических толкований в духе масонской идеи о «внутренней Церкви», то есть масонстве же.

Неученые батюшки отодвигаются в сторону, в дальние приходы. В руководство идут ученые монахи, прошедшие курс философии и мистически все толкующие, умеющие говорить по правилам западных риторов — цветисто, с аллегориями, яркими образными сравнениями, не способными, однако, тронуть душу, но завораживающие художественной силой своего слова.

Ярким представителем поздней когорты московских розенкрейцеров в Академии был проф. о. Федор Голубинский, а позднее и его сын Д.Ф.Голубинский. По свидетельству его ученика, графа М.В. Толстого, Ф.А. Голубинский держался системы Канта, но предпочитал ему Якобия, критика Канта. Нравился ему и каббалист Баадер. Следуя еврейскому философу Филону Александрийскому и другим иудейским мыслителям, он считал, что своим умом греческие философы не могли дойти до тех глубин мысли, которые ими были открыты. Значит, все основное в древнегреческой философии заимствовано у евреев. Нравилась православному священнику и ученому богослову Ф.А. Голубинскому и система Гегеля, которая, по свидетельствам самих ее многочисленных поклонников, готовила из них законченных атеистов или пантеистов с выходом в конечном счете на масонство (см. Чичерин Б.Н. «Воспоминания», с.40.). Профессор развивал ее на своих лекциях перед будущими священниками, многие из которых станут затем архиереями. Кроме того, о. Ф.А. Голубинский изучал «Талмуд и Каббалу, рассказы о ясновидящих». (Граф Толстой М.В., «Хранилище моей памяти». М.. 1995 г.. с. 125). Мемуарист осторожно замечает, что увлечение мистиками, теоретиками масонства, привело его к «сближению с масонами, почитавшими Беме одним из лучших своих учителей». Однако учение самого Голубинского ближе подходит к Баадеру, — замечает гр. Толстой. Замечание тонкое, но малопонятное, так как Баадер был лишь слабой копией Беме. Оба были каббалистами. Сам Толстой, заканчивая Академию, получил от профессора Голубинского в подарок сочинение Фомы Кемпийского «О подражании Иисусу Христу», горячо почитаемое масонами. Деятельность о. Ф. Голубинского не была тайной для его начальства, а осуществлением принятого им направления.

Но дело обстояло еще более серьезно. О. Ф.А. Голубинский входил во внутренний орден — в розенкрейцерство, как затем и его сын, тоже ставший преподавателем в той же Духовной Академии. (См. Рукописное собрание ГБЛ. — Указатель, т.1. вып. 2, сс.53, 188, 191).

Что это значит? Это поможет понять обрядник. по которому совершалось принятие в ту или иную степень масонства и другие обряды. Вот общая клятва, которую произносил любой «брат»:

«Я обещаюсь быть послушну начальникам моим во всем том. что мне для блага и преуспеяния Ордена, которому я обязан во всю жизнь сохранять верность, поведено будет; я обещаю быть осторожну и скрытну, умалчивать обо всем том, что мне вверено будет... в случае же малейшего нарушения сего обязательства моего: подвергаю себя, чтобы глава была мне отсечена...» — и так далее и — *«в чем поможет мне Господь Бог и Его Милосердие» (ОР РГБ, ф.147, Na2, л.3).*

В другой клятве: *«Клянусь и обещаюсь свободною волею пред Высочайшим Строителем Вселенныя и пред всеми истинными орденскими братьями, видимыми и невидимыми, рассеянными по лицу земли...»*

Далее идет клятва в том, что без ведома начальства произносящий ее не будет вступать ни с кем ни в какие отношения. (Там же).

Это значит, что он, православный священник, призванный воспитывать и образовывать юные сердца будущих священников, произносил эти клятвы, целовал левое колено Мастера ложи, а на плечо ему клали «печать Соломона». И что он клялся в верности «святому Ордену».

А в конкретном ордене, где состоял о. Ф.А.Голубинский, присяга на верность звучала так:

«Я, NN, обещаюся свободно и по добром размышлении:

1. Во всю жизнь мою поклоняться вечному всемогущему Иегове в духе и истине;

2. По возможности моей стараться всемогущество Его и премудрость

чрез натуру познавать; (...)

4. Сколько в моей возможности состоит споспешествовать пользе моих братьев...

Все присутствующие братья говорят: Тебе, да будет, о, Егова! Ты начало, средина и конец, который живет от вечности. Аминь!» (ОР РГБ ф.157, №101, «Теоретический градус Соломоновых Наук», л. 3 об.).

Не будем говорить о демонических обрядах, магии, вызывании духов, о том, что учение розенкрейцерское погружает последователя его в страшные глубины каббалистической мистики. Между тем, авторитет о. Ф. Голубинского в Академии был непререкаем.

И до самой революции в православных кругах всегда было живо представление о необходимости исправить тот ущерб, который был нанесен церкви «ученым монашеством», замешанным на западной философии и иудейской мистике. Таким образом, обновленчество в Церкви имеет давние масонские корни.

Было бы неверно считать, что все выпускники ради карьеры вступали в ложи, но главный эффект достигался самой учебной программой. Кроме того, мы видели клятву о помощи «братьям». Можно не сомневаться — помогали. И были осторожными. И «умалчивали».

Что до графа Толстого, то и его отец Владимир Толстой, и сам мемуарист. были в рядах вольных каменщиков. Получив замечательное духовное образование под руководством самого о. Ф.А.Голубинского, граф Михаил Толстой стал составлять книжки духовно-религиозного содержания из Четьи Минеи, Пролога и Жития святых. Затем стал сотрудничать в религиозных журналах, вроде «Душеполезного чтения», «Богословского вестника», написал «Рассказы из истории Русской Церкви», «Сказание о чудотворной Иверской иконе Божией Матери» и др. И был благочестив, по-своему...

То есть, нельзя сказать, что в церковных вопросах и вопросах веры вообще Михаил Толстой, граф и почти рюрикович был безграмотным. Но при всем том он увлекался спиритизмом и вызывал духов умерших или тех, кто выдавал себя за таковых. В конце концов он убедился, что вызываемые им духи были из злого племени.

Он был масоном и масонским «христианином». Розенкрейцерство XIX века вошло в самые близкие отношения с церковными кругами, и по своему тихому, скрытному мистицизму, обильно прикрытому цитатами из священного Писания и христианскими терминами и понятиями, оно дошло без потрясений до революции. По некоторым сообщениям. перед революцией митрополит Антоний Вадковский, первоприсутствующий член св. Синода, состоял в одной ложе с гр. Витте. (Показание С.П.Белецкого, тов. министра внутренних дел. — Падение царского режима, т. III. 333-334. см. ниже)

Что касается богословия, которое никогда не было сильной стороной Русской Церкви (она до Петра I и не очень-то в нем нуждалась), то оно сильно привлекало к себе внимание таких ученых, как проф. о. Голубинский.

Взглянем напоследок на несколько биографий.

Василий Сергеевич Арсеньев (1829-1915). Из потомственных масонов. Отец его входил в окружение Новикова, а сам он дожил до мировой войны. Как и полагается в масонских семьях, и мать его была дочерью известного масона из того же круга московских розенкрейцеров В.Д.Комынина, близкого Новикову человека. Дядя матери тоже был масоном, и тоже известным в своих кругах — Л.В.Левшин, моряк. И прадед был масоном... Тем не менее, в биографической справке о нем сказано: «консервативно настроенный царский чиновник, близкий к К.П.Победоносцеву и церковным кругам, автор статей по истории и богословию, переводчик, библиофил, масон».

С такой родословной иначе и быть не могло. Масонство вроде давно уже стало историей, но на самом деле оно тихо цвело в среде высшей бюрократии, при дворе и среди писателей, ученых, врачей, затрагивая и некоторых священников. Старый кружок розенкрейцеров в Москве давал молодые всходы.

В.С. Арсеньев точно так же, как и граф М. Толстой, состоял в масонской ложе в самых близких отношениях с проф. о. Ф.А. Голубинским, и с его сыном. В 1850 году он вступил в ложу как ученик, постепенно поднимался по масонским градусам, и достиг высших степеней. (Рукописные собрания ОР ГБЛ. — Указатель. Т.1. вып. 2). Он также сотрудничает в церковных изданиях: «Душеполезное чтение». «Православное обозрение» и других. Среди его сочинений — статьи об иконописи, о воспитании, переводы из незабвенного Фомы Кемпийского, этого Карла Маркса розенкрейцеров. К 1896 году он достигает высшего чиновничьего градуса — действительного тайного советника. При этом. будучи активным членом ложи. ведет активную переписку с «братьями». Из этой переписки можно узнать. что в область христианской философии им были включены и сочинения Новикова, и его соратников — каббалистов, магов и алхимиков. Среди его корреспондентов по масонской линии — генерал А.П. Ермолов. Обычно, говоря о возможном масонстве последнего, ссылаются на его слова о том. что он не любит секретных обществ и потому никогда в орден не вступит. Такие свидетельства не стоят ни копейки (вспомним клятву). Но историки всех оттенков доказывают обратное, и напрасно. В фонде Арсеньева в Рукописном Отделе РГБ хранится переписка доблестного генерала с розенкрейцером Арсеньевым, по масонской линии.

Судя по всему, В.С. Арсеньев, прот. С. Соколов, Д.И. Попов, С.С. Ланской (бывший незадолго до смерти министром внутренних дел). отец и сын Голубинские, Апполон Григорьев, известный писатель, «почвенник», граф М.В. Толстой, Павел Андреевич Болотов (сын известного мемуариста), сын его Алексей Павлович Болотов (генерал-майор и профессор Военной академии). А.Н. Пыпин — историк масонства, В.А. Жуковский, и некоторые другие известные лица, принадлежали в 30-40-е годы, и позднее, к одному кругу масонов. Не все жили в Москве. но встречались часто и переписывались.

Фигура В.С. Арсеньева соединяет новиковское масонство времен Екатерины II с масонством уже предреволюционным.

...О широком распространении масонства среди писателей XIX века говорят различные отрывочные сведения, сами по себе характерные своей рутинностью. Например, такой эпизод, описанный мемуаристом:

«Летом 1822 г. И. А. Крылов с тогдашним закадычным приятелем своим М. С. Шулепниковым... нанимал дачу недалеко от городской черты. К ним почти каждый вечер собирались литераторы, большею частью масоны разных лож... Распорядителем этих собраний, где угощение совершалось в складчину всеми гостями-братьями, был И. А. Крылов, прозванный друзьями «Соловьем» (Бурнашов В. П. Воспоминания. «Дело», 1874, № 4, 169).

Среди посетителей из числа «братьев» названы В. А. Жуковский, граф Д. И. Хвостов и другие. Созданный в середине XIX века Литературный фонд и «Шахматный клуб» несомненно имели масонское происхождение. Среди учредителей фонда был И.С. Тургенев, член французской ложи «Биксио» (Берберова Н.). Относительно Льва Толстого укажем лишь на его отношение к франк-масонству: «Я весьма уважаю эту организацию, — писал он одному немецкому «брату», — и считаю, что франк-масонство сделало много хорошего для человечества (Dictionnaire de la franc-macconrie, 1887, Paris, p.1174).

Показателен сам по себе один факт. Когда в 1901 году в Париже российские либеральные профессора — масоны открыли здесь с разрешения властей Русскую высшую школу общественных наук, где лекции читали старейшие наши масоны, вроде Аничкова, Гамбарова, Ковалевского, де Роберта, то почетным председателем русского попечительного совета состоял яснополянский ересиарх Лев Толстой, будучи «зеркалом русской революции» и отражая своим творчеством все основополагающие идеи масонского гуманизма с его антихристианским пафосом.

Не приходится говорить и о том, что все творчество графа Льва Николаевича Толстого есть действительно самое полное осуществление принципа масонского катехизиса, провозгласившего примат «чисто человеческого, в котором согласны все люди» над религией, нацией, традицией и историей. Страсть к мессианизму, желание стать на место пророка Моисея и вещать от имени самого Бога вообще говоря характерно для многих наших писателей той поры, отражая глубинные влияния на их психику масонства. Известно, что литература в нашей стране стала всем для интеллигентного общества. Ни философия, ни серьезные научные интересы не были присущи ему. И все, что у других народов разделяется между философией, наукой, богословием, у нас вылилось в литературу и уже при ней стали создавать суррогат философии, психологии, социологии, этики и эстетики — литературную критику, вместившую в себя все эти науки. В свою очередь, эта литература изначально была трибуной идей масонского, либерально-гуманистического просветительства. И Лев Толстой обнаружил все внутренние тенденции литературы, как претензии спасать человечество моралистической проповедью. Затем началось отрицание семьи, государства и самой нравственности. По существу, Толстой развивал в своей публицистике идеи мартиниста Радищева. Любопытно, что после смерти графа Царь Николай II выделил немалую ежегодную пенсию его вдове Софье Андреевне в знак признания заслуг великого писателя, преданного анафеме святой Православной Церковью. И еще любопытно. В то время, как последователей гр. Л.Н. Толстого арестовывали и преследовали судебным порядком, самого графа не трогали. Он как будто обладал дипломатическим иммунитетом. Трудно во всей этой истории не увидеть подспудных влияний в верхах власти масонства[13].

Укажем еще на некоторые эпизоды этой темы.

...Запрещенное в 1822-м и повторно запрещенное в 1826 году, масонство ушло от взоров улицы, широкой публики, перестало себя афишировать, рекламировать, но его влияние на высшую управленческую сферу государства лишь усилилось. Оно закрылось от низов, от народных масс, для обывателей, что было в собственных его интересах, но оставалось открытым для верхов. Оно не стало буквально закрытым и секретным. Просто не стало о себе кричать. Но известный писатель, почвенник близкий к славянофилам Апполон Григорьев, например, вступил в масонскую ложу, видимо, когда еще учился в Московском Университете в 30-е годы или в первые годы после его окончания, когда в начале 40-х работал в том же университете. Он сам сообщает о своем вступлении в университетскую ложу своему другу Фету. На масонские деньги он уезжает в Петербург. Увлек его в масонство однокашник, Константин Соломонович Милановский. В это время, следовательно, среди преподавателей университета продолжала действовать масонская ложа. Да

[13] Ср. письмо Л. Толстого к Веркскхагена (7 марта 1905 г.): «Меня очень радует, что я, сам того не зная, был и есть масон по своим убеждениям. Я всегда, с самого детства, питал глубокое уважение к этой организации и думаю, что масонство сделало много добра человечеству». — Новиков В. И. Русское масонство., с. 350.

ведь были еще живы и масоны Александровского периода. И они, как видно из признания Ап. Григорьева и из того факта, что о масонстве студента Милановского было в студенческой среде известно, не особенно и прятались. Фет пишет, что в университете Ап. Григорьева опекал проф. Крылов, о масонстве которого хорошо известно. Крылов поместил Ап. Григорьева на должность университетского библиотекаря. Это было в начале 40-х годов. «К этому Григорьев не раз говорил мне о своем поступлении в масонскую ложу и возможность получить с этой ложи денежные субсидии». (Фет А.А. Воспоминания. М. 1890-1893 г.. т.3, 226).

Следовательно, масонская ложа в московском университете продолжала действовать со времен новиковских и точно также, как и в те времена, втягивала в свои рады молодые силы, юное поколение учащейся молодежи. Костяк же ложи составляли профессора и другие сотрудники университета. Любопытно, что вместе с вступлением в ложу А. Григорьев от «отчаянного атеизма» перешел сразу в «крайний аскетизм» и стал «молиться пред образом, налепляя и зажигая на всех пальцах по восковой свечке». То есть совершая магические действия. С одной стороны — молитва пред образом, с другой — магизм. Из этого сочетания появится и розенкрейцерское обновленчество среди части священников. Извращение христианства и приспособление христианской практики и терминологии к своим целям. Корни этого явления, обновленчества, именно здесь... Ложа помогла А. Григорьеву решить его личные проблемы и вскоре «к крайнему моему изумлению, он объявил мне, что получил из масонской ложи временное вспомоществование и завтра же уезжает в три часа дня в дилижансе в Петербург...» (там же, т.3, с.226)

Так, преемственно, масонская ложа университета перешла из времен екатерининских во времена императора Николая I, направляя и контролируя весь педагогический процесс и формирование научных кадров. Не трудно догадаться, что при такой ситуации на кафедрах университета оставлялись для ученой и преподавательской деятельности только те лица, которые проявляли готовность войти в члены ложи университета. Совершенно очевидно и то, что о существовании этой ложи в императорском университете не могло не знать и высшее начальство, а, следовательно, знал об этом и сам Николай I.

На всем протяжении XIX века и до самой революции не известно ни об одном судебном преследовании кого-либо, как масона, за принадлежность к масонской ложе. Никаких примеров. Иначе и быть не может. Масонство обслуживает исключительно высшие сферы, и никогда не садится в крестьянские избы или городские нищие хибары. Искать его надо в кабинетах министерств, у финансовых тузов и среди богемы.

Переехав в Петербург, Ап. Григорьев и здесь находит себе масонскую ложу. Масонство его отразилось в его повестях, в цикле стихотворений «Гимны», которые оказались переводами немецких масонских песен, а также и в критических рецензиях. Знание предмета сказалось и в характеристике рыцарских немецких романов. (См. Григорьев Алполон. Воспоминания. Л., «Наука», 1980 г., с.70; здесь же — Егоров Б.Ф. Художественная проза Ап. Григорьева и Примечания).

О масонстве середины XIX века, как и времен Александра II, известно очень мало. О нем, современном, просто не пишут.

Вот приехал Ап. Григорьев в Петербург, вступил в какую-то ложу. Но в печати об этом сведений нет. Известный масон предреволюционной поры, Кандауров, в эмиграции в статьях по истории масонства, написанных им для «братьев» в 1930 году, сообщает, что, по данным английской масонской литературы середины XIX века, «имеется указание на то, что с 1857 по 1866 год ложи были официально разрешены Правительством Александра II который, судя по многочисленным данным, сам принадлежал к английскому масонству. К этой же эпохе относится посвящение в ложу «Нептун» в Москве известного историка А.Н. Пыпина и П.П. Беклемишева». (ЦХИДК, бывш. Особый Архив, ф.730, оп. 1, д. 172, лл. 15 и 18).

Н. Берберова со ссылкой на кн. В.Л. Вяземского сообщает, что Александр II еще до восшествия на престол был английским масоном. Масонами также были граф Панин и министр Лорис-Меликов. (Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, с. 171). Судя по характеру реформ Александра II, его увлечению либерализмом и той лавине преобразований, которую Он и подобранные им министры обрушили на страну, так дело, видимо, и обстояло. Известно, по крайней мере, что при дворе Александра II очень увлекались спиритизмом. Кроме того, именно в это время Тютчев, кажется, впервые употребил слово «русофобы», сказанное им в отношении группы министров во главе с Валуевым и других высокопоставленных чиновников. Вообще же увлечение масонской мистикой в «образованном» обществе не затухало со времен Екатерины II. Примером тому служит Вл. Соловьев со своей «Софией», взятой им у каббалистов (Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Пгр., 1918 г., кн.3, ее. 145, 179-180, 232-235, 257), и «преображением мира» в результате «коллективной работы человечества», его верой в «близкое торжество правды и разума на земле», увлечением социализмом, повторением рутинных принципов раввинистической литературы. Известно, что Вл. Соловьев изучал тех же авторов. что и московские розенкрейцеры времен Екатерины II: Беме, Баадер, Пордедж... Трудно представить себе после этого, что он не состоял в ложе. Вл. Соловьев окончил Московский Университет. Здесь ему дали командировку в Лондон. В университет он и вернулся...

Владимир Соловьев — фигура для своего времени знаковая и даже культовая. В чем-то его роль в пропаганде масонских идей в России можно сопоставить с ролью Новикова, Лабзина или Лопухина. По крайней мере именно с него начинается обновление самого розенкрейкрейцерства, легализация его идей и формирование новой, современной поросли «творческой интеллигенции», философствующей и богословствующей на «христианско-социалистический» лад. С него начинается и ересь софианства. Идеи Сен-Мартена, Пордеджа, Баадера, Беме и прочих европейских каббалистов получили в сочинениях Вл.Соловьева свое новое выражение, будучи приспособленными к новой терминологии и новым требованиям эпохи.

Решающим моментом в жизни Вл. Соловьева, в формировании его мировоззрения надо, видимо, считать его заграничную командировку в 1875 году. Оказавшись в Лондоне, он встречается здесь с двумя видными профессорами Московского Университета М.М. Ковалевским и И.И. Янжулом. Они берут его под свою опеку. Соловьев изучает в Национальной библиотеке каббалу. И не только ее. Именно после знакомства с каббалой у Соловьева и появляются размышления о Софии. Любопытно, что в масонских трудах И.В. Лопухина, сподвижника Новикова, «масон» определяется, то как любовник Софии, то как ищущий Софии, то как «Рыцарь Ищущий Премудрости», т.е. Софии, а само масонство, как учение Премудрости Софии, вечной Девы. Говорится, что масон находится в девственном браке с Софией и что в масоне сама София возжигает светильник, «путь к ней освещающий» и так далее (см. Лопухин И.В. Масонский труды). В то же время София называется Небесной Девой, которая рождает чад Премудрости, то есть тех же масонов. Связь масонства с учением Вл. Соловьева достаточно очевидна. Розенкрейцерская наука, тихо тлея в университетской ложе, периодически вспыхивала в каком-нибудь талантливом юноше и постепенно разгораясь, захватила в конце XIX — начале XX века большой круг «творческой интеллигенции», поставившей себе целью фальсифицировать церковное учение — с одной стороны, а с другой, под видом христианства, из церковных врат проповедовать идеи слияния всех церквей, всех религий под крышей «храма Соломона» с его демоническим учением, и вселенскими претензиями, полными глухого фанатизма, узколобого догматизма и непреодолимой ненависти к подлинному миру Божьему.

Не мешает сказать, что первый покровитель Вл. Соловьева, М.М. Ковалевский был одним из ведущих деятелей тогдашнего российского масонства, рано вступивший в орден во Франции.

Он был одним из инициаторов создания партии кадет и одним из ее лидеров в позднейшее время.

Дополнительной характеристикой взглядов Вл. Соловьева могут служить еще два-три замечания на этот счет. По словам его почитателя и исследователя его творчества кн. Е.Н. Трубецкого, Вл. Соловьев «всецело примкнул к мысли Гартмана, что спасение мира достигается не аскетическою праведностью и самоотречением отдельных лиц, а совокупными усилиями организованного общественного союза.» (Лукьянов С.М., т.2, кн. 2, с.86) Это очевидное отрицание церковного учения. Выше уже было сказано, что Соловьев верил в преображение мира в результате коллективной работы человечества. И эта мысль, как и все другие целиком заимствована Вл. Соловьевым из раввинистического учения. И именно этот постулат иудаизма знаменитый философ А.Ф. Лосев назвал демоническим, богоборческим. (см. ниже «Культура», как орудие национального разрушения»).

Соловьев рано увлекся идеей социализма, пытаясь подвести под него религиозную основу, — так пишет его биограф С.М. Лукьянов. На самом деле, под социализм не надо было пытаться подвести религиозную основу, потому что иудаизм как таковой и есть эта самая религиозная основа философии Всеединства, то есть социализма. Правда автор его биографии считает, что эту веру в социализм Вл. Соловьев мог заимствовать у немецкой философии, например, у Фихте и Гегеля, которые верили в наступление в скором времени «завершительной эры в моральном и политическом развитии человечества...» (там же, с.85)

Вл. Соловьев, как фигура типичная для интеллигента того времени, времени конца XIX века, сосредоточил в себе преемственность розенкрейцерского учения от времен новиковских до времен так называемого «серебряного века», выросшего на оккультизме, масонстве, социализме, кокаине и моральной деградации «творческой интеллигенции», по сравнению с которой все наши безграмотные лабазники, охотнорядцы, извозчики и прочие черносотенцы — просто святые люди.

От Вл. Соловьева цепочка тянется к религиозно-философскому обществу Петербурга и Москвы, которое и было создано в его память и в продолжение его дела. Отсюда же идет и софианская ересь эмиграции с о. Сергием Булгаковым во главе.

Нелишне будет сказать, что многие современники считали Соловьева евреем как за отчетливо семитский внешний тип, так и за неумеренное, навязчивое восхваление еврейского народа и постоянные переживания за его судьбу. (Лукьянов, т.3). Но, с другой стороны, в среде его последователей русских людей в буквальном, а не метафизическом смысле, найти было бы сложно. Здесь, в этой масонской среде, считали, в то же время, что праведный Иоанн Кронштадтский — мракобес, черносотенец и враг прогресса. Но, с другой стороны, здесь любили и восхваляли Люцифера и Иуду. Здесь постоянно рыдали, до самого 17 года по поводу судьбы только одного — еврейского народа и только воцарение в Кремле погромщиков русского народа

внесло успокоение в этом отношении в эту нервную и обостренно обидчивую среду, где было принято скрывать свою национальную принадлежность.

И если у нас нет в руках списка членов той ложи в которой состоял Вл. Соловьев, то творчество его доступно каждому и оно свидетельствует очевидным образом в пользу принадлежности этого проповедника розенкрейцерских идей и юдофильства к «всемирному братству» через приобщение к оному в масонской ложе московского университета. Не даром в юности Вл. Соловьев, как пишет его биограф С.М. Лукьянов, однажды удивил своего гимназического товарища тем, что на кладбище поверг на землю крест и стал топтать его ногами.

Перечислим еще раз учителей Вл. Соловьева в мистике и философии: Як.Беме, Баадер, Георг Гихтель, Готфрвд Арнольд, Дж.Пордедж, Сен-Мартен, Парацельс, Сведенборг, Шеллинг, Гартман, Фихте. Обычный круг мистиков-масонов, многие имена из которых мы встречали уже у московских розенкрейцеров времен Новикова.

Одна из глав в истории русского масонства XIX века связана как с масонством в Университете первопрестольной, так и с философским учением Огюста Конта. «Религия человечества» основателя позитивизма О. Конта, как и сам его позитивизм, нашли самую горячую поддержку масонов Европы. Уже К.А. Тимирязев одним махом пера приравнял позитивизм к масонскому свободомыслию, противопоставив им «клерикальную нетерпимость» (Тимирязев К.А. Наука и Демократия. Сб. статей 1904-1919 гг. Л., 1926 г., с.81). Во время приема видного последователя Огюста Конта Литтре в масонскую ложу «Милосердная дружба» видный деятель Третьей республики Франции Ж.Ферри заявил о наличии «интимной и тайной связи между масонством и позитивизмом». (Соловьев О.ф. Русское масонство 1730-1917, с. 141).

Должно заметить, что, чуткое в отношении к веяниям и поветриям времени, масонство выдвигает периодически то одно учение, то другое, создавая моду на него и вкладывая в него средства. Все эти учения, понятно, имеют действительно глубокую связь с оккультно-каббалистической доктриной масонства, но в каждую эпоху они облекаются в разные одежды, соответствующие духу времени. Так в начале XX века будет и с антропософией, и с психоанализом. (См. ниже «Секреты особых хранилищ») Позитивизм имеет и научную сторону, и чисто религиозно-мистическую. В 1852 году О. Конт благодарил Николая I за то, что Царь разрешил распространять позитивизм в России. (Нарский И.С. Очерки по истории позитивизма. М., 1960 г., с.72). В церемонии же заседания Парижской ложи «Милосердная дружба» среди других присутствующих можно было увидеть и председателя всемирного Израильского Союза А. Кремье, и друга Маркса Луи Блана.

В 1899 году в Париже было создано братство «Позитивная философия», а глава его Литтре провозгласил курс на создание всеевропейской федеративной республики. Она мыслилась им как средство для обеспечения прочного мира. В этой среде нашел самый горячий отклик призыв Николая II к ограничению вооружений и необходимости создания международного суда, что нашло свое выражение весной 1899 года на Гаагской мирной конференции[14], созванной по инициативе русского Императора. Затем европейские масонские ложи организовали сбор средств на строительство дворца в Гааге.

Позитивизм при последовательном следовании ему неизменно вел, как и вообще философия, к оккультизму, и, следовательно, вызывал необходимость создания масонских лож. В России в Царскосельском лицее преподаватель литературы Помье хорошо знал Литтре. Он увлек в позитивизм Г. Вырубова и его друга Е.В. Роберта. Вырубов, очень состоятельный помещик, осенью 1862 года приехал в Париж, уже имея рекомендательною письмо «брата» Помье. Он стал ученым-химиком и быстро продвигался по масонской линии. Вскоре он возглавил ложу «Милосердная дружба». Его друг социолог де Роберта тоже стал масоном. В этот круг вступают и К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, Н.А. Мельгунов. Надо заметить, что одна из линий, постоянно питавших ученое масонство, университетское, были заграничные масонские ложи. Ведь любой молодой ученый российского университета прежде, чем защищать ученую степень, получал командировку на полтора — два года, а то и больше, в западные университеты. Здесь он и вступал в масонскую ложу. Об университетском масонстве и влиянии на его распространение в России западноевропейских университетских лож писал в своей записке Государю Николаю Павловичу еще М.Л. Магницкий (см. ниже. гл. «Николай I и донос на всю Россию.»). Уже он отмечал тот факт, что при близости российских университетов к германским и бесконтрольном обмене любой литературой, как и при имеющемся порядке выбора любого ученого из немецкой университетской среды в профессора русских университетов, проникновение немецких иллюминатов в нашу ученую среду происходит легко и беспрепятственно. То, что многие из русских студентов и молодых ученых

[14] Это воплощение идеи «вечного мира», разрабатываемой масонством со дня его появления на политической сцене. В свою очередь, эта идея непосредственно предполагает создание Всемирного Федеративного государства. Частная задача — создание Соединенных Штатов Европы. Первый опыт в истории — «Священный Союз», созданный по инициативе Александра I. Берберова со ссылкой на того же кн. В.Л. Вяземского сообщает, что «создание Гаагского трибунала — инициатива масонов и их дело». Об этом пишет и Кондауров (см. ниже). Государь Николай II в таком случае просто озвучил эту идею и взял на себя политическую инициативу. По переписке масонских лож начала XX века видно, что они активно поддерживали предложение Николая II (см. ниже «Масонство и Николай II»).

вступали в западноевропейские университетские масонские ложи свидетельствует следующий эпизод из жизни русского дворянина-интеллигента времен Александра I: Петр Каверин, воспетый А.С. Пушкиным, «не сразу пошел на военную службу, - пишет его биограф, — он учился в университетах, сначала в Москве, затем в Германии, в Геттингене. Там он был принят в масонскую ложу «Августа Золотого Циркуля». По возвращении в Россию Каверин вступил в «Союз благоденствия» — тайное общество будущих декабристов.» (Тхоржевский С. Портреты пером. М. 1986 г., с. 11).

Здесь, в этом примере все логично и последовательно: учеба в Геттингене, где он вступает, как и полагается молодому искателю истины и свободы, в масонскую ложу, а затем, «с душою прямо геттингенской, красавец, в полном цвете лет, поклонник Канта и поэт», все как Ленский у Пушкина, он вступает по приезде в Россию, в масонское политическое общество декабристов, а попутно и в литературное общество «Зеленая лампа». Все учености плоды в то время сосредотачивались в вольнолюбивых мечтах, то есть в политическом прожектерстве. Надо заметить попутно, что Геттингенский университет в XIX веке был очагом «научного университетского масонства» для всей Европы. Здесь, кстати, учились и Н.И. Тургенев и его брат Александр, и известный лицейский учитель А.П. Куницын (1783-1840), ставший позднее университетским профессором в Петербурге и кого Магницкий причислял небезосновательно к ордену иллюминатов. Как бы там ни было, но членами геттингенской университетской ложи «Августа Золотого Циркуля» все вышеназванные не могли не быть.

Научные командировки в западные университеты были заурядным явлением. В московском университете сложился крепкий в этом отношении коллектив, войти в который постороннему человеку, хоть и ученому, было невозможно. Среди этой группы примыкавших к французскому масонству были, кроме вышеназванных, И.И. Янжул, Д.М. Петрушевский, С.А. Муромцев, позднее председатель первой Госдумы, член ЦК кадетской партии в будущем, родственник Ивана Ильина. Среди главных персон выделяется толстый и благодушный М. М. Ковалевский, вечный противник Самодержавия, написавший кучу работ о прелестях демократии под лучами которой Россия тут же расцветет. Он, М. М. Ковалевский, научно это обосновал. Янжул и Ковалевский будут в 1875 году опекать Вл. Соловьева в Лондоне, пока тот будет изучать каббалу в Лондонской библиотеке и постигать иудейское учение о Софии. В этом кругу ученых-масонов в 1905 году будет создана еврейско-кадетская партия.

Активным масоном был, как известно, и создатель дуговой лампы П.Н. Яблочков, который в 1884-1885 годах возглавлял парижскую ложу «Труд». Максим Ковалевский в 1887 году возглавит там же ложу «Космос» для русских эмигрантов, путешественников и командировочных. Теперь наши ученые мужи, приезжая в Париж, имели свой уютный уголок в «храме Соломона», рядом с мертвой головой. Здесь и формировался костяк будущих деятелей революции. Недаром ведь Московский Университет, как и многие другие университеты, стал с середины еще XIX века главным зачинщиком бунта. В 1905-м он стал с осени штаб-квартирой вооруженного мятежа. О революционности профессуры, главной возбудительнице мятежа среди студентов, постоянно писали газеты. В революцию играли на казенные средства.

И если кадет называли с одной стороны профессорской партией, а с другой — жидо-кадетами, то в соединении этих определений можно получить суть того процесса, что начался с деятельности московских розенкрейцеров, обосновавшихся при университете и захвативших в нем все должности, а, следовательно, и будущее страны, процесса, который начался во времена Екатерины II, а закончился в феврале 1917 года.

Социальные утопии, рождаемые в идейном тумане братьев злато-розового креста, в головах Новикова и его подельников по алхимии и по разоблачению социальной несправедливости при царизме, стали реальностью. И стали видны подлинные ценности масонского гуманизма, гуманной культуры, «свободы, равенства и братства», проповедываемые этими просветителями.

На землю русскую пришло царство Астреи... для малого народа, избранного. И на гербе нового иудейского государства появилась вечная заря, которую по глупости многие приняли за утренний свет. Но это уже другая история и другое масонство.

И встает вопрос, какие силы венчали государственный механизм управления страной, то есть, что представляло из себя правительство и были ли рядом с ним какие-то закулисные силы, способные оказывать влияние на правительственные решения.

Времена царствования Александра II были едва ли не самыми смутными за всю предшествующую эпоху петербургского периода русской истории. Началось время бесконечных реформ и внедрение в жизнь страны рыночных отношений и либеральных начал. Для образованного общества все прошлое вдруг стало «противным», «гнусным», периодом «варварства» и «отсталости», а впереди светило восходящее солнце цивилизации и европейского прогресса. Вслед за введением земств и реформой судов на началах западно-европейских стали ждать «увенчания здания», как тогда говорили. имея в виду отмену Самодержавия и введения в жизнь страны представительного правления — то есть парламента, и, конечно, конституции. Власти на местах не знали, какая очередная реоформаторская блажь завтра придет из столицы в виде указов и приказов и были растеряны. Еврейская окраина России оживилась и ее молодые силы стали быстро организовываться. Воспитываемый в наших

училищах и университетах нигилизм, выросший на идеях Сен-Симона и Фурье, Гегелевской философии, отменявшей ценность истории и видевшей в ней лишь движение к земному раю, вдруг выплеснулся в буйствах студентов и в организации всевозможных студенческих кружков. И сразу, как по заказу, появились и террористы. В Петербурге начались пожары (май 1861 г.), затем грянуло восстание польской шляхты (январь 1863 г.), которое совершенно неверно называют просто польским восстанием — оно было чисто шляхетским — и грянул в апреле 1866 года первый выстрел в помазанника Божия Православного Царя Александра II, либерала из либералов. Если посмотреть на Его окружение, то мы увидим несколько знакомых лиц, уже престарелых и в годах, воспитанников московских розенкрейцеров.

Как всегда бывает при всяких реформаторских горячках, недовольными правительственной политикой оказались все — левые, прогрессисты, и правые, консерваторы. И многомиллионный простой народ — в первую очередь. Правительственная власть повисла в воздухе и революционным прожектерам и террористам стало казаться, что больше незачем считаться с властью и надо только ее слегка, чуток подтолкнуть и она сама свалится, сама рухнет. Что касается многомиллионной народной массы, то здесь недовольство было вызвано вопиющей слабостью правительства и демонстрацией им своего бессилия и растерянности. В это время крамола расползлась по всей земле. Повсюду, в самых глухих уголках России можно было встретить агитаторов за бунт и революцию, объяснявших, что Бога нет и Царя не надо. Ответом на выстрелы и студенческий бунт были очередные реформы и поклоны в сторону «общественности». Наверху заговорили — «время такое», «народ требует», «прогресс не остановить». В наше «демократическое» время такую «общественность» власть прикончила бы в два-три дня, да еще бы и в дураках выставила. Большевики же быстро поставили бы всю «Народную волю» с ее несколькими десятками полуполяков, полуевреев и полурусских к стенке и на страницах истории на эту банду не нашлось бы ни строчки. В Америке им бы даже не дали собраться в кучку из десятка человек, и они, низвергатели и мечтатели, провели бы остаток дней в тюрьме, если бы не попали на электрический стул. В царской России растерялись — «общественность требует», «права человека», «дух времени»... В эти же годы, после отмены крепостного права, отмены, кстати, которую сами же либералы почти не заметили, и еще менее радости проявили, как, впрочем и сами крестьяне — в Россию нахлынули из Польши еврейские банковские аферисты и стали открывать всевозможные акционерные общества и создавать всякие «пирамиды»[15]. Эти финансовые спекулянты почувствовали, что наступает их стихия. Не мало их наехало и в Петербург. Зашелестели акции и облигации и появились впервые в истории России шалые, не заработанные трудом общественно полезным очень большие деньги. Естественно, сразу же появилась по слабости человеческой и коррупция. Финансовое положение Империи при Александре II было значительно хуже, чем при Его отце. Упало производство даже хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

И вот грянул роковой, но давно и с тревогой ожидаемый взрыв 1-го марта 1881 года. Царь был убит в собственной столице, среди бела дня. Случилось то, что должно было случиться рано или поздно. Это было уже восьмое покушение на Государя.

В марте этого же 1881 года в столицу приезжает граф Николай Павлович Игнатьев, бывший долгие годы послом в Турции (1864-1877). В русско-турецкую войну 1877-1878 гг. граф был сторонником самых решительных действий и выступал за взятие Константинополя, что было вполне возможно сделать. Своей патриотической решительной позицией Николай Павлович приобрел одно время большую популярность среди русских национальных кругов общества. Затем, после Сан-Стефанского мира последовала его отставка и назначение на захудалую должность временного нижегородского губернатора. Убийство Александра II и вступление Александра III резко изменили его судьбу. По рекомендации Победоносцева, обер-прокурора св. Синода, Александр III приглашает его в Петербург. Еще не зная, что вскоре он станет министром внутренних дел и заменит на этом посту хитрого армянина М.Т. Лорис-Меликова, фигуры, порожденной всем либеральным курсом политики Александра II, граф Игнатьев в самом начале марта того же, 1881 г., в Петербурге, в ожидании своей судьбы, пишет письмо. И именно Лорис-Меликову, которого Л.Д. Кандауров относит к масонам (см. ниже ком. к источникам V главы, с. 420).

Граф Н.П. Игнатьсв считает, что надо самым решительным образом бороться с крамолой. Нужно созвать земских людей со всей России, чтобы в этой борьбе приняли участие не только правительство, но и все благомыслящие, верные Царю русские люди. Правительству уже никто не верит, пишет Игнатьев, с полицией никто не хочет связываться. Так, как это делалось до сих пор, крамолу не победишь. Да, с крамолой надо бороться. Однако есть большое препятствие и это надо осознавать:

«В Петербурге давно существует, — пишет он, — еврейско-инородческая группа весьма сильная, она держит в руках адвокатуру, биржу, другие отрасли общественной деятельности и большую половину печати.

Не чуждая в своих разветвлениях ни крамолы, ни казнокрадства, группа эта выставляет вожаков, умеющих сохранять голубиную чистоту и громадное влияние на служебный мир.

[15] см. Терпигорев С.Н. «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» СПб. 1880 г.

Во всякой беде они готовы помочь советом: представительные учреждения на западный образец, льготы окраинам и стеснение внутри, вот их лозунг.»

В другой записке, варианте этой, гр. Н.П. Игнатьев оттеняет некоторые моменты. Бороться надо, это несомненно, с крамолой, которая неуклонно разрастается:

«Но для успешного действия необходимо, что Правительство освободилось от некоторых условий, которые сгубили лучшие начинания прошлого царствования: в Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами она имеет громадное влияние и на чиновничество и вообще весь служебный мир.»

Далее гр. Игнатьев пишет Лорис-Меликову: «Они всего более боятся пробуждения русского национального чувства, потому, когда правительственные или частные исследования приводят к серьезным фактам, указывают на возможность освободить промышленность от рабства евреям и иным людям запада, прекратить распущенность администрации или учащейся молодежи, дружный хор жидовской печати указывает на отсталость предлагаемых мер, на несогласие их с просвещенными доктринами, на вредное влияние их на биржу и курс. До настоящего времени этой группе всегда удавалось достигать своих целей, фабриковать Петербургское общественное мнение, согласно еврейским потребностям и добиваться соответствующих распоряжений.»

«Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими криками, твердящими о том, что русские требования следует отвергать как отсталые и непросвященные.» (Игнатьев Н.П., граф. Записки графа Н.П. Игнатьева от 12 марта 1881 г. и Записка графа Н.П. Игнатьева. представленная министру внутренних дел графу М.Т. Лорис-Меликову в марте 1881 г. — «Источник» Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995, № 2).

Конечно, в этих записках мы не видим слова «масонство» и не о нем идет речь. Но мы видим ту среду, в которой оно чувствовало себя уверенно и надежно. Влияние на служебный мир оказывалось, несомненно, не только через подкуп. В самом служебном мире существовала организованная группа, влиятельная, привлекающая к себе тех, кто хотел делать карьеру и получать высокие оклады. В этом мире, где карьера есть путеводная звезда, масонство с его взаимной поддержкой и помощью в получении чинов и наград было для многих привлекательным.

Державин в своих воспоминаниях пишет, что М.М. Сперанскому, тесно связанному с евреем Перетцом, банкиром, помогали в его интригах чиновники всех министерств, так как многие из них попадали на службу благодаря его протекции, это были «свои человечки». Они, пишет Державин, могли выкрасть доклад министра Царю, сообщить о готовящихся документах и потому Сперанский, живший в доме банкира Перетца, знал все, что творится в департаментах различных министерств. Он же, М.М. Сперанский, протежировал еврейским интересам в Белоруссии, когда Державин пытался после ревизии там как-то оградить белорусских крестьян от хищничества еврейских шинкарей-ростовщиков, обиравших до нитки, до последнего куска хлеба этих несчастных тружеников. В те годы, времена Александра I, интрига проеврейской группы российской знати при дворе оказалась сильнее Державина и его предложения не были одобрены монархом. Прошло восемьдесят лет. И вот *граф* Игнатьев пишет о существовании в Петербурге «могущественной польско-жидовской группы, в руках которой» и так далее.

Влияние этой группы настолько сильное, что бороться с ней, этой группой, а, вернее, организацией, невозможно, находясь в Петербурге. Чтобы решить кардинально проблему, надо переменить столицу, перенести ее в Москву, где Царь будет под охраной верного ему народа. Такого верного Царю народа в Петербурге, видимо, считал граф, очень мало. Следовательно, положение было действительно очень серьезное. Царь был открыт всем ветрам, находясь в Петербурге.

Другой момент обращает на себя внимание в записке. Печать находится в руках этой еврейско-инородческой группы, пишет Игнатьев. И эта печать фабрикует общественное мнение по своим рецептам. Такое положение вещей крайне опасно, по его мнению. Любопытно, что решительность графа Игнатьева в той части его записки, где он касается этого вопроса, даже отдаленно не содержит в себе предложения монополизировать правительству всю печать или, на худой конец, путем цензуры и кредита, финансовой поддержки нужных людей и органов печати влиять на общественное мнение. При этом он напоминает, что вся провинциальная Россия в сущности не знает, что такое «свобода печати» и для нее раз напечатано, значит правительство, власть и Царь-батюшка с этим согласны. Были бы не согласны. — так кто бы посмел напечатать. Нынешнее либеральное отношение правительства к печатному слову в условиях свободы печати, подчеркивает граф Игнатьев, крайне опасно и разрушительно.

Таким образом, картина, нарисованная графом Н.П. Игнатьевым, надо признать, имеет передний план — правительство, и задний — еврейско-инородческую группу. Не менее интересно указание графа на то, что русская промышленность нуждалась и в то время в освобождении «от рабства Западу и евреям».

Прекрасным дополнением к записке Игнатьева и обрисованной им

ситуации, служат свидетельства Ф.И. Тютчева в его письмах дочери и знакомым за 60-е годы, когда либерализм правительства Александра II разворачивал свои знамена и трубным гласом возвещал об очередных своих победах над косностью и предрассудками.

Тютчев, вероятно, был один из первых, кто употребил слово «русофобия». Этим словом он определил то направление среди русского общества и в правительстве, которое совершенно определенно выявило себя в эти годы. 20 сентября 1867 года он пишет дочери:

«Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия (курсив Тютчева) некоторых русских людей — кстати, весьма почитаемых ... По мере того, как Россия, добиваясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается» (Литературное наследство, т.97. кн. 1, с.306).

В письме И.С. Аксакову, издателю газеты «Москва», а после ее закрытия, газеты «Москвич», Тютчев пишет по поводу преследования патриотических органов печати правительством:

«Надобно было бы сказать вот что: в русском обществе два ученья, два направления — русское и антирусское. При содействии существующего порядка, судьбе угодно было, в лице Валуева, поставить антирусское (курсив Тютчева) направление верховным и полновластным судьею всей мыслящей России, и как ни поразительно подобное безобразие, в самых сферах к нему относятся равнодушно ...» (там же, с.320)

В следующих письмах он пишет о «презренной клике», об «антирусском отродье» в правительстве. Его возмущает преследование именно русской печати, выступающей с позиций Самодержавия, с позиций защиты именно русских интересов, которые регулярно ущемляются. Имена членов этой «клики» известны. Ведь Тютчев был вхож в высшие сферы . Он был начальником иностранной цензуры, то есть литературы, поступающей в Россию из-за границы. Его дочь долго была фрейлиной Императрицы. И он называет их: это министр внутренних дел П.А. Валуев, при покровительстве которого Чернышевский мог не только написать, но и издать свой роман, прошедший, кстати, 3 цензуры и получивший повсюду отрицательные отзывы, как произведение безусловно вредное. Тем не менее бездарный роман был допущен к печати.

Это и министр народного просвещения А.В. Головин, организовавший вместе с Валуевым идейное и цензурное преследование «Московских Ведомостей» Каткова и выпустивший откровенно антирусскую брошюру Шедо-Ферроти, возмутившую даже профессоров Московского университета, совет которого отказался принять в свою библиотеку это сочинение, присланное лично министром. Это и шеф жандармов П.А. Шувалов, который заявил как-то, что «так называемая русская народность — всего лишь выдумка журналистов». В этой кампании и бывший в 1861-1864 гг. начальник III отделения и затем генерал-губернатор Северо-западного края АЛ. Потапов; сюда же надо добавить и вел. кн. Константина Николаевича, одного из главных двигателей всех реформ. Все они представляли собой плотно сбитую группу, действовавшую сообща, дружно, а действия их подчинялись хорошей режиссуре[16].

То время, о котором мы говорим, характеризовалось отсутствием всякой национальной политики, и даже неприязнью верхов вообще к православию. В 40-е годы в Прибалтийском крае многие латыши и эсты перешли в православие, но стали подвергаться преследованиям со стороны своих владельцев — остзейских баронов. Несмотря на многочисленные мольбы этих людей к правительству и Царю в помощи им было отказано. Факт, хоть и объяснимый, но позорный и для Монархии вредный. В печати сообщения об этом положении дел в Прибалтике преследовались цензурой. Нельзя к тому же не заметить, что руководящий слой чиновничества в России был весь пронизан немецко-польско-еврейским элементом. В таких условиях защищать русские национальные интересы и интересы православной Церкви было не много желающих. Ведь и в самой России при Александре II было закрыто много церквей и большая часть церковноприходских школ. Именно поэтому новый Царь Александр III начал в кадровой политике именно с национального вопроса, сократив долю инородцев в высших эшелонах власти более чем в два раза: с 34% до 14%.

Тютчев видит, как идет борьба антирусских сил против интересов русской народности и России, как государства русского, созданного русскими для себя. И эта борьба сосредоточена в сущности вокруг носителя Верховной власти, «вот где завязка всего дела ... что в этой русской верховной власти одержит решительный перевес — то ли, что составляет ее сущность, ее душу, или наносное, пришлое, привитое; словом сказать, кто одолеет в представителе этой верховной власти: русский ли Царь или петербургские чиновники? ... Русское Самодержавие как принцип принадлежит, бесспорно, нам, только в нашей почве оно может корениться, вне русской почвы оно просто немыслимо... Но за принципом есть еще и личность[17]. Вот чего ни на минуту мы не должны терять из виду.» (там же, с.387-388).

И когда в споре Валуева с И.С. Аксаковым, по поводу газеты «Москвич» Александр II стал на сторону Валуева, и газета была запрещена, как вредная, Тютчев написал дочери, которая была замужем за Аксаковым:

---

[16] О том же пишет хорошо осведомленный кн. В.П. Мещерский в своих воспоминаниях.
[17] курсив везде принадлежит Тютчеву

«Чувствуешь, что колеблется самая основа всего здания ... Клика, находящаяся сейчас у власти, проявляет деятельность положительно антидинастическую. Если она продержится, то приведет господствующую власть к тому, что она не только потеряет популярность, но приобретет антирусский характер.» (там же, с.330)

При монархии вопрос о направлении всей политики упирается в одну точку — в личность Монарха, носителя власти Верховной. И эта проблема, о которой говорит Тютчев, стала особенно остро во времена последнего русского Самодержца. В случае с Александром II верх взяли те чиновники, что входили в ту еврейско-инородческую группу, о которой писал граф Игнатьев. Печальный конец царствования Александра II не послужил уроком царственному внуку убитого террористами благородного и мягкого характером Царя.

И последнее. Тютчев неоднократно встречался и с Валуевым, и с его преемником на этом посту министра внутренних дел Тимашевым. Оба признавались ему, что крайне неохотно накладывали взыскания на русскую национальную, патриотическую печать. Что они неохотно боролись и с Катковым и с Аксаковым и другими. Тютчев считал, что это не одни слова. Когда Тимашев, сменивший Валуева, говорил Тютчеву, что его принудили дать предостережение аксаковской «Москве», то этому надо, по мнению Тютчева, верить, как и Валуеву, который говорил то же самое, — «ибо в этой среде, где живут эти люди, и при тех подводных течениях, от коих они зависят, сопротивление почти невозможно ...» (там же, с .333).

Эти слова намекают на многое. Если против убеждений министра кто-то заставляет его принимать решение, с которым министр не согласен и которому, по крайней мере не сочувствует, то остается спросить, что же это за силы? Ведь выше министра, строго говоря, был только Государь. Но Государь не принуждал министров ни к чему. И Царь — это не «подводное течение», от которого министр зависит. Но если мы примем во внимание, что вся высшая бюрократия формировалась на основе уже сложившейся в давние времена масонских связей, то вряд ли наше предположение будет необоснованным в этом смысле: масонство, как организация, воплощающая идеи либерализма, прогресса и пр. и пр. и было той Закулисной силой, о которой намеком сказал Тютчев, о которой говорит граф Игнатьев. Оно одно может нам объяснить множество самых странных явлений эпохи царствования Александра II. В том числе, например, членство в одной организации, народнической и революционной, таких лиц, как генерал-губернатор Петербурга А.А. Суворов и Чернышевский. Или смысл существования Шахматного клуба, который включал в себя видных представителей журналистики и писательского дела.

Все они входили в клуб, где в шахматы не играли, а собирались исключительно по ночам. Как считают некоторые исследователи, именно в недрах этого так называемого Шахматного клуба и существовала руководящая организация «Земли и воли». И. удивительно, до сих пор ничего ясного ни об этом клубе, ни о существе организации «Земля и воля» — неизвестно.

Если теперь мы совместим картину, данную в записке Игнатьевым с картиной, которая вырисовывается из писем Тютчева, то перед нами появится более или менее завершенное в смысловом отношении полотно русской политической и культурной жизни в ее отношении к масонству XIX века.

Глава четвертая
НИКОЛАЙ I и «ДОНОС НА ВСЮ РОССИЮ»

(Николай I и масонство)

Тема отношения Николая I к масонству представляется достаточно важной и потому целесообразно выделить ее в отдельную главу.

Выше мы видели, что и в тридцатые годы и в сороковые масонство тихо цвело в высших учебных заведениях, и, соответственно, среди интеллигенции того времени, т.е. разночинцев и дворянства. И. следовательно, среди чиновничества, как и в среде ученого духовенства, начало которому положили реформы М. Сперанского в области духовного образования. Можно с изрядной долей уверенности сказать, что Император Николай I достаточно много знал о масонстве, как и о его существовании в Его царствование. Именно в этот период «Алгебра революции» — гегельянство, то есть философия Гегеля, как, впрочем, и в целом вся немецкая философия, по верному свидетельству Б.Н. Чичерина (см. его воспоминания), окончательно овладела всеми философскими умами в русских университетах. Таким образом, само правительство внедряло в русское общество идеи пантеизма и социализма, идеи «прогресса» и движения человечества к золотому веку Астреи.

Но при всем том, остается вопрос, что именно было известно о масонстве самому Императору и как именно он лично к нему относился. На первый вопрос можно ответить вполне уверенно — знал много и, вероятно, больше, чем кто-либо из нас, даже включая специалистов. Трагические события, сопровождавшие вступление Государя Николая Павловича на престол — восстание декабристов, и последовавшее затем расследование всех обстоятельств заговора не могли не открыть новому Царю всю глубину того

явления, что называется масонством. Для следствия не осталось тайной, что самая активная часть заговорщиков состояла в масонских ложах и что сам Устав Союза Благоденствия создан по масонским образцам. (см. Семевский В.И.) Но кроме того, в 1831 году Государь получил сначала донесение одно, а затем другое от двух разных лиц, в которых говорилось о распространении масонства в России. Обстоятельства получения этих всеподданейших писем от князя Андрея Борисовича Голицына и от бывшего попечителя Казанского учебного округа, члена Главного училищного Совета М.Л. Магницкого и реакция на эти донесения Самого Императора Николая I заслуживают самого пристального внимания. Между тем, этот сюжет как-то оказался в стороне от внимания историков как дореволюционных, так и современных. Что касается дореволюционных, то только опубликовавший эти всеподданейшие письма Николаю I либеральный историк Шильдер один дал к своей публикации кое-какие комментарии, в самом либеральном духе. Но в целом этот сюжет не получил развития в осмыслении царствования Николая I, как и в обшей исторической оценке общественного движения XIX века. Если не считать, конечно, таким осмыслением привешивание ярлыков к автору донесения М.Л. Магницкому, вроде «реакционер», «мракобес», «ретроград», «обскурант» и т.п.

Прежде всего надо заметить, что весь правительственный аппарат предыдущего царствования, почти все сановники при дворе Александра I перешли и в царствование Николая I, оставаясь по большей части на тех же местах. И с этим фактом новый Император должен был считаться. Притом же, в среде лиц, причастных к рулю государственного правления, в среде дворянства вообще, и особенно в среде аристократии, знатных дворянских родов, поставлявших и своих представителей в гвардию и высшее чиновничество, были сильны родственные связи. Это все те обстоятельства, которые в любом случае связывали Царя и диктовали свои условия. И если в этой среде масонство в предыдущее царствование было едва ли не повсеместным, то за семидесятилетний период его истории в России уже сложились масонские семейные линии в двух-трех поколениях. И с этим фактом Императору тоже приходилось считаться. В то же время ему приходилось учитывать, что — с одной стороны:

Он Царь православный и именно в таком качестве Его видит подавляющее большинство его подданных. Именно от Церкви получает Он свои полномочия, как Царь, Монарх, Самодержец. Но, с другой стороны, — власть имущая прослойка из знатных дворян, аристократии, нарождающейся, инородческой по преимуществу, разночинной интеллигенции, инородческой же буржуазии, по своей идеологии, своим вкусам и убеждениям принадлежали масонству, язычеству, иудо-язычеству, и именно это меньшинство и являлось той силой, что реально правила Россией. И не считаться с этим фактом тоже было нельзя. Более трети высшего и среднего чиновничества при Николае I было, кстати, из немцев, среди которых. можно не сомневаться, немало было и евреев, принявших лютеранство[18].

Первые дни и даже месяцы царствования нового Императора были окрашены в трагические тона. Впервые в русской истории дворяне, да еще из привилегированных гвардейских частей с оружием в руках выступили против помазанника Божия, законного Царя русского.

Император Николай I 20 декабря 1825 года по юлиановскому календарю, и, следовательно, в день нового года, 1 января 1926-го по новому стилю, григорианскому календарю, собрал в Зимнем дворце дипломатический корпус и объявил о своем восшествии на престол, после чего перешел к «злополучным событиям прошлого понедельника», как сообщал английский посол лорд Стрэнгфорд. (Из донесения английского посла лорда Стрэнгфорда — Россия и Англия в начале царствования Императора Николая I. — «Русская Старина» 1907 г., № 9, сс. 529-536).

Посол доносил:

«Он говорил с искренней печалью, что бавда злоумышленников и заговорщиков эксплуатировала лучшие чувства его народа, ввела в заблуждение его привязанности к Императорскому Дому и эти самые чувства (привязанности) сделала своим орудием, дабы ниспровергнуть монархию и сделать эту обширную Империю сценой общего разгрома ... При этом Император прибавил, что заговор давнего происхождения, он возник около 1815 г. и покойный Император был вполне осведомлен о его существовании, и хотя мудрыми и подозрительными мерами Он сдерживал заговорщиков много лет и противодействовал всем их планам — лишь в последние моменты (своей жизни) он проникся горестным сознанием, что их замыслы все еще продолжались и что в какой-либо день они могут поставить страну и правительство в очень опасное положение.»

Государь говорил с искренней печалью не только потому, что события последних дней потребовали от Него такого напряжения сил. И даже не только потому, что Россия по вине безответственных гвардейских офицеров, рвущихся в бонапарты, оказалась на краю гражданской войны. Уже расследования первых дней, первые допросы бунтовщиков показали с очевидностью, что в заговор были вовлечены высшие сановники Империи. Уже на следующий день после мятежа на Сенатской площади, 15 декабря, на допросе прозвучало имя члена Гос. Совета М.М. Сперанского. Затем стало

[18] Клейнмихель, Канкрин, Нессельроде, чл. Гос. Совета Перетц — это лишь имена некоторых из высших правительственных сфер во времена Государя Николая Павловича евреев.

ясно, что Сперанский был не только вовлечен в заговор, но может считаться и подстрекателем к вооруженному мятежу этих маленьких умом гвардейских офицериков, воспитанных на Бенжамине Констане, Вольтере и Руссо. Вслед за Сперанским прозвучали имена и других высокопоставленных заговорщиков: генерала А.П. Ермолова, генерала М.Ф. Орлова, Н.С. Мордвинова, начальника штаба 2-ой армии П.Д. Киселева. Все они — и эти, и те, и другие были членами масонских лож и сама организация заговора строилась по масонским же образцам. (см. Семевский В.И., ук. соч.).

В конце концов, Император принял решение оборвать следствие относительно всех высокопоставленных особ, прямо участвовавших в заговоре. Их не только не привлекали к следствию, но Государь включил Сперанского и Мордвинова в состав Высшего уголовного суда. В последующем все они, за исключением разве что Ермолова, получили награды: Сперанский и Мордвинов были пожалованы графским титулом. Сперанский же получил еще и Андреевскую звезду (1833 г.). Киселев также не остался в стороне от правительственного пирога и занимал в последующие годы министерские посты.

Был освобожден из-под следствия и получил даже «очистительный аттестат» и А.С. Грибоедов, не единственный в этом ряду участников заговора, имя которого также часто мелькало на допросах мятежников и участие которого в заговоре не вызывало сомнений. Более того, он был не только освобожден, но даже произведен сразу вслед за освобождением из-под ареста следующим чином (надворного советника) и получил «не в зачет» годовое жалованье. Следствие, подчиняясь чьей-то команде, исключало из анкет допросов арестованных вопросы, опасные для лиц, которых нужно было во что бы то ни стало освободить от суда и от обвинения вообще. Но поскольку за каждым шагом следствия лично следил Николай I, то, понятно, все это могло происходить только при наличии согласия с Его стороны или прямого приказа.

Обстоятельства следствия показывают, что изначально Царем было принято решение сознательно ограничить круг обвиняемых и ни в коем случае не доходить до корней заговора и не пытаться искоренить его в самых его основах. По каким-то причинам Царь счел это опасным для себя и Сам ограничил круг обвиняемых[19]. Можно не сомневаться, увидев его подлинные размеры, Государь почувствовал себя в большей опасности, чем тогда, когда выехал верхом на Сенатскую площадь утром 14 декабря, чтобы лично командовать подавлением мятежа. Несомненно также, что ни Рылеев, ни Пестель, ни кн. С.П. Трубецкой, ни прочие видимые главари восстания не были подлинными руководителями заговора. Главная часть его простиралась не столько в сторону армейских полков и гвардейских казарм, сколько в сторону создания общественного мнения и дискредитации правительственных решений, подрыва авторитета православного духовенства и Самодержавия. И, увидев размеры заговора, Император, человек с железной волей, но вместе с тем и реалист, почувствовал себя одиноким и совершенно беззащитным перед той силой, что называется масонством, пронизавшим весь высший слой Империи. Чтобы освободить трон от масонского плена нужно было произвести подлинную революцию, на что у Царя не было ни, вероятно, реальных сил, ни желания. Ведь Сам Николай I был сформирован в тех же просветительских принципах, что и Его окружение.

С первых же шагов следствие вынуждено было отождествить все организации декабристов с масонством. И именно поэтому 21 апреля 1826 года Государь вынужден был повторить своим Указом Сенату запрет на деятельность тайных обществ на территории России. При нашем прямолинейном мышлении и плохом понимании исторических событий может возникнуть вопрос. — если правительственные сферы Империи были, в сущности, захвачены масонством, то почему масонство было дважды запрещено. (В первый раз Указом Александра I от 1 августа 1822).

Можно не сомневаться, что на самом деле в таком запрете было заинтересовано само руководство масонским орденом. Введя свою идеологию в систему образования народного, захватив органы печати, создав аппарат правительственный по своим меркам, когда не субъект, вошедший во власть, использует ее, как ему хочется, а сама власть использует чиновника в своих интересах, не было уже никакой необходимости сохранять рекламно-массовый характер масонства, делая его ответственным за правительственные решения, когда масонство грозило стать правительственной партией.

Здесь повторилось то же самое, что и в нашей стране в наше время, в 1991 г., когда партийная номенклатура распустила партию, уйдя от ответственности, но не уйдя от власти и успев «перековать» психологию народа по своим шаблонам, после чего «партия» стала просто не нужна для выполнения новых задач. Руководство масонскими ложами и орденом не могло не отдавать себе отчета и в том, что страна в целом не готова еще стать на республиканские рельсы и начать жить по нормам английской конституции. В таких условиях успех кучки заговорщиков на Сенатской площади мог не столько помочь успеху всего дела, сколько отбросить Россию еще ближе к началам Московской Руси в случае массовой реакции снизу, от православного народа, в массе живущего по нормам времен Царя Алексея Михайловича, а то и равноапостольного Владимира.

Внимательно изучая все обстоятельства следственного дела декабристов,

[19] см. Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова: М.1982 г.; Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М.1982 г.

как-то невольно начинаешь предполагать наличие какого-то соглашения между Императором и руководством ордена, при котором Император оставался живым и на троне, а заговорщики из высоких сфер масонства продолжали оставаться на государственных должностях. Люди, которые оставались рядом с Царем, который хорошо знал все это — что может быть более странного и неестественного! Но ведь примерно такая же ситуация была и у Александра I с убийцами Его отца.

Относительно распространения масонства в Империи и его роли в смуте правительство и Государь получали больше количество сообщений от самых различных лиц. Интересно не только содержание этих сообщений, но реакция на эти сообщения самого Николая I. Предварительно не мешает заметить, что большинство деятелей предшествующего царствования активно выступавших против масонства было Николаем I так или иначе удалено от государственных дел. (Аракчеев, арх. Фотий, Магницкий). Среди всех сообщений о масонстве едва ли не самыми любопытными и содержательными можно считать упомянутые выше всеподданейшие письма кн. Андрея Борисовича Голицына и Михаила Леонтьевича Магницкого, относящиеся к январю — февралю 1831 года.

Князь Андреи Борисович Голицын и его записка о масонстве в России

Письмо Государю князя А.Б. Голицына на самом деле представляло из себя обширный фолиант, «громаду», по выражению самого Николая I, частично опубликованное Шильдером, как и всеподданейшие письма Магницкого, опубликованные им полностью под характерным названием «Два доноса». Любопытно, что в то самое время, когда сообщение о масонстве от князя А.Б. Голицына (январь 1831 г.) попало в руки адресата — Николая I, в это же самое время по своему частному делу здесь, во дворце оказался и бывший директор особенной канцелярии министра полиции Яков де-Санглен, уже много лет спокойно живший в своем Клинском имении под Москвой. Его карьера закончилась еще в разгар царствования Александра I, но он, занимая длительное время такой пост, который делал его хранилищем тайн многих людей и государственных секретов, оказался в этот момент очень нужен Николаю 1. Прочитав донесение кн. Голицына о распространении масонства в России, Государь вызвал на аудиенцию де-Санглена и сказал ему:

«Я испытаю вашу откровенность, у меня есть донос на всю Россию князя Андрея Борисовича Голицына. Нет пощады никому, по мнению его, я окружен изменниками, даже князь Александр Николаевич Голицын, которого я люблю. Ему доверяю я жену, детей во время моих отъездов, enfin nous nous convenons[20], — прибавил Государь, — и Я должен в нем сомневаться. Вы были тогда сами действующим лицом, и об вас упомянуто. Вы можете мне объяснить все обстоятельства этого времени. Я вам отдам эти бумаги, объясните их и не затрудняйтесь моими заметками, сделанными карандашом». (Шильдер К. Два доноса в 1831 г. — «Русская Старина». 1898 г. № 12, с.521)

Санглен в своих записках пишет, что этот «донос был едва ли не на всех, окружавших покойного Государя и оставшихся при Николае I. Все были объявлены иллюминатами: кн. Александр Николаевич Голицын, Кочубей, Сперанский, и прочие. Сам Император Александр, даже митрополит Филарет без малейших доказательств.» (там же, с.522)

Любопытны заключительные слова Санглена, открывающие его позицию в этом вопросе: «Я все опровергал с надлежащими доводами и объявил доносителя фанатиком.»

Историки еще дореволюционной поры вполне выяснили вопрос о принадлежности перечисленных лиц[21], не исключая и Александра I, к масонству, и, не исключено, что некоторые из них были причастны и к ордену баварских иллюминатов — Сперанский, например. Что касается принадлежности к масонству митрополита Филарета, то об этом уже говорилось выше (см. Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М.1868 г.)

Таким образом, в «фанатиках» оказываются те, кто утверждал вместе с кн. А.Б. Голицыным историческую правду. И потому никаких надлежащих доводов для опровержения у Санглена быть не могло. И это он, как бывший глава тайной полиции и сам масон, прекрасно знал. Странность заключается в том, что Николай I отдал донесение князя Голицына в руки человеку, никогда не славившемуся своей честностью и преданностью престолу, не говоря уже о том, что Санглен по отцу был лютеранином и сам числился в этом вероисповедании. Не говорим о том, что Санглен был масоном и еще в 1810 году вступил в ложу Петра к Истине. Об этом Государь не мог не знать. И Он никак не мог не знать того, что Александр Николаевич Голицын, бывший министр духовных дел и просвещения, был известным мистиком и масоном. Не мог не знать Он и о масонстве и участии в нескольких неблаговидных поступках в отношении престола и М.М. Сперанского (см. Семенова А.В., ук. соч.), которого одно время хотел даже арестовать по делу об участии его в

[20] Наконец, нам сделали признание (фр.)

[21] Семевский В.И. перечисляет, например, членов Гос. Совета при Александре I, принадлежавших к масонству: кн. Петр Лопухин, кн. Куракин, адмирал Н.С. Мордвинов, гр. В.П. Кочубей, гр. Гурьев, Ланской, кн. Голицын, гр. Потоцкий, Сперанский, бар. Кампенгаузен. (Семевский В.И. Декабристы-масоны. «Минувшие годы» 1908 г. № 2, с.48).

заговоре декабристов и в прямом участии в мятеже на Сенатской площади. Не мог не знать и о том, что не менее 61 генерала сами дали подписки о том, что состояли в масонских ложах, включая и создателя III отделения и корпуса жандармов графа А.Х. Бенкендорфа, также бывшего замешанным в заговоре декабристов, как и его правой руки Л.В. Дубельта (о нем в конце этой главы).

Остается только строить предположения, что именно побудило Государя выбрать в качестве эксперта именно Санглена в этом вопросе и дать ему на отзыв донесение, направленное Ему в собственные руки и предназначенное только для глаз Государя. Возможно, таким образом Николай I демонстрировал свою лояльность ордену. Возможно. Ведь тогда, когда Государь отдал записку князя А.Б. Голицына Санглену, Он уже решил участь автора ее кн. Голицына. Все донесение князя А.Б. Голицына называлось так:

«О иллюминатстве в 1831 году.» И состояло оно из двух частей: в 1-ой части излагалась цель иллюминатства, а во второй князь переходил к обзору существования иллюминатства в России в современный период. Здесь же излагался «философский взгляд на Россию» и «политический». В конце этого труда имелось обширное «приложение» в виде выписок из подлинных актов баварских иллюминатов, в том числе устав этого баварского ордена, распростершего свои крылья над всей Европой в самое короткое время и своей скандальной славой заслонившего все другие масонские ордена. Будучи человеком основательным, князь Андрей Борисович здесь приложил для сличения с идеологией ордена выписки из лекций профессоров Петербургского университета Арсеньева и Германа, лекции известного в свое время лицейского, а затем тоже университетского профессора Куницына по естественному праву, изложение основ философии Шеллинга, столь любимого в то время нашей университетской молодежью и всеми мистиками вообще, и даже проповедь митрополита Московского Филарета. Таким образом, князь не замкнулся на чисто риторической стороне дела, как это имеет быть место иногда в наше время, не стал отделываться звонкой «обличительной» фразой, но применил плодотворный метод идентификации и типологии идей.

Главным виновником идейного хаоса в обществе кн. А.Б. Голицын называет М.М. Сперанского, нашего отечественного Фауста. Он пишет, что «в 1808 году во время Эрфуртского конгресса, он, Сперанский, был принят в высокую степень иллюминатства, сделан провинциальным начальником и дан ему был в подмогу от главы ордена Вейгаупта иллюминат Фесслер из разстриженных католических монахов, изгнанных из Пруссии за свое превратное учение и сей Фесслер и поднесь продолжает тайныя совещания.» (там же, с.526).

Этот факт могли бы подтвердить, пишет далее князь А. Голицын, Магницкий, Санглен, возглавлявший в то время тайную полицию, и дядя автора донесения, князь Григорий Грузинский. Любопытна реакция Царя на это сообщение: «Князь Грузинский бесчестный человек и, если у кн. Голицына на все подобные свидетели, то не высокое о себе дает мнение», — пишет Государь карандашом на полях и еще замечает: «Князь Голицын забыл видно, что Магницкий под судом.»

Конечно, можно не сомневаться, перечисленные лица не были героями добродетели. Но ведь этих героев и вообще мало в этой жизни.

Но, если у Императора Николая I было такое высокое требование к своим приближенным и к моральным качествам свидетелей, то тем более странным должно представляться наличие рядом с Царем такого бесчестного человека. Иуды и интригана, не раз нарушавшего верноподданническую присягу, каким был М.М. Сперанский и которого Он сам так не любил, которому не доверял, но почему-то в 1833 году определил преподавателем к наследнику престола, будущему Императору Александру II. (см. Семенова А.В., ук. соч. ее.57, 98). Почему-то у наших царей воспитателями мы видим архимасонов, либералов, прогрессистов: то Н. Панина (у Павла I), то якобинца Лагарпа (у Александра I), то Адлерберга (у Николая I), то В.А. Жуковского и М. Сперанского (у Александра II). Кажется, в принципе, странным, что Николай I так старается, почти демонстративно, оправдать тех, кого Он сам не любил и о которых знал. что они — Иуды и предатели, и масоны. Не говорим о том соображении, что, например, философ Френсис Бэкон был плут и взяточник, но от этого ничего не теряют ни его «Новый Органон», ни «Великое восстановление наук». Если бы, вообще говоря, достоверность свидетельских показаний целиком зависела от моральных качеств свидетеля, то всякое следствие вообще потеряло бы смысл.

По свидетельству князя, с ссылкой на свидетельство Магницкого, Сперанскому поручено было «искоренять в России предрассудки, в числе коих поставлены: греко-российская Церковь, обязанности к законному престолу и к отечеству.» При этом князь Андрей Борисович напоминает, что цель ордена Иллюминатов, как она обозначена в их собственных статусах: свергать монархии, искоренять духовенство, подрывая его авторитет, и сводя на нет дворянство. Конечно, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть этого свидетельства, касающееся конкретного факта отношений М.М. Сперанского с этим радикальным орденом. Судя по косвенным признакам, по характеру его отношений с Фесслером (см. ниже) он был членом этого ордена. Но само по себе это и не принципиально. Важно лишь, что указанные тенденции в деятельности Сперанского действительно имели место быть. Державин в своих воспоминаниях не обвиняет Сперанского в иллюминатстве, но пишет просто и без затей об этом великом государственном деятеле — бюрократе: указав, что Сперанский, будучи директором канцелярии Внутреннего министерства,

возглавляемого В.П. Кочубеем, водил последнего за нос, он замечает далее: «Сперанский совсем был предан жидам, чрез известного откупщика Перетца. которого он открытым образом считал приятелем и жил в его доме.» Конечно, это еще не значит, что Сперанский был в близких отношениях с Вейсгауптом, но тем не менее значит для оценки морального облика этого государственного деятеля не мало. И многое объясняет в его поступках. Кстати, сын этого Перетца был участником заговора декабристов.

И, если Император Николай I был возмущен этим «доносом на всю Россию князя А.Б. Голицына», а Санглен назвал мнение князя о том, что Царь окружен предателями и изменниками, фанатизмом, то сенатор, министр юстиции у Александра I, доверенное лицо Его отца, Павла I, все тот же Г.Р. Державин назвал тех же лиц. что и князь Голицын. «якобинской шайкой», целиком пропитанных «конституционным французским и польским духом». (Державин Г. Р. Записки. — Г.Р. Державин, Избранная проза. М.1984, с.220, 234). Вероятно, в душе, Государь Николай Павлович думал об этих лицах также, как Голицын и как (увидим ниже) Магницкий, и как Державин. Ведь он знал об участии в заговоре против него и генералов М.Ф. Орлова, П.Д. Киселева, А.П. Ермолова, адмирала Н.С. Мордвинова, равно и М.М. Сперанского. Другой сюжет исторически вполне проверяем. Князь указывает на одно лицо. которое должно было подрывать православную веру в самом сердце ее — в Петербургской Духовной Академии. Речь идет об упомянутом выше Фесслере, масоне высоких градусов, действительно изгнанном из католичества. Судя по всему он был евреем. Мало кто сомневается из историков масонства и в том, что Фесслер действительно был членом ордена иллюминатов, хотя сам по себе этот вопрос не принципиален. Известно, что этот ученый муж был крупнейшим реформатором масонства, введшим в последнее свою систему, названную его именем. И этот человек действительно, был приглашен профессором еврейского языка и философии в Петербургскую Духовную Академию (в 1810 г.) и именно М.М. Сперанским. Только благодаря ревности к чистоте православия рязанского епископа Феофилакта, внимательно просмотревшего конспекты лекций по философии Фесслера удалось последнего изгнать из Академии. (Он преподавал здесь с февраля по июнь 1810 г.) Хотя и то сказать, студенты были в восторге от скептического отношения этого еврействующего профессора к евангельским событиям, этого архимасона в рационалистической и пошлой упаковке, поклонника Канта, Спинозы и прочих западных философов, отвергающих божественность Христа и все догматы христианской веры. В свое время, примерно в то самое, о котором идет речь, сардинский посланник в Петербурге Жозеф де Местр не мог понять, как могут приглашать какого-нибудь лютеранина, а то и атеиста преподавать в учебные заведения православного государства. Он спрашивал адресата, можно ли себе представить, чтобы в католическое учебное заведение во Франции или Италии был приглашен какой-нибудь кальвинист или лютеранин. (Мэстр, Жозеф де. Петербургские письма. 1809-1817. Спб. 1995 г.). В России в описываемое время это оказалось вполне возможным и тот же де Мэстр видел в этом факте безразличие русских верхов к вере. В данном случае с ним нельзя не согласиться. Следует напомнить, что ректором Духовной Академии позже стал будущий митрополит Филарет.

Относительно самого Александра I князь А.Б.Голицын пишет: «Я замечал сколько раз в Его Величестве наклонность к всеобщей религии, которая Его поставляла в некоторое недоверие к греко-российской Церкви. Изданием периодического «Сионского Вестника» и учением Фесслера Государь думал посеять настоящий христианский дух, вывести нечувствительно из спасительных форм нашей Церкви *внутреннее христианство* (курсив мой — В.О.) и быть орудием всех церквей». (там же. с.533).

Это все те выписки из докладной записки князя, которые вызвали резкие возражения Санглена.

Из того, что мы видим в этой записке, ничто не может считаться выдумкой, не заслуживающей внимания. Единственно, что можно поставить в минус этой записке князя Голицына, как и следующей за ней Магницкого, это быть может слишком расширительное толкование слова «иллюминат» и «иллюминизм». Это менее заметно у князя Голицына и более у Магницкого, который в сущности слово «масонство» заменяет словом «иллюминат», (см. ниже). Но и в этом расширительном употреблении этого термина, обычно относимого лишь к членам баварского международного ордена Иллюминатов, созданного в 70-е годы XVIII века Адамом Вейсгауптом, профессором Ингольштадского университета, прожившего долгую жизнь и умершего уже в 1830 году, есть своя логика: масон есть носитель «просвещения», подлинного учения, духовный рыцарь, защищающий истину, жених вечно девственной Софии — Мудрости и пр. и пр. И в этом смысле он есть иллюминат, просветитель.

Итак. к чему же свелись возражения Якова де Санглена, то же, кстати, прожившего долгую жизнь и умершего в Москве в 1864 году, то ли на 94 году жизни, то ли на 88-м и похороненного здесь на лютеранском кладбище.

9 февраля 1831 года Санглен представил свои замечания с опровержениями на записку князя А.Б. Голицына. К чему же они сводятся? Во-первых, нигде в записке князя, пишет Санглен, не приводится доказательств. что иллюминаты существуют в России в 1831 году, хотя в заглавии это и было обещано. Во-вторых, ни из чего не видна истинность утверждения автора, что кто-то действительно хочет исказить греко-российскую веру, заводит в России ереси и стремится всячески «убивать в сердцах русских всякую любовь к отечеству, лишать народы своей национальности, нравов, здоровья, обычаев и проч. и проч. — ... но где же это делается в России, и в 1831 году. и с помощью

иллюминатов и когда это делалось?» (там же, с.531).

Последнее восклицание, действительно, самое умилительное — через шесть лет после первого в России вооруженного бунта и попытки свергнуть Самодержавие, при живых и здравствующих масонах — вельможах предыдущего царствования, в год польского восстания, участие в котором польское масонство и не скрывало и которое декабристы приветствовали в своем далеко, обнаружив подлинный смысл своего «патриотизма»... В этом восклицании Санглена есть что-то даже фиглярское. Не будем говорить об униженном положении православной церкви. лишенной даже своего настоящего названия и получившей титул свой единственно, как политико-географические: греко-российская. Слово «православный» было изъято потому, что оно по смыслу своему означает «правильную», хранительницу Правды, правдивого, праведного Слова, выразительницу полноты Истины, которая есть сам Глава ее — Иисус Христос. И вот просвещенные правители православного государства решили «разжаловать» Церковь Христову, так как им было очень обидно слышать слово «православный» в отношении к нашей Церкви. Они и сами назвали себя «истинными христианами», «внутренними христианами» в противность «внешней», «обрядовой», «наружной». то есть Православной.

Относительно того места, где князь А.Б. Голицын пишет об Александре I, как поклоннике соединения всех церквей и всех вер, Санглен замечает, что ведь к этому соединению всех вер в одну истинную стремится и сама греко-российская церковь. Но, утверждает он. в «наружной церкви» нет соединения религии с моралью, вот беда. В «наружной», т.е. в Православной церкви есть только обряды. Оно, это соединение, есть только во «внутренней церкви». Александр I. пишет Санглен, и желал, поэтому, именно «внутреннего христианства» своему народу, не отвергая и внешние обряды »наружной церкви», в которой есть религия, но нет морали. «Где же здесь богомерзкое учение ...?» — восклицает Санглен, признаваясь, что сам ни к какой вере не принадлежит, но есть любитель читать Евангелие.

Далее, он успокаивает Государя, безбожно и пошло льстя Его самолюбию. Вот, к примеру, князь А.Б. Голицын пишет, что иллюминаты дрожат перед русским Царем. Но «коли дрожат, так уже безвредны и иллюминатства в 1831 г. нет». И уж раз князь Голицын пишет, что достаточно лишь русскому Царю крикнуть клич: «ко мне, дети мои, наши!», как враги рассеются, то чего же опасаться и тогда «где же опасность, где зловредное иллюминатство в 1831 году?» И вот Санглен, бывший некогда правитель особенной канцелярии министра полиции, делает вывод:

«Все эти противоречия, лицеприятия заставляют меня думать, что князь Голицын только фанатик, состоящий под влиянием Магницкого, которого наслал на Фотия, и который стремится только всплыть на поверхность производств, наград и проч. Не Государь, не отечество в виду (у него), а собственная личная польза.» (там же, с.534).

В одной этой фразе больше противоречий, чем дырок в хорошем сыре. Ведь если фанатик, одержимый, только и видящий вокруг себя врагов отечества, каких-то там смешных иллюминатов, масонов, тогда это одно состояние души — одержимость идеей-фикс. Но уже совершенно другое дело — расчетливость, карьеризм, стремление получить выгоду. У Санглена все это слито в одну кучу по принципу: лгите, лгите, что-нибудь да останется. К тому же любой москвич и петербуржец знал, что карьеру, награды, выгоды дает масонство, и что разоблачать его опасно из-за мстительности господ вольных каменщиков. Неизвестно ни одного случая в истории вообще, и России, в частности, чтобы кто-нибудь сделал карьеру на разоблачении масонства. Между тем, вместо серьезных возражений — дешевые софизмы: если боятся, значит, не опасны, а значит никаких иллюминатов и нет! Но кто же тогда боится?

Как хорошо было бы. если бы всегда было так и тогда не было бы никаких революций и кровавых потрясений. Надо заметить, что не всегда Санглен был такого мнения о масонстве. Будучи еще руководителем тайной полиции, он писал Александру I в 1813 году в записке, под заглавием «С.-Петербургские слухи, известия, новости» следующее:

«Усиливающиеся ежедневно франкмасонские ложи долженствовали бы обратить на себя внимание правительства, тем более, что люди, обязанные по местам своим иметь надзор за оными (намек, вероятно, на Вязьмитинова, управляющего министерством полиции) недовольно посвящены в мистериях ордена различных ветвей его, равно и изменений, чтобы всегда уметь искусно не только укрощать порывы подобной иерархии, но даже почерпать ту пользу (можно сказать многоразличную и важную) для государства, каковую поистине из сих обществ извлечь бы можно было.» (Семевский В.И. Декабристы — масоны. — «Минувшие годы» 1908, № 2, сс. 22-23).

Не отрицая возможную опасность со стороны франкмасонства для государства, Санглен вместе с тем уверял Александра I в невозможности истребить масонство. По этому поводу он писал:

«Должно бы, кажется, избегнуть ошибку тех правительств, которые, пренебрегая такими обществами, полагая, что они собираются единственно, для увеселений, раскаялись в легковерии своем, но поздно.» Это «тем более нужно, что истребить сих обществ нет сил. Им можно запретить собираться в большом количестве, но тем зло лишь увеличено будет.» (там же).

Таким образом, сам же Санглен был уверен в 1813 г., что раз появившись, масонство не может быть уже истреблено и правительство может лишь вводить его деятельность в какое-то приемлемое для себя русло. Не более. Странно

после такого высказанного вполне трезвого взгляда на вещи вдруг услышать от такого сведущего человека, что в 1831 году никакого «иллюминатства», собственно, масонства, в России и нет.

Конечно, заявление Санглена о возможности правительству контролировать деятельность масонских лож представляется несколько лукавым. Ведь основная деятельность приходится на сферу образования, религиозную, идеологическую и уже лишь на заключительном этапе на собственно политическую. Не говорим и о том, что масонство в первую очередь втягивает в себя правительственные круги, становясь матрицей. его формирующей.

Заканчивается критический разбор записки князя Голицына Яковом де Сангленом самым неожиданным образом. Обвинив князя одновременно и в фанатизме и в карьеризме, он задается вопросом, а не принадлежат ли Магницкий, князь Грузинский и сам автор записки, князь А.Б.Голицын к «фанатической секте Якова Беме, родившегося в 1579 г.», так как ведь «из сей секты породилось впоследствии иллюминатство». (там же, с.531) И строкой ниже Санглен перечисляет названия сочинений Беме, по памяти! Можно отметить удивительное знание и даты рождения оракула масонства — Якова Беме, и его сочинений. Вряд ли оно случайно. И вряд ли случайно и само обвинение от человека, являвшегося специалистом в области тайных обществ, как бывшего главой тайной полиции и к тому же еще состоявшего в масонской ложе Петра к Истине, что была основана в Петербурге в 1810 году. То есть со всех сторон знатока предмета. Заметим, что Якова Беме, этого немецкого башмачника, вероятно еврейского происхождения, знатока еврейской каббалистики — это сапожник — то простой! — почитали и почитают все любители герметической, оккультной литературы. Что касается собственно иллюминатов, то эта отрасль масонства есть политическая надстройка над базовым масонством, сливающаяся в своих задачах с розенкрейцерством в вопросах влияния на печать, литературу, образование, духовенство, науку. Всего этого не мог не знать Санглен, читавший подлинные акты ордена иллюминатов и сочинения самого Вейсгаупта («Я Вейсгаупта не иначе читал, как отрывками» — с.530).

Затем он перечисляет розенкрейцеров времен предшествовавшего царствования, а именно Лабзина, Поздеева, Ленивцева и пишет, вполне справедливо, что это были последователи Беме, но при этом утверждает, что это была «просто фанатическая секта визионеров». И при этом признает, что такая секта должна быть под наблюдением, так как граница, отделяющая такую секту от иллюминатов очень тонка и «демаркационную линию соблюдать трудно.» Это последнее признание сводит на нет все предшествующие возражения Санглена князю Голицыну в смысле возможности существования иллюминатов в настоящее время, то есть в 1831 году.

В то время, как де Санглен трудился над своими возражениями «фанатику» князю Голицыну, а это происходило в первых числах февраля 1831 года, судьба самого князя была уже решена и его уже не было в Петербурге. 21 января 1831 года кн. Голицына отправляют согласно Высочайшей воле в ссылку в Кексгольм, как опасного преступника. Через неделю князь А.Б.Голицын жалуется дежурному генералу Главного штаба генерал-адъютанту Потапову на стеснения, причиняемые ему охранявшим его план-майором, что тот сопровождает его повсюду, не давая нигде остаться ему одному, даже в комнате. Правда, по некоторым свидетельствам, князя отправили в ссылку не в день объявления ему о таковой, а после прочтения его записки Сангленом. Но это сомнительно и не принципиально. Важно, что Государь принял решение задолго до вердикта Санглена. И это означает, что Николай I действительно демонстрировал свою лояльность ордену в данном случае. Проверять искренность самого Санглена у Императора не было никакой необходимости. В тем более, что возражения самого Санглена носили исключительно формальный несерьезный риторический характер. Это был обмен мнениями между людьми, которые «все понимают», но для чего-то разыгрывают спектакль. Вернее, для кого-то. Дальнейшая судьба князя напоминает судьбу государственного преступника. Неизвестно, где жил первые пять лет ссылки А.Б. Голицын, но после вторичного обращения к Николаю I по поводу масонства, в 1835 году, III отделение, возглавляемое бывшим масоном и даже первым в России революционером А.Х. Бенкендорфом, сделало отставному генерал-майору кн. А.Б. Голицыну внушение воздержаться в дальнейшем от подобных писаний по разоблачению масонства и обязало его жить безвыездно в собственном имении, где за ним было учреждено наблюдение местной полиции. В 1836 году ему было запрещено жить везде, кроме столиц. В 1844 г. «опасный государственный преступник», князь Андрей Борисович Голицын, осмелившийся обратить внимание своего Государя и законного православного Царя на опасность, исходящую от масонства и обратившего Его внимание на собственное окружение, вновь обратился к Николаю I с просьбой снять с него это запрещение жить в столицах. Царь наложил 1-го ноября резолюцию: «В Москву, но отнюдь не сюда, ибо я не раз был им обманут.»

Такова была судьба человека, решившегося сказать правду своему Государю о масонстве. Он испытал на своей судьбе все, что теоретически было известно всем: масонство мстит своим врагам в основном клеветой, обвинениями в фанатизме, карьеризме и прочих моральных преступлениях, преследует административными мерами, разоряя и всячески дискредитируя противника. Все это узнал в полной мере князь Голицын на себе. Но странно, что орудием масонской мести выступил Самодержец Всероссийский Николай I.

А что же Яков де Санглен? Его ждала совсем другая судьба. Государь

Николай I оказался очень доволен критическими замечаниями отставного начальника тайной полиции и масона. Он сказал, что все у де Санглена обстоятельно объяснено, «все доказывается и опровергается самими происшествиями и духом того времени», (там же. с.537) Государь милостиво пожаловал бриллиантовый перстень де Санглену в две тысячи рублей и велел выдать ему еще три тысячи рублей ассигнациями на путевые издержки. В целом это было больше годового пенсиона, получаемого де Сангленом из казны. Выразитель масонских интересов, показательно, получает знаки монаршего благоволения, а разоблачитель масонства отправлен монархом в ссылку...

На этом кончается история, связанная с князем А.Б. Голицыным, умершим в глубокой старости (1790-ок.1871)

М.Л. Магницкий и его записка о масонстве Николаю I

Поскольку в своем письме Государю князь Голицын постоянно ссылался на Магницкого, проживавшего в ссылке в Ревеле, то вследствие этого Николай I потребовал от Магницкого разъяснения по поводу иллюминатов, что тот и не замедлил сделать, представив Государю обширную записку под заглавием: «Обличение всемирного заговора против алтарей и тронов, публичными событиями и юридическими актами. — О водворении иллюминатства в России.»

Эта записка представляет из себя обширное и основательное исследование вопроса о способах влияния масонства на общество и касается вопросов идеологии и культуры, (см. Два доноса в 1831 году. — Всеподданнейшие письма М. Магницкого имп. Николаю об иллюминатах. — «Русская Старина». 1899, №№ 1-3).

Начата была работа Магницким 3 февраля 1831 г. и закончена 21 февраля того же года. Прежде, чем приступить к рассмотрению этой записки, надо сказать хотя бы два слова о самом авторе — Михаиле Леонтьевиче Магницком. (23.04.1778 — 21.10.1855, по ст. ст., Одесса).

Это был в свое время блестящий молодой человек, красивой наружности, получивший очень хорошее образование, что при его умении увлекать разговором собеседников и литературных дарованиях много способствовало ему успехам по службе. Первое образование Магницкий получил в Московском благородном пансионе, что полностью гарантирует его раннюю причастность к идеям розового либерализма, европеизма и причастность к масонству. Впрочем, и отец его, Леонтий Иванович, занимавший в 1781 году должность прокурора, был членом ложи Озирис в Москве (ОР РГБ. ф.14, № 378, л.1 об.) Три года Магницкий служил в Преображенском полку, как полагалось дворянину в те времена, а затем ушел на дипломатическую службу. В 1798 году он был прикомандирован к А.В. Суворову для ведения его переписки. С 1801 года он служит в ПОСОЛЬСТВЕ в Париже и здесь обращает на себя внимание генерала Бонапарта, будущего императора, и его супруги Жозефины. В 1803 он назначается начальником экспедиции в МИД. В 1804-1805 гг. он выполняет ряд ответственных поручений Александра I в Пскове, Вильне и др. местах. (см. Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. М. 1994 г. «Магницкий»)

В это время он весь пропитан духом республиканским, либеральным и конституционным и этими своими качествами, кроме других, он оказался близок новому Царю. С 1810 года он статс-секретарь в Гос. совете, будучи уже действительным статским советником и в качестве директора Комиссии составления военных уставов и уложения он имеет личные доклады Императору. В эти годы он сближается с восходящим светилом российской бюрократии М.М. Сперанским. Казалось, карьера Магницкого и дальше будет восходить вверх по параболической кривой. В 1810 году Магницкий вступает в челны масонской ложи «Полярная звезда». созданной Фесслером специально для членов Комиссии составления законов, возглавляемой Сперанским.

В этой ложе с ним были и такие знаменитые впоследствии люди. как будущий министр просвещения С.С. Уваров, А.И. Тургенев — будущий директор департамента духовных дел под началом кн. А.Н. Голицына, ординарный профессор (с 1822 г.) Петербургского университета, основатель журнала «Инвалид» Пезаровиус Павел Павлович и др. Но в марте 1812 года друг Магницкого Сперанский был обвинен в измене Родине и сослан в Н. Новгород. Одновременно, в тот же самый день был арестован и Магницкий, которого сослали в Вологду. Впрочем, опала кончилась через четыре года и Магницкий снова начинает восхождение по чиновничьей лестнице. В 1817 году он назначается губернатором в Симбирск. Здесь впервые у него начинаются столкновения с масонами. Он не разрешает открыть кн. М.П. Баратаеву в Симбирске ложу, настаивая на ее полной легализации, то есть он требует, чтобы ему дали полные списки членов ложи и ее статусы. Кроме того, Магницкий объявляет. что не потерпит жестокого отношения помещиков к крестьянам. Это громогласное объявление наделало немало переполоху среди помещиков в этом тихом уголке провинциальной России. Он начинает бороться с взяточниками и фальшивомонетчиками. Надо ли говорить, что не прошло и 2 лет, как его убрали из Симбирска, а масонская ложа «Золотого Ключа к Добродетели» была, конечно, князем М.П. Баратевым, гонителем, кстати, Мотовилова, открыта.

В дальнейшем Магницкий стал членом Главного управления училищ и попечителем Казанского учебного округа. И примерно с 1820 года Магницкий стал приобретать известность, как ревнитель благочестия — с точки зрения

людей благонамеренных, и как «реакционер», «мракобес», гонитель просвещения — с позиции либерализма и масонства.

Человек проницательный, основательно образованный в гуманитарной сфере, много повидавший, знающий практику и учение масонства не по теоретическим только выкладкам, он обратил внимание, что само преподавание философии и «естественного права» учит атеизму. И что эти дисциплины являются в сущности проявлением масонства, как определенной идеологии, в образовании. Мы не будем здесь входить во все многосложности перипетий борьбы «старого», традиционно-православного, с «новым», т.е. либерально-просветительским, как эти конфликты принято было называть в исторической литературе. Попытка Магницкого освободить наши университеты от преподавания «естественного права», а затем и от философии, провести чистку преподавательских кадров, освободив их от случайных людей, замешанных у себя на родине в какие-нибудь финансовые или политические аферы привели только к тому, что против Магницкого восстала вся «прогрессивная общественность». Конечно, его враги не преминули обвинить его и в фанатизме, и в доносительстве, и в расхищении казенных денег. Новый Царь одного за другим стал отдалять от себя и вовсе увольнять со службы всех тех. кто проявил себя во время предыдущего царствования, как противник масонства, а, следовательно, стал известен, как «фанатик» и «обскурант».

Новый Император приказал лично подвергнуть Казанский университет, где значился попечителем Магницкий, ревизии. Конечно, были найдены финансовые нарушения и недвусмысленные выводы в пользу того, что Магницкий попросту или казнокрад, или способствовал казнокрадству. Напрасно Михаил Леонтьевич пытался опровергнуть заключение этой комиссии. В мае 1826 года он был уволен от должности, на его имущество, к вящей радости масонов, был наложен арест. С этого времени, обесславленный, Магницкий, приобретя репутацию казнокрада, стал совершенно неопасным для ордена и его целей. В этом же году его под конвоем отправили в ссылку в Ревель. Только в 1834 году ему было разрешено переехать в Одессу, где он и умер. Между тем, все, чего хотел Магницкий, так это поставить дело образования в русских учебных заведениях на твердую почву православной веры и святоотческого учения, полностью заменив им философские науки, Гегеля и Шеллинга. В связи с этим нельзя не вспомнить, что уже не раз упоминаемый нами сардинский посланник де Местр писал в одном из своих частных писем в 1812 г.: «Истинный враг России — это ее правительство и даже Сам Император, который дал соблазнить себя новейшими идеями и прежде всего германской философией, которая для России есть не что иное, как настоящий яд.» (Местр Жозеф, де, граф, ук. соч., с.217).

Магницкий разделил судьбу тех, кто пытался бороться с навязыванием России совершенно чуждых и неподходящих ей идей, теорий и учений, которые тихо и упорно внедрялись в общественное сознание через образование, газеты и книги. И вели Россию к революции. И которые доказали свою подлинную ценность в 1917 году и последующие годы, включая и наши, когда русский народ оказался плененным еврейской олигархией, под протекторатом которой расцветает масонство. Впрочем, что же здесь удивительного: став колонией иудазированного Запада в культурно-идейном отношении, было бы странным не стать ею и в политическом отношении. Расшаркивание перед гегелями, шеллингами, преклонение перед каббалой и «всемирной культурой» не могло не привести Россию именно к этому результату.

В первой части своей записки Магницкий излагает обстоятельно историю баварских иллюминатов от первых шагов возникновения этого радикального ордена. При этом он привлекает недоступные сегодня немецкие источники того времени, включая газеты. Самым плодотворным и ценным является сам подход к проблеме с точки зрения идеологии и путей ее внедрения в общественное сознание. Выше мы уже приводили место из «правил» ордена иллюминатов. Они красноречивы и говорят за себя. Однако, надо повторить, что ничего принципиально отличного от других систем масонства в ордене иллюминатов не было. Просто так случилось, что документы ордена, речи руководителей его, письма, статуты и прочее попали в руки следствия. Более того, они были опубликованы в двух томах баварским правительством и разосланы во все европейские Дворы, но почему-то ни один из них не перевел их на язык своей страны и не опубликовал. Все монархи получили по экземпляру и постарались забыть об опасном подарке. В России тогда правила Екатерина II.

Относительно Германии Магницкий отмечал, что здесь орден иллюминатов в короткий период завладел едва ли не всей Германией и почти всей печатью, а «из европейских университетов составили они себе настоящие твердыни». («Русская Старина», 1899, № 1, с.35). Иллюминаты создали здесь многочисленные литературные общества и научные, создали свои мощные книгоиздательства. Николаи, «славный жид Мендельсон», королевский библиотекарь Бистер и советник берлинской консистории Гедике предприняли издание «Всемирной германской библиотеки» в Берлине, а в Веймаре Боде стал издавать «Всемирную литературную газету». В Веймаре же жил и трудился другой знаменитый иллюминат Гете, который действительно был членом ордена иллюминатов.[22]

[22] ЦХИДК, б. Особый Архив., ф.1412, оп. 1, дело 5432 — Обязательства, автобиография, генеалогия, таблицы масонов; обязательства поэта Гете и историка Гердера (автографы) от 17.02.1783 г. — В этом же фонде хранятся многие подлинные документы баварского

Магницкий обращает внимание Императора Николая Павловича на то, что масоны, иллюминаты, создали свой особенный язык, по которому и можно узнать их по печатным изданиям. Среди них особенно большое значение играют такие идеологемы, как «дух времени», «царство разума», «свобода совести», «права человека», «свобода». Все, что не удовлетворяет иллюминатов есть «фанатизм» и «обскурантизм». Впрочем, совершенно естественно, что идеология, основанная на идеях «прогресса», совершенствования рода людского и «исправления» мира, (тикун — евр.) на основах человекобожеского демонического мистицизма выдвинула и свой лексикон, заговорила своими терминами, выражающими в свернутом виде свои принципы.

Другим, весьма тонким и точным наблюдением Магницкого надо считать регистрацию факта существования в научной среде своего наукообразного иллюминизма, и именно наличия под эгидой «науки» самой обыкновенной идеологической догматики, выражающей оккультно-теософские идеи эволюционизма, вечности существования материи и самого мира и пр. Об этом он пишет ниже, в разделе, озаглавленном им «Об иллюминатстве академическом». Здесь же, в первой части Магницкий отметил проницательно, что проводящиеся регулярно в разных местах Европы всеевропейские съезды натуралистов на самом деле представляют из себя масонские европейские съезды. Недаром, пишет он, эти съезды ничего не публикуют после своего завершения и никого постороннего на эти съезды не пускают, (там же, с.35-36). Ниже, в очерке «Секреты тайных хранилищ» читатель найдет архивные документы, относящиеся уже к нашему веку, вполне подтверждающего, тем не менее, наблюдение Михаила Леонтьевича Магницкого.

После обзора немецкого иллюминатства, Магницкий переходит к России. Но, как человек основательный и хорошо знающий предмет, о котором говорит, он советует Государю Николаю Павловичу самому ознакомиться с некоторыми документами, «чтобы Вашему Величеству удобнее было обозреть сей важный предмет во всей его обширности, со всеми его ветвями и в надлежащей связи ...» (там же, с.81). Он советует ознакомиться с подлинными актами ордена иллюминатов, которые были изданы баварским правительством в двух томах и разосланы в 1786 или 87 году во все европейские дворы. «Они должны находиться в коллегии иностранных дел» — замечает он. Во-вторых, нужно было бы ознакомиться с бумагами Новикова или «так называемых мартнистов», а равно и с делом об изгнании из Московского университета профессора Мельмана, — тоже при Императрице Екатерине II. И здесь Магницкий приоткрывает одной черточкой положение Императора, находящегося в окружении «братьев». Он пишет:

ордена иллюминатов, в т.ч. уставы как за XVIII век, так и за XX-й.

«Все бумаги Новикова, по приказанию Императрицы ... захваченные в подмосковной [23], где жил тогда Новиков, находились в царствование Павла I и даже довольно долго при покойном Государе, в запечатанном ящике, под зеркальным столом в той комнате, где в Зимнем дворце собирался Государственный совет, до перевода его в так называемый Шепелевский. Многие из знающих людей сие знают: но дабы не возбудить внимания на занятие Вашего Величества сим предметом, кажется, можно достоверно осведомиться о сем ящике от камер-фурьера Бабкина, которому, сколько припомню, поручено было устройство комнат для перевода совета в новое место в 1810 г.» (там же, с.81-82)

Выше приведенные строки лучше всего показывают ту затаившуюся опасность для личности Императора, что подкарауливала Его в собственном дворце. Главное, не привлекать внимания окружающих Государя «на занятия Вашего Величества сим предметом»!

Государь должен был бояться проявить внимание к масонству! Об этом интересе Царя лучше, чтобы никто не знал. Найти надо ящик, где хранятся секретные бумаги с «делом Новикова», но как это сделать Царю незаметно? Надо спросить камер — фурьера Бабкина.

Вот положение Самого Царя в своем дворцовом окружении! Но такова была реальность. Не даром после убийства Александра II граф Н.П. Игнатьев, как мы видели выше, советовал Александру III переехать в Москву под охрану верного Ему народа.

Эти слова Магницкого, сказанные им как само собой нечто понятное и обыденное для его адресата, Самодержца Всероссийского Николая I, лучше всего подтверждают предположение о наличии некоего соглашения между Государем Николаем Павловичем и орденом, имевшим твердые позиции при дворе и в правительстве. Был некогда, в том же XIX веке, конкордат между папой римским и светской властью. Потом этот конкордат был заключен между Муссолини и папой римским уже в нашем веке. Здесь же мы можем предположительно говорить точно также о конкордате между Царем и Орденом на определенных условиях. Вероятно, такой же конкордат имеет место и во времена Александра II и Николая II.

Свою записку в разделе, посвященном уже России М.Л. Магницкий начинает с разделения иллюминатства (масонства) на: 1. Политическое, 2. Духовное, 3. Академическое и 4. Народное.

В первом разделе Магницкий описывает кратко то, что нашло себе место в исторических сочинениях по масонству более позднего времени у А.Н.Пыпина, Т.О. Соколовской, С.В. Ешевского, Г.В. Вернадского, Я.Л. Барскова и др.

[23] Село Авдотьино Бронницкого уезда.

Кратко он излагает историю расцвета масонства при Екатерине II, а затем и при Александре I. Возражать Магницкому было бы сложно, потому что большая часть его сочинения основана на личных наблюдениях, а последующие исторические исследования лишь подтвердили достоверность всего сказанного им за исключением, быть может, двух-трех небольших неточностей, по преимуществу в датах. Сюжеты, которые читатель найдет в первых очерках в этой книге в развернутом виде и составили, в сущности, содержание этой части записки проницательного и основательного Магницкого. Конечно, здесь есть и весьма ценные личные воспоминания и описание событий, случившихся с самим автором записки. Шварца, проф. Московского университета Давыдова, академика Паррота, основателя Харьковского университета Каразина Магницкий относит к иллюминатам, что трудно подтвердить, но чего никак нельзя исключить. «Сионский Вестник» Лабзина, о котором не раз шла речь выше в этой книге, Магницкий называет журналом «совершенно иллюминатским». А ведь именно на него была особенно большая подписка духовных лиц. Хотя, надо сказать, что и запрещен он был из-за возмущения духовенства и православных мирян: раскол в этом мире существовал уже тогда. Об упоминаемом выше у кн. А.Б. Голицына А.И. Фесслере, протеже Сперанского, Магницкий отзывается так:

Фесслер был человеком «с отличным умом, дарованиями и глубоким знанием наук философских, языков: латинского, греческого и еврейского, обративший все сии способы на систематическое опровержение св. Писания, для замены учения веры (православной) иллюминатским. И сей человек выписан (Сперанским) с большими издержками, для преподавания еврейского языка и обучения его в критическом разборе книг библейских и где же? — в Петербургской духовной академии! Как действия его принадлежат к иллюминатству духовному, то и будут представлены в своем месте.» («Русская Старина», 1899, № 2. с.297).

С этими утверждениями Магницкого невозможно не согласиться. Многие историки, даже из самых осторожных, между тем также уверены, что Фесслер принадлежал именно к ордену иллюминатов, хотя и создал впоследствии масонское «духовное» ответвление, известное под его именем. Магницкий не скрывает факта создания Фесслером ложи «Полярная звезда», как и факта своего членства в ней. Он рассказывает о своих личных беседах с Фесслером в кабинете М.М. Сперанского. В этих беседах, пишет Магницкий Императору Николаю, «дошло дело до систематического и уже прямого опровержения христианства». Он подробно описывает ход этих бесед. Фесслер начисто отрицал Божественность Христа и видел в Нем малоудачного волшебника. Далее рассказывается о времени губернаторства в Симбирске, о столкновениях с мастером ложи кн. М.П. Баратаевым по поводу запрещения им открывать масонам ложу здесь, в Симбирске. Не обошел Магницкий и сюжета с Библейским обществом, в котором сам принимал самое активное участие.

В разделе «академическое иллюминатство» Магницкий критикует само устройство наших университетов. В стране самодержавной эти высшие учебные заведения имеют устройство чисто республиканское. К тому же, в одном вопросе они имеют власть, принадлежащую по праву только Царю: голосованием преподавателей они могут выбрать любое лицо в ординарные профессора, что дает звание надворного советника по табелю о рангах, а, следовательно, и дворянство и право приобретать недвижимое имущество.

Иллюминатство, пишет он далее, проникает в сам язык и в оценки в исторической науке. Юлиан Отступник стал «мудрецом», древние республики, оказывается, благоденствовали, а их философы были воплощенной добродетелью, цареубийцы — титаны духа и доблестные мужи. Они убивали царей ради свободы и счастья граждан. «И молодой человек, — заключает Магницкий, — принимает сию сказку иллюминатства за историю на всю жизнь, ибо переучиваться уже ни охоты, ни времени не будет.»

Заметим, впоследствии эти «сказки» назовут марксистским подходом к истории, хотя «сказки» либеральных историков, уверенных, что человечество живет ради «прав человека», прелестей английской конституции и олигархической демократии, в условиях «прогресса» ничем не лучше. О проникновении идеологии, догматики в область научную уже было упомянуто, (см. выше «Русская правда и ересь утопизма»). Философия же, по мнению Магницкого, проповедует утонченный материализм, заменяя Творца Вселенной то вечным эфиром, то другим каким-нибудь «вечным» началом, вроде влажности. Философия боготворит природу, распространяя пантеизм, древнее языческое, оккультное учение, и отвергая тем самым догмат о св. Троице и Божественность Спасителя нашего Иисуса Хориста. В конце концов, сложился среди ученых, пишет Магницкий, «академический заговор». В учебных заведениях воспитывается поколение молодых людей, враждебных правительству и государственному строю (там же, с. 18). И это поколение так обложило правительство, что «ни один голос, ему противный, не мог к нему (т.е. правительству — В.О.) проникнуть. «Сами» уставы университетов открыли широкую дверь иноземному иллюминатству, к нам приехали такие люди, которых потом насилу выгнали, но уже с чинами ...» («Русская Старина» 1899, № 3, 602).

Не оставил Магницкий без внимания и тему проникновения в среду духовенства иллюминатства. Основную опасность он видит в проникновении философии в духовные академии. А равно и в том, что одновременно были исключены из преподавания чисто церковные дисциплины. В результате «духовенство нового духа составило уже особую касту ...»

По примеру западных церквей, у нас появились магистры и доктора, что

совершенно чуждо духу церкви.

«Вместе с тем, по мере, как усиливалось офилософствование нашего духовенства, ослаблялась положительность православного учения. Журнал невской академии («Христианское чтение») вмещает многие статьи из книг методистов и сектаторов ...» (там же, с.618). Кого же готовит духовная академия, спрашивает Магницкий. Чтобы понять это наглядным образом, «надобно видеть магистров наших академий, как мне то случилось, в сердце России, среди простого селения симбирских, нижегородских или воронежских крестьян. Смело можно сказать, — заключает тему Магницкий, — что расколы усиливаются именно от того, что сие духовенство, совершенно иностранное народу, не удовлетворяет его духовной потребности, во всей простоте и доступности истинной веры отцов его.» (там же, с.618).

Если открыть газеты времен царствования уже Николая II, где-нибудь за 1911 год, к примеру, то мы увидим точно такую оценку ситуации, связанной с подготовкой ученых мужей в духовной академии. (Например, см. «Новое время» за сентябрь 1911 г., статьи М.О. Меньшикова).

Не обходит Магницкий в своей записке и значение периодической печати («Мы видели в последнюю французскую революцию силу газетчиков»), как и еврейскую тему. В 1831 году он говорит в своей записке Николаю I: «ныне капиталы всей Европы приведены уже в руки жидов ...» (там же, с.629).

Общее заключение Магницкого по рассмотрении им «академического иллюминатства», то есть масонства в высшем образовании и научном мире таково:

«При сем положении классического иллюминатства на что еще тайные общества, приемы, присяги, испытания? *Содержимая, на ижливении самого правительства ложа сия, под именем просвещения* (курсив мой), образует в своем смысле от 20 до 30000 ежегодно такого нового поколения, которое через два или три года готово действовать пером и шпагою, а в течение каждого десятилетия усиливает несколькими стами тысяч тот грозный и невидимый легион иллюминатов, которого челны, действуя в его видах и совокупно и отдельно, и даже попадаясь правительству на самых злодеяниях, ничего открыть и показать не могут, ибо точно ни к какому тайному обществу не принадлежат и никаких особенных вождей не знают (такова поистине философическая история нашего мятежа 1825 г.) Каждый такой воспитанник чрез 10 или 15 лет по выходе его из университета, может предводительствовать полком или иметь влияния на дела высших государственных мест и сословий.» «Русская Старина», 1899, № 3, с.615-616).

Достаточно, примерно так говорит Магницкий, преподавать «естественное право» и «философию нравственную», приучающую молодого человека видеть в себе не падшее существо, которое искупил Спаситель, а «совершеннейший организм», как революция будет все сильнее и сильнее стучаться в двери и в конце — концов она ворвется в Россию и разрушит ее.

Такой общий вывод можно сделать из этой части записки бывшего члена Главного училищного правления, попечителя Казанского учебного округа и бывшего симбирского губернатора, бывшего личного секретаря А.В. Суворова, действительного статского советника Михаила Леонтьевича Магницкого.

Здесь же мы видим и ответ на вопрос, почему к середине 20-х годов руководство ордена уже не было заинтересовано в массовом распространении масонских лож и пошло на их закрытие: дело масонского просвещения уже было поставлено к тому времени на поток и масонские ложи сохранялись только для ученого мира, литературного и для среднего и высшего чиновничества. И когда, к началу XX века, созрела политическая необходимость, появилось и политическое масонство, создавшее политические партии: кадет, эс-деков и эсеров.

Заканчивается записка мерами, какие следует по его мнению предпринять, чтобы предотвратить опасность. О судьбе Магницкого уже было сказано. Любопытно, что после революции 1848 года в Западной Европе Николай I запретил все-таки преподавание философии. Преподавание «естественного права» также периодически то запрещалось, то дозволялось. Понятно, не один Магницкий понимал, что это самое «естественное право» есть разновидность пантеизма, материализма и что оно совершенно отвергает все христианские начала жизни, а, следовательно, и само право Самодержца на управление Россией. Выше уже говорилось о том, что на самом деле «естественное право» есть лишь выражение учения раввинистической философии, покоящейся на каббале и Талмуде. Ибо сокровенным выражением «естества» и его законов и является Тора, еврейское учение.

Магницкий может считаться первым русским черносотенцем и судьба его сходна с черносотенцами начала XX века. Публикатор всех этих всеподданейших писем (кн. Голицына и Магницкого) Шильдер не сообщает нам, оставил ли Император Николай Павлович какие-либо заметки на записке Магницкого. Скорее всего — нет. Ничего существенного возразить автору ее Он не мог. Просто тут, в этой основательной записке, не было места для обоснованного возражения. А может не оставил Он своих заметок и потому, что эта записка Магницкого вовсе не предназначалась для показа постороннему человеку, и в душе Царь был совершенно согласен с ее содержанием. Не было необходимости демонстрировать свою лояльность ордену. Конечно, это только предположение. Не более.

Николай I был хорошим хозяином, человеком незаурядных способностей и еще более незаурядной работоспособности. В душе же он был «немцем», и большим демократом в старинном значении этого слова, и вполне отвечал

представлению о монархе, как отце нации и вожде народа. Но при всем том идеология правящего слоя Империи осталась все той же, языческой, а, следственно, и социалистической по сути, направленной на уничтожение всех национальных традиций и православно-народного уклада жизни. И потому ничего, кроме чисто административного охранения государственного порядка правительственная власть и Государь предложить не могли. И от того разложение общества, его раскол только усилились в это царствование и углубились. Университеты точно также готовили из юной поросли фанатичных последователей Фурье, Консидерана и Сен-Симона. За несколько месяцев учебы в университете, успев узнать, что материя вечна, что все организмы созданы из случайного взаимодействия магнетических сил, огня и влаги, и что в основе всего исторического процесса лежит развитие общества от дикости до состояния совершенства в далеком будущем, молодой человек напрочь утрачивал святую веру православную и становился законченным материалистом, догматиком «прогресса», узколобым фанатиком социализма, как райского состояния человечества после истребления «предрассудков». Также, как и заговор декабристов, заговор петрашевцев (1848-1849) так и не был до конца раскрыт. И, по крайней мере, из обнаруженных в ходе следствия фактов правительством не было сделано надлежащих выводов. Во главе же самого Ш-го отделения и корпуса жандармов стоял в это время Леонтий Дубельт, знаковая и типичная фигура российской бюрократии, — в молодости отчаянный либерал, краснобай, член масонских лож «Эммануэля» в Гамбурге, «Астреи» в Петербурге, «Соединенных славян» в Киеве, «Золотого Кольца» в Белостоке. (Соколовская Тира. Материалы по истории масонства в прежней Русской армии. Список масонов в русской армии составленный по их собственным подпискам в 1822 году. — «Русская Старина» 1907 г. № 6-9).

Дело, конечно, не в злой воле Леонтия Дубельта, который, в сущности, был человеком добрым и отзывчивым, а в идеологии правящего слоя Империи.

Эта общая характеристика если не всего правящего слоя, то наиболее влиятельной его части уже была дана в записках графа Николая Павловича Муравьева. В стране, несомненно, были вполне здоровые силы, способные поддержать трон и укрепить престол царский. Были эти силы и в среде высшего чиновничества. По крайней мере, и левизна имеет свою протяженность слева направо, как и правость имеет свои левые границы. Примером сказанного могут служить сами личности кн. А.Б. Голицына, М.Л. Магницкого, гр. Н.П. Игнатьева, М.Н. Муравьева-Виленского и многих других. Собственно, записка Магницкого показывает нам самого Магницкого, как человека, чьи воззрения и верования претерпели значительные изменения в смысле поправения и сдвига их в сторону идей истинного монархизма, то есть Самодержавия и опоры на православную веру. Такие изменения происходили не только с Магницким. После безобразий 1905 года даже вчерашние либералы и демократы становились махровыми черносотенцами и антисемитами, т.е. контрреволюционерами. Так стало, например, с известным художником Куинджи, с Нестеровым, с В.М. Васнецовым и многими учеными. Зачастую людям необходимо воочию убедиться в ложности собственных убеждений. Именно так происходило с русскими (по крови и духу) людьми, поверившими в человеколюбие «гуманизма» и «демократии», пока террор и еврейские боевики не доказали обратного.

Через 60 лет после смерти Императора Николая Павловича на русской земле будет установлена диктатура местечковых бронштейнов и апфельбаумов, по-просту местечковых евреев на всех уровнях власти. Что касается самих записок князя А.Б. Голицына и М.Л. Магницкого, то они показывают, что и в те отдаленные времена жили люди, вполне понимавшие суть масонства, его проявления в общественной, культурной и политической сферах. То, что из этих записок не было сделано никаких практических выводов, может означать две вещи: во-первых, то, что сам Николай I по воспитанию и образованию был человеком исключительно светским, западником и «немцем». А. во-вторых, то, что он чувствовал себя плененным в своем Зимнем дворце своим собственным окружением. В 1905 году в Москве был в ходу рисунок, на котором был изображен Николай II в клетке, которую в руках держит С.Ю. Витте, о масонстве которого много писали правые газеты. На эту тему тогда писали даже газеты и сочинялись куплеты. И это мнение было общим. Но вероятно, такое пленение русских Царей наступило раньше.

Глава пятая.
МАСОНСТВО и НИКОЛАЙ II.

Масонство в дореволюционной России пережило два периода расцвета своей деятельности. Первый этап — это эпоха царствования Екатерины II и Александра I. Второй этап — это время царствования Николая II. Масонство выходит в это время из полумрака чиновничьх канцелярий департаментов и учено-литературных обществ на политическую арену, почувствовав наступление для себя благоприятного времени. По городам России открываются десятки масонских лож, а эмиссары масонства разъезжают по стране, вступают в контакты с заграничными масонскими центрами, по преимуществу с Великим Востоком Франции, организуют политические, оппозиционные режиму силы. Масонство выступает под ширмой политических партий левого толка и умеренно левого, включая в свои ряды тех, кто называет себя кадетами, октябристами, прогрессистами, националистами, трудовиками, эсерами и социал-демократами. Осведомленная полиция «освещает» эту тему,

и доносит по инстанции о происходящем в стране возрождении масонских лож. Сверху — никакой реакции, ни от Царя, ни от правительства, хотя по закону масонство продолжает быть под запретом. Газеты регулярно сообщают и об открытии в России там или здесь масонских лож, часто пользуясь сообщениями западноевропейских газет и журналов, поскольку в Англии и Франции масонство было легализировано и имело многочисленные периодические органы печати.

С 1905 года в России начинают выходить масонские журналы, вроде «Ребуса», «Изиды», «Теософского Вестника» и других, и печатаются то там, то здесь приглашения вступать в ложи и следуют контактные адреса, куда желающие могут обращаться. Полиция на уровне начальников охранных отделений периодически сообщает наверх, что никаких явных следов масонских лож не обнаружено. Другие же сообщения по полицейскому же ведомству свидетельствуют об обратном: «На деле оказалось, что среди русских масонов действовало полицейское око.» (Гр. Аронсон. Масоны в русской политике).

В 1909 году член Государственной Думы Г.А.

Шечков из правой фракции выпускает в свет книгу «Масонство в Государственной Думе», которой предшествовал целый рад его же статей в периодике. Выходят и многие другие работы по этой же теме правых авторов с указанием имен и соответствующими ссылками на масонские же источники. Эта литература, как «черносотенная», проходит совершенно, как бы, незамеченной правительством и Государем. В то же время мы знаем из многих источников, что Николай II интересовался этой темой и получал по ней информацию.

Что касается Государственной Думы, то здесь создается специальная думская ложа, которая постепенно втягивает в себя представителей самых различных фракций и тем самым приобретает значение дирижерского центра. Таким образом, в системе управления страной появляется масонство, как влиятельная политическая сила, для которой создание и укрепление волей Императора представительного правления в виде Думы и становится просто необходимым для осуществления своих планов по превращению России в республику с доминированием в ее жизни либерально-иудейских идеалов и с предоставлением активной части еврейства доминирующего положения. С появлением Думы масонство получает в свои руки общероссийскую легальную трибуну, кафедру.

Объективно говоря, все эти годы так называемой «думской монархии» правительство и Государь имели дело исключительно с масонством, прикрытым ширмой «передовой общественности», и выражавшим себя на политической арене в виде политических партий всевозможных левых направлений и даже партий центра. Об этом Государь не мог не знать, ибо об этом писала вся правая пресса и сообщала полиция. Точно также, объективно говоря, и не задаваясь пока вопросом о личном отношении Государя и высших чинов Империи к ордену вольных каменщиков, в марте 1917 года Николай II передал власть масонскому ордену, представленному думской масонской ложей. Передал, несмотря на то, что никакого решения по вопросу о государственном устройстве России Дума вообще не обсуждала и никакого решения на этот счет не принимала, что было хорошо известно и Государю. Строго говоря, призвав благословение Божье в приказе по армии от 8 марта 1917 года на дела Временного Правительства и указав на необходимость своим бывшим теперь уже подданным, во всем подчиниться этому правительству, Государь тем самым придал легитимиый характер масонскому ордену и отдал ему всю власть над Россией.

Мы еще только отмечаем совершенно объективные факты истории, задаваясь в сущности риторическим вопросом, — знал ли что о масонстве Государь и знал ли Он о думской масонской ложе, которая определяла все решения в III и IV Государственной Думе. Знал ли Он, например, что вся эта «общественность» в виде Союза Земств и Городов, возглавляемая кадетами, есть в сущности просто светское название ордена вольных каменщиков, вышедшим благодаря Его либеральной политике и внедрению в жизнь страны Государственной Думы, на широкую арену политической борьбы. Ведь вне Государственной Думы и системы политических партий масонство могло бы оставаться культурно-просветительской оккультно-теософской организацией для «творческой интеллигенции» и чиновников министерств и департаментов. Зная о той огромной роли, которую сыграло масонство в революционном движении и в февральском перевороте было бы странно не задаться вопросом, что именно знал в этом отношении Государь и имел ли Он сам какое-либо отношение к этой организации. Понятно, как глава Государства Он не мог не знать о том, о чем писали все газеты того времени, о чем Ему доносили высшие полицейские чины, о чем Ему писал русский посол во Франции, или министр иностранных дел, о чем Ему говорили его собственные родственники.

Более того, мы знаем, что Государь очень интересовался масонством и многие ведомства, не только Департамент полиции, собирали сведения о масонстве в Европе. Но даже не предрешая ответа на вопрос, имеющий принципиальное значение, странно само по себе уже то, что сам вопрос историками вовсе не ставится, — ни историками либеральными, вчерашними советскими, ни теми, кто относит себя к монархистам. В этой среде, подчиняясь нынешней политической и не очень понятной пока конъюнктуре, активно создается образ непогрешимого «святого царя», все знавшего, все видевшего, но не могущего ничего сделать, чтобы предотвратить катастрофу, потому что народ весь поголовно «озверел». Утверждается, что монархистов

рядом с Государем не было, и Он, брошенный всеми, окруженными изменниками ... и так далее. Это создаваемый историками — публицистами из неясно мотивированных для нас побуждений, образ «святого царя», все знающего, все видящего и за всех страдающего, был создан как раз розенкрейцерской литературой. В книге Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» целая глава посвящена как раз образу «святого царя». Та же модель этого образа, созвучная горьковскому Данко, используется в книге оккультиста Э. Шюре «Великие посвященные». Ее осуществление в нашей стране мы видели в культе Сталина при жизни этого маленького и хитрого то ли грузина, то ли кавказского еврея. В масонской легенде, являющейся чем-то вроде объяснительного мифа, эта тема связана с образом Хирама, великого Мастера, строителя храма Соломона, храма светлого будущего, и павшего жертвой злобы, измены и корысти.

В целом, получается странная картина, рисуемая историками и публицистами. С одной стороны расцвет масонства, вышедшего на политическую арену и сыгравшего решающую роль в событиях последнего десятилетия царской России, с другой — мы видим историю политических партий без всякого упоминания о масонстве, как факторе несущественном и с полным игнорированием сообщений как раз тех самых лиц — кадет, эсеров и левых октябристов, которые сами же свидетельствовали о значительной роли масонства. С третьей стороны, мы видим описание деятельности правительства России с забвением, однако того элементарного факта, что это не вообще было правительство, Столыпина или Коковцова, или, ранее того, Витте, а правительство Его императорского Величества, в котором каждый министр назначался только Царем и по Его же усмотрению снимался с должности.

Что касается самого Государя Николая II, то Его образ точно так же двоится. Некоторые историки — публицисты, мешая историю с богословием рисуют Его, как человека, отрешенного от мирских забот, исключительно преданного делам православной веры и к политической жизни страны не имеющего никакого отношения. Все его действия в качестве главы государства правильны, потому что он посланник Божий, а, следовательно, уже не Он от Себя действовал, а Сам Бог. Эта совершенно мистико-сектантская, духоборская, точка зрения активно выдается, что крайне печально, за православную точку зрения на Царя, как помазанника Божия ... и потому безгрешного! Эта точка зрения присуща, однако, была как раз мистикам — каббалистам еще александровых времен, о чем писалось уже выше. Нелепо было бы долго и подробно полемизировать с этой точкой зрения, но упомянуть о ней имеет смысл в том плане, что розенкрейцерство в наше время живет и цветет, как и во времена далекого прошлого нашей страны и также, как во времена Лабзина, проф.Ф.А.Голубинского, Вл. Соловьева активно прикрывается ссылками на истинное православие, а работы светские и публицистические обильно уснащаются ... текстом молитв!

В этом образе «святого царя», все знающего и все видящего, и который авторами вписывается в лучших традициях розенкрейцерства, в псевдоправославное понимание святости, есть, однако слишком много серьезных пробелов, чтобы можно было этим мифом удовлетвориться. Во-первых, объективно, Царь своими решениями в либеральном духе помогал быстрой трагической развязке, а не просто пассивно за ней наблюдал. Помогал, действуя, объективно говоря, именно масонскому ордену и всем левым силам в их стремлениях покончить с Самодержавием. Во-вторых, что не менее существенно, решительно не соблюдал церковных канонов, запрещающих вторжение светской власти во внутреннее управление Церковью, и ни при одном царствовании, исключая разве времена Петра I и бироновщину, не было такого бесцеремонного вмешательства царской власти в дела Церкви и унижения иерархов. Ниже мы остановимся на этом вопросе. Далее, не секрет, что замечательные иерархи и святые подвижники Церкви оказались именно в это царствование в той или иной мере гонимыми от царской четы, Николая II и Его супруги. Кроме того, мы не знаем кому верить в этом вопросе, — праведному ли Иоанну Кронштадтскому, осудившего политику Царя в 1905 году, Льву Тихомирову, слова которого, соответствующие теме, приведены будут ниже, другим ли русским людям, верным престолу и отечеству и своей мученической кровью удостоверившими свою верность Церкви и долгу верноподданных, или же современным конъюнктурным монархистам (призыва 1991 года), всю жизнь просидевших в коммунистической номенклатуре или в сексотах.

Далее, даже если отвергнуть все эти доводы, то остается еще один, но уж совершенно неразрешимый даже в рамках адептов мифа о «непогрешимом царе». Дело в том, что Сам Николай II достаточно часто менял свои мнения и признавал ошибочность своих решений. Он был уверен, что народ у нас хороший, что все будет хорошо, что война с Германией кончится нашей победой и так далее. Кроме того, уж совершенно не знаешь, что делать с благословениями масонскому Временному правительству со стороны Государя. После Его отречения. И как быть с церковными канонами попираемыми. Или с политикой потакания «плюрализму» в печати, благодаря которому пропаганда атеизма шла в стране самым широким потоком. Таким образом, чтобы поверить в этот миф непогрешимого Царя, нужно отказаться от Церковного учения, отпасть от самой Церкви, впасть в ересь духоборства, а заодним отказаться от дара Божия — собственной способности логически мыслить. Но это дорогая цена для дешевой сказки. Все эти и другие аспекты мы затронем ниже. Но совершенно очевидно, что ничего случайного в жизни не бывает и что отступничество носителей Верховной власти от своего долга

— явление не исключительное в истории даже одной России: в сущности, весь петербургский период — тому самое наглядное свидетельство.

Рядом с этим образом Николая II на страницах исторических работ живет другой Государь, который руководит реально политическими процессами, внутренней и внешней политикой, подписывает указы и манифесты, вводящие в жизнь страны либеральные «свободы» и протестантские нормы «веротерпимости» и свободы религиозной пропаганды любой конфессии, и даже атеизма. Этот Николай II, реальный, фаталист и потому розовый оптимист, выражает веру в свой народ, нигде не говорит о его озверении, но наоборот, постоянно утверждает, что еще немного, еще чуть-чуть, победа будет достигнута, процветание не за горами, и «солнце правды» взойдет над Россией. Этот Николай II оказывается живым человеком, не чуждым житейских радостей культурного интеллигента, любящего театр, оперу и балет, читающего романы и газеты. Этот реальный Николай II часто Сам жалеет о том или ином своем решении, Сам называет его ошибочным и умеет переживать, сомневаться и заблуждаться. Это — живая правда.

Но в нашей исторической литературе, далекой от реальности, возникло много образов Государя Николая Александровича и много вообще «историй», так, словно мы имели несколько России и несколько государей под именем одним и тем же — Николай II.

Мы же, люди с одной головой, имеющие одну Россию с одной историей не можем позволить себе роскоши впадать в шизофрению, в состояние расщепления ума и воли и отказываться от здравого смысла и очевидной логики, как бесценного дара Божия, и ради идеологических клише, следовать всем этим псевдоисторическим картинам нашего вчерашнего прошлого, вечно с нами пребывающего в нашем сердце и в нашей памяти.

Из соображений, выше высказанных, мы не можем не задаться самым обычным и вытекающим из всей логики политической и религиозной жизни России предреволюционного прошлого вопросом, имел ли глава государства Российского, Государь Николай II какое-либо отношение к масонству. Знал ли Он о его существовании, имел ли сообщения о нем, разделял ли его идеологию, или ничего не знал, ни о чем не ведал, никакого отношения и ни с какой стороны к масонству не имел. Жил вне всего потока информации о масонстве и политически был близорук и невежественен. Если мы увидим, что Государь о масонстве знал, знал о думской ложе, и знал о том, что лидеры кадет являются в сущности представителями руководящего органа не только масонства, но и политической жизни страны, то мы праве задать вопрос, как же Он реагировал на существование запрещенной и враждебной христианству и церкви православной организации. Он — «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, блюститель правоверия». Вообще, в этом случае, нам придется пересмотреть многие из своих представлений о том времени и изменить создаваемый историками и публицистами образ последнего Царя. Но только проделав всю эту работу, мы, возможно, поймем и то, почему так много наша пресса и телевидение, а равно и так называемые монархисты свежеприготовленные из коммунистической выпечки и с явным розенкрейцерским душком ведут такую шумную кампанию вокруг имени Николая II и связанных с этим именем всевозможных акций. Причем все это на самом высоком уровне, правительственном. Почему вдруг даже кабинеты разных гусинских и березовских, вдруг украсились портретами последнего русского Царя. Очевидно, эти кабинеты никогда не украсились бы портретом черносотенного деятеля.

Итак, существуют ли какие-либо факты, которые помогли бы нам решить вопрос о возможном масонстве самого Николая II. При этом, оговоримся сразу, что речь идет в равной мере не только о том, был ли Николай II на всем протяжении своего царствования посетителем масонской ложи, но и о том, что, будучи масоном, он мог находиться в «уснувшем» состоянии, то есть не посещать или посещать редко масонские ложи. Вопрос о деятельном участии или пассивном в жизни масонской ложи — вопрос в значительной мере технический. Важно лишь знать, что и в том и в другом случае человек остается масоном и в следствии того, что посвящение в каменщики происходит на всю жизнь, особенно в высоких градусах и имеет глубоко мистическое значение, и то, что все мировоззрение, все верования приобретают в таком случае характерные особенности, которые, конечно, сказываются и в политической деятельности, и в отношении к Церкви.

Итак, какими данными мы располагаем для решения вопроса?

Эти данные, в целом, можно разбить на несколько категорий. Во-первых, это непосредственные указания на пребывание Николая II в годы до 1905-го в масонской ложе «Крест и Звезда», созданной во второй половине девяностых годов в Зимнем дворце и в Царском Селе. Этот факт пребывания в масонской ложе молодого Николая II связан с именами двух французов, а скорее всего, французских евреев — Филиппа Вашода и Папюса. Относительно этих обеих персонажей масонства у историков не возникает никаких сомнений как в их реальности вообще, так и в реальности их близких отношений к царской чете в первое десятилетие царствования Николая II. Многочисленные мемуары лиц, близких к Царю, Его родственников и видных политических деятелей постоянно упоминают и о Филиппе и о Папюсе, главы Ордена мартинистов.

Другим признаком, помогающим решить интересующий нас вопрос, является наличие среди доверенных лиц Государя, его близких родственников активных деятелей масонства и при том высоких градусов.

Их близость к Царю, доверие которым они пользовались с Его стороны не

может не наводить на определенные размышления. Как и не ставить, в свою очередь, вопроса о том, почему именно им Он оказывал такое зачастую неоправданное их деловыми качествами доверие в делах государственных. Собственно говоря, уже только один этот признак вне рассмотрения других дает все основания предполагать, по крайней мере, наличие симпатии к масонству со стороны Николая II. В сочетании же с вышеприведенными свидетельствами о ложе «Крест и Звезда» и об участии царской четы в сеансах спиритизма, проводимых вышеназванными Филиппом и Папюсом, этот факт близости к своим родственникам — масонам приобретает для нас почти доказательное звучание. Далее, мы можем обратить внимание на членство в масонстве тех лиц, которым Государь поручал высокие посты в правительстве. Здесь наши сведения носят отрывочный характер, но при вдумчивом рассмотрении служебной практики среди высшей бюрократии иметь дело только со «своими» и приняв во внимание тот узкий круг лиц, из которых формировалось правительство Царем, мы и здесь можем многое почерпнуть. Косвенным, но важнейшим признаком, является само направление всей внутренней и внешней политики правительства, формируемого и направляемого Царем. Некоторые черты этой политики имеют принципиальное значение в решении нашей проблемы. Создание Думы, режима политической борьбы партий, самоограничение Своей власти, все возраставшее с годами, отталкивание от Себя правых политических деятелей, в том числе из числа высшей бюрократии, игнорирование полное правой и многочисленной фракции в Думе и в Государственном Совете, политика плюрализма в печати, создание климата наибольшего благоприятствования для деятельности масонских лож, ущемление Церкви и православия в целом (напр. указ от 17 апреля 1905 года об «укреплении основ веротерпимости»), неуклонное укрепление своими решениями авторитета Думской оппозиции — все это также не может быть вне нашего осмысления и не дать основание принять за неизбежное вывод о совершенно определенной причастности Царя к масонству. В противном случае нам придется отказаться не только от этого вывода, но и от самой способности здраво и логически мыслить, но это уже и само по себе есть кощунство, ибо это есть отказ от дара Божия.

Прежде, чем перейти к более подробному рассмотрению вопроса по отдельным пунктам, нельзя не заметить, что вопрос о членстве в масонском ордене Николая II, а, следовательно, и Его супруги не имеет решительно никакого отношения к вопросу о канонизации Николая II и Его семьи. Эти вопросы исключительно в компетентности Церкви. Кроме того, надо сказать и то, что православное воззрение на святость коренным образом отличается от такового у иудеев и язычников. Святость, это вовсе не безгрешность, а предполагает победу над грехом, как и безграничную милость Божию. Жития святых сообщают нам о причислении к сонму святых мучеников тех, кто христианином-то был всего каких-нибудь несколько если не минут, то, по крайней мере, одного — двух часов. В первые века христианства зачастую от обращения в христианство до казни за исповедание Христа проходили считанные мгновения. С другой стороны, мы знаем, что святой благоверный князь Александр Невский беспощадно рубил головы и отрезал уши у православных новгородцев, когда те не хотели подчиниться власти татаро-монгол.

Православный взгляд на вещи — это в первую очередь взгляд трезвый и бережный в отношении исторической правды, и он исходит из того, что история дана нам Господом для нашего научения, а не для суда над нелюбимыми и восхваления своих кумиров.

Итак, вопрос о масонстве Николая II может быть решен по нескольким сюжетным линиям.

I. Многочисленные мемуарные свидетельства, донесения Департамента полиции, письма Императрицы Александры Федоровны, свидетельствующие о близости к царской чете в конце 1890-х и начале 1900-х годов французов или евреев, как считают некоторые исследователи, Филиппа Вашода из Лиона и известного главы международного ордена мартинистов Папюса Энкосса.

Первый, Филипп, по этим свидетельствам, основал в конце 90-х годов сначала в Зимнем дворце, затем в Царском Селе масонскую ложу «Крест и Звезда», предназначенную специально для придворных ближайшего окружения Царя, ложу, членом которой был и сам молодой Государь Николай II. Царица Александра Федоровна в более поздние годы в своих письмах супругу упоминает «нашего друга месье Филиппа» (например, письмо от 14 декабря 1916 г.). Этот Филипп, по некоторым свидетельствам, получил по указанию Царя диплом доктора медицины и звание действительного, статского советника, (см. Витте С.Ю. Воспоминания, т. 2, с. 269,274...)

Об увлечении оккультным мистицизмом молодой царской четы упоминают практически все приближенные Царя, оставившие свои воспоминания, например А.А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства Двора[24].

Также известно о близости к царской чете и доктора Папюса, главы ордена мартинистов, автора многих произведений по магии, оккультизму и масонству. Его произведения беспрепятственно выходили в Санкт-Петербурге в предреволюционный период. Считается, что Филипп действовал по поручению Папюса.

II. О пребывании в масонстве Государя Николая II говорят и сами масонские источники, не предназначенные к широкой публикации. В том числе об этом говорят статьи масона Кандаурова (ЦХИДК, фонд 730, оп. 1).

[24] См. «Комментарии к источникам V главы» ниже.

III. Ближайшее родственное окружение Николая II и несомненная принадлежность к масонству его доверенных в этой среде лиц. В первую очередь это вел. князь Николай Николаевич, авторитет которого сыграл такую роковую роль и в издании Манифеста 17 октября 1905 года, которым, в сущности, было ликвидировано Самодержавие, и в принятии решения об отречении от престола. О масонстве вел. князя Николая Николаевича и его увлечении оккультизмом хорошо известно по многим источникам. Среди других доверенных лиц в этой среде — вел. князь Александр Михайлович, многолетний друг Николая II с самого детства, который, как и все Михайловичи, был деятельным масоном высоких градусов и который совершенно не скрывал с самой юности своих антицерковных взглядов, ярко выраженных им в его воспоминаниях.

К этому надо добавить, что этот родственник и друг Царя был, согласно авторитетному в этих вопросах Витте, по матери евреем. Духовно близки к Царю были и другие Михайловичи, как, например, историк Николай Михайлович, член французских масонских лож самых высоких градусов. Известно, что с ними Николай II беседовал и о масонстве (Соловьев О.Ф., «Русское масонство», ее. 167, 175, 184, 209).

IV. Влияние масонской идеологии на внешнюю и внутреннюю политику Государя Николая II. Это влияние усматривается многими авторами по масонским же источникам:

а) в инициативе Николая II по созданию международного третейского суда в Гааге и в других мирных инициативах правительства Николая II по ограничению вооружений (1898 -1899 гг.), положивших начало созданию Лиги наций, а затем ООН. Отсюда — признание со стороны этой масонской международной организации авторитета Николая II как одного из своих основателей. Факт хорошо известный. (См. Комментарии к источникам, VI.).

б) в приверженности Государя Николая Александровича к франко-русскому союзу, вовлекшему Россию в мировую войну, и в приверженности к этому союзу и во время войны, при всей ее бессмысленности и преступности, так как никаких взаимных претензий между Германией и Россией не было, и лояльность франко-русскому союзу была единственной причиной гибели миллионов русских людей на фронтах мировой войны. Эта лояльность союзу сказалась и в тексте отречения от престола. Известно, что именно либерально-масонская кадетская среда более всего и создавала тот общественный климат такой лояльности, который и стал причиной этой войны, а затем создал предпосылки для февральского переворота.

в) приверженность франко-русскому союзу с 90-х годов открыла широкую дорогу французскому масонству в Россию на высшем правительственном уровне, так как состав правительства Франции полностью совпадал с составом Великого Востока Франции, высшего руководящего органа французского масонства. (См. Коммент. XII, д). Отсюда следует, что Николай II имел сведения о масонстве из первых рук, минуя Департамент полиции и дипломатические источники.

г) идеология царствования Николая II во внутренней политике отражает характерные моменты либерально-масонской идеологии: манифесты 26 февраля 1903, 12 декабря 1904, 17 апреля 1905 и другие провозглашают свободу слова, печати, идеалы «веротерпимости», расширение прав евреев и опору на «общественность». Манифест 17 октября — демократические свободы и ограничение Самодержавия, введение в стране принципов парламентаризма и партийной борьбы, свободу собраний, митингов и шествий. В дальнейшем странное желание Царя во что бы то ни стало утверждать рядом с престолом авторитет Гос. Думы, стремление Царя поделить свою власть с шайкой бандитов, уголовников. в том числе кавказских, демагогами и болтунами (1-я и 2-я Думы) и с масонскими Думами 3-го и 4-го созывов. О масонстве этих Дум, в том числе с перечислением поименно депутатов, широко писали центральные русские газеты, такие, как, например, «Новое время», которое Николай II регулярно читал, «Утро» и другие, не говоря о правых органах печати. К тому же в 1909 году вышла отдельным изданием книга Г.А. Шечкова «Масонство в Государственной Думе».

д) приверженность либеральному образу мысли сказалась в кадровой политике Государя Николая II: выбор министров из либеральной, юдофильской среды (например, В.Н. Коковцев); постепенное сближение Государя с левыми думскими кругами, особенно в последние два-три года; удаление министров более или менее правых взглядов, неугодных Думе; регулярные уступки давлению левых «общественных», то есть масонских, кругов, в кадровой же политике и других вопросах. Сюда же надо отнести и широкое финансирование из государственной казны лево-масонских т.н. «общественных организаций» во время войны, которые вели широкую антимонархическую пропаганду в стране и морально разлагали фронт — за государственный счет.

В эту же тему следует включить и полное отчуждение Самодержца Всероссийского от преданных Ему монархических кругов, что, в частности, сказалось и в отказе принять депутацию монархистов различных городов с поднесением Ему иконы Божьей Матери (1915 год), и в отказе в материальной помощи патриотической пропаганде в войсках и в тылу. Впрочем, еще и в 1912 г. Государь демонстративно отказался принять депутацию правой фракции 3-й Гос. Думы, заявив, что политические воззрения Его подданных Ему безразличны. (См. Родзянко. Воспоминания. Архив Русской Революции, т. 17).

е) согласие на отречение и сам текст отречения («в согласии с

Государственной Думой сочли Мы за благо...»), особенно же в том месте отречения, где Государь указывает своему наследнику вел. кн. Михаилу, править исключительно на основах демократических и конституционных и тем отрекается не только от престола, но и от самого принципа Самодержавия.

Акт этот не был вынужденным, ибо он был повторен в приказе по армии от 8 марта. Объясняясь с вел. кн. Александром Михайловичем, бывший Царь сказал ему, что Его отречение было Им продумано и Он уверен в его необходимости для блага армии и России. (Вел. князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний; с. 228). О вынужденности отречения Царь не говорил никогда, но говорил задолго до революции о желании отречься от престола. (См. Комментарии VIII. XIII, б.).

V. Отношение политики правительства Его императорского Величества Николая II к деятельности масонских лож: исключительно благоприятное, сравнимое лишь с временами Александра I. Правительство имело многочисленные свидетельства такой деятельности и имело даже своих осведомителей в этой среде, но не было ни одного случая судебного или полицейского преследования за принадлежность к масонскому сообществу. Факт сам по себе показательный. Расцвет пропаганды масонских идей в легальной печати падает как раз на время царствования Николая II. С разрешения правительства и при несомненной осведомленности Николая II издаются многочисленные масонские журналы и теософские. Печатаются объявления, призывающие желающих вступать в масонские ложи. Читаются апологетические лекции и выходит многочисленная литература по истории масонства в исключительно благоприятных для последнего тонах. Правительство Столыпина и Коковцева разрешает на территории России деятельность более двадцати международных масонских организаций, ведущих пропаганду идей либеральных, и в том числе пацифистских («Лига образования», «Лига мира», «Международное Теософское общество» и другие). Все они получают разрешение не только от премьер-министров, но эти решения утверждаются Государем. Об их деятельности хорошо известно из печати, которая рекламирует эти сообщества. Сведения о масонстве собираются в различных центральных правительственных ведомствах, таких, как МИД, министерство финансов, и, конечно, МВД. Сам Государь Николай II получает, кроме сообщений из этих ведомств, и непосредственно письма от масонских лож, в том числе розенкрейцерских (ЦГИАЛ СССР, ф.157, д.390, лл. 35-42. На бланке: «Орден Розенкрейцеров. Ложа Мезори»: «Например, нам вполне понятен интерес Вашего Величества к оккультной науке, как основе религиозно-философского миросозерцания, потому что мы и сами бесконечно служим этому учению». Здесь же упоминается мартинист «Филипп» в неодобрительном тоне. — л.39). Последнее могло бы быть возможным только в том случае, если получатель, Николай II был сам членом ложи. (Подробнее в Комментариях XI)

По совокупности сказанного, а также учитывая всю атмосферу двора, его увлечение оккультизмом со времен Александра I, поощрение правительственных сфер пропаганде в стране материалистических и атеистических идей, как в печати так и во всей системе народного образования, надо признать, как факт более, чем вероятный, что Николай II, как и Александра Федоровна, не только состояли в масонской ложе, быть может в «уснувшем» состоянии, вне обязательных обрядов, но и не могли там не состоять. Промасонские симпатии их очевидны.

VI. Еще одно обстоятельство, мало учитываемое, но важное: все русские императрицы, жены царей, были немецкими принцессами, а масонство в Германии уже с XVIII века захватило все монархические дворы этой страны, и в масонстве состояли все знатные особы Германии. Соответственно, и все образование и воспитание в немецкой аристократической среде и при Дворах велось исключительно в русле масонского просветительства. Это факт достаточно известный.(См. «Масонство в его прошлом и настоящем», статья «Масонство в Германии»).

Между тем, именно конституционных стремлений молодой императрицы Александры Федоровны опасались больше всего многие из монархистов, так как она воспитывалась при английском дворе, будучи немкой[25]. Но масонство английских монархов и других владетельных особ Англии шло еще с XVI века, а, может быть, и раньше, и является фактом не скрываемым. Отсюда такая нелюбовь императрицы Александры Федоровны к духовенству, Русской Церкви, поддержка политики Царя по утверждению парламентского строя в Российской Империи и демонстративное бессилие в вопросах влияния на печать и на общественное мнение. Отсюда отмечаемый всеми современниками внецерковный мистицизм Царицы, презрение к иерархам Церкви и другие черты, характеризующие именно розенкрейцерские воззрения Императрицы на религиозно-церковные вопросы, ее пиэтизм. Отсюда же .Филипп. Папюс, увлечение Распутиным при полном презрении к учению Церкви, как и увлечение оккультной литературой. Отсюда же отталкивание широких, многомиллионных монархически настроенных русских людей от себя, замкнутый образ жизни и отрешение от своего монархического долга беречь и спасать Россию. Воззрения императрицы на духовенство известны: «Духовенство не только не понимает церковно-государственных задач, но не

[25] См. Ламздорф В.Н. «Дневник. М., 1991 г., с. 97: «Некоторые наши политические группировки боятся проявлений терпимости по отношению ко всем национальностям империи, они опасаются также либерального влияния молодой государыни, весьма сведущей и весьма склонной к парламентарному режиму, поскольку она полуангличанка».

понимает даже веры народной, не знает народных нужд и потребностей... Особенно архиереи». Епископы малообразованы и честолюбивы, «служители Церкви... не умеют привязать к себе ни интеллигенцию, ни простой народ». Патриарх не нужен, а епископы хотят через патриарха получить власть и т. д. (Жевахов, I, 71-73).

Недалекая умом, с непомерным самомнением, царица оставалась протестанткой, интеллигенткой с вечной боязнью «клерикализма» и полным пренебрежением церковных канонов. И в этом царская супружеская чета была солидарной. Отсюда боязнь созыва поместного собора.

Последние годы, особенно с 1914-го Александра Федоровна начинает вести подлинную войну с архиереями. Она втягивает своего миролюбивого супруга, ни мало не жалея его времени и сил, в бесконечные интриги против тех или иных епископов и даже митрополитов, начинает распоряжаться церковными делами, как полковой командир в своей части. Никакие церковные каноны Ей не указ. Читая Ее письма, наглядно видишь, что никакого представления о том, что Церковь есть самостоятельное, неподвластное светской власти учреждение, Она не имеет, ни о каких канонах не слышала и глубоко убеждена, что Царь и Царица все могут сами: назначать и смещать епископов, передвигать их на те или иные кафедры, делать им «внушения», как малым детям и даже приказывать канонизировать кого-либо, не спрашивая церковь и не интересуясь мнением св. Синода. В числе своих противников она видит и митрополита Владимира — священномученика, и замечательнейшего церковного писателя, человека правых убеждений, стойкого ревнителя православия архиепископа Никона Рождественского, и замечательного борца с врагами церкви, человека исключительно правых убеждений, близкого прав. Иоанну Кронштадтскому епископа Гермогена. и архиепископа ярославского Агафангела, и отца Востокова. И все потому, что эти люди, светочи православия, видели в Распутине того, кем он и был: обыкновенного бессовестного проходимца. И еше потому, что они смели напоминать, что Церковь, как Богом данное учреждение, живет своими правилами, своими установлениями и никакая светская власть не имеет права вторгаться в ее жизнь и нарушать каноны. Напоминания об этом выводят Императрицу из себя. Чего стоят эти Ее указания Государю: *«Я* нахожу, что этих двух епископов надо немедленно выгнать из Синода ... Найди других, более достойных (то есть покладистых — *В.О.)* епископов ... Пусть они .. узнают, кто их повелитель», — пишет Она супругу 8 сентября 1915 года.

В следующем письме от 9 сентября того же года Она вновь о том же: «Агафангел так плохо говорил (из Ярославля). Его следует послать на покой». Далее наставляет Государя: Никона, архиепископа надо убрать из Гос. Совета, а Сергия Финляндского (будущего патриарха Московского и Всея Руси) надо убрать из Синода; не забыть еще убрать обер-прокурора Самарина и, конечно, митрополита Владимира не забыть бы тоже отослать куда-нибудь в Киев. Ведь митрополит Владимир, человек твердых убеждений, монархист тоже выступает против «нашего Друга»;

а, во-вторых, он посмел, пишет Царица, назвать одну из телеграмм Государя «глупой» — за вторжение в дела чисто Церковные, на что Государь, конечно, не имел никаких полномочий, как лицо светское и как обычный в делах Церкви мирянин. Ведь дары, низводимые при короновании Царя, относятся исключительно «к управлению Царством и защите Церкви и никаких даров учительства, пастырства и вытекающих из них прав внутреннего церковного законодательства и управления в себе не заключают ...», — пишет специалист в области канонического права проф. Зызыкин в своей объемистой и содержательной книге «Патриарх Никон». Некогда, в V веке, Феодор Студит сказал императору Льву V, что «не следует Царю ставить себя самого судьею и решителем в этих делах», то есть в делах Церкви. И даже думать о перемещении епископов с кафедры на кафедру, давать им совет, в тем более посягать на права церкви в области канонизации святых, Цари не имели никакого права. Эта практика Николая II и Его супруги были вопиющим нарушением церковных полномочий. Но Государыня Александра Федоровна, осталась на всю жизнь протестанткой, по умонастроению близкой масонскому просветительству с его глубинной ненавистью именно к священникам и, особенно, к иерархам Церкви, без которых Церковь немыслима. В представлении Императрицы, Государство неизмеримо выше Церкви и именно государство есть Богом данное учреждение, а не Церковь. И в письме за 11 сентября 1915 года она пишет супругу: «Ты глава и покровитель Церкви». Покровитель — да, но любой катехизис начинается с того, что Глава Церкви — Христос. В католичестве — наместник Бога — папа. У протестантов глава государства и есть распорядитель дел церковных, поскольку церковь там есть часть государства. У масонов само государство превращается в светскую церковь и появляется на свет цезарепапизм — главенство государственной власти над Церковью. Именно такой точки зрения, придерживалась Государыня.

VII. Отношение верховной власти к Церкви. Либеральные реформы Царя не обошли и вероисповеданных вопросов. Впервые с высоты престола были провозглашены протестантские идеалы либерализма: «свобода совести», «веротерпимость» и провозглашено, что отныне православный человек может перестать им быть в любой момент и перейти в другую веру. Впервые эти слова прозвучали в Манифесте 26 февраля 1903 г. Затем последовал пересмотр Уголовного законодательства и оттуда были удалены все статьи, которыми ограждалось Православие и предусматривалось наказание за совращение православного в другую веру. Особенно тяжело был воспринят благонамеренными людьми Указ от 17 апреля 1905 г. об «укреплении основ

веротерпимости». Этим указом Верховная власть объявляла, что ей все равно, во что и как веруют ее подданные. Рвалась цепь, которая связывала воедино государственную власть, Церковь и народ. С резким осуждением этого акта выступил и праведный Иоанн Кронштадтский (14 мая 1905) и многие архиереи. Характерно, что все акты готовились по воле Царя в Совете Министров под председательством Витте с игнорированием св. Синода. «Правила 17 октября 1906 г.» открыли дорогу сектантству и его пропаганде.[26]

По непонятным причинам Государь отдал вопросы церковные на рассмотрение Думы, которая не замедлила начать обливать родную Церковь насмешками, издевательствами и кощунствами. И так — все 12 лет. Многочисленные просьбы оградить Церковь от Думских «рассмотрении» были оставлены Царем без внимания... Несмотря на многочисленные протесты православных, Государь разрешил строительство в столице буддийского капища (1909 г.).

Чтобы понять причину такого отношения Николая II к вопросам веры, надо иметь в виду, что вся атмосфера Двора способствовала либеральным воззрениям на религию. В ближайшем окружении Царя были и протестанты, и католики, и англикане и просто атеисты. Либеральные воззрения царской четы сказались и в том, что наследника престола воспитывали по рецептам «просвещения» и католики, и протестанты и англикане. Очевидно, вопросам вероисповедания в царской семье не придавалось решающего значения.

Что касается личного благочестия, то оно бывает и внешним, и внецерковным, как и мистицизм. Мы видели это и на примере московских розенкрейцеров, активных прихожан, церковных писателей и преподавателей Духовной академии. Не забудем также, что царская чета посещала католическое богослужение в нарушение канонов. (См. с.415.)

VIII. Можно соглашаться с тем, что Государь Николай II был масоном или нет, но есть факты, мимо которых нельзя пройти просто так. И факты серьезные. Имевшие большое юридическое и историческое последствие для судьбы России и русского народа.

Во-первых, как было сказано выше. Царь не только отрекался лично от престола отеческого и от обещания, данного Им в Успенском Кремлевском соборе при святом короновании, сохранить в неповрежденности бесценный дар Божий — Самодержавие. Но Он в акте отречения отрекался еще и от самого Самодержавия как такового, а это было уже почти кощунство. И почему-то на этот момент как-то мало обращается внимания. Государь к великой радости Шульгина и Гучкова отрекаясь и передавая трон Великому князю Михаилу Александровичу писал: «Заповедуем Брату Нашему править делами Государственными *в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены,* принеся в том ненарушимую присягу.»

Таким образом, Николай II заповедовал Михаилу Александровичу быть конституционным монархом, не Самодержцем. И тем самым, отрекаясь от престола отческого, Государь заповедует России отныне идти путем демократическим, меняя тем самым всю природу власти и отрекаясь от дара Божия — от Царства.

Второй объективный факт заключается в том, что Государь Сам передает Свою власть какому-то Временному правительству, фактически органу масонской власти, кучке интриганов, болтунов, демагогов, тем, кто все эти годы позорил царскую власть, и подкапывался под нее. Передает самолично и тем легализирует эту революционную власть и дает ей юридический статус преемственной власти, от Него, Государя и Самодержца Всероссийского получившей все свои полномочия. Конечно, все это было вне полномочий Царя.

Все в этом акте отречения, неверно, фантастично и, скорее всего, бессознательно ложно. Государь пишет, что «начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.» Но во всей Империи читавшие этот акт люди, кроме жителей Петрограда и, частично Москвы, не имели никакого понятия ни о каких волнениях и были просто ошарашены, увидев этот акт. Многие отказывались верить в его подлинность. Даже на Балтийском флоте офицеры восприняли эти слова о народном волнении с удивлением. Эту атмосферу в армии передает и генерал Епанчин и многие другие. Впрочем, для Государя Петроград и был всей Россией. Все, что было вне этого града Петра, воспринималось как необходимое приложение к нему.

По мнению Николая II, судьба России требует доведения войны до победного конца, ведь «жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.» Этот самообман, эта поразительная близорукость несомненно были следствием либеральных убеждений Государя и его романтизма. Он словно не знал, что в столице и других городах идет развал, в первую очередь, вызванный деморализующей пропагандой левых сил. Нет, Он верит и вводит в заблуждение других. Далее, Он уверен, что Самодержец, именно Царь, а не только Он, Николай Александрович, России, русскому народу, не нужен. С Царем войну не выиграешь. А с кем же выиграешь — с кучкой болтунов и демагогов? Поэтому, пишет Он, «почли мы долгом совести облегчить народу Нашему

[26] См. «Московский сборник» 1909 г., статья миссионера Айвазова. О подготовке указа «о веротерпимости» 17 апреля 1905 г. подробно пишет Витте С.Ю. в мемуарах.

тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой сочли мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную Власть.» Облегчить, однако, единение и сплочение всех сил народных удалось прямо до обратного: исчез последний столп, удерживавший общественное здание от разрушения на отдельные кирпичики.

Встает сразу несколько вопросов. Если Он считал за благо отречься, и тем облегчить «Народу Нашему» достижение победы, то почему же Государь так долго тянул время и не хотел облегчить наступление такого победоносного конца раньше. Чего ждал, на что надеялся? И почему надо было думать, что после победы над Германией страна не рухнет в революционной анархии.

Но, самое главное, что остается вечной загадкой в этом тексте, так это слова: «в согласии с Государственной Думой признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского». Загадочность заключается в том, что никакого решения Дума по вопросу о государственном устройстве России вообще не обсуждала никогда. Ни разу. Никакой резолюции Думы, поэтому, и не было, о чем Государь не мог не знать Не могла потому Дума и выбрать какое-нибудь правительство. Никакого почина в создании правительства Дума не высказывала ни разу. И не сообщала Царю о таком решении. Между тем. к Государю явились двое никем не уполномоченных депутатов от этого самочинного временного правительства, никем не назначенного и Он, законный Государь, с готовностью встречается с ними, обсуждает дела столь огромной важности и отдает им текст отречения от отеческого престола, который Гучков, как передают очевидцы, небрежно сунул в карман брюк, как суют носовой платок или расческу. Обдумывая внимательно все обстоятельства дела, приходишь к предположению:

слова акта отречения «в согласии с Государственной Думой» относились к дирижировавшей Думой масонской думской ложе, которая и была для Государя реальной и авторитетной силой. Перед ней Он пасовал все время, ради нее созывал Он Сессии Думы. И именно поэтому Он согласился принять ее эмиссаров — Гучкова и Шульгина.

Любопытно, что даже в письмах царской четы практически не упоминаются, за редким исключением, лидеры правых фракций. Они для Царя и Его супруги были людьми мало авторитетными. Более того, они раздражали своей категоричностью и ясностью взгляда и своей требовательностью.

Царь регулярно получал сообщения о масонстве и Керенского, и Милюкова, и Гучкова. Больше всего писали о председателе Земгора князе Г.Е. Львове. И именно его Он 2 марта 1917 года назначает председателем Совета Министров. Такова объективная сторона вопроса: активнейший масон, заговорщик, о котором ему было известно многое, назначается главой правительства. А дядя Царя, великий князь Николай Николаевич только что Его предавший и вызвавший у Николая II тяжелый вздох: вот, и Николаша тоже изменил мне — тут же назначается Верховным Главнокомандующим! Что это — Львов, Николай Николаевич, Гучков, Милюков и др. — все изменники, заговорщики и им передается громадная власть.

Если иногда утверждают, что акт отречения был вынужденным актом, то сказать о вынужденности приказа по армии от 8 марта никто не решится. Хотя и в акте об отречении также нет следов принуждения. Это скорее развернутый манифест человека, давно уже решившегося отказаться от короны и давно убежденного, что у Самодержавия нет будущего и Россия только выиграет, если откажется от этого старого хлама, когда-то сыгравшего, надо признать, большую историческую роль. Именно эти мысли и сквозят в акте отречения. Приказ же по армии еще более удивителен. Он пишет, что «власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия... повинуйтесь Временному правительству...»

Итак, Государь не только самолично отрекается и за Себя, и за сына, но еще и призывает помощь Божью на дела масонского Верховного Совета Народов России, руководящего органа российских масонов. Это — если объективно. По тексту — благословение Божье призывается бывшим Царем на дела Временного правительства, возникшему против Его воли, когда Дума, кстати, была Им же уже распущена — 25 февраля. Орган революционной власти, лишенный хотя бы самомалейших признаков законности, состоящей из лиц, известных всей стране в качестве врагов государственного строя, вдруг еще и получает благословение Царя на дела государственные. Возникает вопрос, а чего еще могли бы пожелать заговорщики от Царя в деле своем, революционно-разрушительном. Кажется, Государь, последний монарх, сделал все, чтобы облегчить на первых порах существование врагов исторической России, демагогов, болтунов, догматиков и рутинеров прогресса, медиумов еврейских внушений.

Совершенно невозможно себе представить, чтобы православный русский Государь мог бы так позорно капитулировать перед шайкой политических интриганов, да еще и приказать подданным повиноваться этому так называемому правительству.

Примерно такие мысли обуревали многих русских людей, увидевших этот позорный акт отречения русского Царя от престола. Их высказал и сдержанный генерал Епанчин, и генерал граф Келлер, и С. Марков и тысячи других.

Объективная помощь масонству, следование во всем согласно его пожеланиям есть объективный факт истории.

Теперь затронем некоторые вопросы более подробно.

Привязанность Государя к вел. князю Николаю Николаевичу изумляла многих. Ей нет разумного объяснения, потому что симпатии этого дяди Царя к кадетским кругам ярко проявились в осенние дни 1905 года. Он искал, по выражению вел. князя Александра *Михайловича,* революционного генерала, пока не нашел его в лице Керенского в 1917-м. Его близость к заговорщикам во время Великой Войны была известна едва ли не всем политикам и газетчикам. Почему именно этот дядя Царя пользовался непререкаемым авторитетом все эти годы. вплоть до отречения, когда большинство других родственников Николая II давно уже были отстранены Им от всяких дел, остается неясным. Вся еврейско-кадетская печать, вся «общественность» левого лагеря всячески поддерживала авторитет вел. князя Николая Николаевича, несмотря на очевидную бездарность его как военачальника. В то же время хорошо известно. что именно этот князь с младых ногтей отличался мистицизмом. как и его мать. (Витте, II, 275).

После женитьбы на черногорке Анастасии Николаевне (апрель 1907 г.) эта страсть к спиритизму только усилилась. Сами же черногорки, Анастасия и Милиция, дочери черногорского князя, долгие годы были близкими подругами Императрицы и подолгу проводили с ней время. Об этом пишет, в частности, и граф Витте, и начальник канцелярии министерства Двора А.А. Мосолов в своих воспоминаниях, да и другие мемуаристы тоже.

О Филиппе Вашоде и ложе «Крест и Звезда» в Царском Селе пишет хорошо осведомленный в этих вопросах А.Ф. Керенский, имевший известия об этом из первых рук, сам будучи масоном. Он пишет, в частности: «Престиж Филиппа Вашода был огромен, он имел немало последователей во Франции. Царица самозабвенно следовала всем его наставлениям». К помощи Вашода Царица прибегла, поскольку очень хотела иметь наследника. Духовник Царицы осудил Филиппа, назвав его «порождением бесовских сил» (Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993 г., с.109). Те же сведения сообщает и Л.Д. Кандауров. (см. ниже Комментарии. VI, VII.)

Слова епископа Феофана, видимо, не произвели на Царицу особого впечатления, так как Она и в письмах позднего времени, в том числе в 1915 году и в декабре (14-го) 1916 года вспоминает о «месье Филиппе» и ссылается на его советы, как авторитетные: «ведь о том же говорили тебе месье Филипп и Григорий».

Берберова к сюжету, связанному с «нашим другом мсье Филиппом» добавляет: «Говорили, что в молодости Николай II был мартинистом, по примеру своих английских, германских и датских родственников. Николай II вышел, однако, очень скоро из тайного общества. Но его дяди... остались мартинистами высоких степеней и время от времени, в специальном храме в Царском Селе, собирались для ритуала» (Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986, с.23).

О влиянии масонов на те или иные правительственные акты известно из разных источников. Особенно о таком влиянии говорят в связи с инициативой Николая II и Его приближенных, по учреждению Гаагского международного трибунала. Как сообщает Берберова, об этом говорил масон князь В.Л. Вяземский в одном из своих докладов в масонской ложе: «Создание Гаагского трибунала — инициатива масонов и их дело». (Берберова, ук. соч., с. 171). Она же сообщает и о принадлежности к мартинистам, вернее, к близким к последним филалетам, великих князей Михайловичей — Александра и Георгия. В других источниках находим указания на то, что акты 17 октября 1905 г. и «об укреплении основ веротерпимости» также были результатом влияния масонства на Николая II. Замечания подобного рода мы находим, в частности, у Белецкого в его показании следственной комиссии Временного правительства.

В брошюре «Кружок русских масонов в Англии» (Лондон, 1928 г.) упоминается ложа «Креста и Звезды» в Царском Селе. Говорится, что она была образована приближенными Николая II и что Он и Сам в нее входил (Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730-1917, с.167). По данным охранного отделения, придворный ясновидец Филипп, эмиссар Папюса, учредил в 1900 г. в Петербурге у С.И. Мусина-Пушкина ложу мартинистов для видных российских политических деятелей и для знатных иностранцев. (ЦГАОР СССР. Ф. 102.00.1905 Д 12 ч.2, л.2).

По словам Керенского, глава ордена мартинистов Папюс, французский еврей, был представлен Царю в 1901 году. В следующие годы он не раз бывал в России и «навсегда остался другом императорского семейства». Будучи в Петербурге, пишет Керенский, он основал масонскую ложу, в которой Царь, по слухам, занял пост «Высшего гостя». «В эту ложу входили наиболее видные представители петербургского общества» (Керенский, ук. соч.,с. 109). Папюс проводил при Дворе сеансы спиритизма, столь излюбленные еще при Дворе Александра II и среди ученой братии двух столиц на протяжении всего XIX века. Он вызывал дух Александра III для бесед со своим сыном Государем Николаем II Эта деталь очень жизненна, и подтверждается косвенно другими сообщениями о почитании памяти отца Николаем II в первые годы царствования.

Сочинения Папюса печатаются в государственной типографии, издается орган ордена мартинистов «Изида»... Заметим, что запрещения масонства никто не отменял. Его существование было незаконным. На тему «Филипп и Папюс при русском Дворе» писал Б. Башилов в последнем томе своей

«Истории русского масонства», со ссылками на работы масонов Б. Телепнева, Ю.Терапиано и П.Бурышкина. Разночтения, надо сказать, есть, но они несущественны.

Международное масонство в эти годы ведет прямые переговоры с правительством о разрешении открыть в России ряд своих организаций. Все эти переговоры широко освещаются печатью. Левые круги довольны, правые — раздражены.

О принадлежности к масонству Витте и Столыпина говорил видный деятель Министерства Внутренних Дел С.П. Белецкий на допросе после своего ареста в марте 1917 года (см. Падение Царского Режима. Л., 1925 г., с.3, сс.333-334). Не представляет сомнения и масонство следующего за Столыпиным премьер-министра В.Н. Коковцева, единственного, кстати, из министров царского правительства, получившего от Временного Правительства повышенную пенсию как раз в то самое время, когда другие царские министры находились по приказу этого правительства в казематах Петропавловской крепости. Не тронули его и большевики. О юдофильстве Коковцева писали все русские газеты, еще когда он был министром финансов. Как и о его враждебности монархическим и патриотическим организациям. Писала об этом и та газета. которую регулярно читал и Николай II — «Новое Время». И именно его и назначил Государь премьер-министром. Известный деятель российского масонства в эмиграции, член ложи «Астреи» в Париже Кандауров, в статье по истории русского масонства писал, что Департамент полиции вслед за открытием масонских лож в России быстро напал на след «организации мартинистов, группировавшихся вокруг издававшегося в Царском Селе спиритического журнала «Ребус». Мартинистов, среди которых было несколько Великих князей (Николай Николаевич, Петр Николаевич, Георгий Михайлович) и лиц, близких ко Двору, не тронули...» (ЦХИДК, ф.730, оп. 1, дело 172, лл. 33 и далее). Пишет он и о членстве Николая II в ложе «Крест и Звезда» в Царском селе, и о Филиппе. (см. ниже, с. 420)

Эти и другие сообщения можно было бы игнорировать, если бы не надо было объяснять ряд странностей в политике Верховной власти в России. «Социализм и нигилизм созрели не в тайне, а порождены были литературой и журналами, которые читались всей Россией...» Это высказывание либерального князя А.А. Суворова, внука известного полководца, генерал-губернатора Петербурга при Александре II и заставляет нас искать причину и этого явления, еще более расцветшего при Николае II, и многих других явлений политической жизни эпохи царствования последнего Самодержца, столь бесславно уступившего свой трон кучке думских проходимцев и еврейским «рабочим депутатам», к чему психологически он был готов давно, (см. ниже Комментарии VIII, XIII б)

Самому Государю Николаю II приходилось слышать о масонстве много. Об этом явлении писали широко русские газеты «Новое Время», «Гражданин», «Санкт-Петербургские Ведомости» и другие.

Чтобы не быть голословным, для убедительности имеет смысл привести примеры того, что именно писали русские газеты и что русский читатель мог узнать из них о масонстве в собственной стране. В статье Н. Бутми «О масонстве в России» в газете «Земщина» от 18 января 1912 года, говорилось:

В начале 1909 г. в английской газете «Тайме» сообщалось «о торжественном восстановлении в Петербурге великой ложи Астреи, в состав которой вошли многие высокопоставленные лица и члены Гос. Совета и Государственной Думы, из которых далеко не все принадлежат к ка-дэкам» (т.е. кадетам — *В. О.).*

«Вестник Союза Русского народа» от 1911 года в № 52 пишет о маленькой заметке в «Свете», в которой сообщается: «Известный драматург П.М. Невежин избран почетным членом масонского ордена Филалет. В своем ответе, врученным делегату ордена В.В. Авчинниковой-Архангельской для передачи братству, П.М. пишет, что гордится тем, что на склоне лет он удостоился избрания, которое выпадало на долю немногих.»

Газета «Утро» от 9 марта 1907 года. В статье М. Семенова «Мережковский в Париже» сообщается, что писатель Мережковский представил в громадной зале Великого Востока франкмасонской парижской ложи свой реферат «Спор о Самодержавии». Собралось около 2000 слушателей. В качестве оппонента Мережковского выступил в ложе социал-демократ Богомолец и анархист Ветров. Говорили о свободе, счастье и социализме. Защищал реферат Андрей Белый.

Еще ранее того, в 1906 году «Московские ведомости» (№ 275 за 1906) в статье «Несколько слов о масонах» сообщали читателям о связях кадет Думы с французским и английским масонством.

«Новое Время» за 24 декабря 1910 года рассказывало о масонском характере пацифистской Универсальной лиги, чей устав был утвержден правительством 27 апреля 1910 года с разрешением открыть отделы по всей России.

Количество подобного рода публикаций в газетах было огромным. Масоны не особенно и прятались. Если теперь опять вспомнить о «веротерпимости», о всевозможных «свободах», захвате печати евреями, и психологическом терроре этих газет в отношении русского правительства и русского общества, о строительстве в столице православного царства языческого капища (1909) — буддийского храма по разрешению Царя и инициативе Столыпина и многое другое, то в конце концов начнешь серьезно задумываться о причинах всех этих печальных явлений.

И не надо забывать, по закону масонство было запрещено и в циркулярах Департамента полиции именовалось «преступным сообществом».

В декабре 1905 года, во время приема депутации Русского Собрания Б.В. Никольский в своей речи Царю сказал о засилье еврейства и масонства в России, и эти слова Николаю II очень не понравились. Речь Никольского была запрещена к печатанию. Правые газеты не раз задавали вопрос: если у нас Царь православный, то почему же в православной Державе разрешают печатать богохульные статьи и книги? И почему Царь и правительство так усиленно открещиваются от монархистов? Департамент полиции в своем отчете за 1909 год сообщал о недовольстве в населении такой политикой верхов. Казалось странным это постоянное желание правительства «угодить левым элементам».

В то же время с раздражением узнавали русские люди о разрешении правительства открывать на территории Российской Империи всевозможные масонские Лиги. Надо ли говорить, какие слухи и мнения порождались такими решениями правительства Его Императорского Величества? Ведь, строго говоря, в России правительство — это Царь и назначаемые Им министры. А министры Николая II менялись с калейдоскопической быстротой, особенно в последние два года, чем разрушалась вся система управления страной.

Государь Николай II имел сообщения о масонстве по самым разным каналам, начиная от любимых и ближайших родственников, великих князей Николая Николаевича и Михайловичей, и кончая донесениями Департамента Полиции. Сообщения с этой стороны были подробны, так как полиция имела осведомителя среди масонов. Сообщения о распространении масонства в России шли и от нашего посла в Париже Нелидова, который подробно сообщал об этом еще 20 марта 1908 года. Сообщение посла передал Царю министр иностранных дел Извольский. На его основании был составлен циркуляр начальникам охранных отделений, в котором масонство именовалось «преступным сообществом», каковым оно и было на основании законов Российской Империи.

Но... на глазах правительства масонские ложи вели свою антимонархическую пропаганду и пацифистскую вовсе не прячась.

14 декабря 1905 года министр иностранных дел Ламздорф сообщил Царю о том, что масонство на Западе воспользовалось Гаагской международной конференцией, желая «придать мирному движению характер пропаганды интернационализма». Известно, что предложение русского Царя по созыву мирной конференции и созданию международного трибунала была встречено европейским масонством восторженно. «Великая немецкая национальная ложа» переписывалась с «Великой ложей Голландии» по поводу обмена представителями и пожертвований этих лож на строительство «Дворца Мира» в Гааге для штаб-квартиры третейского суда и проведения конференций (ЦХИДК, б. Особый Архив, ф.1412, оп. 1, ед.хр. 4824). «Новое Время» охарактеризовало эту мирную инициативу, как признак или трусости, или измены интересам России. 24 декабря 1910 года в статье «Благодетельное учреждение» писалось: «Но думается, что теперь, в. наши дни, когда в ответ речам о мире и благоденствии звенят нескрываемой угрозой отточенные штыки и сабли, ежедневно вырастают, словно из земли, новые полки и батареи, а моря покрываются разрушительными плавучими крепостями, обманывать других и себя сказками о вечном мире — значит быть трусом или предателем».

Таков был ответ патриотически настроенного русского общества на эти «мирные инициативы». Дорого обошлись русскому народу эти «мирные инициативы» и ставка Царя на Думу, которая тормозила дело вооружения армии и флота. Государь же всячески утверждал в стране авторитет этого учреждения, о котором и Ему было известно, что оно есть, в сущности, отрасль Великого Востока Франции и международного еврейства. Мир катился к Мировой Войне. Германия, Австрия и другие западные страны стремительно вооружались и заполняли свои арсеналы снарядами, а в России в это время занимались партийными склоками, насаждали с высоты Престола Русских Царей парламентские обычаи, передавая тем самым судьбу России в руки еврейско-кадетского комплота, о чем писали те газеты, который читал Николай II («Новое время», «Гражданин» и др.). Об этом говорилось и в записках правых Царю. (см. Комментарии IX.)

В предвоенное время международные масонские Лиги развернули в России проповедь пацифизма, а правительство смотрело на эту пропаганду вполне одобрительно. При этом ни Государь, ни Его правительство не озаботились созданием патриотической печати.

...Современники прекрасно видели связь правительственных и высочайших Указов и Манифестов с влиянием масонства. Убийственное действие на сознание православных людей Высочайшего Указа «о веротерпимости», например (от 17 апреля 1905 г.) отмечено во множестве мемуаров и в переписке политических деятелей той эпохи. Этот акт имел в виду не буквально терпимость к присутствию в России других вер — такая терпимость была извечно характерна для Русского государства, — но был следствием давления тех сил, которые выражали желание вести атеистическую и антихристианскую пропаганду именно среди самих православных.

А чем объяснить тот непреложный факт, что Царь и правительство отворачивались от преданных монархии людей, и более того — всячески оскорбляли их своим презрением и холодностью. Монархисты, правые, черносотенцы все больше раздражали и царскую чету и правительство требованием исполнять долг защиты отечества.

В заключение хочется привести несколько выдержек из писем правого русского публициста и земского деятеля Тульской губернии, постоянного автора «Московских Ведомостей» К.Н. Пасхалова за 1915-1916 год:

«Положение России не только тревожно, но и грозно, может быть, гораздо грознее, чем было в 1905 году... правительство обессилило себя бесконечными уступками разрушительному стремлению», а в то же время оно пренебрегает группами людей, «сохранивших еще любовь и преданность своему происхождению» (Источник. 1995, № 6, с.35).

Из другого письма: «Власть, от которой единственно и исключительно зависит спасение, делает все для своей же гибели... Можно ли удивляться, что дело наше (монархистов — *В.0.)* глохнет, а революционное процветает?.. От нас отворачиваются даже тогда, когда мы предлагаем помощь...» (там же с.39).

«Икона Владимирской Богоматери готова, но рассчитывать на прием (у Царя — В.0.) трудно...».

Позднее и о том же: «Икона готова. Но донесем ли мы ее до назначения, поднесения Царю — сомневаюсь» (с. 19). Еще через несколько дней: «На ходатайство о приеме депутации с поднесением Иконы последовал отказ по «несвоевременности», а Икону предложено поднести посредством Министра Двора. Вы не знаете, что он — крещеный или некрещеный? или лютеранин? Но для меня, что жид, что лютеранин — все равно. Даже хуже. Жид — фанатик своего Адоная, а лютеранин-недоверок. Это конституционалист, у него Бог ограничен заключениями разума. И вот такой-то нехристь будет подносить Икону, нашу святыню, которую он считает за плохую картину. Родзевич спрашивает, что делать? Отвечаю: не знаю... Но весь смысл и значение предполагавшегося вручения Св. Иконы Вождю православного воинства пропал... Горько от того, что ясен ход рассуждений, приведших к отказу. Не приняты революционеры слева с возмутительными резолюциями, а чтобы им не было обидно, то отказано и революционерам справа с Иконою. Не правда ли, какое справедливое уравнение» (Письмо от 31 октября 1915 года, с.21).

В тот же день о том же: «нас ставят на одну доску с революционерами слева... Знаете ли, руки опускаются, теряется всякая энергия и охота защищать то, что вас отталкивает и ценит меньше, чем старую подошву». Пасхалов в письме Н.А. Маклакову 29 октября 1915 года дает политическую характеристику обществу: «Увы, дворянство осталось совсем в стороне от монархического движения... Купец весь либерал, потому что у жида в кармане. Только еще среди духовенства находятся епископы сочувствующие (монархическому делу — *В. О.)* (Минувшее, т. 14, с. 169).

Либеральная политика Николая II вызывала чувство безнадежности у монархистов. Откликом на это настроение служат слова из письма К.Н. Пасхалова А.И. Дубровину, председателю Союза Русского Народа:

«...полное забвение того, как это отразится на арене, где решается судьба — быть или не быть России. Что это? Повальное сумасшествие?.. Я вполне понимаю, что у вас опускаются руки и является желание бросить все и предоставить врагам добиваться своих целей. Но вспомните. что мы защищаем не человека (т.е. Николая II — В.О.), который не понимает, где опасность и где избавление, а идею, великую государственную идею, погибель которой погубит мир. Я в этом глубоко убежден...). Мужайтесь и боритесь до конца, пока у вас есть сила, а она есть, и грех ее не использовать» (Минувшее, т.14, с. 184).

И другой монархист, Н.Н. Тиханович-Савицкий, в марте 1916 года пишет Царю, то есть за год до отречения от престола:

«Положение слишком опасно. Допускаемое (курсив мой — 5.0.) поругание правительства, указание на негодность исторической Верховной Власти, в конце концов, сделает свое дело. Государь, *на Тебя, как на Помазанника, принявшего от Господа Бога венец Царский... возложен великий долг беречь Россию и русский народ, и не можешь Ты, даже временно, снять с себя бремя Самодержавия, отдать судьбы их в руки безответственного думского большинства,* к тому же состоящего из беспочвенной, безверной и недалекой интеллигенции (...). Государь, необходимо уничтожить Городской и Земский союзы и военно-промышленные комитеты — эти гнезда революционной пропаганды и объединения. Гучкова, Львова, Челнокова, Коновалова надо убрать как коноводов подготовляемого переворота». (Минувшее, т.14, с.185).

И здесь же он советует распустить немедленно Думу, как очаг противогосударственного заговора. Тиханович-Савицкий, один из многих деятельных участников монархического движения, отдавших и все свои силы и все свои личные средства на дело защиты суверенитета России и коренных основ русской государственной и общественной жизни.

Удивительно, но именно от этих людей отворачивается самым решительным образом Николай II в своей политике, окружив себя почти исключительно либерально настроенным министрами и приближенными.

А положение все ухудшалось. Тиханович-Савицкий 30 декабря 1916 г. пишет Николаю II: «Государь,... Главный комитет Союза земств и городов, руководимый Львовым, Челноковым, Астровым и др., пользуясь попустительством властей, откровенно готовит государственный переворот... Все правое опорочено уже давно». Заметим, все трое перечисленных — масоны, а Г.Е. Львов скоро будет назначен Царем председателем Совета Министров.

Тиханович-Савицкий сообщает, что на съездах земств создается Временное

правительство. И надо сказать, что создание Временного правительства еще при наличии живого Царя Самодержавного на престоле открыто обсуждалось в легальной печати. Государь делал вид, что ничего не замечает. Тиханович-Савицкий сообщает Царю: «Если говорят о Временном правительстве — значит, имеют опору... они рассчитывают на другое: или на дворцовый переворот при помощи ближайших частей войск, или на военный, который подготавливает авантюрист Гучков уже давно, войдя в сношения с видными военачальниками... Полумеры только раздражают (...). Помните, Государь, что положение опасно необычайно, не только в смысле проигрыша войны, но опасно и для Вас, и для Династии. Но в то же время помните, и крепко помните, что все в Вашей власти: допустите — все может быть, не допустите — ничего не будет (...). Не надо забывать, что общественности, о которой так много кричат, у нас нет, а есть Львовы, Гучковы, Челноковы...»

Ранее того, 2 декабря 1916 года, Тиханович-Савицкий заклинает Царя:

«Государь! Если сейчас же не будут приняты самые решительные меры, мы войну проиграем (...). Государь, возроди правительство, сосредоточь всю полноту и ответственность власти в руках одного лица, сильного, энергичного... Торопись, Государь, или война будет проиграна. («Союз Русского Народа». По материалам ЧСК Временного правительства 1917 г. М.-Л., 1929, сс.353-356).

Эти письма затем озвучил сам их автор во время аудиенции у Императрицы, в декабре 1916 года. В эти последние военные годы подобных сообщений монархистов Царю из разных городов было много. На этих письмах, посланиях, иногда очень обширных, с указанием лиц и конкретными предложениями срочных необходимых мер, стояли пометы Царя:

«да», «правильно», «я тоже так думаю», «надо обратить внимание», «недопустимо» и так далее. (См. Михайловский Г.Н. Записки. М., 1993, кн.1. с.81). Надо сказать, что многие записки правых по общеполитическим вопросам копировались в канцелярии Совета Министров и раздавались министрам с грифом «секретно». Затем эти записки, направленные Царю, попадали в руки как раз тех самых кадетствуюших масонов на министерских постах, о которых говорили их авторы, предупреждая Царя об опасности масонского заговора, и оседали в архивах тех или иных министерств.

Тиханович-Савиикий среди заговорщиков называет князя Г.Е. Львова, известного либерала и масона. О его масонстве правые писали как о чем-то само собой разумеющемся. И именно этого Г.Е. Львова Николай II одновременно с отречением утверждает председателем Совета Министров! Даже лояльный генерал Епанчин пишет в воспоминаниях, что текст отречения показался и в армии просто невероятным: ведь из манифеста было видно, что Император «в согласии с Государственной Думой (т.е. с масонской Думой, учитывая Его осведомленность — В.0.)признал за благо отречься от Престола Государства российского и сложить с себя Верховную Власть». Но, спрашивает себя боевой генерал, «как могло быть, чтобы Царь законный и Самодержавный мог согласиться с Государственной Думой о необходимости для Него отречься от Престола?» (Епанчин, ук. соч., с 454). И как мог он испрашивать еще благословение Бога на дела этой думской шайки масонов, о подлинном лице которой Ему доносили и полиция, и Его дипломаты, говорили Ему многие монархисты и писали русские газеты? Откуда же бралось это «благословение» и эта уверенность, что без Царя России лучше, и она сможет выиграть войну?..

Зная о заговоре, зная имена заговорщиков, Он приказывает полиции уже в начале 1917 года ни в коем случае не трогать их, в том числе Гучкова и Керенского. Зная к 1916 г. о том, что гнездо заговора — Дума и Военно-промышленные комитеты, Он продолжает финансировать их, как и другие «общественные организации», ставшие на путь организации революционного движения. Впору говорить не о заговоре, а о сознательной сдаче власти, когда сценарий событий согласован заранее.

Тратя сотни миллионов на левые организации, правительство и Царь не сделали решительно ничего для организации патриотической печати, для морального укрепления тыла и фронта, для организации пропаганды идей Самодержавия.

Еще два слова о том, что некоторые наши «николаиты», защищая миф о «святом царе», соответствующий как раз масонской легенде об Адонираме (Прометей, Геракл, Данко и пр.), утверждают, что весь народ изолгался, и что у Царя не было поддерживающих монархию лиц. Это утверждение, во-первых, совершенно не исторично. И в Гос. совете, и в Гос. Думе были правые фракции, и их члены могли справиться с правительственными обязанностями не хуже ставленников Витте, которых приблизил Николай II, и уж не хуже левой части Думы, которой Царь передал власть. Во-вторых, такое представление опровергается самим Николаем II, многократно выражавшем уверенность в скором процветании России, в верности Ему народа и в победоносном окончании войны. Царица же не уставала говорить о преданности русского народа Престолу. К тому же надо понять, что даже либеральные политические деятели становились нередко в ряды заговорщиков только потому, что к этому их подталкивала политика Царя, т.е. отсутствие всякой политики в условиях нарастающего хаоса. Угроза уличного бунта, угроза анархии вынуждала даже либерального Кривошеина в 1915 г. заявить в Совете Министров, что надо наконец-то на что-то решиться:

либо на суровые меры в борьбе с революцией и развалом страны или не обманывать больше народ, заявить о своей неспособности управлять страной и

бороться с нарастающей анархией и тогда уж сразу уступить «прогрессивному блоку». Но надо что-то решать: или-или. Царь же ровным счетом ничего не делал, если не считать частой смены министров, которые, по выражению К. Пасхалова, «падали, как спелые груши»...

Так, в одно целое слилось масонство с его идеей «о веротерпимости» и ненавистью к Церкви Христовой, идеи о «вечном мире» и международном третейском суде, положившем начало ООН, отталкивание от себя, Самодержца, многомиллионной массы монархически чувствующих и думающих русских людей, мистицизм с Филиппами, папюсами и распутными, капитуляция перед масонско-еврейской общественностью, развал в последние два-три года всей системы управления Россией, потворство революционной пропаганде и, как прямое следствие, — подвал Ипатьевского дома и расстрел. Вряд ли при трезвом подходе ко всем обстоятельствам этого дела кто-нибудь усомнится в наличии апостасии, отступничества со стороны последнего русского Самодержца, оставившего трон, как оставляют ложу в театре — холодно и безразлично. По своему убеждению Николай II не был самодержцем и это было видно современникам.

Любопытна характеристика Николая II, данная Ему таким авторитетным монархистом, писателем и теоретиком — апологетом Самодержавного строя, каким был Лев Тихомиров. Он пишет в своем дневнике 19 июля 1910 года:

«Промелькнуло царствование Александра III. Началось новое царствование. Нельзя придумать ничего более противоположного! Он просто с первого дня начал, не имея даже подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего, и, конечно, даже не понимал этого, так значит, не понимал, в чем сущность царствования отца.

С новым царствованием на престол взошел «русский интеллигент», не революционного, конечно, типа, а «либерального», слабосильного, рыхлого прекраснодушного типа, абсолютно не понимающего законов жизни. Наступила не действительная жизнь, а детская нравоучительная повесть на тему доброты, гуманности, миролюбия и воображаемого «просвещения» с полным незнанием, что такое просвещение. И вот началась за чепухой чепуха, началось все распадаться то внутри, то извне ...» (Дневник Льва Тихомирова. — «Красный Архив», 1936 г., т. 1/74/ Запись за 19 июля 1910 г.).

В самый разгар смуты 1905 года Тихомиров записывает:

«Приезжал Нилус и рассказывал, что «Государь молится и плачет»... Бедный! ... Жалко Его, а Россию еще жальче. Не умеет сделать что нужно, а ведет себя и весь народ в полон жидовско-русско-польско-финско-немецкой интеллигенции» (запись от 5 января 1905 года).

И именно в это время сам праведный Иоанн Кронштадтский не выдержал наблюдаемого им паралича власти и в одной из проповедей прямо сказал: «Вот пагуба безвластия ... Да где же власть сильная, авторитетная, самосознающая, ответственная, Богом учрежденная и от Него получающая свою силу и свой страх? Вспомни, Ты, власть, данное тебе от Бога право, и твердою рукою держи данные тебе Богом скипетр и державу, и будь страшна всем врагам Божиим и Твоим. Тогда, увидев скипетр и державу в крепких руках, все злые будут праведно бояться Тебя, а добрые радоваться.» («Столп православной церкви» Пгр. 1915 г., с.690).

В пику всем указам и манифестам о «свободах» праведный Иоанн произносит проповеди о необходимости «остерегаться других свобод:

слова, печати, собраний. Они сеют вражду и ненависть и разделяют общество.» (там же, с.677) Он говорит о настоящей свободе, о которой Церковь говорит в своем учении и к которой ведет верных своих чад, а не о том «свободе совести», которая есть в действительности свобода от совести.

Совокупность всех перечисленных фактов позволяет думать, что роковая судьба постигла Россию именно за отступничество от Церкви ее верхов, и в первую очередь самой царствующей фамилии, опасность чего предрекал и преподобный Иосиф Волоцкий. И в этом смысле, вероятно, был прав М.О. Меньшиков, когда в июне 1917 года написал статью с характерным названием — «Кто кому изменил?» — имея в виду акт отречения от престола Николая II. Но даже и для пылкого юноши С. Маркова, пытавшегося освободить царскую чету, было ясно, что Николай II не был создан для царствования и, уступив престол, почувствовал облегчение. К отречению он готовился давно. Он рассчитывал провести остаток своих дней вдали от политических баталий — где-нибудь в Крыму, в Ливадии... Господь судил иначе.

Комментируемые источники

1. Белецкий С.П. Допрос С.П.Белецкого 12 мая 1917 г. — Падение Царского Режима. Л. 1929 г., т.111/
2. Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986 г.
3. Воейков В.Н. С Царем и без Царя. М. 1994 г.
4. Епанчин Н.А. На службе трех Императоров. М. 1996 г.
5. Жильяр П. Император Николай II и Его семья. Вена. 1921 г.
6. Кандауров Л.Д. Статья по истории масонства в России, (машинописная рукопись) — ЦХИДК, б. Особый Архив, ф.730, оп.1. д.172. лл. 20-37.
7. Керенский А.Ф. Россия на историческом переломе. Мемуары. М.1993 г.
8. Марков С. Покинутая царская семья. Вена. 1928 г.
9. Михайловский Г.Н. Записки. М. 1993 г., кн. 1-2.
10. Мосолов А.А. При Дворе последнего Императора. М.1992 г.
11. Письмо ложи «Мезори» ордена розенкрейцеров Государю Николаю II, помеченное 17 июля 1912 г.-ЦГИАЛ СССР, ф.157, д.390, лл. 35-42.
12. Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730 — 1917. М. 1993г.
13. Спиридович А.И. Великая Война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1962 г., кн. 1-3.
14. Толстой И. И., граф. Дневники 1906 — 1916.

КОММЕНТАРИИ К ИСТОЧНИКАМ V-ой ГЛАВЫ

I. Белецкий С.П. Допрос С.П. Белецкого 12 мая 1917 года. — Падение Царского Режима. Л. 1925, т. Ш., с.333-334.

Бывший товарищ министра внутренних дел Степан Петрович Белецкий показывал на допросе в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства, членами которой были, кстати говоря, почти исключительно масоны же, следующее: «Мне пришлось натолкнуться на схему одной из масонских организаций (в Департаменте полиции — *В.О.},* никем не подписанную ...; из этой схемы ясно можно было понять, что будто бы, сдвиг всего настроения в сторону общественности, при председателе совета министров, был обязан тому, что Витге являлся представителем одной из лож, заседавших в Петрограде, что, будто бы отсюда шел даже акт о веротерпимости 17 апреля 1904 года, (на самом деле 1905 года — *В. О.),* акт о веротерпимости! Будто бы преосвященный Антоний, который в то время был митрополитом и сторонником освободительных идей Витте, также принадлежал к этой ложе.(...) Курлов хотел указать..., что и Столыпин принадлежал к одной из масонских организаций».

Все эти и другие многочисленные сведения по масонству сообщались, говорит далее Белецкий, Государю. В то же время, сам великий князь — вероятно, имеется в виду Николай Михайлович — сообщил Белецкому о том, что «в среде офицерского состава гвардейских частей петроградского гарнизона имеются масонские ложи». Несомненно, сам великий князь, масон, знал об этом из первых рук. В связи с этим сообщением необходимо обратить внимание на то, что именно в этой среде гвардейских офицеров проходил воинскую службу и Николай II, будучи наследником престола. Масонство в гвардии шло со времен едва ли не Петра III, а Александр I и сам поощрял в первые годы царствования существование масонских лож в этой среде ...

Любопытно, что следователи всячески мешали Белецкому давать показания по масонской теме. Чувствуя это, Белецкий в конце концов и стал менее словоохотлив в показаниях на эту тему, более осторожен и стал всячески «сглаживать» острые углы. Отсюда это его «будто бы», и далее он говорит из тех же соображений «сглаживания», что под видом масонских лож в департаменте полиции часто принимались обыкновенные оккультные кружки. Конечно, никаких оккультных кружков вне масонства не существовало ни тогда, ни, кстати, теперь. Сообщение о масонстве Витте, Столыпина, митрополита Антония Вадковского подтверждается и другими данными. Об этом много писали и правые органы печати, а иногда и левые.

Откровения Белецкого относительно масонства дорого ему стоили: в отличии от других сотрудников министерства внутренних дел и Департамента полиции Степан Петрович Белецкий был расстрелян. Это произошло в Москве, 5 сентября 1918 года, в Петровском парке. Вместе с ним в этой партии осужденных были расстреляны и прот. Иоанн Восторгов, и известный автор работ по исследованию иудаизма Лютостанский со своим братом, и такие замечательные люди, как министр внутренних дел Н.А. Маклаков, А.Н. Хвостов, бывший также некоторое время министром внутренних дел, бывший министр юстиции Иван Григорьевич Щегловитов, — последний председатель Государственного совета ... Новая, еврейско-большевистская власть проявила чисто ассиро-вавилонскую, по выражению Г. Михайловского, жестокость и мстительность, не забыв, впрочем, объявить, что именно с нее и начинается «заря свободы и счастья» и что главный враг «прогрессивного человечества» не голод и пытки, не разрушение национальных основ жизни, а только антисемитизм, потому что «прогресс», «культура» и «гуманизм» — это и есть обозначения семитизма, как и «завоевания революции».

II. Берберова Н. Люди и ложи. (Нью-Йорк, 1986 г.)

а) Любопытно, что Берберова обращает внимание на факт безразличного отношения правительства к деятельности масонских лож: «Удивительно, что царское правительство было не слишком озабочено таким положением вещей ...» *(С.У.)* Она предполагает, что по крайней мере два агента полиции призванные добывать сведения о русских масонах во Франции, могли быть масонами и потому никаких реальных результатов их деятельность и не принесла. Это предположение небезосновательно.

б) Следует обратить внимание и на то, что, действительно, заграничные родственники Николая II, с которыми Он в первые годы, да и последующие так или иначе поддерживал близкие отношения, были потомственными масонами. Из этой среды вышла и Его мать, Мария Федоровна, жена Александра III, отличавшаяся исключительно либеральными взглядами. И из этой же Среды была супруга самого Николая II, Александра Федоровна, выросшая как было сказано, при английском дворе, где масонство было уже наследственным в нескольких поколениях и таковым и остается. При этом дворе, пронизанном масонским духом снизу доверху и воспитывалась принцесса Гессен-Дармштадская, ставшая русской Царицей и оставшейся протестанткой. Для нее священники и архиереи Русской православной Церкви были просто мелкими чиновниками духовного департамента. Выросшая в тесном придворном кругу, она боялась русской широты, русской громадности, русских просторов и, чувствуя страх перед этой русской необъятностью во всем, она испугалась и замкнулась в привычном для нее маленьком семейном кругу.

в) Другие сообщения Береберова делает со слов доклада кн. В.Л.Вяземского, который тот сделал в Объединении русских лож Шотландского Устава (в помещении масонской ложи «Лотос») «Брат» Вяземский сделав доклад по истории русского масонства 18-19 веков, сказал, что Александр II был в молодости, до своего восшествия на престол, английским масоном. Масонами также были в те времена и граф Панин и министр внутренних дел Лорис-Меликов, которого многие в Петербурге считали виновником убийства Александра II. Либерализм этого хитрого армянина был даже в той среде «реформаторов» превосходящим все вероятия. Что касается масонства Александра II, то не мешает вспомнить, что воспитателем Государя был поэт Жуковский, имевший большой градус в ордене, а преподавателем к наследнику в 1833 году был назначен М.М. Сперанский, деятельнейший масон, о чем выше в данном очерке уже говорилось.

По сообщению Л.Д. Вяземского, создание Гаагского трибунала — инициатива масонов и их дело. То есть, Николай II действовал по их внушению.

III. Воейков В.Н. С Царем и без Царя. (М. 1994 г.)

К характеристике Николая II, как личности в политике. Воейков, дворцовый комендант, последние годы был настоящим рафинированным чиновником и в реальности не был похож на тот образ, который он создал в своих воспоминаниях, сделав из себя чуть ли не человека правых убеждений, черносотенца. Его мемуары отражают в большей степени влияние эмигрантской среды, где он оказался, и литературы правого толка. Между тем, в том, что касается сообщений о личности Николая II и разговоров с Ним, то, несомненно, они носят следы достоверности. Литературщина начинается там, где мы видим ходульность даваемых им характеристик, слащавость его запоздалого монархизма. И тем более ценны некоторые эпизоды, где чувствуется дыхание непосредственных впечатлений.

Николай II был непостижимой личностью даже для его окружения. А тем более зачастую теряешься в понимании, отчего Он принимал те или иные решения, Сам понимая их ошибочность и вредность. Так, зная о том, что заседания Думы возбуждают народные массы и порождают революционные ожидания, провоцируют беспорядки и забастовки, как и кровопролития, Он продолжает спокойно наблюдать за работой Думы, и не идет на ее разгон, или, по крайней мере, на ограничение печати в плане сообщений на ее страницах содержания речей левых депутатов. Зачем, кажется, помогать революции? Да еще во время войны. Между тем, объективно, так и обстояли дела к совершенному недоумению всех благомыслящих Его подданных. Воейков уже после отречения Царя, 5 марта 1917 года, при прощании спросил, отчего же

Государь не пошел раньше на уступки Думе, когда еще все можно было решить мирно. Ведь в результате все равно Царь пошел на все требования левых фракций Думы и «общественности».

«Государь ответил, что, во-первых, всякая ломка существующего строя, во время такой напряженной борьбы с врагом, привела бы только к внутренним катастрофам, а, во-вторых, уступки, которые Он делал за время Своего царствования по настоянию так называемых общественных кругов, приносили только вред Отечеству, каждый раз устраняя часть препятствий работе зловредных элементов, сознательно ведущих Россию к гибели» (с. 160-161).

Если Воейков правильно передает смысл слов Николая II, то остается только недоумевать: зачем же было идти на причинение вреда своему отечеству, ради чего и кого? И при том, не в каком-то отдельном случае, а во все время Своего Царствования, уступая «общественности» из кадет. Конечно эти слова Государя, сказанные Им в то время, когда Он уже перестал быть главой государства, наводят на самые печальные размышления, связанные в том числе и с темой масонства. Как будто кто-то принуждал Государя к такой политике. Важен и психологический фактор. «Работы» в ложе, длительные и старательные, перестраивают всю психику «работника», масона, и это видно даже по всему облику современных некоторых наших политиков: гибнущая страна, вид разоренных и погибающих русских городов и деревень не вызовут в сердце у адепта масонства из числа профессиональных политиков никакой реакции. Их глаза мертвы, а речи бесцветны и «взвешены»..., пока речь не идет о собственной судьбе или судьбе собственной семьи. А ведь именно такой облик в целом мы имеем перед собой, глядя внимательно на всю деятельность Николая II. Семья, жена, дети и бессмысленная война с миллионами жертв, затем забота о здоровье своих детей, личных, а судьба миллионов русских детишек, — что будет с ними, что ждет их? Все это остается где-то в стороне. И отсюда, думается, от таких «работ», такого воспитания эта равнодушная «взвешенность» во всем облике Царя. И это безразличие и холодность угадывалась и Его близкими сотрудниками. Впрочем «близких» у Него никогда не было.

IV. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. (М. 1996 г.)

а) Отзыв генерала Епанчина, бывшего долгое время директором Пажеского корпуса, о Великом князе Николае Николаевиче представляет интерес как характеристика раздвоенности в мыслях общества, даже верноподданного, вследствие неопределенной политики Николая II. Епанчин называет великого князя врагом России, Царя и армии. (с.354) Между тем. Государь доверял «врагу» России высшие посты в государстве и даже после отречения назначил, непостижимым образом, своего изменившему Ему дядю Верховным Главнокомандующим.

б) Относительно Государыни Александры Федоровны, Епанчин передает отношение к ней петербургской публики: Ее считали немкой и такой она и осталась в глазах народа. По крайней мере, того народа, что проживал в Петербурге и Москве. Остальной народ, провинциальный, Ее просто не знал. И это сыграло во время войны самую плохую роль. Замкнутость царской семьи не повышала ее популярность и по понятным причинам воспринималась так, как только и должна была восприниматься — как презрение к своим подданным или безразличие к ним. Условия правления сеньора, в тем более Государя требуют самоотдачи всей царствующей четы своему служению. И появление на народе, одаривание милостивой улыбкой, прочими знаками благоволения, есть простая обязанность Царской четы. Претензии на любовь народную и в то же время нежелание что-либо сделать для того, чтобы выразить народу свою любовь говорило подданным о том, что матушка-государыня нас не любит и нам чужая. Все годы царствования Николая II царская чета только пользовалась монархическими чувствами подданных ничего не делая для их укрепления.

в) Епанчин обращает внимание на одну существенную сторону дела:

он пишет, что при всех недостатках и в характере Государя и в системе управления страной, «современники совершенно не обратили внимания на одну из блестящих сторон Его Царствования, а именно на постепенно возраставшее благосостояние России, достигшее к концу царствования крупного развития.» (с.243).

Действительно, есть что-то парадоксальное в том факте, соотнося его с другими, который отметил мемуарист. Чиновники, профессора, инженера, и прочие сословия, выступавшие против режима, получали большие оклады, притом с годами все возраставшие. Крестьяне, и те в последнее десятилетие жили намного лучше, чем каких-нибудь несколько лет назад. Рабочие же зачастую не знали куда девать деньги, просаживая их то на ипподроме, то в ресторане, если речь идет о Москве и Петербурге. Но и по всей стране благосостояние росло не по дням, а по часам. Это видели все. Рабочему, например, чтобы купить себе шикарный костюм «тройку», надо было отработать два-три дня: костюм стоил около 10 рублей. Прекрасные настенные часы фирмы Павла Буре стоили 34 рубля, а рабочий в 1912-1913 годах в день зарабатывал по пять и более рублей. И так далее. Профессора получали министерские оклады. Война, отрезавшая Россию от ее природного партнера — Германии, не повела к экономическому кризису, но, наоборот, стимулировала отечественное производство всего необходимого, и даже предметов роскоши. Во время тяжелой войны был избыток продуктов и речь шла о правильном их распределении, хранении и транспортировке.

И вместе с тем, все решительно слои населения были недовольны. Никто не

связывал своего благосостояния с режимом. Самому режиму, правительству и Верховной власти не приходило в голову связать в сознании людей экономические успехи с «царизмом» и поселить в сердцах граждан и подданных благодарность родному Царю-батюшке за Его каждодневную заботу о процветании отчизны. А ведь как выяснилось, все процветание России было возможно только при Царе-батюшке. И выяснилось это очень скоро. Да у правительства не было даже пропагандистской машины: ни газет, ни сотрудников, не было даже должного понимания проблемы.

Режим даже не помышлял поощрять людей, верных долгу и присяге и отдавал легко этих людей врагам своим. Монархистов, «черносотенцев» терзали судами, клеветой, оговорами, штрафами. Правительство усвоило себе тон вечного оправдания перед интеллигентской «общественностью». Царь скрывал не только свою семью от глаз людей, так что никто не знал как выглядят наследник и дочери Царя, но даже не задумывался о том, что Его прямой долг сообщать своим подданным, как Он живет, как трудится, как скромен в быту и как долго продолжается Его рабочий день. Он даже не помышлял, и не спрашивал себя, а принадлежит ли только Ему Его частная жизнь, не должен ли Он быть примером для подражания своим подданным, через средства информации донося до каждого русского человека свою примерную жизнь семьянина. Глава огромного государства был уверен, что у него есть право на частную жизнь! Царское служение Он воспринимал, как чиновник службу — от звонка до звонка, а дальше мое личное время, моя частная жизнь.

Слабость власти, — вот чего не могли простить Царю его подданные. Слабость власти государственной вообще тягостно переносится всеми и гражданами и подданными, и никакие материальные успехи не могут спасти авторитет такой бессильной власти, которая сама не знает, чего она хочет и не имеет никакой руководящей государственной и национальной идеи. К сожалению, сама власть приобрела либеральный характер и потому и не захотела привязывать к себе миллионы своих граждан и подданных.

В октябре семнадцатого пришла новая власть, сделала всех голодными, перестала церемониться, настроила тюрем и концлагерей, стала лгать и вопить о свободе и на нее стали работать не за страх, а за совесть. Эта власть сразу взяла в свои руки печать, книгоиздательства и дело образования. Создала язык хвалебных од самой себе, и заставила каждого гражданина выучить слова и бесконечно их декламировать дома, на работе, на улице. И, совершенно очевидно, это было именно то, чего собственно говоря ждали и от царской власти, именно такой «свободы», и такой железной руки во имя осуществления национально-русских интересов. Общество российское томилось все *сто* лет от избытка всяких «свобод», а власть думала, что действительно мало «свобод» ... и продолжало кормить этими «свободами» общество.

г) Отношение Царя к другим исповеданиям. Как Император, Государь должен был оказывать покровительство всем разрешенным на территории Империи религиям, и периодически присутствовать на богослужениях в церквях других вероисповеданий. Но как Царь православный, как человек, получивший все полномочия на власть от Церкви, и только от Нее, вследствие обряда венчания на Царство, как помазанник Божий Государь был обычным членом Церкви, ее покорным сыном и был обязан соблюдать все Ее каноны и потому под страхом исторжения из православия, отлучения от Церкви не мог присутствовать на богослужениях, скажем, у протестантов или католиков. Епанчин рассказывает: в Пажеском корпусе воспитывались и католики, и лютеране, и мусульмане. Соответственно, были и пастор, и мулла, и католический патер. Была и католическая церковь мальтийского ордена в корпусе. И Государь вместе с Императрицей периодически посещали ее, присутствуя на богослужениях: «Их Величества торжественно вошли в храм. — описывает генерал Епанчин церемонию посещения церкви мальтийского ордена царственной четой, — под звуки органа, и перед престолом было совершено краткое молебствие. Так русский православный Царь почтительно отнесся к храму католического исповедания, к которому принадлежали многие миллионы Его подданных» (с.286). Впрочем, начало процессу апостасии положил Петр I, который, будучи в Западной Европе любил посещать и синагоги, и кирхи.

В самой должности Государя, как Императора, и как Царя имелось, таким образом, неразрешимое противоречие. Как Император, он имел языческие обязанности и сам титул заимствован был из языческого Рима. Как Царь, он должен был охранять в народе не «веротерпимость» и либеральные свободы слова и выборов в Думу, а благочестие и догматы православия в сознании православных верующих неповрежденными, демонстрируя во всем превосходство именно этого вероисповедания, но уж никак не безразличия к нему и не равное отношение ко всем верам, характерное для государств протестантских с их культом абстрактного человека: В данном случае речь идет не только о личном отношении Николая II к канонам святой православной Церкви, но о пагубном принципе самой Империи, созданной на языческом понимании власти, в то время, как источник власти был христианский и власть получала свои полномочия только от Церкви.

д) Насколько тяжело отзывались в сердцах благонамеренных русских людей либеральные указы Царя, в том числе указ «об укреплении основ веротерпимости» рассказывает Епанчин:

«16 апреля 1905 года последовал указ о свободе вероисповеданий; этот акт был принят различно в разных частях русского общества. Крайне правые возмущались, и я был весьма удивлен, когда услышал мнение об этом указе Александра Алексеевича Нарышкина, сенатора, бывшего товарища министра

государственных имуществ, человека умного, благородного, в высшей степени воспитанного, правых убеждений, но вовсе не ретроградных ... Говоря мне об указе 16 апреля 1905 года, Нарышкин сказал о Государе:

«Он предал православие.»... Правда, после этого указа католическое духовенство усилило агитацию и имело некоторый успех среди униатов ...» (с.239).

На самом деле, «некоторый успех» — это по данным на 1 января 1909 года отпадение от православия около 301.450 человек. Из них в католичество перешло около 233.000, в лютеранство 14.500, отреклось вообще от христианства и перешло в магометанство 50.000, в буддизм 3.400, в иудейство 400, в язычество 150 человек.

Тот успех, о котором говорит Епанчин при ближайшем рассмотрении, если речь идет о западном крае, выразился в настоящем терроре польских панов и ксендзов, начавшемся, как только было получено сообщение об этом указе, русского сельского населения, в глумлении над ним этих фанатиков католичества. При этом паны и ксендзы на пальцах объясняли смысл указа: ваш Царь сам отказался от православия и принял нашу веру. Действительно, в народном сознании именно так и мог восприниматься этот странный отступнический указ, не вызванный никакой реальной потребностью, если не считать за таковую возможность для инославных вести пропаганду среди православных, совращая их в свои исповедания. Статьи закона, наказывающие за такое совращение православия были убраны. В тех местах империи, где русское население находилось в подчинении у инородцев, как это имело место в западных губерниях, там этот указ и выразился в свободе преследования православных и принуждении их переходить в униатство и католичество, для чего крестьянам сулили поблажки, а в противном случае преследовали. Не даром, готовивший этот указ С.Ю. Витте, и через много лет с гордостью вспоминал об этом, ставя этот указ по значению наравне с манифестом 17 октября 1905 года.

Таким образом, реально, впервые Царская власть отказалась публично защищать веру православную и объявила о своем безразличии к вероисповеданиям вообще. Это был чисто протестантский взгляд на вещи, по существу иудо-масонский, о чем и писал миссионер Айвазов в «Московском сборнике» (1909 г.).

Резко высказался по поводу этого царского указа и праведный Иоанн Кронштадтский. 14 мая 1905 года в своем проповедническом «Слове» он сказал в частности: «Наконец, допущен безнаказанный переход из православия в какую угодно веру; между тем, как тот же Господь, Которого мы исповедуем, в Ветхом Завете определил смертную казнь отвергшимся закона Моисеева». (Евр. 10, 28). И далее праведник напомнил:

«Всякое царство, разделившееся в себе, опустеет, — говорит Господь, — и всякий город или дом не устоит.» (Мф. 12, 25) Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены каре закона, и, если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет... за свое безбожие и за свои беззакония.» («Столп православной Церкви». Петроград. 1915 г., с.402).

Государь, выросший в интернациональной среде и многоязыкой, в среде, где модными были спиритизм, оккультизм и где говорили на смеси всех основных европейских языков, где само воспитание находилось в руках англичан, немцев и французов просто в силу этих обстоятельств был настоящим интеллигентом, человеком самых «широких» взглядов. Чего стоит сама форма обращения в царском доме: Ники, Зизи, Бэби, Сандро и пр. Можно ли подобное себе представить при Дворе Московского Государя, Самодержца Всея Руси. Но поразительно другое. Весь указ о веротерпимости, с первых строк объявлявший свободу перехода из православия в любую другую религию, готовился, как выше было сказано, исключительно в недрах Совета Министров. Во главе всего дела стоял незабвенный С.Ю. Витте. Побывав несколько раз на заседаниях комиссии, готовившей указ, обер-прокурор св. Синода Победоносцев, выразив свое отрицательное отношение к нему и увидев, что он лишний и его мнением просто не интересуются, перестал посещать заседания комиссии. Даже либеральный митрополит Антоний, друг Витте, и тот мягко заметил, что этот указ таит в себе реальную угрозу православной церкви. Он передал через Витте Царю, что для решения такого объема вопросов, в корне меняющих положение Церкви в государстве, члены Синода считают необходимым созыв Поместного Собора. Мнение было передано Государю, но ответа не последовало, но последовал сам указ от 17 апреля. Дальнейшее обсуждение указа в Думе в течении нескольких лет стало поводом для бесконечных нападок на Церковь, подрывавших ее авторитет. Этот указ продемонстрировал отпадение самого Самодержавия от той опоры, которая одна только и держала власть. Мнение Нарышкина по своему существу отвечает истине.

V. Жильяр П. Император Николай II и Его семья. Вена 1921 г.

Автор воспоминаний был долгие годы, до самого трагического конца царской семьи воспитателем и преподавателем наследника престола, Царевича Алексея. Француз и либерал.

В какой степени Царица плохо понимала политическую ситуацию в стране, до какой степени Она имела совершенно фантастические представления о характере Думы говорит один эпизод в роковые дни февраля 1917 года. Напомню, Спиридович описывает посещение Императрицы одним журналистом 26 февраля и приводит слова Александры Федоровны, что Она верит в русский народ и что все будут хорошо, (см. ниже «Спиридович»).

Теперь, Жильяр приводит слова Императрицы, сказанные Ею 28 февраля, когда уже стало известно о создании Временного правительства «по почину Государственной Думы возникшему». Она сказала ему, что столица уже фактически в руках революционеров, и что Дума образовала Временное правительство. Однако, Она довольна Думой:

«Дума оказалась на высоте положения, — сказала Она, — мне кажется, что она поняла, наконец, опасность, грозящую стране, но я боюсь, как бы это не было слишком поздно: образовался комитет из революционеров-социалистов, который не хочет признавать власти временного правительства.» (с. 160).

Ей, которая так уверенно командовала министрами, отдавала указания Царю, на основании уверенности в свой ум, проницательность и поддержку самого неба, даже в голову не приходило, что, не будь Думы, не было бы и революции, а она спокойно бы читала книги и воспитывала детей. Что, если бы Она слушала не всяких проходимцев, вроде Распутина, а советовалась бы с иерархами Церкви, такими как Никон Рождественский, или митрополит Владимир, или Макарий Московский, прот. И.Восторгов, если бы слушала правых деятелей той же Думы или Гос. Совета, то не пришлось бы Ей в скорости стать пленницей революционных бандитов. И она бы знала, что революцию сделали лидеры Думы, с лидерами революционных организаций составляя одно целое, и этим целым было масонство, которое расцвело в последнее царствование. Удивительно, но ни Она, ни Государь никогда не говорили о масонах, никогда эта тема, как кажется, не обсуждалась ими и мы не видим никакого звучания ее даже в их личных письмах. А ведь Царь интересовался этой темой с 1905 года и имел большую информацию. Это умолчание само по себе красноречивее любых слов. Удивительно и то, что ругая Милюкова, посмевшего обвинить Штюрмера в измене (1 ноября 1916 г. в Думе), ругая других плохих людишек из Думы, заклиная Царя быть тверже, быть Петром I, она, вместе с тем не предлагает нигде, ни в одном своем письме Государю разогнать Думу немедленно, арестовать главарей кадетской партии и левых фракций, провести следствие о возможно готовящемся перевороте. Они, эти масоны, и для нее, и для Царя — запретный плод, табу. В Ее понятии

«Дума оказалась на высоте положения» и готова стать грудью на борьбу с революционерами, вроде всяких там эсеров. Та Дума, что создала так называемое Временное правительство была масонской частью Думы. На нее теперь рассчитывает Государыня. В каком же мозговом тумане пребывала все эти годы Она вместе со своим «Другом», воюя с иерархами Русской Церкви! Как кажется, Она даже не знала, что член Временного правительства Керенский входит сам в эту революционную синагогу, именуемую «советом рабочих депутатов» и что он является трудовиком, то есть эсером.

б) Иногда, чтобы как-то оправдать акт отречения Царя, говорят о вынужденности этого акта. Выше уже говорилось на эту тему в основном тексте. Этот акт отречения ни в одной своей строчке не носит никакого отпечатка принуждения. И приказ по армии от 8 марта, написанный уже совершенно по личной инициативе Царя повторяет те же слова о необходимости повиноваться Временному правительству, и что власть Временному правительству передана Им, а не то, что это Временное правительство есть плод насилия и незаконное детище еврейско-масонского заговора и анархии, чем на самом деле и было эта масонская ложа, ставшая вдруг правительством на 8 месяцев.

Государь и потом, в заточении никогда не говорил ничего о вынужденности этого акта, и что Его к нему приневоливали. В связи с сказанным интересно свидетельство Жильяра:

«Я тогда (в Тобольске — В.О.) в первый раз услышал от Государя выражение сожаления об Его отречении. Он принял это решение в надежде что те, кто пожелал Его удалить, окажутся способными привести войну к благополучному окончанию и спасти Россию.» (с. 187)

Как всегда это случалось с благими начинаниями Николая II — Он хотел как лучше, а получалось смертоубийство в результате Его указов и манифестов, а теперь еще и отречения от престола. Хотел избежать гражданской войны и своим отречением ее спровоцировал. Так было и с манифестом 17 октября 1905 года, после которого и в результате которого и разгорелась революционная анархия и пролилось много крови. Так было и с указом об автономии университетов 27 августа 1905 года и с манифестом 6 августа 1905 г., которым учреждалась Государственная Дума. В результате раскол в обществе усилился, конфликт вследствие государственно-правовой неопределенности самого созданного строя достиг точки кипения и страна была подведена к краю гражданской войны. Благодаря Думе революционное масонство обрело общественную трибуну и законодательную власть. Чтобы избежать гражданской войны, Он отрекся от престола. В результате — началась гражданская война и в Кремль плотно сели еврейские комиссары; преступная банда овладела Россией. Впрочем, самой верной характеристикой Царя являются слова из дневника Л.Тихомирова, приведенные выше.

Во всем этом можно видеть трагизм и человека, подчинившегося идеалам масонского гуманизма, романтизма и впавшего от того в состоянии полной политической слепоты и безволия. Отсюда и та черта характера, которую отмечали в Николае II все решительно мемуаристы, от преданных монархистов до революционеров: фатализм, какой-то сектантский мистицизм и вечные колебания в мнениях и решениях государственных вопросов.

VI. Кандауров Л.Д. Статья по истории масонства в России в виде машинописной рукописи. — ЦХИДК, 6. Особый Архив, ф.730, оп. 1, д.172,

лл. 20-37.

«По сведениям русских мартинистов, они никогда, со времени своего основания, существования своего не прекращали. Без точных архивных данных проверить это, конечно, невозможно, но надо сказать, что в пользу этого утверждения может говорить тот факт, что в мартинизме не требуется, чтобы регулярный мартинист был посвящен непременно в «правильной и совершенной» ложе, как у нас.[27] Посвящение может быть сообщено профану каждым мартинистом, получившим в своей системе 3-й градус, даже если он и не состоит больше членом какой-нибудь мартинистской ложи.» (л.20)

Это сообщение Кандаурова объясняет факт того, что о масонстве в придворных кругах и среди чиновничества за XIX век почти нет никаких сообщений.

«В английской франкмасонской литературе имеется указание на то, что с 1856 по 1863 года Русское Правительство не преследовало существовавших тогда в России лож, может благодаря тому, что Император Александр II был, кажется, посвящен в одной из английских лож в молодости. Не преследовало, но отнюдь не поощряло. Есть сведения, что в эти годы были возобновлены работы новиковской ложи Нептун в С.-Петербурге, где тогда и были посвящены известный историк русского франкмасонства Пыпин и П.Беклемишев, впоследствии руководивший ложей Карма в Петрограде.» (л.21).

«В первой половине 1906 года в парижские ложи поступило, сразу около 15 человек известных русских общественных деятелей, главным образом принадлежащих к кадетской партии: Немирович-Данченко, М.С. Маргулиес, Амфитеатров, кн. Урусов, В.А. Маклаков, Лорис-Меликов, проф. Трачевский, Ключевский, гр. Орлов-Давыдов. Некоторые из них поступили в ложи Великого Востока, но большинство в ложи Шотландского Устава «Космос» и «Мон Синай».

Все — в строжайшей тайне, без анкет и переписки. Эти братья основали по возвращении две ложи в С.-Петербурге. (...) Одновременно был учрежден в Москве и розенкрейцерский капитул Великого Востока».(л.25)

Эти данные вполне совпадают с данными, изложенными в книге Николаевского «Русские масоны и революция» (М.1990). Поучительно и полезно вспомнить, что в то время монархисты называли кадет не иначе как жидо-масонами, но в обществе, отравленном интеллигентскими предрассудками, считалось, что от таких плохих людей, как эти «черносотенцы», ничего заслуживающего внимания исходить не может, т.к. всем управляют законы прогресса, а в этих законах нет — почему? — места масонам. Между тем, исторические данные, в том числе и сообщенные самими кадетами спустя много десятилетий показывают, что решительно все указания «черносотенцев» по части масонства и по части политических их планов во всем соответствовали действительности. (см. ниже «Орден Бнай Брит», сюжет с В.И. Вернадским).

Мартинистские ложи объединяли не только кадет, стремящихся установить в России власть еврейско-масонского ордена, то есть на тот этап «революционеров», но и придворных: «Полицейские скоро напали на след мартинистов, — пишет Л.Д. Кандауров, — группировавшихся вокруг издававшегося в Царском Селе журнала «Ребус» мартинистов, среди которых было несколько Великих князей (Николай Николаевич, Петр Николаевич, Георгий Михайлович) и лиц, близких ко Двору; Их не тронули, но члены русских лож Великого Востока насторожились и в конце 1909 от страху или от скуки, — было решено ложи усыпить. В конце 1912 вновь решили оживить деятельность, устранив болтунов ... цель всей организации была политическая: ниспровержение в России Самодержавного режима и установления демократического строя.» (л.29)

Цель политическая — низвержение Самодержавия, а в ложах, мы видим, участвуют члены династии Романовых, включая любимого дядю Николая II, Вел. кн. Николая Николаевича и Георгия Михайловича, и придворные чины. Полиция, знавшая, кажется, все об эсерах, большевиках, кадетах, о деятельности масонов в столице, если верить некоторым сообщениям, ничего толкового не знала и напасть на след масонов не могла. Но Кандауров, как мы видим, пишет, что «полицейские скоро напали на след мартинистов», но их не тронули. И не могли тронуть, так как в рядах мартинистов были ближайшие родственники Царя и придворные.

Это одно сообщение способно резко изменить наше представление о всем ходе царствования Николая II. Ведь если «полиция быстро напала на след», и, заметим, и не могла не напасть на таковой, то, значит Государь был осведомлен об участии в деятельности масонства и своих ближайших родственников, и в том числе столь авторитетного для Него и столь любимого Им его дяди вел. князя Николая Николаевича. А, следовательно, масонству должен был покровительствовать и Сам Николай II, почему полиция и не могла тронуть никого из масонов. Не только в этой ложе, но и во всех других. Кроме того, пребывание в масонстве никак не сказалось на карьере чиновников, членов лож. У нас нет никакого намека, даже приблизительного, на что-то похожее.

Скорее наоборот — членство в ложе помогало делать чиновнику карьеру. Конечно, не мог Он не знать о масонстве вел. князей Александра Михайловича, женатого на Его родной сестре, и Николая Михайловича, с которым он вел

[27] т.е. в масонстве Шотландского Устава, самого распространенного в мире.

беседы о масонстве, выражая какие-то опасения (см. XII, с. 437.). Другой вопрос остается открытым: знал ли Государь о том, что масонство в России имеет задачу государственного переворота. Вероятно, так вопрос не ставился. Да в таком виде решение политического вопроса не ставилось и самим руководством масонства. Предполагалась мирная и быстрая эволюция в сторону конституции, а затем, после переходного периода, и к республике социалистического толка, но уже тогда с массовыми репрессиями и массовым уничтожением русского народа под видом доктрины классовой борьбы.

Что касается убеждения в необходимости эволюции в сторону конституции, то здесь, как мы видели, Николай II вполне разделял в принципе необходимость отказа от Самодержавия и потому Он всячески утверждал в стране переходную форму правления к конституционной монархии или республике, как получится, в виде учреждения законодательной Думы и системы многопартийности. Что касается видов на будущее России и своих планов, то их Государь изложил, в частности, своему врачу Кострицкому (см. у Спиридовича) и Ю.Денъ (см. ниже у Маркова, VIII, с.427). Поэтому планы масонства и кадет для него не были чужды. И потому масонство и пользовалось Его покровительством. Но вернемся к сообщению Кандаурова об ордене мартинистов. Орден мартинистов управлялся Верховным Советом, состоявшим из 7-9 человек. Секретарем Верховного Совета был А.Я. Гальперн. Таким образом, под началом Гальперна находились и Великие князья, гордые члены династии Романовых. Впрочем, как было сказано в тексте, сыновья Великого князя Михаила Николаевича — Николай Михайлович, Григорий Михайлович, Александр Михайлович были по матери евреями (см. Витте С.Ю. Воспоминания. М.1960, т.1. с.429-430, а также в письме Императрицы за 4 ноября 1916 года: *«...* Николай не к добру поехал в ставку, — скверный он человек, внук еврея» (И все трое — деятельные члены масонского ордена. При определенных обстоятельствах, таким образом, член Дома Романовых, еврей, мог вполне стать Самодержцем Всероссийским, будучи по рождению еще гражданином Израиля. Не в первый раз, и не в последний еврейская кровь вливалась в жилы династии Романовых, отчего многие из Великих князей имеют отчетливо еврейский тип лица. В Думе, пишет далее Кандауров, «членами (ложи) были прогрессисты и кадеты». (л.30)

«Перед февральской революцией Верховный Совет поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации, и назначить в Петрограде на случай народных волнений сборные места для членов лож. Все было в точности исполнено и революционным движением без ведома руководимых, руководили члены лож и сочувствующие. Многие из первых вошли в состав министерства кн. Львова и Керенского (в последнем все министры были членами лож), многие заняли места комиссаров Временного правительства», (л. 30-31)

Нельзя не заметить, что первый глава Совета министров временного правительства кн. Г.Е. Львов был назначен на свою должность премьер-министра указом Николая II от 2 марта 1917 года.

Что касается собственно темы масонства Николая II, то автор пишет:

«Первым пропагандистом мартинизма в России был известный Филипп, прибывший в Россию из Лиона и приобретший влияние при дворе. Он прибыл в С.-Петербург. Императрица Александра Федоровна надеялась, что он поможет ей родить сына своими оккультными способностями. В 1895 году он основал в Ст.-Петербурге ложу «Крест и Звезда»,[28] собиравшуюся вначале в Зимнем дворце, а затем в Царском Селе и на квартирах членов ложи. Председателем был сначала сам Филипп, а после его смерти, граф Мусин-Пушкин (ныне живет во Франции, в мартинизме должность председателя пожизненная, участвуют лица обоего пола).

В числе членов был и Император Николай II. Как говорят, созвание первой Гаагской мирной конференции было в значительной степени влиянием этой ложи, но от других лож (мартинистских) эта ложа держалась в стороне, имея сношения главным образом только с ложей (мартинисте -кой) такого же характера, собиравшейся тогда во Франции, в г. Тур.

В 1902-1903 Император Николай, отвратившийся от оккультизма и обратившийся к св. Серафиму Саровскому, перестал посещать ложу, которая через несколько лет (1916) и совсем прекратила свои труды ...

После отъезда Филиппа из России (1901) в Петербург вскоре прибыл Гроссмейстер орд. март. Папюс (д-р Анкосс)...

Папюс основал в России мартинистские следующие ложи: в С.-Петербурге «Аполлония» (пред. сначала фон Мёбес, а потом Антошевский), в Москве св. Иоанна Равноапостольного, в Киеве св. Владимира Равноапостольного в 1912 *г.»*

«Учреждение ложи (Филалетов) в России сделалось возможным благодаря покровительству, оказанному вел. князем Александром Михайловичем и по его инициативе. (Имеется в виде лож и филалетов, одной из ветвей франкмасонства — В.О.)

... В ложе «Карма» по-видимому участвовал сам вел. кн., участвовали многие высшие чины Главного Управления Торгового Мореплавания, во главе которого стоял великий князь, и так называемого Морского Союза, также возглавлявшегося им. Последние годы во главе ложи стоял П. Беклемишев; для того, чтобы облегчить собрания, великий князь назначил его хранителем Морского музея в С.-Петербурге: в музее этом имелся обширный отдел

[28] см. свидетельство Витте ниже.

старинных фф. мм. предметов, а у бр. Беклемишева большая казенная квартира; то и другое весьма облегчало собрания ложи ... раскрытия деятельности ложи нечего было бояться из-за покровительства, которым она пользовалась.» (л.34-36).

К моменту большевистской революции в ложе этой насчитывалось около тысячи человек, «хотя на собраниях больше 20-25 не присутствовало никогда».

Что касается розенкрейцерских лож, то ко временам Александра II они несколько захирели, пишет автор, и только к концу 80-х они вновь оживают. В середине 90-х ложи розенкрейцеров действуют уже в Москве, Казани, Н.-Новгороде, Полтаве, Киеве, Феодосии, Риге. Незадолго до войны, пишет Кандауров, в этой системе розенкрейцерства была образована ложа Люцифер, в которую входили Валерий Брюсов, Андрей Белый, Петровский, Вяч. Иванов...

Интересно, что А. Белый в своих воспоминаниях говорит, что только после революции он узнал о масонстве и, узнав, схватился за голову — вот в чем дело-то, а он-то, наивный! Примерно так можно перевести на нормальный язык эти строки воспоминаний поэта. Такова ценность признаний многих деятелей о том, что они сами к масонству никакого отношения не имеют и даже не знают о чем идет речь, и кто такие эти самые масоны.

Здесь мы снова должны представить себе реальный смысл сообщения о том, что масонским ложам филалетов, близким к мартинистским по уставу и организации, нечего было бояться разоблачения, так как сам ближайший родственник Царя, Сандро — для Николая II, то есть вел. кн. Александр Михайлович, покровительствовал ложам этого толка. И в этом случае, как и в случае с братом этого Сандро историком Николаем Михайловичем, мы должны будем признать, что, в конечном счете, такое покровительство могло иметь силу только в том случае, если оно получало одобрение Самого Николая II, которому полиция не могла не сообщать о полученных ею сведениях по данному сюжету. В таком случае при доверительном характере отношений между ними, Николаем II и Сандро, когда долгие часы они проводили вместе на отдыхе в Крыму, как, впрочем, и в Петербурге, ведя дружеские беседы, трудно себе представить, чтобы тема масонства не была бы затрагиваема. Более того, этих долгих бесед не могло и быть, если бы сам Николай II не был бы масоном. Невозможно себе представить, что деятельный масон, да еще высоких градусов, каким был Александр Михайлович, не стал бы постепенно втягивать нужное лицо в масонство. Этот вариант просто исключен, зная обязанность любого масона заниматься прозелитизмом в отношении нужных ордену лиц.

Еще одно сообщение Кандаурова касается участия большевиков в ложах филалетов в Швейцарии, где будущие властители России в тишине и безопасности плели свои паучьи интриги против Самодержавия и исторической России. Кандауров пишет: «Судьба ордена филалетов вне России оказалась печальна: швейцарские ложи были захвачены большевиками и закрылись после их отъезда в Россию» ... (л.36). Это свидетельство дает основание предполагать, что все руководство большевистской партии входило в ложу филалетов. В этом случае партийная дисциплина становится дисциплиной франкмасона. Понятно, ложи филалетов с большевиками, закрывшись в Швейцарии, должны были открыться в России, с октября 1917 года в Петрограде, а с марта 1918 года — в Кремле, где обосновались гг. Ленины-Бронштейны.

Прим. — По сообщению гр. С.Ю.Витте, Филипп был представлен царской чете черногорками, то есть дочерьми черногорского князя Николая, Анастасией и Милицией, увлеченных мистицизмом и находившихся в эти годы в самых близких отношениях с молодой Царицей (см. ниже свидетельство Мосолова). Но это не могло быть ранее 1896 года, когда царская чета посетила впервые Францию. В Петербурге, куда этот Филипп вслед за тем приехал, «он постоянно занимался беседами и мистическими сеансами с Их величествами, Николаевичами и черногорками». (Витте, кн. 2, с.269) Министр внутренних дел Сипягин «смущенно» говорил Витте, как ему не нравится «эта история с Филиппом». Сам же Филипп, во время своих приездов в Петербург находился на особом попечении дворцового коменданта Гессе. Сам характер влияния Филиппа на Императрицу Александру Федоровну виден из упоминания Царицей в своих письмах подарка этого спирита и масона в виде иконы с колокольчиком (напр. в письме от 4 декабря 1916 г.). Этот колокольчик должен позвякивать, если приближается человек с дурными намерениями.

Конечно, если не назвать это откровенным легковерием внушаемой женщины, то надо назвать это магизмом. Но надо сказать, что дорого обошелся России этот магизм, эта внушаемость и это легковерие несчастной и не нашедшей себя женщины, оказавшейся в чужой и страшной для Нее стране с ее огромными космическими проблемами и вселенской трагедией. Она, несомненно, любила ту Россию, что была создана Ею в своем воображении. Она любила ее, как свою мечту. О России подлинной Она не только ничего не знала, но и не откуда было Ей ее узнать. Всю жизнь Государыня прожила в узком семейном и дворцовом кругу. И этот круг все время суживался. Для подлинной России она была слишком неприспособленной, маленькой и хрупкой. Она осталась немецкой принцессой из маленького искусственного мира.

VII. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. (М. 1993 г., с. 108-109)

Сообщение Керенского, видного масона, дополняет сообщение Кандаурова: «Первым при дворе появился д-р Энкосс, француз, которого все именовали Папусом. Он был представлен Николаю II в 1901 году в Париже Великим князем Николаем Александровичем. В 1901, 1905 и 1906 годах Папус побывал в России и навсегда остался другом императорского семейства. В качестве президента Высшего Совета ордена мартинистов он основал в Санкт-Петербурге масонскую ложу, в которой Царь, по слухам, занял пост «Высшего гостя». В число членов ложи вошли наиболее видные представители санкт-петербургского общества. Папус проводил сеансы, во время которых обычно вызывал дух Александра III для бесед с сыном Николаем II. Незыблемая верность Царя союзу с Францией, которую не могло поколебать никакое внешнее давление, часто объясняют связями с орденом мартинистов. (Энкосс ф. Научный оккультизм. Париж, 194?, с.283). Папус был предшественником и духовным отцом другого «чудотворца» — Филиппа Вашода, человека незаурядного. Уроженец Лиона, он был представлен императорской чете в Компьене во время их визита во Францию, и его влияние на Царицу было столь сильным, что в своем письме к мужу в 1916 году она именует его «одним из двух друзей, посланных нам Богом, под вторым подразумевая, конечно же, Григория Распутина. Престиж Филиппа Вашода был огромен, он имел много последователей во Франции. Царица самозабвенно следовала всем его наставлениям, но наследника по-прежнему не было. В конце концов французу пришлось покинуть Россию. Духовник Царицы митрополит Феофан осудил его, назвав «порождением бесовских сил.»

Далее Керенский пишет, что Царица в своем общении с людьми довольствовалась «узким кругом склонных к мистицизму друзей». В своих письмах, пишет автор мемуаров, Царица и много лет спустя вспоминала Филиппа, «нашего первого друга». Вторым был Распутин.

При дворе процветал «вошедший в ту пору мистицизм и увлечение спиритическими сеансами». Увлечение затем Распутиным, говорит Керенский, было психологически, лишь продолжением той же линии мистицизма Царицы, что и увлечение Филиппом. В сознании Царицы оба эти человека, оба мага, сливались впоследствии в как бы один двойник. Что касается Распутина, то он стал для Царицы «воплощением «священного единения» короны и крестьянства, а, следовательно, рукой Провидения». (с. 111).

Факт влияния оккультизма на дворцовые сферы и на само «направление нашей политики» не было секретом для общества. Граф И.И. Толстой записывает в своем дневнике: «в «Петербургской газете» (20-го июля 1908 года) появилась довольно знаменательная статья об оккультизме вообще и в Петербурге в частности, в которой весьма прозрачно указывается на влияние разных духовидцев с Папюсом во главе на направление нашей политики. Хотя в статье и говорится только об «аристократических кругах», но ясно, что намекают на Царя и Императрицу.» (Толстой И.И. Дневник 1906-1916. М.1997 г., с.203-204). Факт такого влияния на политику, как видим, отметил и Керенский, говоря о приверженности Николая II к франко-русскому союзу, мало объяснимому с рациональной точки зрения.

Слово в слово то же самое пишет и митрополит Вениамин Федченков в своих воспоминаниях (см.»На рубеже эпох». М.1994, с.140-141):

«Вместо влияния духовенства в придворную сферу проникло увлечение какими-нибудь светскими авантюристами, «спиритами». Относительно увлечения то Филиппом, то Распутиным Митр.Вениамин пишет, что увлечение одним «человеком Божиим» — Филиппом, сменилось другим «человеком Божиим» — Распутиным, которого Царица считала, и это хорошо видно по Ее письмам, святым человеком, пророком, гласом Божиим, в сущности, почти воплотившимся «Христом», как у наших духоборов. Теперь надо представить себе двор православного Государя, погруженный в каббалистические упражнения, магию, прочее колдовство, экзальтированный и ждущий чудес. Вот реальная среда, демоническая и масонская, в которой жил последний русский Самодержец и из которой он должен был брать себе советников, но в которой Он и сам был своим, ее частью, ее продуктом. В этой среде Он рос, воспитывался и мужал. В ней он замкнулся, как улитки в раковине. И с этим реальным фактом нельзя не считаться.

VIII. Марков С. Покинутая царская семья. Вена 1928 г.

Относительно представления Николая II о будущем России и ее государственном устройстве.

Марков, молодой корнет, приемный сын генерала Думбадзе, один из немногих, пытавшихся неизвестно зачем спасти царскую семью из заточения, потому что при имевшемся настроении Царя и Его супруги это было занятием совершенно никчемным. Царь хотел оставаться частным человеком после отречения, жить обязательно в России. А в случае каких-либо моральных соображений, могущих возникнуть неожиданно, Он и Его супруга готовы были бы снова сдаться властям. Понятно, что все эти условия делали совершенно бессмысленным освобождение семьи. Ведь в случае удачного побега нужно было царской чете проявить инициативу, волю к борьбе, но ничего подобного за Царем, теперь бывшим, и его супругой не замечалось. На борьбу они были не способны. И где бы могла найти себе места семья бывшего Царя, не желавшего более бороться за Россию, да и не способного и не желавшего. Где бы они могли бы жить при белых или при большевиках? Так или иначе, но

Марков пишет, ссылаясь на свидетельство Ю.А. День, жены офицера Гвардейского Экипажа, командира крейсера «Варяг», капитана 1-го ранга К.Е. День. Она была близкой подругой Царицы. По ее словам Государь еще задолго до революции развивал свои планы на будущее.

20-летнее царствование Его утомило, говорил Он, и единственное Его желание — довести Россию до победы. <0н предполагал удовлетворить насущные нужды путем земельного вознаграждения всех участников войны ... провести в жизнь земельную реформу Столыпина (...), создав особую комиссию по разработке широкой конституции, принимая во внимание все особенности русского уклада и быта, а в день совершеннолетия Наследника отречься от престола в Его пользу с тем, чтобы начало Его царствования ознаменовалось дарованием этой реформы, дабы Он в день своего Коронования был первым русским Царем, присягнувшим на верность конституции.

Государь считал, что народные массы, оздоровленные победоносной войной, проникнутые упоением победы и искренним патриотизмом, лучше, чем когда-либо воспримут дарованные им права, и конституционная Россия сделается еще более могучей, чем под скипетром Самодержавных монархов.» (с.28). Эти слова почти один-в-один, как эхо, отразились в акте отречения.

Таким образом, политические воззрения Царя лежали в конституционной плоскости. Самодержавие, по Его мнению, просто отжило свой век. И вопрос о введении конституционного правления, демократического по сути, был для него просто вопросом времени. Эта точка зрения нашла свое отражение и в тексте отречения и в приказе по армии от 8 марта 1917 года. Если принять во внимание собственные политические воззрения Царя, чего, почему-то не делается, тогда станет ясным, почему Он верил в Думу и в «общественность», эту вывеску масонского ордена в России. Почему не воспринимал записки правых, не слушал их предупреждений, не внимал их советам и отчего так легко поддался на давление и отрекся от престола и даже от Самодержавия, наказав брату править на основах, выработанных народными избранниками. Царь Николай II просто разделял в душе с масонской и еврейской «общественностью» уверенность в необходимости уничтожения Самодержавия. И если Он так долго противился требованию дать ответственное министерство и ввести конституционной образ правления, то только потому, что считал время войны не лучшим временем для перемены формы правления. Он был просто либералом, но пассивным по характеру, и от того не решался что-либо сделать радикального, пока Его к тому не принуждали революционные силы. Сошлемся еще раз на приведенное выше мнение Тихомирова о Николае II. Свидетельство Маркова подтверждается свидетельством доктора Кострицкого (см. ниже у Спиридовича, XIII, с. 440). Он и отрекся, будучи искренне уверенным, что Его уход от власти поможет сплотить народ и даст возможность Временному Правительству довести войну до победы. В каком мозговом тумане надо было жить все эти годы, чтобы написать эти слова отречения. Вместе с тем это означает, что масонство оказало на него глубокое влияние в смысле формирования его политических и религиозных воззрений. Не случайно, принимая решение об отречении, Он даже не проявил желания спросить мнение иерархов Церкви. Это решая-то судьбу всей России! А ведь были рядом и Митрополит Владимир, правда, сосланный в Киев, и митрополит Макарий, да и был рядом святейший Синод. Царь даже не вспомнил о них.

Отсюда же такая поразительная привязанность к «Николаше», то есть к великому князю Николаю Николаевичу, деятельному члену масонских лож, участнику заговора с 1905 года. Отсюда же из многочисленных родственников ближе всех Ему были евреи, масоны и либералы — Николай Михайлович и Александр Михайлович, женатый на Его родной сестре Ксении. Можно догадаться, о чем они все беседовали в юности и в молодые годы, как и зрелые. Некоторое представление об этом дают воспоминания вел. князя Александра Михайловича.

Отсюда и .вопрос о «темных силах», «заговорщиках» и «предателях», окружавших Царя и вынудивших Его на отречение, любимая тема многих публицистических сочинений, приобретает какой-то романтический оттенок пьесы Шиллера с маркизом Позой. Судьба Самодержавия была предрешена самим Царем и его мировоззренческими установками. А необъяснимая привязанность Николая II к такому нелепому учреждению в условиях России, да еще Самодержавной, как Гос. Дума, и сделала революцию реальностью.

Когда в июне 1917 года Меньшиков написал статью по поводу отречения Царя «Кто кому изменил?», то, как мы видим, он имел определенные основания обвинить в измене своему долгу Царского служения и Главы государства Самого Николая II. Обещание, данное Им при святом короновании хранить неповрежденной власть Самодержавную, было попрано еще в 1905 году.

С.Марков, осмысливая в эмиграции пережитое, пишет, характеризуя Николая II:

«Когда же грянула революция, Государь доказал, что Он в сущности Самодержцем не был, поддался оказанному на него давлению и отрекся от Престола, вместо того, чтобы приказать повесить на первой перекладине всех этих Гучковых, Шульгиных, Рузских и направиться во главе верных войск в Петербурге, где действительно самодержавной рукой восстановить порядок и тем доказать, что Он, действительно. Самодержавный монарх, и трон Его непоколебим ...» (с.28).

Конечно, в этих словах бывшего корнета много наивности, но важно, что это

мнение современника, верноподданного, человека, романтически увлеченного желанием освободить царскую семью и воспитанного в лучших монархических традициях.

IX. Михайловский Г.Н. Записки. (М. 1993 г., кн. 1-2).

Автор, сын известного писателя Гарина-Михайловского, служил в годы Мировой Войны в Юридическом отделе Министерства Иностранных дел. Его дядя, Чарыков, некогда был товарищем министра иностранных дел, затем послом в Турции. По своим связям и через дядю, и через отца он в этой среде «избранных» был своим.

а) Относительно темы масонства и мнения на этот счет высшего чиновничества. Михайловский пишет, как однажды, уже после февральского переворота, когда шла гражданская война, он услышал поразившие его слова старейшего чиновника министерства, бывшего долгие годы товарищем министра Нератова, который, вероятно, и сам был масоном:

«Нератов однажды таинственно признался, что, по его убеждению, миром правит неведомая «пятерка» евреев-масонов ... заметив, что *«русская интеллигенция никогда не поверит в закулисную мощь масонства.»* (кн.2, с.232). Последнее признание едва ли не самое ценное и верное.

б) Многие министерства имели свои досье по масонству. Было такое и в МИД. В юрисконсульской части находилось «масонское дело». Это была, пишет он, «объемистая папка, заключавшая в себе дипломатическую анкету, произведенную в 1905-1906 гг. по поручению министерства нашими заграничными дипломатическими представителями. Анкета должна была в строго секретном порядке выяснить природу и современное политическое значение масонства. Этот вопрос в те годы очень интересовал русское правительство, и *результаты были доложены государю*[29] *на* Совете министров, а сама анкета почему-то хранилась в Юрисконсульской части, может быть потому, что ею очень интересовался Нольде.» (кн.1, с.171).

Б.Э. Нольде, начальник юрисконсульской части, был видным деятелем кадетской партии, масоном (см. Берберова Н.) и этот факт придает определенную пикантность сообщению Михайловского. Впоследствии Б.Э. Нольде просто украл это дело, когда уходил при Временном правительстве из министерства. Что там было, остается только гадать. Так, в сущности, исчезло большинство таких «дел», поскольку власть захватили масоны.

в) Слухи и предположения о готовящемся перевороте в Петербурге были после убийства Распутина, пишет автор мемуаров, всеобщими. В министерстве об этом «говорили совершенно определенно, называя даже день — 1 марта». Причем называли и главных участников заговора и членов будущего правительства: Гучкова, Милюкова, Родзянко. На вел. кн. Михаила Александровича указывали как на будущего Императора. Республиканский характер будущего переворота считался исключенным. Отсутствие наказания убийц стало, подчеркивает Михайловский, непосредственным поводом к подготовке переворота, так как общество все-таки рассчитывало на проявление власти. И было бы успокоено, если бы Царь сурово наказал убийц. Общество именно этого ждало от Царя. «Быть может, жестокая расправа с убийцами Распутина поддержала бы авторитет власти» — пишет Михайловский. Но, когда все наказание свелось к обычной полуопале, как «провинность против этикета», тогда недовольство захватило уже самые широкие круги общества. И не только недовольство против Николая II, но и против всей царствующей фамилии. Раздражало людей именно безвластие. Оно провоцировало бунт. Эта сторона дела иногда уходит от внимания историков. Общество сочло себя нравственно оскорбленным такой мягкостью по отношению к убийцам.

Упомянутый Нольде, кадет и масон, автор, кстати, акта отречения вел. кн. Михаила Александровича, называл своим сослуживцам дату переворота в ноябре 1916 г. — через три месяца (кн.1, с.210). После речи Милюкова 1 ноября 1916 г. «о государе говорили как о покойнике, и в этот момент в нашем ведомстве, в этом пока что тесном кругу наиболее близких к министру чиновников, монархия уже не существовала», (там же. с.210) Причем вопрос о близком перевороте обсуждался в приемной Штюрмера, министра иностранных дел и премьер-министра. Правда, в его отсутствии.

Генерал Спиридович пишет: Царь верил и, так далее, в благородство Думы. (см. ниже) Верил ... Но своим безволием буквально провоцировал людей на бунт: что толку от власти, которую никто не видит и не чувствует. Которая только место зря занимает. Именно такие мысли все чаще и чаше высказывались повсюду. Люди, даже многие кадеты, были бы рады проявлению твердости и суровости со стороны Царя. Но оттуда, от престола Царского давно не было слышно ни одного звука. Царь как бы исчез с политического и общественного горизонта.

Имел ли Николай II сообщение с мест, имел ли связь с простым народом, доходили ли до Него сообщения о событиях в стране и настроении простых людей. Этот вопрос важен потому, что некоторые исследователи, чтобы объяснить пассивность Государя, и тем укрепить в сознании читателя мифический образ одинокого героя, окруженного злодеями, уверяют нас, что Его, Царя, блокировали со всех сторон гнусные заговорщики и до Него не доходили сведения о происходящем. Вот если бы доходили, тогда ...! Но, во-первых, мы уже видели, что записки правых (см. Спиридович) и доходили и читались Государем и на них стоят Его резолюции. До Царя доходили и резкие телеграммы Тихановича-Савицкого. Некоторые мы привели в тексте выше.

[29] Курсив в комментариях мой — В. О.

(см. Правые в 1915 — феврале 1917. По проиллюстрированным Департаментом полиции письмам. Публикация Ю.И. Кирьянова. — Минувшее т.14). Не говорим о том, что в декабре 1916 г. Н.Н. Тиханович-Савицкий получил аудиенцию у Государыни и все наболевшее выложил Ей без церемоний.

Что касается свидетельства Михайловского, то он пишет, что Царю постоянно поступали письма от отделов «Союза Русского Народа», «Союза Михаила Архангела» или просто от «православных русских людей» такого-то губернского города за подписью или одного лица или нескольких, при этом «про кадетов иначе не говорилось, как жидомасоны, из кадетских имен чаще всего указывалось на Милюкова, Винавера и Родичева». Земгор и Военно-промышленный комитет назывались исключительно, как «главный штаб жидомасонской смуты». С 1916 года такие записки все чаще стали приходить Государю. Из канцелярии дворцовой эти письма поступали в канцелярию Совета министров, там их размножали по числу министров и затем с грифом «секретно» раздавали министрам. Такая судьба ждала записки, носившие общеполитический характер. Эти записки министры часто не возвращали и уносили с собой и они оседали в архивах министерств. Михайловский запомнил одну такую записку, поступившую в декабре 1916 года и в которой назывались и сроки, и исполнители готовящегося переворота (кн. 1, с.80).

На этих записках стояли пометки Царя, вроде «совершенно верно», «да», «правильно», «я тоже так думаю», «решительность — самое лучшее средство», «недопустимо» и т.д. Иногда же эти пометки носили характер более обширных сентенций.

У заговорщиков, собственно говоря, не было никакого резона окружать Царя плотной стеной, втягивая почтовое ведомство и Дворцовую канцелярию в свои планы. Государь просто не собирался особенно сопротивляться и только ждал толчка, чтобы стать частным человеком и наконец зажить нормальной жизнью простого обывателя где-нибудь в Крыму, в каком-нибудь дворце, скажем, Ливадии, о чем Он потом и просил Керенского, после своего ареста.

д) К характеристике Царя и отношений к нему петербургской бюрократии.

По словам Михайловского «высшая петербургская бюрократия ненавидела (Государя) не менее, чем самые ожесточенные революционеры». Ненавидела по вполне определенным причинам, а именно за Его «маккиавеллизм», за «малодушную жестокость в отношении своих ближайших сотрудников и неверность в личных отношениях» (кн.1. с.180). Государь легко «сдавал» самых верных своих сотрудников на растерзание их политических врагов, и на него нельзя было положиться. Утром, принимая кого-либо из министров, Он милостиво и внимательно его выслушивал, выражал удовольствие результатами его деятельности и тот довольный ехал домой, а там его уже ждало уведомление от Государя, которого он только что видел, об увольнении от должности. С выражением, понятно, благодарности. И это было не самым еще неприятным сюрпризом. Иногда, министр узнавал о своем увольнении только из газет, будучи в отпуске и отдыхая спокойно где-нибудь в Финляндии и строя рабочие планы на будущее. Так случилось с министром иностранных дел Сазоновым. О слабодушии и неверности Государя знали все чиновники. Не надо думать, что бюрократия в данном случае реагировала отрицательно только потому, что она была кадетской по духу. Любой человек был бы оскорблен таким отношением к нему. И как там ни рассуждай, но в данном случае такое поведение Государя было просто оскорбительно для Его сотрудников и они совершенно правильно, как бы любой из нас, видели в таком поведении Царя проявление неуважения и презрения к себе. Те, кто уважает себя, не станет и себя так вести с подчиненными. Не только кадетствующие чиновники отрицательно относились к «малодушной жестокости» и неверности Государя к своим сотрудникам. Один из немногих правых министров С.В. Рухлов говорил другому своему коллеге (в 1910 г.) министру Шварцу тоже далеко не левых взглядов: «Боже Вас сохрани хоть в чем-либо положиться хотя бы на одну секунду на Государя: никогда и ни в чем Он поддержать не может.» (Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М. 1994, с.66). Такого же мнения был и генерал А.А. Киреев, человек самых что ни на есть черносотенных взглядов, писатель, публицист. При Александре III была та же бюрократия, с теми же взглядами, что и при предшественнике Его, либеральном Его батюшке Александре II. Но при твердом характере этого Государя, при ясном национальном взгляде на вещи эта бюрократическая машина становится если не правой, то правеет на глазах и с радостью, что важно, чувствуя хозяйскую руку. Именно этой руки, этой ясной государственной и национальной идеи не было у Николая II, а слабоволие и неверность к сотрудникам лишает любого начальника поддержки подчиненных.

Все это необходимо себе представлять, чтобы не быть слишком строгим к тем людям, которые видели всю бесплодность усилий сохранять верность неверному Господину, готовому в любой момент предать своих близких соратников, и не проявлявшего верности государственному долгу бороться за отечество с его врагами. В такой ситуации чиновник, служащий, любой инженер вынужден был позаботиться о будущем своей семьи сам и выбрать стан противников Царя, видя, что тот и не хочет бороться за престол и отчизну. Психология подобного рода присуща любому человеку. Верность миллионов русских людей трону и алтарю была отторгнута не только кадетствующими петербургскими чиновниками, но Самим Императором и Самодержцем Всероссийским. В этом смысле характерно мнение о Николае II известного писателя — публициста, убежденного монархиста Льва Тихомирова. Надо

понять, как больно и грустно было этим людям, монархистам, как Лев Тихомиров или архиепископ Никон Рождественский, смотреть на это безволие Верховной власти, на эти бесконечные поклоны Самодержца Всероссийского еврейско-масонской «общественности». Смотреть, как из казенного сундука уходят сотни миллионов рублей на финансирование этой «общественности». Сегодня нам эта картина до боли знакома.

X. Мосолов А.А. При Дворе последнего Императора. (М. 1992 г.)

К характеристике Императрицы Александры Федоровны.

Мать Николая II Мария Федоровна говорила автору мемуаров, начальнику канцелярии Министерства Двора А.А. Мосолову:

«Без нее Ники был бы вдвое популярнее. Он не отдает себе отчета, как нужна популярность. У нее немецкий взгляд будто высочайшие особы должны быть выше этого. Выше чего? ... Любви народа? ... Я согласна, что не следует заискивать в популярности, но надо стремиться к ней и не упускать ни одного случая для этого ... Я ей говорила это, но она или не понимает, или не хочет понять, а потом жалуется, что ее не любят.» (с.94)

Мосолов отмечает несомненное «влияние узких взглядов гессенского двора на воззрения императрицы», что «производило впечатление мелочности».

Узость и мелочность, отмечаемая Мосоловым, видна и по ее письмам супругу, как и отсутствие всякого представления об управлении страной, и истеричность характера. Особенно вредно влияло на внутреннее положение в системе управления деление всех, кто с Ней встречался, в том числе и министров, на черных и белых, в зависимости от отношения их к Распутину, а Распутина к ним. И быстрая смена в отношении к тому или иному лицу от восторженного до раздраженно-отрицательного. Того, пишет Она супругу, убери, а тот нам верен — и «друг» советует — назначь.

Многие годы Царица Александра Федоровна была близка с дочерьми черногорского князя Анастасией и Милицией, ставшими супругами великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича. Мосолов пишет: «Долго причины этой дружбы мне были непонятны. Говорили, что она основана на общем мистицизме и опытах спиритизма». Он упоминает также о Филиппе и Папюсе, которого называет медиумом.

В семье, между собой царская чета разговаривала по-английски. И переписывались супруги тоже на этом языке. Нам, русским людям, чтобы узнать, что писали друг другу Царь и Царица, нужно читать письма царской четы в переводе с английского. Императрица, по свидетельству большинства близко ее знавших людей, будучи застенчивой и, как бы сейчас сказали «закомплексованной», «зажатой», стеснялась своего русского языка, все время боялась, что не сможет подыскать подходящего русского слова и потому ей проще было разговаривать на родном для нее английском языке (см. С. Марков). Вряд ли, однако, этот факт мог вызвать у русских подданных прилив верноподданной любви к Государыне, которую, впрочем, в провинции вовсе не знали, а в столицах не любили. Для нас это тоже кажется странным — читать письма русских царей в переводе с английского!

XI. Письмо ложи «Мезори» ордена розенкрейцеров Государю Николаю II, помеченное 17 июня 1912 года. — ЦГИАЛ СССР, ф.157, дело 390, лл. 35-42, (см. фото на с. 378; публикуется впервые).

Это письмо поступило на имя Государя на бланке — «орден розенкрейцеров. Ложа Мезори». На месте подписи в конце письма значится «Магистр ложи» и подпись в виде какого-то алхимического знака, напоминающего букву «З». Письмо рассматривалось кн. В.Н.Орловым, начальником походной канцелярии Императора (1906-1915), который предположил, что подпись принадлежит князю Репнину. Это вполне возможно, потому что семейство Репниных со времен Екатерины II было масонским и в этом плане, вероятно, занимало высокое положение в этом узком кругу розенкрейцеров, ведущих свое происхождение от времен новиковских.

Письмо любопытно тем, что оно написано с позиций «правого» масонства. И еще тем, что авторы его отделяют орден розенкрейцеров от масонов, к которым относят мартинистов, и всячески критикуют последних. Эта традиция отделять какую-либо ветвь масонства, обедьянс, «послушание»; от остального масонства идет также с давних времен. В свою очередь, мартинисты иногда отделяли себя от масонства, но, объединяли себя с розенкрейцерами. Иногда вообще масонство отождествляется только с первыми тремя градусами. Так или иначе, но наличие «правого» масонства факт известный. В политическом своем выражении этих т.н. правых надо назвать «государственниками». Они за сильную монархию, крепкую армию, жесткий внутренний порядок, за улучшение человеческой породы, за «силу воли» и они с известным эпитетом относятся к церкви в своей патриотической риторике и готовы признать ее полезную роль, как историко-культурной силы и ... как источник маго-каббалистических сил.

В письме выражается удовлетворение тем, что Государь, как и они, проявляет интерес «к оккультной науке, как основе религиозно-философского миросозерцания, потому что и мы сами бескорыстно служим этому учению.» (л.39) В качестве своих авторитетов авторы письма называют писательницу Крыжановскую, ген.-м. А.А. Навроцкого, шталмейстера Фролова. Вместе с тем критикуется «масонская партия», которая «выставляет сперва клеврета мартинистов Филиппа, зловредное воздействие которого сказывается еще до сих пор на здоровье Императрицы, а когда нам удалось разоблачить этого в

полном смысле негодяя и шарлатана, то Вашему Величеству подсунули (гр. Витте и Ко.) хлыста Гришку Распутина, который дурак — дураком и, сам того не понимая, служит все же целям масонства <посрамление царствующей династии>... история Распутина имела для супруги вашей то же значение, что некогда «Дело ожерелья королевы» для Марии Антуанетты, то есть подорвала лишний раз уважение к царской семье». (л.39) В качестве достойных слуг царевых назван генерал-адъютант Н.И. Иванов, лицо, действительно доверенное Государя в годы войны и которому Он приказал в смутные февральские дни революции двинуться на Петроград и подавит бунт. И, который, конечно же, ничего не смог сделать.

В письме резко критикуется премьер-министр Коковцев, как близкий к Витте человек и как юдофил. Его политика прямо названа масонской. (л.42) Масону и юдофилу Коковцеву авторы противопоставляют Столыпина, политика которого была национальной и который по их убеждению пробудил национальное самосознание. Высокого мнения авторы также и о министре путей сообщения С.В. Рухлове, который один из немногих, если не сказать единственный, покровительствовал в своем ведомстве служащим правых убеждений — от членов черносотенных организаций до националистов и октябристов включительно. Рухлов был едва ли не в единственном числе в Совете Министров, кто последовательно выступал против предоставления льгот евреям во время войны. Он был вместе с М.О. Меньшиковым — основателем Всероссийского национального союза. Авторы письма в своих политических воззрениях близки к октябристам. Что касается определения роли Распутина, то здесь с ними спорить трудно. Кстати же, действительно, Витте и его супруга — еврейка Матильда неизменно поддерживали близкие отношения с Распутиным, общаясь домами.

В целом, письмо показывает сложность такого явления, в политическом смысле, как масонство. Однако, не следует и сильно преувеличивать эту сложность. Правыми, монархистами, кстати же говоря, именовали себя на страницах оккультного журнала «Изиды» мартинисты, возглавляемые Папюсом. На этих страницах активно развивалась расовая идея. Правыми оккультистами были, из известных у нас сегодня имен, Бутми и Бостунич — автор книги «Масонство и русская революция». В основу своего миросозерцания последний клал каббалистику, но при этом яростно нападал на евреев, видя в них главных виновников революции и жестокого преследования русских людей во имя своей сатанинской власти. Он писал о плохой каббале и хорошей, арийской, и прочий вредоносный бред. В этих же пределах лежит и деление магии на хорошую, правильную и на плохую, черную. На самом деле, «правое масонство», с его «арийством», «породой», романтической героикой и прочей «демонической фантазией», является лишь предельным выражением «левого» франкмасонства, «демократического» и «либерального», пронизанного иудейской догматикой. Более того, это «правое» масонство, проявления которого мы видим и сегодня, есть та дорога, которая ведет вместе с прочим масонством от мифической республики и мифической «демократии» к той монархии, где монархом станет Антихрист. По какой-то странности, но этим правым масонством, с его криками о породе, арийстве, как отмечали проницательные наблюдатели, более всего страдают почему-то те полуевреи, которые в душе мечтают о недостижимой для них расовой чистоте и потому бредящие «арийством». Так ли это, сказать затруднительно, но наблюдение не лишено психологического интереса в смысле криков о «русском фашизме» и национальной принадлежности его сторонников.

Письмо также показывает нам всю реальную сложность политической обстановки в стране в те предреволюционные годы и глубокую расколотость общества, в котором русские утратили свои позиции и где тон задавали инородцы, о чем писал и граф Игнатьев в своей записке. (см. выше)

Поскольку в письме затронуто имя Витте и привязанность его к евреям, то любопытным представляется мнение Самого Николая II о своем бывшем главном помощнике. В письме матери 2 ноября 1906 года (15 ноября по н.ст.) Он пишет: *«Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку (Витте) самого маленького дела, после того, как с таким трудом мне и Столыпину удалось ослабить ... жидовскую клику».* («Красный архив», 1932 г., т.1-2, с.174).

XII. Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730-1917. (М. 1993 г.)

а) «По сведениям охранки, придворный ясновидец Филипп, эмиссар Папюса, учредил в 1900 г. в Петербурге у С.И. Мусина-Пушкина ложу мартинистов, в которую, якобы, были посвящены многие видные русские и иностранные деятели», (с. 167, ссылка: ЦГАОР СССР. ф.102. 00. 1905. Д. 12. 4.2, Л.96); Конечно, эта та самая ложа, о которой говорится и у Л.Д. Кандаурова.

б) 11 февраля 1906 года председателю Совета Министров Витте была препровождена копия всеподданейшей записки Петра Николаевича Дурново, министра внутренних дел под названием «По поводу возрождения в России общества масонов». Текст, пишет автор, им не обнаружен в архиве, но сохранилась резолюция Николая II — «Продолжать выяснение». Соловьев считает, что это может означать отсутствие в ней веских данных. С этим вряд ли можно согласиться: если бы записка была по содержанию не основательна, то и выяснять было бы нечего. И такой основательный человек как министр внутренних дел П.И. Дурново и на такой должности пустых бумажек Царю не стал бы писать. И еще. Само отсутствие записки в делах Департамента полиции означает только то, что эту записку оттуда изъяли — или Керенский,

который сразу же вслед за февральским переворотом бросился в архив этого департамента и изъял оттуда все, что считал нужным, или же записка была изъята уже в советское время. (У Соловьева ссылка: — ЦГАОР СССР. ДП. 00.1905. Д.12. 4.2. Л.156, Л.165).

в) С.П. Белецкий, директор Департамента полиции 29 марта 1912 года сообщал в записке министру внутренних дел Н.А. Маклакову, что в свое время Столыпин после личных переговоров с Великим князем Николаем Михайловичем о распространении масонства в России решил дать этому вопросу «возможно яркое освещение, тем более, что *масонством вообще и пропагандой его в России, в частности, изволил лично интересоваться Его Императорское Величество,* не раз делясь с Великим князем Николаем Михайловичем тревожными опасениями. Оповещенный о сем бывший товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Курлов поручил чиновнику Департамента полиции коллежскому асессору Алексееву специально ознакомиться с масонским вопросом в целях уяснения способов воздействия и борьбы с масонством».

Поскольку в России все сведения о масонстве носили отрывочный характер, то пользуясь указаниями Великого князя, решено было искать корни этого явления во Франции, куда и был отряжен чиновник Алексеев (с. 210).

Во-первых, обращает на себя внимание один существенный момент: Государь интересовался вопросом о масонстве и выражал даже некие опасения. *Что* это были за опасения — сказать невозможно, потому что главным его экспертом по этой теме был человек, занимавший в масонской иерархии одно из наиболее высоких мест — еврей и великий князь Николай Михайлович, член масонского Ареопага (во Франции). Он же — этот великий князь, еврей дает указания полиции искать корни явления в Париже. Совет верный. Но там ничего не было найдено и потому Берберова и выразила мысль — а не был ли этот Алексеев сам масоном. Учитывая участие в этом деле члена масонского Ареопага, еврея, Великого князя, который был в Париже, как у себя дома, и был членом как раз французских лож, такое предположение не кажется фантастичным, но обоснованным и логичным.

Странно другое: почему авторы работ по этой теме не обращают внимания на то, что инициаторами здесь выступили масон, великий князь и еврей Николай Михайлович, Департамент полиции и Николай II. Никто из них не страдал в этом вопросе детской наивностью, предполагая, что какой-то коллежский асессор сможет проникнуть в тайны Великого Востока Франции. Вероятно, подлинный смысл акции заключался в чем-то другом.

г) Тесные отношения с Францией союзнического характера способствовали росту реваншистских настроений внутри самой Франции, которая мечтала о победоносной войне с Германией, но без России не могла и мечтать о победе. Бряцание оружием французских политиков и военных вызвало соответствующую реакцию Германии. Так завязалась гонка вооружений, которую никакими благими мирными пожеланиями остановить уже было невозможно, (см. Ламздорф В.Н. Дневник 1894-1896. М. 1991 г.. с.274).

Союз с республиканской Францией означал союз не только внешнеполитический, но и внутриполитический. Франция ведь была очагом международного революционного терроризма и социалистической пропаганды, которая поддерживалась на правительственном, государственном уровне. Это вовсе не было секретом. В 1908 году масонские французские ложи и правительство Франции самым активным образом содействовали революции младотурецкой в Турции, свергнувшей султана Абдул-Хамида, и русская печать устами старейшего русского масона М. Ковалевского оповестила о сем факте своего читателя: «Поражает прежде всего сознательное отношение солидарно действующего меньшинства к ближайшей из преследуемых целей и образцовая организация как внутренних кадров, так и системы внешних сношений с отдаленными союзниками, в рядах которых *масонские ложи идут дружно с правительствами Франции, Англии и Италии».* (Ковалевский М.М. К оценке недавних событий в Турции. — Вестник Европы. 1909. № 1., с.849).

д) Россия, вследствие той финансовой системы, которую создал Витте, целиком зависела от внешних займов: буквально каждый рубль должен был иметь полноценное золотое обеспечение известной величины. И потому каждая эмиссия денежных знаков должна была сопровождаться соответствующим увеличением золотого государственного запаса. Надо сказать, что подобного положения вещей не было ни в одной Европейской стране. В результате Россия должны была регулярно брать в кредит соответствующее количество золота в других странах, а затем выплачивать баснословную сумму по процентам. Кредит же находился в западно-европейских странах в руках еврейских банкирских домов. И это делало Россию зависимой от масонов — политиков этих стран, и от еврейских финансовых кругов. При таком положении вещей вести последовательную борьбу с масонством было просто невозможно. И на этот момент обоснованно указывает историк О.Ф.Соловьев. (с.162)

При каждых переговорах о займе русских представителей министерства финансов с политиками, депутатами парламента и членами правительства, как и с банкирами, приходилось иметь дело в сущности с Великим Востоком Франции. Это была та высшая политика, которая оставалась вне поля зрения Департамента полиции. Как пример, можно взять историю одного крупного займа, который удалось получить в январе 1906 года В.Н. Коковцеву во Франции. После трудных переговоров ему удалось получить кредит в 2.250 млн. франков. Для этого ему пришлось вести переговоры с масонами: премьер-министром и министром финансов Рувье, министром иностранных дел

Делькассе. «После переговоров Коковцев просил отметить русскими наградами участников получения кредита Россией. Список открывал масон Бурже, ставший вскоре министром иностранных дел; член совета Великого Востока Франции Поль Думер, председатель палаты депутатов также просил отметить российскими наградами отличия его личный кабинет». (Ананьич Б.В. Россия и международный капитал 1897-1914. М.1970, с.174-177). И совершенно правильным представляется заключение Соловьева по этому поводу: «Очевидно, такое ходатайство было принято, хотя Царь не мог не знать о масонской принадлежности французов ... Представляется, что Николай II и его ближайшее окружение были информированы из первых рук о подлинной сущности масонства и его проявлениях в России, что и побуждало их не придавать особого значения поискам охранки.» (с. 178)

В России привилось именно французское масонство еще с прошлого века и связи наших верхов, включая придворную среду и окружение монархов с западно-европейским масонством, как можно предполагать, были давними.

Понятно, что докладывая подробно Царю о ходе переговоров по займам, ведущие эти переговоры русские чиновники не могли не сообщить подробно Ему всей ситуации. Кроме того, ясно, что ведущие переговоры, в том числе В.Н. Коковцев, не могли не быть сами членами масонской ложи. Вступая в самые тесные отношения с Великим Востоком Франции, Коковцов был им несомненно: он был членом масонского общества «Маяк». Именно он один получил от Временного правительства повышенную пенсию, в то время, как другие царские министры были арестованы.

XIII. Спиридович А.И. Великая Война и Февральская революция. (Нью-Йорк. 1962 г., кн. 3)

а) Относительно настроения Александры Федоровны в роковые дни февраля 1917 года, показывающие характер Ее мировоззрения и уровень Ее понимания внутреннего положения страны (см. выше о том же свидетельство Жильяра).

26 февраля Н.Ф. Бурдуков, журналист, добился приема у императрицы. Он изобразил положение в столице, как катастрофическое: Царица ответила:

«Я верю в русский народ. Верю в его здравый смысл. В его любовь и преданность Государю. Все пройдет и будет хорошо.»

Однако к вечеру оптимизм Ее был поколеблен. И в полночь Она послала первую тревожную телеграмму Государю, которую оканчивала словами: «Очень беспокоюсь в отношении города». (с.12)

Эти слова были сказаны человеком, который вот уже как полтора года взял на себя обязанность руководить страной и правительством в отсутствие Государя, принимая министров и генералов, давая им указания и предписания и Самому своему супругу в письмах: того сними, того назначь — так хочет «наш Друг», то есть Распутин, а тем-то, что заседают в Синоде и позволили себе что-то там сказать против «нашего Друга» — так им покажи дубину, чтобы знали, кто их повелитель и глава Церкви. Это не забудь, а то запиши, тебе пригодится ... и так сотнями писем и годами. По правде говоря, от одного этого, вероятно, Государь уставал больше, чем от своих обязанностей Верховного Главнокомандующего. И, вероятно, от этой атмосферы вражды, что создавала Его супруга, Он и стремился так часто на фронт.

В эти решающие февральские дни Царица проводила все свое время с больными детьми, напрочь забыв о своем долге, о своих, взятых Ею самой обязанностях управлять страной в отсутствие Государя. В обычные дни Она принимает министров, дает распоряжения, указания и всем своим тоном подчеркивает, что Она — хозяйка всей страны, что все здесь принадлежит Ее супругу и Ей. Но в эти роковые дни Она отсутствует, пассивно наблюдая за происходящим. Никакого волнения за судьбу России, никакого сознания своей ответственности за судьбы миллионов людей, никакого понимания своего положения, как Царицы, супруги помазанника Божия, кому вручены дары духовные для защиты России от врагов ее мы не видим. В ее представлении народ и вся Россия обязаны Ей и Ее супругу всем, Она же и Ее супруг ему, народу — ничем. Никакого долга, никаких обязанностей у царской четы бороться за отечество нет. Вся Ее чуждость России, узкий эгоизм, безразличие к судьбе великой страны сказались в эти дни с самой очевидной наглядностью. Как и неспособность управлять страной. Она с большой охотой занималась интригами против иерархов Церкви, против всех, кто по Ее мнению был против посланца самого неба — Распутина. Она воевала с десятками людей, втравливая в эту, создаваемую Ею же атмосферу вражды и интриганства своего несчастного супруга, но когда нужно было что-то сделать реально полезного, попытаться взять в руки власть и использовать ее для подавления бунта, Она спряталась и молча лишь наблюдала за происходящим. А надо заметить, что в окрестностях Петрограда, в самом даже Царском Селе и в самой столице было много офицеров и учащихся военных заведений, команды выздоравливающих и прочие, которых надо было организовать и бросить на подавление мятежа и бунта. Конечно, более неудачной супруги Николай II не мог найти. В этом мнении сходны между собой почти все мемуаристы независимо от личных политических убеждений: от левых до правых.

В эти дни Александра Федоровна сначала «верила в русский народ» и в его здравый смысл, убежденная, что более проницательного человека, чем Она не существует на свете, и обмануться она никак не может. Через несколько дней Она в него уже не верила: этот «мой народ» не оправдал ее надежд. В эти дни с особой очевидность стала видна роковая роль ее веры в Распутина, благодаря которому она уверовала в Протопопова и убедила супруга назначить того

министром внутренних дел. Более рокового назначения трудно себе представить. В некотором смысле, Протопопов хорошо вписался в ожидаемый от него политический курс царской четы: ничего не предпринимать против готовящегося переворота и уличного бунта. Если народ нам верен, своим монархам, то ничего особенного не произойдет, если же не верен, то чего толку суетиться понапрасну. Примерно такой ход мыслей и был угадан Протопоповым. И когда начался бунт и стал разрастаться, то министр внутренних дел просто спрятался, а затем с вещичками явился в новую революционную власть сдаваться добровольно. Роковым для России была ее судьба в лице такой Царицы и такого безвольного Ее супруга, интеллигента и гуманиста и на беду еще и фаталиста. (см. в тексте выше мнение Тихомирова)

б) О взглядах Самого Николая II на будущее страны, на то, каким Он сам видит это будущее, и что Он намеревается сделать после победоносной войны, в благополучный исход которой для России Он непоколебимо верил, Спиридович пишет следующее.

На слова своего врача Кострицкого о необходимости даровать ответственное министерство. Царь отвечал так:

«Сейчас это неблагоприятно отразится на фронте. А вот *через три, четыре месяца, когда мы победим, когда окончится война,* тогда это будет возможно. Тогда народ примет реформу с благодарностью ... Сейчас же все должно делаться только для фронта». (с.24)

«Вот закончим войну, там примемся и за реформы», — говорил Он другому лицу.» (с.24)

«Государь верил в здравый смысл и патриотизм Государственной Думы. Он не допускал мысли, что Государственная Дума может пойти на какой-либо государственной переворот во время войны. Он верил в верность Англии, ее начальников и эта вера еще более успокаивала Его и относительно невозможности переворота». (с.24)

«Государь беспредельно верил в проницательность, во всезнание и энергию Протопопова. Он верил, что когда нужно будет, Протопопов примет все предупреждающие меры и Он не допускал возможности государственного переворота. И государь был спокоен в главном». (с.25)

Государь верил в то, во что хотел верить, и не желал видеть реальность, от которой не ждал ничего хорошего, которую надо было менять. Государь, как мы видели по реакции Его на обращения к нему правых деятелей, не верил, в то же время, многочисленным сообщениям о готовящемся перевороте, которые поступали даже от самих заговорщиков, боявшихся уличного бунта и анархии толпы. И возникает вопрос, на чем же была основана вера в Масонскую Думу, руководимую врагами государственного строя России и это после предупреждений о том, что начало сессии 14 февраля станет началом уличных беспорядков и предпосылкой государственного переворота. При этом к нему на стол регулярно поступали и сообщения Департамента полиции о настроениях населения Петрограда. Он сам читал записку из кружка сенатора А.А. Римского-Корсакова, ... и все равно верил в патриотизм Думы!

О готовящемся перевороте Ему докладывал 3 января (1917 г.) министр иностранных дел Покровский, 5-го января премьер-министр князь Голицын, 4-го января Великий князь Павел Александрович, 7 января — председатель Государственной Думы Родзянко, 10 января — Московский предводитель дворянства Самарин, которого специально просили приехать в Петроград, чтобы подкрепить доклад Родзянко и вызвать Царя хотя бы на какие-либо действия, предупреждая, что опасность нависла над всей династией и над судьбой России. 19 января — Иркутский генерал губернатор предупредил Царя о готовящемся перевороте и также просил принять какое-то решение. Царь ответил, что весной начнется победоносное наступление и все устроится. Брат Царя, Великий князь Михаил Александрович неоднократно беседовал о надвигающейся опасности и просил, не дожидаясь уличных беспорядков, дать ответственное министерство, как того требовало левое большинство Думы. В конце января князь Голицын, премьер-министр, просил сменить Протопопова, но Царь отказался и это сделать.

Н.А. Маклаков после убийства Распутина 16 декабря 1916 года написал Государю письмо, в котором просил Государя не уступать «общественности», — иначе произойдет анархия. Письмо произвело впечатление и заговорили о назначении Н.А. Маклакова, по убеждениям правого, бывшего министра внутренних дел, уволенного Царем как раз за его правые убеждения летом 1915 года, вновь в правительство. Но этого не произошло. Маклаков настоятельно рекомендовал Царю разогнать Думу. Царь, однако, крепко по каким-то причинам держался за Думу, пишет далее Спиридович, даже после провокационных речей в ноябре 1916 года Милюкова и других кадет и прогрессистов против правительства.

8 января (1917 г.) Н.А. Маклаков был принят Государем и передал записку, составленную человеком правых убеждений Говорухо-Отроком, которая была как бы дополнением к записке из кружка сенатора А.А. Римского-Корсакова, в который входили и лидеры правых монархических организаций, включая А.И. Дубровина и Н.Е. Маркова, и правые депутаты Гос. Совета и Думы. Впрочем, к слову сказать, еще в августе — сентябре 1915 года даже самые либеральные министры А.В. Кривошеин, Н.Б. Щербатов, С.Д. Сазонов и другие считали необходимым разогнать Думу, которая подрывает авторитет государственной власти и которая ведет страну к революции, (см. Архив русской революции, т. 18. — Тяжелые дни. Секретные заседания Совета Министров 16 июля — 2 сентября 1915 года. Составлено А.Н. Яхонтовым)

Записки правых, составленные как в кружке Римского-Корсакова, так и Говорухо-Отроком, предупреждали Царя о намеченном на ближайшее время государственном перевороте, о котором, впрочем, открыто говорили в обществе. И сигналом к его непосредственному осуществлению, надо сказать, стало странное всепрощенчество, Николая II в отношении к убийцам «друга», т.е. Распутина, (см. об этом выше у Михайловского).

14 января И.Г. Щегловитов предоставил Государю содержательную записку «Русских православных кругов города Киева», представлявшую целую программу действий по борьбе с левой угрозой. Как об очевидном говорилось о скором выступлении революционной толпы и заговорщиков и попытке переворота. Ее содержание сделалось широко известным и наделало много шума. Записка понравилась Царю и Он наложил резолюцию «достойно внимания». Государь передал записку в Совет Министров для обсуждения. Понятно, ничего не было сделано. В эти два последних месяца Царь получал многочисленные записки, письма, обращения и просьбы и все они были вызваны уверенностью в скором осуществлении штурма власти. Печать, собственно говоря, уже и не скрывала, кажется, своего ликования в виду близкой кончины Самодержавия. Общество устало от демонстрации бессилия власти и готово было согласиться на любую, лишь бы это была власть, а не размазня, которая то ли есть, то ли нет. Общество было раздражено безвластием. Пассивность Царя провоцировала бунт и переход на сторону заговорщиков многих видных чиновников. Никто не был заинтересован в анархии, бунте и погромах. И кадеты тоже. И надо было что-то решать. Как-то бунт предупреждать. Царь же молчал.

10 февраля Родзянко предупредил Царя, после резкого разговора, что это его последний доклад Государю ввиду близкой революции. Царь остался глух и встает вопрос — почему? И снова приходится предполагать наличие каких-то масонских внушений, но идущих на более высоком уровне, чем российское масонство. Возможно, он получил какие-то личные гарантии.

XIV. Толстой И. И. Дневник 1906-1916. (Спб. 1997)

Государь Николай II часто менял свое мнение о прошедших событиях, признавая ошибочность тех или иных своих решений. Так было и относительно мирного договора с Японией. В 1908 году Государь считал, что «он, Витте, его обманул. Государь считает и Портсмутский договор ошибкой, так как, по Его мнению, мы, в сущности, уже победили японцев, и только мир помешал доказать эту победу ясно». — (с. 182; запись от 17 марта 1908.

Государь, признавая ошибочность тех или иных своих решений, имел вместе с тем обыкновение говорить, что у Него это решение было вырвано тем-то и что Его обманули. Так было, например, с манифестом 17 октября 1905 года. Но надо признать, что оснований для такого мнения у Царя было немного: целый ряд предшествовавших указов и прочих государственных актов возвещал все те свободы и гарантии, которые затем нашли себе место в этом манифесте. Кроме того, все «свободы» и учреждение законодательной палаты поддерживались Государем и после отставки Витте и Николай II и Сам был убежден до самого момента своего ареста и ссылки в Тобольск в благодетельности всех этих демократических принципов, провозглашенных манифестом 17 октября 1905 года. Впрочем, возможно, что Государь осознавал в глубине души, что Он постоянно уступает либеральной общественности и что эти уступки оппозиционные силы использовали исключительно в своих интересах, но продолжал политику уступок, во всем виня окружающих. Это признание Государь сделал Воейкову 2 марта 1917 года. (см. Воейков. Воспоминания, с. 160) Именно в этой привычке слабых людей искать виновников своих ошибок среди своего окружения и надо искать отгадку слов Государя — «вокруг трусость, обман и измена». Царь Сам выбрал курс на либерально-демократические преобразования в стране и поверил в силу «общественности».

1998г.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Мученики долга

(выборочные портреты)

Мученики долга, монархисты, яркие представители многомиллионного русского народа, его дум и чаяний, преданные Верховной, Императорской властью, травимые либеральной еврейско-кадетской общественностью. Те, кого стараются не вспоминать и в наше время.

Марков Николай Евгеньевич (1866-1945). *Сын известного писателя, очеркиста. Курский землевладелец, один из первых, создавших вместе с графом Доррером в Курске монархическую организацию и издававший газету «Курская быль». Видный политический и общественный деятель, депутат II и ГУ Гос. Думы. Один из самых известных думских ораторов. Непреклонный монархист. Возглавлял одну из двух ветвей Союза Русского Народа. В эмиграции принимал активное участие в монархическом движении. Автор книги "Войны темных сил ". Ему принадлежат слова, зафиксированные наружным наблюдением тайной полиции в Берлине: "Лучше сто лет власти большевиков, чем вел. князь Кирилл Владимирович на русском престоле". Принимал активное участие в издании журнала "Двуглавый Орел", выходившем в 20-е годы сначала в Берлине, затем в Париже. Умер в Париже в 1945 г.*

Дубровин Александр Иванович (1855-1921). *Родом из Пензы. Выходец из бедной дворянской семьи. Врач. Окончил Военно-медицинскую Академию. Служил военным врачом, затем работал детским врачом в Сиротском Даме Ведомства Императрицы Марии Федоровны. Входил в попечительский Совет. Член Монархического Русского Собрания (в Петербурге). Создатель и бессменный председатель Союза Русского Народа, издатель газеты "Русское Знамя", публицист. Все свои личные средства отдал своему Союзу. Был арестован в первый день февральского переворота. Содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Позднейшие сведения о нем противоречивы. По одним данным, он был расстрелян в 1918 г., по другим — в 1920-м, по третьим — в 1921-м. Надо подчеркнуть, что обвинения д-ра Дубровина в приписываемой ему организации убийств Герценштейна и Иоллоса не подтвердились, и следственная комиссия не обнаружила ни одного намека на его участие в каком-либо противоправном действии, о чем имеется и справка в его следственном деле. Женат, имел двух сыновей: оба инженеры. Один служил т железной дороге, другой — в Морском ведомстве.*

Булацель Павел Федорович (? — 1918). *Семья Булацелей — выходцы из Молдавии. Еще в XVI веке приняли русское подданство. Многие представители этого рода прославились на службе у Русских Царей. Присяжный поверенный. Пламенный публицист. Отличался резкостью и непримиримостью взглядов. Ярый оппонент П.А. Столыпина, он обвинял его и весь правительственный курс Премьера в потворстве левым, разрушительным силам (см. "Борьба за Правду, 1908, тт. 1-2). Соратник А.И. Дубровина по Союзу Русского Народа. В течение нескольких лет был редактором "Русского Знамени". Как адвокат защищал по всей России неимущих черносотенцев, т.е. русских людей, принявших участие в подавлении еврейско-революционного бунта в 1905-1906 гг., а затем судимых за «Незаконные действия» в последующие годы. Расстрелян в 1919 г.*

Замысловский Г.Г. (1872-1920). *Юрист, видный член фракции правых в III и IV Гос. Думе. Прославился своим участием в деле Бейлиса (1911-1913 г.), где выступил вместе с А.С. Шмаковым, поддерживая обвинения Менделя Бейлиса в убийстве им в ритуальных целях мальчика Андрюши Ющинского, чье тело было найдено в марте 1911 г. и имело множественные уколы, нанесенные точно в сосуды. Медицинская экспертиза установила факт обескровливания несчастного мальчика, отчего и наступила его смерть. Автор документальной книги "Убийство Андрюши Ющинского" (Петр.. 1917г.). Книга изъята из ГРБ (бывшей "ленинки"). Первая фраза в книге: "Дело по обвинению иудея Менделя Бейлиса в убийстве из побуждений религиозного изуверства, для обрядовых целей, 13-летнего православного мальчика Андрюши Ющинского..."*

Все следствие сопровождалось подкупами, запугиваниями свидетелей со стороны прогрессивной еврейско-кадетской общественности. Во всем мире были организованы "протесты " с требованием вообще прекратить следствие. Давление на судебно-следственную часть было беспрецедентным в анналах истории. Практически все свидетели убийства, включая двух детей, бывших с А. Ющинским в тот день, были умервщлены. Их мать, Вера Чеберякова, была вовлечена еврейским адвокатом в сговор, от которого затем публично отреклась и с приходом большевиков была расстреляна. В таких условиях Г.Г. Замысловский и А.С. Шмаков вели это дело. На судебном процессе осенью 1913 г. в Киеве из 12 присяжных заседателей голоса в пользу и против обвинения в ритуальном характере убийства разошлись поровну, шесть на шесть. ...Был признан факт умышленного прижизненного обескровливания тела мальчика.

В марте 1917г. Г.Г. Замысловскому удалось избежать ареста. Умер от тифа в 1920 г. во Владикавказе.

Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич (1868 — после лета 1917).

Владелец музыкального магазина в г. Астрахани. Видный деятель монархического движения, создатель и бессменный руководитель Астраханской народной монархической партии. Издатель газеты "Русская правда" (Астрахань). По справке Департамента полиции о председателе Астраханской народной монархической партии от 19 июля 1916 г., Н.Н. Тиханович-Савицкий — «...ярый патриот-монархист и решительный противник всяких революционных посягательств. В дело партии ушел весь, в ущерб своим торговым делам. Никаких корыстных целей не преследует» (См. Вопросы Истории. 1996, №7. "Переписка правых", с. 126). Автор многих посланий Царю. В конце декабря 1916 г. был принят Императрицей. В марте 1917 г. был арестован, но в июле освобожден и уехал на Северный Кавказ. Далее следы его теряются.

Полубояринова Елена Адриановна (1864 — ?). *Вдова полковника, издатель, владелица типографии. Ближайшая соратница А.И.Дубровина по Союзу Русского Народа и "Русскому Знамени". В отсутствии А.И.Дубровина, часто болевшего в последние годы, заменяла его по делам газеты и Союза. Все свои личные средства отдавала организации и газете. В марте 1917 г. была арестована, летом отпущена за отсутствием какого-либо законного обвинения. Далее следы ее теряются.*

Прот. Иоанн Восторгов. *Миссионер, издатель, видный общественный и политический деятель. Многие годы возглавлял монархические организации в Москве — Союз Русского Народа, Русскую Монархическую партию, и другие. Автор многих трудов, изданных при его жизни в 5-ти томах. Организатор и руководитель издательства "Верность ", книги которого в 20-е годы большевики уничтожали по всей России. Человек, близкий архиепископу Антонию Храповицкаму, Никону Рождественскому, праведному Иоанну Кронштадтскому. В 1915 г. был выбран по Епархии в члены Гос. Совета, однако св. Синод из-за его правых взглядов кандидатуру протоиерея не утвердил. Расстрелян в сентябре 1918 года вместе* с *министрами царского правительства в Петровском парке в Москве.*

Протоиерей Т.И. Буткевич, *член Государственного Совета, доктор богословия, действительный член Совета Харьковского Союза Русского Народа.*

Андрей Сергеевич Вязигин, *профессор, редактор-издатель ж-ла «Мирный труд», основатель и член Совета Харьковского Союза Русского Народа, пред. Харьковского Русского собрания, член правой фракции III Государственной думы.*

Род. в 1867 г. Расстрелян в 1919 г.

Часть третья
ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ РОМАНТИЗМА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ РОМАНТИЗМА 1
ИЛЛЮЗИИ И МЕЧТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 10
ЛИТЕРАТУРА И ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ 17
«КУЛЬТУРА» КАК ОРУДИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗРУШЕНИЯ 20
ПОСЛЕСЛОВИЕ 42
СЛОВО КРИТИКУ И КОММЕНТАРИЙ АВТОРА. 42
Н. ВУЛИЧ 42
БОЧКА МЕДУ И ЛОЖКА ДЕКТЯ 42
ЛИТЕРАТУРА И ПИСАТЕЛЬ 43
КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ 45
КОММЕНТАРИЙ АВТОРА 46
I. ЦЕНА КРИТИКИ И ЛЮБВИ 46
II. СОТВОРЕНИЕ КУМИРА 50

Мы переживаем время, когда век просветительский еще не кончился, а век познания еще не наступил. Утилитаризм господствует во всем, и слова народника Михайловского о том, что «человек шире истины», имеют основание быть применимы и к нашей действительности. Пытаемся разобраться во лжи, не выходя за пределы этой лжи. Как коза, привязанная веревкой к колышку, ходит вокруг него, так и мы ходим в круге идей материализма, отрицая или «очищая» марксизм. Когда пафос «пользы» заменяет бескорыстное служение истине, тогда сознание суживается, становится независимо от сознательно провозглашаемых целей.

Отношения государства и церкви — вот центральный путь всей русской истории и культуры. От того, как эти отношения преломлялись в сердцах людей, зависело и их участие в делах политических, культурного строительства и хозяйственного делания. Ведь и сегодня мы переживаем кризис именно теократической идеи создания на земле Священного царства справедливости и порядка, но только без Бога, усилиями одного своего разума и по своей воле. И этот кризис есть кризис сознания, кризис обнаруженной неправды в самой идее построить Вавилонскую башню до самого неба и свести небо на землю. Кризис же религиозный, как известно, может быть преодолен лишь религиозными же средствами. Горькие испытания, выпавшие на нашу долю, есть лишь лекарство, чтобы образумить безумцев и привести их в состояние трезвости духовной, вернуть их из мира фантазии в мир реальный, перед величием которого нужно отречься от своего кичливого ума. Но, судя по всему, на пути к смирению нас ждут еще тяжелые испытания. Когда волна мечтательного романтизма, горделивого желания «стать самим как боги», наконец, схлынет, она оставит на дне ил самых подлых, корыстных расчетов, карьеристского цинизма, трусости и страха за свою шкуру, то есть, всего того, что на самом деле питает революционный романтизм и в помощь чему придается вся фантастическая мощь искусства, в том числе и литературы. *Романтизм же революционен по самой своей сути.*

Сегодня много говорят о тоталитарном режиме, но всегда следует иметь в виду, что тоталитарный режим — это лишь свойство теократии. В связи с этим нельзя не отметить еще одного момента. Теократическое устройство, при котором вся власть принадлежит жрецам и все, что есть в государстве, принадлежит Ордену жрецов — строителей храма новой общности на земле, — намного древней марксизма, и потому последний, собственно говоря, лишь случайно привязан к нему.

В конце концов, об основателе идеи Царства князя мира сего на земле можно прочитать в Новом Завете. Инфернальный аспект такого царства, красочно описанного еще у Платона, мы теперь знаем не по книгам. Но война, которую ведет Орден строителей со своим народом, умерщвляя и разлагая его, возможна только потому, что сознание этого народа, его ум, душа и сердце находятся в состоянии глубокого разложения, внешний человек явно доминирует над внутренним, призраки и фантазии ума и сердца, пораженного гедонизмом, заслоняют реальность подлинного Бытия. Невольно вспоминаются слова Василия Великого: «Воображения и мысленные построения, как стеною, окружают помраченную душу, так что она силы не имеет взирать на истину, но все еще держится зерцала и гадания» (Добротолюбие, т. 5, с.414).

Не каждый ясно представляет себе, что тоталитарный режим, теократия, власть невежественных во всех сферах жрецов, поучающих и управляющих народом, распоряжающихся всем им созданным, может быть осуществляема только за счет идеологии. Идеология — это то, что подменяет религию и служит ее обратным отражением. Весь смысл идеологии заключается в ее призванности оправдать незаконную власть и придать ей видимость законности, оправдать и объяснить категориями необходимости власть меньшинства, пришедшего в результате завоевания, над большинством. Не знающие ни сельского хозяйства, не знающие ни науки, ни истории, они в то же время знают сразу и все, они имеют в руках великую науку. Эти

эклектичные священные знания в масонских ложах так и именовали: Наукой Строителей.

По духу и смыслу принятой официальной идеологии марксизма, основным фактором всей общественной жизни является экономический. Он определяет все направления и специфику культуры, всю идеологию общества. Но именно наша страна, созданная идеологами по своим меркам и представлениям, вся построена на идее, которой подчинен и экономический строй страны. Таким образом, само существование нашей державы является наглядным опровержением основного постулата марксизма и свидетельствует как раз на нашем примере о всесилии идеализма, правда, в самой худшей его форме — субъективного идеализма: попав в голову прожектерам, этот идеализм ломает и корежит страну по проекту «счастливого будущего» и самоценности идеи «социализма» или «демократии», что одно и то же.

Этот момент несоответствия по основному пункту официальной идеологии с практикой и теорией страны — один из тех парадоксов, с которыми не может справиться ум «маленького человека», тех парадоксов, которые порождают у него чувство пассивности и раздражения.

Все эти факты так или иначе формируют сознание и психологию «маленького» человека. Значение «массовой культуры» в таких условиях огромно. Она имеет свои характерные черты, приспособленные к традиционным ценностям народа. Здесь и глава государства, блюститель «общей» пользы, защитник «маленьких людей» от сильных и могущественных чиновников. Здесь и пиетический пафос: хоть бедный, да честный, и стыд перед деньгами — «так все сделаю», «самое главное, чтоб по совести», которые являются скрытыми укорами «капиталистическому корыстолюбию». Этот пафос бескорыстия, этот общий тон моральности, заменяющий экономические законы, этот благочестивый пиетизм очень характерен именно для теократического общества и еще раз самым откровенным образом отрицает самые основы марксизма с его «экономическим базисом».

Среди других специфических черт масс-культуры, в том числе и художественной литературы, — «извращение на местах линии центра» и предполагаемая непогрешимость некоего мистического начала, именуемого «партией», но независимого от эмпирического состава реальной организации партии и от ее деяний. Излюбленной темой для кино и литературы становится борьба «правильного» жреца — какого-нибудь секретаря районного комитета — с неправильными жрецами и в конце концов его победа. Эта победа обусловливается лучом света из Кремля. Иногда это может быть и «рядовой» труженик, маленький человек, но всегда торжество правды связано с достижением того мистического ядра «партии», из которого исходит свет.

Для общего тона жизни жителей Империи характерно и ожидание «обновления» от нового «императора», и предполагаемый «золотой век», и «борьба с бюрократией», от которой все зло и к которой сама «партия» не относится.

Но главным, все-таки, что определяет общее мироощущение каждого подданного, — это ощущение своей зависимости от вышестоящих лиц, чувство своего бессилия что-либо понять и изменить в своей судьбе радикально. В этих условиях основное свойство «массовой культуры» — ее компенсаторность. Такую же роль играет и русская классическая литература. Читатель уходит от скучной регламентированной повседневности в тот мир, где люди живут «красиво», где они живут богато, где балы сменяют один другой, где герои говорят изысканно и где люди живут в тихих и просторных особняках, они влюбляются так возвышенно и красиво. Каждый сам себе хозяин, нет ни парткомов, ни колхозов, ни НКВД. По существу, читатель переносится как бы в тот «золотой век», в котором он и хотел бы жить.

Я, помню, еще в юности смотрел фильм «Евгении Онегин», и после сеанса я услышал, как один генерал говорил другому: «Что скрывать, мы все хотели бы жить вот так».

Если для тоталитарного режима нужна водка, наркотики, спаивание, то также нужна и эта литература, в которой человек исчерпывает себя в своих фантазиях.

Мир иллюзий подменяет собой мир реальный и оказывает наркотическое действие на человека. Чем более гениально произведение, тем более оно поглощает человека, тем оно притягательнее и правдоподобнее. Человек насыщается чужими образами и мыслями, гениальными сравнениями и аллегориями, тонкими извивами чужого ума, но собственный его творческий лик затуманивается, язык упрощается и переходит в зону пассивного, мысль отучается от самостоятельной работы, глаз перестает видеть, и ум ищет Цитаты к подходящему случаю, даже к описанию природы.

Громадная лукавая сила великого фальсификатора создает утопию и утверждает идеологический спекулятивный «материализм», веру в плоть как единственную реальность и ценность.

Много книг, много преклонения перед гуманизмом «великих» и «гениальных», но вражда человека к человеку растет. Гуманизм всегда оборачивается любовью только к себе. Космофилия всегда ведет к враждебности, уподобляет человека демону, делает человека «сыном ночи» (I Фес.5.5). Под воздействием искусства, особенно кино и литературы, из мирскости и плотскости возникает своеобразное опьянение миром. Жизнь превращается в сладостный сон, полный ночных обманов и прельщении. Опьяненный таким образом человек не видит опасности, стоящей перед ним. Космофилия и стала той ловушкой, в которую попал наш народ, отрекшийся от

реального бытия, от мира не выдуманного, но мира Божьего.

В фантастическом мире человек замещает самого Бога, сам становится Богом, ибо свободно творит в грезах свой мир. В этом представлении себя равным Богу — источник всех человеческих грехов и падений.

Не сегодня было замечено, что главный стержень литературы, как и вообще искусства, есть требование эстетики. Литература эстетизирует человеческое страдание и тем самым снимает напряженность морального чувства, требующего от человека реального дела. Этика изживается в эстетике. Вся реальность видится писателем, одержимым своим делом, в словах, которые в своем сложении отвечали бы принципу красоты мысли и яркости образа. Дело превращается в переживание образов.

То, что в реальной действительности мыслится возможным, но практически неосуществимым, в литературе становится должным. Здесь можно сказать правду начальству, уехать в деревню, победить косную и развращенную бюрократию и в конце концов получить заслуженную награду. Так читатель компенсирует свое несовершенство, свою забитость и ничтожество, отождествляя себя с героем романа или повести. Это иллюзорное оправдание «маленького человека».

Характерно, насколько настроению «маленького человека» отвечает иллюзорная возможность героя добиться высокого положения в бюрократическом аппарате путем борьбы за правду, побеждая злодеев. Таким образом, выстраивается несколько рядов различных литератур от классической литературы прошлого века до сегодняшней. Литература прошлого погружает человека в «золотой век», тонкую эротику, чувственность, дает ему ощущение независимости и уверенности в себе, она обладает тонкой эстетической прелестью. Современная же литература построена по типу лубочных сказок и дает возможность изжить .чувство реального раздражения несправедливостью, господствующей в обществе, вселяет иллюзию господства правды и в конечном счете оправдывает двойственность положения маленького человека Империи Ордена строителей. Но вся эта литература служит к утверждению человека внешнего, развивает в нем силы падшей природы и делает его податливым к реальным неправдам, привязывает его к интересам временным, заставляет его служить режиму. Интересы горние, заставляющие человека во имя любви Божией любить ближнего и положить свою душу за други своя, ему неизвестны. Человек выпадает не только из центра всего тварного Бытия, но выпадает и из самой истории. Отсюда такой страстный порыв у творцов теократической социальной утопии остановить время, стереть все, что напоминает историю, а, следовательно, и саму культуру, которая вне непрерывности традиции не существует.

Хорошо известно, что в обществах религиозных значение художественной литературы крайне незначительно, а возрастание интереса к ней знаменует собой падение религиозности. Так было и в нашем обществе. Но этот феномен был глубоко понятен многим писателям. Об этом писал много правильного и сам Л. Толстой, когда вдохновенные порывы писательства сменялись взором внутрь себя. Такие же муки, как мы знаем, переживал и Гоголь, неоднократно отрекавшийся от написанного им. Я имею в виду следующее. Религиозная литература дает нам образцы поведения (как, скажем, житийная) и говорит нам, какими мы должны быть на весах пользы, что весит больше и что меньше, — исключительно в видах спасения души.

Весь же утилитаризм этики, которым пронизана литература, насквозь оценочный, моралистичный и узко догматичный. Нигилисты и их идеологи, такие, как Чернышевский, Зайцев и другие, не спорили — они обвиняли и травили. Но удивительное дело, этот «утилитаризм» ничего общего не имел с усидчивым общеполезным трудом, с реальными повседневными заботами. Даже артели, куда сходились мужчины и женщины, где рождались дети, неизвестно от какого отца, и то были не столько трудовыми коллективами, сколько демонстрацией «раскованной плоти» — новой религии со старыми корнями. Этот утилитаризм был лишь одной из вульгарных форм того же романтизма, где на первый план был выдвинут социально-административный идеал. Эта бесконечная оценочная работа утилитаризма в конечном счете была проводима в «интересах человечества», но не всего, а только прогрессивного, которое останется жить после истребления отсталой части населения. На первый план вскоре вышло не счастье человечества, а интересы Революции.

Циркуль, которым измерялись «интересы Революции», и кровавый серп — знак того, что можно приступать к кровавой жатве, и молоток — символ послушания начальству, — вошли по праву в символику нашей страны. Каждый шаг человека измерялся в этом обществе, организованном по плану «красоты»; при необходимости этот нежный колосок срезался. И весь народ должен был послушно следовать удару молоточка и безропотно слушать повеления его владельца. Владельцем почему-то оказался по преимуществу еврей.

И спросим теперь, когда нам так хочется освободиться от смертоносного дыхания теократической идеологии, какова роль искусства в системе идеологии и особенно художественной литературы. Немногие из нас осознают, что психология большинства из нас есть прямая поддержка всему строю той каторжной тюрьмы, которой стала наша страна. Комплекс «большевистской совдепии», а теперь еврейской «демократии», поразил все мироощущение народного сознания. Чтобы осознать степень своей пораженности разлагающим влиянием идеологии, нужно уже исповедовать другие ценности, уже реально стоять на другой земле и видеть воочию другое небо. Сколько бы мы ни обвиняли режим, сколько бы мы ни узнавали нового о преступных его

деяниях, режим не сменится.

В нашей жизни искусства вообще, а искусство слова тем более, занимают столь громадное место, что даже ставить вопрос о месте художественной литературы в системе идеологии кажется несколько необычным. Между тем ясно, что это место существует, и оно очень видное. В то время, как церковь претерпевала в своем историческом и эмпирическом составе глубокие потрясения, когда вся религиозная литература сжигалась и даже Библии до недавнего времени не пропускались через таможню для ввоза в страну, когда вся историческая литература уничтожалась по специальному приказу из Кремля по всей территории страны, классическая русская литература стала предметом «заботы партии и правительства» и была введена для обязательного изучения в школах. Барельефы Пушкина и Толстого, Чехова, Гоголя, Лермонтова и Некрасова до сих пор украшают фасады наших школ наряду с циркулями, угольниками и изображением открытой книги — Торы — и молоточком. Царствует религия «чисто человеческого» начала.

Еще первые теоретики романтизма утверждали, что искусство выше реальности, а художник — это пророк и демиург. Весь мир, созданный воображением писателя, — мир поэтический. И далее провозглашалось: «...какая нужда стихотворцам до истины! Они хотят веселить наше воображение приятными мечтами, нас забавлять, привлекать и трогать! И если стихотворец успел прикрыть противоречие, дал вымыслу наружность справедливого искусством... то он в совершенстве исполнил предписанное законами его искусства; и если во многом погрешил он противу здравой логики, то без сомнения не сделал ни одной ошибки как стихотворец». (В. А. Жуковский, «О нравственной пользе поэзии». «Вестник Европы», 1809, № 3, с. 161.)

Этот принцип правдоподобия сохранит свое значение для всех этапов литературы. Термины литературоведов всегда условны, и «реализм» лишь прикрывает своими средствами, точностью бытописания и психологизма, все тот же выдуманный мир: подобие выдается за правду, литература подменяет жизнь. Очень опасная иллюзия: сама жизнь, ее дела и трагедии, слезы и падения — становится литературой. Провозглашается и другой принцип: литература выше нравственности, она должна действовать «на одни эстетические силы души». Высшим званием становится звание поэта. Романист — это поэт, мыслитель — поэт, повести и романы — это поэмы. Вспомним, что и «Мертвые души» Гоголь назвал поэмой, а «Евгений Онегин» — это «роман в стихах». Поэт, писатель — это Демиург алхимиков и масонов. Великий Мастер и Архитектор своего выдуманного мира.

Погружение в мечтательный мир литературы неизбежно вызывает у своих почитателей уныние и неприятие действительности. И вовсе не потому, что действительность плоха и что-то в ней не устраивает. Действительность плоха именно потому, что она реальна, громадна и обладает принудительностью воздействия на человека, требует смиренного и уважительного к себе отношения, смирения в познании и терпения в труде, признания себя лишь песчинкой в громадном Мире, которой будет дано лишь то, что она заслужила своим трудом и молитвой.

Не случайно то, что именно в тех кругах, где литературные интересы становятся преобладающими, возникает такое удручающее расхождение между словом и делом, возникает двоедушие и двоеверие, духовная ущербность, некрасивые дела прикрываются фонтаном красивых слов о правде и любви. Именно через приобщение к миру атеистическому (не на словах, а на деле), миру плотскому, культуре внешнего человека, страстного и фантазирующего, через раздвоение между делом и словом и появляется «новая порода» — интеллигент. Достаточно человеку путем сурового самоотречения войти в мир духовный, мир богооткровенной религии, как он становится «слишком прямым», «слишком фанатичным», «жестоким», «прямолинейным» и «узколобым», хотя и образованным, но «не так».

Гуманная культура, воспитываемая литературой, и привела к невероятно поверхностному взгляду на духовные истины, а вернее, просто к их игнорированию. Если спросить, какие идеалы проповедует наша литература, то легко обнаружить, что ни один человек не назовет нам ничего конкретного и ясного. И все-таки идеалы в литературе есть, они заложены в самой ткани произведений. Литература наша русская многообразна и по тематике, и по стилю, и по сюжетам, и по охвату сторон русской души и общественной жизни. Но что-то общее в ней есть. Перво-наперво, что останавливает взгляд и обращает внимание, так это то, что в ней отсутствует реальность Церкви и религии. Уже отмечалось в нашей критике, что, скажем, в «Евгении Онегине» лишь однажды упомянута церковь, вскользь. А ведь в те времена жизнь каждого человека, даже самого отпетого вольтерьянца, была тесно связана с религией. Церковные праздники, крестины, отпевание усопших, венчание и дважды в день колокольный звон по всему пространству России. Новая мирская культура, и в первую очередь литература, рождалась именно как антитеза церковной жизни.

Удивительно, но из нашей литературы мы ничего не узнаем и о строителях Транссибирской железной дороги, по сей день крупнейшей в мире, созданной руками русских людей в такие сроки, которые нам и не снились. Чехов в это самое время совершил поездку на Сахалин, но у него не нашлось ни одной строки, чтобы воздать должное ее подвижникам. И это не случайно для мироощущения певцов «лишних» людей. Удивительное дело, что их ум не приковывал к себе ни созидательный ум крестьян, рабочих, ни дела благотворения, ни подвиги духовных отцов, окормлявших русскую землю.

Безразличным взором они проводили по лицам людей просветленных, здоровых и сильных. Они посещали иногда святые обители, просили совета, прислушивались, но в их произведениях не увидим духовных реальностей.

Достоевский, ближе других подошедший к церковным вратам, остался, как известно, чужд мистической реальности Церкви. Он мечтал о «всечеловеке» и о бесконечном прогрессе культуры. Он видел грядущие ужасы теократической утопии, которые отчетливо в его время уже были видны не только гениальным писателям, но и самым едва грамотным дьячкам далеких погостов. Но духовная сила Православной Церкви осталась вне его зрения. Оттого так много в его творчестве тяжелого, нехорошего, и так далеко отступающего от православия, и так сильно отдающего сентиментальным гуманизмом времен александровских мистиков и пиетистов.

Итак, в нашей литературе исторические и религиозные реалии эпохи либо просто отсутствуют, либо искажены. Вся русская литература находится под знаком этого неопределенного гуманизма, под знаком романтизма. Несмотря на точность психологических переживаний героев, бытовые подробности, реализм ее чисто декоративный, внешний. У читателей Толстого, Пушкина и любого другого классика неизбежно складывается впечатление, что ни денежные расчеты, ни повседневные материальные нужды не были знакомы русским людям того времени. И, хотя упоминаний об этих нуждах немало, общее впечатление именно такое — возвышенное и прекрасное, как о некоем сплошном балу. И просвещение, и романтизм живут верой в скорое прекращение всякой истории, как блуждания духа в потемках материи у каббалистов-гностиков, в наступление золотого века — царства Астреи. Это царство святого царя и священнического сословия жрецов, призванных к осуществлению великих предначертаний Великого Мастера и Демиурга, Иеговы.

В эти темы самым тесным образом вплетается требование мистического благочестия — пиетизма — и признание всей предшествующей культуры как чего-то призрачного, тяжелого и мешающего осуществить светлые идеалы человечества. Весь этот комплекс идей получил развитие и в художественной литературе. Ожиданием светлого царства справедливости живут едва ли не все герои нашей литературы. Дыхание его сказывается на всем мироощущении их. Назывались и сроки — несколько десятилетий. Культура христианская, как ложь и обман, также проходит красной нитью через наши романы во имя утверждения культуры «гуманизма». Отрицание ее объясняется моральными и социальными мотивами: она создана богачами для своих нужд и в ней нет справедливости.

В этих трех явлениях общественной жизни и литературы — Просвещении, Романтизме и Теократических утопиях социальной справедливости — сошлись все основные проблемы человеческого бытия. Все они были ориентированы на христианство и имели в виду его отрицание. Известно, что главным пунктом всех человеческих проблем является проблема добра и зла. В церковном учении эта проблема формулируется в точных понятиях и предлагает конкретные меры к победе над злом. Зло есть преслушание воли Божией. Эта Воля выражена в священном Писании и прежде всего в Евангелии. Испорченная природа человека, поврежденная грехопадением наших первых прародителей, не дает человеку никаких оснований на победу над злом своими собственными силами.

Церковь для того и существует, чтобы своими врачующими благодатными силами помогать человеку бороться со злом. Она предлагает человеку свои лечебные средства, иногда горькие, но всегда полезные, и имеет в виду последнюю судьбу человека, смерть и жизнь вечную его души. Где он окажется: одесную или ошую Христа, в вечном мраке или на райских пажитях — вот центральный вопрос всей человеческой жизни. Эту проблему полностью снял гуманизм, трактующий добро и зло как понятия относительные. Во всей системе гностико-кабалистического учения, лежащего в основе Масонской Науки, зло представляется просто как то, что доставляет человеку неудовольствие, а добро — наслаждение и радость. В конце концов в *мире* физическом, объективном ничто не соответствует этим понятиям. Мир создан лучшим из возможных миров. Масонство, представления которого так сильно повлияли на формирование мировоззрения русских образованных кругов, как, впрочем, и западных, грех, зло трактует как беспорядок, хаос, непорядок. Преодоление зла сводится поэтому к организации мира по «новому штату». Весь мир представляется в масонстве, как и у гностиков-манихеев, как один организм.

В нем могут быть какие-то неполадки, но в мире все так создано Умом безличного бога, что эти неполадки легко устраняемы. В этих представлениях много литературного и художественно пластичного. Зло отличается от добра только расположением элементов. Никогда не было исторического момента воплощения Бога в человеческую плоть, и все написанное в Евангелии есть просто аллегория. Буквальный смысл — только для тупых невежд. И было бы ошибкой думать, что таково отношение только к Святому Писанию. Вся жизнь есть аллегория, вся она есть просто спектакль по заранее написанному сценарию. Все, что происходит в мире, происходит по причине, что не произойти не могло. Отсюда такой фатализм, отсюда такая телеологичность, какая присутствует и в историческом материализме с его пресловутой «закономерностью» исторического процесса. Все это учение сосредоточено в каббале.

Идеология приводит человека к той точке зрения, из которой видишь только то, что хочешь увидеть и что целиком содержится в догматах самой

идеологии. Сам русский язык, его несравненное богатство говорит против всякого деспотизма, ибо деспотизм уплощает, обедняет культуру, и в ней ни ««Слово о полку Игореве» не родится, ни «Слово о благодати», ни сам преподобный Сергий; в ней не будет ни битвы Куликовской, никакой культуры, а тем более духовной, христианской, требующей свободы личности. Наши храмы, иконы, вся литургика, все жития святых — это победная песнь свободного человеческого духа. Напрасно ломают голову идеологизированные наши публицисты и гуманитарии: как это так, — Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Крылов, Достоевский, Белинский, Баратынский, Веневитинов, и... вот, поди ж ты, Николай I, деспотия жуткая.

Как известно, ложь — это раздробленная истина. Две России, два Некрасова, десяток Пушкиных — один либерал, другой монархист, третий поэт и т. д. И все — недоумение. Но это во многом результат и воспитания догматического, вложенного в наше сознание школами и университетами «идейного» невежества, результат заинтересованных в нашем невежестве идеологов: оправдать наличную грязь, нищету, всеобщее рабство, страшный антинародный деспотизм государственной власти, перенеся все эти свойства из нашего настоящего в прошлое — их цель. На самом деле одна Россия, один Некрасов, один Пушкин, один Николай I, один русский народ.

Идеи утопизма в русском обществе формировались под влиянием гностико-каббалистических доктрин, исповедуемых в «первых объединениях» русской интеллигенции — масонских ложах, развернувших в полную меру свою деятельность в конце XVIII в. и сделавших своей главной операционной базой Москву, по преимуществу — ее университет.

Эзотерические идеи оказывали все большее и большее влияние на формирование наиболее представительной части общества, определяющей фон городской культуры, ее общие понятия, принципы и представления, всей той системы мышления, в которой осмысливался мир и его ценности. Масонские ложи вовлекали в русло своей деятельности тысячи людей: чиновников, помещиков, аристократические фамилии, мещан, офицеров, литераторов, художников, философов и ученых.

Московские «братья» Розового посвящения, в степени теоретического градуса Соломоновых наук, приступили к деятельности литературной и просветительской в 1780-х годах, имея задачу: «довести до внутреннего сознания слушателей (и читателей) ту мистическую литературу, которая изготовлялась в Москве руководящими братьями, а им, конечно, присылалась из Берлина» (Вернадский Г. В. «Русское масонство в царствование Екатерины II». IIт. 1917 г., с.133). Эти братья упивались мистикой власти, которую они, «священники внутренней церкви», должны были взять в свои руки в ближайшем будущем, как им казалось, то есть с приходом к власти «святого» царя Павла I; они, как и все масоны мира, были приверженцами «высокого государства», мыслили себя как самую первую эманацию талмудического безликого бога деистов и пантеистов, Эн-Софа, как посредников между небом и землей, считали себя «высокой церковью», «долженствующей направлять из малого кружка всю духовную и материальную жизнь страны» (Вернадский, ук. соч., с.221).

Но они, по существу, не обладали, как и любая недобрая сила, никакой творческой мощью, и могли лишь приноравливаться, маскироваться под творческое, сильное, самобытное начало.

Русское общество в момент появления в его среде интереса к художественной литературе (конец XVIII — начало XIX в.) было расколото в идейно-культурном и религиозном отношении самым диаметральным образом. Рядом с образцами высокого христианского благочестия и аскетизма соседствовало вольтерьянское зубоскальство, циничный нигилизм и религиозное безразличие. Причем раскол проходил в одной семьи, разделяя зачастую родственников на два непримиримых лагеря. Наша художественная литература практически никак не отразила эту трагическую для судьбы русского народа реальность. И это кажется странным. На протяжении нескольких поколений, более столетия, внутри каждой дворянской и разночинной семьи шла эта напряженная борьба между христианством и иудо-масонством, затрагивая судьбу, так или иначе, каждого русского человека из образованного общества. В сущности, весь колорит русской жизни XГX и начала XX в. определялся этой скрытой, подспудной борьбой. Но писатель был бессилен показать эту проблему, так как его талант кончался тем, где начиналась область церковной жизни.

Христианские представления, ценности вторгались в жизнь и мещан, и верхних слоев образованного общества. Большинство дворянских родов, щедро отдавая дань масонским ложам, имели в то же время, как правило, среди своих членов и монахов, и церковных подвижников.

Нередко, под влиянием тех или иных потрясений, в вольнодуме совершался резкий перелом, и он либо уходил в монастырь, либо отдавал все деньги на строительство храма, или монастыря, или богадельни. Великосветская Анна Орлова, верная помощница архимандрита Фотия, настоятеля Юрьевского монастыря, как и княгиня С. С. Мещерская, не была исключением, а скорее правилом.

Александра Сергеевна Шулепникова родилась в 1787 г., в 1809 г. она вышла замуж за генерала Готовцева. Вскоре после свадьбы генерал отправился на войну и в том же 1809 г. он был смертельно ранен. После смерти своего ребенка в том же году Александра Сергеевна, лично известная Государю и Императрице, оставила навсегда свою усадьбу и ушла в Горицкий монастырь.

Ее одеянием стало платье из грубого холста, новины, выростковые башмаки, так что когда горничная ее увидела в этой одежде, то заплакала. Александра Сергеевна Готовцева стала матерью Феофанией 16 сентября 1818 г., примерно тогда, когда Татьяна Ларина писала письмо Онегину.

Для матери Феофании начался путь прискорбный, тяжелый — путь смирения, отречения от своей воли, путь понуждения, путь монашеского воспитания. Этот путь мать Феофания прошла вполне и без всяких колебаний. Вскоре к ней присоединилась другая превосходительная дама — ее родная сестра Анна Сергеевна, ставшая матерью Маврикией. Вскоре к ним в монастырь пришла и приняла постриг воспитанница графини Анны Орловой-Чесменской Мария Крымова. Пришло время, и им было указано явиться в Петербург и здесь своими руками восстановить женский монастырь. Доходов не было, на каждую сестру казна отпускала 20 рублей ассигнациями в год, то есть примерно по 1 рублю серебром в месяц. Это были голод и нищета. Сестры просили милостыню, учились ремеслам, сами замешивали раствор, учились иконописи, копали землю под фундамент. В 4 часа они были уже на ногах: день начинался и заканчивался длительной службой. 70 сестер воздвигали новый монастырь — Санкт-Петербургский женский, самый крупный в городе. 3 ноября 1849 г., в то время, когда по России начинают гулять коммунистические призраки, а видные литераторы грезят фаланстерами Фурье и начинают слагать песни, как они разрушат до основания все и вся, в присутствии Государя совершилась закладка монастыря, на пустыре, в болоте. Безвозмездно, зная, что у монастыря нет денег, свои деньги предложил лесопромышленник Громов.

Первое, что сделали, так это прокопали осушительный канал, распланировали сад, который еще при жизни матери Феофании уже давал плоды. Иконы, роспись стен и облачения — все было устроено сестрами. За время строительства было подготовлено 12 прекрасных живописиц под руководством опытного художника. Золотошвейки изготовляли облачения и пелены. В июне монастырь был окружен каменной оградой и был выстроен дом для духовенства, освящена (27 июня) церковь во имя Афонской иконы Богоматери «Отрада и Утешение». Денег на строительство не хватало. Один помещик, после того как мать Феофания по его просьбе помолилась за него и дела его поправились, дал 10 тысяч, бедный народ приходил с рублями и копейками. Подрядчик Кононов стал настоящим благодетелем: он постоянно уступал со счетов, и без того скромных, и сам делал пожертвования в то самое время, когда, по мысли Маркса и Прудона, любой капиталист есть жулик, вор и кровопийца.

Помощь приходила с самых разных сторон. Как-то проезжал мимо какой-то неизвестный помещик и зашел в обитель. Вызвав игуменью, он подал в конверте сумму денег, как раз необходимую на кладку печей, которая была перед тем оставлена по отсутствию средств. Миряне доставляли из-за границы кисти, краски, и в два года пять иконостасов были расписаны и истрачено всего 2 тысячи, вместо предложенных 10. Утварь, лампады и паникадила, хоругви — все было пожертвовано благотворителями. В то самое время, когда недобрые силы в стране уже вели подготовку к студенческим беспорядкам, а пропаганда Чернышевского внушала, что коммунизм есть счастье, а религия ложь и обман, что семья — это смешно, великим постом 1861 г. величественный пятиглавый собор был завершен трудами матери Феофании. Из этого монастыря стали выходить первые дешевые и хорошо написанные иконы. Бывшая великосветская дама, она жила в величайшем стеснении, трудах и молитвах.

Почему я так подробно описал жизнь современниц Пушкина и Лермонтова и их героев и героинь? Потому, что жизнь таких, как мать Феофания, осталась за пределами художественной литературы. Можно было бы при желании назвать тысячи имен подобных этой игуменье, современнице Лариных и княжны Мери. Русская литература породила целое сонмище людей «лишних», жаждущих настоящего дела, а дело было между тем в их собственной пустоте. Но спросим себя: что узнают наши школьники о России из изучения русской литературы? Ответ будет самый печальный. И удивительное дело: в то время, когда литература доносит до нас жалобные вздохи крестьян, описывает нищету и бедность, изобразительное искусство своими гравюрами, живописными полотнами представляет нам Россию сытую, лица довольные, благодушные и веселые. Какое неповторимое удовольствие испытываешь, глядя на цветные полотна, изображающие деревни или Москву XVIII и XIX столетий.

Мемуары и статистические сборники представляют нам страну нашу решительно не похожей на тот ее образ, что создан усилиями великих литераторов. И тогда не закономерно ли сказать себе, а реалистично ли это «реалистическое искусство» классической литературы? А не есть ли это все та же страна Утопия с сонмищем пустых «лишних» людей, которые не знают, чем занять себя, и которых писатели наши сделали главными представителями России.

Еще один пример из реальной жизни, на этот раз из жизни русских крепостных крестьян.

В селе Тарутино, что от Москвы примерно в 90 километрах, стоит самый большой памятник победе русскому оружию в войне с Наполеоном. Памятник производит громадное впечатление: на насыпи, обложенной камнем, гранитный постамент, на котором находится высоченная чугунная колонна, и на этой колонне сидит, разведя крылья, бронзовый позолоченный орел; сидит, как помнится, на шаре, по которому проходит лента со знаками Зодиака, также хорошо видными. На самой черной чугунной колонне, в духе того времени, бронзовые доспехи, тоже позолоченные. Общая высота памятника примерно с

десятиэтажный дом — около 32 метров. Когда-то на постаменте имелась гранитная табличка, из которой можно было узнать, кто и на какие деньги воздвиг этот памятник. Уже в относительно недавние времена эту табличку, как водится, «ликвидировали». Так вот... За точность цифр не поручусь, так как пишу по памяти, но расхождение будет небольшим.

Этот памятник был поставлен на деньги крепостных крестьян села Тарутино, принадлежавшего графу Румянцеву, одному из сыновей известного фельдмаршала. Из таблички и документов, которые имеются в маленьком музейчике в том селе возле памятника, узнаем, что дворов в этом селе было 216. Что крестьяне вызывали архитектора из Парижа, и, что памятник им обошелся в 60 тысяч рублей, что одновременно крестьяне выкупились на волю, а еще заплатили графу где-то около 40 тысяч. Но и это не все. Они одновременно заплатили все долги графа. Это тоже около 20-30 тысяч. Источник дохода крестьян, видимо, главный: женщины в селе занимались шитьем золотыми нитками, то есть были золотошвеями.

Если теперь представить, сколько денег имелось в каждой семье, то придется как-то капитально изменить в себе представление о русском крестьянине, под гнетом крепостничества ставшем миллионером. Я не говорю уже о том, насколько высоко должно было быть сознание этих крепостных крестьян, понимание ими своего патриотического долга, если они по добровольному почину решили воздвигнуть такой памятник. И ведь не просто памятник, а такой громадный, что больше него и нет из посвященных разгрому французов в войне 1812 года. Пусть кто-нибудь попытается перенести эти реалии на нашу жизнь. И постановку памятника, пусть даже государством, и сумму денег, в которую подобный памятник мог нам обойтись, и способность на осуществление этого дела нынешнего какого-нибудь богатого села, и возможность самого наличия такого самосознания и гордости за свою державу и многое, многое другое.

Митрополит Филарет, человек крайне осторожный и крайне нелюбимый властями и самим Николаем I, и не очень любимый и Александром II, с горестью предвидя тяжкие испытания, которые грядут и повергнут страну в тяжелую смуту, сурово писал: «Несчастие нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления». Он писал это в то время, когда пропаганда социалистических разрушительных идей в подцензурной печати стала обычным делом. Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Зайцев, Благосветлов и прочие обвиняли все общество и христианскую культуру во лжи и звали к топору.

Убийство Александра II лишь на короткое время заставило либералов задуматься о будущем страны. Но В. Соловьев, Лев Толстой проявили именно этот синдром «иудушки»: они не нашли ничего лучшего, как просить помиловать убийц. Ни слова осуждения не нашлось у них в адрес террористов и самого террора. Слепотствуюшие гуманисты проявили удивительное безразличие к судьбам русского народа. Они писали, что этим прощением новый царь станет на недосягаемую нравственную высоту и докажет всем, что он святой царь. А в это время убийцы уже готовились в России поточным методом. Через 37 лет страна погрузится в кровавую бойню.

Поразительно, что и потом, когда террористические акты стали массовыми, людей убивали и убивали всякого рода проектисты, во имя той красоты в будущем, которая спасет мир, писатели ни разу не высказали публично свое порицание этим кровопролитиям. А ведь только от 1905 до 1907 гг. бомбами, револьверами и кинжалами было убито около 56 тысяч человек. По поводу спровоцированного и надуманного антисемитизма, это когда едва ли не весь корпус адвокатуры по всей стране был в руках евреев, как и крупнейшие банки и прочее и прочее, эти писатели нашли время и силы выразить свой протест. По поводу убийств еврейскими террористами невинных русских людей не нашли в себе силы выразить протест в Думе и либеральные профессора-кадеты. «Синдром Иудушки» более чем характерен для всего того неопределенного гуманизма, который шел со страниц либеральной печати и был вложен в само мировосприятие людей, воспитанных на романтизме и мечтательном мистицизме масонских лож и их пропаганде.

Не следует забывать, что все наши писатели находились под сильным влиянием масонской мистической литературы. Труды Сен-Мартена, Баадера, Фенелона, Гюйона, Штиллинга и других были излюбленным и обязательным чтением всей нашей интеллигенции XIX века. Тот же В. Соловьев был, как известно, социалистом, атеистом, убежденным дарвинистом. Он усиленно изучал гностику, каббалу, считал Валентина крупнейшим философом, увлекся Шеллингом, Шопенгауэром, Гартманом. В конце своей недолгой жизни занимался вызыванием духов умерших, верчением столов, предавался занятиям черной магией. Русскую церковь не любил, никогда в нее не ходил, а его выражения по поводу Церкви были всегда оскорбительны. Но о Церкви писать любил, мечтая о единой всемирной религии.

Вопрос, какую церковь он имел в виду. Особенно если учесть, что христологии у него, можно сказать, нет. Личности Христа он не видел, не чувствовал. Он прошел мимо мистических святынь Церкви. Мистика света Фаворского осталась вне его кругозора. Потому так осторожно и относились великие отцы и аскеты Церкви к философии и богословию, что эти предметы не требовали от человека никакой веры положительной. Митр. Исайя Копинский (XVII в.) писал по этому поводу: «Ин бо есть разум мира сего, ин же духовен. Духовного бо разума от Пресвятого Духа учишася вси святии и просветишася яко солнце в мире. Днесь же не от Духа Свята, но от Аристотеля,

Цицерона, Платона и прочих языческих любомудрецов разума учатся. Сего ради до конца ослепеша лжею и прельстишася от пути правого в разуме. Святии заповедей Христовых и умного делания учишася, сии же точию словес и глаголаний учатся, внутрь души мрак и тьма, на язытце ж вся им премудрость». Вот этот мрак в душе и премудрость «на язытце» и есть постоянное обвинение интеллигенции в ее двоедушии и болтливости.

Нельзя не упомянуть еще об одном мощном факторе воздействия на идейный строй нашей литературы и общественного сознания, влияния, также идущего от теории и практики масонских лож. Это только здесь и имеющая свое право на жизнь проблема героя, несущего свет и знания, и народа, толпы, погруженной «во тьму нелепостей и предрассудков». Придуманный эзотеризм истории масонских лож именно в ключе «героев и толпы» излагал все события истории от Адама до наших дней. Революционные Прометеи, Озирисы, Будды, надуманные Моисеи и Орфеи, отдающие свои жизни за правое дело и убиваемые закостенелыми в невежестве князьями и жрецами, переползли в проблематику и сюжеты романов и в теорию социалистического делания и строительства. Красавец-разбойник, а затем босяк Горького довели с. грану до мысли, что труд — это низко, что плата за труд — это постыдное корыстолюбие, и благородное безделье — это единственное достойное подлинного человека занятие. Балы... Болконские, Онегины, Печорины, Левины — все создавало настроение мечтательных грез и сладких фантазий, рождающем представление о себе, как стоящем над «толпой».

Казалось бы, романы Достоевского могли бы остановить безумное увлечение анархическими идеями. Можно было бы ожидать, что люди разумные схватятся за голову и спросят, в какое болото ведут их параноики, одержимые идеей скроить жизнь по улучшенным штатам. Ничуть не бывало". Идеи вселенских ценностей, которые выше реального русского человека, идеи того мечтательного гуманизма, «розового христианства», по справедливому замечанию Леонтьева, все это обессиливало убедительность его сочинений, делало их смутными в идейном смысле.

Христианство Достоевского — это христианство по имени, то, о котором любили трактовать «братья»-просветители — Лессинг, Мендельсон, Гердер и прочие. Сентиментальные «добродетели» задают главный тон всем произведениям писателя. Уродливые для любого христианина картины, например, покаяние перед народом Раскольникова, невольно ставят вопрос, а знал ли писатель о духовной практике Церкви. Описания душевных расколов, болезненных проявлений психики, убийств, исповеди совратителей малолетних девочек — все это может казаться кому-то глубоким и по мысли, и по таланту описания порока и разложения, но каждому, кто знаком с религиозной практикой и теорией, ясно, что пользы душевной от таких писаний ждать нельзя. И не случайно — роман «Бесы» стал для многих первым шагом в революционную деятельность.

Конечно, такая оценка русской художественной литературы может показаться односторонней, и так это и есть на самом деле: взята в рассмотрение одна сторона — религиозная и реальная. В конечном счете, путь к катастрофе 1917 г., опустившей русский народ на самое дно истории, — это путь человеческой романтики, мечтательного пиетизма, через утверждение жизни вне реальности Церкви. Этот путь — в представлении об относительности добра и зла и замене этики религиозной, онтологической на эстетику, эстетизм. Это путь литературы, которая подспудно воспитывала читателей на неприятии настоящего как такового, именно потому, что оно настоящее, не выдуманное, и требует смирения многокичливого ума перед реальностью Мира Божьего, требует кропотливого труда, когда проще просто отрицать во имя «музыки мирового пожара».

Возможно, по мере оживления церковной приходской деятельности, введения в преподавание Закона Божия для русских детей и приобщения к опыту Церкви, обожествление «великих и значительных» кончится само по себе. Мудрость святых отцов Церкви настолько велика, что кажется странным ее не знать, не знать и даже не предполагать, что существует христианская антропология, учение о человеке, о каждом его свойстве и качестве. Каждый, кто начинает усваивать эту мудрость, замечает, как мирские авторитеты скукоживаются, теряют свой блеск. Так когда-то произошло и с идолами всяких Аполлонов, Зевсов, Венер, Плутонов. Столетиями их украшали, к ним обращались за помощью, в их реальность и силу верили, как в гром небесный и солнце, и вдруг выяснилось, что все это было лишь обольщением бесов.

...В очень давние времена жил к востоку от Палестины праведный человек по имени Иов. Это был справедливый и добрый человек, который всегда старался угодить Богу. Господь наградил его за благочестие большими благами. Он имел многие сотни крупного рогатого скота. Утешала его большая и дружная семья: у него было семь сыновей и три дочери. Но дьявол позавидовал Иову.

По попущению Божьему все потерял Иов: жену, детей, богатство и само здоровье. В рубище, в грязи, больной, покрытый струпьями, сидел он у городских ворот. Прошло время, и Иов за верность его, за твердое упование на Спасителя был снова возведен в богатство и довольство, и снова у него была жена и было много детей.

В дни воспоминания о страданиях Иисуса Христа на Страстной седмице в церкви читается повествование из книги Иова. Трудно сказать, дошли ли мы до роковой черты или еще только приближаемся, но пример многострадального Иова поучителен.

1991 год.

ИЛЛЮЗИИ И МЕЧТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бурный XVII век, начавшись Смутой, закончился Смутой не менее тяжелой — Петровским якобинством и духовно-культурным пленением верхов России, их предательством национальных интересов русского народа.

Польско-шведская интервенция, казачье беспутство и разорение церквей закончилось, как известно, восстановлением по воле народа самодержавия, далее пошло отвоевывание своих Западных земель и присоединение Малороссии: была проделана громадная работа по кодификации государственных Законов и появление знаменитого Уложения 1648 г. В этом Уложении уже видно начало наступления государства, начала светского, внешнего и механического, на Церковь. Возникает дело патриарха Никона, оболганного и сосланного, но не сломленного. Появляются первые признаки раскола в народном духовном сознании: государство есть ложь, правда — в обряде. Страшным для народного сознания было не «дело» Никона, а дело царя Алексея, пошедшего за западниками-боярами и предъявившего права свои на святая святых — Церковь. Среди всех многоразличных деталей этого дела народная совесть и чутье не обманулись и выделили главное: государство вне Церкви — есть Антихристово царство.

На этот же век падают бесчисленные восстания, заговоры и войны. Запад входит в Москву окончательно и бесповоротно — кроме давнишней немецкой слободы при Алексее Михайловиче появляется Мещанская слобода, созданная выходцами из Западных краев Белой Руси. Московский книжный базар обильно пополняется трудами астрологов, мистиков и западных богословов. В числе наиболее почитаемых появляется Яков Бёме — виднейший идеолог Масонской Науки, крупнейший каббалист XVII в.

Петр оформил своей волей лишь то, что от него уже давно ждали верхи — боярство и канцелярщина, — он разрывает с Церковью и переносит всю полноту суверенитета на Левиафана Государство. Вследствие этого вся административно-канцелярская власть повисает в воздухе, становится беспочвенной, ибо ее законность, ее полномочия лежат только в Церкви и могут осуществляться только в согласии с Нею. Сам самодержец, становится законным государем только через таинство помазания. Разрыв с Православием автоматически означал, что власть ставит себя в положение незаконной, тиранической, чужеземной. Так чиновник в сознании крестьянина и будет до самого крушения самодержавной России восприниматься как фигура враждебная, иноземная, как «немец».

Наш известный писатель, бывший эмигрант, как-то в беседе с французским журналистом сказал, что судьбу России решил выстрел Мордки Багрова, и, что, будь Столыпин еще несколько лет у власти, Россия была бы спасена. Увы, выстрел был сделан значительно раньше, и притом не раз и не два.

В сумерках бюрократических подземелий, в канцелярском дожде артикулов и регламентов появляется первая, еще неясно лепечущая на каком-то диком языке, смеси всех европейских, отечественная интеллигенция. Разорвав с христианской культурой, со всем ее мироощущением, ее психологией и ее личностными ценностями, бюрократическая верхушка увидела себя в полной пустоте и даже в безъязыкости. Все заново и все срочно. «Современный русский язык»... что же это за притча такая? А до современного? Был несовременный. Речь, видимо, идет о принципиальной смене всего установочного мышления. Новый язык должен был выразить самодостаточность человека, самоценность его ощущений и переживаний, в которых миру небесному и Промыслителю места не было. Горек оказался хлеб этой безблагодатной культуры.

С Петра и до наших дней происходит безудержная экспансия залежалого товара Западной атеистической культуры. Все усилия царской администрации были обращены на ввоз в страну западной литературы, создание переводческой школы, введение в преподавание иностранных языков, издание книг западных авторов на русском языке. Интеллигенция образуется на ниве комментаторства и переводов. И так — до наших дней. В начале XVIII в. читают Пуфендорфа и Гроция, затем французский рационализм, сам заимствованный у античных стоиков, затем пиетизм, Шеллинг и Гегель, а далее брошюры Прудона, идеи Сен-Симона и политэкономия Маркса, как логическое завершение безбытности, беспочвенности и полной нечувствительности к православной культуре своей страны. Эта книжная надуманная, искусственная культура интеллигентной бюрократии, а затем разночинной, с ее богатой обличительной, глубокой по психологическим прозрениям и философским мыслям литературой, вся лежит под знаком бесплодности и тупиковости, безысходности и бездуховности. Душевности много, много чувств и мыслей, но не духовности. Не случайно название духовной литературы закрепилось только за литературой религиозной.

Философский пантеизм стал вероисповедной формулой безбытной интеллигенции. Полное оправдание зла и даже просто нечувствительность к самой проблематике зла и добра и повышенное внимание к чувственным удовольствиям — такая философия вошла в плоть и кровь тогдашних образованных кругов русского общества. Каббалистические формулировки как-то нечувствительно входят в аксиологию русского интеллигента. Это ведь у него, пантеизма, на одном полюсе самый примитивный материализм с его животной чувственностью, а на другом — тонкая прелесть того же материализма, но только душевно-чувственная — мистицизм, пиетизм. Каббалистические озарения посещают европейскую культуру с раннего средневековья и получают свое полное оформление в эпоху Возрождения и

Просвещения. Отныне добро и зло пустые понятия, выдуманные самими людьми, а есть только реальность пользы, утилитаризм. На место религиозно-церковного твердого начала ставится морализм. Но что есть мораль вне религии, вне Церкви? Опыт показывает, что мораль вне онтологии вырождается в софизм. Эта истина фундаментальная и бьет не в бровь, а в глаз всем прекраснодушным мечтателям, мечтающим, построить нравственность на атеистических началах.

Захваченная таким каббалистическим учением, как пантеизм, русская администрация на протяжении двух веков видела главную опасность для себя не в социалистах, не в революционерах, — которым, в общем-то, сочувствовала, если не в методе борьбы, то в идеях, — а в православной Церкви. При Петре устами Феофана Прокоповича Церковь была определена как потенциально враждебная государственной власти сила (см. «Правда воли монаршей», «Духовный регламент»); затем, при Бироне, в ней видели уже просто врага и стремились всячески унизить русское духовенство. В конце концов волей монаршей создается замкнутое сословие священников и это сословие оттесняется на самое социальное дно. Нищий, полуголодный сельский батюшка, обремененный семьей, бесправный и запуганный — фигура отнюдь не выдуманная. Общественная деятельность служителям Церкви категорически запрещается со времен Петра. Лишь в 1821 г. появляется первый духовный журнал «Христианское чтение», и то в первые годы — в духе масонской пропаганды «Сионского Вестника». Духовная цензура внимательно следит, чтобы живой голос иерархов и архиереев Церкви не зазвучал бы в полный голос. Но, как говорится, свято место пусто не бывает.

Создавшийся духовный вакуум быстро заполняется «внутренней церковью» и уже к 70-м годам XVIII века масонское движение со своей Наукой охватило практически «весь тогдашний культурный слой, — система масонских лож своими побегами насквозь прорастает его» (о. Г.Флоровский). В то время, как рационалисты Екатерининского времени вместе с самой императрицей, под предлогом борьбы с суевериями, накладывают запрет на литературную деятельность православных людей, масонская литературная деятельность, начав свой забег со времен Елизаветинских, в последующие десятилетия процветает. Отсюда же с 50-х годов XVIII столетия начинается и эпоха русской беллетристики.

В масонских документах ложа именуется еще школою-рассадником; а ложи внутреннего Ордена, наиболее сокровенного, именуются Университетом эзотерических и социальных наук. У масонства своя метафизика и своя аскеза. Эта метафизика — каббалистическая натурфилософия с магией и языческими обрядами, напоминающими кровавые таинства подземных богов — послужила основанием как сентиментализма, через раскрытие масонской формулы — «познай себя», так и романтизма, оккультные начала которого никто не отрицает. Гностико-каббалистическая концепция враждебности духа и тела дала богатые плоды в общественно-политическом движении Европы и России. Не менее богатые плоды она дала и в литературном движении XIX и XX веков. Романтизм — это всегда разорванность и несводимость, это сплошные апории, и среди них главная — герой и толпа, просвещенные и профаны (цадики и невежи хасидизма из этого же ряда). И еще: с одной стороны искусственная и, следовательно, неполноценная культура, которой противостоит стихийная, «органическая», бессознательная, народная. Эта натурфилософская концепция, идущая еще от стоиков и киников, легла в основу романтических построений славянофилов.

Именно в масонстве формируется русский интеллигент. Здесь он впервые изучает всерьез западную философию, осваивает сам философский метод проблематики смысла жизни. Но здесь же он и заходит в капитальный тупик романтизма. Религия заменяется в его сердце на религиозность, которая сама есть не более как чувствительное настроение, мечтательность и томление неопределенностью. В масонстве формируется и высокий престиж интеллекта, и деление человечества на профанов, темную толпу, способную удовлетворяться внешними обрядами Церкви, и на просвещенных, «братьев сияния», которые ведут человечество к свободе и счастью. Этот ход мыслей повторится и в революционном движении, которое все держится на таком мироощущении: руководство провозглашает — «до конца, по намеченному им пути», обязательному для всего народа.

В масонстве много говорится о духовном, о борьбе с грехом, с себялюбием, с дьяволом. Этот психологизм, внимание к своим переживаниям, сердечному трепету, лег в основу беллетристики. Но еще в прошлом веке исследователь масонства заметил точно, что все оно есть утонченный материализм. Это духовная прелесть, обольщение своим «Я», которое нечувствительно заменяет Бога, как в мистических переживаниях, так и в искусственном мире художественной литературы. Символический искус, проповедуемый масонством, становится тем пленом, в котором лукавый дух захватывает человека, и он начинает творить ряды символов и аналогий, заменяя ими реальность подлинного мира. Чувственность, сентиментальный морализм масонства лишь усиливают ощущение подлинности иллюзорного мира. В известной мере это — автаркия стоиков, но очень комфортная и расслабляющая.

Романтизм вышел из недр масонских доктрин вместе с мистицизмом, который придал ему увлекательность и мечтательность. В недрах сентиментального романтизма рождается «лишний человек» нашей литературы. Напрасно пытаются найти социальные предпосылки этого человека в самой ткани русской жизни. В той жизни люди служили, а «липшие» отсиживались. Но и то правда, что, разорвав с живыми истинами

Церкви., человек чувствовал себя лишним везде и всегда. Безверие двигало человека по пути отрицания ценности того, во что он верил, что психологически понятно, и неизбежно он попадал в ложу, где строили храм Соломона на месте разрушенного храма Христа. Мир нарочитости, выдуманности, призрачности и сухого рационализма прикрывался себялюбивым мистицизмом и чувством власти, достигаемым в магии. К началу XIX в. русское общество буквально поглощено изучением мистической литературы Кто из русских литераторов не читал увлеченно классические труды деятелей масонских лож: Сен-Мартена, Бема, Эккартсгаузена, Штиллинга, не говоря о Молиносе, Фенелоне и пр. пиетистах-мистиках. Из этой же литературы, из этого же круга идеи вели свое начало и Шеллинг, и Гегель, и их философия окончательно пленила будущих западников и славянофилов, то есть тех же западников, но только а-ла рюсс. В признании самоценности общины и в обличении самодержавного государства они, как известно, в конце концов, сошлись.

Из масонских же лож пришла и идея о больном обществе, которое нужно лечить. Вылечить его от всех пороков должны были философия и искусство. С одной стороны, с помощью прекрасного, а, с другой, с помощью показа пороков, от которых человек должен содрогнуться, с отвращением отвернуться и сказать: больше так не буду.

На самом деле, дело обстояло прямо обратным образом: изображение пороков в литературе служило к утверждению их в еще большей степени в сознании людей, читателей, и для социальной психологии это абсолютный факт. Обличение порока, показ его без одежд всегда есть соблазн, включающий мощный механизм приражения помыслов, примеривания на себя и совершения греха в своем сердце. Эта художественная литература, признанная по своему социальному долгу заместить религиозную потребность человека и дать ему свои, мирские, безбожные образцы поведения, — в которых Евангельскому учению просто не было места, или, по крайней мере, оно допускалось лишь в качестве литературного украшения, — делала читателей по видимости умней, чувствительней, но духовней и добрее — никогда. Порок множился. Внутренний книжный рынок был открыт для всех антихристианских учений, включая самые радикальные, в том числе социалистические, а Церковь вынуждали, по воле безверной, правительственной администрации, состоящей из тех же учеников Сен-Мартена и Беме, безмолвствовать. (См. Н.П.Гиляров-Платонов «Пережитое»).

Масонско-пиетический период первого двадцатилетия XIX в. дал очень многое для формирования общественного сознания русской интеллигенции. В 1833 г. возникло «Общество любомудров» в Москве. Тем самым было положено начало славянофильству и западничеству более поздних времен. Впрочем, строго говоря, западничество началось с Петра, и со времен Феофана не обнаружило никаких признаков к творческому развитию. Романтизм, имевший оккультные корни, породил лишь одно творческое направление в русской жизни: славянофильство и определил, кроме того, магистральную линию русской литературы. Революционно-разрушительное направление, созданное им, вряд ли можно считать творческим движением.

Любопытно, что «любомудры» увлекаются Спинозой и европейскими мистиками-каббалистами. Кошелев вспоминал: «Мы высоко ценили Спинозу и его творения считали много выше Евангелия и других священных писаний». Очень высоко почитались Кант, Шеллинг, Фихте, Бэкон и проч. В центре внимания новых философов московского кружка, — художник. Он — Демиург, творец жизни, он — преобразователь всей человеческой жизни. Он — квинтэссенция всей человеческой культуры. Этот взгляд на художника свойственен для всего романтизма и характеризует нарочитость, надуманность и мечтательность всего этого направления мысли и чувства в общественной жизни.

В этой постановке проблемы художника как Демиурга нельзя не увидеть прямого воздействия эзотерических идей тех же масонских лож, идей, идущих от гностиков-неоплатоников и Филона Александрийского. Демиург, Мастер, тот, кто творит из готового материала по заданному, вложенному в материю плану нашу видимую Вселенную — центральная фигура всей оккультный космогонии. Это ему, Великому Мастеру, поют гимн в масонских ложах, он — отец всех сознательных, меньших мастеров, имеющих его, Великого, в качестве образца. В этой метапарадигме искусственность, воображение, мечтательность ставятся на место реальности, созданной Богом. Искусство ставится на место реальности и художник становится на место Творца. Грех, непослушание Богу, отпадение от Его воли, выраженной в Заповедях и учении Церкви, заменяется на эстетическое представление о нечистоте, грязи. В аксиологию в качестве чего-то главного, основного, вползает эстетика, ибо этика вне субстанциальных добра и зла теряет всякий, смысл. Именно это обессмысливание морали, начавшись с морализма, привело общество, образованное на рациональной философии и эзотерических учениях, к. признанию эстетики, стержнем всей человеческой жизни. Наглость такой эстетики, искусственность, геометричность и сухость — очевидны.

От искусства теперь ждут спасения, и вот уже: «красота спасет мир». Падение и разлад в существеннейших основах бытия, выражающийся в беспрерывном сектантстве, порождает беспочвенность и неуверенность в своих творцах. Отсюда так много героев этих творцов литературных произведений мучаются бесцельностью, обвиняют всех вокруг, а прежде всего некий «царизм», не желая учить, лечить, строить и защищать отечество. И даже там, где они лечат, учат и защищают, они ноют, мучаются своей неприкаянностью. То есть то, что для любого нормального человека является делом всей жизни,

для литературных героев XIX. в. — лишь пустая суета, настоящее для них призрачно и невесомо. Итак, от Онегина до пафоса Чехова и Горького.

Первый романтик В. А. Жуковский и тот такими критическими словами благословлял гр. В. А. Соллогуба на «роман».

«Но только избавьте нас от противных «Героев нашего времени», от «Онегиных» и прочих многих им подобных, которые теперь в литературе заменили Шписовых рыцарей, Лафонтеновых сентиментальных пасторов, студентов и гезелей, произведений покойницы Радклиф, которые все суть не иное что, как бесы, вылетевшие из грязной лужи нашего времени, начавшиеся в утробе Вертера и расплодившиеся от Дон-Жуана и прочих героев Байрона». (Из бумаг В. А. Жуковского. «Русский архив», 1896, т. 1).

Место чувствительной добродетели, не без примеси сентиментальной эротики, от которой не был свободен и сам Карамзин в своих рассказах, до конца века занял эстетизм.

Для Александровой эпохи, для 20-х годов XIX в. характерно и появление первых исторических систем. Все эти системы образуются под влиянием все тех же европо-центристских идей. Общий план был задан «теократической школой» масонских писателей с их «святым царем», правлением «священнического сословия» избранных (см. «О заблуждении и истине», «Начертание Новой теологии»), призванных управлять всем миром. Эти идеи вдохновляли еще московских братьев Розового Креста прошлого, XVIII века, и они и далее получили распространение в ХГХ веке. Известно, что идеи этой теократической школы сомкнулись с идеями социалистов. Государство, которое стало священным в силу того, что оно образовано «священным сословием» жрецов «внутренней высокой церкви», великих архимагов, неизбежно становится принадлежностью всего этого сословия и имеет все черты социализма. Недаром, главный идеолог социализма, наиболее почитаемый в России в первой половине XIX века — Сен-Симон, был членом самого радикального крыла в масонстве — иллюминатов. Впрочем, чаша из храма Соломона не обошла и самого Прудона, как и других социалистов.

Чаадаев, как известно, заимствовал свою историософскую систему у французских «традиционалистов», в том числе воспитанника иезуитов, масона и неокатолика, Ж.де-Местра. Россия, согласно этим представлением, оказывается выпавшей из всего исторического хода мировой истории, и русский народ объявляется в числе тех, кто не имеет своей истории. Несколько позже, тем же Чаадаевым, а затем в Герценовском кружке, Россия объявляется уже в числе избранных. Теперь, среди новой поросли интеллигенции, поставившей себе целью разрушить страну со всей ее культурой и бытом, всей ее религией, начинает бытовать новая концепция. То, что страна не имеет своего прошлого, вменяется ей в заслугу. Раз она не обременена прошлыми долгами и грехами, тяжелыми веригами культуры, значит, у нее есть великое будущее, и она принесет свободу всему человечеству. На все лады перепевается новоизобретенное словосочетание: «молодая Россия». Прошлое одним махом новоявленных идеологов объявляется как бы несуществующим. Эта нечувствительность к реальности истории, которой была переполнена русская жизнь, просто поразительна. В созданном романтиками вакууме требовалось срочно созидать новую безбытную, надуманную культуру, некий комментарий к французской и немецкой, такой же внеисторичной, и беспочвенной, ибо созидалась она теми же силами.

Итак, свобода от прошлого. В этом уже лежит стремление к упрощенчеству. История культуры объявляется тяжелыми веригами на пути свободы. Сама культура уже видится как нечто внешнее, тяжелое, мешающее свободе духа. Этой свободе в дальнейшем мешает и частная собственность, и житейский достаток. Этот глухой каббалистический дуализм духа и враждебного ему тела скажется и на социальной доктрине социализма, породив его из себя со всеми его прелестями и обольщениями — от мифической «социальной справедливости», до необходимости нищенского существования, освобождающего человека от «вещизма».

Так, русским, лишенным по воле новой поросли, «передовой» интеллигенции прошлого, предрекается великое будущее, теперь это уже — народ Божий, он несет в себе мессианскую задачу. Теперь он — носитель одной роковой идеи, он народ-мессия. В этнической общности русский народ становится носителем идеологической заданности. В этой теории нельзя не видеть лукавой и нечистой мысли. Чаадаев, Герцен, Огарев, Бакунин и др. нуждаются в народе-мессии, ибо именно для себя они готовят его под пушечное мясо своих будущих социальных экспериментов. В такой безответственной игре словами есть своя прелесть. Все, кто не выполняет задачу мессии, попадают легко в разряд не-народа, и тем самым как бы сами себя обрекают на уничтожение, как не справившиеся со своей исторической задачей. В конце XIX в. такая же задача — освободить человечество — будет возложена на рабочий класс. Теологическая фразеология, выйдя из пределов эзотерической Масонской Науки, будет формировать идеи революционеров. Никто из этих покусителей на роль пророков и вождей, на роль «просвещенных», не знал русской истории и не имел внутреннего опыта той духовной жизни, которая формировала русскую культуру и определяла лицо народа.

Конечно, без признания народа мессией революционная деятельность была бы невозможна. В этом льстивом признании — все изуверство, весь иезуитизм «передовой» мысли.

Славянофилы, воспитанные на тех же образцах, что и западники, в большей

мере, чем остальные, восприняли идеи натурфилософии. Они стоят на «органической» точке зрения происхождения народной культуры из бессознательной стихии. В этом учении слышится тоска по цельности, по единству, по социальной гармонии. В этой тоске слышен и голос «Неизвестного философа» Сен-Мартена. Община в их учении — величина не историческая, а этическая. Социально-нравственные начала явно преобладают над религиозными. Социальная проблематика вместе с нравственной, характерна вообще для внерелигиозного восприятия бытия. Моралистическая проблематика стоит во главе угла и самого марксизма. Каждый, кто возьмет на себя труд прочитать сочинения классиков материализма должен будет отметить это преобладание моралистики как в критике существовавшего строя, так и в телеологических построениях. Понятия справедливости стоят во главе как критики, так и должного. Даже в определении революционной ситуации, как мы помним, звучат два чисто субъективистских представления: верхи не могут, низы не хотят... а весь наличный строй несправедлив.

Этические представления берут верх в славянофильских построениях. Кроме того, сильно сказывается и влияние мистико-манихейского дуализма. Община объявлена душой народа, в ней свобода, в ней подлинный быт, традиции и нравственные ценности. Государство оценивается Аксаковым как нечто внешнее и насильственное. «Русский народ государствовать не хочет... Он хочет оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт, — жизнь мирную духа... Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, — народной жизни внутри себя...» пишет он в своей известной записке Александру II в 1855 г. И далее, в духе того же дуализма внешнего и внутреннего, он произвольно толкует от имени всего русского народа слова Спасителя о двух Царствах — внешнем, «от Мира сего» и внутреннем, «не от Мира сего». В том же духе пиетизма, мечтательного мистицизма, насаждавшегося в свое время масонским издательским предприятием новиковского кружка, он пишет в этой записке о Царстве Божием, которое внутри нас есть. Община, душа, внутренняя свобода — противопоставляются мирской суете, коре внешних, государственных тягот, от которой надо освободиться. В этой сектантской, мистической трактовке внешнего и внутреннего, в этом притязании говорить от лица всего русского народа — много от идей масонских лож. Внеисторичность всех этих суждений очевидна. Пройдя искус западнической философии, многими нитями, в том числе родственными, связанные с мистицизмом новиковского кружка и всех идей московских розенкрейцеров, славянофилы несли все тот же утопический яд гностико-кабалистических доктрин. Не обошла их и доктрина теократического царства со «святым царем» и царством свободы духа, освобожденного от оков государства в его историческом и культурном бытовании. Сама Церковь опрощается славянофилами до идеи социальной общности. К мистике православной Церкви они были по сути глухи, что отмечалось не раз и иерархами Церкви, и более поздними философами. Их церковь, это по существу та же внутренняя, мистическая церковь внеконфессиональная, что и церковь масонов, братьев «высокого» Ордена.

На путях русской истории общественных движений сошлись идеи анархиста Бакунина, с его выдуманной русской общиной, как готовой ячейкой будущего справедливого социализма, и идеи славянофилов касательно той же общины, и тоже как начала социалистического, где не будет никакой частной собственности, этого главного социального греха, несущего разлад, распад общества на атомы-личности. И та, и другая сторона отрицает государство и борется за его уничтожение: государство — тело, плоть гностиков, начало враждебное свободе духа по самой сути, и должно быть уничтожено. Большевики довели идею государства, как абсолютного зла, до самоочевидной для всех нас истины.

Утопия наползла на Россию, все нивелирующая и разлагающая. И славянофилы и западники отрицали историю Русского государства и само их историческое мышление, нечувствительное к реальности его и быту, к психологии и особенностям русского народа, было крайне безответственно. Под пером философов и романистов, русский народ терял свои национальные черты и становился носителем какой-то вселенской идеи, которая всех во всем мире объединит. Этот символический схематизм, с его притязательными поползновениями лишить народ реального и повседневного бытия и превратить в идеологическую вывеску вселенской идеи по Шеллингу стал подлинным проклятием русской мысли XIX века. Эта мысль, воспитанная на мистическом пиетизме и отвлеченном геометрическом схематизме школ-рассадников масонских лож, была способна лишь на голый символизм и беспочвенность, на замыкание в самой себе.

Правительственный аппарат, подавив общественную активность Церкви, создал духовный вакуум. Из предполагаемого опасения породить у верующих вопросы в делах веры запрещали печатать богословские труды, книжки христианского содержания для детей, юношества; долго не решались издавать Библию на русском языке и совсем запрещалось издавать критику на другие вероучения, почти не было критики материалистических учений. В результате создавалось впечатление, что священнослужителям Церкви нечего было сказать. Консервативные охранительные силы России, такие лица, как обер-прокуроры С.Д.Нечаев (1833 — 1881) затем граф Н.А.Протасов, К.П.Победоносцев не столько охраняли Церковь, сколько охраняли русское общество от Церкви. В этом факте — вся печаль и обида русской истории прошлого века. Этот консерватизм был порожден маловерием в силу Слова Божьего и в силу Церкви все обнять, все понять и все осветить своим

благодатным светом — всю науку, все искусство, всю человеческую психологию. Потому-то пошлому по своей сути толстовству и нашлось место в русской интеллигентной жизни. Мещанское толстовство отвечало мещанской сути русского революционерства.

Масонство оказывало глубокое влияние на все формирование русской культуры не только во времена екатерининские и александровские, но и в последующие десятилетия. И не только в теоретическом смысле, но и во влиянии на личные судьбы творцов русской культуры.

Едва ли не самая трагичная фигура среди них — Гоголь. Он воспитывался в Нежинской гимназии, созданной как лицей графа Безбородко. Здесь Гоголь прошел полный искус либеральной мысли и был опален дыханием масонских идей, с их явным безбожием и кощунственным по отношению к Церкви направлением. Здесь преподавали крупные масоны Орлай, Зингер, Шапалинский, Белорусов. Вся среда, в которой рос Гоголь, была пронизана космополитическим направлением и неприятием России в ее наличном духовном историческом составе. Трощинский, Капнисты, семья известного масона Лукашевича, двоюродные племянники которого учились вместе с Гоголем — все это вместе создало то гнездо масонской идеологии, которым стала гимназия. Здесь среди учеников было создано тайное братство (см. Машинский: «Гоголь и дело о вольнодумстве»).

То, что большинство преподавателей в гимназии состояло членами масонских лож, не могло быть случайным. Преподавание велось в духе. исключительно враждебном царствующей династии и вероучению православному. В преподавании «естественного права» проводилась мысль о законности мщения, о неправомочности самодержавия, у учеников воспитывалось презрение к учению Церкви. Учили лгать и лицемерить. Гоголь вышел из гимназии законченным романтиком и меланхоликом. Он был опустошен, и пароксизмы самой черной тоски охватывали его по вечерам, когда он приходил после службы домой. Чтобы спастись, он в эти черные минуты брался сочинять что-нибудь смешное для себя.

По воспитанию он был западником, и таким и остался. России он не понимал и не чувствовал. Он ее выдумывал. Он создал карикатуры и маски. Однажды наступил момент, когда он понял, что его талант используют разрушители России, и что он им нужен только в качестве разрушителя, обличителя, карикатуриста. Он содрогнулся, обиделся и пытался вырваться из смертоносных объятий своих «друзей», и был записан ими в сумасшедшие. Это предательство тех, кого он считал своими близкими, ускорило его конец. Трудно найти в мире человека, который был бы так одинок в последние месяцы своей жизни, как Гоголь. Он жил не среди друзей, а среди идеологов, и понял это слишком поздно. Страшное раздвоение всей его личности сопровождало его всю жизнь, и начало этому раздвоению было положено самим воспитанием в отвлеченном круге беспочвенных идей масонских лож, идей гуманного романтизма с их тупиковым исходом в мечтательную сентиментальность, презрение к настоящему и вечное ожидание никогда не наступающего будущего. Из этого же круга идей и его осознание себя пророком, витией, это обольщение гордыней, которое едва ли не более других обольщений заслоняет от человека духовный опыт абсолютной реальности и трезвенности — опыт Церкви. Гордыня — это роковое наследие того тайного братства в гимназии, членом которого Гоголь состоял. О том. что его отношение к России имело сознательно негативное направление в первые годы по окончании гимназии — говорит и то характерное письмо Погодину, в котором он советует изображать русских бояр поглупее и посмешнее, причем чем ближе к престолу, тем глупее. Россия и в дальнейшем оставалась для него лишь мечтой. Он не видел разницы между православием и католичеством, и не видел необходимости обратиться к учению Церкви: «...религия наша, как и католическая, совершенно одно и тоже, и потому совершенно нет надобности переменить одну на другую. Та и другая истинна...» Так никогда не мог бы сказать человек, который имеет хоть малую толику реальной веры и церковного опыта. Но так мог сказать человек, прошедший сквозь космополитическое горнило религиозного экуменизма, в котором все обряды есть пустая формальность и все они — одно в разных формах. Эта школа бездуховного пиетизма, насаждаемого масонскими ложами, делала человека религиозно нечувствительным и неверующим.

Для Гоголя, как и для многих других творцов русской литературы, в какой-то миг вдруг обнаружилось, что магия искусства иллюзорна. Вместо всесилия — двусмысленность, делающая его бессильным. Результат воздействия непредсказуем. В искусстве дух не находит себе пропитания и еще более алчен. Добрый и злой равно наслаждаются творением гения, но добрый остается добрым, а злой злым, и каждый находит в ней себе оправдание. Эта суровая правда открылась Гоголю и, возможно, отсюда его влечение к прямой поучающей речи. Но плащ пророка, заимствованный им у романтической эпохи, оказал ему плохую услугу — он больше раздражал, чем поучал. Его «Выбранные места из переписки с друзьями» это вся та же идея, «священного царства».

Это то же «истинное государство верующих», проповедуемое в «Новом начертании Истинной Теологии» европейских масонов конца XVIII века (см. также соч. Гаугвица «Пасторское послание», пер. 1785 г.). Теократическая идея строителей нового общества на земле, общества муравейника, в котором личности нет места, как нет места и личному выбору, а, следовательно, и нет места любви, добру и самой морали, в основании которой всегда лежит свобода выбора, эта еретическая утопия нашла место и в идее Гоголя, слегка

прикровенная ссылкой на Церковь православную. Но это прикровение менее всего могло обмануть читателей, искушенных в мистической и религиозной литературе. Видимо, в какие-то моменты и сам Гоголь чувствовал, что находится под воздействием обольщения, а потому и писал: «Дивись, сын мой, ужасному обольщению беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела. в наши мысли и даже в самое вдохновение...»

Государство заслонило собой и даже просто заменило Церковь. Оно само стало священным, и Церкви в нем отводится подчиненная роль одного из департаментов по делам... вероисповедания. Чиновник и монах — оба одинаково гайки и винтики священного механизма Единения и Порядка. Губернаторша и помещик у Гоголя должны, как мы помним, поучать священника, заботиться о распространении Библии, быть наставниками простого народа. Все, как во времена расцвета масонско-пиетического Библейского общества Александровской эпохи. Точно такую идею подробно развивал и Сен-Мартен в своей программной книге «О заблуждениях и истине» (1774 г.). Недаром она пользовалась большой популярностью и среди московских «любомудров» в 30-е годы.

Гоголь не вышел из пределов мечтательного, неопределенного, мертвенного пиетизма и сентиментального морализма... Морализма у него много, и совсем нет действительной церковности. И именно поэтому «Выбранные места» не понравились ни о. Матвею, ни свт. Игнатию Брянчанинову, ни Григорию Постникову, также, впрочем, как и К. Аксакову, увидевшему в них западническую, теократическую идею. Оптинский старец Макарий по этому же поводу писал: «...Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но для религии этого мало. Чтобы она была истинным светом для человека собственно и чтобы издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходима и нужна в ней определительность. Определительность сия заключается в точном познании истины, в отделении ее от всего ложного, от всего, кажущегося истинным. Посему, желающий стяжать определительность глубоко вникает в Евангелие, по учению Господа, направляет свои мысли и чувства... сперва просвещение истиною, потом просвещение Духом. Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение, как смешанное, умерщвляет его, чтобы Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии. Если же человек будет руководствоваться, прежде очищения его истиною, своим вдохновением, то он будет издавать из себя и для других свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом, более или менее. (...) Применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что он издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного, неясного, безотчетного, душевного, а не духовного... так как сочинение есть непременная исповедь сочинителя, по большей части им не понимаемая и понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств и в ней различил свет от тьмы, то книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешение. Желательно, чтобы этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристани истины, где начало всех благ» (см. Концевич «Оптина пустынь», с. 593).

Романтические идеи, рожденные в недрах масонской натурфилософии, выплеснулись на улицы русской жизни и приобрели разные очертания.

Это и «Священный Союз», и идея Александра I и кн. Голицына создать священное царство вне Церкви путем библеизации всего русского общества, и слияние Святейшего Синода с Министерством народного просвещения, и образование сугубого «министерства» кн. А.Н.Голицына, это и идея Сперанского, создать какой-то особый корпус священников, во многом осуществленная, это и попытки создать из священников врачей и пахарей в 40-е годы. Отвлеченный мистицизм породил желание истончать реальность до отвлеченного символа и «ликвидировать» народ путем замены его на идеологическое клише. В приписывании народу роковой черты спасителя, мессии мы видим тот же символотворческий романтический порыв. Но символотворчество всегда не только упрощает, но и уплощает, лишает реальность субстанциальности и многообразия.

В волну неопределенного гуманизма попало не только творчество любомудров и Гоголя. Эта идеологическая зараза не миновала и Достоевского, у которого этот сентиментальный, душевный гуманизм так часто неискушенными в религиозной жизни людьми принимается за христианство и церковность. В самом деле, все, что сказал старец Макарий по отношению к Гоголю, вполне применимо и к Достоевскому. У него тот же свет душевный, очень чувствительный, зачастую надрывный до какого-то крика тон, но ясности и духовности — никакой. Потому он так и нравится людям душевным, что созвучен им и служит упоительным соблазном заменить суровость Слова Божия и трудного тесного пути в Царство Божье на некое подобие этого Царства, но не требующее от человека отречения от себя и трудного делания в церковной ограде. Велик соблазн... Достоевский отрицал первородный грех и проповедовал морализм в духе Руссо. «Из этого вытекает, — пишет Концевич. — что созданный им тип о. Зосимы не совпадает не только с оптинскими старцами, но даже с ликом всех преподобных Православной Церкви» (Концевич, 598). В моралистическом христианстве Достоевского все явления объясняются естественным образом. Здесь полная параллель с «Отцом Сергием» Льва Толстого. У Достоевского отчетливо звучат идеи, характерные для иудаизма.

Дуализм гностиков и манихеев, сконцентрированный в каббале и тщательно штудируемый в ложах, облекся в русской общественной жизни в яркие одежды социальных чаяний и революционных порывов. Настоящее в романтическом настрое — это всегда скука, это всегда косность и тоска. Романтизм живет ожиданием будущего, которое никогда не наступает. И эта тоска и ожидание будущего стало лейтмотивом всей русской литературы XIX века. В этом умонастроении легко находит себе место и обличительный пафос. Вспомним и «Вишневый сад» Чехова. где герои так упоительно взывают к будущим красивым людям, вспомним эти завывания о сверхчеловеках, этих красавцах и умницах, которые будут жить «после нас». Еще один шаг и вот все настоящее не более, чем навоз для прекрасного будущего.

Вместе с уплощением шло и опрощение, вражда к христианской культуре, которая враждебна «простому» человеку и ему не нужна. Писарев, Добролюбов и весь русский нигилизм — это только логическое следствие того же романтизма с его ожиданием примитивного будущего и отрицанием бездонного по своему богатству и ценности настоящего. Многообразие жизни и ее божественная цельность, ответственность за каждую былинку, уступают в романтизме желанию все переделать по своему, по своим меркам «социальной справедливости». Что из этого получилось — нам известно лучше, чем кому бы то ни было в мире.

Всей этой грандиозной и чисто дьявольской утопии, которую несла магистральная, романтическая линия русской литературы, противостоит лишь реальность, вернуться к которой и быть с которой великая задача человечества и каждого человека. Путь к этой реальности, как делу всей жизни — это путь духовного трезвения, путь умного делания, это путь борьбы с своими помыслами, мечтательностью и тонким самообольщением своим «я», это путь Православной церковной жизни по вероучению Св. Отцов. Реальность мира Божьего или мечтательный мир темных сил, в котором человек видит себя творцом всего сущего, наделенным всемогуществом, — третьего не дано.

ЛИТЕРАТУРА И ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

То. что мы называем «культурой», сводится к набору многочисленных признаков и явлений, перечислять которые было бы сложно. Как говорят специалисты, существует более пятидесяти определений слова «культура». И к этим определениям можно добавить при желании еще примерно столько же. Любопытно, однако, что само это слово на Русской земле появилось, едва ли не в конце века восемнадцатого, то есть тогда, когда безбожие на Руси шло полным ходом и нужно было как-то определить новую идеологию, новую религию и новые верования, устремленные на мирское благополучие и создание на земле царства Астреи, то есть, по-нынешнему, коммунизма, или, по-иудейски, «гао-лам габа», рая на земле. «Культуры» не было в Московской Руси, а в Петровской, Петербургской она вдруг появилась. Откуда, с чего, с каких рыжиков? И вдруг выяснилось, что какие-то ее проблески были и в допетровской Руси, но так себе, кое-что и совсем мало. Теперь тоже мало. но будет много. С этой верой в неизбежность накопления «культуры», когда ее станет очень много, и наступит полное исчезновение всех вредных привычек человеческих, не станет воровства, убийств, угнетения богатыми бедных и не станет даже и самих-то бедных, как, впрочем, и богатых, рождались, жили и умирали целые поколения русских образованных на западный лад людей, часто вовсе неглупых во всех отношениях. А самым некультурным был, понятно, крестьянин. Он не читал романов, ничего не знал об Антоне Рубинштейне и даже о Пушкине чаще всего ничего не слыхал, не говоря уж о Толстом, или, на худой конец, о Фейербахе или Гегеле. Писарев, апостол этой детской веры в преобразующую роль «культуры», уверял из статьи в статью, что от того у нас есть душегубы и воры, что мало образования, мало знают беллетристику, биологию и физику. И как только удастся всех поголовно загнать в школы, так и наступит рай земной. В этой же детской и примитивной вере в исцеляющую роль искусств и наук пребывали и все наши народные и революционные демократы от Чернышевского до Михайловского включительно.

Главная вина «царизма» в том и состояла, что он, этот самый «царизм», не мог обеспечить всем начального образования. Не мог покончить полностью с таким «мракобесием», как церковно-приходские школы, не мог позакрывать источник «мракобесия» — церкви и организовать на их месте амбары для зерна, склады и клубы с «кофием» и чтением утренних газет с папироской в зубах для местных крестьян.

Но то, что внимательное изучение романов и повестей, стихов и умных очерков способно сделать род человеческий совершенным, никто из деятелей этой «культуры» в этой истине не сомневался ни на секунду. Именно в борьбе за эту «культуру» они и расшатывали основы государственного, общественного и даже семейного быта, провозглашая «свободную» любовь и равенство полов. Революционно-освободительное движение в России началось, как известно, со скандала устроенного пьяными студентами Московского университета в публичном доме в 1855 году, как вспоминает современник событий известный публицист и издатель газеты Н. П. Гиляров-Платонов.

Конечно, в придачу к магическому действию беллетристики, именуемой теперь художественной литературой, предполагалось посылать вдогонку и знания всяких там естественных наук. Но, правды ради надо сказать, что сами эти науки находились, строго говоря, в тисках идейных демагогов, и этим наукам ставилась цель доказать, что Бога нет, что человек от обезьяны имеет честь произойти, что материя вечна, и жизнь появилась согласно учению оккультистов, то есть самозародилась. Все эти идеи были заранее внесены в

научную область, и сами факты менее всего интересовали тех, кто говорил от лица наук.

Среди всего набора тех явлений, что были объединены словом «культура», первостепенное значение в России приобрела художественная литература. Ее появление и развитие знаменовало собой появление новой «религии» в качестве господствующей в обществе, но вовсе не новой в своем существе. Историки литературы единогласно отмечают, что развитие художественной литературы знаменовало появление интереса к человеку, к его чувствам и мыслям, к его переживаниям и надеждам. То есть выражало собой обожествление греховной природы человека, вернее, природы, поврежденной грехом. Вместо Богочеловечества теперь пришло человекобожие. И если Церковь Христова учила и учит человека стремиться к единству с Богом через подражание святым подвижникам ее, то человекобожеская религия погружает чувства и мысли человека в состояние наслаждения чувственным и порочным, нередко прикрытым благородными мечтами и возвышенными целями, вроде «освобождения человечества от оков рабства» и «угнетения слабых сильными». На первое место вышло отношение человека к человеку вне всякого отношения к Богу, что характерно для иудаизма.

История появления беллетристики в России насчитывает всего два с половиной века и хорошо известна в своих главных чертах. Она началась, как переводческая, в сущности уже во времена Екатерины Второй. У ее истоков мы видим исключительно масонов. Нет никакой нужды их перечислять. Пришлось бы перечислять всех наших тогдашних писателей, переводчиков и стихотворцев. Более того, это внедрение в Русское общество непривычной для него литературы стало делом государственной важности, и в него включились как собственные придворные (и сама Императрица в первую очередь), так и масонские сообщества, специально для этой цели создававшие издательства, первые в России. Указ Императрицы о вольных типографиях [1] много помог этому предприятию. А ведь оно было очень дорогостоящим. Нужно было оплачивать штат переводчиков, создавать типографии, закупать бумагу, создавать сеть магазинов, платить гонорары и так далее. Все это ни в какой степени не окупалось и требовало дотаций.

Тот, кто захочет узнать степень распространения при Екатерине Второй и Александре Первом масонства может ничего не читать на эту тему, но зная лишь поверхностно масонскую символику, пойти на кладбище Донского монастыря в Москве. Почти все могилы того времени, включая и женские, имеют богатейшую оккультно-каббалистическую и специально масонскую символику. Этот факт, сам по себе, почти поразительный в сопоставлении с мыслями о том времени, как о времени влияния на Русское высшее общество французского просветительства и появления беллетристики, как некого нового «религиозного» жанра, человекобожия, не может не навести на многие плодотворные мысли. В обществе, исключительно религиозном по своей настроенности, где любое явление общественной жизни, любая идея приобретала воистину всеобщее, религиозное значение, очевидно, и появление художественной литературы приобрело всеобщее и даже религиозное значение. Появляются всевозможные жанры, созданные идеями, культивировавшимися в масонстве: сентиментализм, романтизм и их варианты.

Воскрешаются имена языческих божков и кумиров на страницах журналов и в сочинениях писателей. Журналы Новикова несут весь мрак язычества времен упадка Римской Империи. Банальные рассуждения о страстях человеческих, о цели жизни, о долге и «достоинстве человека» наполняют новые журналы, в том числе и новиковские, то есть издаваемые московскими розенкрейцерами.

Любопытно, что к концу двадцатых годов XIX века относится одна Записка, адресованная, видимо, Императору Николаю Первому по поводу причин бунта на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Автор указывает преемственную связь между этим бунтом и семенами, посеянными новиковскими журналами и прочими изданными им книгами.

В отличие от некоторых современных писателей, числящихся в лагере патриотов, и поющих осанну розенкрейцерам в лице Новикова, анонимный автор оказался более прозорлив и точен.

Для новых целей нужен был и другой язык. И вот армия переводчиков с немецкого и французского села за создание такого Русского языка, который был бы приспособлен для новой цели. Его, Русский язык, в этих целях, корежили, вычищали, вводили новые слова. Московские розенкрейцеры создали даже на свои средства Переводческую семинарию. Они знали дело хорошо.

Многие грамматические обороты в современном Русском являются просто калькой с французского языка. Точно также создавали и новые слова, способные передать смысл иностранных слов. На эту тему имеется специальная литература, и поэтому я не буду долго распространяться о сем предмете. Так, например, сошлюсь на Алексея Николаевича Толстого, который посвятил исследованию этого вопроса отдельную работу <…> [2], поведение героев, их мысли и поступки неизбежно становятся моделью для общества. Литература сочиненная сама формирует поступки людей, их образ мышления и

[1] Указ 15 января 1783 г. «Полное собрание законов», т. XXI № 15.634. Им уничтожалась казенная монополия и объявлялась свобода типографского промысла, в сущности — свобода печати.

[2] Так в тексте. — OCR rus-sky.

внушает представления о должном и презираемом. Причем, совершенно языческим образом. Возникает вопрос: можно ли считать литературу реалистичной, коль скоро она точно отражает нашу жизнь. Нынешнюю и прошлую. Здесь я сошлюсь на замечательную статью протоиерея Михаила Труханова, кандидата богословия, в журнале «Держава» (1996, № 1), озаглавленную «Мысли, вдохновенные Святым Духом... Объективная ложь сочинительской литературы».

«Литература отражает жизнь», — говорим мы, повторяя чужие слова. И немного найдется людей, способных увидеть изъян в самом этом выражении. А между тем, возникает вопрос:

Какую именно жизнь отражает художественная литература? — жизнь, полную лжи, погрязшую в словоблудии, мелких дрязгах, в «грязной тине страстей плотских»?

И богослов протоиерей Михаил замечает по этому поводу: «Посему и не может быть достопорядочности и правды в сочинениях тех авторов, которые сами будучи рабами плоти, рабами страстей... уловляют читателей в плотские похоти». Итак, существует ли, строго говоря, реалистическая художественная литература? Правда жизни — это праведная жизнь, жизнь по правде Божией, по истинным словам Бога. И следовательно, такую жизнь изображает нам житийная церковная литература. Именно она и является правдивой. Она изображает нам правду во всей ее жизненной конкретности. За все века жизни человечества мы имеем изображение этой правды, начиная с Библии. Изображение же греховной жизни, беззаконной и ложной как бы точно это изображение ни было, есть изображение лжи во всех ее оттенках. И именно изображение такой жизни, «чисто человеческой», вне Бога и праведности, и посвящена беллетристика как таковая. Она является ложью сама по себе. Вместо жизни по правде она дает суррогат жизни, изображая не саму жизнь, а ее разложение, умирание, бездуховность. Духовная литература ставит себе целью возрастание в человеке начал духовности через сознание своего недостоинства перед Богом, через сокрушение о грехе, через покаяние... В усвоении духовной литературы человек учится не только правильно мыслить, но и правильно жить. Слово и дело в духовной литературе реально совпадают, чего не скажешь о беллетристике.

Сколько ни читай о благородстве героев романов, благородства не прибавляется в читателе. Ибо правда и сила только в Боге. «Жизнь же во зле, в грехе — есть умирание», — заключает богослов протоиерей Михаил Труханов.

Многочисленные романы, повести и рассказы, как и поэмы и стихи, не сделали нашу жизнь ни лучше, ни добрее. Они дают читателю иллюзию добра и благородства, а не добро и благородство, иллюзию любви, но не любовь...

В пределах обсуждения темы нужности и полезности художественной литературы обычно, при переходе к конкретным именам, ставятся вопросы такого типа: «Как, ты критик, посмел поднять руку на такого-то?! Да знаешь ли ты, несчастный, то такой-то просто святой человек, не говоря о том, что он — гений!» Конечно, в искусстве есть свои гении и свои пигмеи. Но вопрос в другом: а что нам от этой гениальности, что получает наша душа от глубоких переживаний героев и замечательных описаний природы... Вопрос: всякая ли гениальность полезна для человека и общества? Ответ содержится в правильной постановке вопроса. Реальный факт: языковая стихия обществ, выросшая на сочинительской литературе, бедна, отличается скудостью выразительных средств, бедностью образного строя речи. В то же время речь деревенских жителей богата и образами, и точностью определений, и глубиной сравнений. Деревенский, простонародный язык богат — городской беден и примитивен. А ведь, кажется, должно было бы быть наоборот. Пушкинский язык один чего стоит. Увы, не стоит и одной копейки в сравнении с простонародным.

Общества, которые замещают религию художественными произведения, духовно мертвы, бесхребетны и безвольны. Мы часто путаем, к тому же, воспитание и образование. Светские науки, искусства наполняют человека миллионом ненужных сведений, рассеивают его волю и погружают мысли в атмосферу подражательности и испуга перед самим собой. Религия же в первую очередь воспитывает человека и нацию, делает личность цельной.

Совершенно очевидно, что в сущности, невозможно совместить мирское и духовное. И если многие из нас пытаются это сделать, то только потому, что мы малодуховны и тешим себя надеждой, что несмотря на все предупреждения Спасителя, можно служить и Богу и маммоне. И так хорошо пребывать сразу на двух стульях! Но это пустая надежда.

Не следует себя мучить вопросами, заданными умом праздным и мирским, вроде, нужен ли нам Пушкин или Лермонтов? Протоиерей Михаил Труханов отвечает так, в целом:

«Из сказанного о сочинительской литературе напрашивается вывод: не читать вовсе». Если же это невозможно, то нужно последовать совету Василия Великого: «к юношам о том, как получить пользу от языческих сочинений: брать то, что «нам свойственно и сродно с истиной, остальное будем проходить мимо». Василий Великий далее советует «оберегать душу, чтобы, находя удовольствие в словах, незаметно не принимать чего-нибудь худого, как иные с медом глотают ядовитые вещества».

Мы воспитаны на Пушкине и Лермонтове, Гоголе и Чехове, как поколения древних римлян и греков перед явлением Христа были воспитаны на Вергилии, Гомере, Феокрите, на Платоне и Аристотеле. Но есть разница. Те творили до пришествия Христа, мы же находимся в состоянии отпадения от Христа,

апостасии. Они не имели явленной Истины, мы же отрекаемся от Нее ради игрушек языческого мира. Но те, древние, в лице своих лучших представителей стремились искренне к Ней, мы же столь же искренне от Нее отрекаемся ради похотей примитивного бездуховного ума, ради удовлетворения своих греховных наклонностей. Есть разница? Есть, и принципиальная.

Так что же такое светская «культура»? Ответ на этот вопрос представляется очевидным: это есть человекобожеская религия, отвергающая Истины Христова учения и видящая бессмертие только в делах коллективного человека, который «все может САМ». Это «религия Труда и Этики», религия «чисто человеческая». Но последние определения принадлежат масонству, которое именно так определяет свое учение. Культура — это культ поклонения Человеку, в котором все свято и греха нет. Это культпоклонения коллективному человеку, в котором отдельные персоны складываются в общества. Она, «культура», основывается на теософской мысли, что сам Бог осуществляет Себя только через дела человеческие. Тогда человеческое общество в лице «избранных» есть становящийся Бог. Вот, собственно говоря, религиозная подкладка слова «культура». Но эта религиозность «чисто человеческая», потому что такой «бог» — безличный и какой-то неполноценный.

Прежде, чем кого-то в чем-то убеждать, надо правильно расставить точки над «i». Хочется думать, что автору в какой-то мере это удалось.

Перед каждым из нас — или... или. Третьего не дано.

1997 г.

«КУЛЬТУРА» КАК ОРУДИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗРУШЕНИЯ

I

«...Но вместе с тем на нем, как редко на ком, сказалось то странное воздействие, которое оказывало в России воспитание. Воспитание всегда вырывало у нас человека из почвы, и, смотря по положению его, отчуждало его либо от среды, либо от родины. Григорий Петрович, как многие в то время, был тем менее русский, чем более культурен. (...) С сильной художественной складкой, исключительно одаренный... он не был создан ни для чего, что требует корней; он был не нужен родине, как остался не нужен своей семье». (Князь Сергей Волконский, «Мои воспоминания», М., 1992 г., т. 1, ее. 383-384).

Когда-то, в начале XX века, когда общественная жизнь России вышла из своих патриархальных берегов и раскололась на враждебные лагери, возникли впервые не только революционные партии и левые органы печати, но и правые. Возникли левые и правые политические движения. Появились впервые люди, назвавшие себя националистами. В отличие от монархистов и их массовых организаций, число националистов всегда было незначительным и какого-то существенного влияния на ход политической борьбы они не оказывали. В III Государственной Думе их число не превышало двух-трех десятков. В IV Думе они составляли уже значительную фракцию — 88 человек. Но за стенами Думы их было немного. Это были небольшие группы из журналистов, профессоров университетов и политических деятелей. В народ эти националисты не пошли и сама их доктрина была создана не для простонародья. На слух русского человека то, о чем толковали русские же националисты, воспринималось как чисто заморская и даже едва ли не барская выдумка, с революционным душком. Что и имело место в действительности.

В резкой полемике с националистами находились все органы черносотенной, то есть монархической печати. Что, быть может, и есть самое интересное. Кратко излагая суть проблемы, нужно сказать следующее. Националисты из известной триады — «Православие, Самодержавие и Русская народность» — сделали свою триаду — русская народность, парламент, конституционная монархия по английскому варианту. Русская народность должна была стать господствующей. Это на первом месте. Политическая, кадровая политика правительства должна предоставить русским определенные преимущества в системе административного аппарата и других областях государственной и общественной жизни. Поскольку только западный тип цивилизации способен обеспечить государству и народу процветание, то следует тихо, но неуклонно двигаться в сторону Запада, пример чему подавали и сами правительственные решения тех последних лет: разрешение политических партий, общественных организаций (1906 г.), утверждение в стране думской монархии, то есть парламентской, фактическая отмена цензуры, открытые границы с Западом и прочее в том же духе...

На практике это привело к тому, что фракция националистов в Государственной Думе четвертого созыва быстро вошла в стачку с самыми левыми партиями, стала инициатором Прогрессивного блока и приняла самое активное участие в свержении самодержавия. Некоторые из националистов еще до того пошли на содержание сионистско-кадетского комплота, активно стали выступать в защиту «избранного и гонимого» еврейского народа, не отказываясь от звания умеренных монархистов и националистов. Пример тому — известный последователь Каина и Иуды, этих подвижников прогресса и демократии, В.В.Шульгин. Вечно шатающийся в своих воззрениях, хотя и талантливый и очень симпатичный лично, М.О.Меньшиков на своем примере доказал, что сам по себе русский национализм идейно пуст, бесхребетен, неплодотворен и из него ничего, кроме набора пустых, громких и красивых

фраз, выжать невозможно [3].

Что этот национализм призывает русских служить идеалам шатким и неорганичным. Еще там, где с ним была соединена чуткая и бескомпромиссная совесть, врожденный дар логики и искренность без страха иудейского, там еще можно было получить блестящие образцы публицистики. Но не все в конце концов публицисты. А во-вторых, на одном отрицании и анализе далеко не уедешь. Тем более на утверждении идеалов демократии и прогресса, т.е. революционных и иудейских. Кроме того, в этом случае обеспечен совершенно искаженный взгляд на причины и следствия в русской истории. Ибо взгляд и оценка становятся позитивистскими, а в основе всего — материализм. Отсюда полное непонимание мотивов поведения русских людей в деле созидания Русского государства.

В критике националистов со стороны монархистов самым точным определением было: мы, монархисты, на первое место ставим дух русской народности — Православие и его защиту на земле русской — Самодержавие. А националисты — русскую кровь, которая должна питать материализм и западничество, т. е. начала иудейские. Кому этот национализм нужен?

II

Сегодняшний русский патриотизм не вышел за пределы этой дилеммы, и надо признать, что, несмотря на провозглашение в ряде публикаций фраз о пользе для русского народа Православия, необходимости следовать идеям «национальной самобытности» и не отрываться от «отеческих корней», основной ход мыслей и ценностные ориентиры как раз носят все черты критикуемой, как правило, стороны — масонства и западничества. За фразой стоит утверждение, отрицаемого на словах.

Большинство исследователей и публицистов из настоящих русских по понятным причинам стоят в круге культурологических ценностей, в систему которых легко вводятся любые слова и понятия, в том числе и «православие», и «отеческие корни», и «исторические традиции».

Разумеется, круг поднятых вопросов не может быть исчерпан и в десятках статей, но важно осознать проблему. Такие слова, как «нация», «культура», «социализм» у всех на слуху, но вопросы, связанные с ними, и стоящие за ними легенды и обманы более чем актуальны для любого человека, как читающего, так и вовсе не читающего ничего. В конце концов речь идет о добровольном рабстве несуществующим богам и существующим демоническим силам, выдающим себя за богов, как ни банально и риторически это ни звучит.

Как бороться с масонством, задаются часто вопросом люди, начитавшись соответствующей литературы, посвященной и современному положению вещей, и проблемам нашей истории. Ответ из этой литературы напрашивается один: никак. Много умного можно прочитать, много узнать о происках сионизма, мысленно сочувствовать идеям освобождения русской земли от нашествия двунадесятых языков, возглавляемых какой-нибудь шайкой «демократов», но ответ один — ты мал, и слаб, и одинок. Там политики, там дельцы, и, даже если захочешь, туда, где решается судьба страны и мира, ты не сможешь проникнуть. Тем более что практика показывает: и проникшие за кулисы власти легко отдают себя все тому же израильскому капиталу и бнай-бритовской когорте борцов за «права человека». Такой неутешительный вывод следует из нашей историко-публицистической патриотической литературы.

Пока вопрос в публицистике решается на политическом уровне, пока все описываемое относится чисто к внешней стороне дела, до тех пор никакой практической пользы получаемые сведения не приносят. Они только вселяют уверенность, что от тебя, маленького человека, забитого нуждой, ничего в этом мире не зависит. И уж вопрос о том, чтобы противостоять какой-нибудь громадной политической организации, снабженной всей мощью современного финансового и пропагандистского аппарата, просто смешон. И в таком эффекте воздействия на читателя — ахиллесова пята всей просветительной литературы на эти темы. Конечно, не исключено, что целью многих таких публикаций является деморализация читателя.

А ведь между тем речь-то идет не о финансах и не о политических вопросах, речь идет об исповедании определенной религии и о религиозных кумирах. А это уже та область, в которой каждый человек сам волен и властен решать так или иначе. И вся политика, и все политические интриги, и все революции, и все интернационалы, и все мощные силы всемирной масонской организации только для того и существуют, чтобы держать каждого из нас в лоне этой религии. В ней и только в ней — вся суть.

Замороченные политиканами, историками, воспитанными в духе этой

[3] Меньшиков Михаил Осипович, ведущий публицист «Нового времени» с 1901 по 1917 г. Род. 25 сент. 1859 г. Расстрелян 20 сент. 1918 г. евреями-чекистами на берегу Валдайского озера, на глазах своих малолетних детей за свои разоблачительные статьи по еврейскому вопросу (из его письма жене накануне расстрела: «Члены и председатель чрезвычайной следственной комиссии евреи и не скрывают, что арест мой и суд — месть за старые мои обличительные статьи против евреев. Они называют их погромными...»). Многое из того, о чем писал Меньшиков, сбылось слово-в-слово и этого ему не могла простить новая, кроваво-мстительная власть. По убеждениям Меньшиков был западником и конституциалистом. Один из основателей Всероссийского национального союза (1908 г.). Его перу принадлежат 16 томов «Писем к ближним», в которые сведены все его статьи в «Новом времени» за 16 лет. Ныне они практически недоступны широкому читателю даже в центральной Российской библиотеке. /см. подробно о М. в «Российском Архиве», М. 1993 г., т. IV. Материалы к биографии М.О.Меньшикова/

религии, мы принимаем средство за цель, а цель и вовсе не видим. Нам внушают, что вся политическая борьба, все революции, все козни масонов и Бнай-брит только для того и существуют, что им нужны деньги и власть. А сама власть опять же для того, чтобы иметь много денег и власть над природными ресурсами мира. Так это видится с точки зрения материалистов-историков и журналистов, позитивистов и прагматиков. Более наивного и глупого трудно что-либо еще представить!.. Но, в конце концов, эти положения находятся на одном уровне с доктринами экономического материализма, где религия — выдумка попов и порождена производственными отношениями.

Что первое приходит в голову нашему человеку, когда ему хочется доказать, что русский народ не так себе прост, что он чего-то значит, и, что если уж по большому счету, то, во-первых, он доказал свою талантливость и, во-вторых, имеет право на достойное место в ряду других цивилизованных народов. Он вспоминает сразу с десяток-другой имен писателей, нескольких поэтов и нескольких композиторов, которых он, говоря по правде, не читает и не слушает. Затем, непременно, Суворова и Кутузова, а теперь еще и Жукова. Но, удивительное дело, те, с кем ему приходится держать полемику, как правило, все люди тоже начитанные, и, конечно, тоже люди культурные, потому что с безкультурными что же и говорить. Хотя они по большей части и нерусские, но вполне соглашаются с набором «великих» и «значительных». Толстые журналы, как «наши» так и «не наши», в общем тоже пишут о тех же великих с тем же пиететом и с тем же непременным упоминанием при соответствующем субъекте того же предиката «великий русский писатель (поэт, композитор, художник)», лишь включая в эту когорту более широкий набор таких «русских» имен, как Шагал, Мандельштам и другие, а также включая всех русскоговорящих, что-либо когда-либо как-либо написавших на русском языке, даже самое неудобоваримое. Но это другая проблема, хотя она страшно раздражает одних и нравится другим, ведь еврей — «это наше все».

В этой полемике о роли русских в мировой истории, о роли всевозможных врагов русского народа и заговорщиков, при внимательном прочтении полемических статей остается впечатление какой-то условности между двумя партнерами, которые как бы договорились вести дуэль холостыми патронами, делая выстрелы погромче и с большим дымом. Эта пиротехника полемических боев более всего нравится читателю. Конечно, условность есть, частично есть и договоренность. Но если бы все упиралось в последнюю, то не было бы большой проблемы. Это свидетельствовало бы только о том, что вся полемика вокруг русского вопроса с большинством публикаций в книгах и журналах направляется из одного центра. По крайней мере, проблема носила бы чисто внешний характер.

Понятно, что заранее двусмысленность ситуации в такой активной полемике, начавшейся, по правде говоря, давно, вместе с началом революционного движения в России в веке XIX, полемике о русском и космополитическом, заложена общими вкусами и ценностными ориентирами обеих сторон, русской и космополитической. Или, если шире — кадетской, т.е. русской по форме, иудейской по содержанию. Смысл шаткости русской стороны заключается в том, что сама полемика стоит на шаткой основе — основе не национальной, а вненациональной; эта основа — «всемирная культура» и ее ценности, созданные отнюдь не русскими вкусами, как они выразили себя в допетровской Руси, и даже не немецкими и не английскими, а, следуя верным наблюдениям многих мыслителей, как сионистов, так и их идейных противников, вкусами иудейскими...

III

Мне могут возразить — такие имена, как Пушкин или Л.Толстой, Тургенев или Чехов являются столпами мировой культуры из-за гениальности их сочинений. Одно замечание мне представляется нужным сделать. Если иметь в виду такое качество творчества, как гениальность, то она несомненно от Бога, но если иметь в виду другое качество, необходимое для того, чтобы эта гениальность стала достоянием многих людей, а именно значительность, то ее присутствие — вещь вовсе условная и чисто конъюнктурная. Один гений больше значит сегодня, на другого гения нет спроса, третий и вовсе не раскупается. Или, чаще, и вовсе не издается. В сумасшедшем мире спрос, понятно, будет на сумасшедших, а в здоровом — на здоровых и крепких в своем деле. Но и в здоровье, и в сумасшествии есть свои гении и свои дарования.

Кроме того, процесс создания культуры, как и любой процесс в мире организованных иерархически государств, есть процесс, направляемый и организованный определенными людьми по определенным вкусам. Сами вкусы не есть вещь стихийная, свалившаяся с гор Памира или Монблана. Вкусы создаются, и это аксиома. Конечно, есть консервативность вкуса и привычек, и есть традиции. Но именно пример нашей страны показывает, как громадный народ усилиями идеологов-террористов в течение двух-трех поколений почти напрочь забыл эти национальные традиции на девяносто девять процентов. В стране, например, где пели все, от извозчика до купца-горожанина, в любой деревне и на любой улице, сегодня знают только два слова из песен Дунаевского и какого-нибудь ублюдочного Чебурашку. Это люди старшего поколения. А сегодня и вовсе молчат, и даже знаменитый «Шумел камыш...» почти не услышишь, хотя пьют, как и прежде, много и самозабвенно. Уж не говорю о многом другом, что касается этой проблемы. Одно ясно — страна духовно онемела — ни молитвы, ни песни не знает. Да, вкусы навязываются, прививаются и диктуются. Спрос организуется. Да и вся история СССР — это история целенаправленного, по одному четко

обозначенному плану, процесса уничтожения целого космоса культуры певучей, добродушной, лукавой и подвижнической, избяной и теремковой, с колокольными перезвонами и крестными ходами, с любовью к пересудам и всевозможным чудесам, церемонной и неторопливой, скептической к властям и не знающей решительно о культе «великих личностей».

История нашей страны являет пример того, как грубо, насильственно, ломая и сжигая, осмеивая и оплевывая, создавалась новая безбожная религия, новые вкусы и новый советский народ, как социальное и политическое единство. В этой культурно-религиозной ломке вся суть всех репрессий большевизма, вся суть уничтожения русской деревни с уездными городами включительно. Как же в такой ситуации не вспомнить и не подумать над одним фактом и не попытаться его осмыслить; я имею в виду, какое громадное значение режим, пришедший к власти, придавал с самого начала искусству, образному и литературному, для целей великой переделки русского народа, как и других коренных народов России. Писатели, поэты, режиссеры напрямую писали вождю и отцу народов, советовались и вводились в руководящий орган партии власти. Они стали руководящей ложей идеологов в стране, направляющей и созидающей новую религию — религию социализма, «религию человечества», о которой писали идеологи масонства с давних времен. Романы, повести, киноискусство, театр... И все это направлялось, цензурировалось, финансировалось по одному плану и из одного центра. Новое еврейское по духу искусство, чуждое вчера поколению, выросшему в царской России, уже через двадцать лет после революции новым поколением воспринималось как свое, родное. Одновременно уничтожались все книги по русской истории, по философии, все старые дореволюционные журналы, все религиозные книги, все старые школьные учебники и... кладбища. Чтобы сделать вновь создаваемую культуру на началах чисто иудейских и, соответственно, «общечеловеческих» и всемирных, догадались в тридцатых годах придать этой культуре национальную форму при наличии непременно социалистического содержания. Повести, рассказы, романы стали воспевать освобождение угнетенных и оскорбленных, описывать «ужасы царизма» и — в русле атеизма — воспевать «человека труда», «человека науки», человека, устремленного в светлое будущее и своими силами, без всяких там «поповских суеверий» и «боженьки», созидающего светлое царство «освобожденного труда». Понятно, человеческие переживания, любовные коллизии, столкновения с рутиной в форме недобитого кулачества или зазнавшейся бюрократии, втягивали читателя и зрителя в сопереживания и заставляли плакать и вздыхать, а заодно и вдыхать аромат курильниц новому «чисто человеческому богу» — коллективу, творящему чудеса и не нуждающемуся в Боге и Церкви.

IV

Обозревая все это и вдумываясь в происшедшее, нельзя не удивиться, как быстро нация стала заплевывать свое прошлое, свою религию и петь хвалу своим врагам, врагам Христа и добровольно служить своим словом и делом палачам решительно нерусских кровей, о которых русские люди знали из Священного Писания. Трудно человеку сидеть без работы в углу коммуналки и умирать с голоду, страшно не хочется попасть на мушку чекистам — это понятно. Но кто же заставлял скромного рабочего, инженера и мелкого чиновника орать самозабвенно о «поповщине», «кровавом царизме» и распространять сказки о «жутком положении» рабочего человека в «проклятом прошлом», когда сытые и довольные физиономии его родителей на фотографиях из того прошлого ярко свидетельствовали о благополучии той жизни, где не было коммуналок, очередей и великих строек под дулом винтовки. И даже сексотов и партийных проработок.

Но... такая необходимость лить помои на святой алтарь появлялась всегда, когда очень хотелось стать писателем, артистом, романистом и поэтом, режиссером и просто руководителем какой-нибудь конторы, то есть социально обозначиться и вылезти «в люди». Без такого запачкивания себя прямыми кощунствами в адрес Церкви ни один деятель искусства, особенно писатель, самый что ни на есть патриотический и «наш», включая некоторых из племени так называемых «деревенщиков», ставших одновременно членами ЦК КПСС, фрейлинами их величеств генсеков, титулованными номенклатурщиками, никак не мог обойтись. К этому принуждали. И на это соглашались... Когда-то через кровь входили в революционные банды, и кровь спаивала. Кощунство периода советского большевизма тоже спаивало и объединяло людей этой «чисто человеческой религии». Я помню выступление известного писателя В. Распутина на каком-то собрании уже времен перестройки по телевизору. Магометанство, буддизм, христианство играли положительную роль в равной степени, вещал он нудным голосом, ибо все религии воспитывают в человеке положительные моральные качества. Ну, точь-в-точь, как еврейский просветитель Германии Мозес Мендельсон и его соратники по масонской ложе. Впрочем, и Мендельсон был известным писателем. Но дело не только в такой откровенной демонстрации своей приверженности атеистической религии «всечеловеческой культуры». Дело, понятно, глубже, и заключается в самом характере этой религии и ее текстов, создаваемых новыми жрецами ее — писателями, художниками, поэтами и идеологами от журналистики и телевидения. Нельзя, впрочем, не заметить, что в основе любого общества в государстве лежит определенная религиозная или философская идея, или Легенда. В основе советской идеологии тоже лежала Легенда, символами которой воодушевлялось все искусство советского периода. В этой Легенде было несколько глав, взятых из круга оккультно-герметического масонства.

Собственно, этой теме и посвятил свою работу «Религия и социализм» (СПб., 1908, ч. I-II) будущий нарком образования и культуры Л.Луначарский. Это чисто еврейская Легенда. И чисто масонская.

V

Да, культура — это идеология «человеческой» религии. Да, вкусы создаются. Как создаются телевизионные программы с заложенной в них определенной идеей, как составляются планы книгоиздательств и как многое другое.

Вкусы же — дело прихотливое. Никто не спорит, что, например, Гомер гениален, и даже очень. С этим согласятся все, но читать не будет никто. За очень редким исключением. Существует и отчетливо выраженный национальный вкус, проявляемый в отрицании. Например, по моим наблюдениям, никакие утверждения авторитетных людей, что «Дон-Кихот» гениальное произведение, не могут русского человека, подростка и взрослого, заставить прочитать хотя бы два десятка страниц этого монумента всемирной интеллигенции. И то, что это — монумент, вовсе не представляется очевидным. Зато еврейские дети читают его с искренним восторгом.

Кафку только русский интеллектуал прочтет, и то разве что «для порядка», а еврей прочтет и не будучи интеллектуалом, а простым инженером или продавцом. То же с Шагалом, с Пикассо... Впрочем, то, что существует определенный национальный психологический тип, выражаемый и во вкусах литературных и зрительных искусств, — это отмечено давно. Например, в замечательной работе Э.Метгнер (Вольфинг) «Модернизм в музыке». (СПб. 1911 г.) И с этим творцам всемирной культуры приходится считаться. Но замечу сразу, считаться в форме, но не в содержании. Слово «всемирный» что-то да означает: означает же одну-единственную идею, выраженную в свое время (в 1723 г.) в масонском катехизисе — «согласие в главном, разнообразие во второстепенном». Совершенно очевидно, что нам навязывают еврейские вкусы, которые всемирны.

А что главное, что второстепенное, еще предстоит разобраться. Но, разбираясь, приходится сразу ставить себя под удар, который уже не раз следовал вслед за таким «разбирательством». Лично мне вспоминается по этому поводу Тертуллиан и содержание его полемики с язычниками. Для них Тертуллиан и его единоверцы были не кем иным, как нигилистами, ниспровергателями всего и вся; всего того, что так дорого всему «культурному миру». И в этих словах нет иронии. Был культурный мир, тот самый, кстати, который так успешно мы сегодня воспроизводим в главных чертах, и были отрицатели этого мира. По крайней мере, всех статуй всех решительно богов, и всех героев, и всех вообще капищ, невзирая на их очевидную для сегодняшнего мира художественную ценность.

И дело не в том, чтобы что-то ломать, а в том — что надо признавать и чего не надо. Может быть, значимость для одного, а может быть, значимость для всего общества, а последняя чаще всего определяется значением в ценностной системе данной культуры. Когда значимость определена, вопрос переходит в плоскость достаточно всем известную, чисто техническую: выделение денег, экранного времени, выделение бумаги на издание, реклама и прочее, вполне очевидное для каждого. Происходит легализация какого-либо произведения, его тиражирование и активнейшая пропаганда.

Учитывая все эти факторы создания культурного процесса, приходится расстаться со многими романтическими представлениями на уровне детей дошкольного возраста, вроде классической фигуры, столь дорогой сердцу обывателя: «талант всегда пробьет себе дорогу» [4]. Много у нас талантов, противных большевистской идеологии, пробило себе дорогу на книгоиздательском фронте? Эти таланты в основном пробивали просеки на лесоповалах, вот и все. Но смею заметить, что и во всеобщий котел всечеловеческой культуры кладут далеко не любой продукт, как бы ни был он вкусен и полезен. Напрасно думать, что не существует никакой идейной заданности во всем этом мировом процессе. Во всем этом разнообразии есть тоскливое однообразие... Пошлость была всегда, но сегодня именно на нее делается ставка.

Но вернемся к полемике, в которой одна сторона доказывает неполноценность русской нации. Рефрен, звучащий в каждом утверждении какого-нибудь телекомментатора или историка-публициста,— «в этой стране все не так». Пример чистого, сытого и вежливого Запада колет глаза, и в нем, как в зеркале, мы и без комментаторов видим — действительно «не так». Грязь, нищета и хамство плюс бандитизм и самое беспардонное воровство сверху и повсюду. Да еще большевизм и бездорожье. Отчего это «все не так»? От вашей русской неполноценности, говорят нам. Мы с этим не согласны. У нас русская литература и много ученых... Между тем, постоянное выдвижение вперед имен и фамилий знаменитых для доказательства величия и значимости самой русской нации изначально порочно и таит в себе вовсе не идею значительности и талантливости своего народа. Бесконечное козырянье и цитирование по случаю и просто так Толстым и Достоевским, Чеховым и Куприным, десятком других имен философов и мыслителей, композиторов и певцов — лишь свидетельство вырождения если не самой нации, то ее окультуренных представителей, которые только как бы на то и способны, чтобы быть поставщиками ко двору Ее Величества культуре работников и глашатаев.

Бесконечное тиражирование мыслей значительных и гениальных,

[4] По умному замечанию редактора — талант нуждается в помощи, и только бездарность сама пробивает себе дорогу.

комментарии к ним и комментарии на комментарии сродно работе раввинов-талмудистов; оно лишает человеческую мысль авторитетности и содержательности и передает оценку мысли в руки комментаторов культуры: «как сказал Федор Михайлович», «как писал Лев Николаевич», «как отметил в свое время Лосский...», и далее следует, как правило, какая-нибудь совершенно банальная сентенция. Самая замечательная мысль, сказанная от себя, пройдет незамеченной, если не опирается на соответствующую цитату.

Целая армия комментаторов-литературоведов, этих талмудистов-гробокопателей, заслонила живую человеческую мысль засушенным гербарием — цитатой и сделала почти невозможной ее самостоятельность.

Но и за минусом этого талмудического процесса, получающего свое освящение в основных догматах иудаизма с его культом личностей, творцов культуры, обращение с пиететом к ряду своих отечественных «великих» и «значительных» с целью утверждения величия своей нации таит в себе совершенно другую идею. В культурологической апологетике своей нации сквозь призму человеческой кумирни, на капище всемирной культуры скрываются основания шаткие и двусмысленные. Речь должна была бы идти о понимании уникальности своего народа и необходимости его существования в творческом замысле Творца и Вседержителя. А понимание уникальности русского народа должно было бы совершенно по-другому расставлять и все акценты и в отношении национальной значимости к творцам общечеловеческой культуры, даже из числа своих соплеменников. Культ личностей появляется тогда, когда сама культура перестает быть церковной и становится мирской. Кто имеет доступ к историческим материалам, включая мемуарную, тот, возможно, с удивлением на первых порах отмечал, что в допетровской Руси и в послепетровской (но уже только со стороны простонародья) совершенно буднично, без восторгов и без особого внимания писали и говорили сами современники о тех людях, чья изображения сегодня мы видим в учебниках русской истории. Культ личности всех писателей и поэтов, музыкантов и композиторов, весь патриотический запал в этом направлении совершенно непонятен сельскому миру России и всей русской провинции. Там, свидетельствую, никогда не было проблем и с культом Сталина, как, впрочем, и с его извержением, там просто другая психология и другой язык. «Культ личности» возникает только в культуре иудейской и называется гуманизмом. В христианстве есть только культ Творца и Спасителя.

VI

Посмотрите на известное: как крестьянский мир относился к Толстому и Достоевскому, к другим великим и значительным «народным» поэтам и писателям в дореволюционной России. Ни плохо, ни хорошо. Просто никак. Интеллигентная, «барская» культура, для интеллигентов и нужная. В 1918 г. эти, со слов сегодняшних глашатаев «великих и значительных», облагодетельствованные крестьяне разграбили и сожгли поместья «великих» и «значительных», «любимых народом» мастеров слова. Можно говорить о варварстве и одичалости народа в ту пору, и это будет верно. Потому что грабить и сжигать грешно и преступно. Но можно задуматься и о другом. Пока не было «великих и значительных», а народ жил по Псалтири и сам любил сочинять и петь, усадьбы не горели, и воровства, по свидетельству даже иностранцев, было мало. Намного меньше, чем в Западной Европе. Да ведь глубинка жила патриархально и без замков на дверях уже и в наше время. Но, понятно, талантливо описывая мучения народа под игом извергов дворян, выжимая слезу над строчками «Муму», читая слезливую «Историю» Карамзина, в конце концов начинаешь зажигаться ненавистью к «тиранам». Чего же тут удивляться откуда взялось это одичание? В автобиографиях революционеров всех мастей можно отметить одно важное место: решительно все говорят, что пришли в революционные организации через чтение классической литературы. Одни отмечают «Дым» Тургенева, другие «Бесы» Достоевского, третьи стихи Некрасова. Декабристы в числе своего идейного багажа, приведшего их к бунту, называли и «Историю» Карамзина среди других сочинений. Именно «гуманизм» ведет народы к одичанию, опустошает душу.

Почему такая важная роль отводилась ими художественной литературе? Не потому вовсе, что там были прямые призывы к бунту и насилию. Дело вовсе не в этом. Призывами занимались другие. Примерный ход объяснений таков: чтение Чернышевского и других авторов, которыми увлекались старшие товарищи, проходило бесследно и никакого интереса и понимания по началу не возбуждало. И только после чтения художественной литературы стали волновать проблемы, ответ на которые и давали уже чисто революционные авторы. Возбуждался интерес к проблемам, которые раньше были неактуальными. Именно в проблематике все дело. Собственно, и Бердяев отмечал совершенно справедливо, что в марксизме важно не содержание учения, а его проблематика. А проблематика эта заключается в одном: как благополучнее и получше устроиться в этом мире, как удовлетворить свои «естественные» потребности, будь то вопросы любви, честолюбия или общественного переустройства. Так раскрывается смысл «чисто человеческого» масонского катехизиса. И еще: вместо нравственности — этика, моралистика.

Что же после этого иронизировать или удивляться по поводу разграбленных усадеб и одичания русского крестьянства?! Но странно после этого, осмысливая в общем-то хорошо известное, ссылаться для доказательства величия своей нации на творцов мировой культуры и апостолов свержения православного уклада жизни русского народа. Ведь странно было бы ссылаться

для такого случая на имена святых, в земле российской просиявших, взяв в руки Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского. Дмитрий Ростовский не говорит нам о величии рода человеческого и не тешит национально-патриотическое чувство. Он говорит о величии Бога и о человеке, понявшем это.

Лестно, конечно, что именно наши, природные русаки, кровные и родные, так ценимы во всем культурном мире. Конечно, подлинный культурологический патриотизм, основанный на началах в общем-то вненациональных, в чем его изначальная неполноценность, заставляет после всех этих рассуждений раздраженно произнести банальную и пошлую фразу: мы «их» — «им» не отдадим. Увы, в отличие от денег, «их», «великих и значительных», хватает на всех — и на «наших», и на тех, что вовсе «не наши», но которые почему-то тиражируют «наших» и ставят их на золотые постаменты всечеловеческой культуры. Банальное и пошлое объяснение: из-за таланта. Вернее было бы тогда добавить: из-за таланта, обслуживающего «всемирную культуру» серого мещанина.

Что дает нам наличие целой когорты великих русских ученых, гениальных писателей (поэтов, композиторов, художников) для нашей национальной выживаемости, для нашей национальной воли к самоопределению и свободе? Будем откровенны, решительно ничего. Факт слишком очевидный. То есть очевидно отсутствие этой воли, отсутствие национальной гордости, позволяющее терпеть любые измывательства над национальным русским достоинством. И вымирание нации, покорно следующей к своему последнему часу, если ничего, конечно, в сердце народном не изменится, не произойдет. Вспоминается жуткий рассказ о жизни последнего тура в Беловежской Пуще, как он звал трубным голосом сородича в лесной чаще, последний... Не хотелось бы быть пророком.

Любят вспоминать Смутные времена и князя Пожарского вместе с купцом Мининым. Но в те времена люди не знали о наличии «великих и значительных». Шли в ополчение с иконами, после поста и молебна. А под знаменами Чехова и образами Толстого спасать отечество не пойдешь. Культурным будешь, интеллигентным и «с пониманием» будешь, а жизнью своей единственной рисковать не станешь. Мы и не рискуем, сидим тихо. Именно эта культура сделала нас вялыми и безвольными.

Итак, очевидно и наличие у нас великих имен в запасе, и великая литература, и великая музыка и много еще чего великого. Но никого все это не вдохновляет и на бой не зовет. «Наши современники» пишут для своих, ихние «современники» пишут для всех. Все умнеют на глазах, знают бездну ненужных вещей, все, понятно, отрывками и урывками, знают все о «мировом заговоре» и о том, что «жиды» сгубили Россию, и вполне с этим многие соглашаются, как и с ролью рабов, которую их заставляют играть. Мирская, внецерковная, цитатная и кумирная культура и не могла не дать такого эффекта — полного развала национального самосознания и национальной воли. Размазывания ее по страницам, цитатам, ненужным фактам и ученым рассуждениям. От того «избранные» так талантливо нас грабят, что мы культурны их культурой.

Существуют народы, которые не имеют в своих рядах и пары своих «великих» и «значительных», и даже полчетверти своего Карамзина и одной десятой Тургенева или Достоевского, и даже не только не имеют, но и нужды их иметь не испытывают. Возможно, потому и не имеют. И между тем они чувствуют свою национальную гордость, именно национальную; они, в отличие от нас, не дают себя угнетать всемирной ассамблее «демократизма и прогресса», плевать себе в лицо и вовсе не чувствуют необходимости кому-то доказывать, что их народ велик, а потому «его» нельзя обижать.

Для каждого человека, не плененного тиражами «всемирной цивилизации», ясно, что само стремление доказывать свое право на уважение со стороны других народов говорит о недостатке самоуважения, которое не нуждается ни в каких логических доказательствах. Совершенно очевидно, что русский народ утратил ключевые позиции в самой России со времен февраля 1917-го, утратил главное дело, ради которого он, собственно, и был явлен на свет Творцом и Создателем, и с тех пор шатается по бесплодной пустыне как неприкаянный, как Агасфер, Вечный Жид, и, в общем-то, в таком качестве ненужный. В первую очередь самому себе. Ибо другие дела — мирские, дела благоустройства земной жизни другие народы делают лучше и чище. А слово Православия, слово Церкви и сегодня даже и в устах иерархов Московского патриархата звучит тихо и неуверенно, как-то стеснительно. Для чего же тогда и нужен этот народ, забывший слово Божие? И главное — это чувство неприкаянности чувствуется, кажется, у нас в стране всеми. Сверху донизу никто не имеет представления, как жить и ради чего. Всем ясно, что ради царства всеобщего благополучия здесь, на земле, нести ноши своих тягот никому не хочется и просто бессмысленно. Скука, вот беда людей, потерявших свое главное дело на Земле...

Личная уверенность, что мой народ — народ хороший, нужный и необходимый и имеющий право на достойную жизнь, заключается в моем точном ощущении того, что я живу и живет мой народ, что мы, как народ, есть некая особенность; особенность, не упавшая с потолка или свалившаяся на землю вроде какого-нибудь метеорита, а, наверное, по воле Божией. У нас свой язык и свой быт, свои песни и свои обычаи, а главное, свое видение мира и свой тип миропонимания. И стоит ли на эту тему долго рассуждать. Я — есть, и этого достаточно!

Не говорю уж о том, что подавляющее большинство людей в мире вовсе не

читает никаких классических романов, не очень вчитывается в сочинения философов и не слушает серьезную музыку. Более того, у тех, кто и вслушивается, и вчитывается, и углубляется, возникает одно точно выверенное ощущение — не нации той или другой принадлежат «великие» и «значительные», а все той же великой «всемирной культуре», не имеющей национальной принадлежности. Есть ведь четкие критерии принадлежности к этой когорте апостолов и творцов всемирных ценностей. Здесь свой язык, свой строй мышления, свои ценностные ориентиры и свой, еврейский, в общем-то, шаблон. Умирающая нация, по крайней мере, увядающая, лишившаяся своей самобытности, выдвигает на первый план этих «великих» и «значительных» только потому, что переживает острый комплекс своей неполноценности, ибо это чужие ценности, иудейские и масонские.

Сколько бы мы ни вчитывались в строки «Капитанской дочки», сколько — ни восхищались прелестью стиха в «Евгении Онегине», сколько бы ни вникали в глубины мысли Достоевского, мы ни на секунду не увеличим ни свой от Бога данный нам разум, ни его мыслительные способности, не приблизим себя к истине и не получим импульс к борьбе за национальную независимость. Ибо ясно, что сам смысл слова «национальный» нами утрачен, а из произведений классиков его не выловишь... Там один «гуманизм». Именно он погубил историческую Россию.

И надо признать, что все они, «великие» и «значительные», не говоря уж о тех, кто поменьше, вернее их произведения, есть развлечение ума праздного, по слабости человеческой природы нужного, но не более того. Понятно, что сегодня они играют роль общенационального объединителя, составляют единое поле национального сознания, но не самосознания. Роль самосознания и подлинного объединителя может играть только религия, и более ничего. И это аксиома для любого специалиста по вопросам национального бытия, создателя идеологических схем. Только истинная религия, Православие, указывает цель бытия и личности, и народа.

Объединителем и выразителем общих национальных чувств стал, в последние пятьдесят лет, как известно, блок сюжетов под общим названием — Великая Отечественная война. Но сегодня и этот интегратор нации в силу прошедших лет, умирания старого поколения и смены идеологических ориентиров теряет свою силу... Православие же в общенациональном масштабе пока не дает себя ощущать в качестве объединителя. И здесь наступает время увидеть тот порог, где мы остановились, впитав идеи масонства.

VII

Два мирских устоя мешают третьему, подлинному и спасительному для нас, занять свое место в душе нации. Если бы Православие по милости Божией заняло свое господствующее место в жизни русских людей, то не отпала бы необходимость и в самой «классике», как и в темах Великой Отечественной войны, но все это заняло бы свое должное место в общей системе правильно выстроенной иерархии ценностей, и все бы получило подлинное освещение и осмысление. С точки зрения конечных целей бытия и действия Промысла Божия. Впрочем, классикой стали бы Жития Святых, а не романы.

В исторической ретроспективе нельзя считать случайным, что именно в момент всеобщего распада и разлада всей русской жизни в середине XIX века на поверхность ее выходит русская литература и прочие светские искусства. Как раз за несколько десятилетий перед страшным национальным крушением, под тяжкими обломками которого мы и пребываем... Моральный разлад, распад религиозного миросозерцания и мирочувствия, поразивший русское общество в то время, выразил себя обостренно в сфере единственно для этого возможной — в искусстве. Но от созерцания распада и болезненных явлений здоровья не прибавляется даже у врачей, сколь они ни сведущи в причинах болезней. Они болеют точно так же, как и их пациенты, если не больше.

Сколь много и громко сегодня ни говорится о Православии, но ясно, что это сегодня религия немногих, и что многие хотели бы больше свидетельствовать о том, что они «не против». Здесь некого осуждать, коль речь не идет о пустозвонной фразеологии, призванной обманывать и протаскивать гнилые идеи под слоем «правильных» слов и клятв в верности «заветам предков». А это имеет место и очень, увы, большое во многих публикациях. Этот феномен следовало бы назвать «социалистическим православием» или безблагодатным патриотизмом криптокоммунистов, ставших сразу, в один день, влюбленными в «отеческие заветы» и в «родное православие». «Православные» коммунисты поют гимн атеистическому «советскому» государству. Что тут скажешь... Это, на мой взгляд, очевидно на примере всех этих Володиных, Троицких и Антоновых... замечательных по-своему фальсификаторов.

Духовная пустота, отсутствие ясных ориентиров порождают в вопросах национализма желание заниматься апологетикой национальных героев от культуры, литературы и прочих искусств. Это поле полемических сражений изначально таит в себе невероятное количество всевозможных ловушек, избежать которые решительно невозможно. Во-первых, потому, что добрая половина русских «великих» и «значительных» по крови была таковыми, т.е. русскими, либо наполовину, либо около того. Приходится вступать на шаткую изначально почву всевозможных доказательств, в конце концов пускаться в мистические рассуждения о силе духа, который претворяет еврейскую или немецкую кровь в русскую, либо утверждать, что все это неверно, потому что неправильно. В результате утрачивается вообще смысл слова «русский» и появляется интернациональная абракадабра — дескать, русский дух есть дух вообще бесплотный, собрание неких отвлеченных качеств подлинного интеллигента (по мысли В.Кожинова). Русских же, как нации вообще нет, а

есть некое собрание каких-то неопределенных в своей помеси народов [5]. Таким путем удается спасти своих кумиров с иноземными корнями, но теряется сам смысл такого национального патриотизма... Не говорю о всей бредовости всех этих рассуждений всевозможных авторов, являющих собой пример как раз такого национально-еврейского смешения и потому кровно (буквально) заинтересованных в этих недоброкачественных фантазиях. Важно установить принцип. Уровень осмысления национальных проблем в их историческом и политическом ключе при культурологическом подходе крайне невысок. Надо либо вообще отказываться от всяких национальных приоритетов во имя «всечеловеческой культуры», даже в национальных одеждах, либо отказаться от самодостаточности мирской культуры во имя национальных интересов и признать их лежащими в другой плоскости. Вне романов, повестей и философских трактатов, даже если речь идет о самых всемирно известных романах, поэмах и трактатах. Это все орудия масонского «гуманизма».

Вторая ахиллесова пята культорологического подхода состоит в том, что значительная часть, если не подавляющая, из числа национальных культурных авторитетов и полководцев прошлого состояла в масонских ложах. И что представить «всемирную человеческую культуру» вне масонства вообще невозможно, ибо эта культура и есть творение масонских лож. Едва ли не все лауреаты Нобелевской премии, все немецкие философы до крупнейших включительно, тысячи и тысячи писателей, композиторов и художников, скульпторов и кинорежиссеров состояли и состоят в масонских ложах. Попросту говоря, масонство с прошлого, а вернее, с позапрошлого века стало силой, формирующей весь корпус современной культуры и ее идеологии. Перечислять в этом случае отдельных деятелей культуры как членов лож, значит, просто вводить читателей в заблуждение даже невольно, так как таким путем только создается впечатление, что остальные там не состояли. Аналогия здесь самая точная с нашей страной, где в членах партии состояли миллионы, а если кто из деятелей искусства и науки и не состоял, то только по индивидуальному разрешению той же партии. Была ли партия в нашей стране силой, организующей культурное строительство, вопрос праздный.

На этой почве у безблагодатных русских патриотов возникают одни проблемы, без всякого проблеска надежды их удовлетворительно решить.

Всевозможные рассуждения о «невредности» первых степеней масонства, о вредности только высоких степеней, о «незнании» на этих низких степенях о вредоносных замыслах в отношении России, которые были известны только высокому начальству масонства, еще больше отягощают картину. Спасая чистоту патриотических риз такого материалистического патриотизма, вводят в соблазн миллионы читателей, как бы приглашая — вступайте в низшие градусы масонства, — там все в порядке и для патриотизма вовсе не опасно.

Там ничего «такого» не происходит. Происходит же**,** смею заметить, самое главное — отвращение от Церкви Христовой...

Кульбиты софизма можно проделывать только потому, что сама духовно-религиозная сущность проблемы вовсе не понимается. То же самое, что с вопросом о пребывании в коммунистической партии — «миллионы честных коммунистов». Не важно, что безбожники, важно, что честные. В этих утверждениях делают как бы вовсе неопасной для души человеческой саму коммунистическую идеологию и ее исповедание. Оказывается, вся вредоносность коммунизма проявляет себя только в высших эшелонах власти. А одичание народа, а молчаливое согласие на оплевывание прошлого — «кровавый царизм», «поповщина», «кровососы-помещики» и пр. в том же духе, а трусость и ложь, и повсеместное хамство и доносительство?.. Разве все это не плоды партийной идеологии? Понятно, что утверждать все это могут только люди, заранее установившие, что ничего опасного в воинствующем безбожии, в учении экономического материализма, как и исторического, нет. И все внимание наводится на политические решения руководства партии. С масонством обстоит то же самое. И вот уже какой-нибудь современный исследователь масонства и, конечно, «православный» атеист, адвокатствует: Новиков — хороший патриот, Кутузов тоже, и даже прожженный социал-демократ и революционер Вересаев тоже хороший, потому что он писал хорошие повести, а Кутузов выиграл у французов и так далее. Проблема, и очень серьезная, сводится к трескучей фразе квазипатриотизма. А это опасно для нашего ума и сердца.

На этой почве морализаторства, обличающего у его адептов отсутствие всякого понимания христианства вообще, как положительной религии, и ставится сейчас пьеса русского патриотизма. Сама апологетика русского народа в такой ситуации становится крайне двусмысленной. Таящей в себе не просто непонимание, но форму утверждения того же интернационализма, о чем речь шла в самом начале очерка.

Люди, воспитанные мало-мальски на Житиях святых, имеющие представления о православной догматике, более или менее приобщенные к церковной жизни, не станут дергаться по поводу вопросов национальной самобытности, не станут рыдать по поводу пребывания какого-нибудь кумира безблагодатного патриотизма в масонской ложе, но во всех этих вопросах обратятся не к моральным оценкам, всегда чреватым для самого морализатора, а постараются найти духовные принципы в поставленных вопросах. Не взяв на себя роль прокурора-морализатора в вопросах оценки противников русского народа, не станут и адвокатом масонства, как и адвокатом своей нации перед

[5] Остается «коварный» вопрос — кто же создал русский язык, если это не эсперанто. Но таковым сегодня является английский.

судейским конклавом на предполагаемой мысленно ассамблее всех наций в храме «всемирной культуры», то есть в «храме Соломона» масонов.

Это не только не значит отрешенности от интересов своей нации; но наоборот — только в такой перспективе вечности, даруемой подлинной богооткровенной религией, отступает языческое поклонение кумирам всемирной культуры, в том числе и из числа своих великих и гениальных, получивших патент на Бесчеловечность.

Никакая нация не нуждается вовсе в доказательности своей нужности. Другое дело, какую нужность хотят подчеркнуть. И в этом главное. Нужность мировой цивилизации?.. Тогда конечно. Тогда денно и нощно нужно выискивать и доказывать. Но кому в этой ситуации доказывают и какие дивиденды при этом хотят получить сторонники языческого патриотизма, пропитанного чувством своей неполноценности? Какие ожидают приобрести доходы? Если уважение других народов и государств, то практика показывает, что это путь тупиковый. Дивиденды всегда адресны персонам и народам не выдаются. Они выдаются только труженикам межнационального фронта, представителям космополитических сил, подлинным организаторам всемирного государства и всемирной демократии. Не следует забывать, что космополитизм всегда по форме национален. Это ведь там, в международных организациях, решают — кого куда выдвигать, какой конкурс где провести и какие награды кому выдать, какими тиражами и кого издать. Ведь всемирная культура есть та «естественная религия», «в которой согласны все люди», говоря языком масонского Устава Андерсена.

VIII

При здравом же отношении к кумирам культуры и при нормальном национальном самосознании следовало бы не нации гордиться тем, что в ее рядах Пушкин и Достоевский, Чехов и Толстой, а тем, что она создана Богом и тем самым самоценна. А для Пушкина и Толстого составляет честь принадлежать к русскому племени. А для тех из нас, кто не является сам Пушкиным или Толстым, вовсе нет необходимости вообще козырять чужими именами для доказательства своей национальной полноценности. Ибо полноценность всегда личностна и не передается ни по наследству, как уверяют идеологи талмудизма, ни по историческим каналам. Поведение каждого человека определяет достоинство нации, и последнее складывается на каждом историческом отрезке именно из совокупности поведений и поступков отдельных личностей.

Любопытна дорога России в сторону всемирно-исторической универсальной культуры, в сторону европейского прогресса, то есть по дороге иудаистских ценностей. Сначала Век Просвещения, ворвавшись шумно и бурно в российское захолустье с реформами Петра, оттеснил церковно-народную культуру совершенно насильственно, с веселым разбойничьим гиканьем, кощунством и казнями на периферию государственной жизни, затем лишил единственный оставшийся орган этой культуры — Церковь и ее служителей — всякого влияния на государственные дела и, зажав им рот, отстранил православных людей от печатного слова, заполнив все прилавки книжных лавок изложением и разъяснением учений материалистических, расшатал все нравственные устои и закончил свое победное шествие всероссийским погромом в самом прямом, уголовном смысле этого слова. Обозревая именно в таком порядке историческое шествие идей всемирно-исторического прогресса, уже можно видеть их ценность для судеб русского народа и, можно не сомневаться, для всех остальных.

Век просвещения, а не церковно-народная культура, создал художественную литературу, деление народов на ценных и наоборот для всечеловеческой универсальной культуры, создал доктрину социализма, ввел в действие такие жуткие механизмы лжи и репрессий, о которых в старые времена не знали ни Ашшурбанипалы, ни Тамерланы. Например, о том, как голодом уничтожать миллионы людей, вызывать межнациональные войны, провоцировать и сталкивать тысячи людей, снабжать их оружием и хладнокровно следить за разожженными пожарами войн в тех или других странах мира, планируя то там, то здесь новые кровопролития и одновременно громко крича о международном праве и правах человека; сознательно, научным методом, развращать нации, отчужденно наблюдая, как идет их вымирание... И все это и есть «гуманизм» и его плоды.

В результате насильственного истребления провинциальной России, ее деревень и провинциальных городов, исчезла та трезвая и здоровая человеческая мысль, что выросла из начал церковных и национальных. И поле национального сознания, обеспечивающего национальное единство, оказалось заполненным романами, поэмами, драмами и философскими трактатами идеологов той культуры, которая на место задач духовных и нравственно определенных в системе христианского понимания жизни поставила принцип земного благоустройства, принцип чисто иудейский, как его определяли и такие знатоки вопроса, как Гегель и Фейербах — многочадие, здравие и долголетие. Определив задачу национальной жизни и жизни отдельного человека такими физиологическими целями, можно ли было ожидать чего-либо другого, кроме развала и разрухи... Что может вырасти на корысти и эгоизме?

IX

Самосознание русской нации сегодня отдано на откуп глашатаям идей универсальности и прогресса в лице всевозможных писателей, безликих литературоведов, каких-то словоблудных философов и «экспертов», среди которых всем нам дана творцами культурно-идеологического процесса

возможность выбирать «своих», вроде бы национальных, и возводить их на пьедестал русского патриотизма. За неимением других приходится...

Самосознание нации отдано цитате, конкурсу, юбилеям и многотомникам с золотыми обрезами, презентациям и журналам, телепрограммам и телеведушим, то есть на самом деле тем, кто стоит за всем этим хорошо финансируемым и направляемым процессом. Мир отдан и в целом на откуп комментаторам. Комментатор — главная фигура всей общественной и культурной жизни. И комментируется текст отнюдь не богооткровенный, ибо текст этой идеологии написан был в другом храме, храме Соломона, и смысл его — в обезличивании человека, его опошлении, в слиянии людей в одну протоплазму Всемирного Человечества. О чем так мечтали апостолы социализма, вроде Ш.Фурье, К.Маркса и О.Конта с его религиозным культом Человечества и созданием «новой церкви» этой религии.

Собственно, если по большому счету, то ведь и вся эта великая, без иронии, копилка «всемирной культуры», со всеми тысячами мыслителей и музыкантов, художников и философов, есть громадный форум всемирного комментария глухо доносящихся раскатов вечности. Это есть бесконечная страстная попытка пантеистов расшифровать эти звуки вечности и точно их смысл донести до нас. Но попытка эта изначально недобросовестна со стороны тех, кто финансирует жизнь этого форума и тиражирует этот комментарий. Ложны сами основы этой ложной «религии человечества».

Гениален Гомер и гениален Вергилий, гениален Гегель и гениален Шолохов, Конфуций и Шопенгауэр, Бетховен и Рубенс... Но ни одного из них не возьмешь с собой в загробный мир и не оправдаешься ими перед Всевышним. Более того. И сам ни на шаг не станешь лучше от многолетнего изучения чужой мудрости и чужих мыслей. Не станешь, прошу прошения, даже умнее. Кажется даже, по наблюдениям за книгочеями, всеми этими философами и писателями, что дело обстоит как раз наоборот: приобщенность к этой копилке всемирной мысли делает человека как-то глупее, инфантильнее, расслабляя его волю и не давая пробудиться своим собственным, от Бога данным способностям.

Для иллюстрации той простой мысли, что нет людей, более внушаемых со стороны средств государственной пропаганды, чем интеллигенция, можно сослаться на исторические наблюдения, вспомнив, к примеру, времена больших общественных катаклизмов.

Ведь, собственно, тот тип людей, который называется интеллигенцией, и есть тип, воспитанный на кумирне всемирной культуры, национальной по форме и международной по содержанию. Это тип, который может в зависимости от всяких привходящих особенностей своей биографии или происхождения и семейных традиций, больше иметь склонность или к форме, которая национальна, и быть тогда «патриотом» (в той или иной политической оболочке), или к содержанию, и, во втором случае, больше и полноценнее отвечать на требование быть «культурным», то есть еврействующим интеллигентом. А быть интеллигентом, по смыслу слова, значит быть причастным Универсальной интеллигенции теософов, то есть к Всемирному Разуму, к разумной всемирности, которая выражает себя в «культуре».

В своем полном воплощении человек «культурный» знает философию, иностранную литературу и свою, если она есть, свободно говорит на всяких иностранных языках, выбрит, носит галстук и... любит евреев. Последнее, понятно, более ценно, чем все предыдущие атрибуты, и перевешивает их в одну минуту. Ибо если человек любит евреев, то есть преклоняется перед ними, то ведь это не случайно, и это открывает его сердце к постижению мистических глубин самой «культуры». А что глубины эти мистические и оккультные, очевидно и в историческом пространстве прошлого, и в политической очевидности сегодняшнего дня.

В России интеллигентов выпекали длительное время на созданной для этих целей фабрике. В море совершенно неинтеллигентного народного, вернее даже, простонародного «варварства», с невероятно богатым по традиции бытом, со всякими религиозными и бытовыми сложностями поведения на каждом шагу, своими словесными формами приветствия, благословения, напутствия, пословицами и поговорками, праздниками, песнями был создан бастион и фабрика всемирной культуры, выпекавшая интеллигентов, по рецептам Лейбница и Локка, Гегеля и Шеллинга, то есть на началах философских и гуманитарных. Об этих началах будет сказано ниже. Следуя алхимическому правилу и рецепту, из «простого железа» делали «золото цивилизации». Ведь в отличие от золота, железо ценно только тогда, когда из него сделано какое-нибудь полезное изделие. А так... Одним словом, кусок железа. Золото же, как известно, в нашей цивилизации обладает ценностью и само по себе, в виде куска. Чем больше, тем лучше. Такими золотыми слитками, сияющими литературой, наукой и философией, заполняется все пространство всемирной цивилизации, сияя лучами «прогресса» и «культуры». Философия же и прочие достижения всевозможных наук как раз и обладают тем свойством алхимиков, которые с помощью философского камня превращали железо и медь в это золото — интеллигенцию.

Последствия такого алхимического действия известны нам не понаслышке. Целая плеяда профессоров, доцентов, поэтов и философов была создана в алхимической фабрике Московского университета, а затем, и в других университетах и гимназиях того, далекого прошлого, которое, увы, повисло у нас на ногах, как колодки у каторжника. Перечисляя имена тех великих и значительных, просто не знаешь, куда деваться от такого обилия звонких талантов и ярких гениев..., медиумов еврейского внушения.

X

Логично было бы ожидать, что с падением «варварства» в виде церковно-народного быта и увеличением в стране числа профессоров, писателей с мировыми именами, художников и философов, утверждением европейских форм мысли и распространением европейского образования страну ожидали все богатства всемирной цивилизации в самом недалеком будущем. Если посмотреть на газеты и журналы той, дореволюционной поры, то поразишься, сколь мало наши идеологи за последние сто лет преуспели в создании новых идей и даже новой терминологии. Увидишь и в той печати бесконечное — «мы строим правовое государство», «пора, наконец, окончательно расстаться с полицейско-бюрократическим строем», «в наш век демократии», «в то время, как парламентский строй все больше утверждается в жизни нашего народа», «сегодня, когда мы входим в число цивилизованных государств» и прочие пошлости политического словоблудия. Это лет за десять-пятнадцать до первых концлагерей... Демократы, герои Февральской революции, внедряли свободу, справедливость и рынок, — народ получил застенки ЧК. После этих застенков прошло почти сто лет. Страна наплодила интеллигентов больше, чем их имеется во всей Европе и Америке, вместе взятых. Все воспитаны на Пушкине, Толстом и Достоевском, которые «наша гордость». У нас уже давно нет никого, кроме бомжей, пьяниц и интеллигентов. Но везде в Европе сытая жизнь, а у нас — нищета, воровство и голод... почему-то.

Читая Мережковского, Розанова, Философова, С.Булгакова, Бердяева и прочих философов той поры, самых блестящих, патентованных оракулов, невольно задумываешься, а нужна ли вообще тогда философия, если она сводится к тому, чтобы из умных слов, из многознания всяких мудрых изречений и мыслей, строить поразительные по своему невежеству конструкции «прогресса» и «культуры». Не взяв на себя труд подчинить себя смиренно мудрости святоотеческой литературы, что получишь? Оглянемся вокруг и горестно вздохнем. Нас доконала наша «великая культура», которая, увы, вовсе не наша.

Стоило ли так много учиться, так долго копаться в чужой премудрости, чтобы не увидеть страны, в которой живешь. Из отдельных, часто очень умных, кирпичиков мысли и тонких, глубоких наблюдений те «великие» строили совершенно глупое здание универсальности всечеловечества, благоговея перед доктринерами «гуманного социализма». Читая обличения православия со стороны одних (Мережковский, Розанов — «очень умный», по выражению сегодняшних его почитателей) и ревизионные наскоки на православие других (Бердяев, С.Булгаков), невольно начинаешь сомневаться в подлинном уме этих философствующих умников, вспоминая ту мысль, что при отсутствии дисциплины ума, подчинения его безусловной логике религиозной мысли, данной нам на примерах святоотеческой литературы, мысль становится произвольной, бесплодной и работает на ветер. Совершенно ошибочно предреволюционная русская культура, уже светская, университетская, предреволюционная называется религиозной по преимуществу; особенно это название закрепилось именно за философией.

Во-первых, наличие религиозной темы не делает мысль религиозной, а, во-вторых, говоря попросту, религиозность так же далека от религии, как мысль о халве от самой халвы. Она никого и ни к чему не обязывает. Но капитально закрывает дверь в подлинную религию.

Видя сегодня на книжных прилавках сочинения этих декаденствующих философов, при так называемом обличении коммунистических идей, невольно думаешь: а не хотят ли уже нынешние поклонники всей культуры той упадочной поры вновь вогнать нас в трагичный круг очередной кровавой революции? Тиражируют тех, кто гак старательно в начале века направлял нас в сегодняшний лагерь умирающей страны. Ведь во многом благодаря всем этим хорошо оплачиваемым философам декадентства мы и выпали из собственной совершенно «неинтеллигентной» но очень родной и патриархальной истории, и попали в интеллигентный концентрационный лагерь постоянно перемещаемых лиц. Лагерь кочевых народов. Из народа оседлого превратились в народ кибиточный — по «великим стройкам», по чужим мыслям. По своему вкладу в международный банк реконструкции и развития всемирной культуры мы могли бы, кажется, со своими Пушкиными и Достоевскими (наши философы, как известно, носят масштаб исключительно местночтимых богов), Тургеневыми и Толстыми претендовать на получение международного гражданства в царстве интеллигенции, организованной в стройную систему Ордена вольных каменщиков, этой единой партии философов и свободолюбцев, борцов за «равенство и свободу» всех народов.

Ведь в конце концов и революцию в России делали передовые интеллигенты международного класса по планам философов и каббалистов из того же Ордена. Обещали сделать Россию правовым государством, гордо шагающим со всеми цивилизованными государствами по дороге прогресса в царство сытого благополучия... Доверие к еврейским внушениям стоило нам очень дорого: Россия, в сущности, стала просто колонией запада, управляемой «Домом Соломона».

Обманулись и обманули. Не будем обсуждать вопроса о том, какая революция лучше: февральская или октябрьская. Революция — это принцип, как убийство или обман, как преступление через закон, не юридический, а закон жизни в обычае и религии. Сколько было в то предреволюционное время криков о необходимости овладеть благами европейской цивилизации, о демократии, о создании эффективной экономики, о прогрессе, который один на

всех. Все, как сегодня. Доктринерство неистребимо, рутинерство фанатично, и если что-то почему-то «не так», если почему-то вообще все «не так», то виновата, конечно же... действительность, реальность и народное невежество. И это доктринерство, и этот рутинерский фанатизм под тем же декадентским знаменем так называемой демократии и сегодня владеет нами во всей своей тупости и глупости самоубийственной. Царство самой тупой догматики, царство и террор ярлыка — «прогресс», «культура», «демократия». И возникает недоумение.

...Но как все же профессора и доценты, запросто цитирующие всяких там Гегелей и Фихте, написавшие гору всевозможных рекомендаций о том, как надо жить правильно, по-научному, а как не надо жить (по-старому, в отсталом церковном быте, под царем батюшкой) не смогли не только предвидеть, куда толкают страну, в какие невероятные ужасы, но даже свою собственную судьбу не смогли предугадать и устроить. Почитайте мемуары всех этих писателей и поэтов, и вы увидите целое море удивления, отчего это «так» все случилось. Почитайте какого-нибудь Коковцова, многомудрого министра Царя, или философа Лосского и кого хотите. Все они задним умом, конечно, сильны. Но этим умом сильны все не очень умные люди. Каким образом только в этой среде поверили в весьма примитивную теорию социализма, где ни истории, ни обычая, ни традиции не только не нужно, но даже и вредно иметь, потому что это не «прогрессивно». Каким образом через это приобщение к высотам культуры приобщились к уголовному миру и стали аплодировать террористам и убийцам просто так, «из чувства социального протеста», поверили, что евреи осчастливят русский народ?

Целые партии стали жить на деньги от грабежей и убийств, вроде каких-нибудь эсеров и большевиков... Впрочем, что же повторять всем известное. Но ведь им аплодировали люди, выросшие на Гегеле и Фихте, Пушкине и Достоевском. Гуманизм и культура это дозволяют.

Скажут, легко теперь говорить, когда все уже позади, а как современнику было увидеть смысл настоящего и узнать, что из всего этого будет? Как своими действиями определить это лучшее?

В этом смысле очень поучительно сравнить то, о чем писали левые, кадетские газеты, и что писали газеты «черносотенные», со своими «реакционными» и «отсталыми» авторами, сплошь антисемитами. Что писала какая-нибудь левая, и, ну очень интеллигентная, «Речь», или, прошу прощения, «Русское Слово» с еврейским акцентом? Здесь было обещано полное благоденствие русскому народу, как только он сбросит с себя бремя своей природной исторической власти и одемократится. Здесь и прелести парламентского строя, и «народное представительство», и «прогресс», и «правовое государство», в общем, решительно все, что сегодня обещают нам нынешние демократы и западники с израильским или американским гражданством, что одно и то же.

А вот черносотенные авторы монархических газет писали — не верьте, обманут. Как только не станет Царя-батюшки, так и превратится русский народ в рабов и его физически будут истреблять новые властители, попутно морально разлагая [6]. Я мог бы процитировать и «Русское Знамя», и «Земщину», и «Русское Дело», и «Объединение», и «Морскую Волну» и журнал «Прямой Путь», и десятки других газет и журналов этого направления. И каждый, кто начнет читать, не сможет не удивиться поразительной прозорливости авторов-«черносотенцев», от простого крестьянина до студента, помещика и журналиста. Поставив ясные ориентиры, выставив как критерий оценки два главных понятия — православия и народного быта — без всяких философских затруднений они увидели весь смысл политических событий в стране и ее будущее в случае победы так называемой «демократии». «Наше правительство винят в стеснениях печати: да попади власть в. руки Лениным — никому, кроме социалистов, пикнуть бы не дали, вешали бы за частную беседу в неугодном Лениным духе... Казнили бы не за действия, а за мнения, за сочувствие, как казнили младотурки инакомыслящих журналистов», — писал, например, Д.Булатович. Удивительно, но уже в 1909 году можно было прочесть о конечной победе большевиков в случае продолжения революционной ситуации в стране, о приходе к власти Ленина («Русское Знамя», 1909 г., № 169.). А меньшевики и кадеты уже после всего удивлялись, откуда это большевики свалились на голову, когда все так хорошо было задумано. Пример точного прогноза, как известно, является признаком верности самой теории, в данном случае — черносотенной.

Возьмем еще несколько примеров из правой прессы в смысле точности прогноза и оценок. В августе 1915 г. был создан различными думскими фракциями так называемый «прогрессивный блок», куда вошли и некоторые царские министры, и члены Государственного совета. Понятно, народ образованный и умом не обделенный. Можно сказать — цвет российской интеллигенции. Этот блок стал ударной силой февральской революции. Каждый член этого комплота был уверен, что только государственный переворот приведет страну к процветанию. А вот оценка этого блока «Русским Знаменем» (от 1 октября 1916 г.): *«...Это и есть тот предательский желтый*

[6] См., например, предисл. В.Правдина к книге Е.Дюринга «Еврейский вопрос» — Кишинев, 1906 г.; персп. журнал «Молодая гвардия» из 1998 г., № 8; ср. «Экономическое засилье над русскими евреев, изощрившихся в экономической борьбе, не подлежит никакому сомнению... а экономическое поприще теперь все: это — власть, это — несомненный гнет над другим, это — выживание вас отовсюду, быстрое и самое верное, ведущее за собой за этим и ваше физическое вымирание».

блок, который, задавшись недостойной целью парализовать лучшие правительственные начинания, злонамеренно толкает в пропасть всю русскую государственность, чтобы на развалинах ее создать кромешное царство лжи и анархии».

Наступил февраль 1917-го, и наступило царство, как известно, именно лжи и анархии. А ведь в «Русском Знамени» работали не академики и профессора. Академики и профессора делали революцию и были убеждены, что несут благо и процветание, а черносотенцев нечего и слушать. История еще раз показала, что многознание уму не научает. За два месяца до начала мировой войны «Русское Знамя» писало о немецких деньгах, на которые будет совершена революция социал-демократами. В июне 1914 г. — о заинтересованности Англии в вовлечении России в скорую войну с Германией. О том, что во время войны Франция и Англия будут помогать революционным силам в России.

И ни по одному пункту газета не ошиблась! А вот о левой прессе этого не скажешь. Читать ее пожелтевшие страницы сегодня скучно и смешно. Глупость, ложь и верхоглядство!..

Самым ярким примером ясного понимания политической ситуации в стране явилась, пожалуй, публикация в старейшей в России монархической газете «Московские Ведомости». Еще весной 1906 года в статье «Две диктатуры» говорилось, что исходом революции, начавшейся смуты, может быть только диктатура, — жесткая и беспощадная. И вопрос стоит не о количестве «свобод» и не о парламентских режимах, а о том, кто проявит волю и установит диктатуру: красные или белые? Заметим, что кадеты еще кричали о демократии, Царь — верил этой «прогрессивной общественности», и указ за указом, манифест за манифестом, — расширял все эти «свободы»: слова, вероисповедания, собраний и проч. И наивно полагал, что действительно «солнце правды скоро, скоро взойдет над русской землей (подлинные слова Николая II при приеме делегации рабочих-монархистов из Иваново-Вознесенска 20 февраля 1906 г.). А «Московские Ведомости» точно определили суть дела: речь идет только о том, кто именно установит в конечном счете диктатуру. Третьего не дано. Правым было ясно: страна погибает от недостатка государственной власти, а не от избытка ее. Левые, профессора-кадеты, кричали о свободе. Октябрь 17-го показал, кто был прав.

И это лишь один из множества ярких примеров предвидения обстоятельств, как следствия ясных мировоззренческих установок. Увы, в основе — реакционных и черносотенных. Но потому и верных... Позитивисты, политики-прагматисты, люди «реального мышления» — все эти Милюковы, Гучковы и проч. оказались посрамленными в своих способностях увидеть и направить, предвидеть и сделать выводы. Материалисты и оккультисты, пантеисты и теософы с октября семнадцатого почувствовали себя обманутыми в своих «точных» прогнозах и ожиданиях.

Уж, кажется, какой ум — Н.О.Лосский. Даже книгу написал об интуитивизме. Мыслимое ли дело, о самом главном искусстве предвидеть и разгадывать за видимым невидимое. Но почитайте его собственные воспоминания. За день до начала мировой войны, когда всем его знакомым было уже ясно, что завтра-послезавтра начнется мировая бойня, он пребывал в самом безмятежном состоянии и решительно отказывался верить в такую возможность. За день! То же самое и относительно революционных событий.

Про писателей и поэтов говорить не приходится. Блок был человеком, всю жизнь, по крайней мере сознательную, ждавшим, как и другие его сотоварищи, революцию в виде Прекрасной Дамы, а, увидев мурло чекистов, удивился до самой последней степени. Еще больше удивился, когда в его поэтическую квартиру вместо Прекрасной Дамы революционным порядком вселилась пошлая еврейская семья и по квартире поплыл кислый запах какого-то варева с кухни.

И поэтому когда «это» наступило, то даже позволил себе что-то сказать о еврейском характере не очень лестное.

Теперь обратимся к вопросу более общему, — оглупляют ли человека все эти прелести мировой культуры с ее философией и литературой? Ведь не случайно же слово «интеллигент» стало почти бранным и произносится людьми положительного дела почти презрительно. Но ведь речь-то идет не о какой-то узкой секте придурков, зачем-то что-то читающих, что никому другому читать не придет в голову. Ведь, по правде говоря, противопоставление двух групп населения — народа и интеллигенции — сегодня просто анахронизм. Вся нация почти объинтеллигентилась, пройдя через общеобразовательную школу и всю систему пропаганды культурных ценностей и получая каждый день через телевидение и газеты очередной заряд этих самых «ценностей».

Однако, обратимся все-таки к рафинированным представителям интеллигенции как прошлого, так и настоящего, с этим, быть может не очень корректным вопросом, чтобы лично для себя сделать вывод для практического пользования, и невольно придем к выводу — да, оглупляет, и именно в той степени, в какой происходит это поглощение. Ведь и слово «интеллигент» означает человека, который является как раз чистым продуктом всемирной культуры, женихом Софии, мудрости...

Конечно, такой вывод будет все-таки неверен, так как, например, из такой философии полностью выпала святоотеческая литература, как и классическая античная. Ведь тот, кто внимательно читал Платона, его «Государство», например, мог бы, вооруженный знаниями христианского вероучения, увидеть реальное воплощение идей большевизма. А в других работах того же

замечательного Платона, увидел бы все родовые пятна современной демократии с ее принципиальным аморализмом, и всеми фашизмами в придачу. Более того, узрел бы полное отсутствие какого-либо принципиального различия во всех этих учениях. Недаром же Платон в СССР до 1961 г. был запрещен. Даже самое поверхностное знакомство с Вольтером и Руссо оказало бы ему неоценимую услугу: он увидел бы, что и на тысячу километров нельзя приближаться России к теоретикам церковного погрома и абсолютистского деспотического государства. Из чтения Огюста Конта могли бы сделать вывод, что в случае крушения Самодержавия к власти придут не просто представители безбожного чиновничества, но представители самой мрачной жреческой деспотии, в которой все, вплоть до личной жизни и личного письма будет просматриваться и контролироваться, где будет единый политдень, партийные проработки и «ценные указания» на каждый день по всем направлениям человеческой деятельности. И установиться иудократия...

XI

Если бы мы взяли на вооружение незыблемость тех истин, которые произносятся священником с церковного амвона, каждый день, то и знание философии принесло бы неоценимую пользу. Точно бы усвоили, что любое учение, провозгласившее вражду к Церкви — полезным для народа быть не может, что убийства душепагубны, и что *заповеди блаженства полезнее всех учений о светлом будущем.* А философские знания помогали бы доказывать это себе и другим, пользуясь разработанным философией языком, как это делали и первые отцы Церкви.

Обладая хорошим вкусом к русскому языку, никто никогда не стал бы читать корявые книжонки по марксизму с их жаргонным слогом и неудобопроизносимыми понятиями.

И литература заняла бы нужное и весьма скромное место в общей системе образования и всей культуры ...играя роль поселковой сплетни. Да и «культуры» не стало бы, а была бы христианская жизнь. Все это важно понять сегодня, потому что сказанное относится не к прошлому, а к настоящему, и имеет самое что ни на есть практическое применение. И это применение совершенно не зависит ни от какой политической партии и политической конъюнктуры. Оно зависит от решения каждого человека.

В древне-церковной антропологии святые Отцы Церкви отличали ум духовный, непосредственно прозревающий истины, и рассудок душевный, рассуждающий и доказывающий. И если рассудок дискурсивный, рассуждающий, не опирается на ум, то его поражает та самая произвольность, бесцельность, необязательность, которая и была характерна для наших университетских философов предреволюционной поры, как, впрочем, и для теперешних публицистов и философов. Не увидев Бога, увидели силу коллектива, и все сплошь записались в социалисты. Отсюда и склонность к миру уж совершенно уголовному, ко всем этим эсерам и эсдекам. Гордость от знакомства с каким-нибудь очередным Нечаевым, вроде террориста Савинкова, что слишком хорошо известно. Конечно, нас сегодня героикой бандитизма в книгах и кино не удивишь. Мы все, так или иначе, как накануне катастрофы семнадцатого, обандитились, обворовались. С тем далеким временем нас, таким образом, объединяет одна культура, одна философия и одно, увы, достаточно грязное дело. Ведь мы плоды одного дерева, масонского просветительства, «гуманизма» безбожного, чисто мирского.

Культура распада и тления. На этой культуре нации не возрождаются, даже если часто вспоминать Кутузова и Суворова и читать долго и внимательно Чехова и Бердяева. У воров при таких воспоминаниях и при таком чтении не пропадает желание воровать, а у бандитов убивать. История знает много очень образованных воров и бандитов, начиная с тех же Ленина и Троцкого, Савинкова и Гоца с Гершуни в придачу, не считая Дейча, Свердлова и Чернова. Про образованных руководителей ГПУ и НКВД не говорю. Если бы они не уважали Толстого и Достоевского, Чайковского и Куприна и других столпов русской культуры и не видели в них для себя пользы, то мы бы их, этих «столпов культуры» и мастеров слова, век не увидели. Факт, сколь ни печальный по своим выводам, но по исторической реальности с ним решительно не поспоришь. Печально, но факт. Общее дело. О нем так мечтал Н.Ф.Федоров, и оно пришло. Но только не в виде всеобщего воскрешения, а прямо обратного процесса усыпления, но тоже дела почти всеобщего.

XII

Внушаемость людей сегодняшнего дня, воспитанников всеобщей культуры и исповедников религии «всечеловечества» поистине тотальна и ужасающа. Как и расколотость нации. Весь народ объинтеллигентился и обфилософствовался и стад доверчив, как младенец, и аморален, как Милюков. Он искренно, например, верит в то, что в политике есть действительно борьба групп и идей, и не понимает того, что в современной политике есть только спектакли по заранее написанным сценариям. И что все политические так называемые партии пекутся на одной кухне и их деятельность направляется из одного центра. И что в одном же центре пекут и демократию и патриотизм. Потому что только у одного власть имущего сословия имеется реальная власть и деньги, а все остальное — дело реализации, дело подставных лиц, марионеточных издательств и назначенных лидеров, очень часто чинов спецслужбы.

И эти беганья с кумирами национальной кухни, где готовятся пироги для всеядной культуры, и эти заглядывания в глаза мирового интеллигента — признает или нет он того или иного кумира нашего, все это есть следствие

глубокой болезни национального духа, потерявшего себя в дебрях космополитических абстракций и пошлого атеизма. Недостаточно ведь провозглашать «историко-культурную ценность православия» и бегать кланяться кумирам языческого капища «всемирной культуры». Смею думать, что нельзя безнаказанно исповедовать две религии. На этом пути погибло много людей, и даже очень и очень талантливых и даже гениальных, как и народов, которые при демократиях готовы брести за всякими проходимцами в тайной надежде получить от них хотя бы рубль за свою преданность ворам и аферистам, всякого рода шишам и шпыням, рыцарям перманентной перестройки.

Подлинный национализм не нуждается ни в каких лозунгах и идолах. Он нуждается в здоровых принципах. Он не может быть и самодостаточным. Это очевидно из исторических примеров. Нельзя заставить человека быть честным только потому, что ты русский или немец, китаец или малаец. А ведь от личного исповедания того или иного образа жизни и поведения зависит и весь облик и судьба нации. Лозунг «национализма» вытекает — в категориях сегодняшнего языка политиков — из истоков достаточно провокационных и, по крайней мере, бесплодных. В реальном повседневном противостоянии началам вредным и порочным лозунг национализма остается лозунгом, никак не претворяясь в жизнь. На моих глазах в последнее время люди, активно и самозабвенно ругавшие еще вчера сионизм, оравшие о жидо-масонах и вредоносных демократах, сегодня служат им столь же самозабвенно и преданно.

Этот феномен должен был бы обратить на себя внимание серьезных людей и помочь делать для себя выводы относительно ценности многих провозглашаемых идей и целых сюжетов, в том числе и в среде патриотически окрашенной. Всегда интересно, кто красит в эти тона и кто дает идеи «во имя защиты русского племени» и его «исторических заветов».

Например, многие помнят, какой скандал был в начате 90-х по поводу газеты «Воскресенье» А. Б-ва. Дело дошло до суда и обвинения редактора в антисемитизме по известной 74 статье. В газете печатались карикатуры «на жидов» и всевозможные ругательства в прозе и стихах. В общем, самый что ни на есть черный листок против «них». Трезвые и здоровые люди всегда, правда, относились к этим антижидовским, не говорю еврейским, пассажам настороженно.

И что же сегодня мы видим? А. Б-в возглавляет или почти возглавляет пресс — службу Жириновского... Здесь же до недавнего времени был и генерал от военной истории Филатов. В той конторе, где, как известно, нет никого, кроме представителей «избранного народа» и агентов спецслужб; создавших эту «патриотическую» партию с бердичевским лоском. «Партии», созданной исключительно для поддержки еврейского правительства.

Впрочем, в исторической ретроспективе разве не националисты в предреволюционный период больше всего воевали за предоставление евреям всех прав, гражданских и политических? Разве не они в Думе 4-го созыва вошли в союз с масоно-кадетами, и на волне патриотических настроений — «даешь победу над Германией!» — составили костяк революционного заговора? И, кстати сказать, именно верхушка националистов в последние январо-февральские дни 1917-го настояла на том, чтобы не арестовывать Керенского, Гучкова и прочих главарей переворота, когда такое решение уже имелось. (См. А.А. Ознобишин. «Воспоминания члена IV Государственной Думы». Париж, 1928 г.).

Этим я хочу просто еще раз сказать, что русский национализм, не имея никакой религиозной основы, всегда представлял из себя не более, чем крикливый лозунг, создание идей либеральных и бесплодных, лишенных всякого творчества. Отсюда и неизбежная близость к интересам противоположного лагеря.

Впрочем, сегодня в моде у вчерашних коммунистов, работающих для простого народа и окормляющих сих сирых, изголодавшихся по русским корням, «православная» риторика. Национализм же остается исключительно достоянием нескольких газет, неизвестно на какие средства существующих. Их роль, кажется, только в том и состоит, чтобы не дать рядовым членам еврейской общины забыть о том, что они вечно окружены врагами-антисемитами, всегда готовыми на самую низкую пакость. Как сказал недавно по телевидению один мудрый, хотя и молодой, еврей, только эта литература и позволяет руководителям еврейских общин держать своих соплеменников в повиновении (программа «Национальный интерес» в октябре 1997 г.).

При всех разговорах о «ценности православия», об «отеческих корнях» и величии Кутузова и Суворова, никто почти, разве какие-нибудь забитые и маленькие издательства, если они вообще есть, не исповедуют ничего, кроме идей той же всемирной культуры и того же социализма, опутанного как обычно, пеленой конъюнктурных терминов и фраз. Издательства и авторов подбирают и деньги платят в соответствии с выполнением тематического плана по распространению тех же культурологических идей всемирной цивилизации, но, конечно, непременно, в национальном наряде. Но это по заветам незабвенного Шеллинга, наставника наших славянофилов.

Этот наряд очень важен, ибо только в нем могут быть усвоены идеи антинациональные, то есть вовсе чуждые русскому психологическому складу мышления. Русскому человеку, не воспитанному в своей национальной культуре, в своих обычаях и в церковном приходе, за полным отсутствием всех этих теперь ухе исторических данностей, очень трудно отличить, например,

какая литература русская, а какая создана для русских. И при этом при всем возникают какие-то «русские» телевизионные программы — вещь совсем трудно объяснимая, и русские националистические группки, о которых узнают только по телевизионным же сообщениям. Есть и какие-то монархические группы, и группы последователей Врангеля и Белой идеи. И еще всякая тьма всевозможных камерных групп и группок, и даже каких-то бутафорских движений без всякого членства и всякой видимой организации во главе с генералами КГБ в штатском. При этом не следует забывать, что телевидение и прочие средства массовой информации находятся исключительно в еврейских руках и используются в еврейских интересах. Они нам и сообщают об этих «националистических русских группах» и о «русских фашистах», угрожающих интересам «мировой демократии».

При взгляде на некоторые такие загадочные организации невольно задаешься целым рядом вопросов с ответами предположительными. Потому что ничего точно сказать невозможно, ибо все они или почти все, имеют какой-то странный конспиративный характер, почти заговорщический. Но на заговорщиков лидеры этих групп и движений совершенно не похожи. «Заговорщики» заседают зачастую в хороших офисах, и на протяжении многих лет, вращаясь в высших сферах, решительно ничего не делают, кроме организации каких-нибудь митингов или конференций; иногда издают какую-нибудь газету с умышленно ограниченным, микроскопическим тиражом. Как, например, «Русский Вестник». (И это тем обиднее, что газета вовсе неплохая и достаточно выдержанная в русско-православном духе, хотя и была создана в недрах ЦК Компартии на Старой Площади). Во всех этих эфемерных газетах и организациях настораживает именно это желание умышленно не расширять членства, не тиражировать своих идей, не идти в народ, и пребывать лишь для того, чтобы отвлекать какую-то часть русских людей на себя этими митингами, конференциями и заявлениями для прессы. На самом деле никакой русской партии, русского движения, русской организации массового характера сейчас нет. Как и нет подлинного общенародного русского органа периодической печати. Конечно, всегда может возникнуть сакраментальная фраза, «нет денег». Эту фразу сегодня не повторяют разве что воробьи и вороны на деревьях. Даже и не очень диалектическому уму ясно, что с одной стороны — денег никогда не бывает, ни у кого, никогда и нигде. Я уверен, если спросить денег у Рокфеллера на что угодно, он скажет то же самое — денег нет. Но в то же время... деньги всегда есть. Одна и та же картина, трудно объяснимая и в то же время типичная для наших дней. В издательствах, самых, что ни на есть «хороших» и целиком «наших», где разговоры об отсутствии денег также звучат привычно, как шум работающего вентилятора, периодически закатывают шикарные презентации и очень, ну очень дорогие банкеты, с многомиллионными затратами. Презентации и банкеты вообще стали чем-то привычным даже там, где зарплаты не платят рядовым сотрудникам месяцами.

Начальство патриотических «движений» и «партий» по виду ничем не отличается от работников вчерашних обкомов и ЦК. Те же холеные физиономии, колючий недоверчивый взгляд и презрительное выражение лица.

Все мы знаем, что в иерархически организованных странах представителям народа, культуры, профессиональных групп являются специально назначенные для того люди. Созовите десять учителей, и даже просто своих людей, повесьте табличку «Профсоюз учителей», и вот вы можете повсюду выдавать их за выразителей интересов всех учителей страны. По этому принципу, как известно, у нас и существуют до сего дня так называемые профсоюзы [7]. Ни один человек с улицы не скажет вам, что это такое и чем этот профсоюз занимается.

Союз писателей... здесь, конечно, пришлось весь процесс писательства с первых дней эсесесерии вводить в организованное русло и полностью перекрыть все возможности импровизации. Какая-нибудь пара десятков сексотов от журналистики, которых было создано в недавние времена тысяча тысяч, сегодня может представлять кого угодно — патриотов, националистов, фашистов, легко становящихся демократами. Таким образом надежно блокируются каналы реализации действительно национальных чувств и возможности создания действительно национальных объединений. Возникает вопрос: а не был ли этот союз писателей одновременно масонской ложей, как это бывало в прошлом веке, когда существовали писательские ложи.

Общеизвестным фактом является и то, что все студенты Института Международных Отношений включались КГБ в свои ряды, как и все студенты факультета международной журналистики. Все, кто так или иначе должен был работать с иностранцами. Можно и дальше перечислять громадные группы и отдельно тех, кто становился сексотом. Вся эта система и обеспечивает сегодняшний режим еврейской демократии столь же успешно, как предыдущий. Хотя бы потому, что правящий слой все тот же: правящая партия ушла, распустив свои ряды, от ответственности, но не ушла от власти. Это

[7] Опубликованные автором этой книги документы показывают, что так называемая Федерация Независимых Профсоюзов России (ФНПР) является коллективным членом Ордена Орла, в уставе которого «содействие реализации государственных и правительственных экономических и социальных программ» (Устав Ордена Орла, II, 21). Орден управляется капитулом и является международной организацией. Зарегистрирован в Минюсте 12 августа 1993 г. (Свид. о регистрации №1879). Подробнее — «Правда-5», 1997 г., 4 июля. Каким же образом, спросим мы, этот профсоюз является Независимым, и как он защищает права трудящихся, если является орудием правительственного курса? Но кто это вес знает. Случайно попадется документ, едва опубликуешь. Кто прочтет, кто нет. И все забыто!.. (см. в конце книги «Орден Орла») 33

очевидно. Исходя из сказанного, приходится делать выводы и о состоянии дел в патриотическом лагере, в том числе на идеологическом фронте, хотя и неутешительные для романтиков-русаков, но вполне соответствующие реальности.

Надо задуматься над некоторыми вопросами. Все «наши» журналы — «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия» и газеты вроде «Литературной России» были созданы решением ЦК КПСС. Тогда же они приобрели известность как органы патриотически русские. Главные редакторы назначались специальным решением ЦК. Возникает вопрос: почему же тот орган власти, который так успешно доканывал русский народ, разорял русскую деревню, поощрял и организовывал травлю всего русского и исторического, открыл органы русского патриотизма? Внимательно следя за всяким печатным словом, буквально каждым словом, власть пропускала что-то одобрительное по русской истории, вроде рассуждений о величии преподобного Сергия и жалостливые рассказы о погибающей русской деревне.

Если попытаться хоть как-нибудь сносно ответить на такое странное противоречие, то неизбежно придешь, как кажется, к таким выводам. «Там», под вывеской ЦК, скрывалась другая, более высокая по своим историческим и политическим задачам организация, в которой сама КПСС рассматривалась как временная форма правления страной на определенном этапе большой переделки русского народа. *Марксизм был вольтерьянством XX века.*

«Там» знали законы управления народами и их национальным сознанием. Знали, какой численности та или иная национальная группа, которую надо ввести в свое русло, то есть в русло своих идей под видом национальных. Тот, кто возьмет эти журналы и газеты той поры, тот увидит там славословия и Ленину, и Брежневу. И. конечно, всей КПСС.

Можно, например, вспомнить и роман в «Нашем Современнике» о преп. Сергии Радонежеском Д. Балашова, известного мастера суррогатов по русской истории, написанный в худших традициях губельмановской атеистической пропаганды. По уровню кощунства этот роман можно назвать классикой атеизма. Цитировать его нет никакой возможности. Но именно такого рода «патриотическая» литература и составляла главное содержание этих «русских», вернее русско-интернациональных органов печати, созданных на Старой Площади. Понятно и другое. Фальсифицировать через патриотизм, через романы по русской истории религиозные идеалы и провести начала материалистические, чувственные, враждебные христианству, дело легкое и успешное, что мы и видим на примере романов Балашова.

Для идей пантеизма и атеизма, идей, лежащих в основе интеллигентной доктрины всемирной культуры и «человеческой религии», где Мировой Дух выражает себя через всемирную секту «избранного народа», которой может быть и отдельная нация, как у Гегеля, и все еврейство по Талмуду, или слой просвещенных жрецов всех наций, как в масонстве, — «патриотизм» и национальная оболочка, конечно, — сущая находка.

Ведь для того, чтобы всемирная идея «гуманизма и Бесчеловечности, прогресса и демократии» нашла себе дорогу ко всем людям планеты, надо говорить с каждой группой населения в зависимости от ее наклонностей, национальности, языка и культуры и даже в зависимости от степени ее развитости и возраста. Учитывается все, коль скоро идея претендует на всемирность. Но уловить идею в оболочке художественного образа, в тексте романа или повести, музыке или драме достаточно сложно.

Одно дело кричать, что Бога нет, другое дело изобразить симпатичного главного героя, которого выдает полиции дьякон. Одно дело говорить, что все священники были эксплуататорами, другое дело представить под именем исторически жившего русского святого какого-нибудь чувственного похотливца. А если при этом вы еще изобразите Куликову битву в патетических красках и скажите пару прочувственных слов о Великой Руси и ее замечательном народе, да еще и проведете удачно мысль о врожденной революционности русских, и как бы намекнете, что Куликова битва есть только пролог к Октябрьской революции, а освобождение от татар есть лишь прообраз освобождения от помещиков и царя, то вам цены нет! И читатель проглотит под фразами о величии народа и о князе Дмитрии все, что вам нужно. Примерно по этому рецепту зачастую и пекутся романы и повести «патриотического» содержания. Так они пеклись и «Нашим Современником». Пекутся, надо полагать, и теперь в той или иной форме. Подозреваю, что даже и в форме разоблачения жидо-масонов, и в форме борьбы с сионизмом. Это все темы проходные, в смысле открытия канала доверия у читателя, через который легко вводятся в сознание или чаще подсознания глубинные идеи, формирующие саму матрицу сознания и тип мышления, и именно в духе масонства и иудаизма.

На масонской теме необходимо задержаться и внимательно осмотреться. Эта тема в моде. Авторы по большей части подают ее публике в виде захватывающего детектива, обильно снабженного «патриотическими» штампами вроде таких, например: «масоны — враги русского народа», они — обманщики, жулики, обманывающие нас, простодушных, они преступники и шарлатаны.

В таком виде она, эта легенда, явилась нам в качестве замены «агентов це-эр-у», «рыцарей плаща и кинжала», плетущих заговоры против «прогрессивного человечества». Увы! В масонских рядах были и честные русские патриоты, и замечательные писатели, и даже полководцы, но — успокаивают нас — это не страшно. Были-то они там где-то внизу, и, ясное

дело, ничего «такого» не знали. Ведь все гнусное происходит наверху, там все тайны всех революций. А внизу можно, это не страшно!

Конечно, после таких слов становится как-то веселее. Но даже самый простодушный читатель чувствует какой-то подвох. Ну, например, что же, и Лейбниц, и Гете, и Ньютон, и даже Фрэнсис Бэкон, — были врагами русского народа? И даже Моцарт? Ну, хорошо, Пушкин был обманут. А вот папенька его, он-то был ведь в высоких градусах, шотландский мастер или выше. Или вот злосчастная для нашего патриотизма фигура Петра I. Как с ней-то быть?

Вот автор многотомного труда Олег Платонов утверждает, что весь вред у нас, на Руси, от западнических идей, от ихнего просветительства. Мы, читатели, доверчиво усвоили эту нехитрую и знакомую до боли мысль: Запад капиталистический разлагается, оттуда же и зараза. Но... напрасно мы успокоились. О.Платонов уже кидает еще одну мысль:

Петр I был хорошим, и потому масоном быть не мог. Ну, раз хороший!.. Все мы с детства усвоили, что Петр тем и велик, что пустил этот Запад в Россию, за то и Пушкиным прославлен. А тут — Петр велик, а западнические идеи плохи. Наплевав на логику, вместе с плодовитым автором двигаемся дальше, постигая происки этих гнусных заговорщиков-масонов. И только мы начинаем движение — новая бомба взрывается в нашем жалком мозгу: просветитель Новиков! Вот фигура из фигур! Все советские авторы поют ему аллилуйю именно как просветителю в западном духе, а то и просто в духе истинного масонства. Благодаря ему русское общество, как читаем мы практически в любом учебнике по истории и литературе, не говоря уж о специальных исследованиях, — узнало о Дидро и Вольтере, Мендельсоне и Франклине. Попутно, добавлю, и о иудейской каббале, а также ее подразделениях на практическую и теоретическую. Узнаем мы также, если заинтересуемся, что Новиков был масоном номер один перед лицом немецких начальников ордена, и благодаря ему масонская литература разошлась по всей России, породив интерес к теософии и каббале, уже никогда более не умиравший в среде интеллигенции. И что же? У автора Платонова Новиков — настоящий патриот! В конце концов начинает казаться, что автор любит таким образом развлекаться, ставя читателя в дурацкое положение и тем забавляясь.

Вот прочтешь, что Кутузов и Суворов никогда не были в масонстве, а через пару десятков страниц узришь сообщение сквозь зубы, что, мол, ну да, были... так это же в молодости! Вот и Вересаев... то же: не был, не состоял, не виновен. Затем — ну был, ну так это же так, случайно... И все страницы многотомных сочинений Платонова представляют собой какой-то диалог прокурора с адвокатом, но в одном лице: самого автора. Читателю же остается только выслушивать то обвинительный приговор, то оправдательный'.

Все это было бы, впрочем, мелочевкой литературной посредственности, созданием ума примитивного, но хорошо усвоившего вкусы неприхотливой публики, если бы не то, что под видом разоблачения масонства идет проповедь именно его идей и принципов.

XIII

В реальности масонство ведь не есть скопище маргиналов, жуликов и мелких воришек. Дело обстоит намного глубже и трагичнее. И в то же время каждый из нас в своей повседневной практике может противостоять тем началам, которые масонство проповедует. Для этого надо просто знать, что масонство в наше время есть главная культуросозидающая сила современного мира. Речь идет о качестве и содержании самой современной культуры и ни о чем ином. О ее религиозном, человекобожеском начале, о ее оккультно-каббалистических основах.

Речь идет о том, как мы из глубины своего сознания видим мир и мировой исторический процесс. Считаем ли мы, что мир совершенствуется и улучшается под воздействием науки, литературы, искусств, а вместе с тем становится лучше и сам человек? Что улучшение техники и повышение комфорта увеличивают радость и счастье на земле, и таким образом мир идет к»райскому состоянию? Если вы верите именно в это, то дело масонства в вас лично цветет и пахнет. И любой магистр любой ложи может… довольно потирать свои холеные ручонки. Вы — его человек. Если же у вас есть сомнение в этих утверждениях пророков иудаизма и масонства, если вас начинает волновать мысль о жизни после смерти и вы всерьез думаете о спасении души через церковное делание, то вы своим существованием не доставляете радости никакому магистру никакой ложи. С вами ему еще придется поработать. И кто кого — вопрос.

Если вы верите в то же время, что Церковь Христова — это «большая культурно-историческая сила», т. е. часть культуры, то вы больше в ложе, чем вне ее. А если у вас есть убеждение, что человек своим собственным трудом все может — вы весь целиком там, в храме Соломона. Тогда вы верите в труд, как спасающую силу, и отвергаете благодать Св. Духа.

Масонство — это гуманизм, это Возрождение и Просвещение. Под этими терминами есть идейно-оккультная сила, их составляющая. Недавно, в 1996-м, по страницам прогрессивных газет прошел мало кем замеченный скандал. Однако, очень характерный для понимания сути современной культуры («Известия», 1996: «...Алексей Лосев оказался заурядным антисемитом»), как и той силы, что сегодня правит Россией.

Имя философа А.Ф.Лосева, недавно умершего, достаточно известно. В последние годы жизни он стал маститым и признанным мыслителем, и иначе, как «наш замечательный», «известнейший философ» и прочее в том же духе, его не называли. Действительно, было за что его превозносить. Его

философские труды по эстетике античности, по философии символов, в своем роде уникальны. Но вот в одном журнале историко-архивном опубликовали его сокровенные мысли. Тут-то и началось!.. Покойный профессор был генералами от «демократии» и «прогресса» полностью разжалован в рядовые и отправлен навечно в карцер. Он больше не мыслитель, а просто... агент ГПУ, сексот и черносотенец. Причем все это — в одном лице. А как же труды-то по эстетике Платона и Сократа? — спросите вы. Все, в костер! — ответят вам специалисты по свободе слова, — он антисемит!

Так что же позволил себе в свое время, в тридцатые еще годы, высказать уважаемый Александр Федорович Лосев? А вот что: «Я утверждаю, что феодальный строй и его идеология стремились не к эксплуатации трудящихся, а к истине — так, конечно, как это тогда понималось. Истина, которую исповедует феодальный строй, есть церковь и послушание ей... идеей и душой крепостного права является не эксплуатация трудящихся, но спасение души и церковные догматы. Надо понимать, что крепостничество есть вовсе не то, что клевещут на него либералы всех стран и народов». Сразу запахло черносотенством. Мы же обучены на гуманизме.

Любой человек, прочитав эти строки, вздрогнет. Ему захочется закричать: «Ты чего, профессор? А Гоголь? А Щедрин? А этот, как его там?.. Ну да все равно, он ведь тоже!..» Закричит. А ведь можно и не кричать, а, во-первых, прочитать письмо Гоголя Белинскому. Во-вторых, внимательно посмотреть на сегодняшние телевизионные репортажи и на лица детей-дистрофиков, исключительно русских. На тех, кто брошен на вымирание. Такого при крепостном режиме не было. Там население русское не вымирало, а росло численно. Можно вспомнить, как его самого еще вчера гоняли самым циничным образом то на картошку, то на капусту в колхоз... Можно подумать и о том, что сегодня, при еврейской демократии в России идет работорговля, миллионы людей голодают, миллионы молодых людей сидят на игле, и все это исключительно из числа лиц коренных национальностей России. Но все это так, для раскачки. А вот что пишет философ дальше, из-за чего весь сыр-бор: «Израиль хочет создать себе спасение своими собственными руками, поэтому израильская стихия и лежит в основе новоевропейской культуры...»

...Своими руками... труд... счастье... Давно ли все эти лозунги висели у нас на улицах. Без Бога — сами! Вот, собственно, главный догмат коммунизма и масонства. «Мы кузнецы, и дух наш молод...» Или «молот»?.. В тайне «Коллективизма и Труда» и зарыта тайна масонского учения и иудаизма.

Но продолжим прерванную цитату: «...Возрождение, Просвещение, Революция, — все это имеет под собой опыт сведения благодати, которая дается даром и по неизвестному определению, на естественные усилия человека, которые должны быть вознаграждены по справедливости и в которых нет ничего таинственного, но все телесно и чувственно-реально.

Каббала есть принцип человеческого естества, активно направленного против стихии благодати. Каббала есть обожествление и абсолютизация Израиля. Израиль — принцип отпадения от христианства и оплот злобы против Христа. Израиль — проклятие всего Христианства».

То, что «каббала есть обожествление Израиля» — не есть, конечно, открытие Лосева, а просто изложение основ иудаизма, как он преподается и сегодня. Можно сослаться, к примеру, на недавно изданную книгу раввина Штайнзальца «Роза о тринадцати лепестках» или взять книгу Михаила Лайтмана «Каббала». В сущности, это букварный уровень... но не для нас, а для учеников еврейских школ. Но здесь важно, кто говорит, а не только что говорит. Приведу еще одну цитату, быть может, самую интересную: *«Триада либерализма, социализма и анархизма предстает перед нами как. таинственные судьбы каббалистической идеи и как постоянно нарастающее торжество Израиля»* («Источник. Вестник Архива Президента РФ», №4. 1996г.),

Эти слова философа, разжалованного посмертно в «гнусные черносотенцы» без права переписки, могли бы показаться действительно уж очень тенденциозными, и, просто сказать, антисемитскими. В этом инциденте с Лосевым интересна сама грань допустимости этой демократической культуры) Если, например, в труды по разоблачению масонства, такие, как у О.Платонова, денежные мешки будут вкладывать средства, а респектабельные магазины — брать на продажу, а «наши современники» — печатать все эти низкопробные сочинения, то одна-две фразы вроде вышеприведенных дорого обойдутся их автору.

Тема с Лосевым была бы закрыта, если бы мы не посмотрели, а что, собственно, на тот же счет говорят сами еврейские публицисты? Ну вот, к примеру, М.И.Каган, — что он-то писал в свое время? А вот что: *«Нельзя не считаться с тем, что на протяжении двух тысяч лет происходит иудаизация европейской культуры. (...) Дело тут даже не в полной иудаизацци, конечно, а в принятии идеи народа-гения, творящего культуру».* («Минувшее», т.6, с.230). Но ведь именно эту идею развивал А. Гитлер в «Майн Кампф»...

Далее определяются те черты иудаизма, которые являются основой понимания доктрины прогресса: еврей призван совершенствовать мир и работою над этим он «очищает себя». Каган подчеркивает, что это представление о необходимости совершенствовать мир (олам тикун) есть исключительно принадлежность иудаизма. И в этом он совершенно прав.

Христианин должен совершенствовать себя, а не мир. И спасать свою греховную душу, а не человечество.

Если мы теперь отвлечемся ото всех этих текстов и попытаемся увидеть

главные идеи, отличающие коммунизм, иудаизм и масонство, и затем попробуем вглядеться во многие сочинения современных авторов, художественные, публицистические или псевдоисторические, то увидим, что все эти идеи в разных видах и формах мы встречаем на страницах любимых наших журналов, газет, на экранах телевидения. Таким образом, проблема масонства встает перед нами как проблема не столько политическая, сколько духовная, касающаяся лично каждого. И кстати же, все тот же Каган говорит, как о форме иудаизации, об идее «культурного национализма».

Так что если мы видим прославление «коллектива, труда и культуры», и все под видом нашего исконного, русского, мы должны отдавать себе отчет, о чем идет речь. А речь идет об известных словах Сталина: «Мы должны использовать патриотизм в своих целях». О том, что выражают эти слова: «использовать в своих целях...» можно задуматься: «в своих», это каких? Но ясно, что «в своих целях» и были созданы «наши современники», «литроссии» и «молодые гвардии».

Не могу обойти и другую важную тему в этом же русле. Что не нравится редакторам в этих «патриотических» журналах и газетах со Старой Площади. И что нравится. Особый тип отношения к Православию и Церкви сам по себе весьма характерен. Вы должны писать о Церкви и православии в стиле отстраненном и холодном, по возможности «объективно». То есть вы должны подчеркнуть важность «историко-культурной» роли Церкви и воспитательное значение «православного учения». То есть Церковь есть сила культурная и историческая. С одной стороны, роль ее была важна на «том» этапе исторического развития. Учение ее было важно в качестве воспитания народа культурного и воспитанного. Важно подчеркнуть и патриотическую роль в освобождении от иноземного ига. То есть, вы должны сообщить идею исключительно земного предназначения Церкви как одного из Общекультурных институтов в жизни наших предков. Силу, уже сыгравшую свою роль, за что ей и спасибо.

.Чего вы не должны? Не должны писать в категорическом тоне, что Церковь есть сила вечная и спасающая и единственно спасительная для любого человека, что она одна вмещает в себя всю полноту Слова Божьего, и что Ее истины обязательны для всего человечества, и благодатны. Ясная категоричность в этом смысле, как бы осторожно и ненавязчиво она ни была изложена, тут же будет встречена в штыки. Говорю по опыту. Например, редактор «Нашего Современника», улыбчивый К., поведал мне на этот счет, что, во-первых, их журнал вовсе не придерживается точки зрения, что православие единственно верное учение. Что их журнал стоит на позициях более широких идей. Что идеи эти носят скорее теософский характер, и определяются мыслью, что высшим выражением божественного является человеческая культура в виде литературных произведений и философских. По правде сказать, этот разговор имеет только ту ценность, что доказывает: зря редакторы толстых журналов хлеб не едят, и что люди они образованные, в отличие от многих своих читателей-простецов, за «битвой Куликовой» и «Суворовым» неспособных разглядеть что и для чего, и готовых глотать любой суррогат «патриотизма», когда важно увидеть то, что не соответствует учению Христовой Церкви.

Примерно так же, но еще более показательно повел себя редактор О. из «Литературной России». Он долго не знал, что сказать по поводу маленькой статьи в пять страниц по масонской теме, где идеи ордена сопоставлялись с христианством их отношении к гордыне и гуманизму. В конце концов его устроило бы, если бы я вставил где нужно слова «вероятно», «наверное» и тому подобные смягчающие тон слова. Интеллигентно и неуверенно... Так абсолютное становится относительным и малонужным. Это основной стиль этих толстых журналов в патриотическом департаменте идеологического органа власти. Результат — бесцельность знаний и вечный зуд, как в масонстве, получить наконец-то тайну главного в очередном номере — градусе посвящения. Но если в масонстве градус что-то дает, то здесь один зуд...

Все эти рассуждения о тонком политическом расчете в деле идеологии патриотизма со стороны специальных органов, призванных управлять общественным сознанием, можно было бы отнести исключительно к области догадок и даже просто фантазии автора. Но, к счастью, в наших руках имеется один документ, который лучше тысяч слов способен продемонстрировать все вышесказанное самым наглядным образом. На заре всеобщего хаоса и развала СССР он был опубликован в газете с неприличным названием «Демократическая Россия» (№4, 1990 г.). Этот документ был найден в кабинете польского руководителя Болеслава Берута, и стал известен на Западе. Он имеет гриф «Москва 2.6 .1947 г. Совершенно секретно К. АА/СС 113 ПРИКАЗ НК/003/47.» В этом приказе имеется 45 пунктов, охватывающих самые разные области управления страной. Имеет смысл привести несколько пунктов:

«п.27. В публичных выступлениях руководителей, выходцев из местного населения, допускается национальная окраска, но она не должна способствовать росту национального единения...

п.34. Особое внимание следует уделить церкви. Культурную и воспитательную работу следует организовать так, чтобы она порождала враждебность по отношению к религиозным догматам...

п. 35... Следует устранить различия между предметами, ограничить публикацию оригиналов и прекратить преподавание латыни и древнегреческого языка, общей философии, логики и генетики.

На уроках истории нельзя объяснять, кто из предыдущих политиков служил или пытался служить во благо Родины; внимание следует

сосредотачивать на тирании королей и борьбе народа против них. В спецшколах необходимо перейти к очень ограниченной специализации...

п.36. Следует поддерживать такие культурно-спортивные мероприятия, которые посвящаются борьбе местного населения против иностранных, особенно немецких, завоевателей (и обходить борьбу против русских) и воспевать борьбу за социализм...

п.38. Если будет создана такая организация, которая... будет стремиться контролировать официальное руководство и экономическую деятельность, то ее следует сразу обвинить в национализме и шовинизме».

Эта инструкция, рекомендующая сосредоточить внимание на борьбе с немцами, сильно напоминает и нашу официальную линию на культивирование борьбы с внешним врагом, тем же немцем, и запрещение под страхом всех возможных кар писать о борьбе русского народа за свою независимость после еврейской революции. А ведь не случайно же большевики сразу же ввели закон об антисемитизме, приравняв его к контрреволюции, и тем самым, обнаружив природу своей власти. Таким образом был поставлен знак равенства между «советским» и «еврейским» (см. ниже «История Бнай-Брит»).

Приказ об изъятии из преподаваемых предметов логики, обшей философии, древних языков и особенно запрет на публикации оригиналов, принадлежит к числу самых значительных. Ведь речь идет о превращении народа, нации, в примитивных исполнителей чужой воли, людей, не способных широко и самостоятельно мыслить.

Это умственная кастрация народа сделала нас людьми недалекими и легко внушаемыми. Мы ничего не знаем и потому обо всем готовы спорить. Оттого-то нам так милы и любезны всякие пошлые поделки в виде исторических романов, в которых истории не больше, чем в древнеегипетской мумии жизни, дыхания и радости. Заметим, специалисты прекрасно знают, какие именно надо изъять предметы, чтобы наш ум стал беспомощным. И уже на этой скудной почве можно было приступать к выращиванию разных журналов и газетенок, всякой пошлой беллетристики. Как можно мыслить без логики, не зная основ философии и не имея привычки что-то анализировать и делать выводы вне намерений пропаганды! Заметим, целые поколения идеологов, писателей и журналистов, и из ныне действующих, десятилетиями «должны были разъяснять и оправдывать решения политического руководства».

XIV

Культура и национализм (патриотизм) столь тесно связаны, что их невозможно разделить. В современном виде оба представления порождены в среде еврейской интеллигенции западных стран и, как полагается, пришли в Россию вслед за распространением идей деизма, пантеизма, и в целом — материализма.

Как только свет религии стал гаснуть, так из мрака религиозного неведения полезли всевозможные чудища и выступил на сцену суррогат религии в виде культуры и национализма. Даже басенки марксизма-ленинизма, то есть сам Маркс и сам Ленин вдруг обнаружили, что нация появляется только с рассветом буржуазных отношений. Показательно. Пока была в силе религия, пока была самобытная национальная жизнь, «нации» почему-то не было. Хотя именно в это время господства попов, церкви и князей и было создано все, чем жила и живет любая нация в мире. Что отличает ее от других народов и дает ей право гордиться собой. В это время действительно не было нации, а была народность. Народность без Церкви и стала называться нацией. Видимо, именно это и имели ввиду творцы этого термина, которые ввели его в оборот в век просвещения самым широким образом. Появились интересы национальные, никак не связанные с интересами религиозными. Появилась светская культура, и слова «народ», «простонародье» приобрели какой-то уничижительный смысл.

Видимо, под словом «национализм» можно иметь в виду совершенно различные вещи. Например, желание свободного развития своей культуры и своего традиционного быта на своей исторической территории;

желание иметь свою администрацию, хотя бы и внутри другого государства. В этих притязаниях, если речь идет о небольших народах, нет ничего опасного и крамольного для «мирового порядка». Ведь еще Ленин заклинал не путать национализм малых народов — вещь вполне полезную для дела «прогресса» и «демократии», — с национализмом большого народа, который есть всегда и при всех обстоятельствах преступление перед «прогрессивным человечеством», которое небезуспешно претендует на мировое господство. Можно напомнить, что это «прогрессивное человечество» — вовсе не абстракция, не фигура ироническая, а самая что ни на есть реальность из реальностей. И выше об этой реальности уже говорилось. Эта реальность «совершенствует» мир, творит его «исправление» по законам Торы, и никаких противодействий этим путям это «прогрессивное человечество» терпеть не желает. В мире, считает оно, есть место только для одного национализма. Что касается остальных «малых народов», то они могут позабавляться своими «правами на самоопределение», но не более того.

Если же речь идет о таком народе, как русский, то сразу же встает вопрос о чем-то более опасном и почти катастрофическом для всего международного сообщества. И это понятно. Что в таком случае придется делать, например, многим тысячам евреев в нашей стране, которые плотно занимают все ключевые позиции и в руководстве страны, и на телевидении, и в органах печати, и в системе образования, не говоря уже об экономике, финансах,

культурной и научной областях. Что придется делать всем этим людям, в случае реализации права русского народа на самоопределение, людям, привыкшим руководить народами, учить их и поучать, реформировать и воспитывать в духе «гуманизма» и «культуры», «дружбы народов» или «ценностей демократии». Между тем, как благодаря всем этим «ценностям» наш народ с невероятной скоростью сажается на наркотическую иглу и вымирает от туберкулеза, голода, нищеты и отсутствия всякой медицинской помощи. Мы, благодаря такому воспитанию, верим в эти «ценности». Но кто же освобождает свои теплые места добровольно, чтобы мы не только увидели трезвым взглядом, в какое кровавое и жуткое болото ведут нас вожди «прогресса», но еще бы и представили очень большой счет виновникам нашей национальной катастрофы.

Все это, конечно, вполне гипотетические рассуждения, потому что мы наивно верим в «дружбу народов» и ни на какое право на самоопределение не претендуем. Плохо голодать и вымирать, но еще хуже прослыть антисемитами. Мы себе такого позволить не можем. Скорее наоборот, с точки зрения мировой культуры проблемы не будет, если русские благополучно вымрут в результате всех демократизации и станут таким же малым народом, как чукчи. Тогда на их защиту встанет какой-нибудь комитет какого-нибудь Сороса и для резервации выделят пол-Рязанской губернии. Тогда, вероятно, и предоставят возможности для любого национализма.

Кроме того, под национализмом имеется в виду доктрина «избранного народа» еврейского, призванного согласно своей религии, управлять всеми другими народами в той или иной форме, политической, экономической или культурной. Но в отличии от других национализмов, смысл которых в защите своих собственных национальных интересов, национализм «избранного народа» — это уже идея всемирной гегемонии не только этого «народа святого у Господа», но и требование признания его «святости» во всем мире, его права на господство над всеми народами. И это еще гегемония его идеологии, его религии, его вкусов, привычек и представлений о хорошем и плохом. В сущности — это идеологический террор, и его орудием является «культура» с фабрикуемыми в специальных штаб-квартирах авторитетами — «великими», «значительными» и «гениальными», лауреатами и победителями конкурсов, (см. ниже очерк «История Бнай-Брит»

Важно понимать, что все это есть проявления семитизма, термина, понимаемого как антитеза «антисемитизму». Что означают такие слова, как «образованный» и «культурный»? Их подлинный смысл открывает принятая литературно-бытовая формула: «образованный и культурный человек не может быть антисемитом». И это верно, потому что культурным и образованным является тот, кто в результате воспитания идеологией семитизма, принял его идолов и богов в свое сердце. Это означает, что на все безобразия семитизма, на все его опустошающие «реформы» и «перестройки», на все социалистические революции и погромы земли русской, на все виды эксплуатации русского народа «образованный» и «культурный» отвечает, глядя в глаза господам своим: «чего изволите-с».

Там, где нет безобразий, а есть уважение людей друг к другу, где каждый народ живет своей самобытной жизнью, где нет русофобии, нет агрессии против национальной жизни других народов, там нет и антисемитизма. Но там есть, замечу, подлинное образование и подлинное понимание смысла жизни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Слово критику и комментарий автора.

Первый, сокращенный вариант данного очерка появился на свет в мюнхенском альманахе «Вече» № 57. А в следующем номере появилась критическая статья постоянного автора этого альманаха г. Н. Вулич. В ней автор выступает с позиций «всемирной культуры» и «гуманизма» со всем набором полагающейся к такому случаю атрибутики гуманизма и морально-этических ценностей, со своими «святыми» и «великими». Эта статья представляется очень характерной не только своим грубым тоном. В первую очередь потому, что она показывает подлинный смысл литературного гуманизма, который появляется под патриотическим знаменем.

Итак, слово критику, госпоже Н. Вулич…

Н. Вулич

БОЧКА МЕДУ И ЛОЖКА ДЕКТЯ

«Если мы не сумеем, не найдем сил восстановить абсолютную Ценность — ни в коем случае не относительную понятий добра и зла и их присутствия в мире,- мы никогда не найдем решения проблемы человечества, никогда не выйдем из беды»

Дж. Оруэлл (1944 г.)

В № 57 «Вече» напечатал очерк В.Острецова «Нация и культура». Автор устанавливает принципы и оценки в осмыслении национальных проблем, в их историческом и политическом ключе, при культурологическом подходе. Пишет о главном — о развале национального самосознания, о заданности этого процесса, о причинах, исполнении и исполнителях. Дан, в общем, прекрасный анализ. Однако, к «бочке меда» странно и досадно примешиваются ложки дегтя, в некоторых частностях, в «отделке» темы.

Абсолютного аспекта вещей нет, человек «окрашивает» их собственным мышлением; это особенно наглядно у В.Острецова.

Есть, безусловно, в статье и абсолютно верные опорные пункты, реальные и

трезвые, как, например: «Внушаемость людей сегодняшнего дня /.../ поистине тотальна и ужасающа. Как и расколотость нации. Весь народ стал доверчив, как младенец. Он искренне, например, верит, в то, что в политике есть борьба групп и идей, и не понимает того, что в современной политике есть только спектакль по заранее написанным сценариям». И — другая ценная мысль: говоря о политике коммунистической партии — «под вывеской ЦК скрывалась другая, более высокая по своим историческим и политическим задачам организация, в которой сама КПСС рассматривалась как временная форма правления страной, на определенном этапе большой переделки русского народа». Эти мысли из «бочки меда». Но этим автор и ограничивается. Дальше идет «меню-фикс» темы, которые многократно обсуждались: масоны, западная философия, интеллигенция. Агрессивность «Всемирной культуры», создаваемой и распространяемой масонами.

Настораживает, проступающая в текстах некая болезненная извращенность в трактовках проблем, которые составляют и вообще-то, а в особенности сейчас, психологическое ядро национального поведения.

И это — сегодня, когда в центре внимания каждого живущего проблемы самого существования русского народа... И поистине зловеще, что на фоне острого практического осознания проблемы выживания преподносятся десятки страниц диссертаций. Автор фатально зациклен на определенном диапазоне мыслей, из которых не может и не хочет вырваться.

Сущность современного мира — цепная реакция распада. Со всеми, вытекающими отсюда последствиями. Сегодня сама духовная почва тысячелетий, христианская почва всей западной культуры превращается в зыбкий фундамент пустоты. Мир скользит по наклонной в пропасть. И в мире нет больше отдельности. *В мире разбужены стихии, вне области управляемости, и «верховное командование» направляет эти процессы по пути: стать необратимыми. А рычаги — в самом человеке: его психике и психологии, и подверженности всяческому злу* [8].

В.Острецов делает подмены понятий, выводит формулы, и ставит все на службу своей риторике.

Одну из статей (о русской идее) автор кончает так: «Нет ничего страшнее фальсификации, имитации и подделки в сфере духовных ценностей и самооценок». К этому мнению можно присоединиться.

Литература и писатель

«Собрать все книги бы, да сжечь!»
Грибоедов. «Горе от ума».

[8] Здесь и далее курсив мой — В.О.

Развернутым фронтом — против интеллигенции. Порка интеллигенции начинается с самого Платона. Всем сестрам — по серьгам!

«Нельзя считать случайным, что именно в момент разлада русской жизни на поверхность выходит русская литература».

Хорошо: были у нас Пушкин и Гоголь, и Достоевский, и Толстой. Да ведь и на Западе были свои: Руссо и Дидро, Вольтер и маркиз де Сад. Но этот сорт безнравственности — Россию миновал. У Острецова: «Вся магистральная, романтическая линия русской литературы несла дьявольскую утопию». По старым, выверенным рецептам советской практики, Острецов раздает оплеухи нашим лучшим. Одно из утверждений автора: «Ни «Капитанская дочка», ни «Евгений Онегин», ни Достоевский не увеличат наших мыслительных способностей». — Подвергаемо сомнению, но, все же, печально.

В. Острецов предъявляет жесткий счет нашим национальным гениям. «Вспомним завывания у Чехова о сверхчеловеках, которые будут жить после нас... /.../ Гоголь — воспитанник масонов, западник, Россию не понимал, ее только выдумывал. /.../ Достоевский: надрыв, но ясности и духовности — никакой». Так и обозначено: никакой. Интересно, как объясняет Острецов, что Достоевский мог создать *евангельский образ князя Мышкина,* не имея о духовности ни малейшего понятия? («Духовности — никакой»...)

«...Славлю Тебя, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных, и открыл то младенцам» «которых есть Царство Небесное». Достоевский: «Единственный закон бытия человеческого — милосердие».

Морализующая духовность русской литературы, ее медиумизм для В.Острецова пустой звук. Т.Карлейль пишет в очерке о Новалисе, защищая его от возможных поверхностных оценок: «...Привычка смеяться над всем великим и'насильственно понижать все великое до уровня собственной высоты...» И что ошибочные, и к тому же агрессивные утверждения «способствуют установлению на земле царства наглости и пошлости». Оттого — нужно защищать русскую литературу от ее слишком досужих критиков. Писатели были не вовсе бездельниками, как аттестует их Острецов [9]. Важно, что все они говорили о реальном наличии зла в мире, что есть едва ли не одна из главных тем христианства. **(О наличии зла говорят и буддисты, и сионисты, и марксисты — *В. О.).***

«Под знаменами Толстого и Чехова спасать Отечество не пойдешь». Быстренько *возложив вину на плечи Толстого и Чехова. Острецов молотит дальше,* — кого достанет. (Дело не в Толстом и Чехове – они делали свое дело, а в нашем их восприятии, культово-религиозном — *В. О.)*

«Мещанский и почти пошлый Толстой, сентиментальный и слезливый

[9] Нигде и никогда, и, тем более, что сам принадлежу к этому цеху. — В.О.

Достоевский, недалекий Гоголь»... И все производится на фоне определения — «Культура — идеология человеческой религии».. *Есть в общей картине Острецова какая-то болезненная извращенность, свирепость исступления,* с какой он терзает лучшее и идеальное. Если он, ничтоже сумняшеся, может людей благородных, жертвенных и кристально-чистых, каким был Чехов (как тот праведник из Евангелия, ради которого Бог пощадил бы мир!) — усердно втаптывать в свой универсальный *уничижительный анализ.* Чернить своих праведников и героев — что делает В.Острецов, — последнее дело. **(Своих для кого? —** *В.О.}* Ведь одно живое слово Чехова весит больше, чем все диссертации аналитиков. Чехов сам жил по заповедям христианства. **(Чехов был атеистом и не скрывал этого** — *В. О.}* И люди, которых он ставил в образец были «...люди подвига, веры, ясно осознанной цели» (слово на смерть Пржевальского). **(У православных образец в Житиях святых, а не в романах —** ***В. О.)***

«Нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа...» **(Нравственность нам дала Иисуса Христа?! В сокровищнице иудаизма и масонства эта мысль многого стоит. Между прочим, это общее положение «просветителей» времен Мозеса Мендельсона.** — *В. О.)* «Правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня, и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни» (рассказ «Студент»)

«Плоть» мира Чехова — глубоко духовна. *Чехов был — честью и совестью России.* Чехов обладал качествами, отсутствие которых погружает человека в разорительную духовную бедность и сегодня, более чем когда-либо: это честь, доброта и глубокая любовь-жалость к человеку, удивительная и сокровенная скромность, и умное и активное всему этому служение.

Евгения Яковлевна, мать Чехова, на похоронах сказала Куприну: «Вот, горе-то у нас какое... Нет Антоши...» Да, горе — неизбывное. Но у В.Острецова память оживляет: «Завывания...» Словарь у него — поистине, особый. (Впрочем, И.Солоневич — тоже подобным отличается, не к чести его.)

О Чехове один из современников, сказал: «Он был деликатен и чист, ласкающе-умен и кристально-благороден». Если это и не очень хорошо сформулировано» с несколько вычурной красивостью, — указывает оно на то, что в людях главное. *Что же касается христианства Чехова, — то «сорт» его был самым высшим. Это было христианство столпника, но активное, жертвенное и глубоко-действенное.* Никогда поза или лозунг, но всегда пример любви к малому и сирому. Ядовитый анализ, и косметические советы по адресу истории, вдохновляют В.Острецова конструировать, в пожеланиях достойного будущего, тщательно изолированные от реальности, утопические «церковные дворики». Но *Острецов явно боится правды.* Вот его замечание о сегодняшних церковных делах:

«Слово Церкви и сегодня даже (...) в устах иерархов Московской Патриархии, звучит неуверенно, слабо...» Дуновение конформизма, расшаркивание; удобообтекаемо, фальшиво! Как будто В.Острецов может не знать, что Церковь сегодня вовлечена в общий процесс болезни. Не видеть этого — чудовищный самообман (и, что хуже — обман!).

Еще одна тема В.Острецова — «и самого что ни на есть практического применения», которое совершенно не зависит ни от какой политической конъюнктуры (есть сегодня такое?) — «О личном выборе религии, как во времена равноапостольного Владимира Красного Солнышка.» — Янки при дворе короля Артура?

Извращенность у В.Острецова — в самом видении добра и зла. Вот ведь, как ясно — у Достоевского («духовности — никакой») — Единственный закон бытия человеческого — милосердие» Это — крестильная купель! **(Видение добра и зла бывает верным и неверным, во «извращенность» в этом вопросе есть открытие Н. Вулич —** ***В. О.)***

И — для кого такая фальшь и лакировка: *«Пока народ жил по Псалтыри и сам пел и плясал, усадьбы не горели...» — Никогда народ так не жил!* И были и Разин, и Пугачев, и секты. И самозванцы. Но вот когда начали ронять слезы над «Муму», и читать слезливую «Историю» Карамзина...

В давнопрошедшие времена, когда народ «пел и плясал», не было ни истории Карамзина, ни Достоевского, ни стихов Некрасова. Стало быть — литература, в то время, не заменяла религии, по мысли В.Острецова. Но были — секты и самозванцы, и Разин, и Пугачев. Воскресим церковные дворики, — и все образуется. А вопрос о психике современного человека — не ставится. Напоминает поучительную историю из старинной хрестоматии, о маленьком мальчике, спасшем страну, заткнув пальчиком дыру в плотине...

Еще — о церковном дворике. В него веришь, его видишь, когда читаешь «Триптих» А.Шахматова, в том же «Вече» № 57. В сияющей убедительной доброте слов, в любви к людям и России. *А.Шахматов, безусловно, обретается в таком церковном дворике. Ему веришь,* каждому слову: «Писал с доброжелательной критикой, горькими слезами и неутратной верой». *А вот Острецову — не веришь.* Истинно ли его, вымощенный льдом, дворик — церковный? И каково его «умное делание»? Остается ощущение исступленного само утверждения автора. Но не любви, без которой духовные дары — ничто. Любви, которая «не превозносится», «которая долго терпит» и которая «милосердствует». (Как **видно, у самой Н. Вулич, не такая любовь** — *В. О.).* Что «Бесы» гениальны нельзя оспаривать. Кто знает, в какие прорывы Времени выходит сознание гения?

У Острецова: «Этот консерватизм был порожден маловерием в силу Церкви все обнять, все понять и все осветить своим благодатным светом, — всю науку, все искусство, всю человеческую психологию».

Кажется, что такой универсальности не могла приписывать себе ни одна земная институция! **(Церковь не является земной институцией, а есть установление Бога** — *В. О.).* Достоевского спасает его гениальность! Интеллектуальный прожектор обшаривает весь 19 век, подводя всех и все под общий знаменатель. И русскую культуру, и науку. И о какой «любви к отеческим гробам» может быть речь на таком мертво-рациональном подледном кладбище? Ведь ни одного имени не выделяет автор в качестве светлого пятна.

А отдельные замечания — часто просто смешны, как, например, о том, что «Дон-Кихота» читают только еврейские дети. Являют беднодушие и бескрылость самого автора. Ведь *образ Дон-Кихота — пленителен.* Даже рациональный немец характеризует его так: «Копыта его лошади спотыкались на испанской земле, но благородная, и смешная, голова его касалась звезд». Но это — не вкус нашего автора. А между тем, именно в России, Дон-Кихотов было больше, чем где бы то ни было в мире. У одного Лескова — сколько их!

Насколько разнится тон изложения В. Острецова и Солженицына. У Солженицына: «Сам русский характер народный, так известный нашим предкам, столько изображенный нашими писателями /.../, наша открытость, прямодушие, уживчивость, доверчивое смирение с судьбой, долготерпение, (...) непогоня за внешним успехом, скромность в совершении подвига, сострадательность и великодушие». Опять — все слова не из лексикона В.Острецова. **(Декламация, риторика и лубочные картинки не мое призвание — *В. О.)***

Культура, религия

Неблагополучно обстоит дело и в области культуры и религии.

В. Острецов пишет: культура — идеология человеческой религии. Но и наоборот *религия есть составная часть культуры.* А культура связана с глубочайшими корнями человеческой натуры, с «сортом» человеческих душ.

Как делался выбор религии на Западе? Католический Запад, отделившись от Православия, отошел в сферу владычества Папы римского, и, вместе с этим, в область законов Ветхозаветной религии. Русь же иначе сделала выбор. В «Слове о Законе и Благодати» первый митрополит, Иларион, определил этот выбор, как выбор веры благодатной, понимая под этим — *Евангелие, Новый Завет, в противоположность Завету Ветхому.* Таким образом, *существующая культура русского народа определила его выбор.* **(По слову Спасителя Новый Завет есть полнота Ветхого Завета — *В. О.).***

Культура. Определяет ли ее вполне «Идеология религии»? Константы русской культуры, этой тайной лаборатории национального духа, заложены в самой русской душе, в мировидении, в русской ментальности. На вопрос, что покоряло его в России больше всего, Гарольд Вильяме ответил: «Характер народа /.../ Для него любовь — это больше, чем чувство, это — сама жизнь».

Вот, именно здесь — корни русской культуры. И — выбора религии. Русские летописи, так же, как и русская классика 19 века, дышат любовью к родной земле, и заботой о ней. Царство свободы и правды Божией — было в сердце каждого человека, а не в идеологии религии [10].

«В религии концентрируются все национальные запасы инстинктов, эмоций и морали. В ней формулируются все те представления о конечном добре, которые свойственны данному народу /.../ Умирание религии есть, прежде всего, умирание национального инстинкта, смерть инстинкта жизни» (И.Солоневич).

«Мы можем сказать: Господь Бог вложил инстинкт жизни в каждое живое существо. Мы можем сказать и иначе: инстинкт жизни формулирует Господа Бога, как свой величайший и заранее непостижимый идеал, как точку концентрации всего лучшего, что в человечестве есть». «Практическая сторона всех религий человечества изъедена всякими пороками. Я никак не собираюсь утверждать, что Православная Церковь чужда этих пороков. Но у нас их все-таки меньше, чем где бы то ни было / .../ Православие несло и несет в мир то искание Божьей правды на грешной нашей земле, которое так характерно для всей русской литературы, для всех преданий и былин русской истории, для всего народа вообще». «В шестую часть земной суши, на которой вперемежку расположились полтораста наций и народов и племен — Православие внесло невероятно много мира и света, дружбы и любви». (Подобных слов Острецов не употребляет нигде.)

Вопрос о Русской Идее, тесно связан с национальной религией. «Народ творит своего Бога по образу и подобию своему. Бог дает каждому народу ту меру познания истины и в той форме этого познания, какая свойственна духовному складу данного народа. Православие — является национальной религией русского народа» (Ив. Солоневич).

Национальное сознание — категория религиозная, мистическая. Национальная история — тоже. Это сама душа нации.

[10] Строго говоря, только одна религия имеет идеологию — еврейская, иудаизм. Православие — это отношение Бога через 2-ое лицо св. Троицы, Христа, к человеку, и человека к Богу через Церковь.

Комментарий автора

I. ЦЕНА КРИТИКИ И ЛЮБВИ

По горячим следам, первое замечание: в цитате Ив. Солоневича мы видим идею Фейербаха, столь любимого К. Марксом: человек сам создает себе бога по своему образу. Это действительно имеет место быть, но только в раввинистическом иудаизме. Второе замечание: Православие не ищет Божьей правды, потому что обладает ею во всей полноте.

Ищут те, кто не признает божественности Иисуса Христа, который и есть воплощенная правда.

Бывают в жизни ситуации, которые хорошо начинаются, но плохо кончаются. Но когда они так кончаются, порой испытываешь невыразимое облегчение. Обычно это бывает тогда, когда попадаешь в ложное положение и видишь, что, то ли тебя принимают не за того, то ли они себя выдают не за тех. Вроде все так, все свои, все единомышленники, а чувство двусмысленности положения не проходит. И когда наконец-то все разъясняется, то выйдешь на улицу, отряхнешься и вздохнешь с облегчением: и ты свой, и улица — твоя.

Примерно такие ощущения испытал я, прочитав отклик г-жи Вулич на свою работу «Нация и культура», сокращенный вариант очерка «Культура, как орудие...», в «Вече», альманахе, некогда созданном Олегом Красовским, гражданином Германии, бывшим советским гражданином, для борьбы с коммунистической идеологией. Этот альманах был им создан в 80-е годы. Большая часть статей в нем посвящалась критике коммунистического руководства СССР. Это был, что называется, умный, интеллигентный журнал для своих. До боли похожий на «Наш современник», если бы последний находился вне пределов досягаемости Старой площади. Все академично, скучновато и регламентировано. Но все — солидно, без эмоций. Опасные темы слегка задевались, вскользь. Но, конечно, только приличным образом, интеллигентно. Да и печатались в альманахе среди прочих как раз те, кто от этого коммунистического режима получил все блага мирские: от возможности печататься до лауреатства и квартир. На недосягаемой высоте светился гений Ильи Глазунова, а рядом стояли другие «девять муз» — В.Распутин, С.Залыгин, С.Аверинцев, академик Лихачев и так далее. Конечно, это ставит вопрос, кто на самом деле стоял за «Вече».

В такой «борьбе» с коммунизмом было что-то странное, недоговоренное. Все время казалось, что альманах выходит не в Мюнхене, а где-то рядом, не дальше Малаховки. И потом, это обожествление Солженицына... этот трепет перед Глазуновым...

Но пока существовал СССР, какой-то смысл в выходе такого издания еще можно было найти. Но с появлением бесцензурной свободы печатного слова журнал, оставаясь тем, чем он был, стал на глазах жухнуть, пока окончательно не затерялся в потоках печатной продукции.

И среди всех авторов этого альманаха-журнала выделялась одна фигура, г-жа Вулич, чьи публикации всегда напоминали редакторские в партийной советской печати. Они меняли весь смысл номеров «Вече».

При наличии высокого пиетета по отношению к Православию в большинстве статей, статьи этого автора заставляли думать, что в редакции царствует все-таки дух не православия, но дух экуменизма и масонствующей философии. В них обнаруживалась странная тенденция всех философствующих умов говорить «вообще» и отвлеченно, когда речь идет о виновниках русской трагедии. На первом месте у автора стояли «природа», «культура», «интеллигенция» и «мораль».

Конечно, она, г-жа Вулич, вовремя хвалила «наших» и также вовремя ругала «не наших». Но подлинной радостью для нее была «интеллигенция». «Какая интеллигенция нужна России?» — вопрошала она в одной статье. И сама же рисовала идеал: «русская духовная элита, переболев марксизмом... стала в авангарде борцов с ним». Далее в образцах шли Розанов, Солженицын и другие «святые» писатели. Выстраивался странный для данного альманаха идейный ряд: «природа», «инстинкт», «культура», «святые» ее творцы и апофеоз интеллигенции. Все это — на фоне бессвязного текста, каких-то восклицаний и восторгов, цитат и загадочных сравнений.

Если это не масонство, спрашивал я редактора альманаха Е.А.Вагина, когда он бывал в Москве, то тогда что же такое масонство? Он в ответ молчал и загадочно улыбался, что-то бормоча себе в бороду.

А мне все не давал покоя вопрос: как можно бороться с коммунистическим режимом и в качестве борцов брать Глазунова и Распутина. Разве борцы «водятся» в комфортабельных квартирах советской номенклатуры или среди членов президентского совета при г. М.С.Горбачеве? Разве не логично было бы искать их в жалких коммуналках, где живет немало талантливых людей, которым действительно негде печататься, но есть, что сказать?

Был странный случай в 1993 году. Решив издавать журнал в Москве, издатель О.Красовский обратился к известному специалисту по чертенячьим делам, оккультисту Д. Как он, живя в Мюнхене, нашел именно оккультиста, ума не приложу. Но ведь в таком деле случайностей не бывает. Тот напечатал один номер «Вече», присовокупив и рекламу своей каббалистики.

Конечно, невольно начинаешь думать, нет ли тут «руки Москвы». Эти-то сомнения имеют-таки рациональное объяснение. Совершенно невозможно объяснить другое, о чем — ниже.

Печатаясь в «Вече», я постоянно чувствовал, что коридор «патриотизма»

узок и определен. Сам издатель вроде не был профессионалом в издательском деле, но в альманахе ощущалась рука опытного идеолога. Было неясно, откуда в далеком Мюнхене такая опасливость, такое точное знание ранжира авторитетов на советско-культурной сцене. Почему, к примеру, редактор г. Е.Вагин, по приезде в Москву, готовясь к встрече с Глазуновым, дрожит от страха, беспокоится по поводу отсутствия галстука, боясь гнева «гения», того, что тот может пожаловаться издателю, Красовскому? Редактор, Е.Вагин, живет в Риме, издатель — в Мюнхене, — и бояться Глазунова?.. Мы не дети. Тут случайностей быть не может. Но нет и ответа. Человек, призванный бороться с коммунистическим режимом, живущий за тридевять земель, трепещет перед нашим, советским авторитетом, вхожим в Кремль, членом масонского ордена.

Впрочем, и сам Красовский гордился, как мальчик, дружбой с Глазуновым. Почему, спрашивал я Вагина, и тот невнятно отвечал, что Глазунов вхож в правящую советскую элиту, и его знают во всем мире**.** Критика Глазунова попросту не допускалась, как и критика прочих советских культурных авторитетов. Получалась вещь совершенно загадочная: здесь, в России, можно, там, в Германии — нельзя... И вот появился отклик на мою статью — и как гора с плеч.

В химически чистом виде представлена реакция интеллигента-язычника, рационалиста и пантеиста, на опасное покушение на свои кровные идеалы. Здесь, когда затронут сам нерв, кончаются игры в «наших» и «не наших». На месте воспитанного интеллигента, набившего руку на обличении «их» и прославлении «нас», видишь какого-то советского рапповца 20-30-х годов, готового съесть заживо врага советской власти. И, что важно, — патриотический карнавал на тему борьбы с «ними» кончается, хотя мог бы тянуться еще долго. Он и тянется. Но в данном случае маски сброшены: Острецов поднял руку на «святое»!..

А теперь посмотрим в суть дела.

Тональность, напоминающая разносы от «партии и правительства», говорит о том, что советский строй в своих культурных привязанностях был строем интеллигентным. Громя церковь, издеваясь над верой христианской, обливая грязью русскую историю, славили великих писателей, издавали их, исследовали и ставили памятники. Да, «советский строй» выражал суть того духовного качества, что называется интеллигенцией. И само слово, встречавшееся еще в XVII веке у философов, означало Мировой Разум, Универсальную интеллигенцию. Из этого теософско-оккультного словаря оно и попало в обыденную речь. Его смысл понятен — «сознательный работник», «строитель культуры» и строитель «храма Соломона». Это синонимы: они приобщены к Универсальной интеллигенции. И вот ясная логика ее: поношение Церкви и восхваление «деятелей культуры».

Теперь послушаем оценки г-жи Вулич в мой адрес: «Автор фатально зациклен на определенном диапазоне мыслей, из которых не может и не хочет вырваться». Что же это за диапазон? Это — «масоны, западная философия, интеллигенция». Прямо скажем, диапазон немалый, чего ж из него вырываться? Плохо, что «фатально зациклен», но если фатально, то это уже увлечение. А без него за письменный стол нечего и садиться. Г-же Вулич не нравится сам диапазон, но это-то как раз и интересно. Да, «масоны и интеллигенция» — тема не новая, но от разрешения далекая. Да ведь и тема любви давно не нова, а мы все глаза на нее пучим, все-то что-то сочиняем на эту тему. Так что дело не в новизне, а в верности решения и злободневности. Но как раз злободневности этой теме не занимать.

Идем дальше: «Есть в общей картине Острецова какая-то болезненная извращенность, свирепость исступления», «исступленное самоутверждение»... «Острецову не веришь», потому что он не добрый, «извращенность у Острецова в самом видении добра и зла»... «Острецов молотит» (то есть несет чушь). Ну, и самое убийственное: «Острецов явно боится правды». Какой же правды боится этот Острецов?

В сущности, здесь можно было бы обойтись безо всяких цитат. Просто взять какой-нибудь школьный учебник по истории литературы и всю «правду», которой боится извращенный в своей злобности Острецов, постичь. Но даже в учебниках не найдешь таких восторгов и такой путаницы понятий, как у поклонников «интеллигенции».

Кто такой Чехов, например? Это «тот праведник из Евангелия, ради которого Бог пощадил бы мир». Сколь ни прекрасна эта фраза, сколь ни ясно выражает она религиозное самочувствие поклонников культуры, все же подумаешь: если речь идет о св. Евангелии, повествующем о земной жизни Иисуса Христа, то там, в качестве персонажа Чехова нет. У нас был, конечно, «вечно живой» Ленин, но и того в столь далекие времена не посылали. Чувства меры интеллигент не знает. Что же касается праведности Чехова, то судить об этом — не наше дело. Пока, насколько известно, вопрос о его канонизации не поднимается. Известно, что этот «праведник» был атеистом, чем и гордился. Другой вопрос, что речь-то, по сути, идет об иной «церкви», в которой такие выражения кажутся уместными.

Кто такой Чехов? — спросим еще раз, и получим ответ: «Чехов был честью и совестью России». Тоже что-то до боли знакомое. На эту роль выставлялось много кандидатур, начиная с Герцена...

Попутно мой критик объясняет, в чем состоит высшая духовность: честь, любовь и жалость к человеку, скромность и «умное и активное всему этому служение». Вот что хорошо у Достоевского? А то, что он ясно сказал: «Единственный закон бытия человеческого — милосердие». И оно называется

г-жой Вулич «крестильной купелью».

Привлечение церковных понятий для сакрализации мирского начала очень характерно для такого явления, как розенкрейцерство в масонстве. Конечно, такое смешение понятий есть кощунство. Даже люди, далекие от церкви, на это не идут. На это идут те, кто ей прямо враждебен, потому что исповедует другую религию.

...Нет ничего выше «морализующей духовности русской литературы». У Достоевского и Чехова — высшая духовность, морализующая, ибо они выразили эти идеалы доброты, скромности и милосердия. Потому и Достоевский «мог создать евангельский образ князя Мышкина». Гм... Только что Чехов был «праведником из Евангелия», теперь еще и князь Мышкин? Трудно представить, что ряд не будет продолжен самим Достоевским, да, еще Солженицыным, ибо восторг г-жи Вулич перед последним в ее других статьях просто неописуем.

Слово «христианство» моим критиком используется, но это — ее собственное, интеллигентное «христианство». Мало того, что Чехов праведник, но «сорт» его христианства «был самым высшим». Этот оборот, кстати, явно заимствован из какой-то антицерковной лексики.

Перейдем к критической части.

Больше всего не нравятся церковные идеалы: Острецов конструирует «утопические церковные дворики» Откуда взят этот образ — судить не берусь. Теряюсь... В этих идеалах г-жа Вулич видит «фальшь и лакировку». По ее мнению, народ никогда не жил по Псалтыри: «Народ так никогда не жил! И были и Разин, и Пугачев, и секты. И самозванцы».

Вот радость-то! Это уже прямо по-марксистски. Были, конечно, и эти живоглоты, были и секты жидовствующих и стригольников, и прочие. Как же им не быть? Для них, конечно. Псалтырь не указ. Так ведь не они и создавали Русское Православное Царство. Пугачевы же и Разины крушили то, что создавалось другими, живущими как раз по Псалтыри.

В запале г-жа Вулич выявляет то, что обычно скрывают, когда рядятся в патриотические одежды. Положение обязывает.

Когда-то я писал, что вижу возможность выхода из тупика, по крайней мере теоретически, хотя бы в медленном создании церковных Приходов. Конечно, в политическом плане это пока нереально. Но и другого выхода нет. Может, его и вообще нет. Но кто знает будущее? Г-жа Вулич раздражена: «а вопрос о психике современного человека не ставится». Но ведь эта самая психика и требует создания «церковных двориков». Только не двориков, а приходов.

Набор одобряемого и восхваляемого, отрицаемого и отвергаемого очень показателен. Для православного человека выражение о «двориках» было бы странным, да и князь Мышкин для него — не евангельский персонаж. Возводить кого-либо своей властью в святые он тоже не станет.

Здесь важна эта тенденция к сакрализации «чисто человеческого» дела — культуры при помощи привлечения христианских понятий и вместе с тем ненависть к Церкви. И это не «просто так».

Самое откровенное признание у г-жи Вулич выразилось в том, что она, во-первых, не верит во Вселенскость Церкви, в ее возможность помочь нам все обнять и понять, в первую очередь человеческий разум и сердце, которые уже на все остальные вещи в мире будут смотреть и видеть просвещенными очами и в разуме церковном. Во-вторых, по г-же Вулич, Церковь есть «земная институция». То есть создание рук человеческих. Это — самое главное признание критика. В тон этому убеждению она цитирует И.Солоневича, объясняя читателям, как надо правильно понимать происхождение религии: «инстинкт жизни формулирует Господа Бога, как свой величайший и заранее непостижимый идеал...» Здесь все по Фейербаху, любимцу Маркса.

Эта фраза полностью и самым радикальным образом отрицает все Христианство и всю богооткровенную религию, и Ветхозаветную, и Новозаветную. Когда «инстинкт жизни формулирует господа Бога», спорить о частностях уже нет смысла. Начинаешь понимать, какое «евангелие» имелось в виду выше. Когда Бог есть «точка концентрации всего лучшего, что в человечестве есть», то это уже чистой воды материализм, идущий от каббалы, сформулированный Фейербахом и от него перенятый Марксом. Вот вам и борцы с большевизмом, а теперь с «демократией»! Далее, словами Солоневича утверждается, что наша святая Церковь Православная не без пороков, но все-таки у нее их поменьше, чем у других. Вот оно, наглядное проявление патриотизма!..

Видимо, совершенно не понимая, о чем идет речь, устами того же незабвенного И.Солоневича критик объясняет: «Православие несло и несет в мир то искание Божией правды на грешной земле, которое так характерно для всей русской литературы...»

Не знаю, то ли И.Солоневич жил большую часть жизни на луне, то ли г-жа Вулич слишком увлечена «святыми» своей собственной «церкви», но они словно никогда не слыхали о воплощении Бога в плоть земного человека и о том, что именно Он принес правду и дал людям. Что Он Сам и есть высшая Правда, явленная и живущая с нами в Церкви. Здесь «искания» означают неприятие Христа, явленного и пребывающего с тех пор с нами в Церкви, коей Он есть Глава. Неловко как-то напоминать об этом...

Вот Острецов утверждает, что культура — идеология человеческой религии. Но ведь и «наоборот — религия есть составная часть культуры». Но «наоборот» здесь не получается, а получается оккультно-теософский принцип

просветительского понимания культуры, как языческой религии.

Вопрос о том, почему русский народ выбрал Православие, решается г-жой Вулич просто и рационально, в духе, привычном для марксистов: «культура, существующая, русского народа определила его выбор». Но это уже гуманитарный угар!

Культура, правда, была языческой, а выбрали богооткровенную религию — христианство. В Законе Божием об этом говорится так: «В жизни наших предков было много суеверий, ложных понятий, жестоких обычаев, случались даже человеческие жертвоприношения идолам». Это — к вопросу о культуре тех времен. И вообще-то мы, грешные, думаем, что принятие веры христианской было великим благодеянием Творца, а не «культуры», и совершалось оно под действием благодати Божией и по Его милости. Тем более, что в те времена русской культуры не было, потому что не было, собственно, русского народа, а были древляне, поляне, кривичи... У нас ведь и летописи имеются, и археологи немало потрудились, чтобы все это выяснить. И выяснили. Самое удивительное признание — это утверждение словами Чехова, что нравственность дала нам Иисуса Христа. Это даже не сектантство, это иудаизм в чистом виде, это Мендельсон и Фейербах вместе.

Если религия — составная часть культуры, то что ж это за вещь такая — «культура», — если в качестве ее составной части мы видим религию, а точнее, и не одну? Надо полагать, что такая культура есть сверхрелигия. О ней написано в столь уважаемой масонами книге Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», во всех популярных изложениях каббалы о ней говорится, как и в масонском катехизисе всех редакций: это «чисто человеческая религия», которую также называют «естественной». Именно в ней высшей ценностью провозглашаются те идеалы, которые г-жа Вулич ставит на самую вершину святости и духовности. А тот закон, который так нравится ей («Единственный закон бытия человеческого — милосердие»), открытие которого она приписывает Достоевскому, был нарушен грехопадением наших прародителей, и с тех пор мы живем не по закону, а по милости Божией. Но это не закон, который, как закон, обязывает Творца к этой именно милости. И не мы проявляем милосердие друг к другу, а Господь Бог — к нам. Так по христианству. По иудаизму — иначе, там именно так, как говорит г-жа Вулич. Там, в каббале, и любовь, и милосердие, и многое другое провозглашается как естественные средства спасения человечества, но не человека. Но там и любовь — явление механическое,

Таким образом, весь круг антицерковных убеждений и материалистических воззрений в духе человекобожия, отчетливо проявляясь, придает особый колорит всей этой критике. Это отчетливо обозначенный масонский круг «гуманизма», пошловатый по своей приземленности и примитивности. Тот круг убеждений, которые обычно пытаются скрыть в журналах «патриотического направления». В них принято ходить ровно по отведенной тропке. Здесь есть правила игры. Они нарушены. И это замечательно! Весь объем убеждений, характерных для секты интеллигентов — как на ладони.

К сказанному напомню слова архиепископа Никона Рождественского, относящиеся к 1913 году. Лев Толстой тогда убеждал, что одна любовь и милосердие спасают человечество. И вот владыка, известный церковный писатель, говорит: «Ведь если все дело в «любви и сострадании, всепрощении и мире», то и к чему все заботы о Церкви, все эти вселенские соборы, учение свв. отцов, подвиги и страдания исповедников? Иди за Толстым, повторяй слово «любовь», и спасешься... Нет, не так... *Знаете ли, что и добрых дел нельзя делать спасительных, если не право веруешь? Вы удивлены? Вы не понимаете меня? И не поймете, если не усвоите со смирением учения Церкви Православной! В том-то и дело, что мы веруем и исповедуем, что благодать Божия изливается только в недрах Церкви Православной, а без таковой благодати нельзя и добра делать истинно-спасительного. (...) Делают добро и язычники, но это добро только приближает их к Церкви,.. а спасти не может: для сего надобно войти в жизнь Церкви чрез спасительные таинства Церкви».* По важности самой темы привожу такую обширную цитату. А о любви и милосердии как спасительном средстве говорят и сектанты, и иудеи, и буддисты, и синтоисты.

Таким образом, когда позиции по главным вопросам определены, важно посмотреть еще раз, под какими лозунгами проповедуются идеи чисто масонские, языческие, иудейские. Все темы альманаха, включая темы религиозные, в свете сказанного приобретают двусмысленный характер. По-другому смотрится и печатаемая в альманахе критика Русской Церкви, и полемика с зарубежной церковью. На всем лежит отпечаток сознательной дискредитации Церкви под знаменем борьбы за Россию. Впору вспомнить странное благоговение мюнхенских издателей перед советскими номенклатурными авторитетами... Кончается сказка о независимых органах печати, за рубежом борющихся за Россию. Для того, чтобы заниматься апологетикой «интеллигенции», «культуры», враждебных началам церковным, как правило, и создаются такие органы печати, сочиняется легенда об их независимости. Хорошие материалы в таком случае являются тем же, чем капсула для иного лекарства — чтобы легче было глотать и легко усваивалось.

Когда г-жа Вулич по подсказке редактора печатала свой разнос, то ни она, ни редактор Е.Вагин, наверное, не подозревали, что где-то в Москве может сидеть за столом человек и читать архиепископа Никона.

Теперь о самом удивительном. Г-жа Вулич везде пишет о русском народе, о его особенностях, и даже печалится о его судьбе. Ее манера полемики схожа с

той, что имел бы человек с опытом работы в партийно-советской печати. Тот, кто так решит, крепко ошибется. Г-жа Вулич живет в Австрии или в Германии, и никогда не была, по словам редактора Вагина, в России. Ей за семьдесят, но, печалясь о судьбе русского народа, она в объятия к нему не рвется [11].

Вот и вся цена этим критикам. Понятно, в Германии сытнее, но скучно. А может, еще какие мотивы такой страстной любви к русскому народу имеются? Ох уж мне эти немцы! Ох, уж это «Вече» со своим патриотизмом!

P.5. Мне кажется удивительным, что люди, раздраженные критикой своих игрушек, не берут на себя труд изучить историю вопроса, не знают вовсе литературной критики прошлых времен и даже не подозревают о ее существовании. Речь не только о данном случае.

Что касается советской литературной критики, слившейся с литературоведением, то она была еще интересной в первые годы большевизма, пока еще были слышны отголоски старой, дореволюционной критики и пока сами критики старой школы, кончавшие Императорские Университеты, еще были живы и еще существовали какие-то частные издательства. Другое дело, когда прикасаешься к самой дореволюционной критике. Не то, чтобы там все были интересны и глубоки, но была там атмосфера независимости мысли, внутренняя раскованность и многоголосица. Как-то не было внутреннего испуга, заданного стандарта и обязательных восторгов перед патентованными «великими».

Беру наугад журналы за 1904 год. В «Вестнике Европы» Чехову посвящена обширная статья Евг. Ляцкого, А.М.Горькому — целый ряд статей Н.Я.Стечкина — едва ли не самого одаренного русского критика той поры. В нескольких номерах журнала «Мир Божий» печаталось и исследование о творчестве Щедрина.

Свою работу Евг. Ляцкий начинает с вопроса, имеет ли Чехов как писатель хоть какие-нибудь идеалы, или не имеет никаких. Исследуется вопрос добросовестно, приводится мнение других критиков. Сама разнородность мнений по этому вопросу наводит на мысль, что, будь эти идеалы ясно выражены, такого разнобоя у критиков не было бы. И его вывод:

«Писатель без миросозерцания, относительно которого самые благожелательные ценители не могут столковаться, есть или нет у него идеала... Куда он поведет за собой, когда он сам не знает истинной дороги?» В конце концов, «без идеалов оздоровления это вечное изображение болезней и страданий может только усилить и без того повышенную мнительность больного, а иным может показаться проповедью отвращения к жизни».

Впрочем, другие критики были не согласны с этим отзывом, а третьи... а четвертые... Короче, было время, когда мысль была раскована и не боялась себя.

Рассмотрению творчества Достоевского с точки зрения православного вероучения было посвящено несколько статей в журнале «Странник» за 1905 год (т. 2, ч.1). Принадлежали они перу Ив. Розанова. Не говорю об отзыве о Достоевском в известной работе Концевича «Оптина пустынь». Что касается моего собственного мнения, то надо говорить не о христианских мотивах в его творчестве, хотя и совершенно внецерковных, а о влиянии на мировоззрение Достоевского отчетливо выраженных идей иудаизма. Отсюда именно эти идеи вселенскости и спасении в любви, о праведниках (цадиках), на которых держится мир,

Но главное, что надо иметь в виду: любой вопрос имеет свою историю и свою традицию. И чтобы не быть вечным изобретателем велосипедов, нельзя забывать, что русская мысль цвела пышным цветом в дореволюционной России. И тем более нельзя забывать людям, которые выставили на своих знаменах лозунг борьбы с большевиками и их нынешними наследниками — «демократами», которые с умилением говорят о Государе Николае II, но для которых, в сущности, реально история Русской мысли началась с октября 1917 года, а до того — пустота и тьма египетская. Этот советский нигилизм едва прикрыт трескучими фразами о любви к «нашим великим» при полном невежестве касательно эпохи, в которую эти «великие» жили. Но это уже идолопоклонство.

II. СОТВОРЕНИЕ КУМИРА

(от Маркса до Ивана Ильина)

Пример с «Вече», вообще говоря, наводит на некоторые размышления, идущие в сторону представления о том, как создаются кумиры, призванные занять какую-либо нишу в национальном сознании. В деле создания таких кумиров заграница вообще и эмиграция в частности сыграли значительную роль. Некоторые небезосновательно считают, что многочисленные эмигрантские газеты и газетки, журналы и журнальчики русскоязычные, созданные «там»» все эти чаще всего полуеврейские Посевы и посевчики, всевозможные «наши страны», и многочисленные эмигрантские группы и группки были созданы нашими спецслужбами, или быстро попадали под влияние таковых. Надо ли говорить, что в ряде случаев советская спецслужба действовала в трогательном единстве с американской, когда речь шла о едином курсе в геополитике. Не приходится долго говорить и о том, что каждый орган печати рассчитан на определенный круг читателей. Для демократов

[11] Но есть и еще вариант: возможно, за именем г. Вулич скрывается другое лицо, живущее в Москве и выполняющее свои специальные служебные обязанности на идеологическом фронте.

создавались одни органы печати с обкатыванием бесконечных тем о «правах человека», всевозможных свободах, о «подлинной демократии», и так далее. А для другой группы лиц, русских, не забывших еще о своей национальной принадлежности, создавались и соответствующие органы печати. Понятно, не будешь же рассказывать о Суворове или Минине и Пожарском каким-нибудь парагвайцам, чтобы вдохновить их на банановую революцию. Но также бессмысленно вдохновлять русских примером какого-нибудь Дон Перетца или Боливара, чтобы овладеть их патриотическими чувствами и через эти чувства всунуть им в их разгоряченные головы нужную идейку в каком-нибудь символическом виде. Чтобы внедрить принципы плюрализма, «гуманизма» и, попросту, иудаизма, как это мы видели на примере статьи г-жи Вулич, нужно использовать и «патриотические» темы и образы. Ведь для идеологов важны только принципы оценок и символические матрицы понимания, формирующие в каждом из нас наше социальное поведение, а не методы, какими это достигается.

Для того, чтобы сформировать принцип религиозного безразличия, нужно печатать рядом статьи и православных батюшек, и совершенных безбожников, под одной «патриотической крышей», конечно же, озабоченных судьбой родины и обличающих «наших врагов» — империалистов, демократов, масонов, и проч. и проч. Конечно, обязательным ритуалом считается задеть вскользь еврейскую тему. В пределах разумного, конечно. Как впрочем, и все остальное. Эта тема является несущей конструкцией «патриотической крыши», ее основой.

Так, рядом с уважительным отношением к нашей святой Церкви появляются редакционные статьи, из словоблудия которых, однако, проступают все черты масонского гуманизма, всечеловеческих ценностей и «всемирной культуры». Известно, что каждый орган печати и каждое «движение» вызываются к жизни какой-либо определенной политической или религиозно-философской необходимостью. С семидесятых годов тихо и широко нашими спецслужбами инспирируется диссидентское движение для идеологического обеспечения развала СССР. Так на свет появился «феномен Солженицына». Этот идеологический процесс проходит с использованием разных мотивировок и тем: используется и «антикоммунизм», и «патриотизм», и «русский большевизм», и «права человека», — каждой группе лиц, объединенных общностью взглядов, своя тема. Можно не сомневаться, что на лацкане пиджака большинства участников всех этих предприятий имеется с обратной стороны маленький значок в виде циркуля с наугольником. Появляются «континенты», и «наши страны» и прочие газетки и журнальчики.

Именно здесь, во всех этих органах печати, созданных «там» нашими спецслужбами через засланных, посланных и завербованных, тщательно при всем том следят за тем, чтобы никакое «черносотенство» русское, то есть никакие коренные принципы русской национальной психологии и русской эталонной мысли не смогли бы появиться на свет Божий. На этой кухне, зная о существовании исторической, черносотенной мысли и существовании голода на этот продукт русской мысли и истории, готовят «заменителей», культовых героев, которые должны занять эту нишу. И на очередное, испеченное на этой кухне имя вешается ярлык — «великий русский мыслитель Пунькин-Мунькин». Эти культовые герои появляются как-то неожиданно, сразу, словно сваливаются с Луны, или тут же, с парохода попадают на презентации собственных трудов. Не успеешь оглянуться, а уже за год созвано с десяток конференций в честь великого Пунькина-Мунькина, изданы в разных видах «труды», как этих конференций, так и виновника всех этих торжеств. И пошла и поехала... И можно не сомневаться в организованном характере всех этих кульбитов. И вот уже всюду: «как сказал великий русский мыслитель Пунькин-Мунькин...» Его никто не читает, но все знают, чтобы было, что цитировать...

Чтобы конкретизировать сказанное, обратимся назад, чтобы извлечь из истории хоть какую-то пользу. Ведь для чего-то Господь Бог дал нам ее, историю, — чтобы нас вразумлять.

В 1922 году летом и осенью, ГПУ провело акцию по высылке еврейско-масонской «творческой интеллигенции» в Германию. Причем, тем же летом, другой эшелон отправился в Сибирь, увозя туда другую группу, но уже совершенно русской интеллигенции, еще вчера кадетствующей. В то же лето расстреляли группу священников во главе с митрополитом Петербургским Вениамином. Надо ли говорить, что органы ЧК — ГПУ тщательно отбирали по своему критерию лиц, подлежащих отправке в Западную Европу. Надо ли говорить и то, что в этом ведомстве в этих вопросах ничего случайного быть не могло. Надо заметить, для понимания ситуации, что в это время, к началу двадцатых годов русская интеллигенция — врачи, инженеры, журналисты, художники и ученые, еще вчера бывшие в числе кадет, резко поправели и обнаружили явный уклон в самое дремучее черносотенство. Теперь они воочию наблюдали те самые картины еврейского засилья и реального воплощения своих романтических идеалов, правду о которых им говорили еще несколько лет назад правые, реакционные газеты. Теперь русский инженер или врач, вчерашний кадет или социалист и друг угнетенного «царским деспотизмом» еврейского народа, вдруг становился махровым реакционером, антисемитом, и даже начинал мечтать о возвращении царя-батюшки на прародительский престол (см. ниже очерк «Бнай-Брит», сюжет с В. Вернадским).

Но, с другой стороны, именно их, русских интеллигентов, и выбрасывали из своих родовых квартир новые еврейские властители, все эти гоцы и гершуни, еще вчера морочившие им головы рассказами о тяжкой судьбе еврейского народа, только и мечтающего, как стать равноправными со всеми остальными и

уж вслед затем, конечно же, готового осчастливить все русское общество своей бескорыстной космической любовью. С верой в эту прекрасную сказку русский интеллигент рождался, жил и умирал и целые поколения свято верили в нее, как добрые христиане в святую великомученицу Варвару. Теперь, летом 1922 года — одних к стенке, других в Сибирь, ну а настоящую «творческую интеллигенцию», то есть еврейско-масонскую, всех этих Бердяевых и Осоргиных, вкупе с Мережковским и прочими мерзавцами отправляли в тихую и спокойную сравнительно с большевистской Россией Западную Европу. Итак, родоначальником всех этих акций надо считать ЧК-ГПУ. Но есть и другой родитель — Бнай-Брит. Ему в этой книге посвящен целый очерк. Дело в том, что все сосланные-посланные из СССР философы, писатели и ученые были организованы в Берлине в Религиозно-Философское общество, которое имело своим местоприбыванием в Берлине Ложенгауз по Клайсштрассе, 10, где и находилась штаб-квартира еврейской масонской организации Бнай-Брит. Эти первые шаги высланных интеллигентов освещала русскоязычная берлинская еврейская газета «Руль» и потому нет больших проблем все это узнать. Конечно, русская эмиграция в одну секунду поняла смысл этой акции: внести смуту в ряды ее, в том числе и вызвать церковную смуту, раскол, что и удалось сделать этой ядовитой прививкой господам из ЧК-ГПУ, т. е. розенфельдам и бронштейнам.

В Ложенгаузе, в штаб-квартире Бнай-Брит (см. ниже «Секреты тайных хранилищ») держали отчет все высланные философы и писатели. И этот факт лучше всего свидетельствует о национальной принадлежности высланных, часто выдававших себя то за полуфранцузов, то за полунемцев, то еще за кого-нибудь. Здесь держал отчет и С. Франк, и Н. Бердяев и, что самое интересное для нас сегодня, и Иван Ильин, ныне поднимаемый на щит. Да, Иван Ильин, по матери Штейкерт — официально немки. Статью начету тему, относящуюся к 1934 году анонимного, но черносотенного автора перепечатал достолюбезный альманах «Вече» № 57, откуда я и заимствую ближайшие сведения. Сама же статья опирается на сообщения как газеты «Руль», так и некоторые другие.

В это время, в двадцатые, как и тридцатые годы Иван Ильин далеко не монархист. Собственно говоря, монархистом он так и не стал. Как не стал в полном смысле православным писателем. Об этом чуть ниже. Ильин был надо сказать, из всех интеллигентов самым патентованным: он был гегельянцем, да еще полунемцем! XIX век, как известно, весь прошел под знаком немецкой философии, которая, в свою очередь, блестяще развивала каббалистические идеи и была философией пантеизма. Через философию приходили уже непосредственно к масонству и оккультизму. И уже по факту пребывания в гегельянстве Ивана Ильина можно судить о многом. Иван Ильин был женат, к тому же, на племяннице члена ЦК партии кадет С. А. Муромцева, старейшего масона, председателя I Гос. Думы, самой разбойничьей. Муромцев был профессором Московского университета. И Ильин, кончив университет, остается в нем, становится приват-доцентом, и едет на три года для стажировки в Германию, Францию, Италию. Во время этих поездок, как правило, ученая молодежь вступала в масонские ложи, широко распространенные в западноевропейских университетах. Повсеместно. Нигде и никогда Иван Ильин затем не будет критиковать кадет, евреев. И масонскую тему будет старательно обходить. Он выдумает термин «мировая закулиса». И это само по себе показательно, это желание избежать прямого обозначения темы. Так... где-то, что-то, знаете ли, «закулиса», что-то вроде «третьей силы». Говоря о большевизме, он старательно будет избегать «острых» терминов и названий. Вместо «евреев» будет иногда появляться просто — «инородцы». Но и то — в странном виде.

Чем он занимался в годы первой революции? Достоверно известно, что принадлежа по убеждениям во все эти годы к кадетскому кругу, он критически относился к монархии и Николаю II. Так он относился к этим темам и к Царю в сущности — до самой смерти. Да и как может относиться к Самодержавию гегельянец?

Высланный за границу, он устраивается, как ученый-философ, и до 1938 года читает лекции в Русском институте в Берлине, созданном еврейско-масонской организацией ИМКА. Видимо из-за своих проеврейских настроений он чувствует себя неуютно при нацистах. Но 5 лет, между тем, он прожил при коричневом режиме, не подвергаясь никаким репрессиям и спокойно уехал в Швейцарию. А надо сказать, что правые деятели, настоящие монархисты-черносотенцы оказавшиеся в эмиграции, устроиться на такие места даже не мечтали. В рижской еврейской газете «Сегодня» № 62 от 4 марта 1931 г. он, в своем интервью, говорит, что его напрасно некоторые записывают в правые, что он критически относится к монархии. Ильин объясняет, что евреев он любит, антисемитов осуждает, и что у него много друзей среди евреев, что евреи много пострадали от погромов в царской России. В конце 20-х, начале 30-х он выражает симпатии к немецким социал-демократам. С приходом нацистов к власти он делает кульбит и пытается стать на арийскую почву. Его любимое слово — «воля». И вот появляются «волевая идея», «волевой импульс» и прочие симптомы пантеистического волюнтаризма. Ему симпатизирует сам П. Б. Струве деятельнейший масон, член ЦК кадетской партии и его не любят бердяевцы. В его журналах сотрудничают вчерашние либералы, левые октябристы, вроде князя Н. Б. Щербатова, бывшего одно время министром внутренних дел, и ставшего союзником гучковцев («прогрессивный блок»).

Облик Ильина, как мыслителя — публициста в целом малопривлекателен. Правые считают его юдофилом и подлецом-перевертышем, масоном. Таким он и был. Действительно, Ильин становится врагом революции, когда революция

уже победила и царствовал большевизм. При большевиках он читает лекции в институте им. Маркса. В предмете у него Фихте, Кант, Руссо и прочие. В это время на Юге России разыгрывается трагедия гражданской войны. Там, на Юге, Белая Армия. Но Ильин в это время читает лекции в Москве и получает паёк от большевиков. Когда никакого Белого движения уже не будет и в помине, а вся полемика переместится в эмиграции на газетные полосы, он провозгласит себя идеологом Белого движения. Он примкнет к его бывшим участникам, т. е. республиканцам и масонам. Но Белое движение — не монархическое. У него же симпатии к генералу Врангелю. И это показательно. Он станет врагом большевизма, когда окажется подальше от большевиков. Хотя и эта вражда к ним условна.

Когда был жив Монарх, тогда рядом с Ним не было Ильина. Тогда Ильин кадетствовал, то есть предавал так или иначе царя-батюшку, на верность которому, кстати, присягал при поступлении на службу. Когда же монарх был уже давно расстрелян, и прошли десятки лет, Ильин провозглашает себя единственным настоящим монархистом. Но тоже странным. Но самое главное даже не в этом. Главное в том, что Ильин просто не мыслитель, а моралист, продолжатель старой линии толстовства, идущей от масонской идеологии (этика и труд) XVIII века. Читать его тяжело и бесплодно. Каково же его творческое лицо, если в двух словах. Почему именно из него, давно забытого, примитивного и плоского публициста у нас вдруг сделали кумира?

Больше всего неприятна в Ильине его неумная амбиция. Он указывает, обвиняет, приказывает, вещает и, поучает. Но все, что он говорит, там где верно, там банально и тривиально. И даже странно, что взрослый человек с высокомерным видом вещает, например, что религиозный опыт не терпит насилия и даже... угроз. Он готов сообщать, что вода мокрая, а лопатка есть предмет, пользуясь которым можно копать землю при наличии условий, что а) у вас есть руки и б) что лопатка эта не из картона... и так далее.

Эта удивительная банальность, в сочетании с ригоризмом, совершенно идиотским, в сочетании с беспрерывной риторикой, совершенно бессодержательной удивляет не меньше. Эти школярские поучения вроде: «мы должны быть зоркими» и «духовно-волевыми» могут доконать кого угодно. И это при полном отсутствии какой-либо здравой логики. Каждая фраза Ильина раздражает и вызывает ворох вопросов, количество которых нарастает как снежный ком, так что, в конце концов, просто машешь рукой и закрываешь книгу. Большинство словосочетаний у Ильина не подлежит осмыслению. Думаешь, что значит, к примеру, вот эта фраза, не самая риторическая: «Петр Великий имел одну великую, осознанную им самим задачу: пробудить творческую инициативу русского человека», пробудить его «волю к живой самодеятельности». Что это значит в живой реальности?

А что, думаешь, до Петра не было этой творческой самодеятельности. И что же. Московская Русь выросла сама, как придорожная трава, без этой самодеятельности? И неужели вся цель деятельности Петра была так безкачественна, как физическое понятие энергии: она важна как цель сама по себе. Неужели не важно, на что она затрачивается. Первый вопрос: творческая самодеятельность — для какой цели? — Ильина не интересует.

Ильин — утопист, прожектор, и все десятки лет в эмиграции он только и занимается, что пытается нарисовать идеальную Россию будущего. Он не задается даже вопросом, а куда и как уйдет новый правящий класс, владеющий Россией. Он играет словом «большевики» — так легче. Они уйдут — это для Ильина само собой разумеется. Россия возродится обязательно — он вериг. Прожектер-романтик, он, взрослый человек, наученный на мудреной науке — философии, вместо трезвого анализа обстановки фантазирует о приятственном, как Бальзаминов. Ему все кажется, что русский народ, там, в России уже начал борьбу с большевиками, и скоро их сбросит и надо торопиться успеть написать ему «руководство по возрождению». Он. этот народ, должен будет знать, что лучше быть умным, чем глупым. И надо жить своим умом, а не чужим. И всеми этими, школьными прописями, неизвестно для кого и с какой практической пользой написанными, словно для малолетних школьников, он заполняет статью за статьей, уверенный, что говорит что-то сверхценное. Ему не приходит в голову, что та сила, что назвала себя условно большевиками так просто не уйдет. И не так просто — тоже не уйдет. Начисто избегая тем масонства и еврейства он изначально обрекает себя на пустое, легкомысленное фантазерство. Как у психастеника, мы видим у него «мысленную жвачку». Ильин нравится многим звонкой, пустой фразой.

Взрослый и серьезный человек, он пишет статьи на тему, «как изжить социализм», даже не зная, насколько легкомысленно и неумно говорить о возможности такого «изживания». Ильин безнадежно отстал от социологии своего времени и был на уровне моралиста-прожектера середины XVIII века. Он даже не понимал, что социализм есть религия, и что весь западный мир идет по этому пути. Огромный поток литературы на эту тему остался ему неизвестен. Он остался уверен, что капитализм противостоит социализму [12]. Но даже для начала XX столетия эта идея была уже глубокой архаикой. Эту схему исповедовали только марксисты, да и то не все. Даже немецкие социал-демократы ушли от нее. Воспитанный на Фихте, он не уловил главной мысли этого мыслителя об этом самом социализме, как меры организованности

[12] Известный еврейско-немецкий философ Г. Коген справедливо считал, что все социалистические теории вышли из иудаизма, как бабочки из своей куколки Об этом же писал и Мозес Гессен, еврейский националист. То же писал и Н.Бердяев и многие другие, в т.ч. А.Луначарский.

общества и коллективного труда. Странно, но то, что было ясно даже молодому Чичерину в середине ХГХ в.: немецкая философия в целом есть учение о социализме, для Ильина осталось тайной. Его амбиции, гипертрофированное самолюбие шло ведь не от ума, а от его отсутствия. Ему так хотелось уверить других, что он, Ильин, один на всем свете философ, что он нигде почти не ссылается на источники, хотя повторяет зады пятидесятилетней давности, например, по поводу природы монархии, заимствуя полностью мысли на этот счет у Тихомирова, который, впрочем, тоже не был оригинальным мыслителем. Но на оригинальность Лев Александрович и не претендовал.

Ильин совершенно не чувствовал дистанции и потому писал указания, каким должен быть священник. И совершенно непонятно, почему пастырь у него становится, например, вдруг «живым источником молитвы, любви и христианской совести». Как цадик у хасидов.

Любой христианин, православный может взять Закон Божий и посмотреть, Кто является источником совести, как и любви. И каждый человек знает, откуда идет молитва. И не нам мирянам, обсуждать вопрос — каким должен быть пастырь. Это уже чистое протестантство. Когда говорят об Ильине, как о православном мыслителе, то стараются не замечать его странных заявлений о том, что не так уж важно вероисповедание и даже не важно христианин ли вы или нет (ст. «Чего мы ожидаем от наших пастырей»).

Невозможно найти другого такого поклонника пустой фразы, как И. Ильин. Сколько раз он повторит, что «мы должны идти своим путем» и «должны мыслить самостоятельно». Для чего говорятся эти банальности и навязчиво повторяются, нигде не конкретизируясь? В чем состоит эта самостоятельность и что это за свой путь, мы нигде не узнаем, сколько бы ни читали Ильина. Что значат слова: «Мы должны быть зоркими»... Ну, должны, и что?

Но есть одна сторона в деятельности Ильина, которую иначе как назвать гнусной просто невозможно. Его нынешние биографы, поклонники, тщательно избегают говорить об этих темах. Мы уже отмечали, что Ильин старательно обходит вопрос о подлинных виновниках падения монархии. Он избегает говорить о тех, кто, будучи подданным Самодержца, стал на путь предательства своего долга, как это сделал его родственник по жене — С. А. Муромцев. Весь непримиримый гнев его обрушивается в серии статей на... монархистов, на правых, на Союз Русского Народа и его членов, а значит на преп. Иоанна Кронштадского, и на свт. Тихона, будущего патриарха. И на тысячи убитых, затравленных русских людей, в период 1905-1917 г. Он их ненавидит. Мифологические мотивы и пустая риторика сразу кончаются, как только он говорит о монархистах, то есть о людях, которые в отличие от него самого, простые инженеры, рабочие, крестьяне, торговцы, солдаты, врачи, писатели и прочие, и прочие не побоялись объявить о своей приверженности принципам русской Монархии. Совершенно игнорируя многочисленные факты, он самым наглым образом врет. То он упрекает монархистов за то, что те не сообщали Царю правды, не добиваясь свидания с Царем — а это наглая ложь [13]. Не говорю уже о том, что Николай II имел многочисленные сведения из разных источников о том, что происходит в стране, и особой нужды в личном свидании в этом смысле не имел. То он сообщает, что черносотенцы просто вытягивали из Царя деньги, а сами ничего не издавали, кроме журнальчика «Земщина».

А между тем никакого журнальчика, кстати, с таким названием не было, а была масштабная газета с этим названием. Но на самом деле большая часть правых газет издавалась на скудные гроши самих русских людей, отдававших все свои средства и силы делу защиты Родины и престола царского от еврейско-кадетского нашествия и бундовского террора. (Бунд — еврейская революционно-террористическая организация того времени). Выходило мало, около 240 газет и журналов, малым тиражом, но именно из-за того, что денег не было... у правительства на монархическую печать, а деньги из государственной казны уходили на революционное дело и в т. ч. левую печать. И много.

Он обвиняет монархистов в том, что они не создали в стране организованной силы, забывая, вероятно, о том, что ему самому же в 1906 году было уже 23 года и что все подданные Царя обязаны были быть монархистами, все, а не только члены монархических организаций. И что монархист, это не какая-то особая порода людей, обязанная защищать Престол, а что эта обязанность лежала на всей стране, причем на Самом Царе больше, чем на остальных в отдельности и вместе. И если не создали, то кто же мог ее создать — слесарь, паровозный машинист или врач земской больницы? А может какой-нибудь Сидоров из деревни Верхние Бугры Тьмутараканской губернии? И кто же должен был быть монархистом, как не любой русский подданный, включая самого Ильина. Ведь монархист — не должность в каком-нибудь специальном департаменте. Это просто человек, верный присяге своему Царю. И такую присягу давал и сам Ильин. Каким же образом он отделяет себя от монархистов в царской России. Об этом ни намека. Его дело давать советы, — например, «учиться грозной любви и широкой борьбе». В одном месте он, как Моисей на горе Синай, вещает, что еще в 1905 г. «все» понял, весь смысл и монархии, исторической судьбы России и смысл революции. Но в рядах защитников престола мы его не найдем. Там можно найти бесстрашного служащего железной дороги, В. Г. Орлова, создавшего в те годы монархическую организацию, выступавшего перед революционной толпой и умевшего ее

[13] См. выше «Николай II и масонство».

переубедить. Не раз и не два шел В. Г. Орлов, монархист и черносотенец, под пули, имея пять детей и жену, а в марте семнадцатого оказался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. И таких людей Ильин ненавидел всю свою жизнь.

Но еще более любопытен и показателен ряд лиц, названных им, как героев монархического служения. Это Столыпин, Коковцев, Джунковский, Самарин, Пуришкевич — за убийство Распутина. (Ильин И. О грядущей России. Избранные статьи. Джорданвилл, 1991, с. 100). В другом месте к ним присоединяется архимасон, кадет В. А. Маклаков. Это список лиц, так или иначе причастных масонству, а некоторые из них и к прямому предательству, как генерал В. Ф. Джунковский. Столыпин был, как известно, сторонником конституционной монархии, чего и не скрывал. Масонству он покровительствовал и разрешал деятельность его на территории России. О его членстве в ордене писали немало в то время. Коковцев — друг еврейско-банкирских кругов Франции, близкий доверенный Великого Востока Франции, член масонского общества «Маяк» и, кстати, единственный царский министр, получивший от Временного правительства персональную повышенную пенсию, когда его коллеги-министры были арестованы и томились в тюремных камерах. Даже большевики не тронули графа Коковцева.

Ильин хвалит г. Пуришкевича исключительно за убийство Распутина... Пуришкевича, который предал монархическую идею, обрушивался с резкой критикой на Монарха в самые роковые месяцы для Империи и который был исключен из правой фракции Гос. Думы за свое заигрывание с «прогрессивным блоком»... Ильин восторгается В. А. Маклаковым, виднейший кадетом и масоном, имевшим, кстати, большой вес и в эмиграции. Для Ильина Маклаков идеал монархиста. О масонстве Маклакова писали все газеты с 1906 г [14]. Он был членом ЦК кадет, как и С.А. Муромцев.

В рижской еврейской русскоязычной газете «Слово» за март 1926 г., была напечатана статья Ильина «Черносотенство — проклятие и гибель России». Уже одно это название открывает смысл акции ГПУ в отношении г. Ильина. На века вперед такое явление русского политического сознания, как черносотенство, сделалось ненавистным всей торжествующей еврейской по духу демократии.

Заметим, не кадеты, не масоны и не евреи, согласно Ильину, «гибель России», не реальные творцы революции, а те, кто в условиях царской, то есть исторической России остался верным своему монархическому долгу! Долг ведь лежал в силу присяги на каждом подданном Русского Царя. Обвиняются же те, кто остался верным своему долгу. Они плохо защищали престол. От кого? Как раз на этот вопрос Ильин никогда не любил отвечать конкретно. Этой статьей Ильин открывает клеветническую кампанию против русских монархистов, черносотенцев, правых. Не надо забывать, что правые — это миллионы русских крестьян, рабочих, мелких служащих и прочих, создавших на свои трудовые гроши в тяжелейших условиях еврейского террора и клеветы, преследования со стороны администрации свои организации во всех губернских и многочисленных уездных городах, а также в тысячах сел и деревень. Особенно много сельских отделов было открыто в Юго-Западной и Западной России, особенно на полтавщине, черниговщине, на Волыни усилиями Почаевской Лавры и пр. и пр. Не следует также забывать, что уже к апрелю 1907 года террористами было убито 57 председателей отделов Союза Русского Народа.

И если Ильину монархисты не нравились, как и тем, кто давал ему кусок хлеба, то праведный Иоанн Кронштадский в ноябре 1906 г. самолично не только освятил знамя Союза Русского Народа, но и сказал знаменательные слова при этом: «Я за честь считаю для себя освятить это знамя».

Вот, собственно, что стоит за всей звонкой фразой Ильина. Говоря о будущей России, он все время повторяет слова о необходимости создания «русской идеи». Ее создавать когда-то приглашал еще Вл. Соловьев. Потом целая плеяда других философствующих умов взялась за эту задачу: как создать нечто, способное заменить Православие. Теперь Ильин. Но его вкусы явно лежат в области либеральной. Как и Вл. Соловьева и всего круга нашей полуеврейской интеллигенции. Потому он и ищет «русскую идею», что православие, давно обретенное, его не устраивает. Иначе, чего же искать? Ильин постоянно повторят: «мы должны найти свой путь». То есть этот путь еще не найден для Ильина. И как только Ильин начинает называть какие-то конкретные имена и факты, так и его симпатии сразу становятся ясными и расшифровывают нам его политические симпатии. Ему нравится, например, «монархически-лояльная русская интеллигенция, окружавшая Александра II Освободителя и осуществившая его реформы» [15] (там же, 92), т. е. Ильин западник и либерал. Он говорит о монархе, но нигде о Самодержце!..

Серьезный человек, он объясняет исторические события, в том числе и ближайшие ко временам Александра II самым школярским образом, как наши современные недоросли на митингах. Или в пропагандистских листках. Но ведь они не учились, в отличие от Ильина, в Геттингене или Сорбонне.

Творения моралиста Ильина, бесплодные и бедные мыслью, но богатые клеветой на монархистов, примитивные, и в то же время лукавые, с многочисленными умолчаниями и либеральными симпатиями, долго лежали

[14] Известна фотография с его масонского диплома, выданного Великим Востоком Франции, за 1906 г. (см. «Российский Архив». 1994 г., т. V, с. 428)

[15] См. выше сюжет с запиской Игнатьева и мнение Тютчева об этом окружении (гл. «Позднее масонство»).

никому не нужные, на дальних полках, в связках пожелтевших листков-газеток, пока вдруг не понадобилось занять нишу «правой идеологии». И вот беспомощный бормотун в одну секунду импортирован с запада на святую Русь и минуя порядок воинской службы в рядах культуры, сразу произведен в карлы Марксы по департаменту «патриотизма». Благо, что оба, Маркс и Ильин, были гегельянцами и «полунемцами». Так, посланный органами ГПУ на Запад в ряды русской эмиграции, сегодня И. А. Ильин возвращается в качестве гения, кумира. Он никогда не будет читаемым, и за это можно быть спокойным, потому что читать у него нечего, но всегда будет почитаемым — источником цитат и ссылок.

Там, где исторически было место для настоящих монархистов, настоящих русских замечательных людей, там сегодня стоит пустая фигура с пустыми глазницами и ее называют «правым идеологом», «замечательным и великим русским мыслителем Иваном Ильиным». Ильин на самом деле молчит. Ему нечего было сказать, ни при жизни, ни после смерти, кроме риторических красот и восхваления деятелей масонства, вроде уже приведенных выше. Нам говорят, что Ильин Гегелем обосновал «религиозный опыт». Но какой «опыт» можно обосновать «алгеброй революции»? Ему нечего было сказать с точки зрения и чисто творческой. И сегодня из него делают кумира. Имена и сочинения Каткова, Меньшикова, Пасхалова, Шарапова, Гилярова-Платонова, Булатовича, Булацеля, архиепископа Никона Рождественского и сотен других остаются под спудом. Не все они были в равной степени монархистами, но все они были людьми прямодушными, искренними, и талантливыми. Верность долгу они запечатлели своей кровью, своей мученической кончиной. Вместо них нам дают грызть сухую кость гегельянца, полунемца или полуеврея, и уж во всяком случае — масона по симпатиям и клеветника.

Вот для чего и как создаются кумиры с помощью ГПУ. Как же мало надо иметь изобретательности, чтобы опять нас дурачить каким-то залежалым товаром. Снова за границей изобрели для нас очередного «Маркса» и снова гегельянца! И мы снова рады — «великий русский мыслитель Ильин сказал...» Все, что верного сказал Ильин — было сказано тысячекратно до него. Он только повторял. И если мы теперь хотим понять, в чем смысл огромного подлога в деле формирования национального самосознания, то мы должны будем вспомнить и «феномен Солженицына», и господина И. Ильина из крохотной газетенки «Наши задачи», давно пылящегося на архивных полках спецхрана, и вдруг вывалившегося в виде монумента-классика.

Данный пример, как никакой другой, показывает, как выпекаются авторитеты не наши, но для нас сотворенные за границей, но не без помощи каких-нибудь очередных ГПУ. Напомню смысл это аббревиатуры: главное политическое управление. Не более того. Никто не усомнится в мысли, что без таких управлений нельзя править и демократическими странами. Значит, кумиры будут и дальше выпекаться для нашего удовольствия. Кто же следующий? Но нельзя не видеть очевидного: вместо хлеба нам дают камень.

Часть четвертая
ПЕНТАКЛЬ И АДАМ КАДМОН «ДЕМОКРАТИИ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕНТАКЛЬ И АДАМ КАДМОН «ДЕМОКРАТИИ» 1
- СЕКРЕТЫ ОСОБЫХ ХРАНИЛИЩ 4
- ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОРИЯ БНАЙ-БРИТ 15
- МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОРДЕН БНАЙ-БРИТ И ЕГО РОЛЬ В СОБЫТИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ 15
- ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОЯВЛЕНИЕ ФРАНК-МАСОНСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ 20
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ. БНАЙ-БРИТ. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ. ПЕРВЫЕ ШАГИ ОРДЕНА. 23
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ 27
- ГЛАВА ПЯТАЯ. БНАЙ БРИТ И КОММУНИЗМ 31
- ГЛАВА ШЕСТАЯ. БНАЙ БРИТ В РОССИИ В НАШИ ДНИ 40

ПРИЛОЖЕНИЯ 49
- ФРЕЙД И БНАЙ-БРИТ 49
- ОРДЕН ОРЛА И СОВРЕМЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ 52
- ЛИК «ГУМАНИЗМА» В РОССИИ (ИТОГИ ВЕКОВЫХ НАДЕЖД РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ) 59

БИБЛИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА, ПРИМЕЧАНИЯ. 67

Мы живем в мире удивительно фальшивых слов и двусмысленных выражений, созданных политиками и идеологами большевизма. Более того, мы живем в зашифрованном мире. Я думаю — это ощущают если не все, то очень и очень многие. С одной стороны, зашифрованность и двусмысленность есть свойство идеологической речи, той, на которой говорят газеты, радио, телевидение и так называемые «исторические» трактаты по действительно историческим темам, создаваемые «советскими историками»— идеологами.

Этот язык постоянно создает идиотизмы-идиоматизмы, характеризующие эпоху. Например, что может значить такое сообщение: «В энской республике, бывшей советской, русскоязычное население создало организацию «Единство». Каждый из нас знает прекрасно, что в этой республике, скажем, Эстонии, почти все эстонцы говорят по-русски, как в Литве на нем говорят почти все литовцы, а в Латвии почти все латыши. Буквально, надо понимать так, что эстонцы, к примеру, создали это «Единство». Между тем, как раз наоборот. Эстонцы, согласно идиотизму-идиоматизму пропаганды, более не значатся в русскоязычных, и «язычный» на русском языке к ним не относится. Русский же, русский не по языковому признаку, а по причине своей национальной принадлежности, попал в язычную группу на русском языке. Любой психоаналитик определил бы такое терминологическое новшество однозначно: язык пропаганды отразил неприязнь власть имущих к русским, и язык «стер» то, что готовы стереть и физически с лица земли. Язык отразил подсознательную (или сознательную?) ненависть к русским. Примерно такую же тенденцию отражает и применение слова «россиянин», но никогда — русский.

Не менее двусмысленным является и термин «цивилизованный»: «цивилизованный путь развития», «когда мы пойдем цивилизованным путем по дороге прогресса» и т.д. включая и «когда мы станем цивилизованным обществом».

Я не знаю, как относятся господа ныне власть имущие к расовым доктринам, делящим человечество на сорта по степени полноценности, но то, что данное деление взято именно из анналов учения неких сверхчеловеков, — несомненно. Цивилизованные — там, за бугром, они не чета нам. У них все культурно и деликатно, все решается за столом переговоров. Но тогда это «там» находится только в воображении недобросовестных пропагандистов идей «всемирной цивилизации». Все мы наблюдали «цивилизованный путь решения конфликта» в Ираке, недавно — в Панаме и каждый день — в «прекрасной стране Израиль», по выражению одной мадам Фрумы Фрумкиной из когорты «демократов». Там даже бомбят и мстят смертью арабским детям и женщинам «цивилизованно». «Цивилизованный мир» в 1945 г. вел себя ничем не лучше немецких национал-социалистов и красных последователей ленинско-бронштейновских палачей. Это они, «цивилизованные», отдавали наших русских людей, — тех, кто бежал от ужасов большевизма в свое время на Запад, — в руки людей из энкавэдэ, умышленно и сознательно отдавая их, мужчин, женщин и детей, на верную и мучительную смерть [1]. Все это сегодня знают и малые дети. Как же понимать это выражение — «цивилизованный путь решения проблемы»?

Совершенно очевидно, что эти выражения небезразличны для нашего сознания и действуют на него разрушительно. Они вызывают желание все время дискутировать с ними, «уточнять» смысл этих идиотизмов и, несомненно, будят раздражительность в людях. Но они и скрывают подлинное лицо сегодняшней власти. То, что это власть тех же «большевиков», того же

[1] См. Польская Е.Б. «Это мы. Господи, пред Тобою...» (воспоминания). Невинномысск, 1995 г.

Ордена строителей — вряд ли нужно кому доказывать. То, что «партия» была лишь внешним выражением глубоко скрытой Власти, для которой марксизм был явлением преходящим, ясно если и многим, то далеко не всем. Еще меньше людей понимает подлинный смысл такого понятия, как «социализм», и неразрывно с ним связанный термин — «демократия».

Чувство того, что все партийные тексты, вся идеологическая речь, по существу, вся наша культура, представляют собой зашифрованный текст, не покидало меня давно. На это размышление наводило многое. Слишком несообразно со здравой логикой и правилами самого русского языка звучит и сама идеологическая речь, и многие ее выражения. Дубовый язык партийных гениев и «исторических» решений всевозможных съездов еще можно объяснить безграмотностью власть имущих — функционеров Ордена. Но как, скажем, понять выражение: «Социал-демократия внесет самосознание в пролетарскую массу»? Достаточно остановить свое внимание только на одном выражении, чтобы понять, что я хочу сказать. Ну, первое в данном выражении: что такое эта «социал-демократия»? Ведь это не партия — о ней так и говорится: «соц.-демократическая партия». Это не учение. О нем тоже будет так и сказано: «соц.-демократическое учение». Так что же это? Как можно внести даже не сознание, а самосознание? И что это за безмозглые «массы»? Если это определение людей, стоящих у станка на заводах, то отчего предполагается, что они неспособны себя сознавать? Ведь, кажется, корова, и та сознает или близка к сознанию себя коровой. В общем — туман.

Работая над книгой «Россия на перепутье», я по необходимости корпел над масонскими рукописями, и обнаружил, что все ключевые слова в партийных текстах имелись и имеются в масонской идеологии. «Рабочий», «пролетарий», «сознательный работник» и другие. Более того: там же «заложен» и социальный идеал — социализм, как система «организованного труда», где человек ничто, а вид, сообщество — все. Знаменитая легенда о Хираме, строителе храма Соломона, которая сообщается каждому вступающему в орден вольных каменщиков в различных вариациях, представляет собой краткий катехизис по «социал-демократическому» устройству мира. Все человечество в этой легенде-плане-проекте, легенде, осуществляемой Орденом, разделено на отряды профессиональных работников по специальности и профессиональным качествам каждого. При этом и оплата каждому осуществляется по правилу: «от каждого по способности — каждому по труду». Даже поверхностный взгляд определит в этой легенде все свойства организации государства «большевиков». Употребляю это слово в кавычках, поскольку оно нелепо и очень условно. Но и более обширно, чем, скажем, «партия коммунистов». Дальнейшее знакомство с социальными проектами «вольных каменщиков» еще более убеждает, насколько близко сходство идеологии масонов и «большевиков». Наиболее ярко отображена социальная концепция масонства в «Новой Атлантиде» Бэкона: сообщество «соломоновых братьев» правит государством, осуществляя власть над народом, как взрослые над детьми. «Дом Соломона» использует народ для покорения сил природы, чтобы овладеть властью во всей вселенной и над всей вселенной.

Читая другие проекты — описания будущих государств, невозможно отделаться от ощущения, что читаешь о нашей стране. В конце концов, начинаешь более внимательно смотреть на государственную символику «большевиков». И обнаруживаешь примерно следующее. Храм Соломона — общество будущей социальной справедливости; строят его каменщики — строители, масоны. Пятиконечная звезда есть, как известно, звезда Соломона каббалистов. Она же и пламенеющая звезда масонских лож. Она же и звезда Люцифера, Денницы, Сатаны. Молот — знак власти Мастера и знак послушания для его подчиненных. Красный цвет — зловещий цвет крови непокорных (возможно, нас с вами, и уж совсем точно — миллионов убитых и замученных русских людей в эти 75 лет). Серп — знак кровавой жатвы, особенно рядом со срезанными колосьями хлебов. Не говорю о других символах за недостатком места, но их много — и ленинский мавзолей, и «вечный огонь» солдату, и архитектура домов, особенно общественных зданий, и т.д.

В масонских же органах печати еще века восемнадцатого, как, скажем, в журналах московских «братьев» розенкрейцеров новиковского кружка, находим и призывы к «бедным» взять силой имущество богатых, и ненависть к Православной Церкви, и неприязнь к Самодержцам российским, и социалистические проекты масонских государств. Внимательное изучение настольной книги российских масонов «О заблуждении и истине» Сен-Мартена (1775) селит сначала смутное, затем все более крепнущее чувство уверенности: эта книга, воплотившая квинтэссенцию оккультно-каббалистического учения о будущем социальном устройстве «справедливого» государства, положена во главу угла всех основных постулатов большевизма. Мартинизм в веке девятнадцатом стал марксизмом, одевшись в ризы «исторического» и «экономического» материализма. Вернее было бы сказать, что учение, выраженное в этой книге и получившее по имени автора название мартинизм, легло в основу «социал-демократии». Век девятнадцатый родил из глубин лож «вольных каменщиков» обильную литературу, названную социал-демократической. Корифеи этой мысли, не задумываясь, определили ее как глашатая новой религии. Марксизм занял в ней лишь одну ее часть, а именно ту, что обращена наружу, ко всем, к профанам.

Чтение партийных текстов, анализ идеологической речи, на которой говорят средства пропаганды и сегодня, показывают, что в них имеются два смысловых слоя: наружный, демагогический, и внутренний, эзотерический. Все ключевые слова, термины и понятия имеют двойное толкование. Речь идет

о двух видениях мира. Буквальный текст социологичен, внутренний выражает оккультные истины. В нашей стране никогда не правил бал марксизм, да и не мог править. Также и «ленинизм». Это все — преходящие моменты в учении Ордена. Но управляли «социал-демократия», мартинизм, «новая религия», в определении ее идеологов Иосифа Дицгена, Германа Когена, А.Луначарского и других. Именно оккультное содержание «партийной» идеологии сделало ее неуязвимой для критики. Критика марксизма обрушивалась всегда на внешнюю сторону орденского учения. Если бы эта сторона была существенной и единственной, то и марксизм, и вся «социал-демократия» давно бы приказали долго жить. Но сколько ни язви по поводу несостоятельности марксизма-ленинизма, сколько ни выпускай ядовитых стрел по поводу «абсолютного и относительного обнищания масс» при капитализме, сколько ни высмеивай загнивание империализма и неизбежность наступления социализма во всем мире, а «марксизм», то есть «религия социал-демократии», цветет и пахнет в сознании миллионов людей. Магия непонятности «партийных» текстов несомненна. Она, эта непонятность, угнетает мозг и раздражает нервы. Во внутреннем диалоге, который ведет каждый из нас с этой речью идеологов, все время присутствует что-то от театра абсурда. Кажется, уже все объяснено и уяснено, но вы снова возвращаетесь к тем же проклятым вопросам. Впрочем, не столько вы сами, сколько этот текст, попадающийся вам на глаза или слышимый по радио или телевидению. Почему? Эта непонятность будоражит, двусмысленность возбуждает внимание, неясность терминов требует уяснения. Нужен ключ к нашей культуре, который помог бы расшифровать ее и совлечь со лжи ее одежды, обнаружив лицо таинственной Изиды.

Именно оккультно-каббалистическая доктрина и дает этот ключ. Она обнаруживает преходящую ценность внешних социальных и философских учений для Ордена, исповедующего эту доктрину. Связь социал-демократии с масонством давно обнаружена, и эта связь идет не только по линии организационной, но и идейной.

Кажется, уж на что привычен термин — «материализм», но эта его привычность только заслоняет его подлинный смысл. Материя, которая дышит, двигается, одушевлена, которую организует Разум и подчиняет себе, пронизывая ее своими огненными лучами... Материя темна и бессознательна, она сопротивляется Разуму, эта стихия. Разум рассеивается в темной массе хаоса, его «искры» попадают в плен материи. Цель человеческой эволюции — подчинить себе стихию, овладеть тайнами природы и заставить ее служить Разуму. Такова конечная цель социальной, «разумной организации» человеческого общества. А для этого нужно покончить с национальными делениями, ликвидировать религию личного Бога — христианство, уничтожить государства и все, что имеет отношение к патриотизму и традиционным культурам. А что предлагается оставить? Лишь поклонение Разуму и «человеческому обществу». Такова внешняя суть религии «социал-демократии». Совсем рядом с этим текстом лежит уже скрытая от глаз подлинная суть той оккультно-каббалистической доктрины, которая легла в основу идеологии правящего Ордена в нашей стране, да и не только в нашей. Орден международен, международна «социал-демократия» со своими ценностями: перекроить весь мир. Луначарский или Троцкий, Маркс или Коген, Каганович или Дицген, — все с пафосом повествуют о том времени, когда человечество будет ломать природу, сносить горы, осушать моря, бульдозером засыпать долины и покорять другие планеты. Все, что несовершенно, что мешает всеобщей эволюции и победе Разума — должно быть уничтожено: реакционные классы, реакционные, черносотенные народы — этот брак природы. «Искры» — души, упавшие в тела этих «застойных народов», не могут в них спастись, осуществиться, и лучше эти тела, эти народы и эти классы «сократить», освободив «искры» из плена. Те снова воплотятся, но уже более удачно. Эти же отсталые народы, погрязшие в предрассудках родины, нации и религии, традиций и истории, есть просто бракованные детали, которые следует пустить на переработку, в навоз. Таков смысл политической эволюции последних ста лет.

Основа спасения человечества, то есть спасения от сил стихий, от темной природы, — в организации. Это слово священно для масонов и социал-демократов, как и слова — «воспитание» и «дисциплина». Техника, «наука» и «труд» — священные клейноды всеобщей перестройки Вселенной по планам Великого Разума. В этой оккультно-каббалистической системе миропонимания мы с вами попали в разряд не только нецивилизованных народов, но просто в брак, подлежащий «сокращению». В заключение, не имея места для более детального освещения темы, приведу пример расшифровки пары терминов политического языка.

Пролетарий — человек, лишенный родины, не имеющий собственности, не обремененный предрассудками традиций, культуры своего народа, целиком преданный интересам «эволюции общества» и тем, кто ее осуществляет. Это боец «партии», целиком ее орудие. Примерно так и определяет это слово и «Коммунистический манифест», и другие документы «интернационала». Теперь нетрудно догадаться, какой смысл вкладывается в призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» или в понятие «пролетарской культуры», которую созидали мальчики с трехклассным образованием под руководством местечковых евреев, едва знавших русский язык и уж никогда не стоявшие у станка. Если глядеть с одной стороны — «внешней», то нельзя не возмущаться, но если с другой — то эти мальчики и были истинными пролетариями. Ими были Ленин и Луначарский, и Плеханов, и Маркс, и все руководители новой религии — «социал-демократии», почти сплошь евреи. Сознательный рабочий — это тот, кто овладел истинами новой религии, то есть некоторыми

начатками иудаизма, и стал «сознательным строителем». Удивительно — даже и терминологическое совпадение — строитель, каменщик, рабочий, мастер — все из арсенала масонских лож. Кстати сказать, ведь и масонство воспользовалось строительной, рабочей терминологией, и герцоги, и короли, и купцы, писатели, врачи и ученые стали подмастерьями и мастерами, «сознательными рабочими».

Смысл «демократии» определился в очень стародавние времена. Тот же философ-кожевенник Иосиф Дицген назвал ее религией подлинной, в которой место Бога заняло «человеческое общество», Адам Кадмон каббалы, которому обязан подчиняться каждый человек. Это поклонение «обществу» слишком очевидно обнаруживает связь с иудаизмом, чтобы не нуждаться в камуфляже. Впрочем, «демократию» можно определить и так: власть избранного народа над неизбранным. У Бэкона в «Новой Атлантиде» это власть «Дома Соломона» над коренным народом. Имеющий уши да услышит...

В конце концов становится ясным и странный феномен безразличия высоких партийных функционеров к страданиям народа. Да что там безразличие! Это страдание-то, этот голод, это «утеснение плоти» темных и заблудших овечек — народа русского, оно ведь не от стихийных сил происходит. Что же ему, солдату Ордена, волноваться, если вымирание миллионов приближает счастливый конец победы Разума над слепой природной стихией, работает на «международную Цивилизацию».

Но только совершенный безбожник может быть убежден, что эти господа всесильны. Человека, уповающего на Христа и Его Церковь, Господь не оставляет; а тем более народ, возвращающийся к святым заветам Церкви. Народу возвращается подлинный разум, а не разум Ордена под знаком пятиконечной звезды — символа «пятой сущности» каббалистов-масонов, «огненного Разума», воплощенного Люцифером, двуполым Существом — Гермафродитом. Это не разум, а мракобесие. Оно же владеет по сию пору миллионами русских людей. В этом наша беда.

СЕКРЕТЫ ОСОБЫХ ХРАНИЛИЩ

«Историй» пишется две: но одна из них публикуется, а другая тщательно хранится в «особых» архивах. Первая «история» относится, по существу, к роду беллетристики, вторая открывает взору исследователя подлинный механизм общественной и политической жизни всех стран и народов... Впрочем, открывает, — это сказано весьма поспешно. Нет, не открывает. Архивы тщательно хранят секреты подлинной истории, давнишней и сегодняшней. Приказы, указы, инструкции, подлинные фамилии политических лидеров и их клички в спецслужбах, отношения между государствами и отношения тайных обществ между собой, подготовка мировых войн, организация с этой целью общественного мнения, учреждение провокационных газет, создание партий и лидеров на нужды дня сегодняшнего и завтрашнего с учетом запланированных «провалов» экономической политики — все это и многое другое скрывается в глубинах специальных хранилищ. И доступа туда не имеет практически никто.

Мы же, простые обыватели, волей случая или из врожденного интереса ставшие историками и публицистами, гадаем на кофейной гуще, при помощи интуиции пытаясь разгадать то, что от нас надежно скрыто: тайные механизмы политической жизни страны и мира. Что получает историк для осмысления истории? Только то, что власть дает ему, только те факты, что властям выгодны. Тщательно фильтруются все факты, представленные в документах. Один факт ложится на другой так, чтобы общая картина мира, что уже создана и привычна для общественного сознания, не «искажалась». Уточняются бесконечно из книги в книгу лишь отдельные узоры в этой «исторической» картине...

Несомненно, однако, что если бы достоянием общественного сознания стала хотя бы одна тысячная наших архивов, то это самое сознание, то есть мы с вами, испытали бы подлинный шок. Я глубоко убежден, что подавляющее большинство из нас радостно бы запихало это выползшее невесть откуда чудовище, под общим названием Правда, обратно в темноту хранилищ. И снова бы стали обсуждать привычные вопросы о преимуществах капитализма или социализма, о радостях или печалях «нарождающейся» демократии, об ужасах «черносотенного антисемитизма», угрозе «фашизма», и о другой мишуре, созданной нашей литературной надуманной «историей», а точнее пропагандой в историческом обличии.

Примерно обо всем этом я подумал в первый день, когда попал в один тихий и очень скромный особняк на незаметной улочке Москвы, особняк без вывески. Здесь располагается Особый архив Главного Архивного Управления. Сейчас, правда, он называется иначе, менее загадочно и более респектабельно: Центр хранения Историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Но я буду его называть и ниже Особым Архивом. Это как-то более соответствует его содержанию. Об архиве ухе были публикации в нашей прессе. Весной прошлого года он впервые «засветился» среди других архивов на нашем легальном горизонте.

Здесь хранятся документы спецслужб Западной Европы, вывезенные в свое время национал-социалистами Германии из захваченных стран в Берлин, откуда эти фонды по естественному ходу событий попали в Москву. Документов в Особом архиве хватило бы, без всяких преувеличений, на тысячу историков и на сто лет исследований. И если бы эта тысяча историков была бы независимой, то публикуемое ими сделало бы уже написанную историю в

большей ее части смешной и жалкой.

Кроме документов спецслужб, здесь хранятся и архивы Всемирного Ордена Вольных каменщиков. Их обширность мне осталась неизвестна. Я познакомился лишь с немецкой коллекцией, — с описью дел и с некоторыми из этих дел. Не в силах одного человека дать хоть какое-то связное систематическое обозрение этой немецкой коллекции. Но то, что предстает перед глазами, неизбежно наводит на тот порядок мыслей, что я уже высказал.

Опись дел — это шесть томов одного только перечисления документов, хранящихся в масонском фонде 1412. («Документальные материалы масонских лож /коллекция/»). Всего в фонде насчитывается 14414 дел. Каждое из них может содержать до пятисот страниц и более. За невозможностью дать хоть мало-мальски систематическое обозрение этого фонда, я позволю себе передать лишь некоторые впечатления от него.

Поскольку каждая Великая ложа Берлина, Вены, Дрездена и прочих городов вела переписку с ложами других стран, то, по существу, в этом фонде отражена деятельность масонских лож и, скажу сразу, политической жизни едва ли не всех стран мира, включая СССР. В последнем случае это в основном доклады на заседаниях масонских лож о положении в большевистской России. Имеются также архивы русских масонских лож с восемнадцатого века. И до начала двадцатого. Самое интересное здесь — архив ложи иллюминатов в Петербурге, относящийся к 1908 году. Как и письмо 1928 года известного в дореволюционной России политического деятеля М. Маргулиеса со сведениями о деятельности русских масонов в Петербурге и Москве в 1905-1906 годах для помещения в Масонской энциклопедии.

Но об этих делах и других я скажу позже. Какие сведения можно извлечь из самой описи дел этого фонда? Повторю — далеко не единственного. По словам работников архива, большая часть немецкой коллекции масонских дел была уже в пятидесятые годы возвращена Германии. Это во-первых. Во-вторых, хранящиеся в архиве французские фонды с лета прошедшего (1994) года закрыты для русского историка. Причина — соглашение между правительством России и Франции, в силу которого гражданин России может пользоваться фондом, вывезенным немцами из Франции во время ее оккупации и попавшим в Москву, только по разрешению французского правительства... Дикость этой ситуации заключается еще и в том, что в этом французском фонде хранятся и дела, вывезенные русскими эмигрантами из Москвы и Петербурга во время революции и позже. Кроме того, там хранятся данные на известных русских эмигрантов в период между двумя мировыми войнами. Эти дела передаются сейчас французам, и мы делаем с них фотокопии. Пролежав, таким образом, почти полвека в хранилище Москвы, эти бесценные сокровища так и остаются практически недоступными...

Когда я впервые открыл масонский фонд из немецкой коллекции, меня охватило удивление, возмущение и, что называется, хорошая спортивная злость. Листая том за томом, в которых отражена самым подробным образом жизнь масонства всех стран за последние двести (!) лет, причем подробнейшим образом, я вспомнил собственные терзания и мучения, поиски тех или иных фактов, связанных с политикой и масонством, собирание их по крупицам, вспомнил догадки, ничем не подтвержденные и, опять, лихорадочное перелистывание страниц исторических трактатов. Догадки, предположения... А с «той» стороны улюлюканье: ха-ха, все у них масоны да масоны... В то время как историки, с одной стороны, видели в масонах мощную политическую и культурную силу, определяющую лицо современного мира, другие начисто отрицали хоть сколько-нибудь заметную роль «вольных каменщиков» в современном мире. Дескать, ну есть какие-то там философы-филантропы. Ну, собираются, морально совершенствуются, читают Дидерота, слушают Бетховена, наслаждаются Рерихом. Ну, какие там революции, какая там политика! Да они и слов-то таких не знают, эти масоны.

И в то время как одни пытались в нашей исторической литературе определить роль масонства, догадывались о ней, не имея точных доказательств, всевозможные академики минцы и ученые аврехи смеялись над первыми. А родные братья (переносно, конечно, употребляю слово «братья») этих респектабельных академиков-ученых держали двери масонских архивов на замке. Они-то знали хорошо, что именно черносотенные историки дореволюционной России совершенно верно определили роль масонства в трагедии русского народа.

ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАСОНСТВА

Итак, что можно поначалу извлечь из самой описи дел?

1) распространенность масонства как в мире, так и в отдельных странах;
2) вовлеченность в ложи политических лидеров разных стран, от президентов до королей;
3) структура мирового масонства, конечно, в самых общих чертах;
4) сведения о внутреннем содержании различных политических и религиозных доктрин;
5) борьба масонства со своими врагами и методы этой борьбы;
6) отдельные частные вопросы, имеющие, однако, принципиальное значение для всех нас. Например, отношения между национал-социалистической рабочей партией Германии и масонством.

Я постараюсь осветить именно эти вопросы, дать хотя бы общее впечатление по каждому из них.

Распространенность масонства. Одно перечисление масонских лож с

неоспоримостью свидетельствует, что на протяжении всего девятнадцатого и двадцатого (последняя дата в делах — 1941 год) веков количество лож и их численность возрастали. В Германии и Австрии, по существу, не было ни одного средней величины города, в котором не было бы хоть двух-трех масонских лож. Списки их членов говорят о том, что практически все ученые, чиновники, лица свободных профессий входили в этих странах в орден вольных каменщиков, то есть вся немецкая интеллигенция. Ни один человек не смог бы войти в эти круги и сделать карьеру, если бы он не был принят в ложу, не стал бы «своим». Вот названия нескольких дел:

№ 1. Переписка с комитетами Всеобщей масонской лиги (г. Вена) в Базеле, Утрехте и другими о претворении в жизнь решений масонского конгресса в Париже в области педагогики, участии в деятельности лиги представителей символической Великой ложи Германии и др. (1921-1933 п.)

№ 8. Циркуляр президента Всеобщей масонской лиги Ульмана о реорганизации Бюро пропаганды в Вене под руководством Э. Ленгофа. Переписка Э. Ленгофа с ложами в Болгарии, Румынии, Голландии и других о выборах делегатов на конгресс лиги, поездка масонов в Америку и пр. (1920-30-е гг.)

№ 9. Переписка с членами лига об организации «Масонской академии», вступление членов лиги в «академию» и пр. (1930 г.)

№ 10. Переписка с представителями лож в Югославии, Чехословакии и с белоэмигрантами Л. Кандауровым и Маргулиесом о составлении очерков по истории эмигрантских русских лож во Франции. (1931-1932 гг.)

Последнее дело говорит не только о распространенности масонских лож, но и освещает другую сторону деятельности масонства. Оказывается, исследований по истории и идеологии масонства в мире издается больше, чем по какой-либо другой теме. Каждая Великая ложа в каждой стране имела всегда и имеет по сей день свой архив, своих историков, своих хронографов. Большие союзы Ордена в свою очередь также имеют своих историков, которые пишут и публикуют сочинения по истории, как отдельных лож, так и по истории союзов Ордена по всему миру. Конечно, все эти сочинения, обильно представленные в Особом архиве, предназначены исключительно для членов Ордена.

При дальнейшем обзоре архивных дел мы видим мелькание стран и городов. Вот, например, Переписка «Высших Советов» Шотландского Ритуала Польши, Греции, Румынии, Португалии, Канады, Швейцарии, Бельгии, Франции, Голландии, Египта, Мексики об изменениях в составе «Высших Советов», приветственные письма этих советов друг другу. Это только одно дело (№ 47). Обширно представлены даже такие страны, о которых мы слышим не часто. Вот, например, переписка лож Вены с ложами Коста-Рики, Доминиканской Республики, Эквадора, Туниса, Турции, Индии, Аргентины и пр. и пр. Каких же тем касается эта переписка, это вечное шуршание секретных бумаг, пересылаемых из одного конца земного шара в другой? Обмен представителями между Великими ложами каждой страны. Обмен календарными планами «работ». Каждая ложа имеет такой план, который утверждается Великой ложей. Далее, обмен поздравлениями по поводу тех или иных памятных дат. Обмен мнениями по поводу политических событий в мире. Революция в России, гражданская война в Испании, различные политические доктрины, вышедшие в свет книги «братьев» — все это подвергается активному обсуждению в письмах гроссмейстеров лож друг другу. Не обходится тут и без идейных споров, организационных конфликтов. Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что к началу тридцатых годов возрастает активность лож не только в Германии, но и во всей Европе. Проводятся общие конгрессы, конференции, организуются новые структурные подразделения в системе различных союзов.

...А вот и борьба с католической церковью. Письма во Всемирную масонскую лигу в Вене Ф. Гантфильбауэра из Перу и Колумбии о засилии клерикалов в Южной Америке и о слабой работе масонских лож в этих странах (№ 54).

1930 год: организация в Германии «Высшего Совета Шотландского Ритуала».

В плане интернациональных связей не лишено интереса и такое дело: Письма турецкого «Высшего Совета» об установлении регулярных сношений с «Высшим Советом» Австрии и об обмене планами работ (№ 62, 1935-1938 гг.) Дата весьма знаменательна. Канун мировой войны.

Особо обращает на себя внимание «плотность» масонских лож в Австрии вообще, и в Вене в частности. Особенно это интересно в связи с историей жизни Адольфа Гитлера. Вена в начале века, именно в годы становления политических взглядов будущего «вождя рабочего класса Германии и всего немецкого народа», была прямо-таки нафарширована масонскими ложами. Ни один представитель свободной профессии в то время не мог миновать влияния этих лож. Их было столько же, сколько в нашей стране в недавнее время парткомов. И влияние их на культурную и политическую жизнь Австрии было не меньшим. Само существование лож было вполне легальным. Гитлер в «Майн кампф» между тем пишет о засилии евреев в Вене, но как будто не упоминает о ложах. А это все равно, что писать о СССР и его внутренней жизни, не упоминая о компартии. Эта странность может иметь только одно объяснение: исполнение главной обязанности масона о молчании.

Если учесть, что политическая доктрина масонства — социализм, а Гитлер и был социалистом, то подобного рода догадка не может не перейти в

уверенность, особенно в связи с темой: «фашизм» и «масонство», о чем ниже. Обращение к «национальным корням» также широко использовалось масонством. Достаточно вспомнить «Национальное масонство» в Польше в начале прошлого века, взявшее на себя роль вдохновителя борьбы с Россией во имя независимости Польши (официальный лозунг польского масонства того времени). Или карбонарские ложи в Италии в тот же период, когда под видом борьбы за независимость Италии шла борьба с католической церковью и национальной жизнью итальянцев. Можно вспомнить, что и само слово «патриотизм» было введено в сознание европейцев, в том числе и русского общества, по линии масонства в конце восемнадцатого века в известном «Обращении к владыкам мира», в котором рекомендовалось заводить «патриотические общества» во всем мире...

Какие высшие должностные лица государств входили в масонские ложи? Вот письмо шведского короля Оскара II об основании самостоятельной норвежской ложи в Христианин (№ 4777), а вот сообщение в Вену от Высшего Совета Шотландского ритуала республики Уругвай о вхождении в его состав президента республики Габриэля Терра. Можно ознакомиться и с черновым проектом грамоты о присвоении датскому королю Фридриху VIII звания почетного члена великой ландесложи Норвегии (№12018, 1906 г.) и с циркулярным письмом гросс-сэра суверенной ложи Ордена Одд Феллоу в Америке И. Эрмана с сообщением текста полученного им письма члена ложи «Парк № 203» Франклина Рузвельта, президента США, о благотворительной работе Великой ложи Ордена Одд Феллоу (№ 13878, 1936 г.). Это лишь отдельные примеры...

«ВЕЧНЫЙ МИР»

Для понимания политического значения масонских лож в период между двумя мировыми войнами особенно важны две темы: «борьба за мир», как орудие подготовки мировой войны, а также отношение к коммунизму и фашизму.

Как известно, тема «вечного мира» возникла в политической мысли Европы в восемнадцатом веке. Кант, Новалис, Сен-Мартен и многие другие начали предлагать всеобщее разоружение. Мысли подобного рода мы найдем и у Радищева. Он грозно называл войну убийством и метал громы и молнии по адресу государей. Прочтя это место, Екатерина II с недоумением заметила: «чево же оне (то есть мартинисты — В. О.) желают, чтобы без обороны попасця в плен туркам, татарам, либо покориться шведам». Действительно, чем активнее разыгрывалась карта «борьбы за мир», тем больше лилась кровь, тем ожесточеннее шли войны.

И вот тридцатые годы. Во Франции, Австрии, Польше и других странах, но не в СССР и не в Германии, масонами создаются пацифистские организации. Читаем: «Отчет о деятельности Польского Пацифистского Союза молодежи в г. Варшаве» (№ 33, 1930 г.), «Доклады А Минца, К. Доплера, Р. Гофмана, К. Рейхдя и Г. Церцавого в ложах Высшего Совета Шотландского ритуала в г. Вене о «правах человека», о пацифистской деятельности и оборонительной борьбе масонства, об организации «интернациональных содружеств» и сотрудничества «Высших Советов» (№ 58. 1932 г.). Заметим: уже идет подготовка к войне. Испытываются новые виды вооружений в одних странах, а в других — крики о дороговизне содержания армии, о всеобщем мире, смех и анекдоты по поводу армейского мундира. Что-то все это слишком знакомо нам и не из страниц учебников по истории...

ТЕОСОФИЯ И ИЛЛЮМИНАТСТВО

В связи с наплывом в нашу страну литературы по оккультизму, теософии, каббалистике, небезынтересно посмотреть на отношение масонства к этой теме.

Просмотрим некоторые дела. Любопытно, что находятся они в делах Всемирного Ордена Иллюминатов. Догадка, высказанная в свое время Дм. Башиловым о том, что теософия есть отрасль иллюминизма, вполне подтверждается.

Среди бумаг этого Ордена имеется, в частности, «Конституция и Устав Международного теософского объединения в г. Лейпциге» и статья Тинглей Катарины «Эзотерическая школа теософии» (1898 г.). Поскольку имеется множество спекуляций по поводу взаимоотношений Ордена иллюминатов и Ордена мартинистов, по преимуществу в том смысле, что они между собой в глубокой ссоре, позволю себе привести «Договор о дружбе и сотрудничестве между Орденом иллюминатов и Орденом мартинистов в Германии» (№ 8432, 1898 г., а приведенные выше Устав и Конституция — № 8431). За два года до этого, то есть в 1896 г., эта самая теософка Тинглей Катарина, вступила в состав Ордена иллюминатов (№ 8587). Нельзя в связи с этой темой не вспомнить, что в начале века в Санкт-Петербурге выходил журнал «Изида», официальный орган парижского отделения Ордена мартинистов, который распространял идеи оккультизма, теософии, каббалистики, и, кстати, идеи социализма, т. е. необходимости имущественного уравнения всех и вся и создания бюрократического государства. Особенно на эту тему активно высказывались сам глава Ордена, пресловутый Папюс, а также Шарль Барле.

В 1895 г. председатель Ордена иллюминатов Леопольд Энгель издал «Теософский справочник» — «Международная адресная книга объединенных искателей истины» (№ 8517). Здесь же, в следующем по порядку деле этого фонда, имеется и «Сборник высказываний теософа Мартенса религиозно-

этического содержания». Тот же Л. Энгель переиздал в 1902 г. книгу основателя Ордена Иллюминатов, известного масона, революционера и социалиста Адама Вейсгаупта «О самопознании». Первое ее издание относится еще к 1794 г.

В связи с нашим так называемым «патриотическим» движением, которое, по преимуществу, как теперь ясно многим, было создано с провокационными целями работниками спецслужб, от сержантов до генералов, с их яростным призывом объединяться всем патриотам (беру без кавычек, поскольку таковые действительно есть, и их немало), независимо от убеждений (православные и коммунисты — под одни знамена!), полезно привести хотя бы в описании саму эмблему ареопага Ордена иллюминатов — это тем более важно, что и многие наши газеты как само собой разумеющееся объединяют красный флаг с масонской символикой (пятиконечная звезда Соломона, серп и молот) и Крест. За недостатком места я не буду разбирать этот грустный сюжет... Итак, эмблема Иллюминатов это круг, в нем пятиконечная звезда на фоне треугольника и внутри этой звезды, от которой идут языки пламени, — крест. Эта символика не случайна. И речь идет не только об оккультной доктрине Ордена. Но и о методах «работы» его и методах пропаганды. Завершая тему теософии, скажу о той находке, которую я считаю главной. Масонство, как известно, скрывает свое учение, и при каждой попытке критики его тут же заявляет, что это критикуемое — лишь частное мнение того-то и тех-то. Такова сознательная практика, диктуемая уставом Ордена. Но в этом смысле и интересно узнать из первых уст, какое же учение Орден называет своим. В начале века разновидность теософии — антропософия, пришла в Россию в виде учения д-ра Рудольфа Штайнера. Появилось литературное общество «Аргонавты», издательство «Мусагет» занялось пропагандой этих идей среди русской публики. И сегодня на каждом углу можно купить сочинения этого Штайнера...

Дело № 8544, фонд 1412 (опись 1). Письмо в Берлин, во Всемирный Союз Иллюминатов, господину Юлиусу Мейеру от ложи «Цур Вильгельм Телль» Всемирного Союза иллюминатов, находящейся в Цюрихе. Ложа является синодом ордена в Швейцарии. Письмо относится к 1929 г.

«Дорогой брат Мариус!

Мы имеем относительно франкмасонства то преимущество, что полностью свои работы во всем ордене основываем на почве антропософии... Имеется ли во всем свете, и знает ли франкмасонство что-либо лучшее? Нет никакого другого более пригодного жизненного импульса, как только антропософия даровитого доктора Р. Штайнера. Мы хотим иметь в Ордене иллюминатов мудрость, которая соответствовала бы духу современности, и эта мудрость именно в антропософии заключает исполнение всех наших трудов.

Иллюминатизм имеет силу в самой сущности антропософии и практическое познание ее составляет саму суть иллюминатизма.

Антропософия есть та общепринятая (законная, общеобязательная) универсальная форма современного тайного учения, которая соответствует духовному состоянию современного и будущего человечества... Она дает самый жизненный ответ. Вот почему самая насущная проблема Ордена иллюминатов напрашивается сама, в членах-антропософах делается доступной пропаганда учения и это должно стать содержанием работы Синода (правящий орган Ордена иллюминатов. — *В. О.),* коль скоро цель Ордена должна обрести новый смысл и расцвести новой жизнью».

Нельзя после этого еще раз не подумать о том, сколько журналов и газет, выдающих себя за патриотические, распространяют идеи Ордена, против которого вроде бы выступают. Какие-нибудь «Элементы» какого-нибудь Дугина, писания какого-нибудь патриота-каббалиста Демина, какие-то издания, с теми же идеями, распространяемые непременно на патриотических конференциях... Грустно. То «фашисты», то каббалисты, то «родные» славянские язычники с их восславлением солнца, луны и половой энергии. А ведь вся эта символика находит себе место в эмблемах Ордена вольных каменщиков. Это вроде масонских ковров для разных степеней и разных ритуалов. Каждый берет в этой универсальной иудо-каббалистической организации то, что ему нравится. Кроме одного — подлинной Правды, на которой вырос Русский Народ и для которой он и был создан...

ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА, ПРЕССА, МЕДИЦИНА

Чем еще занимаются масоны? Периодически ведь и сегодня выходят брошюры, в которых авторы из породы вечных учителей человечества и врожденных «демократов» утверждают — никакой политикой они не занимаются. В качестве примера сошлюсь на брошюру некоей мадам М. Волиной «Тайные силы. Масонство и «жидомасоны». Начинает эта дама с «сумасшедшего» Нилуса и кончает «антимасоном» Острецовым...

Привожу документы.

О характере деятельности европейского масонства дает общее представление знакомство с одним из международных конгрессов, состоявшемся в сентябре 1931 г. в Париже (ф. 1412, оп. 1, дело № 10, л. 202) Это был шестой конгресс международной франкмасонской лиги. Съехались в Париж представители 58-ми Великих Востоков, представлявшие 15 стран: Германию, Австрию, Бельгию, Данию, Румынию, Швейцарию, Чехословакию, Турцию. Югославию и др. Кроме того, прибыли представители от других масонских систем: от Великой ложи Франции (Шотландского древнего и принятого ритуала), от Великой символической ложи Германии, Великой ложи

Эклектической Франкфурта, Великой швейцарской ложи «Альпина», Великой ложи «Лессинг», Великой символической ложи Венгрии, Великой национальной ложи Египта и пр.

После выслушивания докладов, посвященных состоянию дел внутри масонских лож, делегаты разбились на группы:

1. Группа медицинская и фармакологическая. Выслушивается, в частности, доклад доктора медицины Хейнбурга из Брюна (Чехословакия) относительно созданных им новых препаратов, способных улучшить человеческую расу. На секции рекомендовали участникам внести эту науку в масонский мир, ибо нельзя себя устранять от участия в том, что можно использовать для улучшения человечества. И это очень любопытно. Вполне «прогрессивная» часть человечества, помещенная в масонские ложи, оказывается, была озабочена этой проблемой и до национал-социалистов. Впрочем, многие входили одновременно и в масонские ложи, и в нацистскую партию.
2. Группа ветеранов масонства составила секцию: за мир, согласие и справедливость.
3. Группа эсперантистов.
4. Группа педагогов. Решено: организовывать под эгидой СДМ интеллектуальные олимпиады с выходом на всеобщие конкурсы интернационального характера и поддерживать контакт с университетской молодежью разных стран.
5. Группа журналистов и писателей — масонов. Заслушан доклад: «Действие масонства в прессе» и «Антимасонство в Голландии». Решено: поддерживать организацию международной информации в масонстве. Причем таких организаций существовало немало. Так, в 1899 г. было создано «Интернациональное бюро масонских связей» в Германии (№ 4913) [2].

Читатель легко поймет, как при такой слаженной работе можно организовывать любые «кошачьи» концерты, чернить неугодных, направлять общественное мнение в нужную сторону. Также легко готовились психологические войны. Нагнеталась атмосфера подозрительности и нервозности. Перед первой мировой войной, например, левые еврейско-российские газеты, начиная примерно с 1907 года начали публиковать материалы о «жестоких» немцах, об их врожденной агрессивности и о желании захватить Россию и весь «культурный» мир. В Германии пресса, соответственно, не упускала случая «пройтись» по этим «варварам» русским, не умеющим работать, горьким пьяницам и бездельникам. Только правые русские газеты до самого начала войны выступали за мир с Германией, против союза с Францией и Англией, зорко углядывая в этом союзе опасность революции.

6. Группа «Прав человека», а также группы, занимающиеся вопросами воспитания молодежи в масонском духе и изучением истории масонства.

В мире ежегодно проходят десятки всевозможных масонских конференций, конгрессов и симпозиумов. Так, в 1931 г. готовится всемирная конференция Высших Советов шотландского ритуала в Гаване (Куба). В промежуток между 1931—1934 гг. проходят 53-й и 54-й съезды Великих лож Германии.

Дело № 222 сообщает о переписке между Вел. ложей Вены и Вел. ложей Испании. Вел. ложа Вены сообщает об отказе от агитации в пользу республиканской Испании. В свою очередь, ложа Испании сообщает о задачах испанского масонства в гражданской войне. Дело № 461: переписка Вел. ложи Вены с Вел. ложей Франции в Париже о выпуске этой ложей воззвания в защиту республиканской Испании. То есть в поддержку коммунистов...

Дело № 4912: доклад, сделанный членом ложи «Фридрих Великий» в Берлине о взаимоотношениях между Германией, Польшей, Данией и о пересмотре германо-польской и германо-датской границ (5 января 1930 г.). В это же примерно время (1928 г.) Немецкий Высший Совет Шотландского ритуала обсуждает на своих заседаниях вопросы германо-французских отношений (№ 4499).

В других делах можно найти документы о поддержке масонами Лиги наций, об участии в обществе Красного Креста, об отношении к коммунизму в России и к нацизму в Германии и Италии.

БОРЬБА С ПРОТИВНИКАМИ МАСОНСТВА

Мы находим в Особом архиве специальные циркуляры Международной масонской лиги «об организации борьбы против антимасонских выступлений» (ф. 1412, оп. 1, дело № 17, 1927-1932 гг.). При великой ложе Швейцарии существовала «Центральная комиссия по борьбе с противниками масонства». Здесь же в деле № 46 помещены и статьи против одного ренегата с характерными заголовками в его адрес: «Бесхарактерный хамелеон», «Профиль одного антимасона».

Одновременно с мероприятиями по борьбе с антимасонскими выступлениями постоянно совершенствуется организация прямой и косвенной пропаганды идей масонства. Для этого, например, во Всеобщей масонской лиге (Вена) существовало «Бюро пропаганды» под руководством Э. Ленгофа. В

[2] Любопытно, что еще в 1830 г. МА. Магницкий писал Николаю I, что в Европе под видом съезда ученых различных стран проходят масонские международные съезды (см. выше «Николай I и «донос на всю Россию».)

1936 г. во Всеобщей масонской лиге в Базеле слушался «Отчет о деятельности Центральной комиссии по опровержению высказываний противников масонства», существовавшей при этой лиге. В конце двадцатых годов в системе лож Вены было создано «Общество по распространению масонства».

Понятно, что создание подобного рода Бюро пропаганды, Комиссий по борьбе с антимасонскими выступлениями, широко практикуется масонскими организациями. Решительно все публикации по масонству, где бы они ни появлялись, в каких органах печати и в каких странах и городах, все они тщательно просматриваются, изучаются, анализируются и по результатам этого анализа делаются «оргвыводы». Можно представить себе, какую громадную сеть информаторов имеют масонские союзы во всех странах мира, не исключая, понятно, и сегодняшнюю Россию. Это говорю, исходя из опыта личного. Дела фонда 1412 свидетельствуют о том же.

МАСОНСТВО, РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Наиболее животрепещущей для нас является тема — масонство, Россия и революция. В фондах архива имеется сочинение неизвестного автора «Революционная деятельность масонства после 1889 г. Суммарный обзор революционной деятельности франкмасонства с 1889 г.» Этот доклад, как можно думать, сделан на одном из заседаний какой-либо немецкой ложи. Материалами для него послужили собственно масонские источники: орденские газеты, журналы, стенографические отчеты заседаний тех или иных масонских союзов, данные юбилейных конгрессов, посвященных столетию так называемой «Великой Французской революции». В этом сочинении (всего 51 лист) мы читаем:

«С 1789 г. говорят о Великом Востоке Франции, как возбудителе революционной деятельности во всем мире, особенно за границей. В этом отношении он соревнуется с Великим Востоком Италии. Поводом к этому послужило решающее значение в революции 1789 г. Великого Востока Франции». Эта тема широко обсуждалась на юбилейном международном масонском конгрессе в июле 1889 г. в помещении Великого Востока в Париже.

«Было твердо установлено, что уже с 1740 г. французские масоны учреждали «демократическую мировую республику», как истинную конечную цель ордена. Следует «незаметно строить универсальную и демократическую республику, в которой владыкой станет разум и высший совет ассамблеи мудрецов».

Эта конечная цель, пишет автор, лежит в основе всей франкмасонской символики. Эта цель — «учреждение социальной франкмасонской республики на развалинах религиозной монархии». «С особенной силой это было высказано в докладе бр. Г. Франколина, секретаря Орденского Совета Великой ложи и, одновременно, официального оратора (витии) конгресса...» Он сказал:

«Эта социальная революция сокрушила наших общих врагов, сокрушила все европейские тирании и всего мира (аплодисменты), и как пророчески сказал Анри Гейне в 1835 году: «Вы скоро услышите у ваших соседей треск, после которого ваша революция 1789 г. будет не более, чем детской игрой. ...Этот день недалек. Это день, который мы ждем. Тогда все обездоленные станут свободными, все несправедливости будут устранены, все привилегии исчезнут, все отдельные провинции в мире будут объединяться сами. В этот именно день все великие ложи всего мира, все Великие Востоки объединятся во всеобщее братство, и масонство не будет более разделено границами. Этот день наступит, день, который мы предвидим (аплодисменты). Мы ускорим наступление этого дня».

Следующий конгресс состоялся в августе 1900 г. На нем представители швейцарской Великой ложи «Альпина» заявили, что следует и далее объединять усилия для триумфа идеи основания Всемирной Республики. Французские представители вновь повторяли: «французская революция является нашим предшественником. Мы все ее ученики. С 1905 г. масоны Европы объединяют свои усилия...»

«...Орган национальной материнской ложи «К трем глобусам» в Берлине «Бундесблатт» в январе 1905 г. заявил: «идея материализма и радикализма делается теперь все более и более значительной».

«...Еврейско-франкмасонская немецкая газета идет в русле анархистско-революционной пропаганды». Автор доклада заявляет по этому поводу: «Все еврейско-франкмасонские газеты больны революцией» (л. 21).

Далее автор анализирует эти газеты, приводит их высказывания, выдержки из них. Более половины доклада посвящена младотурецкой революции и участию в ней лож Германии, Венгрии, Франции и Италии. На последних страницах уделяется внимание участию лож в Португальской революции.

В связи с Россией — другая группа документов. Вот письмо Мануэля Маргулиеса от 14 мая 1931 г. руководителю Всеобщей масонской лиги Э. Ленгофу (ф. 1412, оп. 1, дело 3). Письмо написано на бланке этой организации. Речь идет о подготовке статьи о русском масонстве в Масонскую энциклопедию. Ленгоф, как можно судить из письма, познакомил Маргулиеса со статьями на эту тему Познера (из Праги) и с сочинением Бориса Телепнева (из Лондона). Маргулиес видит много ошибок у того и другого. Он пишет: «Неверно, что только в 1906 г. русские стали проникать во французские ложи. Это произошло в 1887 г., когда первая группа во главе с известным профессором Максимом Ковалевским вступила в ложу «Космос», а другая

значительная группа была посвящена в 1905 г. [3] В этих двух группах почти еще не было конституционных демократов и не могло быть хотя бы уже потому, что это движение оформилось только к концу 1905 г. Таким образом, первая группа из 80 человек еще не составляла всех масонов в России. Старшие члены этой группы вступили в то же время в ложи Великого Востока Франции и они выбрали этот второй союз (т. е. Великой Восток — *В. О.),* когда в 1906 г. было решено организовать ложи в Санкт-Петербурге и Москве. Наши друзья создали ложи в Петербурге и Москве в 1908 г.» Третья ложа была основана в Одессе. «Эту ложу в Одессе основал я сам в январе 1909 г. и назвал ее «Ла Верите» (Истина)»,— пишет Телепнев. Маргулиес не оспаривает этого факта, но отмечает, что ложу с таким названием не знал. В заключение Маргулиес утверждает, что первую роль в русском масонстве играл не Кедрин и Баженов, а Максим Ковалевский.

Это тот самый Ковалевский, который был ближайшим другом Владимира Соловьева и его духовным наставником. В письме Маргулиеса важен и новый следующий факт. Обычно пишут, что в 1887 г. во французскую масонскую ложу впервые из русских (вернее российских) интеллигентов вступил один Ковалевский. Но выясняется, что не один, а еще 80 человек. Скорее всего, это были профессора Московского и Петербургского университетов. Можно не сомневаться, что появившиеся вскоре после этого многочисленные интеллигентские кружки в двух столицах были созданы инициативой масонских лож. Об этом, прежде всего, свидетельствует их идейная направленность. В первую очередь, это религиозно-философское общество в Москве и Петербурге, которое стало рассадником каббалистических идей в христианских одеждах и было призвано вызывать разложение духа православия среди верующих путем тихой подмены и «критического» обновленческого кликушества. Бердяев, Булгаков, Мережковский, Гиппиус, Карсавин и несть им числа... Но это уже другая тема (см. с. 318-333).

...События в России всегда находились под пристальным вниманием политиков и масонов Германии. Тем более, что сама политика формировалась в масонских союзах, а членами ордена были высшие правительственные чины Германии 20-х годов, включая и самого рейхспрезидента Гинденбурга, 80-летие которого все масонские союзы страны отметили с величайшей помпой. Именно он передал власть Адольфу Гитлеру.

Один из докладов на тему «Россия сегодня» был прочитан в ложе «К трем орлам» в Дрездене в 1930 г. (ф. 1412, оп. 1, дело 8674, л. 50 и далее). Автор доклада призывает слушателей вдуматься в суть практического коммунизма: «С радостью сознавая, что события дошли до точки, и гражданский порядок вновь восстанавливается, можем ли мы не обращать внимания на ужасную трагедию целого великого народа, когда и наш народ был потрясен до самой глубины и последние отзвуки этой трагедии прошли и через нашу Родину».

Докладчик предлагает своим слушателям рассматривать трагедию русского народа «не как политический недуг, а как кризис индустриализации и всей нашей культуры». Он философски рассуждает, этот идеолог масонства, о диалектике бытия точь-в-точь, как затем это будут делать марксистские авторы «демократической ориентации» в дни «перестройки». Докладчик вместе с тем признает, что коммунистическое государство — это «духовная болезнь» нации. Он предлагает рассматривать явления в России «на твердом Основании нашего Храма». И продолжает: «Мы видим в новом, государственном образовании там, по ту сторону, людей из нашего ряда, или, скажем мы, из нашего круга, тех, кого называют каменщиками. Во-первых, Львов, Милюков, Керенский и Гучков, руководители Временного правительства 1917 г., которое свергло царское правительство, были каменщиками.

Ленин, Апфельбаум, Рейсфельд (видимо, Розенфельд, настоящая фамилия Л. Б. Каменева — В. О), Зиновьев, Штейнбок, Лео Троцкий (Лейба Бронштейн), Радек (Собельсон), Свердлов (Цареубийца), — они принадлежали, согласно исследованиям преподавателя высшей школы Шварца-Бостунича, согласно Иозефу Дуйе, брату Гензелю и Карлу Хейзену, к Ордену Бнай Брит, как и Баллин, Ратенау (руководил военной экономикой Германии во время первой мировой войны. Его вполне основательно обвиняли в предательстве национальных интересов Германии и видели в нем одного из главных виновников поражения в войне — В. О.), Фридландер-Фульд, Блейхшредер, Катценштейн, Варбург, Курт Эйснер, Карл Либкнехт, Бела Кун, Тибор Самуэли и секретарь Вильсона Итциг Тумультей.

В конце концов, все указывает, что русскими членами еврейского Ордена Бнай Брит являются все без исключения первые и выдающиеся вожди большевизма, и этого факта достаточно, чтобы представить несведущей массе масонов, в их совокупности, как единомышленников с большевицкими вождями. Все это достаточно серьезные основания, чтобы еще раз об этом серьезно подумать».

Что касается братьев-банкиров Варбургов, то их членство в еврейской масонской головной организации Бнай Брит хорошо известно и по другим достоверным источникам (см. например книгу Э. Ратье «Мистерии и секреты Бнай Брит», Париж, 1993 г., представляющую из себя весьма объемный труд, состоящий исключительно из документов и ссылок на них, фр. яз.), как и еврейское происхождение Карла Либкнехта и Бела Куна, одного из видных палачей русского народа, прославившегося своими зверствами в Крыму после

[3] Известный лидер кадет, масон Ф.Родичев писал в 1928 г., что уже в 1879 г. состоялся съезд «основоположников конституционного движения», в котором он сам принимал участие. (Ф. Родичев, ст. «Памяти И.И. Петрункевича». «Руль», 1928 г., № 2308).

взятия его большевиками. Здесь этот изверг вместе с мадам Залкинд, по прозвищу «Землячка», уничтожал самым зверским образом русских офицеров и их родственников в топках крейсеров, расстреливал тысячами в штольнях и просто за городом, топил в море и колол штыками... Среди них были и родственники автора этой книги. Докладчик вместе с тем отмечает: «Весь мир спокойно смотрит на развитие событий в коммунистическом государстве, как будто истребление целого поколения есть самое заурядное явление... Большевики вырывают с корнем всю прежнюю культуру, религию, искореняют все формы исторической жизни и сводят всю жизнь населения к примитивным формам. Такая ужасная трагедия великого народа, предоставленного самому себе, такой горестный путь, в конце концов, совершенно очевиден и такая трагедия бросает также обвинение и масонам, нам, что мы эту смертельную дорогу для русского народа хотели и воздействовали на этот процесс именно в этом направлении, как это утверждают враги франкмасонства».

Этот сюжет, связанный с революцией в России и властью большевиков, находит себе продолжение в другом документе, в фонде Великого Востока Франции (ф. 113, оп. 1, дело 224). В октябре 1920 г. в парижской газете «Пароль либр» были напечатаны протокольные сообщения о заседании масонского Совета Великого Востока Франции, которое происходило 20 декабря 1919 г. в Париже, в штаб-квартире ложи на улице Кадэ, куда, как говорит журнал посещений для гостей, любил захаживать и вождь международного пролетариата Ленин-Ульянов. Эти сообщения о заседании попали в русский эмигрантский монархический журнал «Двуглавый Орел», публикация из которого хранится в фонде Великого Востока Франции.

«Брат Карно, председатель, признает крайне доброжелательное отношение большевиков к Великому Востоку, указывая все-таки причины крайней осторожности при ведении переговоров». «Брат Милле высказывает от чистого сердца приветствие большевикам, и, со своей стороны, как председатель общества недвижимости Великого Востока, высказывает им особую признательность за их великодушие, которое дало возможность восстановить храм (т. е. здание масонской ложи — *В. О.)* на улице Кадэ. Но общее мнение, что Великий Восток не должен заходить слишком далеко и компрометировать себя, а должен считаться и с отрицательным отношением к большевизму связанных с масонством купцов и мелких промышленников». «Брат Гюарт признает, что большевицкое движение во франкмасонстве оказало значительные услуги Ордену в критические моменты ликвидации войны; он стоит за энергическое, но осторожное действие Совета Ордена.

Брат Водекар, генеральный секретарь Великого Востока, напоминает, что брат Магальхаэнс Лима, Великий Мастер Португальского масонства, при своем последнем посещении улицы Кадэ высказал благожелательное отношение к русской республике, не говоря это открыто. Этот осторожный образ действия дал хорошие результаты без того, чтобы непосвященное общество могло догадаться об источниках этого движения.

Председатель Карт заявляет, что, согласно всему сказанному. Орденский Совет сочувствует распространению большевицких идей, однако требует, чтобы о них говорили как о «советских» идеях, дабы не оттолкнуть тех братьев, которые враждебно относятся к большевицким положениям».

На заседании 18 февраля 1920 г. «брат Ланкин сообщает о происшествиях в России и на Балканах. Он заканчивает пожеланием окончательной победы большевизму.

«Брат Луи предлагает послать приветственную телеграмму зависящим от Великого Востока масонским ложам в России. Составление телеграммы поручается ему».

Заседание 21 апреля 1921 г. «Брат Ланкин предлагает схему циркулярного письма ложам об отношении к «советам». Он говорит об ошибках прежнего министерства (французского), допущенных в отношении России, благодарит Орденский Совет за то, что он не изгнал большевиков из лож и разрешил им развить всемирную деятельность..., высказывается пожелание свергнуть министерство Мильерана и создать кабинет, благосклонно настроенный к переговорам с Лениным».

Впрочем, сюжетов, связанных с более чем близким отношением масонства с коммунистическим движением, в архивах масонских лож более, чем достаточно. Так, к примеру, один из видных деятелей российского масонства Кондауров в своем докладе в ложе Астрея в Париже, уже в эмиграции, говоря о различных течениях в масонстве, коротко сообщает, что масонские ложи филалетов в Швейцарии в начале века были заполнены по преимуществу большевиками, отчего после возвращения их в Россию и заглохли.

Одна из статей в масонской газете «Баухютте» в Германии в № 1 от 3 января 1920 г. в статье доктора Шина «Духовные типы евреев и революционное движение» в самых панегирических тонах говорит о «великих деятелях еврейской нации», таких как Мозес Мендельсон, Людвиг Берне, Гейне, К. Маркс, Лассаль. «Они самые проницательные из деятелей прошлого, они носители иудейского духа и они пронизали лучами света весь мир... Маркс, классический представитель той иудейской проницательной науки, которая, следуя талмудическому образцу, острым аналитическим умом...» и еще несколько страниц в том же духе...

А в масонском журнале «Космос» в № 29 за 1906 г. читаем не менее впечатляющие слова: «Дух нашего времени требует от нас взять на себя руководство социализмом, и некоторые ложи нашли правильные пути и средства для достижения этой цели».

В качестве как бы уточнения в другом месте можно найти конкретизацию этой мысли, высказанной в Великой ложе Германии в 1917 г.: «...анархист и революционер Ленин является наиболее последовательным представителем политических идеалов международного масонства» (ф. 1412, оп. 1, дела 9064 и 815).

Впрочем, с содержательной точки зрения, здесь нет ничего удивительного, так как масонство трудится над тем, чтобы «усовершенствовать» мир в духе коллективизма, когда вера в личного Бога заменяется верой в силу коллектива, способного через технический прогресс привести «совершенную» часть человечества к земному раю. Во всех масонских документах отмечается принципиальная приверженность Ордена к «культурному строительству» человечества через его отлучение от национальной истории, памяти, религии и приобщение к абстрактным идеям демократии, либерализма и социализма в самых различных вариациях последнего. Нельзя не забывать и того, что как бы ни понимать такие понятия, как капитализм и социализм, но в любом случае речь вдет о методах достижения идеи земного рая с его чисто материалистическими упованиями.

БОЛЬШЕВИЗМ, НАЦИЗМ И МАСОНСТВО. 1933-1941 гг.

Последний сюжет — масонство и нацизм. О масонстве написано много, о «фашизме» еще больше. Но кто хоть раз читал об их отношениях между собой? А, между тем, как кажется, тема небезынтересная. И очень важная, особенно сегодня. Одни рисуют свастику, проклиная серп и молот, другие гордо рисуют молот и серп, проклиная свастику.

Хотя в начале века, то есть как раз тогда, когда вожди двух ветвей социализма еще были молоды, зачастую имели одних и тех же любовниц и сидели за одними столиками в швейцарских и парижских кафе, тогда оба символа оккультизма мирно уживались в пределах одной масонской ложи...

К концу двадцатых и началу тридцатых годов деятельность немецкого масонства, судя по документам, резко активизировалась. Проводятся бесконечные конференции, съезды, открываются, что наиболее показательно, новые ложи. Идет широкий поток вновь принятых «братьев». При этом надо заметить, ложи в Германии существовали вполне легально. Они подавали список своих членов в полицейское управление того города, где находились. Среди документов на эту тему есть один, который хотя и относится к Италии, не может не привлечь внимание. Во время правления Муссолини итальянские ложи, объявив «силанум», как бы прекратили «работы». Руководство итальянских масонов выехало в соседние страны, где продолжило деятельность. В фонде 1412 содержится большое число дел, связанных с деятельностью итальянских лож за границей: в Швейцарии, Париже, Венгрии, Румынии. Но вот в деле № 40 есть письма ложи «Италия № 450» в Париже о политическом значении конкордата между Ватиканом и Муссолини и отрицательная оценка этого акта капитулом «Италия либера № 538».

Германия. К 1933 г. относится переписка о выходе членов национал-социалистической рабочей партии Германии из состава Ордена, а также начинаются дела, связанные с ликвидацией масонских лож (1933 г., ф. 1412, оп. 1, дела 8382, 8383). Этот процесс протекает очень мирно. В июне 1934 года член нацистской партии Фриц Вернер просит председателя Ордена иллюминатов выдать ему удостоверение о выходе из Ордена для предоставления своему партийному руководству. В июне 1933 г. следует циркуляр Ордена иллюминатов о роспуске Ордена в связи с приходом нацистов к власти. Но почти одновременно с этим циркуляром можно видеть переписку Ордена и полицай-президиума гестапо о преобразовании Ордена иллюминатов во «Всемирный союз иллюминатов», о пересылке списков членов лож. Само преобразование Ордена началось в 1926 г. Еще в 1932 г. иллюминаты активно вербовали в свои ряды новых членов. (№ 8543). В 1935 г. масонские ложи Германии продолжают как ни в чем ни бывало переписываться между собой по поводу требования нацистской партии о выходе ее членов из масонских лож и в связи с требованием роспуска масонских организаций. В 1934 г. Великая ложа Германии переименовала себя в «Немецко-христианский Орден». Деятельность масонских лож не прекращается и в следующие годы владычества «фашистов» в Германии. Причем вполне легально, по почте, идут письма от ложи к ложе. Так, в 1937 г. Великая ложа Германии, уже переименованная как будто, сообщает своим корреспондентам об основании в г. Нейденбурге объединения масонов высших степеней «Цур Бархат». К 1935 г относится хранящийся в Особом архиве журнал посещаемости членов капитула «индисолюбилис» в Берлине (№ 8917). Напомню, что капитул — это высший орган управления масонским союзом. Одновременно в эти же годы идет работа по преобразованию Ордена. Этой теме посвящены циркуляры Великой ложи «Ройял-Йорк» в Берлине (№ 7502)

В 1934 г. создается новая ложа в Кенигсберге, а в Тильзите гестапо в том же году конфисковало имущество ложи «Гене». Кажется — взялись... Но документы свидетельствуют о другом. Ложа «Андрея Стренуа» в том же Тильзите благоденствует и в 1939 г., а ложа «Ирене» там же тихо ликвидирована уже в 1940 г. Не лишено интереса и такое сообщение. В период 1926-1936 гг. Великая ложа Германии переписывается с ложей «Цур Эдлен аусзих» в г. Фрейбурге о вступлении ее членов в. нацистскую партию. В Бреслау дело о ликвидации ложи «Монтана» тянулось с 1933 по 1938 г. Как видно, в ложи не врывались эти противные штурмовики и еще более жуткие гестаповцы, чтобы расправиться с «жидомасонами». Шестиконечная звезда Давида, как и пятиконечная Соломона, горели все тем же зловещим пламенем

бесовщины в масонских ложах. И под знаком «свастики» даже более ярко, чем в России...

Высший Совет Шотландского ритуала в августе 1933 г. также принял решение о прекращении своей деятельности. Но любопытно, что, приняв такое решение, руководство этого совета потребовало от бывшего гросскомандора Ребера и масона Либермана покрыть задолженность по членским взносам. Ложа во Франкфурте-на-Майне «Цурейниг» прекратила свои «работы» только в 1941 г. Тогда же закрылся и целый ряд лож в Мариенбурге, Штетгине и других городах. То есть уже в разгар мировой войны. Закрытие лож в такое время меньше всего было связано с каким-нибудь преследованием масонов нацистами. Мирное существование масонских лож в Германии в период власти нацистов не вызывает сомнений.

В середине 30-х годов Высший Совет Шотландского ритуала обсуждает с Великой ландесложей Германии в Берлине положение масонства при нацизме, о приспособлении к новому порядку вещей и о проведении новых заседаний (№ 8898). В то время, как в некоторых ложах обсуждается вопрос, почему национал-социалистическая партия относится к масонам враждебно, руководство этой самой нацистской партии пишет в масонские ложи весьма вежливые письма с просьбой помочь в распространении нацистских партийных брошюр среди членов лож. Подобная просьба, например, адресована была отделом пропаганды городского руководства Берлина в январе 1934 г. одной из лож. В конце письма — обычное «Хайль Гитлер» (ф. 1412. оп. 1, № 4932). Как я уже сказал, в июне 1933 г. руководство Ордена иллюминатов разослало циркуляр своим ложам о прекращении деятельности Ордена в Германии. Этому решению предшествовало письмо из Министерства внутренних дел Германии (№ 8540).

В довольно обширном письме говорится, что Орден иллюминатов, как известно, есть «тайная связь людей», поставивших себе цель усовершенствовать личность на началах христианства, сделать ее крепкой и цельной, здоровой и смелой. Но теперь, с приходом национал-социалистов к власти, эту же цель вполне легально ставит перед собой само государство. И потому у Ордена нет больше причин продолжать свою деятельность...

Вдумываясь в смысл этих слов, действительно приходишь к выводу, что цель одна. Неизбежно выстраивается один ассоциативный ряд слов и образов: «в здоровом теле — здоровый дух», дискобол, парад физкультурников — строителей нового мира, марши по радио, знамена и «будь готов — всегда готов», шагающие юноши в колонне, готовые разрушить и здесь и там «старый мир», освободить его от исторического хлама, вожди на трибуне, бесконечное количество лозунгов и призывов, сходная символика, красные знамена и там и здесь... Все это атрибуты масонских лож, вынесенные на улицы.

Все, что проповедует масонство веками — романтический напор сильного человека, легко сдвигающего горы и выравнивающего реки, несущегося к другим планетам (неизвестно зачем), этот животный языческий культ, а в реальности — поголовная серость и безликость с вечным страхом «не то сказать» или «сказать не вовремя» — все вошло в жизнь и национал-социализма, и большевизма, этих явных носителей талмудического учения о рае на земле, о жизни без Бога и с неверием в Страшный Суд за наши грехи.

ВСТРЕЧА С НЕМЕЦКИМ «БРАТОМ»

Во время работы в Особом архиве я как-то быстро убедился на личном опыте, что тема, мною выбранная, не относится к числу «архивных» и «исторических», далеких от нашей повседневности. Недели через три после известных трагических октябрьских событий 1993 года я, как обычно, пришел в читальный зал архива. В маленьком зале сидели мужчина и женщина, как выяснилось, из Германии. Седовласый мужчина крупного сложения, скорее славянского типа, узнав, что я работаю над масонским архивом и имею публикации, связанные с масонством, спросил, не масон ли я. При этом доктор К., представившись, отвернул лацкан пиджака и показал на маленький значок — циркуль с наугольником из желтого металла. А после недолгого оживленного разговора о публикациях в России по масонской теме — истории Ордена, он спросил, не хочу ли я вступить в члены Ордена. Честно скажу, я был решительно обескуражен быстротой и натиском и полным отсутствием таинственности, даже, я бы сказал, какой-то будничной простотой такого разговора. В случае принятия предложения мне будут даны возможности пользоваться масонскими архивами лож и публиковаться в изданиях Ордена. Кроме того, взяв чистый лист бумаги, он написал печатными буквами фамилию одного известного человека, его координаты и сказал, что если я захочу стать членом ложи, то мне нужно будет связаться с этим человеком. Мотив предложения вступить в масонство мне представляется очевидным: если человек, в данном случае я, занимается историей ордена каменщиков, то этот интерес должен быть поддержан.

Через год доктор К. снова приехал, и не один, для работы в архиве, и вручил мне рекламный проспект вольных каменщиков для желающих лучше узнать эту организацию и вступить в нее для «морального совершенствования». По его просьбе я подарил ему несколько номеров журнала «Слово», а он прислал мне несколько номеров масонского журнала «Humatitat», по содержанию ничем не отличающихся от наших «обычных» журналов культурного или историко-познавательного направления. Только то, что в этих последних нет «разоблачений» и сенсаций, — обычная деловая информация, литературоведческие или философские исследования... Большое внимание уделяется творчеству Гете, много Моцарту, большое исследование

посвящено Вагнеру и его масонской биографии...

Могу еще добавить, что мне приятно было убедиться в верности своих оценок «совершенных братьев» и с самой, что ни на есть этически-бытовой точки зрения. Из возбужденного разговора моего знакомого с работницей зала перед отъездом «братьев» в Германию я понял, что они, представители «цивилизованного мира» и «этического союза», пытались обмануть наше родное государство и, заплатив поменьше, хотели вывезти побольше копий архивных документов. Но на этот раз бдительность наших людей оказалась на высоте.

О других, чисто человеческих, свойствах цивилизованных братьев не говорю за недостатком места и чтобы не разводить сплетни. Да и кто из нас, даже и не совершенных и не «отшлифованных» в масонских ложах в «кубический камень», не любит выпить и погулять, если есть деньги, здоровье и желание. Приятно было убедиться, что и превращенные в «кубический камень» господа ведут себя в этом отношении точно так же, как наши слесари, шоферы, инженеры и прочие необтесанные масонской наукой «профаны». И очень сильно напомнили мне эти цивилизованные господа наших представителей «демократической» и «творческой общественности», которая точно так же имеет страсть к болтовне о высоких «моральных качествах» и «всечеловеческой совести», но при этом очень любит стучать на ближних, развлекаться с девочками, по возможности приворовывать и бесконечно лгать...

Имея в виду это и все вышесказанное, легко представить себе, какой земной рай, в конце концов, будет создан на земле такими-то «всесовершенными братьями»... И последнее. Наше знакомство началось с того, собственно говоря, что он достал листы бумаги, на которых были отпечатаны названия работ по масонству, вышедших в России в последние годы в различных периодических изданиях, и спросил, может ли он познакомиться с Б. Башиловым. Искренне удивился, узнав, что этот историк масонства жил в Аргентине и умер много лет назад...

1995 г.

Глава первая
ИСТОРИЯ БНАЙ-БРИТ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОРДЕН БНАЙ-БРИТ И ЕГО РОЛЬ В СОБЫТИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Введение

Сегодня в мире господствуют идеалы «демократии». Ни одно государство не может объявить себя их врагом. Иначе ему объявят бойкот, на него наведут пушки, в нем устроят государственный переворот ради того, чтобы над ним воссияло знамя «демократии». «Демократия» растет и побеждает. И побеждает гласность. Печать, телевидение, компьютерные системы информации готовы рассказать каждому из нас миллионы вещей обо всем на свете. Но чем больше этой гласности, чем больше демократии, тем закрытые общества на нашей планете становятся еще более закрытыми, тем все больше политический олимп замыкается в себе.

История крупнейшей в мире «общественной неправительственной еврейской организации» Бнай Брит, как она названа в документах ООН, тому подтверждение. О ее деятельности не только русскому читателю, но и читателю любой страны, почти ничего не известно. Организация, насчитывающая сотни тысяч активных в социальном плане людей, многие из которых занимают высокие государственные посты и видное положение в экономике, финансах, системе информации, на телевидении, в печати, на радио; организация, имеющая свои газеты и журналы, свои школы и банки, контролирующая всю мировую политику и правительственные учреждения большинства стран, остается для нас совершенно неизвестной. Даже в трудах историков и публицистов о ней, можно сказать, ни слова.

Эта организация — крупнейшая, но не единственная. Она, как и другие масонские объединения, «тайная». Но тайная снизу, для нас. И она хорошо известна на политическом Олимпе. Там она не тайная. Живя и действуя рядом с нами, эта и подобные ей организации, ее члены, существуют в то же время словно в другом мире, скрытом от нас. А между тем именно они, эти организации, а не отдельные политики, фигурирующие на телеэкранах, определяют судьбу стран и народов. Мы живем в олигархическом обществе, —

вот еще один вывод... Итак, история и современное положение еврейского масонского международного Ордена Бнай Брит.

Правители реальные и мнимые

Идеология демократии направлена на то, чтобы создать у людей иллюзию, будто они принимают хоть какое-то участие в политической судьбе своей страны, для чего регулярно проводятся всякие избирательные кампании и существуют парламенты и избранные президенты. Для этого же существуют какие-то, загадочные на самом деле, политические партии, «движения» и прочий антураж демократии. Но все, что знает средний человек, обыватель, об устройстве политического мира, где решаются судьбы народов, откуда выходят в свет всякие законы, постановления и инструкции, где ведутся какие-то переговоры, и откуда все время слышен какой-то неясный шорох и гул, все это он знает только из средств массовой информации. И, в сущности, говоря, современный политический мир во всех странах есть вещь-в-себе, то есть мир совершенно закрытый от нас и неизвестный.

Многие полагают, что политику делают отдельные политики, часто появляющиеся на телеэкранах. У них есть хорошие качества и плохие. От этих качеств будто бы зависит наша жизнь. Обсуждением этих качеств, слов и речей этих деятелей, мы и занимаемся с помощью газет и телевидения. На самом деле это далеко не так. Двадцатый век — это век не личностей, а организаций. Личностью политик кажется только на страницах газет, журналов и книг. И на телеэкранах. Насколько мы вообще мало знаем о подлинных вершителях мировых дел, показывает, в частности, знакомство с одной объемистой книгой, вышедшей в 1993 г., в Париже, и озаглавленной «Тайны и секреты «Бнай Брит», с подзаголовком: «Наиболее важная международная еврейская организация». И сразу у нас возникает недоумение: в «открытом» западном обществе нет информации о крупнейшей общественной организации. Почему?

Действительно, если мы попытаемся вспомнить, что мы знаем об этой организации, то окажется, прямо надо признаться, что очень и очень немного. Можно сказать, только то, что излагается в самом подзаголовке книги — «важная еврейская и международная организация». Вот, видимо, и все. А между тем, это самая крупная в мире общественная организация, если, конечно, пользоваться ее собственным термином, зафиксированным, впрочем, и в ООН, где этот орден Бнай Брит имеет собственного представителя (!), который внимательно следит за соблюдением интересов евреев во всем мире. Ведь Орден международный и имеет своих представителей во всех важнейших странах Европы, Азии и Африки. И Австралия не выпала из этого круга еврейских интересов. И не только представителей, но и свои организации, в том числе филантропические и просветительские только для евреев.

Кто является собственно автором этой книги, сказать трудно. На обложке значится — «Эммануэль Ратье, представляющий книгу». А в кратком предисловии от имени Ратье говорится, что он получил ее по почте анонимно, и не сочтя возможным хранить ее в тайне от всех, решил издать. Он пишет дословно следующее: «Я полагал, что не имею права хранить в своих руках это действительно важное исследование (исключительное), которое поднимает в первый раз завесу над этой не имеющей себе подобных, организацией. Вот этот труд, который я получил». Но, скорее всего — это коллективный труд.

Что касается собственно деятельности Бнай Брит, то книга содержит исключительно документальные данные, или краткое изложение этих данных. В ней нет места эмоциям и резким оценкам. Но она вся документирована и вслед за каждой небольшой по объему главой идет библиография вопроса с многочисленными ссылками на периодику, отдельные сочинения идеологов Бнай Брит. Автор сличает, сопоставляет и делает совершенно беспристрастный вывод, отмечая верность фактам (?) или определенную фальсификацию в анализируемых источниках.

С такими книгами не спорят. Их просто замалчивают, уничтожают, а при невозможности скрыть факт их появления в свет, высмеивают.

Автор сообщает, что однажды, как-то на досуге, что называется, решил познакомиться с орденом Бнай Брит, для чего он отправился в крупнейшие библиотеки сначала Франции, а затем и других стран. И что же он выяснил? В Париже, в Национальной Библиотеке решительно ничего нет об этой организации, кроме скромной брошюрки на еврейском языке, одной — на английском и одной — на немецком за 1932 год, а также четырех брошюр «крайне антисемитского содержания».

Практически ничего не было в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне и практически ничего в Лондоне. И это показалось автору странным, так как согласно Энциклопедии Иудаика (1970 г.) Бнай Брит представляет собой «наиболее старую и наиболее многочисленную еврейскую организацию взаимопомощи, организованную в ложи и капитулы в 45 странах. Общая численность ее членов около 500 000 человек (мужчин, женщин и молодежи). Имеется 1700 лож для мужчин, 25% из которых находятся вне Северной Америки, и в которых число членов составляет 210 000 человек, а бюджет составляет около 13 миллионов долларов. Их программы обеспечивают полностью все центры еврейских интересов и включают в себя еще несколько программ, обеспечивающих интересы более широкой общественности».

И автор искренне был удивлен, что такая громадная организация, основанная в Соединенных Штатах в 1843 году, во Франции в 1932 году, практически ничего, о себе не публиковала ни за границей, ни в самой Франции. Действительно странно. Это тем более странно, что (напоминает

автор), во Франции, согласно закону, каждое выходящее в свет издание должно в четырех экземплярах быть передано на хранение в Национальную Библиотеку; и этот закон, неукоснительно соблюдается даже масонскими объединениями во Франции. Пришлось констатировать, что Бнай Брит не исполняет этого закона о депозите своих изданий, так как в этой крупнейшей во Франции библиотеке имелось всего два номера какого-то периодического издания и единственный номер «Бнай Брит Журнал»! И ни одной брошюры, или хотя бы малюсенькой книжонки. Стало ясно, почему «не еврейская французская пресса, лишенная документов, посвятила этой организации, Бнай Брит, менее пятидесяти статей, считая со времени ее основания во Франции в 1932 году».

И, конечно, автор имеет право говорить о бойкоте со стороны Бнай Брит законом предусмотренного депозита своих изданий. Пусть наши замечательные апологеты, замечу от себя уже, кричат на всех углах о полной открытости западного общества и его влюбленности в правду и истину, за которую они, вместе с медиумами прогресса, евреями, так долго страдали под пятой жуткого абсолютизма и феодализма. А между тем, факт сокрытия своего существования самой громадной еврейской организации налицо. Скрываются миллионы дел, миллионы фактов повседневной жизни в мире финансов, экономики, религии, культуры, политики, связанные с деятельностью этого международного Ордена евреев, организации исключительно созданной для евреев и преследующей чисто еврейские интересы. А то ведь нам, русским, так часто говорят — какая разница, русский или еврей. Разница, как видим, большая. Еврей не перепутает, где свой, а где русский.

В дополнение к сказанному могу добавить, что и у нас в России дела обстоят точно так же. Ну, скажите по совести, много ли известно нам об этой организации? И можно было бы вообще засомневаться в ее существовании в России, если бы уже автор этих строк сам не читал газету «Информационный бюллетень Бнай Брит» на русском языке, издаваемый в Москве с октября 1989 года, и который начинается обращением: «Дорогие наши братья и сестры в СССР». Этот номер за октябрь 1989 года приведен в данной книге, мне же попался номер за 1991 год. И читать его — одно удовольствие, особенно, когда слышишь вопли о «Русском фашизме», «Русском национализме и шовинизме». И этот номер за 1991 год вышел как раз тогда, когда наши «родные» демократы, надо полагать члены этой организации Бнай Брит, объединяющей исключительно евреев и ставящей себе целью стоять неустанно на позициях защиты интересов не вообще советских граждан, а именно евреев, подняли вопль в связи с выходом моей брошюры о «Черной Сотне». Особенно забавно звучало возмущение по поводу устава Союза Русского народа за 1906 год, в котором говорилось, что евреи в ряды Союза не принимаются. Рассуждения были такого уровня: «Ну, татар, монгол, немцев и «прочих шведов» — Бог с ними. Они не русские. Но не принимать евреев в русскую организацию — это уже варварство, дикость и даже просто черносотенство».

Пока я позволю себе не касаться содержания этого номера газеты, но сообщу два слова о том «бюллетене Бнай Брит», первая страница которого приведена в данной книге. В обращении сказано, что «Бнай Брит полон решимости и впредь поддерживать наших братьев в Советском Союзе». Говорится о том, что и впредь будет оказываться поддержка и тем, кто уехал из СССР, и тем, кто здесь остался. Выражается оптимизм в связи с «прогрессивными изменениями, происходящими в вашей стране». И выражается намерение и дальше «бороться за социальную справедливость, права человека и единство евреев во всех уголках планеты». Это был оптимизм от развала страны и прочих «прогрессивных изменений».

Вот бы, думаешь, поставить сюда вместо слова «евреев» слово «Русских» — вот был бы крик да ужас. Это вам не Баркашов, из которого делают пугало, не безобидный мальчишка из какого-нибудь общества со словом «Русский», насчитывающим два десятка человек и три рубля на нос за год. Из этого примера видно, кому принадлежит вся система информации в мире. Как она умеет хранить мировую тайну. В результате мы видим лужу во дворе и не знаем, что рядом океан.

Идеология Бнай Брит: еврей должен стать для гоев... «священником»

Пусть не покажется это отступление лишним, потому что в этой теме, что ни слово информации, то на вес золота. Информацией мы не избалованы. Об этом пишет автор. Долгие годы провел он в исследованиях вопроса и то, что нашел, признается сам, лишь очень маленькая часть всех публикаций. В предисловии он выражает и пожелание, чтобы документы были бы воспроизведены с максимальной точностью. И их надо читать медленно и вдумчиво, советует он, и только тогда можно понять их смысл и понять цели и задачи Бнай Брит, которые в своем пределе могут быть выражены так: «просвещать человечество», все человечество, без остатка. И этим просвещением призваны заниматься со времен библейских именно евреи, каждый из них и все вместе. В эпиграфе к предисловию книги Ратье приведены слова священного Писания, полностью отнесенных современными евреями к себе: «Вы должны быть мне царством священников, народом священным» [4]. Каждый еврей — нам, не евреям, священник, хотим мы того или нет. Нас, все остальное человечество, никто не спрашивает. Все должно быть по меркам,

[4] В точности эти слова употребляют масоны к себе (см. выше «Россия на перепутье», слова З.Я. Карнеева в орловской ложе.)

сшитым в Бнай Брит. У нас, грешных, правда, есть своя вера, но она, по взглядам Бнай Брит, не настоящая, она лишь следствие нашего заблуждения. Настоящая содержится лишь в книгах иудаизма и проповедуется масонством и его частью — Бнай Брит. Правда, по нашим взглядам все то же, но прямо наоборот. Кто сопротивляется — антисемит, а кто подчиняется, покоряется, те кто?

Впрочем, о связях классического масонства с еврейским Орденом и его ложами будет сказано позже. В одной из многочисленных брошюр, издаваемых Анти-Диффамационной Лигой при Бнай Брит (далее АДЛ), и которая представляет из себя «карающую силу» Бнай Брит, достаточно ясно говорится о подлинном значении интернационализма: «АДЛ верит в интеграцию, то есть воспринимает евреев как совершенно равных между собою. Но она противится ассимиляции, — потере еврейской подлинности — которая представляет собой поражение, а не триумф демократического процесса». И снова вопрос: а если мы, русские, проснемся и оглянемся, и будем против ассимиляции и потери русской подлинности? Ведь придется освобождать государственные посты и прочие для себя, для русских, чтобы самим править своим государством. Это вопрос риторический, но интересный.

В самой Франции внимание к Бнай Брит было привлечено в связи с политическим скандалом, так называемой «клятвой Ордену Бнай Брит». Речь идет о событии, имевшем место на одном совместном собрании руководящих деятелей Бнай Брит во Франции и «правых» членов французского парламента. Тогда эти «правые» торжественно поклялись перед этой респектабельной ассамблеей, что никогда в будущем не войдут ни в какие соглашения с Национальным фронтом Франции. В результате этого соглашения Национальный фронт оказался замкнутым в политическое гетто и, хотя большинство французов ничего не знало о соглашении, но в результате поднятой кампании все сторонники Национального фронта, а это 15% мужчин и женщин оказались подвергнутыми остракизму и их стали рассматривать в обществе как зачумленных. Видимо, как у нас история с «красно-коричневыми» начала 90-х годов. В конце концов о соглашении стало известно, как и о клятве «правых» политиков в верности еврейской всемирной организации. Многие были всем этим обеспокоены. И как раз тогда, когда эта книга Ратье должна была выйти из печати, была выпущена самим Орденом обстоятельная книга «Фантастическая история Бнай Брит» с подзаголовком «Наиболее значительная гуманитарная всемирная еврейская организация», принадлежащая перу некого Давида Малькама. Книга, содержащая большое число опечаток, фактических ошибок и замалчивании, предназначена показать этот исключительно еврейский орден, основанный еврейскими франк-масонами, как гуманитарную организацию, подобную ордену, вроде «Врачи без границ» или «Международный Красный крест». В книге говорится, что именно Бнай Брит изобрело «право вмешательства и гуманитарной помощи еще до письменных обращений по этому поводу».

Но надо признать, право вмешательства в чужие дела с нарушением всех норм государственного суверенитета во имя идеологического клише — демократии — сегодня стало нормой международной практики. Никаких других политических форм государственного устройства народы мира не имеют право иметь. Все страны и народы вполне с этим смирились. На защиту демократии готовы стать все армии Америки и Европы. Все должны быть осчастливлены — демократией. Речь идет о всемирном государстве.

Может ли меньшинство захватить власть над большинством? Сторонники сионизма и марксисты утверждают: нет... если это меньшинство — евреи, и да — если капиталисты. А если все капиталисты — евреи, а все евреи — буржуи? А ведь К. Маркс писал об этом феномене...

Насколько затронутая тема является важной, показывает то, как наши очень серьезные историки, денно и нощно изучающие исторические документы, в том числе по масонству, публикуют, по непонятным причинам, заведомую ложь. Для примера можно взять сочинение известного автора О. Ф. Соловьева «Русское масонство 1730-1917» (Москва, 1993 г.). Автор — человек немолодой и основательный. Десятилетиями он работает в самых закрытых архивах. Перерыл горы литературы по масонству. Мне приходилось работать с ним в одном зале архива и потому могу это удостоверить личным свидетельством. Конечно, автор марксист, и его книга обильно снабжена ссылками на Ленина и написана в понятиях марксизма и его терминами. Между тем, в книге много ценных сведений. Но как только автор дошел до еврейской темы, его как будто подменили. Он перестал быть даже марксистом. Он совершенно отвергает версии о том, что «франкмасоны, иллюминаты и вообще секты антихристианские» (цитата О. Ф. Соловьева) порождены евреями, «виды и усилия коих направлены единственно на ликвидацию христианства». Он полностью отвергает и суждение на этот счет «реакционеров», которое он излагает так: «Ближайшая цель (евреев — В. О.) — завоевать гражданские права, чтобы приумножить свои богатства, позднее «уничтожить все другие церкви и стать хозяевами мира». Во все это историк не верит и все это отвергает. И на это он имеет право. Мы же имеем право познакомиться с его доводами и самим составить себе свое собственное суждение. Итак, исходя из каких фактов или оснований отвергаются очевидные факты?

О. Ф. Соловьев рассматривает известное сочинение аббата Баррюэля, современника и участника Французской революции, одно время бывшего в рядах масонов и затем написавшего свои мнения и впечатления обо всем им увиденном и пережитом. И выше приведенное мнение было высказано не современным черносотенцем, и не вчерашним, а аббатом Баррюэлем на

основании не архивных данных, а своих впечатлений о виденном.

Так вот, главное опровержение историком Соловьевым мнений аббата Баррюэля, как и ему подобных мнений в последующие времена, состоит в следующем: «При рассмотрении фальшивки[5] поражаешься отсутствию элементарной логики и сколько-нибудь правдоподобных данных. Не понятно, каким образом евреи, представляющие по численности ничтожное меньшинство среди европейского населения, намеревались уничтожить все церкви и установить мировое господство».

Этот довод в устах марксиста сам по себе столь прекрасен, что заслуживает быть внесенным в копилку человеческого беспамятства и пристрастия. Он, этот довод, как старая, неповоротливая баржа, подставляет все свои бока под выстрелы любого самого маленького катерка во время сражения. И при этом, этот довод был самым могучим козырем именно в руках марксистов в нашей стране. Помнится, еще совсем недавно нынешний патриот Э. Володин, долгое время служивший в Высшей партийной школе, именно таким же доводом решил «срезать» мою первую книгу «Россия на перепутье» в своей рецензии на нее. Ну, конечно, что можно возразить. «Их» так мало, а нас так много. Как хорошо-то! Но удивительна человеческая забывчивость. Ведь именно марксизм весь, от начала до конца, построен на утверждении классовой теории, той самой, из которой вытекает, что ничтожная кучка буржуев владеет всеми богатствами страны. Что какая-то там ничтожная кучка эксплуататоров, по численности так просто тьфу, говорить не о чем, держит в повиновении многомиллионные массы народа. При этом тот же Э. Володин или О. Соловьев утверждали в своих сочинениях, как это и полагается марксистам, что эта кучка людей подкупила еще и интеллигенцию и верхушку рабочего класса, купила печать и средства массовой информации и эксплуатирует народные массы. И на этом численном противостоянии основан весь марксизм: меньшинство навязывает свою волю большинству. Теперь далее. У того же К. Маркса есть известная работа, в которой он утверждает, именно он, а не Гитлер или Марков, что евреи давно уже иудаизировали Америку. Что капиталист — это деньги. А деньги в руках у евреев. И таким образом сам Маркс, а не аббат Баррюэль, утверждал очевидные вещи. Класс, таким образом, в значительной степени сливался с этническим началом. Я не ссылаюсь на историка — еврея Греца, который в своей обстоятельной «Истории евреев» детально излагает и этот вопрос. Он, например, сообщает, что в Эльзасе в конце XVIII века слово еврей было равнозначно слову миллионер. Грец не был марксистом, хотя в этом вопросе с К. Марксом не расходился. И когда марксист вдруг «забывает» основы марксизма, то приходится уже нам удивляться, а не историку О. Соловьеву, «отсутствию элементарной логики», но уже у самого Соловьева. Скажите пожалуйста, подумаешь про себя, как это так быстро забылись примеры эксплуатации большинства меньшинством, без которых вообще нет марксизма и классовой борьбы. Если же отвлечься от марксизма, то ведь любой из нас знает, что телом управляет небольшой по массе головной мозг. Да еще если сюда внести понятия нервных центров, совсем малюсеньких, но от которых зависит вся жизнь человека, то и тогда будешь относиться очень серьезно к некоторым качественно важным меньшинствам. А ведь человеческое общество построено по иерархическому принципу. В споре организации и человеческой массы, множества, победа всегда остается на стороне организации, если в ее руках находятся жизненно важные центры управления обществом и государством. Сегодняшнее положение дел в России подтверждает верность наблюдений и аббата Баррюэля, и К.Маркса, и Г.Греца.

Другой довод состоит в утверждении, что приводимые данные Баррюэлем о том, что католические иерархи примкнули к иудаизму, не логичны. С чего бы это они отреклись от христианства?

Увы, попытка подменить логикой исторические факты мало убедительна и лукава. Уж кто-кто, а историк не может не знать факты предательств и измен. О том же свидетельствуют и факты из нашей повседневной жизни. Отрекаются, и еще как! Например, те же марксисты из числа самых высокопоставленных. Причем, в массовом масштабе. У них есть, конечно, своя логика, и даже своя корысть. А относительно «хозяев мира» — нужно просто взять какой-нибудь учебник по основам иудаизма, изданный в Иерусалиме, лучше на русском языке, и там как раз черным по белому и написано об «избранном народе», призванном руководить остальными и вести их в эпоху Машиаха.

Могут ли евреи... стать членами масонских лож?

Переходя затем к вопросу о присутствии евреев в масонстве, О. Соловьев утверждает, что единственная организация, напоминающая масонство из числа еврейских организаций — это Бнай Брит. Он признает, и это уже много, что «организация строилась по масонскому образцу в виде лож, ее члены называли себя братьями». Впрочем, утверждает историк, «к ордену вольных каменщиков они не относились». Просто была «потребность евреев в экономической и общественной жизни капиталистических стран, которая тогда сдерживалась запрещениями им вступать в ложи США и особенно, немецких государств» (с. 136).

Из этой цитаты можно сделать вывод, что масонские ложи контролировали

[5] Когда выходит в свет книга о преступлениях масонства, она автоматически получает клеймо — «фальшивка». В данном случае — произведение Баррюэля. Хотя, надо заметить, в отличие от современных историков, аббат был сам участником тех событий, о которых пишет.

экономическую и общественную жизнь Америки и Европы, а запрещение вступать в них евреям мешало последним занимать в экономике и политике видные места. Здесь есть правда. Но ровно половина. Никакого запрещения вступать в ложи евреям не только не было, но и быть не могло. Евреи ложи-то и создавали. Не затем же, чтобы самим себе запрещать в них вступать! В Германии в XГX и начале XX века евреев было в масонстве не менее одной трети. Что касается Бнай Брит, то, по крайней мере, четверо из основателей этого Ордена были масонами крупных степеней в иных ложах. Впрочем, при рассмотрении вопроса об основании масонских лож в США будет видна роль самих евреев в этой деятельности франкмасонства. Но кроме исторического аспекта, надо задаться вопросом о целях и задачах иудаизма и тогда очень многие вопросы нашего сегодняшнего дня, как и истории, могут во многом разъясниться.

Итак, создание франк-масонства в США и создание Бнай Брит в октябре 1843 года...

Глава вторая

ПОЯВЛЕНИЕ ФРАНК-МАСОНСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Минуло пятнадцать лет...

Минуло всего пятнадцать лет после той реформы франк-масонства, которая привела его к созданию единой всемирной системы, как отец американского франк-масонства Генри Прайс получил в 1733 году от лорда Монтагю, Великого мастера в эту эпоху господства английских лож, поручение объединить «братьев», находящихся на службе британской короне в наиболее важных опорных точках заморских владений. В частности, в штатах Новой Англии, нынешнем Массачусетсе, куда они эмигрировали и где жили в рассеянии. Таким образом, первый Великий Провинциальный Мастер Прайс положил первый камень в основание Первой Великой Провинциальной Ложи 30 июля 1733 года и уже от этой ложи-матери родилась 21 августа 1733 года Бостонская Ложа св. Иоанна, первая ложа Соединенных Штатов, активная и по сей день. Сегодня, когда хорошо известна роль франк-масонства во внезапном появлении освободительного движения в Северной Америке, уже не кажется случайным, что именно в Бостоне был организован тот инцидент, который стал прологом и предлогом к началу войны за независимость Америки, знаменитая Чайная Партия Бостона. Великая Провинциальная Ложа была переименована в. 1776 году в Массачусетскую Великую Ложу Древних Каменщиков, ведущую свое начало, таким образом, от английской с 1733 года.

В то время как французские ложи и шотландские постоянно полемизируют между собой относительно присущей им древности, другие источники утверждают, что еще в 1730 году по требованию герцога Норфолкского была создана первая Великая Ложа в Штате Новый Амстердам (ныне Штат Нью-Йорк), а затем в Филадельфии (город дружбы в буквальном переводе — название отражает чисто масонские вкусы и идеологию), была создана Ложа св.Иоанна-2, и именно в ней были посвящены в масоны Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин и которую позднее посещал «брат» Лафайет. Когда ложи Бостона получили самостоятельность, тогда постепенно маленькие ложи стали объединяться в единую систему лож под одной юрисдикцией. Все эти факты считаются относительно известными для специалистов. Меньше известно другое, а именно то, что ансамбль лож, объединенных Великой Ложей и создаваемый по мере развертывания войны за независимость, получил свою основу (ритуалы, высокие градусы и прочее) от одного из членов Великого Востока Франции Стефана Морэна, имевшего высокую степень «Великого избранного совершенного и древнего возвышенного Мастера», по происхождению еврея. Именно он и ввел 27 августа 1761 года «совершенные ритуалы» для лож высоких градусов посвящения, предназначенных специально для Соединенных Штатов.

Английские братья проявили высокую активность и так быстро объединили ложи высоких градусов, что потребовалось всего еще восемь степеней к имевшимся уже двадцати пяти, чтобы была достигнута магическая в масонстве цифра 33. Учрежденная система масонства относилась к той самой, что и ныне является самой распространенной в мире, а именно к Шотландскому Ритуалу, древнему и принятому (Е.А.А), ритуалы которого на самом деле почти полностью еврейские. Особенно многозначительно, что, например. Ложа Королевской Арки, насчитывающая восемь высоких градусов посвящения, располагается сегодня в здании синагоги. (Эммануил Ратье, ук.соч., с. 18).

В Америке существуют для лож высоких градусов посвящения две юрисдикции — северная и южная, и граница между ними проходит по линии Мэзон — Диксон (39^0 43' 26"). 31 мая 1801 года произошло знаменательное событие. В этот день была основана самая значительная ложа южной юрисдикции в Чарльстоуне. Эта ложа сыграла громадную роль в политических судьбах мира. Ее основателями стали Джон Митчелл, Фредерик Дальчо, Абрахам Александер, Т.Б.Боуен, Израель Делибен, Эммануэль Де Ла Мотта, соучредитель знаменитой Конгрегации Милкве Израель после предварительного совещания с Стефаном Морэном. Большинство были израэлитами, то есть исповедовали иудаизм, и принадлежали к тем или иным еврейским конгрегациям. Абрахам Александер (33 градус) стал великим секретарем Совета; Исаак Кантор — членом конгрегации «Бет Элохим», как и

большинство других членов Совета. Эммануэль Де Ла Мотта, также имевший 33 градус, становится Великим казначеем; Якоб Делеон, Израель Де-Либен — генеральными инспекторами. Другие — Соломон Арби, Мозес С. Леви, Самуэль Мей-ер, Давид Лаба — принадлежали к Высшему Совету.

В многочисленных публикациях по истории масонства многие историки, опираясь на конкретные материалы, указывали на то, что именно здесь, в Чарльстоуне, в первой половине девятнадцатого века, а возможно и позже, находился всемирный мистический центр мирового масонства и, в частности, фигура Бафомета, известная по многочисленным рисункам и якобы прежде принадлежащая тамплиерам и спасенная во время разгрома этого ордена в четырнадцатом веке.

В 1875 году эта Ложа была перенесена в Вашингтон, чтобы быть ближе к правительству, и сегодня ее обычно называют не иначе, как «Великой Материнской Ложей Мира». И именно здесь происходили впоследствии согласования между еврейским Орденом Бнай Брит и высокими градусами американского масонства.

Масонские ложи системы Одд Феллоу

Параллельно с этим шотландским масонством высоких градусов громадное распространение получили и в Америке и во всем мире ложи системы Одд Феллоу (буквально — эксцентричные), ритуал которых в самой широкой степени был внушен именно Бнай Брит. Эта система с самого начала была предназначена для бедных людей и лиц с маленьким достатком. То есть ложи Одд Феллоу были задуманы как ложи «маленьких людей», членские взносы которых были подчеркнуто символическими — не превышали одного пенни. В системе Одд Фелоу получила свою реализацию идея филантропии — помощь бедным людям. Следует заметить, что именно через эту систему масонских лож, в том числе и через ложи Одд Феллоу, оказывается «гуманитарная помощь» России с Запада. Об этом свидетельствуют масонские журналы, вроде немецкого «Гуманитет», где в отделе хроники значится, какая именно ложа направила эту помощь то голодающим ивановским детям, то голодающим детям офицеров Русской армии в танковый полк, расположенный там-то и там-то.

Система лож Одд Феллоу имеет, таким образом, очерченный социальный характер и организует детские приюты, кассы по пособиям, помощь больным детям и так далее. Их основателем был в Соединенных Штатах Томас Уилдей, кузнец, который основал первую ложу «Вашингтон-Ложа-1» в Балтиморе 26 сентября 1789 года. Этот день стал знаменитым как годовщина основания ордена Одд Феллоу и празднуется всеми ложами этого ордена во всем мире, за исключением Германии, где Одд Феллоу обосновался только в 1872 году и где этот день празднуется 26 апреля, день, когда идея основать такой орден для «маленьких людей» явилась Уилдею в трактире «Семь Звезд» в Балтиморе. Задуманные с самого начала как ложи, дополнительные к масонским классическим ложам и выполняющие специальные задачи охвата социальных низов, они насчитывали в 1930-40-е годы около 2,5 миллионов членов только в Соединенных Штатах.

Согласно американским масонским источникам, орден Одд Феллоу работает в восьми градусах. Существуют в дополнение к мужским ложам и специально женские ложи Одд Феллоу, точно так же, как и в Бнай Брит, а именно ложи Ревекки, которые насчитывали перед Второй Мировой Войной около миллиона женщин.

Еврейские масонские ложи в Соединенных Штатах

Согласно различным авторам (например, Симону Визенталю), евреи прибыли в Америку вместе с Христофором Колумбом, который, как известно, сам был евреем. Известно, что Колумб отправился в путешествие 3 августа 1492 года и что накануне, 2 августа, согласно королевскому декрету 300 тысяч евреев изгонялось из Испании. Согласно тем же историкам, первым матросом, который заметил первым американский берег, был тоже еврей. Реально удостоверено, что первая группа евреев состояла из сефардов численностью в 23 человека, которые покинули на корабле «Ресиф» Бразилию в 1654 году, чтобы плыть в Голландию. Захваченные одним французским судном, они были высажены на западный берег, у Нового Амстердама, экс-Ангулема и будущего Нью-Йорка (это имя город приобрел в 1664 году).

В 1658 году несколько голландских евреев уже основали ложу в городе Ньюпорт, которую приютил у себя в доме еврей Кампюрелл и где она находилась до 1742 года. Согласно показаниям бывшего Великого Мастера Великой Ложи Массачусетса Гульда, иудейского исповедания, в документах, происходящих из различных личных архивов, обнаруженных в 1838 году, имеется такой отрывок: «Мы собирались... в доме Мордахая Кампюрелля и производили посвящение во франкмасоны согласно ритуалу Абрахама — Моисея...».

Официально считается, что масонство было основано в 1717 году в Лондоне, когда трое уважаемых граждан Британии собрались в трактире и составили первый катехизис масонства и тем положили начало «пробуждению Английской ложи». На самом деле, под этим событием следует понимать очередную реформу масонства с целью привести его организацию в соответствии с новыми политическими, религиозными и прочими реальностями изменяющегося мира. Указанная дата основания голландскими евреями масонской ложи — 1658 год лишь подтверждает это. Совершенно

очевидно, что еврейские ложи были основаны еще до официального «пробуждения Великой Английской Ложи». Действительно, в Британском Королевстве ложи и собрания подобного рода действовали за много веков до этой даты.

Во времена Эдуарда Третьего (15 в.) масонство уже твердо стояло на Британских островах и получало от королевского дома всевозможные привилегии. А сами члены Королевской династии поголовно состоят в членах франк-масонства. Впоследствии евреи были принимаемы без всяких проблем в американские ложи, включая и ложи высших градусов (Высший Совет шотландского обряда древнего и принятого). Основатели этих лож принадлежали к разным вероисповеданиям и национальностям. Можно назвать имена масонов из числа евреев, к примеру, Соломона Пинто, сефарда испанского происхождения, который был посвящен в ложе Хирама — в Нью-Йорке в 1763 г. и стал мастером в 1765 г. Мозес Сейксас был также венераблем ложи «Царь Давид» в Нью-Йорке (то есть был мастером стула — начальником этой ложи), а затем стал великим мастером лож округа Роод Исланд, Великая Ложа которого была основана в 1792 году. Это именно он произнес Краткую приветственную речь по случаю визита Джорджа Вашингтона в этот округ. Он был младшим сыном одного очень крупного лондонского менялы, Абрахама Сейксаса, который обосновался в Нью-Йорке в начале 18 века. Первый кассир Банка Роод Исланда, он руководил еврейской общиной Ньюпорта.

Затем можно назвать имя Эдвина Марка, который был Великим Мастером Луизианы (1879 -1880). Х. Блюм был Великим Мастером Великой Ложи Миссисипи, а Якоб Ламперт таковой же в Миссури, Н.Н.Вашер — в Техасе, Бевджамин Н. Якоб в Алабаме. Можно также назвать имя Макса Мейерхарта, который был Великим Мастером Великой Ложи Джорджии (в течение семи лет) и одновременно издателем «Масоник Геральд».

Таким образом, евреи с самого основания Соединенных Штатов и первых шагов масонства в Америке заняли ведущие места в масонстве, объединяющем все политически активные силы этой страны.

Франк-масоны основывают Бнай-Брит

Это произошло 13 октября 1843 года в кафе Сэншемер, на мрачной улице квартала Уолл Стрит — Эссанстрит. В этом кафе несколькими евреями, выходцами из Германии, и был основан орден Бнай Брит. Но тогда собравшиеся здесь евреи назвали свою организацию по-немецки «Бундес-Брудер», то есть союзом братьев. Немецкое название было выбрано по той простой причине, что основатели ордена говорили только на немецком и на идиш. Сам выбор кафе евреями объясняется тем фактом, что Лоуэр Вест Сайд был тогда вотчиной еврейских эмигрантов из Германии. Эта дата (1843 год) делает Бнай Брит старейшей из действующих американских ассоциаций. Через 37 лет появится Армия Спасения, через 38 — Красный Крест, через 39 — Рыцари Колумба, через 47 — Дочери Американской Революции и более чем через 70 лет — ле Кивание де Льон Клуб (масонская светская организация — Клуб Львов), ныне быстро распространяющаяся и в нашей стране, среди деятелей культуры и в издательско-журналистской среде, и Американский Легион. Старше Бнай-Брит только франкмасонство и его ответвление — Одд Феллоу. И только в 1859 году была создана важнейшая еврейская ассоциация — Союз Еврейских Американских Конгрегаций, которая реорганизовала синагоги Америки.

В эту эпоху еврейские общины насчитывали едва двадцать пять тысяч членов, и эта цифра, без сомнения, преувеличенная. Самыми первыми в Америке обосновались сефарды — выходцы из стран Западной Европы, по преимуществу из Испании. Но они составляли ничтожное меньшинство среди других групп евреев, прибывших в Америку. Сефарды, давно здесь обосновавшиеся и приобретшие хорошее состояние, смотрели на вновь прибывающую еврейскую голытьбу из стран Восточной Европы с презрением и не желали с ними смешиваться. К концу американской революции их было всего три тысячи семей, из которых две трети проживали в Нью-Йорке.

Среди евреев времен войны за независимость уже были знаменитости вроде Хаима Соломона, польского еврея, крупнейшего банкира и кредитора американской революции.

Эмиграция евреев из стран Восточной Европы и Германии достигла пика в 19 веке. Среди этой волны — будущие известные впоследствии миллионеры: Шиффы, Варбурги, Оппенгеймеры, Гугснхеймы, Леманы и другие. В период с 1830 по 1880 из Германии в Америку эмигрировало около двухсот тысяч евреев. К этому времени «коренные» евреи, сефарды, хорошо устроенные, разделялись по «фамилиям», мало общались между собой и имели в своем распоряжении 34 синагоги. Они презирали прибывающих эмигрантов-ашкенази — и не оказывали им помощи. В те времена еще не существовало филантропических еврейских объединений. Германское еврейское общество Благотворения, созданное в 1844 году и через год слившееся с Бнай-Брит, проблемы не решало. «Шетлы», еврейские общины, были разобщены, даже брак между лицами, принадлежащими к различным еврейским общинам, рассматривался как «смешанный брак».

Назрела потребность создать единую организацию. Были попытки осуществить эту идею раввином Лессером в 1841 году, объединив различные ассоциации и конгрегации в единую федерацию синагог.

Основатель Бнай Брит Генри Джонс тоже опирался на организацию еврейской жизни через синагоги. С одиннадцатью другими выходцами из

Германии он и приступил к созданию самого Ордена Бнай Брит.

Таким образом, еврейские организации быстро оккупировали политический и экономический олимп Америки, создав из Соединенных Штатов Америки государство «под себя».

Значение этой темы определяется значением самой Америки в современном мире. А говорить об Америке, не говоря о роли франк-масонства, это то же самое, что говорить об истории СССР, не упоминая КПСС. Здесь аналогия более полная, чем это может показаться на первый взгляд. И даже не более полная, а просто полная, так как эти организации были созданы по одной схеме и одной и той же головной и всемирной организацией.

Глава третья

БНАЙ-БРИТ. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ. ПЕРВЫЕ ШАГИ ОРДЕНА.

Двенадцать предприимчивых евреев

Основатели ордена не были нищими иммигрантами живущими за счет собственного труда. Генри Джонс был учредителем механической мастерской. Вовлеченный с головой в еврейскую общественную жизнь, он был одновременно и администратором синагоги Анш Шезе и профессором в еврейской школе при синагоге. Впоследствии он занимал положение среди руководителей синагоги Эманю-Эль, Первый секретарь Бнай Брит, затем его второй президент, он был организатором Ассоциации библиотеки имени Маймонид, которая стала главным культурным еврейским центром второй половины 20 века.

Джонас Гехт, был кантором в синагоге Анш Шезе, в которой Генри Джонс был секретарем. Впоследствии Гехт стал кантором в одной из синагог Норфолка.

Валентин Коон сразу же по прибытии в Америку открыл обувной магазин, прежде чем броситься в строительное дело. Первым его предприятием на этом поприще было создание дома престарелых для членов Бнай Брит в Йонкорсе в восьмидесятые годы. Увлеченный политикой, он участвовал в кампании против Южных Штатов и за Союз, и был одним из наиболее ревностных сторонников Линкольна в 1860 году.

Вильям Рено открыл магазин по продаже сигар. В то время, когда Бнай Брит была основана, он занимался организацией Еврейского Общества Колонизации; ассоциации, которая побуждала еврейских иммигрантов обосновываться во внутренних районах Соединенных Штатов и содействовала этому. Занимая положение среди основателей синагоги Эманю-Эль, он отправился в 1850 году в Цинциннати, где существовала уже несколько лет ложа Бнай Брит. Став уважаемым должностным лицом, он бросился в политику и был неоднократно избираем в муниципальные советники Цинциннати.

Исаак Розенбург был ювелиром, Клинг работал в писчебумажном магазине, Гирш Хайнеман владел магазином по торговле позументами, а Мишель Шваб владел универмагом, как и Исаак Диттенхофер. Совершенно ничего не известно о Шефферс и Анспашере.

Двенадцать «братьев» были в течение некоторого времени единственными членами Ордена, собравшими средства (они отдавали половину своего заработка) и подготовившими учреждение первой ложи Бнай Брит, ее ритуала и ее Конституции, полностью написанных по-немецки. И ритуалы, и Конституция были приняты голосованием 21 октября 1843 года, то есть спустя всего одну неделю после первого собрания, на котором решили основать еврейский орден. В этот короткий срок Джонс и Рено подготовили Конституцию, то есть внутренний регламент и ритуал инициации. Всё это они скопировали с ритуалов и руководств масонских организаций.

Ритуал насчитывал шесть степеней, которые сообщали цели и задачи ордена, причем каждый градус был иллюстрирован соответствующими эпизодами из еврейской истории для того, чтобы дать элементарные познания «братьям», которые у большинства новых членов были незначительными.

Было решено, что местом расположения штаб-квартиры ордена станет Нью-Йорк (в 1910 году орден переедет в другое место). Все членские взносы и все расходы были тщательно определены, как это имеет место в масонской традиции: стоимость, к примеру, хартии об основании ложи была оценена в двадцать долларов, церемония посвящения оценивалась в пять долларов, членские взносы колебались от одного до шести долларов в зависимости от финансовых возможностей членов ордена. Место расположения первой Ложи было выбрано таким образом, чтобы достаточно ясно показать масонские начала Бнай Брит, и потому таким местом не могла быть зала в синагоге, задняя комната таверны или какой-нибудь муниципальный зал, но именно масонский храм. Церемония открытия ложи происходила 12 ноября 1843 года и началась в 20 часов.

Проникнутые чувством торжественности, организаторы провели в первый раз впечатляющую церемонию, предписанную ритуалом, которая должна была пленить воображение всех присутствующих.

Если Генри Джонс был лишь временным президентом ордена, то это потому, что он предпочитал оставаться за кулисами и потому принял на себя

должность секретаря, а пост президента выпал на долю Исаака Диттенхофера, имевшего в помощниках Рейбана Родашера (вице-президент), Самуэля Шеффера (первый капеллан) и Исаака Розенбурга (второй капеллан).

Преамбула Устава Бнай Брит полностью инспирирована масонством, но, конечно, с иудейской специфичностью. Текст этой преамбулы фактически не изменялся, за исключением некоторых незначительных модификаций, допущенных в последующее время. Вот начало этой преамбулы: «Орден Бнай Брит берет на себя миссию объединять израилитов (вместо «израилитов» в последующем стали писать «лица иудейского исповедания») с целью осуществления их высших интересов, также как и общечеловеческих, а также для того, чтобы развивать и поднимать нравственные качества еврейского народа и в духе его верования, внушать самые чистые принципы филантропии, чести и патриотизма, чтобы содействовать наукам и искусствам, помогать в их нуждах беднякам и всем нуждающимся, посещать и поддерживать больных, приходить на помощь жертвам преследований, давать защиту и предоставлять помощь вдовам и сиротам, основывая свою деятельность на принципах гуманизма в самом широком смысле этого слова». Итак, «гуманизм», но для своих.

Основатели, полагая, что еврейская организация должна иметь и еврейское название, которое было бы для профанов, неевреев, не очень понятным и, напротив, смысл которого был бы совершенно очевидным для евреев, сохранили инициалы ББ, но изменили название ордена: вместо немецкого Бундесбрудер (Братья Союза) орден стал называться Бнай Брит (Сыновья Союза, Завета). Бнай Брит, на идиш — Бне Брисс, и именно под этим наименованием он и известен в Германии. По-сефардски орден известен как Бени Берит. Сочетание слов происходит от слова «бен» — сын, ребенок, но также и государь, владыка, ученик, последователь, община; и слова Берит — кусок жертвенного ритуального животного. Но затем постепенно это слово приобрело значение союз, завет, обещание, обязательство. И потому эти слова — Бен Берит, Бнай Брит, Бне Брисс — могут в одинаковой мере переводиться словами: либо Сыновья Союза, Сыновья Завета, или как Дети Завета, Союза, Обладатели Завета и так далее. До 1850 года все работы в Ордене продолжали происходить на немецком языке. Орден принимал различные девизы: Братская любовь. Согласие, Гармония, Благосклонность. В качестве символа Ордена был принят семисвечник — на втором собрании Ордена, поскольку он символизирует свет».

До 1868 года Бнай Брит постоянно использовал религиозные еврейские термины: Президент был Великий Нази Абх, вице-президент назывался также Великий Алеф, секретарь — Великий Софер и так далее. Такая религиозная укорененность имеет совершенно очевидный смысл, как об этом говорят постоянно сами руководители ордена, — название его Бнай Брит должно «вызывать в памяти тот исключительный момент в истории еврейского народа, когда их предки находились у подножия горы Хорив (Синай) и услышали весть: «Вы должны быть для меня царством священников, народом святым.» «Для всего мира, ради его спасения и ради достоинства Израиля», нужно действовать таким образом, чтобы возвышенная цель ордена ясно понималась.» Бнай Брит обращается к своим первоистокам и помнит, что имелось два Завета, два Союза, два Альянса, очень существенных в религии «избранного народа», а именно Завет Бога с Авраамом и Исааком, Союз, заключенный Им с ними, и Завет, Союз, заключенный с Моисеем на Синае, запечатленный в огненном пламени через «жертву Господу о спасении» (Левит IV, V и следующие), «жертву всесожжения, кровь которой есть как «кровь Завета». Еще и после 1868 года большое число принятых изначально наименований, сохранялось в недрах той же ложи, основанной в 1843 году и ставшей первой ложей Бнай Брит.

Организация для избранных

Генри Джонс рано понял необходимость создания крепкого союза еврейских американских обществ, как и необходимость социальной организации вновь прибывающих евреев и всяческой их поддержке на новом месте. Он сочетал иудейские религиозные принципы с принципами взаимопомощи, принципами масонства и воспитания. Джонс знал, что в европейских гетто наиболее способным удавалось вырваться, освободиться от уз гетто и отправиться в Америку, он также знал, что по этой причине он сможет отобрать среди иммигрантов лучших представителей, чтобы организовать необходимую элиту для новой роли, которую должен был играть американский иудаизм, а именно, наследовать новую «землю обетованную», начинавшую играть мало-помалу значительную роль в мире. Второй параграф регламента говорит следующее: «Наш орден учреждается для осуществления задачи объединения евреев с целью реализации их самых возвышенных интересов и для блага человечества». «Братья должны служить светом, маяком для всего человечества, — писал один ответственный чиновник ордена в стиле мессианства. — С самых отдаленных времен, когда суеверия и невежество еще покрывали своим мраком нашу замечательную землю, дети Израиля несли свет повсюду, где они жили... Израиль был божественным посредником, который провозгласил свободу всем странам и всем их жителям... Его последователи глубоко прониклись словом отца нашего Авраама, которое через Авраама дано нам всем, и это слово стало благословением не только для наших собственных братьев, но и благословением для всех народов вообще».

Центральной идеей основателей Бнай Брит было объединение всех «Сынов Завета», т.е. евреев. Все остальные идеи были подчинены решительным образом этому объединению. Область его влияния на этом этапе была

сознательно ограничена Америкой, и целью ордена было поддерживать религиозные представления на самом высоком уровне среди американских евреев, а также содействовать подъему уровня еврейских широких масс в направлении морали и в интеллектуальной сфере, пуская в ход специфически масонские средства.

В то же время Деборах Даш Моор в своей книге о Бнай Брит объясняет происхождение ордена специфической необходимостью: «Поскольку евреи, родившийся в Соединенных Штатах, были слишком американизированы и недостаточно были евреями, еврейская община, давно уже обустроившаяся в Америке, была неспособна интегрировать еврейских иммигрантов. И именно это обстоятельство стимулировало творческую активность вновь прибывших.»

Расширение сети лож. Политическое давление на правительство.

11 февраля 1844 года была учреждена вторая ложа ордена Бнай Брит Исааком Розенбургом под именем Ложи Сиона. Затем наступила очередь третьей ложи — Ложи Иерусалима № 3 в Балтиморе. Это произошло в конце 1844 года, а пять лет позднее была учреждена и четвертая, Ложа Бетеля № 4 в Цинциннати (первая по преимуществу англоязычная). Двенадцать лож начали функционировать в ближайшие годы, причем более половины из них в Нью-Йорке (ложа Хеврона, ложа Эммануэля и др.). Точно так же, как и первая ложа, они собирались в масонском храме, где франкмасоны имели обыкновение организовывать свои собрания.

В 1851 году орден насчитывал 12 лож и 1202 члена; к 1855 году имелось уже 20 лож и 2218 членов. В 1865 году орден включал 66 лож и 5831 «члена», располагая бюджетом в 267341 доллар (по тогдашним понятиям немалые средства). В следующие годы число членов быстро росло: в 1875 их было 17800, в 1876 - 19200, в 1877 - 20113 и в 1878 году -21480.

Успех покоился главным образом на центральной идее основателей ордена. Во всём оставаясь «бастионом против секуляризации еврейской жизни», Бнай Брит точно также, как и традиционное масонство, отказалось от какого бы то ни было риска вызвать среди своих членов теологические несогласия, которые никогда не прекращались между еврейскими сообществами. Поставив себя по ту сторону партий и конгрегаций, Бнай Брит быстро становилась центром всех еврейских дел и местом встречи, где могли встретиться ортодоксальные евреи и реформаторы, ашкенази и сефарды. Именно это и объясняет, что направление деятельности было в широком смысле и не ортодоксальным и нереформистским. Одновременно влияние Бнай Брит было усилено в еврейском обществе созданием большого числа реформистских и либеральных синагог и конгрегаций новопринятыми в Бнай Брит. К тому же, к концу 40-х годов в Соединенные Штаты прибыли революционные либералы-евреи, вынужденные эмигрировать после революции 1848 года. Большое число между ними присоединились к Бнай Брит, такие как венец Исидор Буш, основатель первого еврейского журнала на немецком языке в Соединенных Штатах «Израэль Геральд». Он принадлежал к той же категории иммигрантов, называемых «сорокадесятниками», что и воинствующие евреи революционеры из Европы: Фердинанд Лассаль, раввин Мозес Гесс, раввин Давид Эйхорн и др.

В 1851 году Бнай Брит, будучи уже достаточно влиятельной силой в отношении американского конгресса, смогла развязать энергичную кампанию, проводимую через многочисленных сенаторов, против мер, расцененных как дискриминационные в отношении еврейских учреждений в некоторых кантонах Швейцарии. Отказ швейцарских властей от этих мер был условием подписания торгового договора между Соединенными Штатами и Швейцарией. Кампания продолжалась до 1857 года и закончилась неудачей. Во главе этой кампании стояли Сигизмунд Ватерман, будущий президент ордена и Давид Эйхорн, со своим журналом «Синай».

Именно Эйхорн, этот раввин-революционер, увеличил масонское идейное влияние на Бнай Брит, приняв более полный масонский ритуал.

С 1881 года, когда началась третья значительная волна еврейской эмиграции из Восточной Европы (Польши, Румынии, России и пр.), начался и новый подъем могущества Бнай Брит. Статистика показывает, что с 1790 по 1840 годы количество американцев увеличилось с 4 до 17 миллионов, то есть на 325% за пятьдесят лет. В течение того же периода численность евреев возросла с 300 до 15000, или, иначе говоря, увеличилась на 400%. Таким образом, в течение иммиграции испанских евреев, оба показателя были вполне сопоставимы (325% и 400%). В течение последующих сорока лет всё изменилось. В то время как общая численность американцев выросла с 15 до 50 миллионов, то есть возросла немногим более, чем на 200%, численность за это же время евреев выросла с 15 000 до 250 000, то есть, на 1400%. И, наконец, в следующие годы, с 1880 по 1920, цифра обшей численности американцев возросла с 50 до 106 миллионов, то есть на 112%, а численность евреев — с 250000 до 3 500 000 человек, то есть на 1300%. Таким образом, в течение иммиграции «русских» евреев, численность евреев в Америке увеличилась в четырнадцать раз. Эта новая иммиграция из Восточной Европы поначалу вовсе не интересовала Бнай Брит, которая считала доминирующими немецких, а не польских или «русских» евреев. Но мало-помалу вместе с интеграцией евреев в средний класс, выходцы из Восточной Европы стали присоединяться к ордену, хотя в первое время были вынуждены создавать собственные организации, вроде Рабочего кружка. В целом в 1900 году численность американских евреев достигла 1 миллиона человек, что составляло 9,1% всех евреев в мире, а в 1939 году их было в Соединенных Штатах 4,9 миллиона, или 29,3% общей численности евреев в мире, а в 1945 году — 5,2 миллиона.

Филантропическая деятельность Бнай Брит

Сила и способность к выживанию ордена всегда покоились на его удивительной способности к принятию программ в зависимости от неожиданных изменений в каждом новом поколении евреев. Как об этом пишет Роберт Кеннеди, брат президента Джона Кеннеди, «Бнай Брит не пренебрегала и никогда не оставляла в стороне ни одного аспекта просветительского влияния на человека». Вот почему в Соединенных Штатах главный акцент делался на филантропическую деятельность с целью компенсировать потерю социальных преимуществ гетто в результате эмансипации. Орден всегда играл двойную роль: с одной стороны Орден тратил большие силы, чтобы американизировать прибывающих в Америку евреев, а с другой — вновь иудаизировать американских евреев. Начиная с 1881 года, когда массовая иммиграция выходцев из Восточной Европы была особенно внушительной, Бнай Брит значительно умножила число школ в еврейских общинах, число приютов, домов для престарелых и т.д.

В 1925 году была создана Алеф Цадик Алеф (АЦА), которая объединила молодежь Бнай Брит между 16 и 21 годом (сегодня в нее входит примерно от 35 000 до 40 000 молодых людей). Кроме того, были построены монумент религиозной свободе в Вермонте, еврейский госпиталь для туберкулезных больных в Денвере, еврейский приют Кливленда, дом для престарелых и немощных в Йонкерсе, сиротский дом в Эри, Центр сирот и евреек-вдов в Новом Орлеане, госпиталь памяти Лео Н. Леви в Хет Спрингсе, а также сиротский еврейский центр в Атланте.

По некоторым сюжетам были проводимы кампании (особенно в связи с вопросом о Палестине), совместно с Всемирным Израильским Союзом, основанным в 1863 году Исааком Адольфом Кремье, высокопоставленным чиновником французского масонства (он был Верховным Великим Командором Высшего Совета для Франции, Великим мастером древнего Шотландского ритуала), а также с фондом барона Гирша.

Этот фонд положил основание новому направлению в своей деятельности, создав специальное отделение с целью облегчения перемещения евреев, уже обосновавшихся в городах Востока, особенно в Нью-Йорке, в остальные Штаты. В первый же год создания этого отделения, благодаря Бнай Брит, около 200 евреев, обосновались в новых районах Соединенных Штатов. Спустя пятнадцать лет уже 100 000 евреев расселились благодаря фонду и Бнай Брит по всей стране.

Бнай Брит в Голливуде

Для того, чтобы продемонстрировать значительность Бнай Брит в социальной сфере Соединенных Штатов, лучше всего это сделать на примере такой специфической области, как кинематограф. В тридцатые годы Бнай Брит создал «профессиональную ложу» в секторе, где орден располагал достаточным влиянием или хотел располагать таковым. В 1927 году Бнай Брит в этих целях подписал соглашение с главным синдикатом по производству и прокату американских фильмов «Мосьон Пиктюр Энд Дистрибьютор оф Америка». Предлогом для такого соглашения стал фильм «Король королей» Сесиля Б. Де Милля, который рассказывал о жизни Иисуса. Альфред Коген, бывший в это время президентом Бнай Брит, достиг кинематографической известности тем, что он «поправил» различные места и изменил различные сцены с тем, чтобы «исправить» «вымысел» евангельского текста и, в частности, место о страданиях Христа, с тем, чтоб полностью выгородить евреев и снять с них ответственность за страдания и казнь Христа.

Он добился также и того, чтобы фильм не был распространяем в европейских странах или в обществах, в которых приговор Христу, вынесенный Советом мудрецов Израиля, мог бы вызвать антиеврейские чувства.

Бнай Брит быстро создал по образу других масонских организаций свое собственное «Кинематографическое Братство», которое реорганизовало ряды «братьев» в этой специальности, от актеров до кинорежиссеров, от производителя до прокатчиков фильмов, от сценаристов до техников. Высший свет кинематографа нашел себе место в рядах реорганизованного масонского братства по указанию Бнай Брит, как, например, такие влиятельные лица, как Альфред Швальберг, президент Парамон Пиктюр, Барней Бапабан, президент фирмы Парамон, или Гарри Гольберг, президент Варнер Бразер. В 1925 — 1935 годы это братство стало уже настолько могущественным, что Вилли Хейс, известный под именем «царь кинематографа», пригласил президента Бнай Брит, юриста Альфреда М. Когена, в студию по производству фильмов в Нью-Йорке для того, чтобы наблюдать за прохождением всех сценариев, имеющих большее или меньшее отношение к еврейской теме.

Эта кинематографическая ложа была зарегистрирована при Бнай Брит 16 ноября 1939 под номером 1366. В это время в нее входило около ста пятидесяти «братьев»-основателей. Благодаря влиянию Швальберга, ложа численно быстро росла, и через сорок лет в ней уже состояло более 1600 «братьев» — актеры, кинопрокатчики, сценаристы, производители, которые осуществляли значительное влияние на фильмы этой эпохи и, особенно, во время Второй Мировой войны. В шестидесятые годы ложа потеряла свою значимость вследствие того, что она была слишком закрыта для других. В 1974 году новый председатель Герберт Морган изменил ее в ложу смешанного типа, и она получила название «Синема Унит 6000». И ложа вновь обрела былую силу. В 1977 году ее капитул слился с ложей Радио-Телевизионной, чтобы

стать современной «Синема-Радио-ТУ Унит 6000», которая реорганизовала всех влиятельных членов Бнай Брит в области медиа, зрелищ и кинематографа, включая сюда и критиков в области киноискусства. Как об этом говорит один из ее бывших председателей Тед Лазарус, эта ложа дала своим членам «основание для идентификации своего иудейства с профессиональной деятельностью».

На благотворительных вечерах Бнай Брит или в рекламных концертах его филиала, Анти-Диффамационной Лиги (АДЛ), предназначенных для сбора средств, принимали участие знаменитые актеры, члены «Ложи 6000» или Анти-Диффамационной Лиги, как, например, Ларри Хатман, который исполнял роль Эвингса в знаменитой серии «Даллас». Играя роль, Хатман требовал от телезрителя остерегаться в своей жизни «злодеев» и оказывать помощь «добрым» (то есть АДЛ) выиграть бой. Можно также сослаться на героя серии Хукер Вильяма Шатнера, экс-капитана Кирка из «Стар Трек», или на Леонарда Нимрода, знаменитого месье Спока из «звездных войн».

В 1946 году специализированные филиалы Бнай Брит, АДЛ, распространили свои ежедневные программы на 216 радиоканалов. Эта цифра сегодня может быть, по меньшей мере, вдвое увеличена. Знаменательно, что президентом АДЛ в шестидесятые годы был Дор Шери, знаменитый сценарист и продюсер Голливуда. С 1983 года ряд премий имени Дора Шери «за установление связей между людьми» ежегодно вручается Анти-Диффамационной Лигой.

При случае АДЛ и Бнай Брит разворачивают мощные кампании, как во время распространения по каналам медиа Соединенных Штатов «документальной» драмы «Холокост», в которой выдумка смешана с исторической реальностью, причем нет никакой возможности отделить одно от другого. С 16 по 19 апреля 1978 года фильм должны были посмотреть более 120 миллионов американцев. Бнай Брит послала в Сенат и в Палату Представителей» полный текст сценария и дополнительно распространяла сценарий в количестве одиннадцати миллионов экземпляров главным образом возле школ. «Руководство для зрителя Холокоста» было распространено по каналам Н.Б.С., в союзе с Еврейским Американским Комитетом, контролируемым Бнай Брит.

Глава четвертая

НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Все нееврei — «антисемиты»

Итак, Орден установил полный контроль над средствами массовой информации США. В этих структурах были созданы свои масонские еврейские ложи, включавшие кинорежиссеров, продюсеров, актеров, сценаристов, телекомментаторов и прочее, и прочее, включая и технических работников. Бнай-Брит стала инициатором создания новых жанров на телевидении и в кино. Особая роль евреев в мировой «перестройке» подчеркивалась в разработке легенды о Холокосте, то есть об особых, отличных от других народов, страданиях еврейского народа в годы Второй Мировой войны. В этой легенде причудливо отразился миф фюрерства, как особого явления XX века. Его смысл, как известно, сводится к тому, что фюрер никогда не ошибается, он точно знает, что надо делать, и если его планам не суждено сбыться, то в этом виноват народ, оказавшийся недостойным своего вождя. В легенде о Холокосте, об особых страданиях еврейского народа, сказалась та же мысль. Евреев, носителей прогресса, идей свободы, равенства и, конечно же, братства, не любят практически все народы мира. Все они — явные или тайные антисемиты. Вождь — еврейский народ, как коллективная личность, носитель святости, чист перед человечеством, но окружающие народы его просто недостойны. Все-то они норовят вильнуть в сторону от прогресса. В развязывании Второй Мировой войны виноваты немецкий народ и русский, возглавляемый «противным» Сталиным. Немножечко и другие народы, а за всех за них вынужден страдать святой «избранный народ» — евреи. У него и страдания особые, не такие, как у других людей. Да и само уравнивание евреев и их страданий с таковыми других народов уже есть проявление антисемитизма. И это не ирония, но именно так и пишется в книгах по иудаизму, как религии «избранного» и «святого» народа.

Нелишне пояснить при этом, что сам термин «антисемитизм» был введен в употребление Вильгельмом Маррой, немецким евреем, взамен другого понятия — «юденхаст», которое означало ненависть именно к еврею, а не к идеологии иудаизма и к проповедуемой им морали и культурных ценностей. Термин «антисемитизм» был введен Маррой в семидесятые годы прошлого века, чтобы им обозначать неприятие идеологии иудаизма во всех его видах и проявлениях. Однако вскоре произошла подмена содержания понятия этого термина и снова под «антисемитизмом» стали подразумевать якобы врожденную всем народам ненависть к еврею, как личности, независимо от его качеств, морали, форм

поведения, идей, им проповедуемых и так далее и так далее. Считается, таким образом, что никаких безобразии от еврея исходить не может, никакого хамства, никакой эксплуатации других народов, никакой агрессии в области культуры. Этакая врожденная зоологическая ненависть, инстинкт, бороться с которым и призвано путем воспитания своих членов масонство как таковое и, в том числе, чисто еврейский масонский орден Бнай-Брит, вышедший, как об этом сказано ранее, из общего «шотландского» масонства Америки. Впрочем, «антисемитизм» в иудаизме имеет онтологическое значение.

Бнай-Брит во Франции

Бнай-Брит постепенно обосновался в Европе, и его главные задачи сосредоточились в области идеологии, включая средства информации, систему образования, педагогику, издательское дело. Первой страной, где широко утвердился в этой сфере орден, стала Франция. Здесь еще в 1882 году была основана европейская Антидиффамационная Лига, которая тут же вступила в связь с Еврейским Педагогическим Центром в Париже. И вскоре были подготовлены для французских общеобразовательных школ специальные аудиовизуальные программы, подспудно внушавшие миф о высшей расе, «избранном» народе, у которого даже страдания особые и который ненавидим «реакционерами» именно за свою святость и безгрешность.

Бнай-Брит и американские интересы

Результаты влияния на политической арене Европы ордена Бнай-Брит уже и в тридцатые годы были впечатляющими. Член Ордена Поль Гудман объяснял в 1936 году, что это возрастающее влияние основывалось на принципах гуманизма и справедливости, «которые Бнай-Брит оказался способным осуществить и через американские дипломатические правительственные каналы, оказывая давление в благоприятном для еврейских интересов направлении и помогая евреям, преследуемым в России, Румынии, Германии и других странах». Совместно с Всемирным Израильским Альянсом и другими еврейскими и интернациональными ассоциациями Бнай-Брит с тридцатых годов стал «признанным представителем еврейских американских интересов и организацией, пользующейся особым доверием и поддержкой американского правительства в деле покровительства еврейских интересов во всем мире». В США проживают, как известно, различные народы, но ни один из них не имеет своей всемирной организации, призванной защищать только его собственные интересы.

Любая организация подобного рода сразу была бы изобличена демократическими властями и прессой, как фашистская и националистическая, тем более, что в США считается, что есть только американцы, но нет национальной принадлежности в этой стране. Там все — американцы. Так или иначе, но успехи Бнай-Брит в его влиянии на американское правительство в деле защиты именно еврейских интересов и ничьих других достаточно впечатляющи. Впрочем, еще молодой Маркс писал о том, что эта страна целиком подчинена еврейству. Попутно отметим еще и тот факт, что и в СССР интересы еврейства законодательно были идентифицированы с большевистским режимом, когда в 1918 году специальным декретом антисемитизм был приравнен к контрреволюционной деятельности, а затем, уже при Сталине, за любое проявление антисемитизма, в том числе за употребление слова «жид» полагалось тюремное заключение до 10 лет. За одно слово! (За слова «хохол», или «кацап» в тюрьму не сажали — ред.). Таким образом, две огромные страны оказались полностью захваченными еврейством и стали выражать в своей идеологии иудейские начала, а русские и другие коренные народы России теряют свои «русскую подлинность» и российскую. И если это не моральный террор, то что еще? Политический и экономический?..

Бнай Брит в Румынии

Чтобы продемонстрировать влияние Бнай Брит на международную политику, можно посмотреть на некоторые ключевые фигуры в его рядах. Таковой является, к примеру, некто Бейджамин Пейксото. Он родился в Нью-Йорке в 1834 году в знаменитой еврейской семье, по происхождению сефардской, то есть выходцев из Испании. Пейксото рано принял участие в политической борьбе в США. Он принимает участие в президентских избирательных кампаниях и рано становится членом Бнай-Брит. В 29 лет он становится Великим Сааром в этом ордене, то есть Великим секретарем Бнай Брит. В шестидесятые годы XIX века еврейские националисты были обеспокоены положением евреев в Румынии. В целях экономии правительство Улисса Гранта отказывается учредить должность консула в этой стране, без чего защищать еврейские интересы здесь было затруднительно. Тогда Бнай Брит берет на себя финансовую сторону дела, и США учреждают здесь свое консульство. Консулом становится Пейксото, а зарплату ему платит Бнай Брит. Так в одно целое слились еврейские и американские интересы. Бнай Брит оказался на границе с Россией.

Конечно, Пейксото не сидел сложа руки, и в 1872 году основал здесь Братство Сиона. Несколько позднее он принимает участие в Берлинском Конгрессе в 1878 году, подведшим итог Русско-турецкой Балканской войне, на котором была провозглашена независимость Румынии благодаря и усилиям Дизраэли, первого английского премьера, по происхождению еврея. Ему активно помогал на этом конгрессе и Пейксото, и лорд Бальфур. ставший затем министром иностранных дел Англии не без помощи франкмасонов. И именно

этот Бальфур, начавший свое восхождение со времени сотрудничества с Дизраэли и Пейксото, на Берлинском конгрессе, в ноябре 1917 года во время большевистского переворота в России провозгласил создание Еврейского национального очага в Палестине, с чего началось создание государства Израиль. В декларацию независимости Румынии Пейксото включил пожалование евреям в этой стране всех гражданских прав и политических впридачу. Таким образом, деньги, потраченные на содержание консула в Румынии, не пропали даром.

Что же касается детища Пейксото — Братства Сиона, то оно было преобразовано в Великую Ложу Сиона № 9 в 1888 году. В следующем году она становится во главе 9-го округа, каковым стала считаться по-бнай-бритовски Румыния. В это же время Пейксото создал по инициативе Бнай Брит Ассоциацию румынских евреев. Как мы видим, яростно борясь с национальными объединениями других народов, в первую очередь Русского, кляня как врагов цивилизации и культуры, защитников Православия в лице Союза Русского Народа, еврейские лидеры тратят огромные средства и силы на отстаивание еврейско-иудаистских интересов во всем мире. Что касается Румынии, то эта еврейская Ассоциация быстро стала возрастать в числе. В 1927 году еврейские масонские организации насчитывали здесь 1750 «братьев» в 15 ложах.

Затем этот неутомимый Пейксото стал консулом США во Франции, в Лионе. И везде под звездно-полосатым флагом США мы видим еврейскую националистическую и одновременно-масонскую организацию. В июле 1886 года Пейксото основал первый журнал Бнай Брит под названием «Менорах» (семисвечник), который имел подзаголовок: «официальный орган Бнай Брит». Название журнала затем не раз менялось, но он выходит и поныне. Как ни был предан еврейским интересам Пейксото, как ни был он могущественен, но и он в конце концов благополучно умер, и это произошло в 1890 году.

Бнай Брит и организация революции в России

Деятельность еврейских националистических и масонских организаций, включая Бнай Брит со всеми его пейксотами и шиффами, самым тесным образом связана с Россией, где проживала самая большая часть еврейского народа, неисчерпаемый резервуар для революций, «перестроек», «великих строек» всевозможных пятилеток, ГПУ-ЧК и прочих великих дел XX столетия, и не менее великих организаций, вроде «русского большевизма».

Заботы о еврейских интересах во всем мире предполагают, понятно, вмешательство во внутренние дела других стран и нарушение их суверенитета. То, что такое вмешательство может вызывать раздражение другой страны, заранее предполагалось, и потому заранее предполагалась возможность свержения того правительства и того политического режима, которые окажутся неподатливыми к еврейскому националистическому влиянию. Так, собственно, и шла борьба за мировое господство иудаизма в мире: медленно и неуклонно.

На этом пути были и заурядные события, как выражение «беспокойства» президента Теодора Рузвельта по поводу событий в Кишиневе в 1903 году в связи с произошедшими здесь столкновениями молдаван и русских с евреями. Результатом такого «беспокойства» стало предоставление «жертвам» кишиневских событий, то есть евреям, «пострадавшим» здесь, 50 000 долларов через комитет, созданный еврейскими националистами и членами Бнай Брит Штрауссом и Сульцбергером. По сведениям Русской печати того времени эти деньги пошли на вооружение в России еврейских террористов, называемых «отрядами еврейской самообороны», и активных участников всей псевдорусской революции. В этом смысле можно сказать, что если бы не было даже кишиневского погрома, то его надо было бы в интересах разрушения Русского государства выдумать. Как и другие погромы, провоцируемые еврейскими националистами в России повсеместно в следующие годы путем организации уличных беспорядков и оскорбления русских святынь. Эти события были названы революцией.

1905 год был отмечен переговорами американского правительства с Царским правительством по поводу снятия всех ограничений прав евреев на территории Российской Империи. В этом же году проводится обширная кампания против торгового американо-русского договора 1832 г. и идет активное финансирование военной машины Японии в ее войне с Россией через все того же неутомимого в своем гуманизме Якова Шиффа [6], видного члена Бнай Брит, мечтающего развязать в России массовое кровопролитие — гражданскую войну в целях свержения Самодержавия и установления строя, при котором иудаизм и его носители чувствовали бы себя хозяевами.

В войне 1914-1918 годов Бнай Брит принимает вместе с другими еврейскими организациями самое активное участие. В это время создается и Соединенный Распределительный Комитет для оказания материальной помощи евреям, так или иначе пострадавшим от войны. Понятно, что под видом такой помощи можно было активным образом вмешиваться во внутренние дела других стран и влиять на их политику. В это же время создается Еврейский Американский Конгресс, и представители Бнай Брит принимают участие в Версальских переговорах и, тем самым, несут ответственность за условия капитуляции Германии, ставшие одной из причин развязывания и Второй Мировой войны. Германия, как известно, была версальским мирным договором донельзя унижена и ограблена, и это

[6] См. Энгель В.В. «Еврейский» вопрос в русско-американских отношениях. М. «Наука» 1998 г.

унижение чувствовалось каждым немцем. В эти же годы шло и финансирование революции в России.

Взяв власть в США, иудейство теперь выступает под ширмой государственных интересов этой искусственно созданной страны. В 1903 году президент Теодор Рузвельт подготовил совместно с Леоном Леви, Великим Президентом Международного ордена Бнай Брит, письмо протеста Русскому Царю по поводу кишиневского погрома (19 апреля 1903 года). Письмо протеста было передано через секретаря Соединенных Штатов Джона Хея вместе с петицией, подписанной 30 тысячами членов Бнай Брит, или теми, кто был близок этой организации. Николай Второй отказался принять эту петицию.

Вслед за тем Царь, ввиду того, что именно евреи стояли во главе революции в России, и были ее главной идейной и материальной силой, принял решение подвергнуть иностранных евреев, въезжающих в страну, особому паспортному режиму с тем, чтобы облегчить наблюдение за их деятельностью. Большинство иностранцев-евреев приезжали к нам как раз как профессиональные революционеры. Надо ли говорить, что тут все еврейские националистические и масонские организации принялись кричать о нарушении «прав человека» и о «гнусном царизме». Бнай Брит потребовала отмены этого решения от Русского Самодержца, ...но, конечно, не сама от себя. Она выпустила на политическую сцену некого Генри Мейера Гольдфольга, великого президента 1-го Округа в масонском делении США на округа, и по совместительству — судью и представителя от штата Нью-Йорк в Палате Представителей. Страдалец за «права человека» Теодор Рузвельт, масон, член ложи Магинекок № 806, самым теплым образом принял делегацию Бнай Брит в лице все тех же знакомых нам Лео, Наполеона Леви и Сульцбергера и заявил, что весь цивилизованный мир возмущен действием Русского Царя, и что он примет все меры к устранению несправедливости в отношении достойнейшей из достойнейших рас — евреев. Однако, несмотря на все дипломатическое давление. Царь и Самодержец Всероссийский отказался принять делегацию Бнай Брит.

Русско-японская война закончилась летом 1905 года переговорами в Портсмуте, в США. Здесь премьер-министр Витте принял делегацию Бнай Брит, которая потребовала отменить все ограничения, касающиеся евреев. Еврейские лидеры заявили, что в революции участвует незначительное меньшинство еврейского народа, в то время как большинство совершенно лояльны к Самодержавию и Российским законам, несмотря на все притеснения, которым они подвергаются. Член делегации Бнай Брит, Краус, бывший в то время главой ордена, заявил, что если Царь не хочет дать евреям все требуемые ими права, то тогда революция утвердит республику, которая и дарует все права евреям. И надо отметить, что в числе делегации был и Яков Шифф, финансировавший японцев во время войны.

Трудно понять логику Николая Второго, когда он направлял на переговоры с японцами именно графа Витте, а не кого другого. Граф, ставший графом именно за результаты своих переговоров с японцами, — это горячий поклонник еврейского племени, был женат на еврейке. Русские газеты писали, что он и сам полуеврей. А Лев Тихомиров в своих дневниках прямо называет Витте «одесским полужидом». Странность такого назначения заключалась и в том, что, несмотря на то, что японцев солидно финансировал Шифф, экономика их в последние месяцы военных действий была накануне краха, и в момент портсмутских переговоров в Японии разразился страшнейший экономический кризис. О том, что состояние экономики японцев находится накануне краха, писали все русские и зарубежные газеты.

В отличие от России, Япония уже не в состоянии была вести войну. Что касается России, то для нее успех в войне был крайне необходим для предотвращения революционной смуты. Поражение же России было на руку революционерам для дискредитации Русской государственности. К моменту начала переговоров Россия только еще разворачивала свои воинские контингента в связи с трудностью доставки войск и снаряжения из центральной России по еще строившейся железной дороге. Именно японцам нужен был мирный договор, а не России. Любопытно, что в 1908 г. сам Николай II говорил, что Витте его обманул, что Портсмутский мир — ошибка, т.к. «мы в сущности уже победили японцев и только (заключенный) мир помешал доказать эту победу ясно» (Толстой И.И. Дневник. 1906-1916 гг., М. 1997 г. с. 182).

Так или иначе, но делегация Бнай Брит встретилась с представителем Царя графом Витте, а через одиннадцать лет ее члены издевательски вспоминали, что этот знаменитый дипломат и государственный муж граф Витте предрекал еще минимум сто лет царствования Дома Романовых, но правы оказались они, евреи из Бнай Брит, и красная революция уничтожила одних и разметала других Романовых по свету.

По сообщению корреспондента петербургской газеты «Новое время» М. А. Горячковской, по всей Америке создавались с 1905 года всевозможные комитеты и всякие клубы по сбору денег на дело революции в России, куда входили, в первую очередь, богатые люди Америки. Со свойственной ей рыхлостью и безволием российская администрация безразлично смотрела на вояжи российских подданных, включая П.Милюкова, А.М.Горького и других, которые открыто собирали средства на революцию путем антирусской агитации в Америке. Челночные поездки с этой целью в указанные предреволюционные годы стали чем-то обычным. По этому поводу Горячковская написала и отдельную книгу «Антирусская агитация в Америке» (СПб, 1908).

Среди главных финансистов большевистской революции значится, как уже говорилось, Яков Шифф, член Бнай Брит, который начал свою карьеру в доме Ротшильдов, будучи соседом их по Франкфурту-на-Майне. Впоследствии он стал главным представителем Ротшильдов в США и в 1875 организовал знаменитый банк «Кун, Лейб и компания». Он был крупным финансовым аферистом и постепенно приобрел громадное состояние. Умер Шифф в 1920 году. На его дочери Фриде был женат другой известный банкир и «спонсор» большевистской революции Феликс Варбург, тоже член Бнай Брит.

В эти же предреволюционные для России годы в США президентствовал Вильям Тафт, который все свои заботы направлял в сторону защиты еврейских интересов, как их понимает Бнай Брит. Сам он происходил из семьи каких-то сектантов-унитариев, и когда не было во время службы своего пастора, то его замещал никто иной, как местный раввин. С великим подобострастием Тафт рассказывал об этом в штаб-квартире Бнай Брит, которую он часто посещал. В свою очередь, и Бнай Брит не скупилась на награды мистеру Тафту за его покорность и холуйство.

Когда произошла февральская революция, то, как известно, американские масоны, как и масоны других стран, с радостью приветствовали Временное правительство. Вот таких «союзников», как еврейская Америка, имела Россия в Первую Мировую войну.

Вскоре, как мы увидим, Бнай Брит устами своего официального органа, журнала «Бнай Брит магазин», будет радостно сообщать читателям об успехах еврейского дела в большевистской России.

Глава пятая

БНАЙ БРИТ И КОММУНИЗМ

Евреи требуют все больше прав и готовят боевиков к революции

Руководство Ордена Бнай Брит, как и другие международные еврейские организации (вроде Всемирного Альянса со штаб-квартирами в Париже), принимали со второй половины XIX века и до самого февральского переворота самое активное участие в давлении на Верховную власть России с тем, чтобы в Российской Империи евреи получили бы все гражданские и политические права, то есть получили бы то, чего не имело в то время и большинство русских людей, а именно, русские крестьяне. На самом деле, речь шла не о равноправии, а о том, чтобы захватить всю сферу политики, экономику, образование и культуру в свои руки и установить свой диктат в России.

Эти требования, однако, не оставались без внимания, и что касается правительства времен Александра Второго, то примерно из 160 принятых в отношении евреев законов, около половины расширяло их права на территории Империи, давая полноту оных окончившим средние и высшие учебные заведения, получившим правительственные награда, а также купцам Первой гильдии и членам их семей. Затем права повсеместного жительства были предоставлены и ремесленникам-евреям. Для еврея, окончившего высшее или среднее учебное заведение и желавшего поступить на государственную службу, было необходимо принять одно из христианских вероисповеданий. В воспоминаниях еврея-генерала Грулева именно эта обязанность принять крещение отмечается как самая неприятная. Впоследствии Грулев достиг высоких постов в армии и даже одно время был исполняющим обязанности министра обороны Российской Империи.

Начиная со времени Кишиневского погрома (1903 год), еврейские лидеры под видом оказания помощи жертвам погрома стали оказывать финансовую поддержку еврейским боевикам из так называемой «еврейской самообороны», террористических боевых формирований на территории России, спаянных единой дисциплиной и хорошо вооруженных. Начиналось время подготовки свержения Русской национальной государственной власти. В этой борьбе, которую вело международное еврейство с Русским государством, оно опиралось на американское правительство и на всю мощь США со всеми их финансами и материальными ресурсами.

«Русская» мафия, как и сегодня, состояла из нерусских

Что касается так называемого «общественного мнения», то оно полностью формировалось американской прессой, которая находилась в руках выходцев из Одессы и немецких евреев. Как мы помним, еще Маркс во второй половине XIX века писал о полном контроле еврейства над Америкой. Начиная с 1905 года страницы американской прессы наполняли сообщения о зверствах «царских сатрапов», без всякой причины казнивших молодых и благородных юношей и «только за то», что они хотели «свободы и равенства для всего прогрессивного человечества». Американский обыватель рыдал над судьбами этих «жертв царизма» и искренне ненавидел тогдашнюю «империю зла» — Россию и русских. К этому неприятию уже тогда примешивались злодеяния еврейских уголовников, которые, выехав из России в США, тут же становились, конечно же, «русскими» и американские газеты взахлеб писали о злодействах «русской мафии»... ну не еврейской же! Эта «русская мафия» занималась аферами, грабила банки, и, в конце концов, подчинила себе сицилийскую мафию. Вот — «русские» — каковы! (Как и сегодня: «русская» мафия, состоящая на 90% из чеченцев, евреев, азербайджанцев, армян и прочих народностей, находится в центре внимания западной прессы — *ред.)*

Разрыв торговых отношений с Россией

На этом фоне президенту Тафту не трудно было провести через Конгресс решение о разрыве торгового соглашения с Россией, подписанного в 1832 году. За это дело — разрыв торговых соглашений с Россией — президент Тафт получил орден от Бнай Брит за заслуги перед еврейским народом. Надо ли говорить, что этот орден был вручен ему в помещении ложи в самой торжественной обстановке. После того, как американский Конгресс 300 голосами против одного утвердил, причем задним числом, предложение Тафта считать торговый договор с Россией утратившим силу, по ложам Бнай Брит прошли торжественные банкеты. А президент Тафт в своих выступлениях в ложах всячески отмечал, что просьбы Бнай Брит никогда не остаются без ответа.

Кто готовил идеологическую почву для Первой Мировой войны?

Летом 1914 года разразилась Первая Мировая война. Мало кто знает, что ее готовили в первую очередь средства массовой информации, а именно газеты того времени. Этот факт замалчивается историками. Между тем такие событие никогда не случаются сами по себе, но являются результатом длительной идеологической обработки народных масс. Они требуют идеологического обеспечения. Антинемецкая пропаганда левых российских газет приобрела откровенный агрессивный характер, начиная с 1910 года, и этот тон становился все более вызывающим. Подняли войну именно либеральные газеты, сочувствующие революции, эсерам, эсдекам и всемирному прогрессу. Именно здесь, на страницах этих газет стали появляться заметки о зверствах немцев, которые там что-то разбили, там кого-то избили, а там высказались кроме славян и обозвали их так-то и так-то. Эти заметки и статьи нарастали числом, и их тональность становилась злобной. Антинемецкие настроения, вовсе не характерные для России, вдруг стали всеобщими среди интеллигенции, состоявшей в своей активной части меньше всего из русских, но больше из евреев, поляков и частично из представителей других народностей. В свою очередь, в Германии стали появляться антирусские заметки и прочие публикации, и здесь, в этой газетной кампании, чувствовалась одна рука и одна воля. Но, принимая во внимание, что еще с конца прошлого, XIX века, подавляющее количество периодических изданий в России менее всего принадлежало русским, а во Франции и Германии и других странах они также находились в иудейских руках, такое предположение об одной руке и тщательности режиссуры в психологической подготовке военного конфликта во всемирном масштабе уже не покажется большой фантазией.

Август 1914 года — начало войны и начало падения Русской государственности. Америка соблюдала нейтралитет до апреля 1917 года. Ждала революции и свержения Самодержавия, чему активно помогала — не только ждала. Бнай Брит в этот промежуток времени оказывал влияние на европейские события лишь косвенно, через свои всевозможные «комитеты». Однако когда все воюющие стороны были обескровлены, в США сочли просто необходимым вступить в войну в качестве полноправного участника на стороне победителей, чтобы иметь возможность навязывать европейским странам свои условия. В июле 1917 года Бнай Брит создает лигу помощи солдатам и морякам. В результате среди девяти американских евреев, выбранных представлять интересы еврейства на мирных переговорах с Германией, — один из них — президент Бнай Брит, Адольф-Краус. Он присутствует и в Версале, где вершатся судьбы мира, и где был подписан мирный договор, предопределивший новую мировую войну.

Еврейская общественная организация представлена в ООН...

Не лишено любопытства, что еврейская делегация выступает наряду с делегациями государственными, как некая равновеликая им сила, а может, и надгосударственная: Франция, Англия, Италия, США, Германия представлены здесь. И ...еврейство! Первая Мировая война способствовала быстрому развитию Бнай Брит, которая в промежуток между двумя войнами основала ряд новых своих организаций. Общая численность ордена возрастала постепенно с 27 600 членов в 1913 году до 42 000 в 1920 году, из числа которого 13 000 падают на Германию.

В 1949 году Бнай Брит была признана ЮНЕСКО, как неправительственная консультативная организация. Кроме того, Бнай Брит была официально признана как консультативная организация, представляющая чисто еврейские интересы в мире и Советом Европы, и Организацией Американских государств, и ООН, и Всемирной организацией здравоохранения.

Теперь снова вернемся к первой нашей статье и подумаем, что мы знаем об этой всемирной организации, сколько книг издано о ее деятельности, сколько сообщений в средствах массовой информации проходит об этом Ордене за неделю, за год, за десять лет. Ответим сразу — ничего, нисколько и никогда... Ни за год, ни за десять лет. А ведь Бнай Брит представлен официально (!) и в ООН, и в Совете Европы, с представителями этого Ордена встречаются сегодня и наши депутаты Государственной Думы из всяких фракций. О чем они говорят, что обсуждают?.. Мы уверены и точно знаем, что там есть представители разных государств, но чтобы там был официальный представитель еврейского масонского ордена... это вряд ли кому из нас, обывателей, известно. И этот факт должен сделать нас очень осторожными в выводах о том, что мы знаем о современном политическом мире и роли таких орденов в нем. Мы видим, что эта организация засекречена снизу, от нас, но не

сверху, не от власть имущих политиков.

В 1938 году впервые президентом Бнай Брит стал выходец из России Генри Монски. Правда, он покинул Россию, когда ему не было еще и одного года. В США он быстро сделал карьеру и стал известным адвокатом. На общественно-политическом поприще он также быстро достиг успеха. Так он стал одним из соучредителей Национальной Конференции «христиан и евреев», организации известной также, как «Иудео-христианское Содружество». После Второй Мировой войны, как представитель Соединенных Штатов, на конференции в Сан-Франциско он сыграл существенную роль в создании Организации Объединенных Наций. Таким образом, роль Бнай Брит в учреждении этой международной организации видна даже из факта участия ее президента Генри Монски в этом деле. Но прежде, чем мы перейдем к роли Бнай Брит во Второй Мировой войне, необходимо, подчиняясь хронологии, перейти к взаимоотношениям большевистского режима с Бнай Брит, или вернее, к отношению Бнай Брит к большевизму в период с двадцатых годов до начала Второй Мировой войны. Хотя, возможно, было бы более правильно коснуться вопроса о взаимоотношениях собственно еврейского Ордена Бнай Брит с классическим франкмасонством, считающимся апологетом космополитизма, дружбы народов, равенства (кого с кем?), свободы (от чего и для чего?) и даже братства (кого и с кем?). Но чтобы сделать тему более живой и менее академичной и показать, что Бнай Брит не есть далекая от нас организация, мы и перейдем к указанной в заголовке теме. Вопрос же о связи Бнай Брит с классическим масонством затронем позднее. Как и отношение Бнай Брит к христианству и его роль в борьбе под политическим флагом «демократии и либерализма», с христианским вероучением.

Бнай Брит и коммунизм

Лидеры еврейского национализма создали неисчислимое множество всевозможных легенд. Например, для объяснения того факта, что подавляющее число активных деятелей революции в России было евреями, находило еще до революции семнадцатого года такое объяснение: причина этого только в том, что евреи в России находятся в угнетенном состоянии. Стоит только дать им равноправие, и они перестанут быть революционерами и террористами. Эта легенда получила широкое распространение еще во времена Александра Третьего, и была высказана в письме к Нему барона Гинзбурга после Одесского погрома (1881 года). Но она же, эта версия-легенда, была полностью разоблачена, тогдашним министром внутренних дел графом Игнатьевым. Барон Гинзбург, будучи российским гражданином, был кроме всего прочего, и представителем Всемирного еврейского союза в России и в таком качестве считался представителем всего еврейского народа и его интересов в России. Министр Игнатьев, ознакомившись с запиской барона, отметил, что в преступной среде процент евреев выше, чем представителей иных национальностей. «Любые послабления, — пишет он Александру Третьему, — туг же используются ими для своих чисто корыстных интересов». И что стоит только властям применить закон во всей его точности, как «евреи подымают дружный вопль негодования на притеснение и нарушение их прав, которые они усматривают в простом исполнении закона... они требуют, чтобы имелись в виду исключительно еврейские потребности, все, что им не нравится, следует, по их мнению, устранять или обходить».

Министр обращает внимание Царя, что всюду, где «среди русских жило еврейское племя, оно всегда возбуждало ненависть. Первые свидетельства летописи о погромах относятся к 1027 году». Саму причину погрома министр объясняет тем, что евреи беззастенчиво обирают других, и при этом те видят, как все это сходит им с рук. «Безнадежность положения, уверенность, что законным путем нельзя восстановить свои права, и вызывает стихийное движение». Следует, по мнению графа Игнатьева, оградить законные права населения и избавить «коренное население от еврейского гнета». То же самое он сказал и представителям международного еврейства в Петербурге — Гинзбургу. Полякову, Варшавскому и другим, отметив, что нужно было много постараться, чтобы такой терпеливый народ, как русский, вывести из терпения. Он отметил и тот факт, что среди русских живут различные народности, но нигде не приходится употреблять войска для их защиты. «В местном населении, — сказал министр, — вкоренилось убеждение, что нет такого закона, который еврей не умел бы обойти» («Источник» № 3, 1993 г.).

Что касается причины участия евреев в революции, когда вся эта смута была названа «еврейской революцией», в том числе и в печатных еврейских органах, то главный аргумент против легенды, объясняющей преобладание евреев в этой смуте их стесненным положением, заключается в простом факте, совершенно уничтожающем саму основу этой легенды: дело в том, что и во Франции, и в Германии, и в Италии, и в Венгрии, и повсюду, где евреи пользовались всей полнотой всех свобод, они были во главе всех революционных партий. Этот аргумент не желали принимать во внимание в высших правительственных сферах Российской Империи, где юдофильство стало обязательным признаком интеллигентного человека. Легенды, однако, создаются из политических видов. После Октябрьской революции стали создаваться легенды, призванные объяснять, почему евреи в Советской России заняли господствующее положение. Поскольку такое положение слишком бросалось в глаза, нужно было объяснить миру, что речь идет все-таки о социальной революции, а не о захвате евреями власти над Русским народом под демагогическими лозунгами, в целях осуществления идеалов иудаизма.

Большевистское правительство предоставляет евреям лучшие

земли

Чтобы ответить на вопрос, в чьих интересах произошла революция, и кто более всего выиграл от ее победы, надо посмотреть, как Бнай Брит относилась к изменениям во внутренней жизни большевистской России, как руководство Ордена воспринимало большевизм в целом. Читая прессу Бнай Брит, приходится признать, что это отношение было исключительно положительным, а тревогу Ордена вызывала лишь опасность ассимиляции евреев и затруднения в исполнении иудейских религиозных обычаев.

Автор цитируемой книги («Мистерии и секреты Бнай Брит») по этому поводу замечает:

«Никакого осуждения диктаторскому режиму коммунистов или его идеологии мы не нашли (в журналах и газетах «Ордена Бнай Брит» — В. О.), *ни его антикапитализма, ни тоталитаризма, ни его склонности сбивать людей в бригады, отряды и строить всю жизнь населения по этому бригадному принципу, ни его отрицания гуманизма, его насилий над людьми, его концлагерей, ни проводимых режимом кровавых чисток, ни организованного для умерщвления миллионов людей голода, ни преследований всех видов оппозиции и прочее и прочее. В общем, очень тихо прошло и ограбление еврейской буржуазии, и удаление ортодоксальных евреев, и все это было проведено еврейской секцией коммунистической партии, так называемой Евсекцией. Именно члены этой секции занимались конфискацией заводов, принадлежащих евреям-капиталистам, но затем все эти потери были возмещены им сырьем и изделиями. Следовательно, был разыгран зловещий спектакль «ограбления» богатых евреев их собственными братьями. Именно Евсекция возглавляла дело колонизации евреями пахотных земель на юге России».*

Для колонизации плодородных Русских земель евреями был создан комитет Комзем — помочь евреям стать фермерами. Фонды, выделенные этому комитету, как и другому, созданному для этой же цели, были очень значительны, но требовалось еще больше средств, и евреи-коммунисты рассчитывали на сбор пожертвований среди еврейской диаспоры, особенно в Соединенных Штатах, по линии Объединенного Распределительного Комитета, созданного евреями в 1922 году, как организация взаимопомощи. Среди ее главных руководителей был и знаменитый Феликс Варбург, банкир, женатый на Фриде, дочери Якова Шиффа, которого называют основным финансистом большевиков. Этот же Шифф финансировал Японию в ее войне против России. И Феликс Варбург, и Яков Шифф были видными деятелями ордена Бнай Брит.

Не только через этот Объединенный Распределительный Комитет, но и через другие еврейские организации стали поступать средства исключительно для евреев, решивших стать фермерами на Юге России. Более 10 миллионов долларов были получены в несколько месяцев для приобретения земли и обустройства здесь 25 000 колонистов-евреев. К этим деньгам скоро были получены еще семь с половиной миллионов долларов и было основано более 180 еврейских поселений в Крыму и на Украине. В это же самое время коммунистическая партия готовила уничтожение русского крестьянского хозяйства под видом всеобщей коллективизации, и миллионы русских семей, с младенцами, стариками, женщинами и детьми вскоре будут изгнаны из родных домов, и их под конвоем, в окружении собак, специально натравливаемых на людей, повезут в теплушках на пустынные земли Сибири, где большинству будет суждено погибнуть от холода и голода, (см. ниже)

В целом же, руководство Ордена Бнай Брит, как и компартия СССР, были довольны замечательными преобразованиями в России. Но предстояло еще много сделать для превращения России в ад кромешный для русских людей. Впереди маячил голод и смерть миллионов людей на той же Украине, в России, в Казахстане, впереди был 1932 год.

Эти годы были названы в «Бнай Брит магазин», как годы Возрождения еврейского общества, эпохой Возрождения еврейского народа в России. Номера этого официального печатного органа Ордена за март, август и сентябрь за 1928 год полны сообщений на эту тему.

Коммунизм как возрождение еврейского народа

В истории есть сюжеты, никогда не теряющие своей злободневности, особенно когда они затрагивают еврейскую тему. К примеру, был такой период, когда (невозможно даже представить) не существовало слова «антисемитизм» и даже слова «фашизм». Ведь понятие «антисемитизм» появилось только в конце XIX века и его значение в то время значительно отличалось от теперешнего. Тогда оно обозначало просто неприятие иудаизма, как религии, философии и образа жизни; и было, как выше говорилось, создано в дополнение другого термина, «юденхаст», обозначавшего неприятие самого еврея, как такового. Таким образом «антисемитизм» имел чисто идейное значение. Но в начале века текущего и он мало был в употреблении в России. Поэтому, на протяжении всего XIX века в необходимых случаях вспоминали «средневековье» и «инквизицию». То есть считалось, что эта самая инквизиция в средние века пачками сжигала на кострах евреев, преследуя этот маленький, но гордый и свободолюбивый народ только за то, что он талантлив и исповедует свою иудейскую религию. Целые полчища так называемых «гуманистов» и «просветителей», этих медиумов еврейских внушений, бойким талантливым пером создавали жуткий образ инквизитора в черном капюшоне,

а попутно и образ злобного монаха. А рядом образ светлого рыцаря, спасающего прекрасную Ребекку или Уленшпигеля. Напрасно добросовестные историки пытались объяснить всю ложь такого образа монаха и инквизитора. Напрасно приводили статистические данные и печатали подлинные судебные дела инквизиции, из которых явствовало, что всех дел этих были сотни за сотни лет на всем пространстве Западной Европы, и что уж самих-то евреев ровным счетом никто и никогда не сжигал за их веру. С этим вопросом обошлись также, как со злополучным «холокостом». Сегодня «инквизицией» никого не пугают. Сегодня почти бесстрастно сообщают историки правду об этом «средневековье», где ужасов было намного меньше, чем в наш просвещенный век. Сегодня это «средневековье» не злободневно. Сегодня в ходу «фашизм», который упорно соединяют с «черносотенством», то есть, по существу, социализм под национальным знаменем соединяют с Православием. В этом есть своя правда: ни там, ни здесь не желают признавать права иудаизма и евреев на господство и навязывание своей воли и фанатичной доктрины другим народам. И этого достаточно, чтобы смешать два явления, две религии: социализма, как выражение атеизма, и христианства, и приписать им те же черты, что недавно приписывали инквизиции и «мрачному средневековью». Но сегодня к этому ряду приписывают еще — докатились! — коммунистический режим в СССР и странах Восточной Европы. Сегодня умудряются говорить о жертвах евреев от коммунистического режима. И это не просто нелепая и наглая шутка!

Должны ли евреи платить контрибуцию за коммунистический террор русскому народу? По логике Бнай Брит они сами должны получать компенсацию за то, что совершили революцию и учинили неслыханный террор против народов России.

В августе-сентябре 1997 г. прошел Всемирный Конгресс Всемирного Израильского Союза. Там составили список евреев, которым швейцарские банкиры должны выплатить денежные средства за их страдания от нацистов и от коммунистического режима, когда этот режим царствовал в странах Восточной Европы и СССР. Мы-то, грешные полагали, что это мы, русские, пострадали от того режима, который был установлен евреями в согласии с их доктриной о мироустройстве в России. Мы даже не только так думали, но и кое-что знаем на эту тему и знаем, в соответствии с какой доктриной основа Русской жизни — Церковь Христова — была объявлена врагом «прогрессивного человечества». А ведь этим самым «прогрессивным человечеством», вождем прогресса, являются те, кто исповедывает свое «избранничество» — через Тору и Каббалу. Там — и основа революционной психологии [7].

[7] См. Бикерман И.М. К самосознанию еврея. Париж, 1933.

Сегодня вполне актуально, поэтому, продолжить рассмотрение темы: как само еврейство первые десятилетия после революции 17-го года смотрело на происходящее в СССР. Как оно оценивало события с точки зрения своих еврейских национальных интересов.

Есть вещи, которые мы никогда не должны забывать. Они должны быть выбиты огненными буквами на граните национальной памяти и жечь наше сознание, и будить национальную совесть.

Мы не должны забывать ни на секунду, что новый коммунистический режим с самого начала предстал перед русским человеком в виде местечкового еврея, который и стал главным символом новой власти.

Русский человек впервые увидел городскую улицу, украшенную каббалистическими знаками и символами мести и крови. Это уже потом, другие поколения, увидят в этих знаках и символах что-то обыденное и затасканное, и даже станут носить их на пиджаках и фуражках.

Куда бы ни пришел русский человек, в какое бы то ни было учреждение в 20-е и 30-е годы, он везде видел еврея. Тот был не только властью, но и властью беспощадной и наглой. И эта власть бросилась без всяких сентиментальностей крушить церкви, выбрасывать святые мощи, устраивать отхожие места там, где вчера еще был святой алтарь. Прорвалась вековая ненависть талмуда к Христу и Его Церкви. Есть вещи, которые не следует забывать.

И в том числе то, как еврейские мальчики бросились с великим энтузиазмом не только крушить церкви, но и явились в русскую деревню и стали грабить русского мужика и выбрасывать его, теперь «кулака», из его же избы. Помнится, еще Горький обращал внимание на это явление большевистских властей, прося не посылать еврейских юношей в русские деревни на эти экзекуции, чтобы не давать пищу антисемитизму. (Эрде. Горький и интеллигенция. М., 1922 г.).

Мы не должны забывать, что эта новая власть взрывала могилы русских солдат и полководцев на Бородинском поле, ограбила все склепы с захоронениями замечательных русских людей, снесла умышленно русские кладбища даже в Москве и на костях устроила парки или возвела всевозможные клубы.

Эта новая коммунистическая власть лишила русского крестьянина даже паспортов, превратила русского человека, надежу и опору всей русской нации, всего народа, в государственного раба, без права передвижения даже по своей губернии... И это сделали те, кто так долго выл по поводу черты еврейской оседлости.

И много чего еще никогда не следует забывать. Есть веши, которые должны

быть высечены огненными буквами на граните национальной памяти.

Бнай Брит одобряет деятельность Сталинского правительства

Соответствующая глава в рассматриваемой нами книге «Тайны и секреты Бнай Брит» (Париж, 1993 г.) называется: «Коммунизм, как возрождение еврейского народа». К 1928 г. относятся три большие статьи в «Бнай Брит магазин», в которых в исключительно восторженном духе рассматривается положение евреев в Советской России.

Эти статьи преимущественно посвящены сельскохозяйственной деятельности евреев в России, освоению ими новых земель, и международной помощи «возрождению» евреев в Советской России. Автор книги «Тайны и секреты Бнай Брит» замечает по этому поводу: *«Никакого намека на критику политического режима. Наоборот, общая линия на поддержку социальных реформ, восхваление колхозов, какая-то одержимость в проведении идеи появления «нового человека» и идеи «возрождения» евреев».* Первая статья за этот, 1928 год за март, была написана секретарем Ордена Эмилем Богеном, который родился в Москве. Ему в голову не приходило, что тот режим, который установится в России, будет в конце XX века назван его соплеменниками «демократами» «русским коммунизмом». Дело в том, что он, Эмиль Боген, секретарь Ордена Бнай Брит, не только родился в Москве, но и сам лично боролся в рядах революционеров с Русским Православным государством за установление еврейского большевистского режима. Само начало его статьи написано эпическим языком, то есть тем же языком, которым и большевики на протяжении всего почти нынешнего века изображали «советскую жизнь» в колхозах и на «великих стройках» через фильмы, романы, публицистику в своих так называемых «правдах» и «огоньках». Начало статьи сэра Богена таково: *«Колонизация евреями Русских сельскохозяйственных земель представляет одну из наиболее значительных глав в истории нашего народа. Правительство Сталина предоставило бесплатно уже более миллиона акров сельскохозяйственных земель для еврейских колонистов и, как кажется, готово предоставить еще столько же, если евреи будут способны ее обработать. Большинство из них получает помощь, а третья часть из них находится под руководством Соединенного Агро-Комитета, «русского» филиала Американского Соединенного Распределительного Комитета».*

Надо заметить, что Боген, секретарь Бнай-Брит, писал эту статью после посещения СССР. Это лишний раз показывает, что большевистское правительство, правительство Сталина, поддерживало тесные отношения с международным еврейским масонским Орденом Бнай Брит и его различными подразделениями, как тот же Распределительный Соединенный Агро-Комитет, непосредственно осуществлявший свою деятельность в Советской России среди евреев.

Во время своего путешествия по Русским землям Боген встретился с одним типичным еврейским колонистом, с бородой и бутылкой вина. Этот молодой еврей пришел к нему в гости и сказал: *«Здесь в Крыму евреи могут дышать свободно и создавать здесь, на этой земле свой еврейский дом. Именно здесь и находится подлинный Эрец Израель, потому что Палестина, которую еврей не может забыть, все-таки уже слишком далеко от нас. Та земля, которую обрабатывает еврей, становится еврейской». «Здесь, в Крыму,* — пишет далее Боген, — *обосновались молодые сионисты, основав свои общины, кибуццы, жизнь в которых они рассматривают, как подготовку к освоению Палестины. Они вместе едят, вместе отдыхают, вместе покупают на всех продукты и все вообще делают вместе. Отсюда они уже готовы отправиться в Палестину».*

Как известно, этот еврейский идеал кибуцц и стал моделью для организации жизни русских деревень. И чтобы подогнать под идеал этих кибуцц русскую деревенскую жизнь, пришлось уничтожить миллионы русских людей и этот процесс иудаизации русской жизни войдет в учебники истории, как период «коллективизации» и «раскулачивания».

Пройдут еще годы, и хитрый еврейский политик обзовет Сталина и весь большевизм плохими словами, а среди иудаизированной (в процессе партийной жизни) полурусской, русско-еврейской интеллигенции станут холить и лелеять память «великого русского патриота Сталина», столь успешно проводившего в жизнь иудейские идеалы уничтожения провинциальной России.

В конце статьи сэр Боген, секретарь Бнай Брит и недавний российский революционер, выражает мнение, что успешная колонизация южных Русских земель есть один из способов решения «еврейского вопроса».

В февральском номере за 1932 год в «Бнай Брит магазин» появляется обширная статья о положении евреев в СССР. И опять исключительно в хвалебных тонах описывается положение дел при большевистском режиме, и это в то самое время, когда депортации русских крестьян и репрессии по всей стране шли полным ходом. Автор упомянутой статьи «Евреи в Крыму» замечает: *«Можно с уверенностью сказать, что если с одной стороны религиозное сознание здесь очень низкое, как и знание иудаизма, то с другой стороны, уважение к самим себе и к своему расовому происхождению у «русских» евреев выше, чем в любой европейской стране, выше, чем у других евреев континентальной Европы».*

В мартовском номере за следующий, 1933 год, «Бнай Брит магазин» вновь возвращается к той же теме положения евреев в СССР. Автор статьи Норман Бентвич задается вопросом — «Подвергается ли иудаизм преследованию в

СССР?» Ответ отрицательный. На самом деле автор обеспокоен другим: интеграцией евреев в коммунистическом обществе. И не религиозное преследование иудаизма его интересует. Его тревожит, что евреи больше не чувствуют себя преследуемым народом и могут раствориться среди других. Норман Бентвич объясняет читателям журнала, членам Бнай Брит: *«Известно, что главным пророком пролетарского движения был еврей Карл Маркс и что его книга «Капитал» относится к числу тех. ссылка на которые для коммунистического верования обязательна; известно также, что другой немецкий еврей Фердинанд Лассаль, героическая скульптура которого украшает сегодня Невский проспект в Ленинграде, был одним из вдохновителей нарождающихся революционных партий; что именно евреи участвовали в создании революционного движения и поддерживали революцию, давая ей свои кадры, и что более чем другим народам революция дала им преимуществ. Общее впечатление таково, что в целом еврейский народ, и особенно еврейская молодежь, чувствует себя здесь, в Советской России, как в своем доме и видят в себе творцов нового порядка. Они горды тем, что в революционном совете находится Троцкий, который организовал Красную Армию, и что евреи занимают высокие посты в министерстве иностранных дел, и в других министерствах, в Армии и на флоте, в числе экономических советников и среди ученых. Одной из наиболее главных функций еврея— это быть интерпретатором, выразителем, толкователем Советской России как в отношении к внешнему миру, так и внутри страны, так как именно еврей представляет главный пролетарский элемент в его тесной связи с культурой и языками Западной Европы. Во многих городах, как, например Киеве, Одессе, Бердичеве, где евреи составляют четверть и более населения, имеются суды, ведущие дела на еврейском языке, своды законов на идиш, и идиш является официальным языком. Духовное начало Революции восходит к принципам социализма в учении еврейских пророков, даже если коммунист отрицает ту землю, из которой он сам вышел».*

Надо заметить, что статья Нормана Бентвича считается критической. Он полагает, что иудаизм не находит поддержки у большевистского руководства. Однако тут же имеется мнение на этот счет другого автора «брата» Пьера Паасена. Он выражает мнение, что никто в СССР не преследует иудаизм. *«Действительно, можно сказать, что современный стиль жизни в Советской России имеет антииудаистское звучание. Но вовсе не потому, что кто-то заставляет еврейскую молодежь идти новой дорогой. Никто не мешает молодому еврею, если он захочет, стать талмудистом. Просто новый стиль жизни сам по себе увлекает евреев неудержимо идти новой дорогой. Но счастливы ли они? Я спрашиваю: Вы чувствуете себя еще евреями?— Еще евреями? Да более чем когда бы то ни было! Именно теперь-то, благодаря коммунистическому режиму и появилась, наконец, возможность быть настоящим евреем. Мой отец не мог быть таковым, потому что его дух был подавлен старыми традициями. Но я-то свободен и мое сердце свободно, и мы идем по новой дороге! 90% евреев России есть сердце и душа строительства нового мира».*

Начало тридцатых: В России — пятилетка безбожия и уничтожение народов. Еврейский народ переживает эпоху возрождения.

Напомним, что это пишется в 1933 году, когда в России Сталиным объявлена «пятилетка безбожия», ставящая своей целью полное истребление Православной церкви, и по всей стране комсомольцы по приказу кремлевских вампиров обдирают с церковных стен иконы, грабят библиотеки, изымая оттуда церковную и историческую литературу, и все это сваливают в одну кучу и разжигают костры, которые горят до утра. Тогда и была переиначена известная песня: «От зари до зари все горят здесь костры. Комсомольцы в поход отправляются». 1932 год — едва ли не самый страшный в истории России: умышленно созданный, начался голод в южных областях России, на Украине, в Казахстане. Погибло около девяти миллионов человек — по одним данным, по другим, советским, «всего-то» около четырех! Голод продолжился в 1933 году. То есть он свирепствовал как раз тогда, когда в России побывали Норман Бентвич и «брат» Пьер Паасен. Впрочем, голод косил людей и в 1929 году. Так называемые госзаготовки были составлены так, чтобы не оставить крестьянам ни зернышка. Как раз именно в южных районах, в Черноморском округе, в 1930 году росло число забастовок среди рабочих и среди крестьян. Из Самарского края шлют телеграммы: хлеб весь вывезен, люди пухнут с голоду, «молят не дать помереть» (см. Осокина Е. А. Иерархия потребления. М., 1993, с. 52 и далее.) В Казахстане разразился голод и происходит рост политических выступлений против «родной советской власти». В ряде районов крестьяне выносят резолюцию: «Верните кулаков. Они нас накормят». Немногие знают, что даже на сельскую интеллигенцию, то есть медицинских работников, учителей и других существовал план сдачи мяса и молока государству. Историки бесстрастно свидетельствуют: «Политика заготовок, снабжения и цен на селе неизбежно вела к массовому голоду». А в это время Бнай Брит доволен. В Советской России еврейский народ переживает эпоху возрождения! Надо думать, как и сегодня. Евреи, сообщает «брат» Пьер Паасен, «сердце и душа строительства новой жизни».

Откуда взялся миф о преследовании евреев в СССР

Несколько позднее, в майском номере за 1934 год, «Бнай Брит магазин» публикует статью: «Иудаизм в России умер».

Автор замечает, что евреи рискуют надолго остаться без Бога, так как религиозное обучение в Советской России разрешено только с 19-летнего

возраста. В начале девяностых годов все мы были свидетелями разоблачений на телевизионных «круглых столах» «ужасов» большевизма. При этом обязательно свидетельствовали о паскудном отношении большевиков к Церкви. Тут же какой-нибудь картавенький «защитник прав человека», какой-нибудь «отсидент» громко кричал — «не только Церкви, но и других конфессий!» Затем он или кто другой говорил о горестной судьбе иудаизма — большевики закрыли большинство синагог! При этом неискушенный зритель искренне думал, что синагога есть действительно храм, церковь и потому сопоставление с Православным храмом или мусульманской мечетью ему казалось вполне логичным. Мало кто знает, однако, что синагога не храм, не церковь, но просветительский клуб, что священников в иудаизме не существует, а раввин, которого почему-то считают священником, есть просто учитель, что-то вроде пастора у лютеран и прочих протестантов. (Буквально слово «равви» означает именно «учитель»). Мало кто знает, что согласно иудаизму, может быть только один храм — Иерусалимский, который был некогда разрушен. И что только в нем могли бы быть священники, если бы он был восстановлен.

Но что же такое иудаизм? Отчего его формы так мало значат для Бнай Брит и для всего еврейского мира? Автор статьи по этому поводу пишет: *«Иудаизм, однако, всегда имел более широкие интересы, чем один Бог. Евреи связаны между собой не только тем, что называется религией, но также и надеждой на новое обретение Сиона. В России и до революции проживала самая большая часть еврейского народа. Вместе с разрушением иудаизма и сионизма, параллельно с этим процессом, наступила после революции такая свобода, которую евреи не пробовали, не испытали ни в одной стране мира. Лазарь Каганович, этот скромный рабочий-кожевенник, еврей, именно в силу своих природных способностей, при новом режиме, смог занять такое место — стать в окружении Сталина лидером коммунистов России. Россия есть уникальная страна во всем мире, где антисемитизм есть уголовное преступление».*

Следующая глава будет касаться уже положения евреев в СССР в семидесятые годы. В предыдущее десятилетие появилось представление, развиваемое и в последующее время, об СССР, как об «империи зла», и западные газеты, находящиеся едва ли не исключительно в руках еврейских магнатов, стали разрабатывать эту легенду, как, разумеется, и телевидение во всем мире. Вдруг подняли на щит все, что работало на эту тему. Причем эта тема в реальности стала темой преследования евреев в СССР. Темой их горестной судьбы в Советской России. И недалек день, когда, как в нынешней Германии, каждый из нас будет обложен официальным налогом на выплату пострадавшим от коммунистического режима евреям или их родственникам. Нас еще обложат контрибуцией, в пользу этих вечных страдальцев. И еще наши доярки, шахтеры и прочие, оставшиеся в живых, будут платить не только гусинским и березовским, но и прочим «пострадавшим». Или уже платят?

Отчего же вот так вдруг, евреи стали преследоваться коммунистическим режимом? Под эту волну вознесли Солженицына, Пастернака и десятки прочих борцов с тем «большевизмом», которого никогда не было. А истинный большевизм остался скрытым от глаз народных: тот большевизм, в котором за слово «жид» давали десять лет лагерей. А если учесть легкость лжесвидетельства в таком тонком вопросе, можно легко себе представить размеры террора против русских в быту и на производстве, в учебных заведениях, в отделах культуры и издательствах. Итак, откуда же взялся этот миф об антисемитизме в СССР? Ответ на этот вопрос мы найдем в следующей главе.

Еврейская власть и русский крестьянин в 20-30-е годы

Прежде, чем закончить эту тему «возрождения» еврейского народа под благодатными лучами коммунистической власти, аккурат во время кровавых вакханалий большевизма, откроем еще одну страничку истории того времени, чтобы оттенить сообщения журнала Бнай Брит о замечательном энтузиазме, охватившем евреев в СССР, когда они, и каждый из них, гордо говорили; это наша власть, наши вожди, и осуществляется наша мечта, наша идея!

Страницы истории жухнут, желтеют, осыпаются, попадают в спецхраны и исчезают из памяти потомков. Новые поколения, одно-два, уже вовсе не знают, чего и как «там» было. Затем появляются патентованные историки и пишут то, что выгодно властителям. Но историки бывают разные. Бывают и хорошие, и мы возьмем для нашей темы одного из них, автора «Альманаха еврейской культуры» (Романовский Д. Советские евреи под нацистской оккупацией. «Ковчег» Альманах еврейской культуры. Вып. 1, Москва — Иерусалим, 1990г.)

Автор рассматривает, кроме прочего, отношения русских и евреев перед войной в свете коллективизации и прочих дел коммунистической власти на конкретном примере Белоруссии и Северной России.

Когда пришли немцы, то им было легко, пишет автор, вести пропаганду среди местного населения, объясняя, что именно советская власть для него вовсе не родная, потому что — еврейская. К этому времени у русских и белорусов еще живы были в памяти ужасы «коллективизации». Это когда его, мужика, грабили и выбрасывали из его же избы с женой и малыми, орущими от страха, детьми. Поэтому «основная масса русских эту доктрину «освобождения от большевизма» на первых порах приняла». И автор исследования говорит: «Ничего удивительного в этом нет. В памяти у всех живы были ужасы коллективизации и последовавший за этим развал хозяйства» (с.293). А развал хозяйства — это голод для взрослого и смерть для ребенка.

В немецкой пропаганде евреи были отождествлены с коммунистами, а слова «большевик», «еврей», «жид», — были в ней синонимами. И все, «чем были недовольны крестьяне и горожане — коллективизация, раскулачивание, режим труда в колхозах и на производстве, его оплата, снабжение, — все было приписано евреям, всем в целом и каждому в отдельности». Более того, «евреи обвинялись в том, что они развязали войну» (с.292). Таким образом, и тяготы войны, и бедствия военного времени падали на евреев же. И для того, чтобы внедрить в сознание местного русского населения образ еврея-эксплуататора, пьющего кровь из русского мужика, больших усилий, пишет историк, не понадобилось. Спектр доказательств был широк и он был перед глазами: от евреев-директоров и евреев-«комиссаров» НКВД до использования русских женщин в качестве домработниц. Все — наглядно и зримо.

В то же время, оккупационная власть объявила о создании «нового порядка» и занялась «восстановлением старого добольшевистского, исконно русского строя. Первым делом оккупанты занялись... созданием русских органов власти» (с.293). Появился бургомистр, управа с отделами, при бургомистре была создана русская полиция. В деревнях крестьянским сходом был выбран староста и при нем 1-2 и больше полицейских. Историк, говоря о недавних ужасах коллективизации, признает, что «немцев ждали как освободителей». К тому же все помнили немцев 1918 года. А советская действительность сильно проигрывала в сравнении с тем временем. «Немцы освободят нас от колхозов», — такое можно было услышать еще до оккупации, И немцев ждали, как освободителей от еврейского большевизма. Зерно нацистской Пропаганды, признает автор исследования, попало на хорошо подготовленную большевистскими ужасами почву. Времена «жидокомиссаров» были живы в памяти белорусов, украинцев и русских. Это признает и историк. «Многочисленные евреи в новых партийно-советских органах власти в 20-е годы также иллюстрировали тезис об «иудократии». В этой фразе лишними выглядят лишь кавычки последнего слова. То, что лишними, подтверждается и последующим изложением.

В коллективизации приняло участие «немалое число евреев». То есть не то, чтоб не малое, но главное. Он, еврей, — заводила, он командир. Притом надо же представить себе высокомерную манеру поведения, жуткий местечковый акцент и лютую жестокость, которую один мемуарист, сын писателя Михайловского, свидетель этих дел, назвал ассиро-семитской. Евреи приняли самое живое участие в экзекуциях, расправах над русским населением и в качестве активистов-добровольцев, партийных посланников, и в качестве работников НКВД, придавши «этому процессу кровавую «солидность» (с.294).

Однако настоящей властью было даже не партийное руководство и не загадочно-страшные «энкаведисты». В глазах крестьян и горожан-провинциалов эта власть была слишком далеко, почти на недосягаемой высоте. Реальной властью был председатель Заготскота и Заготзерна. Заготльна и Заготкожи, фининспектор и чиновник районо, председатель райфо и райпотребсоюза. С этой властью он и имел дело каждый день. «А вот на этих должностях позиции евреев еще и в 1940 году были неколебимы». Объясняется это тем, что евреи еще и в XIX веке, и в начале XX «регулировали» обмен между городом и деревней в Западном крае в качестве торговцев, прасолов, скупщиков и т.д.» То есть были посредниками между производителями и потребителями, перекупщиками, ростовщиками и спекулянтами. По-народному — кровососами. Сидели, что называется, на деньгах. И как только родная для еврея власть кое-как утвердилась, он тут же сел плотно в органы партийно-советской и государственной власти. Вчерашний кровосос, паразит, спекулянт, стал «народной властью». Теперь к экономическому гнету еврейскому, дореволюционному, добавился гнет государственный и политический, того же еврея, которого мужик знал еще до революции как торговца-спекулянта. Он был его соседом, и ему ли было его не знать.

Русский крестьянин и горожанин-провинциал почувствовали себя обложенными со всех сторон этой еврейской властью без всякого зазора и прогалины. И эта власть, реальная, была с жутким акцентом и нескрываемым презрением к нему, мужику. При этом надо учитывать, что «даже в. XIX — начале XX века средний еврей в России жил лучше, чем средний русский» (с.307). Тот самый еврей, о горестной судьбе которого при «царском деспотизме» так горевало все «прогрессивное человечество».

Этот «гонимый» теперь сел на место председателя Заготскота и Заготзерна и прочих контор, отделов и комитетов, и занялся раскулачиванием и коллективизацией, заодно приказал снять крест с церкви и ее разорить, насмеялся над святыми мощами и иконами. Коллективизация, признает автор исследования, была для евреем «скорее благом». Более того, она дала возможность «еврейским сельхозкоммунам укрепиться экономически за счет раскулаченных». Ограбили русскою мужика, а добро эти «активисты» присвоили, чтобы «укрепить» свое хозяйство. Боясь погромов в прошлое время, теперь решили организовать погром во всегосударственном масштабе русского населения. И опять заметим, русский человек, столетия проживший здесь с евреем бок о бок, теперь видит, как его нажитое трудом добро этот сосед тащит к себе, в свое еврейское хозяйство — «сельхозкоммуну». Ту самую, о которой журнал Бнай Брит так восторженно отзывался.

Бывший колхозник Б. в с. Сиротино Витебской области говорил историку: «И коллективизацию, и раскулачивание проводили здесь евреи. Евреи хотели в колхоз, русские не хотели — они убегали, стреляли и так далее» (с.295). В глазах сиротинских белорусов, и, вероятно, не только сиротинских, «евреи ассоциировались с ужасами коллективизации и раскулачивания». Это «раскулачивание» может понять любой из нас, если представит, что к нему в

дом приходят вооруженные люди и все у него забирают, а его выбрасывают на улицу.

В результате все местное население Белоруссии в 1940 году было враждебно настроено к еврею. В нем оно видело главного виновника и «коллективизации», и прочих преступлений «советской власти» (с.304).

Сочувствовали ли русские и белорусские крестьяне евреям во время гонений на них со стороны немцев? И добросовестный историк отвечает: «Как могли крестьяне в 1941 году сочувствовать евреям, когда в 30-е они (евреи) не сочувствовали ссыльным?... когда в 1931 году они (евреи) выселяли своих же соседей-«кулаков» из их изб?» (с.297). Вот где трагедия-то, вот ужас положения. Сосед-еврей, «угнетенный» царской властью и живший намного лучше этого своего соседа-крестьянина и тогда, теперь, когда пришла своя для этого еврея власть, врывается, грабит его и выбрасывает на улицу с малыми детьми и женой, голодных и раздетых. А дальше? Где-нибудь в амбаре или разгромленной церкви они день-два или больше будут ждать своей участи, без воды и хлеба... Потом теплушки, и кто выживет сегодня, завтра окажется на пустынном берегу, где-нибудь на Оби, и там, в большей своей части погибнет и будет зарыт в братской могиле с детьми и женой. Состав за составом шел в Сибирь, забитый врагами новой власти — русскими людьми, мужиками из всех областей — Курской, Воронежской, Тамбовской... Но у нас один мотив — горестная судьба еврейской интеллигенции в 37-м.

Автор исследования среди других черт отношения русского населения к евреям называет и «традиционный антисемитизм». Как-то неловко после сказанного обсуждать эту тему. Из всего исторического материала следует, что была традиционная эксплуатация и ограбление русского населения то посредничеством и спекуляцией, то, при большевиках, напрямую, по-уголовному. Впрочем, наличие жидокомиссаров и историк не отрицает.

В 20-30-е годы евреи, по признанию исследователя, занимались «экспроприацией» местного русского населения, то есть тащили к себе от «раскулаченною» корову, швейную машинку, картошку, зерно, козу и лопату, всякую домашнюю утварь, — все, что не мог взять с собой враг новой власти, русский крестьянин, изгнанный и отправленный в ссылку.

Во время оккупации отношение русских к евреям было именно как к экспроприаторам, грабителям. Считали, что у них много золота и драгоценностей. И это мнение, независимо от того, насколько оно было оправданно, показательно. После всего сказанного странно звучат слова о том, что евреи для русских не были своими. Надлежало спросить: а русские для евреев когда были своими?

Ответ на этот вопрос дает само существование ордена Бнай Брит. Здесь никогда не перепутают еврея с русским или немцем, французом или поляком. Здесь умеют отличать своего от чужого до двадцатого колена.

Трудно ли было немецкой пропаганде убедить русское население и белорусское, как и украинское, в иудократии и прочих вещах? Ясно, что и убеждать-то особенно не приходилось, все в один голос — власть еврейская.

В отчужденном отношении русских крестьян и горожан к евреям перед войной историк видит виновным Лазаря Кагановича. Именного за его преступления и пришлось расплачиваться массе трудового еврейства. Но это вряд ли именно так. Ведь это еврей-активист и чекист врывались в избу к русскому крестьянину, выбрасывали его на улицу, угрожали ему расправой и выражали ему, как русскому, повседневное презрение, сидя в кресле советского начальника. Это он, еврей, цинично говорил ему теперь — «мы — евреи!» и презрительно — «вы — русские». Причем здесь Лазарь Каганович? Лазаря Кагановича мужик не видел, он видел своего соседа, который его мордовал почище любого крепостника из далеких времен крепостничества.

И именно поэтому немцам удалось поразительно быстро сформировать органы власти из русского населения. 24 года под властью «жидо-коммунистов», признает историк, и привели к тому, что в немцах видели освободителей. «Людей, сохранивших советский патриотизм, в 1941 г. по деревням было мало». В этой констатации факта вся правда о советской власти и ее природе.

Глава шестая

БНАЙ БРИТ В РОССИИ В НАШИ ДНИ

Воспоминания о прошлом. («Черносотенец» и «Культурник» перед судом истории.)

Прежде, чем мы перейдем к заявленной теме, то есть к событиям уже наших дней, полезно еще раз оглянуться назад и спросить себя: как же могло так случиться, что громадный русский народ, имевший русского Царя, такой талантливый, находчивый, выносливый, изобретательный, хотя и не воспитанный на западных политесах, дал себя обмануть каким-то дешевым проходимцам, местечковым аферистам, циникам и обыкновенным бандюгам — и часто все это в одном лице? И уничтожив свою интеллигенцию, своих дворян, своих чиновников, разогнав священников, открыл ворота всем этим бнай-бритовцам, плотно севшим сразу же, в первый же день октябрьского переворота, во все государственные учреждения России, занявшим в городах квартиры бывших надворных советников, и статских, русских врачей и

учителей. Вот, кстати и ответ, почему большевики уничтожали русскую интеллигенцию, как и дворянство и чиновничество. Уничтожали господствующие классы, чтобы занять их место: произошел этнический переворот. Евреи заняли командные посты в новом государстве, созданном по талмудическим канонам и франк-масонским предписаниям. Не бросается ли в глаза, что люди, еще вчера бывшие на задворках Империи почти в один-два месяца создали совершенную систему сыска, доносов и террора. Откуда такой опыт, такой талант? Совершенно очевидно, что к власти пришла организация, давно уже имевшая соответствующий опыт работы. И этому опыту было не менее нескольких сот лет.

На первый вопрос — как могло так случиться? — отведают историки и публицисты в тысячах томов всевозможных исследований, очерков и философических раздумий. Некоторые эти раздумья приводят к интеллигентному и культурному выводу о наличии в России «русского большевизма». Другие, грустно глядя на всякие там фамилии великих революционных деятелей, периодически разъезжавших в пломбированных вагонах спасать страждущее человечество, на всякие там бунды, Поалей Сион, и тому подобные революционные организации, приходят к выводу, совершенно черносотенному: был только еврейский большевизм, и никакого другого. А еще более радикальные умы иной раз поговаривают о вине еврейского народа перед русским и подсчитывают количество жертв, погибших от рук всяких там комиссаров и комиссарш отчетливо семитского происхождения.

И этих историков и не-историков можно понять. Когда слышишь каждый день: «русские должны покаяться...» — невольно начнешь, хотя внутри себя, говорить правду. Конечно, такие вещи никакой живой еще историк не решится печатать.

Мы уже видели выше, как представители Бнай Брит и других международных еврейских организаций боролись с государственным историческим строем России. Тут и навязший в зубах Шифф, тут и Кун, и Варбург и прочие, ныне всем известные имена. И все-таки. Вне темы «Бнай Брит» лежит и деятельность многотысячного бунда и прочих еврейских националистических организаций, попутно создавших и РСДРП — для освобождения «рабочего класса» России, который и так жил свободно, и для закабаления остального населения во благо «прогресса». Впрочем, не будем углубляться в эту тему, слишком обширную и, можно сказать, беспредельную. Но все-таки на вопрос — «как могло так случиться?» — какой-то полезный для себя ответ дать можно хотя бы частично. Для этого в свою очередь интересно посмотреть, кто на путях нашей истории оказывался близким к истине: «мракобес», «черносотенец», «реакционер», «лапотник» или же человек культурный, воспитанный знаток философии, биологии и прочих наук, гуманист, то есть попросту юдофил и к тому же часто профессор. Ведь именно на эти две части и разделилось русское общество в начале нынешнего века.

Причем, как разъединилось, так и осталось разъединенным. Разве теперь оно раскололось уже не на две части, а на тысячи. И сами черносотенцы стали в большую редкость. Их теперь, как уссурийских тигров, надо искать долго и со знанием дела. Но, так или иначе, а вопрос, как кажется, на засыпку. Он даже кажется, этот вопрос, совершенно ерническим и риторическим. Невозможно ведь себе представить, чтобы ответ не был дан в самой постановке вопроса. Для чего быть культурным человеком, читать умные книги — умные! — постигать бездну всяких премудростей, если на первом же жизненно важном экзамене вдруг обнаружится, что все эти науки только отбивают способность видеть и понимать происходящее, уметь видеть причину и уметь из нее выводить следствие и тем предугадывать события.

Русская история дает нам уникальную возможность воочию увидеть, за кем осталась правда — за теми или за другими. Причем, здесь уж, в выводе своем нам не надо никаких наук. Достаточно просто быть в здравом сознании, или, иначе говоря, вменяемыми. Не более того.

Все мемуары, все исторические данные говорят нам совершенно ясно, что в семнадцатом году на просторах исторической России было создано чисто еврейское государство рабовладельческого типа. Евреи переселились из местечек в русские города и заполнили собой большинство государственных учреждений. Русские крестьяне, то есть сельская Россия, была закабалена, как, впрочем, и городская. Началась политика планомерного уничтожения русского народа под всякими видами и предлогами. Но можно ли было все это предвидеть? Ведь надо заметить, что революцию делали-то профессора, студенты, народ грамотный. Ведь крестьяне да рабочие, по циничному замечанию одного профессионального революционера Новорусского, «только и годятся, чтобы устилать своими трупами мостовые при уличных боях».

Еврейство создало на просторах исторической России свое государство в результате революционной борьбы против Самодержавия и Православия, втянув в эту борьбу миллионы совершенно одураченных людей. Эти люди, среди которых было немало профессоров и прочих ученых умов, совершенно не читали черносотенной прессы, а если и читали иной раз, так только для того, чтобы развеселиться над идиотскими предсказаниями правых публицистов. Да и что было взять с этих озлобленных мракобесов, питающих зоологическую ненависть к вечным страдальцам — евреям. Стоило ли, например, всерьез воспринимать какого-нибудь черносотенного А. И. Савенко из Киева, который на освящении знамени вновь открытого 20 мая 1907 года Союза Русских Рабочих, состоявшемся в Софийском Соборе, сказал в частности: «...вся *нынешняя революция вовсе не является борьбой за реформы, как говорят*

евреи и их наймиты. Нет, реформы — это только шулерский прием. Борьба идет из-за державных прав русского народа, из-за величия России, более того, из-за самого существования Российской державы...» («Черная Сотня». Орган Харьковского Союза Русского Народа», 1907 г., № 15).

И стоило ли прислушиваться к словам из передовицы той же газеты, когда она обращалась к левым депутатам 2-й Государственной Думы, кадетско-социалистической: *«Вы готовите цепи рабства, экономического и беспросветного, для своего отечества, рабства, перед которым померкнут все ужасы печальной памяти крепостного права».*

Стоило ли думать о будущем государстве, в котором якобы русские станут полными рабами еврейства, когда вся наука, все умнейшие головы Европы, воспитанные, кстати, на каббале и ее комментариях, говорят о свободе и равенстве, которые благодетельными лучами озарят землю русскую, как только рухнет Престол царский.

Большинство из них, людей культурных и умов просвещенных, не могло всерьез читать такие строки, например, относящиеся к январю 1917 года: *«Понимают ли наши правительственные деятели, что евреи находятся против нас в войне. (...) И знают ли наши государственные деятели, что евреи еще со времени искажения своей Библии, со времен первосвященника их Эздры, задались целью поработить себе народы и царства не оружием, а с помощью народных капиталов, промышленности и торговли, а затем и земель? ...И самое главное, понимают ли эти наши государственные деятели, что никакие уступки, никакие льготы, никакое равноправие, и даже никакие преимущества не примирят и не сблизят евреев с другими народами...»* («Двуглавый Орел» от 22 января 1917 года, Киев).

Но, как и сегодня, правые писали для правых, левые считали себя не левыми, а «просто людьми», или культурными людьми, а потому и по их сану им не полагалось воспринимать всякие черносотенные глупости, пока эти глупости не станут реальностью, и не воткнутся в живот в виде дула маузера в руках уличного хулигана с красным бантом на ворованном пальто.

Так примерно случилось и с одним известным лицом, ученым, интеллигентом и прогрессистом, жрецом демократии. Предваряя дальнейший материал, следует заметить, что весьма многие из этих умов прогрессивных, и даже из числа кадет после уже переворота семнадцатого года становились почти что черносотенцами. Даже известный историк А. Карташев, член Временного Правительства, в предисловии к своей «Истории Церкви» писал, что поначалу-то у него был другой подход к русской истории, критический, но события революции, гражданской войны, жизнь в эмиграции и наблюдение за происходящим в большевистской России заставили его оценить царскую Россию и пересмотреть всю книгу и переписать ее заново.

Но вернемся к помянутому ученому. Был такой академик, всемирная величина — Владимир Вернадский. Кто же не знает это имя. А надо сказать, что этот академик был самый прогрессивный из всех прогрессивных людей России, живших в одно с ним время. Наверно, сравниться с ним в этом отношении может только академик же А. Сахаров. Но в отличии от этого светоча международной демократии, Владимир Иванович был человеком русским, хотя вреда от его политической деятельности было не меньше. Так вот, Вернадский, в силу своей прогрессивности, был одним из организаторов главной революционной организации чисто масонского типа — «Союза Освобождения», созданной летом 1903 года. Надо ли говорить, что эта организация была создана за границей. Затем, Вернадский входит в ЦК еврейско-кадетской партии. Он борется с царизмом за свободу и демократию. Черносотенных газет не читает. И правильно делает: зачем портить себе научную карьеру. Благодаря своей принадлежности к масонству и лидерству в среде кадетов, он имеет возможность ездить по заграницам, работать в западноевропейских университетах, печататься и водить дружбу с нужными людьми. Уже в начале века он — европейски известный ученый, не какой-то там лапотник или дьячок из сельской церкви, уверен: «Могут быть случайности — временные падения, но в общем великая новая демократия выступила на мировую арену» (1906 г.).

А вот он же через четыре каких-то года после революции, и через пятнадцать после вышеприведенных слов пишет: *«Ни малейшего улучшения не замечается. Жизнь все более разрушается. Идут аресты, усиливается голод и холод, растет чиновничество и ничего нет»* (1921).

Более того, уже через год после революции, которую он со своей партией сам же и творил, а именно, в 1918 году у него уже идут совершенно черносотенные мысли: *«Русская интеллигенция заражена маразмом социализма. Народ невежественный. Идеалы чисто материалистические. (...) Огромную роль сыграли инородцы и не случайно. На полном маразматическом субстрате выдвинулись евреи — чуждые и враждебные всей старой России»* («Владимир Вернадский. Открытия и судьбы». М., 1993. с. 205). Или еще прекрасное признание, словно взятое из «Русского Знамени» или «Земщины» Маркова 2-го: *«Русское освободительное движение теперь мне представляется чем-то мутным, наполненным насилием и ложью. Большевизм — его законное детище»* (ук. соч. 212).

Вот так. Обличали черносотенцев, кричали о свободе, издевались над этими же словами в «Русском Знамени» и прочих правых газетах, улюлюкали, когда выступали монархисты в Думе и говорили эти самые слова. А когда товарищ маузер и голод взяли его за горло, тогда вдруг и мысли прояснились и приобрели отчетливо черносотенный характер, тогда и полились признания: *«Мы видим, к чему пришло движение мысли русской интеллигенции — к*

теперешнему большевизму: идея диктатуры, полицейского государства, отсутствия свободы». И снова звучат слова, на все сто процентов подтверждающие все прогнозы черносотенцев, от М. О. Меньшикова до К. Н. Пасхалова, Тихановича-Савицкого, А. И. Савенко, П. Ф. Булацеля, Н. Н. Жеденева и прочих — несть им числа мучеников долга и верности присяге; вот эти слова академика: *«Москва — местами Бердичев; сила еврейства ужасающая — а антисемитизм (и в коммунистических кругах) растет неудержимо»* (с. 294). Они относятся к 1927 году. А на следующий год он пишет на ту же тему: *«Бросается в глаза и невольно раздражает всюду находящееся торжествующее еврейство... всюду в парке, на улице местами они преобладают. Редко встречаются тонкие, одухотворенные, благородные лица— преобладают уродливые, вырождающиеся или лица терр-а-терр. Они сейчас чувствуют власть — именно еврейская толпа»* (ук. соч., с. 221).

Теперь он, академик, заметил преобладание евреев и в правительственных учреждениях. Он уже в 1923 г. не против и монархии. А ведь именно он и его товарищи по партии уже после февраля 1917 г. сделали все возможное, чтобы большевики могли спокойно возвращаться в Россию и вести здесь разрушительную пропаганду. Его партия смотрела как-то безразлично на приезд пломбированных вагонов с «немецкими шпионами», по крайней мере, агентами немецкого генерального штаба — с этими самыми евреями и большевиками в одном лице во главе с Лениным. Теперь он прозрел, академик. Но, увы, большинство из нас, ныне живущих, за это самое время ослепли сами. И находимся аккурат там, где находился этот замечательный ученый, космист и геофизик, во времена своей молодости, когда он верил не святому Евангелию, а «демократии» и «прогрессу».

«Изгнание» из рая легковерных сынов Израиля

Итак, еврейское по своей идеологии и государственной структуре, государство, сложилось, и дотянуло свои лета до дней сегодняшних. Но все меняется в этом мире. По крайней мере, по форме. И вот наступили восьмидесятые. Началась «перестройка». И тут же оживились масонские ложи в СССР вообще, и в республиках его в частности. Но эта «перестройка» началась не на пустом месте. Ее долго и любовно готовили специалисты. В первую очередь в области идеологии. Одним из мощных психологических факторов, обеспечивших развал страны, было создание органами КГБ диссидентского движения. Для того, чтобы оно само появилось на свет, была создана легенда о гонениях на евреев в СССР. С середины 60-х годов начинается шуршание в еврейских кругах — «не пускают», «выгоняют», «не принимают», «не дают ходу»... И начинает свою победную и кровавую жатву пожинать очередной молох «всемирной демократии» (масонства) — «Права человека». У этих «прав» миллион граней. И опытные политики, имеющие власть, средства информации и деньги, сами решают, какую из них им выгодно освещать. На этот раз, в фокус внимания попало право евреев выезжать из СССР — в США или Израиль. Не следует думать, что многомиллионная масса евреев в той или иной стране есть бездушное орудие в руках своих политических лидеров. Их надо еще раскачать, убедить, внушить им, что здесь плохо, а там уж так-то хорошо, что и сказать нельзя. Понятно, ставка делалась на молодых и здоровых. Хотя в политических целях не гнушались и пожилыми людьми. Сегодня любой еврей скажет, как трудно ему было жить в «те» годы, как ему не давали продвижения. И даже иной раз, если он учился в школе или институте, смели ставить тройки и даже неуды. Не следует при этом всерьез вступать с ними в спор и объяснять, что девяносто процентов в науке, образовании, финансовой сфере и прочее и прочее, занимали как раз евреи. Это и так все знают. Как создаются пропагандистские кампании — всем известно. Уволили за прогулы бездельника, но еврея Леву (к примеру) Израелевича Ашперовича — все... антисемитизм, слухи, шепот — «а что вы хотите, он же еврей!». Другого, какого-нибудь Шаевича (к примеру) не выпустили в Италию к тетушке, или дедушке. Ну, все — «а что вы хотите, он же... сами понимаете...». Ну, то, что ни туда и никуда не выпускают русских, ну так это здесь ни при чем. Какие права могут быть у русских! Это же смешно, Муля. А поскольку эта среда очень возбудима и постоянно своими руководителями поддерживается в хорошей спортивной форме и как раз такими слухами о преследованиях, о происках антисемитов, то и слухи эти обретали постоянно пищу для размышлений. И конечно, не без самого активного участия нашего КГБ и средств массовой информации. Только и было слышно: того не выпустили, а того не впустили, а у того-то какого-то племянника не послали в Копенгаген и «вы знаете, конечно, — у него же пятый пункт»... О, позор цивилизации! Для русских не позор, для татар не позор, для узбека — просто доблесть, как и для таджика, а для еврея — о, ужас! И при том, при сем, все демографические исследования, в которых выяснялось распределение всевозможных социальных благ среди различных наций в крупных городах были исключительно секретными. Автору этих строк приходилось иметь дело с одним таким исследованием в Москве. Оно проходило в семидесятые годы. Кроме всего прочего, выяснялось, сколько на представителя той или иной нации приходится квадратных метров жилой площади, каков средний доход на семью и на одного человека, какое количество лиц в расчете на тысячу имеет высшее образование та или иная нация, где выше социальное положение и так далее и тому подобное. Данные, будь они опубликованы, могли бы в один день разрушить все иллюзии русских, если они у кого-то есть, что они живут в интернациональном государстве с равными возможностями. На первом месте по всем показателям стояли как раз евреи. По многим показателям опережали русских кратно, в несколько раз. Точно также, если взять и кадровый состав

обкомов партии, то и там была бы наверняка картина преобладания евреев и в среднем звене этого аппарата. Но светиться так же, как это было в послереволюционный период, и вызывать настоящий огонь на себя со стороны коренного населения, держаться у власти только за счет ЧК-ГПУ, застенков НКВД было, конечно, невыгодно. К тому же, на штык можно опираться, но сидеть на нем неудобно. Как и сегодня. И вот в этом райском уголке СССР, созданном самими же евреями, вдруг зазвучал тревожный колокол: «О, горе, нас притесняют! О, гнусный режим, о, предатели чистого ленинизма! О. когда же мы вернемся к чистым истокам ленинской мысли и его бессмертным заветам!» Тут и Евтушенко, и Роберт Рождественский со своей «Ленинианой», затем и Володя Высоцкий, даже сочинивший стихотворение «Антисемит», повествующее о том, как его не приняли в какое-то учебное заведение, поскольку в приемной комиссии сидели антисемиты, а он, видишь ли, к несчастью, еврей. Вот уж не повезло! И скрыть не удалось. Но в смысле театральной карьеры, — то, как раз повезло!

«Права человека», таким образом, чисто технический термин. В 60-е и 70-е годы он означал лишь одно: возможность еврея выехать из СССР. И более ничего. И даже более никого. Только еврея. На этой волне появился в штаб-квартире международного масонства, едва ли не официального судьи по вопросам «всемирной демократии» и нового «мирового порядка», т. е. в американском Конгрессе едва ли не официальный термин — «империя зла» в отношении СССР. Сама Америка в этом всемирном спектакле выглядела империей добра и света. Удивительное дело. Во времена Ленина и Сталина, и даже позже — СССР таковой не была. И вдруг, сразу: «империя зла!» Дурака разыгрывали в этом отношении с обеих сторон. И со стороны руководства СССР и со стороны США. Тогдашние диссиденты должны были стать ферментом разложения СССР. Понятно, что общееврейская империя при этом только укрепляла свой строй и делала новый шаг по пути к эпохе Машиаха. Говоря языком масонов — к царству Астреи, «когда народы распри позабыв, в единую семью соединятся», т. е. собьются в серую неразличимую протоплазму. Но этому финалу как раз должны помочь распри.

Одну из главных ролей в этом процессе разложения СССР, в борьбе за права евреев выехать из СССР взяла на себя Бнай Брит. Такие мероприятия, как создание легенды о притеснениях евреев в стране большевизма, то есть в стране победившего иудаизма, относятся к числу всемирных деяний, в которые включаются самые различные силы. Радио, газеты, телевидение, ООН, агенты, распускающие слухи, нижний рядовой состав КГБ, искренне уверенный, что его руководство борется с сионизмом и при случае вербующие агентов среди евреев, судебные процессы, делающие мучеников того же иудаизма...

Н. Чаушеску, диктатор — друг евреев

Легче всего процесс борьбы за право еврея выезжать шел в Румынии. Николай Чаушеску умел обходиться с еврейской общиной и предоставлял ей ряд льгот. В ноябре 1976 года его посетил президент Бнай Брит Давид Блюмберг с тем, чтобы облегчить эмиграцию румынских евреев. В свою очередь Великий раввин Румынии Мозес Розан добился в Вашингтоне сохранения за Румынией режима наибольшего благоприятствования в торговле. Сам Мозес Розан был назначен Чаушеску членом румынского парламента. Он же был и директором такого издания, как Журнал румынского иудаизма, выходящего на трех языках.

В преддверии развала

С середины восьмидесятых годов обстановка в политической жизни стран Восточной Европы стала резко изменяться. Как по мановению волшебной палочки. В апреле 1987 года организаторы первой конференции Всемирного еврейского конгресса в странах социалистического лагеря провели ее в Будапеште. При этом один из главных организаторов этой конференции Эдгар Бронфман, всемирный алкогольный король и видный чиновник Бнай Брит и, одновременно, президент Всемирного Еврейского Конгресса (ВЕК) сам заявил, что не встретил никакого препятствия в организации этого мероприятия. В марте этого же, 1987 года, он посетил Москву и имел переговоры с руководством СССР за закрытыми дверями. Как сказано в не раз нами цитируемой книге Э.Ратье, «Михаил Горбачев разыгрывал еврейскую карту». После посещения СССР алкогольный король и высокопоставленный чиновник Бнай Брит Эдгар Бронфман выразил сожаление, что до сих пор американские руководители неправильно действовали в отношении СССР, устраивая экономические санкции, в том числе запрещая экспортировать в Советский Союз хлеб. В это же время и Азиль Дульцин, президент Всемирного Сионистского Конгресса, выразил свои симпатии стране большевиков: *«Не имеется никаких противоречий между коммунизмом и сионизмом. Советский Союз был первой страной, признавшей существование отдельной еврейской нации. Октябрьская революция даровала евреям все гражданские права; Октябрьская революция прибавила к правам личности еще и права национальные. Итак, в сущности своей у коммунизма та же доктрина, что и у сионизма».*

Остается вопрос, для чего вот так, вдруг, у всемирного еврейства, по крайней мере, у его многочисленных лидеров, появилась такая острая потребность иметь под рукой большие массы еврейства, способные в любой момент отправиться в Израиль. Что же именно предопределило необходимость в такой грандиозной операции, какая проводилась в семидесятые и начале

восьмидесятых годов, в нашей стране и других странах Восточной Европы. Вспомним, что с конца прошлого века среди еврейства возникает мысль о создании в Палестине своего, еврейского государства. Возникает сионизм с его идейным лидером Герцлем...

Во второй части очерка мы продолжим эту тему и перейдем к фактам внедрения лож Бнай Брит в СССР и организации на территории России многочисленных еврейско-националистических организаций, по существу охвативших все еврейское население нашей страны своими школами, лагерями, семинарами, многочисленными благотворительными организациями и издательствами. Попутно возникает мысль, а куда утекают наши многомиллиардные средства, на какие счета в западных банках? За нефть, газ, алюминий, лес, и проч. и проч. Вот сообщают по телевидению, что неизвестно куда исчезли около шестисот миллиардов долларов, полученных за нефть в течение последних нескольких лет. И возникает вопрос, а действительно ли эти деньги присваиваются отдельными высокопоставленными жуликами. Какая-то часть наверно и присваивается. Но на какие деньги Бнай Брит и другие еврейские международные организации осуществляют свою деятельность в России, издают книги, помогают материально своим единоверцам и прочее и прочее. И на чьи деньги, например, существует в Москве Еврейский университет в здании Государственного университета на Моховой, и другие еврейские ВУЗы России?

И возникает подозрение. А не на счета ли той же Бнай Брит? Не на наши ли деньги кормятся все эти благотворительные еврейские международные Ордена и орденочки? Не мы ли, русские, их содержим?

Известно, что догматический фанатизм, с каким люди, решившие, что они «избранные», проводят свои идеи в жизнь других народов, очень дорого стоит человечеству и капитально опустошает нашу землю, уничтожая целые народы и превращая некогда цветущие земли в пустыри и унылые кладбища. То этим «избранным» подавай социализм, то социализм оказывается уже не в моде и подавай им «рыночные отношения» и капитализм... любой ценой! — вернее ценой любого другого, — не своего же! — народа, или народов. Давно ли, кажется, этот «избранный» доказывал самым научным способом, что лучше государственной собственности ничего в мире и нет, а кто думает не так, тому — вышак, или на худой конец с десяток лет в лагерях генерала Френкеля, усовершенствованных по рецептам Раппопорта... А то подавай им, «избранным», Израиль — круши арабов!

Ради создания эфемерного государства Израиль сколько было в мире пролито крови, сколько страданий пришлось испытать миллионам людей на нашей планете. Ну, вот хочется людям и хочется дорогого и лакомого. В 1947 году совершенно разбойничьим образом высший масонский Совет — вновь созданная ООН, утвердила право евреев, отнять у арабов их земли и создать государство в Палестине. В числе первых инициаторов был и Иосиф Сталин, наш гениальный полководец и коммунистический патриот. С этого времени и возникает потребность в притоке большого числа евреев в это так называемое государство Израиль. Теперь это стало вечной головной болью еврейских лидеров.

И здесь на первых ролях выступает Бнай Брит. К началу семидесятых годов все существование Израиля было поставлено на карту. Незначительная рождаемость среди евреев — с одной стороны, и очень большая рождаемость среди арабов привели к резкому дисбалансу сил в этом густо населенном крае Ближнего Востока. Кроме того, образовательный уровень евреев был невысок, и не хватало научных кадров. В это время Израиль был обыкновенным захолустьем, существующим за счет бюджета США. Экономисты давно подсчитали, во что обходилось в среднем каждому американцу существование суверенного государства Израиль, ведущего к тому же постоянную войну с арабами. И поскольку единственным большим «садком», где проживает самое большое количество евреев в мире, является СССР, то именно отсюда и следовало вызвать отток «избранных».

А ведь надо знать, какое мистическое значение еврейское руководство в мире придает существованию Израиля. И в ход пошла и «империя зла», и громкие завывания академика Сахарова с его трепетно-нежной супругой мадам Боннэр, и прочее и прочее. Заметим, за все время этих завываний о «правах человека (еврея)» ни разу, ни по какой волне «свободы» не шла речь о русском крестьянстве, о судьбе русского народа, отлученного большевиками от своей истории, своей земли и своей Церкви. Более того, такие мысли даже в среде тех же диссидентов сразу пресекались. На виновных в них строчились доносы в КГБ самими же этими диссидентами. В данном случае органы КГБ шли рука об руку с Бнай Брит и прочими головными организациями евреев на международной арене. Немалую роль, кстати, играла и разыгрываемая «антисемитская карта» в тех же КГБ в виде распространения антиеврейских анекдотов, некоторых печатных трудов по «разоблачению сионизма». Шумиха в этом деле, создание вещественных признаков атмосферы антисемитизма должны были убедить молодых евреев, что СССР — «империя зла», что им здесь нет хода, и что только «там» они обретут покой и радость. Так осуществлялась политика психологического выдавливания евреев из СССР ради нужд Израиля. Еврейский характер большевизма стал замалчиваться.

К концу восьмидесятых годов народ наш представлял уже вполне деморализованное племя, капитально забывшее свое прошлое, свои традиционные бытовые навыки, свою религию и свое прошлое. Таким образом, большевизм подготовил почву для новой революции и стал ненужным. С конца восьмидесятых события развиваются стремительно. В ноябре 1988 года

делегация из восемнадцати членов французского Бнай Брит во главе с президентом Ордена Марком Ароном приезжает в Москву, и привозят с собой большое число литературы. Они посещают также Риту и Киев. Уезжают вполне удовлетворенные оказанным приемом.

В декабре того же года, 1988-го, тридцать восемь руководителей еврейской общины города Москвы, стало быть, активных строителей коммунизма, встречаются с партийными и административными чиновниками первопрестольной на предмет открытия первой ложи Бнай Брит в Москве. Конечно, этому предшествовала большая просветительская работа среди еврейской молодежи Москвы, среди которой в ходе организации различных семинаров и «неформальных встреч» отбирались достойные и нужные молодые люди. Встречи проходили и на квартирах и даже в ресторанах. И вот официальное открытие состоялось. И на эту церемонию прибыл из Америки сам президент Всемирного Ордена Бнай Брит Сеймур Райш, которого встречал Константин Харчев, возглавлявший Совет по религиозным делам при Совмине СССР, а также и заместитель генерального прокурора Владимир Андреев. Он должен был отчитаться перед американским начальством по делу о Валленберге. Бнай Брит добилась разрешения посещать беспрепятственно СССР для раввинов из других стран.

В апреле 1989 года делегация Бнай Брит посещает Ригу и Вильнюс. В этом же году, кстати. Верховные Советы прибалтийских республик провозглашают официально декларацию о своей экономической независимости. Посещение заканчивается основанием лож Бнай Брит в Риге и Вильнюсе, наиболее крупном центре иудаизма в мире.

В августе 1989 года состоялось специальное решение Международного Совета Бнай Брит в Стокгольме о внедрении лож Бнай Брит в странах Восточной Европы. И в октябре группа Бнай Брит во главе с писателем Леоном Урисом и Михаелем Найдичем посещают Ленинград, Москву и Ригу с тем, чтобы организовать обучение еврейской молодежи. А в декабре создается новая организация — Конгресс организаций и еврейских общин Советского Союза. Теперь широко организуются постоянно действующие семинары для еврейской молодежи. А в декабре создается новая организация — Конгресс организаций и еврейских общин Советского Союза. Теперь широко организуются постоянно действующие семинары для еврейской молодежи в различных городах, в том числе и в Биробиджане. Создаются специальные лагеря для молодежи. Начинается широкая учеба по еврейскому языку, обрядам иудаизма, Талмуду, создаются ешиботы для воспитания нового поколения раввинов. Начинается широкий выпуск литературы по иудаизму, его основам и по еврейской философии. В здании журналистики МГУ, что на Моховой, на третьем этаже, открывается Еврейский Университет и при нем книжная лавка. В октябре 1990 года Бнай Брит открывает свои первые официальные бюро, но не в Москве, а в Ленинграде, где находится старинный Еврейский Университет, как и еврейская школа Хабад [8].

Следует отметить, что на первом месте стоит вопрос воспитания молодого поколения в духе иудаизма. Соответствующие школы и постоянно действующие семинары открываются в Москве, Петербурге, Риге, Киеве, Вильнюсе, Уфе, Биробиджане, других городах.

В официальном бюллетене Бнай Брит за 1989 год сказано, что Бнай Брит первая международная еврейская организация, получившая от властей право на постоянное пребывание в СССР, в данном случае в Ленинграде и что наиболее активным деятелям Бнай Брит предлагает провести курсы еврейского языка и уроки каратэ для 150 членов Бнай Брит в Ленинграде. А в 1991 году президента Бнай Брит партийное руководство СССР приглашает в Кремль на празднование Великого Октября. Это приглашение, как сообщает «Бнай Брит журнал» (№ 57, 1991), было передано Анатолием Лукьяновым, председателем Верховного Совета СССР. Так сообщает «Бнай Брит Журнал». Надо полагать, это приглашение было передано до августа 1991 г. Незадолго до развала СССР хроника посещений различными делегациями Бнай Брит Советского Союза необычайно богата. Среди потока однообразной информации можно выделить одну строку: лучшим другом Владимира Лукина, бывшего в 1993 году послом России в США был национальный представитель Бнай Брит в Советском Союзе Александр Шмаклер, впоследствии эмигрировавший в Америку.

Для общей характеристики следует сказать, что процесс открытия лож Бнай Брит проходил и в странах Восточной Европы. В Будапеште ложа Бнай Брит «Ренессанс» была образована 18 февраля 1991 г. По этому случаю был дан праздничный обед, на котором присутствовали чиновники ложи Бнай Брит, а также представители посольств Германии и Израиля, а также и князь Шварценберг, первый советник президента Вацлава Гавела. В европейском масонском журнале «Экспресс интернацьональ» (от 17 января 1992 г.) говорится, что у нынешнего президента Чехословакии Гавела и отец и его дядя были масонами. И поясняется: «У интеллектуалов это было традицией: наиболее известные чехи, как президент Бенеш были масонами». Масоном был и известный славянофил Масарик, первый президент Чехословацкой республики. Вторая ложа Бнай Брит в Чехословакии была открыта в Братиславе в октябре 1991 года и ее члены представлялись президенту Гавелу.

На открытии ложи Бнай Брит в Софии присутствовали представители как ряда посольств (Германии, Израиля, США и др.), так и самого болгарского правительства. А по случаю открытия делегация чиновников Бнай Брит

[8] Хабад, аббревиатура названий интеллектуальных способностей — хохма, бина и даат (мудрость, понимание, знание), философское направление в современном иудаизме.

представлялась президенту Болгарской Республики Желю Желеву, который пожелал успеха новой ложе.

Из приведенных примеров видно, насколько мы мало знаем о том, что творится наверху, какие силы управляют миром. Во-вторых, этот пример показывает, что нам закрыто то, что открыто даже не очень высоким государственным чинам. В-третьих, этот пример показывает, что эта организация по своему юридическому статусу приравнивается к иностранному государству или даже к некоему международному контролирующему органу.

Нет смысла говорить далее о масонстве в сегодняшней России, так как на эту тему пишут много и многие.

Закончим тему еще двумя сообщениями. Первые ложи были основаны в Москве и Ленинграде несколько ранее указанной. А именно, это были женские бнай-бритовские объединения для юных особ. Скорее всего, и они не были первыми, но существовали и во времена СССР, но для высокопоставленных особ и были хорошо законспирированы... от улицы. Впрочем, для такой конспирации не так уж много и требуется. Достаточно, чтобы средства массовой информации ничего на эту тему не сообщали, и тогда явления как бы и нет, как факта общественного знания и сознания. В данном случае слово «конспирация» означает только одно: идущий сверху запрет на печатную огласку факта.

В 1989 году вышел первый информационный бюллетень Бнай Брит, изданный в Москве и на русском языке. Он начинался обращением:

«Дорогие братья и сестры в СССР, от имени всемирной семьи организации Бнай Брит мы поздравляем вас с Новым Годом». Далее говорилось о «прогрессивных изменениях, происходящих в вашей стране», о решимости помогать тем, кто хочет «эмигрировать из СССР, а тем, кто хочет оставаться там, оказывать всемерную поддержку в области культуры, образования и общественной жизни». Если вспомнить о том, что в рядах Бнай Брит такие мультимиллиардеры, как тот же упоминаемый выше алкогольный король Э. Бронфман и прочие миллиардеры, то поймешь какое национальное равенство возможностей может быть у русского, питающегося исключительно от своих рук и к тому же обдираемого под липку агентами нынешней власти России, разными гусинскими и абрамычами березовскими, и еврея, имеющего за своей спиной всяких и гусинских и Бронфманов с Ротшильдами впридачу. Заканчивается обращение пожеланием «тикун олам — Исправление Мира, стремиться к тому, чтобы мир стал лучше...». Поскольку главная задача еврея — совершенствовать мир, то надо полагать, что и нынешняя разруха, поразившая русский народ почти насмерть, как-то вписывается в анналах иудаизма в такое «совершенствование мира».

Третий номер за 1990 год также дает немалую пищу для размышлений, причем на самые рискованные темы. Номер открывается сообщением о награждении президента Израиля Хаима Герцога «Золотым медальоном» и говорится, что этой же наградой были отмечены и заслуги президентов Трумэна и Эйзенхауэра. Хаим Герцог в свою очередь расхвалил великие заслуги Бнай Брит и сказал: «Цели Организации были сформулированы в духе благородных положений иудаизма, включая принципы чистой филантропии, чести и патриотизма, защиты слабых и преследуемых, а также развития и совершенствования духовного и морального облика еврейского народа».

В данном случае возникает вопрос о содержании слова «патриотизм». Можно было бы подумать о Израиле. Но ведь Орден Бнай Брит называется международным и призван защищать интересы евреев во всем мире. Не берусь ответить на этот вопрос. Оставим его открытым. Но надо вспомнить, что еще масоны давних времен в ложах пели: «Наша родина — весь мир».

Далее идет сообщение о роли Бнай Брит в работе ЮНЕСКО при ООН. Здесь говорится о борьбе с «расизмом, национальным и религиозным фанатизмом», и, конечно, антисемитизмом. Надо сказать, что в документах Бнай Брит упоминается и «национал-большевистская Память» и говорится, что первая же делегация Бнай Брит, прибывшая в Москву, потребовала закрытия «Памяти» Васильева, как националистической. Приходится обращать на это внимание, потому что... далее в том же бюллетене имеется статья под заглавием «Рост еврейского национализма», в которой еврейский национализм восхваляется на примере деятельности раввина прошлого века Цви Калишера и приводятся слова этого раввина о том, что «евреи — хозяева земли».

Но если учесть, что именно эту догму и реализует и Бнай Брит, и Всемирный еврейский конгресс, и Всемирный сионистский конгресс, и Всемирный Израильский Альянс, и прочие и прочие там всякие Анти-Диффамационные Лиги, не говоря уж о всяких комитетах и армиях спасения, то просто оторопь берет от этого цинизма наших «демократов», почему-то израильского происхождения по большей части, ведущих прицельный огонь по созданным ими же и их хозяевами картонным фигурам, вроде «русского фашизма» или той же «Памяти». Но как же без них может жить порядочный сионист и демократ, равно и масон и бнай-бритовец? Это какая скука-то! Чем оправдаешь хлеб свой перед сородичами, чем напугаешь!.. Невольно начнешь материализовывать свои мечты о экзотической охоте на бумажных тигров, вроде всех этих камерных, карманных и домашних «националистических русских партий». Это хоть и горькая, но, правда.

А ведь любопытно то, что если, к примеру, Бнай Брит все-таки как-то не афиширует свою деятельность и имеет возможности прятаться, преграждая уста печати и телевидению, то ведь основы иудаизма вполне доступны каждому из нас. И если говорить о национализме, то ведь альфой и омегой

иудаизма является представление о евреях, как о господствующем племени, призванном управлять миром и вести его вперед согласно Торе. Преимущество еврейского племени — есть основа иудаизма. А сам иудаизм объявляется выше всех религий и единственно правильным учением. Но если это не национализм, тогда что такое вообще национализм? И последняя статья в бюллетене посвящена ученому раввину Штайнзальцу. известному своими переводами Талмуда и популярной книгой об иудаизме «Роза о тринадцати лепестках», переведенной и на русский язык. К этой небольшой книге следовало бы вернуться и посмотреть, что там пишется о национализме и «избранничестве».

Заключение

В этом историческом очерке многие темы остались не затронутыми. Например, отношения Бнай Брит и нацизма в 30-е годы в Германии, взаимоотношения этого ордена с другими масонскими организациями, то есть с классическим масонством. В стороне остался интересный эпизод борьбы Анти-Диффамационной Лиги с Генри Фордом, когда тот повел антииудейскую кампанию, опубликовав «Протоколы Сионских мудрецов» и эти мудрецы повели с ним борьбу по всем канонам этих вроде как мифического происхождения протоколов.

Что касается русской судьбы и тех бумажных тигров, что выдают нам за национальные русские объединения, то надо признать горькую правду. Подавляющая часть из них так или иначе, прямо или косвенно, но создана сверху. И по существу ни одной массовой русской организации нет. И чтобы их не было, такие организации, как Бнай Брит, тщательно следят, вовремя, кого надо и куда надо внедряют, имеют армию осведомителей и в нужный момент любое движение блокируется. К тому же никакая организация в наше время не может существовать не имея а) денег и б) не имея на своей стороне широкого сочувствия общественных национальных кругов. Ничего этого нет у самой идеи создания русского движения в сторону свободы и самобытности. У нее нет ни денег, ни сочувствия в сознании миллионов русских людей. И это все прямо обратно тому, что имело еврейское националистическое движение вообще и, к примеру, в предреволюционной России. Тогда оно быстро связало свою еврейскую мечту с лозунгом «счастья и свободы всего прогрессивного человечества», оставило в себе и чисто националистические партии и выдвинуло на политическую арену интернационалистические объединения, и повело их на борьбу с русской государственностью. имея в своих рядах капиталистов, крупных чиновников, включая членов правительства, банкиров и газеты. Результат известен.

Другой результат: внедрение в русское сознание принципиальных идей иудаизма под разными названиями: «социализм», «прогресс», «социальная справедливость», «демократия», «реформы», «гуманизм», и так далее. Эти понятия, конкретный смысл которых по большей части совершенно непонятен большинству, завораживают, как посланцы небесного царства своим солнечным сиянием, от которого исходит ощущение доброты и вечного счастья.

И создается иллюзия, что если и не наступает это вечное счастье, то только от того, что... плохие политики и их надо поменять. Мешают объективные условия, но скоро, и езде чуть-чуть...

В результате национальное сознание, отравленное совершенно ложными идеалами, забывшее свою историю и свой традиционный быт, оказалось расколотым и плененным без армий и завоеваний танками и самолетами.

Поэтому у нас нет и национальных мучеников за идею свободы и независимости русского народа, за право жить по-своему и иметь своё национальное руководство, для осуществления своих национальных интересов, что мы отравлены чужой культурой. По характеру притязаний всех этих Бнай Брит, в мире не может быть других национальных интересов, кроме тех, что сформулированы в Торе. Отсюда и эти крики то об инквизиции и ее жутких кострах (пропагандистская манера XIX века), то о «фашизме» и «шовинизме» — в наше время. Большой хищник не любит конкурентов. Вот весь смысл этих «демократических» завываний: с властью не хотят делиться ни с кем.

Да, надо признать, нет у нас, русских, ни своей АДЛ, которая могла бы развязать по всему миру кампанию борьбы с врагами русских интересов, ни Всерусского конгресса или Всерусского Союза с миллиардами долларов и триллионами рублей на банковских счетах. Нет и национальных лидеров, если не считать давно умерших писателей, которые, впрочем, тоже лидерами национально-русскими никогда не были. У нас нет и своего телевидения, и своего издательства. Есть только дети октября, не помнящие родства.

На своей собственной земле, где покоятся кости наших предков, когда-то под святыми знаменами создававших свое собственное государство, мы не имеем ровным счетом ничего своего. Решительно ничего. Мы отчуждены полностью от управления страной и даже плохонькой деревушкой. Куда-то идут составы поездов, что-то везут. Что везут? Может, картины из наших национальных музеев, проданные швейцарцам или немцам, а может, царскую корону? Кто это знает... Идут составы с каким-то грузом... Это наше добро, за которое деньги лягут в чужие банки, на чужие счета. Какие? Счета Бнай Брит, или какого-нибудь фонда какого-то неведомого комитета, чтобы на них провести акцию благотворительности для еврейских юношей в Азии или еще где? Да кто это из нас может знать? Читаем газеты, смотрим телевизор... Вот и все, пожалуй. «Культура» сделала нас паралитиками.

У нас нет ничего своего. И по большей части мы не чувствуем в этом

нужды. У нас, многих, родилась психология пролетария. Мы и стали теми пролетариями, у которых кроме цепей ничего своего. Нас убаюкивают рассказами о Минине и Пожарском, Суворове и Жукове, Пушкине и Толстом. Повсюду ложь и обман, У кого деньги, тот и заказывает музыку. Политический олимп прочно занят масонским Орденом, который, в частности, взращивает в сознании народов комплекс вины перед народом еврейским, как воплощением «божественного» присутствия в мире.

Мы видели, что этот режим пришел на русскую землю в 1917-м с самыми распрекрасными лозунгами. Пришел потому, что никто из тех, кому бы полагалось уметь думать и принимать ответственные решения, не читал «черносотенных» газет, не слушал «черносотенных» предостережений, кто оказался внушаемым и тщеславным и тем обнаружил глупость, легкомыслие и — продажность, по самому большому счету.

К концу XX века мы стали пролетариями. Но почему-то теперь никто не выдвигает лозунга объединяться пролетариям и брать власть в свои руки. Начав XX век с «борьбы рабочего класса за свои права», мы кончаем век, когда работающий лишен вообще всех прав, которые имели даже рабы в Древнем Риме, — прав на еду и жизнь. И этот результат обнаруживает подлинную ценность всех тех политических лозунгов, которые пришли на русскую землю еще в XIX веке, и ныне процветают: «демократия», «прогресс», «гуманизм», благодаря которым «избранные» царствуют в мире.

Внушаемые, как дети малые, мы поклоняемся и ныне апостолам этих идей, забыв о тех, кто когда-то отдал свои жизни в борьбе с этими идеями и теми, кто их осуществлял. Понятно, те были «черносотенцами» и врагами «прогресса» и «демократии», что с них взять! Нам дороже концлагерь и рабство, в том числе духовное и идейное, потому что этот выбор не требует от каждого из нас ответственности и смелости. Но по Сеньке и шапка...

Так или иначе, но все-таки важно понять, что все последние сто лет мы имеем в нашей истории осуществление одного плана, и в этом процессе такая всемирная организация, как Бнай Брит, не на последнем месте. Сегодня она объединяет в своих рядах в нашей стране тысячи еврейских интеллектуалов, в том числе и молодежи, имея свои объединения во всех крупных городах России. Еврейские националистические организации — кто-нибудь о них читал, знает? Или знают все? Но это вряд ли.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ФРЕЙД И БНАЙ-БРИТ

«Фрейд был не только великим ученым, но также евреем... сознательным евреем и гордостью «Бнай Брит». Отто Герц.

Среди множества всевозможных научно-религиозных учений последнего, текущего века, взявших на себя миссию объяснять решительно все происходящее на земле и на небе, вроде марксизма или дарвинизма, одно из первых мест принадлежит, несомненно, психоанализу, со всеми его разновидностями и ответвлениями. Теория психоанализа, созданная в конце XIX века и начале нынешнего австрийским врачом, евреем Зигмундом Фрейдом, начала свой путь как одна из медицинских дисциплин, но уже через два десятка лет Зигмунд Фрейд расширил ее объяснительные возможности до религиозного учения. Сегодня с помощью этой теории можно объяснить происхождение государства, забастовок, частной и общественной собственности, сущность всех религий мира и даже понять, в чем смысл существования денег в обществе. Что касается человеческой психики, как индивидуальной, так и общественной, социальной, то здесь эта теория дошла до своего края, и одно время казалось, что человек стал ясен в своем устройстве больше, чем принцип работы двигателя внутреннего сгорания. Заблуждение скоро, впрочем, рассеялось. Сегодня психоанализ активно внедряется на нашей многострадальной родине, ставшей давно уже полигоном всевозможных идеологических и экономических экспериментов.

Однако на первом месте, наиболее очевидном для каждого из нас, стоит сегодня пропаганда распущенности, проповедь пансексуализма. Сняты в этом отношении все препоны и все вековые запреты. Но именно на такой пансексуальности, на признании производящих сил природы как основы основ всей жизни человеческого общества, на поклонении и обожествлении этих сил, и стоит психоанализ, и точно так же сексуальность, слепая, безликая и всеохватная, пронизывает единственную в этом роде религию — иудаизм с его Талмудом и каббалой и многочисленными трактатами «орлов синагоги».

Основателю психоанализа Зигмунду Фрейду посвящены тысячи томов всевозможных исследований, и тысячи панегириков воспевают его гениальность. Но есть одна сторона в его биографии, которую тщательно

избегают упоминать при этом. Итак, что нам известно о Фрейде и о чем не любят упоминать его биографы и последователи.

Зигмунд Фрейд родился в 1856 году 6 мая во Фрайбурге (Моравия), но жизнь его с самого детства оказалась связана с Веной. Здесь он учился в лицее и был лучшим учеником. Поступив в Венский университет в семнадцать лет, в 1875-м, он работал с 1876 по 1892 гг. в Институте психологии. Достигнув степени доктора медицины в 1881-м, он стал читать курс по нейропсихологии в 1885 г., но вскоре был направлен на стажировку в Париж (вместе с известным доктором Шарко), а затем в Берлин. Он активно занимался проблемой детской истерии, и на этом пути его стали посещать новые идеи, легшие в основу психоанализа. Начало девяностых годов прошлого века — это первые шаги Фрейда в новой дисциплине, которую можно было бы назвать на этом этапе наукой о бессознательных человеческих влечениях. Конечно, в этих влечениях Фрейд сразу обнаружил главное — основу души человеческой составляют половые стремления — либидозные, сексуальные и их вариации. Он «обнаружил», что человеку хочется «сочетаться» с матерью (отцом), хочется убить одного из родителей, чтобы завладеть вторым родителем. Надо ли говорить, что эти «открытия», как и другие, оттолкнули от Фрейда его знакомых и его коллег-врачей. Фрейд обладал умом доктринера и метафизика, как и Маркс, и потому стремился все свести к одной причине.

Трудно сказать, как в дальнейшем разворачивалась бы жизнь Фрейда и какая судьба ждала бы психоанализ, если бы, во-первых, за пятьдесят лет до описываемых событий, а именно в 1843 году, в Соединенных Штатах не возникла бы чисто еврейская масонская международная организация — Орден Бнай Брит (Сыны Завета), и, во-вторых, если бы в 1895 году ложа этой громадной к тому времени организации не была бы основана, нелегально, в Вене. В конституции Ордена значилось, что он имеет своей целью защиту еврейских интересов во всем мире и «берет на себя миссию» способствовать осуществлению всех самых возвышенных идеалов мирового еврейства. Фрейд в это время чувствовал себя всеми покинутым и отвергнутым вместе со своей новой теорией бессознательного, пансексуальностью и подсознательным стремлением человека к кровосмешению. В это время он и встретился с членом Бнай Брит, Эдмундом Коном, который обсуждал с ним вопрос о вступлении Фрейда в ложу Вены. Посвящение в ложу состоялось 23 сентября 1897 года. Один французский исследователь по этому поводу пишет: «Согласно документам, которые мы могли изучить, кажется, что Бнай Брит внесло большой вклад в дело Фрейда — как в само создание психоаналитического корпуса, так и в его развитие во всем мире» («Секреты и тайны Международного Ордена Бнай Брит», издатель Эммануэль Ратье. Париж, 1993).

Уже 7 декабря 1897 г. «брат» Фрейд произносил на заседании ложи свою первую «планш», но не как того требовал обычай, не о впечатлении об инициации, а об интерпретации снов, психоаналитической работе, которой он будет следовать и впоследствии. Рекомендовавший Фрейда в Орден Эдмунд Кон вспоминал, что все речи Фрейда на заседаниях ложи были посвящены его психоаналитическим исследованиям, с которыми он и знакомил своих «братьев» в ложе Бнай Брит. Кроме того. Кон отмечал: «и то же время Фрейд, как сознательный еврей, отдал всего себя равным образом на службу ложе с первого дня своего пребывания в ней (...). Фрейд, делая все это, был фанатиком истины; ...его конференция была всегда днем праздника для ложи...».

Надо сказать, что с 1926, Бнай Брит стала гордиться своим членом и тем, что именно она стала той силой, которая сделала психоанализ мировым учением, вложив в это дело много денег, усиленно пропагандируя это учение среди врачей, большая часть которых были евреями. Сегодня хорошо известно, что Фрейд в течении сорока лет был членом «Бнай Брит», причем первые десять лет он участвовал в жизни ложи самым активным образом, не пропуская практически ни одного заседания и участвуя в работах Комитета Ложи (управленческая структура Великой Ложи «Бнай Брит» в Вене); кроме того, он входил в число членов Коми юта интеллектуальных интересов Ложи и был его председателем, также как и Комитета Мира. Он был членом и Научно-исследовательского Комитета Ложи. В 1901 г. он написал даже работу «Цели и средства Ордена Бнай Брит».

Бнай Брит никогда не прекращала поддерживать дело распространения психоанализа и пропаганду идей Фрейда: «Когда после окончания войны в 1945 г. еврейская жизнь вновь организовалась в Вене, Бнай Брит вновь была возвращена к жизни вместе с ложей «Цви Перетц Шайе». «Тогда почувствовали горестно, что мысль великого Брата Бнай Брит Фрейда была почти полностью забыта на его собственной родине, в его собственном городе. Только маленький кружок психоаналитиков из Психоаналитической Ассоциации сохранял еще его наследство. Вот почему Бнай Брит вменил себе в обязанность сделать все возможное для возрождения Фрейда в Австрии, так как, по нашему мнению, Фрейд был не только великим ученым, но также евреем, который, будучи далеким от всяких вероисповедных уз, и даже находясь в оппозиции ко всякой религиозности, был, однако, сознательным евреем и гордостью Бнай Брит». («Сборник», изданный Бнай Брит по случаю 80-летия основания первой ложи Бнай Брит (1895-1975) — автор цитаты Отто Герц).

Для увековечивания дел великого «брата» и их пропаганды, в Вену прибыли президент Ордена «Бнай Брит» д-р Вильям Векслер, сопровождаемый президентом «Бнай Брит» по Европе Дж. Блохом, равно и д-ром Е. И. Эльрихом и д-ром Отто Герцем (слова которого выше были процитированы). Было создано Общество Зигмунда Фрейда. Это Общество получило большую

поддержку «Бнай Брит» и собственной дочери Фрейда Анны Фрейд, также известной своими трудами по психоанализу. В самой штаб-квартире «Бнай Брит» и проходили в Вене в семидесятые годы международные конференции по психоанализу. Результат пропаганды был достигнут. «Когда думают о Вене, думают непосредственно о Фрейде» («Речь председателя ложи Цви Перетц Шайе Фридриха Виезаля» — 1984 г.).

Любопытно отметить, что в то же время, что и Фрейд, на той же улице Берггассе в Вене, но только не в доме номер 6, где жил основатель психоанализа, а в доме 19, проживал Теодор Герцль, отец сионизма. Сам Фрейд был не чужд сионизму и вовсе не игнорировал политические тезисы сионистов и, более того, их одобрял, как показывает одно письмо, которое он послал в качестве отчета в сентябре 1902 г. со своей книгой «Интерпретация снов» Герцлю, в то время ведущему литературную рубрику в «Новой Свободной Прессе». В 1925 году Фрейд послал специальный выпуск своей автобиографии лорду Бальфуру после речи последнего по поводу торжественного открытия университета в Иерусалиме. Впоследствии Фрейд регулярно контактировал с различными сионистскими организациями, такими, как Керен Ха Иешод или Кадима, членом которой стал его сын Мартин Фрейд. Сам же Зигмунд Фрейд стал ее почетным членом в 1936 г. Его сыновья были убежденными сионистами. Его сын Эрнст стал архитектором, отправился в Палестину в 1927 г., чтобы построить там дом Хаима Вейцмана. Психоанализ быстро достиг земель Палестины. В 1933 г. появляется первое 06-шество психоаналитиков Палестины во главе с Максом Эйтингоном, близким другом Фрейда. Именно он станет, начиная с 1926 г., руководить престижной Международной Ассоциацией психоаналитиков. Не лишено любопытства, что Макс Эйтингон был человеком с двойной жизнью. И одна сторона этой жизни тщательно скрывалась: а именно, он был агентом, работавшим в пользу ГПУ — большевистской политической полиции. Он родился в России в 1891 г. и был братом Леонида Эйтингона, видного сотрудника ГПУ, более известного под именем генерала Котова. Это был тот самый Котов, который, получив задание Сталина, стал интимным другом Карриделя Меркадера, завербовал его сына Рамона Меркадера и тот уже выполнил задание — убил Троцкого.

Остается выяснить вопрос, почему же «Бнай Брит» так активно стала помогать осуществлению идей З. Фрейда. По мнению «Бнай Брит», «Фрейд выполнил библейскую весть об Исполнении здесь и теперь, во всей полноте». Это значит, что учение психоанализа глубоко укоренено в еврейской мистике и в иудаизме в целом. Обычно скрывается тот факт, что Фрейд имел удивительное влечение к практической магии и оккультизму. На этом пути, развивая свою теорию, Фрейд, по словам его биографа Эмиля Людвига, дошел до создания своего собственного направления в масонстве, и своей собственной ложи в системе Бнай Брит. Еще в молодые годы Фрейд поддерживал отношения с известным еврейским проповедником, автором большого числа трудов по каббале и мистике Адольфом Жиллинеком. А с конца восьмидесятых годов и до 1901 г. на него оказывал большое влияние другой каббалист — Вильгельм Флиесс.

Содержание учения психоанализа покоится в своих фундаментальных принципах на иудаизме. Исследователь Дэвид Бакан, американец, в своем эссе пишет, что «фрейдизм есть перевоплощение еврейской мистики», «светский наряд» иудаизма. Это учение, по мнению этого исследователя, воскрешает в памяти «убедительную гипотезу» о некоем «пакте с дьяволом» и он объясняет многие особенности психоанализа тем, что его основатель «всю свою жизнь провел в виртуальном гетто, мире, состоящем исключительно из евреев».

Март Роберт в своем проникновенном очерке увидел в психоанализе «последнюю по времени разновидность комментариев к Талмуду». Другой исследователь, Персиваль Байлей, увидел во Фрейде «светского раввина». Некоторые же просто и, надо признать, убедительно подчеркивали, что психоанализ есть «скорее религия, чем наука. Она имеет свои догмы, свои ритуалы, а психоаналитические интерпретации почти мистичны, во всяком случае, очень мало контролируемы» (проф. Барюк, «Люди, как мы»). По крайней мере, большинство врачей согласится с тем, что лечебный эффект психоанализа, несмотря на интенсивную пропаганду этого учения, более чем скромен и очень трудно найти среди миллионов людей, прошедших лечение у психоаналитиков, случаи излечения от невроза навязчивых состояний. В январской книжке журнала Ордена «Бнай Брит Мэгэзин» за 1926 год вышла содержательная статья А. А. Робака, «брата», уполномоченного по делам психоанализа, имевшая характерный заголовок «Фрейд: хасид или гуманист?» Сам А. Робак рассматривал психоанализ, как течение хасидизма, то есть течения еврейской мистики, в котором особенно сильна тяга к символотворчеству и стремление видеть во всей жизни символы, которые подлежат расшифровке. Все это, по мнению Робака, имеет свой эквивалент в психоанализе. Здесь же, в этом течении еврейской мистики, сильно и стремление увидеть весь мир сквозь призму сексуальности. Робак в этой работе проделал большой анализ психоаналитических доктрин и сравнил их с каббалистической мистикой. Нелишне будет заметить, что этот журнал — «Бнай Брит мэгэзин» — предназначен исключительно для членов Ордена, и его номеров нет ни в одной крупнейшей библиотеке мира.

Система расшифровки символов бессознательного в человеческой психологии покоится на тех же принципах, на которых держится и вся система мировосприятия у любого масона: мир, как символ, числовой, сексуальный, геометрический, как символ букв еврейского алфавита (только еврейского!). В другом тексте тот же А. Робак отмечал, что способность интерпретировать символы есть «определенная характеристика, константа еврейского духа». И

еще: «Некоторые писатели не колеблясь говорят, — пишет Робак для членов Бнай Брит, — что психоанализ имеет единственно лишь еврейское внушение и причинно обусловлен расовым прошлым своего основателя. Я думаю, со своей стороны, что имеется большая доля истины в этом утверждении». Способность к интерпретаторству — а именно интерпретаторство лежит в основе психоанализа, — воспитывается в иудаизме с детства, еще в школах-ешиботах. На комментаторстве основан весь Талмуд. Но на комментаторстве основана и вся наша человекобожеская религия — «культура». Здесь есть над чем подумать...

В заключение можно упомянуть еще о двух любопытных фактах. Все ведущие деятели психоанализа, за исключением разве Густава Юнга, были сплошь евреями, выходцами из самых различных стран, включая Россию (Лурье и Вульф). Именно повышение Густава Юнга в президенты психоаналитического движения вызвало возмущение у последователей психоанализа, участников Второго Конгресса психоаналитиков в Нюрнберге (1910 г.). Нееврей вдруг станет одним из лидеров психоанализа!?.. Фрейду самому пришлось защищать своего блестящего последователя, что, впрочем, было вызвано чисто тактическими соображениями и интересами распространения учения среди других наций. Другим фактом, достойным упоминания, можно назвать слова Анны Фрейд на одном торжестве в честь памяти ее отца. Она потребовала назвать психоанализ «еврейской наукой», что, конечно, не входило и не входит в планы отцов Бнай Брит.

Если вспомнить, что сам «бог» иудаизма — двуполое существо, что эта бисексуальность пронизывает все эманации этого «бога», если представить себе, что сам принцип зла в иудаизме связан с разрушением, а не с грехом, то увидишь корни психоаналитической теории о нищете, кровосмешении, всех прочих мифов психоанализа, и увидишь отчетливо, что этот принцип есть действительно навязываемый под научной личиной иудейский тип мышления и иудейская религия, с характерной мифологией, прикрытой личиной науки. Это религия пантеизма, язычества, причем самого примитивного, средневекового образца.

Фрейд в своем методе «лечения» и исследования пациента предлагал один-единственный метод — это метод аналогий, предложенный в свое время символической каббалистикой для расшифровки мира, закодированного в символах. Ничего принципиально нового, отличного от этой методики, Фрейд и его последователи не предложили. Большинство творений Фрейда — это литература, а не наука. Причем литература невысокого образца.

Таким образом, психоанализ представляет собой языческую религию каббалистов, разновидность широкого течения в этом язычестве — «гуманизме», в котором сама личность становится лишь каким-то символом, крючком, точкой, цифрой и линией, между которыми клокочут преступные страсти.

1997 *г.*

ОРДЕН ОРЛА И СОВРЕМЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ

С уходом с политической сцены в 91-м году Коммунистической партии как партии правящей создалось впечатление, что в стране более нет правящей единой организации с жесткой иерархией и не менее определенной идеологией. Создалось впечатление, что политический мир ныне состоит из каких-то осколков каких-то политических фракций и групп, совершенно самостоятельных и независимых друг от друга. И что все эти группы кое-как объединены вокруг президентской власти, тоже, впрочем, рыхлой и безвольной. Говорят об американском влиянии, о наличии агентов такого влияния, но, в общем, правящий страной политический мир представляется чем-то аморфным. Так ли это на самом деле? Действительно ли наш политический мир есть хаотическое образование, в котором каждый политик бродит сам по себе? Или, быть может, за всей этой кажущейся самодеятельностью можно узреть твердую организацию с жестко заданной структурой, иерархически выстроенной, а представляющийся нашему взору плюрализм есть лишь форма управления обществом, многомиллионным и разношерстным? Быть может, анонимность твердой политической организации, сплачивающей весь корпус политиков самых разных взглядов, есть тактический ход — владеть страной и ни за что не отвечать, создавая иллюзию, что за те или иные провалы в политике, за нашу бедность и вымирание народа ответственны агенты влияния западных стран, какие-то «отдельные» политики, и мы сами, которые этих политиков выбирали.

Поразительное дело: о том, как устроен политический наш Олимп, известно меньше, чем о жизни в Древней Греции или во времена Хаммурапи. Этот мир чем-то напоминает царство Аида, царство мертвых. Тот, кто туда попадает, назад, в мир солнца и житейских радостей, уже не возвращается. И живой человек попасть туда не может, и потому некому нам рассказать, как же он устроен, как и какие законы в нем правят. Но именно оттуда идут приказы и указы, определяющие нашу жизнь. Подземный мир политиков управляет миром живых людей

Передо мной нечто вроде журнала или альманаха, красочного и на хорошей бумаге. На обложке крупным планом — темно-зеленая лента с золотыми кантами, к которой прикреплен орден в виде восьмилучевой звезды. В центре ордена — кадуцей Гермеса и по кругу надпись по-латыни: «Благо народа — высший закон». Эти же слова повторены на обложке альманаха. Насколько помнится, их любил произносить известный своей беспринципностью

Макиавелли, родной отец всех современных политиков. Мысль понятна: в чем состоит благо народа, знают только «посвященные». И только они знают, о каком именно народе идет речь.

Организация, выпустившая этот альманах (который зарегистрирован «в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации» Комитетом Российской Федерации по печати за № 012878 от 2.09.94 г.»), называет себя Орденом Орла. Этот «Орден Орла» имеет свой наградной знак. Первое «награждение» им, то есть прием членов в организацию, как сообщается в альманахе, прошло не где-нибудь, а в Кремле 2 мая 1992 года, и число приглашенных доходило до 1000 человек. Устав же организации зарегистрирован в Минюсте РФ 12 августа 1993 года (свидетельство о регистрации № 1879), а в числе ее членов, объединенных в какие-то кружки (ложи?), как показано на помещенной в альманахе схеме, можно увидеть Аллу Пугачеву, Гарри Каспарова, Зураба Церетели, Сергея Соловьева, Лидию Федосееву-Шукшину, Павла Бунича, Валерия Неверова, Юрия Никулина и прочих, и прочих известных деятелей страны, не сходящих с телеэкранов и вполне процветающих в быстро нищающей и вымирающей стране. Так что же это за организация и какие цели она преследует?

Полистаем же этот альманах или, скорее, сборник документов. Вслед за описанием истории орденов в России императорской идет раздел — «Статут Ордена Орла», затем идут разделы: «Устав Ордена Орла», общая схема управления орденом с перечислением фамилий и «Комментарии к уставу». Альманах распространяется по именному списку.

«Статут Ордена Орла» начинается словами: «Орден Орла учрежден для награждения граждан и организаций Российской Федерации и иностранных государств за заслуги перед народами и государством России в различных областях деятельности». Орден имеет четыре степени: «высшей степени — для награждения лица, возглавляющего орденскую организацию; первой степени — для награждения лиц за деятельность общенародного или международного значения; второй степени — за деятельность отраслевого или общенародного значения; третьей степени — за деятельность регионального или отраслевого значения».

В историческом описании орденов говорится, что понятие «орден» одновременно означает как наградной знак, так и организацию со своим уставом. Что ордена возникли в средневековой Европе и что в новое время причисление к ордену «стало высшей степенью поощрения для небольшого круга приближенных к суверену лиц», то есть к королю. главе государства. В «Комментариях к уставу» содержится любопытная ссылка на английского короля Эдуарда III, который «поставил на служение своему государству идею рыцарско-духовного ордена во главе с самим государем, придав слову «орден» его современное значение».

Так говорит автор «Комментария» Р.Б.Бегишев, о званиях которого мы узнаем из подписи к его портрету: «кавалер Ордена Орла, Председатель Оргкомитета с 91 — 92. Председатель Исполкома с 1993 года. Магистр». Ссылка на английского короля в таком солидном сборнике документов вряд ли случайна. Смотрим в «Историю франк-масонства», написанную немецким историком и масоном Финделем (СПб. 1872) и читаем, что он «благосклонно относился к учреждениям вольных каменщиков», И что в «достославное правление короля Эдуарда III ложи стали часты и многочисленны»... Теперь ясно, какой именно духовно-рыцарский орден этот достославный король поставил на служение государству. Правда, известно, что эта романтическая история кончилась в мировом масштабе для христианских народов Европы достаточно трагически: вскоре сам этот орден поставил себе на служение многие и многие государства.

Но последуем дальше по строкам документа. Сообщается: **«Награжденные Орденом образуют организацию, действующую на основании собственного Устава, в прерогативу которой входит награждение, обеспечение льготами.»** (выд. мной, — В.О.) О льготах будет говориться и дальше, в «Комментариях», и отсюда мы узнаем, что речь идет не просто о льготах, а об изъятии членов ордена **законодательным** путем из общегосударственных норм и законов и об обеспечении им ведущих мест в политике, экономике, культуре, в средствах массовой информации; об изъятии их из общегражданских и, вероятно, уголовных узаконении.

«Орденскую организацию возглавляет одно из высших должностных лиц государства в период исполнения им своих обязанностей, — говорится далее в разделе Статут,— Лица, награжденные Орденом первой степени, как правило, входят в Капитул ордена». Прочитав эти строки, как же еще раз не вспомнить, что в «достославное правление Эдуарда III ложи стали часты и многочисленны».

Кто из высших должностных лиц России ныне возглавляет орден — сказать трудно, но некоторый ответ на него здесь имеется. Этот сборник документов, альманах, издан в 1994 году. На одной из фотографий, помешенных здесь, видим г-на Чубайса, сидящего за столом (с. 19) [9]. По правую руку от него, попутно заметим, сидит Федосеева-Шукшина, далее кинорежиссер С.Соловьев, затем — П.Бунич, еще далее — г-н В.Неверов, наш доблестный рыцарь, разоривший доверившихся ему старушек и прочих бюджетников, то есть скромных наших тружеников, что создавали нашу страну. Здесь же на фотографии г-н Шаккум, что был кандидатом в президенты на последних

[9] В скобках указаны страницы сборника (альманаха) документов.

выборах, и академик Шаталин, ныне покойный. Нелишне будет заодно упомянуть, что председателем правления ордена назван г-н П.Бунич (с. 16).

Но перейдем к «Уставу», Он утвержден «учредительным собранием. Протокол № 1 от 23 июня 1993 года». Сам же «Устав» «зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 12 августа 1993 г. Свидетельство о регистрации № 1879».

В уставе первой строкой сообщается: «Общественная организация «Общественный комитет по наградам — Орден Орла», далее по тексту — Комитет, является добровольным общественным объединением граждан. участвующих в конкурсе и доказавших право на признание заслуг их деятельности, объединившихся на основе общего интереса для дальнейшей организации соревнования в условиях рыночной экономики, награждения достойных».

И хотя в уставе эта организация называется «комитетом», однако и в «Статуте» и в «Комментариях» она именуется просто «орденом Орла». Действительно, слово «комитет» как-то мало подходит сюда, для организации, коллективными членами которой названы: Банк «Столичный», концерн «Гермес», Федерация независимых профсоюзов России (!), Фонд «Реформа», Центр прикладных политических исследований «Индем». При этом в примечании сказано: «Мы указали лишь некоторых кавалеров Ордена Орла и несколько коллективных членов. Публикуя телефонный справочник «Лучшие люди», мы сможем подробнее рассказать о членах общественной организации Орден» (с. 17). Обращает на себя внимание, что орден, согласно уставу «имеет расчетные и иные счета в Российских, а также ...зарубежных банках... имеет печать со своим наименованием, собственную символику...» (п. 1.3) и «вправе от своего имени заключать договоры, совершать иные сделки, приобретать и отчуждать имущество... быть истцом и ответчиком в судах» (п. 14).

В качестве символики принят двуглавый орел без царских регалий, точно повторяющий двуглавого орла Временного правительства. Объяснение этой символики очень характерно: «принятая символика: двуглавый орел — универсальный символ государственности». Если слово «универсальный» перевести на русский язык, то получится, что этот орел есть символ всемирной государственности, или всемирного государства — вечной мечты всемирного же «рыцарско-духовного ордена» излюбленного достославным Эдуардом III — масонства.

Для чего создана эта организация? Ответ на этот вопрос различен в уставе и в комментариях к нему. Оба ответа дополняют друг друга. В уставе читаем: «Комитет создан в целях: — содействия реализации российских и правительственных экономических и социальных программ... путем создания дополнительных моральных стимулов и мобилизации общественности.» Наличие в рядах ордена Зураба Церетели, Валерия Неверова, Александра Смоленского, возглавляющего банк «Столичный», Чубайса (с. 19) в какой-то степени объясняет нам, что имеется в виду под этими удивительными словами о «дополнительных моральных стимулах и мобилизации общественности.» О создании для своих членов «дополнительных стимулов... материальных и моральных поощрений и отличий», как и о «проведении работы по укреплению авторитета лиц, достигших определенных успехов в области экономики, культуры, искусства и других областях деятельности», говорится не раз и в «комментариях». Все эти лица, ставшие членами ордена, должны стать богатыми, известными всем нам деятелями («работа по укреплению авторитета лиц...») и чувствовать себя в полной безопасности от «превратностей судьбы». Превратности они готовят для нас, для себя — привилегии.

В области международного сотрудничества орден видит свою задачу в «создании условий для размещения иностранных инвестиций» и пр.

Некоторые статьи устава не могут не вызвать того или иного «коварного» вопроса. Ну, например, в числе задач видим: «принципиальная всесторонняя поддержка, в рамках Комитета, государственной политики и правительственных решений» (п. 2.2.3). В связи с этим спрашиваешь себя, а как же наша могучая Федерация независимых профсоюзов в этой связи? Она от кого именно независима, кто ее создал и для чего? Кто не помнит эти игрушечные «китайские предупреждения» правительству со стороны руководства этого так называемого «независимого профсоюза», эту странную стачку и митинги 27 марта текущего (1998) года? Вот и ответ на вопрос об этой странности. После этого чему же удивляться, читая строки газетных сообщений: «Лидеры крупнейших российских профсоюзных объединений проводят в США консультации с представителями финансовых структур о возможности выработки условий для предоставления кредитов РФ в зависимости от социальной политики, проводимой ее правительством... В Вашингтон по приглашению Всемирного банка, а также Международного валютного фонда вылетели глава ФНПР Михаил Шмаков» и т.д.

Поддержка правительственных решений — этот пункт в уставе означает, что за проводимую в России политику несут ответственность и эти «профсоюзы», и П.Бунич, и вся наша официозная оппозиция, и что сама политика руководства страны возможна лишь потому, что она проводится единой мощной организацией, вполне заменившей компартию и, конечно, созданной задолго до развала СССР.

О существовании дисциплины в ордене говорит пункт: «Все члены Комитета обязаны... выполнять решения руководящих органов Комитета». Как-то само собой думаешь о нашей Госдуме вот в какой связи. По некоторым данным, все личные финансовые дела депутатов Думы осуществляются через

банк «Столичный», коллективный член ордена, а А.Смоленский значится и в руководящих органах ордена. Темна вода в облацех.

Органами управления являются правление — капитул и исполком — магистрат. Орден... капитул... магистр... «достославный король Эдуард III» — что-то все это сильно напоминает масонство.

Международный характер ордена виден из следующего положения Устава: «Комитет участвует в работе международных и иностранных организаций, деятельность которых близка целям и задачам Комитета, в том числе и на основе членства» (п. 2. 3. 3). Цели и задачи этого нашего «комитета», то бишь ордена — поддержка правительственных решений. То есть быть тем же, чем была и КПСС. В какой же стране есть такие же организации? Надо полагать — везде. По крайней мере, США, Франция, Англия, Германия и Италия полностью контролируются масонским орденом с давних пор. Недавно, к примеру, в Англии, как сообщило наше телевидение, был скандал в связи с тем, что там все члены полицейского ведомства — это около 120 тысяч человек, все судейское ведомство и другие состоят исключительно из членов масонских лож. Таким образом, масонство есть государствообразующая сила.

И второе замечание: что значит «на основе членства»? Это значит, что российская организация, создающая корпус профессиональных политиков, владеющих Россией (см. «Комментарии к уставу» ниже) и патронируемая одним из высших должностных лиц страны является членом другой иностранной организации и, возможно, младшим членом со всеми вытекающими отсюда выводами. Не по этой ли линии осуществляется грабеж нашей страны «лучшими людьми»? Хотя, конечно, было бы несправедливым умолчать об обязанности членов ордена «служить примером для подражания» и трудиться «на благо народов и государства России». Этот пункт «лучшими людьми» выполняется самым тщательным образом. Подражателей у г-на Неверова, как мы помним, было и есть тьма: все эти пирамиды капитально обчистили наши карманы, да еще и, с помощью нашего еврейского телевидения, рекламировавшего деятельность «лучших». Г-н Чубайс со своей ненавистью к русским и России тоже является примером для подражания для большого количества акул, но поменьше — на всех страны не хватает: был Наполеон, а были и наполеончики. Про труд «на благо народов и государства России» говорить не стоит, чтобы не расплакаться окончательно от умиления.

В структуру ордена входит финансовый клуб, членами которого являются как руководители банков, гак и коллективные члены,— банки, трастовые компании, фонды, страховые компании и т.д. (с. 28).

При этом оговаривается: «Финансовая отчетность клуба конфиденциальна и представляется Исполкому МКН для использования в собственных целях». (МКН — Международный Комитет по наградам — Орден Орла — *В.О.)* Те, кто входит в финансовый клуб ордена, имеют преимущество при получении кредитов и прочих финансовых операциях. Не успел еще он, этот финансовый клуб ордена как следует опериться, а уже «идея финансового клуба нашла понимание и поддержку как в финансовых и международных, так и в правительственных и политических кругах» (с. 27). Все это помогает понять и нынешнюю финансовую структуру нашей страны, и наличие привилегированных банков и смысл слова «приватизация». В руки ордена и его агентов переходит все народное достояние России.

Понятно, для того чтобы создать такую организацию, как этот орден Орла, нужно содержать громадный штат экспертов и технических работников, которые бы по всей стране отслеживали ситуацию, следили бы за удачливыми политиками и предпринимателями и составляли на них досье. Действительно, об этом и говорится в разделе **«Проект «Лучшее люди России»:** «Исследовательская группа, созданная для реализации проекта, будет собирать сведения о кандидатах по всем доступным открытым источникам из прессы, в том числе электронной, из материалов отчетов о деятельности организаций и отдельных лиц, библиографий, отчетов о деятельности организаций, предприятий, банков и т.п.». Затем отбор кандидатов и включение в справочник «Лучшие люди».

Умилительно читать такие строки: «Но справочник «Лучшие люди» реализует современные демократические принципы принадлежности к элите...» и предполагает наличие «больших заслуг перед обществом и государством». Еврейский характер «демократической» элиты несомненен. Национальные аристократии, дворянство уничтожались в революциях XVIII-XX веков именно для того, чтобы освободить место еврейской олигархии с помощью масонства.

Г-н Чубайс, Церетели, Неверов, А.Смоленский являются образчиками таких «заслуг» и демонстрируют нам холопское представление об «элите». Невольно думаешь, обращаясь к отечественной истории — стоило ли уничтожать своих собственных благодушных дворян, своих графьев, чтобы увидеть нынешнюю безграмотную и не блещущую честностью элиту, спрятавшуюся за высокие заборы от ограбленных и обреченных на нищету людей? Конечно, я не имею в виду под этими словами названных лиц. Они все очень грамотные люди, и, возможно, они живут без всяких заборов... Не знаю...

Следующий раздел «Членство в организации» лишь подтверждает впечатление о размерах ордена. Говорится еще раз о коллективном членстве в нем целых организаций. В их число входят «производственные и общественные объединения, отраслевые и региональные структуры». Речь, понятно, идет о руководстве этих учреждений.

Самым любопытным и впечатляющим является, конечно, комментарий,

имеющий характерный заголовок: «Орден Орла и формирование корпуса политиков». Эта статья Ю.Л.Качанова раскрывает подлинный смысл того, что называется «демократией». Говорится о том, в частности, для чего нужны выборы, как управлять обществом через создание псевдообщественных организаций, которые выполняют заказ правящего класса, но выступают под видом добровольных общественных организаций. Вспомним Федерацию независимых профсоюзов.

Приведу одну, но очень впечатляющую цитату: **«Скорее, политизация населения инициируется** (при демократии. — *В.О.)* **господствующим классом при помощи социально-культурных механизмов и институтов, но при этом определенным образом канализируется и подвергается неизбежной цензуре».**

Да «канализируется» и «цензурируется». И далее: «Одним из таких институтов в демократической России должен стать Орден Орла, основной задачей которого является мобилизация граждан для содействия реализации российских государственных и правительственных социально-политических программ». Вспомним опять Шмакова и все эти странные «Независимые профсоюзы», вместе с правительством провоцирующие забастовки, вспомним эти завывания: «голосуй, а то проиграешь!» И эти вопли, оказавшиеся столь эффективными: «Реформы — это движение вперед и им альтернативы нет, а коммунисты — это движение назад.» Психология «прогресса», вдолбленная в наши головы, утверждает — «вперед» — это хорошо, потому что «вперед», а «назад» — плохо, потому что «назад». А где этот — «перед», а где это «назад» — вопрос лишний. Хотя можно было бы задуматься: зачем нам «перед» или «назад», нам нужно, чтобы было согласно нормальным нашим потребностям и чтобы было хорошо стране и народу.

Для чего нужен «Орден Орла», спрашивает комментатор и отвечает:

«Другим направлением деятельности Ордена Орла могло бы стать **формирование социального корпуса российских политиков** — конкретной социальной общности профессионалов, сплоченной общей политической позицией, диспозициями и правилами политической игры. Такой социальный корпус уже формируется на основе однородности капиталов и воспроизводит всеохватывающую и протяженную во времени систему диспозиций; он выполняет функцию социализации и регулирует практику своих членов. Социальный корпус обеспечивает устойчивое существование во времени соответствующей политической позиции».

«Орден Орла сплачивает своих кавалеров, формирует у них систематическую структуру ценностей и рациональных доводов, обосновывающих единство корпуса... с помощью... деятельности капитула воспитывает чувство «Мы» и устойчивую во времени систему предпочтений и практик».

При внимательном прочтении этого текста мы увидим, сколь жестко структурирован тот политический мир, что появляется перед нами в виде лиц отдельных политиков на всяких презентациях, делающих какие-то заявления и что-то комментирующих. Все они — малые дети одной организации, которая их дрессирует, муштрует, но и много дает.

Самым суровым для понимания структуры власти является последний сюжет комментариев. Почему люди должны будут страстно желать вступить в орден? Для этого нужно, отвечает автор комментариев, чтобы его символический капитал, то есть награды его и звания, были бы юридически кодифицируемы самим государством. Если человек стал членом ордена, то государство обязано ему дать звание «политик» и обеспечить ему высокое положение — «так **действует социальная магия официального назначения, делающая кавалера легитимным участником политического процесса, а Орден Орла — инстанцией легитимации профессиональных политиков.»** Это означает, в свою очередь, что орден является в системе государственного управления не какой-то частной лавочкой. Но что он прошел через наши законодательные палаты. Ведь речь идет о легитимации, узаконении ордена, и члены его выступают в качестве «легитимных участников политико-управленческих отношений». И чтобы не было на этот счет сомнений, автор комментариев подчеркивает именно законную сторону дела, включение ордена именно на **законном** основании в эту систему управления страной: **«Поэтому привилегии Ордена, —** пишет он,— **носят характер не случайных исключений из общих правил, а государственных актов** (выделено мной — *В.О.),* которые отражают специфические закономерности отношения к существованию элитарных групп».

Перед нами образец иудаистской психологии, непосредственно сформированной в системе «просветительского» масонства: толпа профанов и избранные. Слово же «демократия» означает лишь специфику управления обществом в системе иллюзий плюрализма и политической активности, плоды которой заранее испечены на верхах господствующего класса. Кроме того, слово «демократия» в переводе означающее власть народа, не говорит нам, какого именно народа, но наличие элиты, олигархии, говорит, что речь идет об «избранном» народе, о «малом народе», под которым имеют в виду и евреев, и патронируемых ими масонов.

Большой раздел посвящен преимуществам, даруемым вполне юридическим, **законным** образом, через законодательные государственные акты кавалерам ордена, предоставлению им льгот и выгодных должностей (бенефиций). В ордене политик **«находит социальную гарантию своего политического капитала, но также и выходит в ней... к интересу орденской корпорации...»**

Орден обязуется, «защищать их (своих членов. — *В.О.)* от случайностей и превратностей общественной жизни». Орден выступает, по словам автора, для своих членов, как «вторая семья». Именно «второй семьей», заметим мы, называется для масона и его ложа. Она его защищает, она дает ему чувство прочности в этом мире, но и требует от него послушания.

Таким образом, где-то **в наших законодательных палатах имеются, как следует из приведенных документов и комментариев к ним, специальные юридические акты, которые кодифицируют положение ордена и его членов в системе государственного управления.** Орден же выступает как сила, формирующая наш политический мир, управляющая миром культуры и контролирующая потоки информации, создающая «авторитеты» из своих членов, давая им возможность часто появляться на телевизионном подиуме в тех или других ипостасях, обеспечивает им награды и тем повышает авторитет своим членам. Орден через финансовый клуб организует экономическое пространство, осуществляет финансовый контроль в стране.

Прошли те допотопные времена, когда масонство действовало в качестве «общественной организации». Прошли и те времена, когда оно пряталось от правительств. Сегодня правительство само, сам господствующий класс составляют заговор против народа. А за фасадом государственных учреждений, не только у нас, но и на Западе, и в США, стоит одна большая организация, создающая в нужный момент и из нужных людей под новые задачи «большой перестройки» такие ордена, которые, кстати, на голом месте не появляются. А ведь этот «Орден Орла» существовал уже в 1991 году.

Мне кажется, что после всего сказанного мы можем менее романтично посмотреть на происходящее вокруг и стать менее доверчивыми к демагогическим посулам. Тем более, что в эти ордена входят люди самых разных направлений деятельности, способные произносить любые правильные слова — от демократических до монархических. Таким образом, все общественно-политические потребности финансируются и направляются в установленных властью пределах. Этот сложный процесс управления обществом, учитывающий интересы и наклонности различных групп населения, называется «канализацией».

Остается неразрешимым один вопрос: это «Орден Орла»...

Но ведь орел птица хищная и питается кровью и мясом своей жертвы... Но к чему подозревать членов ордена в нехорошем? Как сказано в документах, членство в этой организации — свидетельство **«порядочности и патриотичности»** кавалера ордена, ведь **«это с необходимостью следует из его принадлежности к ордену»...** Жертвами этой «порядочности и патриотичности» стала вся наша страна, миллионы русских людей, ограбленных этими «лучшими» и обнищавших.

Из этой принадлежности к ордену следует и то, что его члены несут всю ответственность за нищету, разграбление России, за голод и вымирание целого народа, за его развращение и спаивание, за массовые убийства по всей стране, за то, что русское население отдано на поток и разграбление кавказским бандитским ордам по всей России-матушке. Говоря языком библейским — «кровь наша на вас и детях ваших». Но «лучшие люди», объединившиеся в поддержке курса правительства чувствуют себя спокойно — они нужны мировой демократии, благополучно жирующей на наших страданиях. Этот орден Орла есть апофеоз масонства и яркое выражение всех вековых достижений масонской этики и масонской политики. Все, что мог дать «гуманизм», что могли дать поколения «просветителей», все эти Радищевы и Добролюбовы, Новиковы и Ткачевы, Бердяевы и Милюковы, сосредоточено здесь, в этом сборище «лучших людей», людей с выжженной совестью и многоученым примитивным умом.

Конечно, орден Орла не единственный в своем, масонском, роде. В другом сборнике уже чисто рекламного характера, посвященном международному ордену «Святого Константина Великого» в числе членов его можно увидеть и Святослава Федорова, и Александра Любимова, ведущего телепрограммы «Взгляд», и бывшего члена политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева, а рядом с ним и нашего патентованного патриота Илью Глазунова, — вечного и очень комфортабельно устроившегося «страдальца», и незабвенного Зураба Церетели, и «самого» Ельцина и «православного» князя Эстергази и пр. и пр. Здесь же упоминается и об ордене Орла.

Многие из упоминаемых здесь лиц отмечены своей благотворительностью на церковной ниве, о чем авторы рекламного сборника не преминули упомянуть. Не будем долго говорить о том, что в этом масонском ордене значатся имена и Никиты Михалкова, и Александра Солженицына, и Мстислава Ростроповича, и Аркадия Вольского и даже Иосифа Кобзона, вкупе с Дмитрием Лихачевым. Все они входят в «православный» рыцарский клуб св. Константина. А возглавляет этот «православный» орден «православный» князь Войтек Адальберт Эстергази, выходец, насколько помнится, из старинной еврейской семьи мадьярского происхождения. Все эти люди и здесь, в этом ордене, названы «элитой общества», призванной «спасти Красоту».

Все эти ордена, союзы и клубы занимают соответствующий ниши в политической, культурной, научной и экономической жизни страны. Таким образом, становится ясной более или менее структура государственного устройства России. Масонство, состоящее из всевозможных орденов, союзов, клубов, фондов, как единая и неделимая сила, занимает весь политический, культурный и экономический горизонт России (и не только, конечно, России). Здесь создаются «авторитеты» в области политики, культуры, экономики, средств массовой информации, здесь определяется судьба всего народа, всей

страны.

Становится понятной и быстрая карьера того или иного политического деятеля, какого-нибудь бездарного экономиста, немало потрудившегося на ниве разрушения русской экономики и вдруг ставшего академиком, какой-нибудь актрисы, не вылезающей из киноэкрана и презентаций, какого-нибудь графомана, вдруг превращающегося чуть ли не в отца и учителя нации, и прочее и прочее в том же духе. Понятно, было бы ошибкой думать, что люди, входящие в эти организации являются господами жизни, и что все определяется их желанием. Скорее, все обстоит прямо обратно такому предположению. В организации подобного рода берут людей, которые должны неукоснительно соблюдать ее, организации, интересы, подчиняться дисциплине, и вести себя строго в определенных пределах. В масонстве вообще, и в ордене, о котором шла речь выше в том числе, считается необходимым говорить о свободе, доброте, красоте и прочее, и все — с большой буквы. Но парадокс заключается в том, что члены подобных организаций являются скорее по степени свободы рабами, солдатами, винтиками, существами безликими и пошлыми. В этих организациях ее члены не должны иметь нормальных человеческих чувств. Они должны холодно и безразлично наблюдать за гибелью миллионов людей и даже собственной деревни и своих родных и близких. Они должны быть мертвыми уже при жизни и голодные дети, и спившиеся подростки и картина безудержного воровства не должны вызывать у них никаких особых чувств. Классические символы масонства: кубический, ровненький, обработанный камень, циркуль, наугольник, весы являются лучшим образным объяснением такому душевному состоянию члена того или иного масонского ордена, в том числе, конечно, и ордена Орла. Гуманисты, интеллигенты, ученые и композиторы, финансисты и пианисты, а многие попутно и сионисты, они, как и при большевиках, среди голодного народа, служат преступному режиму и устраивают роскошные обеды и прячутся за высокими заборами, чтобы с телеэкранов и со страниц газет говорить нам о ценностях демократии и гуманизма, и об угрозе «русского фашизма». В сущности, все, о чем писали правые русские публицисты предреволюционной поры сбылось слово-в-слово, точка-в-точку [10]. Господство семитизма в виде материалистических учений, всевозможных воспеваний демократии, «интернационализма» и всевозможных «свобод» привело Россию к физическому ее вырождению, как следствие принятия ею ложных учений. Народ потерял в результате отказа от христианства способность к здравому пониманию своих целей и своих интересов. И, как результат, потеряли саму способность к сопротивлению преступному режиму, ныне сменившему свой фасад, и преступной идеологии, господство которой установилось в 1917 г.

И все это — плоды двухвековой деятельности масонства в России. Все это плоды просветительской идеологии, плоды воспитания литературой и искусством, с их моральным релятивизмом и эстетизацией человеческих страданий, плоды деятельного внедрения в русский народ ценностей иудейских под видом «гуманизма», «демократии» и «гражданских свобод».

Сегодня, как никогда, со времен первых лет большевизма, виден и еврейский характер нынешней так называемой олигархии, сплоченной в орден. А привилегированное положение евреев в нашей быстро нищающей и обворовываемой стране лишний раз наглядно свидетельствует о подлинном смысле такого понятия, как «интернационализм», десятилетиями вдалбливаемый нам в головы, чтобы мы лишились самой способности видеть свои национальные интересы, интересы своих детей и своих внуков, своих потомков.

Бесконечный цинизм авторов устава ордена Орла с его девизом «благо народа — высший закон» и тот факт, что в него входят и представители «творческой интеллигенции», говорит нам о подлинном смысле таких понятий, как «интеллигенция», «культура» (антихристианская), «демократия» и прочих, составляющих суть нынешней идеологии политиков в широком смысле этого слова. И последнее. Знакомство с документами по ордену Орла дает нам ясное свидетельство того, что все теории государственных правоведов о природе государства и его устройстве, о формах правления, идущие со времен Аристотеля, сегодня являются глубокой архаикой.

Масонство в виде ордена Орла, как мы видели, законодательно оформлено, как высшая власть в стране, а члены ордена изъяты законодательно же, из общего правового поля и наделены бенефициями, то есть привилегиями. Таким образом, то, что принято называть государственной властью, является не более, чем камуфляжем власти масонского ордена, патронируемого всемирным еврейством. Это копия того положения дел, что мы имели при власти коммунистической партии, стоящей над органами государственной власти. Это говорит о том, что власть большевиков с райкомами, обкомами и цека была властью все того же ордена.

---

[10] См. также у Е.Дюринга Еврейский вопрос. Кишинев. 1906 г., с предисловием В.Правдина — Молодая гвардия. 1998 г. № 8-9 (переп., журн. вариант.)

Характерно для своего времени, начала века, когда раздались первые крики «Даешь демократию» мнение адъютанта вел. кн. Владимира Александровича Кноринга, относительно расширения прав евреев в России, высказанное в 1906 г.: «Если дадут права жидам, то они нам оставят только одно право — чистить их сапоги; я благодарю за честь и отказываюсь!» (Толстой И.И. Дневники 1906-1916. Спб. 1997., с. 20.) Через 12 лет, после революции семнадцатого года это мнение разделялось практически всеми слоями русского общества.

1998 г.

ЛИК «ГУМАНИЗМА» В РОССИИ
(Итоги вековых надежд российской интеллигенции)

После всего сказанного в книге полезно еще раз вглядеться в подлинный лик того, что называется гуманизмом, демократией и культурой, и задаться вопросом, что дало России и русскому народу их принятие. Заметим сразу, не вообще культуры, а чужой языческой и богоборческой. Это можно сделать, если внимательно посмотреть на происходящее вокруг, затем взглянуть на литературные образчики этих жупелов нового времени. Не следует только думать, что идеалы «гуманистов-утопистов», с которыми каббалисты-масоны вышли на бой с христианством, чем-то принципиально отличаются от идеалов современного гуманизма и демократии. Казарменный гуманизм утопистов был призван разрушить «старый мир». Новый этап — «капитализм» — стал предтечей к новому виду казарменности, новому виду вечной утопии, движению к неосуществимой цели земного рая. Но идеалы Т. Мора, Кампанеллы, Морелли вошли в ценности гуманизма и в психологию современного общества. Коммунизм, земной рай, остается идеалом «прогресса». Сытая жизнь на Западе не может заслонить того факта, что эта сытость строится на том же основании, что и сытость патрициев в рабовладельческом Риме — за счет эксплуатации и ограбления других народов. Да и сам либерализм в Западных странах имеет очень узкий коридор. Это царство победившего иудаизма, едва прикрытого звонкими фразами о «свободах».

Нетрудно заметить, что с каждым годом наша жизнь становится все более тревожной. Повсюду заметны следы угнетения духа, нервной раздражительности и болезненной напряженности. В ряду европейских народов мы давно уже выглядим несчастным племенем, которому капитально не повезло в этой земной жизни. И это просто потому, что мы пытаемся затесаться в чужую компанию.

Никто из нас не верит в возможность того, что мы когда-нибудь будем жить так же, как там. Все привыкли к мысли, что ничего кардинально в этом направлении изменить нельзя, но что-то можно было бы улучшить, однако «мы сами во всем виноваты, так как не умеем работать». Эта мысль спасительна для тех, кто не хочет отвечать, но хочет руководить и является бесплатной индульгенцией настоящих и будущих грехов руководителей страны. Талантливые евреи, опираясь на всякие ордена, решают судьбу Русского народа и России.

На темном фоне несбывшихся надежд, как нечто роковое и неизбежное, периодически загораются слова, воспринимаемые с чувством обреченности и покорности, наподобие выписки из истории болезни тяжело больного, когда новый диагноз, как бы ни был он страшен, уже ничего не может добавить по существу к предыдущим, каждый из которых может служить основанием для смерти.

Наше отношение, более чем спокойное, к появившимся в недавнее время признакам морального разложения общества: наркомания, проституция и «спид», говорит о том, что эту троицу давно ждали. Пример Содома и Гоморры нам не указ. Задумываемся ли мы, что в каких-то «аналитических центрах» сидят люди и планируют наше вымирание, систему экономического удушения страны и развращение народа, а где-то рядом рассчитывают процветание Израиля и Западных стран за наш счет. Конечно, задумываемся. Но это задумывание бесполезно при отсутствии подлинной веры в Христа.

Проституция, родное дитя долго пропагандируемой свободной любви. пришедшей на смену жестким ограничительным требованиям Церкви, в наше время если кого и волнует, то главным образом легкостью зарабатывания денег в твердой валюте. Аскетизм коммунистических идеологов долго разжигал в нас страсть по канкану.

Между тем моральное разложение есть признак высокой энтропии, то есть энергии Хаоса, поглощающего порядок, рожденный Словом, ЛОГОСОМ. Логос — логичный. А если жизнь нелогична, если человек с золотыми руками не может найти себе применение? Если сытые дяди с недобрыми глазами, пользуясь неправедной властью, душат крестьянина и всю страну налогами, то как нам понять смысл происходящего?

Сколько людей топит свои несбывшиеся надежды, свое неприятие ложной в своих основаниях жизни в стакане вина, сколько талантов было погублено вполне запланированным образом... Этот мартиролог нового мирового порядка под пылающей звездой масонов превысит все жертвы всех «царизмов» земного шара за все время существования человечества.

Нигде не было такого, как у нас, в недавнем прошлом, департамента по «культуре» и такой идеологизации искусства. И в то же время сколько народных промыслов было планомерно уничтожено только за последние 25-30 лет. Когда-то в Центральной России не было ни одной деревни, где крестьяне не занимались бы художественным ремеслом. Гончары, лучшие в мире золотошвеи, живописцы, иконописцы, резчики по дереву, да мало ли еще кто. Так было при русской исторической власти, при черносотенных царях и боярах. Где же теперь этот русский народ, иконами которого, созданными для общения со святыми — нашими заступниками, торгуют неизвестные дяди? Сколько иные еврейские и прочие борзописцы лгали и лгут по сей день на народ, который не имеет себе равных по художественной талантливости своей

души! Эта душа разорена не только расстрелами и концлагерями. Ее добивали систематически и долго сознательной клеветой на его историю, его князей, святых, его Церковь. Уже при Хрущеве нанесли рану, которая оказалась смертельной. Это, кстати, при нем отобрали у крестьянина последний клочок его, крестьянина, земли, не забывая рыдать на страницах школьных учебников по поводу «крепостничества». Наступило господство «демократии» и «гуманизма». Любопытный факт — когда евреи в России в результате революции взяли себе все свободы и все привилегии, как носители революционного начала, русские потеряли свободу и были обращены в государственных рабов, отдавших свой ум и сердце почти с радостью для осуществления иудейских идеалов — «построения социализма», а потом «рынка» и «демократии». И это факт исторический, как и тотальный погром русской земли.

Во времена Екатерины II такая «шутка», которую провели большевики, отобрав землю у крестьян, опрокинула бы ее трон в два дня вместе со всем ее чиновным аппаратом. Но ведь в то время была русская власть и душа русского человека, при русском царизме, пела, и песня лилась отовсюду. Песню затем гнали так же, как и все русское. Глумление, которое испытала русская культура, духовная по преимуществу, христианская, православная, не знает себе равных. Если бы, скажем, об иудаизме писали в таких выражениях, как о русской Церкви, хотя бы один день, то пишущие уже к концу этого дня услышали бы, что они антисемиты и тем самым злейшие враги рода человеческого. Вспомним публикации по истории русской церкви и христианской религии: «Для него (монашества.— *В. О.)* характерен повсеместный разрыв между строгими обетами и довольно привольной реальной жизнью монашествующих, что давно уже сделало монашество синонимом ханжества и лицемерия». («Атеистический словарь» 1983 года.)

Но относительно ханжества и лицемерия мы узнаем не из сообщений о жизни монастырей...

Сегодня лагерей сталинской поры нет, но многое и очень многое не меняется. Человек бессилен перед властью, перед самым маленьким повытчиком самой маленькой канцелярии, он чувствует свою незащищенность, и у него нет в руках ничего, кроме бумаги для жалобы в другую канцелярию того же департамента. Наш Акакий Акакиевич знает с детских лет табель о рангах лучше любого столоначальника времен Гоголя. Он знает правила игры и скрытые от нас уставы ордена и инструкции.

Кромешная нищета поразила всю страну, но в особенно страшном положении оказались в результате длительного проводимого «эксперимента» над русской жизнью центральные области России. Некогда богатые и цветущие житницы всей Европы, ее города и села обречены.

Да, именно так, обречены масонской, демократической властью на вымирание. Громадная паутина в виде бесконечного ряда инструкций, гласных и негласных, системы закупочных цен, налогов, отсутствие кредитов и прочее обрекли народ на нищенское и полуголодное существование. И все эти акты целенаправленные и спланированные... «лучшими людьми», масонской и проеврейской олигархией. Не трудно увидеть: русская историческая власть, опираясь на русских людей, созидала. И появились тысячи городов и сел и деревень. Появились терема, храмы, дворцы; миллионы гектаров земли стали обрабатываться. Появилась Русь, красно украшенная. В 1917 г. власть захватили еврейские политики... Кончилась эпоха «царизма» и крепостничества, началась эпоха «свободы» и «демократии», голода, нищеты и вымирания русского народа. Эпоха лжи и цинизма.

...Интеллектуальная деградация населения сказалась в первую очередь на низком уровне абстрактного мышления и самосознания, в вопиющем невежестве людей в области истории и неспособности их оценить самые простые факты общественной жизни. В центральной России это явление не менее, если не более заметно, чем в целом по стране. Коммунистическая идеология и была рассчитана на такой эффект. Пресс пропаганды здесь был столь же силен, сколь и низок жизненный уровень населения.

...В состоянии страшной безысходности люди пьют, и пьют много. Разорена душа человеческая. Большинство поверило, что Бога нет и все позволено. Разорение и оскудение начинается с морали; «свобода любви» и утех уже ведет человека к скотскому состоянию независимо от того, выглядит ли он импозантным или похож на бродягу. В России оскудение проводилось людьми, свободными от «предрассудков», через брошюры о всеобщем счастье через романы, поэмы и повести наших великих писателей-гуманистов. На них воспитывалось целое поколение в предреволюционной России будущих стукачей, чекистов и партийных демагогов первых деятелей советской власти.

Судьба народа решена в тот момент, когда он спокойно смотрит, как оскорбляют его святыни. Но неправда, что весь наш, русский народ, смотрел спокойно на это торжество иудейское. Он воевал в лучшей своей части, он дрался как мог и подвергся самому страшному избиению, каким не подвергался даже во времена Мамаева нашествия. Да это и понятно. Захватчики тех времен претендовали на дань, на богатство, но не на душу, и не на религию. Новые захватчики, вышедшие из черты «оседлости», имеют религию, по которой именно они и есть мировые властители, а их религия единственно правильная и верная. И эта религия земных ценностей и утех — для одних. Другие — шелуха, от которой надо освободиться. Надо заметить, что захватчики оказались изобретательны по части лжи, развращения нравов, жестокости, но не по части созидательной. И подлинная эстетика, когда она есть выражение религиозных откровений, оказалась новой власти не доступна,

враждебна. Ее эстетическая высота — в области искусств — это «чебурашка», «розы-мимозы», «рок-завывание» и порнография. Причем это вместе взятое требует обязательно наркотиков. Вот и вся талантливость талантливого племени вечных реформаторов, провозгласивших себя вождем человечества и подарившего нам всяких талантливых «абрамычей».

Все, что было предсказано противниками этой, увы, далеко не новой морали еще в начале нашего века черносотенцами, сбылось до последней буквы их пророчеств. Из романа Достоевского «Бесы» можно и нужно вспомнить пьяненькую мать, ведущую свое дитя. И оттуда же известную мысль о том, что они, то есть социалисты, русского Бога решили купить на дешевку, то есть вот на такую водку, обещание равенства и благ земных, с тем, чтобы, придя к власти, каждые несколько лет устраивать кровавую баню. Там вы увидите и ровные ряды всевозможных «черемушек» и «хрущевок», и многое другое, до боли узнаваемое. Но и великий писатель не покажется таким уж пророком, если перечитать литературные труды первых же утопистов-гуманистов еще прошлых веков, где дается картина будущего «счастливого» государства.

Вот перед нами «Кодекс природы» некоего человека, скрывшего свое имя под псевдонимом Морелли. Книга увидела свет в 1755 году и стала боевым манифестом первого заговора коммунистов-бабувистов так называемого «заговора равных». С этого заговора началась современная демократия. С каких же идеалов она началась, и что надо понимать под словами «гуманизм», «либерализм» и «прогресс», что сияют на знамени демократии? Для того, чтобы вскрыть подлинный смысл этих идеалов, надо посмотреть на творения гуманистов, что выдвигаются сегодня в качестве таковых. Итак, Морелли, со своим «Кодексом природы», книгой, вышедшей в свет в 1755 году во Франции и украшенной классической масонской символикой на титульном листе. Впоследствии эта работа многократно и любовно переиздавалась уже в развитых демократиях со свободой печати и парламентами. Этот «Кодекс» совершенно рутинное произведение «гуманизма» и того «просветительства», что произвело затем в Европе целую серию революций и сокрушило христианскую культуру, заменив ее идеалами, заимствованными из оккультно-теософских сочинений каббалистов с их «естественными» религией, моралью и законами.

Скажем сразу, что Морелли еще не помышлял о «революционных» возможностях спаивания народа. Но та жизнь, которую он предлагал, едва ли смогла бы обойтись без дурмана.

Да, с этих образцов казарменной жизни, порожденных гениями регламентации — гуманистами-утопистами: Мором. Кампанеллой, а затем и Морелли начиналась демократия в ее современном понимании, как власти «избранного меньшинства», «дома Соломона» по Ф.Бэкону, над невежественной толпой. Жизнь строем, по звонку, трудовой пафос со спущенными «сверху» потребностями, запланированный Морелли дефицит товаров и главный лозунг: «Целое стоит больше, чем часть, даже наилучшая, и нация заслуживает предпочтения пред самой почтенной семьей и самым уважаемым гражданином» (Морелли. Кодекс природы. М., 1938, с. 106). Почтенная семья вскоре будет отменена, а далее все будет происходить как в нашей стране до недавнего времени. С пяти лет дети отбираются для воспитания в детские приюты и сразу же подвергаются морально-политическому воспитанию. Живут в бригадах, создаваемых на всю жизнь. «Для провинившихся в излишней любознательности в наименее приятном и наиболее пустынном месте будет построено здание, окруженное высокой стеной и разделенное на несколько маленьких помещений, запертых железными решетками. А близко отсюда будет кладбище, окруженное стеной, где будут построены из очень толстой каменной кладки своего рода пещеры, куда будут заключать на всю жизнь» (с. 186). «Руководство несменяемо и пожизненно выбирается из одних и тех же лиц. Труд принудителен. Главный догмат: частная собственность, как источник всех зол, отменяется». Это интересно в том смысле, что все это создано гуманистами, а не черносотенцами — все эти планы, все эти мечты.

«В области гуманитарных наук допускается только «внушать полезность и мудрость» государственных законов... любовь к труду и пользу его... что же касается человека, то прибавят, что он одарен разумом... Таковы будут границы, предписанные для этих умозрений» (с. 210-211). «Будет существовать кодекс всех наук, где к метафизике (т. е. философии. — *В.* О.) и морали никогда не будет добавляться ничего выходящего за границы, предписанные законами», «поэзии и живописи позволят прославлять только физические и нравственные красоты природы, предметы наук, удобства и приятные стороны общества, равно как граждан, особенно отличившихся в усовершенствовании всех этих вещей». Идеалы этих гуманистов, как видим, не высоки — ни тогда, ни сейчас. В этих идеалах мы видим один к одному все принципы не только большевизма, но, в сущности, манифест культуры современного запада. Это чисто иудейские идеалы.

Для нарушителей закона предусмотрены изощренные кары. Если обвиняемый будет подозреваться в намерении «ввести частную собственность», то он будет судим Верховным Сенатом и будет «заключен на всю жизнь, как буйный помешанный и враг человечества, в построенную на кладбище пещеру. Его имя будет навсегда вычеркнуто из списка граждан, его дети и вся его семья отрекутся от этого имени и будут зачислены в другие трибы, города или провинции». Читая эти строки, мы видим страницы нашей истории.

Всякое заступничество будет рассматриваться как уголовное преступление (с. 214). По части судопроизводства и равноправия заявляется, что в будущем идеально устроенном государстве «обвинения со стороны лиц, не облеченных никакой гражданской или естественной властью, не будут выслушиваемы и принимаемы Сенатом» (с. 218). И, наконец, «лица, облеченные властью, обязаны будут сами следить за теми, которые будут подчинены им, выговаривать им или наказывать их в случаях, предоставленных их компетенции, передавать виновных в распоряжение высшей власти... без всякого снисхождения». Это что — «русский большевизм», сталинизм, 37-й год? Нет, это тот идеал «гуманизма», которым сокрушали христианство и самодержавие.

Можно было бы еще добавить и обязательно однотипные дома, длинные, как кишка, и принципиально однообразные. Удивительно, но эти идеалы гуманистов-каббалистов прошлых веков осуществлены в нашей градостроительной практике повсеместно и скурпулезно. И от этого наши города, наши улицы, наши дома стали воплощенной масонской утопией... А запрет носить украшения, и скудный паек еды, и установленный тип одежды серого цвета? Разве не по этим образцам власть в нашей стране с семнадцатого года осуществляет свои планы? Маркс и Ленин, таким образом, — фигуры преходящие, пришедшиеся ко времени, не более.

Эта книга Морелли была опубликована во Франции в 1755 году, затем в Лондоне. Ее приписывали Дидро, автор ее остался неизвестен. Эта книга составлена как готовый план для осуществления коммунистических идеалов. Ее условный автор, Морелли, стал идейным учителем Бабефа, решившего осуществить коммунистические идеалы во Франции. Был составлен заговор. Уже на следующий день после прихода к власти предполагалось приступить к осуществлению планов, намеченных в книге Морелли, к составлению списка «врагов народа» («человечества»). В этой школе идей выросли наши реформаторы и гуманисты

В области морали автор выше цитированного «Кодекса природы» полагал, что идеей, движущей поведением человека, является самосохранение и влечение к удовольствию за счет удовлетворения своих вожделений... В этом смысл «естественной морали», ныне навязываемой и нам.

С таким моральным багажом многие и въехали в царство обобществленной собственности, черпая продукты из царства частной собственности. План, составленный во Франции, довольно узнаваемо осуществился в России. Почему же он не был проведен в жизнь на месте, там, где родились идеи тотального концентрационного лагеря? Возможно, по простой причине: установление порядка, принудительного труда и регламентированной жизни очень дорого стоит. Непроизводительный труд и необходимость содержать неисчислимую армию учетчиков, контролеров, начальников за ними и управление надзора и надзора над надзирателями неизбежно должны иметь в качестве материального обеспечения природное сырье. Наша страна и была сделана сырьевым придатком в 1917-м и такой остается. Но главное было то, что Россия являлась оплотом Православия, страной исключительно самобытной и мощной.

Заветы Морелли исполняются сегодня, при «демократии», один к одному. С одной стороны жирующие коты, — «лучшие люди», «элита», ворующая народную казну. Заметим, эти жирующие коты выросли на Пушкине и Гоголе и прочей классике «гуманизма». С другой, дети, наши дети. В детских приютах, не при Сталине, а сегодня томятся сотни тысяч несчастных русских детей в условиях изоляции от общества, как преступники. И какую нужно иметь пустоту в сердце — спросим себя, чтобы проводить конференции, строить административные здания из мрамора, и знать, что рядом с этим — бледненькие, одетые в какие-то застиранные платьишки и костюмчики времен похода челюскинцев детишки, продолжать спокойно наслаждаться жизнью и рассуждать, что теперь все не так, теперь демократия. «Просветительская» этика «разумного эгоизма», насаждаемая в России масонством и его разновидностями, обнаружила в этом вопросе свою суть.

Да что дети, если они русские! Хочется самим наслаждаться. Ведь естественная «мораль» только в наслаждении видит смысл человеческой жизни. А согласно иудаизму, ради наслаждения неведомый бог создал все вещи во вселенной. Уметь жить — искусство непростое. Какую мораль выработало для практической жизни новое общество? Бога нет. Святости брака нет. Не укради — это для слабоумных. Не блуди — для импотентов. Что еще? Да, родители, тут по обстоятельствам. В условиях обострения классовой борьбы — Павлик Морозов. «Прогрессивные и передовые», увы, никогда не поражали своей высокой моральностью и строгостью поведения воображение обывателей, верящих в святые заповеди Бога и Церкви. Еще на заре нашего века, в 1906 году, один журналист писал: «Все передовые умы полны мечтами о счастье, но все счастье у них сводится к сытости. Дальше их фантазия не идет. В грезах об этом «золотом веке» интеллигенция живет от колыбели до могилы». Эта проповедь гедонизма, как последнее слово языческой морали, пришла к нам вместе с петровским «вздыбливанием» страны и обнаружила свою нравственную нищету с первых шагов «философского» обновления России. Заглянем в курс истории философии... Под всеми именами великих борцов с религиозными предрассудками, там, где значится, что они, властители дум той интеллигенции, думали о морали, мы обнаруживаем монотонную формулировку: «В области этики Н. придерживался теории утилитарной этики. Главным и исходным пунктом всего человеческого поведения Н. считал самосохранение и удовольствие». Вот на таких шатких основаниях —

самосохранение и удовольствие — решено было въехать в царство Разума и «освобожденного труда».

В истории уже бывали примеры, когда общество достигало высоких показателей по части эстрады и пропагандистской клоунады в цирковых этюдах на тему о «золотом веке», а население вырождалось, служить в армии становилось некому и оно самым простым образом вымирало. Пример Римской империи не оставляет сомнений на этот счет, как и наш собственный. Чем сильнее становилась централизация власти, чем помпезнее официальный культ поклонения государству, как некоей святыне, ради которой человек живет, чем строже следили за поклонением гению императора, тем меньше матери рожали детей, тем больше становилось любителей наслаждений, количество поклонников «Вакха и Венеры» росло, космополитизм как следствие высокого гуманизма ширился и затоплял все холмы Рима, а государство агонизировало — и рухнуло. В сущности, так же рухнула и царская Россия под напором еврейского либерализма и гуманизма.

Идеалы Морелли наиболее полно пытались воплотить в жизнь иезуиты в Парагвае в XVIII веке, но индейцы просто перестали работать и заводить семьи. Морально-политическое воспитание отнимало и там много времени, а толку от него было все меньше и меньше. Когда на территорию этого казарменно-коммунистического рая попали наконец те, кто смог написать об увиденном, то картина вырождения народа была самой удручающей. Насилие над личностью и моральное разложение общества, отсутствие высокого идеала никогда не могло и не сможет дать ничего, кроме вырождения и смерти.

По части морали демократическое общество еще во времена отдаленные обнаружило великое сродство с великими греками. К их примерам обращалось масонское просветительство с далеких веков. На них ссылался Новиков, как мы помним... «великое наследие греков»! Надо признать величие этих последних, которые из рабовладельческого далека видели демократическое сегодня, всячески нам помогая по части житейской мудрости. Ну, например: «Хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался». Или: «то истинно, что приносит пользу». Больше всего импонирует Фразимах. Он сплеча рубанул, и все поставил на свои места: «Справедливость есть не что иное, как полезное для сильнейшего». Платоновский Калликл тоже не отставал и, основываясь на тех же посылах, что и все борцы с «предрассудками», религиозными и нравственными, выразил свое жизненное кредо прямо Сократу в лицо: «Кто хочет прожить правильно... должен исполнять любое свое желание. Но, конечно, большинству это недоступно, и потому толпа поносит таких людей, стыдясь, скрывая свою немощь, и объявляет своеволие позором, и... старается поработить лучших по природе: бессильная утолить собственную жажду наслаждений, она восхваляет воздержность и справедливость — потому что не знает мужества (...). Ты уверяешь, Сократ, что ищешь истину, так вот тебе истина: роскошь, своеволие, свобода — в них добродетель, и счастье, разумеется, если обстоятельства благоприятствуют, а все прочее, все ваши звонкие слова и противные природе условности — вздор, ничтожный и никчемный!» (Платон, «Горгий»).

Вот, собственно, бытовой идеал демократии и этические нормы ее вождей без всяких прикрас.

В подмогу будущим диктаторам Протагор, еще один великий идеолог античных премудростей, завещал нам ценное теоретическое наследство: «То, что представляется каждому государству справедливым и прекрасным, то и является таковым для него, пока оно таковым считается».

Очень тонкий совет чиновникам всех времен и народов дал некто Антифонт: «...Наиболее полезное для себя употребление сделает человек в том случае, если при наличии свидетелей будет высоко ставить закон, а в отсутствии же свидетелей — веления природы. Действительно, веления закона надуманы, тогда как велениям природы присуща внутренняя необходимость...»

Эти житейские правила из древних входили в свое время в сердца и умы гимназистов, которые потом, повзрослев, так любили поругивать Россию и кататься по Парижам. Именно о такой интеллигенции, о которой так любят вздыхать еще живые свидетели тех лет, философ К. Леонтьев сказал так: «Наша интеллигенция в погоне за благом всего человечества имела самые смутные представления о своей стране и, по суду мужика, вся поголовно перешла в немцы». Мужик сегодняшний скажет: «не в немцы», а «в евреи».

С самой горячей верой в неизбежность кровопролития и необходимость ускорить этот счастливый момент, черпая от всякого рода фразимахов ницшеанские идеи, воспевая упоение от разрушения всего созданного трудовыми, мозолистыми руками, разрушения того, что сами не строили, поколения «передовых» и с «направлением» бросали бомбы в прохожих, в чиновников, которые им не угодили, в их детей, и вошли в наши дни в качестве героев, имея в запасе уже обозначенный символ веры. Этот катехизис протагоров и антифонтов вошел в сердца и умы миллионов наших граждан и привел нас прямиком к проституции, наркомании и их зловещему спутнику. Зловещим спутником оказалась грязь: и моральная, и физическая. Спид ждали давно и сделали все возможное, чтобы ему было вольготно нас опекать. Пока газеты дружно пишут в обычном духе, что теперь как никогда, а раньше, вы помните, не то, и что назад дороги нет, а впереди, если, конечно, то непременно... смертельная болезнь просто и без препятствий гуляет по стране. И никто не спросит, и никто не сделает запроса, и никто не подаст в отставку, и делать запрос некому, и спрашивать скоро будет не у кого.

Русский рабочий, русский врач, русский инженер просит сегодня у иудейского правительства, обрекшего его на нищету, заработную плату и

пугает его голодовками! Такого в истории России еще не было. Но орден...

Но орден Бнай Брит и ему подобные обосновались у нас всерьез и надолго. Это вам не татаро-монголы, которые взяли свое и ушли. Эти не уйдут, а люди ждут Минина и Пожарского. Именно поэтому они так искренне ловят каждое слово «сверху», надеясь, что придет час и кто-то, оттуда, призовет народ к правде во имя правды, без всяких правил игры. Но оттуда к правде никто не призовет. Там сидят антифонты, калликлы и фразимахи. Там вообще нет русских. Там сидят мертвецы, догматики, фанатики и рутинеры прогресса, для которых организовать голод и вымирание миллионов людей — дело заурядное. Идеалы гуманистов, что мы видели только что на примере Моррели, могут служить порукой к сказанному. И еще...

Мы говорим: культура, культура... Но поразительна та отчужденность от реального человека, которой страдает вся наша культура. Эту культуру в отличии от прошлых времен, от времен господства христианства в жизни европейских стран, создает не человек, ее создают специальные институты. И нас отравили этой «культурой» с ее «великими» и «значительными», и «гуманными ценностями демократии», т.е. иудейства. Вдумаемся в наблюдаемые факты.

Ежедневно на прилавки магазинов поступают миллионы книжек, телевидение показывает нам отдаленнейшие уголки земли, археологи откапывают новые курганы, а физики и биологи открывают новые законы и закономерности, историки день за днем, в соответствии с планом своего института и издательства, сочиняют в привычном ракурсе «борьбу противоположностей» и, выпускают в свет том за томом, книгу за книгой... Но жизнь не становится от этого ни легче, ни яснее. Поле зрения в идеальной совокупности всех наук расширяется, в него вводятся все новые и новые культурные и научные достижения, но общая палитра не становится от этого богаче. В погоне за объективностью она все менее и менее соотносима с человеком и давно утратила свое человеческое предназначение делать человека мягче, добрее и нравственнее, а жизнь осмысленнее. Человеку одиноко у нас. Он не знает ни своих предков, ни того, что он есть сам. Это громадное поле для набора в армию алкоголиков, и они не переводятся. Уж, кажется, гуманитарные науки за полным изгнанием опасной для основы «гуманизма» богооткровенной религии должны были бы указать человеку, в чем его предназначение, увеличить сумму добра и любви в обществе. Но ничего подобного нет и в помине. И не может быть. Эта культура не русского производства. И душа человеческая — не ее призвание.

Увы, то же качество отстраненности от человеческих проблем, что и среди других наук, давно превратило и наши исторические исследования и писания в отвлеченный свод понятий исключительно специальных, для «интересующихся историей», и эта самая история приобрела все черты узкотехнических дисциплин. На самом деле история стала идеологией «прогресса» и «гуманизма», призванного утверждать их постулаты. И даже по части чисто информативной влияние истории на уровень образованности населения едва ли не равно нулю. Из ста человек не более 5-6 смогут сказать, когда была Куликовская битва и с кем она была. Я интересовался знаниями старшеклассников на этот счет и выяснил: Пушкин родился в 1900 году, Петр I — в 1880 году. Никто не знал, что такое Бородино и с каким событием оно связано. Некоторые полагали, что — с монголами. Из 15 опрошенных лишь один сказал, что, возможно, Кутузов имел какое-то отношение к Бородино. Никто не знал о нашествии французов в 1812 году. Из 15 школьников никто не знал, кто такие Минин и Пожарский, и ничего о Смутном времени. Из 16 человек только трое слышали, что была первая мировая война, но никто не знал, в каком столетии. Благодаря роману Пикуля многие узнали, что была такая царица, как Екатерина II, но полагали, что она была задолго до Петра I.

Даже о соборе Василия Блаженного никто не мог сказать ни о времени постройки, ни, тем более, в честь какого события он был построен. Это знание потребовало бы от них знания некоторых «частностей» из русской истории, в то время как они проходят все сразу и вообще. Истории Западной Европы в школе уделяется несколько больше внимания, но в головах у школьников и здесь такой же туман и отсутствие всяких имен, дат и событий.

Этот обзор знаний школьников, выпускников средних школ, которые должны будут в ближайшем будущем стать специалистами или войти в министерства в качестве руководителей, заранее делает все прогнозы на будущее нашего общества более чем пессимистичными.

Ясно одно. Если не будет ныне господствующая мораль фразимахов и протагоров заменена на подлинную, нам в России из ямы нищеты и болезней, алкоголизма и «свободной любви» к себе и деньгам, не выбраться. Орден циркуля и наугольника, каббалистический, сам никуда не уйдет. И нужна большая вера в Христа, чтобы положить живот свой за друга своя. не боясь «страха иудейского».

Таким образом, трехвековое шествие «гуманизма» и «культуры» по русской земле привело нас к самым печальным результатам. Золотые мечты русской интеллигенции обернулись для русского народа национальной трагедией и тем самым обнаружился подлинный смысл ее идеалов.

* * *

Перед нашим мысленным взором прошли разные эпохи, разные лица и названия различных религиозно-философских систем. Если теперь попытаться сделать краткий вывод из сказанного, то, вероятно, он мог бы свестись к следующему.

В истории любого общества есть созидательные и разрушительные силы. Какую роль играла всегда русская Церковь в судьбе русского государства? Можно было бы ответить кратко: Православная Церковь — это и есть судьба русского народа. Она создала сам русский народ, сплавила его из представителей различных славянских племен, создав нечто неповторимое, своеобразное, некую особенность среди других народов. В историческом и общественном смысле такая созидательная роль осуществлялась церковью через храм, приход и священника. Именно священник и есть центральная фигура русской истории. Не полководец, не ученый, и тем более не писатель, как выразители культуры «гуманизма», а именно священник. Через него свет истины и дары благодати становятся достоянием русского человека. Ради этого света и этих даров, ради их охраны и возникает Русское Самодержавное государство. Ради защиты этого достояния появляются и полководцы, и герои войны, столь любимые последующими поколениями. Но не ими живет душа человеческая. Подвижник, святой — вот светоч русской жизни, именно они согревают человеческое сердце своим примером и своим заступничеством, помогают ему жить.

Конечно, не только Псалтырью и Часословом живет русский человек. Были и пьянство, и воровство, и предательство, и лихоимство. Не будь пороков людских, не нужна была бы и Голгофская жертва. Но именно от Псалтыри, от Часослова, от учения Церкви шла собственно созидательная сила, организующая общество, государство и жизнь каждого человека. Конечно, нет нужды говорить о том, что было и много плохого и порочного. Было и сектантство, и много языческих моментов в повседневной жизни русского человека. Но не они были созидательной силой. Не ими росла и строилась Русь. На воровстве, на пьянстве да на сектантстве ничего доброго не построишь.

С XVIII века по всей Европе, как грибы после дождя, вырастают масонские ложи при дворах монархов. Они объединяют интеллектуальные силы Европы, аристократию, чиновничество и формируют новый государственный порядок. Масонство не обошло и Россию. Оно заявило изначально о себе, как о новой религии, новой церкви. Оно заявило, что именно оно будет теперь спасать человечество на путях новой религии, имея для этого и свою иерархию, и свои обряды. И это важно подчеркнуть. Русский человек, вступая в масонскую ложу, принимал новую религию, иудейскую, погружался в мир магии и каббалы, и разрывал со старой, с Православием. Здесь он с первого шага видел именно «новую церковь» и новую религию. Ему говорили, что здесь его будут совершенствовать, воспитывать в «Правилах добродетели». То есть заниматься исправлением его порочной Природы. Но что это означало? А означало именно, что масонская ложа берет на себя те самые задачи, решать которые должна была Церковь Православная. Теперь вдруг «оказывалось», что Церковь не справляется с этой задачей, что ее таинства, ее обряды, ее учение не обязательны. Что есть другая «церковь» и есть другая религия, «истинная». Вступающий в масонскую ложу совершал грех отступничества, грех апостасии. И это важно подчеркнуть. Именно эта сторона масонства, как правило, выпадает из поля зрения большинства советских и пост-советских историков, совершенно не чувствительных к религиозной проблематике и потому видящих в масонстве исключительно политическую силу и к тому же и воспитанных в масонском поле мировоззренческих идеологом.

Масонство изначально объявило себя «внутренней церковью». Оно и является таковой, если иметь в виду наличие религиозного учения о будущем спасении человечества, о Верховном Существе, создавшем мир, а равно и наличие своей иерархии и обряда. Вступающий знал с первого шага, что он попадает в чужой храм иудейской мудрости. Масонство и есть «внутренняя церковь» пантеизма, хотя было бы более правильно сказать — сатанизма. Здесь масон, вчерашний православный, подвергался по своей доброй воле обрезанию, если не обязательно буквальному, то обязательно духовно-нравственному. Он приобщался к каббале. И этот момент ему был виден с первого его шага в масонстве. Уже ученику говорили о секте иудейской, в которой хранятся тайны, ради постижения которых существует масонство, как ветвь этой секты. Мы видели, что И. Г. Шварц уже в своих лекциях все это говорил воспитанникам педагогической школы и студентам университета. Наше простонародье быстро распознало именно эту сторону масонства.

Масонство не скрывает своей цели создать земной рай на путях коллективизма и совершенствования человеческого рода по рецептам раввинистической Торы. В учении этом абсолютный дух осознает себя только через культурную деятельность человеческого общества. И потому сама светская культура и имеет характер религиозный, спасающий человечество, ведя его по пути растущего всеединства, социализма.

Для русского народа, таким образом, масонство явилось в облике «просвещения», «культуры» и «прогресса», как сила, безусловно разрушительная и потому на этом пути у нашего народа ничего хорошего и не получается. Все немного не так и все как-то вкривь и вкось. Более того, эта «культура» парализовала нашу волю и сегодня нам легче умирать с голода, чем быть обвиненными в антисемитизме и бескультурье.

В результате русский народ полностью утратил свою политическую, культурную и хозяйственную самостоятельность. Еврейство заняло командные посты, опираясь на масонский орден, который формирует корпус политиков. Иудаизм, выразивший себя в «гуманизме», идеологии «прогресса», «демократии» и «культуры» доминирует в нашей стране и в сознании общества. В следствии этого русский народ обрекает себя на пассивную,

страдальческую роль в истории своей страны.

Если сделать попытку не приспосабливать истину под свои вкусы, то безусловный вывод будет таким: нельзя, условно говоря, преподобного Серафима совместить с Пушкиным. Такое совмещение есть проявление масонства и присущего ему экуменизма, желания смешать вещи святые и божественные с вещами мирскими по рецептам герметической философии — то, что вверху, подобно тому, что есть внизу. Либо преподобный светоч арзамасской обители жил в «эпоху Пушкина», либо Пушкин был явлением языческого просветительства времен Серафима Саровского, как говорят об эпохе Василия Великого или Иоанна Златоуста. Третьего просто не дано. Можно, конечно, сидеть и между двух стульев. Это может даже нравиться. Но надо отдавать себе отчет, что такое сиденье опасно для человека. И надо выбирать. Но прежде всего надо понять проблему во всей ее ясности и простоте.

Было бы легкомысленно утверждать, что сегодня общество осознает необходимость выбора: или — или. Тем не менее, каждый человек для себя может решить эту проблему. В сущности, от такого выбора никто не избавлен. Так или иначе, но он делается нами... и, как правило, не лучшим образом. Она может стоять только перед отдельным человеком и быть его личным выбором.

Искусство, как таковое, играет в первую очередь сегодня роль социализации людей и сплочение их в общество, в единый человеческий коллективный организм, в одно политическое тело. Когда-то у этого тела была христианская душа, сегодня — языческая и богоборческая. И это очевиднейший факт. И бессмысленно ниспровергать одних идолов, чтобы поставить на освободившиеся постаменты других — процесс, столь свойственный языческому типу мышления. Бессмысленно тратить время на то, чтобы доказывать, например, что Толстой больше Достоевского... или наоборот. Мы живем в век фальсификаций и настойчивого смешения неба с землей. Отсюда, эта фанатичная попытка представить христианство, Православие, Церковь как «явление культуры», частью культуры, которая сама есть религия «гуманизма». «Всемирная религия», которую создавали братья — вольные каменщики в течение столетий, торжествует в современном мире. Президенты и правительства, чиновники, банкиры, деятели культуры, ученые, врачи, инженеры десятков стран оделись в масонские фартучки и взяли в руки молоточки, благоговейно целуют колени мастера и на груде костей перед мертвой головой клянутся в вечной верности каббалистическому Ордену строителей «храма Соломона». Сегодня это банальная повседневность. Не следует забывать, что культура сегодня — это направляемый, организуемый и финансируемый власть имущим орденом процесс.

Тем не менее, не существует силы, которая при ясном понимании ситуации могла бы заставить каждого из нас подчиниться этой мрачной религии с ее костями и черепом в обрядах, «культурой» безбожия и демонической верой в земной рай и прогресс, который каждый раз при новом витке истории оборачивается сущим адом и представляет из себя реальную дорогу к гибели и вырождению. Догмат свободы воли еще никто не отменял и отменить не может. Отсюда — и свобода выбора: во что верить и как. В этом вопросе, самом важном для нас, нельзя ссылаться ни на политический режим, ни на всесилие масонства. Святая Церковь учит, что Бог каждому из нас дает все необходимые средства для спасения. И от человека зависит, воспользуется он этими средствами или нет. И поэтому, как существам разумным, нам важно различать, где истинная вера, где ложная. Важно не для расширения культурного горизонта, а для практического выбора истинной религии, для собственного спасения и вечной жизни.

В обществе, пронизанном материалистическими устремлениями, все надежды и упования связаны с вопросами экономическими и политическими. И представления о свободе и подчинении точно также замыкаются в этом круге идей. Поэтому тема масонства, как всемирной организации, вселяет в сердца простых и сирых обывателей чувство своего бессилия и глубокого пессимизма.

Однако христианство говорит нам, что свобода начинается с того момента, когда человек уходит от веры в ложных богов. Пока раб завидует господину, его богатству и знатности, пока он жаждет занять его место за пиршественным столом, он остается рабом. И только когда раб становится христианином, когда он начинает соболезновать богатым и знатным и скорбеть об их духовном помрачении — с авторитетом богатства и знатности покончено и тогда рушится и авторитет самого господина. Когда в силу религиозного долга обездоленный человек накладывает на себя пост, тогда ему больше не нужны милостиво предлагаемые ему остатки с пиршественного господского стола. Тогда его больше нельзя запугать авторитетами чужой культуры, чужой морали и чужой ему рабовладельческой государственности. Когда требования морали из расплывчатых представлений о добре и зле становятся для угнетенного маленького человека безусловными и соотносятся с безусловным авторитетом Бога и утвержденной Им Церкви, тогда пессимизм сменяется упованием на вечную жизнь. Тогда поселяется спасительный страх Божий, а вместе с ним приходит и подлинная духовная свобода. Тогда и прекращается представление о всесилии масонства, ибо сердце человека и душа его уже вырвались из состояния рабства. Проблема, поэтому, масонства есть проблема в первую очередь религиозная и глубоко личная — как проблема добра и зла.

1998 г.

БИБЛИОГРАФИЯ.
Источники, литература, примечания.

В книге приведены ссылки на источники, как полностью, так и сокращенно — фамилия автора и цифры, вслед за тем, указывающие на номер тома — римская, и номер страницы. В этом случае источник полностью приведен в этом разделе, построенном по алфавитному принципу. Архивные материалы расположены по порядковым номерам. Сокращения: ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. ЦХИДК — Центр хранения историко-документальных коллекций, б. Особый Архив КГБ СССР. ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив г. Ленинграда.

Аксаков С.Т. Встреча с мартинистами. (Воспоминание из петербургской жизни). — С.ТАксаков. Семейные и литературные воспоминания, очерки, письма, стихотворения. М., 1902, т.3.

Анатолий, архиеп. Наука. — «Странник» 1863 г., т. IV.

Полемика с Н.И. Пироговым, доказавшим, что само изучение естественных наук делает молодого человека, студента, атеистом, материалистом. Владыка опровергает это мнение ученого: студенты становятся атеистами, ничего не изучая, шляясь по кабакам, в первые месяцы пребывание в университете. Сама же наука может лишь открывать мир, сотворенный высочайшей Премудростью.

Антошевский И. Орден мартенистов. — «Изида»,1912, № 9-10.

Арсеньев И.А. Воспоминания. Слово живое о неживых. — «Исторический Вестник», 1878, т.28.

Автор воспоминаний хорошо знал святителя Филарета, часто сталкивался с ним по делам службы. Интересны его наблюдения в отношении к митрополиту, уже знаменитому не только в Москве и Петербурге. Например, он пишет, что имп. Николай 1 не любил владыку. В свою очередь, и святитель Филарет по крайней мере трижды отказывался подчиниться воле Императора: он отказался освящать Большой театр в Москве, на котором была установлена статуя Аполлона, а также и церковь, устроенную в московском экзерцигаузе (Манеже). Известно также, что владыка московский отказался освящать и Триумфальные ворота за их языческий вид. Несомненно, такая твердость Московского Митрополита только укрепляла его авторитет, как защитника древнего благочестия и поборника православия. С другой стороны, Арсеньев отмечает сухость, эгоизм владыки, его покровительство тем, кто имел связи. Такой отзыв вряд ли, впрочем, справедлив. Другой мемуарист, хорошо знавший святителя, Н.П.Гиляров-Платонов, говорит о сухости и педантичности владыки и о его чувствительности к мнению начальства. Однако в принципиальных вопросах владыка Филарет, как мы видели, мог противиться и Высочайшей Воле, если того требовали интересы православия.

Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. Париж, 1935.

Барсков Я.Л. Переписка московских масонов ХУШ-го века. 1780-1792. IIт. 1915.

Башилов Б. История русского масонства. Буэнос-Айрес, б/д, кн. I-IX.

Белецкий С. П. Допрос С. П. Белецкого 12 мая 1917 г. — Падение царского режима, Л. 1925, г. 3, с. 333-334.

Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986.

Бикерман И.М. К самопознанию еврея. Париж, 1933 г.

Ср. «Еврей находится постоянно в пути. Если он не едет в Тель-Авив..., то он с усердием направляется к какой-нибудь утопии. Еврейский идол называется «прогресс», и этот идол образует еврея таковым, что он всегда остается среди народов вечно завтрашним... Откуда эта склонность наша к преображению и переделыванию, нетрудно понять» (с. 63).

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855, чч. 1-11.

Боголюбов В.А. Н.И.Новиков и его время. М., 1916 .

Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Л., 1941, т.1-5.

Богоявленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980.

Болдырев А. И. Проблемы человека в русской философии XVIII века. Изд. МГУ, 1986.

Болотов А.Т. Записки. Спб., 1870-1873, тт. 1-4.

Брякнер А. История Екатерины II. М.. 1991, тт. 1-2 (Репринтное воспроизведение издания А.С.Суворина, 1885).

Буасье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке. М., 1892.

Булацель П.Ф. Битва за правду. Спб.1908. т.1; 1912 — т. II.

Автор, Павел Федорович Булацель, видный деятель Союза Русского Народа, редактор газеты Русское Знамя. Погиб в 1919 г. от рук большевиков.

Бурнашов В. П. Воспоминание об А. Е. Измайлове. — «Дело», 1874, апрель.

Бутми Н. А. Каббала, ереси и тайные общества. СПб., 1914.

Бутми Н. О масонстве в России — «Земщина» 1912 г. от 18 янв.

Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел I. М. 1990. Репр. воспр.

Васильчиков А.И. Бумаги кн. Илариона Васильевича Васильчикова, с предисловием его сына, кн. А.И.Васильчикова. — «Русский Архив». 1875, кн.3, ее. 346-355.

Вениамин (Фелченков), митрополит. — М.1994.

Владыка приводит слова известного монархиста-писателя Л.А.Тихомирова о Николае II, сказанные незадолго до 1-й Мировой Войны: «Все бесполезно! Господь закрыл очи Царя и никто не может изменить этого. Революция все равно неизбежно придет... Революция— от дьявола...» (с. 142)

Вернадский В.И. Открытия и судьбы. М., 1993.

Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. IIт., 1916.

Ветловская В.Е. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. «Строительная жертва». — сб. Миф, Фольклор, Литература. Л., 1978.

Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1866, т. 1; Записки. М., 1928. т. 1-2.

Вильмот М. и К. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. Изд. МГУ, 1987.

Винберг Ф. В. Крестный путь. Мюнхен, 1922.

Витберг А.Л. Записки академика Витберга (1787-1855) — «Русская Старина», 1872, №4.

О *неугасающем интересе Н.И.Новикова к масонско-каббалистической литературе рассказывает мемуарист Витберг. Он посетил Новикова в его имении незадолго до смерти последнего «В то время, когда я познакомился с ними, я застал их обоих все еще занятыми. Гамалея переводил с немецкого и латинского языка книги герметические и религиозные. (...) Новиков показывал мне свою небольшую библиотеку (герметической литературы— В.О.), где было много книг, переплетенных рукою Новикова. При этом он заметил: «Вот сколько труда, но... некому завещать все это, некому передать мысли, для продолжения начатого», (с.564). Не менее интересна и оценка Новикова Витбергом: Новиков положил «основание новой эре цивилизации России», он начал «истинный ход литературы», он передал «свет Европы и разлил его глубого в грудь России». (Там же).*

Вишницер М. Л. Геттинтенские годы Н. И. Тургенева.— «Минувшие годы», 1908. № 5-6.

Воспоминания о московском антропософском обществе (1917-1923) — «Минувшее». Париж, 1988, т. 6.

Восстание декабристов. Материалы. М., 1950, т.IX; 1986 — Т.ХУ1; 1984 — т.ХУШ.

По мнению барона В.Штейнге.ы, декабриста, правительство само содействует развитию революционного процесса в России: «благоденствие Отечества моего и драгоценная безопасность Государя необходимо того требуют, чтобы, наконец, верховное правительство не обманывалось, чтобы оно в полной мере обняло разлитие неспокойного духа и узнало те самые пружины, которые, может быть, уже давно скрываясь в недре самого правительства, волновали, подготовляли умы, как, между тем, с другой стороны, хозяйственные распоряжения возбуждает во всех состояниях неудовольствия» — с. 174.

Восторгов И., прот. Социализм при свете христианства. М., 1913.

Вяземский П.А., князь. Выдержки из старой записной книжки. — «Русский Архив», 1783, кн. 2, с. 2148.

Галахов А. История русской словесности. СПб., 1880, тт. 1-2.

Геккерторн Ч. Тайные общества всех веков и стран. СПб., 1876.

Геликман Т. Б. О каббале и хасидизме. Критика иудейской религии. М., изд. АН СССР, 1962.

Герцен А.И. Летопись жизни и творчества А.И.Герцена. 1859-1864. М., 1983.

Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. — В кн. А.И.Герцен. Эстетика, критика, проблемы литературы. М., 1987.

Герцен совершенно точно отметил самый существенный факт самодержавной России: «Произведенная Петром I революция разделила Россию на две части». Одна из них, посадская, православная, общинная, традиционная. «На эту часть нации правительство, что случается при победивших революциях, смотрело как на сборище недовольных, почти как на бунтовщиков». (С.204). И этот факт лишний раз ставит вопрос о влиянии масонства на правительственную политику царского правительства.

Герцен А.И. (О нем). Соколов А.Н. Герцен и наши дни. — «Миссионерское обозрение», 1906, № 5.

Гессен Ю. И. Евреи в масонстве. СПб., 1903.

Гессен Ю. История еврейского народа в России. Москва-Иерусалим., 1993. Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы Веры и Церкви. Сборник статей 1868-1887 гг. Изд. К.П.Победоносцева под ред. кн. Шаховского. М., Синодальная тип., 1905 г. т.т. 1-2.

Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. М., 1886, кн. 1-11.

Гинзбург Г.0. Всеподданнейшая записка барона Г.О.Гинзбурга от 22 марта 1882 года с замечаниями министра внутренних дел графа Н.П.Игнатьева. — «Источник». Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина», 1993, № 3.

Здесь же и записка министра внутренних дел графа Н.П.Игнатьева Государю Александру III по поводу записки барона Г.О.Гинзбурга, представлявшего еврейские интересы. В своих замечаниях и самой всеподданнейшей записке министр развенчивает все мифы «антисемитизма» и говорит, в частности, об «экономическом гнете евреев на население». Он отмечает также, что «народ потому и нападает на евреев, что считает их привилегированными» в виду фактов покровительства местных властей евреям, и т.д.

Горячковская М.А. Антирусская агитация в Америке. — «Объединение» 1908 №№ 21-24. (и отдельным изданием в том же году)

Граббе Ю.П., граф. Корни церковной смуты. Белград, 1927. Переиздана «Вече», №38, 1990.

Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего, Одесса, 1906-1908, тт.1-12.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886.

Григорьев Ал. Воспоминания. М., 1980.

Для Ал. Григорьева характерно глубокое понимание связи масонства и романтизма, как общественного и литературного явления. Ср.: «Струя: которая бежит по этим старым рыцарским немецким романам — весьма сложная струя. Это гонимые добродетели и угнетаемые злодеями невинности, которые защищены всегда или прямо таинственными, загробными силами, или добродетельными рыцарями, обязанными по уставам своих братств поражать и поддерживать страждущую правду... все это не одна любовь к средним векам и к реставрации — далеко не одна. Тут и мессмеризм XVIII века с его духами и духовидцами, тут и иллюминатство Вейсгаупта или розенкрейцерство... струи, бегущие по ним, действовали сильно и на воображение, и на чувство читавшей массы» (с. 70-71). *Нетрудно увидеть, что под средневековыми рыцарями в этих романах имелись в виду рыцари современные — члены масонских лож, среди которых многие имели как раз «рыцарские» степени. Масоны защищали добродетель и побеждали зло.*

Григорьев В.В. Еврейские религиозные секты в России. Спб., 1847.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М. 1991 г.

Грулев М. Записки генерала-еврея. Л., 1929.

Гурлянд А. Герман Коген и его философское обоснование еврейства. Пгр., 1915.

Дашкова Ек. Записки. Л., 1985.

Два доноса в 1831 г. Всеподданнейшие письма кн. А.Б. Голицына и М. Магницкого имп. Николаю I об иллюминатах. «Русская старина», 1899, т. 97, № 1-3.

Эти письма были написаны по требованию Николая I и дают наиболее верную характеристику влияния масонства на высшие круги русского общества и политику правительства как в области просвещения, так и в отношениях его к Церкви. Характерная черта сюжета: Николай I отдал эту записку на рецензию известному деятелю полицейского ведомства и масону де Санглену. в результате Магницкий оказался в пожизненной ссылке, как и автор другой записки о масонстве в России кн. А.Б.Голицын. Характерно и то, что сам Николай I охарактеризовал донесения эти как «донос на всю Россию», прося от де Санглена дать отзыв на них. Все, кто боролся с Библейским обществом и масонством, настаивая на их закрытии, были Им удалены из столицы и попали в опалу. В этом смысле характерно и то, что совсем другая судьба ожидала главарей заговора декабристов, в т.ч. М.М.Сперанского, который получил титул графа.

Державин Г.Р. Записки Державина. М., 1860.

Кр. того см. «Записки Державина» в книге «Г.Р.Державин. Избранная проза»., М., 1984. Но в этом издании, кроме ценных примечаний П.Паламарчука и его предисловия, имеются и большие недостатки: а именно, значительные купюры. Полностью изъяты все места «Записок», связанные с еврейским делом, которое угрожало и самой жизни Г.Р.Державина. Удалены и те места в «Записках», где Державин говорит о проеврейском лобби в русском правительстве во времена Павла I и Александра I. Между тем, не исключено, что само убийство Павла I было связано с еврейскими делами в Белоруссии и желанием Императора оградить белорусских крестьян от еврейских арендаторов и шинкарей. Для образца того, что было именно изъято, привожу одну только фразу: «Сперанский совсем был предан жидам, чрез известного откупщика Переца, которого он открытым образом считал приятелем и жил в его доме» — с.474. Кроме того, изъятыми оказались и все места, описывающие зверства пугачевцев, как, например, массовое убийство ими детей. В результате бдительности цензуры весь смысл «Записок» оказался искаженным. Таким методом и «лепится» наша история.

Державин К.Н. Вольтер. М., 1946.

Диминский С.Я. Евреи. Их вероучение и нравоучение. СПб., 1893.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М,, 1986.

Дружинин Н. М. К истории идейных исканий Пестеля. — в кн. Избранные труды. М., 1985. Там же: Политическое воспитание Н.Муравьева.

Дубровин Н.Ф. Наши мистики — сектанты. — «Русская Старина», 1895,

№№10-11. Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. — «Русская Старина», 1898,

№12; 1899. №2.

Дюринг Е. Еврейский вопрос. Кишинев 1906 г. — переп. «Молодая гвардия», 1998. № 8-9.

«...в Германии, а теперь во Франции, при посредстве руководимой евреями и оевреенной так называемой социал-демократии, иудейские взгляды и иудейские манеры находят себе литературный канал к отдельным народным группам». (№ 9, с 304). Современный читатель пишет Дюринг, «уже едва замечает, какую моральную гниль и духовное извращение, пышно разросшейся в оевреенной литературе ему преподносят, а напротив, все это легко, как вещь самопонятную, воспринимает». (№ 9, с. 304).

Жевахов Н. Д., князь. Воспоминания. М., 1993, кн. 1-2.

Жилъяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921

Автор пишет, что в Тобольске впервые услышал от Государя сожаление о своем отречении от престала. Поэтому говорить о вынужденности этого акта нет оснований. Более странным представляются слова Государя из акта об отречении: «в согласии с Государственной Думой сочли Мы за благо». Ведь никакого решения по данному вопросу Дума не выносила. Возникает вопрос кого-же представляли Шульгин и Гучков, явившиеся к Царю в Псков. Никаких полномочий от Думы они не имели и могли представлять только думское масонство.

Жихарев С.П. Записки современника. М.-Л., 1955. Жмакин В. Иннокентий, еп. пензенский и саратовский. СПб., 1875.

Забелин И. Е. Заботами царской семьи. Дневниковые записи — «Слово», 1997, № 7-8

«Июнь 1905... Россия на смертном одре! Громко раздается во всем газетном мире... Не надо обладать собачьим чутьем, чтобы достоверно узнать..., что весь это всемирный гвалт воспроизведен и ежеминутно воспроизводится жидовским всемирным кагалом, всемирным жидовским заговором против России, в котором активно участвуют и русские пошляки всякого рода... Теперь революционное видим - нашествие евреев, хотящих подобно татарам поработить себе всю землю, владычествовать над нею из конца в конец, с какой целью они выставляют русский народ как самый негодный из негодных, представляют Европе и всему миру во всех видах эту негодность, а себя выдвигают как единственно культурное племя, способное осчастливить землю своею интеллигентною силою... Каждый номер жидовских и жидовствующих газет с горячим старанием сочиняет картинки народного быта, унижающие русского человека, представляемого в скотообразном виде». Осень 1905 г. «...Несчастная Русь вынуждена воевать с Японией, Америкой и дома с жидовской революцией... Всячески мало-мальски патриотическое настроение или действие толпы враждебной радикалам революции немедленно осмеивается или обругивается Черной сотней. Газета старательно пользуется всяким случаем, чтобы привести все русское в омерзение. Вся Русь, ее история, а тем паче современный быт изображается в самых отвратительных картинах». Должно сказать, что историк Забелин был либералом, но события 1905 года заставили повернуть его вправо.

Замотин И.И. Очерки по истории русской литературы XIX столетия. Сороковые и шестидесятые годы. Пг.— М., 1915, т. 1.

Замотин И.И. Романтизм 20-х годов ХГХ столетия в русской литературе. СПб.-М,, 1911, т.1. 1913, т.2.

Записки квакера о пребывании в России. «Русский Архив», 1874.

В этих записках автор рассказывает, в числе прочего, о совместной молитве с Филаретом, будущим знаменитым митрополитом, с императором Александром I, о наставлениях, даваемых ими, квакерами, кн. Голицыну, императрице и другим знатным и влиятельным лицам. О той помощи, что те оказывали им в их деятельности.

Записки Фокереда. — «Русский Архив», 1873, кн.2.

Знаменский Н. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1870.

Зызыкин М.В. Патриарх Никон и его государственные и канонические идеи. М., 1995. (Репринтное воспроизведение изданий 1931-1938 гг.).

Екатерина Вторая. Записки Екатерины Второй. М., 1989.

Елагин И.П. Записка о масонстве Елагина. — «Русский Архив», 1864. т.1., сс.94-110.

Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996.

Автор, генерал, называет великого князя Николая Николаевича «врагом России» и отмечает в то же время близость Царя с ним до самого конца империи. Причем, Царь знал о близких отношениях Н. Н. с Гучковым во время войны. Об этом пишет и Спиридович. По поводу отзывов на указ «о веротерпимости» от 17.04.1905: сенатор А. А. Нарышкин сказал о Государе: «Он предал Православие» — с. 239. Автор отмечает, что такой отзыв был распространен. И замечает: «Правда, после этого указа католическое духовенство усилило агитацию...» Митрополит Евлогий в своих воспоминаниях описывает тяжелую ситуацию, в которую попали русские крестьяне в западных областях, подвергаясь давлению польской шляхты. Автор описывает как дело обычное присутствие царской четы на католическом богослужении в католическом храме Пажеского корпуса — с. 285.

Игнатьев Н.П., граф. — Записки графа Н.П.Игнатьева 1881 г. — «Источник». Вестник Архива Президента Р.Ф. 1995, №2.

Изгоев А. С. О заслугах большевиков. — «Русская мысль», 1918, февраль.

«Изида», 1907-1916. СПб. (Журнал, «Орган Международного Ордена мартинистов», возглавляемый Папюсом. Выходил вполне легально).

Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования. — «Вестник Европы», 1876, кн. IX-XI.

Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи. Джорданвилл. 1991.

Ильин И. А. О нем. — Соборянин. Лжеучители. Документы и мысли о высылке ученых из советской России в 1922 г. Берлин, 1934; переп. «Вече». 1996, №57.

Иосиф Волоцкий, преп. Просветитель. М., 1993.

Истина Религии. М., 1785, ч. I и II.

История политических и правовых учений. Средние века и возрождение. М., 1986.

История философии. М., 1940, т.1, 1941 — т. II.

Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959, тт.1-2.

Капефиг. Философическая история иудеев. Спб., 1837, ч.1.

Киреев А.А. — Записка ген. А.А. Киреева Имп. Николаю II от 4 июня 1907 г. — «Источник». Вестник Архива Президента Р.Ф. 1993 г. №2., с.25.

Генерал уверяет Государя, что Он должен опереться, наконец, на правых: «Почему с ними нельзя войти в соглашение? Почему нельзя на них опереться?— потому. говорят, что ведь они реакционеры, ведь «правые» хотят возвратиться к бюрократизму... Все это совершеннейший вздор... На нас «правых», можно смело опереться». Государь проигнорировал это мнение и с годами все более решительно дистанцировался от правых, утверждая в жизни страны конституционно-либеральный строй.

Книга русской скорби. Спб.. вып. 1-14, 1908-1914.

Коган М.И. Еврейство в кризисе культуры. — «Минувшее». Париж, т.6.

Кожин А. Н. Литературный язык допушкинской России. М.. 1989.

Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Джорданвилль. 1970.

Коняев Н. Рассказы о землепроходцах. Л. 1987.

Кошелев А.И. Записки. М.,.1991.

Характерно его признание: «Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний. Мы собирались у кн. Одоевского, в доме Ланской»— с. 51. Кошелев, Киреевские, Хомяков, кн. Одоевский, Ланские по своим семейным связям принадлежали масонскому кругу. Киреевские были связаны с масонством с двух сторон: их отец был масоном («Русский Архив», 1894. II, прим.), а мать, по второму браку Елагина, с детства была дружна с Батеньковым. Славянофильские идеи вырастают из «фшософии откровения», из учения «целостной жизни», развиваемые философским кумиром ранних славянофилов Шеллингом. В свою очередь, эти идеи есть просто философское выражение идей мистического пантеизма, выразителем которых были розенкрейцеры-мартинисты.(Подробнее см. Вернадский Г.И. Масонство..., с.245-247; Лукьянов С.М., ук. соч., т.2, ее. 176-180). Собственно говоря, сам кружок любомудров», в который входили Кошелев, Ив. Киреевский, кн. Одоевский и др., имел конспиративный характер — «он собирался тайно, и об его существовании мы никому не говорили». Кошелев пишет, что они увлекались немецкой философией, которая сама могла привести в масонскую ложу. Сами же собиравшиеся были луфтонами — детьми масонов. Из этого гнезда любомудров» — буквально «ищущих мудрости», что является самоопределением масонов, вылетели наши славянофилы, продолжив розенкрейцерскую работу на патриотическом поприще. Все это, впрочем, не исключает ни их искренней любви к России, ни того ценного, что они привнесли в русскую мысль.

Кропоткин П.А., кн. — Записки революционера. М. 1988.

Интересно сообщение автора: «я *отправился в Женеву, которая была тогда крупным центром Интернационала. Женевские секции Интернационала собирались в огромном масонском храме Темпле Утина... Храм служил, таким образом, и народным*

университетом и вечевым сборным местом. Одним из главных руководителей в масонском храме был Николай Утина... Молодые и старые (работники) спешили после работы в Темпле Утина...» (с.266-217). Т.о. марксистский Интернационал находился в масонском храме. Николай Утин был евреем, революционером и финансовым дельцом одновременно.

Кузнецов Н. И. Наука в ее истории. М., «Наука», 1982.

Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988.

Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981.

Курганов Ф.А. Что такое либерализм? — «Странник», 1905, т.2, чч. 1-2.

Лазарев В. В. Становление философского сознания Нового времени. Москва. 1987.

Лайтман М. Каббала. Новосибирск, 1993.

Ланда С.С. Дух революционных преобразований 1816-1825. М., 1975.

Леман Б. Сен-Мартен. М., 1917.

Лемке Мих. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов. Спб. 1904.

Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М. 1995.

Лессинг Г. Е. Эрнст и Фальк. Разговоры для масонов. — Финлель, т. 1. Приложение.

Лешков В.Н. Русский народ и государство. История общественного права до XVIII века. М., 1858.

Литературные памятники Древней Руси. 1978-1989, тт. 1-X.

Лонганов М.Н. Новиков к московские мартинисты. М., 1867.

Лосский Н. О. Характер русского народа. Франфурт-на-Майне, 1957.

Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарии. Л.. 1983.

Лотман Ю.М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. — «XVIII век». Сборник 13. Л,, 1981.

Лопухин И. В. Записки сенатора И. В. Лопухина, М., 1990. Репр. воспр. изд. Лондон, 1859.

Лопухин И.В. Масонские труды. М., 1997.

Переиздание трудов известного сподвижника Новикова, розенкрейцера, из которых отчетливо видно происхождение идеи софианства Вл. Соловьева и его последователей.

Луначарский А.В. Религия и социализм. СПб., 1908, кн. 1-2.

Лукьянов С.М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. М,, 1990, кн. 1-3.

Лященко Г. Что такое теософия и куда она ведет. Киев, 1912.

Льорентс Х.-А. Испанская инквизиция. М., 1936, тт. 1-2.

Маккавеев П. Религиозно-церковные воззрения Императрицы Екатерины II. «Странник», 1904, т.2, ч.2.

Макогоненко Г.П. Избранные работы. Л., 1987.

Мадьшинский А.П. Наша печать в ея историко-экономическом развитии. Вольные типографии и издательская деятельность явных и тайных дружеств. — «Исторический Вестник», 1887, т. XXVIII, ее. 571-611.

Марков Н.Е. Войны темных сил. Париж, 1928, кн. 1; 1930 — кн. 2.

Марков С. Покинутая царская семья. Вена. 1928 г.

Маркс К. «К еврейскому вопросу». Маркс К., Энгельс Ф. СС., т. I.

Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П.Мельгунова и И.П. Сидорова. М., 1991, тт.1-2.

Машинский С.М. Гоголь и «дело о вольнодумстве». М., 1959.

Мельгунов С. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М 1904.

Меньшиков М.О. Письма к Ближним. Тт. 1-16, 1902-1916 гг.

Меньшиков М.О. О нем. М.0. Меньшиков. Материалы к биографии. «Российский Архив». М. 1993 г., т. IV.

Меринг Фр. Карл Маркс. История его жизни. Петербург, 1920.

Мещерский В.П., кн. Мои воспоминания. Спб. 1897 - ч. I, 1898 г. - ч. II, 1912 г. - ч. III.

Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревне в XVIII — первой пол. XIX в. Новосибирск, 1989.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Спб 1896—1903 ч 1-3.

Михайловский Г. Н. Записки, 1993, Книга 1—2.

Михайловский отмечает, что высшее чиновничество не любило Николая II. Его считали слабовольным человеком, на которого нельзя положиться и который легко «сдает» верных ему людей. По масонской теме ценным представляет приведенное здесь признание тов. министра иностранных дел Нератова: «Нератов мне однажды признался, что, по его убеждению миром правит неведомая «пятерка» евреев-масонов... что «русская интеллигенция никогда не поверит в закулисную мощь масонства» — кн. 2, с. 232. *«Нератов был человеком осведомленным. Еще в ноябре 1916-го он сказал, что через три месяцы в России будет Республика. Юридические акты на этот случай готовились в МИДе Сазоновым, Нольде и Кривошеиным еще в 1915 году»*— кн. 1, с 137—139. *Не менее любопытен факт того, что «сам» Струве П. Б.. находившийся в центре кадетского заговора, после февральского перевороти «открыто говорил о еврейских зачинщиках Февральской революции»* — кн. 1 с 258.

Мифы народов мира. 1980—1982, т. 1—2.

Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984.

Моммэен Т. Римская история. М., 1885, т.5.

Мор Томас. Утопия. М., 1978.

Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990 (пер. с итал. языка).

Морелли. Кодекс природы. М., 1938.

Морков А.И., граф. Донесение из Франции графа А.И.Моркова императору Александру Павловичу. — «Русский Архив», 1873, кн.2.

Интересна его оценка политической ситуации во Франции во время Наполеона Г. «...философия освободила Французов от всякого уважения к старым учреждениям (...) Она управляет Бонапартом, как она управляла Директорией... Философы — единственные распространители, единственные подпоры революции...» — с. 2361-2362. *— Смысл сказанного станет ясен, если вспомнить, что слова «масон» и «философ» в то время были синонимами и сам масон именует себя «ищущим мудрости», что есть почти буквальный перевод слова «философ».*

Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.

Мюрэ М. Еврейский ум. Спб., 1902.

Мэстр Жозеф де. Петербургские письма. 1803-1817. Спб, 1995.

Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886-1892, тт. 1-6.

Нарский И. С. Очерки по истории позитивизма. М., 1960.

Незеленов А. Николай Иванович Новиков — издатель журналов. СПб., 1875.

Некрасов С.М. Апостол добра. Повествование о Н.И.Новикове. М., 1994.

Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова. М. 1982.

Н.И.Новиков и его современники. М., Изд. АН СССР, 1961.

Н.И.Новиков и общественно-литературное движение его времени. «XVIII век», сб. 11. Л., 1976.

Никитенко А. В. Дневник. М., 1955—1956, т. 1—3.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М. 1993 г.

Никон, архиепископ. Мои дневники, кн. 1-7. Сергиев Посад, 1910-1916.

Любопытно его обращение к властям в 1913 году: «Имейте мужество взглянуть прямо в глаза страшной опасности? Имейте мужество открыто, прямо, не страшась иудеев, признать эту опасность... повернуть руль русской жизни вправо, не обращая никакого внимания на вопли иудейские, на их угрозы, террор — ведь умирать-то когда-нибудь надобно: не лучше ли умереть, если Бог попустит, с честью, мученически, с благоговением народа, чем быть трусами я предателями веры и Руси родной» — с. 38.

Нилус С.А. Великое в малом. Записки православного. Издание Троице-Сергиевой Лавры. 1992.

На с.с. 117-121, рассказывается о встрече Мотовилова с масонами и их преследовании его за отказ вступить в члены ордена. (О главном гонителе Мотовилова — кн. Барятаеве — см. Семевский В.И. Масоны-декабристы. «Минувшие годы». №2, 1908).

Новиков В.И. Масонство и русская культура. М. !998.

Новое Начертание Истинным Теологии. М., тип. Лопухина, 1784.

Овсянико-Куликовский Д.Н. — Что такое мистика? (Этюд) — «Вестник Европы», 1916 г., т. X. (О мистицизме Вл.Соловьева, От Конта, Гоголя и др., о видах мистицизма среди писателей и философов.)

О.К. Что такое масонство? Харьков. Изд-во «Мирный труд» А.С.Вязигина, предс. Харьковского Союза Русского Народа, 1912.

Осокина Е. А. Иерархия потребления. М., 1993.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. М., 1987.

Просветительская мораль как полное выражение иудаизма нашла себе полное воплощение в многочисленных трактатах XVIII в., и в том числе в «Катехизисе» француза Волънея. Вот несколько положений этой «естественной» морали и религии: «идея божества... всегда была естественным продуктом нашего сознания», этика — это «физическая и геометрическая наука, подчиняющаяся правилам и расчетам точно так же, как и другие науки». «Нравственность представляет собой науку о явлениях физического порядка...» — с. 403.

Острецов В.М. Черная сотня и красная сотня. М., 1991; Черная Сотня. М., 1994; Самодержавие и Народ. — «Слово» № 1-6, 1994; Путь на Голгофу. — «Радонеж», № 1, 1991.

Очерки русской культуры XVIII века. Изд. МГУ, 1988, ч. 1—3.

Памфил Евсевий. Церковная История. М., 1993.

Памятники литературы Древней Руси. М., тт.1

Х. Палюс. Генезис и развитие масонских символов. СПб., 1911.

Папюс. Каббала, или наука о Боге, Вселенной и Человеке. СПб., 1910.

Парнов Е.И. Трон Люцифера. М., 1985.

Пасхалов К.Н. Сборник статей. М. 1906 - т. I, М. 1909 - Т.П.

Пасхалов К.Н. — Переписка К.Н.Пасхалова 1914-1917 гг. — «Источник», Вестник архива Президента Р.Ф. 1995, №4, ее. 4-41.

Пекарский П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.. 1862, т.1.

Пекарский П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869.

(Из «дневника» неизвестного розенкрейцера: *«Некоторые мудрецы скрывали масонство в шестиугольнике, другие в пятиугольнике»* — с. 79).

«Петербургские мартинисты». Документы Архива Министерства Безопасности Российской Федерации. Сост. В.С. Врагов — «Отечественная история», 1993, №3.

Письма Н.М.Карамзина к А.И.Тургеневу. «Русская Старина», 1891, №1.

Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века. — «Русский Архив», 1874, кн.1, с. 1034.

Поздеев И.А. О нем: «Русский Биографический словарь», СПБ., 1905.

Полевой К.А, Записки. «Исторический Вестник», 1887, тт. 27-28.

Польская Е.Б. «Это мы. Господи, пред Тобою...» Невинномысск. 1995 г.

Эта книга - воспоминания русской женщины, бывшей свидетельницей уничтожения русских казаков в июне 1945 г., выданных англичанами в руки большевиков: «нашу репатриацию осуществлял еврейский интернациональный легион или корпус» (с. 48). «Отсюда такая жестокость репатриации из Австрии, бескомпромиссность ее. Отсюда и зверства солдат в хаки... Иегова тогда собрал

хорошую жатву и мстительный, довольно потирал руки», (с. 44)

Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. СПб., 1910.

Правые в 1915 - в феврале 1917 (По перлюстрированным департаментом полиции письмам). Публикация Ю.И. Кирьянова — «Минувшее», т.14, М. — Спб. 1993г.)

Правые партии. Документы и материалы 1905-1917 гг. в 2 томах. М. 1998.

Протасов С. Розенкрейцеры, их учения и задачи. — «Изида», 1912, № 6.

Прямин-Морозов Б.М. Очерки этиологии и общей истории масонства. — «Изида», 1910, № 3.

Путевые впечатления англичанина (1779-1785гг.) По России и Польше в исходе XVIII века. - «Русская Старина». 1907, №10, сс. 175-194, №12, сс. 663-673.

Пыпин А.Н. Российское Библейское общество. 1812-1826. Вестник Европы, 1868, №№8-9.

«В своих письмах в Петербург члены британского комитета сообщали, что смысл деятельности общества — единение всех христиан, независимо от всякого различия вероисповеданий». Эта же мысль — безразличие к вероисповеданиям — лежала и в основе масонских катехизисов и в акте Священного Союза.

Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918.

Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916.

Раби Шамон, Зогар. М.,1994

Ср.: «Мир светской культуры... еврейское секуляризированное сознание оказалось на редкость продуктивным дм науки и искусств, словно бы попало в родную для себя среду» — с.253; «Здесь происхождение еврейского народа связывается с исправлением основ Мироздания...»— с.232; «через него (цадика) эти благословения (сходящих сверху) воплощаются во вселенной...»— с.233; «Праведник (цадик)— основа вселенной»— с. 234. (Ср. мысль Достоевского — праведники спасают мир.) *Загару, главной части каббалы, «выпала странная судьба оказывать заметное влияние на культуру других народов»— М.А.Кравцов. «Книга а праведнике»— Р.Шимон. Зогар., с. 238.*

Рабинович В.И. Вслед Радищеву. М., 1986.

Радищев А.Н. Избранные сочинения. М.-Л., 1949.

Любопытно, что путевые впечатления Радищева в его «Записках путешественника в Сибирь» написаны нормальным русским йогом, в отличие от тяжеловесного «Путешествия», без всяких рыданий и всхлипываний о судьбе крестьянской. Как будто эти два «путешествия» написаны совершенно различными людьми. Напр.: «Земля черная; живут в сей слободе купцы, мужики бойкие... Бужаково село на Иртыше. Мужики все зажиточные, пашут, торгуют скотом...» Если еще можно объяснить «зажиточных мужиков» — в Сибири не было крепостного права — то труднее объяснить саму манеру писать. В «путешествии в Сибирь» она совершенно современная нам, без всяких усложненных оборотов.

Райнов Т. Наука в России X1-ХУП века. М.-Л., 1940.

Рассказы Бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные ее внуком Д.Благово. Л., 1989.

Это единственные в своем роде воспоминания самой обычной дворянки старой Москвы, показывающие русскую жизнь вне всяких предвзятостей, в ее бытовой обыденности. О широком распространении масонства говорит упоминание бабушки Янъковой Елизаветы Петровны об одном знакомом: «Он был очень умный и ученый человек, служил, занимался химией и был членом масонской ложи» — с. 247.

Рассел Б. История западной философии. М., 1959.

Робертсон А. Происхождение христианства. М., 1959.

Розанов Ив. Религиозно-нравственная жизнь в художественном освещении Ф.М.Достоевского. — «Странник», 1905, июнь, июль, август.

Подробно разобрав воззрения писателя на страдание, любовь, праведничество, покаяние на миру, автор приходит к заключению, что Достоевский по существу игнорирует и силу греха, и спасительную силу Церкви Точка зрения Достоевского в вопросе Церкви «утопически-сентменталъная» и имеет в виду возможность наступления «рая на земле», всеобщего братства и царства любви, что в корне противоречит церковному учению.

Романовский Д. Советские евреи под немецкой оккупацией. — Ковчег. Альманах еврейской культуры. Вып. 1. М.-Иерусалим., 1990.

Ростопчин Ф.В. Записка о мартинистах. — «Русский Архив», 1875, №3.

Саблер В.К. О мирной борьбе с социализмом. СПб., 1907.

Саводник В. Очерки по истории русской литературы ХГХ века, М., 1907, ч. 1 (О влиянии масонства на Жуковского см. с.61).

Сахаров А. Н. О диалектике исторического развития русского крестьянства. — «Вопросы истории», 1970, № 1.

Свербеев Д.Н. Записки. М., 1899, тг.1-2.

Селянинов А. Тайная сила масонства. СПб., 1911.

Семевский В.И. Декабристы-масоны. — «Минувшие годы», 1908, №№2, 5-6.

Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Семенов М. — Мережковский в Париже — «Утро» 1907, от 9 марта.

Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов.

Сен-Мартен К.Л. О заблуждениях и истине..., М., 1785.

Соблазн социализма. Революция в России и евреи. Сб. Париж-Москва, 1995.

Соколов Н.. Об идеях и идеалах русской интеллигенции. СПб., 1904.

Соколов Н.П. Каббала. Казань, 1870.

Соколовская Т.О. Братья Златорозового Креста. — «Русский Архив», 1906, №9.

Она же. Из истории масонской ложи Палестины. — «Русская Старина», 1907, №10.

Она же. Материалы по истории масонства в прежней Русской армии. (Список 517 офицеров и генералов, состоявших в масонских ложах). — «Русская Старина», 1907, №6, сс.659-670.

Она же. Обрядность прежнего масонства. — «Русская Старина», 1907, №11.

Она же. Русское масонство и его значение в истории общественного движения. XVIII-первая четверть XIX столетия. СПб., 1907.

Соллогуб В.А.. граф. Воспоминания. М.-Л., 1931.

Соловьев М.П. О дьяволизме. — «Исторический вестник», 1900, июнь.

Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М. 1998.

Он же. Обреченный альянс, М., 1986.

Он же. Русское масонство 1730-1917. М., 1993.

О получении сообщений о масонстве из первых рук Николаем II и его ближайшим окружением: «...Франция являлась главным союзником Самодержавия, а у ее руля стояли руководители того же «Великого Востока». Но то было, конечно, областью высокой политики, о которой рядовое и даже среднее звено охранки не должно было ничего подозревать» — с. 169. *Обойти правительству и Царю масонскую тему при близких отношениях с правительством Франции и ее банковскими кругами, от которых зависела финансовая система России, вынужденной прибегать постоянно к заемам, было совершенно невозможно.*

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1962, кн. 1-3.

Государь был за Думу, пишет автор, и не поддавался на уговоры закрыть ее. Наоборот, Он открыл сессию Госдумы 14 февраля 1917 г. На слова своего врача Кострицкого о необходимости даровать «ответственное» — перед Думой — министерство и таким образом ввести в России парламентскую республику с конституционным монархом Николай II отвечал: «Сейчас это неблагоприятно отразится на фронте. А вот через три-четыре месяца, когда мы победим, когда окончится война, тогда это будет возможно. Тогда народ примет реформу с благодарностью... Сейчас все должно делаться только для фронта».— Кн. 3, с. 24. *Таким образом, независимо ни отчего, судьба Самодержавия была предрешена самим 11арем. Об этом же см. у С. Маркова.*

Станевич Е. Беседа на гробе младенца о бессмертии души. СПб., 1825.

Книга написана автором в защиту православия и резко критикует различные стороны масонского мистицизма, претендовавшего выступать от имени «истинного христианства», «внутреннего» и «духовного» в пику «внешнему христианству», «обрядовому», простонародному», имея в виду под этими названиями Православную Церковь.

Степанов П.А. Принятие в масонскую ложу в 1815 г. Рассказ и письмо А.Н. Степанова о поступлении его в масонскую ложу в 1815 г. — «Русская Старина», 1870, №2.

Стрэнгфорд, лорд — Из донесения английского посла лорда Стрэнгфорда. Россия и Англия в начале царствования Имп. Николая I. — «Русская Старина» 1907 г., ее. 529-536.

Сушков Н.В. Записки о жизни Филарета. М., 1868.

Влияние «духа времени» сказалось и на первоначальном издании Филаретова Катехизса (СПб., 1923). В начале его находилась статья о естественном познании Бога из видимой природы, что отражало и идеи Сен-Мартена, мистической натурфилософии в целом. Впервые 10 заповедей Божиих, Символ веры, все тексты св. Писания излагались на русском языке. Кроме того, по отзыву авторитетного в этих вопросах Гилярова-Платонова, «полу протестантское понятие о преданиях было тогда общим в школе Катехизис самого Филарета еще не имел главы о Предании»— Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. Кн.I, с.269.

Сушков Н.В. Московский Университетский благородный пансион. М. 1858 г.

Тайны и секреты Бнай Брит. Составитель и издатель Э.Ратье. Париж, 1993, фр. язык.

Талмейер М. Масонство и революция во Франции. «Русский Вестник», 1906. №3.

Таубе М. Ф. Политическое масонство и его участие в крамоле России. Харьков, 1914.

Терпигорев С.Н. (Атава) — «Оскудение. Очерки, заметки и размышления». Спб. 1880 г.

Тимирязев К. А. Наука и Демократия. Сб. статей, 1904—1915 гг. Л., 1926.

Тихомиров Л.А. Государство, свобода и христианство. М., 1912.

Тихомиров Л.А. Дневник - «Красный Архив» 1930 г. т. 1(38), т.2(39), т.3(40), т.4/5 (41-42), 1935 г. т. 5(72), 1936 г. т. 1(74)

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Буэнос-Айрес, 1968.

Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997.

Ткачев П. Н. Сочинения в двух томах. М., 1975—1976.

Товарищи и птенцы Н.И.Новикова. (Переписка масонов). — «Русская Старина», 1896, №11, сс.350-356.

Толстой И. И. Дневник. 1906-1916, М., 1997.

Толстой М. В., граф. Хранилище моей памяти. М., 1995.

Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., «Наука», 1979.

Труханов, прот. О вреде сочинительской литературы. — «Держава» 1995, № 1.

Тутан-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980.

Тукалевский В. Искания русских масонов. СПб., 1911.

Тхоржевский С. Портреты пером. М., 1986. Тютчев Ф. И. Литературное наследство, т. 97, кн. 1—2.

Университет для России. Взгляд на историю русской культуры XVIII столетия. М., 1917

«К подлинным серьезным заслугам масонского кружка в становлении Московского университета относится его участие в подготовке очередного поколения молодых профессоров» — с.213.

Утопический социализм, М., 1982.

Федоркин Н. С. Утопический социализм идеологов революционного народничества. М., 1984.

Фет А. А. Воспоминания. М., 1890—1893, тт. 1—3.

Филарет Гумилевский, архиеп. Черниговский. История Русской Церкви в 5-ти периодах (988-1826). СПб., 1894.

Финдель И. Г. История Франк-Масонства. СПб., 1872, тт. 1-2.

Фишер К. История Новой Философии. СПб., 1863, т.2.

Флоровский, прот. Георгий. Пути русского богословия. Париж, 1937.

Фокерсд И. Записки. Россия при Петре Великом; руковопись секретаря королевско-прусского посольства Иоанна Фокереда. — «Русский архив», 1873, № 2.

Фотий, архимандрит. Автобиография Юрьевского Архимандрита Фотия. — «Русская Старина» 1894, №№ 3, 4, 5, 7, 9, 10; 1895 №№ 2, 3, 7, 8, 11, 12;

1896 №№ 7-8.

Литература об этом замечательном человеке значительна. В указанных журналах читатель найдет многочисленные ссылки на другие публикации. Кроме того см. Карлович Е.П. Замечательные и загадочные личности XVIII — XIX столетий. СПб., 1893.

Фотий, архимандрит. Из записок Юрьевского архимандрита Фотия о скопцах, хлыстах и других тайных сектах в Петербурге в 1819 году. — «О умножении всяких отраслей зловерия, нечестия и беззакония в Петербурге и во всей России». — «Русский Архив», 1873, кн. 3.

Хосроев А.П. Александрийское Христианство. По данным текстов из Наг Хаммали. М,, 1991.

Хрущев И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. Б/м. 1868.

Черняк Е.Б. Невидимые империи. М., 1987.

Чичерин Б.Н. Воспоминания Б.Н.Чичерина. М., 1991.

Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России XVII в. М.. 1856.

Шарапов С.Ф. Социализм как религия ненависти. М.. 1907.

Шварц А.Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М,, 1994.

Автор, правнук известного сподвижника Новикова, был при П.А.Столыпине министром народного просвещения. Считался человеком правых взглядов. Его мнение о Столыпине нелестные для премьер-министра. Шварц характеризует политику Столыпина, как либеральную и исключительно юдофильскую. Характер Государя Николая II выглядит также не очень привлекательным. Он согласен с мнением другого министра (путей сообщения) С.В.Рухлова, человека безусловно правых убеждений (убит большевиками в 1918 г. на юге России). «Боже Вас сохрани, — говорил он Шварцу, — хоть в чем-либо положиться хотя бы на одну секунду на Государя никого и ни в чем он поддержать не может» (с. 67). Шварц отмечает также юдофильство Николая II. При нем фактически исчезла процентная норма евреев в русских учебных заведениях. Эту сторону политики Николая II и Его правительства детально освещает А.Н. Шварц

Шварц И. Г. О нем см. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. 1855, ч.1.

Шевырев С.П. История императорского Московского университета. М., 1855, т.1.

Шечков ГА. Масонство в Государственной Думе. СПб., 1909.

Шильдер Н.К. Уничтожение масонских лож в России. — «Русская Старина», 1877, №3.

В анонимной записке, приведенной Шильдером, говорится, в частности: «...просто либерал. Откуда и как он произошел? Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыш в религиозном мистицизме секты мартинистов, которая в конце царствования Екатерины II существовала в Москве под начальством Новикова... и многие лица... сильно содействовали Новикову в распространении либеральных идей посредством вольного толкования священного Писания, масонства, мистицизма, размножении книг иностранных вредного содержания и издания книг чрезвычайно либеральных на русском языке». — с. 657.

Шиман. Александр Первый. М., 1908.

Шипов Ник. История моей жизни. М.-Л., 1933.

Шмаков А.С. Международное тайное правительство. М., 1912.

Штайнзальц А. Роза о тринадцати лепестках. М., 1990. (Популярное изложение основ иудаизма — В.О.).

Штейнпресс Б. С. Страницы из жизни Алябьева. М., 1956.

Щепкин Д. Московского университета профессора-масоны. — «Русский Архив». 1901, №2.

Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985.

Энгельгардт Н.А. Очерки Николаевской цензуры. — «Исторический вестник». 1901, т.85 и 86.

А.С.Шишков, назначенный в 1824 г. министром народного просвещения, пишет Александру I: «Нравственный разврат, под названием духа времени, долго рос, усиливался. Министерство просвещения явно и очевидно попускало долгое время расти сему злу и мало сказать — попускало, но оказывало тому всякое покровительство и одобрение» — с. 160. Эта записка Шишкова, как и анонимная записка у Шильдера — см. прим. К Шильдер Н.К. «Уничтожение масонских лож в России» — показывает, что современники правых взглядов прекрасно понимали смысл происходящего.

Эрде Р. Горький и интеллигенция. М., 1923.

Ященко А. Международный федерализм. М., 1908.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
(Масонские коллекции и собрания документов) ОРРГБ.

1. Фонд 14. В.С.Арсеньева

2. №320. «Речи о цели вступления в масонский Орденъ». *В конце тетради надпись: «списана с 7 на 8-е сентября 1858 г.» И ниже: «от Р.Х. 1827». Подобного рода рукописи многократно переписывались без всяких изменений. Здесь излагается*

каббалистическая доктрина масонства. Имя Иеговы чередуется с именем «Христа». Говорится о проекционных каналах, каковыми являются мастера, «живые подобия божий», что подтверждает мысль о том, что еврейский цадик есть в масонстве мастер, живой праведник. Здесь же и геометрическое объяснение «милосердия», «любви», «правосудия» и пр.

3. №372. — Список членов ложи Феникса в Москве.

4. №378 — о масонстве Л.Магницкого, отца известного деятеля эпохи Александра I М.Л.Магницкого, автора обширной записки о масонстве в России (см. в тексте).

Леонтий Магницкий был членом ложи «Озирис» в Москве. Сам М.Л.Магницкий— членом ложи «Полярная Звезда», вместе со своим тогдашним другом М.М.Сперанским. Впоследствии, уже в начале 20-х годов, М.Л.Магницкий становится разоблачителем масонства. См. примеч. в Библиографии «Два доноса».

5. Фонд 147. Ланского-Ешевского.

6. №1. «Обрядник ученической степени», «товарищеской» и «мастерской». *Приводится, кроме прочего, изъяснение символики циркуля, молотка и пр.: «Молоток в руках В.М. есть такое орудие, которое весьма малым трудом и без шума приводит все собрание к тишине и вниманию».*

7. №2. Записная книжка С.С.Ланского, л.2 Клятва братьям, л.4 Обещание не вступать ни в какие отношения с другими братьями «без ведома признанного мною начальства»; лл. 15-16 — Отношение к врагам, объяснение знаков ученических и пр., масонские должности «товарища»; л. 45 и далее — «Инструкции», «обрядники», «речи», письма и т.д.

8. №3. «Записная книжка С.С.Ланского. Начата 1813 г. 30 ноября».

Как должен масон относиться к своим детям: «Приучайте заблаговременно детей ваших, чтобы они от самой еще юности сие всех истинных Мудрых учение соделали себе собственным на всю жизнь свою», (л. 14). Это ответ на вопрос и о масонстве А.С.Пушкина, отец которого был шотландским мастером, как и его любимый дядя Василий Львович. Это и ответ на вопрос о преемственности масонского учения в семьях масонов в течение поколений. (Голицыны, Трубецкие, Римские-Корсаковы, Арсеньевы, Мельгуновы и мн. др.).

9. №6. Тайная переписка масонов с 25 февраля 1780 по 1789 г.

Здесь кн. Николай Никитич Трубецкой, ближний сотрудник Новикова, объясняет своему адресату необходимость знания еврейского языка и приводит начертание слова «Адонаи» еврейскими буквами (л.4). Здесь же и восторженные письма Новикова по поводу успехов в организации масонской ложи «Гармония», и выражение чувств благоговения к И.Г.Шварцу, и выражение преданности ордену.

10. №69. «Законы шотландской Директории» Здесь мы опять видим еврейское написание слова «Иегова» (л.33).

11. №73. Протоколы Верховного Орденского Совета 1817 года, октября 5-го дня.

12. №101. «Теоретический градус Соломоновых наук».

Относится к 1823 г., переписано в 1863-1865 гг. в кружке московских розенкрейцеров. Содержит конспективное изложение учения теоретического градуса, к которому на первоначальном этапе принадлежали и члены кружка Новикова-Шварца. В частности, излагается каббалистическая теория творения мира путем сжатия (цимцум— евр). Приводится и присяга именем Иеговы на верность Ордену и начальству, которую отрицал Новиков при допросе его Шешковским: «Я, МЫ, обещаюсь свободно и по добром размышлении: 1. Во всю мою жизнь поклоняться вечному всемогущему Иегове в духе и истине» (л.3).

13. №102. «Законы высокого собрания Теоретических философов». Переписано с более раннего текста в 1863 г. Здесь и присяга Иегове, и значение мастера ложи, и обряд кощунственного причастия в столовом собрании ложи розенкрейцеров. Здесь же иоанновские ложи называются «рассадными школами» и пр., и пр.

14. №114. «Обряд принятия в мастера», в «ученики», объяснение символики, клятва в повиновении начальству.

15. Фонд 237. Собрание Д.И.Попова.

16. Фонд 267. Сафоновых.

17. №352. Прф. И.Г.Шварц о «Возрождении».

18. №362. Георгий Всллинг, соч. магокаббалистические.

19. №374. Учение древних евреев о Боге.

20. Фонд 439. Карт.24, ед.хр. 5, л.13 — Ложа «К мертвой голове» в Москве, теоретического градуса розенкрейцерства и ее члене-священнике церкви Покрова в Барашках в Москве Сперанском Алексее Абрамовиче.

ЦХИДК

21. Фонд 730, оп. 1, д. 172. Статьи члена ложи «Астрея» в Париже Кандаурова по истории русского масонства.

Кандауров пишет, что близкими к мартинистам были и филалеты, к которым принадлежала и ложа Великого князя Александра Михайловича. В Швейцарии в ложи филалетов входили главным образом большевики и когда они, в связи с революцией, уехали в Россию, то ложи опустели - пишет Кандауров. Так масонство объединило и сиятельных особ Империи и еврейских экстремистов-большевиков. ...Таким образом, новиковский мартинизм прошел через столетие, созрел, вырос и уперся головой в самый двадцатый век, имея своим детищем все то же розенкрейцерство. Спустя всего каких-то сто лет после смерти Новикова власть в России захватили еврейские лидеры, дорогу которым в Кремль проложили братья Златорозового креста со своими Сен-Мартенами, Пордеджами и прочими магокаббалистами, проповедниками мистического социализма.

22. Фонд 1412, немецкий масонский архив за 200 лет: с XVIII в. по 1941 г. Оп. 1, д. 8430. Орден Иллюминатов. Акты русского дочернего ордена начала XX века в Петербурге. Вопросники, автобиографии русских членов ордена иллюминатов, их расписки.

Здесь можно видеть и расписку дочери известного философа Н.О.Лосского Аделаиды Лосской, и расписку княгини Надежды Дондуковой. Некоторые значатся сотрудниками «Теософского Вестника», как, например, некий Дм. Штранден.

23. Фонд 1412, оп. 1, д. 8376. Списки членов санкт-перербургских лож за 1783-1815гг.

24. То же, дело 5497. Члены ложи «Астрея» начала ХГХ века в СПб.

Здесь же и списки других лож столицы, в том числе и Соединенных Друзей, куда входила петербургская аристократия и знатные особы других городов и губерний. В том числе в списке здесь видим и того самого кн. М.П.Баратаева, о котором пишет Мотовилов. Рядом с его фамилией значится фамилия министра полиции Александра I Балашова, Александра Грибоедова — нашего славного писателя, Павла Пущина и многих других знакомых и славных в нашей истории имен. Знак этой ложи — соединенные в пожатии руки — стал эмблемой и Московского английского клуба, созданного именно масонами для светских бесед и дружеского общения.

25. Фонд 1412, оп. 1, д. 3. Письмо белоэмигранта Маргулиеса о деятельности российских масонов перед революцией для помещения в масонской энциклопедии. Вносит поправки, уточняет и вспоминает. Письмо написано в мае 1931 г.

26. Фонд 1412, оп. 1, д. 5432 — обязательства, автобиографии иллюминатов, генеалогия, таблицы масонов; в этом деле находятся личные обязательства Гете и историка Гердера (автографы), данные ими при вступлении в орден иллюминатов, от 17.02.1783 г. В этом же фонде хранятся многие документы баварского ордена иллюминатов, в т.ч. уставы для каждого градуса.

27. Фонд 1412, оп. д. 815. Доклад: «Почему Национал-социалистическая Рабочая партия Германии борется с франмасонством?»

«НСДАП представляет себе очень хорошо, что многие тысячи хороших немцев, которые, вне всякого сомнения, имеют национальное сознание, сейчас испытывают конфликт в своем сознании, который происходит из их принадлежности германским масонским ложам, с одной стороны, и позиции НСДАП по отношению к масонским ложам, с другой стороны» (л. 16)

«Прогерманский швейцарский фр.-масон бр. Карл Хайсе показал..., что убийство в Сараево было осуществлено сербскими ложами по заданию международных лож. Сербские ложи были под наблюдением Высшего Совета для Сербии, который находится в Белграде и который был признан 39-ым собранием Великих лож во Франкурте-на-Майне 31 мая 1914 г. под председательством бывшего Великого мастера всех немецких масонов, брата Кона...» (л.17)

Убийство в Сараево, о котором здесь говорится, осуществленное сербскими масонами, положило начало I Мировой войне.

28. ф.1412. оп.1. д. 8674. Доклад в Масонской ложе «К трем ордам» г. Дрездена, датированный 19.02.1930 г. — «Россия сегодня».

«В конце концов все указывает на то, что русскими членами Ордена Бнай Брит являются все без исключения первые и выдающиеся вожди большевизма...» (л.50)

Весь мир смотрит на происходящее в коммунистическом государстве (т.е. России *— В.О.) так, словно истребление целого поколения есть самое заурядное явление» (л.51.)*

«Большевики вырывают с корнем всю прежнюю культуру, религию, истребляют все формы исторической жизни и сводят жизнь населения к самым примитивным формам. Такая ужасная трагедия целого великого народа, представленного самому себе, такой горестный путь в конце концов совершенно очевиден для всех нас и эта трагедия бросает тень на всех масонов и заставляет подозревать многих, что мы эту смертельную дорогу хотели (для русского народа) и воздействовали на весь этот процесс (в России) именно в этом направлении, как это повторяют видные враги франк-масонства» (л. 51).

29. Фонд 1412, оп. 1, я. 8444. Устав Ордена Иллюминатов в Германии за 1908 г. Здесь же, в л. 8436, тот же устав за 1928 г.

30. Фонд 1412, оп. 1, д. 9049. Статья «Суммарный Обзор революционной деятельности франк-масонства с 1889 г.» лл. 1-51.

ЦГИАЛ — Письмо ложи «Мезори» ордена розенкрейцеров Государю Николаю II от 17 июля 1912 г. ф.157, д.390, лл. 35-42.